В. Е. ВОЗГРИН

ИСТОРИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР

ТОМ IV

В. Е. ВОЗГРИН
ИСТОРИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР
ТОМ IV

В. Е. ВОЗГРИН

ИСТОРИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР

Очерки этнической истории
коренного народа
Крыма
в четырех томах

Том IV

3-е издание, исправленное и дополненное

QARTBABA
PRODUCTION

Къартбаба продакшн
Симферополь
2014

УДК 94(477.75=512.19)
ББК 63.3(4Укр-6Крм=Крмтат)
Х В64

Возгрин В.Е.

Х В64 История крымских татар : Очерки этнической истории коренного народа Крыма в четырёх томах : Том IV. — 3-е изд., испр. и доп. — г. Симферополь «Къартбаба продакшн», 2014. - 620 с.

ISBN 978-966-97413-0-1

В четырёхтомнике представлена этническая история коренного населения Крыма с древнейших времён до 1940-х гг., когда в результате депортации крымских татар полуостров впервые был лишён носителей сложившейся здесь уникальной культуры. Исследование опирается на опубликованные источники и материалы ряда отечественных и зарубежных архивов, а также на труды, посвящённые истории Крыма и отчасти стран, входивших с ним в отношения различного характера. Сочинение разделено на четыре тома по хронологическому принципу. При этом основная часть первого тома посвящена периоду, когда крымское население жило по законам ханства, второй — когда оно подчинялось законам Российской империи, третий — советским законам, и четвёртый — когда крымскотатарский народ был фактически объявлен вне закона: сначала немецкими оккупантами (октябрь 1941 г.), а затем советскими освободителями (18 мая 1944 г.).

УДК 94(477.75=512.19)
ББК 63.3(4Укр-6Крм=Крмтат)

Книга издана при финансовой поддержке Ислямова Ленура Эдемовича.

© В.Е. Возгрин, 2014

I. ОККУПАЦИЯ

В период оккупации жизнь всех
людей была катастрофическая.
И.И. Решитов
(АМ ФВ. Д. 94. Л. 7 об.)

1. Смена караула

Мы пережили войну, пережи-
вём ли мы правду о войне?
Виктор Астафьев,
писатель, фронтовик

Позволим себе ненадолго остановиться на событиях, предшествовавших оккупации Крыма, принесшей неисчислимые бедствия крымскотатарскому народу, всем крымчанам. Это вступление в тему оккупации необходимо для того, чтобы у читателя создалось адекватное представление об истинных виновниках очередной отечественной катастрофы, так как бóльшая часть современной отечественной литературы о Второй мировой войне способна, как и в советское время, лишь затуманить общую картину. Что и понятно — научной истории великой войны советского народа и её последствий пока не создано уже потому, что в ней открылось бы слишком много тщательно скрываемого от народов бывшего СССР. Поэтому попытаемся, используя некоторые доступные нам данные, воссоздать хоть бы фрагменты этой картины.

СССР и Германия, как известно, развязали Вторую мировую войну гораздо раньше 22 июня 1941 г. Собственно, первым шагом ко Второй стало секретное советско-германское соглашение 11 августа 1922 г. о тесном сотрудничестве между Рейхсвером и Красной армией. Это соглашение позволило немцам обойти положения Версальского договора 1919 г., предусматривавшего разоружение Германии и ограничения в области вооружений, в частности запрет на собственные Военно-воздушные силы (Восьмой отдел, часть V Договора). То есть это были меры, не позволявшие германским военным вести подготовку к новой войне, — но они были перечёркнуты упомянутым Соглашением.

А затем было подписан известный Советско-германский договор от 23 августа 1939 г. о ненападении с секретным дополнительным протоколом. В нём

Два шедевра предвоенной агитации.
Сталин указует на запад. Гитлер (пока) — тоже. *Плакаты, массовый тираж*

Сталин и Гитлер разделили будущую добычу в виде ничего пока не подозревавших нейтральных стран, которым предназначалось пасть жертвой сговора двух крупных хищников. Причём Сталин на одном из заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) открыл и вторую цель соглашения с Гитлером. Он, конечно, не рассчитывал, что о ней вскоре станет известно всему миру, поэтому говорил откровенно. Но один из его аппаратчиков, некто Н. Новиков, бежал за рубеж и поделился этой новостью с французскими газетчиками. Оказывается, довольный вождь изрёк:

«Гитлер сейчас в наших руках... Мы возьмём Польшу на волне патриотизма, в то время как Германия будет вести кровавую борьбу, которая обойдётся ей большими потерями в людях и деньгах... Гитлер рано или поздно будет истощён... И тогда мы будем действовать согласно нашим желаниям» (цит. по: *Дорошенко, Павлова, Раак*, 2007. С. 212). Возможно, содержание этих «желаний» (о них см. ниже) французы и не знали, но тем не менее сообщение о речи Сталина было передано агентством «Гавас» ряду французских газет и 28–29 ноября оно было опубликовано, как и секретный протокол (документ № 5) к Советско-германскому договору о ненападении (указ. соч. С. 205). Лишь теперь зарубежные политики получили исчерпывающее объяснение недавним событиям на Востоке, в Польше...

Теперь, по прошествии стольких лет, общеизвестно, что совместным германо-советским нападением на суверенную Польшу в сентябре 1939 г. началось

Сталин и Риббентроп после подписания Советско-германского договора 1939 г.
Фото из берлинского Бундесархива

«Свояк свояка...» *Карикатура из английской прессы*

второе мировое побоище[1]. Это была война, в которой нашим противником являлась Польша, а союзником — фашистская Германия. В поверженном польском Бресте победители даже устроили 23 сентября 1939 г. совместный парад, который принимали командир танкового корпуса Хайнц Гудериан и не столь известный комбриг Семён Кривошеин. Это было незабываемое зрелище: «стройными рядами, сменяя друг друга, шли части Красной армии и Вермахта, части СС и НКВД» (*Поляков*, 1998. С. 212). Произошёл очередной, уже четвёртый раздел Польши, в котором её расчленяли всё те же старые, добрые соседи, немцы

[1] В советско-германском коммюнике, вышедшем на следующий день после нарушения Советским Союзом советско-польского договора 1932 г. о ненападении, говорилось: «Во избежание всякого рода необоснованных слухов насчёт задач советских и германских войск, действующих в Польше, правительство СССР и правительство Германии заявляют, что действия этих войск не преследуют какой-либо цели, идущей вразрез с интересами Германии или Советского Союза и противоречащей духу и букве Пакта о ненападении, заключённого между Германией и СССР. Задача этих войск, наоборот, состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенное распадом польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования» (П., Известия, 17.09.1939). А через день была опубликована советская нота, в которой виновником войны объявлялась Польша (П. 18.09.1939). Впрочем, вскоре Сталин назвал ещё двух «виновников» войны — естественно, не себя с Гитлером: «Англия и Франция напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну» (П. 30.11.1939).

Вверху: совместный советско-германский парад в Бресте; внизу: советские и немецкие танкисты после парада

и русские. И тут же последовало расширение числа участников великой бойни: СССР напал на Финляндию, а Англия и Франция объявили войну Германии. В марте 1940 г. Москва взяла мирную передышку, предпочитая на протяжении одного года и трёх месяцев помогать сражавшемуся Берлину вооружениями и стратегическим сырьём.

Россия в эти годы поставляла Гитлеру нефть, уголь, хлопок для изготовления бездымного пороха, металлы, хлеб и прочие стратегические товары — около 11% всего немецкого ввоза (*Лакер*, 1991. С. 224). Немецкие офицеры учатся в советских военных училищах, — так, будущий командующий армией Вермахта, а затем начальник Генштаба сухопутных войск Германии Хайнц Гудериан был выпускником Казанского танкового училища и Академии советского Генштаба (*Халип*, 2008. С. 11). Ещё раньше авиастроительная фирма «Юнкерс» получает возможность строить самолёты в Филях под Москвой. «В 1924 г. в Липецке открывается тренировочный центр для немецких лётчиков. Русские и немецкие химики совместно испытывают отравляющие вещества. Крупп строит артиллерийские заводы в советской Средней Азии» (*Геллер, Некрич*, 1995. С. 223).

Цель советской помощи гитлеровской Германии, как и дальнейшие военные планы Кремля, раскрывает один документ, ныне хранящийся в Национальном архиве США (архивный шифр NA 860 F / 00B / 106), содержание которого недавно было полностью опубликовано (*Шаули*, 2008). История его такова. В октябре 1939 г., то есть уже после захвата Германией чехословацких территорий, в Москву прибыли члены Комитета освобождения Чехословакии. Их целью было выяснение позиции Кремля по отношению к дальнейшему советскому сотрудничеству с нацистским агрессором, а также к аннексии их страны немцами. Гостей принял заведующий Центральным европейским отделом Наркомата иностранных дел А.М. Александров. Коснувшись пакта Молотова—Риббентропа, этот крупный советский функционер цинично перечислил выгоды, которые получил СССР от этого пакта, — среди прочего, захватив Эстонию, Литву, Латвию и часть Польши. А затем раскрыл планы Сталина на будущее: «План Гитлера — получить контроль над Юго-Восточной Европой. Когда это произойдёт, мы вернём себе Бессарабию и Подкарпатскую Русь» (цит. по: *Шаули*, 2008. С. 132–133).

То есть чехословацкий Комитет должен был, судя по смыслу откровения кремлёвского чиновника, утешиться тем, что СССР и в дальнейшем продолжит захват славянских и неславянских территорий, которые он получит из рук Гитлера. Что же касается продолжавшейся советской экономической помощи Германии, то, как вспоминали гости позднее, А.М. Александров довольно заявил, что «в результате экономических договоров он (то есть Гитлер. — *В.В.*) открыл нам путь в Рейх[1]. Его война изнурит Европу, которая станет нашей лёгкой добычей. Народы примут любой режим, который придёт после войны» (цит. по: *Шаули*, 2008. С. 133). Что, как известно, и произошло со странами — членами послевоенного Варшавского пакта.

Но этот геополитический план Сталина был известен и до начала Великой Отечественной войны. О конечной цели кремлёвских стратегов с достаточной ясностью говорит дневниковая запись известного драматурга В.В. Вишневского, вхожего к Сталину и прекрасно владевшего информацией. Под датой 10.02.1941 г. писатель, очевидно, под впечатлением недавнего посещения Кремля, записывает: «Помогаем вести войну той же Германии, питая её „по порциям"... Не мешаем империалистам вести войну ещё год-два... Выжидаем их ослабления. Затем — выступаем в роли суперарбитра, „маклера" и т. п.» (цит. по: Советское общество, 1997. Т. 1. С. 294).

О погибавших при такой поддержке «маклеров» мирных людях, женщинах и детях *пока* как-то не думалось — то ведь было на Западном фронте... Главное, как докладывал Молотов Верховному Совету менее чем за год до начала войны, советско-германское соглашение «обеспечило Германии спокойную уверенность на Востоке» (цит по: *Геллер, Некрич*, 1995, 380), столь необходимую в походе на Запад. Понятно, почему первой реакцией В.М. Молотова на заявление германского посла графа Ф. Шуленбурга об объявлении войны было беспомощное «Мы этого не заслужили» (*Гефтер*, 2001. С. 2). Действительно, уж они-то вкупе со Сталиным этого никак не заслужили...

Но вернёмся к советско-германскому протоколу, смысл которого доныне ускользает от наших учёных-современников в отличие от французских газетчиков 1939 г. Так, главный военный теоретик современной России, президент Военной

[1] Эти несколько тёмные слова следует понимать как «открыл нам путь к сотрудничеству с Рейхом».

академии генерал Махмут Гареев не устаёт повторять утверждения советской историографии насчёт того, что пакт Молотова–Риббентропа был подписан с мирными целями и оказался для СССР удачным актом, так как позволил ему «выиграть время», якобы отодвинув войну (нападение на Польшу генерал войной не считает). Но дело-то в том, что «...дополнительное время получили обе стороны, и немцы его использовали намного эффективнее: настроили против Москвы нейтралов, разгромили её потенциальных союзников, перевооружили танковые дивизии и т. д. СССР тем временем вероломно напал на Польшу и Финляндию, вероломно оккупировал Прибалтику и сам дождался вероломного нападения фашистов» (*Фельгенгауэр П.* Любовь к Родине теперь в прошлом // НГ. 25–27.06.2007. С. 13).

Фактически же и финская кампания, и последовавшее вторжение Красной армии на территорию Прибалтики (и «добровольное вхождение» её в СССР), захват Буковины и Бессарабии были только подготовкой Сталина к его собственной Большой войне. О том, что эта война будет не оборонительной, а наступательной, агрессивной, говорило многое.

Во-первых, СССР в последние перед войной годы практически не уделял внимания строительству оборонительных сооружений. Взамен ковалось наступательное оружие — прежде всего танки и самолёты, хотя делалось это по причине якобы возросшей опасности нападения с Запада. «С 1927 года Сталин начал нагнетать синдром военного нападения на СССР как психологическую установку для ликвидации НЭПа, укрепления власти аппаратчиков и своей лично» (*Сироткин*, 1989, 20). Позднее к этим задачам добавилась ещё одна, всё более доминировавшая: оправдать в глазах собственного населения и общественности всего мира подготовку агрессивной войны на Западе против «англо-французских плутократов». Как многие параноики, Сталин игнорировал реальную (германскую) угрозу и сосредоточивался на мнимых опасностях.

Во-вторых, Европе, на которую был нацелен будущий удар, быстро становились известны общевойсковые приказы вроде следующего: «Советский Союз значительно вырос и продвинул свои границы на запад. Капиталистическому миру пришлось потесниться и уступить. Но не нам — бойцам Красной армии — зазнаваться и успокаиваться на достигнутом» (Приказ НК обороны № 400 от 17.11.1940). То есть окружающий мир «потеснился и уступил» только предварительной, подготовительной агрессии, а Главная война впереди — к этому готовили «бойцов Красной армии». Кроме того, «последний проект стратегического плана, составленный в мае 1941 г. (условно датируемый 15 мая) был построен на основе новой теории начального периода [войны] и предполагал нанесение упреждающего удара германским войскам главными силами Красной армии с целью не дать противнику возможности завершить развёртывание» (*Минц*, 2007. С. 99).

В-третьих, такие приказы и планы не были блефом, они основывались на реально готовившейся агрессии: уже в апреле 1940 г. была готова конкретная программа нападения на Германию. В мае командующий Ленинградским военным округом К.А. Мерецков заявил в докладе, не предназначенном к опубликованию: «Наша армия готова к нападению... Это совершенно правильно... Мы должны обеспечить нашу страну не обороной, а наступлением» (цит. по: Советское общество, 1997. Т. I. С. 495). При этом были реально разработаны два варианта, удар на варшавском направлении и молниеносная оккупация Восточной

После подписания Пакта о ненападении. Гитлер: «Мне не очень понравился тон, каким он произнёс „В счастье и горе..."» *Из английского издания «Sunday Graphic», 1939 г.*

«Добровольное вхождение» прибалтийских стран в СССР. Сталин изображён в образе сказочного музыканта, некогда уведшего с собой детей Гаммельна. *Карикатура из американской газеты*

Пруссии[1]. Задача будущей войны была ясна гораздо раньше, ещё в 1939 г.: «выполнить свои интернациональные обязательства и умножить число советских республик» (*Мехлис Л.З.* Речь на XVIII съезде ВКП(б). М., 1939. С. 7).

Наконец, об исключительно наступательной концепции говорит отсутствие у Кремля оборонной стратегии как таковой. «Поскольку никаких планов стратегической обороны до сих пор не опубликовано, хотя... резонно было бы предположить, что такие планы, будь они в наличии, были бы обнародованы в первую очередь, приходится констатировать, что и в этот (начальный. — *В.В.*) период будущая война виделась представителям военно-политического руководства не иначе как в категориях сокрушения с приоритетом наступательных действий... Решение о переходе к стратегии обороны было принято только через насколько дней после нападения немцев, когда „синдром наступательной войны", делавший безальтернативными советские стратегические расчёты, уже привёл к необратимым последствиям» (*Минц*, 2007. С. 101)[2].

[1] Окончательно этот вывод был сделан российской наукой сравнительно недавно (см.: *Соколов*, 1998), хотя об этом ранее писал в своих мемуарах и маршал А.М. Василевский, и даже такой ультрапатриотический орган, как «Военно-исторический журнал» (1992, № 1. С. 24–29).

[2] Нужно сказать, что наступательная истерия поразила не только политическую элиту страны, но и часть художественной интеллигенции, и куда более широкие массы. В 1939 г. великий режиссёр И. Пырьев заканчивает съёмку своих «Трактористов». И в этот фильм,

Таким образом, к войне были готовы оба хищника, — и Сталин, и Гитлер. Вопрос заключался в том, кто первым вцепится в горло не готового к оборонительным действиям врага. Гитлер опередил Сталина, хотя есть сторонники и такой точки зрения, что Германия была вынуждена нанести Союзу превентивный (предупредительный) удар и нанесла его в целях самообороны (ВИЖ, 1992. № 1. С. 24). Это случилось летом 41-го. Но и до того, в якобы *до*военный момент, сделано было немало.

«Ввод войск в Польшу» (как эта акция называлась во всех учебниках советской истории) на самом деле был вооружённым броском на суверенную державу. И это нападение свершилось по собственной, советской инициативе, то есть не было ничем спровоцировано. Причём оно обрушилось на мирную соседнюю страну в пору, когда она героически сопротивлялась гитлеровскому вторжению. Более того, вряд ли случайно Сталин дал приказ о взломе польской границы именно в тот момент, когда, как пишет польский современник, «натиск немцев начал ослабевать, когда растянутые на сотни километров немецкие коммуникации стали рваться, когда мы могли бы ещё сопротивляться некоторое время и дать союзникам возможность ударить на открытые западные границы Германии». Но именно в этой критической ситуации «Советская Россия в одностороннем порядке разорвала договор с Польшей о ненападении в самую тяжёлую для Польши минуту и, как шакал, набросилась со спины на истекающую кровью польскую армию», — вспоминает современник этих событий польский генерал (*Андерс*, 1990. С. 235).

Приведу ещё один отклик на агрессию СССР, подписанный 19 сентября 1939 г., среди прочих, и одним старым крымским политэмигрантом, М.С. Кам-мармахером-Кефели: «С чувством величайшего негодования и возмущения заграничная делегация РСДРП встретила весть о вторжении советских войск в Польшу, истекающую кровью в неравной борьбе против гитлеровских полчищ. Этим фактом неслыханного цинизма сталинский режим, на котором уже тяготеет кровавая ответственность за развязавший войну германо-советский пакт, становится прямым сообщником всех преступлений гитлеризма. Сталинская деспотия сама... разоблачает себя как господство национально-империалистической клики, павшей до уровня гитлеризма... никакая декламация об „освобождении угнетённых национальностей", никакие намёки на таинственные революционные планы, которые Сталин якобы связывает с моментом истощения воюющих сторон, не могут оправдать преступления сталинизма» (Политическая история, 1999. С. 612).

посвящённый людям самой мирной на земле профессии — хлеборобам, — он вводит песню, беспримерную по своему агрессивному накалу (слова Б. Ласкина) с неоднократно звучащим припевом:

Гремя огнём, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин
И первый маршал в бой нас поведёт!

Песня была встречена массами с восторгом и быстро стала народной. Видимо, люди подустали от трудовых, и только трудовых, побед. Бесславный мирный период истории российского народа явно затягивался...

Советская сторона оценила ликвидацию древнего государства с 36 миллионами населения проще. Как заявил Молотов, «оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны Германии, а затем — Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора» (П. 01.11.1939). В том же органе сочувственно приводились слова Гитлера о том, что государство Польша при своей «нежизнеспособности» не имело «никакого права на существование» (П. 07.10.1939).

а) Германское подавление боеспособности Красной армии в Крыму

Вперёд, вперёд — шагают батальоны.
Зовёт труба! Победы близок час!
Сегодня нам внимают миллионы,
А завтра мир, весь мир услышит нас!
Хорст Вессель
(гимн штурмовых отрядов)[1]

Летом 1940 г. стало очевидным переключение советской политики на южное направление. Здесь Кремль был остро недоволен Турцией, подписавшей договор с Англией и Францией[2] о взаимопомощи, — ведь такой союз ослаблял возможности двух друзей СССР — фашистской Италии и нацистской Германии. Поэтому в июне Молотов заявил, что советское руководство поддерживает планы Италии добиться стратегического превосходства в Средиземноморье за счёт турецких территорий. А вскоре он ответил согласием на предложение Германии и Италии заключить с ними соглашение о разделе на три сферы влияния огромных Балкано-Дунайского и Черноморского регионов (Проливы, 1999. С. 448–449).

В декабре 1940 г. за согласие присоединиться к фашистскому блоку Сталин потребовал через Молотова, отправившегося в Берлин, согласия будущих союзников на установление вооружённой силой советской гегемонии в Турции и в регионе приморских Балкан. То есть предполагалась крупномасштабная агрессия с опорой на главные черноморские базы, в основном расположенные в Крыму (Оглашению подлежит, 1991. С. 240–289). Менее чем через три месяца, в марте, в уточнённом плане стратегического развёртывания «предпочтение

---

[1] С этими словами нацистского гимна удивительно перекликается идея, заложенная довоенным поэтом А.И. Безыменским в ставшее знаменитым стихотворение *О шапке* (оно было опубликовано в *Правде*, а потом перепечатано тысячами других газет СССР). Гордясь тем, что он принял в ЧЕКА ордер на получение головного убора, поэт делал из этого, в общем-то, мелкого факта глобальный вывод:

Будет день!
Мы предъявим
Ордер
Не на шапку —
На мир.

[2] Основной причиной подписания договора была ставшая явной ещё довоенная программа советского вторжения в Турцию с целью захвата областей Карс и Ардаган, а также проливов (подр. см. в п. 7 этого очерка).

Риббентроп и Сталин накануне войны раскладывают политический пасьянс. В руках у нациста — вожделенная Англия, у коммуниста — Турция, тоже не укладывающаяся в будущую «сферу влияния». *Клинге М. Мир Балтики. Хельсинки, 1994*

окончательно было отдано главному удару на юго-западном направлении, подкреплённом вторжением в Румынию» (*Соколов*, 1998. С. 94).

Таким образом, оформились планы вооружённого захвата Проливов (что превратило бы Чёрное море в российское озеро) и румынских нефтяных полей. Последнее обеспечило бы дальнейшее осуществление агрессии СССР на юг, «в направлении Индийского океана» (Секретный протокол № 1 Проекта соглашения между Германией, Италией, Японией и СССР от 18.11.1940 г.; цит. по: Оглашению подлежит, 1991. С. 284). Кроме того, вторжение в Румынию лишило бы немцев и союзных с ними румын горючего для боевых машин и транспорта.

Затем, в середине мая 1941 г., когда стало известно о германских приготовлениях к осуществлению плана «Барбаросса», Генштаб приступил к разработке не менее агрессивного плана «упредить противника в развёртывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развёртывания и не успеет ещё организовать фронт и взаимодействие родов войск» (*Бобылёв*, 2000. С. 43). Причём ещё до 19 мая «командование западных приграничных округов получило указание вывести фронтовые управления на полевые командные пункты». Цель была вполне прозрачна, тем более что в западном направлении уже начали свое движение из тыла 4 армии и 1 стрелковый корпус (указ. соч. С. 51). Что касается южного направления, то здесь в число потенциальных врагов попали Турция, Болгария и Румыния. Поэтому предполагались наступление вдоль румынского побережья на юг, блокада Босфора минными заграждениями, тактические десанты. Основным плацдармом при этом становился Крым (*Соколов*, 1998. С. 71–72). Понятно, что, имея *такие* планы, нужно было готовиться к адекватному ответу — удару с моря и воздуха по многострадальной крымской земле.

Вот таким оно и было, вступление СССР в войну. Цель этой войны едва ли не точнее всего определили российские послереволюционные эмигранты, не утратившие за рубежом своих имперски-патриотических амбиций. То, что большевики ведут борьбу с «капитализмом», писали они, никого не должно вводить заблуждение. Это — похвальное продолжение традиционной российской экспансии ради конечного поражения внешнеполитических антирусских сил. Это была «борьба с „европеизмом" в Европе и в Евразии... Большевики выступают против „капитализма", т. е. против европейского капитализма, а потому и против европейского социализма» (Пути Евразии, 1992. С. 402–403).

Цель, конечно, святая, но за акт международного разбоя в Польше вскоре пришлось расплатиться. Не территориями (захваченные Львов, соседние польские города и земли так и остались в результате войны советскими), а кровью: в глазах всего мира Сталин стал на одну доску с Гитлером. Соответственно коммунистический СССР разоблачил себя в качестве точно такого же агрессора, как нацистская Германия. И до той поры, пока союзники не снизошли до помощи коварной большевистской державе, должны были пролиться моря человеческой крови — народ платил за «ошибку» своего любимого вождя. Отдав распоряжение о подготовке первого удара («операции вторжения»), Сталин не ожидал, что Гитлер опередит его и сам нанесёт удар чудовищной силы, в результате которого Красная армия, не успевшая вторгнуться в германские расположения войск и не готовая к обороне, стала терпеть поражение за поражением (Подр. см. в: *Невежин*, 1999. С. 116–117).

Расплата началась практически сразу. Оказалось, что годы и годы большевистская агитация и пропаганда велись впустую: такой массовой сдачи не знала военная история ни России, ни остального мира. Счёт шёл вначале на сотни тысяч пленных, потом — на миллионы. Лишь в Крыму и только до середины ноября 1941 г. в плен сдалось около 100 000 советских военнослужащих (*Карель*, 2003. Кн. 1. С. 419; *Рузаев*, 2007. С. 242). Впрочем, трудно обвинять в *этом* позоре руководящую партию большевиков. Коммунисты были частью этноса, у которого, как упоминалось в Прологе, патриотизм никогда не был особенно в чести[1]. Оттого-то уже в первые недели и месяцы после 22 июня сталинская «непобедимая

[1] Вот объективные и горестные заметы *до*большевистской прессы, о *той* ещё, Первой мировой войне — кажется, что они написаны о Второй: «уровень нашей моральной и умственной культуры оказался настолько невысок, что когда были сняты железные обручи, стягивавшие отдельные части народа, они просто рассыпались, эти части, не связанные больше ничем, никакими узами солидарности... не могло быть патриотизма гражданского, то есть гордого сознания своей принадлежности к государству, которое стоит на страже свободы, достоинства и благосостояния своих граждан. Откуда ему было взяться, гражданскому патриотизму, когда и граждан-то у нас не было, как нет их и до сих пор?.. Государственное холопство, политическая приниженность не воспитывают патриотизма.» (*Полянский Н.* Почему мы не патриоты? // Народное слово (газ., М.). 15.04.1918). А вот письмо фронтовика уже Второй мировой, впоследствии крупного писателя, к одному из сталинских генералов: «И Вы, и полководцы, Вами руководившие, были очень и очень плохие вояки, да и быть иными не могли, ибо находились и воевали в самой бездарной армии со времён сотворения рода человеческого. Та армия, как и нынешняя (написано в 1990 г. — *В.В.*), вышла из самого подлейшего общества — и это в доказательствах уже не нуждается» (*Астафьев*, 2009. С. 2).

Вверху: колонна пленных красноармейцев, 1942 г.
Фото из собрания агентства Polfoto;
внизу: 1944 г. Колонна пленных немцев. *Военное фото*

и легендарная» армия безудержно откатывалась, отдавая бывшим подельникам по кровавому преступлению в Польше теперь уже собственные области, края и республики.

В число таких земель попал и Крым, который предполагалось включить в будущий рейхскомиссариат «Украина» в качестве генерального округа (Generalbezirk Krim), в который должны были войти Херсонская и Запорожская области. «Буквально сразу же после 22 июня 1941 г. Крымский полуостров благодаря своему выгодному геополитическому положению стал занимать в расчётах немецко-фашистского командования особое место. Вермахт видел в нём своеобразный трамплин для захвата Кавказа и прорыва к бакинской нефти» (*Рубцов*, 2004. С. 150). Чисто военная сторона вытеснения Красной армии из Крыма ныне достаточно хорошо изучена и известна. Поэтому ограничимся напоминанием об основных этапах этой истории, важных для главной темы данного труда.

Плакат 1941 г.
Худ. Н.Н. Ватолина

О том, что Крым не устоит перед наступлением вермахта, поразительно рано стали догадываться и местные власти и «органы». На этот счёт в Крыму никто не строил иллюзий. Уже 25 июня 1941 г., всего лишь на *третий день* войны, когда немцы были во многих сотнях километров от Перекопа, сотрудники местного НКВД настоятельно рекомендовали идеологическим и партийным работникам эвакуироваться. В пользу такого решения говорили и средства массовой пропаганды — бывшие друзья-нацисты оказались, ко всему прочему, ещё и «злейшими врагами женщин» (см. плакат ниже). Союз писателей Крыма даже организовал выезд семей своих членов, оплачивая дорогу, выдавая бесплатные тёплые вещи, одеяла, подъёмные деньги и пр. (*Шемьи-заде*, 1999. С. 7). Так, коммунисты, вместо того чтобы уделять всё внимание усилению обороны, заблаговременно начали позорную подготовку Крыма к сдаче.

Во второй половине 1941 г. 11-я армия генерал-полковника (позднее фельдмаршала) Эриха фон Манштейна при поддержке одного корпуса 3-й румынской армии повела наступление на дислоцированные в Крыму Приморскую и 51-ю Отдельную армии. Классики военной науки утверждают, что при наступлении необходимо как минимум *тройное превосходство* сил по сравнению с обороняющимися. У немцев же с румынами набиралось всего 10,5 дивизий против 21 советской. Кроме того, Красная армия имела здесь превосходство в артиллерийских и танковых войсках и почти полностью господствовала на море, беспрепятственно доставляя в осаждённый Севастополь провиант, боеприпасы,

Генерал-полковник Э. фон Манштейн. *Официальное фото. Из материалов берлинского Bundesarchiv'a*

Командующий Приморской армией генерал-майор И.Е. Петров

десятки тысяч человек пополнения (*Василевский*, 1972. С. 186–189; СВЭ. Т. VII. С. 282–283)[1]. Тем не менее в результате «полного непонимания современной войны» командованием Красной армии, а попросту говоря — «из-за бездарности сталинских командиров» (*Басов*, 1987. С. 149), уже в конце октября — начале ноября 1941 г. Приморская армия была блокирована в Севастополе, а 51-я — сброшена с Керченского полуострова. Это было поразительно — ведь у Э. Манштейна не было даже танков, этого главного сухопутного оружия наступления современной войны. После боёв в 20-х числах ноября, накануне решающего штурма советских позиций, назначенного на 28 ноября, «русские, не дожидаясь его, отошли» (*Карель*, 2003. Кн. 1. С. 253).

Причина этого поражения Красной армии теперь вырисовывается во всей полноте. Генеральный штаб ориентировал крымских военачальников[2] на возможность высадки на полуостров крупного воздушного или морского десанта противника. Поэтому все дивизии были дислоцированы по морскому побережью, а также в создававшихся вокруг Симферополя, Карасубазара, Евпатории и Феодосии укреплённых районах. На северном, самом опасном направлении, занимали оборону только 5 дивизий: 4 на второстепенных Ишуньских позициях и и всего одна (!), 156-я стрелковая дивизия, которой командовал генерал П.В. Черняев на «входном» Чонгарском перешейке (*Корнюхин*, 2008. С. 332). Как указывает современный военный историк, «Манштейну было трудно поверить в такую глупость, он считал, что Перекоп защищает как минимум 6 из 11 дивизий 51-й армии» (*Морозов*, 2007. С. 42). Командование же противника для овладения Крымом, напомним, сосредоточило в Южной Украине семь (по Манштейну — шесть) пехотных дивизий 11-й немецкой армии и румынский горный корпус (СВЭ. Т. 4. С. 493).

Относительно сравнительной мощи авиации у советских войск и противника существуют разногласия. Отечественные историки утверждают, что наступавшие войска Э. Манштейна «поддерживались значительными силами авиации» (там же), а он доказывает, что господство в воздухе «..принадлежало советской авиации. Советские бомбардировщики и истребители непрерывно атаковали всякую обнаруженную цель», особенно в первые месяцы боёв, когда немецкие зенитчики попросту избегали себя обнаруживать в дневных условиях, — это была верная гибель. Лишь позже в его армию прибыла истребительная эскадра Мёлдерса, которая могла противостоять советской воздушной угрозе (*Манштейн*, 1999. С. 242)[1]. О том же на основании неопровержимых данных свидетельствует такой серьёзный немецкий военный историк, как П. Карель: «Советская авиация безраздельно господствовала в воздухе на юге» (*Карель*, 2003. Кн. 1. С. 250). Более подробные сведения находим в новейшей отечественной литературе: Крым защищали 21-й бомбардировочный полк 22-й авиадивизии ДБА и военно-воздушные силы Черноморского флота (7 авиаполков, 10 отдельных эскадрилий и 2 авиаотряда) общей численностью около 600 самолётов. При этом «никаких специальных сил для действий на Чёрном море люфтваффе не выделил» (*Морозов*, 2007. С. 11, 18).

При этом воздушные атаки и массированные бомбардировки советскими авиаотрядами германских частей начались, когда они только подходили к Перекопу. В ту пору советская авиация совершала до 144 боевых самолёто-вылетов в день (указ. соч. С. 53). Тогда же на крымском аэродроме близ Фрайдорфа разместилась авиагруппа (получившая название Фрайдорфской) ВВС Черноморского флота в составе 76 самолётов, были и другие пополнения. Что же касается немецкой авиации, то она в этом участке фронта была даже в сентябре 1941 г. малочисленной и к тому же базировалась вдалеке от Перекопа — это были аэродромы близ Аскания-Нова и Чаплинки (*Коренюхин*, 2008. С. 334). Понятно, что эти части люфтваффе если и могли оказывать поддержку армии Э. Манштейна во время её наступления на Крым, то далеко не всегда оперативно.

Между тем, уже когда начались кровопролитные бои на северном направлении, Ф.И. Кузнецов не спешил оказать помощь частям, оказавшимся на линии

[1] Современные исследователи приходят к выводу, что в осаждённом Севастополе было не слишком мало, а, напротив, *слишком много* его защитников. И обеспечить их всем необходимым, в том числе и продовольственными продуктами, и достаточным боезапасом, становилось затруднительно, поскольку у Э. Манштейна со временем появились и самолёты, мешавшие снабжать город морскими и воздушными путями (*Патянин С.В.* Тобрук — Севастополь: параллели и различия // Чтения по военной истории. Сборник статей. СПб., 2006. С. 77–78).

[2] 51-й Отдельной армией командовал генерал-полковник Ф.И. Кузнецов; прибывшей из Одессы Приморской — генерал-майор И.Е. Петров. Из одиннадцати дивизий 51-й армии четыре были сформированы в Крыму; при этом «особенно много татар призвали в 184-ю стрелковую дивизию (СД), которая формировалась в Ялте, и в 320-ю СД, формировавшуюся в Феодосии» (*Вяткин*, 2005. С. 39).

[1] При этом расстановка сил быстро изменилась на противоположную. Приведём рассказ очевидца этих событий В.А. Бариева: «1941 год. Осень. Советские войска отступают. Немецкие самолёты на бреющем полёте безнаказанно расстреливают отступающую пехоту, гужевой транспорт и т. д.» (АМ ФВ. Д. 280. Л. 2). Очевидно, это происходило в сентябре, так как чуть позже, когда началось генеральное наступление на Москву, туда из армии Э. Манштейна была отозвана его основная воздушная поддерживающая сила, эскадра люфтваффе Stg 77 (*Морозов*, 2007. С. 78).

главного удара Э. Манштейна. Только через две недели, 26 сентября, когда фронт был прорван германскими войсками, а 156-я дивизия практически более не существовала, он отдал приказ перебросить к Перекопу части 3-й Крымской дивизии (*Поляков*, 1998. С. 223). Однако советский генерал опоздал — ворота в Крым уже открылись.

Причём это была не просто победа более качественного оружия или более продуманной стратегии германского командующего. Странные события начались едва немцы вошли в Крым. На территории между Перекопом и Ишунью в плен сдались первые 10 000 красноармейцев, там же было захвачено 112 танков — до этого в германской 11-й армии не было ни одной боевой машины (*Манштейн*, 1999. С. 237, 243). В период ожесточённых боёв с сентября по ноябрь 6 манштейновских дивизий уничтожили бóльшую часть двух советских армий, или 16 дивизий. При этом отступившие оставили на полях всю тяжёлую технику — от Перекопа до Симферополя не было ни одной дороги с твёрдым покрытием, отчего транспортные средства, пушки и даже пехота безнадёжно увязали в топкой грязи просёлков.

Показательна судьба ещё двух обречённых дивизий, 320-й и 321-й, чей личный состав состоял почти исключительно из мобилизованных крымских татар. Первая из них в октябре-ноябре 1941 г. была дислоцирована у Ак-Моная, вторая — в районе Кара-Тобе (ныне Прибрежное, между Саками и Евпаторией). Как отмечает современный историк, «наспех организованные, плохо обученные и вооружённые, брошенные в условиях паники и потери управления войсками, эти дивизии рассыпались при первых же ударах немецких войск. Часть их личного состава была пленена, подавляющее же число новобранцев разошлось по своим деревням» (*Романько*, 2011. С. 130).

Как утверждают авторы серьёзных исследований, ещё одной причиной бегства от Перекопа стали паника и разброд среди советских военачальников в Крыму: «Командование вооружёнными силами в Крыму оказалось неспособным управлять армией и флотом на самостоятельном театре военных действий» (*Басов*, 1987. С. 56). Поэтому уже 1 ноября 1941 г. боевая группа германского полковника Циглера не только овладела Симферополем, но и тут же, буквально на плечах противника, рванулась дальше — к Южному берегу: «с разведывательным подразделением 22-й пехотной дивизии подполковника Бодьена пробилась через горы к Ялте, отрезая таким образом путь стремившимся в Севастополь крупным силам Приморской армии» (*Карель*, 2003. Кн. 1. С. 255). Нетрудно себе представить количество красноармейцев, попавших при этом прорыве в плен. Впрочем, это была не первая и не последняя преступная ошибка советского командования на Южном фронте.

Забегая несколько вперёд, скажем, что в результате известной попытки вернуть Крым, то есть высадки январского 1942 г. десанта, Красная армия овладела Керчью и Феодосией, хотя и ненадолго. При этом германские и румынские солдаты, вернувшиеся на Керченский полуостров, получили очередное подтверждение слухам о «большевистских зверствах», давно уже раздувавшимся аппаратом министра пропаганды и народного просвещения Й. Геббельса. Действительно, немецкие раненые в госпиталях, захваченных Красной армией, были частью расстреляны, частью облиты водой и заморожены на берегу моря (*Манштейн*, 1999. С. 265–266). Скорее всего, это было сделано по инициативе

Л.З. Мехлиса, осуществлявшейся начальником его секретариата Фисуновым. Упоминать об этой практике Л.З. Мехлис не стыдился и в частных письмах. Так, он писал своему сыну: «Фашистов пленных я приказываю кончать. И Фисунов тут орудует хорошо. С особым удовлетворением уничтожает разбойников» (цит. по: *Рубцов*, 2004. С. 165).

Показательно, что Э. Манштейн был противником сплошной ликвидации советских пленных, — всё-таки он был солдатом старой прусской школы. Не исключено, что пленные красноармейцы меньше боялись пребывания в плену, чем расплаты от «своих» за это преступление. Об этом говорит один, но показательный факт. Близ Керчи находился лагерь с советскими военнопленными, и во время одного из наступлений немецко-румынских войск на Керченский полуостров все эти 8000 человек, не дожидаясь неизбежных репрессий, отправились пешим маршем, без немецкой охраны, в Симферополь. По-видимому, они предпочли немецкий плен сталинским лагерям уничтожения, — о расправах такого рода с людьми, побывавшими в плену, к тому времени знали все, кто был в армии, да и не только в армии (*Манштейн*, 1999. С. 266).

Вообще, чем дольше немцы находились в Крыму, тем острее становилась проблема с пленными красноармейцами. Рекордная партия поступила в мае 1942 г., когда Манштейн вторично овладел Керченским полуостровом, — там в плен сдались 170 000 человек[1], затем 10 000 были взяты под Балаклавой, но ещё больше — при сдаче Севастополя. Тогда на одном лишь оборонительном участке выходило по 30 000 пленных (*Манштейн*, 1999. С. 281, 303–304)[2].

Итак, 1 ноября 1941 г. немецко-румынские части вошли в Симферополь. Новейшие исследования, где данные о составе противоборствовавших сил окончательно уточнены, приводят к выводу, очевидному и в те огневые месяцы. В катастрофе была виновата Ставка Верховного командования, да и фронтовое командование тоже. Как указывалось в приказе войскам фронта № 12 от 23 января 1942 г., это были «крупнейшие недочёты в организации боя и управлении войсками» (цит. по: *Рубцов*, 2004. С. 151). Что же касается Ставки, то она не сумела верно определить направление удара на юге. Кроме того, несмотря на то, что «от командующего до солдата все проявляли героизм, но по опыту, умению воевать [они] не могли идти в сравнение с офицерами и солдатами германской

[1] Согласно данным командующего группой армий «Юг» фельдмаршала Ф. фон Бока, на Керченском полуострове в плен сдалось несколько меньше красноармейцев — 152 000, учитывая и 3000 вышедших в мае 1942 г. из Керченских катакомб. При этом немцам было оставлено 1100 артиллерийских орудий (*Бок Ф. ф.* Дневники, 1941–1945 гг. / Пер. с нем. А. Уткина. Смоленск, 2006. С. 508).

[2] Такое положение сложилось не только на Крымском, но и на остальных фронтах. По данным материалов ВНИИ документоведения и архивного дела «к концу 1941 года в плен попали 4 000 000 советских солдат» (цит. по: *Баймухаметов*, 2005. С. 19). Бывали, впрочем, случаи, когда севастопольские окруженцы предпочитали плену смерть, унося с собой в могилу и мирных своих соотечественников, чьего согласия, естественно, никто не спрашивал. Так, например, в одном из казематов на берегу Северной бухты: «когда [немецкие] сапёры приблизились к первому из бетонных укреплений, оно было взорвано самими защитниками вместе со всеми женщинами и детьми, укрывавшимися в казематах» (*Хаупт В.* Сражения группы армий «Юг». М., 2006. С. 134).

армии» (*Гарчев*, 1994. С. 67). Вывод, верный только отчасти, — *опыта* у советских солдат и офицеров было больше, немцы в той же Финляндии его не набирались, как сталинские соколы. Другое дело — воинский дух.

Здесь его нехватка определялась «коренными пороками советской системы, нивелировавшей личность, лишавшей людей стремления проявить инициативу и вообще проявлять самостоятельность. Следствием этого стали низкие индивидуальные качества бойцов и командиров, неспособность командующих и их штабов адекватно руководить большими массами войск и их стремление добиться успеха любой ценой, не считаясь с жертвами» (*Соколов*, 1998. С. 13). Причём, как верно замечено, советский режим воспитал не только командиров, способных отдавать совершенно бесчеловечные, убойные, прямо-таки мясницкие приказы (вроде знаменитых «жуковских» штурмов укрепрайонов), но и людей с рабским сознанием, «солдат, способных такие приказы беспрекословно выполнять» (указ. соч. С. 243).

Наконец, известно, что лучшие, талантливейшие и самые мыслящие полководцы из высшего командования были накануне войны уничтожены, а армия ослаблена по уже упоминавшейся в XII очерке этого тома причине: тоталитаризм облекал реальной властью и защищал только собственные структуры, внешние по отношению к государственному и военному аппаратам. Более того, Сталин боялся и ненавидел армию — тому есть объяснение[1]. Армия и была принесена в жертву генсеку, а потом вышло так, что и Гитлеру.

Что же касается руководства Крымским фронтом, которым командовал генерал-лейтенант Д.Т. Козлов, то в катастрофической ситуации, сложившейся на этом участке, особая роль принадлежала направленному сюда «для укрепления руководства фронтом» заместителю наркома обороны, начальнику Главного политического управления Красной армии армейскому комиссару 1-го ранга Л.З. Мехлису. Едва прибыв на фронт, он начал грубо и некомпетентно вмешиваться в повседневную деятельность Д.Т. Козлова и его штаба, установив «тотальный контроль над ними... Такая линия поведения представителя Ставки была... не только нецелесообразной, но и вредной. Она дезориентировала руководящие кадры, вносила путаницу в принимаемые решения и их реализацию»

[1] «К тридцатым годам весь партийный и государственный аппарат страны — назначенцы Сталина. А Красная армия — детище Троцкого. Троцкого там признавали, уважали и ещё помнили. Сталин для армии был почти нуль: а, мол, при Ленине и Троцком был такой наркомнац...» Понятно, выносить такое положение Сталин не мог, и начались репрессии в армии. «29 ноября 1938 года на заседании Военного совета Ворошилов заявил: „Весь 1937 и 1938 годы мы должны были беспощадно чистить свои ряды... За всё время мы вычистили больше 4 десятков тысяч человек". Среди них были 3 заместителя наркома обороны, нарком Военно-морского флота, 16 командующих военными округами, 26 их заместителей и помощников, 5 командующих флотами, 8 начальников военных академий, 25 начальников штабов округов, флотов и их заместителей, 33 командира корпуса, 76 командиров дивизий, 40 командиров бригад, 291 командир полка...» Особенно чувствительной оказалась расправа с довоенным Генеральным штабом. Современный учёный считает: «Ликвидировать офицера Генштаба — всё равно что срубить дерево: на подготовку майора Генштаба уходит от 8 до 10 лет, только после этого офицер способен организовать обеспечение дивизии или управлять его действиями. Сталин же казнил или отправил в лагеря по меньшей мере половину Генштаба» (*Карель*, 2003. Кн. 1. С. 171).

(*Рубцов*, 2004. С. 155). Результаты сказались уже в провале начатого 27 февраля 1942 г. наступления.

Находившийся в эти дни в частях 51-й армии военный корреспондент Константин Симонов вспоминал об операции на уже занятом Красной армией Керченском полуострове: «На нашей стороне было превосходство в танках, пехоте, в численности войск очень значительное. Против нас находились румыны. Стрелковых частей немецких не было, все они были против Севастополя. Была только немецкая артиллерия... Предполагалось, что наступление будет удачным. В феврале пошла метель вместе с дождём, всё невероятно развезло, всё буквально встало, танки не пошли, а плотность войск, подогнанных Мехлисом, который руководил этим наступлением, подменив собой фактически командующего фронтом безвольного генерала Козлова, была чудовищная. Всё было придвинуто вплотную к передовой, и каждый немецкий снаряд, каждая мина, каждая бомба, разрываясь, наносили нам громадные потери... Кругом было было сплошное месиво из трупов в наших ближайших тылах. В километре–двух–трёх–пяти–семи от передовой всё было в трупах... Словом, это была картина бездарного военного руководства и полного, чудовищного беспорядка. Плюс к этому — полное небрежение к людям, полное отсутствие заботы о том, чтобы сохранить живую силу, чтобы уберечь людей от лишних потерь... (*Симонов К.М.* Работаю в «Красной Звезде» // В десант ушедшие навечно. М., 1993. С. 27–28.)

Совершенно иная ситуация наблюдалась в германской армии. Иным был сам воинский дух: «германские солдаты в окопах [органично] воспринимали официальные и неофициальные правила поведения в бою. Их морально-психологическое состояние зависило от качества боевой подготовки в тылу, питания и снабжения на передовой, благополучия их семей в Германии, взаимоотношений с сослуживцами и, конечно, от положения на фронте» (*Мягков*, 2005. С. 214). Понятно, что у солдат Красной армии, плохо вооружённых и получавших из дому весьма неутешительные новости о резком снижении качества жизни, отсутствии заботы о семьях фронтовиков и т. п., моральное состояние было совсем иным. Многие красноармейцы были плохо подготовлены к современной войне. Вчерашние крестьяне, хорошо помнившие ужасы коллективизации, да и рабочие, лишённые права выбора трудовой деятельности, вообще не понимали, какую власть они должны защищать, — и в этом отношении они также уступали противнику, немецкому солдату.

«Не вызывает особых возражений следующая характеристика: в массе своей это был волевой, грамотный в военном отношении, хорошо вооружённый боец, имеющий опыт боевых действий [очевидно, здесь имеются в виду отдельные части Вермахта, переброшенные на Восточный фронт с Западного, — впрочем, их было немного. — *В.В.*] и убеждённый в своём превосходстве над противником» (*Мягков*, 2005. С. 215). Кроме того, в отличие от красноармейцев, сбитых с толку резкими переменами в отношениях Сталина с Гитлером («лучший друг» — «заклятый враг»), немцы были глубоко убеждены в правоте своего дела. Советские пропагандисты оказались неподготовленными к такому повороту внешней политики СССР, тогда как германское министерство пропаганды оперативно издало массовым тиражом брошюру «Почему мы начали войну со Сталиным», в которой приводились факты, доказывавшие «нападение на Советский Союз

как превентивную меру, сорвавшую планы Красной армии по уничтожению Германии». Там же описывались «зверства ОГПУ и НКВД по отношению к собственному народу» (цит. по: *Мягков*, 2005. С. 215–216). Собственно, тут и доказывать было нечего: врывавшиеся в советские города немцы видели трупы расстрелянных на тюремных дворах заключённых, которых не было времени или возможности эвакуировать.

Короче говоря, это была схватка, неравная не только по технической, но — что важнее — по стратегической профессиональности, моральной и психологической вооружённости противников[1]. Поэтому и неудивительно, что потери в советских частях на Керченском полуострове были огромны: только за февраль — апрель они составили 225 000 человек, а к окончательному отходу — 400 000, почти полмиллиона (*Рубцов*, 2004. С. 173). При этом последнем, паническом отступлении перебраться на Тамань удалось не более 140 000 человек (там же); сколько осталось на полуострове и попало в плен, до сих пор неизвестно. В 51-й Отдельной армии пропали без вести или были взяты в плен 32 173 военнослужащих, «что в категории безвозвратных потерь составило чудовищную долю в 61,6 %» (*Вяткин*, 2005. С. 39).

Сюда нужно добавить отрезанные противником на полуострове различные более мелкие части вроде остатков 83-й бригады морской пехоты, 95-го пограничного отряда, фронтовых полков резерва и т. д. — всего около 10 000 человек, вынужденно укрывшихся в Центральных и Малых (так называемых Еврейских или Караимских) каменоломнях Аджимушкая. Были попытки активных действий партизанскими методами — сравнительно незначительных, — но постепенно они стали сводиться к добыче продовольствия. Уже зимой — ранней весной 1944 г. каменоломни стали покидать «военнослужащие и сопровождавшие их партизаны, а оставшимся предстояло решить дальнейшую судьбу отряда. Намерение перейти в Крымские леса объясняет попытку вывода из каменоломен населения. Но партизаны, посланные в разведку для установления связи с отрядами Старого Крыма, а также в сёла для определения населения на проживание там, не возвратились. Продукты питания закончились. В этих условиях Чередниченко сложил с себя полномочия. Таким образом, организационно отряд распался 15 марта, а как боевая единица — еще раньше, в феврале 1944 года». С этого момента активные боевые действия, за исключением вылазок за продуктами, не велись. «После 15 марта в каменоломнях оставались партизаны, имевшие сёмьи, переход с которыми куда-либо был невозможен. Часть их была уни-

[1] Известный философ и социолог А. Зиновьев (между прочим, сам фронтовик) обнаружил это несоответствие профессиональной подготовки советских и германских военачальников даже в советском (естественно, пропагандистском) фильме о войне: «Мы всё делаем на низком профессиональном уровне или с дефектами... Обратите внимание, как показаны в фильме наши и немецкие политики и генералы. Хотя немцы терпят поражение, а наши руководители обыгрывают их на каждом шагу, поведение нашего руководства всё равно выглядит как любительский спектакль в сравнении с профессиональным спектаклем поведения немцев. И постановщики фильма не смогли скрыть это различие. Вот в чём дело! И скрыть это невозможно, ибо суть дела проявляется во всём — в одежде, в лицах, в форме носа, в голосе, в жестах и прочих пустяках. Даже в звучании имён и командах» (*Зиновьев*, 1980. Т. II. С. 165).

чтожена румынами 8 апреля 1944 г. во время прочёса каменоломен» (*Короткова*, 2007). Остальные почти все погибли в результате применения мощных взрывных устройств и отравляющих газов. Вместе с ними под землёй встретили смерть находившимеся там же мирные жители Керчи, в том числе крымцы, число которых до сих пор в точности неизвестно (*Менлиазизов*, 2005. С. 11).

Крупный российский писатель, бывший фронтовик В.П. Астафьев, много лет собиравший свидетельства о действительной, а не официальной истории войны, так отозвался о крымской трагедии и роли, которую в ней сыграл Мехлис: «...любимец Сталина Мехлис взялся командовать тремя армиями в Крыму, забыв, что редактировать „Правду“ и подхалимничать перед Сталиным, писать доносы — одно, а воевать — совсем другое. Манштейн „танковым кулаком“, из двух танковых корпусов состоявшим, подчинив себе по пути на Керчь несколько полевых дивизий, не побоявшись бросить в тылу осаждённый Севастополь, так дал товарищу Мехлису, что от трёх наших армий „каблуков не осталось“, как пишут мне участники этой позорной и кровавой бойни» (*Астафьев*, 2009. С. 2).

В самом деле, позднее, несмотря на усиление Крымского фронта ещё одной (кроме 44-й и 51-й), 47-й армией, несмотря на безумно кровопролитные, практически самоубийственные десанты и т. д., основная часть Крыма была прочно и надолго оккупирована, а 19 мая 1942 г. Крымский фронт вообще был ликвидирован. Итак, история повторилась. В Крымскую войну у союзников было господство на море и лучшее вооружение, но Севастополь был сам по себе наиболее мощной крепостью региона, а численность противника относилась к защитникам как 2:1, то есть нужного тройного превосходства и близко не было. Кроме того, англо-французские союзники находились за тысячи миль от своих баз, откуда приходилось доставлять всё — от швейной иголки до пороховых зарядов. И тем не менее потери защитников были в два с половиной — три раза выше, чем у наступавших.

Во Вторую мировую Советская армия господствовала на море и в воздухе, а Севастополь стал к этому времени самой мощной крепостью в мире, но это преимущество было перечёркнуто страшными потерями из-за бездарного командования и низкого боевого духа, который и не мог быть высоким. Проясню тогдашнюю обстановку. В середине октября командование Черноморского флота приказало вывезти значительную часть боезапаса флота, хранившуюся в самóм Севастополе и в близлежащих складах, укрытиях, каменоломнях и пр. (*Широкорад*, 2009. С. 330–331) Оставляя героически защищавшийся город-крепость без средств борьбы с рвавшимися к нему немцами, это командование фактически предрекало его сдачу. Нетрудно представить себе реакцию оборонцев, видевших, как на их глазах вывозят и грузят на транспорты то, без чего они обречены на поражение. В результате защитники Крыма понесли ещё бóльшие потери (1 : 3), чем при Нахимове.

Можно провести ещё одну параллель — между тем, как бросали в начале Гражданской войны своих бойцов руководители Советской республики Таврида (Слуцкий и компания), и, с другой стороны, командующим Приморской армией генерал-майором И.Е. Петровым, также бежавшим от противника. Он отбыл морем на Кавказ вместе с ближайшими помощниками (командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский использовал с той же целью самолёт), хотя

Командующий Черноморским флотом Ф.С. Октябрьский

Севастополь оборонялся ещё 4 дня. Заметим, что этот эпизод, ставший известным немецким офицерам и генералам, несказанно их удивил (*Манштейн*, 1999. С. 303–304). Да и позднейших историков тоже — что тут скрывать?

Как рассказывает в своей книге «Совершенно секретно. Документальная драма» Николай Шестаков, по распоряжению штаба Севастопольского оборонительного района (СОР) всему старшему и высшему командному составу было предписано быть вечером 29 июня на 35-й батарее для эвакуации. Имелось в виду лишение всех оборонявших Севастополь частей их командиров. Понятно, что эвакуация начальства привела к полному развалу обороны. Последний командующий СОР генерал П.Г. Новиков, раненым попавший в плен, позднее писал: «Можно было бы ещё держаться, отходить постепенно, а в это время организовать эвакуацию. Что значит отозвать командиров частей? Это развалить её (оборону. — *В.В.*), посеять панику, что и произошло» (*Широкорад*, 2009. С. 562).

О выборочной эвакуации стало тут же известно старшим и младшим командирам, а потом и солдатско-матросской массе. Младшие командиры тоже рванулись на 35-ю батарею, а за ними толпами повалили солдаты. О том, какие драмы разыгрывались на Херсонесском аэродроме, когда одних спасали, а других оставляли на верную смерть, трудно себе представить. К четырнадцати двухмоторным «Дугласам», предназначенным для вывоза около 250 высших и старших офицеров, окружённым автоматчиками, рвалась толпа людей, не хотевших умирать. Их оттеснили те же автоматчики (очевидно, особотдельцы), создав проход для Октябрьского и его приближённых. Ситуацию усугубил внешний вид вице-адмирала — он был переодет в цивильные брюки, поношенный пиджак, а голову покрывала не адмиральская фуражка, а тряпочная кепка-шестиклинка.

Казалось бы, к этой позорной картине, напоминавшей бегство А.Ф. Керенского из Зимнего дворца в 1917-м, добавить нечего. Но это ещё не всё. Мало того

что собравшаяся на взлётно-посадочной полосе толпа пыталась взять самолёты штурмом, невзирая на охранное кольцо, но, согласно свидетельству присутствовавших там (и оставшихся там) солдат и офицеров, «по улетавшим самолётам из толпы красноармейцев и матросов, сдерживаемых автоматчиками, периодически открывался огонь из винтовок» (*Широкорад*, 2009. С. 265). Вот такого в Крыму уж точно раньше никогда не бывало. И это не моё частное заключение. Упомянутый генерал П.Г. Новиков, офицер весьма образованный, признался в Симферопольской тюрьме своему сокамернику — капитану 2-го ранга И. Зарубе, что не припомнит в истории войн случая, когда укреплённые крепости или районы сдавались с таким позором, как Севастополь — «город русской славы»[1].

На самом деле, по некоторым подсчётам, сделанным специалистами, здесь после отлёта начальства на произвол судьбы было брошено более 100 000 человек. При этом в плен попало около 90 000 солдат и офицеров (*Карель*, 2003. Кн. 1. С. 419). Все они (кроме тут же расстрелянных комиссаров и евреев) были направлены в симферопольский «Картофельный городок» — концлагерь, расположенный в крупнейшем овощехранилище, находящийся у железнодорожной ветки, ведущей к симферопольскому Кожкомбинату (ул. Жигалиной, № 17). Напомним, что оставлявшая город в 1855 г. Российская армия, в отличие от Красной, сохранила свою честь. Её командиры не оставляли гибнущий Севастополь до конца, а раненые были спасены *все до одного* — из тех, кто выжил, естественно.

Что же касается Севастополя в Великую Отечественную, то практически *все* раненые, которых заблаговременно не вывезли, а оставили на произвол судьбы, за эти четверо суток (некоторые, правда, позднее) погибли. Между тем имелась реальная возможность вывезти бóльшую часть брошенных командованием солдат и офицеров на Кавказ. Как выясняется, в Севастопольскую бухту можно было подвести из ближайших портов и от колхозных причалов 325 рыболовецких судов, в том числе и довольно вместительных (*Поляков*, 1998. С. 233). Они за предшествующие дни могли переправлять ночными рейсами раненых неоднократно. Но использовать их «командование флота не решилось» (там же). О себе же флотское начальство позаботилось заранее[2].

---

[1] В схожей ситуации оказалось через два с половиной года немецкое командование крымской группы войск. Но повели себя германские офицеры совершенно иначе. Генерал Рейнгардт, который командовал последними 10 000 немцев, при их эвакуации 11 мая 1944 г. взошёл на борт отходившего корабля последним. А когда грузилась 50-я пехотная дивизия, то оказалось, что на последней барже мест для раненых не хватает. Тогда «майор Тешнер приказал офицерам сойти на берег. Молча, как будто это было совершенно естественно, все офицеры вышли обратно. Майор повёл оставшихся в укрытие. Они окопались для последнего боя... Они держались ещё 6 часов, потом их раздавили. Но 2800 человек их дивизии эвакуировались» (*Карель*, 2003. Кн. 2. С. 363). Фельдмаршал Ф. Паулюс, имевший в своём распоряжении не только личный самолёт, но и транспортную эскадрилью, также оставался со своими солдатами до самого конца Сталинградской битвы, не помышляя о бегстве.

[2] Позволим себе, между прочим, усомниться в правомерности использования одного устоявшегося трафарета, а именно постоянного именования Севастополя «городом русской славы». Как в Крымской войне, так и в Великой Отечественной блокада города-порта завершилась победой наступавшей стороны, стоившей неисчислимых жертв его защитникам, во многом вызванных головотяпством советского военно-морского командования.

Вверху: последние защитники Севастополя; внизу: колонна пленных направляется к Симферополю. *Из трофейных снимков*

Приведу текст прошения командующего Черноморским флотом, вице-адмирала Ф.С. Октябрьского, о спасении собственной жизни, — это писание иначе, чем жалким, не назовёшь. Он сообщил 30 июля наркому Военно-

А также просчётами в стратегических разработках главного командования как царского, так и советского времени. Невольно возникает вопрос: почему не назван «городом русской славы» Ленинград, блокированный вермахтом одновременно с Севастополем, где победа, несмотря на чудовищные жертвы, всё же осталась за его защитниками? Ответ напрашивается сам собой: Севастополь, бывший татарский Ахтиар, и в XX в. нуждался в подтверждении его «русского» героизма, то есть его русскости. Именно поэтому катастрофический исход его блокады (как и трагедия веком раньше) превратился под пером казённых пропагандистов в подвиги титульного народа России, в символы его славы, не меркнущей в веках.

Вверху: немецкие офицеры и представители стран — союзниц Германии в захваченном Севастополе; внизу: севастопольская бухта в 1942 г.

морского флота Н.Г. Кузнецову, а также в Краснодар командующему фронтом С.М. Будённому о том, что Крым обречён. То есть последний клочок его земли — Севастополь с Херсонесом — продержится максимум 2–3 дня. В связи с этим вице-адмирал просил разрешения «вывезти самолётами 200–250 ответственных работников, командиров на Кавказ, а также самому покинуть Севастополь» (цит. по: *Поляков*, 1998. С. 232). Такое распоряжение было тут же отдано, хотя по старинной морской традиции капитан (а тем более адмирал) должен оставлять командный пост последним. После чего вся командная элита занялась самоспасением, так, кажется, и не поняв, что покрывает свои имена вечным позором[1].

[1] После войны Ф.С. Октябрьский, уже выйдя на пенсию, поселился в Севастополе. Как рассказывают, он любил по вечерам прогуливаться по Приморскому бульвару

Два плаката военных лет

Вместе с командирами и военными комиссарами бежали и севастопольские чекисты. Да так спешно, что не успели вывезти (или хотя бы уничтожить) секретную документацию и иные бумаги, содержащие весьма нужные немцам сведения о местном населении. Поэтому когда в городе одной из первых оказалась команда германской службы безопасности (SD) и тайной полевой полиции безопасности (GFP) во главе с оберштурмбанфюрером Фриком, то они обнаружили в городском отделе НКВД и других местах, «к своему немалому и радостному изумлению», полностью сохранившиеся папки с делами — «начиная от бумаг отделения госбезопасности, отделения милиции и заканчивая ЗАГСом». После этого команда полевой полиции «благодаря захваченным в горотделе документам раскрыла и уничтожила сначала сеть подпольных организаций, созданных горкомом партии и горотделом НКВД, а после обработки документов паспортного стола и ЗАГСа были обнаружены разведывательные сети, оставленные Приморской армией и Черноморским флотом» (*Колонтаев*, 2007. С. 6).

Что это было? Как назвать явление, когда командиры бросают свою армию, ещё способную сопротивляться наступающему противнику? Как определить их поступок?

По отношению ко всему народу, самоотверженно, не щадя жизней защищавшему родину, что это было, как не прямое *предательство*?

в адмиральском мундире, отнюдь не пряча глаз от местных жителей, многим из которых была известна история его падения.

По отношению к своим подчинённым, многим тысячам красноармейцев, краснофлотцев и офицеров, оставленным на призвол судьбы, что это было, как не *измена*?

А то, что Октябрьский и остальные беглецы оставили своё место в строю с согласия командования фронтом, лишь усугубляет тяжесть вошедшей в историю Крыма и Севастополя коллективной измены. Она приобрела, таким образом, лишь больший масштаб, став одним из многих ещё не раскрытых (или замалчиваемых) преступлений советских военного и карательного аппаратов в годы Второй мировой войны.

б) Советское подавление жизнеспособности крымского народа

Не испытывай алмаз молотком. Если алмаз не разобьётся, испытание не прибавит ему цены, а если разобьётся, у тебя не станет алмаза.
Мигель де Сервантес Сааведра

Как бы то ни было, на полуострове сменился хозяин. Но для того, чтобы понять новую ситуацию для рядового крымского населения, вернёмся в последние месяцы перед оккупацией. Задолго до её установления, ещё на исходе первого военного лета, когда многие не верили всерьёз, что полуостров будет оставлен, крымчан не могли не волновать некоторые малопонятные манипуляции властей. С полуострова удаляли не только людей[1], технику и иное государственное имущество, но и самые необходимые средства поддержания жизни населения. В том числе продукты, причём в огромных количествах. Налицо была тактика явного *оголаживания края*, точнее его жителей, вывод которых из зоны очередного искусственного голода не предусматривался. Конечно, крымчане давно опасались, что их оставят при подходе немца на произвол судьбы, но худшее, то есть перспектива голодной гибели, тогда не просматривалось. Теперь, когда стало окончательно ясно, что Красной армии из Крыма придётся уходить, в дело вступили приданные дивизиям специальные подразделения. Их задачей была не только эвакуация или ликвидация особо важного имущества, но и откровенное уничтожение продуктового фонда республики, по возможности тотальное. Причём дело было отнюдь не только в напирающей германской армии.

Во-первых, как-то «забылось», что немцы имели неплохо отлаженную службу тылового обеспечения и что уничтожение, скажем, невывезенной части крымского урожая вряд ли поставит манштейновскую армию на грань вымирания от голода. То есть готовился удар не столько по немцам, сколько по советскому населению. Что было заметно и чисто внешне: на фоне изголодавшихся, с землистым цветом лиц крымчан в первые месяцы оккупации (да и позже) особенно сытыми, розовыми, здоровыми выглядели оккупанты, против которых вроде

[1] Эвакуация гражданского населения началась с июля 1941 г. В организованном порядке до ноября вывезли 200 000 человек; всего из Крыма было эвакуировано более 270 000 чел. (Крым в ВОВ. С. 66). Несколько меньшее, но всё же весьма значительное число крымчан разной национальной принадлежности бежало на восток самостоятельно.

бы и были задуманы все эти меры разорения Крыма. Вообще, о снабжении тыла, обычных, мирных граждан в годы войны московские верхи как-то не очень думали. Поэтому голод катился впереди наступавшей германской армии, и чем ближе находились «тыловики» к линии фронта, тем тяжелее им доставалось. Это была «Первая и единственная пока война из 15 тысяч войн, произошедших на земле, в которой потери в тылу превышают потери на фронте, — они равны 26 миллионам, в основном... женщин и инвалидов, детей и стариков. Только преступники могли так сорить своим народом!» (*Астафьев*, 2009. С. 2).

Во-вторых, куда-то делась хрестоматийная «забота советской власти» о своих, об остававшихся, то есть советских как-никак гражданах. А ведь впервые в истории Крыма оккупации подлежали не самоснабжавшиеся крестьянские хозяйства (всегда имевшие запасы на любой случай) и не городские жители, в большинстве своём имевшие сельских родственников, пусть и дальних, но способных им помочь. Теперь на произвол судьбы были брошены семьи колхозников и рабочих совхозов, имевшие в лучшем случае маломощные приусадебные огороды. То есть все жители Крыма, городские и сельские, ранее поставленные в зависимость от государства, от государственных складских запасов, теперь этих запасов были лишены[1].

В-третьих, есть сведения, что ликвидаторские подразделения и обычные части конфисковали *частные запасы* продуктов и скота, отбирая их у людей, у кого это добро ещё было. Так, в с. Шура Бахчисарайского района с мельницы было вывезено зерно, оставленное там частными помольщиками. А в соседних сёлах, с частных же дворов, угоняли «коров, барашек, лошадей — всё брали» (АМ ФВ. Д. 206. Л. 2).

Это ограбление Крыма потрясает своим размахом. Напомню, что предвоенные годы с их нацеленностью на милитаризацию народного хозяйства и без того истощили население[2], причём всей страны. То есть теперь чистили *полуголодный*

[1] Оправдания подобной антигуманной политики встречаются в научной печати до сих пор. В работах военных историков делается упор на то, что у жителей территорий, которым грозила оккупация, продукты и другое *личное* имущество не конфисковывалось, «так как реквизиции проводились в крайне ограниченных случаях (реквизиция лодок в месте переправ, временное изъятие радиоприёмников и т. д.) и по своей сути являлись возмездными, они не могли существенно изменить экономическое положение граждан» (*Куликова*, 2011. С. 294). Но здесь не учитывается экономический ущерб, нанесённый государством этим жителям путём куда более масштабных изъятий тех же продуктов из *общественных* фондов, созданных трудом членов общества, следовательно, им принадлежащих. При этом упомянутые изъятия или уничтожение средств к существованию населения иезуитски выдаются за необходимые для их же блага в ситуации режима военного времени или вражеского наступления: «Государство, осуществляя эти режимы, всегда ставит свои интересы неизмеримо выше интересов личности... Тем самым защищаются и интересы личности, а фраза „для вашего же блага“ теряет ироничный оттенок и максимально точно характеризует ситуацию, когда государство реализует древний принцип предотвращения большего вреда путём причинения меньшего» (указ. соч. С. 295).

[2] Такая хозяйственная политика, между прочим, достигала целей, противоположных заданным. При всей вооружённости средствами массового поражения держава не была в состоянии их эффективно использовать, поскольку личный состав армии и гражданские её тылы были экономически плохо обеспечены. Накануне войны люди «испытывали по-

Крым. Кстати, сказка о «сытых предвоенных годах» — более поздний миф. Готовясь напасть на Финляндию, Москва повсюду повысила в 1939 г. цены на ткани, одежду, трикотаж, стеклянную и металлическую посуду, обувь. Зимой подорожал сахар, в апреле 1940 — в полтора-два раза выросли цены и на мясо, рыбу, жиры, сыр, все молочные продукты, картофель и овощи. Были введены жёсткие ограничения на продажу товара в одни руки.

Хваленая экономика «могучего индустриального» СССР посыпалась в результате одной лишь Зимней кампании. Дело было не только в росте военных поставок. Повышение расходов топлива, электроэнергии, сырья, резкий рост военных перевозок привели к простаиванию невоенных предприятий и снижению объёмов перевозок гражданских грузов. Крым, поставлявший сельхозпродукцию, потреблял практически стопроцентно привозные промтовары. Их теперь стало ещё меньше, хоть не хватало и раньше: «зимой 1939–1940 — весной 1940 гг. положение стало катастрофическим» (Советское общество, 1997. Т. I. С. 226). С декабря была запрещена свободная продажа зерна и муки, начались перебои с другими продуктами, подскочили цены на базарах, для деревни сократили рыночные фонды.

Появились тысячные очереди, начинался предвоенный *голод*. Милиция разгоняла людей, ожидавших открытия магазинов морозными ночами. Крестьяне крымских деревень потянулись в города — на селе есть стало нечего. Их встречали пикеты типа заградотрядов 1920-х у Битумной, в Сюрени, под Дуванкоем... Доведённые до отчаянья крымчане забывали о своём страхе перед «органами», обращаясь в своих письмах непосредственно к руководству страны, жёстко критикуя действия местных властей и прося Кремль спасти их детей от голодной смерти. Севастополец Т. Макаренко отправил в конце зимы 1939–1940 гг. лично Сталину послание, где ситуация с продуктами питания подтверждалась конкретными цифрами.

Город, несмотря на своё полувоенное положение (здесь с обороной были так или иначе связаны практически все трудящиеся), жестоко страдал от резкого удорожания продуктов. Так, при нормальной цене картофеля 50 коп. за килограмм той зимой он стоил от 6 до 8,5 руб., то есть основной для большинства населения продукт питания стал в 12–17 раз дороже. Соответственно поднялись цены и на хлеб, и на мясо, а фрукты в солнечном Крыму стали вообще недоступны — они стоили в полтора раза дороже картошки. Но проблема была не только в хлебе насущном. Той зимой из магазинов полностью исчезла одежда для детей от 2 до 7 лет — что это означает, не требует объяснения.

Чтобы попасть в магазин в числе первых сотен, продолжает автор письма, люди занимают место с вечера, проводя на морозе всю ночь, при этом очереди

стоянную нехватку элементарных продуктов питания, товаров повседневного пользования, медикаментов, включая простейшие перевязочные материалы. Милитаризация экономики посадила на голодный паёк не только непроизводственное потребление и сферу услуг, но и гражданские отрасли производства, невоенные научные исследования и даже, как ни парадоксально это звучит, саму армию» (*Вишневский*, 1998. С. 64–65). Это положение не могло не отразиться на продолжительности жизни населения в 1930-х гг. Если на Западе такие данные были близки к российским в конце XX в., то в России 1939 г. женщина в среднем жила 42,6, а мужчина — всего 34,9 года (Мир России. 1999. № 4. С. 5).

достигают размера в 300–350 «номеров». А когда утром открываются двери, то люди, зная, что на всех хлеба или картошки не хватит, рвутся к прилавку буквально не помня себя. При этом, естественно, возникает страшная, смертельно опасная давка. И Т. Макаренко подтверждает свои слова, описывая конкретный случай: совсем недавно у магазина на ул. Маркса, 5, приписанного к севастопольскому военному «Заводу 201», одного из рабочих, стоявших в очереди, толпа задавила *насмерть* (РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 78. Л. 161). А ведь это был, скорее всего, крепкий мужчина — что же тогда говорить о женщинах или детях, которым тоже приходилось стоять в очередях, если их отцы и мужья работали в ночную смену...

Не лучше обстояло дело и в Евпатории. Военный комиссар КУ КСЗА[1] (в звании полкового комиссара) Орлов направил 11 февраля 1940 г. письмо в Секретариат ЦК ВКП(б), где сообщал, что семьи комсостава по 2–3 дня вообще лишены хлеба. Что неудивительно, так как для евпаторийского гарнизона стали отпускать лишь 1000 кг хлеба в сутки при обычной норме в 16 000 кг. Военнослужащих же только в КУ КСЗА насчитывалось с семьями от 3000 до 3500 чел., а ещё было 200 чел. военных строителей (около 600–700 чел. с семьями), 300 служащих Военторга, тоже семейных, персонал авиамастерских, личный состав военного аэродрома, частей ВМС и т. д. Нетрудно подсчитать, что на человека приходилось в день гораздо меньше 200 г хлеба. В результате, продолжает комиссар Орлов, нормальная деятельность курсов парализована, так как вольнонаёмные заняты добыванием элементарных средств к существованию, причём очереди в магазины достигают длины в 500 человек (РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 77. Л. 93–95). Учтём, что эти данные касались в основном военных структур, где порядка было всё-таки больше, чем на «гражданке», — значит, основной массе жителей города приходилось ещё хуже.

Поэтому легко понять, что Макаренко и Орлов были в своей инициативе далеко не одиноки. Из крымских городов и сёл шли в центр тысячи писем с просьбой введения карточек, которые могли бы снять кризис снабжения, перед которым уже много месяцев было бессильно государство. Но эта мера, легко введённая в начале 1930-х, теперь тормозилась сверху — это было бы добровольным признанием чрезвычайного положения, создавшегося из-за военной кампании в крошечной Финляндии. Политбюро и СНК СССР назвали карточные инициативы «извращением советской торговли», наотрез отказавшись снять напряжение, облегчить положение населения накануне новой войны.

Крымский урожай 1941 г. успели собрать, но половину его (270 000 т только зерна) вывезли сразу же; удалось и 700 000 голов скота угнать на Кубань (*Басов*, 1987. С. 22, 26). Оставшимся хлебом и другой сельскохозяйственной продукцией стали снабжать части Крымского фронта и флот — это было проще централизованного обеспечения. Но урожай был такой, что съесть даже оставшуюся его полови-

[1] Курсы усовершенствования командного состава зенитной артиллерии длительное время являлись крупнейшим учебным заведением города (закрылись только в 1950-х гг.). Их главный корпус был расположен на проспекте 25-го Октября, а артиллерийский парк, мастерские и казармы для обслуживающего личного состава занимали огромную территорию между нынешними улицами Дёмышева, Некрасова, Фрунзе и Токарева.

ну было невозможно — и его, вместо того чтобы *раздать людям*, стали уничтожать на месте, в Крыму. Как это производилось — разговор ниже. А здесь подчеркнём, что судьба крымчан никого не волновала, тем более что представителем Ставки на Крымском фронте был знаменитый в прошлом каратель, чекист Л.З. Мехлис.

Народ Крыма — в который раз — откровенно приносили в жертву государству. Причём, как и раньше, секрета из этого не делалось. Средства к существованию отнимались у сотен тысяч человек явно, при свете дня (собственно, акцию такого масштаба и невозможно было бы скрыть). Пылали подожжённые огнемётами поля, сизый дым окутывал башни элеваторов, приглушённо ухали взрывы в подземных продуктовых складах, взлетали на воздух мосты через неглубокий Салгир, после чего крестьянам приходилось нести на себе свои продукты на базар, идя вброд, — неужели такая мера могла помешать немцам войти в Симферополь! А крымчане были бессильны остановить это уничтожение плодов их труда, от которых напрямую зависело выживание их детей в ближайшем будущем. Когда же они пытались выхватить из огня, спасти хоть что-нибудь, то солдаты Красной армии открывали по ним огонь, как это было у ограды горевшего склада бахчисарайского Заготзерна (АМ ФВ. Д. 206. Л. 1)[1].

Случались вещи и пострашнее. Для того чтобы операция по уничтожению средств жизнеобеспечения прошла как можно глаже, не щадили и людей. Бейе Ильясова рассказывает, что карасубазарский скотовод Мухтар Абдувелиев перегонял в октябре 1941 г. скот в Севастополь. Но когда стада прибыли на место назначения, то по неясной причине их не оставили в городе, которому грозил блокадный голод, а погрузили на баржи — естественно, вместе с погонщиками. Цель этих непонятных действий севастопольских властей выяснилась слишком поздно, когда в открытом море с барж сняли буксирные тросы. Их вместе с людьми и скотом утопили в море. «Как видно, выполняли приказ ГКО об уничтожении всех ценностей, чтобы не достались врагу. Так семья с 7 детьми осталась без отца» (ГК. 07.07.2006).

Конечно, сохранились директивные указания по этому поводу; такое варварство не проводится по частной инициативе. По этому поводу из Москвы была спущена Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., в которой говорилось, что «всё ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно, безусловно, уничтожаться» (цит. по: Загорулько, Юденков, 1980. С. 104). Можно найти и конкретных инициаторов этого решения, прямым следствием которого был новый крымский голод, третий за период после 1917 г. Но далеко не все архивные

[1] Эти акции государственной власти, преступные по отношению к народу, были немудрыми и в собственных интересах. То есть в смысле «правильной» подготовки крымчан к ситуации надвигающейся оккупации, точнее — к запланированному и уже готовившемуся партизанскому движению. Как известно из истории, сила сопротивления чужеземным захватчикам — в массовой поддержке народом тех, кто взял в руки оружие для борьбы с оккупантами. Но когда перед крымскотатарским крестьянином был поставлен жёсткий выбор между голодной смертью его семьи и выживанием (даже ценой выемки продуктов из заложенных накануне оккупации партизанских продовольственных баз), то он, естественно, предпочёл последнее. И ограбленное советской властью горное село, в свою очередь, обрекло партизан на голод уже в первый год оккупации (см. ниже).

Вверху: временные мосты, наведённые через Салгир после ликвидации постоянных. *Фото из коллекции музея Ларишес.*
Внизу: верховный поджигатель со спичками. *Фотоколлаж С. Турченко*

находки способны изменить наше отношение к эпохе, её содержанию. Упомянутая проблема — не из тех, что позволяет оставить её исследование историкам будущего. Поэтому выслушаем живых свидетелей исхода Красной армии — а заодно и советской власти — в 1941-м.

Нияс Азисов вспоминает, что через Биюк-Онлар в сторону Керчи гнали в облаках пыли огромные ревущие стада недоенного (не до того было) мелкого и крупного рогатого скота, табуны лошадей, и это действо поистине библейского трагизма разыгрывалось на фоне горящих элеваторов (АМ ФВ. Д. 7. Л. 1). Там горело *последнее*, что оставалось, — в некоторых районах ни колхозам, ни семьям колхозников не оставляли ничего, хлеб прямо с поля увозили на местные склады

Стихийная эвакуация гражданского населения накануне оккупации Крыма. *Неизвестный фотограф*

Заготзерна, где его сжигали, не сдавая на элеваторы (АМ ФВ. Д. 206. Л. 1). Под феодосийский Мелькомбинат заложили столько тола, что после взрыва с неба долго опускалась мука — город стал белым (АМ ФВ. Д. 199. Л. 1). Губили, конечно, не только хлеб.

Многие утверждают, что море между Ялтой и Никитой приобрело красноватый оттенок. Это сливали массандровские и магарачские вина, коньяки, винный спирт (АМ ФВ. Д. 6. Л. 3; АМ ФВ. Д. 112. Л. 1). По германским подсчётам, только в Массандре было разбито 15 000 бочек и 200 000 бутылок вина, среди которого было и коллекционное. В других подвалах было уничтожено не меньшее количество драгоценного продукта (*Frauenfeld*, 1978. S. 218). Причём вино сливали в таких количествах, что были отравлены и засохли деревья и кустарник ниже массандровского подвала № 1 (АМ ФВ. Д. 3. Л. 21). Так же поступили с содержимым винных резервуаров в Симферополе, у Феодосийского шоссе, из которых вино стекало по кюветам вниз, в город (АМ ФВ. Д. 46. Л. 4), то же самое было отмечено в Гурзуфе (АМ ФВ. Д. 216. Л. 5).

Советское командование явно считало, что вино, коньяк и пр., если их оставить, послужат на пользу оккупантам — вероятно, так оно было бы. И здесь наводит на размышления одно интересное явление несколько более позднего времени. Весной 1944 г., когда немцев стала теснить Красная армия и отступавшие также стали уничтожать ценное имущество, то в отношении алкоголя наблюдались прямо противоположные действия. При проведении соответственной операции («Адлер») квартирмейстерскому отделу 5-го армейского корпуса было указано «алкогольные напитки не уничтожать, а оставлять русским. Практика показывает, что когда они захватывают такие трофеи, их наступление замедляется» (цит. по: *Литвин, Смирнов*, 1994. С. 85). И они были правы. Приведём отрывок из фронтового дневника бывшего учителя Куртумера Фаизова:

Немецкий патруль в степном Крыму.
Фото неизвестного автора

«27 сентября 1941. Армянск переходит из рук в руки. Наши бойцы нашли в Будановке бочку с водкой. Все напились в доску и, лёжа на спине, ведут огонь по самолётам. Какой-то лейтенант снял посты возле наших машин в Будановке и с сержантом Алицким повёл их в атаку в Армянск. Я их встретил и повернул обратно» (ГК. 15.06.2007. С. 3). И правильно сделал крымский учитель — можно себе представить, как бы атаковали немецкие позиции солдаты, которые «напились в доску»!

Между тем в оставшиеся недели безудержного уничтожения и порчи любого продовольствия широко использовался керосин. На Южном берегу им были залиты картофельные склады, в Симферополе — запасы табака на Нахаловке (АМ ФВ. Д. 144. Л. 4). Керосином заливали и элеваторы, и зерновые склады Симферополя (АМ ФВ. Д. 279. Л. 2).

В соответствии с теми же Директивами СНК РСФСР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. велось планомерное разрушение городской жилой, административной и промышленной инфраструктуры. Были подожжены многие здания и предприятия, в том числе такие крупные, как симферопольские вокзал и маслобойня, южнобережные санатории и гостиницы (АМ ФВ. Д. 146. Л. 2; АМ ФВ. Д. 144. Л. 3 об.). Как-то можно понять ликвидацию казарм 417-го стрелкового полка в Сарыголе под Феодосией (АМ ФВ. Д. 199. Л. 1): всё-таки военный объект... Но вот в Керчи взрывали жилые кварталы, один за другим, так что людям просто негде стало жить[1]. А в Большой Ялте в последние дни октября — нача-

[1] В отчёте германского хозяйственного штаба «Восток» за май 1942 г. указывается, что «на Керченском полуострове обнаружены большие разрушения, Керчь превратилась в развалины» (*Загорулько, Юденков*, 1980. С. 106). Этим, в частности, объясняется переход многих керченцев на подземное обитание, в старые каменоломни, где смерть от голода и жажды грозила не только детям, старикам и больным, но и вполне крепким людям (и это даже не говоря о начатой несколько позже «войне» с немецкой армией из-под земли). Впоследствии советские писатели объясняли этот уход мирных жителей из разрушенных

Немцы входят в Старый Крым.
Немецкий любительский снимок

ле ноября были подожжены все санатории, кроме «Долосс», корпуса которого спасло лишь их неблизкое расположение (АМ ФВ. Д. 120. Л. 3). «Стратегически важные» объекты попросту взрывали — как одно из зданий НКВД, расположенное в Симферополе на углу Кирова и Дзержинской.

В числе сожжённых памятников культуры были Дворец эмира Бухарского (ялтинский Музей Востока), Малый дворец Александра III в Ливадии, дворец великого князя П.Н. Романова «Дюльбер» в Мисхоре (ГКо. 30. 10. 1942). Причём в результате поджога Музея Востока сгорела основная часть бесценного национального культурного наследия крымцев, почему-то не вынесенная из здания перед его ликвидацией.

Под алупкинский Воронцовский дворец было заложено огромное количество взрывчатки, и только самоотверженность С.Г. Щеколдина, директора этого всемирно известного шедевра, спасла дворец от гибели (*Усеинов*, 2000. С. 5). Забегая вперёд, скажем, что такое уничтожение памятников если не истории, то архитектуры, явно не имевших никакого стратегического значения, преступно с любой точки зрения. Поэтому немцы, тоже отличившиеся в этом смысле при отступлении в 1944 г., именовались советской прессой «вандалами» (КК. 27.05.1945), что справедливо. Но возникает вопрос, кто принимал *советское* постановление о ликвидации дворцов, замков, домов отдыха и др., чем советские факельщики отличались от немецких «вандалов»?[1]

советскими факельщиками кварталов под землю какой-то особой волей керченцев к Сопротивлению... Но туда ушли именно самые слабые, имевшие младенцев на руках погорельцы. Семьи же, способные идти пешком (транспорт в те дни, понятно, не работал), стремились бежать из Керчи как можно дальше; так, семья Ризы Асанова, неся всё своё добро на себе, добралась из Керчи аж до Таракташа (АМ ФВ. Д. 215. Л. 5).

[1] Следует отметить, что в этом преступлении перед крымским народом не были виноваты армейские офицеры и солдаты, поневоле участвовавшие в очередном разорении

Вообще-то, появляется основание утверждать, что если бы оборона полуострова была чуть покрепче, если бы осталось побольше времени на ликвидацию крымского добра, то она остановилась бы не раньше тотального разгрома, в котором для потомков в Крыму вообще не осталось бы ничего довоенного. Ведь эта акция прекратилась только с бегством факельщиков, поджигавших или взрывавших последние «объекты» буквально на ходу. В Корбеке, например, винные бочки были порублены отступавшими матросами, когда немцы были уже у окраины села (АМ ФВ. Д. 219. Л. 1); в других местах оккупанты были вынуждены тушить ещё не догоревшие здания, подожжённые отступавшими. Крым вообще представлял собой огромное пожарище, по которому бродили многие десятки тысяч бездомных, брошенных «своими», голодных погорельцев. *Такая картина* не могла не поразить немцев, впервые увидевших страну, ранее известную им лишь по фашистским памфлетам. Именно тогда Геббельс злорадно отметил, что «реальная жизнь в Советском Союзе заставила побледнеть нацистскую пропаганду» (цит. по: *Лакер*, 1991. С. 342).

Между прочим, кое-где были случаи нарушения упомянутой выше Директивы от 29 июня 1941 г. Так, в Белоруссии было уничтожено далеко не всё зерно, более двух третей его осталось, а из этого количества 27 000 т было роздано населению, как и 51 527 голов молодняка (*Загорулько, Юденков*, 1980. С. 106). В Крыму же на это власти не пошли, а после войны сделали попытку извратить истину, свалив вину за безжалостное уничтожение продуктов и другого народного добра на немцев. При этом было прочно «забыто», что кое-что народ успел всё же спасти — но не от немцев, а от Советов.

Ведь оккупация началась не мгновенно; в том же Симферополе (да и в других местах) около 2 суток длилось практически междувластие. За это время население смогло разобрать продовольствие и другое имущество, которое Советы не успели сжечь или испоганить; многим тысячам людей это спасло жизнь во время оккупации. Так, в Симферополе был «приватизирован» склад консервированного варенья (фабрика «Возрождение»), запасы патоки (бывший цех на углу Кантарной и Севастопольской) и так далее. В Ялте также практически «все продовольственные склады и магазины растаскивались людьми» (АМ ФВ. Д. 120. Л. 3–4). Из уже упоминавшихся подожжённых бахчисарайских складов Заготзерна юркие мальчишки таскали зерно, подбираясь к ним с задов, — красноармейцы просто не могли за ними уследить в дыму (АМ ФВ. Д. 206. Л. 1).

В Биюк-Ламбате и Гурзуфе магазины были открыты для сельчан самими завмагами — и люди запаслись бесплатными продуктами (АМ ФВ. Д. 216. Л. 5). В Корбеке директор школы Сейдулла Меналиев раздавал односельчанам муку, лично развозя её на телеге. Добро, как известно, не забывается — Сейдулла-агъа был коммунистом, но корбеклинцы во время оккупации буквально не позволили немцам увести его на верный расстрел (АМ ФВ. Д. 219. Л. 1).

Крыма. Более того, некоторые из них находили в себе мужество препятствовать акциям такого рода. «Даже такие послушные и апатичные командиры Красной армии, как Р.Я. Малиновский, и те не только открыто возмущались, но и делали попытки предотвращения хлебопала и подрыва заводов, фабрик и учреждений прямо за спиной своих дерушихся войск, так как это совершенно деморализовало боевые части, доказывая безнадёжность любых их действий» (цит. по: *Бочкарёв*, 1996. С. 470).

Но конечно, в масштабах всего крымского населения эти жалкие остатки былого богатства не могли исправить положения. Жить стало нечем, тем более что пути к какому-то заработку тоже оказывались закрытыми, — уходя, советская власть вполне определённо предупреждала, что таких «немецких пособников» ждёт возмездие (и слово сдержала — см. ниже). О том, *как жить, как* выжить, сказано не было. Но и без того становилось ясно: *под немцем* советские граждане не имели права на жизнь. Их лишили всего, от хлеба до крова над головой и права работать, оставив один-единственный исход: умереть от голода, умножив тем самым число жертв фашистского (а вовсе не советского) режима.

Понятно, что голод и не заставил себя ждать. Забегая вперёд, скажу, что он начался уже в первую осень оккупации. «Первое время магазины были закрыты, разграблены. В основном жили тем, что вещи обменивали на продукты, муку и другие сельхозпродукты. Для этого нужно было в сельские районы пешком добираться (транспорт не работал)», — рассказывает Майре Бадраклы, встретившая оккупацию в Симферополе (АМ ФВ. Д. 279. Л. 2). Уже тогда начали печь хлеб, в котором больше половины составляли распаренный лук, картошка или другие добавки. Чуть позже стали подмешивать полынь, — чтобы дети сразу всё не съедали (АМ ФВ. Д. 19. Л. 7). В оккупированном Севастополе, где проживало 40 000 жителей, от голода умерло 3000 человек, — в полтора раза больше, чем погибло от германских репрессий (*Колонтаев*, 2007. С. 6). В целом подсчитано, что жертв среди мирного населения (в том числе от наступившего голода и ликвидации запасов тёплой и иной одежды, топлива и пр.) «оказалось даже больше, чем среди фронтовиков», призванных на полуострове (Книга скорби, 2001. С. 6).

В далёком Ленинграде, по большевистскому головотяпству (если не хуже) также оставшемся без продовольствия, где в эти недели уже начинался голод, поэтесса Ольга Берггольц, прославленная «блокадная Мадонна», записывала по этому поводу в дневнике: «Собственно, не немцы угнетают, а наша срамота. Вот что убивает...» (ОГ. 07–12.12.2000). О том, *какую* власть винить за голод, не было сомнений и у крымчан — всё происходило на их глазах. Как бесхитростно замечает старик — свидетель уничтожения запасов Советами, «если бы не это — народ не голодал бы. Особенно в городах. А оккупанты в этих продуктах не нуждались» (АМ ФВ. Д. 144. Л. 4). Наблюдательный старик прав — продуктов у немцев было столько, что появлялись излишки, которые раздавались местному населению, хоть и нечасто.

Последнее утверждение не бесспорно — в грабительских навыках немцы и румыны ни в чём не уступали коммунистам. Впрочем, это касалось скорее «частных инициатив» солдат, реже — офицеров и шло вразрез с приказом генерал-полковника Э. Манштейна от 11.11.1942 г.: «требую неукоснительного уважения к личному имуществу, сохранности скота, продовольственных запасов сельских жителей... Я особенно подчёркиваю, что реквизиция продовольствия возможна только с разрешения офицеров в ранге не ниже командира батальона и только тогда, когда нет другой возможности обеспечить снабжение войск. Эти реквизиции (только необходимых продуктов) можно проводить только в больших и богатых населённых пунктах. В горных районах я это делать запрещаю»

Вверху: оккупанты — и голодные крымчане. *Фото Фридриха Шекеля — из немецких военных снимков*; внизу: то же. *Фото неизвестного немецкого солдата*

(шит. по: Германские документы. С. 263). И чем полнее восстанавливалось сельское хозяйство оккупированного полуострова — тем относительно меньшими становились поборы новых властей. Были и такие случаи, что хозяйственная администрация «прощала» общинам недоимку, оставляя весь урожай людям (См. § 3 этого очерка).

Конечно, это было тяжким преступлением перед гражданами собственной страны — оставить людей без средств к существованию. Но, как уже упоминалось, оно было одобрено свыше — в отношении сёл и деревень имелись точные указания Ставки Главного командования — не давать им возможности выживать. Об этом свидетельствуют материалы допроса попавшего к немцам в плен представителя Ставки Верховного главнокомандующего капитана А. Русанова. Он показал, что мирные люди оказались недостойными человеческого к ним отношения по особой причине: они не эвакуировались заблаговременно (как будто к этому *для всех* имелась возможность!). Отсюда вывод: «раз население не ушло с нею (с Красной армией. — *В.В.*), значит, оно было настроено антисоветски... С ним перестают считаться уже тогда, когда по известному приказу Сталина

должно всё уничтожаться — заводы, посевы, скот и т. д. Остающееся население лишают основ существования» (цит. по: *Гогун*, 2004. С. 25)[1].

В заключение этого сюжета скажем: крымские татары, вообще крымчане ещё легко отделались. Согласно приказу Ставки Верховного главнокомандующего № 0482 от 17 ноября 1941 г., требовалось «при вынужденном отходе наших частей... обязательно уничтожать все без исключения населённые пункты, чтобы противник не мог их использовать...» (цит. по: *Чураков*, 2007. С. 99). Сравним этот приказ с другим, отданным тоже в ноябре, но 1920 г., генералом П.Н. Врангелем, также готовившимся покинуть Крым, уступая превосходящим силам противника: «В случае оставления Крыма воспрещаю какую бы то ни было порчу и уничтожение казённого имущества, так как таковое принадлежит русскому народу» (цит. по: *Тополянский*, 1996. С. 196–197). Думаю, комментарии здесь излишни: две личности, два этических уровня, отсюда — и два отношения к народу.

Приказ генерала был выполнен в точности, приказ генералиссимуса — не до конца. Видимо, у народной армии просто времени не хватило, или бомбового запаса, для осуществления возродившейся уже в XX в. петровской тактики выжженной земли. И то хорошо, — над оставшимися без мужчин-фронтовиков женщинами, стариками и детьми хоть кровля осталась.

2. Будни оккупированного Крыма

О том, какая судьба ожидала Крым и его население в случае победы Германии, известно достаточно хорошо. Использовав исторический факт многовекового заселения центральной части полуострова готами, Гитлер, Розенберг и Гиммлер разработали проект превращения послевоенного Крыма в *Готенланд*. То есть в территорию, на которую после предварительной этнической чистки (предполагалось полное удаление славянского и иного населения и частичное — крымскотатарского) будут переселены этнические немцы из Южного (итальянского) Тироля. Идеологической основой этого плана должно было служить восстановление древнегерманского духа крымских готов и их вождей. При этом очередной удар ожидал многострадальные крымские топонимы. Симферополь должен был стать Готенбургом, а Севастополь — Теодорихсхафеном, то есть Гаванью Теодориха[2] и так далее (*Вольфрам*, 2003. С. 13).

[1] Отмечу в скобках, что каких-либо указаний или рекомендаций относительно того, *как же* должны были советские люди вести себя в условиях приближавшейся оккупации (то есть эвакуироваться или оставаться), спущено властями не было. А ведь это была, возможно, самая животрепещущая проблема в тогдашней ситуации, причём не только для Крыма. Правда, московский Всесоюзный институт юридических наук Наркомюста СССР начал вроде бы готовить брошюру «Обязанности граждан СССР в условиях Отечественной войны» (Социалистическая законность. 1941. № 1–2. С. 9). Однако весьма сомнительно, что эта брошюра (если она вообще вышла!) успела поступить в Крым до начала оккупации. Во всяком случае, мои поиски её в крымских библиотечных и архивных фондах успехом не увенчались.

[2] Теодорих (454–527) — король остготов, завоевавший Италию и основавший на Аппенинском полуострове своё королевство (493 г.).

Этот план, названный «Генеральный план Ост — правовые, экономические и территориальные обоснования Восточной структуры» (или «Обоснования конструирования Востока» — Generalplan Ost — rechtliche, wirtschaftliche und räumliche Grundlagen des Ostaufbaus), был готов в окончательном варианте в конце мая 1942 г. Его автором стал профессор Конрад Майер-Хетлинг, специалист в социологии села и аграрной колонизации, которого Г. Гиммлер привлёк к созданию Восточного вала — вытянутой с севера на юг области немецких поселений вдоль новой границы рейха. Однако в плане Ост речь шла о трёх пятнах расселения этнических немцев: в регионах Белоруссии, Ленинграда и Крымском, а также о 36 опорных пунктах, которые в течение 25 лет должны были стать высокоразвитой аграрной и промышленной структурой с перспективой дальнейшего расширения онемеченных областей. В эти регионы было намечено переселить 5 миллионов немцев, что обошлось бы казне в 66 миллиардов рейхсмарок (*Müller*, 1991. S. 105).

При этом Крыму отводилась роль основной образцовой базы, своего рода вехи в созидании некоего германского «Народного моста» (einer deutschen Volkstumsbrücke), который должен был протянуться от Бессарабии до Прибалтики. На полуостров теперь было задумано переселить 127 000 этнических немцев из Транснистрии (*Fleischhauer*, 1983. S. 170 ff.). Кроме того Крым, как и остальная территория Народного моста, предназначался для германских солдат, которые после окончания войны начнут новую, обеспеченную жизнь на новых местах, где рейх предоставит им в собственность землю и помощь в постройке дома. Так, полагали авторы журнала СС «Чёрный крест», будет заложена основа «благодарной памяти их жён, детей и детей их детей о победе, которой они добились на полях сражений». Гиммлер выражал ту же мысль грубее и проще: «социальную проблему можно решить, лишь убив другого и завладев его полем». Он же определил перспективное будущее Крыма (как и других территорий, входивших в план Ост) не на 25, а на 100 лет вперёд: «Сегодня — поселение, завтра — колония, послезавтра — рейх» (цит. по: *Müller*, 1991. S. 108, 110).

Полностью программа продвижения «германства» (des Deutschtums), то есть многоплановой демографической, экономической, социальной и культурной экспансии на Восток, была подготовлена по заданию Гиммлера всё тем же профессором К. Мюллером. Окончательный, завершённый вариант плана Ост (вплоть до крупномасштабных карт с новыми топонимами) был готов на исходе зимы нового 1943 г. Но к его осуществлению даже не приступали. Жизнью переселенцев и их семей было решено не рисковать — до окончательной победы германского оружия. Впрочем, Гиммлер, отдавая себе отчёт о трудности управления всей огромной территорией СССР численно всё же ограниченным немецким аппаратом, не исключал компромисса со Сталиным, по которому за Германией могли остаться лишь уже завоёванные восточные территории — с границей по линии Урала или даже Днепра. Но и в этом случае Крым, безусловно, должен был войти в число имперских территорий (*Fleischhauer*, 1986).

Более того, в отличие от других объектов общего плана, Крым и Таврия не могли ждать конца войны. Аппарат Г. Гиммлера подготовил к осени 1943 г. программу освоения территории полуострова уже на следующий год. Поразительно, но и в этом, частном, казалось бы, случае нацисты не могли не пойти по стопам большевиков довоенного времени. Согласно окончательному решению, Крым

должны были первыми наводнить переселенцы с земель Ветхого Завета. Только не иудеи, как это было в кремлёвских планах, а фольксдойчи из Палестины. Для них на крымской земле уже были размечены 28 районов проживания, которые предполагалось полностью очистить от местного населения. И лишь в начале 1944 г., не раньше, эта программа, последняя в «крымских» расчётах нацистов, была окончательно свёрнута (*Müller*, 1991. S. 112).

План Ост считался (и считается) как в отечественной, так и в западной историографии Второй мировой войны единственным и безальтернативным. Однако вопрос с Готенландом не так прост. Недавние исследования истории Третьего рейха привели к выводам, далёким от этой общепринятой схемы. Оказывается, в Германии существовала и вторая политическая линия, коренным образом отличавшаяся от упомянутой. Причём инициаторами её проведения были довольно значительные лидеры нацистской державы — вроде дипломата в ранге посла Ф.В. фон Шуленбурга[1] и даже министра иностранных дел И. Риббентропа.

Бывший посол Германии в Москве, Ф.В. Шуленбург уже в 1942 г. занял весьма значительную должность в Министерстве иностранных дел рейха, возглавив его XIII Управление. Он был, пожалуй, лучше других нацистских лидеров — если не считать А. Розенберга — знаком с Россией, в частности с её географией. Поэтому сама идея немецкого управления этой грандиозной территорией (включая сибирские просторы), если Россия потерпит тотальное поражение, казалась ему неосуществимой. Для этого просто не хватило бы этнических немцев — ведь кто-то должен был оставаться на руководящих и контролирующих постах и в оккупированной Европе. Поэтому он поддерживал буквально носившуюся в воздухе идею самоопределения народов бывшего СССР при верховном управлении ими германскими властями. То есть народы, как русский, так и все остальные, предполагалось сохранить на традиционных местах проживания, предоставив им права самим решать свои местные вопросы — культурные и экономические, — получая взамен все выгоды колониальной эксплуатации бывшей советской империи, как это было при Сталине.

Ф.В. Шуленбург «считал, что Германия должна вначале помочь в создании самоуправления этих народов, а затем и способствовать формированию русского и других национальных правительств... Правительствам будет предоставлена возможность вступления в будущее Европейское содружество на основе равноправия, но при ведущей роли Германии в Европе. На случай же, если окажутся более привлекательными идеи о сообществе народов России, чем стремление к независимости, тогда... Германия должна помочь в создании Российского федеративного государства с широкой автономией для всех проживающих в ней народов» (*Гилязов*, 2010. С. 217).

У Ф.В. Шуленбурга было немало единомышленников, не согласных с доктриной полного лишения культурных и экономических прав нерусских народов после

[1] Графа Фридриха-Вернера фон дер Шуленбурга можно считать образцом культурного прусского типа. Принадлежа к древнему дворянскому роду (его предки были крестоносцами), получив блестящее образование, этот офицер презирал выскочку Гитлера и довольно рано разуверился даже не в «миссии» фюрера (её он никогда всерьёз не воспринимал), а во всей нацистской восточной авантюре. Став одним из лидеров антигитлеровского заговора, он разделил участь своих единомышленников (казнён в ноябре 1944 г.).

Ф.-В. фон Шуленбург. *Официальное фото*

А. Розенберг. *Официальное фото.*
Из материалов берлинского Bundesarchiv'a

победоносного окончания войны Германии против СССР. Видный нацистский дипломат Ханс фон Херварт также держался представления о том, что абсолютно необходимо, в целях будущего господства Германии в Европе, «помочь [национальным] меньшинствам СССР при создании собственной государственности». И это, подчёркивает современный отечественный исследователь, «было менее утопично, чем представляется сегодня, если учитывать, что некоторые народы были совсем недавно присоединены [к России], что мечты о независимости были очень живучи» (указ. соч. С. 218). Сходной точки зрения придерживался и рейхсляйтер А. Розенберг, особое внимание уделявший германскому сотрудничеству с национальными меньшинствами на оккупированной территории и считавший, «что опираться надо именно на национальные движения, которые традиционно не любят русских и коммунистическую власть, как продолжение русского империализма» (*Романько*, 2011. С. 39–40).

Что же касается министра иностранных дел Германии И. Риббентропа, в довоенное время не разделявшего теории такого рода, то впоследствии он свою точку зрения изменил на противоположную. Министр вёл на протяжении первых военных лет оживлённую переписку с германским послом в Турции, крупным чиновником берлинского МИДа Ф. фон Папеном, который вряд ли упустил возможность встречи с представителями крымскотатарской антисоветской эмиграции. Посол представлял своему шефу не только обширную информацию о прошлом и настоящем причерноморских тюрков, но и делился с ним мыслями об их дальнейшем обустройстве с учётом их национальных, политических и психологических особенностей. В конечном счёте «под влиянием сообщений фон Папена из Анкары Риббентроп поддержал независимость мусульманских народностей...» на территории бывшей Российской империи (*Гилязов*, 2010. С. 217).

Но до конца войны было ещё далеко. Пока же полуостров с примыкающей к нему территорией за Перекопом (такой же приблизительно площади)

«Крымский щит». Знак отличия, изготовленный в количестве 300 000 штук. Золотыми «щитами» были награждены Э. Манштейн и диктатор Румынии Й. Антонеску.

Э. Манштейн (слева) и Й. Антонеску на крымской земле

вновь получил имя Таврии, правда, позднее переименованной в Генеральный округ Крым.

Что же касается проекта создания (или воссоздания) Готенланда, то он был предварительно утверждён уже в июле 1941 г. (*Ascherson*, 1996. P. 28). Но в условиях войны до его осуществления было опять-таки ещё далеко, да и не до этого было — оккупантам приходилось решать более актуальные проблемы, часть которых касалась гражданского населения полуострова. Задача трудная, но она дополнительно осложнялась ещё и тем, что в Крыму, как уже не раз бывало в его истории, в 1941–1944 гг. не было полного единовластия.

Три силовых центра на этой оккупированной территории вели три различные политики. Первая из них была чисто *армейская*. Э. Манштейн пытался использовать недовольных притеснениями советского режима крымских татар посредством организации из них добровольческих батальонов, групп самообороны и полиции. Эти отряды должны были осуществлять защиту сёл и деревень от репрессий со стороны рассеянных по лесам остатков Красной армии — бродячих групп и одиночек, совершавших в поисках пропитания акты насилия над мирным населением. Очевидно, это было необходимо, так как оставить в каждой деревне или хуторе по немецкому гарнизону было невозможно.

Но Э. Манштейну в голову не приходило при создании этих милицейских, по сути, отрядов придать им какое-то политическое значение или вес (что могло содействовать росту энтузиазма среди тех же недовольных большевиками татар). Как солдат, он прямолинейно стремился к порядку и не желал провоцировать нетатарское большинство населения какими-то особыми правами для татарской общины. Что же касается самих крымских татар, то проливать кровь ради неясного в политическом смысле будущего (или настоящего) охотников находилось крайне немного. Стоит сразу же подчеркнуть, что эти отряды решали задачи только самообороны, не принимая участия в борьбе с партизанами или подпольщиками.

А. Фрауэнфельд и Й. Геббельс в довоенное время

Несколько лет спустя. А. Фрауэнфельд в Никитском ботаническом саду.
Из: Frauenfeld, 1978

Как подчёркивает автор лучшего на сегодняшний день исследования истории оккупации Крыма, «к более серьёзным меропопрятиям (самостоятельный поиск партизанских отрядов и даже совместное с немцами прочёсывание местности) они не допускались. Для этого у „самооборонцев" не было ни сил, ни средств, ни соответствующей подготовки. Наконец, недоверие немецкого командования к членам этих отрядов также затрудняло их боевое применение с более широкими задачами» (*Романько*, 2011. С. 206).

Но вернёмся к проблеме оккупационного управления Крыма. По сравнению со структурами Вермахта (и СС, о котором ниже) более «протатарски», если можно так выразиться, была настроена вторая власть — германская *гражданская* администрация. Был создан округ «Крым», в который входили кроме полуострова Херсонская и Запорожская области. Генеральным комиссаром этого округа 1 сентября 1942 г. был назначен Альфред Эдуард Фрауэнфельд, австрийский писатель, аристократ и видный член нацистской партии. Он был энтузиастом идеи возрождения крымских татар в качестве культурной нации (des Kulturvolks). Его программа была настолько необычной на фоне общей нацистской идеи о людях первого и второго сорта, что имеет смысл остановиться на личности её автора — она косвенно отразилась на судьбах народа Крыма.

Этот человек был одним из немногих германских администраторов, которые при всевластии имперских служб А. Гитлера сохраняли относительную независимость. Возможно, такое положение имело основой его личные качества и авторитет. Известны слова фюрера, сказанные им при назначении А.Э. Фрауэнфельда на новую должность (ранее он был гауляйтером Вены, затем генеральным консулом в Норвегии и Дании): «Крым получает Фрауэнфельд, который

никогда не пресмыкался и не просил, и которому я давно хотел дать что-то прекрасное» (цит. по: *Frauenfeld*, 1978. S. 217). Показателен тот факт, что, будучи подчинённым имперскому комиссару Украины Эриху Коху, любимцу А. Гитлера и Г. Геринга, крымский генеральный комиссар буквально бомбардировал Берлин своими протестами против кровавого террора, развязанного Э. Кохом на Украине и Вермахтом в Крыму.

В одном из своих меморандумов, предназначенном для А. Гитлера, А. Розенберга, Й. Геббельса и Г. Геринга, он сообщал по этому поводу, что украинский народ «встретил германских солдат с ликованием как освободителей от ненавистного ига большевизма и оказал им высокое доверие. Но это доверие подрывается „мастерски выполняемым" неправильным обращением, и весьма показательно, что всего за один год этот абсолютно дружественный Германии народ, приветствовавший нас как освободителей, вынужден уйти в леса и болота, чтобы воевать против нас». И далее пророчески предупреждал: «Курс беспощадной жестокости, способы обращения с местным населением, подобные применявшимся в прошлые столетия по отношению к цветным рабам, свидетельствуют о потере чувства меры в деле отношений с другими народами, что по своим последствиям не может не привести к катастрофе... Было бы наивностью, едва ли ограниченностью, считать, что в XX столетии можно постоянно унижать и оскорблять народ, пусть даже и обладающий потрясающе печальной историей и имеющий отличающиеся от немецкого народа расовые и иные качества, и откровенно противопоставлять позицию германского господина положению раба... Поэтому надо признать, что даже хорошо спланированная и оплаченная политика наших врагов вряд ли принесёт такие опустошительные результаты, как наши действия, вызванные нездоровым образом мыслей... Лишение жизни... даже одного человека, не вызванное высшей необходимостью, является убийством, подобные действия всегда осуждаются историей, а виновных в них история называет чудовищами и неудачниками!» (цит. по: *Бройнингер*, 2006. С. 277–278).

В середине сентября 1942 г. А. Фрауэнфельд следующим образом формулировал в служебной переписке своё мнение о судьбе Крыма после германской победы: «Возможность заселения Крыма немцами обсуждалась различными инстанциями и с различных точек зрения и неизменно получала самую благоприятную оценку... В этой связи я вынужден констатировать, что полная эвакуация татарского населения не является целесообразной: постольку, поскольку горные татары живут в скудных и неблагоприятных условиях, то для их жизненного пространства немецкие переселенцы не представляют проблемы; далее, поскольку существенная часть горных татар имеет благоприятную с расовой точки зрения европейскую внешность, и даже из соображений иностранного туризма следовало бы приветствовать, если этому кочевому татарскому народу будет оставлена небольшая естественная резервация. В дальнейшем следует иметь в виду, что существующие поселения могут быть использованы лишь в малой степени. Особенно если речь идёт о поселениях для немцев (очевидно, речь идёт о немецких поселенческих колониях. — *В.В.*), поскольку они были [после депортации крымских немцев в 1941 г.] заселены русскими и запущены» (цит. по: *Полян*, 1996. С. 99).

Э. Кох. Официальное фото.
Из материалов берлинского Bundesarchiv'a

В западной исторической литературе известен Меморандум А. Фрауэнфельда, направленный рейхсфюреру Г. Гиммлеру несколько позже, в начале 1944 г. (получен 18 марта 1944 г.), заслуживающий внимания как составленный на основании «крымского» опыта его автора[1]. В этом документе подчёркивается польза человечного обращения с населением оккупированных областей, образцом которого никак не могла считаться Украина, где властвовал начальник и яростный противник А. Фрауэнфельда Эрих Кох.

А. Фрауэнфельд писал совершенно очевидные вещи — о том, что гражданскому Крыму необходима система медицинской и ветеринарной помощи — ведь эпидемии и эпизоотии ударят не только по населению городов и сёл оккупированной области, но и по Вермахту, и по снабжению его местной продукцией. Он поднял руку на самое святое — на запрет интимной близости солдат и офицеров рейха с местными женщинами как представительницами «недочеловеков» (за этим обычно следовали партийный суд, исключение виновного из НСДАП и переброска его на другой фронт). Такое презрительное отношение к оккупированным оскорбляет не только небольшую часть их, но и весь народ, после чего нельзя ждать от него лояльного отношения к власти. Автор дошёл до критики трудовых колоний — ведь они ничем не отличаются от сибирских лагерей ГПУ, писал он, они также окружены колючей проволокой. Наконец, нужно было сразу же раздать землю всем крестьянам, а не только изъявившим желание сотрудничать с Вермахтом. Такие акции, предпринятые лишь в 1943 г., запоздали — мужики стали относиться к оккупационным властям с недоверчивостью, подозревают какой-то подвох и т. д. (op. cit. S. 247–250).

Меморандумы не имели, насколько известно, никаких значимых последствий. Но кое-что А.Э. Фрауэнфельду удалось сделать по собственной инициативе. Так, в Крыму впервые за много лет стали открываться новые крымскотатарские школы[1], он выделял деньги на возрождение языка и культурных традиций коренного народа.

[1] Меморандум был обнаружен союзниками в делах рейхсканцелярии уже после взятия Берлина и послужил причиной сравнительно мягкого приговора А. Фрауэнфельду, вынесенного Международным судом в Нюрнберге (см. ниже).

Дети оккупированного крымского города.
Немецкое фото из коллекции музея Ларишес

Благодаря его энергии был открыт крымскотатарский театр, стали выходить национальные газеты, разрабатывался проект организации Крымскотатарского университета. Были организованы и местные, районные и городские очаги культуры коренного народа. Так, на Алупкинских учительских курсах имелось два потока: историко-филологический и физико-математический, на которых в числе преподавателей были и русские, и татары. Учебная подготовка в этом районном центре сочеталась с напряжённой общественно-культурной жизнью: преподаватели и курсанты регулярно организовывали диспуты на философские и исторические темы. Эти встречи, сама возможность обсудить актуальные проблемы, выработать совместное отношение к непростой действительности тех лет привлекали на алупкинские встречи участников из других городов Крыма (ГКо, 15.09.1943).

[1] Для сравнения — Эрих Кох закрыл все учебные заведения соседней Украины. Это, по словам А.Э. Фрауэнфельда, было огромным ударом по надеждам украинцев на перемены с приходом новой власти: «Украинец говорит: „Если забирают корову — это можно объяснить военной необходимостью, но если закрывают школу — значит, в нас видят врагов, которых хотят оглупить. Поэтому не ждите от нас поддержки“». Впрочем, Коху и не нужны были нормальные отношения с «аборигенами», к которым он питал биологическую ненависть и презрение. Он как-то лично признался ошеломлённому А. Фрауэнфельду: «Если найдётся украинец, достойный сесть со мной за один стол, мне придётся застрелить его» (*Frauenfeld*, 1978. S. 245, 247).

Ускут. Народное искусство оставалось живым, несмотря на войну и минувшую оккупацию. *Из собрания издательства «Тезис»*

Возобновило свою работу Крымское музыкальное училище им. П.И. Чайковского, набор в которое шёл не только в Симферополе, а в Бахчисарае уже через месяц после начала оккупации стал выступать местный ансамбль песни и пляски крымских татар под руководством Ибраима Асанова. В начале 1942 г. такой же ансамбль был создан в Симферополе. Стараниями старого музейного работника Саенко и под его руководством тогда же, в январе 1942 г., вновь открылся Евпаторийский краеведческий музей, где была расширена экспозиция, посвящённая Крымской войне 1844–1845 гг. — тоже не без материальной поддержки, оказанной А.Э. Фрауэнфельдом. В Ялте начался нормальный учебный процесс в Инженерно-строительном институте, Художественной школе, Музыкально-театральной школе. Кроме того, в городе и ближних пригородах работали 2 полные средние школы, Сельскохозяйственная школа, Школа табаководства и виноградарства, ремесленное училище, курсы кройки и шитья (ГКо, 15.09.1943; 19.03.1944). С апреля 1942 г. начал свою работу театр «Крым», труппу которого возглавил Эбадулла Грабов. Премьерой стала классическая драма на крымскотатарском языке «Лейла и Меджнун», но впоследствии в репертуар вошли произведения Шекспира, Шиллера, пьесы азербайджанских и казанских драматургов.

С 11 января 1942 г. под редакцией Мустафы Куртиева в Симферополе стала издаваться газета «Азат Къырым» («Освобождённый Крым»). Этот национальный орган печати был довольно всесторонним, даже если судить по составу редакции. Так, Февзи Абляев занимался женским вопросом, Абдулла Куркчи — национальным, Неджати Сейдаметов — сельскохозяйственными проблемами, Мустафа Низами — культурой и пропагандой. С июля 1943 г. в той же редакции начал выходить ежемесячный журнал «Ана Юрт» («Родина-мать»), в работе которого участвовал Амет Озенбашлы. Его перу принадлежала и программная статья этого издания «Быть мусульманином, быть татарином, быть современным человеком», в которой говорилось о необходимости в ситуации очередного национального кризиса объединения всех крымских татар без различий в политических взглядах (*Романько*, 2009. С. 642–644).

Встреча генерального комиссара А. Фрауэнфельда с самодеятельными артистами. *Из Frauenfeld, 1978*

Немцами не были восстановлены должность и функции муфтия Крыма, соответствовавшие традиционным (на это были политические причины, о которых см. ниже). Но при мусульманских комитетах (созданные в крупных городах и райцентрах национальные общественно-культурные организации) было разрешено образование религиозных отделов. Их стараниями в краткий срок было очищено, отремонтировано и вновь открыто 50 мечетей, начали работать местные религиозные общества.

В течение первого года оккупации действия А.Э. Фрауэнфельда ознаменовались значительными успехами. Как он докладывал в вышеупомянутом меморандуме, «Я достиг результата, потому что действовал по принципу (само собой разумеющемуся) — с достойно работающими людьми надо достойно обращаться... Когда я в Таврии за более чем годичный срок работы не мог назвать ни одного случая саботажа, или ранения или даже убийства немца, то это объясняется... принципиально другим обращением, которое я применяю в отношении местного населения».

Без сомнения, политика А.Э. Фрауэнфельда в существенной своей части отражала старогерманский интеллектуальный энтузиазм в области народной культуры как основы понятия «историческая нация» — в определении немецкого же философа И.Г. Гердера. При самом непосредственном участии генерального комиссара организовывались упомянутые Мусульманские комитеты

Вновь открывшаяся мечеть в Куркулете

с их культурными задачами, а в Берлине получила свой офис крымскотатарская миссия (на редкость малоэффективная, практически бесполезная — но не по его вине). Да и вся деятельность А.Э. Фрауэнфельда в указанном культуртрегерском направлении имела в реальности ограниченное политическое значение для коренного народа Крыма, представляя собой фактически просвещённый (или просветительский) колониализм, и не более того. Впрочем, в этом определении нет ничего, что бы опорочило таких носителей этой идеи, как Редьярд Киплинг или Ханс Эгеде. Другое дело, что упомянутым англичанину и норвежцу в их деятельности державная власть не мешала, а помогала.

Голодные куркулетские дети.
Из снимков немецких военнослужащих, коллекция берлинского Museum der Arbeit

А. Фрауэнфельд в библиотеке Воронцовского дворца.
Frauenfeld, 1978

Тогда как политика А.Э. Фрауэнфельда в Крыму постоянно подрывалась представителями третьей власти[1].

Она была представлена *структурами СС*, которыми в Крыму руководил штандартенфюрер Отто Олендорф (июнь 1941 — июль 1942 г.). Известно, что команды СС следовали в кильватере частей вермахта, а после расположения на оккупированных территориях их силами начинались операции, ныне широко известные под названием «зачистки». Именно эсэсовцы сразу же дали понять крымским татарам, что они — люди второго сорта. Ради размещения солдат-победителей татар выгоняли из домов — иногда целыми улицами. Симферопольская жительница Майре Бодраклы рассказывает, что немцы «освобождали дома для своих солдат и офицеров. Людей выселяли в отдалённые районы города. В это мероприятие попала и моя улица. Мы были вынуждены переселиться на окраину города, захватив с собой сколько могли вещей. Транспорт для поездки в другой район города не давали. Через год умер мой отец, Сариев Осман. Все эти издевательства он очень тяжело перенёс» (АМ ФВ. Д. 279. Л. 3).

В Крым с этой целью была направлена так называемая Оперативная группа Д (Einsatzgruppe D), которая осуществляла свою задачу расстрельными методами.

[1] Непричастность этого чиновника к жестокостям и зверствам, чинившимся в Крыму солдатами и офицерами СС и СД, была признана послевоенным европейским трибуналом. А.Э. Фрауэнфельд, осуждённый на лишение свободы, пробыл в тюрьме лишь около года — уникальный случай для гауляйтера нацистской империи. После этого он много лет руководил строительной компанией в Гамбурге, ведя совершенно открытый образ жизни, то есть не опасаясь чьей-либо мести. В своих воспоминаниях он утверждал, что и в Крыму на протяжении первого года своего правления он «мог проехать 200 км по степи без охраны и даже без оружия». Потом ситуация изменилась — в результате «подвигов» частей СС (*Бройнингер*, 2006. С. 282, 275). Впрочем, она никогда не была аналогичной положению на Украине, где действия Эриха Коха подняли на немцев весь народ — от коммунистов до антисоветских сил западных областей бывшей республики.

Вверху: закрытые лавки в оккупированном городе. *Из собрания издательства «Тезис»*; внизу: германские солдаты на Южном берегу. *Из немецких военных снимков*

Свирепая жестокость команд СС и СД[1] в отдельные периоды оккупации буквально выдавливала крымских татар из деревень в лес, к партизанам. И даже в случаях, когда партизанские командиры их там не принимали (а это случалось не-

[1] Как упоминалось выше, после оккупации Северного Причерноморья войсками Германии и её союзников здесь был создан Генеральный округ «Таврия», вошедший и в структуры СС, ставший их составной частью. Руководителем округа по линии СС был назначен штурмфюрер Штапф. Входившие в окружную структуру органы СС и СД располагались в Симферополе и имели отделения в ряде городов Крыма, а также в Мелитополе. В конце 1943 г. руководящий состав СД «Таврии» был переброшен в Берлин, а подчинённые сотрудники направлены в части СС и в Гестапо (*Чуев*, 2003. Кн. II. С. 71).

Пока греется корм для скота...
Немецкий снимок из коллекции музея Ларишес

редко), они организовывали самодеятельные группы сопротивления эсэсовской практике фильтрационных пунктов и почти неизбежных казней «лиц крымской национальности», в эти пункты попадавших. Ко времени возвращения Красной армии люди Олендорфа успели умертвить около 130000 крымчан, среди которых несколько десятков тысяч составили крымские татары (*Ascherson*, 1996. S. 30–32)[1].

Так утопия Готланда утонула в крови...

Каким же боком эта тройная власть оборачивалась к среднему крымскому татарину? Одним из первых оккупационных приказов жителям Крыма предлагалось под страхом расстрела, оставив себе незначительный продуктовый запас (по числу членов семьи), сдать так называемые излишки новой власти (Крым в ВОВ, 199). Что касается уцелевшего (то есть частного) скота, то поначалу немцы его не отбирали, а если покупали, то по твёрдой цене. Потом, когда объявились партизаны и стало ясно, что и живность и хлеб пошли *в леса*, им на пропитание, начались конфискации. Подчёркиваю: не везде, а в так называемых «партизанских районах», то есть в горах. В степной же части если скот кое-где и отбирали, то далеко не весь. Частично конфисковывались, как в деревнях Ак-Шейхского района, овцы из колхозно-совхозных отар, а колхозных лошадей, напротив, разделили по дворам. При этом сохранившиеся у людей *частные* овцы и другая живность уцелели (АМ ФВ. Д. 190. Л. 1).

В горах же скот стало почти невозможно уберечь. Ф. Шевкиев вспоминает, что из Стили днём скот угоняли немцы, а ночью — «народные мстители» (АМ ФВ. Д. 121. Л. 1 об. Также: АМ ФВ. Д. 124. Л. 126). Техника тут была простая,

[1] Много позже об этих акциях вспомнили члены европейского Международного военного трибунала, по приговору которого военный преступник О. Олендорф был повешен (в тюрьме г. Ландсберга, 8 июня 1951 г.).

разберём её на примере большого крымскотатарского села Коккоз. Партизаны обложили его натуральной данью с июня 1942 г. Они приходили за продуктами и скотом по ночам, но, уходя, оставляли человека, который, спрятавшись где-нибудь, следил за тем, что происходит в селе днём: откуда приходят подводы, с каким грузом уходят, кто сколько выгоняет скота в сельское стадо и т. д. Потом об этом узнавали партизаны и соответственно поступали. Впрочем, большинство жителей собирало продукты для партизан вполне добровольно — в лесу у многих из них к тому времени оказались родственники (АМ ФВ. Д. 207. Л. 2; АМ ФВ. Д. 211. Л. 3).

Следует учесть, что в партизанских отрядах находились не только местные, крымские жители, от которых можно было ожидать какого-то сочувствия к землякам, но и диверсанты, которых высаживали с подводных лодок, забрасывали самолётами и т. п. Они, как указывает немецкий источник, «грабили население, насиловали женщин, были известны такими бессмысленными актами варварства, как выкалывание глаз» у пытавшихся им противиться крестьян, «отрезали у них уши, половые органы и так далее» (*Frauenfeld*, 1978. S. 225). Можно относиться к этим сведениям критически, но упомянуть их стоит, так как они — не старый пропагандистский материал, а цитата из послевоенных мемуаров бывшего генерального комиссара Крыма, отличавшегося от своих нацистских «коллег» куда более человечным отношением к населению оккупированной Таврии.

В южнобережных деревнях партизанские «продотряды» появлялись значительно реже, чему была своя причина. Рядом, возле самого дома, огороды устраивают там, где земли хватает, — речь идёт о степи или горных сёлах. В районах же спецкультур, где плантации плотно занимают прибрежную полосу, как, например, в Корбеке, огороды приходилось копать километрах в 7–8 от села, под самым Чатырдагом — там было посвободнее. Поэтому партизаны могли снимать урожай самостоятельно, «не беспокоя» ни хозяев, ни немецкие гарнизоны (АМ ФВ. Д. 210. Л. 1).

В другом смысле интересен пример Токлука (Судакский район). Там немцы поначалу распустили колхоз, обрадованные крестьяне разобрали барашков и коров по домам, но вскоре в окрестностях объявились партизаны, и скот, понятное дело, тут же был конфискован немцами (АМ ФВ. Д. 115. Л. 1). В Эльбузлах (тоже Судакский район) был отобран не только скот, но и запасы фуража для него (АМ ФВ. Д. 94. Л. 1). Скорее всего, эти корма предназначались для немецких армейских лошадей, поскольку конфискованный скот, как правило, долго не держали, иногда его резали прямо на глазах бывших хозяев (АМ ФВ. Д. 104. Л. 1; АМ ФВ. Д. 90. Л. 2).

Большими спецами в ограблении местного населения считались румыны. Эти «странные солдаты» (определение Х. Гадол-Расуловой; АМ ФВ. Д. 6. Л. 1) были для людей сущим наказанием, отличаясь от немцев вороватостью. Вещи часто приходилось закапывать, чтобы скрыть их не столько от немцев, сколько «от румынских солдат» (АМ ФВ. Д. 122. Л. 68). Последние не всегда осмеливались открыто отбирать крымскотатарское добро, но постоянно таскали его исподтишка[1]. «Они начали воровать кур, барашек, даже открывали кастрюли и

[1] В оккупации Крыма участвовали румынские 3-я горно-стрелковая дивизия, 19-я пехотная дивизия и 1-й горно-стрелковый корпус (*Литвин, Смирнов*, 1994. С. 7). Военные мемуаристы признают, что румыны в войсках гитлеровской коалиции считались солдатами как бы второго сорта. В их частях царили телесные наказания, которые воспринимались этими вчерашними крепостными с покорностью. В отличие от немцев, где уравнение в правах было традиционным, румынские рядовые питались из отдельных кухонь, а младшие офицеры получали одним блюдом меньше, чем старшие. Солдаты вообще бродили постоянно голодные, в поисках съестного (*Манштейн*, 1999. С. 229–231).

Командовавшие румынскими частями в Крыму генералы Р. Корне и П. Думитреску. *Газетные снимки*

чего-то искали там» (там же). Впрочем, искать особо было нечего, так как от них не удавалось уберечь даже только-только выкопанный картофель (АМ ФВ. Д. 90. Л. 1). Отличались румыны и на другом поприще: их приходилось опасаться больше, чем немцев, в смысле насилия. В Озенбаше 7 румын изнасиловали несовершеннолетнюю девочку. Правда, немцы их арестовали, увезли, потом, говорил народ, повесили (АМ ФВ. Д. 19. Л. 5), но кому от того легче стало?

Однако всё это было, так сказать, частной инициативой оккупантов, а ведь нужно было и официальные, то есть фиксированные, налоги вносить. По главному из них, напоминавшему российскую подушную подать, полагалось платить по 24 рубля за члена семьи и, если не преувеличивает советская пропагандистская брошюра тех лет, — по 100 рублей с собаки (Нем. варвары. С. 36). Имевшие корову должны были сдавать молоко. Сначала эта норма была 250 л, потом — 700 л в год. Кроме того, вроде бы полагалось сдавать с каждого двора по 2–3 курицы в месяц и по 80 яиц (потом — до 120 штук), чему также верится с трудом, — через год кур бы не стало (указ. соч. С. 35, 36, 40).

Здесь интересно провести сравнение с налогами, которые брали в районах Крыма, во время войны ненадолго перешедших в руки советской власти, а позже снова оккупированных (на Керченском полуострове). Там, естественно, тут же по приходе Красной армии были развёрнуты госзаготовки. Нормы поставили довоенные, и даже ещё круче: с оголодавших при оккупантах крестьян собирали, например, по линии кожсырья и мясопоставок недоимки в счёт 1941, 1942 и 1943 гг.! (Крым в ВОВ. С. 144.) Вспомнили керченцы и забытое слово «контрактация» — под её флагом у них было отобрано практически всё поголовье молодняка крупного рогатого скота, ягнята, поросята, цыплята (там же). Как говорят, хрен редьки не слаще!

Если мы приведём официально принятые данные обо всех продуктах, изъятых немцами у частников, колхозов и совхозов, то о жизни крымских татар в оккупации эти цифры[1] нам мало что скажут. Поэтому уж лучше вернуться к живым свидетельствам.

В первые месяцы хлеб ещё был, хоть и прокеросиненный или обгоревший — из тех элеваторов или складов, что немцы успели потушить (АМ ФВ. Д. 88. Л. 2). Его нужно было долго варить, сливая воду, но и после этого приходилось во время еды зажимать нос (АМ ФВ. Д. 9. Л. 7). Но даже такой (или просяной) хлеб доставался не всем. А немцы давали по 200–300 г на работавшего едока в день; так было, во всяком случае, на Южном берегу (АМ ФВ. Д. 211. Л. 1). В других местах неработавшим не доставалось ничего, даже многодетным. В таком случае старшим детям приходилось заботиться о пропитании самим, но многие очутились в таком положении гораздо раньше. «На другой день (войны — не оккупации! — *В.В.*) у нас уже ни куска хлеба, ни запасов не осталось, и началась взрослая жизнь: мешок на горбу, — и я пошла уже искать хлеб... Я неделями шла пешком, меняла тряпки на зерно, и так существовали», — вспоминает бывшая школьница Хатидже Тохтарова (АМ ФВ. Д. 9. Л. 6–7).

В целом же германский оккупационный режим крайне напоминал режим «военного коммунизма», вплоть до арестов за «незаконный» убой *собственного* скота (АМ ФВ. Д. 6. Л. 7), а также регистрации всей живности, бродившей по сельскому двору[2]. Но ни частный скот, ни остатки порченого хлеба не могли отодвинуть голод на длительное время. Когда они закончились и голодная смерть стала реальностью, единственным выходом осталась мена вещей на съестное. Быстрее всего хлеб кончился, как бывало и раньше, в винодельчески-табачных районах, где его не растили. Вначале горные и южнобережные татары ходили в степные сёла, где имелись какие-то запасы зерна. Но в степи обмен был невыгодный, там ведь тоже хлеба не очень много оставили, поэтому табак шёл почти по весу зерна (АМ ФВ. Д. 253. Л. 2). А вскоре хлеб кончился и в степной части, после чего единственной надеждой осталась Украина, где немецкое наступление шло стремительней и коммунисты не успели так оголодить ни город, ни село.

Но для передвижения на оккупированной территории нужен был пропуск. Достать же его было трудно: «В деревнях всё население зарегистрировано. Появляющиеся новые люди в деревнях обязаны немедленно регистрироваться. Движение между деревнями запрещено. На выход из деревни выдаются справки, строго ограниченные во времени» (Информация ОК партии от 07.07.1942 г. // Крым в ВОВ. С. 227). То есть, закрыв глаза, можно было подумать, что вернулась недоброй памяти эпоха чекистских заслонов на просёлочных дорогах! Но, как говорится, голод не тётка, а гитлеровская власть оказалась не страшней ленинской — и люди пошли, как в 1921–1922 гг., в сторону Перекопа, неся за плечами

[1] За весь период оккупации властями только на полуострове (то есть не считая Таврии) было разными путями отчуждено 6,6 млн центнеров зерна, 1,3 млн центнеров картофеля, 124 центнера овощей и фруктов (Крым в ВОВ. С. 207).

[2] В декабре 1941 г. Приказом № 2 оккупационными властями было запрещено крестьянам резать скот и птицу, а «держателю коров» вменялось в обязанность сдавать, как указывалось выше, молоко. Регистрации же подлежали не только овцы и телята, но и куры, петухи, утки, цыплята (!), индюки и гуси (Там же. С. 199).

Крымскотатарские женщины во время оккупации.
Фото из коллекции музея Ларишес

тарпи или же мешочки с сушёными фруктами, нехитрой «мануфактурой», как тогда называли носильные вещи. Всё это годилось для обмена.

Конечно, о поездах и речи быть не могло, на вокзалах арестовывали чаще всего. И даже попадая в попутный товарняк, приходилось перед крупными станциями (где обязательно были патрули) выбрасывать мешки и прыгать на ходу под насыпь, что не все умели (АМ ФВ. Д. 206. Л. 2). Лучше всё же было или ехать своей телегой (у кого оставалась лошадь), или идти пешком. Некоторые озенбашцы отправлялись на бричках (на них можно было грузить хоть полтонны), в основном в Мелитополь, но также в Акимовку и Сокологорное, поскольку там жили многие из высланных озенбашских же «кулаков». Вот они-то и давали зерна больше всех, радуясь встрече с земляками и входя в их положение.

Причём опасность облав за Перекопом практически исчезала, здесь не было такого риска попасть в облаву, а потом в трудовой лагерь. И даже если человека задерживали при проверке пропусков, то это заканчивалось не самым худшим образом: лошадь немцы отбирали для участия в полевых работах на срок от 1 до 3 месяцев, а затем возвращали хозяину, и он мог ехать домой (АМ ФВ. Д. 253. Л. 2). Была другая опасность — на украинских вокзалах орудовала местная, украинская же полиция, безжалостно отбиравшая у детей узелки с товаром, приготовленным на обмен (АМ ФВ. Д. 19. Л. 5).

Но подавляющее число крымских татар были безлошадными, и людям приходилось отправляться в неблизкий путь пешком. В том числе и из далёких

от Перекопа Ялты, Ак-Мечети, Евпатории (АМ ФВ. Д. 112. Л. 1; АМ ФВ. Д. 6. Л. 2; АМ ФВ. Д. 108. Л. 1). Понятно, что в течение многодневных этих странствий нужно было чем-то питаться, отчего их чистый результат богатым быть никак не мог. Как о крупной удаче вспоминает один из таких добытчиков о двух пудах кукурузы, принесённых из Алексеевки (АМ ФВ. Д. 7. Л. 1).

До Мелитополя и Запорожья брели и малые дети, по большей части сироты. Они собирались перед этим в небольшие стайки, в каждой из которых было несколько ручных самодельных тележек — детские плечи долго не выдерживали даже небольших мешочков с зерном или семечками (Къырым. 17.05.1995. С. 2). И к этим беззащитным малышам немцы не испытывали никакой жалости: в случае если их ловили, то не только били и всячески издевались над ними, но и отбирали драгоценный хлеб до последнего зёрнышка.

Вместе с тем немцы кое-что делали для того, чтобы облегчить положение городского, более иных голодавшего населения. Пригородные угодья были распределены по предприятиям, где их раздавали рабочим и служащим под индивидуальные огороды. В первую очередь таким образом были обеспечены работники Льдозавода, Симферопольского аэродрома, Картофельного городка, Стекольного завода, Тарного склада на Ялтинском шоссе (тогда оно называлось Алуштинским), Кирпичного завода, пищекомбината на Красной Горке. За чисто символическую плату (20 руб в год) по 2 сотки огородной земли на душу предоставлялось и не имевшим работы жителям центра города, Шестериковой слободки, Рабочего посёлка, затем и других районов Симферополя (ГКо. 23. 02. 1944).

Впрочем, некоторые жители городов и пригородных сёл нашли выход в «малом бизнесе». Они торговали испечённым в домашних печах хлебом, лепёшками, чебуреками и т. д. Приведу описание такого способа выжить в условиях оккупации, придуманного Якубом Аблякимовым из Феодосии (возможно, не им одним). Покупалась мука, добывалось мясо и — почти чудо в оккупированном Крыму — жарились чебуреки, которые затем продавались вразнос. «То есть загружали большой металлический барабан чебуреками, а в нижний отдел закладывали жар, чтобы чебуреки подольше сохранялись горячими. Вот этот барабан он (четырнадцатилетний племянник Якуба Эрем Бариев. — *В.В.*) таскал по бульварам [Керчи], базарам и пляжам [и] продавал» (АМ ФВ. Д. 280. С. 7). Впрочем, такой промысел процветал недолго, пока даже у самых изобретательных крымчан окончательно не иссякли запасы муки — или же источники её добывания: «Но впоследствии в конце 1943 или в начале 1944 он перестал продавать чебуреки...» (там же).

3. Немецкие «колхозы»

Неоднократно отмечавшееся сходство национал-социалистического и прочих социалистических режимов выражалось и в их отношении к принципам коллективного труда. Как вспоминал Э. Манштейн, «мы сразу же приступили к возвращению земли экспроприированным крестьянам (имеется в виду ограбленных уходящими Советами. — *В.В.*), насколько это позволяли интересы [германского] правительства» (*Манштейн*, 1999. С. 250). Многие колхозы в Крыму оккупанты не распустили, а целиком сохранили, лишь переименовав в «общины» (АМ ФВ. Д. 6. Л. 2; АМ ФВ. Д. 7. Л. 1). Такую двойственную политику можно понять, обратившись к более общим решениям рейха, касавшимся этой проблемы.

27 февраля 1942 г. министром оккупированных восточных территорий А. Розенбергом было издано постановление, распускавшее колхозы. В этом же документе конечной целью крестьянской политики рейха на захваченных землях ставилось превращение всех жителей села в частных собственников. Однако свершаться такого рода реформа должна была в несколько стадий. На первом этапе колхозы превращались в общинные хозяйства. К общинам переходило всё производственное имущество бывших колхозов: земля, рабочий и иной скот, сельскохозяйственные постройки и техника. В дальнейшем предполагался коллективный труд крестьян с той разницей, что вместо председателей колхозов ими должен был руководить назначенный немцами управляющий. Урожай, как и раньше, целиком принадлежал государству, а общинники должны были получать плату — денежную или натуральную. Оставлялись крестьянам и приусадебные участки, но если раньше площади их были строго ограничены, то теперь они могли быть увеличены и не облагались налогом. Также от налога должны были освобождаться частные постройки (жилые и хозяйственные) и скот (*Ковалёв*, 2011. С. 235–236).

На втором этапе общины превращались в сельскохозяйственные кооперативы, члены которых продолжали трудиться на бывшем колхозном земельном массиве, но уже не коллективно, а на равных по размеру участках, закреплённых за каждой семьёй независимо от её величины. Очевидно, предполагалось более ответственное отношение семьи такого единоличника к выделенной ей земле — ведь теперь пользование ею становилось многолетним. С той же целью общинное стадо распределялось по отдельным хозяйствам, в крестьянскую собственность. Урожай теперь оставался на месте — за исключением той его части, что сдавалась рейху в виде натурального налога. Он выплачивался каждым кооперативом в размере, зависящем от общей земельной площади. При этом должна была повыситься самостоятельность крестьян — каждый хозяин мог лично выбирать наиболее доходные сельхозкультуры (то есть направление производства), иметь свой план севооборота. Очевидно, на этом этапе разобществление бывших колхозов должно было задержаться довольно долго, так как сроки перехода к целиком частной собственности на землю и сельхозтехнику не указывались даже предположительно (указ. соч. С. 236).

Весьма любопытно, что роль, которая при этом отводилась машинно-тракторным станциям, в целом ненамного отличалась от существовавшей при советской власти. МТС, переходившие в собственность рейха, оставались опорными пунктами для сельскохозяйственных общин или кооперативов (из расчёта примерно 1 МТС на 15 общин), зе́мли которых они обрабатывали по мере необходимости. Кроме того, квалифицированный персонал каждой МТС должен был осуществлять агрономический надзор, предоставлять крестьянам своего «куста» консультации, внедрять передовые агрикультурные методы, распределять качественный посевной и посадочный материалы, разводить племенной скот, заниматься производственно-трудовым обучением молодёжи и вести среди неё

политическую пропаганду (указ. соч. С. 245). Короче, всё ставилось на службу единой цели — повышению продуктивности производства на селе.

На практике же переход от одной стадии, упомянутой в Постановлении 27.02.1942 г., к другой осуществлялся в различных округах восточных земель по-разному. В целом же первый этап сменился вторым приблизительно к концу 1942 г. Третья модель стала внедряться уже в 1943 г., что было заметно даже внешне — компактные ранее колхозные деревни стали распадаться на хутора и отруба (указ. соч. С. 249). Что для полностью единоличных хозяйств любой страны является даже не закономерностью, а правилом — когда ликвидируется коллективный труд, каждый переселяется в центр своих наделов, поскольку это удобно во всех смыслах.

От приведённой здесь общей схемы допускались известные отклонения, что было заметно и в Крыму. Прежде всего «сплошной коллективизации» (или сплошной «общинизации»), какая прокатилась через Крым за десять лет до того, немцы в Крыму не устраивали. Остались многие десятки и сотни сёл, где это было почему-то признано нецелесообразным. Там крестьянам попросту позволяли самостоятельно разделить колхозный скот по дворам, не вмешиваясь в это тонкое дело. Так, в Буюк-Озенбаше немцы сразу разрешили распределить по дворам всё, даже рабочих лошадей. Как вспоминает Эскандер Сейдаметов, их «сами разобрали, по бывшим хозяевам — конюхи всех знали. У отца [до коллективизации] было 8 лошадей, взял 2 лошади. Лошадей у нас никто не трогал — ни немцы, ни партизаны» (АМ ФВ. Д. 253. Л. 1). И ещё одно отклонение — кое-где общинам сохранили старое название, они так и остались «колхозами».

Судя по некоторым данным, коллективное, «общинное» хозяйство возобновлялось там, где властями это было признано выгодным — с общин, как известно, и по́дать легче собирать. Такой организации не отмечено в районах, где крестьянские хозяйства были полностью разорены уходящей советской властью, то есть даже не имели средств производства в количестве, достаточном для ведения совместной экономики. В смысле поставок они были безнадёжны, и их оставляли пока в покое, резонно полагая, что если крестьянину не мешать, то рано или поздно он восстановит свой двор и поле. Иногда им даже и помощь кое-какая оказывалась (см. ниже) — опять-таки в расчёте на будущие прибыли для рейха. Однако с другой стороны, там, где производственная экономика более или менее сохранилась, а крестьяне не нуждались в опеке германских тыловых властей, где на трудолюбие и дисциплинированность отдельных хозяев можно было положиться, общины в соответствии с постановлением Розенберга распускали[1]. То есть община была всё-таки *временной* формой сельскохозяйственного производства, которую вызвало к жизни глубокое недоверие немцев к дис-

[1] Такие реформы были отмечены уже во вторую зиму оккупации. Так, например, старосте Ново-Чеботарской общины Ивану Афанасьевичу Пошивайло представитель ВИКО (Wirtschafts-Komissariat, то есть крымского Комиссариата по экономике и хозяйствованию. — *В.В.*) в феврале 1943 г. торжественно вручил грамоту, предоставлявшую право на раздел всех совместных угодий между отдельными членами общины. В общекрымской газете по этому поводу появилась заметка в совершенно советском стиле, начиная с заголовка *Ростки новой жизни* и кончая формой текста: «Ново-Чеботарское общинное хозяйство Сакского района Симферопольского округа за достигнутые успехи в сельском хозяйстве преобразуется в земельное товарищество с правом индивидуального пользования землёй» (ГКо. 29.03.1943).

Новая вывеска: «Колхоз. Временное общество на вере германского Вермахта». *Из трофейных снимков*

циплине и трудолюбию крымских крестьян, столько лет проживших в условиях советских порядков.

Цель сельских преобразований немцами, как и большевиками до того, не скрывалась: нужно было наладить выкачивание из крымской деревни её продукции. Любопытно, что при этом сохранились и некоторые административные, управленческие советские структуры вроде Крымсоюза с его 26 районными отделениями, которым теперь подчинялись кооперативные товарищества (всего их было немного более 120). Позднее, уже на втором этапе разобществления, эта система изменилась — также в соответствии с упоминавшимся постановлением: «Для улучшения заготовительных работ и лучшего обслуживания сельского населения главная контора Крымсоюза на территории всего Крыма создаёт местные сельскохозяйственные кооперативные товарищества... Вместо существующих районных отделений Крымсоюза создаются районные союзы сельскохозяйственных кооперативных товариществ» (ГКо. 29.03.1943).

Но вернёмся к «немецким колхозам». В таких обновлённых коллективах общее хозяйство приходилось начинать с нуля. Пахали на лошадях, а во многих деревнях — и на коровах, сеяли вручную, из лукошка, так как в сеялки некого было запрягать: «когда отступали наши, приходили в колхозный двор, последних лошадей забирали — садились верхом и уезжали» (АМ ФВ. Д. 7. Л. 1). Таким образом, знакомые по кинохронике сцены послевоенной пахоты «на коровах и бабах» в Крыму можно было наблюдать не после *прихода* советской армии-освободительницы, а после полного её *ухода*, точнее — в результате этого ухода, подготовки к нему. Ну а в некоторых хозяйствах, даже в целых деревнях, безлошадье действительно затянулось до нового освобождения, не сразу исчезнув и после него.

В объективе немецкого фотографа — жители крымского села.
Фото из колекции музея Ларишес

С чем было лучше — так это с землёй. В самом деле, не могли же немцы отобрать её для передачи кому-то другому, — этого «другого» в Крыму просто не было. Поэтому она и осталась, даже увеличившись в среднем по размеру в сравнении с советским периодом, — ведь совхозы распустили, а новые «госхозы» (о них см. ниже) образовались в гораздо меньшем количестве. Так, к примеру, в средней общине села Альма-Тархан на три сотни хозяев немцы выделили 79 га фруктовых садов, 22 га виноградника и 400 га пахотной земли (ГКо. 15.09.1943).

Возникает вопрос: а что́ люди могли сеять, когда советская власть лишила их самого необходимого? На этот счёт самые подробные материалы есть по Коккозскому району. В Нижней Фоти-Сале немцы снабдили новых «общинников» семенным зерном — от 40 до 140 кг на семью. Кроме того, помогали и рабочим скотом; лошадей у них было много: пушку с зарядным ящиком тащили 4 пары битюгов, та же помощь оказывалась в Озенбаше, Коккозах (АМ ФВ. Д. 19. Л. 1; АМ ФВ. Д. 262. Л. 1 об.). Общинный урожай немцы отбирали, но платили годовой заработок в тогдашней «твёрдой валюте», оккупационных марках. Оставшееся можно было также продавать — не от хорошей жизни, конечно[1], — откуда-то появившимся частным коммерсантам-оптовикам (АМ ФВ. Д. 207. Л. 1). В других

[1] Немецкого «жалованья» не хватало на самые необходимые товары, хотя подоходный налог с него чрезмерно высоким не назовёшь: с дохода до 100 марок он не взимался вообще, со 100–300 марок платилось 6 % налога, с 300–600 — 8 %, с 600 марок и сколь угодно более высокой платы — 10 % (*Ковалёв*, 2011. С. 305).

местах власть расплачивалась за сданное спецкультурное сырьё натурой, то есть зерном, подсолнечным маслом — точь-в-точь как это было и в довоенное время. И даже порядок нормирования подворных поставок возродился практически тот же: не подушный, а в зависимости от обрабатываемых хозяйственных площадей или числа плодовых деревьев, виноградных лоз и т. д. (АМ ФВ. Д. 211. Л. 1).

Эти акции не являлись каким-то исключением для Крыма, который немцы, как известно, считали бывшей готской территорией, на которую наконец-то явились германцы и где до́лжно навести настоящий порядок, в том числе в сельскохозяйственном секторе. Советские историки приводят на этот счёт следующие сведения: «с 1941 г., по приказу командования группы „Центр“ в частях и службах вермахта повсеместно раздавали населению зерно, фураж, специальные службы организовывали еженедельные базары и ярмарки, бесплатные медицинские консультации армейскими врачами и медслужбами боевых частей; музыкальные вечера и танцы с жителями захваченных районов. Солдаты вермахта целыми подразделениями помогали крестьянам в сельскохозяйственных работах, косили, жали, молотили, пахали. Новые, оккупационные власти ссужали крестьянам лошадей, семена, сельхозинвентарь» (цит. по: *Бочкарёв*, 1996. С. 104).

Земли совхозов, пригородных и подсобных хозяйств, ранее находившихся в государственной собственности, так в государственном секторе и остались, то есть бывшие казённые имения получили официальный статус имперских Landgemeinschaften («госхозов»). Но многие были и распущены (зе́мли при этом раздали работавшим на них крестьянам), другие — укрупнены, так что к 1944 г. всего осталось 95 таких предприятий. Зато они занимали почти четверть всей оставшейся в активном использовании сельскохозяйственной площади полуострова (50 000 га). Работавшие в них крестьяне получили всю старую и даже кое-какую новую технику — из Германии было доставлено 300 тракторов марки «Бульдог»,

Раненый немецкий солдат общается с симферопольскими девушками. *Из германских фронтовых фото*

1500 тракторных плугов, 50 молотилок, 126 самоскидок и т. д. Оттуда же пришли вагоны со скотом: тремя тысячами рабочих лошадей, 10 000 овец, 1000 племенных баранов и 500 племенными свиноматками. При этом руководство госпредприятий было обязано обрабатывать этой техникой и личные огороды своих рабочих (ГКо. 03.03.1944)[1].

Конечно, в таких налаженных хозяйствах и урожаи могли быть выше, и обеспеченность крестьян лучше, чем в частном секторе. Повторяем — всячески обустраивая госхозы, немцы блюли прежде всего свой собственный интерес. На поставках мелких общин и индивидуалов особых расчётов не строилось, иногда им вообще *всё оставляли*, как, например, было в Коккозах. Появившись здесь впервые 5 ноября 1941 г., немцы сразу же заявили: «Работать надо, мы вас кормить не будем». Они раздали землю, но исходя из условия, что 50 % от всего собранного нужно будет сдать оккупационным властям. Зимой-весной землю подготовили, удобрили, даже новые сады разбили. Осенью 1942 г., собрав урожай, коккозцы послушно отделили от него половину для сдачи. Но когда из Ялты приехал какой-то немецкий чин, то объявил буквально следующее (как это сохранилось в памяти деревенских стариков): «Мы в вашей продукции не нуждаемся, берите всё себе, кушайте на здоровье. Мы объявили вам 50 %, чтобы вы [лучше] работали» (АМ ФВ. Д. 262. Л. 1–1 об.).

Чего в таких «колхозах» не было, так это председателя колхоза и парторга, их обоих успешно заменял один немецкий *«вико»*, то есть уполномоченный общекрымского Комиссариата по экономике и хозяйству. В горных и прибрежных сёлах немцы не требовали ни зерна, ни фруктов — только табак. Норма на одного члена общины (то есть, как правило, на один двор) была 370 кг. Норма нешуточная, но зато общиннику предоставлялось право на землю: 1 га на зерновые и табак и 0,5 га сада. Для спецкультурных районов это весьма неплохо — в «кулаки», как мы помним, и за меньшие участки спокойно зачисляли. Но если табачная поставка не выполнялась, землю немцы отбирали (АМ ФВ. Д. 253. Л. 2).

Впрочем, встречались и такие «нулевые» общины, чаще всего почему-то на Южном берегу, где работа, как и в довоенных колхозах, практически не оплачивалась (АМ ФВ. Д. 90. Л. 2). Какого-то распределения хотя бы части урожая можно было не ждать — его сразу отбирали или заставляли увозить самих крестьян на своих телегах: так, осенью 1943 г. кизилташцам «приказали сдать табак на склад, а виноград — в подвал около Гурзуфа», причём заплатили какие-то жалкие гроши (АМ ФВ. Д. 6. Л. 3).

Тем не менее, как утверждают жители многих крымскотатарских деревень, на второй год оккупации жить стало полегче. Основной же причиной при этом называют расширение *частного* сектора сельского хозяйства: «Благо, земли было много... кто, где и сколько хотел — сеял, сажал» (АМ ФВ. Д. 90. Л. 2). Такое нежданное увеличение приусадебных участков и пашни вызывалось, конечно, опустевшими участками — ведь многие хозяева эвакуировались с семьями. Но дело было не только в этом.

[1] По словам германского военного корреспондента Шульце-Гаттермана, все эти мероприятия были проведены с целью «сделать Крым полезным для вермахта и всей германской военной экономики» (цит. по: *Kırımal*, 1952. S. 314). Однако это отнюдь не означало целенаправленного истощения людских ресурсов в Крыму: как давно известно, рачительный хозяин всегда проявляет своеобразную заботу о своих батраках. Пусть даже в собственных интересах — но батракам-то от этого не хуже.

Согласно германскому Указу «О введении нового аграрного порядка в освобождённых Восточных областях» от 15.02.1942 г. обширные сельскохозяйственные площади были переданы крымскотатарским крестьянам в постоянное индивидуальное пользование. Затем «Декларация о введении частной собственности на землю» (в Крыму опубликована 11.06.1943 г.) объявляла эти участки «частной крестьянской собственностью».

В последнем документе, подписанном рейхсминистром «освобождённых Восточных областей» А. Розенбергом, имеется несколько примечательных моментов. Правом на такую собственность наделялись «все, которые обрабатывают землю собственным трудом». И далее: «Кроме крестьян, которые в данный момент живут в том пункте, где производится наделение землёй, должны быть **в полном объёме** учтены и приняты во внимание также и те имеющие право на землю трудящиеся, которые в данный момент находятся на военной службе (включая сюда и солдат Красной армии), эвакуированы, **высланные большевиками** (выделено мной. — *В.В.*) или увезённые ими с собой, а также имеющие право на землю лица, которые находятся на работе в Германии или являются военнопленными» (ГКо. 11.06.1943).

Другими словами, если предположить непредставимое, то есть сохранение этой Декларации в корпусе крымского законодательства до сих пор, то, во-первых, пришлось бы отказаться от репрессий по отношению к возвращавшимся военнопленным или депортированным крымским татарам сразу после войны и гораздо позже, в начале 1990-х гг. Во-вторых же, все крымские татары, проживающие пока в Средней Азии, имели бы право (отсутствующее *и ныне*) на полноценный (не 8, и не 12 соток!) крестьянский участок родной земли в полной своей собственности.

Возникает понятный вопрос — а не была ли немецкая Декларация дутой, то есть пропагандистским актом, не подтверждённым действительностью? Послушаем её современника из Коккоз, сына известного просвещенца Исмаила Арифмемет-огълу Акки: «На следующий год (оккупации. — *В.В.*) стало легче. Раздали (в зависимости от состава семьи) земли. По кусочку. И это мероприятие спасло народ. Никаких обсуждений, никаких парламентских дебатов. Все, с малого до большого, рано утром шли на огороды, а поздно вечером возвращались. К осени [1942 г.] появилось обилие продуктов. Заработали мельницы. Вот вам и земельная реформа» (АМ ФВ. Д. 144. Л. 3–3 об.). Комментарии к такому объяснению действенности закона явно излишни.

Остаётся лишь добавить, что если и «законного участка не хватало, то можно было пользоваться бросовыми площадями — немцы смотрели на это сквозь пальцы. Более того, они орали на тех, кто просил пособия: „Сам виноват, лентяй; бери лопату, иди в лес — земли сколько хочешь!“» (АМ ФВ. Д. 116. Л. 1). Причём земли хватало не только тем, кому она была положена, то есть сельскому населению, но и горожанам. Такие огороды-поля окружали практически все города полуострова. Особенно обширными они были у Симферополя. Там, где свободных пригородных зон не было (например, на Южном берегу), огороды возделывались довольно далеко от места жительства их хозяев. Так, алуштинцы распахивали лужайки

в предгорьях Чатырдага и у Голубого залива (АМ ФВ. Д. 206. Л. 1; АМ ФВ. Д. 211. Л. 1). Жители Бахчисарая освоили широкую полосу бросовых земель вдоль Симферопольского шоссе; эти поля тянулись до Балта-Чокрака, села, которое тогда было расположено выше нынешнего Глубокого Яра, в предгорьях. Бахчисарайцы распахали и плоскогорья с обеих сторон Ашлама-Дере, там сеяли кукурузу и фасоль, то есть культуры, не требовательные к орошению, — кукурузный хлеб «малай» занимал важное место на столе жителей города (АМ ФВ. Д. 143. Л. 1).

Уже в 1942 г. на этих новоосвоенных землях были собраны первые овощи и зерно; как вспоминают бывшие владельцы пригородных делянок, урожай «был невиданный, хотя сеяли в борозду полову и пахали на коровах, и бороны сами таскали — еле собрали пшеницу» (АМ ФВ. Д. 206. Л. 1). Поэтому вскоре на столах крымских татар появился и хлеб. Его можно уже было купить на базарах. Пекли его на продажу в основном греки (он так и назывался — «грецкий хлеб»), и был он высокого качества — принимал прежнюю пышную форму, даже если на него сесть. Такое совершенство продукта объяснялось начавшейся конкуренцией между пекарями, благодаря которой и цена со временем упала со 130 до 30 рублей за каравай (АМ ФВ. Д. 146. Л. 1)[1]. Вообще-то, цены — неплохой показатель уровня жизни. В первый месяц оккупации зерно стоило 330–350 руб. за кг, в последний — 4–6 руб.; соответственно изменилась и цена на мясо, постоянно стоившее (по весу) в 4–5 раз дороже зерна (АМ ФВ. Д. 19. Л. 1).

Свои плоды (в буквальном смысле слова) приносила и давняя крымскотатарская традиция окультуривания, то есть расчистки, обрезки, прививки дикорастущих, лесных плодовых деревьев, посадки в лесах плодовых и ореховых кустов. Во время оккупации обильный «лесной урожай» собирали жители не только горных сёл, но и городов. Так, ялтинцы ходили за Яйлу, неся оттуда тарпи, полные фундука, яблок, кизила и тому подобного богатства (АМ ФВ. Д. 112. Л. 1). В ход пошли и дикие груши — из них в смеси с другими плодами (или в чистом виде) варили в котлах густой бекмес (АМ ФВ. Д. 197. Л. 2), который хранился долго, даже будучи закопан в землю — от вездесущих румын. Новые чаиры появились в большом количестве и в районе Зуи (близ с. Розенталь).

Всё вышесказанное, конечно, не отметает бесспорных тягот оккупации, давивших простого крымца. Одной из них была трудовая повинность (принудработы). В разных районах их объём и специфика заметно отличались. Например, в Судакском районе заставляли рубить лес, возить грузы, строить мосты (АМ ФВ. Д. 94. Л. 1). Под Севастополем же и Балаклавой, то есть там, где прошли самые тяжёлые бои, приходилось «закапывать трупы, рыть окопы» (АМ ФВ. Д. 6. Л. 5) — во многих местах татар бросали на восстановление дорог и так далее. Некоторых использовали на строительных площадках, находившихся на большом

[1] Кстати, о деньгах — на рынке, где снова появился выбор продуктов от готовой сармы до бузы, во всё время оккупации ходили и немецкие марки, и русские рубли по твёрдому курсу: 1 марка = 10 советских рублей (немцы их не отменили и даже конвертировали по отношению к марке). Речь идёт, конечно, не о германской марке (Reichsmark), а об оккупационной (Reichkreditkessenschein), равной ей по курсу. Другое дело, что установленный немцами курс обмена рублей на марки был грабительским, так как до войны покупательная стоимость 1 марки соответствовала 2 руб., то есть оккупанты искусственно завышали курс своей марки впятеро.

Немецкий снимок времён оккупации.
Фото из коллекции музея Ларишес

расстоянии от места жительства, — например, при возведении оборонительного Готского вала за Перекопом (*Мюллер*, 2010. С. 229). При отказе или уклонении от предписанной трудовой повинности таких «отказников» лишали пособия, продовольственных карточек и принудительно, под охраной отправляли на особо тяжёлые работы (*Полян*, 1999. С. 333).

4. Германские репрессии

В нелёгком разговоре о репрессиях немцев против крымского населения придётся ограничиться только крымскими татарами. Причина здесь в том, что фашистский террор против евреев, русских, крымчаков, цыган и пр. имел несколько иные истоки, да и протекал иначе.

Как непривычно это ни звучит, но тяжесть репрессий оккупационного режима во многом зависела от жёсткости антигерманского Сопротивления ему. Самой яркой формой этого движения было партизанское, но приходится отказаться и от подробного разбора истории партизан и подпольщиков Крыма как движения, не относящегося к теме исследования. Эта заманчивая для историка Крыма тема не то, чтобы не исследована, но отчаянно фальсифицирована, поставлена с ног на голову советской историографией послевоенных лет. Оставим без ответа и ещё один вопрос — насколько адекватна была реакция, которой немецкое командование ответило на партизанские акции. То есть соответствовали ли жестокие меры оккупантов той опасности, что несло в себе сопротивление режиму[1].

[1] Вопрос этот труден не только оттого, что он слишком узок и не разработан. Чрезвычайно серьёзна сама эта проблема в целом: в каких границах режим, обладающий силовым превосходством, вправе карать своих политических противников, перешедших

Но последовательность этих двух типов насилия (то есть акций сопротивления и подавления) была современниками войны уловлена чётко: «Когда стали немцев из-за угла убивать, то начались репрессии. Месть пошла, неконтролируемая цепная реакция» (АМ ФВ. Д. 19. Л. 9).

В Крыму некоторые выступления, пока ещё негромкие акции организованного советской властью подполья и партизанского движения начались через некоторое (небольшое) время после установления оккупационного режима. Практически сразу же после этого немцами стали практиковаться так называемые казни запугивания. Имеются в виду казни «ни за что», с целью так запугать население, чтобы оно и помыслить не могло о сопротивлении рейху. Например, в Уркусте «немцы когда вошли, двоих повесили простых мужиков на дереве у мечети — просто так, для устрашения, партизан ещё не было» (АМ ФВ. Д. 197. Л. 4). В Севастополе повесили трёх подростков, пришедших в управу за пайковыми документами, — об этом на суде признался начальник полевой жандармерии, обер-лейтенант Шреве (*Колонтаев*, 2007. С. 6). Правда, доля таких явно ничем не спровоцированных казней в общем терроре, развязанном оккупантами, была сравнительно невелика.

Далее была введена практика заложничества. Здесь следует отметить, что для крымчан этот тактический ход не стал чем-то новым или неожиданным. Люди хорошо помнили, как всего за 20 лет до войны, в период Красного террора, большевиками были расстреляны десятки тысяч заложников. Причём Крым не был исключением; эти карательные меры разрабатывались Москвой, а позже и Берлином в одинаковом направлении, столь часто повторяя друг друга, что невольно возникает мысль об обмене опыта между палачами с большевистскими и нацистскими партбилетами в кармане. Сказанное относится и к «казням устрашения», изобретённым не в Германии, а в ленинской России[1]. У немцев, правда, масштаб был куда скромнее; да и забирали «в залог» чаще всего людей не прямо с улицы, как при Беле Куне, а старались проводить какой-то отбор.

Вначале в заложники брали председателей колхозов и других средних и низовых руководителей в захваченных районах. В сельской местности ввиду национального состава населения крымские татары преобладали и в числе заложников. Так, например, в Алуштинском районе из 43 первых заложников только двое были нетатарами; расстреляли всех (АМ ФВ. Д. 9. Л. 10). В других местах немцы, очевидно наученные опытом, старались уже с *первого часа* занятия села или даже го́рода взять в заложники подряд всех мужчин в возрасте от 16 до 55 лет; так было, например, в Ялте (АМ ФВ. Д. 120. Л. 7). В случае если немецкий или румынский солдат был убит в таком городе или близ села, расстреливали 25 местных заложников, за офицера казнили 50 человек. Если же всё было спокойно, то дня через три задержанных отпускали домой, кроме бывших красноармейцев,

к вооружённой борьбе? Проблема эта заслуживает отдельного рассмотрения, научная и нравственная актуальность которого неизмеримо возросла после кровавых событий афганского «вооружённого конфликта» и Чеченских войн.

[1] Как писали современники этих расправ, большевики «не претендуют брать и расстреливать виноватых, нет, они так и говорят, что берут заложников с тем, чтобы, убивая их косяками, устрашать количеством убиваемых. Объявили уже имена очередных пятисот, которых убьют вскоре» (*Гиппиус*, 1991. С. 233).

Старик-крымец — в объективе немецкого фотографа. *Фото из коллекции музея Ларишес*

кое-где скрывавшихся после разгрома обороны Крыма. Тех везли в Симферополь, в полицейское управление (оно помещалось в гостинице «Европейской») или прямо в тюрьму. Старая тюрьма вскоре оказалась переполненной, тогда открыли несколько новых, например в средней школе на Феодосийской улице.

Как указывалось, в заложники брали мужчин, но в отдельных случаях — и женщин, к которым не проявлялось никакого снисхождения. В Бахчисарае, не прошло и месяца с начала оккупации, была совершена казнь, которой немцы явно хотели придать символическое значение с целью сломить народный дух. В ноябре 1941 г. во дворе Хан-сарая было повешено 8 крымских татар: Юсуф Тархан, Абла Ибрагимов, Халил Османов, Алим Куршудов, Юнус Фатиев, Усеин Джеппаров, Мамут Аметов и Лютфие Аединова, тринадцатилетняя девочка (АМ ФВ. Д. 143. Л. 2; АМ ФВ. Д. 229. Л. 4–5). Через некоторое время у дороги повыше Алушты были расстреляны женщина-депутат с мужем и ребёнком, затем — женщины из села Куркулет у Артека (АМ ФВ. Д. 6. Л. 1).

Давно доказано, что Гитлер многое заимствовал от практики советских властей довоенного периода. Заметно это было и в Крыму, только если большевики стремились лишить крымскотатарское село духовного стержня, репрессировав самых авторитетных хозяев («кулаков»), то немцы *в тех же* целях обезглавливали село, казня бывшее местное руководство. Таких случаев масса; возьмём первый попавшийся пример: село Ускут. Здесь сразу же после начала оккупации были расстреляны председатель колхоза Музафар Мазин, председатель сельсовета Халил Сеидалла, руководители рабочего кооператива Ибраим Дайна и Ахсеит Комшу (АМ ФВ. Д. 2. Л. 1). Та же картина первых дней оккупации наблюдалась в Тав-Бодраке (АМ ФВ. Д. 65. Л. 3) и многих, многих других местах.

В трёх километрах от Алушты, по Ялтинскому шоссе есть поляна, имеющая собственное имя «Тик-Таш» (*крымскотат.* «вертикальный камень»). На ней издавна было место привала и отдыха извозчиков, там они кормили лошадей и сами закусывали. Вот это-то мирное место и было избрано для расстрелов,

которые нужно было скрыть от людских глаз. Первые из казней начались сразу после оккупации, когда здесь казнили партийных и советских деятелей, подозревая в них (и не без основания) руководителей подполья. Для одного из первых групповых расстрелов жертвы доставлялись не только из Алушты: это были секретарь Бахчисарайского горисполкома Осман Мачало, работники Ялтинского горисполкома Тейфук Аджиев и Эреджеп Нурла, депутат Фатма Рамазанова (с мужем и сыном), работники других районных и городских аппаратов Ибрам Мурат, Муртаза Гугу, Эреджеп, Айше и Сеит-Ариф Дурсуновы, Нафе Чорман и Сеит-Ваап Рамазанов (АМ ФВ. Д. 198. Л. 3–4).

Здесь же расстреливали не только крымскотатарских коммунистов и руководителей, но и членов их семей, если те попадали в руки палачей. Их тоже было немало, но известны лишь отдельные имена. Так, например, в 1942 г. на Тик-Таше казнили 14-летнего Виктора Эльвединова, сына алуштинского партийного работника (АМ ФВ. Д. 218. Л. 1). С другой стороны города, вверх по течению р. Демирджи, было ещё одно место расстрелов. Всего там было казнено около 60 человек, 50 из которых были крымские татары[1]. И ещё одно, такое же страшное место — у северного подножия г. Кастель, где расстреляли около 45 человек (АМ ФВ. Д. 229. Л. 5). Были отдельные случаи не совсем обычных казней заложников. Двух женщин, учительниц из Скели и Байдар, зверски разорвали надвое (АМ ФВ. Д. 36. Л. 2).

В довольно скором времени, на исходе 1941 г., начались массовые расстрелы. В Керченском районе их жертвами стали многие крымские татары, главным образом старики и мальчишки (*Фахры*, 1991. С. 3). Нередко немцы расстреливали таких же мирных, не замешанных в сопротивлении крестьян, задержанных вне села, на просёлочных дорогах, — так были казнены возвращавшиеся домой, в д. Суин-Аджи, тракторист Халил Меджитов и его односельчане Сеитмемет и Дилявер Мамутовы (*Халилов*, 1999).

С 1942 г. стали расстреливать целые семьи, если хоть кто-нибудь из родственников уходил к партизанам (АМ ФВ. Д. 6. Л. 8), а заложников — казнить группами, иногда довольно многочисленными. Например, весной того же года в Дегерменкое были арестованы и расстреляны 15 человек: Ахтем Кале, братья Эмир, Амет и Эбазер Халаяджи, Нафе Барбаш, Сеитабдулла Фыстыкчи, Мустафа Арифов, Рустем Кувушлу, Рефат Расул, Сайде Трупчи, Айде Демирджи, Сайде Баш, Гафур Мактер, Сейтмемет Шагап и Мемет Тамбов (список составил Рустем Сеит-Ариф-огълу, проверил его и дополнил ныне проживающий в Михайловке Сакского района Мустафа-агъа Кале, сын казнённого Ахтема Кале).

Прервём этот мучительный перечень казней заложников для того, чтобы задать себе вопрос: достигала ли эта бесчеловечная практика своей цели в годы оккупации Крыма? Судя по многочисленным откликам доживших до наших дней

[1] На обелиске, установленном на месте казни, до сих пор не указаны имена Ашира Караева, Османа Аппазова, Меджита Аблямитова, Али Усеинова, Османа Чомая, Виктора Эльвединова, Махсуда Шабаева, Абдурамана Аппазова, Зоре Мелятовой, Сеитумера Умерова, Абибуллы Чобана, Абибуллы Азизова, Рамазана Джетере, Эбазира Акмоллы, Аблямита Батырова, Исмаила Куркчи, Сейдамета Чалкова, Сабие Османовой, Анифе Мамутовой и ещё тридцати крымских татар — подпольщиков и партизан (*Садединов*, 2000. С. 5).

современников тех событий, отчасти да, достигала. Многочисленные казни и аресты до предела запугали, буквально забили крымчан. Люди твёрдо усвоили простую истину: если немцы и дальше будут падать под пулями партизан и подпольщиков, то в Крыму в конце концов вообще не останется мирного населения. Причём случится это гораздо раньше, чем Вермахт ощутит какой-то значительный урон в своих рядах. Ведь даже объявленная немцами «пропорция» карательных мер (за одного немца должно погибнуть до полусотни крымчан) не соблюдалась: так, за убийство одного немецкого офицера в евпаторийском квартале Одун-базар в мае 1942 г. было расстреляно 100 человек, в основном крымских татар.

Поэтому когда в городах и сёлах Крыма утихали выстрелы партизан и подпольщиков и такие ночи и дни складывались в недели, то спокойнее себя начинали ощущать не только немцы, но и — едва ли не более того — мирные жители. Оттого и не вызывают удивления слова Мустафы Чачи, рассказывающего, что когда до Корбека дошла весть об известном акте в алуштинском кинотеатре «Южный»[1], то дума у всех деревенских была одна: «Хорошо, что этого парня прямо там, в кино застрелили. А если бы он вырвался в город и на улицах поубивал немцев, это сколько же наших из-за него казнили бы, посчитай-ка!» (АМ ФВ. Д. 116. Л. 6). И в горных деревнях довольно быстро сложилось такое же отношение к «народным мстителям» вообще и к партизанам в частности. Старик Умеров из с. Шура вспоминает: «Из-за партизан всё горе было — немцы деревни ведь из-за них жгли и людей убивали» (АМ ФВ. Д. 206. Л. 2). Всего таким образом было казнено 12000 крымских татар, сожжено 127 деревень и сёл, из которых 105 были крымскотатарскими (*Садединов*, 2000. С. 5; *Халилов*, 1999. См. также материал в: ГК. 03.11.2000. С. 7). Такая же цифра складывается и из иных, более поздних подсчётов: в общей сложности «карательными экспедициями фашистов было уничтожено 12 тысяч граждан крымскотатарской национальности» (Крымские татары, 2007. С. 3).

Для того чтобы подвергнуться жесточайшим репрессиям, было вовсе не обязательно оказаться застигнутым на месте преступления или совсем в другом месте, но с оружием и т. п. Достаточно быть пойманным в лесу с продуктами, в количестве, превышающем какую-то непонятную «норму собственного потребления». Так, одна очень пожилая женщина из Биюк-Ламбата пекла для партизан лепёшки, а её сын Махсуд-ака носил их в лес, пока не был пойман с мешком этого хлеба. Румыны расстреляли и его самого, и мать, дом сожгли, после чего родственники и соседи разобрали по семьям семерых сирот убитого (АМ ФВ. Д. 9. Л. 10–11). Возможно, с целью контролирования количества продуктов в каждой семье и был запрещён забой скота без уведомления немецких властей. Нарушение этого правила жестоко каралось. К примеру, когда ялтинский крестьянин Бекир Азис самовольно зарезал тёлку, то был приговорён к расстрелу и лишь чудом спасся, бежав из-под ареста (Книга скорби, 2001. С. 62).

Точно так же за «связь с партизанами», в большинстве случаев недоказанную, только по подозрению, в Корбеке расстреляли 70 местных крестьян (АМ ФВ. Д. 216. Л. 1). А вина жителей Дегерменкоя была только в том, что бóльшая часть

[1] В сентябре 1942 г. во время показа в этом кинотеатре фильма для германского офицерского состава 18-летний подпольщик Сеитхалил Аппазов устроил взрыв в зрительном зале. Во время последовавшей за этим перестрелки он был убит (АМ ФВ. Д. 16. Л. 32).

их соседей, спасаясь от германского террора, ушла в лес. Всех оставшихся, то есть не нашедших силы для бегства, в 1943 г. расстреляли — в том числе 6 малолетних детей Тохтара-ака; за точно такую же «вину» погибло 40 человек из Отуз (АМ ФВ. Д. 198. Л. 5; АМ ФВ. Д. 199. Л. 1).

С каждым месяцем германского «нового порядка» ужесточался и новый террор. Подвалы СС (здание Педагогического института в Симферополе) были набиты битком, аресты всё чаще сменялись расстрелами на месте. При этом не было пощады ни женщинам, ни старикам, ни даже детям. Пример тому — массовая казнь в селе Тав-Бодрак Бахчисарайского района. Осенью 1943 г. вблизи села немцами были обнаружены трупы коменданта гарнизона и его переводчика. При последовавшем повальном обыске села у Р. Аблязизова было обнаружено оружие, собранное для передачи партизанам. Виновного, его жену и дочь тут же расстреляли, а 40 человек тав-бодракских детей поставили под пулемёты, предупредив родителей, что если не будут выданы другие партизанские связники, то расстреляют и ребятишек. Но каратели ничего не добились и, осатанев, отобрали 25 детей, которых через день действительно расстреляли за селом[1], после чего оно было полностью разграблено и сожжено (АМ ФВ. Д. 65 «а». Л. 2–3).

Справедливости ради отметим, что в терроре против коренного населения участвовали не только немцы и румыны. Дегерменкойских и гурзуфских татар, как рассказывают случайно уцелевшие жертвы расстрелов, казнили «донские казаки (солдаты СС), а немцы стояли в ряд, все пьяные» (АМ ФВ. Д. 6. Л. 8). Возможно, это был не единственный случай, но не осталось таких вот чудом уцелевших свидетелей. В Крыму базировался целый казачий корпус, который «на откормленных конях, в чёрных кавказских бурках, вооружённый немецкими автоматами и шашками, блокировал партизанский лес, охраняя днём и ночью дорогу Симферополь — Феодосия» (*Халилов*, 1999). Были ещё какие-то азербайджанские добровольцы; они базировались в Ялте, но выезжали в карательные экспедиции и в соседние районы; особенно пострадали от них крымскотатарские деревни Балаклавского района (АМ ФВ. Д. 36. Л. 3).

В местах особенно активных партизанских действий, как, например, в районе с. Коккоз, «расстрелы стали привычным явлением» (АМ ФВ. Д. 44. Л. 3). Но то, что произошло в верховьях Качи, ужаснуло даже привыкших вроде бы к террору крымчан. Одним из самых крупных сёл там был Кучук-Озенбаш (около 50 дворов). В нём не стоял немецкий гарнизон — очевидно, именно из-за партизанской опасности. Жители села снабжали продовольствием партизан, которые приходили по ночам, да и из самих озенбашцев в лесу были Мухтаремовы Неби и Амди, Исмаилов Мемет, Сеитхалиль-ака (впоследствии расстрелянный немцами), Асановы Сале и Усеин, многие другие.

Мало-помалу партизаны осмелели настолько, что стали посещать Кучук-Озенбаш днём, а затем и вовсе перебрались из леса жить в школу, стоявшую на

[1] В послевоенные уже годы скромный памятный знак над братской могилой тав-бодракских детей (несколько камней в виде пирамидки) был уничтожен «новыми крымчанами»-переселенцами. Сейчас, когда пишутся эти строки, (1999 г.) там — ровное поле, где ничто не напоминает о столь ещё недавней кровавой трагедии, одной из множества в истории крымскотатарского народа.

краю села. Это, видимо, и стало последней каплей, переполнившей чашу терпения немцев, и они 19 декабря 1943 г. сожгли эту школу, а за ней и всю деревню. Жителям, правда, дали уйти, а партизаны скрылись ещё раньше. Судьбу Кучук-Озенбаша разделило ещё несколько сёл того же района; большинство погорельцев, всё утративших посреди жестокой зимы, искали приют в соседних татарских деревнях, но некоторым пришлось скитаться по лесам, жить в пещерах. Когда такую «лесную» семью ловили немцы, то мужчин, как правило, расстреливали. На всякий случай — а вдруг они партизаны? (АМ ФВ. Д. 87. Л. 2)

Такая же судьба постигла д. Аргин Карасубазарского района. Но перед тем, как её сжечь, немцы расстреляли около 120 человек. Были случаи (д. Стиля, 1943 г.), когда и партизаны силой уводили татарские семьи в лес, очевидно, для собственного пополнения (АМ ФВ. Д. 121. Л. 1 об.) — но это особая тема.

В главе, где речь идёт о *терроре* этого периода истории народа, следует упомянуть о репрессиях против мирных крымскотатарских деревень со стороны «народных мстителей», которые не останавливались перед кровавыми карами: «нельзя сбрасывать со счётов и того факта, что в ряде случаев советские партизаны вели себя не лучше немцев, если *полагали* (курсив мой. — *В.В.*), что население поддерживает оккупантов» (*Романько*, 2011. С. 313–314). Выше говорилось, что руководителей партизанских отрядов крайне раздражало, если они обнаруживали пустыми продовольственные базы-тайники, заложенные для них ещё советскими властями. Тогда эти командиры наказывали близлежащие сёла. «Такие походы заканчивались реквизициями продовольствия или живности, а в ряде случаев — и неоправданными бессудными расправами над действительными или мнимыми коллаборационистами. Подобные действия, например, имели место в деревне Маркур. Её жители всячески помогали Севастопольскому партизанскому отряду. Однако зимой 1942 года по приказу одного из руководителей партизанского движения этот отряд совершил налёт на, в общем-то, „свою" деревню. Неизвестно, чем там занимались партизаны. Тем не менее уже на следующий день немцы смогли сформировать в деревне отряд самообороны и направить его против Севастопольского отряда» (указ. соч. С. 317).

Наказание же ничем не отличалось от немецких карательных мер — партизанами расстреливались все — от мала до велика. Как рассказывает один из участников такой акции, бывший партизан, он и его боевые товарищи «зашли в [крымскотатарскую] деревню, начали дома сжигать, расстреливать; детишки, так детишки, потому что все злые были» (Ватан, 1990. № 2. С. 23).

Есть такая теория, что бесчеловечное обращение с людьми неминуемо превращает в зверей и самих жертв. И они становятся ради собственного спасения готовы на любое преступление, даже кровавое, и уж тем более на «простую» подлость и т. п. Эта теория находила неоднократное подтверждение как в советских местах заключения (в зонах), так и на временно оккупированной территории.

Тем не менее серийные (то есть многочисленные и взаимно подтверждающие друг друга) источники говорят о том, что в массе крымскотатарского населения, неожиданно попавшего в гитлеровскую «зону», таких перемен в человеческой психологии *явно не произошло*. Обоснованное объяснение этому необычному феномену, хочется надеяться, когда-нибудь дадут аналитики-специалисты. Здесь же пока придётся ограничиться простым изложением имевших место фактов.

Историки, говоря об оккупационном режиме в Крыму, как правило, не делают различия между его жертвами по национальному признаку. Но на деле такие различия, конечно же, были — как в любой иной сфере. И источником их был не только оккупационный режим, хотя главная роль в такого рода селекции принадлежала, очевидно, ему.

Это впечатление создаётся прежде всего потому, что с первых дней оккупации угроза *полного* уничтожения повисла далеко не над всеми, а лишь над евреями и цыганами, а также (на какое-то время) над караимами и крымчаками. Крымские татары, испытывая жестокое давление германских властей, тем не менее нашли в себе силы и мужество для помощи тем, кому было гораздо тяжелей — в первую очередь евреям и цыганам. Эта бескорыстная поддержка и помощь, оказываемая в местах совместного проживания крымских татар, евреев и цыган вопреки всей национальной и военно-оккупационной политике рейха[1], была действенной, массовой, отчего и свидетельства о ней сохранились.

Когда начались поголовные облавы на цыган, крымские татары нашли возможность укрывать их, выдавая за членов своих семей, — более всего таких случаев было в Бахчисарае. В Керчи и Старом Крыму, где под каток тотальной ликвидации первыми попали цыгане-мужчины, их жёны с детьми смогли в последний час вырваться из облавных оцеплений. Они бросились туда, где более всего надеялись на помощь, — в татарские кварталы. Эти женщины и дети прибегали, полураздетые и босые, умоляя о помощи. Сколько их было, никто не считал, но их спасли практически всех, сумев уверить немцев в том, что это такие же тюрки-мусульмане, как и остальное население этих кварталов (АМ ФВ. Д. 199. Л. 1). Ничего удивительного здесь не было, так как крымские цыгане не только все говорили по-татарски, но и представляли собой как бы часть крымскотатарской культуры, традиционно являясь живыми хранителями народной музыки и песен.

В других местностях результаты таких же облав оказались намного трагичней. Помощь задержанным цыганам не удалось оказать, и множество их погибло. Только в феврале 1942 г. и только в одном месте — у танковых рвов в Абдальской балке близ Симферополя — было расстреляно 1200 человек (АМ ФВ. Д. 229. Л. 5). Сколько их погибло всего, точно неизвестно[2].

Евреев в Крыму было гораздо больше, чем цыган, оттого и помощь им с крымскотатарской стороны развернулась шире. Случаи спасения этих обречённых известны не только *по всем* крымским городам и посёлкам, но и по отдельным крупным сёлам. Однако и на этом фоне самопожертвования выделяется Алушта. Здесь, по общему мнению тех, кто специально занимался этим вопросом, процент евреев, спасшихся благодаря помощи крымских татар, был выше всего (АМ ФВ. Д. 198. Л. 4). Узнав по слухам о благородной деятельности

[1] Вот типичный материал такого рода, чьей целью было разжечь межэтнические конфликты или по крайней мере способствовать национальному расколу среди крымского населения: «Русские — не большевики, а большевики — не русские, и Германия борется не с русскими, а с большевизмом. Вот это-то больше всего и беспокоит Сталина и его жидовскую клику» (ГКо. 12. 05. 1943).

[2] После освобождения Крыма уцелевшие цыгане разделили участь крымцев — почти всех их депортировали наравне с татарами, поскольку именно так они значились в своих паспортах. В настоящее время в Крыму их практически не осталось.

алуштинцев, сюда пробирались евреи из других городов Крыма. Показательным для этого сюжета может служить история спасения в Алуште ялтинской жительницы Иды Трош (см. в: ГК. 22. 12. 2000. С. 2). Эта добровольная акция спасения, не говоря уже о прочих трудностях, сильно усложнялась тем, что в подавляющей своей части евреи были недавними переселенцами. То есть они, в отличие от цыган, крымскотатарского языка не знали. Поэтому их было труднее и прятать, и, в случае обнаружения, выдавать за «своих», за крымцев.

Впрочем, иногда, в безвыходном положении, когда вырвать людей из рук гитлеровцев не было, казалось, никакой возможности, применялись и другие методы, в том числе самые невероятные. Они возникали стихийно, экспромтом и должны были осуществляться тут же, без каких-то проб и даже без долгих обдумываний — ведь любое промедление оплачивалось в буквальном смысле кровью. Приведу один пример из множества случаев такого рода.

Дегерменкойский врач Тихинович был образованным евреем, — кроме работы по основной специальности он преподавал в местной школе русский и немецкий языки и проявил редкую заботу по отношению к татарским детишкам. Поэтому он пользовался всеобщим уважением, и когда немцы забрали его и отвезли в Ялту, это всполошило всё село. Дело было не в том, что он был незаменим в амбулатории и в школе, этого человека за доброту к детям все по-настоящему любили. На другой день в неблизкий путь отправились дегерменкойские матери. Придя в ялтинское отделение СД, они подняли над головой грудных младенцев и стали требовать свободу для их врача и учителя.

Неизвестно, что больше подействовало на немцев — вид невинных младенцев или уверения татарок, что Тихинович вовсе не еврей, что зовут его Иван Иванович и т. д., но факт остаётся фактом: человека, стоявшего даже не одной, а двумя ногами в могиле, отпустили — уникальный случай в истории оккупации (АМ ФВ. Д. 198. Л. 3). Кстати, эта история, которую иначе, чем чисто *крымской*, не назовёшь, имела такое же типично крымское окончание. Через пару лет, уже после депортации, Тихинович, которому жизнь стала не в жизнь в новом окружении, отправился вслед за своими крымскотатарскими соотечественниками в Узбекистан. Там он поселился в Ленинабаде и ещё долгие годы оставался добрым другом и желанным гостем в сотнях спецпоселенческих семей.

К горькому сожалению, этот случай — довольно редкий, даже исключительный. Крымские евреи, числом около 40000, были практически полностью уничтожены германскими нацистами. Как и крымчаки — эндемичный народ, проживавший только в Крыму. Крымчаков до войны было около 6000, остались в живых единицы, среди которых нельзя не упомянуть оказавшихся в ту пору далеко от своей малой родины (и оттого выживших) прекрасных поэтов Илью Сельвинского и Александра Галича. Та же судьба грозила крымским караимам. Начавшееся было поголовное истребление этого малочисленного, но древнейшего на территории СССР народа авраамического исповедания было прекращено благодаря обращению их религиозных и светских предводителей к германской элите. Этим интеллектуалам духа пришлось опуститься до переговоров с тупоголовыми нацистскими бонзами, доказывая очевидное, что караимы — тюрки, а не семиты. Инициатива эта, для постороннего взгляда, пожалуй, унизительная, спасла тем не менее около тысячи двух последних караимов и уже поэтому заслуживает благодарной памяти.

5. Германские трудовые лагеря

Германские трудовые лагеря и принудительное использование иностранной рабочей силы в более мелких группах (например, в крестьянских хозяйствах и на частных предприятиях) стало уже в 1941 г. для Германии абсолютной необходимостью. Вызвана она была тем, что по ряду причин количество занятых в германской экономике снизилось в период с мая 1940 по май 1941 г. на 1 685 000 человек, а к сентябрю 1941 г. количество незанятых рабочих мест достигло 2,6 миллиона; только сельское хозяйство требовало дополнительно полмиллиона батраков (*Herbert*, 1986. S. 137). Эта ситуация, угрожавшая катастрофой национальному хозяйству рейха (в том числе военной экономике), заставила его руководство отказаться от господствовавшего ранее мнения о непозволительности применения в Германии рабочей силы иностранного происхождения. То есть прежде всего *советских* военнопленных, поскольку остальные были в этом смысле защищены Женевскими положениями о пленных. Которые Сталин, как известно, подписывать отказывался, считая поголовно всех солдат и офицеров, попавших в плен, изменниками Родины, достойными худшей участи.

Однако огромное количество советских военнослужащих, оказавшихся в плену в первый военный год, не могло покрыть указанной потребности. Оказалось, что нечеловеческие условия существования в лагерях для военнопленных вызывали массовую смертность, а ещё живые в большинстве случаев были столь слабыми, что не могли быть использованы на предусмотренных для них тяжёлых работах. Таким образом, из 3 350 000 советских военнопленных (март 1942 г.) годными к использованию оказались всего 166 880 человек, или 5 % от их общей численности (*Herbert*, 1986. S. 149). Поэтому нехватку рабочих рук было решено компенсировать путём свободного найма на оккупированной территории. Насколько известно, первые объявления о добровольной вербовке на работу в Германию появились в русскоязычной прессе на Украине (например, в: «Донецкий Вестник», 20.02.1942), позже — и в Крыму. Однако с самого начала было решено параллельно с наймом широко развернуть принудительное перемещение трудовых контингентов в рейх.

Собственно, принудительный труд восточных рабочих практиковался и ранее — ещё до решений, принятых в гитлеровских верхах вообще о возможности допуска славян на территорию Германии[1]. Вермахт вовсю использовал местных жителей на фортификационно-оборонительных, строительных, дорожных, путейских и тому подобных тяжёлых работах. Но теперь такое использование стало

[1] Существовали известные сомнения относительно угрозы, во-первых, смешения местных «арийцев» с «расово неполноценными» азиатами и славянами, во-вторых, сам факт признания уже в первый год войны, что Германия не может обойтись без дополнительной рабочей силы, подрывал некоторые положения геббельсовской пропаганды. Столь же спорным был вопрос о самóй допустимости свободной вербовки на захваченных территориях СССР — получалось, что великая Германия просит «недочеловеков» помочь ей справиться с собственными проблемами. Но военные неудачи и крупные потери в личном составе Вермахта на Востоке (ставшие причиной не предусмотренных ранее кампаний по призыву работоспособных немцев на фронт) довольно быстро заставили нацистов закрыть глаза на такого рода опасения.

массовым — в первые месяцы 1942 г. в Германию прибыли первые эшелоны с советской рабочей силой. Причём более половины её составляли женщины и молодые девушки, завербовавшиеся добровольно (*Herbert*, 1986. S. 161).

Почти одновременно в Германии очутились советские солдаты, попавшие в Крыму в плен. Весной 1942 г., рассказывает Фазыл Хартакаев из Кольчоры, он и несколько его земляков — Смаил Мухтаров, Абселям Сейтаметов, Джафер Умеров и другие — были доставлены из Крыма на противоположный конец Европы, в лагерь под Гамбургом. Затем их «распродали» фермерам, у которых крымцы работали до конца войны, живя по большей части впроголодь. Затем, получив полную возможность остаться в западной зоне, добровольно вернулись на родину, чтобы тут же отправиться в новую ссылку — уже в узбекские бараки (*Яшлавская*, 2000. С. 5).

Что же касается упомянутой отправки людей из Крыма в Германию на *добровольных* началах, то ехать на Запад агитировали юношей и девушек с 16 лет; потом уже, гораздо позже, возрастной порог снизился до 14 и даже 12 лет (АМ ФВ. Д. 90. Л. 10). Агитационная кампания была рассчитана на активную часть населения — людей которые, как ожидалось, толпами устремятся в недоступную ранее для советских граждан Европу.

Пропагандой занимались специальные подразделения германской армии. Письма о привольной и обеспеченной жизни в рейхе регулярно печатала газета «Голос Крыма» (ред. А. Буллеев, а с 1944 г. — поручик Российской освободительной армии К.Б. Быкович), причём в ней приводились адреса оставшихся в Крыму и готовых подтвердить истину родителей этих довольных жизнью крымских «арбайтеров». Вот пример такого газетного материала: рабочие из «освобождённых областей не живут за колючей проволокой. Для них созданы амбулатории и больницы... Рабочие могут делать сбережения, и им дали сберкнижки. Точно так же хорошо обстоит дело и с питанием этих рабочих... Все пункты, где живут рабочие с Востока, имеют кино» (ГКо. 12.05.1943).

Очевидно, многие крымчане, изголодавшиеся уже в первые месяцы войны, этой агитации поначалу поддались. Причём таких оказалось явно больше, чем рассчитывали немцы. «Так, 26 июня 1942 г. сообщалось, что, вопреки скептическим ожиданиям, вербовка в Крыму идёт удовлетворительно: до 20 июня в Рейх из Крыма отправлено уже 11 479 человек рабочей силы, а запланированная „эвакуация“ населения Керченского полуострова... даст новые вербовочные возможности (примерно 5–6 тысяч человек)» (*Полян*, 2002. С. 167).

То есть количество добровольно завербовавшихся в первой половине 1942 г. внезапно оказалось столь большим, что забеспокоился генеральный комиссар округа Крым А.Э. Фрауэнфельд. В письме от 15 августа 1942 г. он предупреждал члена Верховного командования и Экономического штаба Вермахта генерала Г. Томаса о том, что если вербовка на полуострове продолжится в таких же масштабах, то это приведёт «к серьёзным затруднениям в восстановлении хозяйства самого Крыма...». Однако, очевидно, экономика рейха имела для нацистских руководителей гораздо большее значение. И в том же месяце дополнительное отделение германской Службы труда было основано и в Севастополе. А 25 августа отсюда был отправлен в Германию первый поезд, пассажирами которого стали 5000–6000 завербовавшихся (указ. соч. С. 178).

Германский агитационный плакат (массовый тираж)

Нужно сказать, что крымские татары этой германской пропаганде, явно рассчитанной на вербовку, не верили. Причём изначально. Хотя объективности ради надо признать, что в отдельных случаях такого рода информация соответствовала действительности[1], а семьям уехавших на Запад немцы предоставляли право на внеочередное получение работы и выплачивали ежемесячно по 130 руб. в месяц (с осени 1943 г. — по 200) (ГКо. 15.09.1943). Современные исследователи подтверждают, что «трудармейцы в Германии получали меньше немцев (то есть немецких рабочих той же специальности. — *В.В.*), но больше, чем на родине, а их родные дома получали дополнительные продуктовые карточки и пособия» (*Бочкарёв*, 1996. С. 515).

Согласно распоряжению Генерального уполномоченного по использованию рабочей силы в рейхе, гауляйтера Тюрингии Ф. Заукеля, крымские татары в Германии приравнивались к «остарбайтерам», то есть трудармейцам славянского происхождения, — отсюда и низкая их оплата. Однако в 1944 г. благодаря ходатайствам крымских татар из Турции и Германии, поданным в аппарат рейхсминистра, крымцев перестали считать «остовцами» и приравняли в оплате труда к трудармейцам из оккупированных стран Европы (*Kirimal*, 1952. S. 314). Поэтому в последние месяцы войны одни стали зарабатывать 0,35–0,5 рейхсмарки и больше в день, другие — до 5 марок в неделю и многие действительно завели сберкнижки (*Бочкарёв*, 1996. С. 522; *Полян*, 1999. С. 366). Большое значение имела при этом квалификация «остовцев». Согласно германским источникам, в июне 1942 г. восточный чернорабочий получал на руки (учитывая вычет 10,5 рейхсмарки за питание и жильё) 1 марку в неделю, а квалифицированный рабочий — 18,9 марки. В то же время немцы равной квалификации и за равную работу получали чистыми (они ничего не выплачивали за содержание) соответственно 11 и 81,50 марки (*Herbert*, 1986. S. 173).

Тем не менее с самого начала вербовки и до её завершения в 1944 г. она была среди крымских татар крайне непопулярна. И когда немцы через довольно краткий срок поняли, что на поток добровольных рабочих в Германию им рассчитывать не приходится, то подходящих для отправки кандидатов стали вызывать на комиссию повесткой и отправлять против воли. Когда и эта практика исчерпала свои возможности (предупреждённые повесткой подростки меняли место жительства, скрываясь у родственников), то начались облавы, часто по заранее кем-то подготовленным спискам (АМ ФВ. Д. 208. Л. 2). Бывало, что молодёжь забирали прямо на улицах. Так, студентку Ялтинского медучилища (оно продолжало работать и в оккупацию), семнадцатилетнюю Лемхан Мунирову (урожд. Кешфи) немцы схватили по пути с учёбы домой. И родители долгое время ничего не знали о судьбе пропавшей дочери (АМ ФВ. Д. 268. Л. 1).

Использовались с этой целью и биржи труда, куда безработные крымчане были обязаны ходить отмечаться. Как рассказывает современница, «однажды и меня это коснулось. Мне пришлось посетить биржу труда, и вдруг все выходы из помещения были заблокированы. Так как я строитель и расположение всех выходов мне было известно, я с трудом выбралась из этого здания. Облавы такие делали частенько, кто не сумел выйти из кольца облавы подлежал к отправке в Германию, на работы» (АМ ФВ. Д. 279. Л. 3).

Как говорилось выше, крымскотатарских подростков и молодёжи, отправленных в германские трудлагеря, оказалось в первое время неожиданно много (специальные комиссии из немецких врачей отбирали *самых* здоровых, а в этом смысле, как говорилось выше, коренной народ, физически крепкий и непьющий, превосходил остальное население). Потом-то их стали разбирать без остатка. Впрочем, не исключено, что немцами было оценено не столько мускульное совершенство «рабочей скотинки», сколько такое свойство, как трудолюбие и дисциплинированность, характерные черты крымских татар, о которых не могли не знать педантичные оккупанты. Перед отправкой в Германию их свозили главным образом в Симферополь, где в концлагере «Картофельный городок» для них была выделена особая зона.

Спастись от вербовки и трудлагеря можно было разными путями. Самым простым (но малодоступным в условиях безработицы) было устроиться куда угодно, лишь бы это была *постоянная* работа; таких немцы оставляли в покое.

[1] Приведём два примера такого рода. Азиме Умерова из Шуры работала у немецкого хозяина на ферме, где и условия труда, и питание, и жильё были даже по довоенным советским меркам очень неплохими (АМ ФВ. Д. 206. Л. 1). Коккозский татарин по имени Ридван так по душам сошёлся со своим хозяином, что остался у него и после окончания войны. Ридвану удалось избежать насильственной репатриации, он пустил корни в Германии, где и умер в 1948 г., а этот немец сделал всё, чтобы разыскать в узбекистанской ссылке его близких (и это в то время!) для того, чтобы с искренним соболезнованием сообщить им о смерти их сына и брата (АМ ФВ. Д. 197. Л. 5).

Но годилась и местная трудовая повинность, особенно с выездом в другой район Крыма. Из таких командировок молодёжь старалась подольше не возвращаться в родное село, где, возможно, ждала повестка или облава. К слову, эти облавы продолжались поразительно долго, до самого конца оккупации, последняя из них прокатилась по Крыму 13 января 1944 г., когда часы немцев были здесь уже сочтены. Но именно оттого, что эта акция была неожиданной, в её частую сеть попалось множество утративших осторожность подростков, которые через неделю очутились... в Австрии[1], где их в апреле того же года освободила Красная армия (АМ ФВ. Д. 91. Л. 1–3). Иногда в отлове крымскотатарской молодёжи немцам оказывали помощь отдельные выродки из крымцев же. Например, староста Буюк-Озенбаша Бобо Билял угрожал застрелить девятилетнего сироту Азиза Усеинова, если он не вернётся в севастопольский накопительный лагерь, откуда тому удалось было бежать (АМ ФВ. Д. 125. Л. 19).

Как упоминалось, Германии нужна была из Восточной Европы исключительно здоровая рабочая сила. Комиссии подразделяли согнанных подростков на I-ю и II-ю категории; все, кто попадал в III-ю, то есть слабосильные, отправлялись по домам. Поэтому многие пытались симулировать разнообразные болезни, что, как ни странно, сходило. Достаточно было дяде симферопольца Батала Челебиева сказать облавщикам, что его племянник *krank ist* (болен), как здорового парня тут же оставили в покое (АМ ФВ. Д. 146. Л. 1). Наиболее беззащитными, как всегда, оказались сироты из крымскотатарских детдомов. Этим бесхитростным ребятишкам в голову не пришёл даже такой простой выход, и их увезли на Запад во множестве (АМ ФВ. Д. 93. Л. 13 об.). Впрочем, и из вполне благополучной евпаторийской семьи увели 14-летнего мальчика на глазах у его сестры Феры Ифтаевой (АМ ФВ. Д. 7. Л. 24); бесследно исчезла в Германии внучатая племянница Исмаила Гаспринского Гульнар Яшлавская (АМ ФВ. Д. 98. Л. 1) и многие, многие другие.

Но бывали сбои и у обычно аккуратных немцев. Мидату Юнусову удалось дважды (!) бежать, уже будучи отправленным в «арбайтслагер», а жители с. Чегерчи (н. Щёлкино) после того, как их трижды привозили не станцию и *трижды* там не оказывалось нужного состава, так и остались на родине — для того, чтобы в мае 1944-го отправиться уже в советский трудовой лагерь (АМ ФВ. Д. 123. Л. 25). Для нынешних коммунистов этот случай — лишний довод в пользу теории о большей эффективности социалистической системы: трудно даже представить себе, что в 1944 г. депортация крымских татар могла сорваться из-за плохой работы советских путейцев!

О том, в каких условиях оказывались крымские татары в рейхе, можно судить по бесхитростному рассказу (с минимальными редакторскими изменениями. — *В.В.*) ныне (1999 г.) здравствующего Нияса Азисова из дер. Айтуган Биюк-Онларского района, которому в ту пору едва исполнилось 15 лет:

«В 1942 г. старостой стал наш сосед Алтунин, а его сын Миша стал полицаем. Однажды староста собрал всех жителей деревни:

– Вот ты и ты поедете работать в Германию!

[1] Это ещё не самый удивительный случай; Османа Сеитджанова из села Акбаш Акмечетского района завезли далеко на север, в немецкий трудлагерь, расположенный в Норвегии (АМ ФВ. Д. 132. Л. 23).

Германский агитационный плакат (массовый тираж)

И меня тоже записал. И пешком нас погнали на станцию Биюк-Онлар. А там товарные вагоны; нас погрузили и объявили, что если кто убежит, то весь вагон будет расстрелян. И нас привезли в город Вердер, на предприятие „Мартин Шмидт" фирмы Волькан Фиберфабрик. Мне тогда было 15 лет, я был маленький, меня поставили на штамповочный станок шайбы штамповать фибровые.

Кормили плохо, давали 300 г эрзац-хлеба утром и кипяток чёрного цвета. За каких-то три недели мы страшно похудели. Все плакали, рыдали и тосковали. А потом мы решили бежать: я, Владимир Попов, Борис Голицин и Фёдор Ромашов. Борису тоже было 15 лет, а тем по 17, у них тяжёлая работа была — баржи разгружать. И убежали — я лично перерезал колючую проволоку ночью, часу в 4-м, тихо, хоть на ногах у нас и были деревянные башмаки.

Нужно было перейти на ту сторону моста, железнодорожного. Перешли, а там по лесу до вечера пробирались. Подошли к какой-то станции, сели в состав, гружённый горохом в мешках, ехали всю ночь, но приехали во Францию. Да, а когда мы садились, то пломбу с дверей сорвали, поэтому на стоянке немцы подошли, что-то по-своему поговорили и дверь откатили. Но нас не увидели, мы в углу мешки убрали и там спрятались. Они дверь закрыли, а Ромашов Фёдор говорит: „За пломбы могут расстрелять. Надо бежать". Смотрим, трогается другой состав, мы выскочили и забрались на него. Доехали до следующей станции, а там нас уже ждали, — когда мы из вагона выскакивали, видно, нас заметили. Теперь нас арестовали и повели в здание станции, оно одно там и было, двухэтажное. Там раздели наголо, одежду забрали, закрыли и сказали, что мы диверсанты и нас расстреляют, если не скажем, откуда мы. После этого мы решили сознаться. На другой день пришли двое полицейских, которые повезли нас обратно, туда, откуда бежали.

Весь барак выстроили и на их глазах начали нас бить плётками, кулаками, ногами. Потом посадили в одиночные камеры, где, кроме топчана, ничего

не было. Была суббота, а выпустили в понедельник и в наш барак привезли. Мы были слабы, всё тело болело — всё это время нам ни грамма хлеба не давали. Больше на штамповку нас с Борисом не ставили — ходили на разгрузку барж, таскали дрова, круглый лес, всякую работу делали. И мы дали клятву, что будем бежать, пока не убьют.

И мы с Борисом убежали. Но попали в Берлин, а там нас поймали и привезли в какую-то четырёхэтажную тюрьму. Всех беглецов туда собирали, там допрашивали и фотографировали: на груди ставили номера и сбоку. Мы говорили, что мы бежали с поезда, который нас вёз с Украины, что нам по 12 лет. До того худые были, что нам верили. Но однажды нас с Борисом разлучили. Меня и ещё 19 человек отвезли на машине в какой-то лагерь, и я один начал бегать.

Я залез на вагон первого попавшегося товарного поезда и доехал до Франкфурта. Там меня поймали, привезли в полицию, а оттуда в группе бегом погнали километров за 20. Полицейские вокруг ехали на велосипедах, а впереди бежала ещё одна группа и там был Борис! Наконец прибежали к воротам, где было написано: „Русский исправительный лагерь". Посреди двора был насыпан песок кругом, диаметром метров 60. И нас загнали на этот песок и заставили бегать — так, чтобы полицейские, стоявшие вокруг песка, могли достать плётками. Они стояли на деревянных подставках, их было много, и каждый бил. Я увидел, что Борис уже выбился из сил, он лежал возле песка, а потом один ударил меня так сильно, что я упал, и меня выволокли, но в полном сознании. Мы лежали и наблюдали, как бьют других.

Этот лагерь был очень большой, бараки деревянные строем стояли. Каждый день возили на работу, — лес сортировали, брёвна везли откуда-то в вагонах. После работы никто не должен выходить из барака, а шагом ходить запрещалось, только бегом. Кормили теми же 300 г эрзац-хлеба (две скибочки), а утром чёрный кипяток, в обед черпак баланды. Там нас продержали около месяца. Потом Бориса увезли в другой лагерь. И я опять один начал бегать: сел в состав на платформу, гружённую бетонными плитами. И я ехал, спрятавшись, 2 дня, и мне повезло — приехал в Польшу. Там я вылез из своего укрытия и свободно пошёл по городу и попросил дать поесть. Поляки меня кормили, и я хорошо их понимал, а они — меня.

А один старый поляк даже завёл в свой дом и стал расспрашивать, откуда я, такой худой и грязный. Я ему всю правду рассказал и ушёл. Потом добрался до своей деревни. Всего меня не было 6 месяцев, — в мае 42-го меня отправили, а в конце сентября я был уже дома. Поправился, стал работать в „общине", и дядя Алтунин меня не трогал» (АМ ФВ. Д. 7. Л. 1–5).

Здесь описаны лишь несколько судеб трудармейцев, но поведение этих людей, их неукротимое стремление вернуться на родину было характерно для многих крымских татар, оказавшихся «остарбайтерами». Это удивительно, ведь на Западе их жизнь была зачастую не только более обеспеченной, чем в голодавшем Крыму, но и более безопасной. И представители населения других оккупированных немцами территорий вели себя совсем по-иному — об этом свидетельствуют архивные материалы. В распоряжении украинских историков оказался обширный фонд, состоявший из примерно 30 000 писем «остарбайтеров», отправленных из Германии, но не попавших к оставшимся дома родственникам и впоследствии переданных в Государственный архив Харьковской области.

Открытка, раздававшаяся в Германии «остарбайтерам» бесплатно, для отправки на родину (массовый тираж)

Германский агитационный плакат (массовый тираж)

Судя по этим бесхитростным весточкам, на Украине, как и в Крыму, поначалу к отправке в Германию народ относился скорее положительно, чем отрицательно. Объяснение здесь простое — ситуация в том же Харькове вполне соответствовала крымской. Ведь город с полумиллионным населением был осенью 1941 г. оставлен врагу без продовольствия, электричества и водоснабжения — об этом позаботились партийные функционеры, местные и армейские, как и в Крыму, разрушив всё городское хозяйство и вывезя всё, что можно было вывезти, и уничтожив всё, что подлежало ликвидации[1]. Люди рассуждали по-своему здраво:

«Раз отправляют туда работать — значит, будут кормить» (цит. по: *Гринченко*, 2005. С. 354). И в дальнейшем эти рассуждения оправдались настолько, что отправившиеся на Запад «остарбайтеры» жалели единственно, что их родные остались в голодающем городе. Приведём несколько выдержек из этих писем, обладающих ценностью исторического источника:

«Мои родные, не печальтесь за мной, у меня всё хорошо, у меня есть в чём ходить и что есть... Лучше было бы, если бы вместе со мной [и вы] ехали в Германию и не знали этого горя». «Мама, всё бросай, и [отправляйся] только ко мне на фабрику». А вот письмо харьковской девушки к матери, жившей в начале войны в деревне: «Дорогая мамочка, я хотела поехать весной [1942 г.] к вам, но не могла дожить до тепла, в Харькове был большой голод, и я была вынуждена ехать в Германию, которая спасла меня от смерти» (цит. по: *Гринченко*, 2005. С. 354–355).

Эта информация вряд ли соответствовала *общ*егерманской действительности в 1942 и даже 1943 гг. Однако позже бытовые условия, питание и заработная

[1] О сложившейся ситуации, в частности, подробно писал малолетний свидетель этого преступления перед харьковчанами: *Черненко М.* Чужие и свои. М., 2001.

плата «остовцев» стали меняться к лучшему — естественно, прежде всего из желания сохранить этот резерв дешёвой рабочей силы в ситуации, когда надежды на её постоянное возобновление становилось всё меньше — территория оккупированной части СССР неумолимо сужалась. Уже 21 августа 1944 г. вступило в силу новое Положение о содержании восточных рабочих, согласно которому для остарбайтеров «были увеличены нормы выдачи мяса, сахара, и жиров, а также сыра, творога, Brotaufstrich'а (т. е. «намазки» любого вида на хлеб. — *В.В.*), бобовых и эрзац-кофе» (цит. по: *Herbert*, 1986. S. 267). Немецкий автор признаёт, что до уровня западных рабочих, нанятых рейхом, это снабжение так и не поднялось. Но легко понять, что даже небольшое увеличение рациона питания в ту далёкую пору имело для «человека войны» любой части Европы огромное значение.

То есть Германия (пусть в собственных целях) давала бывшим голодающим шанс выжить, и тем не менее значительная часть крымских татар этот шанс отвергала — ради возвращения на родину.

6. Крымские татары — добровольцы, полицейские, партизаны, подпольщики

а) Зачем были нужны коллаборационисты?

Прежде чем перейти к этой непростой и малоизученной[1] теме, уточним, какие виды сотрудничества требовали от местного населения немецко-румынские оккупанты. Во-первых, это были группы самообороны, создававшиеся для защиты сёл и деревень от партизан, реквизировавших продукты и имущество у крестьян. Во-вторых, в городах и сельской местности организовывались полицейские службы, предназначенные для поддержания порядка. Наконец, вербовались добровольцы для германской армии, входившие в воинские подразделения или сотрудничавшие с ней в индивидуальном порядке. Современный историк коллаборационизма в оккупированном Крыму выделяет четыре периода развития этого явления, причём первый из них (октябрь 1941 — январь 1942 г.) он характеризует как «неорганизованную самооборону». Приведём заодно и три остальных: период «организованной самообороны» (январь — июль 1942 г.); «крымскотатарские добровольческие формирования в системе вспомогательной полиции порядка» (июль 1942 — апрель/май 1944 гг.); наконец, «крымскотатарские добровольческие формирования в войсках СС» за рубежом (май-июнь 1944 — май 1945 гг.) (*Романько*, 2009. С. 613–614).

На вопрос, почему население оккупированных территорий давало согласие и даже стремилось к любой работе, оплачиваемой германскими или румынскими властями, советские историки и публицисты отвечали одинаково: коллаборационистами становились люди, глубоко ненавидевшие советский строй, или подонки, готовые предать Отечество за фашистские подачки.

[1] Современный учёный отмечает: «Проблема крымскотатарского коллаборационизма принадлежит к одной из самых малоисследованных и искажённых в истории Второй мировой войны» (*Романько*, 2009. С. 613).

В настоящее время можно встретить более взвешенные и объективные ответы. Так, современный историк раскрывает эту проблему с обезоруживающей простотой. Прежде всего, поясняет он, в число коллаборационистов автоматически заносились все военнопленные. Что же касается гражданского населения, то здесь «коллаборационизм по большей части носил вынужденный характер, так как у советских людей, особенно в городах, не было другого способа добыть средства существования для семьи» (*Пережогин*, 2004. С. 293).

А на вопрос о том, зачем оккупантам были нужны две первые структуры, ответить столь же просто. Очевидно, прежде всего — для выполнения полицейских функций, что уже много веков было необходимо в любом обществе. Должен же кто-то был прийти на смену бежавшей милиции! Другими словами, необходимы были какие-то силы, способные поддерживать элементарный порядок, охранять склады, магазины, порты и т. д. И кроме того, защищать мирное население хотя бы от насилия со стороны уголовного элемента, которого в годы войн и других социальных катастроф появляется особенно много. Это уже не говоря об организованных бандах грабителей, которые обычно наводняют прифронтовую полосу, где, с одной стороны, нередки серьёзные отклонения в массовой психологии (и значит, в поведении), а с другой — легко вооружиться и добывать боезапас. Что же касается оккупационных властей, то, как уже говорилось, они не могли оставлять по гарнизону в каждом из многих сотен крымских сёл и деревень[1].

Вторая цель при вербовке местного населения была, очевидно, чисто агитационно-пропагандистской. Она не требует разъяснения, а для её достижения было достаточно создать всего несколько активно сотрудничающих с оккупантами вооружённых частей и какое-то количество более мелких групп.

Третья из причин заключалась в том, что нужно было чем-то занять, точнее — нейтрализовать потенциально внушавшую немцам опасения наиболее активную и неспокойную при любой власти возрастную группу подростков и молодёжи. В противном случае её рано или поздно могли переманить к себе партизанские комиссары, со временем научившиеся ценить каждого местного русского или же крымца, молодого или старого, знавшего все тропы и пещеры, обладавшего знакомствами во многих сёлах и городах полуострова.

Можно сделать вывод, что немцы пришли к таким или схожим выводам, в отличие от руководства партизанского движения Крыма (об этом ниже), довольно рано.

2 января 1942 г. в Отделе разведки германской 11-й армии состоялось совещание, на котором присутствующие были извещены о том, что А. Гитлер дал

[1] При наборе в группы самообороны и полицию немецкие агитаторы так вопрос и ставили: «Вам надо охранять сёла, выбирайте сами охрану вместо милиции, кто может носить оружие — возьмём в добровольцы; работа будет простая — охранять склады, нести гарнизонную службу» (АМ ФВ. Д. 19. Л. 4). При этом если добровольцам обещали материальное содержание (с середины 1942 г. им действительно стали платить по 60–70 марок в месяц), то полицейская служба с самого начала была *бесплатной*, на общественных началах (лишь иногда, в малоземельных районах, полицейскому могли прирезать лишнюю сотку-другую земли).

согласие на призыв добровольцев из крымских татар для службы в некоторых подразделениях Вермахта. На этом совещании было решено, что задача приёма на эту службу передаётся эсэсовской Айнзатцгруппе D[1], которой командовал оберфюрер (с 1944 г. группенфюрер) О. Олендорф. Перед группой была поставлена задача: довести в Крыму число добровольцев из коренного населения до 20 000 штыков (*Литвин*, 1998. С. 4).

Для этих людей была намечена служба двух видов: в регулярных частях, дислоцированных на полуострове, и в ротах самообороны, которые будут использоваться Айнзатцгруппой D в борьбе с «бандитскими формированиями» (то есть партизанами) и другими нарушителями порядка. Для этого предполагалось создание отделений городской и сельской полиции (Schutzmannschaft-Einzeldienst), находившихся в подчинении местным фюрерам СС (*Романько*, 2004, № 6–7. С. 145).

Крымских добровольцев должны были приравнять в правах и обязанностях к обычным служащим вермахта. Им полагались денежное содержание в солдатском размере, продуктовый паёк и обмундирование (солдатское, но без знаков различия). Из вооружения им если и доверялись, то только винтовки и пистолеты (далеко не всем), то есть ни в коем случае не автоматическое оружие. Правда, были случаи, когда их снабжали и минометами.

Для активизации кампании приёма в добровольцы было решено привлечь крымские Мусульманские комитеты. Здесь необходим, наконец, краткий экскурс для более подробного пояснения этой реалии.

Мусульманские комитеты (Müslümankomiteleri) оккупационного периода — общественные организации, состоявшие из выборных лиц, заинтересованных прежде всего в возрождении крымскотатарских культуры и религии. В своей деятельности они решали и другие местные задачи. Комитеты создавались в крупнейших городах Крыма с ноября 1941 г. В дальнейшем они рассматривались некоторыми крымчанами как символ самоуправления, так как немецкий контроль над деятельностью Мусульманских комитетов ограничивался общим надзором с целью недопущения антигерманских акций (*Kırımal*, 1952. S. 307).

Вполне объективные зарубежные исследователи приходят к выводу, что по своей политической направленности Мусульманские комитеты были скорее антибольшевистскими, чем прогерманскими, обществами (*Dallin*, 1957. P. 261). Крымские источники свидетельствуют о помощи, которую комитеты пытались оказывать соотечественникам и в житейском плане. Пример: председатель одного из комитетов Якуб Керменчикли вместе со своим сыном Ильми активно спасали людей «от неминуемой голодной смерти», хотя при этом некоторых из спасённых (с подходящими физическими данными) пришлось записать в полицию (АМ ФВ. Д. 257. Л. 2). Остаётся сказать, что приведённые ниже сведения о содействии Мусульманского комитета набору добровольцев (а оно имело место) практически аналогичны действиям представителей Русской православной церкви на оккупированных территориях.

[1] Айнзатцгруппы СС — оперативные группы, созданные с целью подавления сопротивления со стороны гражданского населения оккупированной территории. В состав каждой группы входило от 1000 до 1200 чел., распределённых между несколькими айнзатцкомандами. В круг обязанностей айнзатцгрупп входило не только проведение «акций возмездия», то есть карательных акций против партизан, но и выявление и уничтожение коммунистов, комиссаров Красной армии, а также евреев (в Крыму — и крымчакского населения). Оперативной территорией Айнзатцгруппы D являлись Южная Украина и Крым (*Фляйшман Г.* По колено в крови. Откровения эсэсовца. М., 2009. С. 178).

В том числе и элитного «отряда» РПЦ — монашества, наиболее сурово преследовавшегося большевиками, что и объясняет упомянутую позицию церковников по отношению к немцам. Приведу пример. Одним из последних островков былого монастырского мира России к 1941 г. остался старинный Псково-Печорский монастырь. Сотни остальных обителей к тому времени были ликвидированы советской властью, а их монахи отправлены в лагеря, где и сгинули. Об этом было прекрасно известно псково-печорской братии, со дня на день ждавшей такой же расправы. Поэтому она и встретила немецкие передовые части с понятной радостью, видя в них избавителей от неминуемых репрессий. Более того, владыка Пётр (П. Горшков), видя вполне дружелюбное отношение новой администрации края к насельникам монастыря, указал отправлять службы за дарование побед германскому оружию. Понятно, что после освобождения Псковской области все монахи во главе со стариком-настоятелем были репрессированы. Владыка Пётр окончил свои земные дни в тюремной больнице в возрасте 80 лет, а в 1970-х гг. был реабилитирован[1].

В тех же северных краях немцы уже в 1942 г. разрешили выпуск журнала «Православный христианин», причём тиражом для военного времени немалым — 30 000 экз. Понятно, что на страницах этого органа печатались ярко антисоветские материалы — в особенности о «подвигах» большевиков, направленных против церкви начиная с ленинских времён. Отмечены и устные выступления в том же духе, звучавшие с амвонов. Так, Смоленский епископ Стефан призывал местных партизан сложить оружие, угрожая за ослушание Божьей карой. Рядовые священники Беляев и Глебов, тоже смоленские, следовали в проповедях своему духовному отцу и даже выпустили собственное обращение «Ко всем православным христианам», в котором увещевали свою паству оказывать любую помощь для «наших освободителей — германской армии в её борьбе с безбожными советами» (цит. по: *Ковалёв*, 2011. С. 505). В том же духе гремело пастырское слово преподобного Василия, и при оккупантах сохранившего статус епископа Острожского и Валуйского (указ. соч. С. 510).

Но вернёмся к нашей теме. Итак, уже 3 января 1942 г. состоялось первое официальное заседание симферопольского Мусульманского комитета, посвящённое началу набора местного населения в добровольческие части. Заседание проходило в присутствии упоминавшегося командира Айнзатцгруппы «D», Отто Олендорфа, оберштурмбанфюрера Вилли Зайберта, штурмбанфюрера Вернера Брауне и других. С крымскотатарской стороны в заседании участвовало руководство

[1] Не могу привести конкретной ссылки на источник этого сюжета, так как он был устным, — об этом автору в конце 1970-х гг. рассказывал его хороший знакомый, ныне покойный настоятель Псково-Печорского монастыря, владыка Алимпий. Реабилитации своего предшественника, владыки Петра, как он считал, ему удалось добиться лишь в качестве бывшего офицера и неоднократно награждённого фронтовика-артиллериста. А много лет спустя эта история неожиданно стала достоянием миллионов российских телезрителей («Пятый канал», Санкт-Петербургское телевидение, 21 февраля 2010 г.).

Симферопольского комитета: председатель (между прочим, турецко-подданный) Демиль Абдурешидов, его заместители И. Керменчикли и О. Меметов, а также члены правления: Османов, Сетулла Э., Девлетов, Клеблеев М., Шулик, Гафаров, Музафар и Табиев. На совещании кроме организационных вопросов была сформулирована основная задача создания крымскотатарских добровольческих рот: борьба с большевистскими поработителями края. Позднее в этом комитете был создан ряд отделов, среди которых были отвечавший за антипартизанскую борьбу (рук. Амет Абдуллаев) и за комплектование добровольческих формирований (рук. Тахсин Джемилев). Тогда же комитетом был сформулирован призыв к населению: «Татары, хотите, чтобы вас не грабили партизвны, берите добровольно оружие против них» (цит. по: *Романько*, 2009. С. 622).

Интересно, что в это же время в Берлин прибыли представители турецкой политической элиты: начальник Стамбульской военной академии Али Фуад Эрден и генерал Хусню Эмир Эркилет. Их задачей было добиться от германского командования согласия на послевоенное восстановление крымской государственности. Эта идея шла вразрез с планами правительства Германии на превращение Крыма в одну из имперских земель. Очевидно, не желая расхолаживать союзных ему турок, А. Гитлер дал распоряжение проявить на переговорах с ними сдержанность и вообще не идти на «преждевременные разговоры» о будущей судьбе Крыма (*Некрич*, 1978. С. 27–28). Диалог, ограниченный такими рамками, конечно, ни к каким конструктивным решениям привести не мог.

Примерно в том же ключе пошли переговоры немцев и с самыми выдающимися деятелями крымскотатарской эмиграции. Вскоре после оккупации Крыма лидер движения за национальное освобождение Крыма Джафер Сейдамет стал инициатором поездки в Германию двух видных эмигрантов, историков и писателей — Мюстеджипа Улькюсала[1] и Эдиге Кырымала.

Мустафа Эдиге Кырымал (1911–1980) родился в Дерекое, в семье выходца из Литвы Мустафы Шинкевича. Окончил Ялтинский лицей, учился в Симферопольском педагогическом институте. Когда в конце 1920-х гг. начались массовые репрессии против крымскотатарских «антисоветских элементов», Э. Кырымал, очутившийся под контролем чекистов, был вынужден выехать в Азербайджан. Здесь ему помогли перебраться в Иран, откуда он переехал в Турцию (1932 г.), где встретился с лидером Крымскотатарского национального центра в Стамбуле Джафером Сейдаметом, стал его учеником и соратником. Через 2 года поступил в Виленский университет (Польша), где создал Крымское национальное общество студентов. После окончания университета вернулся на постоянное жительство в Стамбул. Скончался в 1980 г., был похоронен в Мюнхене, в 2007 г. перезахоронен в Бахчисарае (Салачик).

[1] Мюстеджип Улькюсал (1899–1996) — потомок крымских переселенцев в Добруджу, село Азаплар (сер. XIX в.). Получил образование в Румынии и Турции. В 1917 г. вернулся на родину предков, два года учительствовал в дер. Фотисала. Во время Гражданской войны выехал в Румынию, где создал крымскотатарский культурный центр «Тонгуч» («Первенец»). С 1930 г. вместе с соотечественниками Добруджи основал культурно-публицистический журнал «Эмель» («Порыв») и стал его многолетним редактором. Инициатор создания Тюркского Культурного Единения — организации, созвавшей в 1934 г. свой Курултай. В 1941 г. переехал в Турцию, где возродил «Эмель», выходящий доныне.

Мюстеджип Улькюсал.
Фото из турецкого журнала „Qırım Sedası"

Мустафа Эдиге Кырымал.
Фото из турецкого журнала „Emel"

Прибыв в Берлин в декабре 1941 г., учёные вручили немцам меморандум, где проводилась идея независимости Крыма как исторически сложившегося мощного фактора политического равновесия сил в Восточной Европе. Они подчёркивали, что лишь после ликвидации Крымского ханства для России стала возможна широкая экспансия на Балканы и в направлении Центральной Европы. В заключительной части этого документа содержалось предложение создать единый фронт против общего врага — российского большевизма. При этом ближайшей задачей ставилось объединение создававшихся в Крыму Мусульманских комитетов, уже начавших решать давно назревшие проблемы религии и просвещения народа. Были выдвинуты проекты создания и других культурных институтов крымцев с последующим подчинением их единому национальному центру. Учреждение такого центра реально виделось на будущем конгрессе членов Мусульманских комитетов, который оба крымскотатарских учёных брались созвать, если они получат возможность развернуть свою деятельность на месте, в Крыму.

Общий смысл ответа германских властей их гостям был таков: в Крым ехать им пока нецелесообразно, а остальные предложения интересны, но преждевременны, и к ним можно будет вернуться только после завершения войны (*Улькюсал*, 1980. С. 423–426). Таким образом, реакция немцев была при всей её завуалированности для умных людей достаточно чёткой. Но ещё больше отрезвило М. Улькюсала и Э. Кырымала посещение ими одного из самых первых трудовых лагерей для крымских татар, расположенного под Берлином. За колючей проволокой перед ними предстали худые, истощённые непосильной работой и скудным питанием лица их соотечественников, ничем не провинившихся, ничем не заслуживших ни перед одним режимом такого с ними обращения. Это зрелище настолько потрясло обоих, что они, забыв о собственной безопасности, тут же заявили резкий протест, направив его таким высокопоставленным и оттого опасным чиновникам, как доктор фон Менде, занимавшийся тюркскими и кавказскими

народами в ведомстве А. Розенберга, и посол Хентик. Обратились они и к графу Ф.В. фон Шуленбургу.

Никакого результата этот протест не возымел, как не прошло и предложение М. Улькюсала направить в Крым для возрождения религии молодых мулл и нескольких имамов из крымскотатарской эмигрантской общины Добруджи. Всё, чего удалось добиться, — это разрешение на переселение в Крым 25 000 татар. Но оба крымских татарина всё ещё медлили с отъездом, — очевидно, были у них какие-то надежды. Наконец, через 7 месяцев бесплодного пребывания в Германии они услышали слова, которые заставили их собраться в обратный путь. Какой-то нацист, который слыл весьма компетентным в политических интригах Берлина, сообщил Улькюсалу под большим секретом (не исключено, по заданию одной из служб рейха): «Ты известен как крайний националист и пантюркист» (*Улькюсал*, 1980. С. 427–428).

Это было клеймо, значащее одно и то же в СССР и гитлеровской Германии: с таким политиком никакой деловой диалог в дальнейшем невозможен — значит, он может в данном случае оставить все надежды на возрождение Крыма и его коренного народа. Позднее стало известно, что к выводу о возникшей опасности пантюркизма согласно пришли Розенберг и Гитлер, после чего и «было решено прервать все контакты пленных татар с турецкими деятелями»[1] (*Подпрятов*, 2006. С. 92). Современный крымский исследователь обнаружил некоторые факты, которые позволяют ему сделать вывод, что обоим учёным, а также Джаферу Сейдамету всё же удалось помочь «многим крымским татарам, а также представителям других тюркских народов, которые находились в лагерях для военнопленных или были угнаны в Германию в качестве рабочей силы, не попасть в зону ответственности советских войск. Подобная деятельность помогла избежать репрессий и арестов многих крымских татар со стороны советских властей. Таким образом, многие крымские татары через зону ответственности американцев и их союзников смогли переправиться в относительно безопасные страны, в том числе Италию, Францию, Египет, Иорданию и Турцию» (*Куршутов*, 2007. С. 32).

Все эти берлинские инциденты, особенно первые два из упомянутых, проливают свет на национальную проблему в далёком от Германии Крыму. В конце 1942 г., после того, как М. Улькюсал вернулся в Румынию, Э. Кырымал, несмотря на нежелание Берлина видеть его на родине, туда отправился. С ним был помощник, тоже старый политэмигрант А.-Х. Балич. В середине декабря состоялась их встреча с членами Симферопольского мусульманского комитета. На ней турецкая делегация сообщила о вышеупомянутом разрешении германских властей на репатриацию в Крым 25 000 татар, причём 600 из них, уже готовые к переезду, являлись квалифицированными сельскохозяйственными и техническими специалистами, в которых остро нуждалась национальная экономика. Это сообщение вызвало неподдельный энтузиазм собрания, на котором деятельность берлинской группы крымцев (их к тому времени насчитывалось около 12 человек) была полностью одобрена, а сам этот штаб был признан руководящим органом крымскотатарского национального движения (*Романько*, 2011. С. 157). Таким образом Э. Кырымал и его сотрудники получили право действовать в Крыму и Берлине в статусе представителей своего народа. Берлинский штаб был в качестве такового признан Министерством по делам оккупированных восточных областей и стал с января 1943 г. официально именоваться Крымскотатарским национальным центром (там же).

[1] Была и третья попытка того же рода, предпринятая в апреле 1942 г., — собрать в Берлине (отель «Адлон») и склонить к сотрудничеству несколько десятков российских эмигрантов восточного происхождения. Инициатива принадлежала Ф.В. фон Шуленбургу и также провалилась. Впрочем, на этот раз представителей крымскотатарского народа в Берлине, кажется, не оказалось (подр. см. в: *Хоттон-Рике М.* Адлониада 65 лет тому назад // Авдет. 25.06.2007. С. 7).

Мустафа Эдиге Кырымал с женой Аймелек.
Снимок неизвестного фотографа

Однако никакой самостоятельности в деятельности нового центра нацистами не предусматривалось. Об этом говорит простой факт: в ноябре 1943 г. в ведомстве А. Розенберга был создан Крымскотатарский отдел, целью которого стала разработка указаний, которыми должен был руководствоваться берлинский национальный центр во главе с М.Э. Кырымалом. Это решение явились лишним подтверждением политических установок имперского руководства по отношению к коренному народу Крыма. Нацисты, как и ранее, стремились максимально использовать национальные чувства крымских татар, абсолютно ничем не пожертвовав из своей великодержавной программы.

Мало того, что они и говорить не хотели о возрождении суверенного Крыма (пусть даже под патронатом Германии) и его национальной культуры. Взяв под плотную опеку берлинский Крымскотатарский национальный центр, в само́м Крыму они препятствовали созданию единой крымскотатарской организации *любой* политической окраски. Оккупационные и берлинские власти откровенно выступили здесь против создания общенационального центра даже под собственным контролем, фактически запретив его ещё на стадии переговоров. И сама идея сотрудничества добровольческих частей и Мусульманских комитетов (то есть

военных и интеллигенции, принадлежащих к одному, коренному народу) была сочтена недопустимой. И это не только выводы исследователя, о том же говорят конкретные документы.

В одном из приказов германского верховного командования крымским оккупационным властям предписывалось всеми мерами препятствовать образованию какого-либо единого крымскотатарского центра, как и проведению национальной крымскотатарской политики *любыми* средствами или методами (см. в: *Некрич*, 1978. С. 30). Грубое вмешательство оккупантов в сугубо внутренние дела народа стало напоминать большевистский политический террор. Причём до буквальных совпадений: немцы начали преследовать чудом уцелевших от НКВД миллифирковцев, пытавшихся возродить свою организацию. Нацисты, точь-в-точь как в своё время большевики, собирались поставить во главе мусульман Крыма «своего» муфтия. Народный же кандидат, авторитетный в широчайших кругах крымских мусульман Амет Озенбашлы, был неугоден германской власти так же, как и советскому режиму, и явно по той же причине — как крымский татарин с недостаточно скромными претензиями.

Во время войны было сделано ещё одно, чрезвычайно ценное наблюдение: для немцев крымские татары были людьми не второго сорта (как русские и украинцы), а какого-то третьего. И дело было не только в боязни централизации национального, культурного, любого иного крымскотатарского движения. Оккупанты всячески поощряли исходившие от славян коллаборационистские инициативы, поддерживая выстраивание чисто русской или украинской вертикали соподчинения, когда в отдельном населённом пункте или районе все посты от полицейских и старост до начальника полиции занимались славянами.

В случае с крымскими татарами такая вертикаль прерывалась уже на первом, редко когда — на втором звене. Немецкая власть всей кожей ощущала внутреннюю изолированность крымских татар, традиционную отграниченность их от любого властного руководства, недоверие к нему (российская имперская школа не прошла даром!) и имевшую те же истоки глухую внутреннюю замкнутость (точнее — иммунитет, непроницаемость для политического внушения) при внешней, чисто формальной открытости. Эта недоступность была особенно заметна при личных контактах немцев и румын, например, в обращении с ними русских женщин и — по контрасту — татарских, которые ни на какой, даже самый безобидный, контакт не шли (АМ ФВ. Д. 19. Л. 9).

Но вернёмся к конкретной истории добровольчества. Для этого начнём с самых основных вопросов, без которых нельзя ответить и на остальные. Итак, первый вопрос:

Сколько их было, крымскотатарских добровольцев?

Нужно сразу же отметить, что свою агитацию насчёт вступления в эти части Айнзацгруппа D начала не столько по сёлам и городам Крыма, сколько в тюрьмах и лагерях для военнопленных[1]. Здесь среди бывших бойцов Красной

[1] Вербовка в лагерях велась в исполнение плана гауляйтера Ф. Заукеля «Трансформация», согласно которому немцы уже осенью 1942 г. могли отказаться от мобилизационного набора в полицейские и армейские вспомогательные части местного населения. «И начали такую мобилизацию в концентрационных лагерях для военнопленных.

Пожилой крымец, немецкий снимок.
Фото из коллекции музея Ларишес

армии оккупанты отыскивали крымских уроженцев города и деревни (понятно, не исключительно татар) и предлагали им путь к спасению, для чего нужно было вступить в «роту самообороны» или полицейский батальон. За месяц с небольшим (январь-февраль 1942 г.) таким образом удалось набрать 9255 человек. Понятно, что лишь небольшая часть отобранных молодых людей могла иметь какие-то серьёзные, давние политические счёты к большевизму. В основном это были вконец оголодавшие пленные, увидевшие в этих ротах спасение от неминуемой смерти в лагерях уничтожения. Повторяем, среди тысяч «добровольцев» далеко не все были крымскими татарами. Ялтинец Иззет Чолпух, бывший писарь одного из крымскотатарских батальонов, прекрасно помнит, что личный состав их части только по названию был крымскотатарским, на самом же деле представляя собой пёструю людскую массу, в которой можно было найти кого угодно, в том числе немало русских (АМ ФВ. Д. 207. Л. 3–4). К тому же выводу приходят профессиональные исследователи

Большой приток вчерашних пленных позволил радикально преобразовать полицию и охранные войска (зондеркоманды, айнзатцгруппы и пр. — *В.В.*). Теперь пришли профессионалы, военные. И прежних ублюдков, которых даже партизаны не брали, можно было вышвырнуть вон из охраны» (*Бочкарёв*, 1996. С. 518). Охранные и полицейские батальоны (Schutzmannschaftsbataillonen) набирались среди военнопленных самых разных национальностей в лагерях Симферополя, Херсона и Николаева. Таким образом были созданы батальоны № 147 (базировался в Симферополе), № 148 (Карасубазар), № 149 (Бахчисарай), № 150 (Ялта) и № 152 (Джанкой). Все они, кроме перешедшего на сторону партизан 152-го, вплоть до весны 1944 г. были заняты в акциях против партизан (*Kırımal*, 1952. S. 305).

Слева — полицейский в шортах за проверкой документов. *Немецкий снимок из коллекции музея Ларишес*

вопроса: «Состав батальонов не был чисто татарским: в их рядах служило много русских и украинцев, а также армян, крымских немцев, болгар и даже эстонцев» (*Подпрятов*, 2006. С. 185).

Другим источником набора личного состава были действительно чисто крымскотатарские сёла. Но и здесь имелись свои особенности, явившиеся для немцев полной неожиданностью. Документы свидетельствуют, что сплошь да рядом встречались сёла, в том числе такие крупные, как, например, Кокташ, Айсерез, Сартана, Шах-Мурза, Улу-Узень, Чермалык, жителей которых «немцы никакими угрозами не могли вооружить против партизан» (*Волобуев*, 1999. С. 94). Поэтому приходилось применять насилие и угрозы.

Летом 1942 г. немцы, поднявшись к Кучук- и Буюк-Озенбашам, устроили облаву на молодёжь. В обоих обширных сёлах удалось схватить около 180 парней и девушек, которым предложили выбор: трудлагерь в Германии или добровольческая форма. В лагерь отправилось человек 30, в основном девушки. Остальные согласились стать добровольцами. Однако вскоре *все они* ушли к партизанам, пополнив 9-й отряд 8-й бригады (АМ ФВ. Д. 253. Л. 2). Но наиболее значительным фактом такого рода был переход на сторону партизан всего 152-го крымскотатарского батальона, которым командовал майор Раимов (*Подпрятов*, 2006. С. 166).

Приведённые случаи перехода добровольцев на сторону «горных мстителей» были *типичными*, что подтверждается и общими цифрами: после окончания формирования по линии Айнзатцгруппы D групп самообороны прошло едва полмесяца, и из неполных 10 000 (вместо запланированных 20 000) человек их осталось всего, то есть по всему Крыму, *1632 человека*. Правда, сюда не входят 8684 добровольца, в 1942 г. отправленные в части манштейновской 11-й армии, откуда, кстати, тоже многие дезертировали (данные из: *Литвин*, 1998; *Романько*, 2004, № 6–7. С. 148).

В литературе встречаются упоминания о гораздо большем числе крымскотатарских добровольцев. Например, упоминавшийся М.Э. Кырымал приводит цифры от 8000 до 20 000 человек; современный крымский историк — 7–8 % от общей численности народа, то есть 14–16 000 человек (Возвращение. С. 29), эта же цифра (15 000) выводится и более поздним исследованием (*Волобуев*, 1999. С. 94), о 19 000 пишут военные исследователи и историк Р. Ланда (*Ланда*, 1995. С. 235) и т. д. Появление этих величин легко объяснимо. Их первоначальный источник — доклады командира Айнзатцгруппы D Отто Олендорфа. Офицерам этой команды после того, как они провалили план вербовки 20 000 солдат, ничего не оставалось, как поставлять в Берлин сильно *завышенные цифры*. Что вполне объяснимо — за провал намеченной программы весь состав группы могли бы запросто отправить с тёплых тыловых мест в маршевые роты СС.

Проверить эти липовые справки тогда же, по горячим следам, было бы нелегко, да никто в этом и не был заинтересован — ни германское министерство пропаганды, ни тем более штаб крымской группы войск. Зато после войны, обнаруженные в архивах рейха, они стали лакомой добычей легковерных историков. Что типично: точно так же искажались данные о вербовке в Крыму славянского населения для частей Русской освободительной армии (РОА): «об их общей численности судить очень трудно, так как немецкая сторона эту численность явно завышала, заявляя о „тысячах добровольцев“, а советская — преднамеренно занижала» (*Романько*, 2004, № 8. С. 134). Короче, в Крыму имела место *общая практика* намеренной документальной фальсификации.

Из германских же источников заслуживает внимания ещё одна цифра, причём вычисленная автором, стремящимся к максимальной точности. После вывода немцами при отступлении 1944 г. из Крыма добровольческих частей из них уже в Венгрии 8 июля была сформирована так называемая Татарская горная бригада войск СС (Waffen-Gebirgs-Brigade SS) под командованием оберштурмбанфюрера Вильгельма Форстенбахера, насчитывавшая 3518 человек. Но и в ней были не только крымские татары, а и славяне, и лица других национальных групп — только крымских немцев насчитывалась ¼ личного состава (*Романько*, 2004. № 6–7. С. 152). Так что и из этой информации вывести количество крымских татар — добровольцев невозможно, хотя, конечно, о 20 000 человек и здесь речи быть не может.

Зимой-весной 1942 г. в Крыму была создана новая структура — Вспомогательная полиция порядка «Шума» (Schutzmannschaft der Ordnungspolizei, или сокращённо Schuma), командовать которой был назначен генерал-майор полиции

Конрад Хитшлер[1]. В неё перевели крымцев из 11-й армии, а также свежена-вербованных добровольцев — пленных из фильтрационных лагерей и жителей крымских населённых пунктов. Таким образом, набралось 3344 человека. Всего же в пик добровольческого движения, то есть весной-осенью 1943 г., из гражданского населения под ружьём оказалось 15–16 000 человек (*Романько*, 2009. С. 631–632, 636–637). Однако, как подчёркивает автор этих подсчётов, речь идёт не исключительно о татарах, а об этнически смешанном личном составе. Поэтому гарантированно точной пока остаётся вышеназванная цифра в 1632 человека крымскотатарской национальности, действительно служивших в оккупационных структурах.

Итак, 1632 человека (или около того). Много это или мало? На такой вопрос можно ответить лишь в сравнительном плане. Если учесть, что крымскотатарское население республики в начале 1940-х гг. равнялось приблизительно 250 000 чел., то 1632 чел. составит 1/153 его часть, тогда как в целом в германской армии (или в администрации оккупационного режима) бывшие советские люди встречались чуть ли не вдвое чаще — ей служил каждый 80–90-й человек из попавших в оккупацию или плен (соответствующие расчёты см. в: *Полян*, 1996. С. 58–59). И для того, чтобы достичь «славянских показателей», нам пришлось бы эту цифру искусственно удвоить. Это не говоря уже об абсолютных показателях — всего, как уже подсчитано, «в германских силовых структурах прошло службу от 1,3 до 1,5 млн советских граждан разных национальностей...» (*Романько*, 2011. С. 49).

Что же касается конкретно Крыма, то здесь кроме упомянутых добровольцев из местных жителей с немцами сотрудничало около 30 000 (эта цифра менялась в отдельные периоды) бывших советских людей, входивших в другие подразделения (*Музафаров*, 1991. Т. I. С. 366).

Это были Восточные части, практически целиком состоявшие из русских: 162-я и 181-я охранные роты, охранная рота специального назначения, 16-й взвод вспомогательных охранных частей, 4 роты вспомогательных охранных частей, 2 хозяйственные роты, речная хозяйственная колонна и ряд не столь крупных хозяйственных, строительных и вспомогательных частей. Из казачьих формирований называется 1/933-й кавалерийский эскадрон. К украинским формированиям относились три строительных батальона, две моторизованные хозяйственные и две строительные роты. Имелись в крымском регионе и другие национальные части: полк специального назначения «Бергман» (три батальона из представителей народов Северного Кавказа), три азербайджанских батальона, четыре грузинских батальона, три туркестанских батальона, по одному армянскому и северокавказскому пехотному батальону и ряд других хозяйственных, строительных и вспомогательных частей смешанного национального состава.

[1] Шума состояла из нескольких служб: полиции индивидуальной службы порядка в городах и сельской местности, батальонов вспомогательной полиции порядка, вспомогательной пожарной полиции и вспомогательной охранной полиции (сторожей складов, магазинов и пр.). То есть эти люди взяли на себя ответственность за исполнение обязанностей соответствующих служб, существовавших в любой стране, в том числе и в СССР. На оккупированной территории СССР эта категория добровольцев насчитывала до 400 000 человек (*Романько*, 2011. С. 49).

Сложнее подсчитать численность многонациональных «хиви»[1], которые были разбросаны по различным частям Вермахта, дислоцированным в Крыму; только в 11-й армии в 1942 г. их было 47 000 человек. Наконец, местные добровольцы, также смешанной национальной принадлежности, служили в жандармерии (6468 чел. в 1942 г.), в охранной полиции (менее 1000 человек) и в охране общественного порядка (*Романько*, 2011. С. 88–89).

Из крымскотатарских формирований, как указывалось выше, имелось 14 рот самообороны и семь вспомогательных полицейских батальонов «Шума», которые по названию так и остались «крымскотатарскими», хотя татар там было едва ли не меньше остальных. Со временем этот процент не рос, а снижался, поскольку личному их составу стало понятно, что немцы собираются использовать роты на самых тяжёлых участках фронта в качестве живого заслона — соответственной была и реакция. В батальоне, где служил уже упоминавшийся И. Чолпух, было всего 127 крымских татар, но после того, как их поставили на такой «заслоняющий» участок (у Викторовки), из его земляков осталось едва 20 человек (АМ ФВ. Д. 207. Л. 4). Собственно, никто из исследователей и не отрицает того факта, что огромное большинство личного состава батальонов дезертировало, о том же сообщает и Кырымал, упоминающий известный нам случай, когда к партизанам ушла целая рота, прихватив с собой немецкое оружие (*Kırımal*, 1952. S. 315).

Второй вопрос: *Кем были эти люди, что заставило их надеть чужую форму?*

Главную причину, по которой мирные, по большей части пожилые (освобождённые от мобилизации в Красную армию), мужчины шли в добровольцы, создала сама советская власть. Лишив людей хлеба, она не могла отнять у них воли к выживанию. Здесь было не до высшей математики двух идеологий, здесь была простая арифметика: паёк и жалованье одного добровольца равнялись жизни одной семьи. Пусть совсем не роскошной, пусть впроголодь (один паёк — на всех!), но — жизни. Волей к выживанию можно объяснить согласие мужчин взять у немцев оружие и для того, чтобы защитить семью и односельчан от мародёрствовавших партизан, отнимавших у голодного села последние крохи (*Поляков*, 1999. С. 7).

Выше вскользь упоминалось, что всего меньше было в этих смешанных по национальному составу «крымскотатарских» ротах активных антисоветчиков, которые шли к немцам с осознанной целью борьбы с большевизмом. Но они всё же были люди, не сумевшие самовозбудиться до высокой, но совершенно безответной любви к советской родине. А если серьёзно, то проще попытаться ответить на вопрос, заданный А.И. Солженицыным в его «Архипелаге ГУЛаг»: «Может быть, справедливо, наконец, допустить, что те, кого мы уничтожаем, имеют право нас ненавидеть? Или — нет, не имеют права? Они должны умирать с благодарностью?» Конечно же, во многих случаях возникало чувство ненависти — и воплощалось в соответствующие, адекватные поступки. Или, как отмечает современный исследователь, «всё, что можно было сделать для „кризиса

[1] Хиви (от *нем.* Hilfswillige — «добровольные помощники») — наёмная рабочая сила, использовавшаяся в регулярных частях Вермахта в качестве конюхов, шофёров, ремонтников. Иногда участвовали и в боевых действиях в качестве подносчиков снарядов.

лояльности" у крымских татар по отношению к самой себе, советская власть сделала» (*Романько*, 2011. С. 129).

Причём иногда это естественное неприятие, отрицание общности с губителями своего народа поднимало человека на соответствующий уровень не слова, а дела. Они, эти народные мстители большевикам, служили не за страх, а за совесть. Например, таким был Чорман, дегерменкойский крестьянин, бывший труженик-середняк, не только до нитки ограбленный и сосланный за своё якобы «кулачество», но и перед ссылкой униженный большевиками каким-то средневековым способом: его проволокли по родному селу на верёвке, привязанной к скачущей лошади (АМ ФВ. Д. 216. Л. 6). Незадолго до начала войны он вернулся на родину. Люди знали его историю, поэтому не удивились, когда через какой-то срок после прихода немцев он стал начальником алуштинской полиции. Причём весьма жёстким, как рассказывал сталкивавшийся с ним бывший партизан Асан Эшреф. Он был особенно суров, когда к нему попадали бывшие активисты из его села, то есть те, кто мучил самого Чормана и его семью в 1930-х гг. (указ. дело. Л. 6–7).

Столь же немного было среди добровольцев и выходцев из противоположного лагеря, то есть лиц, слишком уж запачкавших себя сотрудничеством с советскими карательными органами. Конкретно это были нештатные сотрудники НКВД и обыкновенные мелкие «стукачи по случаю», которых в Крыму имелось множество и в 1937 г., и позже. Кстати, они-то и стали первыми из добровольцев — по вполне понятной причине. Население их, в общем-то, знало. Люди скрыто, а иногда и открыто презирали сексотов ещё с довоенного времени. Немцы имели опыт работы с такого рода контингентом также ещё до начала войны, в самой Германии, охотно принимая на работу, например, «засветившихся» агентов Коминтерна, из которых получались отличные нацисты.

Таким образом, бывшим сексотам карательных органов советского Крыма были доверены схожие функции: их не включали в батальоны, а, выдав добровольческую форму, рассредоточивали по большим и малым населённым пунктам, где они по мере сил и старались, выполняя, по сути, обязанности полиции, в том числе и тайной. Но толку от них было немного — их никто не боялся, а вредили им жители крымскотатарских сёл на каждом шагу. Поэтому через какое-то время немцы начали переводить этих первых «идейных» своих пособников в заложники, а потом без зазрения совести расстреливать (АМ ФВ. Д. 217. Л. 1).

Не нужно путать с упомянутой группой другую, также «слишком» лояльную к советской власти. Это были коммунисты, ударники труда, активисты и пр., то есть люди, имевшие причины опасаться самых жестоких репрессий и которые таким путём надеялись отвести беду от себя и своей семьи (АМ ФВ. Д. 203. Л. 2). Для того чтобы избежать фашистских репрессий, сельскому коммунисту было достаточно поручительство, подписанное его земляками, — о том, что он не зверствовал в годы советской власти, помогал односельчанам и т. п. (АМ ФВ. Д. 19. Л. 5). Повторяем, таких коммунистов немцы брали себе в пособники довольно охотно, рассчитывая, что от авторитетных в прошлом людей будет толк и в поддержании порядка, и в распределении налогов, пашни, покосов (на должности старосты деревни) и т. д. Практика показала, что здесь оккупанты не ошибались — эти люди работали на них с огоньком. А к тем из них, кто по-

человечески относился к односельчанам, стараясь поступать «по справедливости», и население нормально относилось — как, например, к коккозскому старосте-коммунисту Якубу-агъа (АМ ФВ. Д. 207. Л. 1).

Ещё один пример такого рода: коммунист Осман Хасанов, избранный старостой, собрал в своём селе Коуш, Бахчисарайский р-н, около 80 человек добровольцев (позднее командиром отряда стал местный житель А. Раимов). Они создали вокруг села три линии оборонительных укреплений, где посменно несли вахтенную службу. Партизаны неоднократно пытались взять это большое село штурмом, но безрезультатно. Лишь однажды им удалось зажечь окраину села, причём сгорело 25 домов. В целом же Коуш оставался одним из немногих сёл горной части Крыма, где в военные годы можно было абсолютно не опасаться партизанских репрессий — крестьяне защитили крестьян. Именно поэтому Коуш предельно раздражал партизанское начальство. Заместитель начальника Крымского штаба партизанского движения Попов уже летом 1942 г. радировал на Большую землю, что хорошо было бы «стереть это село с лица земли» авиацией, поскольку «своими силами партизаны уничтожить этот и некоторые другие населённые пункты не могут, так как... они сильно укреплены» (цит. по: *Романько*, 2009. С. 614, 652)[1].

Были и другие сёла, также успешно отстаивавшие своё небогатое имущество, причём весьма успешно. Назовём, к примеру, карасубазарское село Баксан (ныне Межгорье), в котором была создана 4-я рота самообороны. В начале апреля 1942 г. на село было совершено партизанское нападение, в ходе которого около сотни самооборонцев отбили атаку более 500 партизан, что свидетельствовало не только о самоотверженности добровольцев, защищавших своих близких, но и о неплохой их военной подготовке. В марте того же года 3-я рота самообороны самостоятельно отбила нападение 200 партизан на крупное (ныне не существующее) село Бешуй (*Романько*, 2011. С. 210).

Впрочем, встречались и такие «предатели» советской власти, что служили у немцев по заданию подпольщиков. Бакый Газиев, крестьянский парень из Акташа (получивший высшее образование и до войны работавший научным сотрудником НИИ крымскотатарского языка и литературы), во время оккупации стал членом подпольной организации Абдуллы Дагджи («дяди Володи»). По заданию руководства он надел форму добровольца и вскоре стал командиром роты в 147-м батальоне. Эта должность позволяла ему регулярно снабжать подпольщиков и партизан не только ценнейшей информацией, но и продуктами, одеждой и прочим. В 1943 г. Б. Газиев был раскрыт немецкой контрразведкой и после жестоких пыток казнён (*Музафаров*, 1991. Т. 2. С. 552)[2].

Судя по архивным материалам, целые антифашистские группы были внедрены и успешно функционировали в 146-м, 154-м, 155-м и ещё нескольких

[1] Кстати, именно из-за неприступности Коуша для партизан жители его даже много лет спустя были крайне отрицательно представлены в советской литературе. Например, в документально-художественной книге И. Вергасова «В горах Таврии» (Киев, 1969. С. 127), а также в статье В. Емельяненко «Воздушная тропа» (Молодая гвардия, 1983. № 5. С. 220, 232) и др.

[2] Согласно некоторым данным, Бакы Газиев «был распят перед глазами своего батальона на улице Севастопольской» (*Музафарова*, 2002. С. 11).

добровольческих батальонах (указ. соч. С. 709). Ещё один пример того же рода: Сейдамет Османов (подпольная кличка «Писатель»), которому в Северном партизанском соединении была поручена агентурная разведка, в октябре 1943 г. внедрился в административные структуры Симферополя и даже стал председателем Комитета помощи семьям добровольцев (указ. соч. С. 552).

Наконец, четвёртая, *самая многочисленная* группа добровольцев — пленные красноармейцы. То есть те, кто пошёл к немцам, чтобы избежать неминуемой отправки в концентрационный лагерь, в Германию в качестве «остарбайтера», а то и немедленного расстрела в случае отказа. Хотя обе первые побудительные причины очевидны уже по своей массовости, причём не только в Крыму, приведём несколько примеров по всем трём.

Попавшему в плен Сеид-Али Аметову из Фоти-Салы был предложен жёсткий выбор: немецкий лагерь смерти или согласие стать добровольцем. Он выбрал второе, хоть и после понятного колебания (АМ ФВ. Д. 203. Л. 2). Были случаи и почти массового притока добровольцев по этому каналу. Так, бывшие окруженцы, просочившиеся из знаменитого Киевского котла, по одному возвращались домой, в Крым (понятно, что численное большинство их, как и в целом в Красной армии, составляли не крымские татары, а молодёжь иных национальностей). Немцы, быстро обнаружив этих бывших солдат, особенно их не преследовали, разок свозили в Симферополь на допрос, после чего поставили на учёт. Но через некоторое время их всех вызвали в местные комендатуры и предложили всё тот же классический выбор: концлагерь или добровольческая рота. Подавляющее большинство согласилось снова надеть воинскую форму, хоть и несколько иную (АМ ФВ. Д. 215. Л. 4).

Наконец, примеры по пятой, более редкой причине согласия на добровольчество. Вскоре после начала оккупации в Козах Судакского района всю молодёжь до 26 лет собрали в центре деревни и предложили записываться в добровольцы. Шестеро парней отказались, и *их расстреляли тут же*, на глазах всей деревни, у дерева, которое сохранилось до сих пор, хоть после казни и засохло (АМ ФВ. Д. 215. Л. 3). Историк, имеющий совершенно иные документальные источники, говорит в своей книге о внешне весьма похожем расстреле, но имевшем место в другом районе (*Некрич*, 1978. С. 34).

Впрочем, до таких репрессий в большинстве случаев дело не доводили сами люди. Вряд ли все эти мальчишки 16–17 лет (старшие были на фронте), по сути, дети ещё, особенно мучились угрызениями совести, соглашаясь принять участие в каких-то малопонятных, но и мало обязывающих занятиях. Собственно, прежде всего и стоило бы задать именно этот вопрос: *чем занимались добровольцы?*

Поскольку добровольцы в большинстве своём никогда не считали себя врагами советской власти, то им было нелегко вдруг увидеть противника в лице партизан или красноармейцев. Тем более если учесть, что в Красной армии почти у каждого служили родные или близкие друзья. Что же касается партизан, то тут ситуация была ещё острей — совсем рядом, но по ту сторону «незримого фронта» мог оказаться и родной брат, и отец.

Здесь уместно вспомнить реалии революции и Гражданской войны. Крым — не Россия и даже не Украина, тут классовая паранойя *никогда* не могла расколоть татарские семьи так, чтобы брат пошёл на брата, а сын на отца. Оккупация же вообще была во внутриэтнической действительности ничтожным явлением: ну какие серьёзные разногласия могли возникнуть между соседями в оценке немцев или тем более румын? Попав в такую неожиданную, фантастическую ситуацию с принудительным добровольчеством, крымские татары, весь народ мог прийти к единственному выводу: так судьба сложилась, и тут уж ничего не поделаешь.

У дворового фуруна.
Тесто для чёрного хлеба-эрзаца.
Немецкий снимок из коллекции музея Ларишес

Это вывод, с которым вынуждены согласиться и мы, люди другого поколения и даже другого века, имевшие множество лет, чтобы обдумать судьбу своих соотечественников под оккупацией. Но он же, этот вывод, и даёт ответ на поставленный выше вопрос. В самом деле, *как* могли служить эти честные крестьяне, которых рок втолкнул в ряды неведомой им армии, принудив делать то, к чему никак не лежала душа крымского татарина? Да именно так и служить, как диктовал почти двухвековой опыт имперского угнетения: думать в первую очередь о выживании, то есть о семье, о хлебе для неё, думать о взаимной поддержке *своих*[1], но уж никак не тратить последние силы в честь какого-то непостижимого долга перед Москвой или Берлином, ради служения верой и правдой чужой власти, тем же немцам. Режимы приходят и уходят, остаётся лишь Крым и народ Крыма. Это — не национальный эгоизм, такой болезнью крымцы никогда не страдали. Вместе, соседской общиной можно жить, и очень даже неплохо. Иное дело — выживать. Перед лицом смерти человек (и народ) всегда остаётся один

[1] Примерно такая нехитрая философия: «выживет село — выживет и народ» звучала в речах стариков, конечно же, принимавших участие в судьбах более молодых и неопытных односельчан. Председатель Албатского мусульманского комитета Куддус-эфенди не только в доверительных беседах, но и на собраниях своего актива говорил: «Мы — маленький народ, надо беречь каждого человека. Не выдавайте друг друга, не доносите друг на друга. Откуда немец, приехавший за тыщу километров, узнает, кто чем занимался? Зачем же вы друг друга топите!» (АМ ФВ. Д. 19. Л. 4–5).

на один. И точно так же *каждый выживает в одиночку*. Двум утопающим легче спастись, если они не мешают друг другу, а каждый полагается только на себя.

Ничего нового в таких (или примерно таких) рассуждениях не было, это наиболее разумное поведение в катастрофической ситуации. С другой стороны, в Крыму подобных мыслей никто друг другу не навязывал. Здесь всегда была традиционной терпимость к тем, кто хотел думать и жить иначе. Например, даже жертвовать своей жизнью на стороне одного или другого из противоборствовавших режимов. Отношение к этим личностям героического склада характера можно было выразить в двух словах: «вольному — воля», не более того. Для них сохранялись все родственные и дружеские привязанности — прочему бы и нет. В этих отношениях выразился, бесспорно, дух простого и понятного уважения к личности, к чужому мнению и поведению, стремление понять друг друга[1].

Всё вышесказанное не вполне обычно для некоторых других, более крупных народов, поэтому здесь необходим развёрнутый и детализированный, доказательный пример обычного, будничного поддержания людьми этой крымскотатарской традиции.

После призыва и соответствующей подготовки Кадыр Аметов был заброшен самолётом для глубокой разведки в немецких тылах в район, где он родился и вырос. Ночью он пробрался к дому отца в Фоти-Сале, где и затаился. Через сутки о его появлении знало всё село, в том числе и деревенские полицейские. Само собой разумеется, им и в голову не пришло вызвать по рации дежурного комендатуры и сообщить о появлении в селе Кадыра. И советский разведчик беспрепятственно начал своё многодневное кружение по Коккозскому району. Погостив у отца и навестив односельчан, через несколько дней он отправился в с. Янджи, где у него также были старые друзья. Двое из них, как оказалось, стали добровольцами, но это никак не повлияло ни на отношение к ним соседей, ни, естественно, Кадыра.

Собравшись за одним столом, янджинские добровольцы и армейский разведчик распевали песню времён движения «зелёных», лучше других подходившую к настроению. А когда проходивший мимо деревенский старик посоветовал петь партизанские песни потише, то Кадыр резонно заметил: «Ничего, здесь все свои!» — и пение продолжалось. В дальнейшем никого не удивило и то, что разведчик остановился у Сеид-Али Аметова, своего брата-добровольца, и вёл из его сада сеансы радиосвязи с Большой землёй, что брат доставал ему нужные документы и любую информацию. Такую же помощь оказывал Кадыру его дружок Люман из Коккоз. И конечно, неоценимыми были предупреждения коккозских добровольцев о готовившихся облавах, без этого Кадыр вряд ли смог бы пробыть в родных краях столько времени и благополучно выбраться затем из Крыма (АМ ФВ. Д. 203. Л. 1–3).

Собственно, это было правилом, а не исключением. Полицейского или добровольца, знавшего о готовившейся облаве, обыске или реквизиции скота и не сообщившего об этом односельчанам, соседи просто не поняли бы — такого

[1] «А добровольцы, — что добровольцы... Они же молоденькие совсем были, только из плена, и никому-то они не мешали», — такого мнения и сегодня придерживаются южнобережные старики-крымцы (АМ ФВ. Д. 208. Л. 2).

практически и не бывало (АМ ФВ. Д. 207. Л. 3). Можно было бы привести конкретные примеры и из сотрудничества добровольцев с крымскими татарами — партизанами, но оно было настолько повседневным, будничным и привычным, что трудно выделить какие-то яркие факты, кроме, пожалуй, одного.

Для прекращения столь бесспорной поддержки (пусть даже не политической, а явно семейной, соседской или национальной) добровольцами своих соотечественников немцы предприняли карательные меры. В 1943 г. начались казни младших командиров добровольческих рот. Руководитель подпольной группы в Симферополе Осман Боснаев сообщил, что только в марте этого года были расстреляны командиры отделений А. Керимов, Фахтуллин, М. Саранаев и другие за то, что они якобы готовили переход роты к партизанам (*Некрич*, 1978. С. 34). Масштаб этой карательной акции уточняет в своём письме от 29 апреля 1983 г. комиссар Южного соединения партизанских отрядов Крыма М. Селимов. По его подсчётам, тогда всего за один месяц и *только в Симферополе* было казнено 60 добровольцев, занимавших самые различные посты (АМ ФВ. Д. 252. Л. 3).

Эти казни раннего этапа оккупации, имевшие явно показательный характер и рассчитанные на запугивание людей, своей цели не достигли. Соотечественники должны помогать друг другу, в этом спасение всех, — и материальная поддержка односельчан, вольно или невольно очутившихся в лесу, продолжалась и дальше, вплоть до ликвидации оккупационного режима. Партизаны снабжались в крымскотатарских сёлах открыто и с явного «попустительства» добровольцев (АМ ФВ. Д. 210. Л. 1). В этом смысле ничем не отличались от рядовых добровольцев и старосты деревень, о которых нужно сказать особо.

Приходит, к примеру, в Коккозы к старосте Мустафе Ганиеву от немцев разнарядка на поставку мяса в количестве 2 коров. Джемаат собирает по дворам деньги, покупает 2 тёлок, одну из которых староста отсылает в Ялту, почтительно извиняясь в бедности села. Другую тут же ведут в лес — «там ведь свои, о них тоже думать надо» (АМ ФВ. Д. 207. Л. 3).

В Дегерменкое старостой и бухгалтером новой общины работал Чавдар Муратов, бывший офицер Белой армии. По этой причине немцы питали к нему высокое доверие. Тем не менее староста (замечу, не являвшийся ни агентом НКВД, ни посланцем фронта) регулярно снабжал окрестных партизан продовольствием, иногда в значительном количестве. Как-то в августе 1943 г. к селу сошлись сразу 3 отряда изголодавшихся партизан. Чавдар-агъа открыл продуктовый склад общины, всё содержимое которого тут же было унесено в лес. Этот поступок стоил ему жизни — вскоре он был повешен румынами в центре Дегерменкоя, на площади у мечети (АМ ФВ. Д. 198. Л. 2).

Весьма частыми были личные контакты людей лéса и оставшихся в селе. Уже стало привычным, что партизаны подолгу гостили у родственников, опять-таки на глазах у всех окружающих (АМ ФВ. Д. 213. Л. 2). Особо нужно сказать и о таком явлении, как почти постоянное *перетекание* добровольцев в партизаны и наоборот. Подчёркиваю: оно абсолютно не зависело от какой-то политической зацикленности, заставляющей людей бросаться из одной крайности в другую. Всё было гораздо проще. Этими людьми двигала традиционная философия взаимной терпимости, опыт выживания, развитые у малочисленных народов. Возникла угроза расстрелов — и часть парней пошла в добровольцы; прогремел

Сталинград, появилась угроза возвращения НКВД — и добрая половина добровольцев отправилась в лес к партизанам (АМ ФВ. Д. 207. Л. 2).

Ещё чаще такие переходы происходили «по случаю», то есть из-за изменившейся частной ситуации, а не глобальных перемен. Что опять-таки говорит об упомянутом отсутствии общей политической паранойи. Дегерменкойский доброволец Рефат Кады-огълу завёл свой отряд в западню, подготовленную партизанами в Коушском лесу. Командира-немца тут же расстреляли, а *все* рядовые добровольцы стали с того дня партизанами. Своё «добровольчество» они потом объясняли голодом в деревне. Не исключено, что и в лесу они остались (то есть не разошлись по сёлам) по той же причине. Такую операцию Рефат повторил ещё два раза — с тем же, вполне предсказуемым результатом (АМ ФВ. Д. 198. Л. 4–5).

И подобных случаев было довольно много. Но читатель вправе поинтересоваться и примерами прямо противоположного, враждебного именно своему народу поведения крымских татар. Конечно, в любой нации, как уже говорилось, есть свои выродки — встречались они и в Крыму. Но их было настолько мало (чтобы их пересчитать, хватит пальцев одной руки), что и преступления их, большие или малые, сохранились в человеческой памяти со всеми подробностями. Приведём самый яркий пример такого рода.

В Буюк-Озенбаше старостой вначале поставили Ниматуллу-эфенди. Через 3 месяца, когда немцы добрались до сельских коммунистов и начали их расстреливать, он отказался от должности, хотя односельчане говорили о нём только хорошее. «Потом избрали всем народом Батмана Аблу. Был 8 месяцев, тоже отказался — много стреляли коммунистов и комсомольцев. В 42-м стал Бобо Билял, сейчас он в Америке, Бабаев стал... Он людей с начальником полиции многих убил. Первого — учителя Алиева Бормамбета, математика, убили в деревне прямо. Бывший коммунист, ничего не делал плохого, но убили. Его взяли полицейские Яны Ибрам и Хуюмджи Усеин и расстреляли. Без суда: Билял хозяин был над жизнью и смертью... Зависело [многое] от того, какой был начальник полиции. У хорошего и люди были нормальные, у плохого — звери» (АМ ФВ. Д. 253. Л. 1).

А здесь, в Буюк-Озенбаше, и начальник сельской общины (Тыртыр Джафер) был таким же, как староста. Люди до войны малозначительные, чуть ли не ущербные, теперь они сводили счёты с односельчанами по совершенно мелким и давним поводам. Кто-то ещё до войны не пустил Бобо вне очереди в лавку за галошами — теперь за это можно было поплатиться жизнью. По таким и схожим причинам им были арестованы и отправлены в Коккозское отделение СС сразу четверо односельчан: Юсуф Беди, Рустем Чаган, Асан Ташчи и Эмир-Усеин Куртмулла.

Ещё одной жертвой этой кампании стал Осман Коляк, один из озенбашцев, до войны живший в Симферополе (он руководил в разное время Крымнефтетоптрестом, Крымпотребсоюзом и Крымиздатом), но с началом оккупации вернувшийся домой. Бобо, Хуюмджи и Яны арестовали его в мае 1942 г. якобы за слушание по приёмнику сводок — это было одно из обычных обвинений, предъявлявшихся неугодным людям. Пару дней Осман-агъа протомился в низком подвале под домом Бобо (в центре Озенбаша, возле пекарни), где раньше держали коз, потом его отвезли в коккозское отделение СС.

Бежать оттуда было практически невозможно — штаб СС, казармы личного состава и подвал для арестованных помещались в одном комплексе (так называемых Юсуповских домах). Османа Коляка знали многие крымчане, его двенадцатилетний сын Ахтем неоднократно спускался в Ялту, к старым знакомым отца, пытаясь добиться помощи, бывал и у председателя Ялтинского мусульманского комитета Сеит-Умера-эфенди, у многих других. Дело вроде начало поправляться, говорили, что отца вот-вот выпустят. Но с целью помешать этому в Коккозы приехал Бобо. Через 2 дня Османа Коляка не стало. Его расстреляли там же, где и других жертв Коккозского отделения СС, около ста человек (преимущественно татар — речь ведь идёт о крымскотатарском районе): в ста метрах от дороги Коккоз — Айргуль, в полутора километрах за зданием больницы. Там на поляне у леса до сих пор заметны могильные холмики и ямки. О трагедии напоминает надпись из кирпича, выложенная Ахтемом Османовичем Коляком в недавние годы, одна на всех: «1942» (с его слов и записана эта страница истории села).

Существует ещё одна проблема прошлого — касающаяся степени участия крымских татар (добровольцев и пр.) в чисто карательных (то есть репрессивных, а не боевых) акциях оккупантов. К сожалению, материалов здесь осталось крайне мало, да и имеющиеся весьма сомнительны. Приведу один, но весьма знаменательный пример кровавого преступления оккупантов — расстрела 2000 пленных в урочище Дубки в октябре — начале ноября 1944 г. Много лет спустя, в 1973 г., когда советскую власть особенно стали донимать крымскотатарские правозащитники, требовавшие восстановления справедливости, старый сотрудник КГБ П. Бабенко подготовил на запрос Совета Министров УССР Докладную записку «О фактах коллаборационизма среди граждан крымскотатарской (так в подлиннике. — *В.В.)* национальности в период Второй мировой войны». В ней он голословно утверждал, что в этой казни принимали участие бойцы 152-го добровольческого батальона, в котором служили в основном крымцы.

Вряд ли стоит подвергать историографическому анализу эту записку. Такие сочинялись десятками каждый раз, как только советской власти требовалось какое-то обоснование для своих действий, в том числе и по отношению к национальным меньшинствам. Печально здесь другое. Автор неоднократно цитируемой здесь, действительно глубокой книги принимает информацию этой Докладной записки на веру. И лишь меланхолически замечает по её поводу: «как говорится, приведённые факты говорят сами за себя» (*Романько*, 2011. С. 221). Таким образом, научное решение этой национальной и просто человеческой проблемы пока не готово, оно — хочется надеяться — впереди.

И, наконец, последний вопрос: *чем закончилась добровольчество?*

Уже к концу 1942 г. отношение немцев к крымским татарам заметно охладилось, что не могло не сказаться и на положении добровольцев. У немцев накопилось множество данных о том, что крымцы уходят к партизанам или работают в городском подполье. К тому же и Мусульманские комитеты стали проявлять всё бóльшую строптивость, прежде всего в стремлении создать некий национальный центр. Амет Озенбашлы, хорошо зная, что немцы — категорически против централизации крымских татар, агитировал правления комитетов за созыв всекрымского учредительного пленума, где он планировал создание единого руководства

комитетами[1]. Но нацисты, имея соответствующие инструкции Берлина, запретили проведение такого пленума (*Dallin*, 1957. P. 262).

После этого неутомимый Амет Озенбашлы выступил в газете симферопольского Мусульманского комитета с открытым обращением к германскому командованию, где он говорил о необходимости, во-первых, признать крымских татар как самостоятельную нацию, коренное население своей исторической родины, а во-вторых, сделать то, чего не допустили большевики, а именно — приступить к широкой репатриации в Крым крымскотатарской диаспоры из Турции и других стран. Здесь же он ещё раз заявил о праве народа иметь свой единый национальный и религиозный центр, важный и в деле культурного строительства. В его программе значились также такие проекты, как возвращение бывшим собственникам крымских земель их недвижимости, которой они были лишены в ходе коллективизации, и возрождение всего вакуфного имущества в прежнем виде (Azat Cirim. 19.11.1942).

Этот номер газеты кто-то переслал в Берлин. Там перевод обращения А. Озенбашлы лёг на стол А. Розенберга. Главный идеолог рейха, который терпеть не мог такие «инициативы на местах», отправил оккупационному командованию Крыма жёсткую директиву с предложением категорически пресекать дальнейшие попытки «аборигенов» организоваться посредством национального или партийного строительства. Тем самым идея А. Озенбашлы и его единомышленников в мусульманских комитетах была, по выражению турецкого исследователя, «похоронена» (*Kırımal*, 1952. S. 315).

Следует отметить, что в те же годы русскоязычное население оккупированных территорий получило право на собственные партии — естественно, лояльные к германскому режиму, но имевшие отчётливо национальный характер. Так, уже в 1941 г. были созданы Русская трудовая народная партия и Боевой союз русских националистов, в 1942 г. — Национал-социалистическая партия России, развернул на старой родине свою деятельность Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП), образованный русскими политэмигрантами в 1936 г. за рубежом, и т. д. Для большинства программ этих объединений и союзов общим местом стал лозунг «Россия должна стать мононациональным государством» (*Ковалёв*, 2011. С. 142–145). Тем не менее нацистские партийные и идеологические лидеры тормозили подобные инициативы в среде крымцев, явно считая их куда более способными к самоорганизации и политическому единению, чем русские, чьи партии дозволялись и даже поощрялись.

Патологический страх немцев перед любым объединением крымских татар распространился и на область религии. К этому времени в Берлине уже обсуждался план учреждения в Крыму Великого муфтиата (охватывавшего мусульман Крыма, Кавказа и Волги). Немцы прочили на пост муфтия Крыма своего ставленника (им был прогермански настроенный муфтий Амин Аль-Хусейн из арабской части Иерусалима). Но впоследствии они и от этого, их собствен-

[1] Предполагалось, что это руководство будет располагать разветвлённой представительной структурой для координации просветительской деятельности комитетов, а также более последовательного отстаивания прав коренного народа. А. Озенбашлы не скрывал и своего плана возрождения и легализации партии Милли Фирка.

Великий муфтий Амин Аль-Хусейн и шеф СС Г. Гиммлер. *Снимок сделан в Берлине*

ного, плана отказались. Объяснение такой смены позиции достаточно просто: верховный священнослужитель, даже такой, привозной, рано или поздно мог проникнуться бедами своей паствы и натворить бед. Ведь любой муфтий, как известно, является не только религиозным, но и политическим главой своих единоверцев. Поэтому крымский муфтиат практически означал бы двоевластие, чего не потерпел бы Гитлер. Поэтому от уже разработанного плана Великого или даже просто крымского муфтиата было решено отказаться как от «несовместимого со всей до того проводившейся политикой в Крыму» (*Dallin*, 1957. P. 269).

В дальнейшем, когда потерпела крах германская политика расширения зоны влияния и прямых захватов на Ближнем Востоке, и у немцев не осталось более причин особенно заискивать перед турками, эти перемены отразились и на крымских татарах. Постепенно начинала слетать шелуха розенберговской пропаганды насчёт исторического содружества двух древних народов Крыма-Готии: германцев-остготов и крымцев. И чем дальше, тем более откровенно немцы стали относиться к крымским татарам как к любому другому народу, захваченному и оккупированному германской военной империей.

Такое развитие событий не то чтобы разочаровало крымских татар в возможностях полного возрождения национальной культуры и политической самостоятельности под немецко-румынской оккупацией. Нет, конечно, ни у народа, ни у его интеллигенции не было и не могло быть столь нереальных, воздушных планов. Но реалии германского насилия показали действительные границы, через которые никогда не переступит ни одна империя, будь она советской или нацистской. К этому времени немцы продемонстрировали, на что они способны в борьбе с «бандитизмом» (то есть партизанским движением): уже были сожжены первые деревни, заподозренные в помощи партизанам, а крестьяне этих селений — огульно репрессированы. Точно так же — не по масштабам, конечно,

а по смыслу акций — относились в те годы к крымским татарам Красная армия и партизаны[1].

Начиналось нечто, всё более напоминавшее Красный террор двадцатых годов, отчего А. Озенбашлы и сделал своё горькое замечание, вскоре ставшее общеизвестным: «Мы находимся между Сциллой большевизма и Харибдой нацизма» (цит. по: *Dallin*, 1957. P. 262).

Все эти перемены в германо-татарских отношениях ударили и по добровольцам. Если ранее оккупанты смотрели на уклонение от вербовки в добровольческие роты сквозь пальцы и расстрелы отказников были редким явлением, то с 1943 г. они становятся обычными. Расстреливали и дезертиров. А тут ещё выяснилось, что почти в каждой роте есть свои информаторы партизан. После этого (возможно — и вследствие этого) начались почти сплошные, «ковровые» акции сожжения крымскотатарских деревень, находившихся в зоне партизанских действий. К январю 1944 г. уже было уничтожено огнём 128 горных деревень Южного и Восточного Крыма, в абсолютном большинстве крымскотатарских. Позже об этой акции геноцида стало известно и за рубежом (*Kırımal*, 1952. S. 316).

То ли по указанной причине, то ли из-за приближения Красной армии (может быть, и по ещё какой-нибудь или по всем вместе), но к январю 1944 г. добровольческие роты практически растаяли. А тех, кто почему-то медлил снять форму, стали добивать — если не следователи SD, то партизаны. Первые по-прежнему искали (и находили) их вину перед новым порядком. Вторые торопились увеличить список своих подвигов и заслуг — тоже по вполне ясным причинам. Для этого списка годилось убийство любого человека с добровольческой повязкой на рукаве — от вчерашнего школьника до командира, имеющего бесспорные заслуги перед земляками. А приёмы тут годились самые разные, даже беспредельно подлые[2].

Несколько забегая вперёд, сообщим, что после прихода Красной армии всех добровольцев и полицейских покарали независимо от стажа службы и даже от того, держали ли некоторые из них (полицейские) оружие в руках. Наказание было двух видов: длительное тюремное заключение или расстрел. Конечно, здесь налицо было несоответствие тяжести наказания с виной крестьянских парней, чисто формально тянувших свою лямку. И оно было настолько явным, что даже сталинские органы юстиции сплошь да рядом пересматривали такие дела, заменяя расстрелы заключением. К счастью, с приведением приговора в испол-

[1] О прицельных бомбардировках ВВС Красной армии татарских деревень, где не было не то что гарнизонов, но и вообще ни одного немца, см. ниже, как и об убийствах татар-партизан комиссарами отрядов. А в том, что партизаны сожгли ряд крымскотатарских деревень, признаются даже самые антитатарски настроенные свидетели (*Вергасов*, 1971. С. 260–264).

[2] Жертвой такой, вполне большевистской этики стал командир коккозских полицейских, бывший учитель Али-эфенди. К самому концу оккупации он получил предложение привести всех своих 37 человек в лес для пополнения партизанского отряда. При этом ему были поставлены не только обычные условия (полное прощение греха участия в самообороне), но и, учитывая некоторые обстоятельства прошлого, боевая награда. А когда будущие партизаны явились в лес, то первым делом у них на глазах расстреляли их командира, Али-эфенди (АМ ФВ. Д. 207. Л. 3).

нение спешили не всегда, и многие таким образом сохранили жизнь. Коккозец Теймаз Эбазер, бывший член группы самообороны, перешедший к партизанам, был приговорён, несмотря на свои партизанские заслуги, к расстрелу. Он ждал смерти 6 лет — дело было в том, что его долго использовали как свидетеля в нескончаемых процессах крымчан, «бывших в оккупации», как тогда писали в анкетах. В начале 1950-х гг. ему изменили меру наказания, «облегчив» её до 25 лет в лагерях общего режима (АМ ФВ. Д. 207. Л. 3).

Именно этот срок получили все, кого не расстреляли. При этом никакой роли не играла помощь, часто незаменимая, которую многие из них оказали партизанам, причём в самые тяжёлые периоды, когда окружённых, голодных партизан немцы так прижали в лесах, что они думали не столько о боевых операциях, сколько о спасении жизни. В ходе суда никто не спрашивал, сколько человеческих жизней спас тот или иной доброволец. В частности, выше упоминавшийся доброволец Люман из Коккоз, много сделавший для армейской разведки, также получил стандартные четверть века заключения (АМ ФВ. Д. 213. Л. 1).

б) Крымские партизаны

В целом партизанское движение 1941–1944 гг. в Крыму по ряду характеристик делится на три периода: первый (ноябрь 1941 — октябрь 1942); второй (ноябрь 1942 — октябрь 1943) и третий (ноябрь 1943 — апрель 1944). Первый период продемонстрировал всю бесперспективность лесного партизанства, и осенью 1942 г. часть партизан отправили на Большую землю, а несколько сотен оставшихся слили с городским подпольем. В результате на протяжении второго периода в крымском лесу находилось всего 266 человек (начало 1943 г.). И лишь третий, самый непродолжительный период характерен как количественным увеличением отрядов, общая численность личного состава которых выросла до 3733 человек (*Поляков*, 1998. С. 256), так и усилением движения присылкой действительно опытных руководителей, а также более или менее регулярным снабжением отрядов оружием с боезапасом и, главное, продовольствием. Именно тогда, а не раньше была создана военно-организационная структура с впечатляющими (терминологически) звеньями вроде «соединений», что скорее было рассчитано на психологический эффект, чем соответствовало действительности[1]. Впрочем, участники партизан-

[1] Соединение, как известно, может быть высшим тактическим и оперативным. Во время войны первое обычно состояло из минимум одного корпуса, второе — из одной дивизии (СВЭ. Т. 7. С. 427). Корпус составлялся из 2–4 дивизий (СВЭ. Т. 1. С. 248), которым на довольно ограниченной горно-лесной территории полуострова было бы просто тесно, не говоря уже о том, что эти десятки полков, лишённые правильного снабжения, буквально обглодали бы эти леса вместе с деревнями, в них расположенными. Но может быть, имелось в виду оперативное соединение, то есть одна партизанская дивизия? Такая дивизия должна была насчитывать в своём составе несколько партизанских полков и ряда подразделений разных родов войск — вплоть до артиллерии (СВЭ. Т. 3. С. 182). Но, как будет видно из нижеследующего материала, даже в самый пик движения не было в крымских «соединениях» никакой артиллерии, они представляли собой лишь неважно вооружённые и хронически голодавшие отряды. Для сравнения укажем, что даже куда более мощное и прекрасно обеспеченное, многотысячное партизанское движение под

ского движения в Крыму утверждали, что в лесах царил полный разброд, люди не хотели гибнуть, когда война шла к концу. Бывший краснофлотец, впоследствии крымский партизан Ф. Мазурец рассказывал: «...такого, что творилось в те дни конца 1943 — начала 1944 года, я не видел никогда. Отрядов как таковых не было. Спасались каждый как мог» (цит. по: *Поляков*, 1998. С. 255).

Если же коснуться боевой деятельности этих «соединений», то невольно бросятся в глаза некоторые особенности крымского партизанского и подпольного движения в Крыму в целом. Главная из них — это движение не возникло, так сказать, изнутри, по зову народной души (как, к примеру, движение «зелёных» в 1920-х гг.). Оно, напротив, было регламентировано сверху, было искусственно «раскручено» местными и пришлыми большевиками. И это наложило нестирающийся отпечаток на всю его недолгую историю. Не задаваясь целью всесторонне и сколько-нибудь полно её исследовать, отметим лишь некоторые, особенно характерные факты и явления, с этой историей связанные.

Сам факт имевшей место *организации народного* движения может вызвать только недоумение: движение бывает или народным, или организованным властью (режимом). Далее — уже то, что за эту специфическую задачу взялся крымский партаппарат со всей его непрофессиональностью почти в любом деле, не могло оставлять сомнения: следовало ждать крупных и мелких ошибок, за которые людям придётся расплачиваться кровью.

Так и вышло.

Оружие, запасы продуктов длительного хранения и боезапас было решено складировать заранее в малодоступных районах горной и лесной части полуострова, а также (в меньших количествах) в некоторых старых каменоломнях. Казалось бы, решение правильное. Но, во-первых, таких складов было заложено совершенно недостаточно, а во-вторых, осуществление этой задачи было поручено обычным исполнительным звеньям партийного аппарата, которым разрешалось привлекать для этого любую подсобную силу.

Эти «порученцы» (среди них были и партийные руководители районного масштаба) справились с важнейшим заданием, как обычно. То есть халтурно, хотя времени было достаточно. Контейнеры со снабжением были рассредоточены по местности без какой-либо привязки к оперативному плану будущих боевых действий (да и был ли он в природе, этот план?). В чисто технической стороне дела также особого профессионализма не наблюдалось — ни в смысле грамотной закладки и маскировки тайников, ни в их изоляции от дождевой и талой воды, от грызунов и прочего.

Наконец, вероятно по своей родовой лености, означенные партработники часто просто не соблюдали полученные инструкции, которые при всей их наивности и дилетантстве могли обеспечить хоть частичную сохранность партизанских складов. На деле же эти тайники закладывались не в наиболее глухих урочищах горного леса, а там, где было удобней — чуть ли не на обочинах дорог. Доходило до анекдотичных случаев: в Бахчисарайском районе их даже по просёлочным дорогам лень было подальше завезти. Ящики с продуктами и цинки с патронами сгружали на голую землю и засыпали листьями (даже не закапывали!) в *километре-двух* от населённых пунктов. В этом смысле вовсе не был уникальным склад у д. Пычки (ныне Баштановка): его поместили в 200 м от околицы деревни. О том, как туда, на глазах у полиции или немецкого гарнизона, будут наведываться народные мстители, никто, понятное дело, не думал (АМ ФВ. Д. 206. Л. 1).

Естественно, и этот, и другие халтурно заложенные тайники были извлечены местными жителями ещё до оккупации. Или же в первые её недели, когда уже начал покусывать голод. Справедливости ради отметим, что некоторые из «закладочных» групп работали более или менее старательно. Так что все плоды их рук смогли обнаружить и вывезти только немцы: а о том, что существуют поисковые собаки и что они могут быть у нацистов, опять же никто летом 1941-го и подумать не мог (АМ ФВ. Д. 252. Л. 4)! И ещё одно замечание: общее количество завезённых в лес продуктов было так ничтожно, что его следов не стало уже в 1942 г.; об этом говорит бывший партизанский связной, многократно обошедший за годы оккупации все сёла Бахчисарайского и Куйбышевского районов Ахтем Коляк, — тогда ему было 12–14 лет, а от мальчишек такого возраста трудно утаить что бы то ни было (АМ ФВ. Д. 19. Л. 8).

Результаты всей этой масштабной, хоть и «таинственной», акции были плачевными. Во-первых, партизанам с первых недель их ухода от цивилизации стало жестоко не хватать пищи. Во-вторых, сразу же ухудшились отношения между партизанами и местными крымцами, потому что последних (и почему-то только их) стали винить в таком ущербе боеготовности державы, нанесённом злоумышленно и коварно. Хотя, между прочим, попавший в плен командир Куйбышевского партизанского отряда Ибрагимов был повешен немцами именно за то, что *не указал* все известные ему продовольственные тайники крымских партизан (*Романько*, 2011. С. 132). Для того чтобы ответить на вопрос, почему и тут крайними оказались крымцы, нужно прояснить вообще природу антитатарских настроений в довоенном Крыму. На то, что корни этого полувраждебного отношения к коренному населению тянутся именно оттуда, из великодержавного шовинизма, доказывает ещё один факт: в первые партизанские отряды крымцев старались вообще не брать[1].

Конечно, встречались отдельные исключения. Так, в лесу были оставлены некоторые крымскотатарские партийные руководители из различных отраслей и т. д. Однако здесь говорится не об этих немногочисленных местных функционерах. Усвоить нужно простой факт: в лесу оказались какие-то никому в Крыму не известные городские люди, которых в партизанской среде называли «материковыми» (АМ ФВ. Д. 19. Л. 3). Но дело не в том, *кто* они были по профессии

командованием С.А. Ковпака (имевшее даже собственные самолёты) скромно именовалось 1-й Украинской партизанской *дивизией*, а отнюдь не соединением. В Крыму же оказались сразу целых три соединения!

[1] Вряд ли заслуживает удивления то, что в целом партизанская организация представляла собой сколок советского общества со всеми его уродливыми чертами. В том числе системой спецраспределения в поздний период движения, когда с Большой земли в леса стали регулярно доставляться продукты. Бывший партизан Зеки-ага Ибрагимов рассказывает, что «партизанский лес в этот период представлял собой обычную модель социализма с её системой распределения сверху вниз: сначала Центральному штабу [партизанского движения], потом в штабы бригад, потом в отряды... Поэтому до рядового партизана редко доходило что-нибудь вкусное, калорийное» (цит. по: *Поляков*, 2007. С. 3).

(тут вопросов нет), а в том, что они знали горы и лес ещё хуже русскоязычной партизанской массы, по большей части состоявшей из недавних переселенцев. Их снабдили продовольствием на ограниченный срок — даже если бы уцелели все до одной «продбазы», то их содержимого хватило бы на 3–4 месяца (*Музафаров*, 1991. Т. 1. С. 15), а что делать дальше? Известный краевед Крыма, успевший записать воспоминания множества выживших в войну партизан, обоснованно утверждает: зима 1941–1942 гг. была такой суровой, а кольцо блокады лесов столь плотным, что практически во всех отрядах начался страшный голод. «Сначала люди худели, превращаясь буквально в скелеты, а потом начинали пухнуть». В некоторых отрядах голод «доводил людей до каннибализма» (*Поляков*, 1998. С. 53, 254).

Остаётся только задним числом посочувствовать этим пёстрым, сборным группам штатских в большинстве своём людей, постоянно голодных и слабо разбиравшихся как в местности, так и в картах (кстати, не лучшего качества). А тут ещё к раскуроченным тайникам добавилась вторая неожиданность: у немецких егерей обнаружился неплохой опыт поиска и ликвидации диверсионных групп любого профессионального уровня... Понятно, к чему всё это вело партизанское движение, столь широко задуманное. Появилась какая-то, мягко говоря, растерянность и у рядового состава отрядов, и у «партизанских вожаков». Как известно, ни голод, ни растерянность не ведут к укреплению моральной стойкости — и вскоре партизанские группы стали похищать, а кое-где и отбирать под угрозой оружия всё необходимое у сельских жителей, и без того оставленных советской властью без крошки хлеба. Это «фактически означало грабёж местного населения. Даже в наше время в мемуарной литературе бывшие партизанские командиры вынуждены признать, что хотя они и старались изымать продукты, скот только у пособников фашистов, но сами же честно замечают, что в короткие минуты, когда с риском для жизни им удавалось прорваться в село, кто там разбирался: пособнику принадлежит эта корова или нет. Брали всё, что попадёт под руку» (там же).

О том, что партизаны не могли в такой ситуации принести большого вреда оккупантам, говорит простой факт. Для борьбы с движением Сопротивления в Крыму были предназначены карательные войска (уже упоминавшиеся «Бергман-батальоны», I, II и III), подчинявшиеся руководителям структуры Абверштелле «Крым» (*Чуев*, 2003. Кн. I. С. 52). Все они 8 ноября 1943 г. были переброшены в Северный Крым, так как возникла опасность вторжения на полуостров Красной армии. Но исследователи истории военных действий на полуострове подчёркивают, что такая передислокация стала возможной прежде всего потому, что карателям в этот период практически не с кем было бороться — настолько беспомощными были «народные мстители» горных лесов, деятельность которых ограничивалась в основном подрывом телеграфных столбов, да иногда — мостов (*Литвин, Смирнов*, 1994. С. 19, 34). А после того, как 10 ноября 1943 г. в Крым с Кубани было переброшено 28 500 «хиви» (формирований добровольных помощников немцев, состоявших из бывших пленных красноармейцев и казаков, перешедших на сторону немцев), ни о каком серьёзном движении сопротивления оккупантам уже и речи быть не могло (указ. соч. С. 34).

Похороны немецких оккупантов в Феодосии

Подъём партизанского движения произошёл лишь в начале 1944 г. И тогда только немцы организовали для борьбы с ним четыре «Разведкоманды штаба по борьбе с бандитами»:

Ялтинскую (при СД), действовавшую на Южном берегу и западнее дороги на Алушту;

Бахчисарайскую (при СД) — для района юго-восточнее Бахчисарая;

Карасубазарскую (при жандармском посте) — для района от Зуйского леса до Старого Крыма;

Симферопольскую (при Штабе по борьбе с бандами), предназначенную для особых заданий и действовавшую по всем районам полуострова.

Германское военное кладбище (на заднем плане — бывшая дача Стамболи)

Теперь им приходилось бороться с серьёзными партизанскими силами, объединёнными, как говорилось выше, в три соединения: Южное (командир И.Л. Македонский, комиссар М.В. Селимов, начштаба А.А. Аристов), насчитывавшее 2218 чел., Северное (командир П.Р. Ямпольский, комиссар Р.Ш. Мустафаев, начштаба С.Д. Качанов) и Восточное (командир В.С. Кузнецов). Общее руководство осуществлял Крымский штаб партизанского движения, который возглавлял секретарь Крымского областного комитета ВКП(б) В.С. Булатов.

Приведём список крымских татар (кроме упомянутых выше), входивших в руководство соединений, бригад и отделов при штабах соединений:

Аметов Исмаил — руководитель Особого отдела Северного соединения;
Билялов Нафе — руководитель партизанского Военного трибунала;
Велиев Исмаил — начальник штаба 1-го партизанского района;
Кадыев Сейтхалил — руководитель Особого отдела Восточного соединения;
Мамутов Мустафа — начальник штаба Северного соединения;
Муратов Куртсеит — руководитель Оперативной группы Восточного соединения;
Садаков Абдулла — командир бригады Северного соединения;
Хайруллаев Иззет — комиссар бригады Южного соединения (Крымские татары, 2005. С. 2).

Далее назовём крымских татар, которые во время войны являлись командирами и комиссарами партизанских отрядов:

Аметов Бекир — комиссар 9-го партизанского отряда Восточного соединения;
Аппазов Мемет — командир 1-го партизанского отряда Южного соединения;
Аширов Абдулкерим — комиссар разведотряда Южного соединения;
Газиев Гафур — командир Балаклавского партизанского отряда Южного соединения;
Ибраимов Али — командир 17-го партизанского отряда Южного соединения;
Ибраимов Алим — командир 18-го красноармейского отряда Южного соединения;
Исаев Ибраим — командир 11-го партизанского отряда Восточного соединения;
Колесников Джеппар — комиссар 8-го партизанского отряда Восточного соединения;
Куртумеров Рамазан — комиссар 17-го партизанского отряда Северного соединения;
Меметов Сеит Али — комиссар 9-го партизанского отряда Южного соединения;
Менаджиев Сераджедин — командир 10-го партизанского отряда Южного соединения;
Молочников Мемет — комиссар 2-го партизанского отряда Южного соединения;
Муратов Рамазан — командир 9-го партизанского отряда Южного соединения;
Муртазаев Осман — командир 2-го партизанского отряда Южного соединения;
Османов Аблязиз — комиссар Судакского партизанского отряда Восточного соединения;

Тамакчи Исмаил — комиссар партизанского отряда «Севастополь — Балаклава»;
Тынчеров Талят — командир партизанского отряда Северного соединения;
Умеров Али — командир партизанского отряда Восточного соединения;
Хайбуллаев Иззет — командир Старокрымского партизанского отряда Восточного соединения;
Юсуфов Эмирхан — командир Судакского партизанского отряда Восточного соединения (Крымские татары, 2005. С. 2–3).

Что же касается городского подполья, то из 32 руководителей этих организаций 25, то есть подавляющее большинство, также были крымскими татарами (там же).

Всего в партизанских отрядах сражалось общим числом 598 крымских татар. Из них 96 человек пали в боях, а 103 пропали без вести (*Брошеван*, 1999 «а». С. 30).

Современный историк, публикующий своё исследование этого вопроса в академическом издании, считает, что из коренного народа Крыма вышли лишь «*немногочисленные* татары-партизаны и герои-подпольщики» (курсив мой. — *В.В.*) (*Вяткин*, 2005. С. 38). Другой автор, тоже современный, утверждает, что в рядах оккупационной армии оказалось «подавляющее число мужчин» крымскотатарского народа (*Романько*, 2011. С. 329), тогда как «подавляющее большинство» татар призывного возраста было ещё в начале войны мобилизовано. Причём в рядах Красной армии *действительно* сражались многие десятки тысяч крымских татар, что подтверждается архивными документами (призывные списки), а не выводится умозрительно — как в случае с добровольцами.

Но приведённые соображения, подтверждённые конкретными цифрами, вряд ли изменят выводы указанных авторов и их последователей. Нам остаётся лишь учесть, что имеются и такого рода мнения, доныне бытующие в отечественной историографии.

в) Как крымских татар убивали «свои»

Итак, в большинстве своём партизаны были чужды Крыму и местному населению. Точно так же жители сёл «партизанского края» не могли проникнуться к ним тёплыми чувствами — по вышеуказанным причинам. Что было, кстати, нормальным явлением на чуть ли не всей оккупированной территории СССР. Как вспоминал начальник Первого отдела германского Министерства восточных территорий Отто Бройтигам (правда, о положении не в Крыму, а в более северных регионах), «местное население в начале войны и знать не хотело о партизанах, показывало их немцам и таким образом облегчало войну с ними. Большинство населения было на стороне немцев, которые обещали освободить их от большевиков. Также партизаны обременяли местное население, поскольку принуждали мужчин вступать в их ряды, „реквизировали“ провизию и другие необходимые [им] вещи» (цит. по: *Гогун*, 2004. С. 22–23).

Факты неоднократно повторявшихся расстрелов мирных жителей партизанами подтверждается массовыми свидетельствами современников оккупации. Особенно заметным было это явление в Бахчисарайском районе. Здесь партизаны задерживали местных деревенских и городских жителей, занятых заготовкой дров на зиму. Вести розыск по каждому из задержанных было некогда и некому,

даже личность удостоверить было трудно (по той же причине — местных среди партизан было мало). Поэтому дровосеков, как правило, тут же и расстреливали (АМ ФВ. Д. 207. Л. 2). Иногда даже не утруждая себя формальным допросом — просто *стреляли из винтовок в любого* чужого, направлявшегося в сторону партизанского лагеря или бивуака, который мог быть, естественно, разбит где угодно (АМ ФВ. Д. 206. Л. 1). Поскольку же дрова были единственным и незаменимым в тех местах топливом, крымскотатарские крестьяне были вынуждены, уже зная о таких расправах, идти на смертельный риск — иного выхода просто не было, — и бессудные эти расправы продолжались почти на всём протяжении оккупации.

Некоторые командиры уничтожали и крымских татар из своих отрядов. Делалось это так: командир вроде А.В. Мокроусова отправлял очередную жертву с поручением к своему агенту в городе. Тот тут же выдавал посланца немцам, на верную гибель, оставаясь неразоблачённым. Позднее татары-партизаны раскрыли этот нехитрый приём, но, не смея заявить об этом (а куда заявлять-то было?), просто не выполняли смертоубийственного «задания». Оставшись таким образом живыми, они донесли эти факты до историков (*Байдарский*, 2000. С. 5).

Тот же А.В. Мокроусов наводил на крымскотатарские сёла и советскую авиацию (см. ниже). Эти и им подобные акции были настолько многочисленными, что скрыть их не удалось ни от отечественного командования, ни даже от немцев. Следы их сохранились в германских архивах Вермахта, а затем соответствующие документы попали в руки западных (английских и американских) историков. И те не могли не прийти к выводу насчёт того, что «рейды партизан зачастую имели основной целью *погромы по национальному признаку*, а не военные операции» (*Ascherson*, 1996. P. 32). В это трудно сразу поверить, поэтому для выяснения корней таких буквально самоубийственных акций вернёмся в 1920-е гг. Выше в III томе уже упоминалось о приказах партизанского командира А.В. Мокроусова насчёт расстрелов «посторонних» в лесу. Тексты этих старых приказов сохранились, в отличие от изданных Мокроусовым в период оккупации. Эти последние утрачены, но смысл их был наверняка тот самый, что и в 1920-х. Ведь автором и первых, и вторых был всё тот же немолодой уже человек, принявшийся через 19 лет после окончания Гражданской войны за старое.

«Для окончательной приостановки рубки леса... расстреливать всех захваченных на работах в лесу...» То есть «в лесу, кроме революционеров, никому не должно быть места» (*Мокроусов*, 1940. С. 90–92). Таким образом, Мокроусов получил теперь возможность продолжить свою деятельность. Другими словами, доводить по мере сил до конца ликвидацию горского (то есть практически исключительно крымскотатарского) крестьянства, уничтожение, не законченное ни в коллективизацию, ни в 1937-м. Но ни разу до 1940-х крымских татар не уничтожали силами авиации.

Между тем такого рода распоряжение имелось, и исходило оно с самого верха — из Москвы. Согласно уже упоминавшемуся приказу Ставки Верховного главнокомандующего № 0482 от 17 ноября 1941 г. (пункт 3), в обязанность советским командирам вменялось «разрушать и сжигать дотла все населённые пункты в тылу немецких войск...». Для этого в радиусе военных действий, определявшемся в несколько десятков километров (а в условиях Крыма, где время «мирной оккупации» так и не наступило, это — практически вся территория

А.В. (Фома) Мокроусов

полуострова), «...бросить немедленно авиацию, широко использовать артиллерийский и миномётный огонь» (цит по: *Чураков*, 2007. С. 99).

Вот как складывалась ситуация в реальности. Комиссар Южного соединения Мустафа Селимов пишет: «Гитлеровцы, в целях создания вражды между партизанами и местным населением, под силой оружия погнали людей на разгром продовольственных баз и складов боеприпасов. Разграбленное немцы заставляли доставлять в свои пакгаузы... Партизаны оставались без запасов... Последнее обстоятельство создало такую острую и сложнейшую ситуацию, что руководство партизанского движения дало указание *вытеснить из отрядов татар* (курсив мой. — *В.В.*), организовать налёты на прилесные татарские деревни, как на вражеские очаги, расстреливать появляющихся в лесу людей при выяснении, что они татары. Кроме того, оно давало в Севастополь радиограммы с просьбой выделить для бомбардировки деревень Ковуш (то есть Коуш. — *В.В.*), Корбек, Бешуй и др. самолёты» (АМ ФВ. Д. 252. Л. 4).

И самолёты вылетали и уничтожали беззащитные сёла. Как рассказывают выжившие озенбашцы, их село разбомбили следующим образом. В один из майских вечеров 1942 г., ровно в семь часов вечера, когда люди возвращались домой после работы, в небе появились самолёты. Было солнечно, село прекрасно просматривалось, были видны только татарские крестьяне и скот. Впрочем, ранее неоднократно сообщалось, что немецкого гарнизона в этом селе нет, как и добровольческих отрядов, — и об этом было известно советскому командованию.

В налёте участвовали 3 бомбардировщика и 7 истребителей (вероятно, это всё же были штурмовики. — *В.В.*); бомбы летели с малой высоты. Истребители сделали 3 захода, бомбардировщики — 2. Как рассказывает Эскандер Сейдаметов, «все шли домой, скот гнали. Погибло 42 человека. Их кладбище заровняли после депортации, когда делали водохранилище, залили асфальтом и сушили табак... Сейчас и табака не сушат, только площадка осталась. И 12 девушек остались без ног, в том числе Сейдаметова Эдае, сестра моя, 30-го года рождения, Османова Сание 30-го года рождения, Сеитумеров Ахмет, 28-го года рождения — без рук,

сёстры его Исмет и Султание погибли там же; Сейдаметовы Нариман и Сервер 34 и 36 года рождения, Имрановы Энвер и Маулле 36 и 34 года рождения, их мать Куртбединову Хатидже ранили в ногу, жива до сих пор, моих сестёр ранили, Сейдаметовых Сание и Шефику 24 и 38 года рождения, они в Крыму живут сейчас. Из пулемётов не били, только бомбы бросали» (АМ ФВ. Д. 253. Л. 3–4).

Житель неподалёку расположенных Коккоз Ибраим-эфенди Ибраимов рассказывает, что после того, как бомбы были сброшены на Озенбаш (грохот разрывов был отлично слышен), он увидел краснозвёздные самолёты, которые прошли над его селом и удалились вдоль Бельбекской долины в направлении Сюйрень — Севастополь (АМ ФВ. Д.262. Л.1).

Нетрудно подсчитать, что большинство оставшихся без рук или ног крымских татар 1934–1936 гг. рождения были совсем дети. В 1943 г., когда на них обрушились советские штурмовики и бомбардировщики, им было по 7–9 лет...

Вообще, это — отдельная тема: крымскотатарские дети в военные годы. Судьба народа век за веком складывалась так, что дети воспитывались не столько в играх, сколько в неустанной помощи взрослым. Но во время Второй мировой войны эта помощь впервые становилась едва ли не единственным источником жизни для остальных членов семьи, не способных на физические нагрузки, которые выдерживали татарские дети.

В обычные, довоенные годы ребятишки из горных деревень в верховьях Качи, Коккозки, Бельбека и других речек носили в Ялту и другие прибрежные города и посёлки древесный уголь, фрукты, орехи и т. д. для продажи. Во время войны целью таких многокилометровых походов стал обмен тех же плодов леса и «мануфактуры» на хлеб, крупу, керосин и другие необходимые в деревне товары. И именно этих детей с заплечными мешками партизаны, случалось, убивали тоже (АМ ФВ. Д. 210. Л. 1). Но бывало — и миловали.

Приведу один лишь пример такого «доброго» отношения. Уже упоминавшийся Ахтем Коляк, озенбашский мальчик двенадцати лет, оставшись без своего арестованного полицией отца, должен был кормить семью. Для этого он неоднократно проделывал неблизкий путь Озенбаш — Ялта — Коккозы — Озенбаш на протяжении одного светового дня, переживая по пути всякие, не всегда приятные приключения (АМ ФВ. Д. 19. Л. 3). Сам он о них не любит вспоминать, но коккозские старики рассказывают сейчас как о примечательном случае о том, как Ахтема в лесу встретил сам Бекир Османов, знаменитый партизан. И ничего плохого не сделал, даже пальцем не тронул. Только отобрал все продукты, что мальчик нёс через горы из Ялты своей голодной семье (АМ ФВ. Д. 206. Л. 3).

Партизаны, совершая «продуктовые» рейды, уводили из сёл даже дойных коров. А что это такое — лишить семью коровы-кормилицы, знают только деревенские. Буюк-озенбашцы рассказывают, что когда в советские времена стало можно держать домашний скот, то даже самые неимущие брали тёлочек[1], которых выкармливали-выпаивали, размачивая последние корочки хлеба, собирая и растирая дикие груши и даже экономя на детском питании, в расчёте на будущее молоко (тем же детям в первую очередь). Теперь этих молодых дойных коров

[1] То есть эту «роскошь» уже можно было позволить себе чисто экономически, более не опасаясь удушающих налогов за держание частного скота или птицы.

стали уводить в лес — *на мясо*. И это уже не говоря о рабочем скоте, от которого зависела величина урожая и, значит, продолжительность жизни крымскотатарской крестьянской семьи.

Собственно, дело было не только в голоде, вынуждавшем партизан спускаться в татарские сёла и обирать их. В отношении оккупированных деревень имелись точные указания Ставки Главного командования — не давать им возможности выживать. Об этом свидетельствуют материалы допроса попавшего к немцам в плен уже упоминавшегося представителя Ставки капитана А. Русанова. Он показал, что партизаны «...должны были проводить всяческую агитацию, сеять недовольство среди населения. Для этого они совершали различные акты против немцев с расчётом, чтобы все эти акты вызвали ответные репрессии со стороны немецкого командования. Все эти спровоцированные репрессии всячески используются для подстрекательства... Подпольщики хорошо законспирировались, и их не так легко найти. Собственно, они так и совершали диверсионные акты, чтобы виноватым осталось мирное население...» (цит. по: *Гогун*, 2004. С. 25). Один из теоретиков этой всеобщей кампании выразился следующим образом: «Нужно сделать так, чтобы население почувствовало на собственной шкуре (что именно почувствовало? — *В.В.*), чтобы его охватило отчаяние». А уж тогда его будет легче агитировать за массовый уход в лес, к партизанам (*там же*).

Что же касается продовольствия, то после того, как при отступлении советская власть лишила остававшихся жителей основ существования, здесь ставилась новая цель. По словам того же пленного офицера Ставки, «дальнейшая задача — не дать создать ему (то есть оккупированному германскими войсками населению. — *В.В.*) эти основы заново. Поэтому в помощь подпольным группам создаются подобранные и обученные диверсионные отряды... Главная задача этих отрядов — нарушать налаживающуюся жизнь... Поэтому они должны выводить из строя производства, чтобы оставить людей без работы и продукции, уничтожать хлебные склады, скот... администрацию [сёл], которая стремится что-то организовать, и т. д.» (там же).

В 1943 г., как рассказывают свидетели, наступила пора беспредельного мародёрства, как обычно, сопряжённого и с человеческими жертвами. Партизаны угоняли в лес крестьян с подводами, нагружёнными их же, крестьянским добром. В глуши людей убивали, а лошадей тут же и резали. Жители Бахчисарайского района вспоминают: «Немца ещё можно было уговорить не брать лошадь, но если уж партизан спустился — никогда!» (АМ ФВ. Д. 206. Л. 1). Да и коров это, конечно, касалось, и коз (АМ ФВ. Д. 207. Л. 2)... Очевидно, именно поэтому лесные отряды этих районов не получали той поддержки, что в Коккозском районе. Здесь не только не шли добровольно в партизаны, но и попросту смертельно боялись их — это слова уроженца Тав-Бодрака Сейрана Османова (АМ ФВ. Д. 213. Л. 2). Командир добровольческого охранного отделения, а впоследствии партизан, награждённый многими боевыми медалями, Зеки Ибрагимов из Ай-Василя рассказывал, что «большинство местных жителей панически боялись партизан», — речь шла о Коуше, где базировалось его отделение (*Поляков*, 2007. С. 3).

И был ещё один вид убийства крымских татар «своими». Многие авторы воспоминаний единодушно утверждают, что партизанские вожаки широко

практиковали насильственный увод в леса местных крестьян. Это делалось с двоякой целью: во-первых, в отрядах появлялись надёжные проводники (людей уводили с семьями, и они не могли из-за этого бежать из леса), а во-вторых, таким образом обезлюживалось горное село, что, безусловно, нарушало различные (в том числе и экономические) планы германской оккупационной администрации. Но в жертву при этом приносились самые беззащитные и слабые члены таких «партизанских семей», то есть дети и старые люди.

Есть свидетельства о том, что уже после 2 месяцев, проведённых зимой 1943–1944 гг. под открытым небом в лесу, число погибших детей исчислялось *сотнями*. К ним нужно причислить малышей, осиротевших после гибели родителей, насильственно уведённых партизанами якобы «на время». Эти голодные и замёрзшие дети, не умевшие и свет зажечь в пустом доме, были бы обречены, если бы их не разбирали соотечественники из близких и дальних деревень. Особенно тёплую благодарность в этом смысле заслужили члены сельскохозяйственных кооперативов-общин из-под Симферополя, спасшие множество сирот, — об этом даже газеты тех лет писали (ГКо. 19.01.1944). Как и о том, что несмотря на увеличивавшуюся *таким образом* детскую смертность, партизаны продолжали безжалостно угонять в леса людей «целыми деревнями» (ГКо. 23.02.1944).

А вот и более общий вывод о крымском «движении Сопротивления», с которым трудно не согласиться: «Партизаны народу абсолютно ничего хорошего не сделали — не спасли никого, ни от угона (в германский трудлагерь. — *В.В.*) не освободили; от них один вред был. Да и на немцев они не нападали разве только в конце 43-го. А так только деревни и грабили» (АМ ФВ. Д. 206. Л. 3). Что касается боевых операций партизанских отрядов, то сейчас сделать об этом какой-то взвешенный вывод абсолютно невозможно. Имеющиеся публикации частью противоречивы, частью фальсифицированы. Причём до такой степени, что не выглядит уже неожиданным давно высказанное предложение: история партизанского движения Крыма должна быть не исправлена, а *переписана заново*!

Пока же приведём сведения, хоть и ограниченные (речь пойдёт только о 8-м отряде Южного соединения), но за достоверность которых можно ручаться. Боец этого отряда вспоминает, что за всё время оккупации ущерб, принесённый вражеским войскам в целом, измерялся числом 5–6 человек. Немцы, в общем-то, держали горный край под контролем. Стоило отряду активизировать свои действия, как тут же высылали навстречу друг другу немецко-румынские части, чаще всего из Ялты и Коккоз, одновременно, и они прочёсывали лес начисто. Постоянно «рамы» (двухбалочные разведывательные самолёты «Фокке-Вульф 189». — *В.В.*) в небе висели, а иногда и с фронта на помощь местным немцы кое-какие силы снимали. Работать стало тяжелее всего в декабре 1943 — январе 1944 г. и потом в марте уже. В целом запомнились три самые крупные операции: наши нападения на Фоти-Салу и Албат, где осталось 6–10 вражеских трупов, и на колонну немцев, шедшую из Алушты (возле Массандры). Последняя операция была просто замечательной: противник потерял почти 400 человек. Успех, впрочем, в значительной степени объяснялся тем, что произошло это 10 апреля 1944 г., когда немцы уже неудержимо откатывались к Севастополю (АМ ФВ. Д. 19. Л. 6, 8).

А ещё в декабре 1943 г. соотношение между погибшими в результате столкновений немцами и партизанами могло быть совсем иным. Об этом свидетельствует, к примеру, служебная (то есть не рассчитанная на пропаганду) информация, содержащаяся в германском «Журнале боевых действий военно-экономической инспекции 105 (Крым) с 1 октября по 31 декабря 1943 г.», опубликованном немецким историком Райнером Фребе. Там говорится, что в конце декабря 1943 г. — начале января 1944 г. личный состав этой инспекции (командир ст. лейтенант Хартман), одного батальона (командир ротмистр Брендель), а также неназванных вспомогательных сил ликвидировал 31 лагерь и 340 хижин в местах дислокации партизан (окрестности дер. Чавке Симферопольского района). Кроме того, за 8 дней боевых действий было уничтожено 1200 партизан и взято в плен 2865 чел., ¾ из которых составляли женщины и дети. При этом немцы потеряли лишь 31 человека убитым и 213 ранеными (Историческое наследие Крыма, № 6–7. Симферополь, 2004. С. 169).

г) Мокроусовцы и крымскотатарская деревня

Что же касается отношений между партизанами и местным населением, то в них большую роль сыграл упоминавшийся выше факт: к продовольственным базам, заложенным советскими властями для партизан, первыми добрались жители татарских горных деревень, оставленные без средств к существованию. Это поставило не менее голодных партизан в крайне тяжёлое положение. Автор специальной работы утверждает на основе солидного материала, что именно отсюда «начали прорастать семена ненависти партизан к крымским татарам» (*Вяткин*, 2005. С. 44). Эта ненависть распространялась на весь народ, и смягчалась она иногда лишь присутствием в составе лесных отрядов какого-то количества крымцев. И наоборот, на тех участках горно-лесной территории полуострова, где в партизанских отрядах большинство составляли некрымчане (то есть люди, ощущавшие себя десантом на абсолютно враждебной территории), соответствующим было и отношение партизан к местному населению.

«Ни о какой закупке или взаимовыгодном обмене не было и речи. С огромным трудом пробившись в [очередную] деревню, партизаны брали всё, что попадалось из продовольствия, и стремились скорее уйти назад в горы» (*Поляков*, 1999. С. 7), а говоря проще, «партизаны заходили в деревни и грабили народ» (*Джемилев*, 2000. С. 5). В Крымском областном партархиве хранится записка начальника Третьего партизанского района Георгия Северского первому секретарю обкома, затем уполномоченному Центрального штаба партизанского движения по Крыму В.С. Булатову, в которой говорится буквально следующее: «Командование было вынуждено стать на путь насильственного изъятия скота и продовольствия у враждебно относящегося к нам населения» (цит. по: *Музафаров*, 1991. Т. 2. С. 454). Одним из руководителей партизанского движения А.В. Мокроусовым было дано прямое указание: «Добывайте продовольствие на месте, то есть в окружающих татарских деревнях».

Поэтому немецко-румынские оккупанты, от поборов которых деревенское население страдало несравненно меньше, чем от «своих», были не так уж не правы, заявляя: «Мы вас не трогаем, вас грабят партизаны», — об этих фактах

сообщал последний председатель СНК Крымской АССР (*Сейфуллаев*, 1999. С. 5)[1]. Как свидетельствует тот же источник, А. Мокроусов и его комиссар С. Мартынов «чтобы оградить себя, защитить от неминуемого наказания за причинённый грабёж в татарских деревнях, за неудовлетворительное руководство партизанским движением в Крыму, начали давать радиограммы в Москву о том, что крымские татары — изменники и предатели» (там же). Энведин Меджитов из дер. Тайган Карасубазарского района пишет, что «днём орудовали и грабили деревню немцы и румыны, ночью — партизаны» (Депортация, 2005. С. 89). Старожил с. Шура Бахчисарайского района Умеров вспоминает о тех месяцах: «партизаны брали всё, что нужно, у нас, [так как] *взять у немца силы не было* (курсив мой. — *В.В.*)» (АМ ФВ. Д. 206. Л. 2).

Короче — мародёрствовали. Более того, это было санкционированное мародёрство в районе военных действий — преступление весьма серьёзное, в те годы (да и позже) за него полагалась высшая мера наказания.

Появились признаки и глубоких изменений психики. Теряя людей от голода и болезней, от внезапных облав егерских частей и т. д., партизанские руководители, понятно, себя ни в чём виновными не считали. Но пытаясь прекратить саморазложение отрядов, то есть ища виновных и не находя их, они неизбежно становились крайне подозрительными. А болезненная подозрительность, то есть мания преследования, — болезнь особенно опасная, если ей подвержены вооружённые люди. Бойцы отрядов были всесторонне проверены, поэтому командиры и комиссары обращали свои болезненные сомнения на всех «несвоих». То есть считали немецкими осведомителями всех углубившихся в лес людей.

Там же, где в отрядах была достаточно мощная крымскотатарская прослойка, вот там ни прямого, ни косвенного ограбления сельских жителей и тем более убийств не было. Партизаны снабжались на вполне добровольных началах. Зимине Абибулаева вспоминает: «Когда немцы оккупировали нашу деревню Момбат, в партизанском отряде С. Ибрагимова было уже триста татар. Я украдкой пекла им хлеб. Своих продуктов не хватало. Спасибо, люди давали на святое дело. Собирали масло, муку, яйца во всех окрестных деревнях» (*Абибулаева*, 1998. С. 3). Повсюду отмечается взаимоподдержка, сочувственное отношение партизан и крестьян Крыма. И как говорилось, люди не выдавали своих односельчан, родственники которых были в партизанах. Зеки Ибраимов вспоминал: «Оказалось, что не все жители ненавидят партизан, а у некоторых в лесу даже были близкие люди: у кого муж, у кого сын, брат... Всё это тщательно скрывалось, но среди своих разве утаишь» (цит. по: *Поляков*, 2007. С. 3).

[1] Собственно, оккупанты, которым нельзя было отказать в дисциплинированности, не смели нарушить приказ Э. Манштейна от 29.11.1941, где, среди прочего, предписывалось «...не допускать каких-либо неоправданных действий против мирного населения. Особенно требуется корректное обращение по отношению к женщине. Необходимо постоянно уважать семейные традиции татар и мусульман и их религию. Также требую неукоснительного уважения к личному имуществу, сохранности скота, продовольственных запасов сельских жителей». Далее генерал-полковник запрещал какие-либо реквизиции, даже при денежной компенсации, в горных деревнях (Германские документы о борьбе с крымскими партизанами в 1941–1942 гг. // Москва–Крым. Историко-публицистический альманах. М., 2000. Вып. 1. С. 283).

Эту поддержку крымскими татарами партизан признавал даже глава НКВД Крыма Г. Каранадзе, в общем-то, лояльно относившийся к местному населению. В своей докладной записке Л. Берии, отправленной в марте 1942 г., он сообщал, что имеется немало татарских сёл, «которые оказывали партизанским отрядам большую помощь... Например, татары села Айлянма, Чермалык и др. оказывали большую помощь партизанам в тяжёлые дни, когда партизаны испытывали затруднения со снабжением. Вышеуказанные (татары) организованно пригоняли партизанам отары овец по 50–100 голов. Кроме того, всегда гостеприимнее принимали партизан, оказывая им посильную помощь. За эту помощь... [немцами] были разгромлены и сожжены такие сёла, как Айлянма, Чермалык, Бешуй (в Карасубазарском районе), Чаир и Тарнаир. Население этих сёл в большинстве своём было расстреляно, а те, кто остался, — выселены с южного берега. Кроме того, из этих сёл... немало семей, которые не пожелали вооружаться и служить немцам, были выселены» (цит. по: *Романько*, 2011. С. 319).

Но была и иная, не менее важная поддержка местному населению — оказывавшаяся, как ни странно, со стороны немцев. Выше говорилось о том, что оккупанты довольно щедро раздавали крестьянам землю, которую они, как-никак, завоевали не хуже русских в XVIII в. Ещё выше высказывались сожаления, что не было в истории российских завоеваний «колонизаторов», буквально влюблённых в местное население, вроде А. Швейцера в Африке или Х. Эгеде в Гренландии. Но вот и в XX в. мы встречаем необычные фигуры немецких офицеров, по собственной инициативе помогавших крымскотатарской деревне. Одним из них был начальник тыла 11-й армии оберст Гаук, другим — интендант той же армии Рабус. О том, что они по мере сил снабжают крестьян излишками провизии, знало их высшее начальство, но относилось к этому, кажется, одобрительно, ценя прежде всего то, что «бóльшая часть из них (то есть местных „колхозников". — *В.В.*) была на нашей стороне, но зато они подвергались террору со стороны действовавших в горах Яйлы (то есть Главной гряды. — *В.В.*) партизан» (*Манштейн*, 1999. С. 250, 267).

Встречались такие исключения и среди средних немецких чинов. Комендантом в деревню Суин-Аджи (ныне Денисовка Симферопольского района) был назначен некий Гертельт, офицер невысокого ранга. Этот человек являлся по гражданской своей специальности агрономом, да и назначен он был на соответствующую должность, имея под своим надсмотром всего 7 соседних деревень. Гертельт, как и положено агроному, заботился не только о крестьянском посевном материале или методах его взращивания, но и о тех, *кто* возделывает поля. Так, в голодную зиму 1942–1943 гг. он лично выбил в Симферополе вагон картофеля и вагон ячменя, которые и раздал в «своих» деревнях, и тем спас многих от смерти.

Вообще-то, Гертельта чаще, чем на месте службы, в комендатуре, можно было застать на полях, где он беседовал с местными жителями. Людям, тем более многодетным, какими обычно были крымские татары, свойственно ценить такую заботу. Понимая, что с Гертельтом они как за каменной стеной, суинаджинцы Богу молились, чтобы его не перевели куда-нибудь в другое место. Об этом, естественно, знали местные партизаны, которым такая «идиллия» была совсем не по вкусу.

Поэтому в ночь с 1 на 2 ноября 1943 г. из леса пришло несколько человек с определённой целью — ликвидировать Гертельта[1]. Ну а после казни всё пошло, как и предусматривалось: приехала команда СД с дознавателем, расследование кончилось сожжением всего села Суин-Аджи, люди разбежались, унося на себе то, что успели спасти. Несколько человек, помыкавшись по окрестностям, пришли в партизанский отряд. Что, собственно, его командиру изначально и требовалось (АМ ФВ. Д. 248. Л. 3).

Закончу «партизанский» сюжет этого очерка несколькими фактами из истории деятельности крымскотатарских и иных руководителей движения на полуострове.

Старший лейтенант Мемет Аппазов (из Дегерменкоя) был оставлен отходившей советской властью вместо уже отбывшего военкома Ялты, с заданием организовать при военкомате ополчение. Оно должно было состоять из ялтинцев, не годных к строевой службе. Отряд Аппазова, выдвинувшийся на трассу Симферополь — Алушта, был вынужден отступать с боями через Алушту и Ялту на Севастополь, уничтожая в боях людскую силу и технику врага (на старой дороге Симферополь — Алушта сохранился памятник, посвящённый этому героическому рейду). Загнанный в леса, отряд перешёл на автономное существование по принципу самообеспечения и около полугода просуществовал в лесах[2]. После этого к нему присоединились люди партизанского командира М. Македонского.

Аналогичные истории рассказывает комиссар другого отряда, ещё один дегерменкоец, Сейдамет Ислямов. Прошедший всю войну, он успел в 1980-х гг. возвратиться в Крым и прожить несколько лет на родине, в с. Богатом.

Но особенно много крымских татар появилось среди партизанского командного состава после того, как было принято решение о прекращении шовинистических акций А. Мокроусова и ему подобных[3].

[1] Такая практика известна не только по крымским материалам. В оккупированной Белоруссии генерал-комиссаром (гауляйтером) был назначен шеф Гитлерюгенда Вильгельм Кубе, молодой для этой ответственной должности человек (ему не было и 30 лет). Он активно выступал за человеческое отношение к коренному населению на вверенной ему территории. В это трудно поверить, но документально подтверждено, что он направлял в Берлин докладные записки, в которых протестовал против ликвидации еврейского населения и еврейской культуры. О чём стало известно не только в Белоруссии (где его по достоинству ценили), но и, к несчастью, в Москве. В сентябре 1943 г. он погиб — его служанка, жена партизана, установила в квартире В. Кубе английскую магнитную мину. Как известно, решения о ликвидации столь крупных германских администраторов принимались в Кремле. Впоследствии хорошо знакомый с историей этого эпизода чиновник Министерства пропаганды рейха Вилли Крэмер запишет в своих воспоминаниях, что В. Кубе «сумел наладить хорошие отношения с белорусским населением, чем он отличался от Коха на Украине. Это не укладывалось в концепцию советских партизан, которые должны были опираться на ненависть населения к немцам. Значит, Кубе должен был умереть» (цит. по: *Бройнингер*, 2006. С. 224).

[2] М. Аппазову было присвоено звание Героя Советского Союза, затем его ещё раз представили к Золотой Звезде, но он через некоторое время (26 января 1943 г.) геройски погиб, после чего наградное представление было отклонено ЦК ВКП(б), уже тогда занявшим неафишируемую антитатарскую позицию.

[3] Бывший партизан (а до того командир охранного отделения на службе у немцев) Зеки Ибрагимов прямо связывает эти причину и следствие: «Весть о том, что из Крыма

Эта тема, как имеющая прямое отношение к послевоенной депортации коренного народа Крыма, заслуживает отдельного рассмотрения. Собственно, полную информацию о преступной деятельности партизанского командования в первый военный год даёт решение бюро выведенного из зоны оккупации Крымского обкома ВКП(б) от 18.11.1942 г., принятое уже после снятия Мокроусова с должности руководителя партизанского движения Крыма:

«Анализ фактов, доклады командиров и комиссаров партизанских отрядов, проверка, проведённая на месте, свидетельствуют о том, что утверждение о якобы враждебном отношении большинства татарского населения к партизанам и что большинство татар перешло на службу к врагу, является необоснованным и политически вредным. Бывшее руководство центра партизанского движения (тт. Мокроусов, Мартынов) вместо того, чтобы давать правильную политическую оценку этим фактам, вовремя разоблачить подлую политику немецко-румынских оккупантов в отношении татарского населения, ошибочно утверждало, что большинство татар враждебно относится к партизанам, что неправильно и даже вредно ориентировало руководителей отрядов в этом вопросе.

Как результат со стороны отдельных партизанских групп по отношению к местному населению были допущены неправильные действия. Например, группа Зинченко на одной из дорог отобрала продукты у проходящих граждан. В дер. Коуш группа партизан бывшего 4-го района в пьяном виде устроила погром, не разбираясь, где свои, а где враги. Грабёж продовольственных баз фашистами расценивали как мародёрство местного населения, отчего любого попавшего в лес мирного гражданина расстреливали[1].

Признать, что обкомом ВП(б) и НКВД Крыма в момент комплектования партизанских отрядов была допущена серьёзная ошибка, заключавшаяся в том, что ни одного из руководящих областных товарищей, тем более из местных татарских работников, не оставили в лесу, а бывший комиссар центра, кандидат в члены бюро ОК ВКП(б) т. Мартынов не справился с возложенными на него задачами обкомом ВКП(б), оторвавшись от руководителей партизанских отрядов,

улетел ненавистный Мокроусов, вдохнула надежду. Среди караульной роты стала зреть мысль о коллективном переходе к партизанам. Наконец этот момент настал. Убили офицера и все вместе ушли в лес» (цит. по: *Поляков*, 2007. С. 3).

[1] Советская и постсоветская историография всячески осуждает это «мародёрство», как и отказ горных деревень поддерживать партизан, — за что немцы наказывали жестоко. Однако в последнее время в академической науке встречаем более научный (и, что не менее важно, более человечный) подход к проблеме: «Хотелось бы здесь указать на простое и естественное стремление людей уцелеть, сохранив жизнь себе и близким. Партизаны же стали явной угрозой этому стремлению. Люди нередко оказывались как бы между молотом и наковальней: с одной стороны СД, полицаи и вермахт, а с другой — партизаны. Кстати, и те и другие пытались изымать продукты питания и одежду, или, проще говоря, — грабить. Попытаемся увидеть эту ситуацию глазами крымских татар. В 1941–1942 гг. немцы... дали [им] оружие для защиты от голодных партизан. Можно ли понять простого селянина, не желавшего с риском для жизни фактически содержать „лесные" части Красной армии? На наш взгляд, такую линию поведения вполне можно и понять. Стремление уцелеть, сохраниться в трудной ситуации, приспособиться к сильной власти, возможно, является характерной чертой крымскотатарского народа, не раз спасавшей его от гибели» (*Вяткин*, 2005. С. 46).

не зная истинного положения, неправильно информировал ОК ВКП(б) в отношении поведения крымских татар.

Имеющиеся в распоряжении ОК ВКП(б) факты свидетельствуют о том, что татарское население многих деревень не только сочувственно относилось к партизанам, но и активно помогало им. Целый ряд татарских деревень и сёл горной и подгорной части Крыма долгое время оказывали активную помощь партизанам (дер. Кокташ, Чермалык, Бешуй, Айланма, Ай-Серез, Шах-Мурза и другие), а десантные части, прибывшие в январе 1942 г. в Судак, целиком снабжались продовольствием окружающими татарскими сёлами этого района. Отряд Селезнёва 4 месяца стоял в дер. Бешуй и снабжался продовольствием.

Нельзя не отметить и такой факт, характеризующий отношение местного населения к партизанам. В августе 300 человек партизан 1-го района на виду у населения в течение трёх суток ожидали лодку на берегу моря, но никто из местных людей не выдал их, а наоборот, когда отряд проходил и оставлял за собой следы, то чабан-татарин прогнал по следам партизан отару овец с расчётом замести следы партизан...» (цит. по: *Музафаров*, 1991. Т. 2. С. 555 «а» — 556 «а»[1]).

Обком постановил «Осудить как неправильное и политически вредное утверждение о враждебном отношении большинства крымских татар к партизанам и разъяснить, что крымские татары в основной своей массе так же враждебно относятся немецким оккупантам, как и все трудящиеся Крыма...» (там же).

Позднее, уже в 1943 г., А. Мокроусов пытался оспорить это решение и внести в него некоторые изменения, способные хоть частично снять с него вину за преступные действия по отношению к коренному народу Крыма. Однако в июле того же года обком подчеркнул в особом решении, что его определение было сделано правильно и никаких изменений в первой формулировке произведено не будет. После этого Мокроусову, чтобы хоть как-то сохранить перспективы продолжения своей партийной карьеры, пришлось признать свои ошибки, что он и сделал в заявлении от 21.07.1943 г., переданном в обком. В этом документе-признании, в частности, говорилось:

«После приезда из Крыма (то есть после снятия с должности. — *В.В.*) в июле 1942 г. я с Мартыновым в докладе т. Будённому и Крымскому областному комитету ВКП(б) писали, что подавляющее большинство крымских татар горной и предгорной части пошли за фашистами, в письме т. Булатову[2] в марте с. г. я полуотри-

[1] Ввиду того, что по вине издательства в ряде мест цитированной работы встречаются страницы без нумерации, это вынудило автора данного тома проставить их от руки. С целью избежать возникшего таким образом двойного ряда постраничной нумерации, впервые встречающиеся номера (то есть проставленные от руки) были обозначены с дополнительной литерой «а», в то время как типографски напечатанные оставлены без изменений. — *В.В.*

[2] Булатов В.С., родом из Костромы, был в 1939 г. назначен первым секретарём Крымского обкома ВКП(б). С декабря 1942 г. — уполномоченный Центрального штаба партизанского движения по Крыму. С июля 1943 г. — начальник Крымского штаба партизанского движения. Уже в марте 1943 г. заявлял, что «о татарском населении очень много зря говорили... Утверждение, что татарское население относится враждебно к советской власти и нашим людям, совершенно неправильно. Факты подтверждают обратное. Целые деревни оказывали помощь партизанам, и много деревень было сожжено за то, что они

Маршал А.М. Василевский, секретарь Крымского обкома В.С. Булатов, маршал К.Е. Ворошилов в Сарабузе

цал это. Причём мои два замечания в письме „в татарских деревнях партизан встречают огнём“ и сравнение (весьма вредное) населения за время врангелевщины 1920 г., когда татары не прошли длительного советского воспитания, с теперешним, по существу сводили мои доводы к утверждению, изложенному в июльском докладе... Так как мои утверждения, основанные на шатких материалах, обвиняют большинство татарского населения предгорной и горной части Крыма по существу в измене Родине и вводят в заблуждение нашу партию в татарском вопросе, я отказываюсь от своих утверждений, изложенных в июльском докладе и в письме к т. Булатову, и прошу изъять из дела это письмо...» (цит по: *Музафаров*, 1991. Т. 2. С. 556 «а»–557 «а»).

Что же касается комиссара С. Мартынова, составлявшего упомянутый клеветнический июльский (1942 г.) доклад вместе с А. Мокроусовым, то он во время войны своей вины не признал. Это было мудрое решение, так как после депортации крымских татар он добился пересмотра решения бюро обкома от 18.11.1942 г. Более того, уже после войны, на так называемых симферопольских судебных процессах 1972, 1974 и 1977 гг. над военными преступниками из вспомогательных (карательных) подразделений германской армии[1], С. Мартынов вновь выступал с голословными клеветническими обвинениями целого народа в пособничестве противнику

приютили у себя партизан... Если в первое время в составе так называемых «самооборонцев» и «добровольцев» было порядочное количество татар, то нам известно... что немцы всех добровольцев, за исключением служивших в полиции, разоружили, в том числе и татар. Из числа добровольцев-татар 19 человек расстреляли в дер. Козы» (цит. по: *Музафаров*, 1991. Т. 1. С. 130–131).

[1] Имеется в виду ряд громких процессов, шедших в Крыму в указанные годы и демонстративно направлявшихся прокурорами почти исключительно против представителей

(См. освещение процессов в майских-июньских 1972 г. номерах «Крымской правды», а также в статьях Г. Соколова в: КП. 24.11.1974 и 25.06.1977 гг.).

Именно тогда, когда наконец стала до конца ясна старая истина, что без поддержки коренного населения любое партизанское движение обречено на провал, в отряды стали забрасывать исключительно крымских татар (а те люди, что были в лесу с 1941 г., «пошли на повышение», то есть им стали доверять руководящие посты). Такими посланцами Центра стали Мустафа Селимов (бывший секретарь Ялтинского райкома), Ренфат Мустафаев (секретарь обкома по пропаганде), Иззет Хайруллаев, тоже партработник областного звена, Джеппар Колесников, ставший комиссаром партизанской бригады, и другие.

Через некоторое время М. Селимов был уже комиссаром Южного соединения, Р. Мустафаев — комиссаром Восточного соединения, И. Хайруллаев и Дж. Колесников — комиссарами партизанских бригад, столь же важные и ответственные посты были поручены Куртмолле Мамутову, Эмирхану Юсуфову и другим. Естественно, в своей работе эти и иные руководители опирались прежде всего на крымскотатарские деревни, помогавшие движению продуктами, разведывательными данными и живой силой. И таких деревень насчитывалось немало. В этом смысле характерен пример уже упоминавшегося села Суин-Аджи. Отсюда в лес ушло 12 человек, после чего был сменен староста — им был назначен Дмитрий Жёсткий; здесь же обосновался командир русского добровольческого отряда Николай Борзов, между прочим, лично расстрелявший нескольких местных жителей за антинемецкую деятельность, в том числе партизана Джемиля Халилова (*Халилов*, 1999).

д) Крымскотатарские подпольщики

Сколько всего в точности было партизанских отрядов и групп, действовавших в городах и посёлках, сколько крымских татар входило в их личный состав — пока неизвестно, это вопросы к исследователям, которые придут нам на смену. Здесь же назовём лишь нескольких, ставших известными в ходе работы, не имеющей ничего общего с изучанием истории советских подпольных организаций.

Одной из крупнейших городских подпольных групп (73 человека, почти все — крымцы) руководил Абдулла Дагджи. Его люди были внедрены во многие мастерские, больницы, завод «Первого мая», Крымскотатарскую библиотеку (Симферополь, ул. Кантарная 20), симферопольский Кожкомбинат, управы деревень Кара-Кият и Сары-Кият, имелись они даже в двух добровольческих батальонах. Эта организация снабжала партизан оружием, медикаментами, боеприпасами, добывала ценнейшие разведданные, да и сама совершала крупные диверсии на железной дороге и военных объектах. Все они, за небольшим исключением, погибли. Их предали провокаторы. Та же судьба постигла 30 человек карасубазарской подпольной организации Ибраима Боснаева: всех их расстреляли у знаменитой в истории скалы Ак-кая.

сосланного народа. Собственно, и затеяны эти судилища были явно с целью оправдать депортацию крымских татар.

Городские старики-крымцы. *Немецкое фото из коллекции музея Ларишес*

Погибли и руководители подпольной организации Дегирменкоя Айше Караева и попавшиеся немцам вместе с ней несколько членов её группы — все они были казнены. Та же судьба постигла симферопольских подпольщиков Хатидже Чапчакчи, Хайбуллу и Айше Измайловых, члена севастопольской подпольной группы Асиса Аметова, рядовых подпольщиц Абибе Асанову и Гульпери Кадырову и многих, многих других.

В Бахчисарае в 1941–1944 гг. было расстреляно более 400 крымских татар, причём далеко не все из них были подпольщиками или партизанами (*Садреди-нов*, 2000. С. 5). В этом томе невозможно привести весь скорбный список героев крымскотатарского народа, павших в очередной битве за освобождение своей многострадальной родины. Но некоторые из них будут названы сейчас и здесь, наша молодёжь должна знать их имена.

Это был Бекир Османов — запомните его имя, как и имя Абдуллы Дагджи (псевдоним «Дядя Володя»), этого тонкого и хитрого тактика подпольной борьбы, — оно стало легендой уже при его жизни. И ещё одно имя — Алиме Абденановой, попавшейся в руки немцев только из-за предательства её соратницы Анастасии Гуляченко, и это некрымское имя пусть также останется в нашей памяти. Общее количество партизан и подпольщиков из коренного народа, как говорилось выше, неизвестно. Но количество участников *одной только* подпольной организации (там были, конечно, не только крымские татары), во главе которой стоял А. Дагджи, достигшее к заключительному этапу своей деятельности *1260 человек* (*Ватан*, 1980, №1. С. 36), сопоставимо с *совокупным* числом татар-полицейских из структур самообороны. На 1944 г. почти 600 партизан были крымскими татарами, что составляло примерно $^1/_6$ часть совокупного числа всех их, не считая подпольщиков (*Мустафаев*, 1991. Т. 1. С. 182). А сколько было ещё «сопротивленцев», даже не участвовавших в отрядах, но официально названных в сводках Совинформбюро?

Крымский историк и краевед Владимир Поляков, много работавший в Государственном архиве Автономной Республики Крым, обнаружил там список героев крымского Сопротивления, городских подпольщиков и лесных партизан, представленных за свои подвиги к награждению орденами и медалями СССР (далеко не всем эти награды достались). Он сделал выборку из этого документа

по крымцам (назвав её *Мартиролог крымских татар*), которые в 1941–1945 гг. были представлены к правительственным наградам за свой вклад в борьбу с немецко-румынскими оккупантами на территории Крымской АССР (*Поляков*, 2009. С. 169–184).

Всего этих выдающихся крымских мужчин и женщин, начиная с Али Арифа Менема (1901 г. р.) из Коуша и заканчивая родившимся в 1908 г. в Судаке и погибшим в 1942 г. Эмирханом Юсуфовым, оказалось восемьдесят. Но это лишь те, чьи имена отложились в архиве, сколько их было в реальности — покажут дальнейшие поиски.

7. Проблема «предательства» как повода к геноциду

Перед тем как приступить к столь сложной теме, имеет смысл вспомнить всё изложенное в начале этого очерка и сделать предварительные выводы. Итак, что же произошло в последние годы и месяцы перед началом *войны в Крыму?* Ведь именно в таком аспекте, сравнительно узком в масштабе великой войны, только и можно высветить эту тему достаточно ярко.

1. Тоталитарный режим вёл страну, а значит, и Крым с его коренным народом к войне все довоенные годы — и добился начала именно такого, задуманно кровавого разрешения собственных проблем: «немецкое вторжение было, если угодно, *заслуженным*. Оно, это „заслуженное", даже запаздывало» (*Гефтер*, 2001. С. 2). Но одной из первых жертв этой *обще*политической развязки стали крымские татары, такого вторжения, в отличие от Кремля, действительно не заслужившие. Они были абсолютно не причастны к дипломатии Москвы, к *такой* российской политике. Они даже не разделяли предвоенного (или более раннего) милитаристского энтузиазма «советского народа» и в войне были совершенно не заинтересованы.

2. Согласно некоторым *конкретным* военным планам (захват Румынии и большей части Турции), в жертву возобновлявшейся агрессии Москвы в южном направлении также в очередной раз приносились интересы безопасности крымского народа.

3. Советская власть преступно обрекла крымский народ на голод и вымирание в условиях неминуемой оккупации, причём ещё *до* установления германского нового порядка. После голодного периода 1939–1940 гг. летом 1941 г. были вывезены или целеустремлённо уничтожены основные запасы продуктов, скот, техника и другие ценности, принадлежавшие народу (созданные им в качестве средства жизнеобеспечения).

4. Родовые пороки большевистского тоталитарного режима стали причиной сокрушительного разгрома немцами превосходящих сил Красной армии, пытавшихся удержать полуостров. В результате практического осуществления близорукой, безграмотной, фактически преступной военной стратегии Москвы беззащитный народ Крыма был отдан во власть очередного тоталитарного режима, не менее безжалостного и жестокого, чем большевистский.

5. Согласно решению, принятому в Кремле, крымские татары были в начале 1940-х гг. безусловно признаны очередным коллективным «объективным противником» советского режима. Первые факты силового подавления коренного народа Крыма (частичная депортация 1942 г.) сменились физическим уничтожением части мирного населения отрядами красных партизан, а также посредством бомбардировок советской авиацией крымскотатарских сёл, где заведомо не было немецких гарнизонов.

Особого внимания заслуживает последний вывод — он касается явления, имевшего глубокие причины и наиболее далеко шедшие последствия, неизменно губительные для крымскотатарского народа. Имеется в виду неофициальный статус «объективного противника» (ранее об этом говорилось в очерке XII). Тоталитаризм 1930–1950-х отличался от ленинского деспотизма тем, что боролся не против реальных врагов, как первый, а ещё и против «объективных», то есть против потенциального противника, ничем своей опасности не проявившего, но паранойально в этом подозреваемого. Крымских татар обвиняли в сепаратизме и русофобии на протяжении всего колониального (послеханского) периода их истории. Такие фантазии неоднократно разбивались фактами, но при этом ничего не менялось — всякий раз им на смену приходили всё новые.

Один из малых народов империи попал, таким образом, в тупиковую ситуацию, которая в эпоху тоталитарного режима превратилась в порочный круг — фигуру замкнутую, безвыходную. «Это не индивид, чьи опасные мысли надо провоцировать или же чьё прошлое оправдывает подозрения, но „носитель тенденции" подобно носителю болезни. С практической точки зрения тоталитарный правитель поступает как человек, который постоянно оскорбляет другого человека до тех пор, пока все не узнают, что последний — его враг, так что он может не без некоего правдоподобия пойти и убить последнего, объясняя убийство необходимостью самообороны» (*Арндт*, 1996. С. 551).

Дополнительную уверенность в этой стратегии Москвы по отношению к народу Крыма давала не то что полная безнаказанность, но и принципиальная нераскрываемость готовившегося преступления. Эффективной защитой преступникам на этот раз должна была послужить нормальность нормального (то есть окружающего) мира. Именно она мешает раскрытию преступлений тоталитаризма. Нормальный человек не знает, что для параноика Сталина всё возможно. Человек отказывается верить собственным глазам и ушам, столкнувшись с чудовищем, он принимает действительность за собственную галлюцинацию. Нельзя, невозможно поверить в убийство 46,2 % целого народа, неповинного ни в чём, кроме «привычки жить» (Андрей Платонов), в том числе и во время войны.

И если бы в тех же 1944–1945 гг., когда десятками тысяч гибли крымскотатарские женщины и дети, было распечатано и разбросано множество листовок об этом — им бы не поверили ни в СССР, ни на Западе, сочтя вражеской провокацией. Да и сейчас, когда уже всё давно известно, значительная часть русской диаспоры в Крыму продолжает верить в «предательство татар» и заслуженность сталинской кары. Так же как многие немцы не верят, что их отцы и деды травили евреев газом, считают Освенцим пропагандистской выдумкой антигитлеровских союзников.

Итак, крымскотатарский народ был, согласно пяти приведённым выше тезисам, неоднократно предан советским тоталитарным режимом и осуждён на геноцид. Причём *задолго до* официального обвинения, опубликованного в мае

1944 г. Ведь смысл этого осуждения, как уже говорилось, стал ясен ещё в 1942 г. Если не раньше, до оккупации, когда на полуострове ещё были «свои», но по его земле уже носились факельщики, присланные Москвой для очередного сожжения Крыма. И в этой ситуации от крымских татар, от этого «объективного противника» ожидалось полностью лояльное отношение к советской власти!..

Нужно сказать, что беспочвенными такие ожидания не были — об этом говорила вся история крымского народа в межвоенный период. Тогда большевистские репрессии не вызвали, за совершенно незначительными исключениями, ответной реакции массы коренного населения — такой, как, например, в Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республике. Там вскоре после начала войны, но ещё до подхода немцев, в октябре 1941 г. вспыхнуло народное восстание сразу в пяти районах, которое удалось подавить лишь «в тяжёлых боях» (официальное определение). Но в 1942 г. антисоветское движение возобновилось, причём для восстановления порядка войскам НКВД-МГБ потребовалось провести 413 полномасштабных военно-карательных операций (*Синицын*, 2011. С. 33).

Ничего даже отдалённо похожего на кавказские события накануне оккупации в Крыму места не имело. Как не отмечено и самосудных массовых расправ населения с бывшими советскими функционерами в оккупированном Крыму... Тем не менее отношение центральной власти к крымскотатарскому народу как к противнику не изменилось. Нет в этом ничего удивительного: тоталитарный сон разума порождает и не таких чудовищ. Но, к великому сожалению, ущербное состояние «московской психики» не осталось личным делом той же Москвы, а имело последствием трагедию далёкого южного народа.

Впрочем, дело не только в политиках Кремля. Не менее скорбны разумом оказались и политологи-теоретики, историки, философы, пытавшиеся оправдать депортацию с научно-политической точки зрения. Попытки эти оказались тщетными, несмотря на множественные случаи фальсификаций и подтасовок фактов, на насильственное подавление объективной историографии вопроса. Ну как, например, можно оценить обвинение крымскотатарского народа в предательстве *непонятно чего*? Ни добровольцы, ни полицейские не предавали свою историческую родину или соотечественников — за редчайшими исключениями, которым, к сожалению, всегда есть и было место в земной жизни.

Позицию активной части крымских татар выразила во время оккупации газета «Голос Крыма». Они были представлены в ней как отнюдь не сторонники нацизма или большевизма, но как некая «третья сила», чьё призвание — борьба с *обоими* тоталитарными режимами, второй из которых лишь сравнительно недавно признан преступным. В одной из статей газеты говорилось, что война после окончательного поражения Германии превратится в схватку СССР с Англией и США. И вот тогда-то, когда Германия будет «вычеркнута» из числа действующих на европейском театре держав, для крымских татар настанет время подумать о собственной судьбе как независимого народа (ГКо. 07.01.1944).

Иную точку зрения высказал О.В. Романько — современный и самый эрудированный исследователь истории оккупации Крыма. Он полагает, что некоторые явления и события Второй мировой войны не поддаются объяснению только германо-советским противостоянием, но по своим истокам и характеру

протекания «имеют характер типичной гражданской войны, со всеми присущими ей основными особенностями»[1]. Причём именно в Крыму эта гражданская война протекала в трёх «измерениях»: политическом, национальном и военном. Эта глубокая и, на мой взгляд, верная мысль, к сожалению, её автором не была развита, будучи приведена, да и то кратко, лишь в двух местах цитируемой книги (*Романько*, 2011. С. 30, 32).

Между тем определение О.В. Романько заслуживает дальнейшего осмысления, вполне осуществимого при использовании, среди прочего, материалов, приведённых выше. Напомню, что великая крестьянская война, начавшаяся в Российской империи в 1905 г. (возможно, кое-где несколько ранее), плавно перешла в 1917–1918 гг. в Гражданскую. Причём в Крыму это произошло в пору, когда противостояние агрессивно настроенных большевиков и анархистов с одной стороны и не приемлющего террористического насилия местного населения (прежде всего крымцев) — с другой, ещё было возможным. Позднее Красный террор сделал сопротивление миролюбивых сил крымского села внешней агрессии тщетным, и Гражданская война вроде бы окончилась подавлением одной из сторон. Однако подавлением, при всей своей беспримерной жестокости, отнюдь не окончательным. Гражданская война была лишь пригашена потоками крови, но её искры продолжали тлеть, время от времени вспыхивая на протяжении всего межвоенного периода, — об этом тоже свидетельствуют материалы предыдущих очерков. И причины этих вспышек были предельно ясны: народ Крыма не мог смириться с большевистским насилием.

Поэтому как только появилась возможность пересмотреть результаты первой Гражданской войны, эти искры разгорелись в пламя — причём тут же, после начала оккупации, в режиме «быстрой перемотки». Пробольшевистски настроенные элементы (в том числе и некоторые крымцы), ушедшие в партизанские леса бок о бок с чекистами, первыми открыли военные действия против населения, не желавшего их поддерживать материальными и человеческими ресурсами. То, что это было продолжением первой Гражданской, не требует доказательств: здесь дошло до буквальных совпадений, вроде того, что одну из сторон возглавили такие одиозные для Крыма полевые командиры первой Гражданской, как

[1] Следует признать, что это мнение неоднократно высказывалось и раньше, ещё в годы войны, по мере того, как становились известными всё новые вспышки старого противостояния. Очевидная справедливость — и поэтому опасность — самих выводов о «войне-продолжении» вызвала их критику в статьях крупнейшего советского публициста той поры Ильи Эренбурга. Однако при всей своей жёсткости его критика не могла не оставаться голословной и даже явно противоречащей фактам: «Эта война — не гражданская война. Это отечественная война. Это война за Россию. Нет ни одного русского против нас. Нет ни одного русского, который стоял бы за немцев» (*Эренбург*, 2004. С. 131). Позднее, в фильме Д. Месхиева «Свои», снимавшегося в 2008–2010 гг., был сделан шаг к истине: «Гражданская война между красными и белыми закончилась только в 1942 г., когда бывшие антагонисты простили друг друга перед лицом внешней опасности» (*Геросин В.* Тупик патриота // НГ. 17.23.2011. С. 22). Но и это утверждение имеет свой изъян. Вторая мировая война содействовала не «прощению антагонистов друг друга», а обострению упомянутого противостояния — что в Крыму, что на Западной Украине, что в Прибалтике.

Мокроусов или Папанин. Да и с другой стороны проявили активность бывшие «кулаки» или близкие родственники жертв репрессий ещё той, первой войны. А то, что в театрах обеих войн деятельными актёрами оказались немецкие оккупанты, — это просто совпадение (хоть и немаловажное): на месте немцев могли бы оказаться и любые иные антибольшевистские армии, занявшие полуостров и давшие тем самым народу надежду на победу против большевистского ига.

Таким образом, вывод, сделанный в книге О.В. Романько, будит историческую мысль. Чего, увы, нельзя сказать о других произведениях на близкие темы. Казалось бы, авторы многих статей и книг, посвящённых оккупированному Крыму, знавшие свой материал не понаслышке (многие из них были современниками и даже участниками описываемых событий, другие имели доступ к архивам), не должны были бы заблуждаться на этот счёт. Они и не заблуждались, прекрасно зная истину. Они допустили не добросовестные ошибки, но стали источниками *предумышленной* и злонамеренной *фальсификации*, то есть клеветы.

Таких книг и статей, клевещущих на коренной народ Крыма, — многие десятки. Нет необходимости перечислять здесь их все поимённо, назову лишь самые злобно-тупые, выделяющиеся даже из этого болота дурно пахнущей лжи и спекуляций на народной крови и страданиях.

Это прежде всего книга И. Козлова «В крымском подполье» (удостоена Сталинской премии!), выдержавшая несколько переизданий массовыми тиражами. К сожалению, её автор успел вовремя шмыгнуть в землю, избежав таким образом сокрушительной критики, обрушившейся на его поделку в 2000-х гг.

Затем полосой пошли не менее ублюдочные с научной и этической точек зрения книжки на ту же тему и с теми же выводами: *Первенцев А.* Честь смолоду; *Кучер В.* Черноморцы (Киев, 1952; Симферополь, 1954; Киев, 1970; Киев, 1973); *Сагынбаев З.Ф.* 300 дней в тылу врага (Фрунзе, 1969); *Давыдкин И.* На грани возможного (Симферополь, 1983); *Луговой Н.* Опалённое детство (М., 1984); *Чуб М.* Так было (Симферополь, 1980). Одно из самых последних лживых произведений того же малопочтенного рода — *Федоренко Ф.* Годы партизанские (Симферополь, 1990).

Эти и иные авторы, припёртые буквально к стене самим фактом существования татарофобии (части русского населения Крыма, да и не только Крыма), пытаются объяснить её появление фальсификацией истории. То есть именно тем грехом, в котором они сами приняли деятельное и добровольное участие. При этом цель их остаётся прежней: любыми средствами помешать возрождению Крыма в том виде, каким он когда-то был.

Да и не только в фальсификации здесь дело. После серии извиняющихся статей на этот счёт — они печатались в своё время не только в крымской, но и в центральной прессе — нападки на коренной народ Крыма отнюдь не прекратились. Более того, из описательных эти статьи переходят в разряд «теоретических», их авторы уже претендуют на такие качества, как научность и профессионализм (ряд статей в московском «Военно-историческом журнале» начиная с 2004 г.). И, судя по всему, коренной народ Крыма ещё не скоро почувствует себя гарантированным от прямых оскорблений, направленных в первую очередь против тех, кто не имеет возможности ни поставить лгунов на место, ни просто защититься. Я имею в виду не только жертв оккупации, но и крымских татар, мужчин, женщин и детей, её переживших и ушедших от нас уже в послевоенное время.

Вообще, в мировой историографии тема коллаборационизма или сотрудничества с политическим (или военным) противником разработана слабо именно с интересующей нас точки зрения. А именно — под этическим или моральным углом зрения. Насколько мне известно, такие вопросы ставили перед собой лишь несколько серьёзных исследователей. Попытался же на них ответить на высоком научном уровне, пожалуй, только один учёный, московский доктор исторических наук Владимир Артамонов, на работу которого ниже приводится несколько ссылок.

Представляется, что основным вопросом, без выяснения которого мы не сможем сдвинуться в этой теме с места, должен быть следующий, к которому приходится возвращаться снова и снова:

Бывают ли вообще в природе народы-предатели?

Очевидно, такое обвинение может быть предъявлено в случае, если имела место коллективная *измена*. Кому же в состоянии изменить народ (этнос)? Во-первых, своему правителю. Но, значит, этот правитель не пользуется поддержкой народа, и люди правы. Во-вторых, политической идее. Значит, и идея либо не подходит абсолютному большинству народа, либо «разонравилась» как явно порочная и не отвечающая интересам, традициям этноса: ведь именно народ является источником права (правового сознания) и носителем национальных морали и этики не менее, чем этнической культуры в целом. Это суждение не утрачивает своего смысла и в ситуации многонационального государства, то есть даже в том случае, если какому-то из составляющих народов не годится единая политическая идея, объединяющая империю. Тогда тем более этому народу следует искать свой выход, что никак не влечёт за собой всё того же обвинения в «предательстве».

Впрочем, последний случай не стóит рассмотрения, так как *не было* в СССР народа или «социалистической нации» из оказавшихся на оккупированных территориях, часть которой не сотрудничала бы с немцами в годы войны. Такая аксиома снимает и последнее из возможных обвинений. Это — не говоря уже о простом историческом факте: если «младший брат» и лишил «старшего» своего доверия и поддержки, то уж, конечно, не без причины. Не может же народ поголовно сойти с ума и рассориться с теми, на кого молиться бы надо...

Наконец, третье и последнее, самое важное соображение о коллаборационизме. Наши обвинители крымского народа не знают следующей азбучной истины. Так же как семья — элементарная и фундаментальная ячейка общества, именно народ, этнос является *первичной* и столь же фундаментальной социокультурной формой человеческой жизнедеятельности на планете. И предательством (в применении к этой общности) можно назвать лишь какое-то массовое помешательство. То есть ситуацию, когда народ начнёт ломать свою социокультурную основу во вред себе же.

Другими словами, политическое образование типа СССР — вторично по отношению к народам, его составляющим. И если возникает вопрос, *чем* жертвовать в экстремальной ситуации: жизнью коренного народа или навязанной ему, чуждой культурной моделью и формой государственного правления, то, очевидно, здесь двух мнений быть не может. Жертвуют именно второстепенными ценностями, до последнего оберегая первичные, основополагающие, фундаментальные.

Ибо политические формы приходят и уходят, совершенствуются и развиваются, всячески изменяются и т. д., но при одном условии: *был бы жив народ* — носитель своей культуры. А уж *что* именно требуется для такого выживания, никто лучше самого народа не знает.

Есть ещё одна, рождённая большевистской идеологией, теория: насчёт «гнилой» позиции каждого человека (народа), занявшего позицию «над схваткой». То есть, попросту говоря, не принимающего участие в драке, большой или малой. Но и эта теория не годится для крымскотатарского народа. Если считать непреложно верной политику Сталина, ведшего и приведшего народы (в том числе и крымскотатарский) к войне, то столь же непреложна и воля этого народа выжить. А уж *как* выжить — тут посторонним, действительно, с советами лучше не соваться. Когда не о ваших, а о других, о крымскотатарских детях и детях их детей речь идёт — это дело серьёзное и посторонних не касающееся[1].

В Крыму шла не одна война, а две. Одну из них принято было называть на партийном жаргоне «беспощадной борьбой». Это была война внешняя, которую большевики и фашисты вели друг с другом на огромных полях сражений по своей воле и у всех на виду с целью взаимного истребления.

Вторая война, которую каждая семья вела на своём маленьком плацдарме, была невидной. Но она-то и стала главной, потому что это была война народа со смертью, война за выживание. Она-то и являлась первичной, устойчиво существенной, так как велась ради основы всего сущего, ради жизни, тогда как «беспощадная» — ради смерти.

Каждая из этих войн отрицала другую ещё до того, как начаться, с довоенных времён, заранее. Ведь человек может участвовать только в одной из них: «беспощадная борьба» ещё готовилась, а исконную волю народа к жизни уже ломали и корёжили, пытаясь втолкнуть её в узкий смертный коридор, выстроенный главным палачом страны. Сталин знал, с чем боролся: там, где жизнь побеждает, пусть даже в форме приземлённого «быта», там и конец его «беспощадной борьбе». Противоположностью этому «быту» выдвигалась не только идеологические догмы, но и произведения официальных военных писателей и историков, которых прозаик-фронтовичка Е. Ржевская метко назвала *безбытными*, то есть людьми, враждебными к жизни, если она продолжается вопреки «беспощадной борьбе».

Идеология *борьбы* (большевистская, но абсолютно точно отражавшаяся в гитлеровской), к счастью, проиграла. Причём не только в попытках оккупантов 1941–1944 гг. в Крыму привлечь к себе души крымскотатарского народа. Даже в нечеловеческих условиях оккупации он остался с Жизнью. Коммунофашистская идеология проиграла в собственном стане. От лютой *борьбы* уходили и безымянные немецкие фельдфебели, приводившие своих битюгов, чтобы крымский крестьянин мог засеять пашню новой жизнью, от неё уходила и советский офицер Ирина Пискарёва, помогшая крымскотатарской семье спастись в минуту депортации (см. следующий очерк). Её не принимал и немецкий офицер Гертельт, накормивший крестьян Татай-Коя картошкой в голодную зиму 1942-го... В них всех ведь тоже можно бросить камень, как в *пособников*. Впрочем, они и в самом деле были пособниками.

Пособниками Жизни.

Норвегия во Второй мировой стала на путь массового сопротивления оккупантам — и процент погибших норвежцев был велик, несмотря на природные условия (леса, горы, бездорожье), идеально годившиеся для партизанской борьбы. Соседняя Дания (крошечное, ровное как стол и безлесное пространство, то есть никак не подходившее для партизанства) предпочла не тратить человеческие жизни попусту и немцам сопротивления почти не оказала (имеется в виду германская операция захвата «Везерюбунг»). Кто сейчас бросит камень в датчан за это? Тем более что все желавшие отойти от коллаборационистской политики тогдашнего датского правительства имели полную возможность поучаствовать в начавшемся несколько позже городском движении Сопротивления (БОПА, то есть *Borgerlige Partisaner*, «городские партизаны»).

Итак, частичное участие крымчан даже в ограниченной поддержке оккупационного режима (имеется в виду не большевистская, а фашистская оккупация) могло вызвать раздражение у массы имперского народа, создавшего благоприятную почву для большевизма. Но это раздражение на самом деле — чисто шовинистической природы, лишь отягощённое комплексом стыда. Объяснение здесь простое: великороссы не только вели беспощадную борьбу с врагами Родины, но и сами охотно с ними сотрудничали (или мечтали сотрудничать). Причём в самые разные эпохи своей истории. И уж точно чаще, чем крымские татары, помогали врагам *своего Крыма*. Приведу примеры.

Можно бы начать с хрестоматийно известных фактов двух-трёхвекового коллаборационизма русских князей, церкви и значительной массы населения в отношениях с ордынцами — или с теми, кого принято так называть. Но это слишком уж давняя история, хотя и отложившая известный след в великорусской этнопсихологии. Имеются в виду стойкие традиции раболепия и национальной страсти к доносительству. Однако, обратившись к истории уже независимой державы, исследователи приходят к выводу, что русские люди вообще «не считали аморальным искать помощи у внешних врагов государства. Так было в 1571 г., когда делегация белевцев, калужан, каширцев, серпуховцев и галичан призвала Девлет-Гирея повернуть на Москву, и столица была сожжена вместе с войском воеводы И. Бельского. Так было и в 1606–1612 гг., когда не стыдились приводить поляков на захват столицы, а шведов — Новгорода и Пскова» (*Артамонов*, 1994. С. 65).

Этих людей можно было понять, — ещё свежа была память о зверствах народных губителей Ивана Грозного, потом Бориса Годунова. Люди просто «стали думать: ежели наши соотечественники и наши правители в Москве так с нами обходятся, то нам лучше скорее перейти к Димитрию, который будет нас защищать, и присягали Димитрию все, кто только мог прийти к нему... и никто

[1] Имеется в виду не только татарская часть крымских жителей. Как отметил современник оккупации, «в первые же дни образования Симферопольского городского управления я видел целые волны караимов и армян, набрасывающихся на управление с желанием рвануть себе куски общественного пирога... Цивильные татары бросились в частную торговлю, караимы заняли счётные должности, а армяне — административные. Болгары из-за своей малочисленности... заняли более скромные места: начальников цехов, хлебопекарен и мастерских...» (цит. по: *Романько*, 2011. С. 133). Короче, простой русский народ и тут обошли... Кстати, о каком «общественном пироге» толкует автор воспоминаний, когда с осени довоенного 1939 г. голодному Крыму и чёрного хлеба не хватало? Немцы с собой этот «пирог» привезли, что ли?

не хотел слышать о Москве» (*Масса*, 1959. С. 58). Тем временем в Москве «на улицах и площадях ловили известия о военных действиях и радовались успехам Самозванца, „радеюще его прихода к Москве“» (*Платонов*, 1901. С. 239).

И таких свидетельств той и более поздних эпох множество. Пропустим их, обратясь к гораздо более близким к нашему времени десятилетиям.

В Русско-японскую войну 1904–1905 гг. по какой-то загадочной причине в России, в том числе и в столичном Петербурге, «ликовало всё общество и печать, когда нас били при Цусиме, Шахэ, Мукдене» (*Розанов*, 2000. С. 97). Та же история повторилась в Первую мировую войну, но уже по более понятным мотивам. А затем, отведав в Петрограде 1917 г. большевистского рая, столичные граждане стали ждать прихода немцев как избавителей. Причём это были уже не тёмные народные массы времён Смуты XVII в., а русская аристократия, интеллигенция, столбовые дворяне вроде Гиппиусов, чьи предки служили ещё московским великим князьям дормановского периода. Теперь они говорили: «сейчас **у нас всех** только одна узкая, самая узкая цель: свалить большевиков... Это единая, первая, праведная: свалить. Всё равно чем, всё равно как, всё равно чьими руками... Господи! Хоть бы шведы нас взяли! Хоть бы немцы прикончили!» (*Гиппиус*, 1991. С. 224, 228).

А вот настроения другого, тоже дворянского кружка, но уже московского, в феврале 1918 г.: «Вчера были у Б. Собралось порядочно народу — и все в один голос: немцы, слава Богу, продвигаются, взяли Смоленск и Бологое... Говорит об этом и народ: „Ну вот, немец придёт, наведёт порядок“» (*Бунин*, 1991. С. 5, 7). В марте тот же круг «горячо поносил союзников (то есть Антанту. — *В.В.*): входят в переговоры с большевиками вместо того, чтобы оккупировать Россию» (ук. соч. С. 19). Да и большевики были из того же теста. Ведь общеизвестно же их так называемое пораженчество (то есть дооктябрьская ещё заинтересованность в победе немцев), которое к тому же и оплачивалось немецкими деньгами, выделенными германским Генеральным штабом на революцию в тылу противника!

В годы Гражданской войны сотрудничество монархистов, русских эсеров, кадетов и генералов Белого движения (которых никто не смеет упрекать в предательстве России) с немецкими, английскими, французскими, греческими и прочими союзниками, фактически оккупировавшими Крым, — общеизвестно (то, что союзники на деле освободили полуостров от большевистской, куда более губительной заразы, — другая тема). Чётче всех выразил эту позицию талантливый реформатор столыпинского склада, один из самых выдающихся лидеров Белого движения, потомственный офицер российской армии П. Врангель: «Хоть с чёртом, но против большевиков» (цит. по: *Зарубины*, 1997. С. 65). А когда белые ушли, то всё население Крыма ещё «долго жило надеждой на приход какого-нибудь из иностранных войск на помощь, но когда все мечты были разбиты, то стали помаленьку приспосабливаться к жизни под большевистским ярмом...» (Очевидец, 1996. С. 62).

Да и при установившейся уже советской власти сводки НКВД ясно показывали, что русская деревенская масса думает о победившем режиме то же, что и «бывшие», если не хуже. Мужики ждали любого иностранного вторжения с надеждой на освобождение, твердя одно: «Будет война, мы получим оружие, мы с этой властью поговорим!» (цит. по: *Яхшиян* в: МАРР. С. 423).

Так и вышло: «Прогремело 22 июня 1941 г... и всё взрослое трудящееся население (не молодёжь, оболваненная марксизмом), и притом всех основных наций Советского Союза, задышало в нетерпеливом ожидании: ну, пришёл конец нашим паразитам! Литва, Латвия, Эстония встречали немца с ликованием... За короткие первые месяцы в плен сдалось около 3 млн солдат и офицеров» (*Солженицын*, 1996. С. 204). По независимым западным источникам, в первые пять месяцев в плен сдалось *почти 4 миллиона человек*, многие из которых тут же шли в бой против Красной армии. Да и пожилое население выходило встречать немцев с хлебом-солью (*Jensen*, 1992. С. 84). Народы, ещё не осознавшие, что они сменили советскую коммуналку[1] на германскую, занимались самоспасением.

Ознакомимся с результатом анализа этой проблемы, сделанного бывшим фронтовиком, затем учёным-социологом, политологом и писателем с мировой известностью: «Я сам был свидетелем случаев, когда можно было сражаться с немцами, а целые части сдавались и без приказов высшего начальства (то есть имеются в виду отнюдь не власовские части. — *В.В.*) складывали оружие... Так в чём же дело? Думаю, что сыграло роль качество человеческого материала... Различные народы имеют различную склонность к предательству. У нас, у русских, эта склонность довольно сильная. Русское холуйство, угодничество, подлость перед силой, хамелеонство и так далее естественно переходило в соответствующих условиях в предательство... На одного Матросова приходились тысячи трусов, шкурников, паразитов» (*Зиновьев*, 1999. С. 81).

А вот уже не Россия, а советская Украина: «Винница встретила гитлеровцев спокойно», — рассказывает автору одной из статей на эту тему О. Мусафирову сотрудник СБУ (Службы безопасности Украины). «Имелись факты сотрудничества граждан с оккупационным режимом. Даже бывший секретарь обкома партии оказался завербованным... А когда немцы вскрыли траншеи, доверху забитые трупами — места захоронения сталинских репрессий, — то люди сами пошли в штабы СС с заявлениями: там слышали о подпольщиках-коммунистах, там — о партизанах» (цит. по: КП в Украине. 07.08.1999. С. 9). Вполне естественная реакция нормального народа, призывающего возмездие на головы убийц этого народа...

А во время оккупации Крыма стал известен полковник В.И. Мальцев, старейший русский лётчик, между прочим, наставник знаменитого В.П. Чкалова. Перед войной он руководил военно-воздушными силами Сибирского военного округа, а оказавшись на оккупированном Крымском полуострове, предложил своё содействие германскому командованию. Выяснилось, что в планы В.И. Мальцева входило создание лётных частей, укомплектованных российской молодёжью и действовавших в составе люфтваффе (ГКо. 01.03.1944). На сотрудничество с немцами, точнее с антисоветскими Вооружёнными силами Комитета Освобождения народов России (ВС КОНР) пошли работники штаба Приморской армии майоры В.Т. Жуковский и Н.И. Садовников, подполковник

[1] Эта меткая метафора заимствовала из названия работы калифорнийского историка Юрия Слёзкина, посвящённой довоенному Советскому Союзу «СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство содействовало этническому партикуляризму» (*Slezkine Yu.* The USSR as a Communal Apartment or how a Socialist State promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. Vol. 53. № 2. Summer 1994. P. 420).

А.Т. Макеенок, командир роты морской пехоты лейтенант Ю.Л. Хмыров и некоторые другие участники Севастопольской обороны. Некоторые из них занимали высокие должности — так, В.Т. Жуковский командовал 1600-м полком 1-й пехотной дивизии ВС КОНР, сражавшейся бок о бок с Вермахтом на Восточном фронте (*Рузаев*, 2007. С. 245).

И ещё одно свидетельство не публициста или учёного, а такого же свидетеля и участника событий тех лет, каким был А.И. Солженицын, только польского: «Народы, прикованные к СССР, встретили войну с облегчением. И не потому, что хоть в какой-то мере симпатизировали Германии. Нет, попросту рассчитывая, что война *изменит их положение*. Сколько раз наши (то есть польские. — *В.В.*) солдаты выслушивали возмущённые речи от крестьян, рабочих и даже советских интеллигентов: „Зачем вы идёте помогать Сталину в борьбе с немцами? Мы надеемся, что война освободит нас от [угрозы] большевизма!“» (*Андерс*, 1990. С. 252).

Но это — приграничные территории, Западная Украина, то есть регионы, относившиеся к великорусскому большевизму довольно прохладно. Возьмём население центра коммунистического движения, священную колыбель революции, пролетарский, героический, блокадный, награждённый Золотой Звездой и т. д. Ленинград. Взглянем, как простые ленинградцы отнеслись к факту внезапного приближения фашистов?

По современным исследованиям, ещё до подхода немцев тысячи мужчин уклонились от мобилизации. Это было только начало, затем стали поступать сигналы из армии: красноармейцы-крестьяне из стоявших в области и городе частей внезапно вспомнили старое и стали выражать «обиду на советскую власть за насильственную коллективизацию» (*Ломагин*, 1999. С. 105–106).

Потом уже местные женщины начали громогласно возмущаться ухудшением быта (голода ещё *не было*): в Кировском районе города они «открыто начали вести агитацию, заявляя, что всем коммунистам скоро будет конец, что с приходом немцев они помогут уничтожить коммунистов». В городе появились много очевидцев западного «рая» на оккупированной территории. Дальше — больше. В домхозах, как тогда назывались жилищно-коммунальные службы, начали бить гипсовые бюсты Ленина и Сталина; коммунисты и комсомольцы понесли в свои ячейки произведения классиков марксизма-ленинизма из собственных, личных библиотек («немцы придут — за это вешать будут»). Наконец, когда противник стал входить в пригородные районы, то, по сохранившимся воспоминаниям, «большинство ждало его, как Христа. Рабочие говорили, что придёт немец и перевешает всех коммунистов» (цит. по: указ. соч. С. 107).

А уж когда начался голод, то есть в первую, самую страшную блокадную зиму, то, по подсчётам самих «органов», *98 % горожан* выступало за немедленную сдачу Ленинграда — об этом говорят беспристрастные архивные документы. Причём стихийная эта агитация шла энергично и активно: появилось огромное количество листовок, призывавших к *восстанию*, написанных от руки, отпечатанных на самодельных гектографах, их по ночам рассовывали в тысячи почтовых ящиков. «В очередях ругают красноармейцев и призывают их к тому, чтобы они повернули оружие против своих командиров», докладывали чекисты (цит. по: указ. соч. С. 108–111, 113). Иначе как профашистскими такие массовые проявления «инакомыслия» назвать трудно.

Собственно, так их и оценил 1-й секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А.А. Жданов, заявивший с трибуны партактива ещё *20 августа* 1941 г. о «пятой колонне, которая пытается поднять голову, начинает шевелиться», призвал «решительно покончить с профашистской агитацией» (цит. по: указ. соч., 106). И для того, чтобы в эти доблокадные и последующие голодные 900 дней в городе сохранялся коммунистический порядок, понадобилась постоянная энергичная «работа» многочисленного и сытого контингента местного УНКВД, денно и нощно таскавшего в главную тюрьму города (знаменитые «Кресты» на Неве) всех подозрительных элементов, число которых измерялось многими тысячами.

Вот такими были настроения на неоккупированных территориях. Так чего же было ждать от населения областей СССР, на время избавленных оккупантами от чекистов и стукачей? Там нужна была поистине безумная политика нацистского геноцида славян, мусульман, евреев и других для того, чтобы переломить естественные антисоветские, а то и явно прогерманские устремления. Впрочем, удалось решить эту задачу с трудом и далеко не сразу.

Приведу отрывок из воспоминаний простой псковитянки В.А. Пирожковой. «Моё полное неприятие советской власти с детства было, конечно, заложено в семье, но в 12–13 лет я уже совершенно сознательно её отрицала...», — пишет В. Пирожкова в своей автобиографической книге («Потерянное поколение» // Нева. СПб., 1998. С. 32). И более того, «мечтать о свержении этой власти я стала довольно рано, лет с двенадцати» (там же). Вера не была пионеркой, уклонилась и от вступления в комсомол. Сопротивляясь идеологическим внушениям, она хотела смотреть на происходящее собственными глазами: «Теперь часто можно слышать, что, мол, в сталинское время не знали ни о чём. Мне трудно этому верить. Слишком много лет шли аресты, слишком много, несмотря на страх, говорилось о тюрьмах, концлагерях и пытках» (указ. соч. С. 100–101). Такой она видела и собственную перспективу: «...я ясно отдавала себе отчёт в том, что для меня непреложно наступит момент ареста, что тюрьма и лагерь — моё будущее» (указ. соч. С. 101).

Но будущее оказалось другим. Её «первая жизнь» оборвалась с началом войны и оккупацией Пскова — событием, которое было воспринято двадцатилетней Верой Пирожковой как освобождение. Что это значило? Пытаясь объяснить владевшее ею тогда «опьяняющее переживание свободы», она пишет: «...я глубоко поняла, что никакое иноземное владычество не может так сильно поработить и развратить народ, как „своя“ идеологическая диктатура. Идея с помощью войны сбросить эту идеологическую диктатуру, сбросить страшного Сталина мною овладела полностью» (указ. соч. С. 139).

Она стала служить переводчицей в организованном немецкими властями русском земельном управлении, занимавшемся ликвидацией колхозов и перестройкой сельского хозяйства области, приняла участие в деятельности возглавлявшегося генералом Власовым Русского комитета. О цене такого выбора в её мемуарах сказано также: «Мы попытались начать трудное дело в весьма сомнительном положении: пытаться свалить безумную, кровавую тоталитарную внутреннюю диктатуру с помощью внешнего врага, да ещё такого, каким было германское руководство, — это страшный внутренний груз...» (указ. соч. С. 175).

В 1944-м, когда советские войска подошли к Пскову, она бежала на Запад. (*Дубшан Л.* Вступительная заметка / Вера Пирожкова. Из книги воспоминаний «Мои три жизни» // Звезда. СПб., 2002. № 7. С. 154).

Столь обширный экскурс в историю людей и мест, весьма далёких от Крыма, вызван не только понятной необходимостью сравнить условия оккупации на юге и севере, а также неоднозначной реакцией советских людей на действия нацистов. Представляется весьма нужным и полезным сам пример питерских журналистов и писателей, стремящихся *разобраться* наконец в ситуации, сложившейся для мирного населения, неожиданно оказавшегося тогда во власти совсем иных законов и правил поведения. Это благородное стремление к пониманию людей, страдания которых для нас трудно представимы, к сожалению, не слишком характерно для большинства печатных органов и издательств, в том числе и крымских. Они предпочитают лёгкий путь, уже полвека привычно «клеймя», «разоблачая», «срывая маски» и т. д. с крымцев, донских казаков, западных украинцев, не давая себе труда задуматься, отчего *значительная часть* населения повела себя в оккупации не совсем так, как этого хотелось бы родной советской власти. А публикации воспоминаний бывших «изменников» остаются пока, к сожалению, редчайшим исключением, хотя это — ценнейшие исторические источники и человеческие документы, без знания которых в истории XX в. доныне остаются прорехи и зияющие провалы.

Но вернёмся к Крыму. Один из московских профессоров, пользующихся *многолетним* авторитетом, приводит пять обоснованных причин крымскотатарского «коллаборационизма»[1].

Перечислим их здесь поочерёдно. Итак, этими факторами были:

Дискриминация крымских татар в решении земельной проблемы после Октября.

Непропорционально высокие жертвы ликвидации кулачества как класса именно среди татар Крыма.

Столь же несравненно более жестокое наступление на религиозные чувства и национальные психологические нормы крымских татар по сравнению с остальным населением Крыма.

Кровавая «борьба с национализмом» 1930-х гг., прямо направленная против коренного народа Крыма, в частности полная ликвидация крымскотатарских национальных районов.

Разгром национальной культуры крымских татар. Далеко не единственной, но главной составной частью его стали ликвидация национальной интеллигенции и насильственное лишение народа его древней письменности.

Эти выводы, впервые сделанные московским историком О.В. Волобуевым (*Волобуев*, 1999. С. 92–93), повторяю, глубоки и обоснованы чисто историческими фактами. Тем не менее они нуждаются в двух дополнениях, в приведении ещё

[1] Они приводятся здесь не потому, что могут дать какую-то новую для читателя информацию. Напротив, выводы заведующего одной из столичных кафедр профессора-историка О.В. Волобуева и нужны здесь именно для того, что *те же результаты* дал проведённый в этой книге анализ множества архивных документов и материалов полевых исследований. Пять заключений московского профессора — как бы независимая экспертиза, апробирование некоторых идей, изложенных как до, так и после этой страницы.

двух факторов того же пресловутого «крымскотатарского пособничества». Один из них — исторического (фактографического), второй — максимально обобщающего, скорее даже этнопсихологического, плана.

Итак, первое — Красный террор 1920–1921 гг., усугублённый искусственным голодом 1921–1923 гг. Это были акции настолько губительные для коренного народа, что правомерно говорить о геноциде крымскотатарской нации. Геноцид повлёк за собой, в частности, эмиграцию местного населения, на порядок превышающую соответствующие демографические перемены в любой российской области. Оставшиеся в живых крымцы сохранили на десятилетия память о нём, как и обоснованные опасения повторения карательной кампании с целью искоренения народа на его исторической родине.

Второе — советская власть поставила крымскотатарский народ перед неким выбором. И выбор этот был жёстким и не допускал двойственности (ведь нельзя служить двум богам). Условия этого выбора звучали просто: *за кого* ты, Человек, за свой *народ* или за советскую *власть*, которая этот народ убивает? В условиях немецко-румынской оккупации смысл ответа определял не только моральную позицию, но *и два пути* всей дальнейшей жизни каждого крымца. В первом случае он мог остаться со своей семьёй, пытаясь спасти её в условиях уничтоженных большевиками запасов крымских (то есть и татарских) продуктов. Во втором он должен был предать семью ради большевизма и бороться с винтовкой в руках, забыв о своих умирающих детях, ради выживания советской власти, власти палачей крымскотатарского народа.

Так можем ли мы сейчас судить тех, кто избрал первый путь или же не нашёл в себе сил или мужества отказаться от второго, к которому его буквально толкало государство?[1] Ответ на этот, последний вопрос я оставляю на совести читателя...

Есть и ещё кое-какие соображения, так сказать, второстепенного плана, то есть гораздо менее веские, чем упомянутые семь факторов. Во-первых, то тлеющий, то вновь вспыхивающий геноцид крымских татар, проводимый советскими властями, не мог не прекратить своё гнетущее давление с отступлением Красной армии из Крыма. Во-вторых, в условиях оккупации начались даже некоторые положительные перемены, более всего заметные в сфере традиционной крымской

[1] Выше говорилось, что вся довоенная политика СССР была направлена на создание человека нового, советского типа. Такой человек должен был по определению в первую очередь жить интересами советского общества и, если понадобится, жертвовать ради него жизнью — своей и собственной семьи. Предполагалось также, что упомянутые общегосударственные интересы отнюдь не должны заслоняться более узкими, «второстепенными» потребностями выживания национальных культур, экономических моделей и т. д. Эта многолетняя политика и привела к эффекту взрыва национальных движений в первое же военное лето (повторившемуся ещё раз через полвека, в ходе распада СССР): «Недавняя история подтверждает тот факт, что Советский Союз с его специфическим подходом к меньшинствам функционировал скорее как инкубатор национализма, чем некий плавильный тигель для [смешения] наций» (*Smeets R.* Circassia // Central Asian Survey. Vol. 14. № 1. March, 1995. P. 116. Цит. по: *Williams*, 2001. P. 369). Б.Г. Уильямс уточняет: «Так и Крымская АССР, функционировавшая с 1921 по 1944 г., действовала как инициатор и инкубатор крымскотатарского национализма» (там же).

культуры. Одну за другой мечети, закрытые Советами, стали восстанавливать да открывать — вот в чём специфика ситуации.

В-третьих, любой народ имеет не только права, но и обязанности, в частности нравственный долг. Это и долг перед памятью предков — в конкретном случае имеются в виду сотни тысяч воинов и мирных жителей, защищавших Крым от военного вторжения России в XVIII в. А полная гибель народа в XX в. перечеркнула бы их великую жертву. Это был и долг перед потомками, которые прежде всего должны родиться, потом овладеть языком предков, ещё позже — научиться любить Крым и беречь его неповторимый облик — культурный, исторический, природный. Всё это перечёркивалось при выборе жертвенного служения большевизму.

И ещё один угол зрения, чисто личностный. Понятно, что принадлежность Крыма к СССР, а не, скажем, к Турции или Германии не столько беспокоила отдельно взятого крымского крестьянина, сколько входила в круг гражданских «общественных интересов» (формулировка идеологов Кремля). На деле же это был круг интересов малочисленной партийно-государственной элиты. Те, кто обвинял добровольцев в измене, исходили из большевистского варианта социалистической идеологии, навязывавшей отдельному человеку коренные запросы чуждых ему классов или социальных групп. Например, крымскотатарского крестьянина приковывали к неинтересным ему духовным и материальным ценностям большевизма великорусского происхождения. Лозунг, позднее зазвучавший в словах песни «Раньше думай о Родине, а потом о себе», шёл вразрез с крымскотатарским подходом к Человеку как высшей ценности в мире, сотворённой Всевышним.

В довоенный период российская Власть/Родина, медленно перемалывавшая коренной народ Крыма, вынуждала его сопротивляться ради выживания. С приходом немцев ту же задачу приходилось решать в других условиях, — значит, и другими средствами, только и всего. Люди остались теми же, что и десять, и сто лет назад. Человек «никому и ничему не изменяет, оставаясь верным самому себе и меняя свой облик... синхронно с изменениями условий борьбы». Столь же понятно, почему он в этой борьбе «способен рисковать и действовать на опережение» (*Журавлёв*, 1996. С. 20, 24). То есть не дожидаясь, когда его пассивность навлечёт уже хорошо известные, ничем не заслуженные кары, как это было в 1920–1930-х гг.

Такие вот (или подобные) рассуждения не позволяли части крымских татар пассивно ждать, когда и как их участь будет решена на полях сражений между Москвой и Берлином. Повторяем: одних совесть звала под партизанские знамёна, других — в добровольческие роты самообороны (как это было в 1919 г., и с той же целью защиты односельчан от насилия). Точно так же, как часть казаков сражалась у генерала Л.М. Доватора, а часть — по другую сторону линии фронта у генерала П.Н. Краснова. И те и другие исполняли свой долг перед родиной, своими предками и потомками. Они не остались дома, а окунулись с головой в смертельно опасную «работу» не ради себя, но ради близких своих.

Очевидно, никто не вправе решать однозначно, кто из крымских татар был прав: партизаны или добровольцы. Одно бесспорно — их активность вряд ли пошла на пользу народу, хотя бы потому, что мирные досель деревни сжигали

немецкие каратели, партизаны Мокроусова или обращали в пыль «сталинские соколы». Чего, скорее всего, не было бы при *полной* пассивности мужского населения этих деревень (в степной части Крыма, где партизанское движение было невозможно, сёла в годы войны пострадали несравненно *меньше*). Но и пассивность можно рассматривать как *активную* позицию — ведь она обрекала на голодную смерть самых слабых, прежде всего стариков и детей каждой семьи. В массе же такая смертность массовой и становилась — о какой же тут пассивной позиции может идти речь?

Верно, продолжив сопротивление имперскому режиму Кремля (в военный период — военными средствами), крымские татары не могли предположить, что месть большевизма будет столь несоразмерной их вине, — ведь в огне подожжённых бомбами деревень погибали прежде всего женщины и дети. Но то же самое можно сказать и о партизанах. Они были не менее самоотверженны в том смысле, что жертвовали своей жизнью и жизнью своего народа ради спасения не столько братских народов, сколько режима, — они представить себе не могли, что он в мае 1944 г. поставит крымцев на грань физической ликвидации.

Во всяком случае, говорить о том, что эти активные мужчины вызывают «чувство негодования» (*Литвин*, 1998. С. 4), вряд ли этично, тем более для авторов, которым никогда не приходилось стоять перед таким чудовищным выбором. Партизаны и добровольцы если и могли вызывать у кого-то негодование, то тогда, а не сейчас и даже не во второй половине 1940-х. Крымские татары—партизаны, вполне вероятно, вызывали гнев у Гитлера, а добровольцы — у Сталина (как, впрочем, с другой стороны, крымские крестьяне не могли одобрять действия в Крыму этих двух злодеев, берлинского и московского). Но чувства негодования не может позволить себе историк, профессиональное дело которого — не судить, а знать и, по мере способностей, понимать.

Итак, «предательство» как причина геноцида крымцев явно и безусловно отпадает — иначе Сталину пришлось бы выслать всё многонациональное советское население, оказавшееся в военные годы под пятой Гитлера. Но остаётся ещё одно соображение, способное объяснить происхождение сталинско-бериевского решения «крымского вопроса».

Выше мельком упоминалось о захватнических планах Кремля в отношении Турции. Вначале они были нацелены на Карс и Ардаган — два вилайета, расположенных в горной местности к югу от Кавказа. Эти земли уже успели побывать под российской властью в 1887–1918 гг., но затем были возвращены старым хозяевам. Более того, по договору, заключённому в Карсе 13 октября 1921 г., советская сторона гарантировала туркам вечное обладание указанными областями (Документы, 1960. Т. IV. С. 420–429). Однако во второй половине 1939 г. СССР выдвинул предварительные условия, по которым Турция должна была их вернуть, а в Закавказский военный округ стали подтягиваться дополнительные части Красной армии, причём открыто и в масштабах стратегического уровня. Соответственно к выступлению против Турции готовился и Черноморский флот. Стамбул тут же реагировал на эту угрозу подписанием договора о взаимопомощи с Англией и Францией. Однако и это не остановило кремлёвских наполеонов — просто теперь они стали готовиться к войне не только с Турцией, но и с теми,

кто был готов стать на её защиту[1]. И лишь провальная Зимняя война с крошечной Финляндией, показавшая слабость советской военной машины, заставила Кремль отказаться от экспансии в южном направлении — но ненадолго.

После начала Второй мировой войны Сталин неоднократно возвращался к своей мысли. Наконец 12 марта 1942 г. по его указанию командующий Закавказским военным округом И. Тюленев вызвал в свою резиденцию первых секретарей ЦК Закавказских республик и устно поставил их в известность о готовящейся акции вторжения. На следующий же день была готова пространная письменная директива, где в разделе «Замысел операции» указывалось: «Закавказский фронт (!) переходит в наступление против Турции, имея ближайшей задачей концентрическим ударом двух армий уничтожить Карсскую группировку противника» (цит. по: *Райхель*, 2010. С. 3). И 1 мая 1942 г. округ действительно был преобразован во фронт. Тем не менее выступление в южном направлении было отложено, поскольку армии Вермахта быстро продвигались к Волге и нужно было предпринимать меры к обороне каспийских нефтепромыслов. Ничего в этом плане не изменилось и после Сталинграда. Но уже по другой причине: Стамбул отреагировал на советские инициативы подготовкой всеобщей мобилизации с оборонительными целями (*Golan*, 1990. P. 32). Что отрезвляюще подействовало на СССР, ещё далеко не покончивший с германским противником.

В дальнейшем значительную роль в планах Сталина сыграла Ялтинская конференция, на которой будущая Европа была разделена на сферы влияния. Поскольку проблема Турции внятного разрешения в Ливадии не получила, Кремль решил добиваться своей цели силой. Сразу же после окончания крымской встречи с западными союзниками Сталин отдал распоряжение членам Политбюро Микояну и Маленкову разработать предложения о послевоенном положении Турции. В ходе подготовки и обсуждения этих предложений было принято стратегическое решение о необходимости захвата Стамбула и установления советского контроля над Босфором и Дарданеллами. Более того, Сталин планирует превращение Турции в страну-сателлита, а может быть, даже в союзную республику в составе СССР (*Райхель*, 2010. С. 3). При этом на него никак не влияли всё более настоятельные призывы Западной Европы и США отказаться от нового вооружённого конфликта.

Однако в 1945 г. произошло событие, вновь приведшее Сталина в чувство, — американцы сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, доказав свою решимость использовать ядерное оружие как средство силового давления. И это средство подействовало на Кремль, немедленно отказавшийся от своих захватнических планов в отношении Турции. В том же богатом на события августе 1945 г. был расформирован виртуальный Закавказский фронт и воссоздан обычный военный округ мирного времени. Турция последовала благоразумному примеру

[1] Первый удар по объединённым силам противника должна была нанести авиация Черноморского флота. Причём это решение Кремля было доработано в Генштабе и уже доведено до сведения непосредственных исполнителей новой стратегической установки. Процитирую «Записку командующего ВВС флота по плану операции ВВС ЧФ», направленную старшим командирам в начале марта 1940 г.: «Вероятный противник: Англия, Франция, Румыния, Турция. Задачи ВВС: нанести удары по кораблям в водах Мраморного моря, проливе Босфор, постановка минных заграждений в Босфоре...» и т. д. (РГА ВМФ. Ф. Р–1877. Оп. 1. Д. 195. Л. 1).

Москвы и также сняла боевую готовность в войсковых порядках, расположенных вдоль северной границы, частично отведя их в глубь страны (*Harris*, 1974. P. 27–28). На этом назревавший инцидент и завершился. Однако он имел роковые последствия для советских тюрков.

Готовя новую русско-турецкую войну, Сталин имел вполне адекватное представление о будущем театре военных действий. Ему, как грузину, было известно, что на территории Карса и Ардагана, бывшей части Великой Армении, турки составляли лишь половину населения, а остальные жители (по большей части христиане) не питали к Анкаре особой привязанности. И он мог рассчитывать, что все они, а в особенности армяне, встретят Красную армию как освободительницу. Зато население советских областей, примыкавших с севера к обоим вилайетам, было почти стопроцентно мусульманским. Оно уже подвергалось преследованиям большевиков за свою веру и с ностальгией вспоминало предания о безбедной жизни предков под покровительством султана. Таким образом, будущий марш Красной армии должен был проходить через кавказские земли, населённые недружелюбно настроенными к Советам месхетинскими турками, карачаевцами, чеченцами, балкарцами и ингушами, а затем вести боевые действия, имея в тылу *настоящую* «пятую колонну», настроенную откровенно протурецки.

Поэтому в ходе подготовки вторжения (оно должно было начаться сразу после подписания капитуляции Германии и установления сталинского режима в Восточной Европе) все эти народы были депортированы в Среднюю Азию как «пособники фашистских оккупантов». О том, что это изгнание, сопровождавшееся чудовищными насилиями, являлось частью военно-стратегических замыслов Сталина, а не акцией возмездия, говорит простой факт: депортации было подвергнуто и население пограничных с Турцией районов, *не входивших* в зону немецкой оккупации, и таким образом совершенно «чистое» перед законом[1].

Что же касается крымских татар, то в ходе подготовки вторжения Красной армии в Турцию со стороны Чёрного моря с ними было решено поступить так же и по причине ещё более «обоснованной». Ведь жертвой советских войск после вторжения должны были стать не только турки, но и крымская диаспора — мирные турецкие крымцы, имевшие немало родственников на исторической родине. Легко было представить, какую реакцию это новое преступление режима вызвало бы в Крыму у коренного народа. Вот почему его и было решено убрать куда-нибудь подальше от центра развивавшихся событий. Собственно, депортация 1944 г. стала очередной, уже неоднократно имевшей место акцией. Вспомним, что, как только назревал военный конфликт с Турцией, крымских татар депортировали с побережий не только в центральные или горные уезды губернии, но и вообще на материк. Так ликвидировали опасность возможных мятежей цари, так поступил и Сталин, лишь придав этой операции больший масштаб. Впрочем, это вполне соответствовало его маниакальной подозрительности и склонности к кардинальным решениям.

[1] Имеются в виду месхетинские турки-сунниты. Впоследствии, уже после распада СССР, подвергшись жестоким преследованиям со стороны узбеков в своей среднеазиатской ссылке, они были переселены в Краснодарский край. Там начались новые «народные» (то есть погромные) репрессии, со стороны уже славянского населения. В конечном счёте эти жертвы сталинской политики обрели мир лишь в Турции и, по большей части, в США вдали от своей исторической родины.

Современный американский историк пришёл в своём фундаментальном исследовании к выводу о том, что включение месхетинских турок и других кавказских племён в число наказанных народов было вызвано (как и депортация крымцев) «скорее задачами внешней политики Советского Союза, чем реальной виной в виде „всеобщей, массовой государственной измены", совершённой этими группами населения» (*Williams*, 2001. P. 386). В чём мы не можем с ним не согласиться.

8. Оккупация и народ Крыма

Оценка событий, связанных с германской оккупацией, как и общих её результатов, возможна с нескольких точек зрения. Например, с военной (в контексте стратегии Великой Отечественной или Второй мировой войн), с общегосударственной, (то есть связанной с политикой, экономикой, идеологией СССР), с точки зрения патриотов ныне несуществующей империи и так далее. Однако исходя из основной темы этой книги придётся ограничиться более скромной задачей: оценить общее значение германской оккупации Крыма в 1941–1944 гг. лишь для полуострова и только для его коренного народа. Тем не менее нельзя не упомянуть о том, что крымские татары, русские и украинцы понесли несравненно меньшие человеческие потери, чем евреи и крымчаки. Представители этих двух этнических групп крымского населения (точнее, те из них, кто не успел эвакуироваться) были уничтожены нацистами почти полностью (соответственно 40 000 и 10 000 человек), крымчаков осталось всего 20 % от довоенного количества, евреев ещё меньше.

Безусловно, народное хозяйство республики понесло огромные утраты — прежде всего по причине предвоенных и военных разрушений. Меньше пострадала культура Крыма. Основная причина здесь та, что народ — носитель традиционной духовности в массе уцелел. Что же касается художественных ценностей бывших дворцов, храмов и музеев, то они были в большей своей части благополучно вывезены в Центр и даже проданы за границу отечественными коммунистами задолго до оккупации. Напротив, война помешала, как указывалось выше, довершить ликвидацию крымской культуры в сёлах (снос мечетей), городах (ликвидация исторических кварталов) и вне их (подготовка к прокладке Южнобережной железной дороги, шахтное строительство, вырубка лесов и многое другое). Нельзя не упомянуть и о противоположной практике, а именно о строительстве новых и восстановлении старых храмов. За оккупационный период было открыто 250 мечетей, зарегистрировано около 400 мусульманских вероучителей и мазинов. Для сравнения: даже в перестроечном 2001 г. на той же территории действовало всего 75 мечетей.

«Авторство» в целенаправленных поджогах и взрывах объектов материальной культуры Крыма в годы войны по праву принадлежит обеим сторонам (как и в бомбардировках и артобстрелах). В этом смысле военные разрушения сравнимы с результатами Гражданской войны. Впрочем, и с «реконструкционными» разрушениями традиционного городского, природного и исторического ландшафтов,

Опознание заключенных львовской тюрьмы № 1 после отступления Красной армии в 1941 г. *Фото из www.poshuk-lviv.org.ua/ru/prison/lonc5f*

инициаторами которых в межвоенный период были коммунисты — о чём также упоминалось.

Что же касается крымского народа, то приходится признать, что немцы под руководством нацистов не принесли с собой *ничего*, с чем крымские татары не были близко знакомы задолго до оккупации. Более того, число жертв Красного террора и голодных периодов начала 1920-х и 1930-х гг., репрессий, связанных с раскулачиванием и ликвидацией кулачества как класса, террора конца 30-х, превышает число погибших в ходе германских карательных акций на два или более порядка. И сожжённые немцами деревни выглядят ненамного страшней, чем

Жертвы германской оккупации. Керчь после освобождения

судакские сёла 1922 г., чьими страшными жителями оставались только иссохшие мертвецы — большие и маленькие, лежавшие там, где застала их мучительная смерть от большевистского голодомора.

В этом смысле было бы неправомерно забывать о таком результате оккупации, как полное прекращение размахов колеса сталинских репрессий, которые потребовали бы не сотен, а тысяч и десятков тысяч жизней крымских татар за тот краткий период, который длилась оккупация. И это не пустое предположение. Об этом говорит тот факт, что, едва окончилось немецко-румынское присутствие в Крыму, как вернувшийся режим, явно истосковавшийся по крови невинных жертв — детей, женщин, стариков (напомню ещё раз: мужчины были на фронте), возобновил репрессии, что стоило жизни едва ли не половине крымцев, сгинувшей в результате депортации.

Здесь уместно вспомнить слова замечательного русского писателя-«почвенника», фронтовика, также сравнивавшего нацистов и коммунистов: «Тогда говорили: фашисты не люди. Как это не люди? А коммунисты кто — люди?» (*Астафьев В.П.* Бог един — и для коммуниста, и для демократа / Беседу вёл В. Павловский // Красноярский рабочий. 08.07.1966. С. 7). И далее: «Коммунистические крайности — это фашистские крайности, и по зверствам своим, и по делам они превзошли фашистские. Фашисты просто детсадовцы по сравнению с нашими деспотами» (*Астафьев В.П.* Дойдём до пропасти — вернёмся к земле / Беседу вёл В. Карпов // ЛГ. 22.01.1977. С. 11).

И ещё одно замечание по теме. Часть читателей обычно не удовлетворяется информационным материалом статьи или книги, требуя чёткого ответа на вопрос о личном отношении автора к предмету исследования (в данном случае — к историческому факту оккупации немцами Крыма). Ответ на такой ещё не заданный вопрос может быть один: безусловно, оккупация относится к отрицательным событиям в жизни народа, горная часть которого по причине войны уменьшилась на четверть (*Алиева*, 1993. Т. I. С. 99.). Но вот *степень* этой «отрицательности» невозможно определить без какого-то сравнения со схожими событиями в хронологически схожий период. И в этом смысле нам вполне подходит афганская война.

Военные действия на территории этого мусульманского государства и его оккупация стоили коренному населению, как позже было подсчитано, из расчёта 100 человек умершвлённых афганцев на одного погибшего советского солдата. Если бы немцы уничтожали коренное население Крыма в *таком* соотношении, то есть с таким, воистину *российским*, размахом, то крымских татар не осталось бы до 1944 г. вообще ни одного[1].

Всё вышесказанное, естественно, не претендует на значение истины в последней инстанции, это — лишь постановка вопроса. Затронутые проблемы после десятилетий замалчивания или фальсификации требуют пересмотра, основанного на вдумчивом, дотошном и честном исследовании с привлечением становящихся доступными документов и других источников. Лишь такое *специальное*, фундаментальное исследование в состоянии дать ответ на назревшие вопросы, а не одна скромная глава из длинного ряда таких же глав-очерков, составивших эту книгу.

[1] Историю можно «открутить» не только вперёд, но и назад: за одного убитого большевика в 1921 г. крымским татарам-зелёным полагалось наказание не в 25 и не в 50 (как при немцах) человек. Казни подлежали «сотни жителей этих сёл» (цит. по: *Мельгунов*, 1990. С. 71).

II. ДЕПОРТАЦИЯ

Наш батальон геройствовал в Крыму...
Владимир Высоцкий

Вагонларда балачыкълар,
Сакъындыдан ольдюлер.
Мезарлыкълар тапалмайып
Вокзалларда комдюлер[1].
Народная песня

1. Первые акции освободителей

На протяжении почти месяца (8 апреля — 12 мая 1944 г.) советские войска, назначенные для взятия Крыма, вели тяжёлые бои на подступах к полуострову и на его территории. В этой операции участвовали войска 4-го Украинского фронта (командующий генерал армии Ф.И. Толбухин) и Отдельной Приморской армии (командующий генерал армии А.И. Ерёменко) при содействии Черноморского флота (командующий адмирал Ф.С. Октябрьский) и Азовской отдельной флотилии (командующий контр-адмирал С.Г. Горшков). В состав объединений и соединений Красной армии, привлекавшихся к Крымской операции, входило 470 000 человек личного состава, 559 танков и около 6000 орудий и миномётов.

Войска противника (17-я германская армия), которыми руководил генерал-полковник Э. Енеке, насчитывали 195 000 чел., 3600 орудий и миномётов, около 214 танков и самоходных орудий. Ещё более заметное различие сил наблюдалось в авиации — советские войска превосходили противника в самолётах в 8 раз (СВЭ. Т. 4. С. 494).

В результате Крымской операции 1944 г. 17-я германская армия подверглась сокрушительному разгрому. Её потери на суше достигали 100 000 человек, в том числе более 61 000 пленными. В руках Красной армии осталась почти вся боевая техника противника. Было потоплено большое количество кораблей, на которых только с 3 по 13 мая погибли 42 000 германских солдат и офицеров (указ. соч. С. 495).

[1] «Наши деточки в вагонах / Умирали от духоты./ А поскольку не было кладбищ, / Хоронили на вокзалах» (текст народной песни, цит. по: АМ ФВ. Д. 90. Л. 5).

Командующий 4-го Украинского фронта генерал армии Ф.И. Толбухин

Очередная смена власти, названная в советской исторической науке «Освобождением Крыма», завершилась в основном 13 апреля 1944 г. В этот день Красной армией были взяты Симферополь, Карасубазар, Евпатория и Феодосия; Керчь — на 2 дня раньше, Бахчисарай, Судак, Алушта — днём позже; Севастополь — почти через месяц.

Крымскотатарское население, бесспорно, испытывало в огромном своём большинстве чувство радости и облегчения — крымчане были уверены в близких счастливых переменах. Как и у других народов СССР, у них появилась надежда на то, что Сталин и его окружение изменят своё отношение к победителям опасного врага, к мирному населению, оказавшемуся под тяжким бременем оккупации и едва его пережившему.

Надежды эти рухнули весьма скоро. Репрессии в Крыму возобновились буквально на следующий день после возвращения старой власти. Новое насилие, по крайней мере в первое время, было фактически бессудным, что имело место и при немцах, отчего о *таком* освобождении крымчан едва ли не уместнее будет упоминать в кавычках.

Немцы сдаются в плен в Севастополе

Советская самоходка у симферопольской фабрики им. Крупской

Советский танк на улице Феодосии. *С сайта http://simfion.narod.ru*

Ещё не вернулись на старые служебные адреса парткомовцы, гебисты и энкавэдэшники, а репрессивное колесо уже возобновило своё прерванное войной неумолимое движение. На следующий день после ухода немцев вышедшие из леса коммунисты стали, не дожидаясь возрождения судебной системы, подвергать экзекуции целые крымскотатарские сёла, расстреливать и вешать людей, лишь заподозренных в содействии оккупантам. Казни эти совершались публично, в том числе и на глазах у детей. В Симферополе вешали на фонарях возле базара (рассказ отца. — *В.В.*), в Бахчисарае — на акациях вдоль ул. Ленина (АМ ФВ. Д. 206. Л. 1; *Ascherson*, 1996. P. 32); в Евпатории на Театральной площади 13 апреля 1944 г. казнили немцев-«факельщиков» (то есть обвинённых в попытках поджечь здания или целые городские кварталы). Затем были арестованы члены Мусульманских комитетов — их вина тоже не требовала доказательств, и судьба была той же практически для них всех.

Была репрессирована и часть партизан-крымцев, из тех, кто до прихода в лес был «добровольцем». При этом никакого значения не имели боевые заслуги, ранения, полученные в боях с немцами, и прочее. Так, часть «перешедших [к партизанам ещё в 1942 г.] добровольцев... заманили на аэродром, там арестовали и самолётом отправили на Большую землю» — это было накануне полного

освобождения Крыма. Теперь же оставшихся в лесу до конца войны вначале бросили на охрану общественного порядка в Ялте, «а потом им объявили, что всех передадут в регулярные части Красной армии», после чего «всех бывших партизан-"добровольцев" отправили в тюрьму... а потом заседание военного трибунала и приговор. Кому-то дали 6 лет, кому-то 10. Зеки [Ибрагимов] получил 15 лет, а один парень — расстрел» (*Поляков*, 2007. С. 3).

Точно так же, как в недоброй памяти времена Красного террора, власти было не до разбирательств, кто из местных жителей стал добровольцем действительно по своей воле, а кого к этому принудили угрозой расправы. А таких случаев было немало. Известно, что немцы не могли насильно принуждать крымцев к службе в различных вспомогательных частях, они этого и не делали. Но использовали иной, двуступенчатый путь: сначала человека отправляли в трудовой лагерь, где он был обязан подчиняться любым приказам начальства, а уж оттуда, именно в приказном порядке, командировали в то или иное подразделение Вермахта для продолжения службы с оружием в руках. Иначе трудармейца расстреливали за неисполнение приказа — это признают и германские авторы (*Мюллер*, 2010. С. 228).

Одновременно началась вакханалия поощряемых властями доносов. Были среди них вызванные неодолимым желанием выявить «немецких прислужников», то есть политические, но чаще всего они были направлены против личных врагов или просто соседей — из желания отомстить, попользоваться имуществом или расширить жилплощадь за счёт арестованных. Самым частым мотивом доносов было указание на сотрудничество с оккупантами, чего было вполне достаточно для суда скорого и неправого. Но эта разновидность репрессий, вызванных инициативой снизу, далеко уступала, по причине своей стихийности, случайности, другому виду террора — государственному, то есть организованному.

Причём, как говорилось выше, до восстановления судебной системы мирного времени в расправах участвовали в основном освободители в армейских погонах. Решение о жизни и смерти заподозренных крымских татар принималось зачастую на уровне среднего командного состава, а то и младшего. Если был донос и человека арестовывали и приговаривали к казни, то апелляцию было подавать некому и некогда, в ситуации этой кровавой вседозволенности не было пощады никому — ни старикам, ни женщинам. Отца Эдие Асановой убили вообще ни за что: «В дом постучали солдаты и попросили у отца водки. Спиртного в доме не было, и отец вынес им яблок. Разозлившись, что не принесли водки, солдаты застрелили отца и ушли (это видел сосед-парнишка и рассказал, как было дело). Когда мама вернулась с детьми, отец лежал на пороге дома мёртвый... Мама осталась одна с детьми на руках: пять девочек и 8-летний сын» (Депортация, 2005. С. 76). Фактически над Крымом прокатилась волна самосудов над крымцами. Спасти от расправы могло лишь чудо — как это случилось с семьёй Решата Джемилева.

«Я на себе испытал „радость" освобождения Крыма от гитлеризма с первых дней появления Красной Армии. Красноармейцы убивали наших соотечественников на глазах местных жителей, они собирались расстрелять и нашу семью, но благодаря нашей соседке Устинье Сикорской мы остались в живых» (*Джемилев*, 2000. С. 5). Вот что в те страшные дни значило слово русской

женщины. Или польской (судя по фамилии), неважно, главное — не татарской! Такой стала цена великой Победы для многих жителей Крыма. Поневоле вспоминаются слова древнего китайского мудреца Лао-цзы: «Прославлять себя победой — это значит радоваться убийству людей... Если убивают многих людей, то об этом нужно горько плакать. Победу следует отмечать похоронной процессией» (*Ши цзин*, 1957. Т. III. 1. 1). Вот так её в Крыму и отметили, хотя вряд ли за носилками с телом отца Эдие Асановой шла многолюдная похоронная процессия.

Впрочем, вскоре началось и судебные, то есть уже вполне «законные» репрессии, нацеленные на выживших в оккупацию. По мере продвижения фронта к Севастополю и Керчи в городах и сёлах началось обычное тыловое сафари — гебисты, энкавэдэшники и милиция (а также охочие до острых ощущений цивильные граждане) стали выявлять и отлавливать «антисоветский элемент» с целью немедленной расправы — теперь уже по суду.

Отвлечёмся ненадолго от конкретных фактов этого явления для того, чтобы задать один из вечных российских вопросов: а судьи кто?

Во всём цивилизованном мире судей выбирает сам народ, сограждане будущего чиновника, которому они таким образом вручают свою честь, судьбу, а часто и жизнь. Поэтому судейское кресло и занимает, в принципе, человек, хорошо известный своей честностью, неподкупностью, совестью и гражданской смелостью. То есть готовностью отстаивать права своих сограждан вопреки любому давлению, как правило — человек из того же города (округа, департамента), хорошо знающий своих земляков, долго живший среди них и переживший вместе с ними и радость и горе, — только обладая таким бесценным опытом, судья и может выносить справедливые приговоры.

Первые «судьи» освобождённого Крыма не были выбраны народом — об этом в сталинские времена никто и не мечтал. Но к тому же они были здесь чужими, в абсолютном своём большинстве не зная ни Крым, ни крымцев. Не было их в Крыму ни до войны, ни во время оккупации — как же могли они выносить справедливые приговоры, не испытав всего её ужаса, не побывав в рубашке жертв нацизма, не пытаясь выжить в условиях голода и полного бесправия? И откуда взяться уверенности, что попав под немца, они не вели бы себя так же, как будущие их жертвы? Если не хуже (с большевистской точки зрения) — ведь уже упоминалось, что бывшие коммунисты ревностно служили нацизму, таких случаев было немало. И неужели все эти вершители судеб простого человека нашли бы в себе смелость открыто противостоять любому режиму ради идеалов справедливости? Нужно отметить, что как раз этого качества — гражданского мужества, смелости, столь необходимой судьям, в них-то и не было. Чтобы не оставаться голословным, приведу пример, как вели себя в условиях опасности не просто рядовые, областного масштаба аппаратчики, а самые из них образцовые, «хрустальные», отобранные по особым большевистским меркам — но неожиданно оказавшиеся в условиях опасности для их жизни. То есть в условиях, напоминавших крымские в самом начале войны.

Речь пойдёт об истории битвы под Москвой 1941 г., точнее о знаменитом Драп-марше, который имел место в то же самое время — а именно, когда из столицы СССР бесстыдно *драпала* её верхушка, представители руководящего звена

державы[1]. К юбилею этого события осенью 2011 г. было подготовлено специальное исследование, которое ниже используется. Оно демонстрирует, как встретил опасность оккупации центр мирового коммунистического движения. Оказывается, приближение немцев парализовало волю прежде всего большевистской элиты, а потом уже паника охватила простых москвичей. Впрочем, оговорюсь: в отличие от своего начальства основная масса народа не утратила известного оптимизма и перед лицом неминуемого, как тогда казалось, захвата города. Но прежде всего обратим внимание на действия городских властей.

Уже 16 октября 1941 г. в мегаполисе закрыли поликлиники, аптеки и даже метро, которое служило не только самым надёжным средством связи между далеко разбросанными районами огромного города, но и самым безопасным убежищем. Укрываться от бомб стало негде. В тот же день шедшая уже какое-то время плановая эвакуация предприятий и отдельных граждан превратилась в повальное бегство тех, кому более всего стоило опасаться нацистов, высокого и даже высшего партийного руководства. Десятиклассник Л. Ларский вспоминает о бегстве их на восток, в основном по шоссе Энтузиастов (бывший знаменитый Владимирский тракт): «В потоке машин, нёсшемся от Заставы Ильича, я видел заграничные лимузины с „кремлёвскими" сигнальными рожками: это удирало Большое Партийное начальство! По машинам я сразу определял, какое начальство драпает: самое высокое — в заграничных, пониже — в наших „эмках", более мелкое — в старых „газиках", самое мелкое — в автобусах, в машинах „скорой помощи", „Мясо", „Хлеб", „Московские котлеты", в „чёрных воронах", в грузовиках, в пожарных машинах...» (цит. по: *Млечин*, 2011. С. 11).

Но ужас был не в том, что начальство заражало своей паникой простых москвичей. Оно к тому же оставляло город фактически без какого-то руководства, отчего массы тут же отдались во власть анархии. «Облик города, оставленного властью, поражённого страхом и безнадёжностью, мгновенно изменился. Во второй половине дня начался хаос. Разбивали витрины магазинов, вскрывали двери складов. Тащили всё под лозунгом: не оставлять же добро немцам! Анархия неминуема там, где нет власти. Но, вообще говоря, в Москве власть не менялась. Сколько чиновников ни сбежало, оставалось ещё предостаточно. В городе полно было чекистов, милиции, войск. Но никто ни во что не вмешивался» (указ. соч. С. 11). Начался великий бег, который позже и назвали *Драп-маршем*. Кстати, ничего здесь удивительного не было. Бегство от любой опасности физической расправы — старая традиция коммунистических вожаков, вспомним хотя бы эпизод из Гражданской войны с А. Слуцким и помощниками, бросившими своих товарищей, оборонявших Севастополь и Ялту...

Впрочем, в Москве худшее было не просто в бегстве руководства всех мастей. И не то, что большевики в панике уничтожали «самое святое» — партбилеты: был «выявлен 1551 случай уничтожения коммунистами своих партийных

[1] Драп-марш — от призабытого ныне старинного русского слова «драпать», то есть удирать, бежать без оглядки. Любопытно, что на ещё более старом, древнерусском языке этот глагол означал «грабить» (*Фасмер*, 1964. Т. I. С. 535). Что и имело место в «обезглавленной» Москве. Так что и здесь народный гений идеально сплёл в одном слове оба процесса — бегства и попутного мародёрства.

документов. Большинство коммунистов уничтожили свои партдокументы вследствие трусости в связи с приближением фронта», — это из записки заведующего организационно-инструкторским отделом Московского горкома партии С. Наголкина (цит. по: *Млечин*, 2011. С. 12). В панике бежал ЦК ВКП(б), да ещё и оставив секретную документацию на произвол судьбы! Зам. начальника 1-го отдела НКВД старший майор госбезопасности Шадрин докладывал заместителю наркома внутренних дел В.Н. Меркулову, что «ни одного работника ЦК ВКП(б), который мог бы привести помещение в порядок и сжечь имеющуюся секретную переписку, оставлено не было... В кабинетах аппарата ЦК царил полный хаос. Многие замки столов и сами столы взломаны, разбросаны бланки и всевозможная переписка, в том числе и секретная... В кабинете товарища Жданова обнаружены пять совершенно секретных пакетов...» (цит. по: указ. соч. С. 13).

А как поступали не аппаратчики, а простые москвичи, которых бросили, точнее — кинули? Одни ходили на Калужскую заставу — бросать камни в лимузины с партийными беглецами, которых уже никто не охранял. Другие готовились к оккупации. По словам старой москвички, историка литературы Эммы Горштейн, «кругом летали, разносимые ветром, клочья рваных документов и марксистских брошюр. В женских парикмахерских не хватало места для клиенток, „дамы" выстраивали очередь на тротуарах. Немцы идут — надо причёски делать» (цит. по: указ. соч. С. 13). И это в то время, когда на ближние подступы Москвы уходили отряд за отрядом практически невооружённые москвичи-ополченцы, как правило — добровольно, как правило — на верную смерть.

Теперь та же большевистская элита, благополучно вернувшаяся на свои посты, рассылала инструкции, как поступать с крымским населением, *на самом деле* оказавшимся в оккупации. Забыв о своём недавнем позорно трусливом поведении, они разрабатывали указания, как судить тех несчастных, которые не сумели избежать нацистского кошмара. Приговоры предполагались различные, смотря по тяжести вины подозреваемых, но сама вина оставалась единообразной, людей судили *за измену*. Из дальнейшего будет видно, что осуждались по большей части простые труженики, более высокие чины наказания избежали — то ли успев уйти с отступавшими немцами, то ли вообще не сочтённые виновными ни в чём — я имею в виду действительных изменников в погонах, тех самых, что бежали из Севастополя накануне его сдачи. Они, таким образом, спаслись дважды — в 1942-м и в 1944-м, когда в Крыму был развязан настоящий судебный террор.

Первыми жертвами его стали члены бывшей низовой администрации оккупационного периода (старосты, бургомистры, члены магистратов, полицейские) и их семьи. Эта волна арестов практически не задела крымских татар: известно, что в Крыму на такие должности немцами назначались почти исключительно русские, отчасти — украинцы. Но вскоре начались аресты тех, кто при немцах работал в государственных учреждениях и на предприятиях любого профиля. И тут коренное население хлебнуло лиха наравне с остальными. Арестовывались труженики даже самых мирных профессий, такие как пекари, школьные учителя[1] или медицинский персонал. Например, некоторые крымцы работали как врачами, так и в качестве обслуживающего персонала в бывшем санатории им. Ленина,

[1] «Нормальный» срок для учителя был 10 лет лагерей (АМ ФВ. Д. 213. Л. 1).

в Алупке, где немцы устроили госпиталь (АМ ФВ. Д. 211. Л. 1), а также в татарском отделении при немецком госпитале в Симферополе, где крымских татар и татарок лечили исключительно татарские врачи и медсёстры. Поразительно, но расстреливали даже тех крымцев, что были принуждены к работе в немецких трудлагерях (АМ ФВ. Д. 194. Л. 2)[1]. Кстати, при этом опять же не принималось во внимание, что советская власть уничтожила в Крыму запасы продовольствия, а немцы давали пайки лишь тем, кто работал в новой структуре, остальные были обречены на вымирание.

Понятно, что крымским мужчинам (подросткам или старикам, неважно) нужно было как-то обеспечивать семью, оставшуюся без кормильца, ушедшего на фронт. Но была и ещё одна причина, по которой работать при новом режиме было просто *необходимо*, иначе всех работоспособных, но нигде не работающих крымчан, поставленных на учёт в немецкой комендатуре, объявляли, по сути, вне закона. Их, не считаясь с семейным положением или личным желанием, в скором времени отправляли, как рабов, в германские трудовые армии, где они точно так же были вынуждены работать на рейх. И это было ещё одной причиной, по которой мужчины соглашались на любую работу, а при отсутствии спроса на рабочую силу — шли в охранники складов, портов и т. д., то есть практически в сторожа, хотя и считались при этом «службой порядка», то есть наёмниками Вермахта (*Поляков*, 2007. С. 3). Но к этим «изменническим» профессиям приравнивались и такая совершенно мирная, как преподавательская.

Судакский учитель средней школы (позднее известный поэт) Куртсеит Амет, живший в 1980-х гг. в Воинке, рассказывал автору этих строк, что он после начала оккупации недолго колебался между опасением послевоенных репрессий и своим профессиональным долгом. И он сам, и его коллеги из судакского районного отдела народного образования организовывали обучение детей в школах района, несмотря на все тяготы пропускного режима, голод, а также жестокую нужду в тетрадях и пособиях. К тому же ещё в январе 1942 г. было запрещено преподавание по советским учебникам и даже их хранение: «Германское Управление Симферополя предлагает учащимся низших, средних и высших учебных заведений сдать в период с 20 по 31 января все имеющиеся у них учебники, учебные пособия и карты советского производства. Выполнение этого распоряжения совершенно обязательно» (ГКо. 22.01.1942). Тем не менее в Судаке, как и повсюду в Крыму, учителя, рискуя свободой, вели обучение по старым учебникам — иных просто не было.

Немцы вначале преследовали за это учителей (затушёванные чернилами портреты Сталина и других партийных вождей никого обмануть не могли, текст-то оставался прежний), потом махнули на это дело рукой. Но не так просто было отделаться от бдительного ока послевоенного НКВД — всем преподавателям

[1] Когда 6 ноября 1943 г. с целью усиления антисоветских настроений над Крымом были разбросаны листовки (немецкие, но имитировавшие советские), где советское командование якобы обещало расправиться с теми, кто работал при немцах (даже просто «стирал им бельё, принимал у себя в доме и так далее») — это было названо немецкой провокацией (Крым в ВОВ. С. 304). Оказывается, германские «провокаторы», неплохо зная большевиков, как в воду глядели...

военных лет были щедро отпущены тюремные сроки[1]. Куртсеит Амет, как и его сотрудники-учителя, получил десять лет исправительно-трудовых лагерей.

Не легче пришлось и бывшим бригадирам колхозов и совхозов, другим производственникам, не бросившим работу с приходом немцев. Их судили наряду с политическими пособниками оккупантов; чаще всего при этом выносился приговор 10 лет заключения и 5 — поражения в правах. Интересно отметить, что этих «опасных врагов Советской власти» (весь грех которых состоял в том, что возделывали поля и сады, как их деды и прадеды) разыскивали на протяжении нескольких лет по всей стране. Так, бывшего председателя колхоза Сулейманова из села Галтай (ныне Далёкое) Акмечетского района осудили по этой статье на 10 лет лишь в 1947 г., причём далеко от Крыма, оставив его восьмерых детей без кормильца (АМ ФВ. Д. 89. Л. 1).

В чём-то схожей с судьбой учителей оказалась участь виноделов. Как известно, основная часть бесценной коллекции крымских вин была эвакуирована на кораблях Черноморского флота перед самой оккупацией на Кавказ, где благополучно пережила войну. Но многие сотни тысяч коллекционных бутылок остались в подвалах Магарача и Массандры. Мастера этих всемирно известных центров виноделия, скрывая от немцев отдалённые отсеки хранилищ, наскоро замурованные, рисковали жизнью, сберегая этот золотой запас[2]. Но вот вернулись большевики, и их тут же осудили (благо, розыски не понадобились — все виноделы-мастера оставались на своих рабочих местах), дав стандартный срок в 10 лет — «за работу на немцев» (АМ ФВ. Д. 3. Л. 22). Всего, таким образом, было осуждено из крымцев 5989 чел.; особенно жестокие приговоры были вынесены тем, кого сочли шпионами, — таких оказалось ещё 998 человек. (Докладная записка Берии Сталину от 20.05.1944 г. — цит. по: *Бугай*, 1992. С. 139, 144).

Уже упоминавшемуся директору Алупкинского дворца-музея С.Г. Щеколдину, спасшему шедевр, построенный М.С. Воронцовым, от ликвидации советскими подрывниками, а при немцах — бесценные коллекции книг, картин и гравюр, тоже не поздоровилось. За то, что он оставался на своём посту во время оккупации (повторяю, всеми правдами и неправдами оберегая дворцовое достояние от немцев и румын), ему 16 ноября 1944 г. дали 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Которые он и отбыл — правда, ему повезло на досрочное освобождение: двух месяцев он не досидел (*Филимонов*, 2000. С. 101).

Насколько известно, в течение всех послевоенных лет никто не мог выступить в защиту этих невинных жертв советского режима. Не произошло этого и позже, в годы «оттепелей». Даже юристы-теоретики не пытались заронить сомнение в справедливости тех давних приговоров. Лишь в самые последние годы раздался голос в защиту людей, осуждённых за свой труд. Да и то не юриста, а историка

[1] Другое дело, что дети, посещавшие школу при немцах, долгие годы вспоминали об этом с благодарностью. И наоборот, те, кому не повезло в оккупации с обучением, не могли даже в аду северных лесоповалов забыть о попусту утраченных годах. Они и теперь с горечью вспоминают, как им приходилось идти в тот же класс, что до войны, а тяжело приходилось по одной-единственной причине: «в годы оккупации нас никто не учил» (АМ ФВ. Д. 89 «а». Л. 5).

[2] Таким образом только в Массандре удалось сберечь «1 млн л высококачественного вина» (Крым в ВОВ. С. 476).

(и по несколько иному поводу). Этот автор заметил, что нельзя обвинять целиком всю «сплочённую на профессиональной основе категорию специалистов, готовых работать при любом режиме (что отнюдь не адекватно — служить ему). Личный интерес специалиста — заниматься своим делом вне зависимости от изменений общественно-политического строя, тем более когда социальный профиль функции их профессионализма претерпевает мало изменений...» (*Журавлёв*, 1996. С. 24–25).

Началось, вернее возобновилось, и экономическое давление режима на коренное население. У полуголодных крымскотатарских крестьян стали отбирать чудом уцелевший скот и домашнюю птицу. При этом использовался термин «контрактация» — тот же, что и до войны (и во время войны — на не оккупированном в какой-то период Керченском полуострове). Эта конфискация шла по принципу «с паршивой овцы — хоть шерсти клок», так как скота у людей действительно сохранилось крайне мало: по всему овцеводческому Джанкойскому району удалось отобрать лишь 38 936 ягнят и 365 цыплят (Крым в ВОВ. С. 379). Второй насос был денежным. Под флагом подписки на III Государственный заём у крымчан только за один месяц после прихода старой власти была выкачана огромная сумма в 35 000 000 руб. — и это только «по неполным данным», то есть на деле денежная контрибуция была ещё большей (КК. 12.05.1944).

2. Советская трудовая армия

Возобновившиеся судебные и бессудные (так называемые административные) репрессии при всей их тяжести коснулись всё же сравнительно небольшой части крымцев. Внешне не столь остро трагичной, но более тяжёлой в виду грядущих событий стала кампания по формированию так называемой трудовой армии. Необходимо сразу же отметить не только незаконность таких организаций (как и вообще принудительного труда для лиц, не приговорённых к нему по решению суда). Эта практика была преступной, причём относясь к числу наиболее тяжких, военных преступлений и преступлений против человечности — по определению Нюрнбергского трибунала над главными нацистскими военными преступниками. А первым из инициаторов такого определения стал советский министр иностранных дел В.М. Молотов. В материалах Нюрнбергского процесса фигурировала нота Молотова от 11 мая 1943 г. «О массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих подневольный труд советских граждан в Германии», где её автор заявлял, обращаясь к правительствам стран — союзниц по антигитлеровской коалиции:

«Советское правительство выражает уверенность, что все заинтересованные правительства солидарны в том, что гитлеровское правительство и его агенты должны понести полную ответственность за свои чудовищные преступления, за лишения и муки мирных граждан, насильственно уводимых в немецко-фашистское рабство» (Нюрнбергский процесс, 1954. Т. I. С. 818). Теперь на «лишения и муки мирных граждан насильственно» уводил другой режим. Масштабы

советской трудовой депортации были более скромными, но это отнюдь не облегчало страданий тех тысяч крымцев, которые стали её жертвой, — это во-первых. А во-вторых, за преступное введение в практику принудительного труда у нас никто судебной кары так и не понёс, хотя оно, как и остальные виды преступлений против человечности, не имеет срока давности.

Итак, новый (вернее, хорошо забытый с 1920-х гг.) вид тоталитарной эксплуатации распространялся на мужчин и подростков от 16 до 60 лет. Они должны были работать (как правило, далеко за пределами обычного места жительства) на скудном казённом довольствии и почти бесплатно. Причём на самых тяжёлых производствах в условиях удлинённого рабочего дня и проживания в общих бараках. Вначале этих кандидатов на рабский труд пытались выманить из разрушенного и голодавшего Крыма пропагандой интересной и хорошо оплачиваемой работы в России, на восстановлении крупнейших индустриальных предприятий. Но параллельно с первых дней освобождения и подозревая, что на крымчан, умудрённых опытом различных вербовок, эта агитация не подействует, власти стали отправлять будущих трудармейцев на Север насильно, не спрашивая их согласия. Высылка шла в основном в Гурьевскую, Рыбинскую и Куйбышевскую области; всего туда было отправлено 6000 крымских татар и ещё 5000 — в распоряжение треста «Московуголь» (Телеграмма Берии Сталину от 20.05.1944 г., цит. по: *Бугай*, 1992. С. 138–139).

В ходе этой кампании стали явными некоторые настораживающие черты крымской действительности, на которые мало кто обратил внимание и суть которых раскрылась много позже: почему-то только нетатарское население было с приходом советской власти вовлечено в процесс послевоенного восстановления республики. Работа нашлась всем, в особенности мужчинам, которых в условиях ещё не кончившейся войны было относительно немного и которые весьма часто использовались в качестве руководителей низшего и среднего звена, тогда как физическую работу исполняли женщины.

С крымцами же, которых и до войны в руководителях ходило немного, поступали иначе: их стали высылать из Крыма, как мы видели, в качестве трудармейцев. Причём если немцы загоняли в свои лагеря не столько сельскую, сколько городскую молодёжь (АМ ФВ. Д. 206. Л. 1), то советская власть мела всех подряд, практически поголовно (АМ ФВ. Д. 3. Л. 35; АМ ФВ. Д. 98. Л. 7). Раньше всего это коснулось тех, кого не нужно было ни агитировать, ни выявлять среди крупных городских и сельских масс населения, а именно «партизан — крымских татар, домой [их из отрядов] не отпуская, сразу после освобождения отправили в шахты на Урал» (АМ ФВ. Д. 122. Л. 20; также АМ ФВ. Д. 121. Л. 4). Кафие Керимова из Керлеута вспоминает, что оказавшись в трудармии, с удивлением обнаружила там, на тяжёлых работах, соотечественников-горожан с высшим образованием. Причём профессий, которые были остро необходимы для организации нормальной жизни в послевоенном Крыму. Это были крымскотатарские учителя, врачи, демобилизованные офицеры и т. д. (АМ ФВ. Д. 283. Л. 1).

Не воевавшие же подростки и взрослые мужчины вначале должны были пройти медкомиссию в районных военкоматах. Понятно, что эти комиссии, созданные явно для проформы, особо придирчивыми не были и быть не могли. Так, во всём многолюдном Дегерменкое не оказалось *ни одного* комиссованного,

Крымская девушка на Урале.
Из собрания издательства «Тезис»

забрали всех мужчин определённого возраста, «никого из трудоспособных не оставили» (АМ ФВ. Д. 6. Л. 10); в Бахчисарайском районе, вспоминают местные жители, «наших всех взяли, до 1926 года рождения, чуть-чуть оставили деревню восстанавливать» (АМ ФВ. Д. 206. Л. 1).

Трудно, конечно, предположить, что после голодных оккупационных лет все эти вчерашние крестьяне обладали хотя бы средним здоровьем, необходимым для ожидавшего их тяжкого труда в чуждых природных и бытовых условиях. Впрочем, есть свидетельства тому, что из крымскотатарских сёл забирали не только людей с ослабленным здоровьем, но и явных инвалидов; «в трудармию брали неполноценных мужчин, женщин и стариков» (АМ ФВ. Д. 192. Д. 2). Из Кизил-Таша забирали контуженных на фронте (Къасевет. 1992. № 22. С. 16); Юсуф Абибуллаев из Акбаша Акмечетского района, ещё до войны снятый по состоянию здоровья с воинского учёта, также был забран на тяжёлые работы в трудармии (АМ ФВ. Д. 132. Л. 23).

А разве больше годились для столь тяжкого испытания худенькие, недокормленные крымскотатарские подростки, фактически дети, которые, в отличие от своих русских сверстников, были вырваны безо всякой вины из школьной жизни и брошены в нечеловеческие условия трудлагерей Севера (АМ ФВ. Д. 125. Л. 3)? Есть свидетельства, что даже за 2 дня, оставшихся до депортации, вербовщики выхватывали из семей мальчишек и моложе 16 лет (АМ ФВ. Д. 92. Л. 3).

«Нормальная» же вербовка шла таким образом, как её вспоминает один из прошедших все испытания трудлагерем, Асан Османов из деревни Ак-Кая Карасубазарского района. В середине апреля 1944 г. вся молодёжь деревни получила повестки в райвоенкомат на 22 апреля. «Нас там построили, крымских татар отделили от других наций, затем 3-го мая 1944 г. нас, крымских татар, первым

эшелоном отправили в путь. И 14 мая мы прибыли в Рыбинск, где находились лагеря заключённых, которые позже были взяты на фронт. Нам предстоял труд заключённого без срока... Там находилось нас, татар, около 1500–2000 человек» (АМ ФВ. Д. 108. Л. 2). Весьма похожую картину рисует Сеттар Абдувелиев: «Меня в 17 лет забрали 24 апреля 1944 г. в трудармию, через военкомат Карасубазарский, там было просто: татары направо, евреи — туда, русские — туда, потом в эшелон и — в Куйбышев, там в лагерь зэков (то есть стационарный, очевидно, гулаговский. — *В.В.*), строили крекерный завод (АМ ФВ. Д. 210. Л. 1).

Ещё один такой же эшелон, целиком загруженный крымскими татарами, был отправлен в Казахстан в лагеря близ г. Гурьева. Там, как и в Рыбинске, существовала зона, из которой запрещался выход, то есть условия были аналогичные исправительно-трудовым лагерям (АМ ФВ. Д. 7. Л. 6). Одинаковая с зэком ждала трудармейца и кара за побег. Когда в зону пришло известие о депортации и всех ужасах, с нею связанных, и крымские татары начали бежать из трудармии, чтобы как-то помочь обречённым своим семьям, заброшенным в Узбекистан без кормильцев, то их стали судить военным трибуналом и давать стандартные приговоры: 10 лет тюрьмы с поражением в правах (АМ ФВ. Д. 7. Л. 7).

А в некоторых лагерях крымскотатарских трудармейцев вообще содержали в действующей зоне исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). Так было, например, в Куйбышевской области, где банды заключённых безнаказанно издевались над ослабленными тяжкой работой и полуголодным существованием крымчанами (Къырым. 17.05.1995. С. 1).

Условия труда и быта в трудовых лагерях были также аналогичны ГУЛаговским: каторжная работа «оплачивалась» 500 граммами хлеба и чашкой баланды в день. В условиях совершенно иного, чем в Крыму, климата, антисанитарии, барачных сквозняков, рванья вместо одежды смертность среди трудармейцев стала угрожающе высокой уже в первые месяцы на новом месте (АМ ФВ. Д. 108. Л. 3). Даже самая элементарная техника безопасности отсутствовала, в том числе и на лесоповале. Это могло как-то компенсироваться старым опытом в среде лагерников, пригнанных из местностей со схожими природными условиями, привычных к работе в лесу и т. д., а среди крымчан не было практически никого, кто бы раньше занимался этим опасным, требовавшим специальной квалификации трудом. Только по этой причине в Куйбышевских лагерях погибло до ⅓ крымчан (Къырым. 17.05.1995. С. 1).

Выше упоминалось, что крымские власти, комплектовавшие эшелоны в северные трудлагеря, совершенно не интересовались семейным положением своих жертв. Поэтому, если мобилизация 1941 года лишила крымскотатарские семьи основной их опоры, то есть мужчин самого работоспособного возраста, а оккупация в корне подорвала материальные основы семейного существования, то трудовая «вербовка» дочиста подмела остатки мужчин и подростков, на которых хоть как-то держались большие, как правило, многодетные крымскотатарские семьи. Многие после этого оказались буквально в безвыходном положении (АМ ФВ. Д. 124. Л. 26). Поэтому средняя семья встретила депортацию уже обессиленной, малоспособной к выживанию, до предела экономически и морально угнетённой и беспомощной. Именно в этом результате репрессивного вербования в трудовые лагеря накануне величайшей трагедии крымскотатарской нации — его главное, трагическое значение.

Поэтому не будет преувеличенным и общий вывод о задачах целой цепи мероприятий советской власти в первые недели её возвращения в Крым, начиная с многочисленных арестов по доносам и заканчивая массовой высылкой мужской части народа (впрочем, женщин и девушек высылали тоже). Это была логичная система мер, последовательно направленных на ослабление силы сопротивления коренного народа Крыма грядущему геноциду, на обескровление этноса с тем, чтобы он понёс в ходе уже намеченной депортации максимально крупные потери.

Организаторы этой кампании преследовали ещё одну, возможно, самую важную для них цель. В умах кремлёвских лидеров какое-то время зрела и «обкатывалась» идея депортации крымского коренного народа — об этом уже говорилось. Этой акции могли и должны были противостоять татары-мужчины. Причём некоторые (бывшие партизаны) были в состоянии защищать свои семьи вполне профессионально. Именно поэтому за считанные дни до начала депортации практически вся мужская часть народа была насильственно вывезена далеко за пределы полуострова — к тому же в апреле 6940 крымских татар было мобилизовано в Красную армию (*Бугай*, 2002. С. 84). Итого Крым лишился минимум 18 000 крымцев — лишь отправленных в трудлагеря.

Итак, первых крупных акций освободителей Крыма было две: судебная и лагерная, а обе они задели едва ли не каждую татарскую семью.

Впрочем, главное судилище над народом было ещё впереди, но к нему готовились не менее тщательно, чем к процессам по отдельным делам или к организации трудовых лагерных армий.

3. Подготовка депортации

Что такое государство без справедливости, как не шайка разбойников?

Блаженный Августин, V в.

На полуострове ещё шли последние бои, а народный комиссар НКВД/Генеральный комиссар государственной безопасности Берия и народный комиссар НКГБ/комиссар государственной безопасности первого ранга Меркулов уже подписали совершенно секретный Приказ НКВД/НКГБ № 00419/00137 от 13 апреля 1944 г. «О мероприятиях по очистке территории Крымской АССР от антисоветских элементов». В этом документе крымским энкавэдэшникам и гебистам предписывалось накрыть Крым репрессивной сетью с целью «очистить территорию Крымской АССР от агентов шпионских резидентур германских и румынских разведывательных и контрразведывательных органов, изменников Родины и предателей, активных пособников и ставленников немецко-фашистских оккупантов, участников антисоветских организаций, бандформирований и иных антисоветских элементов, оказывавших помощь оккупантам», для чего «широко практиковать привлечение местного населения». Для обеспечения этой крупномасштабной акции перед её началом в Крым перебрасывалось 3000 сотрудников НКВД, 2000 — НКГБ и 20 000 человек из внутренних частей НКВД.

Были назначены и непосредственные руководители предстоящей операции:

«Выполнение настоящего приказа возложить на зам. наркома государственной безопасности СССР т. Кобулова, зам. наркома внутренних дел СССР т. Серова, наркома внутренних дел Крымской АССР т. Сергиенко и наркома государственной безопасности Крымской АССР т. Фокина» (цит. по: *Авдет*. 16.05.1991).

При этом на территории Крыма предписывалось создать 7 оперативных секторов:

1-й оперативный сектор — Старо-Крымский с дислокацией в г. Судаке (полковник государственной безопасности Бежанов);

2-й оперативный сектор — Ялтинский с дислокацией в г. Ялте (генерал-майор Пияшев);

3-й оперативный сектор — Севастопольский с дислокацией в г. Севастополе (комиссар государственной безопасности Клепов);

4-й оперативный сектор — Симферопольский с дислокацией в г. Симферополе (генерал-лейтенант Шередега);

5-й оперативный сектор — Керченский с дислокацией в г. Керчи (подполковник государственной безопасности Шестаков);

6-й оперативный сектор — Евпаторийский с дислокацией в г. Евпатории (комиссар государственной безопасности Добрынин);

7-й оперативный сектор — Джанкойский с дислокацией в г. Джанкой (комиссар государственной безопасности Чекаев).

Менее чем через месяц, 10 мая 1944 г., то есть уже после полного освобождения Крыма, Л. Берией была подготовлена для Сталина докладная записка, в которой наркомом определялась мера наказания для крымскотатарского народа и обосновывалась необходимость его тотальной депортации: «Учитывая предательские действия крымских татар против советского народа и исходя из нежелательности дальнейшего проживания крымских татар на пограничной окраине Советского Союза, НКВД СССР вносит на Ваше рассмотрение проект решения ГКО о выселении всех татар с территории Крыма» (цит по: *Зінченко*, 1998. С. 335).

А уже 11 мая 1944 г. было составлено и подписано Постановление ГКО, ставшее официальным обоснованием депортации народа. В нём приводились как имевшие место факты, так и измышления вроде шпионско-диверсионной деятельности крымских татар в глубоком тылу Красной армии (то есть, видимо, и на материке). Приведу выдержку из обвинительной части Постановления:

«В период Великой Отечественной войны многие крымские татары изменили Родине, дезертировали из частей Красной армии, оборонявших Крым, и переходили на сторону противника, вступали в сформированные немцами добровольческие татарские воинские части, боровшиеся против Красной армии; в период оккупации Крыма немецко-фашистскими войсками, участвуя в немецких карательных отрядах, крымские татары особенно отличились своими зверскими расправами по отношению (так в тексте. — *В.В.*) к советским партизанам, а также помогали немецким оккупантам в деле организации насильственного угона советских граждан в германское рабство и массового истребления советских людей.

Крымские татары активно сотрудничали с немецкими оккупационными войсками, участвуя в организованных немецкой разведкой (?) (здесь и далее в цитате вопросительные знаки мои. — *В.В.*) так называемых „Татарских национальных комитетов" и широко использовались немцами для целей заброски в тыл Красной армии шпионов и диверсантов. „Татарские национальные комитеты", в которых главную роль играли белогвардейско-татарские эмигранты (?!), при поддержке крымских татар направляли свою деятельность на преследование и притеснение нетатарского населения Крыма (?!) и вели работу по подготовке насильственного отторжения Крыма от Советского Союза при помощи германских вооружённых сил» (цит. по: Кримські татари, 2004. С. 66–67). Отчего они, следовательно, и подлежали высылке[1].

Такова внешняя форма подготовки к депортации, воссозданная по немногим опубликованным в открытой печати документам. Однако представленная здесь информация — далеко не полная картина кремлёвского сговора, это лишь предварительная, беглая его зарисовка. И пока не будут *полностью* раскрыты заботливо оберегаемые нынешней «демократической» властью архивы НКВД–МГБ–КГБ и некоторые правительственные, до тех пор историки могут только догадываться, кому именно из кремлёвских руководителей принадлежала сама идея высылки коренных крымцев на другой континент. Мы даже не знаем в точности, когда было принято соответствующее роковое решение. Ставшее не столь давно известным письмо Берии к Сталину, датированное 10.05.1944 г., — явно вторичный документ, очевидно, затребованный вождём для нормально-бюрократического прохождения такого рода решений в структуре кремлёвского аппарата. К тому же вряд ли именно Л. Берия был автором проекта об «окончательном решении» крымской проблемы — такого рода акции, по своей политической значимости далеко выходящие за границы внутренних дел СССР, принимались лично вождём, мы не знаем ни одного исключения из этого правила.

Другое дело, *что* двигало Сталиным в эти судьбоносные для целого народа дни (недели, месяцы)? Некоторые данные об отношении властителя империи к крымцам приводились в разделе, посвящённом Вели Ибраимову. Но с тех пор до 1944 г. прошло слишком много времени, и ситуация в кремлёвских покоях наверняка изменилась. Для более или менее обоснованного ответа на поставленный вопрос материалов, как говорилось выше, нет, а из имеющихся пока можно сделать лишь предварительные выводы. Первый из них, самого общего характера, незамысловат — депортация не была вызвана случайным капризом деспота,

[1] Впоследствии были изданы некоторые акты, регламентирующие дальнейшую, уже ссыльную, жизнь народа, запрещавшие возвращение крымских татар на историческую родину и пр. Все эти постановления были отменены лишь в 1991 г. (Постановление Совета Министров СССР от 6 июня 1991 г. «Об отмене постановлений бывшего Государственного Комитета Обороны СССР и решений Правительства СССР в отношении народов, подвергшихся репрессиям и насильственному переселению»). Сделать это раньше Кремль упорно отказывался, несмотря на неоднократные обращения крымскотатарских активистов-инициативников, митинги на Красной площади и т. д. И даже перестройка вначале не могла поколебать твёрдое решение Москвы навечно оставить нацию в азиатской ссылке.

вызванным гневом или раздражением[1]. Она должна была иметь чёткую политическую цель, как практически все действия и поступки Сталина[2].

Судя по некоторым данным, имеющим отношение не столько конкретно к крымским татарам, сколько к советской национальной политике, на разработку этой цели оказали влияние стратегические, идеологические и даже чисто расистские факторы. Не столь давно был опубликован документ, где представлен весь набор этих соображений, очевидно, типичных для патриотического мышления в межвоенный период своего развития. Речь идёт о куда более старом докладе известного писателя и этнографа В. Арсеньева, сделанном в 1830-х по поводу дальневосточных корейцев. В докладе говорится, что эти советские корейцы «антропологически, этнографически, психически и по своему миросозерцанию стоят ближе к японцам, чем к нам... Нам некогда ждать, когда они изменят свои убеждения, характер и миросозерцание... [поэтому они] должны быть отодвинуты в глубь страны» (цит. по: *Вишневский*, 1998. С. 267). Через какое-то время корейцев и в самом деле депортировали в Среднюю Азию[3].

Пока соответствующего документа по черноморскому региону не обнаружено. Но его предполагаемое содержание нетрудно выстроить виртуально, в приблизительной форме: для этого в предыдущем тексте нужно заменить этноним «корейцы» на «крымские татары», а «японцы» — на «турки». А вот насчёт того, что аналогичные разработки действительно велись и по крымскотатарской проблеме, сомнений гораздо меньше. Об этом говорит вся практика подготовки подобных решений, да и дальнейшие события определённо подталкивают к такому выводу или по меньшей мере предположению.

Второй вывод — о невозможности принятия упомянутого решения всего за неделю (имеется в виду дата бериевского письма) до начала крупномасштабной акции. Ведь она потребовала, помимо всего прочего, концентрации огромного числа технических средств и всестороннего обеспечения их бесперебойной работы, чего впопыхах не сделать. Нет, конечно, это преступление было задумано и созрело задолго до весны 1944 г.

Информация о подготовке такой крупной акции, готовившейся в обычном для Кремля режиме секретности, просто не могла просочиться наружу. Но ряд акций, предпринятых далеко от Москвы, не мог не настораживать, особенно при

[1] «Имея в своём распоряжении все возможности, о которых говорит Оруэлл, Сталин, возможно из административного каприза, вымел с побережья Чёрного моря последних из его древнейших обитателей и обрёк этих людей на смерть и ассимиляцию» (*Williams*, 2001. P. 372).

[2] Здесь мы сознательно дистанцируемся от приведённой выше внешнеполитической гипотезы, согласно которой крымцы были высланы перед намеченным броском на Турцию.

[3] Вряд ли знакомый с рассуждениями В. Арсеньева, Мустафа Эдиге Кырымал считал, что «депортация всего тюркского населения из Крыма стала в реальности завершающим шагом в истреблении крымских тюрков Москвой, начавшемся в 1921–1922 гг. с искусственно спровоцированного голода и различных мер, предпринятых с этой целью в период между 1928 и 1941 гг. Настоящей причиной этого преступления, неслыханного в истории, было стремление превратить полуостров в крепость и в одну из стратегических баз, созданных в агрессивных целях Советской России» (цит. по: *Williams*, 2001. P. 375).

их сопоставлении. Одним из тревожных сигналов такого рода можно считать уже упоминавшуюся депортацию крымских татар в 1942 г. Пока она касалась только причерноморских районов, не занятых немцами, то есть находившихся в пределах досягаемости советских карательных органов (Краснодар, Туапсе, Новороссийск, Анапа, весь Таманский полуостров). Запланированная акция была осуществлена согласно Постановлению Государственного Комитета Обороны № ГОКО-1828 от 29.05.1942 г., подписанного Сталиным (*Губогло, Червонная*, 1992. Т. II. С. 41). Эта операция, коснувшаяся и служивших в Северном Причерноморье крымцев-солдат и офицеров, полностью была завершена 14 июля 1942 г. (*Афузов*, 1995. С. 323).

Но есть некоторые данные о том, что депортация была намечена ещё раньше, до окончательного оставления Красной армией Крыма. Во-первых, в мае 1941 г. большевики стали высылать в Казахстан крымских татар, проживавших в Белоруссии и Литве (информация Эдиге Кырымала; цит. по: *Бугай*, 1992. С. 132–133). Во-вторых, поздней осенью-зимой 1941 г. из частей 51-й армии, тогда дислоцированной на Керченском полуострове, было отправлено в тыл, а затем переброшено в Грузию около 2000 военнослужащих-крымцев. В течение нескольких дней в Тбилиси прибывали дополнительные, не столь крупные, но исключительно крымскотатарские контингенты, пока всех их, солдат и офицеров, не набралось около 2500 человек. Затем их эшелонами перебросили далеко на северо-запад, на самые гибельные участки фронта, где они были почти полностью истреблены.

Один из немногих выживших участников этой малопонятной операции высказывает вполне логичную и обоснованную догадку о том, что «Сталин не хотел, чтобы мы участвовали в освобождении Крыма, так как ему нужна была причина для предстоящего выселения всего крымскотатарского народа. Поэтому от нас решили избавиться, а ещё лучше — просто истребить, отправив на самый тяжёлый участок советско-германского фронта» (*Фахры*, 1991. С. 3).

4. Накануне

Что же касается Крыма, то по неясной пока причине здесь довольно рано поползли слухи о том, что после войны крымских татар вышлют с полуострова. Возможно, источником такой уверенности стали строчки из фронтовых писем, где приводились указанные выше и иные факты того же рода. Шла подобная информация и в обратном направлении, сведения о тревожных слухах в Крыму достигали фронта. И именно в действующей армии они находили бесспорное подтверждение.

Шёл третий год войны, а войсковые политруки уже тогда вели вполне чётко направленную работу с личным составом, готовя всеобщее мнение о закономерности намеченной депортации коренного народа Крыма (*Алядин*, 1993. С. 3). Да и в самом Крыму, ещё до снятия немецкой оккупации (шли бои за Севастополь) о готовящейся высылке народа знали не только энкавэдэшники, но и общевойсковое офицерство (АМ ФВ. Д. 114. Л. 2). Несколько позже жители

с. Унгут (Кировский район) услышали то же от рядовых солдат Красной армии, а в Кизилташе о том же, заглянув на огород к Рукие Чули (урожд. Базарлы), сказал какой-то солдат-тюрк. Впрочем, по неимоверности такой акции почти все решили, что это ложный слух. Рукие даже родителям об этом не сказала (АМ ФВ. Д. 109. Л. 1; Депортация, 2004. С. 103).

О том же прямо говорили русские жители смешанной русско-татарской деревни Палапан (район Семи Колодезей). Как вспоминает Мусфире Муслимова (Керимова), «очевидно, многие русские в Палапане знали о высылке крымских татар, потому что не раз говорили нам: „Скоро мы от вас всех избавимся, вас как собак выгонят". Однако мы на это не обращали внимания» (Депортация, 2004. С. 77). Некоторые — обратили. Мать четырёх детей Айше Чийгоз (дер. Корбек) «уже раньше слышала о том, что нас будут высылать и на всякий случай сшила два матраса из детских вещей и тканей, приготовила маленький чемодан с документами и какими-то ценными вещами, мешок с едой», рассказывает её дочь Алие (Депортация, 2004. С. 101–102). Но это едва ли не исключительный случай — практически никто к депортации готов не был.

Поступали и другие, правда не столь определённые сигналы. За несколько недель до начала депортации красноармейцы и офицеры из частей, размещённых по деревням, вдруг воспылали страстью к музыке и стали выпрашивать (якобы на время) у местных татар аккордеоны, баяны, скрипки, то есть самое ценное из уцелевшего после оккупации имущества, которые затем удерживали у себя под разными предлогами, явно затягивая время до какого-то события (АМ ФВ. Д. 4. Л. 3; АМ ФВ. Д. 112. Л. 3). Были и другие, но схожие случаи. В Симеизе солдат уговаривал крымскотатарскую девочку дать ему часы «на время, поносить», а когда старшая сестра запретила это, зловеще заметил: «Через пару дней вы не так запоёте!» (АМ ФВ. Д. 211. Л. 3). Конечно же, не только командование, но и младшие офицеры, и рядовые, то есть народная масса в погонах, знала о надвигавшейся беде. И *никто*, ни один человек не предупредил о ней беззащитных женщин, стариков и детей, хоть поводов для этого было достаточно[1]. А ведь такое предупреждение дало бы людям возможность заблаговременно собраться — одно это резко подняло бы уровень выживаемости в эшелонах и в первые месяцы ссылки.

Тогда же, в апреле, в Массандру прибыла некая высокая комиссия, среди членов которой местные татары узнали известного по газетным снимкам генерал-полковника Н.А. Булганина (будущий министр обороны). После возлияний на террасе конторы комбината, когда языки за столом развязались, высокий гость спросил: «А татары тут есть в Массандре?» Кто-то из свиты ответил: «Есть, мы у них в гостях». Другой «шутливо» добавил: «Скоро они сами здесь

[1] Приведём наугад одну из массы таких ситуаций. В Симеизе в дом к Гулизар Бекировой 17 мая постучались 2 солдата-переписчика. Женщина пригласила их в дом, наивно надеясь узнать хоть что-нибудь о муже-фронтовике. Она даже достала заветную бутылку вина (которую спрятала в день мобилизации мужа, надеясь открыть её в честь его возвращения). Солдаты с удовольствием выпили вино, долго беседовали с хозяйкой на различные темы (о том, что её ждёт — ни слова, ни полслова!) и, вежливо поблагодарив, удалились с тем, чтобы буквально через 5 часов ворваться в тот же дом в совсем ином, нечеловеческом облике (АМ ФВ. Д. 211. Л. 1–2).

Последний май на родине: крымцы — выпускники средней школы.
Фото из журнала „National Geographic", США

станут гостями», на что Булганин отреагировал жёстким замечанием (АМ ФВ. Д. 3. Л. 332–334).

По городам и сёлам вновь поползли слухи о выселении. Иногда они дополнялись ещё более зловещими деталями. К.А. Бекирова из Аджи-Менди (Ленинский район) вспоминает: «Недели за две до депортации мама сказала, что нас посадят в корабли и увезут в море, утопят. И потому, когда мы 18 мая собирались на поезда, то мама никакой посуды не взяла, кроме двух вёдер. Говорила: нас всё равно утопят, а если останемся живы и будет что готовить — я найду посуду» (Депортация, 2004. С. 33). Понятно, что такого рода слухи были вызваны царившей в майском Крыму тревожной атмосферой, странными поступками властей, которым трудно было найти объяснение.

Так, жители сожжённых крымскотатарских сёл, нашедшие временный приют у городских родственников, никак не могли попасть на пепелища, которые пора было восстанавливать. Их не пускали туда комендантские части. Видимо, почему-то нельзя было допустить такое рассредоточение людей по бывшим населённым пунктам. Причём именно крымцев — русским никто таких препон не ставил, и они уже начинали строить дома (АМ ФВ. Д. 143. Л. 2). Далее, для подросшей за время оккупации молодёжи были организованы пункты допризывной подготовки при военкоматах, где приходилось, среди прочего, нести дежурства по ночам. Но в середине мая по всем райвоенкоматам Крыма, где имелись допризывники-татары, были разосланы распоряжения снять их с дежурств и отправить по домам, в свои семьи (АМ ФВ. Д. 217. Л. 1).

И наконец, самое тревожное, — началась поголовная перепись. Ведь переписывали только крымских татар. Эта кампания, и в мирное время нелёгкая (ещё и сегодня пожилые люди помнят, как долго и тщательно готовили каждый район или город к первой послевоенной Всесоюзной переписи), была неосуществима силами одних лишь энкавэдэшников — их было слишком мало и тем более они были незнакомы с местными условиями и местами расселения коренных жите-

лей. Тогда на помощь чекистам пришли патриоты-крымчане — русскоязычные, естественно. Они-то знали не только Крым в целом, но и (в своих городах и посёлках) каждую щель, подсобку, сторожку, котельную, подвал, где могли найти приют погорельцы. Таких штатских пособников геноцида, прекрасно осведомлённых о цели переписи, по Крыму набралось, согласно профессиональному подсчёту, 20 000 человек (*Брошеван*, 1995. С. 47). Запомним эту цифру.

Эти люди «в вольных одеждах ходили по домам и переписывали семьи: сколько человек, какая скотина, кто на войне? Приходили 2–3 раза, проверяли, все ли дома. Мы ничего не подозревали», — рассказывают очевидцы из ялтинских пригородных сёл (АМ ФВ. Д. 6 Л. 9. Также АМ ФВ. Д. 217. Л. 1; АМ ФВ. Д. 216. Л. 2 и мн. др.). В Кизилташе и Гурзуфе велась перепись всего подворного хозяйства, очевидно в целях лучшей сохранности, и эта непростая работа была завершена уже к началу мая (АМ ФВ. Д. 20. Л. 4).

В деревнях такой переписью занимались свои, деревенские комсомольцы из русских семей, что опять же понятно. Их татарские товарищи по ВЛКСМ не должны были ничего знать. И здесь также никто из юных переписчиков так и не проговорился, — видимо, кроме комсомольской «накачки» насчёт секретности тут работало и более действенное влияние — собственной семьи прежде всего.

Готовились и солдаты, назначенные в помощь начальствующему составу НКВД. Они были разбиты на небольшие группы из 5–6 человек; к каждой такой группе было «прикреплено» по несколько конкретных крымскотатарских семей. «Они [заранее] изучали нас, составляли планы, изучали улицы, чтобы ночью не заблудиться» (АМ ФВ. Д. 9. Л. 14). Естественно, это делалось не по произволу низших командиров, а согласно приказам, разосланным по всем семи оперативным районам. Один из таких приказов (по большому селу Айсерез Судакского района) был обнаружен историком Гульнарой Бекировой в Российском государственном военном архиве (Москва) и опубликован в большой статье Рефата Чубарова, использовавшего находку Гульнары.

Айсерез перед депортацией его жителей.
Фото из коллекции издательства «Тезис»

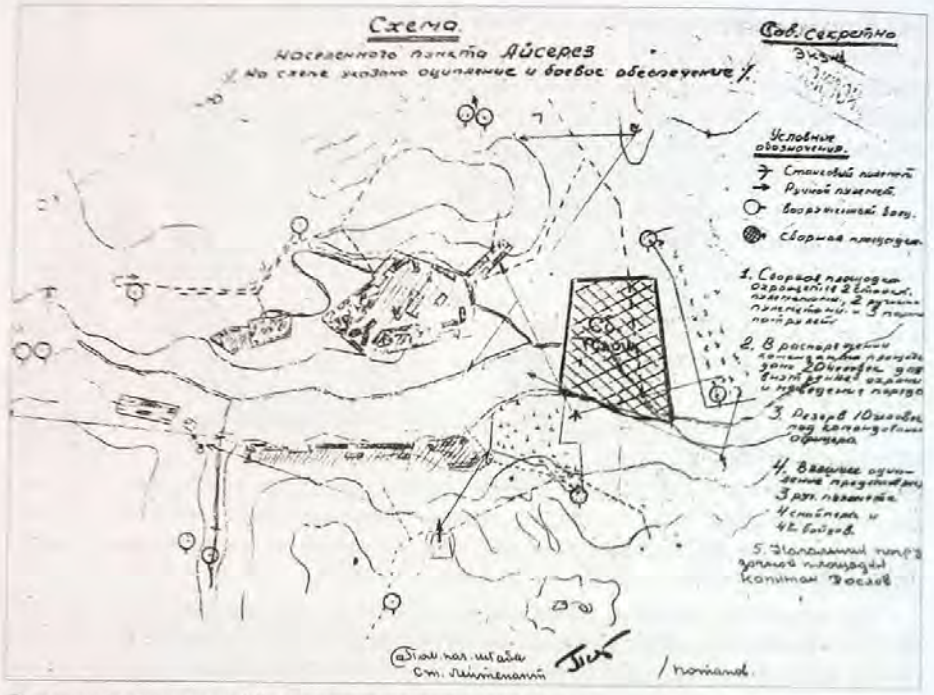


Схема оцепления села Айсерез перед началом выселения.
Из: Чубаров, 2007

Согласно этому документу, от начальников созданных накануне высылки гарнизонов (они были поставлены во все сёла) требовалось «провести скрытую предварительную работу», в том числе и составить списки, где был отражён реальный состав жителей каждого населённого пункта. При этом была определена норма «опекаемых» — по 10 семей на 1 оперативного работника с приданными ему 3–4 солдатами. Предписывалось также «провести глубокую рекогносцировку всех селений, в которых предстоит выселение» (*Чубаров*, 2007. С. 2).

Большинство, повторяем, не верило очевидному. Повсюду звучал вопрос — с какой целью ведётся перепись именно крымских татар? И столь же естественной была ложь, которую они не в первый раз слышали от властей. Им отвечали, что учёт ведётся с целью обеспечения населения стройматериалами для восстановления разрушенных жилищ (АМ ФВ. Д. 121. Л. 2), устройства на работу (АМ ФВ. Д. 211. Л. 1). Чему хочется верить — веришь: «А мы радуемся, дети же, глупые ещё, увидели своих и радуемся, в голове-то нет того, что́ нас через месяц ждёт! После такой страшной жизни мы все были пьяные, как после трёхдневной свадьбы» (АМ ФВ. Д. 9. Л. 13–14).

В начале мая была проведена вторая, контрольная перепись, уточнявшая данные первой. А 10 мая жителей многих предгорных и горных районов, главным образом крымскотатарских женщин и подростков, погнали на ремонт дорог. При этом было дано разъяснение, что ремонт необходим для бесперебойного подвоза обещанных стройматериалов (АМ ФВ. Д. 121. Л. 2 об.). Для какой цели готовились просёлочные дороги, стало известно слишком поздно; до такого кощунства — заставлять людей мостить дорогу в собственное небытие — предыдущие оккупанты если и додумывались, то лишь в отдельных случаях, не в столь массовом масштабе. И истощённые, полумёртвые от лишений и военных тягот, женщины, дети и старики били и били камень под жарким весенним солнцем, тянули жилы с утра до вечера на полуголодном пайке, очевидно, находя силы лишь в надежде на скорое возвращение мужчин из армии, на восстановление родных сёл, на уже близкий возврат к мирной, счастливой жизни...

Для большинства крымских татар эта неделя каторжного труда, последняя неделя перед депортацией, стала вообще последней неделей в Крыму. Им было суждено больше никогда не увидеть своей родины.

5. Утро восемнадцатого

Итак, всё было готово. Оставалось ждать подгона железнодорожных составов — раньше этого освободители просто не могли приняться за дело.

Согласно графику депортации, она должна была начаться ранним утром 18 мая. Но в России никогда не ощущалось нехватки в особо ретивых холуях, готовых на любую мерзость, если она может заслужить одобрение хозяев. В этом смысле люди в погонах — не исключение. Поэтому нас не должен удивлять тот факт, что кое-где акция началась уже *семнадцатого* мая.

Один из плакатов, изданных после окончания войны (массовый тираж)

Наверное, вот так же, улыбками встречала
эта большая степная семья солдат и офицеров-карателей в мае 1944 г.
Фото из коллекции издательства «Тезис»

В этот день, ближе к заходу солнца, нетерпеливые каратели ворвались в некоторые деревни, начали прочёсывать улицы городов, очевидно, чтобы управиться к утру. В Симферополе, например, такого внимания удостоились Гражданская и другие близлежащие улицы Красной Горки (АМ ФВ. Д. 88. Л. 2). Поздно вечером 17-го, ближе к полуночи, стали выгонять из домов и симеизцев (АМ ФВ. Д. 208. Л. 1). В степной части Крыма типичной в этом смысле была операция по выселению из деревни Ак-Баш (Акмечетский район).

Сюда 17 мая после обеда прибыли солдаты на пяти грузовиках. Татары по обычаю вскоре собрались вскладчину, чтобы накормить солдатиков, пожертвовав для этого последней уцелевшей скотиной: «кто мясо жарит, кто картошку, кто чебуреки... А солдаты такие довольные, за три года войны каждый из них соскучился по домашней еде», — вспоминает Сабе Усеинова (АМ ФВ. Д. 122. Л. 17). Но в 7 часов вечера сытые чекисты и красноармейцы уже рассыпались по деревне, прикладами выгоняя людей на улицу, а муж Сабе стоял с поднятыми руками (так захотелось лейтенантику, проводившему тем временем в доме настоящий обыск, якобы в поисках оружия). Потом всех согнали на сельскую площадь, погрузили в машины и до рассвета 18 мая не разрешали их покинуть. Ну а дальше всё пошло, как везде.

Как же было «везде»? Попытаемся из массы свидетельств выделить наиболее часто повторявшиеся явления, типичные факты, не пренебрегая, впрочем, отдельными необычными, но яркими событиями, если они помогут осветить общую картину народного бедствия.

Итак, прежде всего обратим внимание на то, *как* объявлялось крымцам, что они с данного момента — люди вне закона. То есть о том, что с ними теперь можно делать всё что угодно без суда и следствия, что они утрачивают право жить в своём доме, на своей земле.

Суть такого действа, при всей его чудовищности, ещё можно было бы осмыслить, если бы жертвам разъяснили нормальными человеческими словами смысл происходящего. Но в том-то и дело, что приговор произносился злобным, угрожающим тоном, в 1–2 отрывистых фразах, после чего на вопросы уже не отвечали, торопясь перейти к делу. Иногда старший группы подражал торжественной дикции Левитана, что не мешало ему целиться из пистолета в головы безоружных селян (АМ ФВ. Д. 122. Л. 17). Но такие воспоминания редки, чаще всего люди даже не удержали в памяти, кто и что им говорил: солдаты врывались в дома к спящим людям, размахивая оружием, как бандиты, расталкивали их, угрожая стрелять, и, главное — орали, вопили как сумасшедшие, пересыпая и без того малопонятные слова грязной руганью.

Кое-где их так и воспринимали: одна женщина из села Унгут, выскочив на улицу в одном белье, стала сзывать односельчан криками: «Спасите!» (АМ ФВ. Д. 109. Л. 2). Её можно понять. Солдаты под командованием чекистов вели себя по-бандитски, как звери. Зульфие Халикова рассказывает, что её маму, оставившую в колыбели новорождённого ребёнка (представьте себе, каким должен был быть психический шок, чтобы мать забыла о ребёнке!), солдаты «штыками отталкивали. Тогда она как львица начала на них нападать, они открыли дверь» (Депортация, 2004. С. 101).

Вы, читающие эти строки, представьте себе на секунду всё это безумие: что бы вы почувствовали, если бы даже сегодня (то есть в нормальной жизни, а не после многомесячной пытки-оккупации, натянувшей нервы, как струна) вас после многомесячной пытки-оккупации, натянувшей нервы, как струна) вас подняли с постели вооружённые до зубов, неизвестно откуда и почему оказавшиеся в квартире чужие люди? И эти люди, пробормотав несколько непонятных (как это было для большинства татар) слов, начинали орать: «Давай, давай!», направляя автоматы то на вас, то на ваших детей, пиная их сапогами, — какой была бы ваша реакция? Трудно ответить. Но можно услышать голос *оттуда*, из этого страшного утра. Нияр Аблялимова, дер. Тав-Даир: «Днём 17 мая мы, дети, играли во дворе... Когда меня разбудили на следующее утро, первое, что я увидела — в проёме открытой настежь двери стоял солдат с направленным на меня дулом автомата. Я ничего не поняла и даже не испугалась. Я ещё спала, наверное, но это видение у меня осталось на всю жизнь. И какие бы в дальнейшем я не перенесла душевные потрясения, они со временем блёкли, но автомат, направленный на спящую девочку, — навсегда останется в моей памяти» (Депортация, 2005. С. 20).

Вряд ли вам на месте матери этой девочки в голову пришло бы единственно правильное: нужно подавить в себе стрессовое состояние, нужно отвлечься, полностью отключиться от страха за ребёнка и по возможности сосредоточенней сообразить, какие вещи и продукты укладывать в узлы в первую очередь. Спокойно продумать, что пригодится в дороге старикам, а что — грудным младенцам и т. д. И не на день, не на два, а на неопределённый срок. Призвать на помощь все душевные силы и догадаться, что именно станет более всего необходимым для быта в пути, то есть практически в полном отрыве от твёрдой земли. Для быта в условиях голода и страшной жажды, среди грязи, вшей, всяческой заразы. Кто

мог это предвидеть, кто мог угадать ближайшее будущее, кто мог сохранить в эти роковые минуты присутствие духа[1]?

В дальнейшем были моменты и пострашней, но вот это ошеломление ночного вторжения, беспамятство ничего не соображающих, полусонных женщин и стариков позднее стоило многим из них жизни, а уцелевшим — горьких мук совести и самобичевания: как же мы могли так растеряться, как позволили себе забыть взять самое нужное, как не вырвали зубами у солдат то, и то, и то...

В Биюк-Ламбате красноармейцы ворвались в семью фронтовика (его мать, жена, семь дочерей: от дошкольниц до 19-летней девушки) и криками стали выгонять всех на улицу. Ничего не понимали взрослые, а малышки никак не могли проснуться; тогда солдаты стали будить их пинками, бить каблуками сапог — что можно было сообразить в этом кошмаре? (АМ ФВ. Д. 9. Л. 18).

В другой семье, где после гибели отца на фронте осталось шестеро детей, все оцепенели от ужаса, «когда два солдата с автоматами и так грубо... выталкивали нас из дома. Мама растерялась, на руках больной 4-летний сын (мне 6 лет, сестре 8, брату 11 лет, сестре 13 и старшей 16 лет), не знает, за что браться, хочет на дорогу продуктов взять, а солдаты не разрешают, и только: „Давай, давай!" — я это запомнила на всю жизнь» (АМ ФВ. Д. 25. Л. 1).

Были случаи, когда в этой суматохе люди отправлялись в неизвестность, «не взяв с собой книжек, свидетельств о рождении детей» (АМ ФВ. Д. 143. Л. 8). Уже в эшелонах люди спохватывались, что «ничего не взяли — ни расчёску, ни иголку, ни документы» (АМ ФВ. Д. 9. Л. 17)[2].

Хуже всего было детям, даже довольно большим, родители которых были в эту ночь в отлучке, или сиротам. Что мог подсказать им детский опыт в обстановке, когда и взрослые терялись до беспамятства? Им пришлось совсем худо: «У кого мать, отец — у них в узлы завязаны кое-какие вещи, а я голая, одно пальто на мне и в трусах» (АМ ФВ. Д. 9. Л. 18).

Как упоминалось выше, иногда красноармейцы не ограничивались криками, угрозами и площадным матом. В ход шли кулаки, сапоги и приклады. Об избиениях с нешуточными травмами рассказывают жители Эльбузена (Судакский район), Стили (Бахчисарайский район) и других сёл (АМ ФВ. Д. 121. Л. 2 об.; АМ ФВ. Д. 109. Л. 1). Причём жалости не было заметно даже у солдат и офицеров, лично знакомых крымским татарам. Так, в дер. Чагъылтай (Акмечетский район) в семье Халиля Аблялимова, состоявшей из двух женщин и 9 детей (мужчины воевали), около месяца жили солдаты — понятно, общаясь, разговаривая и т. д. Но в 3 часа ночи 18-го они, рассказывает Халиль, «разбудили нас, пиная ногами». Причём молча, ничего не объясняя: «О высылке ничего не сказали». Можно

[1] Вот самое яркое, что запомнила семилетняя девочка, жившая одна с мамой, после того, как им дали 5 минут на сборы: «Мама стала плакать, кидаться из угла в угол, вещи берёт в руки то одни, то другие, а у неё всё падает из рук, всё падает...» (АМ ФВ. Д. 110. Л. 1).

[2] Впрочем, бывало, что документы запрещали брать сами каратели — непонятно, по какой причине. Усние Османова рассказывает, что в Карасубазаре, когда выселяли ул. Фонтанную, солдаты кричали: «Выходить из дома всем без вещей и документов!» Времени на сборы не давали, «советские военные стояли у дверей и проверяли, чтоб мы ничего не брали» (ГК. 18.05.2007. С. 7).

представить, как именно это молчанье ужаснуло детей! И на этих девятерых детей и двух женщин «разрешили взять одно одеяло» (Депортация, 2005. С. 19).

Время, отпущенное на сборы, каждый старший группы (напоминаю, ими были чекисты) отмеривал по собственному разумению. О нормальной человеческой совести и речи не было, поскольку предписанные Москвой *два часа* на сборы не были отпущены никому и нигде. Кроме одного-единственного известного нам исключения. В дер. Токлук (Судакский район) матери Рефата Чайлака было позволено перед отправкой напечь полный чемодан лепёшек — как раз за 2 часа она и управилась, а солдаты тем временем ждали (АМ ФВ. Д. 115. Л. 1–2).

Этот случай интересен не только своей уникальностью, он говорит о том, что так могло быть, что так должно было быть везде, — и бóльшая часть жертв, ждавших своего «ада на колёсах», была бы спасена. Но во всех остальных случаях — а их десятки и десятки тысяч — дело обстояло совсем по-иному. Обычно отпускалось 15 минут, чуть больше получили жители Татарского Сарабуза (ныне Укромное), но благодаря не красноармейцам, а каким-то американцам-союзникам, ночевавшим в деревне. Их постеснялись, что ли (АМ ФВ. Д. 8. Л. 1). А вот меньше пятнадцати минут на сборы давалось сплошь и рядом. Так, в Стиле посадка началась уже через 10 минут (АМ ФВ. Д. 121. Л. 2 об.); в Ак-Баше — через 7 минут (АМ ФВ. Д. 122. Л. 17), всего 5–6 минут давали жителям Бахчисарая (АМ ФВ. Д. 110. Л. 1), в Биюк-Мускомье (АМ ФВ. Д. 90. Л. 2), во многих иных местах (АМ ФВ. Д. 56. Л. 1).

Наконец, были случаи, как в Красном Терчеке (Кировский район) или Янджи (Коккозский район), когда выгоняли из домов *сразу*, не дав опомниться ни на минуту (АМ ФВ. Д. 25. Л. 1; АМ ФВ. Д. 203. Л. 1).

И — снова оговорка. Всё это массовое хамство и общая ледяная жестокость карателей вряд ли были жёстко санкционированы сверху. Скорее они являлись инициативой непосредственных исполнителей. Ведь были же исключения. Случалось же и так, что в отдельных случаях солдаты даже помогали собирать и грузить вещи (АМ ФВ. Д. 132. Л. 25; АМ ФВ. Д. 115. Л. 1–2). А некий высокий чин в погонах даже разрешил татарской женщине дважды вернуться с площади сбора за забытыми вещами (АМ ФВ. Д. 122. Л. 17). Н.А. Куртумеров из Феодосии рассказывает, что солдаты советовали им брать побольше еды, «а один из солдат стал нам помогать, всё съестное сложил, вещи упаковал. Он не был похож на остальных, это я понял позже, и что он чувствовал в эти минуты — не знаю. Но в моей детской памяти он остался как добрый человек. Надеюсь, он действительно им был, потому что, зная, куда нас отправляют и кто мы теперь для остальных, пытался хоть чем-то помочь» (Депортация, 2005. С. 81).

В Кизилташе офицер, «который три недели назад ходил и записывал нас», рассказывает Рукие Чули (урожд. Базарлы), сказал: «Берите всё, что сможете, кроме мебели» (Депортация, 2004. С.103). И ничего, всё для него обошлось. Да эти офицеры с солдатами, считанные единицы на общем фоне, и не опасались наказания за человечные свои поступки. Они явно не нарушали некоего жёсткого приказа: в противном случае они делали бы это украдкой. А такое сразу бросилось бы в глаза людям, и об этом бы тоже помнили.

Сделаем небольшое отступление. Любое явление или факт плохо постижимы, если они рассматриваются изолированно, в одиночку. Поэтому для сравнения

приведём данные о совсем иной депортации — а именно населения районов Польши, «присоединённых» к СССР в 1939 г. Их ведь также высылали в Азию. Что роднит эту депортацию с крымской — так это действующие лица, те же энкавэдэшники; возможно, что некоторые из них и в Крым впоследствии успели. Разница обращения с поляками была огромной. Во-первых, там жертвы были оповещены о высылке за несколько дней до её начала, а что мешало сделать это в Крыму? Во-вторых, она проводилась совсем по-иному.

Вот пример: «Вошли два солдата, молодые, с приветливыми лицами, увидев, что нас только две женщины, улыбаясь, спросили документы. Проверив по списку фамилии, отобрали наши паспорта и заявили: „Ну, тётеньки, собирайтесь, поедете с нами". На сборы нам дали полчаса. Каждая имеет право взять с собой 100 кг багажа. „Берите побольше, — подбадривали нас добродушно солдаты, — там всё пригодится". Они, видимо, были довольны, что с нашей стороны ни слёз, ни протестов нет, им тоже невесело силой вывозить женщин и детей. Они охотно помогали нам связывать вещи, подушки, чемоданы» (*Хрептович-Бутенева*, 1984. С. 52).

Я не берусь комментировать эту разницу в обращении — вряд ли она была вызвана нежной любовью к польским «панам», как их тогда в нашей прессе называли. Скорее дело в противоположном чувстве — в совершенно оглушающей ненависти людей в погонах (и без) к крымским татарам.

Основной проблемой при депортации было материальное обеспечение всей этой массы народа во время их перевоза, а также в начальный период жизни на новом месте. Было ясно, что в местах высылки никто не приготовит даже подобия оставленного в Крыму налаженного быта, с сотнями хозяйственных и иных мелочей. Этого не стоило ожидать хотя бы по той причине, что шла война. Бедствовала вся страна, и каждая семья спасалась практически в одиночку. Таким образом, даже самые небогатые (а в первую очередь — именно они) должны были взять из дому максимальное количество одежды, предметов бытового и хозяйственного обустройства и, конечно, все продукты подчистую.

Выше говорилось, что люди не смогли этого сделать по причине краткого срока на сборы и стрессовой обстановки. Но вопрос можно поставить по-другому: а имелась ли возможность даже самым уравновешенным или заранее приготовившимся к ссылке людям взять самое необходимое в будущие дни и месяцы?

Постановление ГКО СССР «О крымских татарах» от 11.05.1944 г. № 5859 разрешало «спецпереселенцам взять с собой личные вещи, одежду, бытовой инвентарь, посуду и продовольствие в количестве до 500 кг на семью» (цит. по: Авдет. 16.05.1991). Это не слишком много, тем не менее строгое выполнение Постановления решило бы самые острые проблемы, в том числе проблему простого выживания, для десятков тысяч людей. Несколько забегая вперёд, скажем, что этот пункт не был выполнен нигде и ни разу. Но здесь возникает уже вопрос о изначальной пустоте этого пункта, о запланированном его невыполнении.

Существует логичное мнение насчёт того, что такого рода решения принимались в расчёте на пропагандистское воздействие, на оправдание акции геноцида «заботой» о всё же советских гражданах. Возможно, этим достигалась и ещё одна цель — «скрыть истинный масштаб катастрофы» (*Губогло, Червонная*, 1992. Т. 1. С. 74). Но с другой стороны, как можно говорить о таком воздействии на

массы, если Постановление несло гриф «Совершенно секретно»? Да и невыполнение этого и некоторых схожих его пунктов (то есть практически отсутствие продовольственного и иного обеспечения при депортации) можно объяснить и свободной инициативой исполнителей среднего и низшего звена[1]. А конкретных примеров такой инициативы имеется очень много.

Большинство свидетелей событий тех дней согласно показывают, что каратели не позволяли людям брать с собой продукты даже в самых скромных количествах. Понятно, что человек не в силах унести на себе разрешённые полтонны груза, но ведь отбирали и 5–10-килограммовые мешочки; бывало, что продукты вообще изымали полностью, до последнего грамма (АМ ФВ. Д. 91. Л. 2), не позволяли в огороде пару пучков чеснока выдернуть (АМ ФВ. Д. 25. Л. 1), а у семьи, не имевшей никаких запасов, кроме полумешка муки, красноармейцы отобрали и это (АМ ФВ. Д. 103. Л. 1).

Не давали взять с собой и утварь, в том числе посуду и почему-то обычное мыло (Къасевет. 1992. № 22. С. 17). В Ай-Серезе отбирали швейные машинки и ручные сепараторы («с собой строго запрещено брать любую аппаратуру!»), в Кул-Сеите «багаж» ограничили 4 (четырьмя!) кг на человека (АМ ФВ. Д. 107. Л. 2), в Тав-Бодраке вообще не позволили взять никаких личных вещей, выгнали людей из домов полуодетыми (АМ ФВ. Д. 65 «а». Л. 7). И в этом смысле некоторые солдаты вели себя необычно (правда, такие случаи редки): дерекойцам разрешили взять продуктов столько, сколько они в силах унести (АМ ФВ. Д. 112. Л. 2); в Пычках (н. Баштановка) каким-то образом была высчитана 10-дневная норма продовольствия, и её разрешили взять (АМ ФВ. Д. 87. Л. 2); не было вообще никакого ограничения на продукты в Никите и Массандре (АМ ФВ. Д. 6. Л. 10); в Ойсуле (Ленинский район) было позволено взять груза по 200 «законных» килограммов на семью, не торопили там и со временем на сборы (*Веснин*, 1990. С. 240).

Особо следует сказать о сознательных издевательствах, то есть вызванных не каким-либо «интересом дела», а то ли садистскими наклонностями, то ли, скорее всего, враждебным до ненависти отношением к нерусским, к инородцам.

Начнём с самого страшного — с бессудных или санкционированных казней мирных жителей-татар. Многие современники депортации свидетельствуют о том, что к эшелонам не были доставлены тяжелобольные (нетранспортабельные) крымские татары; их физически ликвидировали (АМ ФВ. Д. 206. Л. 2). Пока не удалось уточнить объём и подробности проведения этой акции, но о том, что она могла охватывать все крымские лечебницы, говорит и полное отсутствие санитарных вагонов в составе спецпереселенческих эшелонов. Судя по всему, ликвидировали и душевнобольных, поскольку не шадили даже людей с импульсивной психикой[2]. Имеются данные (тоже, к сожалению, без уточнённых сведений об именах или количестве жертв) о том, что всех, кто нашёл в себе

[1] Очевидно, эту важную исследовательскую проблему следует оставить до тех пор, когда будут обнаружены (если только они существовали) некие дополнительные, рабочие инструкции, которые могли кардинально менять определения Постановления.

[2] Один из таких случаев при депортации отмечен даже в литературе: «старуха, обезумев от горя, бросилась бежать в степь и была срезана пулемётной очередью» (*Веснин*, 1990. С. 241).

мужество сопротивляться депортации (а такие были!), также расстреляли (АМ ФВ. Д. 56. Л. 1).

Ожидание казни стало кое-где жестокой и массовой моральной пыткой. То, что её объявляли, а потом отменяли, не делало предсмертные муки меньшими. Каратели официально заявляли, что жители данного села будут поголовно расстреляны, если не все успеют собраться на место погрузки в указанное время. Так было в Эльбузене и Ак-Баше (АМ ФВ. Д. 94. Л. 2; АМ ФВ. Д. 122. Л. 17), в иных местах, где солдаты говорили: «ничего с собой не берите, всё равно оно вам больше не понадобится» (АМ ФВ. Д. 90. Л. 2). Назывался и повод к ожидавшемуся расстрелу: «Евреев немцы расстреливали, а вас наши расстреляют» (АМ ФВ. Д. 91. Л. 1). В это верили, не могли не верить; в Биюк-Ламбате родители говорили детям: «Ничего не берите, сейчас нас выведут вон туда, в горы, и будут расстреливать, как евреев» (АМ ФВ. Д. 9. Л. 17). Буквально те же слова говорила в Массандре мама пятнадцатилетней Хатидже Девает: «нас везут на расстрел. Немцы евреев расстреливали, а теперь вот — русские — татар» (Депортация, 2004. С. 43). Многодетная мать Шеревдже Насибе Халилова из Шелена была уверена в том же (Красное колесо, 2008. С. 237)

Весьма схожая картина наблюдалась в Алуште (*Билял-кызы*, 2000. С. 5). В симферопольской Чукурче, когда людей собрали на кладбище, с прибывшего домой на побывку красноармейца по имени Мамут-ага прилюдно сорвали погоны и боевые награды, как это делали перед расстрелом. Естественно, народ это так и понял — что всех «будут расстреливать, как евреев. Люди плачут, просят друг у друга прощения, готовятся к смерти», — вспоминает А.Б. Гафаров те страшные часы на рассвете 18-го (Депортация, 2004. С. 39). В районе Семи Колодезей (дер. Палапан) семью Мусфире Керимовой вывели из дому в нижнем белье, «только успели сверху пальто накинуть», короче, типичная ситуация расстрела в исподнем. «Мы думали, что всех нас ведут на расстрел, все плачем. В 10 метрах от нашего дома стоял пулемёт, и солдат сказал: „Если пошевелитесь — расстреляю"... Мы, дети, захотели в туалет, солдаты не разрешили...» (Депортация, 2004. С. 76).

Кизилташцы, которых везли к Ялте, терялись в догадках: «Вначале думали, что нас погрузят на баржи и утопят, а если завернут в лес, то, значит, там нас всех расстреляют» (Депортация, 2004. С. 103). Жителей Айсереза (Судакский район) согнали к кладбищу, и у них появились те же мысли: расстреляют сейчас (*Абдуллаева*, 2007).

Уверенность в скорой казни была столь твёрдой, что не оставляла людей и после погрузки на машины: «всеми владела одна мысль: нас везут на расстрел» (Къасевет. 1922. № 22. С. 17), и даже в эшелонах. На переправе через Чонгар люди прощались друг с другом, ожидая, что их вот-вот бросят в море (*Усеинов*, 1992. С. 3). Те, кого везли через Сиваш, с трепетом ждали Перекопа, за которым массовые расстрелы легче скрыть, чем в Крыму (АМ ФВ. Д. 122. Л. 17). Воспоминания Н. Баталовой из Узунлара лучше иных документов передают реальность близкой смерти: её отец вышел из дому с ведром в руке; «потом узнала, отец хотел накрыть им голову, чтобы не слышать и не видеть смерть детей» (Къырым. 17.05.1995).

Возможно, кое-кто склонен приписать этот ужас естественной мнительности высылаемых (среди которых, напомним, практически не имелось мужчин зрелого возраста), всеобщему паническому настроению, охватившему народ в то роковое утро. Мы убеждены в противном, поскольку, как упоминалось выше, убедительный повод к уверенности в скорой и неизбежной казни давали сами каратели с красными звёздами на пилотках. Тем более что расстрелами не просто угрожали, как это было, например, в Узунларе (Къырым. 17.05.95), но их и инсценировали.

Так поступили с жителями Ханышкоя (Бахчисарайский район, ныне не существует). Машины, битком набитые выселяемыми, шли на Бахчисарай. Перейдя мост через р. Альму, колонна свернула и пошла наискосок вверх по склону, к противотанковым рвам. Людей заставили сойти с машин, подогнали ко рву и выстроили на бруствере. Было установлено несколько пулемётов, в них заправили ленты, солдаты приготовились стрелять в женщин и детей, которые, опустившись на корточки, начали молиться. Это длилось не то 5, не то 10 минут (свидетельнице, самóй молившейся тогда со всеми, трудно назвать точную протяжённость этой массовой пытки). Потом раздалась команда, людей снова погрузили в машины, и колонна продолжила путь (АМ ФВ. Д. 98. Л. 6–7).

Это варварское, совершенно необъяснимое логикой нормальных людей издевательство над беспомощными крымскими татарами не было чем-то исключительным. В другом месте «людей согнали на кладбище (снова кладбище! — *В.В.*), которое со всех сторон было окружено пулемётами. Стали детей отделять от родителей и говорили, что старших расстреляем, а дети пойдут по детдомам. Так их держали [разделёнными] 3–3,5 часа. За это время отдельные матери помешались. Одна женщина, у которой было 3 детей (старшей — 11 лет), взяла верёвку и детей связала по рукам, чтобы попали в один детский дом, чтобы не разбрелись» после того, как казнят их мать (АМ ФВ. Д. 90. Л. 12).

В Севастопольском, Судакском, Балаклавском и Симферопольском районах были аналогичные случаи, когда людей привозили на кладбища, и здесь также предварительно объявлялось, что предстоящий расстрел будет лишь повторением немецких акций над евреями (АМ ФВ. Д. 91. Л. 1; АМ ФВ. Д. 197. Л. 4). В Молбате людей держали на сельском кладбище трое суток под открытым небом, не разрешая расходиться (*Абибулаева*, 1998. С. 3)[1]. Но не везде приготовления к групповой казни заканчивались таким образом, — людей и в самом деле убивали. В Капсихоре местных татар «согнали в табак-сарай, и кто-то из солдат просто так, издеваясь, решил посмотреть, как люди будут падать от автоматной очереди. Таким образом убили четверых людей»! (Къырым. 17.05.1995). Давнее это сообщение крымской прессы о дикой капсихорской расправе позднее подтвердил коренной житель этого села Х.А. Туварчиев (Депортация, 2004. С. 97). А Февзи Поска запомнил даже имена женщины и трёх мужчин из тех, кого не убили, но тяжело ранили

[1] Вообще, устраивать так называемые сборные площадки на кладбищах было практикой довольно распространённой. Как и установка пулемётов в местах сбора. На схеме, составленной карателями накануне выселения жителей Айсереза, видно, что по обе стороны села были установлены ручной и станковый пулемёты со взаимодополняющими секторами обстрела. Пространство же сборной площадки простреливалось огнем 2 станковых и 2 ручных пулемётов (цит. по: *Чубаров*, 2007. С. 1).

Два самых влиятельных аппаратчика позднесталинской эпохи: глава органов госбезопасности и внутренних дел Л.П. Берия и личный секретарь Сталина А.Н. Поскрёбышев. *Фото и гравюра из Politikens. Bd. III*

в том же сарае для сушки табака: ими были Васфие Тохтар, Усеин Кашка, Осман Яйях и Амет-Усеин Кадыр (Депортация, 2005. С. 107).

В Ускуте «один из стариков, Куртсеит Ибраим, которому шёл седьмой десяток лет, спросил: „Что вы хотите с нами сделать? Я отец четырёх сыновей, которые защищают Родину в рядах Красной Армии. Я жду своих сыновей, а вы сгоняете нас, как фашисты, и хотите уничтожить. Я никуда не пойду!“ В это время раздался выстрел, и старик рухнул на землю. Труп старика закопали в навоз» (АМ ФВ. Д. 229. Л. 7–8).

Ещё одним видом издевательств был запрет согнанным на место сбора покидать его по любой причине, между тем как ожидание транспорта часто длилось часами. Крымским татарам вообще свойственно обострённое чувство стыдливости, особенно характерно оно для людей старшего поколения. Поэтому необходимость справить естественную нужду среди бела дня, на площади родной деревни, на виду у всех односельчан, причиняла им жестокие муки. А красноармейцы, стоявшие в оцеплении, — смеялись (АМ ФВ. Д. 103. Л. 1). Запомнились и другие виды издевательств: у крымца-фронтовика Муртазы Асанова, недавно вернувшегося домой, в деревню Янджи Коккозского района, отобрали костыли и зашвырнули их подальше, чтобы он не мог их взять с собой в кузов грузовика (АМ ФВ. Д. 203. Л. 1), и так далее.

Национальную мораль крымских татар оскорбляли и иными способами. Нередко женщины во время сборов к отправке теряли сознание от одного вида издевательств над детьми и стариками. Тогда их, молодых и старых, волокли за ноги в бесстыдном азарте вдоль улиц молодые парни-солдаты, затем раскачивали, ухватив за руки и за ноги, и забрасывали, гогоча, в кузова — так было не только в Узунджи Балаклавского района (АМ ФВ. Д. 4. Л. 2). В Гурзуфе девушку-татарку солдаты избили до беспамятства только за то, что она умоляла отдать её швейную машинку (Къырым. 17.05.1995).

Над верой тоже издевались. «Христианские воины» отбирали Кораны (излишне повторять, что по собственной инициативе, в Положении об этом — ни слова), исключительно для того, чтобы на глазах стариков бросать священные книги в уборные и хохотать над слезами верующих (Къасевет // 1992. № 22. С. 16). Вы замечаете, что смеху в то утро было много? Каратели в самом деле веселились от души.

6. «А над гробом встали мародёры...» (А. Галич)

В уже упоминавшемся выше Постановлении от 11.05.1944 г. местным властям предписывалось (его вторым пунктом) принять у депортируемых «остающееся на месте имущество, здания, надворные постройки, мебель и приусадебные участки... весь продуктивный и молочный скот», а также домашнюю птицу, сельхозпродукцию, тягловый и племенной скот (Авдет. 16.05.1991). При этом в пункте пятом исполкомовцам и сельсоветчикам вменялось в обязанность выписывать крымским татарам некие «обменные квитанции» за это добро, с тем чтобы уже на местах поселения производить «выдачу спецпоселенцам муки, крупы и овощей в течение июня — августа [1944 г.]... бесплатно в расчёт за принятую у них в местах выселения сельхозпродукцию и скот»[1]. Как было видно из предыдущего текста, этот пункт был не то, что нарушен — его игнорировали, опять-таки «бесстрашно» выступив против воли подписавшего Постановление Сталина.

Возникает закономерный вопрос: а куда же делось всё это богатство, которое по совокупности вполне можно определить как национальное достояние? Ведь фактически его не только не оприходовали, как было указано, но и нарушили это указание повсеместно и нагло, в открытую. Ответ лежит на поверхности — это народное имущество было сознательно передано в грязные лапы мародёров военного времени. Цель этого феномена не вполне ясна, это могло быть сделано и для дополнительного развращения совковой массы, и для облегчения неизбежного переселения с севера, и в дальнейших видах национального отчуждения между жертвами депортации и их незваными «наследниками», а возможно, работали все перечисленные факторы в совокупности. Важно другое — сам факт этого преступления, которое эхом откликается и в наши дни и которое никто не собирается исправлять уже более полувека.

Это было мародёрство государственное. Но нога в ногу с ним шло бытовое, так сказать, всенародное и всеохватное мародёрство; это был вид массового энтузиазма, не нуждавшегося в искусственном взвинчивании. Хотя справедливости ради отметим, что окунулись в эту мерзость первыми не российские жители Крыма. Почин положили красноармейцы, выгонявшие хозяев к кузовам зелёных «студебеккеров» и лишь после этого принимавшиеся грабить татарские дома и целые кварталы. Впрочем, иногда не выдерживали (или опасались конкуренции со стороны невысланных, русских соседей) и начинали настоящий налёт до отправления машин, не стесняясь хозяев. Ферат Усеинов (Ай-Серез) рассказывает, что солдаты похитили у его отца Усеина Гаги ценные вещи ещё до того, как хозяева покинули дом (ГК 30.09.2005. С. 7). Кое-где у хозяев требовали выдачи немецких марок и какого-то золота (*Алядинова*, 2000. С. 2).

Наконец, самое поразительное: люди, не веря, что «наши, родные» солдаты могут превратиться в мародёров, простодушно и добровольно сами показывали им, где находятся тайники с ценными вещами: «А рано утром в открытое окно

[1] При этом авторы Постановления как-то «забыли» о компенсации за упомянутую в нём недвижимость, мебель, инвентарь. Что делать с бумажками о «приёме» этого имущества (ценность которого превосходила скот и прочее), в Постановлении вообще ничего не сообщалось.

слышу какой-то разговор на дворе сестры. Подхожу ближе: тётя Мерьем в странном виде. Платьев восемь разноцветных на ней надето, рядом два солдата с автоматами. Она их по закуткам двора водит. Вот тут, говорит, мы добро от немцев спрятали, и тут. Молчи, — кричу я, — глупая! Она и закрыла рот, стоит как истукан» (*Абибуллаева*, 1998. С. 3).

Они отбирали всё, вплоть до детских скрипок (Дерекой), обыскивали, заставляя поднять руки, обезумевших от горя, беспомощных людей в поисках каких-то ценностей, в том числе в сараях и шалашах дотла сожженного немцами Кучук-Озенбаша, в Буюк-Ламбате и других сёлах, это вообще было повсеместным явлением (АМ ФВ. Д. 112. Л. 2; АМ ФВ. Д. 89 «а». Л. 2; Къырым. 17.05.1995; АМ ФВ. Д. 91. Л. 2). «Наши солдаты начали выламывать двери, брать оставшиеся вещи и отправлять их посылками по почте к себе домой. Брали даже наволочки от подушек, всё вокруг было полно от пуха и перьев. Где были пчелиные улья, туда солдаты, надев противогазы, шли брать мёд. Коров, овец и коз отвязали, они стали ходить по селу[1]. Некоторых из них солдаты резали и ели. Наши земляки во время оккупации спрятали от немцев ценные вещи, закопав их в огороде или сарае и сверху посадив картофель или что другое. Немцы это не нашли. Советские же солдаты, вооружившись железными прутьями, находили эти тайники. До этой хитрости фашисты не додумались, а наши догадались. Более всего меня возмутило это. Ведь как радовался народ, что наши солдаты пришли...», — рассказывает Асан Усеинов из Узунджи Балаклавского района (АМ ФВ. Д. 4. Л. 3).

Иногда солдаты под руководством офицера-чекиста устраивали некое подобие «обыска», чтобы найти самое ценное. При этом обшаривали и дома, где оставались только женщины и дети, не представлявшие для власти никакой опасности. Впрочем, «обыск» быстро переходил в откровенный грабёж. У Мерьем Мурадасиловой из Уркусты это происходило прямо на глазах: «нас разбудили... и дали на сборы 15 минут. На мой плач и крик „За что?“, ответили: „За предательство“, хотя мой муж в это время был на войне. Мы растерялись, а они тем временем проводили обыск, рылись в чемоданах, забирали всё, что им нравилось. Были у меня деньги, их тоже забрали» (Депортация, 2004. С. 71).

Иногда военные ждали, пока выселяемые соберут все ценные вещи, а уж потом вырывали узлы из рук. Так случилось с семьёй многодетной Эсмы Асановой, рассказывал её сын Зекерья из Евпатории. Лейтенант бросил вещи обратно в комнату, явно собираясь за ними вернуться (Депортация, 2004. С. 26). И даже

[1] Особая тема — поведение домашнего скота в день оккупации. Животные чувствовали, что с их хозяевами происходит что-то неладное. В утро 18-го рёв, нёсшийся из хлевов, коровников, конюшен, иногда заглушал вопли людей, доведённых до безумия нежданной и ошеломительной расправой. Во множестве воспоминаний крымцы пишут о собаках, многие километры бежавших за машинами, в которых их хозяев везли к эшелонам. Иногда за машинами бежали что было сил козы. Потрясающие слова нашла Эмине Усеинова (ур. Аблякимова), чтобы передать всю трагедию расставания татар с животными, которые у них считались почти что членами семьи. Она пишет: «Брат развязал в сарае нашу корову и выпустил, а она кричала нам вслед» (Депортация, 2005. С. 137). Не мычала, а именно *кричала*, — так эта картина запечатлелась на всю жизнь в памяти пятилетней девочки из дер. Кутлак Судакского района.

там, где разрешали брать до 18 кг груза (с. Бахчи-Эли Карасубазарского района), офицеры приказывали оставлять в домах золото, патефоны и другие ценные вещи (*Бекаев М.М.* // Депортация, 2004. С. 29). Примерно то же было в Корбеке. Афизе Джеват (урожд. Гурт) рассказывает, что её мать Мерьем Гурт положила в карман бабушке самое ценное: «двадцать мелких золотых монет — „чечекли алтын“, три серебряные ложки». Старушка же «причитала, что нас будут расстреливать, ничего не хотела брать. Всё, что было нажито предками, осталось дома... Солдаты сами закрыли на замок двери и ключи положили в свои карманы. Шли к машинам пешком, километра два. По дороге мать дала мне ключи от комода, сказала, что узелочек с драгоценностями заперла в этом комоде... Те, что нас выселяли, остались на месте» (Депортация, 2004. С. 45–46).

В Эски-Орде (н. Лозовое) солдаты не позволили взять с собой ничего: «Зачем берёте, скоро вернётесь!» Но когда увидели, что люди выносят по полмешка зерна, то от слов перешли к делу — продукты отобрали, «ни грамма не дали взять, пинками выгнали» (АМ ФВ. Д. 192. Л. 2). В Ай-Серезе не только продукты и вещи отобрали, но «не дали туфли одеть» (АМ ФВ. Д. 193. Л. 1); то же случилось в Уркусте: у восьмилетнего Наримана Гафарова отобрали одеяло, которое ему поручила нести его мать (АМ ФВ. Д. 197. Л. 1). Последний побор производился уже на железной дороге, прямо перед посадкой в вагоны. Там военнослужащие делали ещё один обыск «начисто» и, отобрав наиболее ценные, с их точки зрения, вещи, «увозили их с собой» (АМ ФВ. Л. 94. Л. 3).

Когда солдатня, пограбив вволю, сыто отвалилась, в истории великого мародёрства наступил *второй* период, который можно назвать штатским или соседским. Его главное действующее лицо — русскоязычная диаспора Крыма. Но, как почти всегда случается, между этими историческими периодами, был переходный этап. На его протяжении красноармейцы отбирали у татар имущество «бескорыстно», с тем чтобы тут же передавать его близким им по крови русским жителям полуострова.

Вот два типичных примера. В Гурзуфе солдаты, ворвавшиеся в дом татарской женщины, «отобрали [у неё швейную] машинку и отдали русской соседке» (Къырым, 17.05.1995. С. 3). В другом месте, уже после того, как жителей согнали на площадь, «родители послали нас домой, чтобы детям что-нибудь сварить в полевых условиях. У нас дома квартировала русская женщина, беженка из Кубани, она уже заселилась в наш дом (то есть заняла хозяйские комнаты. — *В.В.*) и находящимся там же солдатам готовила из наших продуктов обед. Они нам не разрешили ничего брать и сказали: „Вам там дадут“. Кто-то [из односельчан] донёс конвоирам, что мы взяли очень много с собой, конвоиры обыскали несколько семей, в том числе и нас, и многое, что нужно было на дорогу, отобрали, и жаловаться было некому» (АМ ФВ. Д. 91. Л. 2).

Бывало, что сельские жители обращались к чекистам-офицерам с просьбами выявить у татар, пока их не увезли, тайники с добром. В селе Аскар-Маяк Салынского района «кто-то из соседнего села (скорее всего, Новониколаевки, до которой полкилометра. — *В.В.*) сказал, что у татар много закопанного зерна. Пусть, мол, укажут, где. Лейтенант подошёл к старику, его звали Зейтулла, и спрашивает: „Где закопал зерно, покажи“. Старик ответил, что не скажет. Тогда лейтенант вынул пистолет и говорит: „Застрелю“. Старик открыл грудь и без

страха: „Стреляй, всё равно не скажу". Через 1–1,5 часа нас загрузили...» (*Джемилов К.И.* // Депортация, 2004. С. 49).

Кое-где ограбление жертв стремились поставить на государственные рельсы. Так, в Корбеке накануне 18-го было созвано комсомольское собрание (крымцев-комсомольцев, понятно, не пригласили), где русскую молодёжь обязали в день депортации ходить по дворам и заколачивать окна и двери, запирать их на замки, «чтобы не разворовали» до поры до времени. Потом прибыли энкавэдешники из Алушты на нескольких машинах, собрали всё ценное, что удалось сохранить, и вывезли в Шуму. Там для сбора награбленного использовали колхозные складские помещения. Оттуда почему-то забрали и вывезли в сторону Симферополя только половину, остальное разобрали местные жители (АМ ФВ. Д. 216. Л. 2).

Итак, после карателей за дело взялись десятки тысяч русских соседей. В Стиле и Кореизе коров и иной скот выводили из крымскотатарских дворов, не дожидаясь отъезда хозяев, прямо на их глазах (АМ ФВ. Д. 121. Л. 2; Къырым. 17.05.1995). То же наблюдалось в Унгуте, причём одновременно со скотом вывозили мебель и другие вещи, — всё это видели сидящие на месте сбора коренные унгутцы (АМ ФВ. Д. 109. Л. 2). Единственная русская на всю Никиту «бабушка жила одна. Не знаю, может быть, она где-то работала. Она сразу „приобрела" наши одеяла, швейную машинку, чужую корову» (АМ ФВ. Д. 4. Л. 11–12). В Симферополе (ул. Курцовская, № 16) крымские татары «не успели ещё отъехать от собственного дома, как русский сосед, старый, глухонемой человек, перелез через забор и стал рыться в нашем дворе, даже развязанная собака не остановила его» (АМ ФВ. Д. 246. Д. 2). Представьте себе картину, читатель: в кузове машины сидят люди и смотрят, как под лай их пса старый, добрый сосед спокойно сортирует ваше трудом нажитое имущество...

В других симферопольских кварталах нетатарское население 18-го мая также не сидело, сложа руки. Люди выносили из квартир депортируемых более дорогие вещи — известно, что в городах в среднем все жили обеспеченнее, чем в крымскотатарских сёлах. В отдельных пригородных татарских дворах велись настоящие «раскопки» — вероятно, такая практика была позаимствована у красноармейцев, которые в этом были специалистами. Высылаемые смотрели на этих людей с лопатами удивлённо: «весь двор перерыли — искали что, непонятно» (АМ ФВ. Д. 88. Л. 5).

В Ханышкое маленькой девочке позволили от машин сбегать домой за забытыми вещами. Когда она вошла в двери, то увидела, что там «всё было перевёрнуто вверх дном, и уже, кроме кроватей, стола, шкафов (то есть кроме того, что нельзя было унести сразу, в руках. — *В.В.*) ничего не было, всё растащили... Во дворе сильно выла наша собака Сента, овчарка, в курятнике курей уже не было, кто-то присвоил» (АМ ФВ. Д. 98. Л. 6).

Маленький бахчисараец Сеитибрам Бекиров также успевший сбегать домой, тут же рассказал матери, что видел, «...как русские соседи выносили наши вещи» (Депортация, 2004. С. 31). Вообще, детская память удерживает такие детали, что взрослыми быстро забываются: лай собак, мяуканье кошек, мычанье коров по всему Кизилташу, «крик и горестный плач прощающихся людей. Сосед дядя Петя тащит к себе домой нашу корову, недавно отелившуюся» (Къасевет, №22. 1992. 16). Причём всё это делалось с нескрываемой радостью: у нас в Ай-Серезе, вспоминает Ребие Абдулла-Хаведже, соседи растаскивали татарское имущество с *песнями* (АМ ФВ. Д. 193. Л. 1). Запомним это явление — мы к нему ещё вернёмся.

Тогда же началось массовое переселение в лучшие из крымскотатарских сельских домов. Маломощные русские хозяева занимали справные усадьбы «крепких» крестьян-крымцев, вступая во владение хозяйством, бывшим, что называется, «на ходу» (этого «хода», как правило, хватало ненадолго, чужое добро в большинстве случаев на пользу не пошло). Как признавали и мастера большевистской пропаганды тех лет, когда прибыли первые переселенцы с Севера, то увидели, что в Крыму «деревни были опустошены и артельное добро разграблено» — понятно, кем (*Горный*, 1946. С. 150). Впрочем, не везде — были же среди соседей татар и крепкие, бережливые хозяева: Айше Пинка, вернувшаяся в родной Корбек через много лет, уже в 1970-х, рассказывает, что «в нашем доме всё сохранилось, вплоть до зеркала и той же [самой] посуды в буфете» (АМ ФВ. Д. 208. Л. 2).

В городах тогда, как и до войны, сохранял актуальность «квартирный вопрос». Его суть была в том, что многие переселившиеся в Крым в 1930-х гг., жили в самостоятельно построенных на окраинах хижинах (такие «Нахаловки», «Шанхайчики» и пр. были почти в каждом городе), в рабочих бараках, коммуналках, просто в тесноватых квартирах. Поэтому в опустевшие татарские квартиры (не только в центре) русскоязычные горожане переселялись стихийно и массово. Свидетели рассказывают, что в эти майские дни и ночи нарасхват были грузовые извозчики, «линейщики» и тачечники, обычно часами дремавшие на базарах.

Особо стоит сказать о мельком уже упоминавшихся переселенцах с Кубани и всего Краснодарского края. Они стали массово прибывать в Крым ещё в 1943 г., спасаясь от жестоких боёв в мирной, то есть оккупированной, зоне по эту сторону Керченского пролива. Кубанцы находили кров прежде всего в сёлах, где «в те тяжёлые, трудные дни почти каждый крестьянин приютил одну семью из беженцев. Татары делились не только хлебом, но и своим домом. А когда крымских татар выслали, они остались жить в татарских домах, где поныне живут» (АМ ФВ. Д. 36. Л. 2).

Всё это — и захват жилищ, и особенно откровенное мародёрство проще всего объяснить заразой стяжательства и жадности, извечно дремлющей в грешном человеке. Однако сама манера наглого грабежа прямо на глазах и без того придавленных страшной бедой коренных жителей сёл и городов (то есть демонстрация и вызывающего насилия), очевидно, была проявлением и другого, также пробудившегося в эти дни вируса, а именно вражды к «чужим», к «нерусским», что случалось и в более спокойное довоенное время. Это остро почувствовали жители степной акмечетской глубинки, когда их автоколонна проходила по евпаторийским улицам: «русскоязычные жители города, кто шёл на работу, кто — на базар. Но никто не подымал голову, не посмотрел в нашу сторону, они двигались, как живые трупы» (АМ ФВ. Д. 122. Л. 19).

Да и в родных местах соседи, как правило, даже не подходили попрощаться, храня ледяное молчание. В Шуре (Бахчисарайский район) «было 16–17 русских семей, но 18-го ни один человек (из этих семей. — *В.В.*) не вышел из дому, не спросил, может, нужно чего...» (АМ ФВ. Д. 206. Л. 2). В некоторых городах такое отношение проявлялось ещё ярче: в открытые машины, идущие

к железной дороге, в плачущих, перепуганных детей и придавленных нечеловеческим горем женщин и стариков с тротуаров летели камни; их швыряли те, кому повезло родиться в православной семье (АМ ФВ. Д. 94. Л. 5; АМ ФВ. Д. 3. Л. 40). Камни летели и в окна вагонов, куда впоследствии были погружены люди, — это запомнил Эвлия Абдураимов из д. Сарылар Ленинского района (Депортация, 2004. С. 11). А Нурие Хайрлаева (урожд. Халилова) из дер. Ортай (Исламтерекский район) упоминает и о более страшных проявлениях ненависти к жертвам депортации. В те месяцы оружие буквально валялось по полям и лесам, поэтому кое-кто взял в руки не камень, а винтовку: «Помню, где-то в пути стреляли по вагонам» (Депортация, 2004. С. 100).

И это были обычные, вполне мирные люди. Что тогда говорить о тех, кто вызвался быть хоть и добровольным, но облечённым властью помощником карателей в погонах? Встречались и такие — около 20 000 комсомольцев участвовало в «патрулях».

Представьте себе картину: окрестности Капсихора, девочка 10 лет и её мама идут по просёлочной дороге из Кара-Гёла домой. Их догоняют двое таких вооружённых штатских патрульных, парень и девушка. Девица, абсолютно не вникая в суть дела, но, видя, что перед ней — крымские татары, произносит уже готовый приговор: «К немцам бежали? Давай, прикончим их, и дело с концом!» (Къырым. 17.05.1995). Напомним, что действие разворачивается в мае, когда немцев в Крыму давно не было. Такие же добровольцы из среды диаспоры участвовали в облавах на коренное население, которые в те дни прокатились по горам и лесам полуострова. Впрочем, их добычей не стал, кажется, ни один человек — основная масса народа отправилась в небытие ссылки вполне дисциплинированно (о тех, кто остался в Крыму, — ниже).

По отношению к этим 20 000 соучастников одного из самых страшных видов преступлений — против человечности — нужно усвоить одну истину: никого из них, охотившихся на людей, как на диких зверей, Сталин не заставлял и не мог заставить ненавидеть татар столь лютой ненавистью. Не было после немцев и какой-то антитатарской пропаганды, способной «воспитать» такое чувство. Оно вышло из глубины собственного подсознания этих людей, где, очевидно, долго находилось в состоянии какого-то анабиоза. И наоборот, никто не заставлял и не мог заставить русских проявлять к жертвам геноцида простое человеческое сочувствие, когда оно было, — то шло от сердца, и проявить его было так легко и просто. Лейтенант Красной армии Ирина Пискарёва, квартировавшая у Абдурешита Джеппарова, «забросила (лично сама) два мешка пшеницы [в машину], что и спасло от голодной смерти» всю его семью (АМ ФВ. Д. 8. Л. 2) — запомним её светлое имя!

И ещё одно не вполне обычное явление, отмеченное в селениях, где русские, украинцы или греки жили среди крымскотатарского большинства. Эти люди (в отличие от своих городских соотечественников, живших более обособленно) давно сроднились с основной массой сельчан. Они свободно говорили по-татарски, тесно общались семьями — короче, это была малая модель того, старого Крыма, чудом уцелевшая с ещё доекатерининских времён вместе с другими местными традициями. В этих сёлах (возьмём в качестве примера тот же степной Ак-Баш) оставшиеся после депортации русскоязычные жители часто не выдерживали наступив-

шей внезапно страшной пустоты. Они бросали малые эти деревни и уезжали в города или другие, крупные сёла. Рассказывают, что перед этим русские «старики ходили по деревне, обнимая заборы татар, и плакали» (АМ ФВ. Д. 122. Л. 17).

С чувством искреннего удовлетворения отмечу, что и в городах, среди русских соседей крымцев, находились откровенно сочувствовавшие изгнанникам. Можно было бы назвать тех, кто, невзирая на риск получить 5 лет тюрьмы, бескорыстно принимал у себя иногда «незаконно» оказывавшихся в Крыму уже спустя годы после депортации татар. Среди них была и мать автора, Клавдия Андреевна Возгрина, чей дом на ул. Казаса, 96, неподалеку от евпаторийского вокзала, всегда был открыт для её довоенных крымскотатарских друзей. И ранее неизвестных ей, более молодых «возвращенцев» тоже.

Но гораздо больше было тех, кто помогал татарам просто найти *друг друга* после депортации.

Это делалось по переписке: «Я однажды решила написать письмо подруге Фане в Бахчисарай с просьбой, если кто-то из наших татар напишет ей, чтобы она выслала адрес... Глядя на меня, и другие взялись писать письма знакомым или соседям, оставшимся в Крыму, в надежде, что через них можно будет разыскать нынешнее местопроживание родственников. Так оно и случилось — оказывается, сия гениальная мысль посетила не только меня одну. Прошло немного времени, и стали мы получать письма из Крыма с адресами родственников... Благодаря такой переписке многие татарские семьи соединились со своими родными и близкими, хотя это было ох, как нелегко» (АМ ФВ. Д. 143. Л. 10).

Увы, добрые эти поступки тонут в океане шовинизма и ненависти, буквально затопившем полуостров и коренных его жителей. Установилась какая-то модель, которой старалась подражать вся русская диаспора. Вероятно, на тех, кто открыто отказался от мародёрства, выломался из общекрымской картины, смотрели как на людей подозрительных, как на каких-то отступников, что ли[1]. Конечно, позже деятельность НКВД была подвергнута официальной критике (оставшейся почти без последствий для ещё живущих среди нас преступников), а потом вообще все грехи стали валить на чекистов, как будто они — не часть своего народа, а некие сверхнациональные выродки. Хотя именно в «крымском случае» есть возможность назвать не только чекистов, но и народ, поддержавший их не криками на собраниях, а делом.

К сожалению, назвать поимённо этих участников преступления мы не можем. Видимо, безымянными они так и останутся. Но есть возможность перечислить чекистские части, чьими солдатами и офицерами была осуществлена первая часть кампании геноцида крымскотатарского народа:

40-й, 137-й, 290-й и 298-й стрелковые полки 4-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД и 23-й и 95-й дивизий пограничных войск НКВД общей

[1] Не эту ли вспышку ненависти к «инородцам» предвидел русский эмигрант Г.П. Федотов ещё в 1933 г., призывая великороссов к национальному покаянию: «...та ярость, та одержимость злобы, которые сегодня направлены на построение классового и безбожного Интернационала, завтра будут направлены на созидание национальной и православной России. Какой кошмар! Рука, убивающая сегодня кулаков и буржуев, завтра будет убивать евреев и инородцев. А чёрная человеческая душа останется такой же, как была, — нет, станет ещё чернее...» (*Федотов*, 1991. Т. 2. С. 48).

численностью 7000 чел. (эти полки уже находились в Крыму, продвигаясь по тылам наступавшей армии).

И кроме того, стоит назвать не чекистские, а вполне ординарные, армейские части, которые не менее активно участвовали в депортации крымских татар:

25-й стрелковый полк, переброшенный из Кутаиси;

170-й стрелковый полк, переброшенный из Нальчика;

174-й отдельный стрелковый полк с отдельной снайперской ротой, переброшенный из Еревана;

2 батальона 281-го стрелкового полка, переброшенного из Ростова;

36-й мотострелковый полк с отдельной стрелковой ротой, переброшенный из Баку;

221-й и 224-й отдельные стрелковые батальоны 25-й стрелковой бригады Украинского военного округа;

1-й, 2-й и 10-й полки 1-й мотострелковой дивизии, переброшенные в Крым из Москвы (Авдет, 16.05.1991).

Большинство этих частей, как видим, были направлены в Крым, для чего их сняли по большей части из Кавказского и Прикавказского регионов. Причём далеко не случайно. Именно они отличились в депортации карачаевцев, калмыков, ингушей, чеченцев, месхетинских турок, приобретя там необходимые опыт и безжалостность по отношению к беззащитным своим жертвам.

Все они покрыли несмываемым позором и себя, и свой народ.

Пусть же навечно останутся если не в памяти, то хоть на бумаге все эти, названные здесь по их преступным именам, полки, батальоны и роты народной Красной армии и частей НКВД!

7. Посадка в эшелоны

Посадка в спецпереселенческие эшелоны не всегда происходила чётко в сжатый срок. Из-за нехватки подвижного состава на отдалённых станциях люди должны были проводить под открытым небом, на площадях своих деревень и сёл, под неусыпным надзором конвоев сутки, а иногда и двое (АМ ФВ. Д. 3. Л. 39; АМ ФВ. Д. 112. Л. 3).

Что же касается того отрезка пути, что лежал между порогом родного дома и дверью вагона, то все свидетели согласно называют самым трагичным насильственный разрыв семей. И это свершалось далеко не случайно, что подтверждается не только частотой таких случаев. Было совершенно явным стремление карателей искусственно перемешать и перепутать «людской материал» таким образом, чтобы он оказывал своим палачам как можно меньше сопротивления, — известно, что ненарушенные, спаянные семейные ячейки гораздо устойчивей в любых испытаниях. Напротив, их осколки не способны не только на сопротивление мучителям, но и на взаимопомощь для самосохранения, выживания, которые могли существенно снизить результаты геноцида. Иных, объективных причин такой «перетасовки» не сыскать при всём старании — напротив, задача этой тактики была всем очевидна даже тогда.

Посадка в вагоны. *Снимок неизвестного фотографа*

Как считает Сервер Аметов из Дерекоя, «наше выселение было заранее тщательно подготовлено таким образом, чтобы даже соседи и родственники не попали в одно место назначения. Так, уже при посадке на грузовики и на железнодорожной станции в вагоны всех тщательно перемешивали с разными деревнями. Даже нашу родную бабушку разместили в другой вагон, сказав, что на месте встретитесь. Это уже было начало геноцида, чтобы близкие не могли оказывать друг другу помощи» (АМ ФВ. Д. 112. Л. 3). Между тем размещение в ином, даже соседнем, вагоне могло практически означать разлуку с близкими навсегда: эшелоны в пути переформировывались, а по прибытии в Среднюю Азию вагоны отцепляли от них по одному на разных станциях вдоль маршрута следования, по какому-то, для простых смертных недоступному, плану.

Итак, размалывание семей начиналось ещё в родных деревнях. Дерекойцев «погрузили в грузовики почему-то с дальними соседями (то есть из других деревень. — *В.В.*), а наших близких, родных и соседей также раскидали по другим машинам» (АМ ФВ. Д. 112. Л. 2). В Стиле подавали по три машины за раз. «Родители попадают на одну машину с вещами, дети — на другую или наоборот. Эти три машины трогаются вместе, но когда заезжают в Бахчисарай, то там стоят регулировщики с флажками и направляют две машины в город, одну — на станцию в Сюйрень. Когда машины друг от друга отходят, начинаются крики, дети зовут своих матерей, но бесполезно, потому что эшелоны в разных местах... Когда подъезжают к станции, одну машину — на один эшелон, другую — на другой, снова крики: дети попали на эшелон, родители — на ту сторону. Родители хотят присоединиться к детям, тут уже наши освободители-солдаты этих прикладом в спину возвращают в свой вагон — обратно крик и плач. Поэтому из одной деревни попали в разные края: Урал, Сибирь, Узбекистан, Казахстан... Даже был случай — полмашины грузят, вагон полный, полмашины на другой вагон эшелона, поэтому семьи на две-три части делятся. На просьбу получишь приклад» (АМ ФВ. Д. 121. Л. 3).

Повторяю, это было жёсткое правило: родителей всеми мерами старались отделить от детей, отчего впоследствии сын мог попасть в Узбекистан, а мать — в Марийскую АССР (АМ ФВ. Д. 108. Л. 7), именно по этой причине «люди долгие годы искали друг друга. Есть такие, что до сих пор неизвестно об их судьбе. Моя двоюродная сестра с Алушты была с грудным ребёнком. Муж был на войне. Её судьбу до сих пор никто не знает», — пишет Хатидже Гадол-Ресулова (АМ ФВ. Д. 6. Л. 11).

Многих симферопольцев почему-то вывезли на машинах не на городской вокзал, а в Сарабуз. Там «в степи стояли товарные вагоны, рядом цепь солдат с автоматами и овчарки... Грязно ругаясь, солдаты и офицеры стали всех загонять в вагоны. В суматохе терялись дети, солдаты хватали их и грузили в вагоны, не разбираясь, там ли их мать, — лишь бы быстро закончить погрузку» (Къасевет. 1992. № 22. С. 17). Жителей Эски-Орды гнали пешком через спящий Симферополь не на вокзал, а к платформе близ совхоза им. Дзержинского (АМ ФВ. Д. 192. Л. 2).

И ещё один штрих, дополняющий общую картину. Последний перед депортацией день был субботним. Многие сотни людей накануне выходного отправились в путь, чтобы попасть с утра на базар, навестить родных и близких в соседних сёлах или не совсем соседних городах. Поэтому они ночевали не дома. Утром их участь была решена — отправка вместе с приютившими их семьями, где их застали ворвавшиеся в дома солдаты. То есть эти люди автоматически теряли любую связь со своей семьёй — тогда ведь мобильных телефонов не было. Такое имело место в Крыму практически повсюду, этих доказательств множество, сошлюсь лишь на некоторые из них: *Аблаева*, 1989. С. 1; АМ ФВ. Д. 33. Л. 5; АМ ФВ. Д. 104. Л. 2; АМ ФВ. Д. 108. Л. 5; АМ ФВ. Д. 192. Л. 2. Та же участь постигла отправленных в командировки. Пример: Шеленское руководство направило пятнадцатилетнего Меджита Халилова в Судак сдавать зерно; схваченный в посёлке, он был отправлен в Узбекистан, а остававшаяся в Шелене семья — на Урал (Красное колесо, 2008. С. 237). Отца большого семейства, который в день депортации тушил в горах лесные пожары, могли отправить в Марийскую АССР, а его родных, оставшихся таким образом без кормильца, — в Бухару (АМ ФВ. Д. 90. Л. 7). Был случай, когда таким именно образом отец другой большой семьи оказался разлучённым с нею на протяжении 40 лет (АМ ФВ. Д. 211. Л. 3). А если дома не оказывалось матери, то эту трагедию вообще трудно себе представить: старшие братья, как правило, терялись в массе необходимых малышам в первую очередь вещей. Оставались зашитыми в матрас или иным образом спрятанные, сбережённые с великим трудом отрезы ткани и родовые мониста, а то и деньги (АМ ФВ. Д. 203. Л. 1). Но, конечно, хуже всего было, что этих детей отправляли в путь практически беспризорными. Таких обезумевших от страха детишек была масса на всех станциях, они носились по платформам и перронам, под ногами у взрослых, голодные и плачущие, ища матерей — тщетно в большинстве случаев (АМ ФВ. Д. 193. Л. 1).

Сам процесс отправления автоколонн из родных деревень по накалу драматизма поднимался на уровень античной трагедии. «Когда дали команду колонне машин: „Поехали!“, как гром грянул: рёв, крик, плач... К этому ещё присоединились мычание коров, вой собак, голоса домашней птицы... Они на своём языке прощались с нами. Наша машина шла в колонне третьей, а на повороте я насчитала 84 машины. Потом был другой поворот, и дальше я не смогла продолжать счёт (речь идёт о протяжённом Акмечетском районе. — *В.В.*). Проезжали опустошённые татарские деревни — они были чисто татарские. Там тоже нас сопровождали мычанье недоенных коров, рёв голодной скотины, вой собак» (АМ ФВ. Д. 122. Л. 19). Конечно, кто мог позаботиться о бессловесной скотине, если и людей-то обрекали на гибель? Крымскотатарские коровы, которых некому было подоить, от боли в вымени приходили в неистовство, всё крушили во дворах, страшно ревели, это возбуждение передавалось и другим домашним животным (*Абибулаева*, 1998. С. 3).

Позволим себе отвлечься на минуту от этой страшной картины, взглянув на пару десятков лет вперёд. Неизвестно, что стало с коровами, но оставшиеся без хозяев крымские кони поднялись в горы. Точно так же, но ещё раньше, мощные артиллерийские битюги, брошенные немцами при отступлении, тоже уходили на высокие пастбища. И те и другие одичали, смешались кровью, и до сих пор, говорят, ещё можно встретить их потомков где-то в районе Демирджи и на Караби-яйле[1]. Эта чисто крымская история потрясла замечательного российского поэта Андрея Вознесенского, у которого родилось стихотворение «Табуны одичания». Приведем его именно здесь — как обращение к нынешним жителям Крыма, порой забывающим о тотальной катастрофе депортации крымцев:

Столбенею на мазутном полустанке.
К Севастополю несутся табуны –
Мустанги,
одичавшие после войны.

Одичавший жеребец, чей дед контужен
ну а бабушка гнедая оккупантка,
племенных кобыл уводит из конюшен!
Ну, мустанги!..

Одичали под чаирами ничейными
и шиповниками стали розы чайные.
Одновременно с приручением
происходит рост одичания...

...

Их отстреливают охотники
ради конской колбасы воровато.
Не хватает сейчас Дон-Кихотов,
замещают их Россинанты.

[1] Самый крупный табун — около трёхсот голов — составился на Караби-яйле. В 1994–1996 гг. туда для его изучения отправлялись экспедиции исследователей из ИПЭЭ им. А.Н. Северцова. Только в этом сравнительно небольшом регионе они обнаружили 235 вполне здоровых и крепких особей (forum.zoologist.ru/.viewtopic.php?pid=189674).

Дикие кони на Караби-яйле. *Фото А. Андрущенко*

Пейте крымское шампанское —
игристое, мускатное!
Не стреляйте крымских мустангов.
Скачите, мустанги!

Современная крымская журналистка Мила Куинджи, напомнившая об этом стихотворении в дни, последовавшие за смертью Андрея Вознесенского, не исключает, что поэт напрямую связал судьбу крымских коней с трагедией их бывших хозяев (ПО. 2010. № 21).

Но продолжим наш рассказ.

Дорога до станции могла занимать не один час беспрерывного движения. Лишь крайне редко начальники таких колонн проявляли человечность, останавливали машины в пути. Так случилось, например, с дегерменкойцами по пути в Сюйрень, уже за Яйлой: «Когда проезжали мимо Кок-Козьского родника, мы попросили водителя остановить машину. Выпили по глотку воды. Находившийся среди нас седой старец попросил нас, молодых, принести клятву, что хоть через 10 лет, хоть через 50 лет мы вернёмся сюда, на Родину, чего бы это ни стоило. Мы поклялись. Лицо старика просветлело...» (Къырым. 17.05.1995). Но это, повторяю, был редчайший случай. Обычно «подгоняли бортовушки прямо к товарным вагонам, даже не дав ступить [в последний раз] ногой на родную землю» (АМ ФВ. Д. 83. Л. 3).

Сама посадка в вагоны становилась ещё одним испытанием. Она производилась, как и все остальные акции, совершенно бесчеловечно. Гульнара Абибуллаева из Тюп-Кенегеза так описывает страшную сцену на джанкойской станции: «Шум, крики, плач людей. Солдаты вталкивали людей в вагоны прикладами винтовок. В этой суматохе мама потеряла младшую дочь, которой было 4 года» (Депортация, 2004. С. 14).

Попробуйте представить себе ужас этой матери в первые часы утраты и трагедию всей её остальной жизни — в постоянных мыслях о своей девочке...

8. Ад на колёсах

Не в небе звезд хитросплетеньем
Мой гороскоп определён —
Судьбу по рельсовым аллеям
Везет столыпинский вагон.

Роллан Кадыев

Согласно пункту 2 «г» Постановления от 11.05.1944 г. эшелоны со спецпереселенцами должны были снабжаться в пути «ежедневно горячим питанием и кипятком». Кроме того, каждый состав должны были сопровождать врач и две медсестры.

Конечно, на практике ничего подобного не было. Вагоны набили сверх всяких санитарных норм, «так, что многим приходилось стоять, а потом, в пути, сидели по очереди... Наступило утро, и мы увидели, что сидим в грязи, на смешанной с конским помётом соломе» (Къасевет. 1992. № 22. С. 17). «Видимо, вагоны были после военнопленных, вши сразу как напали на нас, мы не знали, что делать, они съедали, спасу нет...» (АМ ФВ. Д. 9. Л. 21). О «гирляндах вшей», покрывших людей уже в первую ночь, рассказывает и Ферат Усеинов (ГК. 30.09.2005. С. 7).

С самого начала двери были закрыты наглухо, и люди оказались отсечёнными от окружающего мира. В 1944 г. май был жарким, а что такое жара в обычном даже, плацкартном вагоне с открытыми форточками и достаточным количеством питьевой воды, знает каждый побывавший летом в Крыму. А тогда в вагоны, рассчитанные на «40 человек или 8 лошадей», набивали, как свидетельствует Лутфие Джемалединова, до 200 человек (Депортация, 2004. С. 50).

Оттого и трудно сейчас представить себе, что же должно было твориться в битком набитых товарных вагонах с двумя только узкими окошками под самой раскалённой крышей, да ещё и без воды... Вагон, где были заперты уркустинские жители, не открывали *восемнадцать дней*, соответствующее время люди не получали воды. Как они не погибли? «Слава Богу, — вспоминает Нариман Гафаров, — в крыше были дыры от пуль и осколков, через них в дождь проникала вода, и мы её собирали» (АМ ФВ. Д. 197. Л. 1).

К середине первого же дня температура вагонного воздуха поднялась до 50 градусов. Туалетов, естественно, не было, параш — тоже. От духоты, становившейся всё плотнее, теряли сознание старики и дети. А вскоре именно от жары и спёртого воздуха стали умирать не только они, но и вполне здоровые и нестарые люди (АМ ФВ. Д. 79. Л. 5). Это убийство удушением и жаждой началось ещё в Крыму, до того, как эшелоны вышли за Перекоп. А впереди лежал весь путь, далёкий и долгий — от трёх недель до сорока дней, как ехали жители симферопольской деревни Чукурчи (АМ ФВ. Д. 124. Л. 26).

В каждом вагоне должен был назначаться староста, ответственный за порядок и справедливое распределение пищи и воды. Но последнее звучало прямым издевательством: долгое время в вагоны не давали вообще никакой пищи или питья — как упоминалось, во многих эшелонах двери впервые откатили нескоро, только через две-две с половиной недели, где-то в Саратове (АМ ФВ. Д. 3. Л. 40; АМ ФВ. Д. 87. Л. 4). Возникает понятный вопрос: а что же люди пили,

когда не было дождя? Чтобы не погибнуть от элементарной жажды, приходилось рисковать самым дорогим — жизнью своих детей. На стоянках, если там была вода[1], худеньких мальчишек осторожно просовывали в окошки и на верёвках спускали до земли (АМ ФВ. Д. 87. Л. 4). Вот они-то и спасли своих младших братьев и сестёр, а также взрослых от неминуемой гибели в первые же дни пути. Если бы не они, смертей было бы много больше. Другое дело, что эта добыча воды и сама по себе была смертельно опасна. Два мальчика из Кизилташа, не успев вскочить в тронувшийся поезд (кран далеко был), еле успели прицепиться к тамбуру, на ходу один из них сорвался, ему отрезало руку. Видя это, спрыгнул его товарищ и, разорвав на себе рубаху, пытался остановить хлещущую ручьём кровь. Они остались, совершенно беспомощные и растерявшиеся в голой степи, но на их счастье, через какое-то время проследовал санитарный поезд, и их подобрали (АМ ФВ. Д. 20. Л. 6).

Пытка жаждой, это дополнительное, но такое жестокое мученье, не была, судя по всему, кем-то предписана сверху, а являлась, скорее всего «творческой находкой» комендантов эшелонов, опять-таки «личной инициативой на местах», от которой крымские татары натерпелись и в предвоенные годы... Этот вывод закономерен оттого, что есть сведения о нескольких эшелонах, где с первого дня двери держали открытыми, — соответственно, не было проблемы с водой. И никаких наказаний для таких поездных комендантов не последовало до самого конца длинного пути (АМ ФВ. Д. 89 «а». Л. 3).

Точно так же очень многое в вагонном быте зависело от машинистов паровозов. Некоторые из них с первого до последнего дня пути необычно резко тормозили и нещадно рвали составы с места. Поэтому люди, особенно старые, падали, их хрупкие кости не выдерживали, да и дети находились в состоянии постоянного испуга или нервного стресса. Но было заметно, что эти страдания крымских татар доставляют путейцам живое удовольствие (АМ ФВ. Д. 110. Л. 2). Это — ещё один пример единства сталинского НКВД и простых людей из народа. Откровенно издевались над крымцами и сопровождавшие эшелоны солдаты охраны. Ленура Кадырова пишет, что её отец стал просить солдат дать ей хоть глоток воды — девочка умирала от жажды. «Вдруг с крыши вагона полилась водичка, взрослые посмотрели и поняли, что это была моча: солдаты с крыши мочились прямо на наши головы...» (Депортация, 2005. С. 72)[2].

[1] На крупных станциях или вокзалах, где имелась чистая питьевая вода и кипяток, эшелоны, как правило, не останавливали. Очевидно, для того, чтобы не было контактов крымских ссыльных с населением великой страны, составы для стоянки старались загнать на какие-то разъезды, запасные пути, полустанки и пр., где чистую воду было достать не так просто (АМ ФВ. Д. 211. Л. 2).

[2] Характерная черта крымскотатарской этнопсихологии — в соответствии с учением Корана жертвы депортации были *милостивы* к своим, по сути, палачам. Люди пытались найти объяснение их диким поступкам, чтобы *простить* их: «Всю дорогу нас сопровождали вооружённые солдаты, которые издевались, как хотели. Ведь им внушили, что мы не люди, а звери, фашисты, предатели» (Депортация, 2005. С. 143). Алие Халилова из Севастополя, которой принадлежат эти слова, конечно, не могла знать, что эти солдаты внутренних войск уже прошли школу выселения чеченцев, где заживо сжигали таких же стариков, женщин и детей, которых из Крыма «всего лишь» выселяли. Дело было не в каком-то внушении (хотя и оно имело место), а в том, что эти преступники в советской форме, развращённые безнаказанностью, уже не могли не издеваться над слабыми, не мародёрствовать и т. д.

Один из поездных конвоиров-охранников, старший лейтенант Пётр Уваров позднее вспоминал, как он и его товарищи отбирали у депортированных крымцев деньги и ценности, уцелевшие после посадки в вагоны. Иногда, после того, как людей кормили солёной камсой и селёдкой, им и воду советские солдаты продавали за деньги. Причём об этих и иных издевательствах над беззащитными людьми П. Уваров вспоминал с удовольствием, считая, что Сталин поступил с татарами правильно, и действия его вполне одобрял (*Позняк З., Шмыгалёв Я.* Куропаты — дорога смерти // Советская Эстония (газета, Таллин). 09.08.1988).

Точное количество смертей крымских спецпереселенцев в дороге пока не установлено, так что придётся ограничиться данными о средней повагонной смертности, хотя и они могут быть весьма приблизительными, усреднёнными. Есть несколько участников этого пути, вспоминающие, что в их вагоне не было ни одной смерти вообще, тогда как из соседних теплушек выносили на стоянках по 10–15 умерших (АМ ФВ. Д. 84. Л. 7).

Итак, основная причина смертей в пути — духота, голод и жажда. Вторая причина — самые разные болезни, которые среди ослабленных в период оккупации людей распространялись особенно быстро. Конечно, этому способствовали и жестокий голод в вагонах, и нехватка воды как для питья, так и для поддержания какого-то подобия обычной чистоты. Последняя проблема также причиняла немало мук крымцам, известным своим уникальным пристрастием к чистоте жилища и тела. Чистоту удавалось по мере возможностей поддерживать и в тех нечеловеческих условиях. Для отправления естественных нужд подростки с великим трудом прорезали карманными ножиками толстые доски пола; а с неимоверными ухищрениями добытая драгоценная вода нередко использовалась прежде всего для умывания, лишь после этого люди скупо орошали оставшимися каплями пересохшие рты (АМ ФВ. Д. 89. Л. 1).

Пищи, взятой из дому, не хватало, многие её с самого начала не имели по уже указанным причинам. Предписанного московскими властями «горячего питания» вообще никто не видел, в большинстве составов какой-то странный суп дали только через две недели пути, это было первое и последнее казённое обеспечение питанием. Да и оно состояло из «двух половников супа на 5 человек» (АМ ФВ. Д. 87. Л. 4; АМ ФВ. Д. 94. Л. 3), ещё хорошо, что не в ведре из-под солярки, оно было поставлено в вагон к корбеклинским (АМ ФВ. Д. 208. Л. 2).

Был случай, когда этого горячего обеда пришлось ждать до Кзыл-Орды, на подъездах к Узбекистану: на весь вагон впервые выдали одно ведро баланды с разваренной рыбой (АМ ФВ. Д. 6. Л. 13). О том, куда делись деньги на питание, отпущенные Наркомторгу СССР, нужно спросить у ловких снабженцев; наверняка не остался внакладе и нарком, товарищ Любимов...

Впрочем, были и «счастливые составы», где людей за всё время покормили 3–4 раза, то есть почти раз в неделю (АМ ФВ. Д. 121. Л. 3)! Наконец, есть свидетельство о том, что уже после пятого дня пути «на станциях стали выдавать горячую пищу для едущих, доставляли воду» (АМ ФВ. Д. 143. Л. 4). Но этот факт из

всего собранного материала *единственный*. Скорее всего, он был единственным и вообще, во всей истории последнего изгнания народа.

Неудивительно, что отчаявшиеся люди, видевшие голодную смерть уже рядом, бежали из эшелонов. Бежали без денег, документов и почти без всякой надежды выжить в жестоком мире холодной России. Как говорит одна из спутниц таких несчастных: «две девушки, Хадича из Евпатории и Факие из Алушты, на какой-то станции сбежали — они уехали с нами вообще без ничего, голодные...» (АМ ФВ. Д. 88. Л. 3).

Наконец, еще одна причина смертей в пути трудно поддается точному определению через столь долгий срок. Наверное, самый общий диагноз звучал бы как «предельное стрессовое напряжение», вполне закономерно сковавшее людей, переживших оккупацию, невообразимый ужас отрыва от родных мест, тотальное ограбление, инсценировки расстрелов, насильственный разрыв семей, вероятность скорой и неизбежной смерти от голода самых близких на свете и дорогих — невинных детишек. И люди, не выдерживая такого психического напряжения, умирали. Этот медицинский феномен, пока ускользнувший от исследовательского внимания врачей-профессионалов, определила в своих талантливых записках Нурие Биязова как смерть «от душевного потрясения» (АМ ФВ. Д. 143. Л. 3), — вот он, точный, глубокий и лаконичный диагноз[1]!

После смерти очередного отмучившегося страдальца возникала проблема его последнего пути. Труп в лучшем случае удавалось оставить на каком-либо полустанке, положив горсть земли на закрывшиеся глаза (АМ ФВ. Д. 122. Л. 20–21). Но известны и худшие исходы, это когда двери вагона не открывали неделю за неделей. Тогда приходилось выталкивать трупы сквозь упомянутые окошки под крышей — можно себе представить, что ощущали при этом близкие покойного (АМ ФВ. Д. 56. Л. 1). Тело Куртвели Хамахара из Корбека лежало в жарком вагоне 4 дня; когда его оставляли на каком-то полустанке, страшно кричала старуха-мать. Под эти крики тут же рожала Хатидже Куртсеитова (АМ ФВ. Д. 208. Л. 2). Некоторым затем довелось испытать ещё один вариант подобных «похорон»: если депортация продолжалась водным путём (например, по реке Ветлуге в Марийской АССР), то покойников заставляли бросать прямо в воду, на съедение рыбам (АМ ФВ. Д. 183. Л. 1).

Жертвы «ада на колёсах» неоднократно свидетельствуют о фактах преступной «медицинской» практики во время переезда — насильственный вынос тяжелобольных людей из вагонов на верную смерть. «Умерших и людей при смерти забирали солдаты в белых халатах (очевидно, армейские санитары. — *В.В.*). Я видел, как ещё живого человека они скинули с носилок за штабелями шпал, говоря: „если там не умер, пусть сдыхает здесь“», — вспоминает Х.А. Туварчиев из Капсихора (Депортация, 2004. С. 98). Его земляк, тоже житель Капсихора, А.М. Фахри видел *это* неоднократно: «трупы сбрасывали на обочину железной дороги, туда же отправляли и ещё живых тяжелобольных людей. За более 20 дней пути битком набитые вагоны заметно поредели» (Депортация, 2004. С. 99).

[1] Позднее о том же писала Рукие Мамут Чули. В Кизилташе, по её словам, ещё только когда жителей этого села «...погнали от села на виноградники, тут же одна женщина умерла от стресса» (Депортация, 2004. С. 103).

Приготовление пищи на путях. *Фото неизвестного автора*

Впрочем, в вагонах не только умирали, там ещё, как упоминалось выше, и дети рождались. С момента появления нового человека на свет возникало сразу несколько проблем, как правило неразрешимых: не было молока у голодавших матерей, не было, конечно, искусственного питания, не было ни воды, ни огня, ни пелёнок. Кстати, вот ещё одна малоизвестная реалия быта на колёсах: товарные вагоны не имеют подножек; для того, чтобы добыть воды и какую-то пищу, на стоянках приходилось прыгать с высоты всем, в том числе и беременным женщинам, а потом карабкаться наверх.

Это резкие толчки и необычные напряжения почти неизбежно приводили к выкидышам: «С нашей деревни молодая женщина была беременна первым ребёнком, мужа после освобождения забрали в трудовую армию... ей каждый раз приходилось из вагона прыгать и за считанные минуты лезть обратно. Она скинула ребёночка. Крошечное тельце ребёнка оставили на перроне; отец этой женщины, как мог, голыми руками откопал ямочку — похоронил, называется» (АМ ФВ. Д. 122. Л. 21).

Почти аналогичен случай женщины из Ай-Сереза: она должна была достать воды больному брату; пришлось проползти под несколькими составами. Эшелон тем временем тронулся, её еле успели втащить в последний вагон — после этого она скончалась при родах; понятно, что был обречён и ребёнок. Тела малыша и его мамы спутники выбросили где-то в Казахстане (АМ ФВ. Д. 193. Л. 1).

Спускаться на остановках было необходимо ещё и потому, что это была единственная возможность приготовить горячую пищу для детей, у которых от сырой мучной болтушки пухли животы, и они не могли спать от боли. Сама готовка пищи тоже была нешуточной проблемой: «В первое время мы в основном кормились сами, кто что взял. Например, остановится состав — кто бежит за дровами, кто разжигает очаг, кто несёт воду и ставит кастрюлю или чайник. Надо было за время остановки сварить суп. Были случаи, когда поезд трогался, а обед был не готов, его уже доваривали на следующей остановке» (АМ ФВ. Д. 112. Л. 2).

Нередко во время таких стоянок отставали или терялись люди. В основном — дети, но такая беда могла случиться и со стариками, которых в эшелонах было немало. 73-летняя бабушка Мидата Юнусова «на остановке пошла по нужде (старые люди были стеснительны), состав тронулся, она отстала, и не знаем, где и как мучилась и где похоронена, похоронена ли вообще» (АМ ФВ. Д. 90. Л. 11). Другая безымянная старушка тоже «при остановке поезда пошла по нужде под вагон, и её раздавило» (АМ ФВ. Д. 112. Л. 3), и третью постигла та же судьба (АМ ФВ. Д. 193. Л. 1). А имя четвёртой (Джумазе Перия из Гурзуфа) сохранила её внучка, Зера Перия (Депортация, 2004. С. 90). Также немолодую Азизе Абдурефиеву из Отаркоя Куйбышевского района поезд «перерезал пополам» (Депортация, 2005. С. 56).

Мать восьмерых детей по фамилии Маштакова (дер. Кутлак Судакского района) «...залезла под вагон, и в это время поезд тронулся, она кинулась под колёса, успела выбросить туловище, а ноги остались под колёсами. Дети смотрели в окно в ожидании матери и видели, как их мать, пока ещё живая, осталась лежать на земле» (Депортация, 2005. С. 146)[1]. Сколько их было, этих вечных тружениц, заплативших жизнью за попытку избежать невыносимого для них унижения на старости лет...

Случались на протяжении долгого пути не только потери, но и неожиданные встречи. Например, на соседнем пути останавливался санитарный поезд, в котором были раненые крымскотатарское бойцы. Легко себе представить, какие чувства их охватывали, когда они, едва выйдя из боёв, едва простившись с павшими земляками, видели, что их народ выброшен из дому, а тыловики-конвоиры на их глазах издеваются над беззащитными матерями и сёстрами героев. Раненые, ослабленные бойцы были, конечно, не в силах этому воспрепятствовать. Единственное, что они могли сделать — попытаться отыскать своих близких в этой грязной, оборванной, завшивевшей толпе. Таких встреч по понятной причине опасались коменданты эшелонов: «нам к [санитарным] поездам не разрешали подходить, вообще не разрешали разговаривать с ранеными солдатами» (АМ ФВ. Д. 122. Л. 20–21).

И тем не менее в людской памяти остался один такой, почти невероятный случай встречи сына с матерью. Они были из Албата, Хатидже-ханум и её сын, а встретиться довелось им в Саратове. Он направлялся после лечения на фронт, она — на спецпоселение. «Огълун, — спросила мать сына-майора, — какая нас ждёт судьба?» — «Не волнуйся, — ответил сын, — вернёмся с победой, всё поставим на свои места, добьёмся справедливости!» Мать этого не дождалась, умерла через 3 месяца (АМ ФВ. Д. 207. Л. 3–4). А о том, как крымскотатарские офицеры «добивались справедливости» и чем это для них в Крыму кончилось, расскажу чуть позже.

Многие коменданты эшелонов категорически не разрешали готовить на остановках пищу — это была, в их глазах, вредная самодеятельность, не предусмотренная инструкцией. Поэтому солдатам давался приказ затаптывать костры и переворачивать котелки. При этом находились такого юмористического склада конвоиры, что терпеливо дожидались, пока еда не сварится, и только тогда опрокидывали кастрюльку (АМ ФВ. Д. 121. Л. 4). Но хуже было живое участие в этих разгромах местного, российского населения, которому никаких приказов не нужно было. В Мелитополе, например, собравшиеся на перроне братья-славяне швыряли в открытые двери вагонов увесистые камни и железные болты; в этом позорном действе участвовали все — от мала до велика. Мальчишки стреляли из рогаток, целясь в головы, белевшие в полутьме, — одному татарину из Никиты таким образом глаз выбили (АМ ФВ. Д. 6. Л. 12). Эти нападения стали настоящим бедствием, они продолжались и за Волгой, уже после Саратова (Къасевет. 1992. № 22. С. 18).

Не лучше были и конвоиры, сопровождавшие эшелоны. Молодые ещё ребята, они явно скучали в пути, отчего и придумывали себе разные забавы. Например, открывали двери теплушек, а когда на насыпи спускалось побольше людей — спускали на них конвойных овчарок, обученных бросаться на человека. При этом не было жалости и к женщинам с детьми: «Селиме Кадырова вышла, солдаты тут же натравили овчарку, собака начала терзать женщину, мы все из вагона кричали: „Уберите собаку!“ Тут двое солдат, показывая нам автоматы свои, ответили: „Сейчас всех вас расстреляем, и нам ничего не будет, вы все актом списанные!“» (АМ ФВ. Д. 56. Л. 1).

От таких нечеловеческих условий жизни люди довольно быстро менялись не только внутренне, но и внешне. У них становилось заметным пустое, отсутствующее выражение лица, глаза приобретали полубезумный блеск, а кожа — землистый цвет. Поэтому название этой части книги — «Ад на колёсах», — к сожалению, вовсе не метафора, не публицистическое преувеличение. Один из жертв депортации, человек образованный и наблюдательный, пишет, что в конце этого скорбного пути «казалось, что везут не людей с нормальной человеческой психикой, а пациентов дома умалишённых» (АМ ФВ. Д. 143. Л. 4). Кто когда-нибудь, где-нибудь говорил такое обо *всём* своём народе? Такое *массовое* помешательство может свидетельствовать лишь об одном — эти люди действительно побывали в аду.

Но нужно отметить, что и среди мучителей, в частности среди солдат, сопровождавших эшелоны с крымскими татарами, встречались вполне нормальные люди, которым ссыльные были обязаны жизнью. Сейяр Аблялимов из Булганака (Сакский район) рассказывает, что после того, как его с двумя сёстрами и маленьким братом (их разлучили с родителями) загнали в вагон на станции Саки, «наш охранник, пожилой солдат, пожалел нас и помогал чем мог... расспросил нас о родителях и вскоре раздобыл где-то немного муки. Айше (старшая сестра. — *В.В.*) готовила тесто, на остановках я присоединялся к взрослым и на куске жести на огне пёк лепёшки» (Депортация, 2005. С. 16–17).

Согласно подсчётам, сделанным отечественными и западными исследователями, только во время транспортировки крымских татар в 1944 г. на места высылки в эшелонах и других перевозочных средствах погибло около 7890 человек, то есть не менее 4,1 %. Всего же за первый год депортации погибло 46,2 % от общей численности народа (*Наберухин*, 1995. С. 11).

Эти сухие цифры говорят об одном: в Советской России имел место геноцид. То есть сознательное умерщвление более трети народа или нации, совершённое

[1] В ситуации, когда дети, как в описанном случае, внезапно становились сиротами и об этом не знал никто из родственников, участь их становилась незавидной. Как сообщает автор этого воспоминания, Альмешерфе Хутмерова, впоследствии «из этих восьмерых детей в живых остались только двое...» (там же).

господствующим этносом под руководством его национального лидера. Явление на протяжении Новой истории нечастое.

А приведённые выше цифры и факты, довольно точные и проверенные, какими бы жуткими они ни казались, могут быть дополнены немногословным заключением. Его сделала одна из жертв сталинской депортации, простая женщины из Ускута по имени Февзие Хайты: «Вся дорога от Симферополя до Средней Азии была застлана, как покрывалом, трупами стариков, женщин и детей» (цит. по: Депортация, 2005. С. 141).

Что здесь прибавить или убавить?

9. Арабатские крымцы и другие крымцы, убитые на месте потому, что они — крымцы

Как и в любом ином деле, советский человек не смог обойтись без «проколов» и в депортации столь ненавистных ему крымцев. Пусть это покажется невероятным, но в столь чётко организованной акции, как выселение коренного народа, была забыта Арабатская стрелка — узкая полоска суши у Азовского моря почти стокилометровой протяжённости. Здесь испокон веку жили крымские татары — рыбаки, овцеводы, перевозчики, тягали, выволакивавшие сивашскую соль на сушу, — короче, люди, добывавшие хлеб тяжким трудом под палящим солнцем или штормами открытой всем ветрам, плоской и безлесной косы.

О том, что небольшая часть народа осталась на крымской земле вопреки всем постановлениям, власти вспомнили лишь в 1945 г. Тут же было доложено Б. Кобулову, что там осталось несколько десятков уцелевших семей. Узнав, что часть крымцев, пусть и малая, избежала депортации, заслуженный чекист пришёл в ужас, и это легко понять — вероятно, он представил себе, что с ним сделает усатый Хозяин, когда ему «стукнут» о промахе его слуги.

И Б. Кобулов приказал очистить Арабатскую стрелку в течение *двух часов*. Причём выбор средств оставил, как говорят, своим подчинённым на их усмотрение. Правда, когда первый приступ страха прошёл, он увеличил срок исполнения акции до 1 суток. Как рассказывали участники этой неординарной даже в те лихие времена операции, «в течение суток всех татар собрали на одной из пристаней, погрузили их в трюм старой баржи и отбуксировали её до середины Азовского моря. Затем открыли кингстоны. Верхние люки были закрыты» (*Каримов*. 1991. С. 3).

После этого поверхность моря несколько часов бороздили катера конвоя, на всякий случай — не всплывёт ли кто. Автоматы были направлены на воду, но это было излишним. Она была мертва, как и те, кто навечно под ней остался. Не выплыл ни один человек, да и не в силах это было даже молодым и сильным мужчинам. А ведь там кроме женщин были лишь детишки со стариками... Современным исследователям стало известно об этой акции сравнительно недавно, но слухи об Арабатской трагедии поразительно быстро распространились среди татар, сосланных в Среднюю Азию, эту историю знает и помнит уже третье поколение крымцев (АМ ФВ. Д. 279. Л. 3).

Вид Арабатской стрелки. *Старинная гравюра из коллекции музея Ларишес*

Разделили участь арабатских рыбаков и их земляки, оставшиеся в Крыму не волею случая, а осознанно. Те, кто нашёл в себе мужество бежать во время высылки, чтобы не расставаться с землёй предков вопреки явной обречённости такой попытки. Сколько их было, в точности пока неизвестно, предположительно — несколько десятков, вряд ли сотен. Среди них, кажется, не было ни одной женщины или ребёнка[1]. Такое решение принималось, скорее всего, в одиночку, они уходили от своих, от чужих, от людей, в конечном счёте — от жизни. Они уходили в Крым, навечно становясь его частью, — судьбы их трагичны.

Беглецы скрывались в старых каменоломнях, пещерах и горных лесах, опять же в одиночку и небольшими группами. Чем они могли питаться? Запасов, как это делали партизаны, им готовить было некогда. Но пока длилось лето, удавалось что-то собрать, иногда — подстрелить зайца или дикую козу, ведь оружие и патроны ещё долго можно было найти не только в горах, но и в степи. Иногда они пользовались урожаем с бывших татарских огородов, садов и виноградников, иногда — уводили овец из бывших татарских, теперь уже русских, кошар.

Зимой, конечно, становилось тяжелее, но в деревни эти отшельники не спускались. Они хорошо представляли, какой приём им окажут люди, заселившие их родовые дома, спящие на их кроватях, пьющие молоко их коров и коз.

---

[1] По утверждению тогдашнего председателя Совнаркома Крымской АССР Исмаила Сейфуллаева, безусловно, владевшего материалами о ходе и результатах депортации на всём её протяжении, «никакого сопротивления со стороны татар не было оказано... не было фактов отказа, сопротивления и в местах погрузки» (*Сейфуллаев*, 1999. С. 5). То есть речь идёт о том, что в Крыму не оставался ни один крымец после того, как его семья была депортирована. Если высылали часть семьи, остальные тянулись за своими, даже находясь вне Крыма, вне угрозы депортации. Тому есть масса примеров (они будут приведены ниже) — татары старались, особенно в экстремальных условиях тотальных репрессий, быть поближе друг к другу.

Об их существовании скоро узнали органы, на них стали охотиться облавами, как на опасных хищников. Но крымские татары легко уходили от погонь, их хранили родные горы (это не метафора, не преувеличение, это — было!).

Самая крупная из известных нам групп насчитывала 40 человек, она просуществовала до 1947 г., когда землянку у Буюк-Дере (близ дороги из Корбека на Чучельский перевал) обнаружили энкавэдэшники. Не осмелившись сразиться с крымцами в открытом бою, не пытаясь их арестовать, они забросали землянку противотанковыми гранатами. Живым оттуда на поверхность земли никто не вышел (АМ ФВ. Д. 208. Л. 2).

В горах между Демирджи и Судаком долгое время бродили небольшие крымскотатарские группы из оставшихся после 18 мая на яйлах чабанов, не угодившие в смерч депортации, а также из осознанно ушедших в леса татар (АМ ФВ. Д. 215. Л. 4). Одного из них, безымянного жителя Коз, в 1946 г. многочисленные преследователи обложили со всех сторон и взяли живым. Он получил крупный срок (за что?), но, как говорят, выжил и в лагерях (АМ ФВ. Д. 213. Л. 1). Это вообще едва ли не единственный из лесных людей, не погибший от рук советских карательных органов. Как его звали, пока не выяснено, а имена двух других, о которых речь пойдёт ниже, известны уже сейчас.

Аджи-Мурат Сеит-Али из Корбека скрывался в лесах до 1947 г., несмотря на то что его преследовал специальный отряд, насчитывавший около двух десятков человек. Примечательно, что этот мужественный человек, даже спасая свою жизнь, не убил, не ранил никого из своих преследователей, хотя у него в различных пещерах одних автоматов разных систем было 14 штук, не считая всего остального. В конце концов энкавэдэшники прижали его к побережью под Кастелем. Они окружили его — но он и тогда не стрелял в людей. Затем связанного Сеит-Али привезли в Алушту, где на глазах у собравшихся, многие из которых знали его в лицо, посадили в катер, который ушёл в открытое море. О конечной цели этого рейса ни у кого сомнений не было: если человека повезли куда-то морем, а не машиной, то дело плохо; в Крыму чекисты издавна имели обыкновение избавляться от неугодных людей в море.

Тем бóльшим было изумление корбеклинцев и алуштинцев, когда Сеит-Али вновь появился в родных местах в 1972 г. Как оказалось, после 13 лет воркутинских лагерей. Так мстил советский режим людям, чьим единственным преступлением была любовь к Крыму. То есть такое сильное чувство к малой своей родине преступлением, конечно, не являлось, просто право на него имели все, кроме коренного народа Крыма. Так уж сложилось...

И Сеит-Али, побродив по родным горам в окрестностях Корбека, вынужден был снова покинуть Крым, теперь уже навсегда. Он уехал туда, где жили его земляки, — в Узбекистан. Где и умер в 1997 г., глубоким стариком, не сумев, как столь многие крымские старцы, собрать денег для переезда из Средней Азии на далёкую родину (АМ ФВ. Д. 216. Л. 4–6).

Вторая история похожа на первую, тем более что она тоже о корбеклинце, но она получила ещё более трагический исход. Сеит-Асан Пинка во время войны был в партизанах (в частности, это он с напарником Аппазом Бохчи поджёг клуб «Таврида» в переполненной оккупантами Алуште). Через 4 дня после возвращения советского режима он был отправлен в трудовую армию. Его согласия, как

и остальных товарищей по несчастью, никто при этом не спрашивал. Но вчерашний партизан был настолько возмущён этой принудиловкой (жена осталась одна с дочерью, а по хозяйству за войну накопилась масса дел), что не скрывал гнева и перед офицерами трудармии.

Поэтому его вскоре изолировали от остальных и держали взаперти близ штаба этой организации в селе Мраморном. Оттуда Сеит-Асан бежал, его выследили и отправили подальше — в город Тулу. Уже из тульского лагеря он писал дочери, которая тем временем была выслана вместе с матерью в Узбекистан: «Айше, не пиши мне больше сюда, я возвращаюсь в Крым. Верю, что скоро и вас всех домой вернут».

И в самом деле, в 1945 г. он бежал и вновь появился в Крыму, правда, не в самом Корбеке, а повыше — в одном из чаиров на склоне Чатырдага, вблизи ручья. Однажды он спустился в родное село, где из всех крымских татар оставалась одна Зейнеб Подош (её оставили как единственную этническую татарку в большой русской семье — редчайший случай). К ней он и зашёл — попросить соли и хлеба, по которым стосковался в лесу. Вот здесь, во дворе Зейнеб, его чуть не взяли. Новые соседи Зейнеб тут же сообщили в местную милицию о странном госте татарки. К разочарованию этих «новых корбеклинцев», Сеит-Асан бежал буквально из-под носа милиционеров.

Он изредка встречал товарищей по лесным скитаниям, но постепенно их становилось всё меньше — кому надевали наручники, кого убивали прямо на месте.

Примерно года через четыре после депортации он остался в горах совсем один. А ещё через год, изголодавшийся, с волосами, отросшими ниже плеч, оборванный, он вторично спустился к Корбеку глубокой ночью. Он полз к своему (теперь чужому) картофельному полю, не зная, что новый «хозяин» охраняет своё добро с ружьём в руках. Выстрел в голову почти в упор оказался смертельным. Но убийца не удовлетворился этим и отрезал у уже мёртвого Сеит-Асана голову, так и оставив его лежать до рассвета. А утром, услышав о ночной драме, к огородам пришли дети новых переселенцев. Игра, которую они там затеяли, стала зеркальным отражением в детских душах психологии взрослого населения «обновлённого» Корбека: они стали бить эту страшную, окровавленную голову ногами, как бы играя ею в футбол (АМ ФВ. Д. 208. Л. 1–3). Излишне говорить, что это были психически вполне нормальные дети, которые в иных ситуациях наверняка вели себя с должным почтением к покойникам своего села. Но — к *русским* покойникам...

Вывод о такого рода прямом влиянии поведения взрослых на подростков — не фантазия автора и не преувеличение. Дети понимают и запоминают гораздо больше, чем мы обычно полагаем. А что могли они видеть тогда, в середине — второй половине 1940-х, когда рана, нанесённая народу Крыма, была ещё свежа? Когда возникла, а точнее, возродилась старинная ситуация. Как и её результат, неновая: стоит одарить имперский народ безнаказанностью — и он тут же станет мучителем национального меньшинства в любой своей колонии. Трагедия, произошедшая в Корбеке, была не единственной, и вряд ли стоит именно новых детей этого старинного села клеймить именем выродков, извергов и т. д. Просто ситуация, созданная большевиками по освобождении Крыма, была именно такой.

А может быть, до них дошёл слух ещё об одной, тоже «детской», истории, имевшей место несколько раньше? Это было в другом крымском селе, Шейх-Кая. Там ранним утром 18 мая 1944 г. шестилетняя девочка-татарка до того перепугалась, когда её любимую мать и глубоко уважаемого отца ни с того ни с сего стали оскорблять какие-то солдаты, что оказалась в полном шоке. Последующие действия ребёнка можно понять — в беспамятстве она убежала прочь из дому. Увидев, что в селе творится нечто, для её детского ума непостижимое, она забилась в мечеть, — а куда ещё ей было бежать от этого ужаса? Девочка оставалась там долгое время, пока не была обнаружена взрослыми чисто случайно. Поскольку эшелоны уже давно ушли на север, то, не зная, что с ней делать, красноармейцы застрелили её там же, возле мечети, на сельской площади (АМ ФВ. Д. 211. Д. 2–3).

Неужели русские сверстники этой безымянной девочки, услышав о расправе над ней, остались равнодушными, неужели они не извлекли урок, преподанный им взрослыми соплеменниками: вот так и только так надо поступать с крымскими татарами? Конечно же, русские дети Корбека, издевавшиеся над трупом крымца, убитого их односельчанином, сами стали жертвами такой вот полузвериной «этнопедагогики».

Живя в *татарских* домах, они слышали спокойные рассуждения самых близких людей, своих родителей, о том, что татары — подлые предатели всего святого, что власть, конечно же, не допустит их возвращения. Дети привыкли видеть в этих бывших крымчанах (а для них практически — в бывших людях, в нелюдях, недостойных своих обиталищ) враждебную силу — а вдруг вернутся назад? А нам тогда куда? Дети, между прочим, ощущают такого рода тревогу едва ли не острее взрослых. Неясная и далёкая, это была угроза нормальному быту, всей их новой жизни, их будущему на прекрасной крымской земле. И любой татарин, объявившийся в окрестностях, должен быть, как страшный сон, стёрт из памяти, забыт, забит, убит, превращён в безобидное и смешное пугало. Только так можно попытаться объяснить случай с головой бедного Сеит-Асана.

А вот ещё один эпизод того же плана, имевший место в далёкой от Корбека, причём совершенно русской, деревне в степной части Крыма.

Именно по этой причине (ну, тут все же русские!) во время депортации здесь была упущена одна-единственная крымскотатарская семья, жившая среди своих соседей-славян. А потом её, в степной-то глуши, так и не стали трогать. Но редчайшая эта история имела абсолютно логичное, можно даже сказать, психологически естественное завершение. Уже через полгода жизни в родном селе (хоть и обновлённом переселенцами) эта семья стала осаждать райисполком просьбами об отправке её в Среднюю Азию за казённый счёт (сами они уехать не имели материальной возможности). Причина оказалась простой — семью буквально затравили новые соседи. Дело было не только в том, что старым и малым членам этой семьи был фактически объявлен бойкот («волками все смотрят», по их выражению). Самое худшее — детишкам в школе не было проходу. Над ними издевались, дразнили, их били скопом и так далее. Не встретив понимания у равнодушной администрации, эта семья всё же накопила денег на дорогу до Мелитополя. Вот там жизнь оказалась для них куда спокойней, чем на родине предков (АМ ФВ. Д. 220. Л 1).

Другие, совсем старые люди, напротив, стремились изо всех сил на родину, заранее зная, что там их, беспомощных и не имеющих средств к жизни, ждёт скорая смерть. Старушка Алиме-Хатана из Симеиза была депортирована в Марийскую АССР. Оттуда она и пустилась в далёкий путь («умирать», как она сказала соседям). Но не к дочери Зекие, которая оказалась в Узбекистане, а в Крым, где никто не ждал её приезда. Её вела высшая любовь, и мечта старой женщины исполнилась, несмотря на все препоны и трудности. Её похоронили чужие люди, но в родной каменистой земле Южного берега (АМ ФВ. Д. 211. Л. 3).

И последнее на эту тему.

На смену оставшимся в лесах крымским татарам, погибавшим от голода и пуль, в Крым одновременно стали прибывать первые татары-«возвращенцы» из мест ссылки. О них, о более поздних соотечественниках-мучениках вроде Мусы Мамута, будет рассказано ниже. Здесь же необходимо отметить, что великая эпопея Возвращения началась практически через несколько месяцев после депортации и более уже не прерывалась. Поначалу этих героических семей было немного, буквально единицы. Но не это главное, а то, что люди ни единого года не мирились с высылкой, а сам Крым *ни дня* не оставался без своих коренных жителей.

С каждым месяцем число этих истинных детей своей земли росло. Уже в октябре 1948 г. из них только арестованными числилось 34 человека (Возвращение. С. 38), а сколько скрывалось необнаруженными? Люди подвергали себя огромному риску ради обретения родины — ведь им грозило суровое даже по тем временам наказание. А именно, 20–25-летнее заключение или даже *высшая мера* социальной защиты остальных граждан СССР (и прежде всего славянских переселенцев Крыма) от столь опасного для них народа.

10. Судьба солдата

Родина, изменившая своим
солдатам, — разве это Родина?
А. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг

Выше не раз отмечалось, что в эшелоны попал не весь народ. Значительная часть его в это время сражалась и гибла на фронтах. Но крымцы-военнослужащие сполна разделили участь своих соотечественников. Хоть и не сразу, а после небольшой отсрочки. Например, в частях, оставшихся после победы на территории Венгрии, крымские татары лишь в августе 1945 г. были изолированы и под конвоем, пешим ходом отправлены в Винницкую область. Здесь их поместили за проволоку фильтрационных лагерей и, когда людей набралось достаточно много, железной дорогой доставили в Ташкент. Там, находясь в бывшем лагере ГУЛага, вчерашние солдаты получили возможность с бóльшим или меньшим успехом искать своих близких (АМ ФВ. Д. 91. Л. 3–4). Ещё бóльшую отсрочку — до осени 1946 г. — предоставили Джеббару Керимову, воевавшему с японцами в Манчжурии (*Сеитбекиров*, 2005. С. 7).

Возможно, это произошло по недосмотру командования или его слабой информированности о том, что происходило в далёком Крыму. Но вот военврача Бекира Муслядинова далеко не случайно не отпускали из армии два года после рассылки секретного приказа по поводу срочной демобилизации крымских татар (см. ниже). Командир части настолько ценил крымского медика, что пошёл на нарушение приказа и оставил в ней как старшего лейтенанта медицинской службы Б. Муслядинова, так и других его соотечественников (*Раупова У.* Он прошёл всю войну, но не смог вернуться на Родину... // А. 16.05.2005. С. 3).

Такого срока не было отпущено освободителям Вены. Сразу, как только затихли последние выстрелы, в частях, находившихся в Австрии, были произведены аресты. Это происходило примерно так, как вспоминает Зекерья Аблаев из Азека: на плацу выстроили его полк и скомандовали: «Крымские татары, три шага вперёд!» После чего «из строя вышло несколько человек. Командир во всеуслышанье назвал нас предателями и продажными шкурами и приказал солдатам срывать с нас погоны, забрать награды и документы. Солдаты выполнили приказ. С нас сорвали погоны и боевые медали, [у меня] забрали военный билет, в котором были фотографии родных, а потом несколько раз ударили. Затем нас отвезли в лагерь в Польшу. Держали за колючей проволокой. Через пару месяцев выдали консервы и сухари и сказали, чтобы мы ехали в Узбекистан» (АМ ФВ. Д. 4 «а». Л. 1–2).

Судьба солдат, чьи части стояли в самом Крыму, оказалась иной. Асан Усеинов из Узунджи (Балаклавский район), служивший в Приморской армии, вспоминает: «После 18 мая мне перестали доверять... Я стал замечать, что за мной следят. В один день меня вызвал старшина и сказал: „Берите продукты, вы поедете в другую часть, в артполк“. Я сдал автомат, а продукты не взял. Мой попутчик, старший сержант, привёл меня в так называемый артполк, расположенный за Симферополем и огороженный колючей проволокой. Здесь мне дали новую одежду. В этом полку собрали со всего Крыма крымских татар — фронтовиков, всего 150–200 человек. На вышках вокруг нас охраняли вооружённые солдаты. У нас же ни у кого оружия не было. Среди нас было немало офицеров-крымских татар и несколько медсестёр. Однажды ночью нас погрузили в машины и привезли в Симферополь, где нас оцепили „зелёные фуражки“. Всю ночь мы простояли. Утром нам приказали построиться по четыре и идти к вокзалу. Строй вели наши, но по краям шли „зелёные фуражки“. Пришли на вокзал, подали команду „Смирно!“.

К нам вышел генерал (зам. Берия), мы не дали ему говорить, стали кричать, чтобы убрали от нас оцепление. Генерал дал команду убрать... и обратился к нам со следующими словами: „Ваши семьи находятся в Средней Азии. Простите, у нас не было возможности разобраться с ними. Вы сейчас без всякой охраны поедете в Узбекистан. Ваши находятся в очень тяжёлом положении. Прошу вас не задерживаться в дороге“» (АМ ФВ. Д. 4. Л. 4–5). Все повиновались — приказ есть приказ.

Но некоторые офицеры ещё какое-то время после этой отправки оставались служить в своих частях. Одним из них был капитан Сеитнафе Топчи.

Как-то в свободное время он зашёл во двор своей симферопольской школы. Там он увидел костёр из крымскотатарских книг. Казалось бы — что тут странного: ну, собрались люди, ну, жгут книги... Но офицер, прошедший войну, был так потрясён этим, что на него обратили внимание те, кто суетился у костра. То есть

русскоязычные «крымчане». Несмотря на то, что Сеитнафе был в офицерской форме, они напали на него — важнее погон и орденов была его национальность. Окружив боевого офицера, улюлюкая, толпа орала: «Он — крымский татарин! Гоните его, а ещё советскую форму надел!» Затем озверелые шовинисты сорвали с него погоны, растерзали гимнастёрку с боевыми наградами, потом избили. Там же, у стен старой крымскотатарской школы, в дыму от трудно горевших крымскотатарских книг (АМ ФВ. Д. 143. Л. 31).

Так же обращались с солдатами, отправившимися после демобилизации прямо в ссылку. В первом же посёлке, где они, стремясь найти семью, обращались в спецкомендатуру, с них обычно срывали «погоны, ордена и медали», после чего зачисляли в списки местных поселенцев (*Усеинов Р.*, 1992. С. 3).

Кое-где «по недосмотру» крымскотатарских военнослужащих демобилизовали на общих основаниях, как и их боевых товарищей, то есть отпускали на все четыре стороны. Но когда они возвращались на родину (это случалось и в 1944 г., и годом-двумя позже), то местные власти предлагали им в 24 часа «освободить Крым» (АМ ФВ. Д. 1. Л. 2). Как предупреждали в таких случаях, нарушение этого предписания означало арест и осуждение на 15 лет (АМ ФВ. Д. 143. Л. 32). По прибытии же «к семье, в Среднюю Азию, у них отбирали военный билет, заполняли новый, в конце записывали, что заполнен со слов владельца» (АМ ФВ. Д. 36. Л. 4). Эта непонятная операция проводилась с дальним прицелом. Дело в том, что в будущем предвиделись какие-то льготы фронтовикам-ветеранам, а документ, составленный с собственных слов владельца, не мог стопроцентно подтверждать его участие в военных действиях[1]...

Ещё меньше церемонились с солдатами, демобилизованными раньше и 18 мая находившимися в своей семье. В Ойсуле безногого инвалида, только-только вернувшегося из госпиталя домой «по чистой» и заявившего о своих правах, волоком потащили к машине и, как куль муки, бросили в кузов (*Веснин*, 1990. С. 241)... В Тав-Бодрак сразу после выселения «с фронта вернулся с тяжёлыми ранениями инвалид войны Мамутов Ибраим, 15-летний сын которого был расстрелян [немцами] за селом. Мамутов Ибраим не нашёл свою семью и детей. А ночью наши схватили его и отправили в высылку. Но по дороге, не доехав до Урала, он умер от лишений и ран» (АМ ФВ. Д. 65 «а». Л. 7). Вообще фронтовики, особенно перенесшие ранения, умирали и в ссылке быстрее, чем те, кто не испытал фронта.

[1] Были счастливые исключения, хоть и крайне редкие. Так, Шевкет Газиев из д. Сараймень Маяк-Салынского района, перед войной учившийся в танковом училище, прошёл всю войну танкистом. Весной 1944 г. он не был отставлен и продолжал служить (всего Ш. Газиев носил погоны 31 год), окончил Военную академию бронетанковых войск им. маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского, стал начальником одного из танковых училищ. Вышел в отставку в звании полковника, затем жил и работал в подмосковном г. Подольске. Там он и был с почестями похоронен в 1984 г. (АМ ФВ. Д. 280. Л. 2 об.). Капитан Арслан Измайлович Меджитов был весной 1944 г. уволен из своей части, стоявшей в Кабардино-Балкарии, и его там же трудоустроили председателем исполкома г. Прохладного. Но его солдатское «счастье» оказалось непродолжительным. В конце 1940-х власти добрались и до немногочисленных крымцев, очутившихся в этой республике. Как А.И. Меджитова, так и всех его местных соотечественников отправили в переполненных телячьих вагонах в иссык-кульскую пустыню (*Тузов*, 1995. С. 6).

Так, из десятков тысяч демобилизованных и попавших в Узбекистан крымцев уже к 1949 г. осталось менее 9000 человек (*Бугай*, 1992. С. 250).

Нашлись, конечно, более здоровые и крепкие, к тому же сильные духом солдаты и офицеры, которые нашли в себе мужество протестовать против депортации своего народа. О судьбе некоторых из них рассказывает военный повар Асим Джуневтов, скрывший своё национальное происхождение и некоторое время ещё прослуживший в Крыму. После 18 мая прошёл какой-то срок, и он получил приказ ехать с помощником в командировку к военным строителям на Ай-Петри. «Утром рано я поднялся, чтобы кипятить чай. Рядом с этим домиком на Ай-Петри был с правой стороны сосновый лесок — я туда пошёл за дровами. В это время подъехали закрытые брезентом машины. С этих машин сошли люди в военной форме, погоны оторваны, ремни сняты, глаза завязаны и руки завязаны назад. Все они были босиком. Их погнали в сторону от леска, к самому обрыву над Ялтой. Я их считать стал — 25 человек, все в офицерской форме. И против них строились автоматчики. Я понял, что их стрелять будут, командовал один полковник. И один генерал, по одежде и погонам, я заметил, ходит туда-сюда, что-то шепчет. Не мог слышать всего, мне трудно было, я отвернулся, а когда повернулся лицом, людей уже не было, автоматных очередей не слышал, наверное, их толкали, там очень большой обрыв.

Пошёл к котлу, ко мне подошли два солдата, просили пить. Я дал им чай холодный, они пили, стал спрашивать, кто они были? «Крымские татары, офицеры, стали требовать свою семью, подняли шум в Симферополе, их там арестовали, сразу приговорили к расстрелу». Среди них было 5–6 человек русских (очевидно, речь идет о смешанных, русско-татарских семьях. — *В.В.*). Это было в 1944 г., в июне или июле» (АМ ФВ. Д. 14. Л. 2–3).

Такой же инцидент почти в точности повторился через год, высоко над берегом между Гаспрой и Мисхором, свидетелем стал старый русский человек из местных. Там группу крымскотатарских офицеров столкнули с обрыва в море живыми. «Обычно такие казни, говорят, происходили в 45–46 гг., когда демобилизованные офицеры, не найдя своих родных в Крыму, выражали возмущение несправедливостью содеянного. Таким предлагали собраться в определённый день, [чтобы] помочь им поехать в места высылки, найти семьи, но вывозили их на расстрел» (АМ ФВ. Д. 144. Л. 2–4).

Похожая, но не во всех деталях, расправа произошла в совсем другом краю Крыма. В Судакском районе, близ Туака, группу крымских татар-офицеров взорвали вместе с машиной, на которой их привезли откуда-то из другого места (АМ ФВ. Д. 199. Л. 1). Знаменитый партизан и авторитетный свидетель Бекир Османов сообщал, что 78 крымских татар-офицеров было расстреляно на склоне Сапун-горы (Севастополь), он же уточнил количество жертв взрыва в Туаке — 12 человек (АМ ФВ. Д. 200. Л. 1).

Гораздо позже окончания депортации произошёл расстрел в Корбеке, у стены сарая для сушки фруктов. Свидетели, на сей раз не татары, а русские жители села, рассказывают, что у офицеров ордена и медали не были сняты, сверкали на солнце до последней минуты (АМ ФВ. Д. 208. Л. 2). Поскольку казнь происходила не в глухом лесу или на пустынном побережье, то её наблюдали многие и подробностей сохранилось больше. Среди 7 человек расстрелянных двое — Арнаутов и Подош — были местными, их узнал в лицо корбеклинский пастушок, русский мальчик Володя Шеленга, рано утром проходивший со стадом близ сараев. Лётчик Муаррем Арнаутов, брат казнённого, узнал о расстреле родного человека совершенно случайно — от соседа по палате в госпитале, во время обычной беседы, то есть из иного, постороннего источника (АМ ФВ. Д. 209. Л. 1).

Сообщают, что в 1945 г. крупная группа средних и старших офицеров — крымских татар (300–400 человек) собралась в Симферополе. Они требовали возвращения их семей в Крым. Дело дошло до Москвы, из ЦК партии поступило распоряжение отправить всю группу временно в какой-нибудь санаторий на Южном берегу, пока будет решена техническая сторона дела. Так и сделали, а затем состоялось обычное «решение проблемы», свидетелем исполнения которого оказался вполне конкретный человек, военный шофёр Гриша: «Была глубокая ночь, мы, не зная для чего, остановились у здания санатория, в машины стали грузить каких-то людей, охрана была такая, что у каждого из этих людей был поставлен охранник и каждый вёл своего. Я услышал только, что мы едем в какое-то дере (ущелье). С нами никто не разговаривал. По приезду в это дере, выгрузив людей, мы стали отъезжать. Моя машина была последней, когда я стал отъезжать, я услышал частые автоматные очереди, услышали это и другие водители. Людей [которых казнили] было приблизительно человек 400» (АМ ФВ. Д. 186. Л. 12).

Ещё одно свидетельство — о расстреле на склоне Бабугана, куда офицеров доставили прямо из Симферополя (АМ ФВ. Д. 210. Л. 1); ещё одно, того же рода, — о бойне близ деревни Топлы (АМ ФВ. Д. 213. Л. 1), а сколько подобных акций было проведено более профессионально, то есть совершенно скрытно? Рассказывали, например, о том, что 247 боевых офицеров—татар в том же году прорвались в Москву, где пытались попасть на приём к Сталину с понятными требованиями, после чего все они «бесследно исчезли» (*Поляков*, 1998. С. 59).

Несмотря на скудость информации, дошедшей до нас, уже сейчас можно сделать некоторые осторожные выводы. Судя по всему, казни крымскотатарских военнослужащих заранее не планировались — несколько десятков солдат и офицеров, лежавших в крымских госпиталях, по выздоровлении были благополучно отправлены в среднеазиатскую ссылку (АМ ФВ. Д. 211. Л. 2). Расстрелы же, скорее всего, были вызваны непреклонностью и последовательностью требований боевых офицеров (судя по всему, их скопилось в Крыму неожиданно много), которые наверняка пользовались симпатией таких же, как и они, фронтовиков — русских офицеров. Эти группы крымцев грамотно и настойчиво требовали отмены постановления о депортации, не имевшего под собой никакой правовой основы, противоречившего советской Конституции, — всё это было очень серьёзно. Тогда, скорее всего, и было принято какое-то решение об их «обезвреживании» обычным для карательных органов методом. Соответствующее распоряжение было, очевидно, разослано в райвоенкоматы Крыма. Этот вывод следует из того, что аппарат именно РВК явился единственным исполнителем указанной акции. Дальнейшее научное расследование, безусловно, уточнит эту картину, нарисованную здесь в самых общих чертах.

Размышления над судьбой обеих относительно небольших групп крымских татар, отколовшихся от основной массы народа — и тех немногих мирных жителей, что остались на родине после депортации, и боевых офицеров, прорвавшихся

на полуостров гораздо позже завершения «этнической чистки» Крыма, — приводят к схожим выводам. И первые, и вторые не могли не осознавать, что бросают вызов сталинскому режиму, вызов не просто опасный, но ведущий к практически неизбежному смертельному исходу. Об этом им наверняка говорил весь опыт жизни под сапогом кремлёвского убийцы. Тем не менее они вышли на бой с режимом, причём не тайно, а так, как много веков подряд выступали против нашествий с севера их предки — открыто и бесстрашно.

Что руководило этими гордыми людьми, что именно оказалось сильнее естественного и властного инстинкта самосохранения, сильнее даже любви к ближним, на вечную разлуку с которыми, они знали, себя обрекают? На этот вопрос не может быть двух ответов: это было могучее чувство любви к родине, к Крыму, которую они не могли (не хотели?) преодолеть. Это было именно то чувство, из-за которого несколькими годами спустя начала разгораться всё шире и шире всенародная и многолетняя борьба за Возвращение. Это было чувство, которому обязано своими достижениями всё Национально-освободительное движение крымских татар.

Победы пришли позже, гораздо позже. Но в годы, последовавшие за чёрным маем 1944-го, внимательный наблюдатель мог бы заметить, что выброшенный в азиатские степи народ продолжает жить своим Крымом, остаётся крымским народом не только в прошлом. Тому было множество примеров и доказательств. Назовём лишь два из них; они связаны со смертью, а перед смертью люди не лгут.

Ветеран войны Сейдулла-агъа Чачи похоронен в далёком Узбекистане. Он остался в памяти земляков, вернувшихся в родной Корбек, благодаря его удивительному чувству сроднённости с природой Крыма, которое не смогла загасить даже депортация. Среди домашних работ он нередко глубоко задумывался и, глядя куда-то поверх узбекских дувалов, тихо говорил: «Ну вот, у нас время окота пришло, пора в отарах маток отделять», или «Сейчас самое время стричь барашек», или «Ого, уже 10 июня — можно отары на Чатырдаг гнать, там такая трава поднялась!» И так было до самого его последнего часа (АМ ФВ. Д. 216. Л. 1).

Да и умирая, старые солдаты оставались своими последними земными мыслями там, в Крыму. Инвалид войны Ибрагим Джамбаев, чудом купивший в 1968 г. дом в Крыму, был нагло и беззаконно снова лишён родины. Не желая удаляться от обретённой было родной земли, мечтая снова вернуться туда при малейшей возможности, он вырыл для своей семьи землянку в Ново-Алексеевке Херсонской области и стал терпеливо ждать перемен. Когда же подошёл его смертный час, то последними словами Ибрагим-аги плачущей жене были: «Себие, я ухожу, это ясно, но меня не это мучит: детей своих до Крыма я так и не довёз!» (АМ ФВ. Д. 192. Л. 3).

И в заключение кратко о ещё одной солдатской судьбе, такой непохожей — и такой похожей на участь других крымских татар, воевавших в Отечественную.

Алупкинский парень Амет-хан Султан, с детства мечтая о небе, окончил знаменитую Качинскую школу военных лётчиков. После чего служил в Одесском военном округе, войну встретил у р. Прут. С самого начала, с первых воздушных боёв, он проявил себя не просто умелым и инициативным лётчиком, но и воином огромного личного мужества и таланта. Потом были другие фронты

Слева: Амет-хан у своего самолёта;
справа: Амет-хан Султан в послевоенные годы

и направления, в том числе Сталинград. Достаточно сказать, что к весне 1944 г. командир эскадрильи капитан Амет-хан Султан был кавалером нескольких боевых орденов и медалей, Героем Советского Союза. Этой весной он участвовал в освобождении Крыма, а когда немцы были выбиты из Севастополя, ему предоставили в качестве заслуженной награды трёхдневный отпуск, который он мечтал провести у родителей, в Алупке.

Судьба распорядилась так, что он попал домой за день до начала депортации и стал свидетелем этого страшного события. С трудом удалось ему добиться замены места высылки родителей — вместо Узбекистана они отправились в Дагестан. Но там шло насильственное переселение коренного народа в опустевшие аулы депортированных чеченцев, отчего отцу и матери героя пришлось отправиться ещё дальше — в Краснодарский край. А сын бездомных родителей продолжал воевать до победы, которую встретил в небе Берлина. Там он и стал дважды Героем Советского Союза — в 25 лет!

После войны прославленный лётчик долгое время работал в подмосковном Лётно-испытательном институте. Здесь он давал путёвку в жизнь новым машинам, в том числе и реактивным, в том числе и первым сверхзвуковым. Здесь его жизнь была наполнена не просто отчаянно рискованным трудом — она стала продолжением подвигов на фронте. За что он и был удостоен Сталинской премии, других наград. Но и отличиям был предел — третьего ордена Золотой Звезды, к которому он был представлен, ему получить не удалось. Как утверждают авторы, специально занимавшиеся судьбой крымского аса, всё по той же причине национальности — не мог стать крымский татарин трижды Героем (*Симонов*, 2011).

Впрочем, не исключено и иное объяснение. Дело было в том, что даже находясь на вершине лётной славы, пользуясь известностью не только в СССР, но и за рубежом, Амет-хан никогда не забывал о судьбе своего поруганного народа. При этом он не только не скрывал своих мыслей от окружающих, но и прини-

мал участие в движении за Возвращение (*Бутаев*, 1990. С. 217). От работы выдающегося лётчика-испытателя, конечно, не отстраняли (он был в числе тех, кто готовил полёт Ю. Гагарина, в его самолёте тренировались и другие космонавты), но он не мог не чувствовать, что отношение к нему оставалось прежним. Причём неизменно, до самой смерти, которую он встретил, как боевой офицер, — за штурвалом самолёта.

11. Депортация из-за рубежа

Какие нас ветры сюда занесли,
Какая попутала бестия?!
Шёл крымский татарин
По рю Риволи,
Читая газету «Известия»!
А. Галич. Скерцо для обеих рук

а) Как эмигрировали за рубеж

Находившийся в Крыму, которому оставалось лишь несколько месяцев до возвращения советской власти, германский военный корреспондент Франц Ридель в своём очерке «Поездка в Крым» писал о крымцах: «Они ничего не рассказывают о советском периоде [их истории]. Он был настолько ужасным, что их уста замкнулись, и возвращаться в прошлое они не желают даже мысленно. Они не хотят пережить его снова и лучше умрут, чем ещё раз будут ввергнуты в такое бедствие» (цит. по: *Kirimal*, 1952. S. 317). Конечно, Ф. Ридель мог несколько исказить действительность, такое с газетчиками бывает. Но картина, нарисованная им, находит подтверждение в иных источниках информации.

Многие из них свидетельствуют о том, что новая эмиграция началась стихийно, ещё во время немецкой оккупации, года за полтора до окончания войны. Но больше всего крымцев выехало в последний, заключительный её год. Это были разрозненные, частные попытки уберечься от снова надвигавшейся красной лавины с её «органами», от которых следовало бежать, скрываться, неважно, где и как. Чаще всего таким убежищем представлялась соседняя Румыния, где, как известно, давно существовала многочисленная и довольно крепко спаянная крымскотатарская диаспора. Туда бежали целыми семьями и по отдельности — как девушки, связавшие свою судьбу с бывшими оккупантами-румынами (АМ ФВ. Д. 197. Л. 4).

В декабре 1943 г. к эвакуации из Крыма было готово 30–40 тысяч беженцев, и в конце месяца с этой целью был опробован традиционный морской путь, для чего портом отправления был избран Севастополь (другие крымские гавани использовались лишь эпизодически). Но немецкие власти помогали в этом смысле только крепким, работоспособным беженцам, которые могли ещё принести пользу рейху. Из Крыма их вывозили в румынский порт Констанцу, а позднее — в Браилу (портовый город на Дунае). Однажды транспорт прибыл в оккупированную Одессу. Из названных портов прибытия путь беженцев лежал через Арад, Бухарест и Вену. Затем их распределяли в различные австрийские и германские места постоянного жительства и работы. К середине мая 1944 г. таким образом полуостров покинуло 17 700 человек — крымчан и бывших жителей других оккупированных территорий СССР (*Полян*, 2002. С. 207). То есть эмигрировать смогла едва половина беженцев, опасавшихся за свою жизнь или же попросту не стремившихся вновь очутиться в условиях сталинского режима.

Многие выехали вместе с германскими учреждениями, в которых работали при оккупации, — это было проще всего. Так, еще в конце 1943 г. вместе с немецким госпиталем Крым покинула крупная группа работавших в нём вольнонаёмных различной национальности. Среди них была Зоре Аблякимова из Керчи, которая, оказавшись в Румынии, вышла там замуж за крымского татарина. А затем успела вместе с семьёй выехать в Турцию до того, как советские власти начали вывозить из Румынии крымцев обратно в СССР. Впоследствии она (как и её сестра Фариде, бежавшая из Крыма с мужем — власовским офицером) очутилась в Америке (АМ ФВ. Д. 280. Л. 4).

Отметим, что немцы практически никак не помогали выезду «неорганизованных» крымских татар. Исключение делалось лишь для тех, кто служил в смешанных славяно-татарских добровольческих частях, — около трёх с половиной тысяч их вывезли в Германию[1]. Члены же групп самообороны (не говоря уже об обычных жителях крымскотатарских сёл и городских кварталов, не желавших возвращаться под власть большевистского режима) были вынуждены остаться в Крыму. О предоставлении им мест на транспортных судах, вывозивших в Констанцу отступавшие войска, в соответствующих германских эвакуационных приказах и приложениях к ним, сохранившихся в архивах Германии (от 16.05.1944, от 13–15.05.1944, от 17.05.1944, от 18.05.1944 и др.) не говорилось ни слова. А возможность их вывоза имелась, судя по этим же документам: на отходивших судах было много пустого, никак не использовавшегося места. За этот недогруз капитаны впоследствии подлежали военному суду (*Литвин, Смирнов*, 1994. С. 116–138).

Сколько же их было, крымских татар — эмигрантов последней, исторически самой последней волны ухода из-под московской «опеки»? Известный турецкий историк крымскотатарского происхождения утверждает, что только в 1943–1944 гг. и только в Румынию, Австрию, Германию и Италию выехало около 10 000 крымских татар (*Улькюсал*, 1980. Л. 441). Эта цифра явно не может дать представления об общем числе всех крымских татар, ушедших на Запад во время Второй мировой, — конечно же, она нуждается в уточнении. В том, что она приблизительна даже по отношению к эмигрировавшим в указанные четыре страны, сомнений быть не может — иначе уважаемый автор указал бы источник столь важной для его изысканий информации. Впрочем, трудно надеяться, что такие источники когда-либо обнаружатся и будут введены в научный оборот. В нелёгкие месяцы 1944 г., когда ломались судьбы государств

[1] Гораздо больше было вывезено в Германию добровольцев-нетатар. Судя по надёжным данным, «когда немцы отступали из Крыма, из Севастополя, они старались вывезти своих русских добровольцев, которых набралось до семнадцати тысяч» (*Верёвкин С.* Слёзы на глазах... пятно в анкете // Парламентская газета (М.), 04.05.2006).

и Европа жила в преддверии послевоенного передела мира, — кто взялся бы за регистрацию эмигрантских потоков, к тому же в разные страны?

Эти данные отсутствуют и у нас. Впрочем, можно привести ещё некоторые цифры, которые хоть как-то осветят эту неясную страницу истории Крыма. Согласно немецким источникам военного ведомства, только в Румынию только в 1944 г. с полуострова было эвакуировано 11 359 гражданских лиц. Но были ли они крымскими татарами? Вряд ли — ведь незадолго до этого, в августе — ноябре из кубанского региона в Крым было переброшено немцами 28 500 добровольцев из различных мест вне Крыма (все данные по: *Литвин, Смирнов*, 1994. С. 19, 139). Отсюда, среди прочего, следует вывод, что немцы вообще были не в состоянии заниматься спасением десятков противников сталинского режима, бóльшая часть которых не принадлежала к крымским татарам.

Поэтому я могу привести в дальнейшем данные лишь о судьбах отдельных эмигрантов, целых семей или коллективов (вроде артистов симферопольского Муздрамтеатра) в надежде на то, что трудами историков информация об участи крымцев, отправившихся за рубеж в новейшее время, будет расширена.

б) Политическая подготовка репатриации (Ялтинская конференция)

Итак, откроем ещё одну мрачную страницу из истории всех войн, когда-либо прокатившихся над Крымом: их результатом неизбежно оказывалась эмиграция части коренного народа за рубеж. В этом смысле даже Гражданская война не стала каким-то исключением, об этом говорилось в III очерке этого тома. По Второй мировой таких сведений гораздо меньше — что вовсе не означает, что эмиграции не было. Это важное историческое событие, повторяю, ещё ждёт своего исследователя, здесь же поместим крайне незначительную пока часть таких сведений.

Гораздо обильнее свидетельства того, каким образом бóльшая часть этих эмигрантов, вольных и невольных (имеются в виду крымцы, насильно вывезенные немецкими оккупантами в германские трудовые лагеря) была столь же насильственно возвращена в СССР. Особый интерес вызывает вопрос, как западные демократические правительства, прекрасно осведомлённые о том, какая страшная судьба ожидает этих измученных каторжной работой людей на родине, осознанно пошли на шаг, обрёкший сотни и сотни тысяч людей всех национальностей на смерть или длительное заключение в сталинских лагерях. Эта трагедия — такого масштаба, что имеет смысл обратиться к её политически-правовой предыстории.

Начнём с одного распространённого заблуждения. Принято считать, что Сталин, бывший главным инициатором насильственной передачи советским властям граждан СССР, заброшенных войной в Европу, принял это решение и добился присоединения к нему зарубежных политиков в 1945 г. На самом деле приговор будущим жертвам был вынесен намного раньше. Согласно некоторым данным, предварительная договорённость по этой проблеме была достигнута в 1944 г. во время визита английского премьер-министра У. Черчилля и его министра иностранных дел Э. Идена в Москву, где главным образом обсуждалась балканская проблема (*Sulzberger*, 1982. P. 103).

Вопрос о так называемых перемещённых лицах приобрёл особую актуальность после того, как 17 июня 1944 г. правительство, возглавлявшееся У. Черчиллем, было

Встреча союзников — участников Ялтинской конференции на Сакском военном аэродроме. *Фото из собрания агентства Polfoto*

извещено, что 10 % пленных, попавших в руки союзников в Нормандии и постепенно переправлявшихся в Англию, принадлежат к народам СССР. Выяснилось, что эти люди, будучи в составе германской трудовой армии, ранее строили прибрежные укрепления («Атлантический вал»). А затем немцы надели на них мундиры, намереваясь использовать как пушечное мясо на угрожаемых направлениях высадки союзных десантов. Когда же вторжение в Нормандию началось, то эти «солдаты» тут же сдались в плен англичанам. После чего они стали требовать к себе гуманного отношения, а по окончании войны — освобождения без каких-либо ограничений. То есть они приравнивали себя к остальным солдатам вермахта, с которыми союзники обращались в соответствии с Женевской конвенцией о военнопленных (о ней ниже).

Формально они были правы. Но в правительстве знали о странных порядках, царивших в большевистской России, гражданам которой не позволяется выбирать себе место жительства, поскольку они являются как бы живым имуществом их диктатора Сталина. Отчего англичане задумались: а не было бы практичнее в данной ситуации забыть об общечеловеческих нормах и вернуть большевистскому вождю его собственность? Энергичнее всех на таком решении настаивал упомянутый Э. Иден, упрекая своих оппонентов в правительстве в излишней сентиментальности и пугая их тем, что по освобождении этим десяткам тысяч русских придётся рано или поздно предоставлять английское гражданство.

В конце концов 17 июля 1944 г. английский Кабинет военного времени принял судьбоносное решение: в случае если русские власти предложат передать всех этих пленных в СССР, то такое требование должно быть выполнено. И это

решение легло в основу позиции англичан в 1945 г., на встрече со Сталиным в Ялте. Одной из целей делегации, возглавлявшейся У. Черчиллем, стало избавиться от этих иностранцев раз и навсегда. Премьер опирался при этом на позицию ряда членов Кабинета, считавших, что «именно в отношении русских, не желавших возвращаться на родину не только можно, но и нужно применить насилие» (*Sulzberger*, 1982. P. 102–103).

Когда же главы союзных держав собрались в Ялте (точнее, в Ливадии) в феврале 1945 г., то там кроме известных геополитических решений, надолго расколовших Европу на части, было принято и Соглашение о репатриации военнопленных, находившихся на тот момент в Германии и других государствах.

Судьба этого документа с момента его подписания отличалась от других ялтинских договорённостей. Прежде всего этот и только этот текст было решено не представлять к публикации, ограничившись кратким изложением его содержания — для прессы. Второе: это Соглашение дружно обделили вниманием отечественные историки, посвятившие анализу ялтинских договорённостей (и их последствий) немало научных работ. И даже в 2005 г. в многочисленных юбилейных публикациях, где подробно говорится о самых различных сторонах работы Ялтинской конференции, именно этот документ не затрагивается. С понятной целью — стереть из человеческой памяти сам факт его существования. И по столь же ясной причине — именно эта договорённость, единственная из всех достигнутых, стоила жизни многим сотням тысяч советских граждан, причём уже после войны.

Факты, связанные с историей заключения Соглашения, долгое время не были известны и на Западе. Вплоть до 1973 г., когда в английских архивах истёк срок закрытого хранения соответствующих материалов. Первым, кто их использовал, был русский зарубежный историк граф Н.Д. Толстой-Милославский, которому на Западе позднее принесли известность книги «Жертвы Ялты» (1978) и «Секретная война Сталина» (1979). Он ввёл в научный оборот материалы, из которых следует, что при обсуждении вопроса о насильственной репатриации советских граждан более всего стала заметной готовность Рузвельта и Черчилля идти навстречу Сталину. Одной из причин этой готовности была надежда на соответствующие встречные шаги большевистского вождя. А тот и в самом деле оказался столь любезен, что обещал не возрождать международную подрывную организацию Коминтерн, распущенную по случаю войны, а также принять участие в войне союзников с Японией.

Западные лидеры не могли не знать, какой массовой трагедией обернётся их согласие на выдачу НКВД бывших советских граждан. Многие из эмигрантов были активными противниками большевизма, но было немало обычных переселенцев (этот процесс идёт и в мирное время) или узников трудовых лагерей, попросту не желавших возвращаться в зону кремлёвского режима. Теперь и тех и других ждала одна судьба — Сталин не прощал «перебежчиков». Но ялтинские переговорщики, так сказать, не заметили этого аспекта своих решений, несущих лагеря или расстрел для многих сотен тысяч людей.

Как не заметили, проехав через весь полуостров от Сакского военного аэродрома до Ливадии (причём на малой скорости, февральская дорога была обледенелой), неестественной, страшной пустоты и заброшенности придорожных сёл

и деревень. Ведь со дня депортации коренного народа Крыма не прошло и года, «новые крымчане» здесь ещё не появились (Евпаторийский, Сакский и Симферопольский районы заселялись славянами в последнюю очередь — см. следующий очерк), и скромные татарские домики зияли распахнутыми дверьми, полускрытыми снежными сугробами...

А когда начались переговоры, то, к неприятному удивлению англичан, выяснилось, что американцы во главе с Рузвельтом настаивают на строгом соблюдении Конвенции о военнопленных, подписанной в 1929 г. в Женеве. Правда, СССР к этому общеевропейскому соглашению в своё время не присоединился, но это как раз было не столь и важно. Звучавшие в Конвенции общечеловеческие принципы свободы личности и гражданских прав человека ни разу Кремлём не оспаривались и даже не критиковались — по абсолютно очевидной гуманности и справедливости этих правовых категорий. Нужно отметить, что упомянутое разногласие между правительствами Англии и США по поводу репатриации существовало и раньше. Оно проявилось ещё во время предварительной встречи союзников на о. Мальта. Там англичане предложили присоединиться к их точке зрения, но Рузвельт отказался — имея на то свои принципиальные причины и явно рассчитывая переломить позицию англичан в Ялте (*Anderson T.H.* The United States, Great Britain and the Cold War 1944–1947. Columbia (Mass.), 1981. P. 28–29).

Однако в Ливадийском дворце У. Черчилль упрямо держался своей позиции. На неё никак не повлияли и слова Сталина, сказанные им в приватной беседе с премьером, — о том, что некоторые из пленных вели себя во время войны достойно, а другие, недостойные, должны нести ответственность за свои действия. С ними будет поступлено, продолжал вождь, по советским законам, как они того заслуживают. Британский премьер, пропустив мимо ушей зловещий смысл этих слов, заверил Сталина, что и сами «англичане очень хотят, чтобы эти военнопленные были как можно скорее репатриированы» (*Толстой*, 1988. С. 97). Позднее, когда У. Черчилль сообщил американцам смысл своей беседы, те реагировали довольно резко и отказались присоединиться к гарантиям английского премьера, но в конечном счёте поддались на его уверения, что это принесёт какие-то политические плоды в будущем.

Правда, на заседании 11 февраля Т. Рузвельт всё же пошёл на конфликт со Сталиным, предложив включить в текст Соглашения отдельный пункт о гражданских лицах, попавших к немцам в плен или мобилизованных в трудовые армии рейха и чьё человеческое право свободного выбора места жительства должно быть защищено. То есть речь шла о предоставлении им политического убежища — практике, традиционной в американской политике тех лет (*Толстой*, 1988. С. 97)[1]. Это было чрезвычайно важное предложение — особенно для крымских

[1] Показательно, что в современную, самую последнюю (на 2010 г.) публикацию ялтинских документов это предложение не вошло. В факсимильных копиях переговоров, приведённых в упомянутой публикации (Ялта-45. С. 200–201) в самом деле, оно отсутствует. Однако издатели этой книги никак не комментируют изъятие из документов конференции этого сюжета. Здесь основной упрёк следует обратить, очевидно, к ответственному редактору этого издания профессору Н.А. Нарочницкой, имеющей своеобразные представления о праве наций (и отдельно взятого человека) на выбор собственного жизненного пути, на самоопределение и т. д.

татар, основная масса которых оказалась на Западе, не будучи военнопленными (об этом см. ниже).

Но в конечном счёте был принят вариант Соглашения, подготовленный англичанами. Его содержание было предельно общим. Достаточно сказать, что репатрианты хоть и упоминались раздельно (как военные или гражданские лица), но в определении их дальнейшей судьбы они вообще не членились на какие-то категории. Эта особенность документа имела чрезвычайно важное последствие: союзники (а фактически и правительства других стран Европы, на территории которых оказались этнические русские, украинцы, крымцы и т. д.) получали право поступать с ними как с единой человеческой массой, подлежащей отправке в СССР. Более того, они приняли обязательство провести «всеобщую репатриацию всех находящихся в их оккупационной зоне советских граждан» по состоянию границ на 1 сентября 1939 г. (Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. М., 1984. Т. 4. С. 258).

В коммюнике, опубликованном 12 февраля прессой всего мира в качестве завершающего документа конференции, вместо полного текста этого Соглашения попало, как говорилось выше, лишь изложение его смысла, что вполне соответствовало желанию Сталина, высказанному им утром 11 февраля У. Черчиллю. В этой части коммюнике говорилось, что все три правительства обязуются оказывать всяческую помощь, совместимую с требованиями ведения военных операций, в целях быстрейшей репатриации всех военнопленных и гражданских лиц, оказавшихся на территории соответствующих держав. О праве или, наоборот, невозможности для западных держав насильственно репатриировать советских граждан, не желавших этого по политическим и иным причинам, в Соглашении вообще не говорилось ни слова. Хотя это обязательство, не соответствующее ни английскому, ни американскому основным законам, подразумевалось и, скорее всего, было гарантировано Сталину в качестве личной договорённости.

Именно отсутствие этого пункта в Соглашении позволило союзникам безнаказанно совершать открытое насилие над лицами, чья вина не была доказана решением суда. Хотя, с другой стороны, этот документ никак не обязывал западные державы применять такое насилие вопреки национальным конституциям. Тем более по желанию именно СССР, не подписывавшего никаких международных соглашений о взаимных обязательствах по выдаче тех или иных лиц, находящихся за рубежом по своей воле. То есть теперь их судьба оказалась всецело в руках правительств, представленных на конференции. Именно от них зависело, станет ли имя старого крымскотатарского города Ялты символом человеческого благородства или же оно отныне и вовеки веков будет связано с памятью о властителях, совершивших здесь одну из самых гнусных сделок в истории.

Им и только им была предоставлена свобода выбора, и они его сделали.

Прошло совсем немного времени, и американцы, поражённые тем, что СССР не торопится принять находившуюся в США 21 000 пленных, стали *торопить* Кремль, не зная, что в России для многих сотен тысяч (точнее, *миллионов*) репатриантов со всей Европы никак не хватает старых лагерей, что идет спешная постройка дополнительных. Не отставали от американцев и англичане, они вели

себя схожим образом, также предпочтя путь насилия, а по сути — террора по отношению к заключённым. Что еще в Ялте не могло не входить в планы как «тирана» Сталина, так и записных борцов за демократию и свободу личности Черчилля и Рузвельта. То есть всей троицы, негласно вынесшей в февральской Ливадии приговор самым беззащитным жертвам войны.

А позже к приговору «ялтинской тройки» стали добровольно присоединяться правительства стран, вообще никакого отношения к конференции не имевшие. Поскольку во Франции скопилось огромное количество беженцев из СССР (среди них были и крымцы), то глава Временного правительства державы генерал Ш. де Голль летом того же 1945 г. съездил в Москву, где 29 июня подписал свои собственные «ялтинские соглашения» — ещё более предупредительные по отношению к Сталину, чем составленные англичанами в Ливадии. Генерал предоставил право сотрудникам СМЕРШа и НКВД арестовывать своих жертв на всей территории Франции, невозбранно обыскивая с этой целью частные квартиры французов и имея при этом личное оружие. Впоследствии, воспользовавшись столь странным реверансом француза, чекисты стали хватать и участников Белого движения, и старых, ещё довоенных эмигрантов (*Столыпин*, 1983. С. 42).

А потом чекистам стали выдавать людей из Бельгии (целиком по французскому сценарию), Италии, Швеции, Финляндии и т. д. И едва ли не единственным правителем Европы, выдворившим сунувшихся было к нему чекистов, стал Франц Иосиф II Лихтенштейнский. Таким образом, он спас нашедшие в крошечном герцогстве приют остатки добровольческой дивизии «Россия» под командованием бывшего царского генерала Б. Хольмстона-Смысловского (*Beattie D.* Liechtenstein. A modern History. Triesen, 2004. P. 131). В лапы НКВД не попал и находившийся там же наследник российского престола великий князь Владимир Кириллович. И ничего — князь Франц Иосиф II не испытал на себе никаких сталинских репрессий, которых, видимо, опасались в той же нейтральной Швеции...

Остаётся назвать количество жертв Ялты. Только союзниками по бывшей антигитлеровской коалиции в СССР было депортировано 5 500 000 человек (*Толстой*, 1988. С. 449); по другим подсчётам — 5 353 000 (*Полян*, 1999. С. 379). Правда, здесь не учтены невоеннообязанные эмигранты, к которым относилась и основная часть так или иначе оказавшихся в 1945 г. за рубежом крымских татар.

Некоторые западные учёные пытались если не оправдать, то хотя бы найти объяснение ситуации, в которой столь непомерное количество бывших жителей СССР было отдано на расправу сталинским органам. Профессор Дж. Дрейпер в своей памятной записке «Некоторые юридические аспекты насильственной репатриации советских граждан» приходит к следующему выводу:

«Поскольку никто не озаботился вопросом о незаконной насильственной репатриации этих советских граждан из Англии или из оккупированной Европы, это дело никогда не рассматривалось с юридической точки зрения. Крушение Германии в мае 1945 г., незнание советскими гражданами своих прав, отсутствие у них возможности настаивать на этих правах и неосведомлённость английской общественности — все эти факторы, вместе взятые, позволили совершиться насильственной репатриации» (цит. по: *Толстой*, 1988. С. 497).

То есть здесь говорится лишь об «английской неосведомленности». И полностью игнорируется тот факт, что Ш. де Голль, отнюдь не причастный к массовым убийствам, исправно поставлял человеческий материал под сталинскую гильотину. Как, кстати, и английские политики — тот же Черчилль, к примеру.

в) Практическое осуществление реэмиграции

Крымцы-эмигранты из «ранних» числом около 250 человек оказались в районе действий английской 21-й армии, были арестованы и заключены в лагерь для перемещённых лиц. Крымскотатарские арестованные настаивали на передаче их в Турцию, однако после Ялтинской конференции эта надежда исчезла. Армейские командиры стали получать указания, нацеленные на сохранение всех лагерных контингентов для передачи их советской стороне. Приказ, решивший судьбу узников лагеря, где содержались не только крымцы, был получен командованием армии 21 июня 1945 г. Подписавший его сотрудник английского ведомства иностранных дел Патрик Дин ссылался при этом именно на решения Ялты. Через день все оставшиеся в лагере 250 крымских татар были посажены в эшелон, уходивший на восток.

Самая известная из коллективных попыток эмигрировать в конце войны связана с историей крымскотатарского Музыкального драматического театра. Этот талантливый коллектив блистал и до войны, и в период оккупации такими дарованиями, как мастер сценического танца Усеин Баккал (он был вообще крупнейшим балетмейстером Крыма), как Муртаза Велиджанов — не только крупный театральный деятель, но и собиратель крымскотатарских народных песен; были и другие славные имена. В период оккупации труппа продолжала работу, не видя в том большого греха. Но чем ближе подходила Красная армия, тем чаще артистам приходилось слышать о расправах, которым подвергались все, не «забастовавшие» с установлением оккупационного режима. Им приходилось тем более всерьёз задумываться о своей судьбе, что грозящий им трибунал наверняка учёл бы два отягчающих вину обстоятельства: во-первых, имело место групповое преступление, а во-вторых, оно относилось не к экономическим (как работа в поле или лесу), а скорее к идеологическим, то есть особо опасным. Короче, здесь пахло не 10 годами тюрьмы, а чем-то гораздо более серьёзным.

Поэтому не было ничего странного в том, что лёгкие на подъём актёры, привычно собрав свой нехитрый гардероб в чемоданы, отправились, не дожидаясь краснозвёздных освободителей, в Румынию. А точнее, в южную часть Добруджи, в г. Пазарджик, где осело немало крымских эмигрантов и где видный крымскотатарский публицист и историк, уже упоминавшийся мной Мюстеджип Улькюсал издавал с 1930 г. свой знаменитый журнал «Эмель». Как и следовало ожидать, историк радушно встретил земляков, с особым удовольствием приветствуя находившегося среди беглецов Амета Озенбашлы.

Конечно, в 1944 г. было нетрудно догадаться, чем кончится война и какова будет судьба соседней с Союзом Румынии. Поэтому новые крымские эмигранты стремились пробраться дальше — в Турцию. Это оказалось не так просто, хотя

брат Улькюсала, Неджипа Аджи Фазыл[1], занимал немалый пост в фильтрационном лагере Констанцы. Турки всячески затягивали выдачу визы группе крымскотатарских беглецов, не прекращавших ежедневные хождения в консульство и после вторжения в Румынию Красной армии. Вскоре их посетили некие официальные лица с предложением вернуться на ждущую их Родину, предложили и денег на дорогу. Часть труппы согласилась отправиться по домам — и почти все очутились в лагерях по 58-й статье (как вредители и предатели они получили по 25 лет). Остальные стали скрываться у румынских друзей и знакомых.

Но в чужой, по сути, стране это неизмеримо трудней, хотя «старые» крымскотатарские эмигрантские комитеты Добруджи изготовили документы, удостоверяющие румынское гражданство крымцев. Советские органы, которые вели себя в Румынии как дома, устраивали облавы по базарам и городским кварталам, обыскивали и дома румынских ногайцев. К тому же за дело взялась и новообразованная служба безопасности «Секуритате» — но и эта всемогущая карательная организация, заимствовавшая опыт печально известных Сигуранцы и Железной Гвардии, оказалась бессильной перед мужеством добруджинских татар и лично Неджипа Аджи Фазыла, руководившего сложными ходами, помогавшими его крымским друзьям ускользать от всё туже стягивавшейся удавки секретных служб СССР и «народной» Румынии.

Тем не менее без жертв не обходилось. Председатель Центра, руководившего деятельностью упоминавшихся комитетов, Неджип Аджи Фазыл был убит[2], многих молодых членов комитетов арестовали и отправили в Сибирь, невзирая на то, что они родились и выросли в Добрудже (*Улькюсал*, 1980. С. 442). Другие осуждались на румынские тюрьмы или каторжные работы по заготовке сырья для целлюлозной промышленности страны — резке тростника в дельте Дуная. Туда попадали и крымскотатарские интеллигенты, вообще никак не касавшиеся работы комитетов.

Наконец, крымской группе, точнее её остаткам, удалось достать паспорта беженцев из румынской Добруджи; с этими документами эмигранты продержались за рубежом около 8 лет. Но Амет Озенбашлы, ставший неофициальным лидером крымской группы, в конце концов понял, что ни турецкое, ни какое иное посольство, аккредитованное в Румынии, не предоставит виз всем беженцам — в разгар холодной войны никто, очевидно, не хотел нового скандала с СССР. Правда, Амет-агъа получил предложение ехать в Турцию одному, взяв с собой только семью, чтобы там совместно с Джафером Сейдаметом добиваться виз для остальных.

А. Озенбашлы согласился, не зная, естественно, что турецкий агент-посредник был одним из агентов КГБ, которыми в те годы буквально кишели Румыния, Болгария и Турция. Семья погрузилась в самолёт, но вышла из него не в Турции,

[1] Неджип Аджи Фазыл был родом из большого, чисто крымскотатарского села Азаплар близ Констанцы. Его самоотверженная помощь соотечественникам, эмигрировавшим из Крыма, началась ещё в 1943 г., когда в Добруджу прибыли первые из переселенцев.

[2] Н.А. Фазыл был арестован и погиб в 1948 г. В добруджинской общине крымскотатарской диаспоры о нём до сих пор свято хранят память как о шахиде, павшем за жизнь и свободу своих соотечественников (*Сеитбекиров*, 2009).

а в Москве, где их ждала машина с Лубянки. Амет-агъа был помещён в ту же камеру, где сидел в 1928 г., два с половиной года, ожидая исполнения высшей меры наказания за своё сотрудничество с Вели Ибраимовым.

Вскоре в СССР были насильно возвращены и остальные члены эмигрантской группы. Им дали по 5–6 лет сибирских лагерей. Почти все они выжили, и после освобождения осели в Ходженте (Ленинабаде) (АМ ФВ. Д. 214. Л. 1–2).

Невероятно счастливой оказалась судьба другого крымского ансамбля, также работавшего при немцах, — о ней рассказал кларнетист Абдураим Диншаев (с. Коп-Такъыл, ныне Заветное). Этот одарённый музыкант (до войны он был членом коллектива известного композитора Я. Шерфединова) был арестован немцами и отправлен в лагерь «Картофельный городок». Здесь старик-капельмейстер Чернов-Тертёбин создал из заключённых оркестр, который вскоре перевели в подчинение городской управе Симферополя, одели в военную форму, и он стал выступать в городском сквере, офицерских клубах, госпиталях и т. д., числясь на службе Вермахта. При отступлении немцы доставили этот ансамбль из 60 человек в Стамбул, после чего оркестранты в полном составе перебрались в Восточную Европу. Некоторое время они бродили по дорогам Румынии, Польши, Чехословакии, Австрии — во всё той же обносившейся немецкой форме.

Наконец, их подобрали американцы, пару месяцев откармливали, а потом передали англичанам. К тому времени органы уже начали свои розыски бывших советских граждан по всей Европе, и англичане передали музыкантов армейским властям. Возможно, это и спасло их от лагерей, — те, переодев ансамбль в советскую военную форму и, очевидно, какое-то время использовав его по назначению, отправили их на родину. Дальнейшая судьба музыкантов неизвестна. Во всяком случае, Абдураим Диншаев очутился в Харькове (в Крым, где уже прошла депортация, его не пустили). В Харькове его обеспечили работой, жильём, пайком, но он вскоре отправился в Узбекистан, где разыскал родных (*Музафарова*, 2002. С. 13–14). Повторяем, случай этот настолько редкий, что в него трудно поверить.

Несколько иной была судьба крымскотатарских эмигрантов военных лет, очутившихся в Германии. Многие из них погибли от рук немцев (крымцев принимали за евреев). Накануне начала оккупации страны Красной армией они пытались собраться вместе. Таким местом сбора стали окрестности лагеря Мительвальд, затем их вместе с «австрийской» частью эмиграции поселили в лагере для перемещённых лиц Альбершвенде, в Тироле. Всего там осело около 300 человек. Второй лагерь был в Ландеке (тоже Австрия)[1]. Условия жизни были хоть и не самыми тяжёлыми (французская зона оккупации), но достаточно сложными. Тем не менее в обоих лагерях были организованы школы, где преподавание велось на крымскотатарском языке. Абдулла Кырымджан и ещё несколько преподавателей из Фельдкирхе даже подготовили и издали на шапирографе «Книгу для чтения» на родном языке; другие учебники присылали турки. Французская военная администрация оказывала и посильную материальную и техническую помощь. Эта удивительная школа-шестилетка работала 3 года. Занятия шли по полной программе, так что когда эти дети в 1948 г. переправились в Турцию, то были беспрепятственно приняты в средние школы и лицеи. Большинство из них впоследствии получило высшее образование (*Улькюсал*, 1980. С. 444).

[1] Нужно сказать, что в таких лагерях оказывались далеко не все. Было невозможно сразу обнаружить всех остарбайтеров, работавших у деревенских хозяев и даже в небольших городках. Так, ялтинку Лемхан Мунирову (урожд. Кешфи), ставшую служанкой в одной семье из австрийского посёлка Бад-Фишау-Брунн, местные власти передали непосредственно советским «эвакуаторам», после чего она была вывезена из страны. Затем эта молодая девушка очутилась на каком-то военном заводе под Москвой, где от каторжной работы и жутких условий быта умерло немало таких же «изменниц», как она (АМ ФВ. Д. 268. Л. 1).

Некоторые неорганизованные беглецы добирались до «новой родины» более сложным путём. Примером может служить большая семья Сеитши Кантакузина из Салгир-Кията (Перекопский район). Она тронулась с места в феврале 1944 г. К этому времени немцев уже не удивляло такое стремление, как говорилось выше, они даже в отдельных случаях помогали эмигрантам транспортом. Правда, при этом вес багажа ограничивался 20 килограммами на каждого члена семьи. Путь таких «законно» выезжавших лежал через Евпаторию, откуда буксиры доставляли баржи с людьми в Одессу. Там их перегружали на различные самоходные суда, направлявшиеся главным образом в Констанцу. Эти транспорты безнаказанно бомбили и обстреливали на бреющем полёте славные «сталинские соколы».

Однако семье С. Кантакузина повезло, они добрались до Румынии невредимыми. Дальнейший путь на юг был перекрыт турецкими пограничниками, имевшими приказ не пропускать вообще кого бы то ни было. Приходилось искать обходную дорогу. Оставаться в Румынии в такой ситуации не имело смысла. Оккупация Красной армией её, союзника гитлеровской Германии, стала, как нетрудно догадаться, вопросом лишь времени. Поэтому основная часть «румынской» эмиграции продолжила свой путь на запад. Некоторые крымские татары осели в Австрии, их поместили в лагерь для беженцев близ г. Граца; другие пересекли границу Германии, тогда ещё не занятой советскими войсками.

Там, близ Штутгарта был срочно оборудован так называемый лагерь перегруппировки Бэтингейм, где можно было найти приют. Никакого снабжения лагеря питанием организовано не было, да и невозможно было достать продукты в тогдашней Германии, в полной мере познавшей голод и разруху и давно уже питавшейся эрзацами. Поэтому крымцы-лагерники, пользуясь свободой передвижения, пытались найти какую-то работу. Это изредка удавалось — главным образом в близлежащих деревнях. Некоторую помощь в этих поисках оказывал Комитет поддержки татар, созданный в эти дни самими крымчанами — как беглецами, так и старыми эмигрантами (в нём, среди прочих, сотрудничал Иса Карашайский, некогда раскулаченный, а затем бежавший из ссылки потомок славного мурзинского рода).

Многих соотечественников спасли трое крымцев, постоянно проживавших в Турции, — неоднократно упоминавшийся выше Джафер Сейдамет, ставший к тому времени известным специалистом по истории Крыма, его ученик Мустафа Эдиге Кырымал и Мюстеджип Улькюсал, также историки Крыма. В последние месяцы войны они посещали те регионы Европы, которые, по их расчётам, вскоре должны были попасть в советскую зону оккупации. Они помогали своим соотечественникам, а также представителям других тюркских народов СССР (находившимся в Германии в качестве военнопленных или угнанным немцами

Надгробие на могиле Мустафы Эдиге Кырымала в Салачике

в трудовые армии) добраться до расположения американских вооруженных сил. Причина здесь была та, что именно американцы оказались наиболее отзывчивыми в отношении несчастных беглецов, которым грозила репатриация.

Эти люди сугубо кабинетных занятий самоотверженно, терпя не только невзгоды военного времени, но и находясь под угрозой негласной расправы с ними советских «органов» (такие случаи были известны и за рубежом), спасли множество крымцев. Трое историков смогли переправить их через зону ответственности американцев и союзников в более или менее безопасные страны, в том числе Египет, Иорданию и Турцию (*Куршутов Т.* Эдиге Кырымал обрёл покой на родной земле // *Авдет*. 22.05.2007. С. 9).

Желанной целью как для «австрийских», так и для «германских» крымских эмигрантов была в тот период нейтральная в годы войны Швейцария, не опасавшаяся советской оккупации. К тому же получить разрешение на въезд туда было проще, чем в Турцию. Очень многие избрали этот путь спасения, но и здесь их поджидала смертельная опасность. Советские лётчики бомбили пассажирские составы именно на этом направлении — видимо, командование военно-воздушных сил обладало достоверной информацией об «опасных» пассажирах швейцарских рейсов. Во время одной из таких бомбардировок погиб упоминавшийся выше Сеитша Кантакузин. Его уцелевшая семья, так и не добравшись до нейтральной Швейцарии, встретила конец войны в тирольском лагере Ландек. Там, уже в мирной обстановке, шла сортировка людей. Крымских татар, как и других бывших граждан Страны Советов, в соответствии с Ялтинскими соглашениями отправляли на родину (*Панарин-Кантакузин*, 2001. С. 6).

Но и здесь обнаруживался какой-то выход. Честных австрийцев, тщательно исполнявших все договорённости и приказы, легко можно было обмануть, прикинувшись турецкими подданными, утратившими документы. Таких «турок» подвергали неоднократным изматывающим допросам. Счастливчиков, которым удавалось обвести вокруг пальца строгих, но не знавших тюркских языков экза-

Фельдмаршал Г. Александер. *Официальное фото*

менаторов, отправляли в лагерь Альбертшвенде. Здесь начиналось длительное, многомесячное ожидание, на сей раз уже выездного удостоверения. Так, семье покойного Сеитши Кантакузина пришлось ждать этого документа почти 4 года (*Панарин-Кантакузин*, там же).

Но были семьи, для которых путь в желанную Турцию оказался ещё более сложным. Так, братья Сервер и Энвер Салгирлы избрали путь в Венгрию, затем оказались в Италии. Их посадили в лагерь для итальянских жертв Ялтинского соглашения и готовили к передаче в советские руки. Казалась бы, судьба крымцев была решена, но помогла удача. Спасение пришло, откуда они его не ждали — среди союзников оказались люди порядочные. То есть такие, что могли пойти на нарушение приказов и инструкций командования ради спасения неизвестных им беглецов из большевистской России. В Италии такой гуманизм проявил английский фельдмаршал Гарольд Александер, в руках которого находились все дела, связанные с насильственной депортацией.

Этот крупный военачальник (с 1943 г. он командовал объединёнными войсками союзников на Средиземноморском театре военных действий) служил ещё в войсках Антанты, сражаясь во время российской Гражданской войны против большевиков бок о бок с Белой армией[1]. Поэтому он прекрасно знал, что именно красные способны проделать над любым, даже рядовым пленным. Кроме того, он считал ниже своего достоинства выдачу беззащитных людей на расправу, и когда «некоторые из его подчинённых пытались помочь им скрыться от сталинских псов-карателей, британский фельдмаршал смотрел на эти попытки сквозь

[1] В 1919–1920 гг. в ходе латвийской Войны за независимость подполковник Г. Александер командовал остзейским ландсвером, внеся таким образом свой вклад в очищение Латгалии от большевиков и становление независимой Латвии. После Второй мировой войны был удостоен титула графа Тунисского, являлся вице-королём Канады, затем министром обороны Великобритании.

пальцы» (*Sulzberger*, 1983. P. 104). Тем более что он и сам тайно старался сделать для беженцев всё возможное.

Так, получив общее для всех союзных командующих распоряжение о репатриации бывших советских граждан, он доложил начальству, что оно не касается беженцев, находящихся в Италии. Полковник Яковлев, глава советской репатриационной миссии в Риме, неоднократно протестовал против «странной» позиции Г. Александера. По этому поводу даже началась бурная переписка между Москвой и Лондоном. А между тем лагеря с интернированными беглецами на глазах пустели — люди придумывали способы покинуть их. Проблему решили в пользу ГУЛага лишь в 1947 г., но за это время огромное большинство сидевших в лагерях репатриантов успело разбежаться. В конце концов советской администрации был выдан лишь 171 человек. Впрочем, по другим сведениям, их было на порядок больше (*Столыпин*, 1983. С. 47). Но это дела не меняет — основная масса лагерников спаслась.

В числе многих сотен (или тысяч) людей, спасённых гуманностью Г. Александера (и скорее всего, так никогда и не узнавших, кому они обязаны жизнью), оказался и Сервер Салгирлы. Ему удалось уйти из лагеря перед самой передачей заключённых советским «специалистам». Некоторое время он мыкался по разгромленным и разорённым германским землям, опять попал в руки союзников (теперь уже американцев), сидел в лагере Фюрф. А когда там началась принудительная вербовка в печально известный французский Иностранный легион, Сервер снова бежал. И добрался до Австрии, где снова оказался во всё том же Ландеке. И лишь оттуда измученный странник наконец выехал с немногими соотечественниками, уцелевшими от «сталинских транспортов», в Турцию (*Панарин-Кантакузин*, 2001. С. 6).

Однако не для всех крымских татар, задержанных в Италии, обстоятельства сложились столь благополучно. В конечном счёте около 2000 беглецов из Крыма было насильственно[1] депортировано в СССР, пробыв на итальянской земле от года до трёх. Но ещё до того часть из них, не выдержав пытки столь долгим ожиданием, добровольно ушла из жизни в преддверии неминуемой расправы. Некоторые из них покончили с собой в начале 1947 г., когда уже началась отправка. Так они избежали судьбы, которая казалась им страшнее смерти.

А ста пятидесяти крымцам, сидевшим в этом лагере, удалось прорваться... в Ватикан, где их согласился укрыть папа Пий XII. Здесь им пришлось прожить три месяца, не показываясь на улицах Рима, где любого из бывших граждан СССР полиция могла арестовать и отправить по хорошо накатанному пути домой. Затем, когда лихорадочная охота на людей в Италии закончилась, добросердечные католические прелаты отправили своих подопечных—мусульман в Турцию, которая на сей раз не отказалась предоставить им политическое убежище (*Кудусов*, 2000. С. 5).

[1] Мне известен лишь один случай *добровольного* возвращения в СССР из Италии (возможно, их было больше). Исмаил Абибуллаев из Керлеута (совр. Водопойное, Черноморский район) пал жертвой агитации советских уполномоченных за рубежом, уверивших его, что в СССР ему ничего не грозит. Исмаил прибыл на родину, его тут же отправили в Сибирь. Он пробыл там три года, был освобождён по болезни (туберкулёз), успел доехать до Самарканда, где и скончался на руках у родных (АМ ФВ. Д. 283. Л. 1).

12. Выводы

а) Российская диаспора в Большом погроме

Депортация, события, с нею связанные в целом, как бы подвели черту под первым периодом истории жизни крымскотатарского народа при советской власти. Они не только как в зеркале отразили процессы, протекавшие на полуострове в 1920–1930-х гг., но и сделали эту картину предельно яркой, чёткой и завершённой.

С начала 1930-х, в годы, когда система сталинского деспотизма сменилась тоталитаризмом, стало само собой разумеющимся, что дальнейшее развитие советского государства требует новых организационных мер, то есть репрессивных акций. Регионы СССР, не способные к естественному социально-экономическому развитию (так называемые нехозяйственные области, регион Крайнего Севера и пр.), должны были снабжаться искусственно перебрасываемой рабочей силой — и эту задачу в какой-то мере стали решать трудовые контингенты лагерной системы ГУЛага. Отбор кандидатов в концлагеря шёл по социальным и политическим признакам — в идеале, так как местные органы часто лишь формально выполняли спущенные сверху заявки на поставку определённого числа арестованных и осуждённых.

Но до войны всё же не наблюдалось сплошных, «ковровых» акций такого рода, проводимых по национальному признаку. Хотя легко догадаться, что эта сдержанность вызывалась не столько нравственными тормозами, сколько боязнью осуждения мировой общественностью. Ведь в таком случае масштаб и тотальность репрессий возрастали до сотен тысяч жертв, имевших за рубежом единоплеменников и ещё больше — активных противников любой этнической дискриминации.

Война сняла эти политические ограничители. Появилась возможность, делая уступки великим державам в стратегических акциях, добиваться от них определённых поблажек в возникавших международно-правовых проблемах при явном нарушении прав человека и т. д. Эту готовность поступаться принципами ради национально-эгоистических интересов блестяще продемонстрировал сговор стран антигитлеровской коалиции в Ялте 1944 г., но реально Запад закрывал глаза на сталинские преступления и раньше.

Одной из таких тотальных акций стала высылка в Сибирь 400 000 поволжских немцев в 1941 г., сопровождавшаяся полным разрушением их хозяйственной системы, до того являвшейся образцовой для всего СССР. В октябре-ноябре 1943 г. так же поступили с 75 000 карачаевцев, чьи земли были «подарены» Грузии и Ставропольскому краю. В декабре того же года за ними последовало 134 000 калмыков, а их автономная республика слилась с Астраханской областью. Полмиллиона чеченцев и ингушей было сослано в феврале 1944 г., при этом земли их предков стали российскими. Наконец, в марте-апреле пришла очередь балкарцев (40 000 человек), а в мае — крымских татар. И демократически-правовой евроамериканский Запад при этом молчал, прикрываясь от истории абсолютным неведением того, что творилось в СССР.

Показательно, что в конце ноября 1945 г., когда шёл Нюрнбергский процесс, делегации антигитлеровской коалиции представили перечень вопросов и дел,

не подлежащих обсуждению. То есть это были такие преступления, которые *не уступали гитлеровским*, они совершались союзниками против женщин и детей и могли быть в таком качестве использованы адвокатами подсудимых-нацистов. В пункте 9 этого перечня шла речь и о СССР, конкретно — о его агрессии против Польши (Международная жизнь, 1989. № 9. С. 127–128). Однако у союзников Сталина не хватило гражданского мужества включить сюда и большевистский геноцид в масштабе целых народов, отчего Кремль и получил в очередной раз молчаливую индульгенцию — напрямую от лидеров самого демократичного в мире западного общества...

В предыдущих главах говорилось о неуклонной эскалации антитатарского шовинизма непосредственно в Крыму на протяжении этого периода. Подводя ему итоги, необходимо тем не менее подчеркнуть, что, несмотря на целенаправленное, массированное наступление русскоязычных властей на народ и его культуру, в довоенном Крыму не было отмечено ни одного стихийного шовинистического выступления *всеобщего* характера. Но этого не произошло не потому, что к такому выступлению была не готова русскоязычная диаспора, то есть потенциальные его участники. Просто они были советскими людьми, уважавшими закон, точнее — опасавшимися репрессий со стороны советских же органов. Для такого выступления потребовалась бы команда, чёткий и недвусмысленный приказ сверху, который и при последнем Романове, и в год Красного террора обеспечивал безопасность шовинистов-погромщиков. Теперь, в мае 1944 г., впервые после 1921 г., такой сигнал был снова дан.

И он был услышан.

Задумаемся, почему это произошло? Как могли русскоязычные крымчане, тоже немало пострадавшие от режима в довоенный период, также понесшие немалые потери в ходе коллективизации, чисток и прямых репрессий, безоговорочно ринуться на разбойничий этот клич, раздавшийся из далёкого Кремля? Может быть, такое состояние высокой агрессивной готовности было в СССР всеобщим, и в нём находились все народы империи, которых удерживало от погромов своих «братьев» лишь опасение наказания за это?

Факты говорят о другом. Сталин, как любой крупный лидер, неплохо разбирался в человеческой природе и отлично — в тёмных её сторонах. Но он не был в состоянии одинаково хорошо знать национальные психологии *всех* народов, попавших под железную пяту российского большевизма. И поэтому вождь не мог избежать просчётов.

Так случилось, например, при депортации чеченцев. Ожидалось, что опустевшие чеченские жилища подвергнутся разграблению, мародёрским захватам и массовому заселению соседями — кумыками и татами. Такое участие в репрессиях было бы хоть и косвенным, но одобрением сталинской политики геноцида, самого акта депортации и ещё одним ростком будущего межэтнического конфликта.

Однако чеченские жилища остались незанятыми, мебель в них — на месте, кладбища и храмы — неразорёнными (кроме тех, что были разрушены и сожжены войсками НКВД и другими частями, проводившими депортацию). Невысланные соседи чеченцев отказались играть предназначенную им роль мародёров и грабителей. Более того, кумыки и таты пытались, рискуя жизнью, помочь жертвам геноцида, укрывая чеченцев в своих жилищах и охотничьих избушках высокогорья.

А вот в Крыму сложилась, как мы видели, совершенно иная ситуация. На сей раз вождь не ошибся. Повторяю, сигнал, прозвучавший незадолго до 18 мая 1944 г., был услышан. В Крыму «кумыкско-татский» конфуз не повторился. Русскоязычные крымчане ни в каком понукании не нуждались и Сталина не подвели[1]. Диаспору не нужно было учить, что делать.

Ей нужно только не мешать, а уж поступки её, определяемые этнопсихологией, можно заранее сказать, стопроцентно удовлетворят требованиям власти. Причём власти, которая не только поистине народна (то есть — плоть от плоти этноса), но и является носительницей той же национальной психологии (или массовой психопатологической аномалии). И если власть, повторяем, не вмешивается в творчество масс, то эти массы самостоятельно, исправно и неизбежно генерируют свой, исторически и антропологически уникальный порядок. Причём повсюду (от отдельно взятой лагерной зоны до территории всей страны) и всегда (от погромов начала века до участия в депортации 1944 г. и в чеченских войнах 1990–2000-х гг.).

Смысл этого участия был одинаков во всех городах и иных селениях Крыма. Это лишний раз говорит о наличии в диаспоре этнических, то есть общих психологических черт, не зависящих от места жительства, социального уровня, идеологической (религиозной) принадлежности и интеллектуального развития носителей этих черт. Всё это второстепенные признаки и отличия. Здесь главное и определяющее поступки условие — кровная принадлежность к русской диаспоре.

Её участие в отдельных событиях мая 1944 г. было неодинаковым. Это естественно, ведь и сам геноцид крымскотатарского народа был событием многоплановым. Но оно, это участие, вполне подлежит систематизации — по признакам менявшегося уровня или степени поддержки диаспорой антитатарского террора.

Таких степеней было три, назовём их по нарастающей:

Широкое участие русского населения Крыма в технической подготовке и непосредственном осуществлении высылки коренного народа. Основная форма этого участия — работа по переписи крымскотатарского населения, выявлению необычных мест обитания татар, постоянный контроль за их передвижениями вплоть до 18 мая, участие в патрулях и облавах на жертв депортации после её начала. В этой деятельности было занято, как указывалось, 20 000 штатских крымчан — пособников НКВД. Много это или мало? Численность русской диаспоры той весной составляла всего 379 000 человек. Если учесть, что среднестатистическая семья состояла из 5 человек, то выходит, что каждая четвёртая русская семья Крыма делегировала одного своего представителя для участия в геноциде крымскотатарских сограждан. Поскольку же после тотальной мобилизации начала войны молодых мужчин в этих семьях осталось крайне мало, то нелегко себе представить, как органы смогли привлечь целых 20 000 добровольцев, годных для

[1] Собственно, они мало чем отличались от своих отцов. А также сыновей и дочерей, уже в 1990-х гг. встретивших идею о новой, то есть повторной, «высылке из родных мест всего чеченского народа» всеобщим одобрением (ЛГ. 12.04.1995), не говоря уже о физическом уничтожении непокорных горцев. Что вполне объяснимо — «страна легко вернулась к привычному (средневековому) пониманию: великая держава не та, которая обеспечивает хорошую жизнь, а та, которая убивает как можно больше чужих» (*Вайль П.* Карта Родины. М., 2011. С. 9).

дела. Единственный логичный ответ: под ружьё стали те, кто мог. То есть, скорее всего, все 100 % боеспособного молодого русскоязычного (практически — русского) населения Крыма.

Массовое мародёрство в крымскотатарских жилищах в ходе депортации и после её завершения было освещено выше. Особенно стоит подчеркнуть, что здесь участвовали не только мужчины, но и женщины, которым в целом более свойственна жалость хотя бы к детям. Мародёрствовало русскоязычное население, пользуясь покровительством и даже поддержкой НКВД и НКГБ. А также обычных армейских частей, чей личный состав не проходил спецподготовки, но тем не менее оказался вполне способным на насилие, грабёж, мародёрство, издевательство над нерусскими жертвами геноцида.

Всеобщее участие диаспоры отмечено в актах вандализма, совершённых уже после завершения депортации. Эти акты были явно нацелены против крымскотатарской культуры в целом. Их задачей была тотальная ликвидация всех материальных и духовных памятников, всех старых крымских традиций, чуждых и непонятных для людей, невосприимчивых вообще ни к какой культуре, даже собственной. Здесь имеется в виду совершенно дикарское разрушение кладбищ, мечетей, колодцев, чешме, садов, книг, картин, музеев, национальных школ и т. д. То есть затянувшаяся на много десятилетий и затянувшая всех жителей Крыма ликвидация всей традиционной (то есть крымскотатарской по сути) культурной, природной и исторической среды обитания человека на полуострове.

Зададим себе вопрос: в чём же причина противоположной реакции на геноцид в Крыму и на Кавказе? Очевидно, главным образом в несхожести отношения к советской власти коренных крымцев и кавказцев, с одной стороны, и русскоязычной диаспоры — с другой. Для коренных народов обоих регионов указ о депортации был всеобщей бедой, пришедшей с чужими солдатами. Она касалась всех, не только чеченцев — и кумыки с татами пытались ей противостоять, рискуя собственной жизнью.

Указ не оставил равнодушными и крымчан. Но реакция русских была прямо противоположной. Жертвами депортации становились не наши, а осуществляли её свои, коммунисты, наконец-то собравшиеся навести в Крыму московский порядок. Поэтому от добровольных помощников не было отбою, а в открытые грузовики с плачущими женщинами и детьми летели камни (их швыряли с тротуаров и обочин те, кто оставался хозяевами Крыма без крымцев)... Ничем иным, кроме слепой ненависти к нерусским, невозможно объяснить такой густой замес аморальности, такое нравственное падение русской диаспоры Крыма весной 1944 г.

Есть указание и на две более «приземлённые», конкретные причины тому, что «после освобождения ненависть к татарам прямо в воздухе висела» (воспоминания преподавательницы из Симферополя Дьяковой; цит. по: *Вяткин*, 2005. С. 52). Первая причина — «в период „коренизации“ татары, являясь этническим меньшинством, обладали мощными квотами во всех органах власти, что вызывало недовольство и зависть у всех остальных народов. И вот появился шанс припомнить былые обиды, руками государства и под благовидным предлогом убрать конкурентов». Вторая — уже периода оккупации. Сложилось мнение, что немцы и румыны относились к крымским татарам более снисходительно, чем к славянской части населения Крыма (там же). Что, очевидно, было источником всё того

же человеческого чувства — зависти. Или же, у части остального населения, прямой ненависти к крымцам. Или неприязни, имевшей место и в довоенное время, но во время оккупации получившей новую «подпитку».

Очевидно уже к 1940-м гг. обычный антитатарский, то есть великодержавный, шовинизм (ранее, до войны выражавшийся в худшем случае в оскорблениях и социально-экономической дискриминации) поднялся на качественно новый уровень, став в буквальном смысле слова смертельной ненавистью. Это не метафора — ведь сложилась ситуация, когда все, кто мог носить оружие, направили его на своих нерусских соотечественников с целью осуществления геноцида. То есть добровольно беря на себя исполнение смертного приговора массе невинных людей. И это — несмотря на то, что приговорёнными оказались такие же беспомощные женщины, дети и старики, каких оставили дома, уходя с винтовками в ночь на 18 мая 1944 г., эти сравнительно молодые и крепкие фольксштурмисты, правда не германской, а славянской принадлежности.

Жизнь даётся человеку один раз. И главное решение в этой жизни каждый из нас принимает тоже один раз. Вот так, судя по всему, без колебаний, эти будущие пособники палачей и приняли главное решение своей жизни. А для многих оно и определило всё дальнейшее бытие[1].

Даже столь схематично изложенный, этот исторический факт в очередной раз разоблачает упорно навязываемое обществу, как постсоветскому, так и зарубежному, мнение о том, что большевистский террор (в том числе и этнический) — дело рук Сталина, Берии, Кобулова и т. д., но никак не народа в целом. В Крыму, где коренной народ и диаспора после войны численно соотносились примерно как 1 к 2, власть предоставила этим двум возможность избавиться от одного. То есть, говоря метафорически, предложили затолкать в телячий вагон одного татарина, ликвидировав старый источник дискомфорта от присутствия нерусских в Крыму. И диаспора не замедлила всенародно откликнуться на это предложение, хотя было ясно, что ей придётся участвовать не в какой-то беззубой пропагандистской акции (как бывало раньше) и даже не в «простом» погроме, а в кампании настоящего геноцида.

Собственно, последняя фраза не должна вызывать никакого недоумения. Геноцид предназначался крымцам, остальные могли предвкушать совсем иное событие — погром. Причём погром уникального размаха (весь Крым — это не мелкое еврейское местечко!), а также редкой притягательной силы: и безнаказанный, и невиданно добычливый. Ведь стоило только помочь власти убрать из квартир и домов хозяев-татар, и с их добром, их жилищем можно будет спокойно разобраться, не торопясь, не ожидая каких-то помех.

Такой случай нельзя было упускать, он был неповторим — вот народ и кинулся в погром, как в праздник, радостно возбуждённый собственной безнаказанностью.

---

[1] Из практики работы с массами органов ВЧК–ОГПУ–НКВД–КГБ–ФСБ (да, наверное, и СБУ тоже) известно, что любой единожды посодействовавший «органам» гражданин прочно садится на крючок такого рода организации. Кстати, не исключено, что именно возможность так легко и просто завербовать тысячи потенциальных внештатных сотрудников для органов и стала одной из причин обращения к славянской диаспоре за помощью в депортации крымских татар. Это была часть сверхзадачи депортации, рассчитанная на дальнюю перспективу (об этом см. сл. раздел).

Во многих воспоминаниях повторяется такая яркая деталь, как счастливый хохот и даже песни мародёрствующей толпы. Но это неудивительно — такая массовая эйфория как раз и присуща любому погрому как основная его черта.

В Санкт-Петербурге среди многих десятков музеев есть два, которые наиболее полно отражают несчастье, случившееся с огромным городом во время войны. Это Музей блокады и Музей истории города (в последнем 12 залов посвящено блокаде). Экскурсоводы этих музеев Елена Жушман и Ольга Федорченко рассказывают одинаковые и вполне понятные, в общем-то, вещи. Когда в эти музеи приходят туристы из Германии, то с ними становится нелегко нашим работникам, стремящимся создать нормальную экскурсионно-прогулочную атмосферу: «у немцев жуткий комплекс вины, несчастные глаза». И это почти правило, это — *у всех* немцев-посетителей (*Морозова Т.* Лицом к лицу // Мой район (СПб.). 27.01.2012. С. 4).

Хочется верить, что когда-нибудь в Симферополе или Бахчисарае будет создан Музей депортации и Возвращения. Интересно, будут ли «несчастными» глаза у посетителей — потомков тех, кто участвовал в Большом погроме или служил в частях НКВД в 1944 г.? Или громил на рубеже 1990-х гг. скромные времянки крымцев, вернувшихся на родину? Или просто *у всех* русских?

б) Сверхзадача депортации

Судя по некоторым данным, кроме очевидных, лежавших на поверхности целей (очищение полуострова от неславянского населения, геноцид «бесполезного» для большевиков народа и пр.), депортация была задумана Сталиным и элитой его пособников для решения не менее важной сверхзадачи. От упомянутых целей её отличал масштаб — она решала проблему, имевшую отношение не столько к крымским татарам, сколько ко всему советскому народу.

Вспомним о том, что и Сталин, и Гитлер, привлекая массы, *многих* к расправе над *немногими* (относительно немногими, конечно), решали задачу сплочения этих масс вокруг собственной имперской идеи. То есть, оказавшись во главе чрезвычайно пёстрого и разрозненного населения, Сталин решил провести тотальную духовную и психическую мобилизацию и концентрацию этого лоскутного сообщества с целью превращения его в единую сверхнацию. А именно, создать имперскую нацию, обладающую общими территорией для существования, идеологией и историей. Только она была способна продлить существование российской империи, время которой подходило к концу[1].

[1] Историки, обращающиеся к имперской теме через 60 и более лет после осуществления Сталиным своей идеи, лишь подтвердили справедливость таких опасений: «Век империй закончился в XX столетии, они были уничтожены в ходе двух мировых войн. Единственным исключением осталась московская. Она выкарабкалась из исторической ловушки с помощью большевизма с его фанатичным террором. Правда, потеряла при этом часть стран, входивших в её состав. Второй раз она восстала из пепла после распада СССР, вновь лишилась части территорий и сейчас доживает свой век, судорожно пытаясь сохраниться в абсолютно антиимперских исторических реалиях XXI в. с их склонностью к глобально-сетевым небюрократическим структурам. На данный момент Россия — это атавизм, который не только бесполезен, но и вреден, ибо мешает развиваться как народам, населяющим империю, так и человечеству в целом» (*Чернов*, 2006. С. 12).

Но прийти к такому конечному результату ему, как и Гитлеру, требовалось в исторически кратчайший срок. То есть ситуация сложилась настолько угрожающая империи как таковой, что не имело смысла ждать окончания естественного процесса слияния народов в сверхнацию в результате общности существования под воздействием пропаганды и агитации, партийного воспитания и т. п. Всё это если и привело бы к желанной цели (что вряд ли, судя по развалу других империй), то нескоро. Этот проект потребовал бы десятков и десятков лет — ведь война показала, что, несмотря на многомиллионные «чистки», при первом же ослаблении влияния партии и власти на народы в массах выявляется значительная часть не просто нейтрального, но прямо антисоветского элемента.

Единственным реальным средством, способным активизировать процесс консолидации масс, оставалось искусственное пробуждение их дремлющего архаического подсознания путём вовлечения в ритуал, способный максимально потрясти души. А что потрясает их более глубоко, чем кровавые жертвоприношения, чем собственное участие в них?

Гитлер, прибегнув к этому средству, избрал в качестве ритуальной жертвы евреев и во вторую очередь — коммунистов. И всегерманское ритуальное умерщвление свершилось по намеченному им плану, принеся нужный результат, — преданность идеям нацизма стала практически всеобщей, как и обожание фюрера, до последнего года своей жизни не опасавшегося показываться толпам в открытом автомобиле, — в Германии у него были только сторонники[1]. Ему удалось высвободить и развить ослабленное цивилизацией древнее влечение человека к таинственной магии ритуала. И немецкая масса сконцентрировалась, готовая к броску на новую жертву.

В сталинском СССР эта же схема дала сбой. Вождь ошибся в выборе жертвы. Гитлер пригласил народ поучаствовать в охоте на *чужих*, на евреев, по сравнению с которыми число *своих*, немецких коммунистов было ничтожно. Сталин же в 1930-х гг. стал хватать без разбору не только чужих (еврейскую элиту из собственного круга, нацменов и пр.), но и своих, какими для сотен тысяч и миллионов крестьян были репрессированные кулаки, подкулачники, сельские «вредители» и т. д. Поэтому народы сталинской империи, вместо того чтобы объединиться вокруг вождя, напротив, озлились (причём именно массово) на власть, которая почём зря льёт народную кровь и устраивает голодоморы. Это показали, повторяем, первые же месяцы войны: народ в мундирах пошёл сотнями тысяч сдаваться в плен, а в первых же занятых немцами городах оккупантов встречали цветами.

Пришлось начинать всё сначала. То есть снова, как перед Красным террором, звать народы назад, в тёмную архаику. Пока шла война, это было невозможно, поэтому пробавлялись фильмами, восхвалявшими исторических злодеев — серийных убийц вроде Александра Невского или Ивана Грозного. Но, как только немца вытеснили за рубеж, Сталин закатал рукава. Теперь, наученный горьким

[1] Напомню, для сравнения, совсем недавний факт. Когда В. Путин отправлялся на свою инаугурацию в Кремль 7 мая 2012 г., то улицы Москвы по пути следования кортежа были *полностью* очищены от прохожих, хоть ехал президент не в открытом кабриолете, как Гитлер, а в закрытом бронированном автомобиле (*Драгунский Д.* По голой улице с эскортом // НГ. 14.05.2012).

опытом, он стал действовать по-гитлеровски — и пригласил массы к убийству *чужих* соотечественников, к новому погрому.

Ритуальное убийство должно было быть грандиозным, иначе оно теряло силу воздействия, будучи неспособным поразить воображение. Смысл ритуала, его отличие от рациональных действий в его магическом токе — в том, что он по определению бессмыслен, внешне бесцелен и бесполезен[1]. И поэтому депортация даже одного крымского татарина, «заказанного» начинающему следователю 1930-х, навсегда превращала этого юриста в послушное орудие антиправового тоталитарного режима. А внезаконная депортация целого народа превращала в такое орудие всю славянскую диаспору Крыма. Предлог годился любой. Держаться следовало лишь одного принципа — массовости репрессий. Оттого и подвергли геноциду сразу, скопом полдюжины неславянских народов. Причём, в массе, людей мирных, безвинных. Именно они должны были первыми лечь на огонь жертвенного алтаря, поскольку принесение в жертву *виновного* — уже не ритуал, а обычное возмездие, не оказывающее на публику почти никакого воздействия.

Достиг ли Сталин своей цели? В общем, да. Механизм сплочения, консолидации заработал ещё до завершения депортации. Люди, переселившиеся в Крым в разные годы из различных регионов СССР, до сих пор имевшие между собой мало общего, во время депортации, а точнее Большого погрома, впервые стали действовать слаженно, в едином порыве, понимая друг друга с полуслова. Затем вести о произошедшем с крымцами, чеченцами, калмыками, черкесами и т. д. стали расходиться по широким просторам империи. И люди, стоявшие в послевоенных голодных очередях, судача об этих неслыханных ранее событиях, как один сжимали кулаки, в голос заявляя: «Моя бы воля, я бы их всех перевешал!»

И заряд освобождённой Сталиным мрачной этой энергии сохранил своё высокое напряжение на протяжении десятилетий после его смерти. Доказывать тут ничего не требуется, стоит только вспомнить действия добровольных помощников милиции в разгроме бедных хижин и землянок в посёлках («самостроях») вернувшихся в 1980-х и начале 1990-х гг. в Крым татар. Для иллюстрации этого дальнего эха сталинской перестройки сознания имеет смысл привести иллюстративный материал. То есть показать, как это было через много лет после Большого погрома сталинских лет. Предварительно замечу, что строительных участков крымцам, вернувшимся на родину, не давали[2], и люди были вынуждены занимать окраины

[1] Здесь и крылся казус, смысл которого нормальные люди десятки лет не могли постичь. Оказавшись в ссылке, они писали в Москву о несправедливости, свершившейся над ними, о своей преданности советской Родине, о своих военных и трудовых заслугах и т. д. При всём сочувствии и уважении к этим идеалистам следует заметить, что они не знали истории и сути ритуальных убийств. Расправа общества с действительно виновным, пусть даже самая жестокая и несообразная (отсечение руки за кражу коробка спичек), почитается разумной и справедливой, ибо таков закон или, скажем, местное его истолкование. Но ритуал — это не рациональное правосудие. Ведь если бы Сталин покарал очередные сотни тысяч зажиточных крестьян-«кулаков», растратчиков или дезертиров и т. д., это нужного воздействия на народ никак не оказало бы.

[2] Точнее, землю им предоставляли (не могли не давать после соответствующих постановлений Центра), но почти исключительно в безводных и бесплодных степных районах Центрального и Западного Крыма. Однако, во-первых, бывшие жители побережья и гор

Вверху: 1990-е гг. Приготовление к нападению; внизу: снос домика крымца-репатрианта. *Фото из коллекции издательства «Тезис»*

родных селений самовольно, — что и являлось поводом для сноса таких «самостроев». При этом едва поднявшиеся домики громила даже не милиция, не солдаты внутренних войск, а обычные жители — дети и внуки тех самых участников послевоенного Большого погрома, о которых шла речь. Итак, представляем несколько любительских фотографий, снятых на месте событий рубежа 1980–1990 гг.

На первом снимке видно, как готовилась типичная акция насилия над «возвращенцами». Обратите внимание на кол или оглоблю в руках одного из добровольных участников готовящегося погрома. Милиция демонстративно не обращает внимание на это орудие насилия, приготовленное на случай, если кто-либо из крымцев станет грудью на защиту жилища и своей семьи. На втором фото

не приспособлены к степному быту — так же, как и степняки — к жизни в горах. Во-вторых, люди стремились вернуться именно на *родину*, то есть в те сёла и города, где жили предки. Желание, вполне понятное даже для поколения, родившегося в Узбекистане, — ведь родители с детства, прививая им любовь к покинутому Крыму, рассказывали не обо всём полуострове, а о конкретной «малой родине» каждого, прекрасной и неповторимой по-своему.

Жилища крымских татар, разорённые «новыми крымчанами». *Фото из коллекции издательства «Тезис»*

запечатлена акция в самом разгаре. Что интересно — милиция (левый угол снимка) участия в грязной работе не принимает, здесь вполне достаточно и добровольных вершителей судеб отдельно взятой крымскотатарской семьи. При этом женщина-милиционер даже улыбается, довольно глядя на происходящее. И наконец, три последних снимка, не требующих комментариев, — это результаты акций такого рода.

Готовы были «патриоты» и на более жёсткие действия против крымцев. Некий А. Круглов, председатель организации, называющей себя Российское народное вече (Севастополь), измыслив какие-то агрессивные планы, якобы имевшиеся у возвращавшихся татар, заявлял в те же годы: «Турки могут прислать татарам оружие, конечно, в любое время, однако мы очень хорошо знаем, что нас вдесятеро больше, но ещё важнее то, что за каждого русского мы отрежем 10 татарских голов» (цит. по: *Doroszewska*, 1995. P. 52).

Таким образом, в эпоху Возвращения семена, посеянные в далёком послевоенном прошлом, дали дружные всходы: люди в погонах теперь в погромах вообще не участвуют, целиком передоверив это дело местным патриотам.

Но вернёмся в 1944 г. для того, чтобы привести ещё два наблюдения, относящиеся к теме этой главы лишь косвенно. Речь пойдёт о влиянии кампании по выселению крымцев и последствий депортации на психику её жертв — и оставшихся на полуострове молчаливых свидетелей. Что касается первых, то здоровые начала естественно сложившегося народа оказались на высоте. Так же как и после более ранних катастроф общенационального масштаба, крымцы не озлобились на своих гонителей, не повредились разумом из-за неутолённой жажды мести, не ожесточились сердцем в семейном и общественном бытии, хотя они и были низвергнуты в ситуацию, которая хуже самой смерти[1].

Другое дело — остальное общество, «советский человек» как таковой. Конечно, было бы преувеличением утверждать, что психика в результате депортации народов последнего как-то резко изменилась, причём наглядно, явно для всего мира. Этого, по-видимому не произошло, но изменения, хоть и незримые, случились. Они не могли не произойти после того, как советский народ отдал себе отчёт в том, что он вправе осуществлять геноцид других народов, объявив их преступными. Собственно, этого и добивался Сталин. Незаметно для самих себя и окружающего мира истинно советские люди (к счастью, далеко не все подданные империи) стали, во-первых, послушным орудием в руках кремлёвского палача, а во-вторых, ощутили в себе способность на бесчеловечную расправу над невинными, способность творить зло. Весьма ёмкое и точное определение страны *таких* людей — «империя зла» — будет сделано позднее.

Упомянутую перемену в психике советского человека как следствие депортаций можно обозначить всего тремя словами: ему стало нестрашно. Нестрашно оправдывать убийство невинных крымскотатарских младенцев, женщин

[1] Это не преувеличение, не метафора, — покойник имеет право хотя бы на почтительное к себе уважение, на достойное погребение и т. д. Крымцы же были не то чтобы лишены законом тех или иных прав. Для них закон вообще перестал существовать как таковой. По сути, на них распространился давно забытый человечеством статус людей вне закона, над которыми любой подданный того или иного монарха мог совершить любое насилие, не опасаясь судебного преследования.

и стариков. Нестрашно злорадствовать, услышав об уже готовившейся депортации и геноциде очередной многомиллионной партии сталинских жертв — украинцев или евреев (начало 1950-х гг.). А ещё позже — нестрашно смотреть по телевизору, как «наши» самолёты обрушивают первые бомбы на мирные чеченские города. А потом одобрять очередное преступление неосоветского режима — казнь без суда и следствия демократически избранного президента чеченского народа Джохара Дудаева. И так далее и тому подобное — примеры такого рода можно приводить долго, но они будут излишни в доказательстве уже прозвучавшего простого вывода: в 1944 г. был наконец-то достигнут идеал советского человека — члена сообщества без страха, без той «химеры, что называют совестью» (выражение Гитлера).

И ещё одно заключение. Именно благодаря «суперактивной» позиции крымской славянской диаспоры в истории империи становится актуальной вторая (после *Красного террора* 1920–1921 гг.), чисто крымская реалия: *Большой погром* 1944 г. Думается, что это определение должно войти в школьные и вузовские учебники истории наряду с такими уникальными событиями, каким был упомянутый Красный террор, — хоть крымский погром был масштабом и поменьше.

Было бы ошибкой утверждать, что депортация сменилась Большим погромом. Эти два процесса шли параллельно и как бы перетекали друг в друга. Но Большой погром вёл к результатам, в 1944 г. далеко не всеми осознанным:

а) Он ужесточил депортацию. Психологический террор такого масштаба и жестокости был немыслимым и нестерпимым, запредельным для нравственного строя крымскотатарской души. Поэтому он глубоко поразил и психически обессилил свои жертвы, лишив их последних средств и сил к сопротивлению самой депортации и её губительным последствиям в течение ближайших недель и месяцев.

б) Став важной частью истребления материальной и духовной культуры крымских татар, он неимоверно затруднил борьбу с более общими последствиями депортации 1944 г. в последующие десятилетия. Более того, в определённой степени Большой погром ослабил процесс грядущего Возвращения на родину коренного народа Крыма: в душах части ссыльных зародился страх перед будущей встречей с бывшими мародёрами и погромщиками, которые готовились к «тёплому приёму» их в старинных крымских сёлах и городах.

в) Большой погром размежевал тюркское и славянское население полуострова и резко противопоставил одних другим. Это противостояние способно сохраняться десятилетиями. В него включались и переселенцы послевоенных лет, в погроме не участвовавшие, но окунувшиеся в созданную в Крыму душную атмосферу ненависти и презрения к депортированному коренному народу. Тем самым Большой погром заложил мину замедленного действия и под процесс будущего Возвращения на родину коренного народа Крыма, возрождения его культуры в будущем.

в) Общие результаты депортации

Что же представлял собою полуостров в первые дни и недели после завершения депортации? Прежде всего бросалась в глаза безлюдность множества деревень, ранее заселённых полностью или почти полностью крымцами. Это можно сказать о Бахчисарайском и Ак-Шейхском районах, но не только. Простой пример: из 9 ялтинских сёл, где проживало 1470 семей (5546 человек) различной национальной принадлежности, осталось после депортации 249 человек, или 69 семей, преимущественно русских; в Дегерменкое из 995 жителей осталось 9 человек, или менее 1 % (*Мустафаев*, 1994. С. 2).

Какими же были материальные утраты, понесённые народом? На этот вопрос дало ответ само советское государство. После завершения депортации была сделана опись крымскотатарского имущества, которого они лишились. Опись эта проводилась до 24 сентября 1944 г. То есть она была завершена более чем через три месяца после того, как последний эшелон с жертвами покинул полуостров, через целых три месяца, на протяжении которых славянское население беззастенчиво растаскивало движимое имущество жертв депортации. Уже по этой причине подсчёт не мог быть верным.

Но имела место и преднамеренная фальсификация полученных при описи данных. Это удалось выяснить благодаря инициативе крымских татар, проведших в 1973–1974 гг. собственную перепись, в которую вошли и данные о материальных утратах[1].

Согласно народной переписи, проведённой в указанные годы, депортации подверглось около 238 000 человек, из которых в самые тяжёлые первые полтора года от голода, холода, каторжного труда и болезней в местах спецпоселений преждевременно умерло 110 000 человек, или 46 % нации (*Білуха, Власенко*, 2004. С. 315)[2].

Поражают цифры материальных утрат народа, понесённых в результате высылки и Большого погрома. Было безвозмездно отчуждено 80 350 домов, 34 000 земельных участков, около 500 000 голов скота, 360 пасек, 40 000 т готовой сельхозпродукции — это не считая колхозного имущества, некогда принадлежавшего крестьянам, зерновых посевов, табачных и виноградных плантаций, садов, чаиров и баштанов, сельхозинвентаря, частного транспорта, подвод, рыбачьих лодок, мебели и многого, многого другого (*Білуха, Власенко*, 2004. С. 328–329). А также всей промышленной и духовной продукции, выработанной крымскотатарским народом на государственных предприятиях, в научных институтах

[1] Эти данные были собраны в машинописной «Исторической справке, составленной крымскотатарским народом по материалам переписи, проведённой самим народом» и опубликованы вначале в самиздатовской «Хронике текущих событий». М. Вып. 31. 17.05.1974, а затем в: *Білуха, Власенко*, 2004. С. 328–329. После этого по инициативе Тимура Дагджи была создана независимая экспертная комиссия (в которую вошли доктора и кандидаты экономических наук), подсчитавшая на основе упомянутого документа, а также дополнительных архивных материалов общую сумму ущерба, понесённого крымскотатарским народом в результате депортации. Эти данные были опубликованы в крымской печати (Справка, 2006).

[2] Историк-краевед Рефат Куртиев обратил внимание и на то, что крымские татары были не просто вывезены с территории исторической родины, но и рассредоточены по более чем 70 регионам СССР. Отсюда его вывод: «Крымскотатарский народ был обречён на вымирание как этнос. Этому способствовало расчленение народа по всей территории Советского Союза [в места], которые были удалены друг от друга на тысячи километров». Среди прочего, сама «жизнь в чуждой этнической среде» явилась важным условием «для этноцида и геноцида крымскотатарского народа» (*Куртиев*, 2004. С. 7).

и исследовательских центрах, в студиях, вузах и так далее. Всего, по сделанным позднее подсчётам, урон, нанесённый депортацией народу, равен *37,93 миллиарда долларов* США (Справка, 2006. С. 7) — и это ещё не учитывая расходы семей на самовозвращение из мест ссылки на историческую родину за последние 20 лет.

Огромен был невозместимый урон, нанесённый крымскотатарской культуре. Если считать только крымскотатарские (национальные) библиотеки, то было ликвидировано (то есть не перемещено, не продано, а именно уничтожено, по большей части, в огне костров) 560 сельских библиотек и изб-читален, 861 школьная библиотека, несколько фундаментальных библиотек в культурных центрах и 112 значительных частных книжных собраний. Была закрыта 861 крымскотатарская школа, а также масса культурных учреждений — от сельских клубов до уникальных, то есть имеющих мировое значение, музеев и национальных отделений высшей школы, также до того существовавших только в Крыму. Причём этот вандализм касался не только крымскотатарских библиотек и других институтов национальной культуры.

Были уничтожены книги на языке коренного народа, хранившиеся и в русских библиотеках Крыма. Самый трагический пример такого рода — судьба «Таврики». Эту библиотечную коллекцию, являвшуюся крупнейшим в мире собранием книг, рукописей, карт и фотоматериалов, имевших отношение к Крыму, основанную в начале XIX в., грабили уже при отступлении Красной армии в начале войны. Затем отсюда вывезли около 2500 ценнейших книг немецкие оккупанты. Но ни «наши», ни немцы не интересовались литературой на крымскотатарском языке. Очередь до неё дошла после 18 мая 1944 г. Как сообщали очевидцы, крымскотатарские книги, в том числе и принадлежащие к раритетным, в том числе и уникальные, сжигали прямо во дворе Центрального республиканского музея. Причём этих книг было столько, что костры не затухали «в течение нескольких недель» (*Вольвач*, 1999. С. 5). Наверное, когда-нибудь в этом нешироком дворике будет воздвигнут памятник казнённым книгам...

Едва ли менее трагична судьба разнообразных рукописных материалов (в том числе и литературных, включая не только дореволюционные, но и средневековые), хранившихся в библиотеках и национальных музеях крымскотатарского народа. Они попросту исчезли. Бесследно и, возможно, навсегда. Как отмечает доктор филологических наук Исмаил Керим, до сих пор «не найдены и не исследованы сотни (подчёркнуто мной. — *В.В.*) ценных рукописей, исчезнувших после депортации крымскотатарского народа» (*Керимов*, 1999. С. 5).

Наступление на крымскотатарскую культуру продолжалось и в местах ссылки. Дети — а их было около 46 000 — были вынуждены разделять каторжный труд на хлопковых и иных полях со взрослыми, подбирать случайно оброненные зерна злаков, рвать лебеду и другие травы на похлёбку, иначе семьи просто не выжили бы. Поэтому лишь 10 % из сосланных детишек могли посещать школу (*Аблаев Э.* Колониализм в области образования, или Судьба депортированного народа // ГК. 10.06.2005. С. 7). Остальные 90 % оставались во тьме полного невежества, теряя год за годом золотое время, в течение которого происходит формирование ума и основных качеств характера человека.

Это выводы не только крымцев — свидетелей преступления, не только крымских учёных и общественных деятелей. Общие результаты депортации исчерпывающе констатировала и Московская Хельсинкская Группа, которая в ноябре 1977 г. направила участникам Белградской встречи по безопасности и сотрудничеству в Европе письмо, в котором, в частности, утверждалось:

«**Этим актом выселения крымскотатарский народ лишился:**

— родного края, в котором предки нынешних крымских татар, осваивая землю, с первых веков нашей эры сформировались как народность, назвав свой край на родном языке Крымом, а себя впоследствии — крымскими татарами;

— памятников материальной культуры, созданной руками талантливых представителей народа в течение многих веков.

У крымскотатарского народа ликвидированы:

— начальные и средние школы обучения на родном языке — гарантия существования и сохранения крымскотатарского языка;

— высшие и средние учебные заведения, специальные и профессиональные, технические училища с преподаванием на родном языке — кузницы национальных кадров;

— национальные ансамбли, театры и студии;

— газеты, издательства, радиовещание и другие национальные органы и учреждения (союзы писателей, журналистов, художников и т. д.);

— научно-исследовательские институты и учреждения по изучению крымскотатарского языка, литературы, искусства и народного творчества.

У крымскотатарского народа уничтожены:

— кладбища и могилы предков с надмогильными камнями и надписями;

— памятники и мавзолеи исторических личностей народа.

У крымскотатарского народа отняты:

— национальные музеи и библиотеки с десятками тысяч томов на родном языке;

— клубы, читальни, молитвенные дома — мечети и медресе.

Фальсифицирована история формирования крымскотатарского народа как народности и уничтожена исконная топонимия:

— переименованы названия городов и сёл, улиц и кварталов, географические названия местностей и т. п.;

— переделаны и присвоены народные легенды и другие виды народного творчества, созданные веками предками крымских татар.

В результате таких мер, подорвавших корни национального существования и развития народа, на глазах всего советского народа и мировой общественности запятнана честь всего крымскотатарского народа» (цит. по: Проект, 2005. С. 3).

Остаётся добавить, что подчёркнутая в этом документе дискриминация по национальному признаку проводилась не только среди живых, но и среди жертв как большевистского, так и нацистского режимов. Причём эта порочная практика благополучно перешла и в XXI в. В томе украинской Книги скорби, посвящённом Крыму, в издании, задуманном, казалось бы, с благородной целью сохранения памяти о погибших, также используется эта практика. Приведу один пример. В селе Унгут (Кировский район) немцами была расстреляна большая группа местных жителей. В упомянутом томе они перечислены пофамильно, с указанием национальности (не забыты даже оказавшиеся в селе цыгане Барие Алим и Барие Сеитвели). Не указана здесь национальная принадлежность

лишь крымцев, и, кроме того, сокращено число погибших — оно ограничено лишь одной фамилией Бабалиевых (от Алима Султана до Эрзаде), общим числом 18 чел. (Книга скорби, 2001. С. 259), тогда как на самом деле в этом селе были казнено 52 татарина (*Музафаров*, 1991. Т. 2. С. 743). А в куда более объективных исторических работах встречаются и косвенные оправдания депортации. Так, утверждается, что «крымскотатарский народ заплатил очень высокую цену за политическую недальновидность и просчёты своей элиты» (*Романько*, 2011. С. 337). То есть виновником депортации и геноцида народа объявляется некая национальная «элита», которая якобы просчиталась в своей политике и «увела» народ не в ту сторону.

И последний результат депортации, который требует некоторых предварительных пояснений. Он касается нового места в «братской семье советских народов», в которое не по своему желанию был отныне помещён коренной народ Крыма. В сталинский период имелось несколько важнейших утверждений или суждений, выработанных теоретиками партии и имевших авторитет природного закона. Эти постулаты были известны всем — их заучивали со школьной скамьи. Один из них, принадлежащий «гению всех времён и народов», получил прямое отношение к крымцам. Им определялась *нация* — как «исторически сложившаяся устойчивая общность людей, сформировавшаяся на основе общего языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» (*Сталин*, 1938. С. 6). И соответственно, если хоть одного из этих обязательных четырёх условий недоставало, любая нация переставала быть нацией.

В 1944 г. крымских татар лишили их *территории* без права когда-либо на неё вернуться. Вот так, одной акцией, занявшей менее месяца, древняя общность крымцев была вычеркнута из числа наций планеты — по крайней мере, в глазах многомиллионного советского окружения. И в этом новом унизительном статусе безродной этнической группы приходилось отныне как-то существовать — такого в истории крымских татар ещё не было...

г) Проблема геноцида

Неисчислимый и невосполнимый ущерб причинила депортация коренному народу Крыма, подвергшемуся в 1940-х гг. и позже *геноциду*. Именно так, геноцидом — были определены действия советских властей по отношению к крымскотатарскому народу Законом РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107–1 «О реабилитации репрессированных народов». В статье 2 этого Закона насильственное переселение народа признано «геноцидом». К аналогичному выводу приходят и зарубежные эксперты[1].

На момент написания этой книги соответствующего закона Украиной не принято — о причинах этого преступного равнодушия к судьбе целого народа можно только догадываться. Возможно, в связи с этим время от времени в крымских (бывших партийных) органах печати появляются протесты русскоязычных авторов против употребления характеристики самой акции депортации как геноцида. Поэтому придётся сделать небольшой экскурс в область международного права.

[1] Германский историк-социолог Норманн Наймарк считает, что депортация — такой же геноцид, как холокост, ибо она сопровождается тотальным насилием против мужчин, женщин и детей, отличаясь от «простых» погромов «большей целенаправленностью и эффективностью, будучи обращённой не только против своих жертв, но и против их культурного наследия, исторической памяти, этнической идентичности» (цит. по: *Brandes, Sundhausen*, 2010. S. 230–231).

Это был именно геноцид в смысле, придаваемом этому термину Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 09.12.1948 г. и вступившей в силу 12.01.1961 г.

Статья 2 этой Конвенции гласит:

«В настоящей Конвенции под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

a) убийство членов такой группы;

b) причинение серьёзных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;

c) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение её [...]

Статья 3.

Наказуемы следующие деяния:

a) геноцид; b) заговор с целью совершения геноцида; c) прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида; d) покушение на совершение геноцида; e) соучастие в геноциде».

Статья 4 того же документа устанавливает:

«Лица, совершающие геноцид или какие-либо другие из перечисленных в Ст. 3 деяний, подлежат наказанию, независимо от того, являются ли они ответственными по Конституции правителями, должностными или частными лицами».

Из приведённого официального акта (подписанного, среди прочих, и политиками советской империи) неопровержимо следует, что по отношению к крымцам был совершён именно геноцид — это типологическое, качественное определение тяжкого преступления. В частности, же из ст. 3, п. «e» можно сделать вывод, что определённая часть российской диаспоры в Крыму, активно и добровольно участвовавшая в геноциде крымских татар (18 мая 1944 г., а также в более поздние периоды), по-прежнему представляет собой *группу преступников* и подлежит наказанию в соответствии с международными правовыми нормами.

Очевидно, стоит уделить внимание некоторым теоретическим вопросам, непосредственно связанным с проблемой геноцида, — рано или поздно это осмысление всё равно станет необходимым.

Начнём с истории. Известно, что некогда именно «геноцид был нормой отношений между конкурирующими сообществами на протяжении двух с половиной миллионов лет» (*Назаретян*, 1996. С. 45). Тогда он и за преступление, естественно, не считался. Но времена меняются, изменились правила цивилизованного общежития, теперь геноцид — явление редчайшее, наблюдающееся в исключительных, как правило, экстремальных, ситуациях. Что, конечно, никак его не оправдывает; напротив, со временем антигеноцидное законодательство всё более совершенствуется. То есть фактически наказуемость за геноцид становится всё более неотвратимой и жёсткой.

Тем не менее рецидивы геноцида ещё встречаются, что требует своего объяснения. В принципе, оно уже сделано, истоки такого рода агрессии с каменного века не изменились. К ней ведёт необходимость солидаризации общества; а самый примитивный и доступный путь к этому (если неохота цивилизоваться, то есть находить культурную основу для солидарности) и есть стремление найти общего врага. Это сближает, когда можно совместно его преследовать. Для облегчения же мук совести (по поводу невинно убиенных) ментальный механизм самозащиты человека ещё в давние времена автоматически выработал простую оговорку: враги — это не такие люди, как мы, то есть это — нелюди. И мучиться по их поводу угрызениями совести так же смешно, как протестовать против зимних шапок, сшитых из шкур убитых животных, то есть тоже нелюдей.

Конечно, не все малоцивилизованные общества агрессивны. Другими словами, к активному участию в геноциде одни склонны больше, другие — меньше. В 1924 г. К. Чапек заметил: «Если один народ верит в то, что люди должны как-то притерпеться друг к другу, а другой — что им следует друг друга пожирать, то это, конечно, существенное различие...»

Но, с другой стороны, существует аксиома о том, что нет плохих племён и народов, а есть (отдельные) плохие люди. Аксиома же на то и аксиома, чтобы с ней не спорить, а принимать как данность. Попытаемся её хотя бы понять.

В Прологе (I том) уже говорилось о том, что истоки малосимпатичных поступков (или поведения) человеческих коллективов — от людоедских племён до «великих» наций — не в их прирождённой преступности, а лишь в стадиальном уровне исторического развития этнопсихики. Как указывал швейцарский психиатр и этнолог К. Юнг, «в цивилизованном обществе, в котором люди, образующие с точки зрения психологии низший слой, живут в состоянии бессознательного, мало отличающемся от первобытного состояния. Обитатели последующих страт (то есть групп различных уровней цивилизованности. — *В.В.*) живут на уровнях сознания, соответствующих начальным этапам человеческой культуры, тогда как [только] принадлежащие к высшему слою наделены сознанием, которое отображает жизнь нескольких последних столетий» (*Юнг*, 1991. С. 206).

То есть люди, мыслящие категориями прошлого и совершающие поступки, постыдные для цивилизованного человека, — вовсе не преступники. С другой стороны, К. Юнг обоснованно сообщает, что душевнобольные «оказываются в состоянии репродуцировать точно такие же образы и взаимосвязи, которые нам известны из старинных текстов» (*Юнг*, 1998. С. 105). Другими словами, эти люди живут в далёком, племенном прошлом, когда и геноцид был не преступлением, а нормой жизни.

Теперь мы можем дополнить вышеприведённую аксиому в том смысле, что не только народов не бывает преступных, но и людей. А те, кого считают таковыми, — вовсе не преступники, а просто живущие по канонам иных эпох или стадий человеческого развития. Тогда логичен вопрос: а существует ли вообще действие или поступок, которые можно назвать «преступными», или нет; может быть, нарушители человеческих законов просто «отсталые»?

Наверное, излишне объяснять, что этот ход рассуждений ведёт к явному абсурду. Поэтому всё-таки разумнее вернуться хоть и к старым, но логичным установкам: всё же есть, существует для нас, людей XXI в., понятие преступных действий. И совершают их конкретные люди, имя которым — преступники, то есть преступившие закон. Преступления способны совершать и группы людей (неважно, какой численности — банды, диаспоры, племена, народы или нации), которые также являются преступными. А именно — преступившими цивилизационные законы нашего, а не каменного века. И лишь одно может избавить эту группу от справедливого воздаяния — её доказанная невменяемость, которая может относиться не только к отдельным психопатам, но и к крупным коллективам (как это было на восходе человеческой истории, окрашенном в шизофренические тона). То есть если эта группа выпадает из всеобщего стадиально-культурного уровня.

Сказанного, очевидно, достаточно для того, чтобы обратить исследовательский интерес на поведенческие стереотипы крымской диаспоры великорусского этноса в 1944–1945 гг. (о более поздней её истории речь пойдёт ниже). Они явно заслуживают анализа — скорее всего, междисциплинарного. А также и классификации — в этнопсихиатрических категориях. Если эта группа будет признана вменяемой, и только в этом случае, речь может идти о дальнейшей, уже исторической экспертизе с привлечением инструментария международного законодательства в части, касающейся особо опасных преступлений. В том числе — против человечности, не имеющих, как известно, скидки на срок давности их совершения.

Итак, оставим до поры открытым вопрос, решение которого под силу только крупному научному коллективу, а именно: что же имело место в Крыму 1940-х гг., когда исторически не столь давно прибывшая на полуостров диаспора, добровольно и активно поддержала геноцид крымских татар, став соучастницей этого преступления? Что именно вело и привело к Большому погрому:

Массовая невменяемость диаспоры?

Её (или не только её) массовая преступность?

III. ССЫЛКА

Что такое Средняя Азия для нас, людей сугубо своего, особого склада бытия, зарождённого на стыке двух цивилизаций, Европейской и Азиатской, мало что говорило. Всё было нам здесь чуждо... Самое настоящее Средневековье встретило нас.
Нурие Биязова (АМ ФВ. Д. 143. Л. 4, 7)

1. Подготовка «принимающей стороны»

Конечно, камни в двери вагонов по пути в ссылку летели не случайно. С населением вдоль всего маршрута следования крымскотатарских эшелонов была заблаговременно проведена соответствующая работа. Причём эта пропаганда не была чрезмерно сложной. Более того, она была рассчитана не то что на недалёких, тёмных людей, а на психически неполноценных дебилов. Ведь вместо того, чтобы представить крымских татар предателями социалистической Родины, антисоветчиками, гитлеровскими пособниками и пр. (всё это говорилось советской и зарубежной общественности, но *позже*), населению придорожной полосы, в том числе жителям крупных городов, внушалась информация из области то ли фантастического, то ли больного воображения.

Работники пропаганды внушали людям, жившим вдоль следования крымских эшелонов и на местах спецпоселений крымцев, что вскоре появятся поезда, в которых везут рогатых и одноглазых людей (АМ ФВ. Д. 6. Л. 14). Были варианты: говорили о трёхглазых монстрах (АМ ФВ. Д. 98. Л. 14), в Московской и Костромской областях — о людоедах (АМ ФВ. Д. 25. Л. 2; АМ ФВ. Д. 109. Л. 3; АМ ФВ. Д. 89 «а». Л. 4), Ташкенту был преподнесён комбинированный образ одноглазых людоедов (АМ ФВ. Д. 87. Л. 6), то же было в Джамбае (АМ ФВ. Д. 110. Л. 11) и Фергане (АМ ФВ. Д. 122. Л. 22), а в Чирчике образ усложнился до людоедов трёхглазых и хвостатых (АМ ФВ. Д. 9. Л. 22, 25). В Андижане какая-то узбечка долго щупала голову сынишки Муртазы Асанова, пытаясь обнаружить рожки, хотя бы и маленькие совсем (АМ ФВ. Д. 203. Л. 2).

То есть с серьёзным и значительным видом говорились вещи, в которые способны были поверить разве что совсем уж тёмные дикари или малые дети...

Мужчины с кетменями.
Фото Макса Пенсона

Но взрослые дяди и тёти слушали и верили. Не оттого ли, что *хотели* верить? Власть рассчитала правильно. Приходится признать, что она, готовя такую дремучую фальшивку, знала, *с кем имеет дело*. И не ошиблась. В Молотовской области на станциях во время прибытия первой, небольшой группы крымских татар «вначале и людей не было видно, потом стали появляться. Оказывается, предупредили, что приедут людоеды, осторожно будьте с ними, все прятались и смотрели в щели дверей на нас» (АМ ФВ. Д. 25. Л. 2). В Костроме «люди убегали, как от зверей, закрывались, в окно смотрели» с ужасом на колонну 12–16-летних крымских *подростков* (АМ ФВ. Д. 109. Л. 3). Остаётся делать вывод, что все эти российские массы обладали то ли помрачённым, то ли полудетским сознанием... И оставшаяся сиротой Зульбие Ганиева из дер. Кучки (Балаклавский район), попавшая с сёстрами и братом в далёкий марийский г. Волжск, была поражена тем же: «местные смотрели на нас, как на зверей, дети кидали камни, обзывали» (Депортация. 2004. С. 38).

Единственным, по нашим сведениям, местом, где параллельно велась внятная антитатарская агитация («крымские татары — изменники Родины, их будут выселять»), был Чирчик. Поэтому в отличие от городов, где перепуганные жители ждали совершенно сказочных пришельцев, прятались, запирали ворота и т. д., в Чирчике татар ждали «узбеки с вилами, кетменями (это такая цапка пятикилограммовая)» (АМ ФВ. Д. 9. Л. 23). Есть и более подробное описание событий такого рода. Одно из них сделано жителем пристанционного посёлка Боз-Су. Приведу этот объективный рассказ почти полностью.

Земляки рассказчика «негодовали, возмущались, ждали встречи с первыми эшелонами, стали заранее готовиться к этой встрече. На станции в очередях за баландой, за хлебом на улицах, на производстве и в школах только и было разговоров: „Вот едут татары крымские, предатели Родины, мы их встретим тут как положено. Мы им покажем, как Родине изменять и людей убивать!“ Короче, готовились, кто как мог. Вооружались, одним словом. Кто с ружьём, кто с топором, кто с дубинкой, кто с арматурой. А мы, пацаны, приготовили заранее кучи камней в пристанционном палисаднике.

Подъехал наконец долгожданный первый эшелон. Состав остановился у перрона. Все притихли. Ждали, когда откроется дверь. И вот сопровождающий открыл дверь, и весь народ подался вперёд — каждый со своим оружием.

То, что предстало перед нашими глазами, описать сразу нельзя.

Этого я до сих пор забыть не могу. Эти глаза, эти лица, эти живые трупы, смотревшие на нас из товарных вагонов, еле приподнявшись от пола на руках. Эти полуживые люди и сейчас у меня перед глазами, и всегда они, всю мою жизнь, встают передо мной, когда я смотрю в глаза крымских татар пожилого возраста. Мне кажется, что именно их я видел тогда на перроне.

Тогда, при первой встрече с „предателями", нам стало стыдно перед собой, и перед ними в особенности. Взрослые мужчины и женщины стали искать глазами „предателей Родины". То есть искали мужчин, а их не было. Не было среди живых трупов ни одного мужчины призывного возраста. А были лишь глубокие старцы и старушки, женщины и дети малые, допризывного возраста подростки.

Вот тогда мы стали прятать за спину своё „оружие", бочком отходили от вагона к палисаднику, бросали его там за бетонный забор. И, разоружившись, подходили к вагонам снова. Настолько это зрелище было ошеломляющим для нас, жителей тыла, которые в глаза войны не видели, а увидали жертв войны — людей, целый народ. На полу в вагонах едва шевелились люди, приподнявшись на руки, они просили воды: „Су!" Мы смотрели на людей в вагонах, а оттуда смотрели на нас в упор эти глаза и губы монотонно просили пить. И ещё помню, как из груди недавно воинственно настроенных женщин и мужчин гулко вырвался не то стон, не то вздох: „О-о-о-о-х!"» (*Круглов*, 1989).

Далее автор вспоминает, как люди, «будучи сами голодные, поделились куском хлеба и водой со ссыльными». К сожалению, не везде можно было встретить такое быстрое отторжение народом семян коммунистической пропаганды. В большинстве мест узбеки долго не входили ни в какие контакты со спецпереселенцами; упомянутые слухи о прибывших ползли вширь от железной дороги, и даже в глубинке, на просёлочных дорогах, жители поджидали грузовики с людьми для того, чтобы швырять в них камни (АМ ФВ. Д. 90. Л. 6). Даже в 40 км от железной дороге камни в открытые кузова по-прежнему летели так густо, что было разбито лицо у одного из местных, самаркандских водителей (АМ ФВ. Д. 20. Л. 7). Но дальнейшие контакты с местным населением — особая тема.

2. Первые дни в ссылке

> В первые дни прибытия люди не развязывали свои узелки, мешки, в ожидании, что вернут нас назад, домой. Настолько народ был доверчивый — видимо, не понимали, что свершилось.
>
> *Джеваир Сулейманова*
> *(АМ ФВ. Д. 183. Л. 1–2)*

Интересно сравнить такую пассивную настроенность крымцев с поведением попавших в аналогичную ситуацию крымских же греков, которых также доставили в Узбекистан (Ферганская область). Греческие спецпереселенцы отказывались

покидать вагоны, требуя немедленной отправки их на родину. И в первое время офицеры войск НКВД-МГБ растерялись: полуживые от дорожных лишений люди кричали: «Расстреливайте нас на месте, в колхозы мы не пойдём, возвращайте нас в Крым!» Сопротивление длилось трое суток, в течение которых мятежным старикам, женщинам и детям не давали ни пищи, ни воды. Но и на четвёртые сутки их пришлось выталкивать из вагонов силой, арестовав перед этим самых активных греков (*Синицын*, 2011. С. 42). Таких инцидентов среди крымских татар отмечено не было — люди, как обычно, совершенно безропотно подчинились команде и покорно покинули вагоны...

Главной целью изгнанников, высаженных из вагонов, было напиться и утолить сосущий голод. Способ добыть пищу был один — обменять на неё последние тряпки. Но местные жители или разбегались в страхе, как на станции Серово в Фергане (АМ ФВ. Д. 122. Л. 22), или хуже — спускали на женщин собак, как в Беговате (АМ ФВ. Д. 6. Л. 13). Все новоприбывшие должны были пройти дезинфекционную обработку. Она проводилась кое-как, особенно в Самаркандской области — в камере-прожарке у людей могли сжечь последнюю одежду, а от начавшейся эпидемии тифа, гепатита, малярии эта гигиеническая процедура помогала мало (АМ ФВ. Д. 121. Л. 4 об.).

Не лучше было с жильём. В Бекабаде людей привезли в пустынную местность и предложили самим копать землянки (АМ ФВ. Д. 106. Л. 1 об.). Учитывая, что эта задача и для сильного мужчины, впервые ею занявшегося, почти неподъёмна, можно себе представить, каково приходилось женщинам и старикам, подстёгиваемым неумолчным плачем детей. Но ненамного легче было и тем, кому повезло с «жильём». В Бухарской области крымцы впервые увидели, как *могут жить* узбеки. Прибывшим предоставили нечто вроде берлог: «вырыты, как норы, метра полтора в глубину, потому что я нагнувшись заходила, дверей нет (побольше дырка), да с левого боку маленькая дырка для окна, 30 см. Нет постели, нет кровати, вообще пусто, сырая земля и мы. Так мы стали, как медведи, жить в берлоге» (АМ ФВ. Д. 98. Л. 9–10). И так было повсюду: «...двери узкие, заходить надо боком, на две доски, стены чёрные, закопченные, всё забрызгано удобрением (?), потолок из камыша, низ — земля» (АМ ФВ. Д. 9. Л. 25–26). Легко понять изумление крымчан, которые дома, на родине, даже скотину содержали в гораздо лучших условиях (по крайней мере, не под землёй), а тут эти звериные лежбища были привычным явлением.

В Ак-Курганском районе было гораздо лучше: предоставили глинобитные домики, но и они почему-то не имели окон и дверных полотен (АМ ФВ. Д. 97. Л. 4). То же было в Самаркандской области: «дома-то без окон, одни двери, пол земляной, не белено, у нас в Крыму не было земляных полов...» (АМ ФВ. Д. 20. Л. 8). В окрестностях ст. Хилково людей поселили в старых землянках, а часть — «в сараях, хлевах, свинарниках» (АМ ФВ. Д. 79. Л. 4). В несколько лучших условиях оказалась семья Хатидже Девлет из Массандры: «В одну комнату селили по 4–5 семей. В комнате окон и печей не было, только 4 стены, дверь и яма посредине, где жгут костёр и греются» (Депортация, 2004. С. 43). По мере ознакомления с местным жильём удивление крымских татар росло. Обычно даже старое, ещё довоенное строение представляло из себя небольшой дом «с плоской крышей, слепленный из глиняных овальных кругляшек-гуваляков, без окон, где зиму

и лето двери оставались открытыми. Печей не было... Узбеки к такому образу жизни были привычны, чего не скажешь о нас, крымских татарах, большинство из которых вообще не представляло, как это можно жить без печки, да ещё зимой» (АМ ФВ. Д. 143. Л. 5).

Не лучше было и с продуктами — питанием для людей из вагонов никто не озаботился (кажется, единственное исключение — самые первые два эшелона, прибывшие в Бекабад 29 мая: они были обеспечены какой-то едой и главное — кипячёной водой). Поэтому с пищей приходилось устраиваться самим, хотя, согласно пресловутому Постановлению от 11.05.1944 г. Наркомзаг должен был «выделить в распоряжение СНК Узбекской ССР муки, крупы и овощей для выдачи спецпереселенцам в течение июня — августа с. г. ежемесячно равными количествами...» (п. 5). Ничего этого никто в глаза не видел; ещё хорошо было, если местные не отбирали последних, привезённых с собой крох, как это случилось в колхозе Найман-Бостан Ташкентского района (АМ ФВ. Д. 87. Л. 5–6).

Неожиданно повезло группе ялтинцев — в трёх километрах от их землянок был лагерь военнопленных; детишки бегали туда за хлебом — потому что, как оказалось, крымских татар снабжали хуже, чем немцев. «Только подумайте, — восклицает автор воспоминаний, — немцы-военнопленные относились к нам, малышам, лучше, чем свои же соотечественники-русские» (АМ ФВ. Д. 106. Л. 1 об.). И это не было исключением. Немцы уже тогда стали проявлять глубокое сочувствие к советским людям, обделённым советской же властью. Главный зоотехник Ургутского райземотдела Шмидт, у которого работали татарочка-сирота с сестрой, «каждый раз, когда к нему приезжали зоотехники, подводил их к нашей кладовке и, как бы невзначай, говорил: „Видите, в каких условиях дети живут, они сироты, позаботиться о них некому, помогайте иногда чем можно". После этого нам время от времени приносили то кусок мяса, то кусок сала, а то и деньжат подбросят» (АМ ФВ. Д. 143. Л. 23).

К слову, не хуже были отношения с японскими военнопленными, совместно с которыми крымские татары возводили Бекабадскую ГЭС (АМ ФВ. Д. 9. Л. 47). Близ Чирчика был лагерь каких-то «греков-партизан», которые также снабжались лучше спецпереселенцев. Шестилетняя Васфие Умерова и другие ребятишки пробирались к свалке возле этого лагеря — «там выбрасывали тушёные коробки, я с них жир пальцем собирала и головки рыб» (АМ ФВ. Д. 212. Л. 1). Был ещё один лагерь, для «бадолевцев» (т. е. пленных итальянцев, их так называли по имени маршала П. Бадольо, премьер-министра Италии в 1943–1944 гг.), там была та же картина: «им было легче, чем нам — им Красный Крест помогал» (АМ ФВ. Д. 221. Л. 2).

«Свои» же такого понимания отнюдь не проявляли. Лето 1944 г. было жарким, температура заходила за 50 градусов, люди страдали от этой душной и пыльной, так не похожей на крымскую, погоды. Необходим был какой-то минимальный срок для акклиматизации, не говоря уже об отдыхе после «ада на колёсах». Но этого срока не дали, ни единого дня. Местные власти, в том числе низовые, самые «народные», не озаботившиеся ни размещением переселенцев, ни врачебной помощью, ни элементарными куском хлеба и глотком воды, погнали их *с первого дня* после прибытия на работу. Причём всех, включая инвалидов войны и стариков (АМ ФВ. Д. 90. Л. 6). Но работа у узбеков — это особая тема, мы к ней ещё вернёмся.

3. Голод

В 1944 г. хлебный паёк для работавших спецпоселенцев равнялся 500 г в день; для неработавших — 200 г (АМ ФВ. Д. 97. Л. 4; АМ ФВ. Д. 7. Л. 11), лишь через два года эта норма поднялась до 600 и 300 г соответственно (АМ ФВ. Д. 87. Л. 7). В саду-совхозе близ Янгиюля работавшим полагались 400 г хлеба и чашка компота, на шахтах такая норма продержалась до середины 1950-х гг. (АМ ФВ. Д. 192. Л. 3). Но были места (Шарыхан, Андижанской области), где только работающих раз в день кормили в поле, на иждивенцев не давали *ничего* (АМ ФВ. Д. 125. Л. 29). Сообщим для сравнения, что даже в системе ГУЛага, в знаменитом дальневосточном Ванине заключённые крымские татары получали в день 800 г хлеба и одноразовое горячее питание (АМ ФВ. Д. 7. Л. 26).

Но и эти жалкие граммы были хлебом только по названию. Вместо полукилограмма печёной лепёшки или хлеба, как было положено, даже в благодатной Фергане людям *месяцами* выдавали в день по сто граммов маша (бобовая культура вроде мелкой зелёной фасоли) или джугары-сорго (АМ ФВ. Д. 122. Л. 23). В Самаркандской же области на троих крымцев, работавших с июня по ноябрь, выдали 2 кг той же джугары (АМ ФВ. Д. 90. Л. 6). Но, может быть, такое положение было всеобщим, и местные жители просто делились с единоверцами последним? Оказывается, нет. В обширных и хорошо обоснованных воспоминаниях о тех месяцах говорится: «глубокой осенью за свой каторжный труд на колхозных полях наши трудоспособные получили лишь *половинную долю* заработанных трудодней от общего колхозного дохода. Она и так была мизерной, а нашим татарам достались вообще крохи» (АМ ФВ. Д. 143. Л. 9).

Но как же с постановлением, согласно которому каждому спецпереселенцу полагалось на первые 6 месяцев 60 кг зерна? Никто этого зерна не видел. И не по причине трудностей военного времени: до нормы *славянским* переселенцам, направляемым в опустевшие деревни Крыма, была прежде всего выделена единовременно денежная ссуда, вскоре повторенная и в конечном счёте наполовину «прощённая» (*Басов*, 1987. С. 299–300). Кроме того, для них нашлось 700 000 пудов зерна и на 10 млн руб. промтоваров (Сов. Крым. С. 75). Если бы это добро разделить на 200 000 крымских спецпереселенцев, то каждому досталось бы по 112 кг зерна и на 50 руб. одежды или обуви — не говоря уже о ссуде, которую можно было не возвращать. Впрочем, какие-то продукты по этой линии шли, но органы НКВД (местные спецкомендатуры) задерживали эти пайки у себя или отпускали их по своему усмотрению тем, кто вёл себя «примерно». Так, в кишлак Хырмоват (Куйбышевский район) зерно и картофель поступали вполне исправно, но комендант Гринберг практически всё оставлял в своей кладовой (АМ ФВ. Д. 122. Л. 69).

По всем этим причинам смерть от голода, косившая людей в эшелонах, осталась жуткой реальностью и на твёрдой земле. Но если в первые месяцы по прибытии, летом и осенью от неё как-то можно было спастись, употребляя в пищу зелень и иногда фрукты, то зимой стало хуже. Особенно в январе-феврале 1945 г. когда *во всех* сёлах начался настоящий голод (АМ ФВ. Д. 143. Л. 12). Сейране Ибрагимова вспоминает, что в эти месяцы в её семье ели «...траву, черепах, кожу барана», а Зера Перия — о том, что и кошек приходилось есть (Депортация, 2004. С. 53, 90).

Первыми в семьях обычно умирали взрослые, лишавшие себя необходимого, чтобы уберечь от гибели детей, сберегавшие для них каждую крошку. Иногда таким образом действительно удавалось спасти малышей[1], но чаще с гибелью взрослых сироты быстро угасали — если им не выпадало «счастье» попасть в детдом. Бывало, там оказывались и при живых родителях. Та же С. Ибрагимова рассказывает: «Чтобы я не умерла, мама отдала меня в детдом. Там нас били, обзывали предателями» (там же).

Первым признаком близящейся голодной смерти бывает опухание — дети, чтобы заглушить голод, много пили (АМ ФВ. Д. 94. Л. 4; АМ ФВ. Д. 87. Л. 6), взрослые видели это, но были бессильны перед неизбежным. Уровень смертности от голода в разных районах также был различным; утверждают, что в этот период легче было выжить в городах, а не на селе (АМ ФВ. Д. 79. Л. 2). Точной статистики этого бедствия у нас не имеется, есть лишь случайные данные.

Например, о том, что в Ташкентской области только в совхозах № 1 и 2 «Баяут» за 1944 г. от голода умерло 700 крымских татар (Возвращение. С. 36). Или о том, что в селе Пайшамбе (Карадарьинский район) в «незабываемое 19 апреля 1945 г. за сутки похоронили 9 покойников. Это в основном были дети и старики» (АМ ФВ. Д. 94. Д. 3), а вообще по району за месяц хоронили от 50 до 100 крымских татар (указ. дело. Л. 4). Утверждают, что уже к осени 1944 г. не было семьи, где бы от голода не умер хотя бы один человек (АМ ФВ. Д. 143. Л. 8). Но случалось и так, что в одночасье умирала вся семья. Вот примеры таких фактов: в Беговате сгинули семьи трёх братьев Бекташевых (родом из Кизилташа) — Мустафы, Османа и Эмирсина, ни одного человека не осталось (АМ ФВ. Д. 48. Л. 9). Близ ст. Горчаково осело 9 многодетных семей (все из Айтугана); не прошло и полугода, как в живых остались лишь 4 семьи, да и то по 2–3 человека в каждой (АМ ФВ. Д. 7. Л. 11). Ай-Серезские женщины видели детей, сосущих грудь мёртвой матери, и их нечем было спасать (АМ ФВ. Д. 193. Л. 1). В колхозе им. Сталина Чинабадского района вымерли вообще все крымские татары (АМ ФВ. Д. 15. Л. 2).

В очерке о голоде 1920-х уже говорилось, что он причиняет не только физический ущерб, вторгаясь и глубоко в психику его жертв. В Средней Азии эта проблема вновь стала насущной, повсеместной. Некоторые из жертв постоянного голода слабели духом, но чаще люди внутренне укреплялись, совершая поступки, на которые вряд ли способен человек в обычной обстановке. Вот, что пишет женщина о поступке *настоящего*, сильного мужчины, осознающего страшный по своей простоте факт: он, глава семьи, не может, не в состоянии спасти близких от смерти на его глазах. «Что должен испытывать человек, глядя на своих голодных детей? Однажды, никому не сказав ни слова, он ушёл из дому, отсутствовал до вечера и пришёл странно бледный, усталый, без кровинки в лице. На все расспросы ничего не отвечал, а когда заговорил, мать вскрикнула, всплеснув руками и молча заплакала... Во рту отца зияла одна сплошная кровавая рана. У него во рту было 8 золотых коронок. Зацементированы они были настолько добротно,

[1] Аджер Аблялимов из Ай-Сереза рассказывает, что его двоюродный брат, имевший 5 детей, «сказал „Я пойду в больницу, так пропитаю детей". Они его паёк кушали, через неделю умер, дети все живы» (АМ ФВ. Д. 107. Л. 3).

что пришлось рвать вместе с зубами. Ему стало плохо в зубопротезной, куда он обратился. Не помню уже точно, сколько ему за них заплатили, но хватило нам этого, при самой строгой экономии, на 10 дней» (АМ ФВ. Д. 143. Л. 12).

4. Болезни

Заболеваемость среди спецпоселенцев по сравнению с местными жителями была огромной. Обычно называют три основные причины такой восприимчивости крымцев к инфекции: крайняя ослабленность организма (голод вкупе с непосильным трудом и отвратительными жилищными условиями), недоброкачественная вода, ну и эпидемия, поразившая Узбекистан ещё до прибытия крымскотатарских эшелонов. Но если смотреть в корень, то на самом деле главной причиной этой народной трагедии было полное равнодушие властей Узбекистана к состоянию здоровья спецпереселенцев, к причинам, неизбежно вызывающим болезни, которые в состоянии погубить десятки тысяч людей за краткий срок.

Действительно, среднеазиатская вода была главным разносчиком эпидемии — по большей части её приходилось брать из арыков, «в которых и бельё стирают, и скот пьёт воду, и купаются» (АМ ФВ. Д. 280. Л 4 об.). Но ведь никто не озаботился обеспечением прибывших людей чистой питьевой водой. Точнее, её можно было найти — в кувшинах местных водоносов. Но они требовали *за воду* деньги (в Крыму вещь неслыханная), а денег и на еду-то нехватало. Возникает закономерный вопрос — почему же крымцы с самого начала, с момента прибытия не кипятили арычную воду? Ответ весьма прост. Во-первых, часто это было невозможно (отсутствие топлива, кухонной посуды и так далее), а во-вторых, даже когда такая возможность появлялась, находившиеся в экстремальной ситуации люди пренебрегали ею по чисто психологической причине.

В двух словах она заключается в следующем. Переселенцы прибыли из таких мест, где грязной, заражённой опасными бактериями и кишечными палочками воды попросту не было в природе. В светлых ручьях и нешироких речках крымского предгорья, в хрустальных родниках и чешме гор, в замшелых колодах у степных колодцев с огромными барабанами для подъёма деревянных чанов — повсюду на родине была идеально чистая вода. Это было так просто, это была истина, впитанная с детства: вода чиста, как ничто иное в этом мире. На этом *доверии* к крымской влаге как к источнику жизни и чистоты воспитывались поколения, не представлявшие себе, что вода может стать причиной болезни и смерти (сама мысль такого рода должна была казаться нелепой).

Эта вера была в крови, в подсознании. И чтобы переделать в себе столь прочный психологический стереотип, нужны большие усилия, нешуточные испытания и немалое время. Хотя *разумом* люди всё поняли сразу: «Конечно, пить там сырую воду нельзя было, особенно летом. Но мы, горные татары, пили с родников, не знали пить кипячёную воду. Она, нам казалось, воняет» (АМ ФВ. Д. 6. Л. 14). «Мы её через подол процеживали, думали, что в очищенной таким образом нет вреда» (АМ ФВ. Д. 9. Л. 27).

Узбек-водонос.
Фото Макса Пенсона

Повторяю: в Узбекистане чаще всего «воду пили с грязного арыка. Люди начали болеть малярией, дизентерией и за несколько месяцев поумирали семьями» (АМ ФВ. Д. 110. Л. 2). «Жителей никого не видели, искали воду пить. Оказывается, с арыка, мутная, грязная, после полива хлопка которая вытекает, её и пьют. Долго думали, как быть? Но выхода не было, пришлось всё же пить. И начали болеть, особенно дети» (АМ ФВ. Д. 97. Л. 4–5). Врач Пакизе Рефатова из Альма-Тархана (н. Вилино) даёт профессиональное описание происходившего в Пахтакорском районе: «Болели малярией, брюшным и сыпным тифом, дизентерией, туберкулёзом. В соседнем Нарпайском районе, совхоз Нарпай, очень много было татар, которые умирали как мухи от дизентерии и малярии, пили арычную сырую воду от жажды» (АМ ФВ. Д. 104. Л. 3).

Были и особые случаи. «Нас не поили три дня, от жары, голода и без воды мы умирали. Как вышли из вагонов, все побежали, там метров 5 или 7 протекал арык, он от грязи весь был зелёно-жёлтого цвета, вода не протекала, стояла, даже какой-то запах вонючий. Все легли на животы и как скот стали пить эту воду. Там были и головастики, и всякие микробы, но народ это не останавливало. Все напились, вздулись животы, и с первого дня нашего вступления на узбекскую землю стал умирать наш народ» (АМ ФВ. Д. 98. Л. 9).

Что же касается местных эпидемий, то одним из очагов тифозной инфекции был вышеупомянутый совхоз Нарпай Керменинского района. Ещё перед прибытием крымских татар из Узбекистана республиканскими властями была отправлена телеграмма Кобулову о том, что ни один населённый пункт района не готов к приёму спецконтингента. И это действительно было так: узбекский наркомздрав установил, что весной 1944 г. не только не снижается «Ф-1» (одна из форм тифа), но и ширится распространение ещё одного вида «Ф-5» (*Хаяли*, 1997. С. 1). Конечно, всем принимавшим решения лицам был ясен общеизвестный факт: тиф относится к числу так называемых карантинных болезней, т. е.

наиболее опасных и легко передающихся, при самой незначительной вспышке которых больные должны быть полностью изолированы от окружающих, а если это — начало эпидемии, то наглухо изолируется вся заражённая местность. Но какую роль могла играть телеграмма об эпидемии, когда Москвой уже было решено поместить крымских татар и в этот район? Их и бросили туда, прямо в пасть голодному тифу.

Есть ещё одна причина, по которой крымские татары практически поголовно начали болеть тифом, едва ступив на землю Узбекистана. В Крыму таких эпидемий не было (исключая редкие военные периоды, когда заразу могли занести захватчики). Это объясняется прежде всего чистоплотностью крымских татар. И даже в экстремальных условиях депортации (которые вполне можно сравнить с войной) они не утратили этой традиции. Выше говорилось, что спецпереселенцев из Крыма перевозили в вагонах, где было полно вшей. Избавиться от них в пути было невозможно. Но вот люди прибывают на конечную остановку. Все голодные, часть — при смерти. Но первое, что делают крымчане — они пытаются *вымыться* дочиста.

Пример: станция Асака, г. Андижан. «Измученные, утомлённые люди наспех покидали вшивые и вонючие вагоны, надеясь, что где-то могут помыться, переодеться и наконец-то лёжа поспать». То есть речь даже не о пище, но о чистоте! «Всем хотелось помыться, избавиться от вшей. Эта проблема решалась на улице: ставили два кирпича, делали оджагъ (камин), разводили огонь, грели воду, огораживались тряпками и купались. За санитарным состоянием следили наши старейшины...» (Джемиле Асанова из Куру-Узеня // Депортация. 2005. С. 28).

Откуда же могли появиться насекомые — переносчики чумной инфекции среди столь чистоплотного народа? Ответ находим в рассказе, посвящённом совсем иной проблеме, и замечание это сделано вскользь, без какого-то осуждения этнической ситуации, в которой оказались крымцы в Узбекистане. Февзие Хайты из Ускута говорит о проблеме воды в местах ссылки и между прочим замечает: «Воду нам привозили в бочках, а бочки накрывали вшивыми чапанами (халатами), и поэтому вода была со вшами, сливали воду в грязный бассейн и пили, процеживая. Пить было невозможно, но другого выхода не было» (Депортация. 2005. С. 142).

Здесь не слышно осуждения местных жителей, носивших те вшивые чапаны, — ну что же тут поделаешь? Просто *так было* в Узбекистане (кстати, далёком от военных нужд и потрясений оккупации). Конечно, не во всей республике, но уж точно среди какой-то части её сельского населения. Однако с этим не могли мириться и не мирились совсем иные, крымские люди, сохранившие мусульманские традиции физической чистоты. И кстати, пронесшие их сквозь чудовищные стрессы оккупации и ада эшелонов, которые и не снились мирным жителям Средней Азии.

От болезней, как и от голода, тоже нередко умирали целыми семьями. Вот история большой семьи дяди Эюпа (фамилия утрачена) из Кадиш-Сарая (Карасубазарский район): «Старшему сыну в 1944 г. было 16 лет, его забрали в трудармию. Первым умирает дядя Эюп. Беспомощная, многодетная вдова отправляет второго сына, 14-летнего Веиса, с пятилетней Арфие в соседний кишлак к родственникам по делам, а сама остаётся с малышами дома. На обратном пути Веису стало плохо, и он лёг, закрыл глаза. Арфие одна вернулась домой, сказала,

что Вейс под деревом лёг спать. Мать сына ждала до вечера, потом обратилась к соседям-татарам, что единственный мужчина в семье не вернулся домой. Соседи Вейса нашли, он был безнадёжен, со рта шла пена. За одну неделю после смерти Вейса умерли: сама мать, девочки Эльфие, Зульфие и Лютфие. Осталась последняя, Арфие, которую сдали в детдом» (АМ ФВ. Д. 125. Л. 33).

Ещё одна судьба, в двух словах рассказанная Хатидже Тохтаровой: «Умерла сестра моя младшая... А потом вторая, третья, четвёртая; и даты указать не могу, не помню, я уже была совсем отключена, уже ничего не соображала. А потом умирает и наша бабушка...» (АМ ФВ. Д. 9. Л. 34–35). От каких болезней поумирали её родные, эта рассказчица также не помнит; впрочем, в Азии встречались и неведомые в Крыму болезни, которым люди и названия-то не знали, — например, таким как «экзотические» заболевания кожи или пендинка (АМ ФВ. Д. 135. Л. 1). «Дети, женщины, старики — все страдали энтероколитом, перешедшим затем, из-за отсутствия медицинского лечения, в дизентерию. Та, в свою очередь, в условиях жаркого климата, распространялась с катастрофической быстротой среди нашего населения» (АМ ФВ. Д. 143. Л. 7).

Были отмечены и не столь распространённые, но серьёзные заболевания, также в Крыму неизвестные — по крайней мере, в массовом масштабе. Симферополец Нури Валиев рассказывает, что в кокандских детдомах среди крымскотатарских детей была буквально эпидемия стригущего лишая и вензаболеваний. В конце концов в один из 15 детдомов свезли всех больных лишаем (АМ ФВ. Д. 15. Л. 5). Что сталось с сиротами, среди которых распространились вензаболевания (и *почему* они возникли при почти полном отсутствии контакта детей с внешним миром), — неизвестно.

Приведём вполне официальные данные по отдельно взятому участку: с января по май 1945 г. среди сельскохозяйственных рабочих совхоза «Дальварзан-3» (Фархадстрой) было выявлено 1887 больных крымских татар. Из них не могли от истощения передвигаться 232 человека (51 лежачий больной был безнадёжен). Кроме того, имелось 82 тифозных. За эти 5 месяцев умер 81 человек. По совхозу «Дальварзан-1», где крымских татар было поменьше, картина в относительных цифрах та же: инфекционных больных 94, истощённых 162, из них уже с отёками 100 человек (*Хаяли*, 1997. С. 8).

Медицинская помощь при этом практически отсутствовала или была чисто формальной. Шефика Якубова из Биюк-Сюйрени рассказывает: «Моя сестра 14-ти лет, которая работала кетменём на хлопке, тяжело заболела и лежала дома. И ни разу ни один врач её не посетил, и мы не знали, что за болезнь у неё. Она лежала молча, как скелет худая, с закрытыми глазами...» (АМ ФВ. Д. 97. Л. 5). «Медики, прикреплённые к нашему колхозу от Тропстанции, проводя подворные обходы, давали заболевшим такие лошадиные дозы акрихина, что впоследствии выздоровевшие наполовину ослепли и оглохли» (АМ ФВ. Д. 143. Л. 7).

Больниц при этом крымцы опасались, там не было ни нормального лечения, ни питания, ни даже ухода. Больных «тяжёлых», то есть таких, что находились в бессознательном состоянии, не только привязывали к койкам, но и били: «я потом узнала, говорили после мне люди, которые были со мной: меня били, я когда пришла домой с больницы, я вся была в синяках» (АМ ФВ. Д. 9. Л. 40–41). Не случайно столь часто люди, попавшие в стационар, обратно не возвращались:

«У соседа 7 человек попало в больницу, все умерли, одна девочка осталась жива» (АМ ФВ. Д. 107. Л. 3). Ходили упорные слухи, что по негласному распоряжению властей «в отдельных случаях в больницах больных татар отравляли ядами» (АМ ФВ. Д. 94. Л. 4).

Действительно, Сеитмемет Ибрагимов из Коз Судакского района рассказал, что в больнице Карадарьинского района Самаркандской области обе сестры местного коменданта Аминова «...были медработниками, на их совести много загубленных жизней. Они делали уколы, и за одну ночь здоровые люди умирали» (Депортация. 2005. С. 64). Похоже, что именно так в больнице Шахризабского района погибла мама Инджифе Муслимовой (урожд. Бекировой) из дер. Текие Карасубазарского района: «Вечером вышла к нам, поговорили, пошутили, а рано утром отцу сообщили, что она скончалась. Мы думаем, что её тоже умертвили» (Депортация. 2005. С. 103).

В больницу рудника Лянгар (Самаркандская область) во время эпидемии тифа привезли Аджи-Султан, жену Керима Девлетшаева. Об этом посещении рассказывает её дочь Мусфире Керимова: «Отец навестил маму, она уже была на выздоровлении и сказала: „Ты смотри детей", а сама пошла на уколы. На следующий день нам сказали, что мама умерла. Тогда много слухов ходило, что умерщвляли наших людей. Отец как-то навестил в больнице нашего соседа Абла-агъа, поговорили, вышли на двор погреться на солнышке. Соседа позвали на укол, он говорит: „Керим, ты подожди, я сейчас вернусь, только приму уколы". Отец ждёт-ждёт, а соседа всё нет. Пошёл спросить, а ему говорят, что Абла-агъа умер» (указ. соч. 2004. С. 78).

В одном из чирчикских совхозов «главврачом был Гарт, ранее проживавший в Симферополе. „Крымские татары нашего совхоза, — вспоминает Афизе Джеват, — до сих пор уверены, что он убивал крымских татар уколами. Каждый может назвать известные ему случаи смерти детей или взрослых, которые по внешним признакам могли бы и не умереть. В 1945 г. я навестила в больнице своего родственника Абдувелиева Асана. Он был вполне здоров, говорил, что на днях его выпишут, и проводил меня почти на километр, а на следующий день он был уже мёртв. Доказать такое обвинение сегодня вряд ли возможно, но слишком много крымских татар, особенно детей, умерло в этой больнице"» (указ. соч. 2004. С. 48).

К сожалению, впоследствии эти подозрения подтвердились — на это указывает серьёзная исследовательская работа (см. *Хаяли*, 1997. С. 2). Да и тогда уже, в ссылке, эти слухи находили косвенное подтверждение. Больные сами слышали, как врачи «друг друга спрашивали: „Ну, сколько там у тебя сегодня? А у меня больше!" Они подхвастывались и хохотали, их за смертность награждали. Они нас считали, как баранов, на штуки» (АМ ФВ. Д. 9. Л. 41). Были случаи, когда эти «врачи» отправляли в больничный морг ещё живых крымских татар, причём не в какой-то захолустной глубинке, а в Янгиюльской республиканской больнице (АМ ФВ. Д. 211. Л. 3).

Медики избегали делать операции, даже когда в них была надобность — очевидно, по смертям на столе или в послеоперационный период была другая отчётность. А иногда виной тому была причина совсем не медицинского рода, — комендантский режим, то есть сложности с сопровождением при доставке больного в районный центр на операцию. В результате фронтовик с осколком

в ноге мог умереть от гангрены, после чего в свидетельстве о смерти в качестве её причины был обозначен «понос» — «это применялось ко всем спецпереселенцам» (АМ ФВ. Д. 98. Л. 10).

О единственном исключении из правил — больнице с ответственными врачами и медсёстрами — рассказывает Вилуль Бариев из Сарайменя. Осиротев, он оказался в детдоме № 3 г. Самарканда, где заболел туберкулёзом. Мальчика отправили в местный тубдиспансер, персонал которого проявил к нему особую заботу и внимательность: «Одним словом, врачи и медсёстры вытащили и вернули меня на этот свет. Я от души им благодарен. До самой кончины жизни буду их помнить. Спасибо им» (АМ ФВ. Д. 280. Л. 5).

Поскольку процент взрослых, крепких мужчин среди переселенцев был невысок, а смертность быстро становилась массовой, то возникла серьёзная и трудноразрешимая задача захоронения покойных. Помимо чисто моральной проблемы росла не менее важная санитарная, так как возникла реальная опасность настоящей эпидемии. Нередкими становились ситуации вроде следующей: «Я зашёл в дувал, это был ужас: мёртвые мальчики и девочки лежали и один старик, некому было хоронить» (АМ ФВ. Д. 7. Л. 10). Поэтому большой удачей для села становилось, если кто-то брал на себя долг захоронения мёртвых. Это могли быть и какие-то опустившиеся люди, которые забирали труп и исчезали с ним, хороня неизвестно где. Нияр Яшлавская: «На седьмой день [после] смерти отца умер братишка 1940 г. рождения, Сервер, и его могила мы не знаем, где. Сегодня унесут хоронить мертвеца, а утром по селу валяется голова трупа — по всей вероятности, хоронили мелко и шакалы голодные выкапывали» (АМ ФВ. Д. 98. Л. 10).

Такое творилось повсеместно. В колхозе «Кизил ватан» близ Шахрияза умерли кадиш-сарайская Мерьем и два её сына «Остались две 4,5-летние девочки-близнецы одни. Ели что попало. Дошло до того, что ели траву. В один прекрасный день на берегу арыка нашли их тела. Сколько они там лежали, никто не знал. Копать могилу уже мужчин не было. Мальчишка Баки вырыл яму, на какую у него хватило сил, и похоронил девочек. На третий день нашли недоеденные ручки девочек — голодные шакалы откопали и съели. Кому принадлежали ручки, узнали по рукавам платьишек, которые носили девочки» (АМ ФВ. Д. 12. Л. 35). Не случайно «шакалов в тот год расплодилось видимо-невидимо. Все ночи напролёт эти мерзкие твари вопили истошными голосами, напоминающими плач ребёнка или рыдание женщины. Их визгливые завывания наводили на людей ужас и тоску» (АМ ФВ. Д. 143. Л. 13).

В 1944–1948 гг. смертность среди крымских татар была выше рождаемости в 6,8 раза, так что к середине 1948 г. численность народа достигла *низшей точки в его истории* — 185 600 человек; в прежнем своём количестве (на момент начала депортации) число ссыльных восстановилось только в 1953 г. В первый год ссылки на 1000 родившихся крымских татар приходилось 16 000 умерших (*Бугай*, 1922. С. 237). Впрочем, не исключено, что и это — приукрашенная справкой узбекского Минздрава действительность. Только в одной-единственной из узбекистанских областей через год уже насчитывалось 1500 сирот (Возвращение. С. 36), а сколько же было их умерших старших родственников по каждой семье, сколько за этот год умерло сверстников, младших братьев и сестёр этих *пока* для статистики живых сирот?

5. Сироты

Взрослые часто умирали с голоду, отдав последнюю корку хлеба детям. «Дело дошло до того, что некому было копать могилу и хоронить умерших. Три подростка, в том числе и Азиз Усеинов, и могилы копали, и хоронили. За один день он похоронил родную сестру матери, а когда вернулся с кладбища, и её муж был мёртв. Через три дня умерла мать Азиза — молодая, красивая Зейнеб, оставив троих (отца они лишились ещё до депортации. — *В.В.*). Азиз отдал братишку Нафе одному узбеку, младшего Амета — в детдом. Но через 12 дней Амет умер... После этого Азиз и его приятель Осман [Османов] решили ехать на Урал, где досыта можно есть картошку». Только через полгода, кормясь милостыней на станциях, они добрались до Саратова, где «устроились на работу: получали зарплату и вдоволь ели картошку. Только наладилась жизнь, милиция обнаружила, что они крымские татары, и отправила их в Ташкент. Ровно 1 год и 8 месяцев находились подростки в тюрьме. Потом их освободили, велели ехать туда, откуда уехали». Старое начиналось сызнова (АМ ФВ. Д. 125. Л. 30).

Судя по воспоминаниям крымцев, и детские дома в местах ссылки были разными. В некоторых из них голодная смерть была неизбежной, это понимали даже малые дети. То же можно сказать о так называемых интернатах (учреждения для содержания детей, имевших живых родственников). Один такой интернат помещался в полуразваленной мечети г. Чинабада. Туда попали трое сыновей знаменитого симферопольского пекаря Мевлюд-акъая (он умер от голода вместе с женой). В мечети не было даже постелей, лишь солома на каменном полу. Из еды раз в сутки давали чашку мучной затирухи. Дети постарше уходили с утра бродить по свалкам, ища отбросы, а к ночи снова собирались в этот «интернат». Когда троих сирот отыскала и забрала Фатьма Халилова, они были похожи на маленьких скелетиков. После того как мальчики были помещены в более сносные условия, они смогли прийти в себя только *через 5–6 месяцев* постельного режима и кое-какого врачебного присмотра (АМ ФВ. Д. 15. Л. 2–3). Вот из таких-то интернатов и бежали детишки куда глаза глядят, невзирая на опасности одинокого своего пути...

Подобных одиссей с малолетними героями было в те годы множество: по всей послевоенной России носила сиротская судьба Кудуса Азизова, Кязима Усеинова, Нияса Азисова (АМ ФВ. Д. 7. Л. 11–15), Османа Османова (АМ ФВ. Д. 125. Л. 27–29) и многих других крымскотатарских мальчишек. Как большую удачу вспоминают поседевшие сверстники Сеяра Меметова, что ему однажды «повезло»: сняв мальчишку с поезда, милиция поместила его на 4 месяца в психбольницу для взрослых (АМ ФВ. Д. 194. Л. 3). Далеко не всегда эти странствия заканчивались более или менее благополучно — ходили страшные слухи о раздавленных на путях, замёрзших в степи, даже съеденных беглецах.

Но дети крымских татар, оставшись одинокими на этом свете, снова и снова бежали из Узбекистана, где их не ждало ничего, кроме муки голодной смерти. Такой возможности были лишены подростки, на иждивении которых оставались малолетние братишки и сестрёнки. Жили такие сплошь сиротские «семьи» хуже некуда, но в детдом малышей не отводили до последней возможности. Это давало уверенность в том, что над ними не будут издеваться чужие люди, что

младшие не потеряются — при переформировании детских домов часто в такие безответные семьи никто ничего не сообщал, и они навсегда раскалывались (АМ ФВ. Д. 211. Л. 3).

Хотя в целом, конечно, в большинстве детских домов были какие-то шансы выжить. В некоторых из них «детдомовские дети жили даже лучше, чем дети с родителями, — им оказывали внимание и помощь, учили, одевали, кормили» (АМ ФВ. Д. 88. Л. 12). Были случаи, когда ребёнок, оставшийся дома, с вечно полуголодными родственниками, умирал, а его братья и сёстры, отданные после смерти родителей в детдом, благополучно выживали (АМ ФВ. Д. 25. Л. 2). Многое зависело от возраста — не могли же сироты оставаться в детских домах вечно. Но и возраст был понятием растяжимым — многие дети, потерявшие родителей совсем маленькими, не знали, сколько им лет. Тогда им «давали годы» приблизительно, навскидку. Так случилось с будущим писателем Таиром Халиловым:

«Наш детдом в послевоенные годы состоял почти сплошь из крымскотатарской детворы. Многие из них плохо изъяснялись по-русски, а говорили меж собой на красивом родном языке.

Как сейчас помню: однажды нас всех собрали у кабинета врача, чтобы установить возраст, так как ни у кого не было свидетельства о рождении. И откуда оно могло быть, если всё осталось [дома] при депортации? Когда очередь дошла до меня, я перешагнул порог и увидел милейшую и добрейшую Сару Абрамовну. Она почему-то велела раздеться до пояса и заглянула в рот, пересчитала количество зубов, произвела в уме какие-то расчёты и выложила медсестре, сидящей напротив, сколько мне лет. Та быстро занесла в анкету. Затем Сара Абрамовна, блеснув стёклами очков, обернулась ко мне:

— Запомни, Толик, тебе девять лет» (БК. 2006. С. 277).

В некоторых детдомах начальство входило в положение сирот и оставляло их у себя гораздо дольше установленного возрастного предела (16 лет или до окончания десятилетки). Иногда парни оставались под этим кровом (1958 г., детдом Кургантюбинской области — АМ ФВ. Д. 106. Л. 1 об.) вплоть до призыва в армию[1]. Девушки, настроенные на учёбу, также могли быть благодарны детдому за такую возможность: Шадие Сулейманова, отца которой осудили по политической статье, попав в детдом, «окончила 7 классов, потом отправили в Коканд, в педучилище. Если я не воспитывалась бы в детдоме, то меня в училище не взяли бы, потому что я крымская татарка. Мои братья и сёстры не смогли учиться даже заочно... они подписку давали, что не уедут в другой район, не разрешали; если уедут, то сажали в тюрьму» (АМ ФВ. Д. 89. Л. 2).

В отличие от таких вот человечных работников детских домов, обычные посторонние взрослые люди относились к сиротам в те нелёгкие времена часто с отвратительной жестокостью. Подросток Нияс Азисов из Айтугана (Биюк-Онларский район) принёс домой пару деревянных пустых ящиков, чтобы согреть у железной печурки женщин и детей. Но бригадир Ферганского садвинсовхоза

[1] Впрочем, это зависело от директора — в некоторых детдомах (например, Андижанском) именно крымских татар выгоняли гораздо раньше узбеков и русских, т. е. едва по достижении 14 лет (АМ ФВ. Д. 143. Л. 5).

донёс об этом директору, а тот отдал парнишку под суд, хотя оба знали, что за такое «преступление» положен срок 10 лет (АМ ФВ. Д. 7. Л. 11–12).

Вообще, множество свидетелей, столкнувшихся с проблемой детдомов в первые месяцы и годы высылки, единодушно утверждают, что среди воспитанников «редко можно было встретить ребёнка другой национальности, почти все были крымские татары» (АМ ФВ. Д. 15. Л. 4). Бывший детдомовец, побывавший во многих детских домах Узбекистана и ставший потом инженером-конструктором, Л.М. Торчинский пришёл к выводу, что «в большинстве детдомов разговорный язык был крымскотатарский», а не русский и не узбекский. Поэтому он, киевлянин по происхождению, и в зрелом возрасте, как сообщает его знакомая крымская татарка — автор воспоминаний, «свободно разговаривал со мной на моём языке с южнобережным акцентом» (АМ ФВ. Д. 15. Л. 4–5).

Собственно, такой национальный состав детдомовцев лучше всего говорит о страшном факте: в те нелёгкие годы в тыловом Узбекистане *массами* гибли *прежде всего высланные крымские татары*, а ещё живые дети распределялись через детприёмники по детским домам и интернатам.

6. Узбеки

К ночи схоронили бабушку, идём
домой, и шакалов боимся, и узбеков
боимся, они тоже не хуже звери...

Хатидже Тохтарова
(АМ ФВ. Д. 9. Л. 38)

Касаясь темы отношений крымскотатарского народа с узбекским, автору неминуемо предстоит дать какую-то оценку узбекам в сравнении с крымцами: эта необходимость прямо следует из имевшего место исторически неожиданного, но тесного и длительного контакта двух народов. Задача эта не столько сложна, сколько щепетильна, как способная затронуть национальные струны коренных народов Средней Азии, не более других этнических групп склонных к объективной самооценке или рефлексии. Но, отказавшись от этой темы, мы не только скользнули бы по поверхности глубокой и сложной проблемы этого межэтнического столкновения, но и обделили бы узбекский народ, поступили бы с ним несправедливо, лишив его редкой возможности взглянуть на себя со стороны, что всегда полезно. Тем более что в III очерке первого тома мною была предоставлена такая возможность туркам, а в Прологе — великороссам.

В первом же томе подробно разбиралась проблема частичных перемен, произошедших в мировой умме со времён классического ислама. Я имею в виду не все, а исключительно негативные перемены, приведшие общины отдельных мусульманских государств к так называемому фундаментализму. Этим термином, как известно, абсолютно неверно обозначают исламские ультрарадикальные течения, далее всех ушедшие именно от *фундаментальных* основ и ценностей ислама. Эти перемены выразились в забвении главных принципов

Местный житель.
Фото Макса Пенсона

мирного учения Пророка: терпимости, взаимной выручки, чувства братства всех мусульман мира. Одни национальные общины ушли прочь от классического ислама довольно далеко, другие — не очень. Крым, как уже говорилось, сохранил Учение в максимальной чистоте. Это было бесспорно в XVIII в., накануне аннексии, это было заметно в годы колониального периода, это достоинство находится в процессе возрождения сейчас.

Но наряду с таким спасительным консерватизмом, повторяем, существует бесчеловечный и эгоистичный радикализм, источник которого следует искать, естественно, не в Учении (ислам сам по себе — фактор прогресса в направлении гуманизации человечества), а «в невежестве, незаконных введениях (бидаа), суевериях, обскурантизме и деспотизме» (*Карабаев*, 1997. С. 11).

Крымским татарам никогда не приходилось встречаться *с такого рода* мусульманской общиной. В Узбекистане эта встреча состоялась в максимально остром варианте — столкнулись не два кабинетных улема, не две философские школы и даже не две крупные секты, а два народа в полном своём составе. Причём столкнулись, во-первых, не по своей воле, а насильственно, не имея возможности этого мучительного столкновения избежать. Во-вторых, это произошло в экстремальной ситуации войны и вызванного ею прискорбно всеобщего ожесточения, массового стресса, голода, болезней, драконовских законов сталинского режима.

В чём же этот конфликт выразился в реальности, в быту?

Любое местное население, как правило, невольно испытывает недоверие и настороженность по отношению к новопоселенцам — носителям иной культуры, иных обычаев и традиций. Это объясняется не столько национальным характером народа, сколько забвением упомянутых принципов морали и религии. Но в «узбекском» варианте ситуация помимо прочих причин осложнилась и антитатарской пропагандой, вроде бы подтверждающей самые радикальные предубеждения по отношению к «чужакам». Она оказалась особенно действенной в отношении к узбекским семьям, как правило, имевшим кого-нибудь на фронте. Тут

наверняка раздувались и усугублялись выдумки коммунистических агитаторов, вряд ли способных самостоятельно придумать такую чушь (с явно «восточным» колоритом), что крымские татары питаются змеями, как об этом говорили на янгиюльских базарах (АМ ФВ. Д. 107. Л. 3).

Узбекский этнос по ряду объективных исторических причин давно утратил почётное место в мировой исламской культуре, частью сохранив, частью реанимировав при этом черты гораздо более архаические, разрушительные для межнациональных понимания и терпимости, для успешных контактов. На этом пути вспять узбекское общество «обошло» даже российское, достав из подсознания не только глубинное содержание, но и внешнюю форму племенного, доисламского менталитета, изжитые в России и Крыму социально-экономические формы и структуры[1].

Чувство обострённого недоверия, готового при малейшем поводе превратиться в страх или ненависть (типично племенные черты истории первобытного человека), только подогревалось грубой антитатарской пропагандой, но не порождалось ею. Это доказывается и тем, что оно не исчезло позже, когда за считанные недели выяснилась вся лживость коммунистических выдумок. Ничего не изменилось после того, как узбеки обнаружили: крымские татары не одноглазы, не едят людей, а хоронят своих покойников по вполне мусульманскому обряду. Узбекская масса не проявляла стремления сблизиться со своими единоверцами, да ещё попавшими в столь тяжёлое положение, когда помощь извне была особенно нужна. На узбеков никак не повлиял и тот простой и вполне очевидный факт, что крымцы пострадали от тех же российских коммунистов, к которым в Средней Азии со времён уничтожения «басмачей» оставался большой и незакрытый до сих пор счёт.

Крымцы, столкнувшись с момента прибытия в ссылку с таким отношением, в дальнейшем могли только утвердиться в первом своём впечатлении. Войдя в контакт с некоторыми культурными и бытовыми различиями, естественными для единоверцев разных стран, мусульмане Самарканда и Бухары, великих городов древности (пусть даже давно переставших играть роль духовных и культурных центров всемирной уммы), не могли подняться над узко местническими взглядами на незваных пришельцев. Придав этим различиям, несущественным с точки зрения универсалистской, идеи Корана, они стали по сути на позицию фанатизма типа *ас-санавийа* (см. Ислам. С. 206), мало чем отличающуюся от православной шовинистической обособленности по отношению ко всему остальному христианскому миру вмещающему католиков и лютеран.

Поэтому крымские татары вряд ли почувствовали какое-то облегчение, сменив преобладающе православное окружение в Крыму на *такое* мусульманское. Суровые люди в пёстрых халатах, тюбетейках и чалмах с молчаливым

[1] При всех отвратительных сторонах дискриминации коренного населения и развитии великодержавного шовинизма в довоенный период большинство русского населения городов и сёл Крыма всё же сохраняло вполне человеческие черты. Никто не может обвинить славянскую диаспору в *постоянном и массовом* терроре против коренного населения полуострова, в обыденном изнасиловании крымскотатарских женщин, в постоянном применении телесных наказаний, т. е. во всём том, что позволяли себе по отношению к ссыльным единоверцам *мусульмане* Узбекистана.

неодобрением рассматривали переселенцев, одетых почти исключительно в платье европейского покроя, да и чертами лица, и манерой общения в массе более похожих на европейцев, чем на азиатов. Авторитетные хранители традиций, узбекские старики, основываясь на форме, судили о содержании. Поэтому сделанный ими вывод был в большинстве случаев столь же непримиримым и безапелляционным, сколь плоским и немудрым (это ещё очень мягкая оценка): в соответствии с ним крымских татар стали считать какими-то недоверками, чуть ли не ренегатами ислама, заражёнными учением неверных[1].

И в этом они, как ни неловко это признавать, ничем не отличались от суетных женщин своей страны, которые, гордо демонстрируя цветные панталончики, высовывающиеся из-под халатов, не давали проходу крымским татаркам, тыча в них пальцами и обзывая «бесштанными» (АМ ФВ. Д. 89. Л. 2). Это свидетельство Гулер Сеитмамбетовой дополняет Зульфие Халикова из Мамашая (Севастопольский район): «Когда прибыли на место депортации, помню, как девочки в длинных платьях и закрытые платками из-за угла забрасывали меня камнями и кричали: „Штансыз урус“ («бесштанная русская». — *В.В.*) (Депортация. 2004. С. 101). Так, узбекские мужчины и женщины сравнялись друг с другом в недостойном шельмовании переселенцев, вместо того чтобы оказать предписанную шариатом помощь своим братьям и сёстрам по вере, пострадавшим от общего наследственного ненавистника.

Более того, крымские татары испытали от этих единоверцев столько страданий и унижений, сколько давно уже не видели на родине. Ещё раз зададим вопрос: разве мыслимы были в Крыму, даже в жестокие 1930-е гг., многочисленные случаи изнасилования татарских женщин и девушек? А узбеки не только не считали это гнусное преступление позором для верующих людей, но и, совершив его, опасаясь расследования, нередко убивали жертву или привязывали её к дереву на съедение шакалам (АМ ФВ. Д. 94. Л. 4). Ища и не находя объяснения этому преступлению, немыслимому для правоверных мусульман, крымские женщины несколько наивно ссылаются на этнические отличия узбеков от крымских татар: «Узбеки чёрные, а мы белые, красивые, они глаза вытаращили, звери, набрасываются на нас...» (АМ ФВ. Д. 208. Л. 3). Были случаи, когда переселенцев, собиравших на зимних дорогах просыпанное зерно или мёрзлую свёклу на полях, узбеки «избивали, как хотели», а девушек и женщин там же насиловали, на глазах мужчин и подростков (АМ ФВ. Д. 56. Л. 1; АМ ФВ. Д. 79. Л. 5)[2].

[1] Самое поразительное при этом то, что, согласно выводам серьёзных и ответственных исследователей конца XIX в., уже тогда, задолго до атеистических нововведений советской власти, самих узбеков в массе никак нельзя было назвать людьми сугубо религиозными. В подробном и тщательно обоснованном *Обзоре состава и деятельности мусульманского духовенства в Самарканде и других местах* с недоумением подчёркивалось, что «в течение всего тёплого времени с весны до осени узбекские мечети пустуют, но даже и зимой, когда в кишлаках нет никакой работы, только некоторые, немногие старики посещают их...». И далее: «узбеки хотя и ходят в мечети, но перед намазом омовений не совершают» (Материалы по мусульманству. Ташкент, 1898. Вып. 1. С. 11).

[2] Последние случаи этого массового вида насилия над крымскотатарскими женщинами отмечены практически в наши дни, в мае 1990 г.; при этом особенно отличились андижанские узбеки (АМ ФВ. Д. 88. Л. 13).

Ташкент
(открытка 1940-х гг.)

Taşkent. Navaji kocasi. — Ташкент. Улица Навои.

Да простится автору обширная нижеследующая цитата из воспоминаний тогдашней 11-летней девочки, имевшей несколько младших сестёр; слишком уж меткие здесь сделаны наблюдения и выводы:

«Они нас за людей не считали, обращались как со скотом. Пошла я рано утром, пока ещё все спали. Взяла торбу и пошла, одна я была ходячая и посмелее — думаю: что будет, то и будет, убьют — отмучаюсь, только вот сёстры голодные останутся. А земля уже вспахана после уборки ячменя, и колоски уже чёрные, чуть не гнилые. Поле большое, выгребаю по одному колоску, собрала уже порядочно, думаю: сейчас принесу, будем варить в воде и есть — дома меня ждут с добычей. Смотрю — верхом едет узбек-полевод. Я сижу, жду, куда мне бежать, всё равно он меня поймает, и будет хуже. И поэтому я сижу, жду его. И что вы думаете — он меня пожалел? Он и с лошади не слез, зверь, а нагнулся, прямо по голове кнутом дал, забрал мешок и уехал. Я не помню, сколько я там лежала, а потом пришла в себя, встала, иду и плачу — больно и обидно, я не за себя плачу, сейчас меня ждут с чем-то, а я приду пустая. И хорошо, что со мной ничего не сделал, а то и так могло быть. Они этого не боялись, не стеснялись. У них ни Бога, ни души нет. А если привезли бы их к нам, мы их одели бы, кормили бы, чем могли, сколько могли. У нас таких считают пострадавшими» (АМ ФВ. Д. 9. Л. 31–32).

Последнее — не пустые слова. Вспомним хотя бы судьбу краснодарских беженцев предвоенного периода, получивших в крымскотатарских сёлах и кров, и человеческое участие, — а ведь это были люди *иной* веры и традиций.

Случались в Узбекистане и убийства обездоленных крымских спецпоселенцев. По ничтожному поводу: для этого было достаточно выкопать в поле 1 (один!)

кустик картофеля, не выдержав вида умирающих от голода детей. Так до смерти был забит отец большой семьи Сеитхаиль из Улу-Салы, — это было делом рук мужчин кишлака Суфан, Фергана (АМ ФВ. Д. 148. Л. 27). «Нас бандиты грабили узбекские, чашки-ложки отбирали. Девочку задушили в одной семье. Узбек говорит: „Отвезу вас", но бросил в реку мать 25-летнюю, из чистого издевательства, детка осталась малая. Женщина собирала дрова, несла вязанку, мимо виноградника шла, оторвала гроздь, узбек тоже толкнул в воду, утонула с вязанкой» (АМ ФВ. Д. 193. Л. 1). Ленура Кадырова из Бахчисарая вспоминает, что в Узбекистане «бывали случаи, когда из-за одного яблока местные отрубали головы „пришельцам" кетменём» (Депортация. 2005. С. 73).

В совхозе на берегу р. Чирчик, как пишет Афизе Гурт, «мы боялись местных жителей, старались держаться группами, всегда являлись объектом коварства и несправедливости. На работу выгонял объездчик Маматкулов. Он на лошади, люди пешком. Торопил окриками, часто бил плёткой. При мне ударил старика Гурт Мустафу, видела, как бил другого 65-летнего старика по фамилии Бешкадем Амет, несколько раз ударил плёткой по голове Чачарову Орие. Объездчик Мамляков Даврон убил железным прутом двух калек-кресноармейцев русских... Убийство он отрицал, его отпустили. В соседнем отделении [совхоза «Пятилетие УзССР»] затоптали лошадью двенадцатилетнего мальчика Куртсеита Ильми. В карманах у мальчика были яблоки...» (ДК. 2004. С. 47).

Нередкими были и беспричинные, ради «спортивного интереса», избиения. Так, в 1944 г. узбеки регулярно врывались в спецпоселенческий лагерь в районе I и II ГЭС Ташкентской области. Избивая беззащитных крымскотатарских женщин и детей, они орали: «Предатели, мы вас всех убьём!» — и только начавшаяся в этой закрытой резервации эпидемия тифа прекратила подобные дикарские нападения (АМ ФВ. Д. 56. Л. 1). Групповые избиения тоже продолжались долгое время, они были обычными вплоть до 1955–1956 гг. Эту перемену в поведении узбеков связывают с ликвидацией комендантского часа и возобновлением призыва крымскотатарских парней в армию, — очевидно, последнее особенно раздражало местных «джигитов», от службы не освобождённых, да к тому же и численно неизменно превосходивших своих жертв-сверстников (АМ ФВ. Д. 56. Л. 2).

Отдельная тема — «служебные» побои, то есть наносимые непосредственным начальством. Не боясь обвинений в национализме, отметим в этой связи, что в довоенном Крыму не то что таких случаев средневекового варварства не было, но об этом просто никто не думал, как и о других, давно изжитых обычаях. Узбеки — постоянно и привычно практиковали. То, что председатели колхозов или бригадиры расхаживают по хлопковым полям с кнутом, предназначенным для людей, никого в Узбекистане не удивляло, кроме крымских татар: «в голенище сапога у бригадира всегда была плётка, хотя он верхом никогда не ездил» (АМ ФВ. Д. 15. Л. 2; также АМ ФВ. Д. 107. Л. 2).

Это было настолько обычное, повседневное «орудие труда», что крымцы запомнили его с большой точностью, в деталях. Вот «на лошади верхом мужчина местной нации. В руках у него кнут плетёный кожаный, длиной где-то около 1 метра, толщиной в 3 см, а продолжение кнута — около 1 м тонкая, 1 см диаметром, рубчатая полоска, тогда как первый метр — плетёный в 3 или 4 слоя» (АМ ФВ. Д. 98. Л. 10). А вот один из вариантов работы этим инструментом: Эмине Самединова, едва оправившаяся от болезни, ещё крайне истощённая после долгой дороги (дело было в июне 1944 г., в Самарканде), умоляла бригадира позволить ей пару дней отлежаться. Но тот, осыпая женщину матерной руганью, избил её кнутом до потери сознания. Через 3 дня Эмине скончалась (АМ ФВ. Д. 103. Л. 1–2).

Похожий случай произошёл в с. Кара-Курбан той же области, но годом позже. Тридцатипятилетнюю Суваде Асан-кызы мучала лихорадка, в 45-градусную жару её трясло от озноба. Бригадир-узбек выволок её на улицу, привязал за волосы к хвосту своей лошади и погнал её рысью через всю деревню. До околицы оставалось немного, когда у женщины была сорвана её густая копна волос вместе со скальпом. Через какое-то время она в муках скончалась (*Юртэр*, 1955. С. 143). В колхозе Ленина Андижанской области Сталинского района заведующий производством «часто гонял кнутом по полю целую бригаду татарок» (АМ ФВ. Д. 203. Л. 2). Мустафа Халилов из Корбека «не умел цапать хлопок, бабай его ударил, он через несколько дней умер — старый и голодный был» (АМ ФВ. Д. 208. Л. 2). Ещё одну крымскотатарскую женщину, отказавшуюся стеречь урожай ночью в степи (она боялась оставлять дома одну 2-летнюю дочку), в течение 3 месяцев регулярно мучили двое сильных мужчин: бригадир держал её за руки, а председатель колхоза избивал палкой (АМ ФВ. Д. 107. Л. 4).

Брат с сестрой (12 и 10 лет) «собирали колосья торбочками. Но объездчик-узбек на лошади с камчой бил, гонял их. Не разрешали даже на дороге собирать: на арбе перевозили и колосья падали, детишек за то били» (АМ ФВ. Д. 97. Л. 5). Некоторые из местных прибегали к более изощрённым пыткам. Одиннадцатилетний Рефат Чайлак из Токлука рассказывает, что он «нанялся у одного узбека караулить от птиц джугару. За это он меня три раза в день кормил: утром одна кукурузная лепёшка и чайник чаю без сахара, в обед какой-нибудь суп. А то, что мне давали вечером, я приносил домой и ели все вместе. Однажды вечером ко мне пришёл брат, чтоб нести то, что мне дали. Я чашку с баландой отдал брату, а сам залез в кукурузу и нарвал полную пазуху початков. Когда я вылез, меня поймал хозяин, отвёл к себе, раздел и привязал к столбу, чтобы заели комары. Я начал плакать и кричать. Через какое-то время пришла мать с братом и за какую-то вещь обменяли меня» (АМ ФВ. Д. 115. Л. 2–3).

Но это ещё сравнительно «благополучный» исход. В Чирчике, в 1945 г. столь же юный Шевкет Темиркая отломил один початок кукурузы. Бригадир-узбек по имени Баки «поймал Шевкета, избил как следует, поволок на водяную мельницу. Сестричка, которая была с Шевкетом, побежала домой и доложила матери. Поиски были безрезультатны. Через 2 года один русский товарищ признался, что Шевкета увёл один русский мужчина, что тогда он боялся говорить...» (АМ ФВ. Д. 26. Л. 7). Случаев увода крымскотатарских детей в домашнее рабство или для иных целей вообще было довольно много. Чаще всего умыкали сирот, живших после смерти близких на старом, опустевшем месте. Их было красть безопаснее, поскольку не протяжении какого-то времени этого мог никто не заметить и жертву успевали увезти далеко.

Так, Сеитмемет Усеинов, единственный сын парикмахера из с. Тиберти Бахчисарайского района, после смерти отца и матери, едва сумев похоронить их (ему тогда только исполнилось 11 лет), остался совсем один. Его, умирающего

от голода в пустой хижине, «взял в рабство какой-то узбек, очень издевался над ним, и он, убежав, оказался в детском доме в г. Андижане» (АМ ФВ. Д. 15. Л. 4). Были и другие варианты такого преступления: «Дети отставали от родителей, узбеки пользовались случаем, голодных детей приманивали, уводили. Или больных детей из одной больницы якобы переводили в другую — и с концом. Родственник моего мужа, трёхлетний Асан Сеитхалилов, исчез в больнице. Розыски не давали никаких результатов. Не нашли ни живого, ни мёртвого» (АМ ФВ. Д. 125. Л. 34–35).

О том, был ли кто-либо наказан за эти преступления перед законом и собственной совестью, пожалуй, не стоит и спрашивать. Впрочем, был один такой случай, когда насильник пал жертвой — но не советского суда, а материнского проклятия, которое послала на его голову Шефика Усеинова. Её сын Алиль рассказывает: «Бригадиры-узбеки очень зверствовали, били плётками, выгоняли на работу даже больных. Однажды один сильно ударил меня по голове кетменём. Мать заголосила: *„Аллах, джезаныны вер, мен де горейим!"*[1] Это было страшное проклятие! Через некоторое время на глазах у матери этот бригадир погнался на лошади за беглецами и на полном ходу врезался головой в дерево» (ДТК. 2005. С. 134).

Не стоит полагать, что перечисленные типы насилия, издевательств и ограбления беззащитных спецпереселенцев все без исключения объяснялись средневековыми пережитками узбекской деревни, рабской психологией, неосознанным зверством тёмных, забитых людей. Дело не только в этом — вполне образованные чиновники республики, получив почти 168 млн руб. для предоставления денежного кредита крымским татарам, 52 млн присвоили (*Хаяли*, 1997. С. 3), хотя на их глазах голодной, страшной смертью погибал целый народ. И конечно, большую роль сыграла соответствующая подготовка местного населения советскими властями накануне прибытия спецпереселенцев. Впрочем, регион от региона отличался довольно сильно. Кемал Джелилов (дер. Аскар, Маяк-Салынского района), попавший в эшелон пятнадцатилетним подростком, вспоминал, что в России «на каждой станции предупреждённые жители кричали на нас: „Предатели, чтоб вы сдохли!". Когда проезжали Казахстан, казахи, как мусульмане, выносили нам, хотя и за деньги, лепёшки, пирожки из картошки» (Депортация. 2004. С. 49).

В завершение «узбекской» темы коснусь не столь мрачных сторон вынужденного соприкосновения двух этнических сообществ. Кроме описанных выше телесных наказаний для детей и взрослых немало поражал сам быт местного населения, для крымских татар удивительный и также принёсший немало проблем в ходе приспособления к нему. Об отсутствии нормальных, ухоженных источников чистой воды уже говорилось. Как и о жилище, где, кстати, помимо прочего, было огромное количество насекомых (АМ ФВ. Д. 98. Л. 9). Приведу ещё несколько наиболее характерных черт узбекских обиталищ.

В них нередко встречались и архаичные, давно забытые в Крыму системы отопления, схожего с кочевым: посреди комнаты горит костёр, дым выходит в пустые оконные проёмы, лишь на ночь завешиваемые кошмой. Стены, не говоря уже о потолках (которые зачастую вообще отсутствовали), как правило, не белились, были серыми от копоти и грязи (АМ ФВ. Д. 107. Л. 3; АМ ФВ. Д. 89. Л. 2; АМ ФВ. Д. 97. Л. 4). Вот типичное жилище такого рода: «Стены помещения не оштукатурены, между саманными кирпичами зияют трещины, полы глинобитные, окон нет. Двери приходилось держать открытыми, чтобы видеть, что где. Крыша была закрыта хлопковой соломой, узбеки называют это — газопая. Сверху крыша была замазана глиной, над головой вместо потолка торчат прутья газопая» (*Маметов*, 1994. С. 96).

[1] «Да пошлёт Аллах тебе несчастье — и чтобы я это увидела!» (*крымскотат.*).

В целом же «строения, одежда людей, домашняя утварь, образ жизни абсолютно не соответствовали тому, к чему мы привыкли в своих чистеньких, выбеленных известью крымских домиках... Кирпич, жжённый в нашем понимании, там вообще отсутствовал» (АМ ФВ. Д. 143. Л. 9). Но были жилища и похуже: в совхозе «Улус», например, «местные степняки, как кроты в норах, жили в землянках на возвышенном пригорке» (АМ ФВ. Д. 3. Л. 41). Кстати, когда прошло некоторое время и люди могли сами улучшить условия своего быта, то это пошло на пользу тем самым узбекам, что видели в крымских изгнанниках «плохих мусульман». «Крымские татары впоследствии... на местах выселения начали строить дома сами, этим самым показали местным жителям, *как надо содержать* своё жильё (курсив мой. — *В.В.*), многому научили местных жителей, а особенно огородничеству и многому другому» (*Маметов*, 1994. С. 98).

Необходимо отметить ещё одно важное обстоятельство. В воспоминаниях и устных свидетельствах, относящихся к «узбекистанскому периоду» истории крымскотатарского народа, мы не отыщем никакой предвзятости или просто необъективности. Напротив, память об отдельных случаях доброго отношения к спецпереселенцам со стороны узбеков крымцы пронесли сквозь десятилетия и с видимым удовольствием и гордостью за мусульманскую и общечеловеческую солидарность сообщали о них автору этих строк[1].

В одном из колхозов Самаркандской области соседи помогали крымцам — кто пиалой супа, кто лепёшкой (АМ ФВ. Д. 90. Л. 6); бригадир колхоза «Пахта кахраман» угостил как-то голодного крымского татарина сытным ужином. Далее, одна учительница-узбечка не пожалела добрых слов, утешила отчаявшихся

[1] Необходимо подчеркнуть, что чувство благодарности вообще является одной из основных черт крымскотатарского национального характера. И до сих пор крымцы, депортированные в иные, чем Узбекистан, места, вспоминают о просто человеческом к ним отношении с неизменно тёплым чувством. Это относится и к доброму бригадиру-чувашу, да и к остальным его землякам, много помогавшим спецпоселенцам (АМ ФВ. Д. 197. Л. 3), к марийцам, окружившим заботой голодавшего капсихорского мальчика, будущего композитора Эдема Налбандова (АМ ФВ. Д. 196. Л. 1), к дагестанцам, среди которых Кефие Бекирова (Кучук-Узень) прожила 50 лет «и за полвека слова плохого не услышала», перед которыми она до сих пор «преклоняется за доброту» (АМ ФВ. Д. 194. Л. 3). Гораздо лучше в этом смысле были и условия сосуществования с киргизами — тепло вспоминает те годы Майре Османовна Бадраклы (АМ ФВ. Д. 265. Л. 1). В Киргизию не был отправлен ни один эшелон, люди перебирались туда самостоятельно именно из-за более терпимых отношений, возможности устроиться на работу и пр. Впрочем, в последние годы изменились отношения и в Кыргызстане, причём в худшую для бишкекских татар сторону (указ. дело, там же).

татарок Симеиза (АМ ФВ. Д. 211. Л. 2). Наконец, К.А. Бекирова из Аджи-Менди рассказала, что узбеки, к которым поселили её семью, «были очень доброжелательные и нам сочувствовали. И даже спасли от смерти меня и моего брата» (Депортация. 2004. С. 33).

Но это, к сожалению, и всё, что можно было извлечь из многих сотен печатных, рукописных и устных источников. Естественно, их круг не всеобъемлющ, не исключено, что должны были встречаться и другие положительные инциденты такого рода[1], но их многократно превосходит число отрицательных. В общем, не выглядит преувеличением вывод о том, что местное население, воспользовавшись безвыходным положением жертв депортации, даже соглашаясь им помочь, буквально обирало целый народ. «Не перечесть, сколько татарского добра ушло задарма: за одну лепёшку, за миску муки или кукурузы, за горсть сушёных урюков. Серьги, кольца, броши... Двенадцать нитей жемчуга у Назифе-апте, дар её свекрови к свадьбе, были отданы за ведро кукурузы, и таких примеров можно перечислить тысячи... Так продолжался тотальный грабёж крымского народа уже после депортации, в других условиях, другими людьми...» (АМ ФВ. Д. 143. Л. 12). И конечно, не бедность толкала местных на преступления против ещё более бедных и обездоленных. В войну плохо было всем. Но вели себя люди всё же по-разному.

Впрочем, некоторые переселенцы утверждают, что несколько позже, особенно после того, как с фронта стали возвращаться крымские воины — кто без руки, кто без ноги, но большинство с медалями и орденами, — многие узбеки стали относиться к жертвам депортации по-другому. Светлана Алиева вспоминает: «И вот узбеки поняли, что имела место чудовищная несправедливость, и они начали делиться последним ломтем лепёшки, последней горстью кишмиша или орехов» (Так это было. 1993. Т. 1. С. 93). К великому сожалению, такой переворот в народном сознании коренных жителей Узбекистана произошёл лишь года через три-четыре, а не в первые, самые страшные 1944–1946 гг., когда любая помощь со стороны окружающих была особенно нужна погибавшим женщинам и детям...

Но вернёмся к другим реалиям, характерным для мест ссылки. Ещё одним открытием для крымцев стала узбекская школа. В предыдущих очерках говорилось, как много копий было сломано в Крыму вокруг проблемы усовершенствования национальной системы образования, упоминалось и о том, что селяне, не дождавшись помощи из района, собирали из своих скромных достатков средства и сами строили хотя бы одну школу на несколько соседних деревень и сами же нанимали учителя. Да и после войны, в сожжённом Озенбаше, где люди жили в шалашах, единственное уцелевшее здание (табак-сарай) было отдано детям, и за срок менее месяца, до 18 мая, был налажен учебный процесс.

В Средней Азии отношение к школе оказалось прямо противоположным.

Известно, что в первые десятилетия XX в. здесь получили какое-то распространение идеи Исмаила Гаспринского, но с тех пор они были благополучно забыты. Взамен сложилось какое-то непонятное крымским татарам равнодушие к просвещению. Это в лучшем случае, но были и худшие. На крымскотатарского

[1] О них очень мягко и деликатно выразился один из крымскотатарских свидетелей тех лет и событий: «Со временем узбеки к нам привыкли, но помощи от них... не было» (АМ ФВ. Д. 87. Л. 6).

педагога Аджер Аблялимову, собиравшую детей в Катакурганскую школу, узбеки спускали собак. Причём постоянно, так как честная учительница не оставляла попыток вытащить узбекских ребят из глубокого невежества: «всё время собаки кусали, раны не заживали» (АМ ФВ. Д. 107. Л. 3).

Естественным результатом таких настроений была «сплошная неграмотность», которую отчасти объясняли тем, что на колхозных полях Узбекистана «от восхода до заката солнца работали на 90 % женщины и дети, мужчин почти не было» (АМ ФВ. Д. 104. Л. 3). Но, во-первых, эта картина наблюдалась и зимой, когда полевые работы прекращались. А во-вторых, никуда не годилась сама узбекская система просвещения, в том числе и педагогический состав. Как вспоминает крымская учительница, в семилетке, куда она попала, не было *ни одного* учителя с педагогическим образованием. Ученики школу не посещали, оценки ставились наобум, что, между прочим, служило дополнительной причиной узбекско-крымскотатарских конфликтов. Вот один из таких случаев:

«Нам это было дико и страшно. Говорить мы боялись, но отметки упорно не ставили: за нас и посещаемость, и успеваемость проставлял сам директор. Зарплату получали ежемесячно... На второй или третий месяц я и муж написали заявление в районо с просьбой уволить нас без объяснения причин, а инспектору признались, что деньги получаем не по труду. Скоро конец четверти, отметки проставлять не будем, мы не можем идти на преступление. Данияров нас успокоил: оказалось, не мы одни в этом положении. Он сказал: „Работайте спокойно до конца учебного года, что-нибудь придумаем"...Вообще грамотных национальных учителей не было. Все они были выдвиженцы, и институты кончали, и дипломы получали [липовые], а за них работы выполняли русскоязычные. Врачам, я сама свидетель, в стационаре историю болезни заполняла больная... Через год я и мой муж и ещё несколько товарищей работали в школе райцентра, где за 2–3 года эвакуированные учителя составили более надёжный фундамент» (АМ ФВ. Д. 122. Л. 70–71). Этот фундамент наращивался и на местах проживания: крымские переселенцы организовывали школы в кишлаках, где их испокон веку не было; понемногу вместе с крымскотатарскими детьми в эти школы начинали ходить и маленькие узбеки (АМ ФВ. Д. 89. Л. 2).

Более бесправны были крымскотатарские педагоги в системе внешкольных учреждений. Они ничего не могли поделать, в частности, с обиранием детдомовских детей — здесь неизменной оставалась давно сложившаяся практика. И в эту систему «влетел», в частности, эвакуированный в Чимкент крымскотатарский бахчисарайский детский дом. Крымские дети, до того видевшие от взрослых только доброту и заботу, «не поняли, почему с них сняли хорошую одежду, пальто и одели в тряпьё... Дальше стало ещё хуже. Дети стали разбегаться — кто в ФЗО[1], кто ещё куда» (АМ ФВ. Д. 99. Л. 2).

От энтузиастов крымскотатарской школы со временем стали избавляться — слишком уж они были неудобны. В 1949 г. прокатилась буквально волна их увольнений с работы под предлогом незнания узбекского языка. Но это был именно предлог, так как увольняли и тех, кто успел получить педагогическое образование уже в Узбекистане, кто имел, как, например, Амет Усеинов

[1] О системе советских ФЗО, ФЗУ и т. д. см. примечание в т. III.

(Фергана), уже узбекский диплом (АМ ФВ. Д. 122. Л. 37). И положение это изменилось лишь много лет спустя, когда после известных Положений о неправомерности определения «народ-изменник» и преступности депортации на крымскотатарских просвещенцев дождём посыпались звания заслуженных учителей Узбекистана.

Иная, но схожая история имела место с узбекским виноделием до и после прихода в него крымцев. Донельзя отсталая и запущенная, эта не вполне традиционная для Средней Азии отрасль влачила до середины 1940-х гг. жалкое существование, несмотря на то что в Самарканде работал Узбекский научно-исследовательский институт виноградарства. В 1944 г. несколько крымских татар — виноделов и виноградарей были приняты в этот исследовательский институт, вполне соответствующий уровню всей отрасли (достаточно сказать, что там в важнейшем Отделе технологии виноделия числился всего *один* сотрудник — некая юная Нина Герасимова).

Поэтому мастера Массандры и Магарача должны были начинать практически с нуля — копать подвалы, налаживать систему поставок виноматериалов и спирта. В это трудно поверить, но не было даже настоящих дубовых бочек, и бывшие массандровские бондари занимались их изготовлением во внеурочное время. Короче, через несколько лет благодаря крымскотатарским виноделам, и в особенности Энверу Идрис-огълу Суюнову, самаркандское виноделие было впервые поднято до высокого уровня. В Ташкенте примерно тем же занимался его однокашник по Симферопольскому сельскохозяйственному институту Бекир Усеинов — и с тем же блестящим результатом (АМ ФВ. Д. 3. Л. 50–57).

Немалую поддержку и деловую помощь обоим мастерам и их землякам оказывал всемирно известный Научно-исследовательский институт виноградарства и виноделия «Магарач», в те годы эвакуированный в посёлок Кибрай Ташкентской области, где велась масштабная работа (среди прочего, по районированию перспективных сортов винограда). Ввиду того что ключевые посты здесь занимали крымские специалисты[1], и результаты были соответствующие (АМ ФВ. Д. 143. Л. 27). И хоть в канцелярии «сидела масса недоучек и тупиц из среды эвакуированных и семей тыловиков» (указ. дело. Л. 29), дела испортить они не могли: именно узбекские вина *впервые в истории страны* стали тем, что в 1960–1970-х гг. сделало Узбекистан известным далеко за пределами СССР.

Менее значительный, но, может быть, более характерный по повторяемости пример: в Узбекистане очутился и директор одного из крымских консервных заво-

[1] Его директором (затем директором Среднеазиатского филиала «Магарача») был назначен Мустафа Веис Селимов, бывший комиссар 1-го автономного партизанского отряда, затем Южного соединения партизанских отрядов Крыма (в 1959 г. он станет заместителем председателя Академии сельскохозяйственных наук Узбекской ССР). Опытно-производственной базой заведовал Бекир Абдишев, крымские татары руководили и некоторыми другими подразделениями института. Кстати, таким же первооткрывателем виноделия, но уже в Киргизии стал бывший управляющий Крымвинпромтрестом Арслан Измайлович Меджитов. Очутившись после депортации в Ананьеве, близ Иссык-Куля, он наладил производство отличного вина, в том числе и из местных дикорастущих ягод. Даже из барбариса делали вино, — «знатоки и до сих пор выразительно цокают языком», говоря об этом напитке (*Тузов*, 1996. С. 6).

дов Орлов (кстати, человек, знавший и ценивший своих крымскотатарских работников). Осенью 1944 г. он встретился в Самарканде с земляком, бывшим обкомовцем Вели Муртазаевым. Эти два опытных руководителя предложили узбекским коллегам поднять на новый уровень техническую культуры и производительности местный завод «Красный двигатель», но при условии, что им будет позволено набирать крымчан независимо от их «комендантской» (районной) принадлежности.

Такое разрешение было получено, и Орлов с Муртазаевым поехали по районам вербовать рабочую силу — естественно, по большей части женскую, такая уж ситуация была... Людей по бумаге, выданной МВД Узбекской ССР, забирали прямо с колхозных полей, и земляки плакали от счастья, соглашаясь работать день и ночь, но — на заводе, среди своих, а не на голодной, рабской, смертной каторге под узбекскими кнутами. И они действительно работали в Самарканде, как боги! Завод из хронически не выполнявшего план вышел в число передовых, выпуская важнейшие для страны детали для танковой и тракторной промышленности. Причём отличного качества — этого нельзя было не признать (АМ ФВ. Д. 20. Л. 9–10).

И такая ситуация сложилась не только в просвещении, виноделии, машиностроении... Всего за 2–3 года все эти крымскотатарские мастера, инженеры, учёные, писатели, профессора внесли огромный вклад в экономику и культуру республики. И этого факта не может изменить полное его замалчивание на протяжении десятилетий (Таш. процесс. С. 60). Оно продолжается в какой-то мере и сейчас, но тогда простое признание заслуг крымскотатарских тружеников многое могло изменить в положении депортированного народа. На деле же «с детства все мы [крымские татары] слышали (в автобусе, на рынке...): хлеб узбекский, хлопок, автобус — узбекские, а вы наш хлеб едите. И чем дальше, — тем хуже. Теперь они говорят, что у них глаза [на нас] раскрылись» (АМ ФВ. Д. 88. Л. 12).

Правда, толку от подобной перемены пока не видно. Что выражается ныне, в частности, даже в том, что квартиры и дома умерших в Узбекистане крымских татар правдами и неправдами, посредством поддельных документов и пр. власти передают своим, узбекам. Совершаются и иные неправедные поступки по отношению к столь пострадавшему (и столь много для республики сделавшему) народу: «Таких случаев уже очень много» (указ. дело. Там же). Да не покажется этот беглый взгляд из далёких 1940-х в наше время неуместным — он дополнительно характеризует среду, в которой крымцам пришлось жить десятилетия, где многие из них обитают и по сей день...

7. Комендантский режим

Об учреждении в местах постоянного жительства депортированных крымских татар спецкомендатур в уже известном постановлении говорится буквально в двух словах. То есть без подробностей о целях, методах и иных нормах их деятельности[1]. Как же действовали комендатуры Узбекской ССР? Приведём несколько

[1] Подробный материал об этом см. в: *Земсков*, 1990.

конкретных примеров не предписанной, а фактической деятельности этих важных институтов советской власти.

Она была многогранна поистине до бесконечности. Коменданты, имевшие «стукачей» в каждом селе, каждом рабочем посёлке или квартале, были вездесущи и всезнающи. Причём число незримых «контролёров», им помогавших, измерялось не сотнями, а тысячами. Так, уже в 1944 г., по данным начальника Отдела спецпоселений НКВД СССР М. Кузнецова, на июнь месяц (т. е. практически сразу, через неделю-две после прибытия эшелонов в Среднюю Азию) в места поселений депортированных было внедрено общим числом около *20 000* осведомителей. Что же касается спецпереселенцев только Крыма, Северного Кавказа и Калмыкии, то их накрыли густой агентурно-осведомительной сетью, состоявшей из 11 699 человек (*Бугай, Гонов*, 1998. С. 228–229).

Всё это делало тотальную слежку осведомителей и общий контроль столь же эффективными, сколь и мучительными для поднадзорных, для крымских татар. Осведомители доносили своему хозяину о спецпереселенцах буквально всё, до мелочи. А тот давал этим мелочам ход — как в случае с Якубом Муждабаевым из Евпатории. Мерьем Озенбашлы рассказывает: стукачи донесли коменданту, что он как-то напевал «Ант эткенмен». Последовал суд и приговор — 10 лет лагерей. Из-за той же песни Нумана Челеби Джихана, дававшей людям силу в нечеловеческих условиях ссылки, та же судьба постигла врача Исмаила Бахшиша и его друзей (ГК. 02.03.2007. С. 7).

Устное творчество, то есть не поддающееся цензуре, вообще запрещалось, в том числе даже исполнение старых, давно сочинённых песен. Когда в 1947 г. в Бекабаде на свадьбе у О. Эбасанова гости спели хором песни «Ак-Яр» и «Татарлыгъым» и кто-то донёс коменданту об этом, то санкции последовали самые жестокие. Сам Осман Эбасанов и Амза Незиров были осуждены Ташкентским областным судом на 10 лет заключения, а Исмаил Бакшиш и Сеит-Халил Гадол — на 25 лет с конфискацией имущества (*Сеитбекиров*, 2000. С. 7).

Но не менее тяжёлым, чем постоянный политический контроль, было ограничение спецпереселенцев в передвижении. Об этих невидимых оковах нельзя было забыть ни на минуту — они бросали свою мрачную тень на буквально все стороны жизни. О неценимом в нормальном быту благе свободного передвижения в пространстве вспоминалось с горечью и отчаяньем, когда людей этого естественного права лишали, превращая их тем самым в узников, отгороженных от всего мира невидимыми, но прочными решётками...

Причём этот режим касался всех крымских татар, невзирая на партийность, фронтовые награды, служебное положение, воинское звание и так далее. Для того чтобы воспользоваться самыми минимальными из прав человека, приходилось рисковать не только собственной свободой, но и безопасностью своих близких. Ведь действовала система наказаний по методу круговой ответственности. Гулизар Бекирова получила сразу после депортации приглашение и проездные документы от своего мужа-офицера, служившего в железнодорожных частях на Карпатах. Комендант её не выпустил. Позже, уже после того, как умерли её отец и мать, оставшаяся в одиночестве Гулизар бежала к мужу, где могла жить в расположении воинской части. Узнав об этом «преступлении», комендант пустил дело по накатанному пути, в результате чего родную сестру Гулизар арестовали и

отправили в янгиюльскую тюрьму по статье обвинения в «недоношении о готовящемся преступлении» (АМ ФВ. Д. 211. Л. 3).

Как видно, разорвать эти оковы было и легко, и немыслимо трудно, учитывая, что нарушение режима автоматически влекло за собой длительное заключение. Но были случаи, когда человек просто не мог поступить иначе и сознательно шёл на чудовищный риск, не желая поступиться достоинством главы семьи, долгом сына, правом просто человека. Всего за 1944–1946 гг. совершили побеги 2300 человек (Бугай, 1992. С. 247) — правда, сюда отнесены и обычные нарушения комендантского режима, приравнивавшиеся к побегам, и действительно серьёзные, подготовленные побеги, в том числе и за границу.

Пока известен всего один такой случай. Дочь репрессированного задолго до войны Османа Хуршута двенадцатилетняя Айше осталась после смерти матери и отца в ссылке одна. Вернувшись перед войной из Сибири в Алушту, она попала в детдом, где расцвёл её певческий дар. Талантливую девочку наставлял и опекал композитор Рустем Амзаев (позже репрессированный), её высоко ценила народная певица Сабрие Эреджепова. Творческая карьера молодой певицы оборвалась в 1944 г., она очутилась в Бекабаде. В 1948 г. девушка совершила свой первый побег, в Самарканд, к алуштинским друзьям — семье Якуба Яртубашева. Там она стала готовиться к уходу за рубеж. Цель была безумно трудной и самоубийственно опасной, но девушка решилась на побег не из-за безвыходного своего положения (в 1948 г. всё уже как-то образовывалось), а единственно для того, чтобы вынести за железный занавес всю правду о преступлении режима. «Я не могу оставаться в этой стране, я дала своему народу слово, я должна сообщить всему миру о том, что эта власть сделала с моим народом» — это её подлинные слова, сохранённые дочерью Якуба, Эдае. Семья Яртубашевых проводила Айше в сторону южной границы на участке Термеза. О дальнейшей судьбе певицы ничего не известно (*Ибрагимова*, 1999 «а». С. 4).

Правила комендантского режима были просты и в этой простоте ужасны: «Татарин не имел права посетить соседний район, если даже там мать умерла. Пойманют на похоронах — 25 лет каторги, так и не возвращались люди» (АМ ФВ. Д. 36. Л. 4). Бывший житель Ай-Василя партизан Эмир при депортации попал в посёлок ГЭС-1 Ташкентской области. Его невеста жила неподалёку, в ГЭС-3. За то, что он навестил её, ему дали 20 лет лагерей, там он и сгинул (АМ ФВ. Д. 33. Л. 3). Такой же срок и за то же «преступление» дали мужу Аджер Аблялимовой (АМ ФВ. Д. 107. Л. 4). За посещение соседней деревни (в том же районе!) 18-летнюю П. Шабанову осудили на 25 лет тюрьмы (АМ ФВ. Д. 108. Л. 6). Этот скорбный список можно долго продолжать, но картина ясна и без того. Впрочем, и тут находились выходы. Маме Лейли Биляловой, для того чтобы спасти от смерти заболевшую дочь, необходимо было ходить за 8 км в аптеку районного центра Чинабада. Это было запрещено, и она придумала «выход» — якобы больные зубы нуждались в лечении. Прибыв в райцентр, она указала стоматологу «на здоровый зуб. Так, в три приезда в райцентр она удалила три абсолютно здоровых зуба, так как она была обязана принести коменданту справку от врача» (Депортация. 2004. С. 36).

Даже такая простая процедура, как отметка в комендатуре, которую нужно был проходить всем без исключения раз в полмесяца, превращалась в пытку унижением. Кроме того, некоторые ослабленные люди и старики зачастую могли её

не вынести просто физически. В Чирчике для этого нужно было выстоять многочасовую очередь. Шекуре Меметова вспоминает: «До 1956 г. каждые 15 дней после 10 вечера ходили отмечаться у коменданта. Почти до утра стояли в очереди, с детьми, под снегом, чтобы только отметиться. А утром шли на работу голодные и замёрзшие» (Депортация. 2004. С. 68).

Как упоминалось выше, комендантский режим ставил, среди прочего, шлагбаум и перед молодёжью, отрезая саму возможность учиться, хотя это противоречило букве соответствовавшего Распоряжения от 22.06.1944 г., согласно которому «обучение детей... спецпереселенцев в средних и высших учебных заведениях Казахстана, Киргизии и Узбекистана проводится в существующих учебных заведениях с правом переезда (подч. мной. — *В.В.*) учащегося к месту нахождения этих заведений; но без права выезда за пределы республик как во время обучения, так и после окончания учебного заведения» (цит. по: *Бугай*, 1992. С. 227–228). Соответствующее решение было продублировано через 8 лет, уже в 1952 г., ввиду сплошного его нарушения местной администраией (указ. соч. С. 258–259). Но были и иные ограничения, не связанные с запретом на передвижение, которых эти постановления не могли снять. Например, крымских татар не принимали в республиканские учебные заведения, если последние имели статус «всесоюзных». Это касалось не только вузов, но и местных техникумов, например Кокандского нефтяного (А. 02.10.1995).

Практически же отрезались все пути к нормальному просвещению — не только к среднему или высшему образованию, но часто и к *начальному*. Как ни плоха была деревенская узбекская школа, приходилось посещать именно её, а не нормальную, с крымскотатарскими учителями, но в соседней деревне (если она и имелась). Вообще, это был один из самых мучительных вопросов для народа, который издревле питал особое уважение к образованию.

Согласно Распоряжению СНК СССР № 13287 от 20.06.1944 г., обучение спецпереселенцев должно было проводиться исключительно на русском языке и на местах вселения. Но на этих «местах», в том числе и там, где вселение было массовым, никто не подготовил преподавательский состав со знанием «первого среди равных» русского языка, не говоря уже о крымскотатарском. Это была одна из причин фактического лишения народа права даже на начальное образование на родном (или же на русском хотя бы) языке. Вторая причина: там, где и имелись русские учителя, не все дети могли с ходу включиться в процесс обучения, так как не знали русского языка — и узбекского тоже.

Нельзя забывать и о третьей, бытовой причине школьных трудностей: в весенне-осенний период дети были вынуждены с утра до ночи работать, а в зимний — у большинства не было ни тёплой одежды, ни обуви. И четвёртая причина: после смерти родителей старшие из сирот были вынуждены впрягаться в круглогодичную работу, часто — у соседей-узбеков (по малолетству) за любую, самую нищенскую оплату, чтобы кормить ещё более маленьких. Тут уже не до учёбы было. В результате начальную школу посещала лишь незначительная часть детей школьного возраста. Так, например, в 1944–1945 учебном году даже в наиболее «цивилизованной» Ташкентской области из 6269 детей крымцев в школу ходили только 1524 ученика. Что же тогда говорить о глубинке? Например, в посёлках при Фархадстрое из 2500 детей этого возраста обучался только 161 школьник (*Хаяли*, 1997. С. 9).

Такое вот положение, когда народ фактически лишался грамотности, особенно пагубно отражалось на подростках, которые раньше несколько лет не могли учиться из-за оккупации и тягот депортации и которым было необходимо особенно качественное преподавание (с индивидуальным подходом), а таких было очень много. Поэтому в отношении учёбы практика комендантского режима становилась фактором тотального снижения общекультурного уровня в национальном масштабе.

Далее, по негласному постановлению, директорам школ было запрещено выпускать крымскотатарских учеников с золотой медалью, дававшей, как известно, право на поступление в любой вуз страны без вступительных экзаменов, как бы автоматически. Был, правда, один случай, когда по директорскому недосмотру школьник-крымец Риза Асанов (из Таракташа) такую медаль получил. Но это ровно ничего не изменило в его судьбе. Обладая блестящими способностями в математике (много позже он это доказал), Риза был вынужден учиться в захудалом Ферганском пединституте, потом преподавать в местных школах, теряя золотые годы, так необходимые для своевременного научного развития (АМ ФВ. Д. 215. Л. 2).

Перемены начались лишь в 1953 г., то есть через 12 лет после начала этого провала в крымскотатарском просвещении. В том году 14 ферганских школьников-татар, не имевших возможности выехать за пределы «своей» зоны, написали письмо Председателю Верховного Совета СССР Н.М. Швернику и получили наконец соответствующее разрешение (АМ ФВ. Д. 122. Л. 37). Но и это было исключением. В огромном большинстве случаев путь молодёжи к образованию был закрыт и в 1953 г., и позже — об этом имеются конкретные данные (АМ ФВ. Д. 58. Л. 1).

Сознательное раскультуривание крымскотатарского народа распространялось не только на просвещение. Например, был практически закрыт доступ сосланных писателей к их читателям. Поэтов и прозаиков долгое время вообще не печатали (практически до 1956 г., т. е. 12 лет на крымскотатарском языке не существовало не только художественной, но и естественнонаучной, любой учебной и тем более исторической литературы). Признанных мастеров пера вынуждали работать не по специальности. Так, известный поэт и опытный редактор Эреджеп Шемьи-заде работал мельником, писатель Джавтобели — каменщиком, литературный критик Абдулла Дерменджи — кладовщиком и так далее (*Хаяли*, 1999. С. 5). На индустриальных предприятиях работали народная певица С. Эреджепова, артисты Крымского государственного театра У. Баккал и Р. Баккал (там же).

Упомянутые эпизоды тяжёлых преступлений с крымцами-больными, вызванных исключительно комендантским режимом, были многочисленны и повсеместны. Случай с крымским татарином-фронтовиком, погибшим из-за режимной невозможности съездить в районную больницу для операции (АМ ФВ. Д. 98. Л. 10), был не исключением, а правилом. Не всегда режим приводил к такого рода исходу, но масса переселенцев мучилась из года в год от обычных хронических заболеваний, которые были вполне излечимы — но, естественно, не в сельской амбулатории. Крымскотатарские дети нередко заболевали здесь, к примеру, трахомой и другими местными глазными болезнями, которые в такой обстановке становились запущенными и вели к слепоте (АМ ФВ. Д. 105. Л. 2). Путёвки

в санатории, которыми награждали передовиков производства, превращались в ещё один вид издевательства над крымскими татарами — комендантыне давали им разрешения на выезд. Не делалось исключений и для беременных женщин, направляемых в специализированные здравницы (АМ ФВ. Д. 122. Л. 37).

В этом смысле фактическое лишение свободы было всевозрастным. Так, сельские дети, для того чтобы сходить в поселковое почтовое отделение за письмом, также должны были брать разрешение от коменданта (АМ ФВ. Д. 58. Л. 1). Кстати, о письмах: за отправление письма в Москву о безобразиях, творимых властями с бесправными поселенцами, *наказывали*. Поскольку же штрафные функции также отправлял комендант, это превращалось в дополнительный рычаг его всевластия в местном масштабе.

Сами коменданты представляли собой законченный тип развращённого неограниченной властью и полнейшей безнаказанностью энкавэдэшника. То, что практически все они не только брали взятки, но и впрямую совершали поборы со своих подопечных, было общеизвестно (АМ ФВ. Д. 121. Л. 5; АМ ФВ. Д. 90. Л. 9). Причём хуже всего приходилось семьям, где после всех передряг сохранилось что-либо, представлявшее для коменданта ценность. Тогда он начинал проявлять к ним особое внимание, что длилось до тех пор, пока приглянувшаяся вещь не переходила в «чистые» чекистские руки.

Типичный случай такого рода: алуштинский журналист А. Усеинов на протяжении всей оккупации Крыма хранил закопанным в саду своё орудие труда — старенький фотоаппарат «ФЭД». Скрывал он его и в ссылке, хотя здесь запрета на владение им не было. Очевидно, всё же кто-то донёс об этом комендантам Куйбышевского района Султанову, Гринбергу и Искандару, которые, перерыв весь дом Усеинова и не найдя фотоаппарат, журналиста арестовали. Уже в период пребывания его в КПЗ выяснилось, что чекистам приглянулась ещё одна ценная вещь — кожаное пальто арестованного. Об этом прямо говорили появлявшиеся в доме Усеинова посланцы Султанова, предлагавшие продать эту вещь по-хорошему. Пришлось срочно избавляться от обоих предметов комендантского вожделения, иначе человека просто не выпустили бы (АМ ФВ. Д. 122. Л. 68–69).

В совхозе «Галля-Арал-I» комендантом был поставлен некто Климанов, бесконечными допросами и поборами заслуживший у подопечных славу «ярого фашиста». После того как его всё же куда-то перевели, легче не стало: «...был Софронов комендант, тот тоже обдирал нас» (АМ ФВ. Д. 121. Л. 5). О том, что они и им подобные присваивали всю скудную помощь, полагавшуюся крымским татарам, было также общеизвестно. Они прибегали к столь же противоправным подстрекательствам к насилию. Так, подросток Муса Мамут «был избит до потери сознания бригадиром по указанию спецкоменданта за то, что он опоздал на ежемесячную регистрацию крымских татар в комендатуре» (А. 23.06.2006. С. 6). Причём мальчик подвергался избиениям не в первый раз — возможно, эти издевательства оставили глубокий след в его душе, отчего он не вынес их продолжения уже по возвращении в Крым. И нашёл единственный способ прекратить их, прибегнув к самосожжению (там же).

Общая оценка значения, которое придавали комендантскому режиму имперские власти, точно обозначена московским учёным М. Губогло: цель такого надсмотра «состояла в разрушении традиционного хозяйственного уклада, отработанной веками системы жизнеобеспечения крымских татар. До войны на своей родине, в Крыму, они были заняты преимущественно в сельском хозяйстве и особенно славились своими навыками садоводов, виноградарей, табаководов. В районах нового проживания, расселённые в бараках, коммуналках, наспех сооружённых землянках, пристройках, принадлежащих заводам, крымские татары независимо от рода прежних занятий вынуждены были переключиться на тяжёлую работу в различных сферах промышленности.

Муса Мамут после возвращения в Крым.
Фото из коллекции издательства «Тезис»

Ощутимый удар по традиционной культуре, в том числе по механизмам передачи межпоколенной информации, нанесла тройная изоляция крымских татар: от своей исторической родины, от внешнего окружения и даже в какой-то мере друг от друга, от собственных земляков и сородичей. Предусмотрена была изоляция между поколениями, между членами одной семьи, между родителями и детьми, между супругами. После переселения на новые места нередко родители и дети, братья и сёстры оказывались в разных посёлках и не всегда имели возможность повидать друг друга. Разрыв внутриэтнических контактов губительно сказывался на сохранении основ национальной жизни, на развитии языка, культуры, обычаев, семейных традиций и устоев» (*Губогло, Червонная*, 1992. Т. I. С. 76).

Комендантский режим был отменён лишь в 1956 г. По этому поводу ссыльнопоселенец В. Тутунжиев горько заметил: «Обидно, что [фельдмаршал] Манштейн, осуждённый на 18 лет, уже в 1953 г. вышел на свободу, а мы [ещё] оставались в ссылке» (цит. по: Красное колесо 2008. С. 238–239).

8. Русские Средней Азии — и не только Средней Азии

Эта тема — не менее щекотливая, чем предыдущая, её приходится касаться с субгубой осторожностью и вниманием. Особенно ссылаясь на документальные свидетельства современников и участников истории народа того периода, где встречаются утверждения типа: «немцы к нам относились лучше, чем русские Средней Азии» (АМ ФВ. Д. 106. Л. 1 об.). Или насчёт того, что последние питали именно к крымским татарам «отвратительную», по выражению Э.И. Союкова, ненависть (АМ ФВ. Д. 3. Л. 44).

Пожалуй, наиболее точны в этом смысле два наблюдения, которые многое объясняют в необычном отношении русской диаспоры Узбекистана к крымцам. Первое принадлежит интеллигентной, вдумчивой женщине, которая обратила внимание на то, что в её окружении узбеки, узнавшие правду о наказанном народе, изменились в лучшую сторону — но не русские. Когда же ложь сталинской пропаганды прояснилась полностью, говорит она, «я лично ни от одного узбека не слышала, чтобы сказали: „Вы, крымские татары — продажные!“, но от русских слышала довольно много» (АМ ФВ. Д. 98. Л. 14).

Для того чтобы понять смысл второго вывода, подтверждённого Нурие Абибуллаевой, дочерью сосланного «кулака», стоит привести его в максимально полном виде: «Явление, которое в мире называлось расизмом, в России называлось великодержавным шовинизмом, и считалось, что оно существовало только в дореволюционной России. Оно существовало всегда, только тлело под шелухой пропаганды о дружбе народов. Сейчас это явление разгорается и сжигает те положительные изменения в отношениях между народами, которые всё же были в нашей жизни.

Часто крымские татары старшего поколения, вспоминая довоенную жизнь, говорят, что жили дружно в Крыму все народы. Я помню, что это было так при поверхностной оценке жизни и, конечно, частичной правдой. В Крыму не было открытых и грубых выпадов антисемитских, антимусульманских и других, как это было на Украине и в России... Но существовала в Крыму, как и во всём Союзе, негласная иерархия народов. На самом верху были русские; с некоторым интервалом после них шли украинцы (говорю „с некоторым интервалом“ потому, что к украинцам тоже было пренебрежительное отношение), белорусы... немцы; опять с некоторым интервалом шли греки, итальянцы, болгары, и только потом шли крымские татары, крымчаки, караимы и цыгане (они замыкали эту лестницу).

В нашем татарском детдоме [после эвакуации из Крыма] были сотрудники из русских, которые открыто проявляли свою неприязнь к татарам (было, конечно, и дружелюбное отношение от других русских сотрудников). Особенно заметной была эта неприязнь в объединённом детдоме, в Эрхен-Шахаре. Было трое детей морского офицера Ильенкова. Средняя из них, Наташа, и особенно их брат плевались ядом в наш адрес. Одна воспитательница, жена партизана Черкеза, кричала истеричным голосом: „Предатели!“ Когда была сделана неудачная какая-то операция партизанами или войсками — виновниками неудач стали татары, и мы, дети, в том числе» (АМ ФВ. Д. 93. Л. 8–9).

О чисто национальных притеснениях в Средней Азии в большинстве частных материалов согласно говорится о том, что издевательства, повальная дискриминация крымских татар наблюдались «особенно со стороны русских, которые нас бесконечно оскорбляли, называли предателями, выталкивали из очередей за хлебом, если чувствовали, что хлеба не хватит всем, кричали: „Татарам не давайте, они предатели, пусть с голоду подохнут!“» (АМ ФВ. Д. 90. Л. 8).

Осведомителей НКВД, потом КГБ, также особенно много было среди русских Узбекистана. Это, впрочем, общее правило — любая диаспора в доминирующем инокультурном окружении самоутверждается в открытой или тайной поддержке «старой Родины». Чаще всего эта поддержка касается имперских власти, коммунистической партии, карательных органов. Но в Узбекистане даже такое вот «патриотическое» стукачество принимало более уродливые, чем обычно, формы. Заведующая отделом агрохимии исследовательского института Галина Фроловна Кондо донесла своему гебистскому куратору, что татары посёлка Кибрай поочередно читают «Очерки Крыма» Е. Маркова (1902 г. издания). После этого «антисоветский» том старого русского писателя «изъяли из библиотеки института и уничтожили по акту» (АМ ФВ. Д. 143. Л. 30).

Многие местные русские были потомками старопоселенцев, они прекрасно владели узбекским языком, считались здесь «своими», хоть и не стопроцентно. Но, проявляя по отношению к крымским татарам чисто российский шовинизм, они часто придавали ему вполне азиатский колорит. Например, русские ненамного реже коренного населения пользовались рабским трудом. Они насильственно обрекали на него украденных или купленных ими у узбеков крымскотатарских детей и подростков (АМ ФВ. Д. 124. Л. 27).

Утверждают, что в Таджикистане было ещё хуже. Здесь коменданты не разрешали спецпереселенцам держать дома документы — всё должно было сдаваться администрации или храниться по месту работы. Ялтинка Розиле Меметова вспоминает: «Гонения со стороны таджикской комендатуры были ужасными, издевались как хотели. Они изъяли из районо мамины документы, так она осталась без трудовой книжки... В общем, обращались как с рабочей скотиной: хотели — били, хотели — убивали, не отвечая ни перед кем за содеянное... „Это Вахшская долина, долина смерти, отсюда никуда не убежите“, — так говорили нам работники комендатуры...» И при первой же возможности переселенцы бежали в соседний Узбекистан (Депортация. 2005. С. 95).

Прибывшую с эшелоном в один из посёлков Кургантюбинской области Хаджие Военную с восемнадцатилетней дочерью поместили в каком-то сарае, где спать приходилось на голой земле. Женщина, заботясь о девочке, взяла с чьего-то соседнего двора охапку соломы, чтобы постелить её на пол. Но вскоре ворвались таджики и стали хлестать беззащитных женщин плётками. Мать была забита насмерть, дочери удалось бежать. До сих пор судьба её неизвестна, она просто пропала (*Военный Р.* О русофобии депутата Б.В. Кизилова // ГК. 08.08.1997. С. 5).

Впрочем, не лучше относились власти к крымскотатарским спецпереселенцам и в России — там, куда забросила их депортация. В посёлке Ветлянского леспромхоза (Молотовская, ныне Пермская, область), если крымский татарин заболевал и не мог выйти на тяжёлую и опасную даже для здорового человека работу (ручная валка леса), его избивали прямо на кровати. В этом садизме отличались не только мужчины, но и хрупкие женщины. Как рассказывает Нурие Хайрлаева из Ортая (Ислямтерекский район), «...если кто-то заболел и не мог выйти на работу, мастер Анна Якушева била» (Депортация. 2004. С. 100).

Лишь в отдельных случаях крымские спецпереселенцы встречали среди русских понимание и участие. Так, председатель одной из артелей в Узбекистане П.С. Лобанов буквально спас бóльшую часть семьи Эскендера Идрисова из дер. Байгельды, оказавшуюся в безвыходном положении. Когда к нему пришёл мальчик, не знавший, чем накормить больных мать и братика, он отсыпал им пять килограммов кукурузы из собственных запасов (Депортация. 2005. С. 67).

9. Работа, быт, горе

Работа буквально «под палкой» на узбекских колхозных полях шла с раннего утра и дотемна (АМ ФВ. Д. 110. Л. 2). На этот труд, убийственный для голодных, полумёртвых от болезней, физического и психического истощения людей, выгоняли всех, начиная с 12 (лишь кое-где с 14) лет (АМ ФВ. Д. 97. Л. 4), а также инвалидов (АМ ФВ. Д. 90. Л. 6). Не было никакой поблажки и матерям 1–2-месячных детей: «детские ясли находились тут же [в поле] под деревьями шелковицы, на качелях, сделанных из верёвок, в виде гамаков, качалось два десятка грудных младенцев, матери прибегали их покормить грудью» (АМ ФВ. Д. 15. Л. 2). Когда дети немного подрастали, становилось чуть легче; здесь начинала сказываться крымская традиция взаимопомощи: «Все маленькие дети до 4–5-летнего возраста оставались под присмотром престарелых женщин и мужчин, соседей по казарме, комнате...» (*Билял-кызы*, 2000. С. 5). «В эти тяжёлые дни морального, психологического и материального дискомфорта наш народ сплотился в одно единое и выжил. Если бы не были живы традиции „большой семьи“, потеря народа — и физическая и моральная — могла быть намного выше» (указ. соч. Там же).

Обычно выход на работу происходил так: рано утром узбек «на лошади верхом подъезжает к берлоге и по всей берлоге бьёт кнутом, выгоняя на работу. Так меня и мне подобных молодых девушек до 18 лет (ребят не было нашего возраста, они все в трудармии мучались) утром затемно выгоняли на работу. Мы — как стадо баранов, пешком, и нас погоняет бригадир, на лошади мужчина, мы не знали, куда идём. Идём долго, ноги болят, он нам даёт большое поле, земля твёрдая как камень, от жары потрескалась, как после землетрясения. В руках у нас большие кетмени; вот как закончим цапать участок, так и должны идти домой.

Мы уходили в свои берлоги, когда было совсем темно, дороги не знали, где идём, где плывём, а где ползём, залезая по пути в хлопковое поле, где сильно полито. Ноги по колено в грязи. Так, плача, причитая, прося помощи у Бога, к 2–3 часам ночи добираемся к своим берлогам... Шакалы воют вокруг, голод мучит, нам страшно. Так мы прожили до конца сентября 1944 г. Совхоз „Дармат“, II-е отделение, это был не совхоз, а каторга; чем мы отличались от сибирских каторжан, то тем, что на нас не было кандалов. Но морально и материально они были на все сто процентов» (АМ ФВ. Д. 98. Л. 10–12). И этот труд часто не оплачивался даже по мизерным колхозным расценкам. В Кагановичском районе половина крымцев не получала за трудодни ничего. В Куйбышевском районе был отмечен случай, когда не оплатили 500 трудодней спецпереселенца, отчего у него умерла с голоду часть семьи (*Хаяли*, 1997. С. 2).

Не легче было на озокеритовом руднике в Шор-Су Ферганской области, где работали в чрезвычайно вредных условиях около 1000 человек. Та же обстановка была и на предприятиях химической промышленности, а также на строительстве Нижне-Бозсуйской и Фархадской ГЭС, на ремонте Ташкентской железной дороги. При этом не скрывалось отношение как руководства, так и таких же рабочих к крымским татарам как к низшей расе — это следовало хотя бы из того, что им платили на 20–30 % меньше, чем узбекам (Возвращение. С. 37).

Чем-то дополнить эту мизерную плату часто было просто невозможно. Шадие Аблаева (с. Чалтай Акмечетского района) вспоминает о жизни в ферганском кишлаке Найман: «За каждым нашим шагом следили, поэтому мы не имели возможности свободно передвигаться. Нам не разрешали даже на базаре что-нибудь продавать или для себя работать, чтобы прокормить семью. Мы, даже самые маленькие дети, целый день работали в колхозе, на жаре» (Депортация. 2004. С. 18). О том же пишет Э.К. Аблямитова из Дегерменкоя, очутившаяся в Марийской АССР: «Нам не разрешали сажать картошку...», которую поэтому приходилось выращивать «далеко за городом» (указ. соч. 2004. С. 21). Почему, кому от этого был вред? Видимо, существовало какое-то общее для всех мест ссылки распоряжение на этот счёт — не давать народу возможности выжить.

Более или менее нормальный быт налаживался очень медленно. Основное, что нужно отметить в этом долгом процессе: буквально на всём лежала печать отсутствия мужчин. Простая вроде бы работа — нарубить дров на зиму — становилась невыполнимой для слабых женщин, детей и стариков. «В дровах недостатка не было. Вокруг росло много сухих деревьев». Но заготовка этого дарового топлива оказывалась непосильной: «Кто не мог рубить дрова, собирали стебли табачных и хлопковых растений» (АМ ФВ. Д. 143. Л. 9). Понятно, что́ это было за средство для обогрева продуваемого всеми ветрами жилья в течение зимы... Наверное, не раз добрым словом вспоминали горные татары сухостой крымских лесов, а степняки — непритязательный кизяк да накатывавшийся сам собой огромными клубками курай — топить им печь было делом долгим, но нетрудным.

Нашли постепенно выход и на чужой земле, кое-как обогревались собранным непривычным топливом. Хуже было с чудовищной нищетой, полной необеспеченностью спецпереселенцев всем остальным. «Люди были раздеты, разуты. Ужасающая бедность бросалась в глаза всем. Иногда на всю семью была одна пара какого-то подобия обуви, и носили её все по очереди, те, кто выходил на улицу. Точно так же была одна телогрейка, один головной платок... Не было постельных принадлежностей... Пришлось многим, продав часть вещей, уцелевших от мены, потратиться на покупку местной домотканой материи, сарпинки, и пошить одеяла. В вате недостатка не было. Зима была в тот год, по крымским меркам, тёплая — два-три градуса мороза. Но как это сказалось на бездомных, по сути, людях!

Сказывалось отсутствие тёплой одежды, обуви, нормального жилого отопления, отсутствие необходимых продуктов питания. Все мы слабели, тощали на глазах друг у друга. Целыми днями куча подростков и женщин шаталась по полям и огородам, подбирая остатки выпавших или чудом уцелевших продуктов. Иногда удавалось что-нибудь найти. Приносили несколько морковок, луковицу, маленькую, недозрелую тыквочку, полусгнившую капусту, подбирали под деревьями полусухие, сморщенные урючины или вишни...» (АМ ФВ. Д. 143. Л. 9). Резко обостряло проблему голода то, что крымским татарам, в отличие от местного населения, *не полагалось личных участков*, а ведь именно они были первым и единственным средством спасения сельского населения всей страны и в голодные послереволюционные годы, и в коллективизацию, и в войну.

Это уже был не грабёж местных чиновников, не скупость государства — раздать бросовую землю ничего не стоило. Это было продолжение геноцида крымских татар другими средствами. Народ был сознательно поставлен в предельно тяжкое, убийственное положение. Ведь даже в 1990-х гг., когда россияне и украинцы жили в большинстве случаев на местах, «насиженных» их предками, масса

обеспеченных какой-то пенсией горожан (не говоря о сельских жителях) буквально спасалась своими земельными участками. Тот факт, что крымским татарам, выселенным за пределы исторической родины, не дали даже неудобных, бросовых земель, свидетельствует об одном: эти люди должны были *вымереть как этнос*, полностью. Задача эта в дальнейшем неуклонно выполнялась, и, надо признать, частично уже была выполнена[1]. И то, что движение к этой твёрдо поставленной цели позднее всё-таки прекратилось — заслуга отнюдь не советской власти, а крымскотатарского народа, в очередной раз в истории взявшего решение своей судьбы в собственные руки.

«Стало быть, зиму крымские татары встречали без всяких запасов... Всю заботу о нас, спецпереселенцах, переложили на плечи колхозов и совхозов. Отныне всё зависело от правления колхоза. Здесь судьба народа оказалась в руках людей, чьи личные, душевные качества могли или спасти татар, или их погубить» (АМ ФВ. Д. 143. Л. 10). Но о душевных качествах и духовном уровне местного населения говорилось выше...

10. Северный вариант

Официальные советские средства массовой информации в течение всех лет своего существования скрывали тот простой факт, что лес в Стране Советов заготавливается в XX в. благодаря почти исключительно *рабскому труду*. Литераторы писали о героях-лесорубах, слагали о них песни, кинооператоры снимали фильмы о труде лесоруба как о занятии для настоящих мужчин, романтическом и свободном. Эта ложь помимо обычной задачи одурманивания обывателя-совка несла и дополнительную функцию воздействия на западную печать. Лишь иногда правда о лесоповале прорывалась за рубеж, и там подымалось шумное движение за торговый бойкот советской древесины, добытой таким нецивилизованным путём[2].

Поэтому когда возник план направить на Север, в леспромхозы Урала и Верхнего Поволжья крымскотатарских спецпереселенцев, то принятое по этому

[1] Как выше указывалось, депортировано из Крыма было около 200 000 человек крымских татар. Вместе с вернувшимися с фронтов это должно было бы составить примерно 230 000–240 000. Огромные демографические потери при депортации и в первый год ссылки, если учесть объективно незаурядную жизнеспособность и высокую репродуктивную способность этноса, в нормальных условиях могли быть ликвидированы в течение 7–10 лет. Между тем и в 1953 г. общее число крымских татар далеко не достигало довоенной четверти миллиона, равняясь 160 734 (Мир России. 1999. № 4. С. 5). Отчасти эта необычная задержка объясняется другой цифрой, приводимой в той же публикации: на этот момент под арестом находилось 4318 крымских татар, а в розыске — ещё 207 человек.

[2] Как правило, длились такие кампании недолго, а когда они выдыхались, то мировое сообщество правовых государств делало вид, что понятия не имеет о специфических условиях труда в лесах СССР. Причина донельзя простая: русская древесина дешевле, чем экспортированная из Швеции, Норвегии или Канады, где цена на неё поднимается из-за высоких производственных затрат (экологи запрещают рубить лес где и как попало, а профсоюзы заботятся о высокой оплате рабочих лесоповала).

Вербовочный плакат. У крымских спецпереселенцев такой техники не было. *Художник А. Кокорекин, 1938 г.*

поводу особое Постановление от 21 мая 1944 г. № ГОКО-5937 было засекречено. В нём речь шла о 10 000 семей (т. е. о 40–50 000 человек), чья судьба передавалась в руки спецкомендатур Молотовской, Горьковской, Свердловской областей и Марийской АССР[1]. В отличие от Постановления 11 мая 1944 г., здесь незаметно даже формальной, лицемерной и лживой «заботы» о переселенцах. Ещё больше его отличия от практики переселения в Крым нетатарских мигрантов после депортации коренного народа (в виде подъёмных, стройматериалов, продуктового снабжения и т. п., об этом уже говорилось). Просто людей нужно было забросить в северные леса — эта единственная цель сквозит в каждой строчке документа (А. 16.05.1999).

Здесь имело место не равнодушие, а какой-то убийственный в буквальном смысле слова план — ведь людей отправляли не на юг, а на малообустроенный север. И отправляли не уроженцев, скажем, прохладного Нечерноземья, а южан, непривычных ни к климату, ни к особенностям работы, ни к живой природе тех малоприветливых краёв. Кроме того, как признавали сами офицеры НКВД, одеждой и обувью спецпереселенцы не обеспечивались, работали «в лесу босиком». Даже солдаты, демобилизованные из действующей армии, которые «прибыли к месту расселения в летнем армейском вполне исправном обмундировании, работая в лесу без спецодежды, свою одежду и обувь изорвали» уже к октябрю 1944 г.

[1] В Горьковской области в конечном счёте оказалось более 5000 крымских татар, в Марийской АССР — около 10 000, в Костромской области — 8 600 человек (*Бугай*, 1992. С. 146–148).

(*Бугай*, 1992. С. 147–148). Результаты такого отношения к крымцам не замедлили сказаться. Хотя и ходили в Узбекистане слухи, что крымским татарам — «уральцам» повезло, что там хоть не умирали от голода и болезней (АМ ФВ. Д. 122. Л. 35), но это было далеко не так.

Прежде всего жилищная проблема была на Урале не менее катастрофичной, чем в Средней Азии. Такой выход, как копание землянок, был исключён из-за климата, поэтому власти были вынуждены предоставлять прибывшим хоть какую-то крышу. Но что это была за крыша, показывает следующий пример. В Краснокаменке в одной комнате селили до 13 крымскотатарских семей. Со временем эта ужасающая скученность как-то сгладилась, но отнюдь не благодаря заботе администрации: «Многие заболели ещё в дороге, и каждый день кого-то хоронили... и через месяц в комнате стало даже просторно» (АМ ФВ. Д. 8. Л. 2).

С водой было легче, чем на юге, но с наступлением зимы пришёл настоящий голод, а жестокие холода свели в могилу массу крымчан, чей ослабленный организм был особо чувствителен к простудным заболеваниям. Болезни же были самые разные — от простудных, экземы и чесотки до дизентерии и сыпного тифа (*Бугай*, 1992. С. 147–148). Заболевали люди и от укусов местных, непривычных для крымчан насекомых. Майре Османова, попавшая в село Гараж Новолялинского района Свердловской области, вспоминает: «я чуть Богу душу не отдала. Меня искусали какие-то насекомые, всё загноилось и я валялась с высокой температурой на полу сарая, когда всех гнали на работы» (АМ ФВ. Д. 265. Л. 4).

Но Краснокаменка была всё же посёлком городского типа, а в отдалённых лесозаготовительных пунктах, где не оказывалось никакой врачебной помощи вообще, было ещё тяжелее. В Вогульском механизированном лесозаготовительном пункте уральского Западного лестреста крымцам предоставили несколько деревянных бараков. «Полы в них были настланы прямо над болотной хлябью. Никаких объектов соцкультбыта не существовало...» (АМ ФВ. Д. 85. Л. 2), а до ближайшего города (Березников) было триста километров.

То есть поселенцы и здесь попали в полную зависимость от администрации, в руках которой, таким образом, буквально оказались ключи от их жизней. И местные власти распоряжались этими жизнями по-своему, отчего этот лесоповальный пункт вскоре превратился в лагерь смерти. Когда отчаявшиеся ветераны (инвалиды и участники войны, партизаны) «написали и отправили жалобу на имя Сталина через начальника РОВД, то он приехал из райцентра и просил больше не писать, так как у него есть указание за такую писанину их же и наказывать. В конечном счёте там выжили из 100 человек только Ниметулаева Фатима и ещё какой-то лётчик с женой, то есть *всего трое* (указ. дело. Там же).

В г. Новая-Ляля Свердловской области на лесосплав были брошены крымскотатарские женщины. Этот вид работы (к которому и мужчина не сразу приспосабливается) оказался для них попросту гибельным. А в бараках, также стоявших на болоте и продуваемых вьюгами, болели и умирали их дети (АМ ФВ. Д. 88. Л. 3–4). В Молотовской области на лесоповал гоняли стариков-инвалидов, которых там часто калечило (АМ ФВ. Д. 97. Л. 6). В тех же местах, а именно на бумажном комбинате г. Соликамска, условия жизни были вроде получше, но лишь на первый взгляд: здесь «работающим давали паёк, этим [иждивенцы]

Крымскотатарские женщины на уральском лесоповале.
Фото из собрания издательства «Тезис»

и прикармливались, а семьи, не имеющие работоспособных, умирали с голоду» (АМ ФВ. Д. 91. Л. 2).

Вообще, как отмечено в записке заместителя начальника отделения спецпоселений НКВД СССР полковника Малькова, снабжение продуктами на северных спецпереселенческих пунктах производится «нерегулярно, качество пищи неудовлетворительное, хлеб выдаётся из расчёта 150 г на человека» (*Бугай*, 1992. С. 147). Не хватало витаминов, отчего и были спецпереселенцы подвержены всевозможным болезням, особенно в северных районах России. Именно поэтому в Молотовской области (ныне Пермская) для людей, свалившихся от тифа, знающие медики прежде всего «варили крапивный суп с какой-то крупой» — и вылечивали (*Нурие Хайрлаева* // Депортация. 2004. С. 100).

В Добрянском районе той же области крымских татар поселили в бараках без стёкол в оконных рамах. Притом не было ни фанеры, ни хотя бы картона — абсолютно ничего годного, чтобы уберечь ослабших людей от холода, и они стали умирать ещё до наступления осени: «В июне 1944 г. умерла мама, на 40-й день после мамы умер отец — остались мы (шестеро детей. — *В.В.*) без родителей», из них выжили лишь те, кого забрали в детдом (АМ ФВ. Д. 25. Л. 2). Н. Эмирвалиев рассказывает, что жителей деревень Шелена, Отуз, Арпата доставили в Соликамск, затем на баржах по Каме и Вишере — в Красновишерск, после чего разбросали по таёжным посёлкам, где для них вообще никакого жилья не было приготовлено. Рано ударившие 50-градусные морозы убили многих из этих судакских крестьян (Красное колесо. 2008. С. 231).

В Марийскую Республику крымчан доставляли сложным путём. Сначала на поездах, затем, до судоходных рек, вёл длинный путь по болотистым просёлочным дорогам на телегах, который был сам по себе мучительным, так как «на

Депортация на Север. Крымцы на речной барже.
Фото из собрания автора

бричках везли только стариков и детей, остальные шли пешком» (АМ ФВ. Д. 197. Л. 1). Затем людей грузили на речные баржи, с которых, в отличие от железной дороги, нельзя было сойти, чтобы раздобыть пищу.

Как вспоминает Паша Халид из Ай-Василя, одна из матерей не вынесла зрелища умирающих от голода одного за другим детей, бросила их в воду «и следом бросилась сама. Когда привезли в Марийскую АССР, нас 18 км гнали пешком в тайгу. Заселили в лагере среди болот... Очень многие умирали. Пока выроешь могилу, она заполнялась водой, трупы утапливали палками. Семьи редели... Женщины работали на лесоповале. Пить нам приходилось гнилую воду, и, помню, у всех умирающих последним желанием было испить глоток чистой воды с Родины» (Къасевет. 1992. № 22. С. 16). Для тех, кого сгрузили с баржи у Посёлка 18, относящегося к Козиковскому леспромхозу, были выстроены огромные бараки, внутренняя часть которых не имела каких-либо перегородок, лишь вдоль стен тянулись нары. На них для каждой семьи полагалось одно место-площадка, расстояние между соседними не превышало полуметра. Посреди такого «зала» находилась единственная печь. В ещё худших условиях оказались те, кого сгрузили в том же районе у посёлка Лыко, где «создавалось впечатление, что нас бросили на съедение волкам, медведям, — кругом дремучий лес, болото, комары. Вскоре действительно разорвал медведь одну женщину» (АМ ФВ. Д. 183. Л. 2).

Жителей Уркусты доставили на один из лесозаготовительных пунктов Звениговского района Чебоксарской области. Ближайшая деревня Липша находилась за 12 км, а посёлок — за 52 км. Здесь в бараках была одна печь на две клетушки-комнатки, лишённые электричества, освещение — лучина (в XX в.!). Эти бараки были переполнены клопами, которые по ночам буквально сыпались на людей с потолка. Женщинам, которых тут же погнали на лесоповал, здесь также не выдали никакой спецодежды, отчего собственная превратилась в тряпки ещё до наступления ранних на той широте холодов. Ребятишек оставляли одних на весь длинный рабочий день, запирая в бараках и сняв бóльшую часть одежды, чтобы не так быстро рвалась; они играли в буквальном смысле без штанов (АМ ФВ. Д. 197. Л. 3).

Здесь в качестве положенной пайки работающая мать с двумя детьми получала на день 600 г мокрого хлеба (в сухом виде он весил граммов 300–400), и это было всё. Только в 1949 г. стали подвозить мороженую рыбу, да люди научились выращивать кое-какие овощи, успевавшие созревать за короткое северное лето. Немного выручала черника, но и её не сразу научились собирать и хранить. Позже стали даже носить ягоды в Чебоксары, где за 2 полных ведра черники давали 2 кг муки. Этого едва на неделю хватало, и в ближайшее воскресенье приходилось снова отправляться в неблизкий путь с ягодами, собранными по вечерам, после рабочего дня.

Большую помощь крымским татарам тут оказывало местное население. Собственно марийцев близ лесозаготовительных и иных пунктах было немного, в основном там жили сосланные ещё в 1920–1930-х гг. российские *кулаки* и их дети. Уже поэтому они относились к новопоселенцам по-человечески, видя в них товарищей по общему несчастью. Из своих небогатых запасов они всегда выделяли 1–2 картофелины для каждого крымского ребёнка, изредка добиравшегося из лесопункта до их деревень. Кроме того, эти достойные люди дарили детям лапти, отдавали поношенную одежду, а приходя на делянки, учили женщин технике лесоповала, показывали, как уберечься от падающих деревьев и т. п. — так многие сосланные были благодаря местному населению спасены от гибели на Севере (АМ ФВ. Д. 196. Л. 1). Поскольку путь до этих деревень был неблизким, дети часто возвращались «из гостей» поздно ночью. Близ дороги, случалось, выли волки, и матери, до полусмерти измотанные дневной работой, выходили на этот вой встречать своих малышей-добытчиков (АМ ФВ. Указ. дело. Л. 4). Драгоценные картофелины не ели в клубнях, а мелко тёрли и варили бульон, которого хватало по полмиски каждому.

Смертность здесь, как и вообще в лесопунктах, была высокой. Лапти не спасали от жестоких морозов, люди часто болели. Гибли и дети, замерзавшие в продуваемых сквозняками бараках. Чаще взрослых они заболевали (по причине полного отсутствия с осени до весны витаминов) неизвестной в Крыму болезнью, которую тут называли «куриная слепота» и которая не всегда проходила даже летом. Поражённые ею дети с наступлением сумерек переставали видеть, теряли ориентацию, и матери ходили по лесу, искали их, чтобы привести домой.

Одиннадцатилетний Осман Османов попал с мамой на лесоповал Костромской области, а старшие сестра с братом — в Узбекистан. Трудно сказать, кому из них пришлось тяжелее. В костромских бараках в одной комнате на двухэтажных нарах ютилось по 6 семей. Осман рассказывает: «было очень тесно, на нарах лежали как селёдки, вплотную. Взрослые работали на лесоповале. Работа была тяжёлая, зимой — до 40 градусов мороза, заставляли валить лес. Полуголодные, легко одетые люди не выдерживали изнурительный труд. Моя мама не выдержала такое насилие, заболела и умерла. Я остался один. Две ночи под одним одеялом я спал с мёртвой мамой — переложить её куда-то не было места» (АМ ФВ. Д. 27. Л. 28).

Крымцы на северном лесоповале. *Из коллекции издательства «Тезис»*

На лесоучастке Побойшне (той же области) на лесоповал выгоняли детей от 12 лет. «Бригадиром назначили лесоруба местного. Пришли в лес, он нас учил, как рубить лес, как пилить. А мы из Крыма, степной народ, в жизни не видели лес, топор не держали в руках. Начали работать — у нас ничего не получается. Бригадир ругается: „Норму на одного человека, 2,7 кубометра, кто за вас будет выполнять?" Это надо с корня валить, потом распилить и подкатить к дороге 25 метров. Тот день кое-как работали. На второй день стали пилить, ветер подул — пошла сосна назад. Одна женщина побежала, куда глаза глядят, догнала сосна — задавила насмерть, у неё 2 ребёнка, муж на фронте погиб. Мать её с детьми осталась. Ей талоны на хлеб не дают, а детям по 300 грамм дали» (АМ ФВ. Д. 109. Л. 4).

И ещё одно свидетельство крымских «костромичей» (с. Широкие Луга): работать заставляли на лесоповале *всех* (даже детей выгоняли из барака — малыши жгли ветки), но кормиться было нечем, «три месяца людям не давали зарплату. Зима. Особенно тяжело было нашим односельчанам из сожжённой деревни (Кучук-Озенбаш. — *В.В.*) — ни вещей, ни еды и никакого запаса. Бараки были переполнены. Холодно, одни рамы. Началась эпидемия тифа, три барака заразилось. Приехала комиссия из Москвы, стали давать зарплату» (АМ ФВ. Д. 89 «а». Л. 4).

Детский труд ещё более широко использовался в Марийской АССР. Там работа была тяжелее — строительство железной дороги (пос. Кума), да ещё и без рельсоукладочной техники. «Мы всё поднимали на своих подростковых плечах — рельсы и шпалы — и грузили песок в вагоны лопатами, разгружали таким же образом» (АМ ФВ. Д. 183. Л. 3–4). Возраст этих детей был разный, Нариману Гафарову 13 лет исполнилось именно на железнодорожной стройке, но он был не самым младшим (АМ ФВ. Д. 197. Л. 2). Естественно, никакого школьного обучения для этих маленьких рабов не было предусмотрено. Да и если бы были школы — откуда бы у детишек хватило на это время или силы? Так что ГУЛаговское донесение о том, что «школьное обучение детей спецпереселенцев не обеспечено» (*Бугай*, 1992. С. 148), звучало откровенно издевательски.

Голодали и гибли крымские татары и в Горьковской области. Семья кадрового офицера Али Селяметова после жутких преследований во время оккупации (немцы обнаружили во время обыска его фото в командирской форме) угодила в новый ад. Рассказ самого Али-агъа об этом периоде жизни по-военному сух и точен: «От голода и холода умерла мама. Сестра с маленькими двумя детьми жила в заброшенных бараках, в которых раньше держали заключённых. От начальствующего состава отношение было издевательским» (АМ ФВ. Д. 111. Л. 2–3).

Последнее, в общем-то, было общим явлением — об этом упоминается во всех письмах спецпереселенцев, угодивших в Россию. Приведём в заключение этой темы наиболее исчерпывающее из них. Директор Первомайского леспромхоза (Костромская область) Романов приказывал бригадирам: «С них последнюю шкуру снимите, заставляйте работать до упаду». И те старались — во многом благодаря такому «вниманию» облегчения там не принесли ни 1945, ни 1946 гг. «Люди пухли и умирали, каждый день по 3–5 человек, некому было хоронить, бараки запустели... Лишь в конце 1947 г. начали хлеб давать понемногу до 1 кг» (АМ ФВ. Д. 109. Л. 4). Тем не менее досыта наесться этим количеством пищи было трудно, да и позднее ситуация не менялась. Даже на строительстве железных дорог, где была более твёрдая зарплата, чем на лесоповале, «платили нам гроши — 500–600 рублей в месяц. Это первая половина 50-х гг.» (АМ ФВ. Д. 183. Л. 4).

Комендантский режим на севере был, между прочим, не менее строг, чем в Узбекистане. Крымскую девушку, поехавшую привезти умирающую мать из госпиталя без разрешения, которого ей не давала спецкомендатура Молотовской области, осудили на 10 лет заключения (АМ ФВ. Д. 143. Л. 11). Да и обыденная жизнь чем-то напоминала узбекистанскую, даже побоями: в лесопункте у деревни Липша комендант Варечкин «...с кнутом ходил. Мы подбирали кожуру из-под домов офицеров-надзирателей (лагерь за 3 км был), жарили её и ели. Так он, если видел, что идём к лагерю, на лошади гонялся и бил кнутом» (АМ ФВ. Д. 197. Л. 3).

Но там же, в России, встречались люди, сочувствовавшие несчастным переселенцам. В Кологрифском районе Костромской области тоже «готовили встречу» крымских татар: «...местные жители все попрятались по домам, так как им сказали, что везут одноглазых, рогатых людей. Они выглядывали из окон, и когда увидели, что мы такие же обычные люди, выходили и даже приносили еду: молоко, хлеб, пирожки...», — рассказывает Лление Велиулаева из деревни

Кучук-Озенбаш (Депортация. 2005. С. 45). А в уже упоминавшейся Новой Ляле (Свердловская область) семье Эдие Усеиновой «помогали, чем могли» их соседи, раскулаченные украинцы из Донбасса: «жалели нас, давали молока и яиц» (Депортация. 2004. С. 58).

11. Тем временем в Крыму...

И как-то враз оказалось, что пришельцы осквернили все родники...
Началась засуха, высохли все реки,
а берега пропитались ядом.
Даур Зантария, Золотое колесо

а) Новые люди, новый Крым

Вновь ставший советским, Крым представлял собой в первые годы после окончания войны трагическое и жалкое зрелище. Были разрушены или сожжены десятки и сотни городов и сёл. Руины печально возвышались даже в центре таких городов, как Симферополь и Евпатория, был страшно разгромлен бомбами и снарядами Севастополь. Эта картина безмерных утрат сохранялась довольно долго. В Симферополе вплоть до начала 1960-х гг. на правой стороне бывшей Салгирной (если идти от базара к мосту через Салгир) возвышались стены бывшей синагоги, неподалеку — остов Пассажа (на пересечении Базарной и Греческой улиц) и других великолепных зданий, формировавших архитектурный центр главного города бывшей республики. Этим стенам можно было вернуть прежний облик, комплексно реставрировав весь квартал, как это было сделано, например, в Таллине, тоже сильно разрушенном во время войны. Но в Таллине это сделал коренной народ, а в Симферополе такового в нужный момент не оказалось. И город разделил судьбу Нарвы[1].

Та же участь выпала на долю больших и малых крымскотатарских сёл и деревень. Едва «новые крымчане» заполнили пустовавшие жилища депортированных хозяев, как началась перестройка и там. А через несколько лет после выселения появились деньги на приведение в среднероссийский вид старинных татарских селений. В них безжалостно сносили целые кварталы, чтобы застроить спрямлённые (наконец-то!) улицы рядами типовых домиков, предназначавших-

[1] Нарва была не менее красивым городом Эстонии, чем столичный Таллин. Её средневековые кварталы привлекали туристов всей Европы — об этом свидетельствуют довоенные красочные буклеты этого старинного города. Во время войны Нарва была, как и Таллин, страшно разрушена советской авиацией. После войны Таллин восстановили во всей его прелести, но не Нарву. Она была населена не эстонцами, а русскими, которых западная старина отнюдь не волновала. И они без зазрения совести снесли вполне подлежавшие реставрации средневековые стены городских зданий, храмов, нескольких монастырей. Теперь Нарва, фактически выстроенная советскими архитекторами заново, — самый скучный и неприглядный город Эстонии.

Один из шедевров южного модерна, симферопольский Пассаж, был сожжён немцами, но преступно не восстановлен после окончания войны

Ласточкино гнездо после войны. *Фото неизвестного автора*

Разрушенная фабрика Крупской в центре Симферополя

ся для плановых переселенцев. Понятно, что новая застройка и здесь вопиюще не совпадала с окружающим ландшафтом, буквально выламывалась из него — но кому до того было дело? Главная цель была достигнута: внешний вид новостроек гармонично совпадал с их живым содержимым.

Но были не только утраты — появилось кое-что новое. Так, привокзальную площадь г. Саки украсили два немецких танка необычного желтого цвета — во время войны в Крым из Северной Африки были переброшены боевые машины армии генерал-фельдмаршала Эрвина Роммеля, выкрашенные под цвет песков Сахары. На улицах Симферополя долго ещё можно было видеть и живых немцев и румын. Их поместили в бывшем концлагере «Картофельный городок», откуда колоннами выводили на строительство нового вокзала и вывозили в грузовиках на трассу будущей автострады Москва — Симферополь, где они работали (она вся, от начала до конца, выстроена пленными).

Изменился и Симферополь. На улице Субхи напротив старого татарского кладбища был создан детский сад. Нас, детсадовцев этого района, выводили на прогулку на кладбище. Оно стало как бы общественным парком. Помню старые

Снос старинных строений в дер. Козы Судакского района.
Фото из архива А. Велиева

могилы, за которыми уже некому было ухаживать. Но они были ухожены самóй крымской природой — всю весну и лето на них цвели солнечно-яркие жёлтые лютики. И лишь горький их запах как-то перекликался с горечью изгнания старых жителей этой прекрасной улицы. «Печаль поселилась на ней», как сказал

Симферопольский вокзал до войны

Вокзал после войны.
С сайта http://simfion.narod.ru

Ул. Крылова. На этом месте было татарское кладбище.
С сайта http://simfion.narod.ru

некогда стамбульский писатель Орхан Памук. Но не та печаль, что свойственна туркам, чья страна, некогда могущественная, лишь на какое-то время стала задворками Европы. Улица Субхи (ныне Крылова) грустит по своим исчезнувшим жителям до сих пор...

Печаль послевоенного Симферополя была даже не в наступлении нового, не в исчезновении старого, а в нашем непонимании людей, которые в одночасье заполонили город. Их не понимали мои родители, мои давно покойные бабушка и дедушка, которые жили на Кантарной (их квартиру не столь давно предоставили редакции газеты «Голос Крыма», чему я невероятно рад). Новые симферопольцы, насколько я помню, ничего не хотели менять в культурном облике города. Пока им было не до того. Они захватывали все освободившиеся дворы, дома и квартиры, пока не возвратились с фронта крымские герои Великой Отечественной — ходили слухи, что крымцам-фронтовикам позволят вернуться в их прежние жилища. И российские люди, естественно, торопились занять «нефронтовые» дома — скажем, жилища казнённых немцами евреев и крымчаков. Эта «площадь» ценилась более всего — законных хозяев можно было не ждать. Шла настоящая всекрымская кампания лихорадочного обмена захваченными домами и квартирами. Так что причина этой непристойной суматохи 1944–1945 гг. понятна.

Затем началась повсеместная перестройка старых домов и возведение новых — уже по вкусу приезжих. Но на глазах исчезал не только *стильный,* безвозвратно пропавший старый Симферополь, восхищавший его гостей, милый сердцу жителей этого прекрасного города. Пошли одна за другой административные реформы. Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика в одночасье стала просто Крымской областью. Как писал ветеран послевоенного национального движения, делегат II и III Курултаев крымскотатарского народа Иззет Изединов, эту автономную, по сути, национальную республику «превратили в рядовую область, поскольку субъекта той, пусть даже камуфляжной, государственности, ликвидировали. Это самое убедительное, самое неопровержимое доказательство того, что в Крыму жил и был репрессирован именно коренной народ» (БК. 2006. С. 86).

Последепортационная история полуострова на протяжении десятилетий начала разворачиваться в уникальных условиях почти полного отсутствия коренных народов, их культуры. Что не могло не сказаться на качестве работ по восстановлению нормального, то есть традиционного, старого облика полуострова. Караимов вместе с крымчаками осталось не более 3000–4000, крымских татар — вообще никого. Тем не менее некоторые авторы утверждают, неизвестно на чём основываясь, что крымскотатарское население в 1950-х гг. составляло целых 2% (*Яремчук В.Д.* На шляху до міжнаціональної злагоди в Криму // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. Сімферополь, 1999. С. 170). Были, правда, в те годы отдельные попытки «незаконного» возвращения крымцев из мест высылки, но они жестоко пресекались. Приведу ещё один пример такого рода.

Фатма Кенджаева из Куру-Узеня (ныне Солнечногорское) была четырнадцатилетней девочкой угнана в Германию. Пройдя все круги немецкого ада (рабский труд на частного хозяина, потом концлагерь «Брауншвейг»), она вернулась в СССР — и была тут же направлена в Ташкент. Оттуда уже она бежала в Крым, но на родине была арестована как «враг народа» — этому врагу едва исполнилось 18 лет. Её судили и приговорили к 20 годам каторжных работ и пяти — поражения в правах. Затем эту девушку, почти ещё девочку, отправили в страшный заполярный лагерь близ Воркуты, откуда она смогла выйти лишь в 1954 г. (*Керимова*, 1993. С. 2).

Полуостров выглядел в 1944 г. обезлюдевшим не только из-за депортации коренного населения. Сказались репрессии двух тоталитарных режимов: советского, немецкого, потом снова советского, сразу после снятия оккупации возобновившего суд и расправу над крымчанами. И конечно, много местных погибло на фронте, а также не вернулось из эвакуации. Таким образом, из довоенных 1,126 млн человек (Всесоюзная перепись, 1939. С. 25) осталось около 375 000, то есть население сократилось в три с половиной раза. При этом больше всего обезлюдело крымское село, по понятной причине тотальной депортации. Практически работать в сельском хозяйстве стало некому, так как по деревням и сёлам насчитывалось (уже из оставшихся) всего $^1/_5$ способного к труду населения (*Максименко*, 1991. С. 86). Но и в городах положение было ненамного лучше, поэтому советской власти, заинтересованной в полномерном возобновлении эксплуатации крымской земли, приходилось думать об искусственном восстановлении людских ресурсов. Понятно, что переселение будущей рабочей силы могло осуществляться только в ущерб другим регионам, также пострадавшим от войны и нуждавшимся в восстановлении экономики. Но, как будет видно, империя неизменно ценила Крым выше иных, чисто русских городов и весей, что, в общем, можно понять.

В 1944 г. ЦК ВКП(б) поставил перед партийными и советскими органами области историческую задачу: «сделать Крым новым Крымом, с его русским укладом» (цит. по: Достлук, 1991. № 3). С этой целью было принято варварское решение о *сносе* жемчужины крымской истории и культуры — Хан-сарая. Дворец удалось спасти почти чудом — в немалой степени благодаря самоотверженной его зашите Марией Кустовой, преемницей расстрелянного в 1938 г. первого директора музея У. Боданинского (подр. см. в: *Абдуллаева*, 2006. С. 8). Позднее Хансарай был признан памятником истории и культуры общемирового значения и в этом качестве включён в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Но это ни-

как не повлияло на отказ ряда учреждений культуры России и Украины вернуть отобранные из коллекций дворца предметы обстановки и экспонаты высокой культурно-исторической ценности[1].

Тем же летом уже было готово секретное Постановление Госкомитета обороны от 12.08.1944 г. № 6372-с, касавшееся средств на переселение многих тысяч крестьян, в основном этнических русских, и какой-то части городского населения из областей Воронежской, Курской, Ростовской, Орловской, Тамбовской, Житомирской, Подольской, а также из Ставропольского и Краснодарского краёв.

А через неделю, 19 августа, в СНК РСФСР было принято столь же секретное Распоряжение № 257-рс, утвердившее упомянутое постановление: «Утвердить распределение 45 млн рублей, отпущенных Постановлением Государственного Комитета Обороны от 12 августа 1944 г. № 6372-с на финансирование мероприятий, связанных с переселением колхозников и специалистов в районы Крыма... Председатель СНК РСФСР А. Косыгин» (*Абдуллаев*, 2007. С. 7).

После чего началось собственно переселение, которое справедливо называют «поощрительно-принудительным» (*Степанов*, 2003. С. 335). Очевидно, оно шло не совсем гладко, чего и следовало ожидать при столь необычной задаче, поставленной перед местными властями. Поэтому понадобилось специальное Постановление ОК ВКП (б) и СНК Крымской АССР № 612 от 8 сентября 1944 г. по заселению колхозов Крыма переселяемыми колхозниками из других областей, краёв и республик. В нём шла речь о том, что 2640 семей переселенцев «не вместились» в сёлах горно-прибрежных районов, и предлагалось навязать их руководству степных в основном районов, которое должно было «в 3-дневный срок подготовить помещения и обеспечить хороший приём колхозников».

К этому постановлению прилагался план размещения колхозников-переселенцев в районах Крыма. Судя по этому плану, основная масса переселенцев, 17 000 семей, направлялась в ранее густозаселённые районы: Ялтинский (1000 семей из Ростовской области), Алуштинский (2 500 семей Краснодарской области), Судакский (2 500 семей из Ставропольского и Краснодарского краёв), Куйбышевский (3000 с Украины), Карасубазарский (2 700 семей из Тамбовской и Курской областей), Старо-Крымский (1300 семей из Ростовской и Курской областей), Балаклавский (2000 семей из Воронежской области) и Бахчисарайский (2000 семей из Орловской и Брянской областей). В остальные районы, как говорилось выше, попали лишь 2640 семей, так что на один район пришлось от 100 до 500 семей (*Абдуллаев*, 2007. С. 7).

Как видим, послевоенных иммигрантов стали прежде всего заселять в наиболее подходящие места Крыма, то есть в традиционно крымскотатарские, где теперь появилась масса опустевших домов, отчего о жилищной проблеме можно было не думать. И уже осенью *того же* года стали прибывать «новые хозяева области — тысячи колхозников-переселенцев... Все они приехали с горячим желанием вос-

[1] Всего в 1940-х гг. и позже было таким образом изъято 1295 экспонатов (*Абдуллаева*, 2006. С. 8), из числа которых только в Российскую национальную библиотеку (Петербург) было передано более трех с половиной сотен старинных рукописных книг (Подр. см. в: *Возгрин*, 1995, а также: *Возгрин В.Е.* Мародёрство // ГК. 01.06.1995). Мои попытки вернуть их в Крым успехом не увенчались.

становить сельское хозяйство Крыма и поселиться навечно в этом благодатном южном крае», — так эпически-взволнованно писали советские журналисты тех лет (*Горный*, 1946. С. 150).

О том, насколько это желание было «горячим», говорит простой факт: много недавних «крымчан», столкнувшихся с непривычными условиями труда и непростыми климатическими особенностями южного края, бежало назад, в Россию. При этом они, как правило, почему-то прихватывали с собой оконные рамы из предоставленных им домов, в основном крымскотатарских. К концу 1947 г. на месте осталось лишь 56 % от всего трёхлетнего потока этих мигрантов (*Басов*, 1987. С. 298–299). Тем не менее из оставшихся было постепенно сколочено около 170 чисто переселенческих колхозов (Сов. Крым. С. 75).

Учитывая повсеместную послевоенную разруху и голод, можно сказать, что оставшимся в Крыму повезло. Помимо предоставленной переселенцам ссуды в 120 млн рублей, сотен пудов зерна и вагонов промтоваров им были «безвозмездно переданы пустовавшие (но вполне исправные. — *В.В.*) жилые дома (и квартиры. — *В.В.*), хозяйственные постройки, а также приусадебные участки с огородами, фруктовыми деревьями, виноградниками и т. д.» (Сов. Крым. Там же). Следует добавить, что кое-где новоприбывшие успели завладеть скотом крымских татар, уцелевшим от «котлов» Красной армии и Большого погрома, а где этого не получалось, власть всячески помогала обзавестись коровами и мелким скотом. Короче, *об этих* крестьянах заботились по всё той же причине: «идея „замести“ следы депортации была у руководства страны сильней всех очевидных трудностей по скорейшему созданию „нового“ населения. За два послевоенных года в сельское хозяйство Крыма вложили такое количество средств, которое превзошло объёмы финансирования за три довоенные советские пятилетки, вместе взятые» (*Степанов*, 2003. С. 335). Тем не менее людское брожение, переселенческий приток-отток прекратились нескоро.

Как говорится, чужое добро впрок не идёт. С болью узнавали депортированные крымцы о том, что творится на родине, отданной чужим людям. В том числе «о постепенно усыхающих реках и родниках, об обезображенных садах и виноградниках и многое чего иного... В Крыму наступали запустение и упадок. Лишённый коренного народа, он медленно угасал... Нищие крестьяне из разорённых войной деревень [России] не желали, да и не умели приспособиться в Крыму. Вместо того, чтобы рубить в лесу сухие деревья, уничтожали фруктовые сады и виноградники, которые росли тут же, под боком. Выделенные для них татарские дома со всем имуществом и подворьем служили им до тех пор, пока всё это не было разбазарено, пропито и проедено. После этого переселенцы, получившие немалые подъёмные, к тому времени их истратив, преспокойно возвращались к себе на свои былые места проживания, бросив уже разграбленное на произвол судьбы. Крым с его красотами и уникальной природой был им чужд и их не интересовал. Постепенно в Крыму преимущественно оседало всё больше народа из племени „перекати-поле“, оставшиеся без своего угла и семьи, бывшие зэки, голь перекатная[1]... Чем было не раз-

[1] Впрочем, по мнению тогдашней крымской печати, в Крым прибыли лучшие из лучших, элита советского крестьянства: «К нам приехали лучшие, добросовестные и преданные нашей Родине колхозники-переселенцы» (Сов. Крым. С. 75). Тут поневоле воскликнешь: «Если *эти* были лучшими, то *какими* же должны были быть оставшиеся русские мужички!?»

долье! Жильё есть, вселяйся в любой дом. Природные дары земли кормили всех» (АМ ФВ. Д. 143. Л. 31–32).

Конечно, мало-помалу хозяйственная жизнь в конце концов наладилась и в упомянутых колхозах, ещё раньше — в совхозах, где процент довоенного крымского крестьянства был повыше. Но происходило это не из-за какой-то развившейся способности переселенцев воспринимать, осваивать и развивать традиционную крымскую хозяйственную культуру, включаться в традиционное природопользование. Главным образом это удалось благодаря огромным дотациям Центра. Крым должен был стать «всесоюзной здравницей», его санатории, пансионаты и дома отдыха должны были вместить десятки и сотни тысяч «передовых тружеников», то есть ударников, активистов и прочих, кто всегда мог рассчитывать на дешёвую или вообще бесплатную профсоюзную путёвку в Крым.

Это было не только и не столько восстановление трудовых ресурсов, сколько политически важнейшее дело, ведь так ковались прослойки, как и до войны преданные Сталину и его сообщникам. С той же целью в спешном порядке, не считаясь с затратами из нищей послевоенной экономики, в Крыму возводились десятки пионерских лагерей, готовивших идеологически выдержанную и политически преданную смену отцам. Гораздо меньше было мест для ещё более привилегированной публики — партийной и хозяйственной элиты, но и всех этих «закрытых» домов отдыха, коттеджей, «охотничьих домиков» в заповедниках было немало. И всю эту публику, накатывавшуюся на полуостров с ранней весны до поздней осени, нужно было *кормить*, причём кормить качественной и изобильной пищей.

Конечно, доставлять на юг свежие продукты из подмосковных и иных спецсовхозов для многотысячной орды курортников было невозможно. Отсюда становится понятным и повышенное внимание Москвы к крымскому сельскому хозяйству. Это не могло не дать каких-то результатов. По словам одного из министров республики, сельское хозяйство Крыма «было создано как элитарное... оно не знало ни в чём недостатка. И это создало в сознании его работников определённую установку потребительски-иждивенческого толка» (*Никольский*, 1996. С. 426).

Поэтому 1 марта 1948 г. было принято Решение исполкома Крымского областного Совета депутатов №107 «О продлении на 1948 г. действия установленных льгот для переселенческих колхозов и колхозников-переселенцев». Согласно этому решению, переселенцев освобождали «от всех государственных денежных налогов, страховых платежей и обязательных поставок картофеля... от обязательных поставок мяса и яиц государству... от уплаты подоходного налога» и т. д. И что показательно, предписывалось «обязать председателей райисполкомов разъяснить колхозникам-переселенцам *политическое* (выделено мной. — *В.В.*) и хозяйственное значение предоставленных льгот в деле закрепления переселенцев в Крыму» (цит. по: *Абдуллаев*, 2007. С. 7).

Но, по-видимому, все эти льготы и привилегии помогали закреплению славян в Крыму слабо. Так, в августе 1948 г. на заседании Переселенческого управления при Совете Министров РСФСР снова отмечалось, что бегство переселенцев из Крыма продолжается, а всего «за период 1945–1948 гг. самовольно выбыло переселенцев 9449 семей, или 52,2 % от общего числа 18040 семей, принятых

в 1944 и 1946 гг.». Поэтому Переселенческое управление постановило принимать жёсткие меры борьбы с «обратничеством» (это слово-урод придумали не в Крыму, а в Москве), вплоть до установления «местонахождения выбывших из колхозов и принятия мер к возврату их в места вселения...» (там же).

И на просторах СССР начались охота за людьми с целью их *насильственного возвращения в Крым*.

Вот бы за изгнанными крымскими татарами так «поохотились»!

Но как бы то ни было, с трудом и скрипом колхозы и совхозы возродились и стали давать то, что от них требовалось, хоть и далеко не в том количестве и качестве, как это было до войны, при татарах. Но этот внешний порядок не мог заслонить от коренных крымчан, впоследствии украдкой и изредка навещавших утраченную родину, глубоких перемен, произошедших в городах и сёлах полуострова.

Если в виноградарстве и табаководстве — отраслях, задолго до войны ставших государственными (не только по принадлежности, но и по значению, то есть сильно насыщенными российскими специалистами), упадок был незначительным, то овцеводство попросту захирело. Причина понятна — основная масса довоенных зоотехников-овцеводов была крымскотатарской, не говоря уже о чабанах. И дело было не только в участившихся эпизоотиях, но и в трагических «случайностях», которых раньше просто не могло быть. В степной части полуострова неопытность, а то и просто лень новых чабанов, их незнание природы и климата Крыма приводили к массовой гибели овец. Автор был свидетелем крупной катастрофы в животноводческой отрасли Сакского района, когда зимой 1946–47 гг. многотысячная совхозная отара села Саи (н. Сизовка), гонимая метелью, почти целиком ушла в один из сакских лиманов, где и утонула.

Такие случаи повторялись раз за разом. Гораздо позже, в 1953 г., уже в другой части полуострова полутысячная отара, которую погнали на чатырдагскую яйлу слишком рано, в мае, также целиком погибла. На этот раз из-за холода — и весть об этом дошла до мест высылки — к неподдельному огорчению переселенцев (АМ ФВ. Д. 216. Л. 1).

Ещё хуже пошло дело с поддержанием традиционной крымскотатарской системы водоснабжения. Даже после уничтожения массы чешме за годы советской власти из тысяч этих фонтанчиков сохранилось к 1944 г. в Бахчисарайском районе около ста, в Феодосийском — 88, Евпаторийском — 70, Карасубазарском — 65, Алуштинском — 35, Старокрымском — 30 и так далее (АМ ФВ. Д. 229. Л. 1). В степных же сёлах лет пять-семь ещё исправно работали глубокие старинные колодцы с деревянными бадьями объёмом в бочку. Огромные барабаны на деревянных же вертикальных осях возле этих источников живительной влаги в иссушённых степях были видны за несколько километров, и овечьи отары ускоряли шаг, спеша к деревянным же длинным корытам-колодам, стоявшим в тени этих барабанов, медленно вращаемых лошадьми или волами. Но волы исчезли ещё раньше этих колодцев, иссохших или засыпанных, хотя почерневшие, неподвижные барабаны ещё долго маячили на фоне бескрайних крымских просторов, безмолвно напоминаная об ушедшей жизни, об изгнанных степняках.

Потом их сменили артезианские или обычные глубинные колодцы-скважины, откуда воду стали качать насосами с дизельными двигателями — это можно было понять, даже не пробуя воду, лишь понюхав её...

Та же судьба постигла источники в предгорьях и горах. Один из самых ярких примеров связан с Дегерменкоем. Это большое, старинное село было едва ли не самым изобилующим водой на всём побережье от Керчи до Севастополя. Оно насчитывало 165 родников, облицованных камнем, тщательно ухоженных и даже перенумерованных, в дополнение к тому, что большинство из них носило собственные, также древние имена. Дегерменкой снабжал водой и Артек, и Партенит (трубы сохранились до сих пор, они лежат на старом месте), и даже Кызыл-Кой (н. Пушкино) с Карасаном, а также ещё несколько больших и малых сёл. В самом Дегерменкое насчитывалось 12 каменных чешме. Некоторые из них славились особым составом и свойствами воды, другие — почтенным возрастом, третьи — тонкой художественной резьбой и поэтикой арабских надписей на них. И *все они* были раньше или позже уничтожены новыми варварами. Последнее уцелело до 1996 г., когда сорвали и старый навес над ним (АМ ФВ. Д. 198. Л. 5).

В Инкермане был источник, который славился своей целебной силой — ранее, задолго до аннексии Крыма, возле него находилась обитель святого, имени которого не сохранилось (паломники, тысячами являвшиеся к могиле, называли его просто Инкерман-баба). После депортации огороженная могила инкерманского азиза была сравнена с землёй в ходе расширения местного карьера. По той же причине было нарушено водоснабжение целебного источника, оформленного в виде красивого чешме, его воды ушли в карьер, «надолго заполнив его дно ярко-аквамариновой живительной» влагой, а после и вовсе исчезли (*Абдулаева Г.* Хранитель Инкермана // А. 31.07.2005. С. 3).

Через много лет после окончания войны был снесён и самый знаменитый фонтан Симферополя. Расположенный на ул. Севастопольской у Старого базара, он был сработан из красного полированного гранита, а украшен белоснежной амфорой и четырьмя львиными головами, день и ночь источавшими чистейшую воду. Симферопольцы говорили в полушутку, что эти четыре льва поят весь город. Фонтан ликвидировали в связи со строительством на месте базара административно-партийных и иных помпезных зданий. Не столь давно случайно обнаружилась чудом уцелевшая одна из львиных голов, её отдали в музей — и на том спасибо.

Лесные же источники умерли по более прозаической причине. Никто не умел и не хотел ухаживать за ними, соблюдая старые обычаи. Возможно, эти традиции показались переселенцам каким-то устаревшим или непонятным суеверием. Например, как можно было объяснить им, что при расчистках источника нужно пользоваться почти исключительно деревянными орудиями, избегая металлических? Да и кто мог научить несведущих, если мастера воды были далеко[1]?

В крымской прессе не раз упоминалось о мнении, широко распространённом среди послевоенных, новых «крымчан»: а именно о том, что татары засыпали источники в период депортации, чтобы досадить остающимся в Крыму русским. Иначе, чем слабоумным, этот сюжет не назовёшь. И всё его достоинство в том,

[1] Таким мастером был, к примеру, Сеид-Али Аджи-Мурат — последний, кто знал все водные жилы в окрестностях Корбека. Навестив родину в 1972 г., он обещал вскоре вернуться, возродить заглохнувшие старинные чешме и даже провести воду на Азизлер, да так и не вернулся. Он умер через несколько лет в Узбекистане, совсем ослепшим старцем, не успев передать своё искусство современным корбеклинским татарам, сыновьям и внукам товарищей Аджи-Мурата в молодости (АМ ФВ. Д. 216. Л. 6).

Симферопольский фонтан в 1950-х гг. (ныне снесен). На заднем плане — трамвай, идущий по Севастопольской. *Фото неизвестного автора*

что он дополнительно характеризует мыслительные способности и интеллект той среды, где он зародился и получил широкое и длительное распространение. Впрочем, как выясняется, этот «исторический факт» всё же не возник на пустом месте, сам по себе — у него имелись конкретные авторы, о которых речь ниже.

Был в бахчисарайской деревне Шуре колодец, из которого татары в последний раз напились, как и из множества других источников, 18 мая 1944 г. А когда через много лет жители Шуры стали понемногу появляться в Крыму, то колодца они уже не нашли. То есть место вспомнить было нетрудно, только от колодца там осталось лишь небольшое углубление, кем-то забитое камнем. Старожилы стали искать свидетелей этого преступного дела — и нашли. Местная жительница по имени Нина, оказывается, сразу после мая 1944-го рассказывала своим русским соседям, что лично видела, как татары незадолго до депортации бросили в колодец тело убитого красноармейца. Эти соседи прожили бок о бок с крымскими татарами достаточно долгое время, чтобы усвоить нехитрую истину: татарин не то что труп, сосновую шишку в колодец не бросит!

Но тут соседи как-то сразу ей поверили и колодец засыпали. Тогда один из вернувшихся ссыльных, старик Умеров, отыскал эту также постаревшую Нину и не отставал от неё с расспросами до тех пор, пока она не поняла, что от настырного старика ей не отделаться. И она рассказала правду, откуда появилась басня про солдатское тело в колодце. Плача, она призналась: «Мне так сказали говорить, я и говорила», — но *кто именно* сказал, добиться от неё было уже совершенно невозможно (АМ ФВ. Д. 206. Д. 2). Вот из таких-то «утечек информации», очевидно, и строилась легенда о крымских татарах — вандалах, которую и глупой назвать — много чести...

Другое дело — как поступали с колодцами переселенцы. Над этими источниками бесценной влаги и туалеты возводили, которых на много лет хватало, и помойку могли устроить, тоже с многолетней ёмкостью. Но кое-где старые колодцы просто забиты сухой землёй и камнем, их ещё вполне можно восстановить — вроде колодца во дворе евпаторийской Хан-Джами или перед входом в жилище муллы, расположенное недалеко от этой мечети, а бывшем квартале Катлык-базар (ныне Поворотный пер., д. 7, левая сторона двора).

Сразу же после депортации начался затянувшийся на многие годы (и кажется, ещё не закончившийся) процесс уничтожения культурных и исторических памятников коренного народа Крыма. К ним можно отнести не только известные, хоть давно уже закрытые мечети, не только кварталы старой застройки, остатки крепостных стен и ворот или старинные бани.

До войны, как рассказывалось выше, советская власть не то чтобы не уважала религиозные чувства крымских татар — она признавала их весомость, силу и действенность. Оттого и боролась с исламом по мере возможностей. Большевики закрывали мечети, преследовали мулл и мазинов, высылали членов мечетных двадцаток за пределы Крыма и т. д. Но чего практически совершенно не касалась шкодливая большевистская рука, так это *действующих* татарских кладбищ. То есть кладбищ, где захоронения совершались до последнего времени (старинные, давно закрытые, беспрепятственно сносились и до войны, из них уцелело лишь знаменитое ханское в Бахчисарае да несколько небольших мазаров в оградах евпаторийской Хан-Джами и других, ещё не снесённых мечетей).

После депортации все *действующие* крымскотатарские кладбища разом отнесли в разряд «брошенных», «лишённых ухода» и т. п. Тем самым было дано благословение на их разгром. Он начался практически одновременно по всему Крыму, это была какая-то оргия вандальского осквернения национальных и культурных святынь одного из народов Земли. При этом, естественно, вскрывались и разорялись не только могилы десяти-пятилетней давности, но и свежие, буквально вчерашние. Где, как говорится, покойники остыть не успели. Сколько их было, этих мест публичного надругательства над Человеком, — перечисление заняло бы слишком много места. Проще назвать те, которым «повезло» уцелеть несколькими годами дольше других, сгинуть последними. Такими безмолвными памятниками изгнанному народу были: уже упоминавшееся кладбище на симферопольской ул. Субхи, евпаторийское между Пересыпью и Слободкой (у бывших казарм танкового полка), два самых дальних корбеклинских, ещё одно, юхары-керменчикское, расположенное слева от Полевой улицы — там, где она превращается в дорогу, ведущую в Аиргуль. Кстати, в самом Аиргуле произошло нечто ещё более страшное.

Здесь все надгробия были выдернуты из земли, надмогильные холмики разровнены, а затем это место, святое для каждого мусульманина, было использовано для строительства *свинарника*! Смею уверить читателя: это не случайность — рядом с кладбищем, с южной стороны, и теперь пустует огромная площадь. Нет, в Аиргуле имело место изуверское издевательство над бывшими хозяевами села, вызванное не только хамской натурой переселенцев-христиан, но и безнаказанностью — ведь они могли не опасаться мести потомков тех, кто лежал под этими плитами. Причём при возведении стен свинарника были использованы те самые надгробья вперемешку с диким камнем. А на этих старинных

плитах ещё сегодня видны эпитафии умершим, исполненные арабской вязью, относящиеся, как утверждают специалисты, к XVIII–XIX вв. Там же, в Аиргуле, переселенцы снесли минарет, совершенно никому не мешавший, но явно вносивший разлад в их тонкие славянские представления о прекрасном.

Причины такого одновременного и быстрого разорения крымскотатарских кладбищ лежат на поверхности. Это помимо известной слепой жажды разрушения инокультурных памятников, всегда отличавшей русскоязычную диаспору Крыма, была вполне заземлённая возможность использования площадей, расположенных не в худших местах городов и сёл. «Освобождаемые» таким образом обширные участки земли использовались под различные строительные нужды. В основном государственные, так как сами вандалы всё же боялись строиться на оскорблённой ими земле. Но вот памятники и камень оград они почему-то совершенно не опасались закладывать в основания своих домов — этот парадокс, поистине, одно из редких, но ярких проявлений «таинственной русской души».

Поэтому в стенах домов и в изгородях многих крымских городов и сёл и ныне проглядывают старые мазар-таши. Да что в стенах — арабской вязью были покрыты поребрики тротуаров у евпаторийской бани, старинной Сахи-Гирей-хамам — об этом уже упоминалось выше...

Конечно, все перемены в облике Крыма, начавшиеся в мае 1944 г. и продолжившиеся в наиболее резвом темпе первые десять — пятнадцать лет после того, здесь отметить трудно, да и нецелесообразно — этот сюжет заслуживает отдельного труда.

Поэтому подведём итоги этого сюжета двумя откликами людей, великолепно помнивших довоенный Крым и имеющих право на объективное сравнение двух обликов одной и той же земли.

Когда ведущий сотрудник знаменитого Конструкторского бюро С.П. Королёва профессор Рефат-агъа Аппазов впервые после долгого перерыва посетил свой родной Симферополь, то его поразили не изменившиеся улицы, исчезнувшие площади и базары, сады и минареты. Он был ошеломлён прежде всего тем, насколько город запущен, какую грязь развели новые жители на улицах и во дворах. Рефата-агъа потрясло какое-то отчаянно наплевательское отношение новых симферопольцев к своему дому, пусть недавнему... И ведь это были ещё «благословенные» застойные годы, когда ни о каком массовом стрессе речи ещё не было, когда полуостров жил вполне нормальной, уравновешенной жизнью (*Аппазов*, 2001. С. 22, 25–27 и др.).

Не менее наблюдательный женский глаз поразило иное. «От былого изобилия прекрасных фруктов, овощей, рыбы, мясных и молочных продуктов не осталось и следа. Кругом пьяные физиономии, нецензурная речь, грязные пляжи... Цветущий край превратился в помойку...» (*Шибицкая-Смольская*, 1994. С. 112).

Четыре строчки всего, а картина и полная и точная...

Наконец, последнее — на тему послевоенного Крыма — об искажениях в традиционной топонимике. Вообще, стремление переименовывать дедовские названия (не только городов, сёл, рек и гор, но и отдельных предметов) — явление, для человеческой психики достаточно редкое, аномальное. Обычные, нормальные люди хранят имена среди прочих заветов своих предков не только из эстетического наслаждения (ведь, к примеру, итальянцам или грекам приятно сознавать, что

они называют свои столицы так же, как их предки многие века, даже тысячелетия тому назад). Переименование же невольно настораживает относительно психики сторонников этого крайне неестественного действа. Специалисты говорят даже, что «подобное решительное самовнушение или фетишизация символа, вещи или запрета встречается среди *цивилизованных* людей редко», как, собственно, и иные *массовые* психические аномалии (*Салихов*, 1997. С. 43). С другой стороны, автор не стал бы настаивать на определении большевиков, особенно крымских, и особенно послевоенных, как людей *цивилизованных*. Но тогда нет никакого противоречия в той параноидальной страсти переименовать на полуострове *всё*, которая мгновенно охватила население, оставшееся в Крыму после депортации.

Никто из оставшихся не поднял голос в защиту пусть чуждой, но всё же *культуры*, причём культуры, во-первых, исконно крымской, во-вторых, старинной. Напротив, инициатива сверху была подхвачена толпой с непритворным удовольствием и даже страстью. Я прекрасно помню, что даже через десятилетие после первой послевоенной волны разрушения топонимики евпаторийцы, к примеру, с трепетным предвкушением *ещё одного* переименования разносили слухи, что Евпатория вот-вот станет городом Токаревом (в честь лётчика, которого сбили где-то неподалёку)...

Источник этой непонятной нормальному человеку страсти к выдиранию культурных корней совершенно ясен: это всё та же, уже неоднократно упоминавшаяся эмоция презрения к «отсталым аборигенам» и стремление как можно более тщательно провести зачистку от них Таврии (этот екатерининский топоним как раз тогда и возродился, его стали использовать повсюду — от наименований вузов до ярлыка на футбольной команде, которая, возможно, ушла в небытие из-за своей боязни принять гордое имя «Крым»). О том, кто тут оказался «отсталым», какова вина сотен тысяч русскоязычных Молчалиных, нужно ли для них покаяние и т. д. — эти проблемы можно обсуждать ещё очень долго. Но это в мои задачи никак не входит. Лучше приведу в заключение слова столь грустного сюжета уже известного читателю классика — они глубоко верны и уже поэтому заставляют задуматься о прошлом и будущем, о мнении, которое сложится у потомков о крымских татарах и их русских современниках, давно ушедших в историю...

«Столетиями мы ищем и едва узнаём друг друга, скоро мы вообще перестанем знать, кто мы такие, мы забываем уже о том, что чего-то вообще хотим, другие оказывают нам честь, забирая нас под свои знамёна, поскольку у нас нет своих, покупают нас, когда мы нужны, и плюют нам в лицо, когда в нас пропадает потребность; самый злосчастный кусок земли во всём мире, самые несчастные люди на земле, мы теряем своё лицо, а принять чужое не можем, оторванные от родной почвы и не пустившие корней в другом месте, чуждые всем и каждому, и тем, кто близок к нам по крови, и тем, кто не считает нас родными. Мы живём на перекрёстке миров, на границе народов, под угрозой любого удара, всегда перед кем-то виноваты. Как о скалы, о нас разбиваются волны истории. Нам надоело насилие, и убожество мы превратили в достоинство, мы остались благородными из упрямства. Вы же бессовестны от переполняющей вас злобы. Кто же тогда отсталый?» (*Селимович*, 1969. С. 275).

Последним комом земли на могилу крымскотатарской культуры стало исключение народа — в полном соответствии с упомянутой выше сталинской

теорией нации — из Большой Советской Энциклопедии (второе издание), главного официально-государственного справочного издания, призванного отражать реалии жизни СССР[1]. Теперь из этой реальности были вычеркнуты неугодные режиму народы. Тем самым они как бы окончательно ликвидировались, стали *нереальностью*, их уже как бы и не осталось на планете. В БСЭ можно было найти подробную информацию о полностью вымерших тасманийцах, но не о десятках и сотнях тысяч всё ещё живых татар Крыма.

Правда, оставалась человеческая память, не зависящая от справочных изданий. Но если из неё нельзя было вычеркнуть крымцев, то в послевоенное время никто не мешал искажению исторической правды о них — напротив, такие попытки всячески поощрялись. Первой из них стала Сессия по истории Крыма, научный форум, собравший в сентябре 1948 г. десятки учёных со всего Советского Союза в Симферополе — уже не столице республики, а обычном областном центре. Тематика Сессии была весьма разнообразной, но в ней не нашлось места ни ханскому периоду истории Крыма, ни этнической истории его коренного народа. Правда, два доклада сессии подошли к этому предмету вплотную.

Первый из них — «Херсонес и Киевская Русь» — был подготовлен А.Л. Якобсоном. В нём доказывалось, что Русь уже в X в. «обладала определённой территорией Тавриды», а русское же Тмутороканское княжество «включило в себя восточный край полуострова» (цит. по отчёту о Сессии в: *Альтман*, 1948. С. 180). Тем самым косвенно утверждалось «первородство» на полуострове юго-восточных славян, а не тюрков, которые и появились-то в Крыму гораздо позже. Доклад не остался незамеченным, о нём писала и центральная научная периодика, а выводы А.Л. Якобсона оказали большое влияние на путь развития этой проблематики, поскольку он как исследователь заслуженно пользовался научным авторитетом.

Второй доклад, «Партия большевиков в борьбе против татарских буржуазных националистов», был сделан уже известным нам П.Н. Надинским. В отличие от других участников Сессии, он не являлся профессиональным историком, но для выполнения поставленной перед ним задачи этого и не требовалось. Он с ней вполне удовлетворительно справился, вначале целиком одобрив многолетний террор по отношению к крымским партийным лидерам и деятелям культуры и искусства, а завершив своё выступление клеветой на весь коренной народ в целом. В заключение Надинский оправдал все большевистские репрессии в Крыму, включая депортацию, вызванные, по его мнению, единственно «устойчивостью пережитков капитализма (!) в сознании крымских татар, результатом которой стала их измена советскому государству во время Великой Отечественной войны» (указ. соч. С. 184).

Впрочем, слова о законном праве славян на Крым, о справедливом решении судьбы крымских татар, о счастье, которое принесла новым крымчанам депортация старых, произносились не только на научных встречах. Они мощно звучали и в художественной литературе, имевшей куда бóльшую аудиторию и говорившей на языке, понятном и доступном миллионам читателей.

[1] В соответствующем томе вместо исчезнувшей статьи о коренном народе Крыма появилось новое откровение сталинской исторической науки: о Крымском ханстве там сказано, что это было «феодальное паразитическое государство на территории Крымского полуострова» (БСЭ. М., 1953. Т. 23. С. 561). Это абсолютно безграмотный вывод (даже в марксистско-ленинской теории понятие «паразитическое государство» отсутствует) — пример большевистского пренебрежения научной истиной, если этого требует политическая необходимость.

б) Счастье Петра Павленко

Художественные свидетельства о больших исторических событиях вообще обладают огромной силой воздействия, особенно в нашем отечестве, где, как известно, «поэт — больше, чем поэт». Другое дело — какого сорта эти свидетельства. Так вот, правдивых сочинений на тему депортации и заселения Крыма новожилами-переселенцами невозможно обнаружить ни в 1940-х, ни в 1950-х, когда такие сюжеты были особенно актуальны. В распоряжении небезразличного к недавней истории читателя оставался лишь роман П.А. Павленко «Счастье». Кстати, книга бесхитростная и оттого далеко не бесполезная и для нашей темы. Она позволяет понять психику «новых людей», занявших в Крыму место крымцев — чем и извиняются строки, ей посвящённые. Кроме того, роман стал для миллионов граждан СССР едва ли не самым мощным источником информации о том, что, собственно, происходило в Крыму сразу после его освобождения. А воздействие «Счастья» на его первых читателей, не исключено, сказалось и на их детях, в том числе и поныне проживающих в Крыму.

Но прежде — несколько слов о самом авторе романа.

П.А. Павленко (1899–1951), хоть родился и вырос в Петербурге, неплохо знал Крым. Он, будучи известным советским писателем, регулярно отдыхал на полуострове в довоенное время, а в 1945 г. избрал эту землю для постоянного места жительства. Весьма посредственный сочинитель, Пётр Андреевич пробился в круги творческой элиты, будучи старым осведомителем «органов». Или, как отзывался о нём ещё Максим Горький, став «государевым оком» (цит. по: *Фрезинский*, 2008. С. 233).

Начав писать в соавторстве с несравненно более талантливым Б.А. Пильняком, он вскоре предал его. А.А. Ахматова вообще считала, что в гибели Б.А. Пильняка виноват единственно П.А. Павленко (указ. соч. С. 220–221). Павленко был близок Сталину, в буквальном смысле слова целовался с ним ещё в 1932 г. Был хорошо знаком с ведущими чиновниками сталинской охранки. Между прочим, Н.Х. Шиваров, помощник первого заместителя наркома внутренних дел Я.С. Агранова, впоследствии «прославившийся» (в истории мировой литературы) допросами О.Э. Мандельштама, позволял Петру Павленко, спрятав его в шкафу, тайно присутствовать при этих гнусных измывательствах над великим российским поэтом (указ. соч. С. 235). Чего при этом у Павленко было больше — любопытства или сладострастного удовольствия при виде унижения и ломки гениального коллеги — Бог весть...

Роман «Счастье», посвящённый самым первым месяцам после возвращения в послевоенный Крым советской власти, был написан П. Павленко, что называется, по горячим следам (полностью закончен уже в апреле 1947 г., опубликован в 1948 г.). Книга быстро обрела популярность, её автор удостоился Сталинской премии первой степени — это была высшая степень политического и художественного признания писателя партией. Более того, роман вошёл

в список литературы, обязательной для прочтения в курсе средней школы на территории всего СССР. Смысл как его названия, так и содержания был един: славяне наконец-то обретали, окончательно и бесповоротно, счастье на крымской земле.

Действие романа происходит в Ялте и её окрестностях в 1944–1945 гг., куда прибывает прямо с фронта одноногий инвалид полковник А.В. Воропаев родом из Сибири.

Герой нового времени, символически представляющий весь славянский массив пришлого населения, удостоился такой фамилии вряд ли случайно. Здесь явно имел место один из открытых З. Фрейдом комплексов неосознанного. П. Павленко, не получивший филологического образования, скорее всего, не знал, что означает корень фамилии его любимого героя. Но он явно пришёл к нему, по Фрейду, подсознательно. Ведь писатель, искренне пытаясь скрыть истинные духовные движения своего героя на фоне мародёрской кампании в Крыму, вывел новое для русской литературы имя — Воропаев. И увы, саморазоблачился. Дело в том, что «воропай, вороп» — понятия, этически совершенно однозначные: «налёт, нападение, ограбление» (*Фасмер*, 1964. Т. I. С. 354). Ну а дальше всё идёт в соответствии со сказанным. «Воропай» — вот образ «нового крымчанина» 1940-х гг., схожего и несхожего с «новым русским» 1990-х. Здесь можно провести параллели если не в моральной (тут всё — одно к одному), то в социальной позиции. Типичный «Воропай» был человеком, как правило, небогатым, находясь в основе государственной «пирамиды» 1940-х гг. А устраивая свою жизнь на полуострове, по своему разумению, он не был виноват в том, что это разумение — не крымское.

Но он содействовал, ведая или не ведая этого, разрушению культуры Крыма. И именно так можно обозначить его роль в ликвидации этой культуры Советами. Странно, что наши русские современники, проживающие в Крыму, прямые и единственные наследники Воропаева, этого никак не ощущают. Но вернёмся к герою П. Павленко и его делам.

На новом месте Воропаев тут же принимается за партийную работу. Собственно, вся книга состоит в основном из описания деятельности как самого Воропаева, так и его коллег по партийной и хозяйственной работе на селе. То есть освоения чужого имущества. Естественно, П. Павленко ни словом не упоминает о трагедии коренного народа Крыма, разразившейся в том же 1944 г. Поэтому не только слово «татары» не упоминается в книге *ни разу* — автор ухитрился, повествуя о событиях в Ялтинском районе, не назвать ни единого села по имени — так, на всякий случай, очевидно. Вместо этого он оперировал именами вымышленных колхозов, вроде «Первомайского», «Новосёла», «им. Микояна» и т. д.

Однако не отразить крымских реалий, стопроцентно стереть со страниц своего романа любую информацию о том драматическом годе Петру Павленко так и не удалось. Помимо воли автора им была нарисована картина, которая (при всей своей схематичности) может дать внимательному читателю немало пищи для размышлений о преобразованиях, которым Крым был подвергнут после депортации его коренного населения. Попытаемся взглянуть на эту реальность глазами писателя, хоть и имевшего предвзятое мнение о советской действительности, но человека всё же не слепого.

Так, при всей своей симпатии к новым людям, прибывшим в Крым из России, П. Павленко описывает эту неорганизованную массу, рванувшуюся к даро-

Ремзие и Сайде Сейдаметовы с подругами. Поволжье, 1953.
Из коллекции издательства «Тезис»

вым землям, садам и домам, вполне объективно: «Человек полтораста пассажиров, переселенцев с Кубани, истошно крича и толкаясь, волновались у трапа». При этом собеседник героя книги резонно замечает: «И чего, спрашивается, едут, какое такое переселение, с какой стати? Тут лишнего гвоздя не найдёшь, война всё взяла, а они — то им подай, это выложи... К зиме разбегутся, я вас уверяю. Мыслимое ли дело, воздвигнуть жизнь на голых камнях? Это же блажь! Ерунда!.. Цыганство какое-то!» (*Павленко*, 1948. С. 9).

А затем следует рассказ о том, как эти переселенцы разбирали татарскую собственность. Картина, очевидно, верная — это, действительно, напоминало базарную торговлю. Вот «продавец» — председатель колхоза — предлагает дармовой «товар»:

«Три коморы, так называемая веранда и сарай у целости полной, — выкрикивал чей-то громкий и властный голос...»

И вот общее впечатление автора-свидетеля, наслаждающегося этим актом бесстыдного мародёрства: «Какое великое и сладостное событие происходило где-то рядом, под тёмным покровом ночи, среди взлетающих фонарных огней, в дыму костров...

А в это время в темноте раздавалось сладостное до боли:

— Пять комор, веранда, так сказать, на два боки, садик из пятнадцати дерев» (указ. соч. С. 11, 19). И так далее.

Достаётся жильё и герою романа, чем он весьма доволен: «Дом нашёл, четырёхкомнатный, но повреждённый войной: «...лучшего участка, он понимал, ему нигде не найти, если, конечно, этот свободен. Но, судя по всему, хозяин давно уже разделил судьбу своего дома. Нет, участок первоклассный, что и говорить» (указ. соч. С. 26).

Не может П. Павленко, хотя бы в нескольких словах не объяснить, куда же девались хозяева этого богатства. Правда, объяснение у него получается насквозь

фальшивым. Но, как бывает в таких случаях, лжецы запутываются в собственных измышлениях. Таких «творческих находок» у П. Павленко сразу три.

Вот первое. Старуха ялтинка, старающаяся улучшить своё квартирное положение, говорит полковнику Воропаеву, что ей с дочерью татарский дом не дадут, а «вам обязательно должны дать. Сталинский приказ был. Только требовать надо... Вот хоть этот дом. Этого я никому не говорю, но вам скажу: хозяев у него нет, бежали с немцами...» (указ. соч. С. 30). Итак, это первое объяснение, — «бывший» народ бежал с немцами.

Второе. По словам директора совхоза А.Ф. Чумандрина: «Ближайший колхоз „Первомайский" почти уцелел... от немцев, но состоял главным образом из людей, переселившихся сюда с Кубани и Дона, два других — „Калинин" и „Микоян" — были разграблены дочиста, а *большинство населения угнано в Германию* (выделено мной. — *В.В.*). Взамен угнанных понаехали люди со стороны, но они откровенно жалеют о сделанном и готовы бежать обратно в родные места» (указ. соч. С. 47). То есть татар угнали на Запад насильно.

И наконец, П. Павленко даёт третье объяснение причины безлюдья Крыма. Его герой вопрошает местного жителя:

«— Опанас Иванович, что тут у вас делается? Все коренные норовят переселиться куда-нибудь на сторону. В чём дело?

— Мог бы ты, слушай, с охотой начать новую жизнь там, где погибли жена или дети твои? Едва ли, а? Всё бы о прошлом напоминало. Легко ли это, подумай. Этакое богатство создали мы за двадцать пять лет и на-ко — всё в золе. Тут наплачешься больше, чем наработаешь.

— Значит, уходят на новое место, чтобы, забыв прошлое, лучше работать, — так, что ли?

— Точно» (указ. соч. С. 77).

Итак, третий вариант. Коренные жители Ялтинского района добровольно бросили дома и землю предков в этом райском уголке Земли и выехали единственно ради более успешного труда на новом месте.

Большего издевательства над несчастными депортированными татарами сталинский лауреат при всём желании не смог бы придумать!

Но он на этом не останавливается. Советскому писателю нужно хоть беглыми штрихами нарисовать, наконец, кем же они были, эти прорывающиеся в межстрочном пространстве крымцы. Павленко, прекрасно знавший их с довоенного времени, не может найти ни одной отрицательной черты — что и понятно. Вместо этого он рисует картинку, где изображены не люди, а окружающее их пространство. Вот как П. Павленко видит типичный татарский дворик: «...полупустой, грязный, со следами старых грядок участок, в беспорядке засаженный десятком вишневых и абрикосовых деревьев. Каменный забор, очень неряшливо сложенный...» (указ. соч. С. 30). Это — старый приём: художник переносит свою оценку с объекта на его окружение.

А вот что касается некрымчан — тут автор наконец чувствует себя свободным, и его фантазия разыгрывается вообще беспредельно. На с. 72–73, как и во многих других местах книги, он пространно говорит о якобы массово переселившихся на крымскую землю казаках. Это — чистая выдумка, но она имеет своё объяснение, кроющееся в далёком прошлом.

Дело в том, что российский Крым, как и другие новозавоёванные регионы империи начиная с эпохи аннексии, нуждался в крепком скелете, на основе которого могла бы окрепнуть бесформенная масса переселенцев. То есть людей, плохо знавших местную среду, — по сути, беспомощных в новых условиях. В других местах, вроде Северного Кавказа или Уссурийского края, пришельцы перенимали хозяйственный и местный социальный опыт у местных казаков. В Крыму ситуация сложилась несколько иная — казаков-то здесь испокон веку не водилось. В Крыму переселенческая масса XIX в. худо-бедно училась у татар. Но теперь и их не стало.

После депортации 1944 г. как в горах, так и в степи Крыма было множество пустых деревень, в которых переселенцы оказались в совершенно беспомощном положении. Отчего они и бежали на старую родину — об этом говорилось выше. Видя это, П.А. Павленко на страницах своего романа предложил выход, — правда, выдав желаемое за действительное. Он «населил» Крым 1944–1945 гг. донскими казаками — людьми южными: виноградарями, овцеводами и т. д. То есть народом, вполне способным заменить депортированных татар.

Тем самым он совершенно исказил события. Донские и кубанские казаки никак не могли оказаться в числе крымских переселенцев. Они были подвергнуты ещё в 1920–1930-х гг. жестоким репрессиям, причём не по социальному, а по этническому признаку. Если крымских татар преследовали как «кулаков» наряду с русскими крымчанами, то жителей Кубани и Дона всплошную «расказачивали», отчего они впоследствии и оказали массовую поддержку германскому оккупационному режиму, а впоследствии были сосланы. То есть Дон и Кубань оказались столь же опустошены сталинским геноцидом, как и Крым. Откуда же там, среди огромных «освободившихся» хозяйственных площадей, у людей появилась бы тоска по неведомой крымской земле? Очередная ложь лауреата. Причём он не мог заблуждаться.

П. Павленко знал истину лучше других коллег по цеху. То есть он сознательно фальсифицировал историю, как бы предвидя, что рано или поздно, но Крым всё равно не обойдётся без «новых казаков» — верных служителей колониального режима. Так и вышло. Забегая вперёд, признаем, что в 1990–2000 х гг. действительно появились некие «крымские казаки» — реалия изначально, в мусульманском регионе, фальшивая и бессмысленная, поскольку *таких* новоявленных казаков (точнее, ряженых экстремалов) в Крыму ранее никогда не существовало. Следовательно, и на данном этапе истории быть не может. Ведь казачество — явление наследственное, историческое и, при всей его неоднозначности, достаточно хорошо изученное современными учёными[1]. Остаётся отдать Петру Павленко должное — он, безусловно, обладал острым чутьём идеологической ищейки и как бы подсказывал сталинскому режиму оптимальный выход из сложившегося в 1944 г. положения на полуострове.

---

[1] Трудно удержаться от замечания, к теме этого параграфа имеющего не совсем прямое отношение, — но не к теме «крымского казачества», ныне весьма актуальной. В последнее десятилетие вышло около трёх-четырёх десятков прекрасных книг по богатой истории казачества Дона, Кубани, Яика/Урала, Запорожья, Терека, Амура и т. д. Однако мне не встречалось ни одного опуса, посвящённого историческому зарождению и былым подвигам фантастического «крымского казачества».

Но вернёмся к главному герою романа. Устроившись на новом месте, Воропаев ведёт себя вполне по-хозяйски. Он всему даёт свои, новые имена, считая, что имеет на это право. Древний Ай-Петри с ходу именует Орлиным пиком, какую-то бухточку между Ялтой и Алупкой, наверняка имеющую столь же древнее имя, он «уже окрестил Счастливой». Впоследствии писатель упоминает эти топонимы как нечто само собой разумеющееся. То есть о местных названиях уже и речи не идёт: «виллис мчал их к Счастливой бухте. Вдали, по ту сторону городка, красно-медным лбом своим блеснул Орлиный пик» (указ. соч. С. 153).

Ненавязчиво, исподволь автор «Счастья» подводит свою многомиллионную аудиторию к мысли насчёт того, что всем хорошим Крым, его природа, обязаны... древним русским переселенцам. Так, доктор Комков, человек образованный, просвещает свою спутницу относительно тех, кто якобы завёз на полуостров некоторые виды деревьев: «Это — человек безусловно русского происхождения. До русских тут никто веллингтоний и не видывал. Это деды наши их тут насадили. Да и потом вся ухватка, весь характер дела чисто русские, озорные, с вызовом. Вот, мол, дорогие потомки, что я нашёл и приготовил для вас, получите подарочек, радуйтесь и благодарите» (указ. соч. С. 294).

Да и вообще, русский народ в романе наделён чертами, иногда выглядящими пародийно, — на что авторы такого уровня попросту обречены, и помочь им тут нечем: «Лицо Сталина не могло не измениться (с 1941 г. — *В.В.*) и не стать несколько иным, потому что народ глядел на него, как в зеркало, и видел в нём себя, а народ изменился в сторону ещё большей величавости» (указ. соч. С. 173). Ну что ж тут поделаешь...

И последнее. В своё время, когда роман «Счастье» изучался в школах, преподаватели литературы требовали от учеников раскрывать смысл, который был вложен писателем в название книги. Ответы, естественно, были разные. Между тем как сам автор дал вполне чёткое определение этому понятию: «Много лет поднимался Воропаев вверх по общественной лестнице и уже привык к тому, что сегодня занимает положение более высокое, чем вчера, а завтра будет подниматься ещё выше, — и в этом постоянном подъёме и росте находил своё счастье» (указ. соч. С. 168). То есть счастье, по Петру Павленко, — в успешной карьере, конкретно — в карьере крымского партийного работника. Ох, и натерпелись мы, крымчане, от этих партийных работников и первого послевоенного, и второго, и третьего призыва...

В целом же книга — о счастье, которое принёс Сталин всему новому населению Крыма, освободив для него жизненное пространство.

Завершить этот последний очерк автору помогут слова старого русского писателя, увидевшего полуостров много лет спустя после такого же пришествия с Севера, случившегося очень давно — ещё в XVIII в. Но имевшего совершенно схожие результаты с событиями в середине века двадцатого.

Вот что предстало его глазам: «разорённые могилы по дорогам, одичавшие сады по ручьям, названия, утратившие смысл, деревни, утерявшие жителей» (*Марков*, 1902. С. 310).

Здесь уж точно — ничего ни прибавить, ни убавить.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Текст I
Ханы Крымского улуса (1222–1443 гг.) и ханства (1443–1783 гг.)

1357–1380 — Улусбек Мамай
1380–1390 — Нет сведений
1390–1396 — Пуладбек-Булат
1393–1395 — Таш-Темир
1396–1399 — Темир-Кутлу
1400–1407/8 — Шади-бек
1404/8 –1411 — Пулад-хан
1411–1412 — Керим-Берды
1411–1412 — Тимур (Тимур «Ленг», Тамерлан), хан
1412 –1413 — Джамиль-эд-дин
1412/3 — Чокре
1413 — Керим-Берды (второе правление)
1415 — Стамбул-бек
1415–1416 — Кибяк и Чокре
1416–1418 — Керим-Берды. Третье правление
1419–1420 — Улу-Мухаммед, хан
1419–1427 — Гияс-эд-дин
1420–1426/7 — Хаджи-Гирей I
1426/7 –1428 — Девлет-Берды
1428–1434/5 — Хаджи-Гирей I
1428–1436/7 — Улу-Мухаммед. Второе правление
1435–1437 — Ширин-беи
1436 — Сеид-Ахмет-хан
1436–1443 — Хаджи-Гирей I
1437 — Кичи-Мухаммед
1437–1439 — Гияс-эд-дин
1441–1456 — Хаджи-Гирей I, хан. Первое правление
1456 — Хайдер-Девлет, хан
1456 — Нур-Девлет. Первое правление

1456–1466 — Хаджи-Гирей I. Умер в августе 1466 г. Второе правление
1466/7–1474 — Менгли-Гирей I. Первое правление
1475–1476 — Менгли-Гирей I. Второе правление
1466–1468/9 — Нур-Девлет. Второе правление
1474–1475 — Джанибек (эмир хана Золотой Орды Ахмеда)
1475–1476 — Нур-Девлет. Третье правление
1475 –1476 — Хайдер-Девлет. Второе правление
1476–1477 — Нур-Девлет. Четвёртое правление
1477–1478 — Джанибек-Гирей I
1477 –1478 — Нур-Девлет. Пятое правление. Умер в 1502/3 г.
1479 –1479 — Джанибек (узурпатор)
1479–1515 — Менгли-Гирей I. Умер 17.05.1515 г. Третье правление
1515–1522/3 — Мехмед-Гирей I. Умер в 1523 г.
1521–1521 — Саадет-Гирей I. Первое правление
1523–1523 — Гази-Гирей I
1523–1524/5 — Саадет-Гирей I. Второе правление
1526–1526 — Ислам-Гирей I «Бунтовщик». Первое правление
1526–1531/2 — Саадет-Гирей I. Умер в 1575 г. Третье правление.
1531/2–1531/2 — Шагин-Гирей I. Первое правление
1532–1532 — Ислам-Гирей I «Бунтовщик». Второе правление
1532–1533 — Сахиб-Гирей I. Первое правление
1533–1536 — Ислам-Гирей I. Третье правление. Казнён в 1537 г.
1536–1539 — Сафа-Гирей I. Первое правление
1539–1539 — Шагин-Гирей I. Второе правление
1540–1540 — Сахиб-Гирей I. Второе правление
1539–1546 — Сафа-Гирей I. Второе правление
1547–1551 — Сахиб-Гирей I. Зарезан в 1551 г. Третье правление
1551–1553 — Девлет-Гирей I «Тахт-Алган». Первое правление
1553–1577 — Девлет-Гирей I. Умер 29.06.1577 г. Второе правление
1577/8–1584 — Мехмед-Гирей II «Семиз». Убит в 1587 г.
1584–1584 — Саадет-Гирей II
1584–1588 — Ислам-Гирей II «Дервиш». Казнён в 1588 г.
1588–1594 — Гази-Гирей II «Бора». Первое правление
1594–1594 — Фетх-Гирей I. Первое правление
1594–1594 — Селямет-Гирей I. Первое правление
1594–1596 — Гази-Гирей II. Второе правление
1596–1596 — Фетх-Гирей I. Умер в 1596 г. Второе правление
1596–1608 — Гази-Гирей II. Умер 03.03.1608 г. Третье правление
1608–1608 — Тохтамыш-Гирей
1608–1610 — Селямет-Гирей I. Второе правление
1610–1610 — Джанибек-Гирей II. Первое правление
1610–1610 — Мехмед-Гирей III. Первое правление
1610–1613 — Джанибек-Гирей II. Второе правление
1613–1614 — Эбюль-Фетх-Газы
1621/3–1623 — Мехмед-Гирей III (29.04 –05.01). Второе правление
1623–1623 — Джанибек-Гирей II (05.01 –07.02). Третье правление

1623 –1628 — Мехмед-Гирей III (...–31.05). Третье правление
1628–1634/5 — Джанибек-Гирей II (...–25.02.1634/5). Четвёртое правление
1634/5–1636 — Инайет-Гирей (25.02–04.06). Казнён 04,06.1637 г.
1636/7–1641 — Бахадыр-Гирей I «Резмий» (14.06–05.)
1641–1644 — Софу Мехмед-Гирей IV «Камиль». Первое правление
1644–1654 — Ислам-Гирей III (06.–02.07). Умер 02.07.1654 г.
1654–1666 — Софу Мехмед-Гирей IV (06.–...). Второе правление. Умер в 1676 г.
1666/7–1667 — Адиль-Чобан-Гирей, или Кер-Гирей. (04.–...). Первое правление
1667–1668 — Максуд-Гирей I. Первое правление
1668–1671 — Адиль-Чобан-Гирей (–09.05). Второе правление. Казнён в 1673 г.
1671–1678 — Селим-Гирей I (04.–07). Первое правление
1671–1673 — Максуд-Гирей I. Второе правление
1678–1683 — Мурад-Гирей (02.–23.09). Умер в 1695 г.
1683–1684 — Хаджи-Гирей II (11.–07). Умер в 1688/1689 г.
1684–1691 — Селим-Гирей I (06.–03). Второе правление.
1691–1691 –Сеадет-Гирей III «Сокур», «Крым». Умер в 1704 г.
1691–1692 — Сафа-Гирей II (01.–09). Умер в 1693 г.
1692–1699 — Селим-Гирей I (07.09–02.03). Третье правление
1699–1702 — Девлет-Гирей II (25. 03–26.12). Первое правление
1702–1704 — Селим-Гирей I (26.02–22.12). Умер 22.12.1704 г. Четвёртое правление.
1704–1707 — Гази-Гирей (22.12.–15.04). Умер в апреле 1707 г.
1707–1708 — Каплан-Гирей I (04.–22. 12). Первое правление
1709–1713 — Девлет-Гирей II (09.12–29. 03). Второе правление
1713–1716 — Каплан-Гирей I (29.03–15.12). Второе правление
1716–1716 — Девлет-Гирей II (...–16.12). Умер 19 апреля 1725 г. Третье правление
1716–1717 — Девлет-Гирей III (15. 12–29.12). Умер в 1717 г.
1717–1724 — Сеадет-Гирей IV (29.12–16.10). Умер в 1732 г.
1724–1730 — Менгли-Гирей II (16. 10–28. 10). Умер 30 декабря 1730 г.
1730–1736 — Каплан-Гирей I (28. 09–24. 07). Умер в ноябре 1738 г. Третье правление
1736–1737 — Фетх-Гирей II (24.07–25.07)
1737–1739 — Менгли-Гирей III (07–31.12).
1739–1743 — Селямет-Гирей II (31.12–11). Умер в 1751 г.
1743–1748 — Селим-Гирей II «Жестокий» (11–18.05). Умер 18.05.1748 г.
1748–1755/6 — Арслан-Гирей (18.05–12). Первое правление
1755/6–1758 — Халим-Гирей (12–04.10). Умер в 1759 г.
1758–1764 — Крым-Гирей (04.10–02). Первое правление
1764–1767 — Селим-Гирей III (...–14.03). Первое правление. Умер в 1778 г.
1767–1767 — Арслан-Гирей (14.03 –06). Умер в июне1767 г. Второе правление
1767–1768 — Максуд-Гирей II (067–11). Первое правление
1768–1769 — Крым-Гирей (19.10–03). Умер в марте 1769 г. Второе правление
1769–1770 — Девлет-Гирей IV (03–25.02). Умер в 1769 г.
1770–1770 — Каплан-Гирей II (25.02–12). Умер в июле 1771 г.
1770–1771 — Селим-Гирей III (11/12–30. 06). Второе правление
1771–1775 — Сахиб-Гирей II (27. 07–06). Умер в марте 1804 г.
1775–1777 — Девлет-Гирей III (06–01). Умер в 1780 г.

1777–1777 — Шагин-Гирей (04.03–12)
1777–1778 — Азамат-Селим-Гирей. Зарезан в 1778 г.
1778–1781/2 — Шагин-Гирей II. Первое правление
1782–1783 — Бахадыр-Гирей II. Умер в 1792 г.
1782–1783 — Шагин-Гирей II. Отрёкся от престола 08.04.1783 г., казнён в августе 1787 г.
1782–1784 — Бахадыр II (претендент)
1783 — ... — Крым-Селим-Гирей (претендент)
1787–1789 — Шахбаз-Гирей (08–02) (претендент. Умер в 1793 г.
1789–1792 — Бахт-Гирей (02–06) (претендент. Умер 28 января 1801 г.).

(Источники: *Босворт*, 1971. С. 209–211; *Truhart*, 1986. T. III/1. S. 2638–2640; *Романько и др.*, 1995. С. 74–76).

Текст II

Описание столицы Крымского хана Бахчисарая и ханского дворца, сделанное накануне его сожжения в 1736 г.

Ханская столица, город Бахчисарай, лежит в весьма глубокой и узкой долине, загромождённой скалами и утёсами. Верхняя часть города разделяется высотою на две половины. В восточной половине жили христиане всякого вероисповедания и различной национальности, но преимущественно армяне и греки, всего до 1000 семейств; у них и церковь была там своя. Но по прибытии русской армии татары разорили эту часть города и разграбили христиан, и многих из них умертвили. Западная половина, а также нижняя часть города были обитаемы татарами, и дворец самого хана находился в первой.

В город проникнуть можно только по весьма немногим, крутым, в скале пробитым, затруднительным тропинкам, за исключением северной стороны, примыкающей к обширной долине, чрез которую мы прошли в город, и где лежат предместья с многими красивыми мечетями.

Во двор ханского дворца ведёт каменный мост, перекинутый через небольшой ручей, который омывает дворец. Берега ручья выложены камнем.

Дворцовый двор, довольно обширный, представляет квадрат, обставленный строениями, которые, сколько я мог бегло рассмотреть, были таким образом украшены и расположены. Если вступить во двор через большие ворота, то по правой стороне его находился старый дворец хана, в котором он жил. Вход туда через большие сени; в них, вдоль стен, с трёх сторон, для удобства прислуги, были расставлены низенькие и широкие лавки; отсюда выход в просторную залу, с белым мраморным бассейном посередине; из этой залы широкая лестница ведёт в верхний этаж, прямо в большую залу, с мраморным полом, прикрытым чистыми цыновками; потолок этой залы расписан голубым цветом с золотом, со столярными мозаичными украшениями. Эта зала делилась на две половины: правая представляла как бы альковы и была на одну ступень выше против левой половины; во всю ширину залы, на четыре фута (около 1,2 м. — *В.В.*) выше её пола, шла открытая галлерея, шириною в сажень; она была устроена для удобства татарских вельмож, когда они справляли здесь свой байрам.

Стены зала были вместо ковров выложены разноцветным фарфором; самая зала освещалась окнами в два ряда. В верхнем ряду стёкла были разноцветные, зеркальные, в виде больших четвероугольников. Нижние же окна, большей величины, были снабжены двойными ставнями, из которых внутренние были лёгкие, решётчатые, красиво выточенные из букового дерева, пропускавшие прохладу в залу. Подле этой залы большая комната, украшенная подобно зале. По другую сторону залы идут комнаты, одна за другою, но без всякой мебели, которую заранее вынесли. Наружные стены дворца выкрашены в красный цвет, наподобие натурального дикого камня, что очень красиво на взгляд. На том же дворе другое строение, к которому ведёт большая лестница. Крыша его выдаётся вперёд на 5 или 6 фут, на китайский манер, для зашиты от солнца, и поддерживаемая столбами, образует около здания галлерею, потолок которой расписан в мозаичном вкусе.

К этому строению примыкают ворота, которые ведут в другой двор. Левая сторона этого двора выкрашена под белый мрамор; в середине стены, в нише, фонтан, из которого вода стекает в белый мраморный бассейн. По правой руке открывается сад нового дворца; у этого дворца крыша также выступает по-китайски — вперёд.

Большое крыльцо ведёт наверх, прямо в красивую залу; здесь прежде всего приятно поражает зрение устроенный в середине бассейн из белого мрамора, а над ним фонтан в виде строения, состоящего из 4-х павильонов, тоже мраморных, из которых по трубочкам льются струи воды. Пол устлан тончайшими цыновками из тростника, а потолок в середине куполообразный, расписан на манер мозаики в красный цвет с золотом. Кругом стен идут лавки, не выше 1 фута над полом, шириною от 4-х до пяти футов, покрытые ковром. В правом флигеле дворца есть несколько чистеньких комнаток, в которых полы и потолки такие же, как в зале, а окна одинакового устройства с окнами старого дворца. Слева выход в большую комнату с камином и с окнами из больших белых стёкол, обращёнными в сад. Кругом всего дворца идёт крытая галлерея, поддерживаемая колоннами, а нижняя часть стен снабжена многими небольшими фонтанами, из которых вода выливается в белые мраморные бассейны.

Между этим строением и старым дворцом находятся ещё другие здания, из которых самое замечательное сераль (т. е. гарем — *В.В.*), примыкающий к новому дворцу. В этом серале, между прочим, находится и женская баня, в которую ведут большие сени. В середине бани устроен мраморный бассейн большого размера, с фонтаном, глубиною 7 ½ футов (около 2,3 м. — *В.В.*) и от 11 до 12 диаметром, из которого вода выливается в баню. По бокам и кругом устроены ещё до 12-ти маленьких лавок, каждая на одну особу, с краном и бассейном. Подле этой большой бани устроены ещё отдельные кабинеты, снабжённые каждый фонтаном и мраморным бассейном на две особы.

Отапливается баня под полом в самой середине, и всё так устроено, что можно и простудить и нагреть баню, по желанию, а воды на каждого хватает сколько угодно. Все эти бани со сводами; свет проникает через небольшие окошечки,

пробитые в стене. Поблизости старого ханского дворца находится ещё другая баня, убранная белым мрамором, но она устроена только на одну особу.

Все эти различные строения окружены садами и фонтанами свежей и чистейшей воды, проведённой из горных источников, и хотя постройка их не отличается ни правильностью, ни роскошью, однако они нравятся своею опрятностью и изяществом.

По левой стороне большого дворца есть ещё строения, из которых в среднем жили невольники хана. Между всеми этими строениями, на небольшом дворе, построены две мечети с куполами, крытыми свинцом: тут погребались тела ханов.

Из этого двора, через ворота выход в рощу, лежащую на южном склоне горы. Напротив ворот, в конце рощи, есть ещё строения, а затем беседка, разделённая на несколько комнат решётками из букового дерева, весьма искусной работы.

В пятидесяти шагах от этой беседки стоит каменное здание, в котором устроен широкий каменный бассейн, от 4-х до 5-ти сажен (8,5–10,7 м. — *В.В.*) в квадрате, вбирающий в себя проведённую сюда с горы воду источника, и так защищённый от солнца, что свет проникает сюда только в одно окно.

В стороне дворца есть ещё одна пристройка, в которую из того бассейна проведена вода посредством 5-ти больших труб в дюйм диаметра, а отсюда она, через проведённые под землёю трубы, распределяется по всему дворцу.

Большая ханская баня примыкает к самому старому дворцу. Дверь туда проделана с правой стороны под комнатою хана. Она ведёт прямо в большую залу, вдоль стен которой идут лавки; в середине бассейн, в сажень в квадрате, с фонтаном посередине, всё из белого мрамора. По бокам устроены кабинеты под сводом, снабжённые мраморными бассейнами, в которые можно было пускать воду из кранов.

Эти бани отапливаются таким же образом, как описанные выше.

Пройдя большой двор, что перед старым дворцом, выйдешь к конюшням хана, каменному строению, длиною в 15 сажень, шириною в 4 сажени, устроенному на 40 или 50 лошадей. Пол не мощён и отлогий, для 2-х рядов лошадей; между каждой лошадью поставленные вырубленные в камне ясли и пилястры. Свет проникает в решётчатые окна, обращённые на двор.

Дома́ в городе числом 2 или 3000, почти все каменные, но 4-я доля их выгорела. Одно, что, по моему мнению, ещё достойно примечания в Бахчисарае, это то, что у иезуитов там был дом и хорошая библиотека, которую они оставили, когда бежали, по приходе нашем. К сожалению, книги большею частью или сожжены, или повреждены вином, так как иезуиты спрятали было книги и рукописи в винном погребе, но туда забрались казаки, которые, напившись, выпустили остальное вино из бочек, так что книги найдены плавающими в вине.

Это описание, по приказанию генерал-фельдмаршала графа Миниха, составил капитан Манштейн.

Источник: *Манштейн*, 1875. С. 350–353.

Текст III

Рассуждение одного Российского Патриота, о бывших с Татарами делах и войнах, и о способах, служащих к прекращению оных навсегда[1]

Читая историю о бывших у России с Татарами войнах, почти безпрестанно чрез восемьсот лет продолжающихся, начиная от половины десятого века и по сие время, глазам нашим представляется:

1) Ужасная и притом печальная картина, а именно вся Россия раздроблена на части, и в собственной своей крови плавающая. В одной ея стране виден возженной Татарами пламень пожирающей города и селы, в другой их меч сверкающей над головами наших предков. Тут оставшиеся вдовы оплакивают смерть мужей своих, убиенных в брани, защищая веру, отечество и собственные их домы, там отцы и матери рыдают неутешно о своих детях, увезенных Татарами в плен, одним словом, повсюду ничего инаго не слышно, как только жалостной вопль и стенание страждущей России под тяжким Татарским игом.

2) Что Татары из всех наших неприятелей для нас были наиопаснейшие и вреднейшие, да и впредь еще быть могут естли совсем не будут отняты у них к тому способы.

3) Что они сколько силою, а не менее того хищническими своими набегами, России завсегда великой вред причиняли.

4) Что заключили они мир с Россиянами толко тогда, когда оной им был надобен, и всякой раз нарушали, когда толко хотели, видя из того их ползу, в чем они с Турками их однородцами одних и тех же правил.

5) Россияне же невзирая на то, что бывали несколько сот раз ими обмануты, завсегда им верить не преставали; некоторой знаменитой автор, увидя из Российской истории, что наши предки далися в обман трем ложным Димитриям, сказал, простительно быть обмануту один раз первым ложным Димитрием, пускай и другим, но чтоб допустить себя обмануть тремя ложными Димитриями сразу, надобно быть русским[2]. Что ж сказал бы сей автор, ежели бы он увидел нас обманутых Татарами в продолжение восьми сот лет почти восемь сот раз.

6) Что предки наши с Татарами воевали толко тогда, когда они приходя в Россию их жгли, пленяли и убивали, так сказать, взяв их за волосы сильно к тому принуждали и довольствовалися толко тем, что их из домов от себя прогоняли, нечиня никаких далних происков, а как стали несколько поискусней, то начали от них укреплятся, делая засеки и линии для воздержания их набегов, а в зимнее время на некоторых реках полонить лед, но все сии укрепления на толиком границ пространстве, не могли быть доволны к совершенному удержанию их набегов, одним словом мы были чрез многие веки, в таком бедственном от Татар порабощении, что изобразить того не можно, особливо представляя себе оное несчастное время, когда наши великие Князия принуждены были сами ездить

[1] Источник, принадлежащий анонимному автору, не датирован. Исходя из текста, можно отнести его создание ко времени не позднее июня 1772 г., а его дополнительную часть, Прибавление, — к 1774–1775 гг.

[2] Фонтенель. Разговоры в царстве мертвых (примеч. подлинника).

в орду для получения на владении их жалованных грамот от Татарских Ханов, где некоторые из них разные муки претерпевали, а другие и умерщвлены бывали.

Правда же и то, что междусобные Российских Князей войны главною были причиною подпадения России под тяжкое иго Татар, в котором она около полутораста лет безпрестанно находилась.

И ежели бы небо не сжалилось над Россиею, и не произвело в свет мудраго и храбраго Государя Ивана Васильевича, то может быть, что и поныне еще были принуждены Татарам давать дань.

Но как уже выше сего показано, что во время продолжения слишком восьми сот лет, Татары никогда мирных своих с Россиею договоров несодержали и завсегда оные нарушали, когда толко видели быть из того их ползу, следовательно и впредь в том на их веру полагатся неможно, и не должно.

Великий и мудрый Государь Иван Васильевич доволно знал оные вероломные и непостоянные Татар нравы, как то история говорит: «Князь великий Иван Саипгиреев обычай знает, что Саипгирей Царь Крымской неоднословен, своей правде крепко не стоит, хотя с Великим Князем и в дружбе, но князь великий его берегся как недруга, держал воеводы на Коломне со многими людьми. На другом месте Царь и Великий Князь Иван Васильевич всея России, не мога терпети от клятвопреступных Татар Казанцов, за многие их творимые клятвы и неправды, всегда обеты безбожни твориша, в Государевой Царя и Великаго Князя воле пребывати, и немало времени пребыв по своеи правде, на ложь творяще, яко же злые зверие хапающе многих христиан в плен, безбожным своим клятвопреступлением, и многие церкви осквернища и в запустение учиниша. Благочестивая же его душа о сих скорбяше, и не мога от них сего терпети, от безбожнаго их клятвопреступления» и проч.

И для сего сей Великий Государь признал за единое и непременное средство, к приведению себя от Казанских татар в безопасность, чтоб их царство совсем под свою власть покорить, что и учинил он решительным образом и покоряя державе своей Казань и Астрахань, даровал отечеству своему с иной стороны желаемый покой.

После чего остался один толко Крым и подвластные ему Татары, от которых Россия уже с двести тому лет, как страждет, и разные разорении претерпевает, особливо Малороссия и конечно неменее того, как она претерпела от Казанских Татар, до самых блаженных дней Великаго Государя Царя Ивана Васильевича, о чем частию свидетельствовать могут Манифест Государя Императора Петра Великаго, и писмо Графа Остермана к Верховному Визирю. Из чего доволно видимо есть, сколь нужно принять добрые меры противу сих наших вечных неприятелей, дабы единожди навсегда привести себя от них в безопасность, и тем доставить отечеству своему надежный покой, к чему ныне кажется наиудобнейшее есть время и случай, особливо судя нынешнее политическое Европы состояние, и нашу над Татарами поверхность, но прежде нежели на Крым что либо предприято будет, надлежит учинить следующее распоряжение и приуготовление.

1-е

Укрепить сколко можно лутче крепости Керчь и Яникал и учинить их безопасными от всякаго внезапнаго от Татар и от Турок нападения, а и того бы полезнее, естьли бы хотя одна их оных крепостей долгую осаду выдержать могла, как мы видим пример, что Аглицкая крепость Гибралтар, хотя и на Гишпанском берегу находится, но немало не страшится всех оныя Монархии сил. Наши в Крыму крепости конечно требуют толикаго укрепления, судя по тамошнему неприятелю.

2-е

Но как в случае с Турками войны со стороны моря Турецкой флот может воспрепятствовать нам оные крепости сикуртвовать, и для того необходимо нужно употребить все способы, чтоб заблаговременно себе присвоить каким бы то образом ни было, крепостцу Арабат называемую, и посадить в нее наш гарнизон, дабы посредством оныя наши каманды во всякое время в Керчь и в Яникал сухим путем проходить могли, почти совсем минуя Крым, без чего вышеупомянутые наши в Крыму крепости всегдашней от неприятеля опасности будут подвержены, а притом и проезд наших куриеров не был бы подвержен толиким гибелным приключениям и как ездя на Ор Капы, через целой Крым, где многие из них уже и умерщвлены были.

3-е

Постараться употребить все политические средствы ко введению между разными Татарскими поколениями междусобные распри и несогласия, как то между Крымцами, Ногайцами, Буджаками, Едисанами, Ембулуками и протчими Кубанскими народами, и чрез то разделить их на разные частые владении, к чему многие и различные способы найтится могут; а сие не мало послужить может к наискорейшему и легчайшему Крыма завоеванию.

4-е

Заготовить кроме обыкновеннаго провиянта доволное число всякаго хлеба не молотаго в Таган Рог, и в крепостях Петровской, Никитинской, Александровской и в бывшей Запорожской Сечи, особливо в Керчи и Яникале, и всякаго рода лесов годных на строение крестьянских домов, також доволное число всяких инструментов потребных в доме крестьянском, как то сох, или плугов, кос, серпов, топоров, заступов, лопат и прочих необходимо нужных на первой случай вещей. Для перевозу всего того, когда потребно будет в Крым, а не тогда посылать по разным местам все означенные вещи сыскивать, когда уже в них необходимая нужда настоять будет; ибо благоразумная политика требует все будущее наперед предусматривать, и в рассуждении того брать свои надлежащие меры.

5-е

Когда все выше объявленное будет в готовности, тогда послать в Крым как сухим путем, так и водою, столко войска сколко онаго потребно будет для завоевания онаго, и как скоро оной будет весь покорен Российской власти (а сие можно учинить в одну кампанию, разумея под предводительством хорошого генерала), тогда надлежит живущим в Крыму Татарам объявить, что которые из них пожелают быть в вечном Российском подданстве, те могут остаться на прежних своих жилищах, а протчим дать на волю выехать вон из Крыма, и переселиться, куды кто пожелает.

6-е

Покоряя таким образом Крым, надлежит оставить там на вечное поселение для защиты сего полуострова, 20000 пехоты и 10000 конницы, взяв с пехотных по батальону, а с конных по одной роте, как то при Петре Великом Низовой корпус таковым образом составлен и под командою генерала Левашова оставлен в Персии, к чему можно употребить и те Лантмилитские полки, кои и ныне для охранения Украинской линии находятся, ибо оная тогда уже и совсем ненужна будет. Всех оставших в Крыму солдат и драгун ежели можно поженить, чтоб современем их сыновья отцовские места заступать могли.

7-е

Для наибольшаго же населения Крыма, природными Российскими людьми, надлежит взять из Российских волостей и монастырских деревень в число рекрут, на первой случаи 10000 человек хлебопашцов, и поселить оных в Крыму во удобных местах, но чтоб для них домы, и все что нужное к тому уже к приходу их готово было, и обучить оных хотя несколко ружием владать, дабы в случае нужды все они против неприятеля с пользою употреблены быть могли. И быть бы им завсегда волными Государственными крестьянами. Сколко ж бы не велико было число переселенцов из России в Крым, но оное может за ничто почитаться, в сравнении того, что Татары у нас по ныне народу перетаскали к себе в разные времена, разными образы, да и ныне кто отвечать за них может, чтоб они и впредь столь вредных своих набегов в России чинить не стали, чему весьма нужно зделать единожди конец, а сие покорением Крыма конечно прекращено быть может, как то и завоеванием Казани прекращены были навсегда толикие безчисленные бедствия и разорения помянутыми казанскими Татарами до того России причиняемые, о чем находится во многих местах в Российской истории толь жалостливое и плачевное воспоминание.

8-е

Потом спросить волницу из Донских Казаков и из Малороссиян, кто в Крыму жить пожелает, где отвести им также удобные места для хлебопашества или для рыбной ловли, куда, конечно доволно охотников найтится может.

9-е

Сверх того можно дозволить селиться протчим вольным христианским народам, как-то Грекам, Армянам, Валохам и Булгарам, то смело можно сказать, что в самое короткое время весь Крым зделается христианской и вечно Российской.

Но как положение Крыма находится между 46 и 44 градусом северныя широты, следовательно и климат там должен быть такой же теплой и приятной, какой находится в болшой части Италии или в полуденных провинциях Франции, в рассуждении чего без сумнения можно надеяться, что современем и многие и знатные люди из России охотно там поселиться захотят, по крайней мере для препровождения там при старости лет остатки своей жизни в сноснейшем и удоволствителнейшем климате.

10-е

Крым назвать прежним его именем Херсониею, а город Кафу Феодосиею, и в память того, что в нем Великий князь Владимир возприял святое крещение,

построить в его имя великолепный храм Божий. Государю же покорившему Крым на приуготованной в сем городе нарочно великолепной площади, поставить в честь и память медную окруженную трофеями статую с приличной надписью, и назвать сию площадь победы по примеру как и в Париже таковая площадь находится, где поставлена статуя в честь королю Людовику Четвертому-на-десять, и сверх того на вечную оному Государю память, установить во всем Государстве годовой церковной праздник и всенародное торжество.

11-е

Учиняя Крым подвластным, Россия будет почти со всех сторон ограждена морями и великими реками, следовательно и совсем безопасною от неприятельских особливо от татарских внезапных набегов, и чрез то зделается наисилнейшею и наиблагополучнейшею в свете империю, и прямо может наслаждатся мирным и благоотищным житием, и тогда то можно будет об России сказать, что она достигла до такова же благополучия, в каком был Израиль в царство Соломоново, и о чем Святое Писание говорит тако: и Саломон бе начальствуяй во всех от реки земли Филистинския и даже до предел Египетских[1] и от Фапсы реки, даже до Газы[2] и мир бе ему от всех стран окрестных и живяху Июда Израиль безпечно кождо под виноградом своим и под смоковницею своею ядуще и пиюще и веселящееся во вся дни живота Соломона. Книга 3 Царств, Глава 4.

ПРИБАВЛЕНИЕ

Означенное мнение о предприятии на Крым, писано было гораздо прежде избрания нынешнего Хана, и до вступления наших туда войск, следовательно при настоящих Крыма обстоятелствах нечто в том переменено быть долженствует; но как ныне оной полуостров почти совсем в наших руках находится, то и остается толко помышлять о том, как бы оной навсегда удержать в своей власти и зависимости, к чему кажется на первой случай весьма бы полезно учинить нижеследующее.

1-е

Надлежит употребить всевозможное старание, дабы в пополнение заключенаго с Татарскою областию в Карасу 1772 года ноября перваго дня трактата с нынешним ханом постановить, чтобы в случае выходу из Крыма Российских войск, для содержания онаго в независимости и от Турок в наиболшей безопасности завсегда был Российской Гарнизон в крепости Арабат, и в Ор-Капы; в Арабате для того, чтоб наши военные каманды чрез оную в Керчь и Яникале минуя почти весь Крым сухим путем проходить могли, а особливо во время войны, естьли бы паче чаяния означенные крепости с моря Турецким флотом окружены были; в крепости же Ор-Капы для того чтоб в случае в Крыму замешателств Российские войска туда во всякое время входить могли, одним словом можно сказать, что кто означенных крепостей ключи в своих руках иметь будет, тот и прямым обладателем всего Крыма почитать себя может.

[1] А Россия от моря Балтийскаго до Босфора Циммерийскаго (прим. подлинника).

[2] От реки Днепра, даже до Камчатки (прим. подлинника).

2-е

Во что бы ни стало завести флот при Устье Днепра, которой бы завсегда был в готовности прикрывать и защищать Крым в случае внезапного на оной с Турецкой стороны морем нападения; в сем случае также безмерно полезно было бы иметь в своих руках и Очаков, чем останется Крым почти со всех сторон от Турецкой области отрезанным, да и торговле нашей чрез то на Черном море самые натуралные ворота отворятся, и она освободится тем навсегда тяжких оных оков, в коих ее Отоманская порта поныне содержит.

3-е

Живущим в Крыму Татарам чтоб те которые из них не хотят быть волными и ни от кого независимыми не нынешнему Хану послушными, вышли бы из Крыма вон, и пошли жить куда хотят, ибо полезнее будет для самого хана иметь хоть несколко меншее число подданных, но верных и ему послушных, нежели бунтовщиков, от коих он должен находиться во всегдашнем страхе и опасности.

4-е

Понеже горделивая Порта не хощет признавать нынешнего хана в сем его достоинства и Султан в чине неправилно присвоеннаго себе Калифства не толко не хощет дать ему на то жалованной своей грамоты, но еще и предал его проклятию, в таком случае надлежит привести хана к тому, чтоб он сам себя объявил Калифом или по крайней мере Емиром аль-мумени, как-то назывался второй после Махомеда Калиф Омар, и потом по примеру его прочие Мусулманские Государи а именно Араткие султаны, владеющие Египтом и Гишпаниею, а хотя отоманская Порта и старается уверить, что махометанской закон недозволяет иметь вдруг двух Калифов, то против того нам по истории доволно известно, что не толко по два, но и по три бывало Калифа в одно время, а естли мы прямо рассмотрим Карасуйской трактат, то во 2-й онаго артикуле уже и сами татары в хане своем действително признали оную в духовных делах верховную власть, где именно изображено, что верховное и нижнее началство то есть все в обще законы и обряды в самовластном крымском хане быть имеют. Но как Султан сидя в своей серале предал нынешнего Хана, яко схизматика, вечному проклятию, в таком случае и Хан непременно должен у себя в Бакши Сарае предать проклятию самого Султана, как то учинила славная Аглицкая королева Елисавета; она услыша, что Папа Пий пятой предал ее у себя в Риме проклятию и на всю Аглицкую землю положил запрещение за отделение их от Римской церкви, тот час приказала в Лондоне с такою же церемониею проклясть самаго того Папу, одним словом есть ли прилежнее поискать способов то может быть найдутся и такие, посредством которых можно между Татарами и Турками ввести еще и наиболшей в духовных делах раскол, нежели какой ныне находится между калвинами и католиками, и чрез то разделить их между собой навеки. Коликую ж из этого Россия получит себе ползу, оное не требует нужды здесь много доказывать.

5-е

Под предлогом подкрепления нынешнего Хана на его Ханстве стараться сколко можно более внедриться в Крым и утвердить там свою ногу, так чтобы в случае смерти сего Хана оной полуостров навеки под скипетром Российским

мог остаться, к чему при самом малом числе войска посредством употребленной благоразумной политики весма легко достигнуть можно. Разсматривая нынешнее политическое между Россией и Крымом положение примечается весма достойное любопытства, каким образом течение человеческих дел сего света разных мест и времен часто между собой сходствуют; кто бы мог себе прежде представить, чтобы тож самое ныне с Крымом случилось, что делалось с Казанею двести пятдесят лет тому назад, когда Всероссийский Великий Князь Василей Иванович, зделал Казанским царем Шигалея, а потом Яналея, невзирая на все в том от стороны Татар сопротивления и измены, равным образом да еще и с наиболшею славою ныне всеавгустейшая наша Монархиня Великая Екатерина в глазах целаго света и вопреки противящейся тому всеми силами Отоманской Порты и вечно непостоянных Татар зделала Крымским Ханом точно того кого сама предназначить соизволила, но как в тогдашнее время чрез постановление на Казань Российскими государями царей отворился России путь к совершенному и всего казанскаго царства покорению и кто ж и ныне может усумниться чтоб и сия первончальная над Крымом поверхность тоже самое нам вскоре видеть не предвешала.

6-е

Татарские орды обитающие ныне в Крыму, на Кубани и в Кавказских горах всячески стараться до совершенного соединения между собой не допускать, а держать их во всегдашнем разделении посевая в них взаимную антипатию и несогласие, подкрепляя при случае то одну сторону, то другую, смотря по надобности наших интересов, ибо прямое и главнейшее в политике искуство состоит в том чтобы во управлении Государственных делах достигать своего предмета самыми кратчайшими и легчайшими стезями и притом еще всячески избегая напраснаго пролития человеческой крови, и чрез то Россия непременно над всеми Татарами завсегда пребудет торжествующей.

Источник: ИТУАК, 1919. № 56.

Текст IV
Карасубазарский мирный договор 1773 г.

Мирный и союзный трактат между Российской Империею и Ханством Крымским

Да будет всем известно: бывшее Крымского полуострова и всех прилежащих ко оному Татарских народов Порте Оттоманской подвержение, как несвойственное и совсем предосудительное для сих народов, служило всегда к Нашему сожалению; почему, обратя Мы победоносное Наше оружие на Крым, по случаю происшедшей между Нашею Всероссийскою Империею и Портою войны, не искали мстить Татарам за нарушение мира сею державою; поелику оная, превозмогши над ними в продолжение времени властию своею, употребляла их в произведении своих намерений против собственной их воли и пользы; но охотно подали им напротив того способы постановить себя на степень свободной и ни от кого независимой области, правимой собственным своим верховным

начальством в лице Хана Крымского, в которое достоинство, по такой благополучной Татарских народов перемене их жребия, будучи избран добровольным соглашением, и по праву породы и наследства, Светлейший и Славнейший Сагиб-Гирей, сын Ахмет-Гирей Султана, торжественным признан от Нас образом в качестве независимого владетеля над свободною Татарскою областью, учиненным к Его Светлости и к сей области отправлением Нашего Полномочного, войск Наших Генерал-Поручика, Лейб-Гвардии Майора и Кавалера Щербинина; сверх того распространяя Мы оказанное с Монаршей Нашей стороны Татарским народам благодеяние и на все веки будущие и чтоб всегда могли они пользоваться защищением Нашим и преемников Наших на Российском Императорском Престоле, при обстоятельствах, того требовать имеющих, восхотели Его Светлости Хану Крымскому и всему Татарскому обществу, через помянутого же Нашего Полномочного, предложить и о заключении с Нами формального трактата и дружбы, определяющего со всею точностью и самые средства и действия способствования, какое от Нашей Империи Крымскому полуострову и Татарским народам на будущее время иметь нужным и полезным остаётся, для вечного охранения доставленного им трудами и подвигами Нашими вольности и настоящего независимого состояния.

Нижеследующий договор, совершенный и заключенный с Нашей стороны через вышеозначенного Генерал-Поручика, Лейб-Гвардии Майора и Кавалера Евдокима Щербинина, по силе данной ему от Нас полной мочи, а с стороны свободной и независимой области Татарской через Светлейшего и Славнейшего Сагиб-Гирея Хана Крымского; купно с уполномоченным от Крымского и Ногайского обществ, а именно: От первого с Ширин-Беем, Джаин-Гиреем, Великим Агою Бегадир-Агою, и Манджурского поколения с Шагпаз-Беем и Измаил-Беем Аргиным, а от Нагайского общества от Эдишкульской Орды с Карашаг-Мурзою, от Эдисанской с Темир-Шах-Мурзою, от Буджакской с Катир-Шах-Мурзою; а от Джембуйлуцкой с Эль-Мурзах-Мурзою, есть справедливое уважение Нашего о Татарских народов неутомленного попечения, Начальством сих народов, по собственного оного удостоверению, полезным признаваемого и таким и явно подтверждаемого; а в прочем сей договор, составляющий существенно и в самом деле меры нужные к прочной безопасности Крымского полуострова, и к утверждению истинной дружбы между Всероссийскою Империею и областью Татарскою, кои как избраны, так и назначены согласно по предшествовавшем взаимном и с доверенностью рассмотрении, от слова дол слова гласит тако:

Во имя Господа Бога Создателя неба и земли
И всяких благ Источника.

Когда открылась война настоящая, Ее Императорское Величество Самодержица Всероссийская, восприяв дарованное Ее Величеству от Всевышнего оружие на отражение неприятеля, тем одним удовольствоваться не изволила; но человеколюбивое сей Монархини сердце подвиглось в тож время употребить способы к избавлению Крымского полуострова и всех Татарских народов, и от поносного порабощения, в какое они коварством и насильством низвержены были.

Благодарение Всевышнему на всякое время! Теперь все Крыму принадлежащие Татарские народы, получа древнюю свою вольность и независимость,

составляют уже особливую область под собственным своим Правительством. Благополучие, которое при Божьем покровительстве произошло единственно от великодушного Ее Императорского Величества пособия, но чтоб оное в роды и роды вечно осталось безвредно, твердо и прочно, и новая Татарская область время от времени в лучшее установление приходить могла, Ее Императорское Величество дозволяя ей свое покровительство и ручательство в охранении и защищении всех Татарских оную составляющих народов в настоящем их состоянии, кроме собственного своего Верховного Правительства, ни от кого независимом, соизволит отправить в Крым к Сиятельнейшему Хану Крымскому Сагиб-Гирею, избранному в сие достоинство по праву породы и наследства, и к прочим Крымским и Татарским Начальникам, Полномочным своим Генерал-Поручика, Гвардии Майора и Кавалера Евдокима Щербинина для постановления с Его Светлостью Ханом и вообще всей Татарской области с Именитыми Начальниками формального трактата, которым бы точнее определено было взаимство дружбы и союза между Всероссийскою Империею и Татарскою областью, чему и с своей стороны Светлейший Хан, с чинами Правительства Крымского и Ногайского общества уполномочными, а именно Ширин-Беем, Джаин-Гиреем, Великим Агою, Манджурского поколения Шагпаз-Беем, Измаил-Беем Аргиным, Эдичкульской орды Карашаг-Мурзою, Эдискульской Темир-Шаг-Мурзою, Буджакской Катир-Шаг-Мурзою, Джамбуйлуцкой Эль-Мурзах-Мурзою, с должным признанием и благодарностью соответствуя, с помянутым Генерал-Поручиком Щербининым по взаимным изъяснениям согласились и на мере постановили следующие условия:

1) Союз, дружба и доверенность пребудет вечно между Всероссийскою Империею и Татарскою областью без притеснения вер, законов и вольности.

2) Сей Татарской вольной области верховное и нижнее начальство, то есть, все вообще законы и обряды в самовластном Крымском Хане быть имеют; избрание ж и постановление на предбудущие времена в Ханы зависит от общего согласия сей области, в которое, как и во все вышесказанное в сем пункте, ни Российская Империя, ни Оттоманская Порта, и прочие посторонние никто и ни один ни в чем вмешиваться да не имеют, но по избрании и постановлении Хана доносимо будет Высочайшему Российскому Двору.

3) До войны настоящей бывшие под властью Крымского Хана, все Татарские и Черкесские народы, Таманцы и Некрасовцы, попрежнему быть имеют во власти Хана Крымского; большая же и малая Кабарды состоят в подданстве Российской Империи.

4) От Крымской области Российской Империи в помощь себе войск не требовать, равно Крымские и Татарские войски противу России никому ни в чем и ни под каким претекстом вспомоществовать не имеют.

5) Ее Императорское Величество за себя и за своих Всероссийского Престола преемников обещает Татарскую область сохранять и защищать от всех вышеозначенных ее правах и начальных положениях.

6) Пока настоящая война между Всероссийскою Империею и Портою Оттоманскою продолжается, резоны военные требуют, чтобы укрепленные Крымские места заняты были Российскими Императорскими войсками, но при всем том возможное старание употребится, чтоб сие обстоятельство ни в малейшую не было тягость Крымским обывателям.

7) Как натуральное положение Крыма подвержено и всегда незапным неприязненным нападениям, а Российские силы по заключению с Портой Оттоманскою мира возвратясь в свои границы, великим расстоянием отдалены будут от сего полуострова: то дабы во всегдашнее время со стороны Всероссийской Империи надежные способы предоставлялись, принимаемое торжественнейшим образом ручательство вольности и независимости Крымской и всех Татар, составляющих ныне свободную область под собственным своим Верховным Правительством, действительно исполнить поданием в нужных случаях немедленной помощи и защищения; в сем уважении содержаны да будут навсегда Российскою Империею крепости Яниколь и Керчь, на берегу пролива из Азовского в Черное море лежащие, с гаваньми и с околичною землею, то есть, начав от Чернорго моря по старой Керченской границе до урочища Бугак, а от Бугака прямою линиею на Север в Азовское море, оставляя в границах к Керчи и Яниколю все источники, довольствующие сии крепости пресною водою, чтоб в тех крепостях запасное войско и суда находиться могли для стражи и отвращения всяких противных на Крымский полуостров покушений; но только для коммуникации с живущими на Кубанской стороне народами иметь Крымцам при Яниколе на собственных своих судах перевоз у особой пристани; равно в Яникольском и Керченском проливе ловить рыбу Российским и Крымским людям беспрепятственно, исключая те места, кои заняты будут Российскою флотилиею.

8) Кроме крепостей Яниколя и Керчи, о коих выше упомянуто в 7-м пункте, прочие все Крымские какого бы названия и имени ни были крепости с пристаньми, гаваньми, жилищами, со всеми в оных жителями, доходами и соляными озерами в ведомстве и распоряжении Светлейшего Хана и Крымского Правительства быть имеют, в которых, по заключении с Портою мира, Российские войски пребывания иметь не будут, равно и за Перекопом Крымская степь по границы Российской Империи бывшие до настоящей войны, то есть, начиная от вершин речек Берд и Конских вод до устья оных, попрежнему во владении Крымских жителей оставаться имеет.

9) Ногайской и Буджатской Ордам остаться навсегда обитать на Кубанской стороне под властью Его Светлдости Хана, состоя по древним их правам, обрядам и обычаям на основании сего трактата и первоначальных их с Россией положений.

10) Подданные Ее Императорского Величества, которые найтись могут в Крыму и у Татарских народов в плену и в неволе, да будут вследствие союза и дружбы без всякого выкупа возвращены и впредь возвращаемы, и если кто по самоизвольному желанию примет Магометанский закон, то для удостоверения о том чрез словесное их объявление разбираны будут Российским Резидентом, равно как и с Высочайшей Ее Императорского Величества стороны Крымские, Ногайские и Буджацкие пленники, также возвращаемы быть имеют.

11) Все другие в Крыму и в Татарских Ордах невольники не подданные Российские, хотя б они и Христианского закона были, когда прибегнут к Российским войскам и к местам оными содержимыми, приемлемы быть не имеют, но назад отсылаемы, а могут только по добровольному соглашению с хозяевами выкупаемы быть.

12) Дозволяется взаимная торговля Российским подданным в Крыму, а Крымским в Российских местах со всею безопасностью и выгодностями, какие другие дружественные народы имеют, но с платежом только по купеческим установлениям надлежащей пошлины.

13) Ее Императорское Величество в вящее засвидетельствование своего к Светлейшему Хану Крымскому уважения и доброжелательства, и в поспешествование взаимной дружбы, соизволяет содержать при Его Светлости своего резидующего Министра, а Его Светлость обещает всегда и при всяких обстоятельствах сохранить в рассуждении его и всех при нем быть имеющих народные права, не дозволяя и не допуская никого, чтоб ему и людям его малейшее оскорбление учинено было, в противном же случае все до него обидным образом касающиеся жестокому подвержены будут наказанию.

14) Сей трактат вечной дружбы и союза имеет быть от Ее Императорского Величества апробирован и ратификован, и ратификация письменная, коль скоро возможно, Его Светлости Хану и Крымского Правительства чинам доставлена будет.

В уверение того и Ее Императорского Величества Полномочный, подписав оной моею рукою, и утвердя моею печатью. Отдал Его Светлости Хану Крымскому Сагиб-Гирею и Полномочным, приняв от них единогласный экземпляр за подписанием и приложением их печатей.

Учинено в городе Карасу 1773 года Ноября 1 дня.

Мы, вышеозначенный трактат союза и дружбы, заключенный Нашим Полномочным с Светлейшим и Славнейшим Сагиб-Гиреем Ханом Крымским и с свободною Татарскою областью, под его Верховным началом состоящею, сим за благо приемлем и подтверждаем, обещая Нашим Императорским словом за себя и за Наследников Наших исполнять точно по силе и содержанию всех условий, в оном положенных. А для вящего уверения того, Мы сию Нашу Императорскую ратификацию собственноручно подписав, печатью Нашей Империи утвердить повелели.

Дана в Санктпетербурге Нашей резиденции, лета от Рождества Христова 1773 месяца Января 29 дня, а Государствования Нашего одиннадцатого года.

Источник: ПСЗ. Первое собрание. № 13.943.

Текст V

Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г.

Пункты вечного примирения и покоя между империями Всероссийскою и Портой Оттоманскою, заключенные в лагере при деревне Кючук-Кайнардже в четырёх часах от города Силистрии

Во имя Господа Всемогущего.

Обеих воюющих сторон империи Всероссийской и Порты Оттоманской государи и самодержцы, имея взаимное желание и склонность к прекращению

настоящей между обоюдными государствами их продолжающейся войны и к восстановлению мира через уполномачиваемых с обеих сторон поверенных особ, действительно определили и уполномочили к соглашению, постановлению, заключению и подписанию мирного трактата между обоюдными высокими империями: Ее Величество Императрица Всероссийская графа Петра Румянцова, генерала-фельдмаршала, предводящего армиею, малороссийского генерала губернатора, Коллегии Малороссийской президента и орденов Св. апостола Андрея, Св. Александра Невского и Св. Анны Кавалера; а Его Султаново Величество верховного Блистательной Порты везиря Муссун-заде Мегмет-пашу.

Посему оба главнокомандующие армиями, генерал-фельдмаршал граф Петр Румянцов и верховный везирь Мусун-заде Мегмет-паша, следуя предположениям их Высоких Дворов, употребили о том свои попечения, и от верховного везиря со стороны Блистательной Поты присланные 5 числа июля 1774 года в стан генерала фельдмаршала уполномоченные, нишанджи Ресми Ахмед-эфенди и Ибраим Мюниб реис-эфенди, с избранным и уполномоченным от упомянутого генерала фельдмаршала князем Николаем Репниным, генералом-поручиком орденов Св. Георгия Большого Креста, Александра Невского, польского Белого Орла и голландского Св. Анны кавалером, в присутствии его самого, генерала фельдмаршала графа Румянцова, согласили, постановили, заключили, подписали и печатьми утвердили для вечного мира между Империею Всероссийскою и Портою Оттоманскою нижеследующие артикулы:

Артикул первый

Отныне и завсегда да пресекаются и уничтожаются всякие неприятельские действа и вражда, между обоими странами происшедшие, и предаются вечному забвению всякие неприятельские действа и противности, оружием или другим подобием с одной или другой стороны предвосприятые, учиненные и произведенные, и никоим образом отмездия оным да не учинится, но вопреки, вместо того, да содержится вечный, постоянный и ненарушимый мир на сухом пути и на море. Равномерно ж да сохранится искреннее согласие, ненарушимая вечная дружба и наиприлежнейшее исполнение и содержание сих артикулов и соединение постановленных между обеими сими высококонтрактующими странами, Ее Всепресветлейшим Императорским Величеством и Его Султанским Величеством и их наследниками и потомками, также и между империями, владениями, землями и подданными, и обывателями обоих сторон; и так, что впредь с обоих сторон един против другого да не воздвигнет ни тайным, ни явным образом какового либо неприятельского действия или противности; а вследствие возобновляемой толь искренней дружбы дозволяют обе стороны взаимную амнистию и общее прощение всем тем подданным без всякого отличия, каким бы то образом то ни было, которые сделали какое либо против одной или другой стороны преступление, освобождая на галерах или в темницах находящихся, позволяя возвратиться как изгнанным, так и ссылочным, и обещая после мира возвратить оным все чести и имения, коими они прежде пользовались, не делая и не допуская прочих делать им какие либо ненаказуемые ругательствы, убытки или обиды, под каким бы претекстом то ни было, но чтобы каждый из них мог жить под охранением и покровительством законов и обычаев земли их равным образом с своими соотчичами.

Артикул второй

Если по заключении сего трактата и по размене ратификаций некоторые из подданных обеих Империй, учиня какое либо тяжкое преступление, преслушание, или измену, захотят укрыться или прибегнут к одной из двух сторон, таковые ни под каким претекстом не должны быть приняты, ниже охранены, но беспосредственно должны быть возвращены или по крайней мере выгнаны из области той державы, в коей они укрылись, дабы от подобных зловредников не могла причиниться или родиться какая либо остуда, или излишние между двумя Империями споры, исключая только тех, кои в Российской Империи приняли Христианский закон, а в Османской Империи приняли закон Магометанский. Равным образом, если некоторые из подданных обеих Империй как Христиане, так и Магометане, учиня какое либо преступление, или иное что, по какой бы то причине ни было, из одной Империи прибегнут в другую, таковые, когда будут требованы, беспосредственно должны быть возвращены.

Артикул третий

Все татарские народы: Крымские, Буджатские, Кубанские, Едисанцы, Жамбуйлуки и Едичкулы без изъятия от обеих Империй имеют быть признаны вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но пребывающими под самодержавною властью собственного их Хана Чингисского поколения, всем Татарским обществом избранного и возведенного, который да управляет ими по древним их законам и обычаям, не отдавая отчету ни в чем никакой посторонней державе; и для того ни Российский Двор, ни Оттоманская Порта не имеют вступаться как в избрание и возведение помянутого Хана, так и в домашние, политические, гражданские и внутренние их дела ни под каким видом, но признавать и почитать оную Татарскую нацию в политическом и гражданском состоянии, по примеру других держав, под собственным правлением своим состоящих, ни от кого, кроме единого Бога, не зависящих. В духовных же обрядах, как единоверные с мусульманами, в рассуждении Его Султанского Величества, яко Верховного Калифа Магометанского закона, имеют сообразоваться правилам, законом их предписанным, без малейшего предосуждения, однако ж утверждаемый для них политической и гражданской вольности. Российская Империя оставет сей Татарской нации, кроме крепостей Керчи и Еникуля с их уездами и пристаньми, которые Российская Империя за собой удерживает, все города, крепости, селении, земли и пристани в Крыму и на Кубани, оружием ее приобретенные; землю, лежащую междуреками Бердою, Конскими водами и Днепром, также всю землю до Польской границы, лежащую между реками Бугом и Днестром, исключая крепость Очаков с ее старым уездом, которая попрежнему за Блистательною Портою остается, и обещается по постановлении мирного трактата и по размене оного все войски вывесть из их владений. А Блистательная Порта взаимно обязывается равномерно отрещись от всякого права, какое бы оное быть не могло, на крепости, города и жилища и на все прочее в Крыму, на Кубане и на острове Тамани лежащее, в них гарнизонов и военных людей своих никаких не иметь, уступя оные области таким образом, как Российский Двор уступает, Татарам в полное самодержавное и независимое их владение и правление; також наиторжественнейшим образом Блистательная Порта обязывается

и обещает и впредь в помянутые города, крепости земли и жилища гарнизонов своих и всяких, какого бы звания ни были, своих людей военных в оные не вводить и там не содержать, ниже во внутри области сейменов или других военных людей, какого бы звания ни были, иметь, а оставить всех Татар в той же полной вольности и независимости, в каковых Российская Империя их оставляет.

Артикул четвёртый

С естественным всякой державы правом сходствует делать в собственных землях своих таковые распоряжения, каковые за благопристойные оными найдутся; вследствие чего предоставляется взаимно обеим Империям полная и беспредельная вольность строить вновь в областях и границах своих в таковых местах, каковые найдутся удобными, всякого рода крепости, города, жилища зданий и селении, равно как починять или поновлять старые крепости, города, жилища и прочее.

Артикул пятый

По заключении сего блаженного мира и по возобновлении соседственной искренней дружбы, Российский Императорский Двор будет всегда при Блистательной Порте иметь второго ранга министра, то есть посланника или полномочного министра, Блистательная же Порта употребит в рассуждении его характера все то внимание и уважение, которые наблюдаются к министрам отличнейших держав, и во всех публичных функциях помянутый министр должен следовать беспосредственно за Цесарским министром, если он в равном с ним характере; когда же другого, то есть, большего или меньшего, тогда беспосредственно должен он следовать за Голландским послом, а в небытность оного за Венецианским.

Артикул шестой

Если кто-нибудь из находящихся в действительной службе министра Российской Империи, во время его при Блистательной Порте пребывания, учиня какую-либо покражу, важное преступление или непристойное и наказание заслуживающее дело, для избежания помянутого наказания захочет сделаться Турком, таковой хотя и не должен быть отвергнут, однако по учинении ему достойного наказания, должно в целости возвратить покраденные вещи, сходственно с объявлением министра. Таковые же, которые захотят сделаться Магометанами в пьянстве, не должны быть в Магометанский закон приняты, разве по прошествии его пьянства, и когда память его придет в естественное свое состояние; но и тогда последнее его признание должно сделано быть в присутствии присланного от министра переводчика и нескольких беспристрастных Мусульманов.

Артикул седьмой

Блистательная Порта обещает твердую защиту Христианскому закону и церквам оного; равным образом дозволяет министрам Российского Императорского Двора делать по всем обстоятельствам в пользу как воздвигнутой в Константинополе упомянутой в 14-м артикуле церкви, так и служащих оной разные представления, и обещает принимать оные во уважания, яко чинимые доверенною особою соседственной и искренно-дружественной державы.

Артикул восьмой

Как духовным, так и светским Российской империи подданным да позволится свободно посещать святой град Иерусалим и другие места, посещения достойные, и от подобных странствующих и путешественников да не будут требованы ни в Иерусалиме, ни в других местах, ниже на пути от кого бы то ни было никакой харач, подать, дань или другие какие налоги, но сверх того да будут они снабжаемы надлежащими паспортами и указами, которые прочих дружественных держав подданным даются. Во время же пребывания их в Оттоманской Империи да не будет учинено им ни малейшей обиды, ниже оскорбления, но да будут они со всею строгостью законов защищаемы.

Артикул девятый

Переводчики, служащие при Российских министрах, в Константинополе находящихся, какой бы нации они ни были, поелику суть люди, в государственных делах упражняющиеся, следственно и обеим Империям служащие, должны быть уважаемы и трактуемы со всякою благосклонностью: в налагаемых же на них от начальников их делах не должны они терпеть.

Артикул десятый

Если между подписания сих мирных пунктов и получения о том от главнокомандующих взаимными армиями повелении произойдут где-либо каковы действия военные, оные никоторая сторона не примет себе за оскорбление, так, как и самые в том успехи и приобретения уничтожаются, и оными ни одна сторона пользоваться не должна.

Артикул одиннадцатый

Для выгодностей и пользы обеих Империй имеет быть вольное и беспрепятственное плавание купеческим кораблям, принадлежащим двум контрактующим державам, во всех морях, их земли омывающих, и Блистательная Порта позволяет таковым точно купеческим Российским кораблям, каковы другие государства в торгах в ее гаванях и везде употребляют, свободный проход из Черного моря в Белое, а из Белого в Черное, так, как и приставать ко всем гаваням и пристаням на берегах морей, и в проездах, или каналах, оные моря соединяющих, находящимся. Позволяет также Блистательная Порта в областях своим подданным Российской Империи иметь коммерцию как на сухом пути, так и на водах кораблеплаванием и в реке Дунае, сходственно вышеизображенному в сем артикуле, с такими ж преимуществами и выгодами, каковыми в владениях ее пользуются прочие народы, в наибольшей дружбе с нею пребывающие, и коим преимущество в коммерции Блистательная Порта благоприятствует, как то: Французы и Англичане, и капитуляции сих двух наций и прочих, яко бы слово до слова здесь внесены были, должны служить во всем и для всего правилом, равно как и для коммерции, так и для купцов Российских, кои платя с ними равные пошлины, могут привозить и отвозить всякие товары и приставать ко всяким пристаням и гаваням как на Черном, так и на других морях лежащим, включительно и Константинопольские.

Позволяя вышеописанным образом взаимным подданным коммерцию и кораблеплавание на всех водах без изъятия, позволяют тут же обе Империи купцам

пребывать в областях своих столько времени, сколько интересы их востребуют, и обещают им ту же безопасность и свободу, каковыми прочие дружественных Дворов подданные пользуются. А дабы во всем наблюдаем был добрый порядок, равным образом Блистательная Порта позволяет иметь пребывание консулам и вице-консулам, которых Российская Империя во всех тех местах, где они признаны будут надобными, назначить за благо рассудит, которые будут почитаемы и уважаемы в равенстве с прочими дружеских держав консулами. Дозволяет им также иметь при себе переводчиков, называемых баратлы, то-есть: патентованных, снабдя оных Императорскими патентами, и которые равным образом будут пользоваться теми же преимуществами, коими пользуются находящиеся в службе помянутых Французский и Английский и других наций.

Российская Империя дозволяет также подданным Блистательной Порты в областях своих коммерцию как на море, так и на сухом пути с теми же преимуществами и выгодами, каковыми пользуются народы, в наибольшей дружбе с нею находящиеся, с платежом обыкновенных пошлин. В несчастиях же, могущих случиться с судами, имеют обе Империи взаимно подавать им все те вспоможения, которые всем прочим дружественным народам в подобных случаях подаются, а нужные вещи будут им доставляемы за обыкновенную цену.

Артикул двенадцатый

Когда Российский Императорский Двор похочет сделать коммерческие трактаты с Африканскими, то-есть: Трипольским, Тунисским и Алжирским кантонами, Блистательная Порта обязывается употребить власть свою и кредит к приведению в совершенство помянутого Двора намерения и быть в рассуждении вышереченных кантонов ручательницею в наблюдении ими всех тех кондиций, которые в оных трактатах постановлены быть имеют.

Артикул тринадцатый

Блистательная Порта обещает употреблять священный титул Императрицы Всероссийской во всех актах и публичных грамотах, так, как и во всех прочих случаях, на турецком языке, то-есть: Темамен Руссиелерин Падышаг.

Артикул четырнадцатый

Российскому Высочайшему двору, по примеру других держав, позволяется, кроме домашней в доме министра церкви, воздвигнуть в части Галата в улице, Бей-оглу называемой, публичную грекороссийского исповедания церковь, которая всегда под протекциею оной Империи министров остаться имеет и никакому притеснению или оскорблению подвержена не будет.

Артикул пятнадцатый

Таковым образом, как определяются границы двух контрактующих Империй, хотя и есть причина полагать, что взаимные подданные не будут иметь более случая к важным между собою распрям и раздорам; со всем тем, на всякий нечаянный случай, для избежания всего того, что бы могло произвести некоторую остуду или причинить оскорбление, обе Империи соглашаются в том, что всякие подобные случаи должны быть рассматриваемы пограничными губернаторами и комендантами, или посредством нарочно назначенных для сего комиссаров, которые по пристойном рассмотрении, кому надлежит имеют отдать настоящую справедливость без малейшего времени отсрочки, с точным договором, что подобные происшествия никогда не могут служить претекстом к самомалейшему раздражению дружбы и доброго согласия, настоящим трактатом восстановленных.

Артикул шестнадцатый

Российская Империя возвращает Блистательной Порте всю Бессарабию с городами Аккерманом, Килиею, Измаилом и прочими, с слободами, деревнями, и всем тем, что оная провинция в себе содержит; равномерно возвращает ей крепость Бендеры. Возвращает также Российская Империя Блистательной Порте оба княжества, Волоское и Молдавское, со всеми крепостьми, городами, слободами и всем тем, что в оных находится; а Блистательная Порта приемлет оные на следующих кондициях, с торжественным обещанием свято соблюдать оные: 1. Наблюдать в рассуждении всех жителей сих княжеств, какого бы достоинства, степени, состояния, звания и рода они ни были, без малейшего исключения, полную амнистию и вечное забвение, постановленные в первом сего трактата артикуле, против всех тех, кои действительно преступили, или подозреваемы в намерении вредствовать интересам Блистательной Порты, восстановляя оных в прежние их достоинства, чины и владения, и возвратя им имения, коими они прежде настоящей войны пользовались. 2. Не препятствовать, каким бы то образом ни было, исповеданию Христианского закона, совершенно свободного, так, как созиданию церквей новых и поправлению старых, как то прежде сего уже было. 3. Возвратить монастырям и прочим партикулярным людям земли и владения, прежде сего им принадлежащие, и которые потом против всей справедливости были у них отняты около Браилова, Хотина, Бендер и прочих и ныне раями называемые. 4. Признавать и почитать духовенство с должным оному чину отличием. 5. Фамилиям, пожелающим оставить свое отечество и в другие места переселиться, позволить свободный выезд со всем их имением; а чтоб оные фамилии могли иметь удобность к распоряжению дел, дается им год времени для свободного из отечества переселения, считая со дня размены настоящего трактата. 6. Не требовать или не взимать никакой денежной или другой суммы за старые счеты, какого бы существа они ни были. 7. Не требовать от них никакой контрибуции или платежа за все военное время, а за многие их страдания и разорения, в течении сей войны ими претерпенные, и еще впредь на два года, считая со дня размены сего трактата. 8. По истечении помянутого времени обещает наблюдать всякое человеколюбие и великодушие в положении на них подати, состоящей в деньгах, и получать оную посредством присылаемых депутатов всякие два года. При таковом их наложенной на них подати точном платеже никто из пашей, из губернаторов, или какая бы то ни была особа, не имеют притеснять их или требовать от них какого либо платежа или других налогов под каким бы именованием, или претекстом то ни было, но дозволить им пользоваться теми же самыми выгодами, коими пользовались они во время царствования достойной памяти Султана Мегмета Четвертого, любезного родителя Его Султанова Величества. 9. Позволяет князьям сих двух княжеств каждому с своей стороны иметь при Блистательной Порте поверенного в делах из христиан греческого закона, которые будут бдеть о делах, до помянутых княжеств касающихся, и будут Блистательною Портою благосклонно трактованы

и в малости их почитаемы однако ж людьми, народным правом пользующимися, то есть никакому насилию не подверженными. 10. Соглашается также, чтоб по обстоятельствам обоих сих княжеств министры Российского Императорского Двора, при Блистательной Порте находящиеся, могли говорить в пользу сих двух княжеств, и обещает внимать оные с сходственным к дружеским и почтительным державам уважением.

Артикул семьнадцатый

Российская Империя возвращает Блистательной Порте все Архипелагские острова, под ее зависимостью находящиеся; а Блистательная Порта с своей стороны обещает: 1. Наблюдать свято в отношении жителей оных островов кондиции, в первом артикуле постановленные, касательно общей амнистии и совершенного забвения разного рода преступлений, учиненных или подозреваемых быть оными учиненными в предосуждение интересам Блистательной Порты. 2. Что Христианский закон не будет подвержен ни малейшему притеснению, так, как и церкви оного, ниже будет приятственно к перестроиванию или поправлению оных; люди же в ней служащие, равным образом не имеют быть оскорбляемы ниже притесняемы. 3. Что не будет требован от них платеж никакой подати, ежегодно ими платимой, со времени, как они находятся под зависимостью Российской Империи, по причине великого их претерпения в продолжении настоящей войны, впредь на два года, считая со времени возвращения оных островов ей, Блистательной Порте. 4. Фамилиям, пожелающим оставить свое отечество и в другие места переселиться, позволить спокойные выезд со всем их имением; а чтобы оные фамилии могли иметь удобность к распоряжению дел их, дается им год времени для сего свободного из отечества переселения, считая со дня размены настоящего трактата, и 5. В случае, когда Российский флот при самом его отъезде, что имеет учинено быть в три месяца, считая со дня размены настоящего трактата, будет иметь в чем нужду, Блистательная Порта обещает снабдить его всем тем, чем ей возможно будет.

Артикул восемьнадцатый

Замок Кинбурн, лежащий на устье реки Днепра, с довольным округом по левому берегу Днепра и с углом, который составляют степи, лежащие между рек Буга и Днепра, остается в полное, вечное и непрекословное владение Российской Империи.

Артикул девятнадцатый

Крепости: Еникале и Керчь, лежащие в полуострове Крымском, с их пристаньми и со всем в них находящимся, тож и с уездами, начиная от Черного моря и следуя древней Керченской границе до урочища Бугак и от Бугака по прямой линии кверху даже до Азовского моря, остаются в полное, вечное и непрекословное владение Российской Империи.

Артикул двадцатый

Город Азов с уездом его и с рубежами, показанными в инструментах, учиненных в 1700-м году, то есть: в 1113-м, между губернатором Толстым и Ачугским губернатором Гассаном пашою, вечно Российской Империи принадлежать имеет.

Артикул двадцать первый

Обе Кабарды, то есть Большая и Малая, по соседству с Татарами большую связь имеют с Ханами Крымскими, для чего принадлежность их Императорскому Российскому Двору должна предоставлена быть на волю Хана Крымского с советом его и с старшинами Татарскими.

Артикул двадцать второй

Обе Империи согласились вовсе уничтожить и предать вечному забвению все прежде бывшие между ними трактаты и конвенции, включительно Белградской с последующими за ними конвенциями и никогда никаких претензий на оных не основывать, исключая только в 1700-м году между губернатором Толстым и Ачугским губернатором Гассаном пашою касательно границ Азовского уезда и учреждения Кубанской границы учиненную конвенцию, которая останется непременною, так, как она была и прежде.

Артикул двадцать третий

В части Грузии и Мингрелии находящиеся крепости Богдадчик, Кутатись и Шегербан, Российским оружием завоёванные, будут Россиею признаны принадлежащими тем, кому они издревле принадлежали, так что ежели подлинно оные города издревле или с давнего времени были под владением Блистательной Порты, то будут признаны ей принадлежащими; а по размене настоящего трактата во условленное время Российские войски выйдут из помянутых провинций Грузии и Мингрелии. Блистательная же Порта с своей стороны обязывается, в сходственность с содержанием первого артикула, дозволить совершенную амнистию всем тем, которые в том крае в течение настоящей войны каким ни есть образом её оскорбили. Торжественно и навсегда отказывается она требовать дани отроками и отроковицами и всякого рода других податей; обязывается не почитать между ими никого за своих подданных, кроме тех, которые издревле ей принадлежали. Все замки и укрепленные места, бывшие у Грузинцов и Мингрельцов во владении, оставить паки под собственною их стражею и правлением, так, как и не притеснять никоим образом веру, монастыри и церкви и не препятствовать поправлению старых, созиданию новых, и да не будут притесняемы какими-либо требованиями от губернатора Чильдирского и от прочих начальников и офицеров к лишению их имений. Но как помянутые народы находятся подданными Блистательной Порты, то Российская Империя не имеет совсем впредь в оные вмешиваться, ниже притеснять их.

Артикул двадцать четвёртый

По подписании и подтверждении сих артикулов тотчас все находящиеся войски Российские на правой стороне Дуная в Болгарии в обратный путь выступят, и через месяц от подписания перейдут на левый берег Дуная; когда же все через Дунай переправятся, тогда отдадут Турецким войскам замок Гирсов, выступя из оного места по переходе всех Российских войск на левый берег Дуная. Потом испражняться станут в одно время Валахия и Бессарабия, на которое полагается два месяца времени; а по выступлении всех войск из оных провинций, оставятся Турецким войскам с одной стороны крепость Журжа и потом Браилов, а с другой крепость Измаил, крепости Килия, а потом Аккерман, выведя оттоль

Российские Императорские войски вслед за прежними. Всего же времени на испражнение вышепомянутых провинций полагается три месяца.

Наконец, из Молдавии Российские Императорские войски выступят потом через два месяца и перейдут на левую сторону Днестра; и тако испражнение всех вышепомянутых земель учинится через пять месяцев с вышеписанного подписания вечного примирения и покоя между двух контрактующих Империй. А когда все войски Российские перейдут на левую сторону Днестра, тогда оставятся войскам Турецким крепости Хотин и Бендеры, с тою однакож кондициею, что если тогда уже отданы будут Российской Империи в полное, вечное и непрекословное владение замок Кинбурн с его положенным округом и с степью между Днепра и Буга, как гласит 18-й артикул пунктов вечного примирения и покоя между двумя Империями. Что ж касается до Архипелагских островов, то оные Российским Императорским флотом и войсками оставлены будут по-прежнему в неоспоримое владение Оттоманской Порте, как только скоро домашние распорядки и учреждении того Российского Императорского флота позволят, понеже здесь тому точного времени определить не можно. А Блистательная Порта Оттоманская, для скорейшего того флота оттоль отбытия, всем нужным для него, как уже дружественная держава, обязуется, чем ей возможно будет, снабдить оной.

Доколе Российские Императорские войски пребудут в отдаваемых Блистательной Порте провинциях, правление и порядок в оных имеют остаться так власно, как в настоящее время суть оные под обладанием их, и Порта на то время и до сроку выхода всех войск вступаться в оные не имеет. Российские войски в сих землях, до последнего дня своего выступления, получать будут всякие потребные себе вещи и снабдения питательными и прочими припасами. Равным образом как и ныне то им доставляется.

Не прежде войскам Блистательной Порты вступить в отдаваемые крепости и не прежде оной власть свою внесть и коснуться отдаваемых земель, как об оставлении каждой из оных Российскими войсками командир оных уже уведомит определенную к тому начальствующую особу со сторонв Порты Оттоманской.

Магазины свои питательные и военные в крепостях, городах и где оные ни есть, Российские войски испражнять могут как хотят, а оставят только в крепостях, отдаваемых Блистательной Порте, одну турецкую артиллерию, сколько ныне оной находится в них. Жители всякого рода и звания всех земель, возвращаемых Блистательной Порте, вступившие в службу Императорскую Российскую и кои токмо пожелают сверх данного им годового срока в артикулах мирных договоров 16 и 17, могут с своим семейством и с своим имением купно с Российскими войсками отойти и переселяться, что им Блистательная Порта по силе установлений в вышеименованных артикулах и тогда и во весь годовой срок обязывается никоим образом не возбранять.

Артикул двадцать пятый

Все военнопленники и невольники мужского или женского рода, какого бы достоинства или степени ни нашлись в обеих Империях, исключая тех, кои из Магометанян в Империи Российской добровольно приняли закон Христианский, а Христиане, кои в Оттоманской Империи добровольно ж закон Магометанский, по размене ратификации сего трактата, беспосредственно и без всякого претекста взаимно должны быть освобождены, возвращены и препоручены без всякого выкупу или платежа, так, как и все прочие в неволю попавшиеся Христиане, то есть: Поляки, Молдавцы, Волохи, Пелопонесцы, островские жители и Грузинцы, все без малейшего изъятия, равномерно ж без выкупу или платежа должны быть освобождены. Равным же образом должны быть возвращены и препоручены все те Российские подданные, которые по какому либо случаю, по заключении сего блаженного мира, попались бы в неволю и нашлися в Оттоманской Империи; что самое чинить обещает взаимно и Российская Империя против Оттоманской Порты и ее подданных.

Артикул двадцать шестой

По получении отсель известия о подписании сих пунктов, командующему Российскою армиею в Крыму и губернатору Очаковскому тотчас обослаться между собою и в два месяца от подписания сего выслать взаимных доверенных людей для отдачи и принятия замка Кинбурна с степью, как определено в предыдущем 18 артикуле, что и исполнить в четыре месяца от подписания сего трактата конечно то точно исполнено и кончено было, а если можно и скорее. О исполнении ж тот час дать знать Их Сиятельствам господам генерал-фельдмаршалу и Верховному везирю.

Артикул двадцать седьмой

Но дабы тем наивяще между обоих Империй настоящий мир и истинная дружба заключены и утверждены были, торжественно от обоих сторон будут отправлены чрезвычайные послы с подтверждающими заключенный мирный трактат Императорскими ратификациями, в то время, которое с общего обоих дворов согласия назначено будет. Оба послы равным образом встретятся на границах и будут приняты и почтены теми же обрядами и тем же образом, каковые употребляются при взаимных посольствах между наиболее почтительными Европейскими с Оттоманскою Портою державами. В знак же дружества взаимно и оными послами имеют быть посланы подарки, с достоинством Их Императорских Величеств сходственные.

Артикул двадцать восьмой

По подписании сих артикулов вечного мира вышеименованными генерал-поручиком князем Репниным и Блистательной Порты нишанджи Ресми Ахмед-эфенди и Ибраим Мюнид реисом-эфенди, должны престать военные действия в главных армиях и во всех отделенных частях войск взаимных на сухом пути и на водах, с получением о сем от главнокомандующих взаимными армиями повелений. И для того, от упомянутых генерал-фельдмаршала и Верховного везиря имеют быть тотчас посланы куриеры: в Архипелаг, во флот, стоящий в Черном море против Крыма, и в другие места, где военные действия настоят, с той и другой стороны, чтобы по силе заключенного мира прекратились везде неприязнь и всякие действия оружия, а куриеров сих снабдить повелениями от генерала фельдмаршала и от Верховного везиря так, чтобы российский куриер, буде приедет скорее к начальнику своей стороны, мог через него турецкому доставить повеление Верховного везиря; а когда куриер Верховного везиря прежде поспеет,

то Турецкий начальник доставил бы повеление фельдмаршальское начальнику Российскому.

А как договоры и постановление сего заключенного мира от Государей взаимных Империй возложены на главных командиров их армий, то есть фельдмаршала графа Петра Румянцова и Верховного Блистательной Портиы везиря Муссун-заде Мегмет-пашу; то им фельдмаршалу и Верховному везирю все вышеписанные артикулы вечного мира, как они в сем акте изложены, так власно, как бы оные сделаны были в личном их обоих присутствии, утвердить, в силу полномочия, каждому из них от своего Государя данного, своими подписями и печатьми, и все в оных поставленное, обещанное твердо и непоколебимо содержать и точно исполнять, и ничего в противность тому не чинить и не допущать, чтобы от кого-либо учинилось. И ими подписанные и печатьми их утвержденные экземпляры, сему равногласные, Ваерховного везиря на Турецком и Италианском языках, а от генерал-фельдмаршала на Российском и Италианском языках, равно и полномочия от Государей им данные, через сих же вышеименованных особ, кои от стороны Блистательной Порты к генералу фельдмаршалу присланы, разменять взаимно, от подписания сего в пять дней непременно, а ежели можно и скорея, предопределяя им оные от генерала фельдмаршала графа Румянцова тогда принять, сколь скоро от Верховного везиря таковые ж предъявит полученными.

В лагере при деревне Кючук-Кайнардже июля 10 дня 1774 года.

Подлинный подписан тако: Николай Репнин. Внизу под сими артикулами утверждение оных от генерала фельдмаршала написано следующим изражением:

Сии вечного мира вышеписанные пункты в двадцати восьми артикулах между Пресветлейшею Империею Всероссийскою и Блистательною Портою Оттоманскою подписанные руками и укрепленные печатьми полномочных от обоих высоких сторон при деревне Кючук-Кайнардже, с Российской генерал поручиком князем Репниным, а с Оттоманской нишанджи Ресми Ахмедом-эфенди и Ибраимом Мюнибом реисом-эфенди, я, данной мне полною мочью Е. И. В. Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой и Всемилостивейшей моей Государыни, принимаю, признаваю, и во верность своеручною подписью и приложением герба моей печати утверждаю.

В лагере при деревне Кючук-Кайнардже июля пятого на десять числа тысяча семьсот семьдесят четвертого года.

Оригинал подписан тако: генерал-фельдмаршал граф Румянцов.

Сепаратный артикул

Хотя в 17 артикуле в подписанном сего числа мирном трактате назначено, чтобы через три месяца времени флот Императорский Российский испражнил Архипелагские острова: но как в 24-м артикуле того ж трактата изъяснено, что невозможно в таком отдалении точно назначить оного времени, согласились мы держаться того последнего артикула. Вследствие чего здесь и повторяем, чтобы тот Российский Императорский флот сколь возможно скорее Архипелагу испражнил, не определяя тому точного времени, а для скорейшего оному исполнения. Блистательная Оттоманская Порта снабдит его всем нужным ему для пути, поколику ей то будет возможно. Сей же сепаратный артикул получит свою ратификацию вместе со всем трактатом, и даем мы ему ту же силу и твердость, как бы

он слово от слова в ныне подписанный трактат внесен был. В верность чего мы его своеручно подписали и утвердили приложением наших печатей при деревне Кючук-Кайнардже июля 10 дня 1774 года.

Сей сепаратный артикул, постановленный при заключении вечного мира между Пресветлейшею Империею Российскою и Блистательною Портою Оттоманскою, подписанный и т. д.

Сепаратный артикул

Сим сепаратным артикулом постановляется и утверждается, чтобы Блистательная Порта Оттоманская Российской Империи за убытки военные в три года времени и три срока заплатила пятнадцать тысяч мешков, которые учинят семь миллионов пятьсот тысяч пиастров, а на российскую монету сделают сумму четыре миллиона пятьсот тысяч рублей. Первый срок сему полагается первого января 1775 года, второй первого января 1776 года, а третий первого января 1777 года. В каждый же сей срок по 5000 мешков плачено будет от Блистательной Порты Оттоманской Российскому министру, аккредитованному при ней Блистательной Порте; если бы Российская Империя пожелала в сем еще каких других верностей, то Порта Оттоманская в том ее удовольствует, в чем свято обязуеутся. Сей же сепаратный артикул получит свою ратификацию вместе со всем сего числа подписанным трактатом, и даем мы ему ту ж силу и твердость, как бы он слово от слова внесен был в помянутый трактат.

В верность чего мы оный своеручно подписали и утвердили приложением наших печатей.

В лагере при деревне Кючук-Кайнардже июля 10-го дня 1774 года.

Источник: ПСЗ. Первое собрание. № 14.146.

Текст VI

Айналы-Кавакская конвенция 10 марта 1779 г.

Во имя Господа Всемогущего.

От заключения при урочище Кайнардже в 10 день июля месяца 1774, а эжиры 1188 года, вечного мира трактата между Империею Всероссийскою и Блистательною Портою Оттоманскою произошли по некоторым статьям оного, а особливо по новости преобразования Крымских и всех прочих Татар в область вольную, независимую и никому, кроме единого Бога, неподсудную, разные недоразумения и распри, кои доходили до края лишать взаимных подданных пользоваться плодами мира, то есть добрым согласием и безопасностью. Для пресечения и отвращения таких оскорбительных неудобств, от коих могла бы воспоследовать ссора и явные неприятельства между обоими Империями, согласились оные взаимно и дружелюбно способом уполномоченных министров начать в Константинополе новую негоциацию с чистосердечным намерением изъясниться между собою и истолковать все сомнительства без повреждения, а тем менее нарушения,

вышереченного Кайнарджийского трактата. К чему Ее Императорское Величество, Всепресветлейшая Самодержица Всероссийская, изволила с своей стороны избрать и уполномочить высоко и благоурожденного Александра Стахиева, своего статского советника, чрезвычайного Блистательной Порте резидующего и Кавалера Королевско-Польского ордена Святого Станислава; а Блистательная Порта своего бывшаго реиса-эфендия и дефтер-эминия, а нынешнего нишанджия, высокопочтенного Абдул-Резак-эфендия Багир, кои взаимные министры, по предъявлению друг друго своих в исправной форме найденных полных мочей и по размене их на обе стороны, согласились между собою, постановили, заключили, подписали и печатьми утвердили новую изъяснительную конвенцию, следующего содержания:

Арт. I. Заключенный при Кайнардже вечного мира трактат подтверждается во всей его силе и во всех его артикулах без изъятия по словесному каждого разумению, подобно, как бы оный здесь от слова до слова полным содержанием внесен был, исключая только те части и артикулы его, кои в последующей сей конвенции артикулах именно и точно оговорены или объяснены; вследствие чего мир, дружба, согласие и доброе соседство между обеими Империями имеют пребыть вечно без всякого прикосновения и повреждения, обязываясь свято и торжественно обе Империи одна другой смотреть и блюсти того и за своими подданными, дабы от них чего предосудительного сему священному условию случиться не могло.

Арт. II. В объяснение и дополнение третьего артикула в Кайнарджийском вечного мира трактате Всероссийская Империя по своей с блистательною Портою дружбе и в угодность ей соглашается, чтобы ханы Татарские, по избрании и возведении их на ханство, целым обществом народа своего как от себя, так и от подвластной им области присылали к ней депутатов с магзарами в приличных терминах, по установленной ныне единожды навсегда примерной форме, с торжественным признанием в особе Султанской верховного калифейства Магометанской веры, а потому и с прошением духовного его благословения как Хану, так и всей нации Татарской через присылку к ним таких благословительных грамот, каковые свойственны быть могут для области вольной и независимой, а притом единоверной с Турками. Равным образом обещает Российский Императорский Двор из такого же побуждения дружбы и снисхождения к Блистательной Порте Оттоманской не прекословить и не противиться всему тому, что необходимо нужно или свойственно быть может их единоверию, а Блистательная Порта с своей стороны обязуется и обещает торжественно:

1. Отнюдь никак и ни в чем под предлогом духовной связи и инфлюенции не касаться гражданской и политической власти Татарских ханов в принадлежащем им качестве светского никакой на свете державе не подсудного Государя.

2. Давать с стороны Султана, яко верховного калифа Магометанской религии, на лицо всякого Татарским обществом при случае законной ваканции добровольно избранного и возведенного Хана, без малейшего затруднения и отговорки благословительную грамоту.

3. Не отменять в оных благословительных грамотах ни единого слова, которая ныне на образец последующих поставлена.

4. Блистательная Порта, отрекшись уже в Кайнарджийском мирном трактате от всех своих мирских прав на все орды, роды и племена Татарские в сей конвенции вновь обязуется оных никогда и ни под каким предлогом не возобновлять, но признавать Татар вольною и независимою нациею по третьему артикулу того трактата, который сверх новых сей новой статьи положений долженствует почитаться здесь от слова до слова повторенным; и наконец

5. Обе Высокие Империи взаимно обязуются не принимать никаких мер без предварительного и полюбовного между собою соглашения в случае какого внезапного в сей конвенции не предусмотренного приключения относительно Татар.

Артикул III. Сколь скоро достигнет совершенства своего постановлением формального акта описанное в предыдущем втором артикуле соглашение между Блистательной Портой Оттоманской с одной стороны, а правительством Татарским с другой, о форме известительных их магзаров к ней и благословительных им напротив того грамот от Султана при всяком выборе нового Хана; а притом еще о тех духовных обрядах, кои нация Татарская впредь по закону Магометанскому у себя хранить и соблюдать долженствует относительно духовной с Портою связи по калифству; то, по учинении Татарам от обеих Империй единогласных торжественных деклараций, кои нижеподписавшимися в настоящем инструменте полномочными обеих Империй особо соглашены, подписаны и печатьми их утверждены для точного на будущие времена самим Татарам определения образа и существа вольности и независимости их, обещает Российский Императорский Двор вывесть беспосредственно все свои войска из Крыма и Тамана в три месяца, а из Кубани, по причине отдаленности, в три месяца и 25 дней, не позже, и скорее, ежели возможно, от дня подписания сей конвенции, и не вводить их туда вновь ни под каким видом; равно как и Блистательная Порта ей то же самое с своей стороны не меньше обязательным образом обещает.

Арт. IV. Сколь скоро получит Блистательная Порта от Крымского правительства подлинное известие о действительном переходе российских войск за Орскую линию, и сколь скоро опять представятся ей с стороны Шагин-Гирей-хана и подвластной ему области новые депутаты и новые магзары по установленной форме, тогда Его Величество Султан, вследствие предварительного своего на письме Российскому Императорскому Двору данного обещания, изволит признать Ханом Шагин-Гирея и снабдить его по условленной же форме благословительными грамотами, чем все Татарское толь заботливое дело к удовольствию обеих Империй счастливо кончено будет.

Арт. V. В доказательство того, что Всероссийский Императорский Двор не хочет отягощать Блистательную Порту заботливыми обстоятельствами, соглашается оный с своей стороны отрешись от учиненной Татарам уступки на земли между Днестром, Бугом, Польскою границею и Черным морем лежащие, кои она Очаковскою областью называет, однако же на следующих условиях:

1. Что Блистательная Порта с своей стороны с Ханом и правительством Крымским согласится и условится об уступке ей оных земель, присвоенных им третьим артикулом мирного трактата, а Российский Императорский Двор обещает употребить с доброю верою и рачением все свои пособия к приведению Хана и правительства на такую добровольную уступку, ласкаясь надеждою в том успеха, только бы Порта учинила им с своей стороны первое предложение, дабы инако Татарская независимость не получила вида нарушения при самом своем установлении.

2. Блистательная Порта для покоя трех тем землям пограничных держав обязуется и обещает, отделя из оных земель достаточную часть для составления Очаковского уезда, в прямой линии к ближним Турецким областям, оставить остальную часть оных под своим владением впусте без всяких населений и заведений, какого бы существа оные ни были, выключая деревни и селения, кои ныне там находятся и которых именную роспись, с означением числа и рода их жителей, Блистательная Порта выдаст Российскому Императорскому Двору, с обещанием не дозволять никаких новых там заведений, ниже допускать безместных бродяг там иметь свое прибежище; на соблюдение оных деревень и селений в нынешнем их состоянии Российский посланник соглашается только в уповании апробации своего Всевысочайшего Двора; и наконец

3. Для избежания всяких новых замешательств между обеими Империями Блистательная Порта обещает в удовлетворение второго артикула мирного трактата выдать Российскому Императорскому Двору перебежавших в ее области Запорожских казаков, ежели они похотят воспользоваться амнистиею, жалуемой им из единого беспримерного великодушия и человеколюбия Ее Императорского Величества, Всепресветлейшей и Всемилосерднейшей Самодержицы Всероссийской; а в противном случае Оттоманское правительство обязуется оных Запорожских казаков по сю сторону Дуная перевести и поселить внутри Турецких областей столь далеко, сколь возможно будет от Черного моря.

Арт. VI. Для отвращения на будущее время всяких недоразумений и распрей по пункту кораблеплавания сим изъясняется, что Блистательная Порта Оттоманская дозволяет свободный проход из Черного моря в Белое, а из Белого в Черное, таким точно торговым Российским судам, каковой меры, формы и величины употребляют в Константинополе и в других Оттоманских гаванях и пристанях другие народы, а особливо Французы и Англичане, как нации вящше ею фаворизуемые и самым мирным трактатом в пользу Российской торговли и навигации в пример поставленные. По верному осведомлению Французские и Английские купеческие корабли и суда, по Белому морю до Константинополя плавающие, носят груза до 16 000 килов или до 8000 кантарей, что на Российский вес делает 26 400 пудов, и так для установления единожды навсегда известной формы и величины Российским кораблям, определяется правилом вышеозначенный пример от меньшей до самой большой пропорции, а именно: от 1 000 до реченных 16 000 килов, или 8000 кантарей, которую меру и величину Всероссийский Императорский Двор из доброй воли и в доказательство прямого своего дружелюбия к Порте принимает и обещает именно указать своим

подданным купцам за оную впредь не переходить на своих в Турецкие порты посылаемых судах, на коих число пушек и корабельных служителей имеет быть такое, какое вышереченные две нации, Французская и Английская, употребляют. А употребление корабельных служителей из Турецких подданных на оных судах не инако, как в случае нужды и с ведома Блистательной порты дозволяется, что все и она с своей стороны перед Всероссийским Императорским Двором взаимно наблюдать обещает, так, как и исполнять свято и ненарушимо все другие свои обязательства, описанные в одиннадцатом артикуле Кайнарджийского трактата, а особливо не взыскивать с Российских подданных никакой излишней пошлины, перед двумя, поминаемыми Французской и Английской нациями. Для отвращения же всякого недоразумения по торговым обращениям между обеими Империями соглашенось с обеих сторон далее, изъясняясь, постановить особенную конвенцию на основании и сходственно с существительным содержанием Французских и Английских капитуляций свойственно существу Российской торговли.

Арт. VII. Как 16 артикул мирного трактата о княжествах Молдавском и Волошском относится на прошедшее время, то и востребовало настоящее некоторых в оном отмен; почему и соглашенось ныне вновь с стороны Блистательной Порты: 1. Не препятствовать каким бы то образом ни было, исповеданию Христианского закона совершенно свободно, так, как созиданию церквей новых и поправлению старых, по точному разумению вышереченного 16 артикула. 2. Возвратить монастырям и частным людям земли и владения, прежде сего им принадлежавшие, около Браилова, Хотина, Бендер и прочих мест, а ныне раями называемые, полагая такому возвращению срок с постановления Белградского трактата, от Рождества Христова в 1739, а эжиры в 1152 году, снисходя между тем, по ходатайству Российского Императорского Двора, на оставление в неприкосновенном владении в обеих княжествах лежащими имениями предков своих тех жителей, кои по доказательствам, во время его правления испытанным, восстановлены были в оное. 3. Признавать и почитать духовенство с должным оному чину отличием. 4. Наблюдать всякое человеколюбие и великодушие в положении на них подати, состоящей в деньгах, и получать оную посредством присылаемых всякие два года природных тамошних депутатов. При таковом их наложенной подати точном платеже никто из пашей, из губернаторов, или какая бы то ни была особа, не имеет притеснять их, или требовать от них какого-либо платежа или других налогов, под каким именованием или претекстом то ни было; и притом возобновить и хранить свято силу данных сим обеим княжествам для народного успокоения и безопасности от ныне царствующего Султана первых хатити-шерифов, по возвращении их в подданство Его Величества. 5. Иметь каждому княжеству в Константинополе своего поверенного в делах из христиан Греческого закона, которые будут Блистательной Портой благосклонно принимаемы и почитаемы народным правом пользующимися, то есть: никакому насилию и поруганию не подверженными; а с стороны Империи Всероссийской. 6. Выговоренное трактатом заступление при Блистательной Порте чрез министра ее употреблять единственно относительно сохранения святости выше описанных в сем самом артикуле кондиций.

Арт. VIII. Вместо возвращения Морейским жителям по мирному трактату прежних их имений и земель, кои после конфискации причислены были к мечетям, вакуфам и другим духовным фундациям, обещает Блистательнвя Порта учинить им справедливое удовлетворение другими землями или теми выгодами, их потере соразмерными. Российский Императорский двор, полагаясь на слово и обет ее, охотно на то с своей стороны соглашается.

Арт. IX. Сия конвенция, служа к дополнению и изъяснению мирного при Кайнардже заключенного трактата, имеет почитаема быть частию оного и сохранять вечно силу и обязательство свое для обеих Империй; для чего взаимные полномочные условились еще о утверждении ее торжественными ратификациями за собственноручным подписанием, как Ее Императорского Величества, Всепресветлейшей и Державнейшей Самодержицы Всероссийской, так и Его Величества Султана Турецкого, которые ратификации, состоящие в подобных таковым же прежним инструментам, имеют здесь в Константинополе разменены быть как можно скорее, а по крайней мере в четыре месяца от дня заключения сей конвенции, которую изготовя на обе стороны в двух равногласных экземплярах вышеименованные полномочные министры, для надлежащей достоверности, своеручно подписали и обыкновенными их печатьми укрепили в Константинополе.

Источник: ПСЗ. Первое собрание. № 14.851.

Текст VII

Манифест Екатерины II об аннексии Крыма в 1783 г.

Апреля 8.

Манифест
О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую Державу

В прошедшую с Портою Оттоманскою войну, когда силы и победы оружия Нашего давали Нам полное право оставить в пользу Нашу Крым, в руках Наших бывший, Мы сим и другими пространными завоеваниями жертвовали тогда возобновлению доброго согласия и дружбы с Портою Оттоманскою, преобразив на тот конец народы Татарские в область вольную и независимую, чтоб удалить навсегда случаи и способы к распрям и остуде, происходившим часто между Россиею и Портою в прежнем Татар состоянии.

Не достигли Мы однако ж в пределах той части Империи Нашей тишины и безопасности, кои долженствовали быть плодами сего постановления. Татары, преклоняясь на чужие внушения, тотчас стали действовать вопреки собственному благу, от Нас им дарованному. Избранный ими в таковой перемене бытия их самовластный Хан был вытеснен из места и отчизны пришлецом, который готовился возвратить их под иго прежнего господства. Часть из них слепо к нему

прилепилась, другая не была в силах противуборствовать. В таковых обстоятельствах принуждены Мы были, для сохранения целости здания Нами воздвигнутого, одного из лучших Наших от войны приобретения, принять благонамеренных Татар под Наше покровительство, доставить им свободу, избрать на место Сагиб-Гирея другого законного Хана, и установить его правление: для сего нужно было привесть военные силы Наши в движение, отрядить из них в самое суровое время знатный корпус в Крым, содержать его там долго, и наконец действовать противу мятежников силою оружия; отчего едва не возгорелась с Портою Оттоманскою новая война, как то у всех в свежей памяти. Благодарение Всевышнему, миновала тогда сия гроза признанием со стороны Порты законного и самовластного Хана в лице Шагин-Гирея. Произведение сего перелома обошлося Империи Нашей не дешево; но Мы по крайней мере чаяли, что оное наградится будущею от соседства безопасностью. Время да и короткое воспрекословило однако ж на деле сему предположению. Поднявшийся в прошлом году новый мятеж, коего истинные начала от Нас не скрыты, принудили Нас опять к полному вооружению и к новому отряду войск Наших в Крым и на Кубанскую сторону, кои там доныне остаются: ибо без них не могли бы существовать мир, тишина и устройство посреди Татар, когда деятельное многих лет испытание всячески уже доказывает, что как прежнее их подчинение Порте было поводом к остуде и распрям между обеими Державами, так и преобразование их в вольную область, при неспособности их к вкушению плодов таковой свободы, служит к всегдашним для Нас беспокойствам, убыткам и утруждению войск Наших.

Свету известно, что имев со стороны Нашей толь справедливые причины не один раз вводить войски Наши в Татарскую область, доколе интересы Государства Нашего могли согласовать с надеждой лучшего, не присвояли Мы там себе начальства, ниже отмстили, или наказали Татар, действовавших неприятельски против воинства Нашего, поборствовавшего по благонамеренным в утушение вредных волнований.

Но ныне, когда с одной стороны приемлем в уважение употребленные до сего времени на Татар и для Татар знатные издержки, простирающиеся по верному исчислению за двенадцать миллионов рублей, не включая тут потерю людей, которая выше всякой денежной оценки; с другой же, когда известно Нам учинось, что Порта Оттоманская начинает исправлять верховную власть на землях Татарских, и именно: на острове Тамане, где чиновник ее, с войском прибывший, присланному к нему от Шагин-Гирея Хана с вопрошением о причине сего прибытия, публично голову отрубить велел и жителей тамошних объявил Турецкими подданными; то поступок сей уничтожает прежние Наши взаимные обязательства о вольности и независимости Татарских народов; удостоверяет Нас вящше, что предположение Наше при заключении мира, сделав Татар независимыми, не довлеет к тому, чтоб чрез сие исторгнуть все поводы к распрям, за Татар произойти могущие, и поставляет Нас во все те права, кои победами Нашими в последнюю войну приобретены были и существовали в полной мере до заключения мира; и для того, по долгу предлежащего Нам попечительства о благе и величии отечества, стараясь пользу и безопасность его утвердить, как равно полагая средством навсегда отдаляющим неприятные причины, возмущающие вечный мир между Империями Всероссийскою и Оттоманскою заключенный,

который Мы навсегда сохранить искренно желаем, не меньше же и в замену и удовлетворение убытков Наших решились Мы взять под державу нашу полуостров Крымский, остров Таман и всю Кубанскую сторону.

Возвещая жителям тех мест силою сего Нашего Императорского манифеста таковую бытия их перемену, обещаем свято и непоколебимо за Себя и Преемников Престола Нашего, содержать их наравне с природными Нашими подданными, охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно; и дозволить напоследок каждому из них состоянию все те правости и преимущества, каковыми таковое в России пользуется, напротив чего от благодарности новых Наших подданных требуем и ожидаем. Мы, что они в счастливом своем превращении из мятежа и неустройства в мир, тишину и порядок законный потщатся верностью, усердием и благонравием уподобиться древним Нашим подданным и заслуживать наравне с ними Монаршую Нашу милость и щедроту.

Источник: ПСЗ. Первое собрание. № 15.708.

Текст VIII
Ясский мирный договор (эксцерпт)

Декабря 29 года 1791

Трактат вечного мира и дружбы заключенный между Империею Всероссийскою и Оттоманскою Портою в Яссах чрез назначенных к тому с обеих сторон Полномочных и подтвержденный обоюдными государскими Ратификациями, размененными между взаимными Полномочными в Яссах в 29 день Генваря 1792 года.

Во имя Господа Всемогущего!

Ея Императорское Величество Всепресветлейшая и Державнейшая Великая Государыня Императрица и Самодержица Всероссийская, и Его Величество Всепресветлейший и Державнейший Великий Государь Император Оттоманский, имея искреннее взаимное намерение, дабы продолжающаяся настоящая между обоюдными Государствами война прекращена, мир же, дружба и доброе согласие прочным образом возстановлены были, разсудили за благо сие доброе и спасительное дело препоручить старанию и руководству уполномочных к тому, а имянно: от Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской, Сиятельнейшаго Графа *Александра Андреевича Безбородка*, Высокопревосходительного Г. Действительного Тайного Советника и орденов Ея Величества Кавалера, а от Его Султанова Величества Сиятельнейшаго и Превосходительнаго Г. Верховного Визиря Блистательной Порты Оттоманской, *Юсуфа Паши*, с тем, чтоб для постановления, заключения и подписания мирного договора избраны, назначены и подлежащею полною доверенностью от обеих сторон снабдены были достойные особы: вследствие чего от стороны Российской Императорской избраны и уполномочены Превосходительные и Высокопочтенные Гг.: *Александр Самойлов*, от Армии Ея Императорскаго Величества Генерал-Поручик, Действительный Камергер, Правитель Канцелярии Высочайшего Ея Совета и разных Орденов Кавалер; *Иосиф де Рибас*, от Армии Генерал-Маиор, командующий гребным флотом и разных орденов Кавалер; и *Сергей Лашкарев*, Статский Советник и Кавалер; со стороны же блистательной Порты Оттоманской, Превосходительные Гг.: Рейс Еффенди *Ессеид Абдуллаг Бири*, Орду Кадысы и Титлом Стамбул Еффендия облеченный; *Ессеид Ибраим Исмет* Бей, и Рузнаммеджи *Еввель Мугамед Дурри* Еффендий; которые, собравшись в городе Яссах, постановили и заключили для вечнаго мира между обеими Империями нижеследующие статьи:

Ст. I. Между Ея Императорским Величеством Самодержицею Всероссийскою и Его Султановым Величеством, Их Наследниками и Преемниками Престолов, також между их Верноподданными Государствами, от ныне и навсегда да пресекутся и уничтожатся всякие неприязненные действия и вражда, и да предадутся оныя вечному забвению; вопреки же тому да будут возстановлены и сохранены на твердой земле и водах вечный мир, постоянная дружба и ненарушимое доброе согласие сопровождаемое искренним, наиприлежнейшим и точным исполнением постановляемых ныне статей мирнаго договора, так что впредь с обеих сторон один против другого да не воздвигнет ни тайным, ни явным образом какого либо действия неприязненного или поступка трактатам противнаго; силою же возобновляемой толь искренней дружбы дозволяют обе Стороны взаимную Амнистию и общее прощение всем тем подданным без всякого отличия, как бы то ни было, которыя соделали какое-либо противу одной или другой стороны преступление, освобождая на галерах или в темницах находящихся, позволяя возвратиться изгнанным и ссылочным, и обещая после мира возвратить оным все чести и имения, которыми они прежде пользовалися, не делая и не допуская других делать им какие-либо ненаказуемые ругательства, убытки или обиды, под каким бы то предлогом ни было; но чтобы каждый из них мог жить под охранением и покровительством законов и обычаев земли их наравне со своими соотчичами...

Ст. VI. По утверждении статьею второю сего мирнаго договору, в числе прочих трактатов, акта 28 Декабря 1783 год постановленнаго, касающагося до присоединении к Империи Всероссийской Крыма, Тамана и определяющаго границей в той стороне между обеими договаривающимися сторонами реку Кубань, Блистательная Порта Оттоманская, в изъявление, что он на времена будущие желает отдалить все, что мир, тишину и доброе согласие между обеими Державами возмутить может, обещает и обязуется торжественно употребить всю власть и способы к обузданию и воздержанию народов, на левом берегу Кубани обитающих при границах ея, дабы они на пределы Российской Империи набегов не чинили, никаких обид, хищничеств и разорений Российско-Императорским подданным и их селениям, жилищам и землям не приключали ни тайно, ни явно и ни под каким видом людей в неволю не захватывали; о чем со стороны Блистательной Порты строжайшие прещения под страхом жестокого и неизбежнаго наказания, кому следует, даны, и в тех местах после размены ратификаций на настоящий мирный договор обнародованы быть долженствуют непременно: если же и за таковым постановлением в сем трактате и чинимым подобным помянутым народам прещением, отважится кто либо из них учинить набег в границы Империи Всероссийской, и там причинит вред, убыток или разорение, или скот, или что

другое украдут, или увезут, или людей Российских в неволю захватят, в таком случае, по принесении жалобы, скорое и неотложное удовлетворение имеет быть доставлено, возвращением награбленного или украденного, наипаче же непременным и никакой оговорке не подтверженным отысканием и освобождением людей Российских ими захваченных, награждением убытков, тем нанесенных, и примерным на границе наказанием виновных в присутствии комисара от пограничного Российского начальства назначаемого; буде же паче всякого чаяния таковое удовлетворение в полгода от принесения жалобы не было бы доставлено, Блистательная Порта обязуется сама все убытки заплатить из казны ея в месяц от подачи рекламации от Министра Российско-Императорского, разумея при том, что положенные выше наказания за нарушения спокойствия границ соседних непременно и точно исполнены быть имеют без отлагательства...

Источник: ПСЗ. Первое издание. Т. XXIII. № 17.008.

Текст IX
Речь Р. Медиева в Государственной думе

9 апреля 1907 г.

Выступление депутата Р.М. Медиева при обсуждении аграрного вопроса

Господа народные представители, уже несколько недель, как Дума обменивается мнениями по самому кардинальнейшему вопросу нашей многострадальной, многомиллионной родины, по вопросу земельному. «Земля и воля» был крик, вырвавшийся из груди, исстрадавшейся груди русского народа. «Земля и воля» был лозунг выбранных из недр народа его представителей в первой Государственной думе, так безвременно прекратившей своё существование на своём лучшем стремлении — стремлении наделить безземельный, холодный, голодный, трудяшийся народ землёй. Несмотря на грозные окрики начальства — не выбирать крамольных, свободолюбивых и до самоотвержения преданных интересам народа представителей, несмотря на сенатские и другие ухищрения, несмотря на полный произвол на местах мелкосошной администрации, народ остался верен самому себе. И вот теперь распустители воочию убеждаются, что народные стремления нельзя погасить ни роспуском, ни военно-полевой юстицией, ни исключительными положениями, ни законоположениями на основании 87 статьи, что нельзя сказать Солнцу: «Стой, солнце», и командовать Луне: «Не движься, Луна».

Чем дальше продолжаются прения, тем ярче выплывает перед нами требование народа — что землёй должен пользоваться тот, кто на ней трудится, что землёй должен пользоваться только тот, кто орошает её собственным пóтом, а не тот, кто заставляет надрываться над землёй других, кто строит своё счастье на труде других. Это народное требование в речах народных представителей, переливаясь различными оттенками, раздаётся с этой высокой трибуны. Но когда народные представители сойдут с этой трибуны, то явится представитель правительства, чтобы сказать вам, господа народные представители, своё заключение. Говорят, что заключение будет очень длинное, говорят, что над ним ломают свою голову денно и нощно господа министры, но не нужно быть большим пророком для того, чтобы сказать, что всё это длинное заключение будет сводиться к лаконичной фразе в ответ народным требованиям: «Этого мы не допустим, потому что-де земельная собственность священна». В этом давно мы уверены, слушая речи правых адептов министерских кресел и в речи представителя правых сиятельного Святополк-Мирского. Они ясно доказали нам, как смотрят на это и сняли не только маску, но и рубашку. (Голоса справа: «Надо более корректно выражаться!»)

Допустим на минутку, что эти скамьи (обращаясь в сторону правых) рассуждают правильно, что действительно земельная собственность священна, но если допустить так, то для того, чтобы быть более или менее последовательным, нужно допустить, что если земельная собственность какого-нибудь вельможи священна, то священна собственность и простого крестьянина, обыденного человека (голос справа: «Верно»). Не так ли? Я приведу несколько примеров, цифровых данных. Не так давно на Крымском полуострове имелось 600 000 дес. земли́, принадлежащей татарским сельским обществам. Эти зе́мли, как собственность татарских сельских обществ, были неприкосновенны, но помимо законов, устанавливающих неприкосновенность этих земель, существовали ещё, так называемые, Особые правила, которые устанавливали помимо ещё закона неприкосновенность этих земель. Я прочту параграф 10 этих Правил:

«Земли сии, находясь в общем владении целого селения, не составляют даже и в участках, каждом порознь владеемых, частной собственности поселянина, а суть действительная принадлежность целого селения; почему татары имеют полную свободу ими пользоваться, но продавать и другими способами передавать оные в посторонние руки отныне им запрещается».

На том же Крымском полуострове кроме этих 600 000 дес. было ещё более 200 000 дес. так называемых вакуфных земель. Эти вакуфные земли жертвуются благочестивыми татарами во имя Бога в пользу мечетей, школ и неимущих, эти земли как предмет купли-продажи, изъемлются из рынков, они как бы освобождаются от закрепощения в частную собственность и передаются как бы первоначальному своему собственнику — Богу. Этих земель нельзя ни продавать, ни закладывать, ни конфисковать и никакими другими путями уже снова закрепощать в частную собственность.

Итак, в Крыму имелось 600 000 дес. земель, принадлежащих татарским сельским обществам, неприкосновенность коих помимо обыкновенных законов подкреплена была ещё Особыми правилами. Кроме того, там имелось более 200 000 дес. земли, неприкосновенность которых гарантировалась тем, что они принадлежат как бы самому Богу. В исследованиях историков относительно этих земель сказано: самые свирепые деспоты, какие только имелись в азиатских государствах, с благоговением относились к священной неприкосновенности вакуфных имуществ, охраняемых самим Богом.

Что мы теперь видим? В руках татарских сельских обществ осталось всего навсего 79 000 дес., а из вакуфных земель осталось всего 87 000 дес. Где же остальные, более чем 500 000 дес.? Могли они испариться, исчезнуть? Физика

нас учит, что земли не обладают этим качеством. По последним данным статистики оказывается, что эти земли не исчезли, не испарились, что они остались на тех же местах, где они были и раньше. Но вот что с ними случилось. Прежде они были собственностью татар, собственностью Бога, а теперь стали собственностью графов Мордвиновых, Воронцовых-Дашковых, Каховских и прочей их братии. (Аплодисменты слева). Вот как смотрят вообще на собственность наши власть имущие.

Теперь я опять стану на вашу точку зрения (обращается к правым) и спрошу вас: когда вопрос идёт о ваших личных интересах, когда он касается ваших классовых интересов, вы поднимаете шум и говорите о святой неприкосновенности; когда же вопрос касается простого крестьянина, то вы красноречиво молчите. Но может быть, вы выдвинете свой аргумент и скажете, что земля татарская — инородческая, что инородческую землю расхищал всякий, кому было не лень. На самом деле выходит, что среди этих нелентяев попадаются высокопоставленные лица. Я, конечно, не буду приводить данных истории Крымского полуострова последнего века, но сошлюсь на Высочайший указ Императора Александра I от 4 мая 1816 г. на имя Херсонского военного генерал-губернатора графа Ланжерона. В этом указе говорится, что местными чиновниками было продано по 50 к. за десятину до 500 000 дес. земель, принадлежащих татарам, почему-то переименованных там в казённые.

Затем укажу, что не так давно за самый короткий промежуток времени было расхищено до 1 500 000 дес. земель, бывших собственностью башкирского народа, населяющего Уфимскую и Оренбургскую губернии. Вот в этот список, в который помещены фамилии лиц, названных прямо в истории и статистике расхитителями этих земель, попадают фамилии таких лиц, как князь Ливен, министр государственных имуществ, который получил 6 200 дес., Маков, министр внутренних дел, — 2 313 дес. Замятин, член Государственного совета, — 2 148 дес., Горемыкин, действительный статский советник — 1 998 дес. Дальше читать не буду, но, между прочим, есть ещё одна фамилия, господа, — эту фамилию я вам назову: это Слёзкин, начальник Московского жандармского управления. Он получил 2 070 дес. Может быть, он решил, что эти земли неблагонадёжны и потому ему следует их получить (слева аплодисменты, справа движение).

Я указал, господа, на то, как на наших окраинах образовалась священная собственность на землю; о том, как образовалась эта собственность на земли внутри России, об этом было достаточно сказано. Теперь я спрашиваю вас, сидящих справа, можно ли после этого называть священной собственностью земли различных сиятельных Мордвиновых, Воронцовых-Дашковых, Горемыкиных и т. д.? Вы скажете — да, а по-нашему — нет, по-нашему это будет кощунством. Да, представители крестьянства и мы, окраины, несли на своих плечах всю тяжесть, весь ужас того гнёта, о котором вы с этой трибуны поведали. Но моими избирателями были русские крестьяне и крымские татары. Русские крестьяне дружно поддержали татар и дали им возможность иметь в Думе своего представителя.

Ведь мы, крымские татары, были обижены в этом же самом дворце, где под крепким тогда ещё потолком восседали блистательные герои пышных екатерининских времён, когда здесь сидели не в зипунах, а в шитых золотом миллионных кафтанах, когда на каждый обед тратили по 5000 р.; тут кроили наши земли и делили их между собой. Мы тогда за 2000 вёрст отсюда сидели молча, покорные своей судьбе и, обливаясь горячими слезами, покорно ожидали. Прошло сто лет, и вот теперь представитель крымских татар говорит вам о своих желаниях, о своей судьбе. Я вам прочту то место наказа, где мои братья татары жалуются на свою судьбу:

«Мы, татары, знаем, что несладко живётся теперь всем подданным русского государства. Теперь и самим русским живётся тяжело, а нам, татарам, и другим иноплемённым народам приходится ещё тяжелее, потому что мы страдаем, во-первых, от того же самого, отчего страдают и все русские люди, а кроме того, во-вторых, есть у нас беды и напасти, которые лежат только на нашем народе. В нашем народе насчитывается теперь почти 50 000 безземельных, которые поэтому должны искать работы на стороне, жить в батраках-наёмниках, работать на помещиков, потому что больше деваться некуда, и те притесняют нас. А тут же рядом есть и вакуфные, и выморочные, и казённые, и удельные, и помещичьи земли, которые спасли бы очень многих от бедности и нищеты, а теперь или пропадают без всякой пользы для народа, или приносят выгоду только немногим людям в ущерб трудящемуся народу. Все здешние земли были когда-то землями нашего народа и все перешли в другие руки разными правдами и неправдами, и мы, татары, получили за них гроши или не получили вовсе ничего. Многие из нас были обмануты и не могли найти правды ни в каком суде. Теперь наш народ не может распоряжаться даже вакуфными землями. Все вакуфные имущества и деньги (около миллиона рублей) и земли находятся теперь в заведывании особой вакуфной комиссии, которая и распоряжается ими без согласия населения. Вакуфные земли расхищаются, а те, которые имеются, приносят пользу и выгоду только нашему духовенству, а не всему нашему народу. Значит, выходит так: кто хочет обрабатывать землю своими руками, у того и нет земли, а кто сам не работает, у тех-то земли и много».

Да, положение крымских татар печальное. Это положение хуже худшего. Вот вы, господа, говорите, что земли у вас нет. Но у вас всё-таки есть три аршина земли, в которой никто не может отказать вам, когда вы отправитесь к предкам на вечный покой, а у нас и этого нет. У нас помещик может выкинуть покойника за то, что это кладбище находится на его священной собственности; крестьяне не имеют права без разрешения помещика даже хоронить покойника на его священной собственности. По данным различных исследователей, ещё 50 лет тому назад, сейчас после Крымской кампании, наши крымские татары дошли до такого экономического упадка, что едва-едва выносили податное тягло. Прошло 50 лет, и татары дошли уже до такого состояния, что начинают дегенерировать, начинают вымирать. Но мы не хотим умирать, мы хотим новой жизни, и мы твёрдо уверены, что когда (указывая налево) эта сторона Государственной думы восторжествует, и когда мы сообща и уравнительно будем владеть землёй, то тогда мы будем жить новой жизнью и с новыми силами.

Затем, господа, вами указывалось ещё на разрешение вопроса путём переделения, и представитель министерства, премьер-министр, в своей декларации тоже указывал на этот путь; но нам кажется, что и этот путь указывался вами не вполне искренно, точно так же, как и все другие предложения, исходящие от вас

(указывая на правую сторону). Для того, чтобы не быть голословным, я прочту вам два документа, первый: «Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия объявляет именующему себя уполномоченным запасных и отставных нижних чинов татар Абрамхану Рахимджанову вследствие прошения о предоставлении его доверителям казённой земли в Пишпекском уезде, что по закону устройство магометан на упомянутой земле в Степных областях не допускается, а потому ходатайство его оставлено Главным управлением без последствий». Значит, нам и переселяться нельзя.

Второй: «Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора от 15 декабря 1906 г. за № 15457 уведомила, что мещанин города Пишпека татарин Сабиржан Бектемиров просил об отводе ему надела из казённой земли наравне с переселенцами, просит объявить просителю, что на казённые земли Семиреченской области могут быть перечислены только лица христианского исповедания, причём в отношении местных мещан из христианского исповедания получено специальное указание Главного управления земледелия и землеустройства о том, что они не могут быть зачислены на земледельческие участки».

Не пахнет ли от этих двух документов чем-то прелым, аракчеевщиной прошлого века? Между тем эти два документа написаны в XX веке, когда у нас, мы считаем, что более или менее установился конституционный строй. Что касается нас, вообще инородцев, то нам нельзя переселяться, на нас продолжают смотреть как на каких-то полупариев. Были случаи, я не хочу на них ссылаться, это было 20 лет тому назад в Средней Азии, когда жители просили наделения землёй, им предложили так: «Не угодно ли вам переселяться на Новую землю через Ледовитый океан?» Такие были случаи. Лучше дальше идите. Я кончу известными словами Жемчужникова: «Можно маску снять, зачем снимать рубашку; пусть лицемерья нет, зачем же нет стыда».

Источник: Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчёты. Сессия вторая. СПб., 1907. Т. I. Стлб. 1788–1795.

Текст X

Проект Временного положения о самоуправлении крымских татар в области духовно-религиозной, культурно-просветительной и по заведованию вакуфами

ГЛАВА I
ПОЛОЖЕНИЯ ОБЩИЕ

1. Татарское магометанское население Крыма в области духовно-религиозной, культурно-просветительной и по заведыванию вакуфами пользуется правом самоуправления в пределах, устанавливаемых настоящим положением.

2. Для осуществления указанных в ст. 1 задач учреждается в г. Симферополе Совет по делам крымских татар и исполнительный орган последнего — Управление делами крымских татар.

Примечание. Органы самоуправления крымских татар имеют право обращаться во всех подлежащих случаях за законным содействием к правительственным учреждениям и должностным лицам.

3. Лица, занимающие выборные должности в Управлении делами крымских татар, пользуются правами и преимуществами государственной службы.

ГЛАВА II
О СОСТАВЕ, КРУГЕ ВЕДОМСТВА, ПРЕДЕЛАХ ВЛАСТИ И ПОРЯДКЕ ДЕЙСТВИЯ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ КРЫМСКИХ ТАТАР

4. Совет по делам крымских татар состоит из представителей означенного населения, избираемых сроком на один год в особых избирательных собраниях.

5. В выборах в указанный Совет принимают участие все лица мужского пола татарского магометанского населения Крыма, достигшие 25-летнего возраста, оседло проживающие в Крыму в течение не менее трёх лет к началу выборов.

6. В выборах не участвуют: а) дезертиры и уклоняющиеся от воинской повинности, б) признанные в установленном порядке безумными и сумасшедшими, а также глухонемые, в) подвергшиеся суду за преступные деяния, влекущие за собой лишение или ограничение прав состояния, либо исключение из службы, а равно за кражу, мошенничество, присвоение вверенного имущества, укрывательство похищенного, покупку и принятие в заклад заведомо краденного или полученного через обман или ростовщичество, когда они судебными приговорами не оправданы, хотя бы после состоявшегося обсуждения они освобождены от наказания за давностью, примирением или помилованием, и г) состоящие под следствием или судом по обвинению в преступных деяниях, означенных в п. «в» сей статьи.

7. Выборы представителей в Совет производятся следующим порядком: каждый мечетский приход избирает на особых приходских избирательных собраниях по одному выборщику, а затем выборщики каждой волости и каждого города на особых волостных и городских избирательных собраниях выбирают: от волостей и городов с татарским населением до 10 000 душ обоего пола — по одному представителю, а от волостей и городов с населением свыше 10 000 душ обоего пола — по два представителя в Совет по делам крымских татар. Если в городе или волости имеется только одна мечеть, то то прихожане её избирают на приходском избирательном собрании непосредственно одного представителя в Совет; если же в городе или волости имеются две мечети, то их прихожане составляют одно общее избирательное собрание, которое также непосредственно избирает одного представителя в названный Совет.

8. Приходские избирательные собрания для избрания выборщиков в волостные и городские избирательные собрания созываются старшим по должности духовным лицом и происходят под его председательством. Волостные и городские избирательные собрания для избрания представителей в Совет по делам крымских татар созываются председателями волостных земских управ и городскими головами по принадлежности и происходят под председательством лица, избранного выборщиками из своей среды.

9. Срок созыва приходских, волостных и городских избирательных собраний для избрания как выборщиков в Совет по делам крымских татар, так и представителей в оный назначается Таврическим губернатором.

10. Производство по избранию как выборщиков, так и представителей в Совет предоставляется председателями волостных и городских избирательных собраний начальнику уезда, а в городах, выделенных из состава уезда, губернатору (градоначальнику). Губернатор (градоначальник) или начальник уезда, усмотрев неправильности, допущенные при производстве выборов, приносит протест в Административный суд в двухнедельный срок. Жалобы частных лиц на нарушение их прав при производстве выборов также приносятся в Административный суд.

11. Совет по делам крымских татар созывается не менее одного раза в течение каждого года, причём время созыва определяется самим Советом. В чрезвычайных случаях Совет может быть созван по предложению губернатора, по постановлению Управления делами крымских татар или по письменному требованию трети членов Совета. Продолжительность занятий, как очередных, так и чрезвычайных собраний Совета, определяется не более как 20 дней, но по ходатайству Совета срок этот может быть продолжен губернатором в мере действительной необходимости.

Примечание. Время созыва первой сессии определяется Таврическим губернатором.

12. Совет по делам крымских татар избирает из своей среды председателя Совета, двух его товарищей и двух секретарей на один год.

Примечание. Сессии Совета открываются Таврическим губернатором. При открытии первой сессии губернатор предлагает избрать председательствующего, впредь до избрания председателя Совета.

13. Для законного состава Совета по делам крымских татар требуется не менее половины общего числа представителей в Совете. Правами членов Совета пользуются также председатель и члены Управления по делам крымских татар.

Примечание. В случае неприбытия на собрание законного числа членов назначается через месяц новое собрание; если же и это собрание не состоится за неприбытием достаточного числа членов, то подлежавшие его рассмотрению, требующие безотлагательного решения доклады Управления по делам крымских татар предоставляются сим последним с заключением его Таврическому губернатору, который передаёт их на разрешение общего присутствия губернского управления (ст. 25).

14. В круг ведения крымскотатарского самоуправления Совету по делам крымских татар принадлежат общая распорядительная власть, надзор за исполнительными органами и решение дел, отнесённых к ведению Совета.

15. Совету по делам крымских татар предоставляется: 1) избрание Таврического муфтия, членов Управления делами крымских татар и членов ревизионной комиссии, 2) избрание уездных кадиев и их помощников и членов Попечительского совета при медресе, 3) определение размера содержания и вознаграждение выборным лицам, 4) составление инструкций для исполнительных органов Совета, 5) приобретение и отчуждение недвижимых имуществ, 6) утверждение приходо-расходной сметы, 7) рассмотрение жалоб, подаваемых на членов Совета, 8) утверждение штатов служащих в Управлении делами крымских татар и в других подведомственных Совету учреждениях, 9) рассмотрение и утверждение денежных отчётов Управления делами крымских татар, 10) возбуждение вопросов об ответственности выборных должностных лиц крымскотатарского самоуправления в надлежащем порядке (постановление Вр[еменного] прав[ительства] от 11 апр[еля] 1917 года) и временное устранение их от исполнения обязанностей, в случае возбуждения против них уголовного преследования, 11) принятие в дар и по завещаниям имуществ, заключение договоров, вступление в обязательства, а также вчинение гражданских исков и ответ на суде по имущественным делам самоуправления с соблюдением правил, установленных для казённых управлений.

16. На рассмотрение Совета поступают дела: 1) по сообщению правительственных установлений и общественных учреждений, 2) по постановлениям председателя Совета и членов его, 3) по представлениям Управления по делам крымских татар и 4) по прошениям и жалобам частных лиц.

Примечание. Прошения, жалобы частных лиц подаются через Управление делами крымских татар, которое со своим заключением и объяснением представляет их по принадлежности.

17. Для действительных постановлений Совета по делам крымских татар по делам, перечисленным в п.п. 5, 10, 11 ст. 15, требуется большинство не менее 2/3 присутствующих в Совете членов, прочие их дела решаются простым большинством голосов, а в случае равенства их при открытом голосовании мнение председателя даёт перевес. При подаче голосов никто не имеет более одного голоса. Передача своего голоса другому члену не допускается.

18. Делопроизводство Совета сосредотачивается при Управлении делами крымских татар.

19. Все постановления Совета вносятся в журнал, который подписывается председателем и наличными членами.

20. Выборы производятся закрытой баллотировкой шарами. Таким же порядком устраняются выборные должностные лица органов крымскотатарского самоуправления и разрешаются вопросы о назначении содержания денежных пособий служащим. Все прочие дела, по усмотрению Совета, могут быть решаемы и открытой подачей голосов.

21. Совет избирает на три года из числа лиц, имеющих право участия на приходских избирательных собраниях (ст. 5 и 6), Таврического муфтия и трёх членов Управления делами крымских татар, заведывающих отделами сего Управления. Член Управления, получивший на выборах наибольшее число шаров, является заместителем председателя.

22. Совет избирает также из числа лиц, имеющих право участия на приходских избирательных собраниях (ст. 5 и 6), на три года уездных кадиев и их помощников (по одному кадию и одному помощнику на каждый из пяти уездов Крыма) и членов попечительских советов при медресе по три на каждую.

23. Все постановления Совета предоставляются председателем Совета в копиях Таврическому губернатору.

24. Постановления Совета приводятся в действие, если губернатор в двухнедельный срок со дня получения им постановления не заявит протест в Административный суд ввиду несоответствия постановлений закону. Опротестованные постановления Совета не приводятся в исполнение до вступления их в законную силу.

25. Губернатор, усмотрев, что постановление Совета не отвечает общим задачам борьбы за восстановление государственности, приостанавливает исполнение сего постановления и передаёт его на разрешение Общего присутствия губернского управления (Врем[енное] полож[ение] о гражд[анском] управ[лении], ст. 102, 108), состав коего пополняется прокурором Окружного суда, управляющим Казённой палатой, представителем Управления делами крымских татар, а также представителем ведомства народного просвещения, по назначению управляющего учебными заведениями Таврической губернии, по делам, касающимся сего ведомства.

ГЛАВА III
О СОСТАВЕ, КРУГЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПРЕДЕЛАХ ВЛАСТИ И ПОРЯДКЕ ДЕЙСТВИЙ УПРАВЛЕНИЯ ДЕЛАМИ КРЫМСКИХ ТАТАР

26. Исполнение постановлений Совета по делам крымских татар и непосредственное заведывание сими делами возлагается на Управление делами крымских татар.

27.Таврический муфтий есть духовный глава магометан, обитающих в Таврической губернии, и председатель Управления делами крымских татар.

28. Дела в Управлении решаются коллегиально; в чрезвычайных случаях решение их предоставляется председателю единолично, с тем, чтобы о принятых мерах им было доложено Управлению в первом его заседании.

29. При Управлении делами крымских татар состоит канцелярия и счётная часть.

30. Всё делопроизводство в Управлении делами крымских татар и подведомственных ему учреждений происходит на татарском языке, в сношениях же с правительственными и общественными учреждениями употребляется русский язык. Все постановления Совета по делам крымских татар составляются на татарском языке с параллельным переводом на русский язык.

31. Губернатору предоставляется [право] лично или через подведомственных ему чинов производить ревизию Управления делами крымских татар и исполнительных его органов и требовать от них сведений и объяснений. Усмотрев при производстве ревизии, либо иным способом, незакономерные действия, губернатор доводит о сем до сведения ближайшей сессии Совета по делам крымских татар. Если Советом не будут приняты меры по восстановлению законного порядка, губернатор приносит протест Окружному суду (по административному отделению).

32. К ведению Управления делами крымских татар по отделу духовно-религиозному относятся: 1) все духовные дела магометан Крыма, а именно: о порядке богослужения, об обрядах, об исправлении духовных треб и т. п., 2) рассмотрение и разрешение по шариату в случаях, гражданскими законами определённых и порядком тех же указанных, дел о частной собственности, возникающих между мусульманами по завещаниям и при разделах наследственных имуществ, 3) рассмотрение и решение дел о неповиновении детей родителям и дела о нарушении супружеской верности, причём Управление делами крымских татар по такого рода делам применяются как меры воздействия лишь увещания и наложение духовного покаяния, 4) рассмотрение и решение дел бракоразводных и брачных, причём все притязание по имуществам, имеющие место при расторжении брака, подлежат рассмотрению общих гражданских судов, кроме тех случаев, когда обе спорящие стороны изъявят согласие на окончательное рассмотрение дела названным Управлением, 5) вопросы, касающиеся личного состава духовенства, и надзор за его деятельностью, 6) открытие новых мечетей и текий и упразднение существующих за ненадобностью их, 7) испытание в знании правил веры лиц, вступающих в духовные должности и утверждение их.

33. К ведению Управления делами крымских татар относятся: 1) заведывание всеми конфессиональными училищами (мектебами и медресе), 2) производство испытаний и назначений учителей в мектебы (ходжей) и медресе (мударрисов), 3) учреждение и содержание общеобразовательных учебных заведений в порядке общих законоположений, 4) обсуждение вопросов о культурно-просветительных нуждах татарского населения и возбуждение соответствующих ходатайств перед правительственными и общественными учреждениями, 5) издание книг, журналов и газет, а также пособий и руководств для татарских учебных заведений, 6) командирование представителей в образуемые ведомством народного просвещения комиссии для производства испытаний на звание учителей и учительниц для татарских начальных народных училищ, 7) открытие и содержание музеев и забота о сохранении исторических памятников татарского народа на территории Крыма, не составляющих общегосударственного значения.

34. Низшие конфессиональные училища (мектебы) открываются Управлением делами крымских татар по приговорам прихожан, с указанием в оных средств, которые приход определяет как на содержание мектеба, так и учительского при нём персонала. В случае недостатка местных средств на содержание мектебы, таковые могут быть ассигнуемы Советом по делам крымских татар.

35. Высшие духовные училища (медресе) открываются Управлением делами крымских татар там, где это будет признано необходимым, и содержатся за счёт сумм, ассигнуемым Советом.

36. Программы преподавания в мектебе и медресе устанавливаются Управлением делами крымских татар.

37. К ведению Управления делами крымских татар по отделу о вакуфах относятся: 1) управление и заведывание недвижимыми вакуфными имуществами и капиталами по особым прилагаемым при сем правилам, 2) принятие вновь учреждаемых вакуфов, 34) отчуждение с разрешения Совета по делам крымских татар вакуфных земель ввиду незначительности таковых или неудобства пользования, 4) вымежевание вакуфных земель, состоящих в дачах общего владения, установленными законом способами, 5) надзор за целостью и сохранностью вакуфов, 6) хранение и расходование вакуфных сумм, 7) забота об улучшении быта безземельных татар, проживающих на вакуфных землях, 8) ведение судебных дел по полномочию Совета по делам крымских татар и 9) составление всех приходо-расходных смет и счетоводство.

38. Духовными вакуфами именуются недвижимые имущества и капиталы, которые по особым учредительным актам, составленным по правилам шариата, пожертвованы или путём завещательных актов отказаны на содержание мечетей, текий, магометанских духовных училищ (мектебов и медресе) и магометанского духовенства, а равно и на другие богоугодные и благотворительные цели.

39. Доходы с вакуфных имуществ существующих мечетей и других учреждений, поименованных в ст. 37, употребляются согласно воле учредителей и завещателей этих вакуфов в соответствии с правилами шариата.

40. Доходы с вакуфов упразднённых мечетей употребляются согласно шариату.

ГЛАВА IV
О КАДИЯХ

41. Исполнительными органами Управления по делам крымских татар в уездах и городах Крыма являются уездные кадии и их помощники, избираемые на три года, согласно ст. 22 настоящего положения Советом по делам крымских татар.

42. На кадиев возлагается: 1) ближайшее наблюдение за деятельностью духовенства, 2) исполнение поручений Управления по делам крымских татар, 3) рассмотрение дел о разделе имуществ, 4) рассмотрение дел бракоразводных.

43. По делам, указанным в п. п. 3 и 4, жалобы на решения кадиев подаются в Управление по делам крымских татар.

ГЛАВАV
О МЕЧЕТСКИХ ПРИХОДАХ

44. Должностные духовные лица при мечетях — хатипы, имамы и муэззины — избираются по приходским договорам и утверждаются в этих должностях Управлением делами крымских татар по выдержании соответствующего испытания. Все означенные должностные лица должны быть не моложе 21 года.

45. На имамов возлагается ведение в приходах установленных общим законом метрических книг о рождениях, браке и смерти.

46. Должностные лица духовенства пользуются правами и преимуществами, предоставленными духовенству общими законами.

47. Должностные духовные лица как за нарушение обязанностей их звания, так и за те противозаконные деяния, за которые в законах определено подвергать их ответственности по усмотрению духовного начальства, подлежат суду сего начальства.

48. Новые мечети открываются Управлением делами крымских татар, с соблюдением требований устава строительного, по приговорам приходских обществ с указанием в оных средств, которые приход определяет на содержание как самой мечети, так и должностных при ней лиц.

49. К магометанскому духовенству принадлежат также начальники текий — шейхи.

50. Прихожане каждого мечетского прихода образуют приходское попечительство, в составе трёх членов, избираемых на один год из числа прихожан на особых приходских собраниях, происходящих под председательством старшего при мечети духовного лица. В состав приходского попечительства на правах члена его входит и старшее при мечети духовное лицо.

Примечание. По ходатайству прихожан, выраженному в соответствующих приговорах, малочисленные приходы могут быть с разрешения Управления делами крымских татар соединяемы для образования приходского попечительства.

51. На приходские попечительства возлагается: 1) ближайшее заведывание вакуфными имуществами, принадлежащими местной мечети и другим учреждениям, 2) употребление полученных с этих вакуфов доходов, согласно правилам, приложенным к ст. 37, 3) предоставление в Управление делами крымских татар ежегодной отчётности по приходу и расходу, полученных им вакуфных сумм и 4) содержание в порядке вакуфных зданий.

ПРИЛОЖЕНИЕ К СТ. 37
ВРЕМЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ О САМОУПРАВЛЕНИИ КРЫМСКИХ ТАТАР

Правила об управлении духовными вакуфами в Крыму

1) Вакуфные имущества, приписанные к существующим мечетям, текие и низшим духовным школам (мектебам), состоят в непосредственном ведении приходских попечительств, образуемых в приходах, в порядке, указанном в ст. 50 Временного положения о самоуправлении крымских татар.

2) На приходские попечительства возлагается надзор за целостью и неутратностью вакуфных имуществ, приписанных к приходской мечети, местным текие и приходским мектебам, и извлечение из сих имуществ дохода путём сдачи таковых в арендное содержание на срок не свыше трёх лет или ведения своего хозяйства, а равно путём в пользование за определённую часть урожая (скопщины).

3) Все выручаемые с вакуфных имуществ существующих мечетей, текий и мектебов доходы поступают непосредственно в приходские попечительства по принадлежности, которые и ведут учёт этим доходам и производят из них обязательные расходы, а оставшуюся сумму дохода употребляют, согласно воле учредителей вакуфов, в соответствии с правилами шариата.

4) Обязательными расходами из получаемых с вакуфных имуществ доходов являются расходы: 1) по содержанию в порядке самих вакуфов, 2) на ремонт и содержание мечетей, текий и мектебов, к которым вакуфы приписаны, 3) на возобновление межевых признаков вакуфных земель, 4) по уплате налогов и всех сборов за вакуфные имущества.

5) Непосредственное заведывание вакуфами, принадлежащими высшим духовным училищам (медресе), возлагается на попечительные при сих училищах советы.

6) Попечительные советы образуются при каждом медресе в составе трёх членов, избираемых сроком на один год Советом по делам крымских татар из числа лиц, имеющих право участия на приходских избирательных собраниях (ст. 5 и 6 Врем[енного] пол[ожения]).

7) На попечительные советы при медресе возлагаются в отношении принадлежащих сим медресе вакуфам те же обязанности, которые возлагаются согласно ст. 51 Временного положения о самоуправлении крымских татар на приходские попечительства в отношении вакуфов, принадлежащих мечетям, текие и приходским мектебам.

8) Если приходскими попечительствами и попечительными советами будет признано желательным продать какие-либо вакуфы, то они возбуждают о сем соответствующие ходатайства перед Управлением делами крымских татар. Разрешение на продажу вакуфных имуществ даётся Советом по делам крымских татар по представлению Управления делами крымских татар.

9) Все получаемые от продажи вакуфов капиталы сосредотачиваются для хранения в государственных процентных бумагах при Управлении делами крымских татар, которое проценты с этих капиталов ежегодно выдаёт приходским попечительствам и попечительным советам по принадлежности для употребления, согласно воле учредителей проданных вакуфов, в соответствии с правилами шариата.

10) Вакуфные имущества, отнесённые к разряду вакуфов упразднённых мечетей, равно как и вакуфы, завещанные на цели благотворительные, состоят в непосредственном ведении Управления делами крымских татар, на обязанности которого лежит извлечение доходов с этих имуществ посредством отдачи их в арендное содержание применительно к правилам об отдаче в аренду казённых земель.

11) Все выручаемые с вакуфных имуществ упразднённых мечетей доходы поступают в особый фонд упразднённых мечетей при Управлении делами крымских татар.

12) Из указанного фонда производятся расходы, распоряжением самого Управления делами крымских татар, на уплату налогов и сборов за вакуфные имущества упразднённых мечетей, на уплату межевых издержек за землю упразднённых мечетей и на ведение судебных дел. Все остальные расходы из указанного источника производятся в строгом соответствии с правилами шариата, распоряжением Совета по делам крымских татар, по представлениям Управления по делам крымских татар.

Источник: *Исхаков*, 2006. С. 203–213.

Текст XI

Памятные даты истории Крыма, России и Османской империи

300 000 лет тому назад. Переселение в Крым неандертальского человека (стоянки Бодрак, Каракуш, Шары и др.).

18–15 тыс. лет тому назад. Начало ледникового периода. Всё живое укрывается в Южной Европе и в Крыму.

12 000 лет тому назад кроманьонцы изгоняют неандертальцев.

6000 лет тому назад жители Крыма приручают лошадь. Начало отгонного скотоводства.

5000 лет тому назад в Крыму — развитое земледелие, разведение домашнего скота и использование календаря и гигантских астрономических сооружений. Межплеменное разделение труда.

XIV–XIII вв. до н. э. Налажен постоянный вывоз товарной продукции из Крыма в Средиземноморский регион.

X–VIII в. до н. э. В прибрежных и горных частях полуострова появляются племена под собирательным именем «тавров», о которых упоминают около 50 античных авторов.

633–630 гг. до н. э. Приблизительно в эти годы скифы, продвигавшиеся из Азии в западном направлении, начали оседать на северных берегах Чёрного моря, вытесняя из этого региона киммерийцев.

513 г. до н. э. Военный поход Дария I Ахеменида на Скифию.

507 г. до н. э. Скифы проникают во владения Херсонеса Таврического и захватывают город.

V в. до н. э. Возникновение в Северном Причерноморье Боспорского государства (просуществовало до IV в. н. э.).

480 г. до н. э. Центром Боспорского царства становится Пантикапей (совр. Феодосия).

438 г. до н. э. Начало боспорской династии Спартокидов.

IV в. до н. э. Скифы основывают новую столицу, которую греки называют Неаполь Скифский.

II в. до н.э. Начало формирования в Приуралье тюркоязычного этноса гуннов (из ургов, сарматов и хуну).

118 г. до н. э. Митридат IV становится первым в понтийской династии боспорских царей.

II в. до н. э. Высший расцвет скифского царства, в состав которого входят Керкинитида и Калос-Лимен.

94 г. до н. э. В междуречье Дона и Днепра появляются отряды сарматов — союзников Паллака, сына скифского царя Скилура, выступившего против Митридата VI.

64 г. до н. э. Смерть Митридата VI в Пантикапее. Власть над Боспорским царством переходит к Фарнаку (правл. 63–47 гг.).

10 г. до н. э. В годы, непосредственно предшествующие началу нашего летоисчисления, понтийские портовые города (среди них — Пантикапей) попадают под власть римлян — современников императора Октавиана Августа.

62 г. н. э. После военного поражения тавров победители-аланы завладевают Боспором и Херсонесом.

70 г. н. э. Тиберий Плавт Сильван, мисийский стратег, берёт на себя защиту Херсонеса от скифов.

70-е гг. н. э. Основание римлянами крепости Харакс на мысу Ай-Тодор, от которой было проложено первое в Крымугорное шоссе до Херсонеса.

160-е гг. Начало захватов остготами причерноморских городов (Тиры, Ольвии и др.).

200 г. Готы распространяют своё владычество на северных берегах Чёрного моря.

212 г. Основание Судака.

267 г. Готские переселенцы впервые появляются на берегах Меотиды (Азовского моря).

Ок. 311 — ок. 383 гг. Годы жизни Ульфилы (Вульфилы), первого миссионера, распространявшего христианство арианского толка среди готов (в том числе крымских), «епископа готов».

327 г. Херсонес посылает вспомогательные войска Константину Великому, римскому императору, основавшему Константинополь.

376 г. Гунны вытесняют из причерноморских степей готов, незадолго перед этим принявших христианство от Ульфилы.

379 г. Пришедший в упадок Херсонес подчиняется Византийской империи.

471 г. Из исторических сочинений навсегда исчезает этноним *сарматы*. Отныне население бывшей Сарматии становится известным под именем *славян*.

501 г. На северных берегах Чёрного и Азовского морей, а также в Крыму появляются болгары и угры.

552–745 гг. Тюркский каганат.

520–560-е гг. По инициативе византийского императора Юстиниана I основаны Алустон, Горзувиты и десятки других крепостей на побережье полуострова.

565 г. Херсонес отдаётся под покровительство Юстиниана.

567 г. Тюрки, пришедшие из Азии, появляются на берегах Азовского моря.

580 г. Тюрки проникают во владения Херсонеса.

Ок. 570/580–632 гг. Жизнь Пророка Мухаммада.

580 г. Алтайские тюрки осаждают Херсонес.

622 г. 26 июля. Начало мусульманского летосчисления хиджры (бегство Мухаммада в Медину).

679 г. Хазары, тесня болгар, оседают в Таврии и междуречье Дона и Буга.

Ок. 710 г. Вторжение хазар в Херсонес.

724 г. Святой Стефан Исповедник становится архиепископом Сурожским, восстанавливает в южнобережном регионе Крыма православие.

737 г. Принятие ислама Хазарским каганатом.

799–809 гг. Часть хазар принимает иудаизм.

830 г. Военачальник Петроний, строитель Саркельской крепости на Дону, становится правителем в Херсонесе, отныне провинции Византии.

834 г. Печенеги вытесняют хазар.

883–896 гг. Печенеги, потерпевшие поражение от хазар, вытесняют мадьяр из причерноморской степи.

922 г. Исламская миссия Ибн-Фадлана в Булгарии.

944 г. Второй поход киевского князя Игоря и мирный договор с греками, согласно которому он отказывается от притязаний на Херсонес и Таврику.

988 г. Киевский князь Владимир штурмом берёт Херсонес, подвергает его ограблению и вывозит из Крыма сокровища, а также местных священников, богослужебные книги и иконы для крещения Руси.

1016 г. Мстислав Владимирович, поддержанный Византией, уничтожает последние остатки хазарского владычества в Крыму.

1036 г. Аннексия Русью Левобережья Днепра. Начало её экспансии на территорию печенежской степи.

1050–1061 гг. Половцы (асы и куманы) захватывают север Крыма и постепенно берут под контроль бóльшую часть степи.

1155–1227 гг. Годы жизни Чингис-хана (Темучина).

1220-е гг. Образование улуса (удельного княжества) на территории Крыма с центром в Солхате (Старый Крым).

1222 г. Хетум Синопский разоряет Херсонес и окрестности.

1222 г. Взятие турками-сельджуками Судака, возведение Падиша-джами на территории будущей генуэзской крепости.

1223 г. Монголы, разгромив половцев, захватывают всю «Куманию», включая Судак (7 января).

1227 г. Раздел Монгольской империи сыновьями Чингис-хана после его смерти.

1236 г. Поход военачальника Батыя (Бату) на волжских тюрков-булгар.

1237–1240 гг. «Татаро-монгольское» завоевание Руси, включение её Батыем в чингизидское государство.

1239 г. Передовые отряды Батыя проникают в Крым, который через три года становится улусом Золотой Орды со столицей в Солхате (Старый Крым).

Около 1240 г. Начало так называемого Ордынского ига над восточными славянами.

1242–1255 гг. Годы правления Батый-хана Золотой Ордой.

1246 г. Путешественник Д. Плано Карпини странствует по «Татарии».

1252 г. — Предоставление османами льгот генуэзцам для торговли на территории империи.

1253 г. Поездка Рубрука, посла Людовика Святого, в Крым (Судак).

1256 г. Вступление на трон Золотой Орды первого хана-мусульманина Берке (правил до 1267 г.).

1260–1277 гг. Годы правления мамелюкского султана из династии Бахритов, крымского татарина Бейбарса.

1261 г. Основание генуэзских колоний на крымских берегах.

1261 г. Согласно Нимфейскому договору, заключённому между генуэзцами и Михаилом Палеологом, венецианцам запрещается ведение самостоятельной торговли в Крыму; их массовый выезд на родину.

1261 г. Хан Ногай, предводитель Голубой Орды, добивается независимости для своих владений в Северном Причерноморье.

1263 г. Посольство султана Бейбарса к хану Берке прибывает из Египта в Судак (Солдайю).

1266 г. На руинах Феодосии генуэзцы основывают торговый город Кафу (Кефе).

1267–1280 гг. Правление Менгу-Тимура.

1277 г. Морская битва близ Судака между генуэзцами и пизанцами.

1287 г. Венецианцы учреждают консульство в Судаке.

1296 г. Венецианцы разрушают Кафу.

Конец III в. Готы берут штурмом крепости скифов. Начало распространения христианства в Крыму. Формирование гото-аланского племенного союза.

1308 г. Захват Кафы крымскими татарами.

1312 г. Хан Узбек завершает обращение Золотой Орды в ислам (правил до 1342 г.).

1318 г. Папа Иоанн XXII учреждает в Кафе свой епископат.

1321 г. Изгнание ханом Узбеком значительной части христиан из Судака.

1331 г. Посещение Судака арабским путешественником ибн-Батутой.

1332 г. Венецианцы овладевают Таной (буд. Азовом).

1333 г. Папа Иоанн XXII учреждает резиденцию своего архиепископа в Боспоре (Керчи) и епископа в Херсонесе.

1336–1405 гг. Годы жизни хана Тимура (Тамерлана, Тимур-ленга).

1342 г. Начало войны генуэзцев и венецианцев с крымскими татарами.

1345 г. Крымские татары изгоняют из Балаклавы генуэзцев.

1353 г. Крымские татары уступают генуэзцам Южный берег Крыма на протяжении от Балаклавы до Судака.

1363 г. Ольгерд, великий князь Литовский, разрушает Херсонес.

1365 г. Генуэзцы овладевают Судаком и 18 близлежащими деревнями.

1380–1385 гг. Крымские татары постепенно уступают генуэзцам Готию в прибрежной её части между Судаком и Балаклавой.

1382 г. Хан Мамай, потерпевший поражение на р. Калке от Тохтамыша (Куликовская битва), убит в Кафе генуэзцами.

1385 г. Начало возведения генуэзцами новой Судакской крепости.

1397 г. Витовт, великий князь Литовский, во время похода на Крым разоряет окрестности Кафы.

Конец IV в. Все поселения Крыма разграблены и сожжены вторгшимися с севера гуннами.

1416 г. Османо-венецианская война на море и заключение мира.

1428 г. Начало серии попыток Хаджи-Гирея и его отца Гияс-ад-дина Таш-Тимура вывести Крымский улус из-под подчинения Золотой Орды и создать самостоятельную державу.

1434 г. Генуэзцам удаётся на короткое время вывести Балаклаву из-под владения князя Феодоро (Мангуп), но, после победы Хаджи-Гирея вблизи Солхата Балаклава становится крымскотатарской.

1436 г. Посещение Азова и Крыма И. Барбаро.

1440 г. Избрание Девлет-Гирея ханом Крымским.

1443 г. Отделение от Золотой Орды Крыма, обретшего самостоятельность. Хаджи-Гирей официально провозглашает независимость Крымского ханства.

1453 г. Генуэзская республика уступает свои крымские владения финансово-купеческой корпорации Банк св. Георгия. Завоевание Константинополя. Превращение главного храма Византии в мечеть Айя-София (30 мая).

1461 г. Дочь мангупского князя Алексия и будущая императрица в Трепезунде Мария навсегда оставляет Крым.

1473 г. Первое посольство хана Менгли-Гирея в Москву, к великому князю Ивану III.

1474 г. Посещение Кефе Амброзиусом Контарини.

1475 г. Посольство Ивана III к хану Менгли-Гирею. Захват турками Мангупа.

1475 г. Морской поход на Крым Гедика Ахмеда-паши, военачальника султана Мехмеда II Фатиха, покорение ханства и признание его зависимости от Османской империи. Центром турецких владений в Крыму становится Кефе.

1479 г. Предоставление Мехмедом II венецианцам льготных прав на торговлю в Кефе.

1480 г. Формальное окончание «татаро-монгольского ига» над Московским государством.

1492 или 1493 г. Сожжение Мангупской крепости.

1497 г. Прибытие в Стамбул первого московского посла.

1500 г. Начало Запорожской Сечи.

1521 г. Поход крымско-казанского войска на Москву.

1546 г. Воцарение на казанском престоле крымского хана Сафы-Гирея.

1552 г. Завоевание Казани и аннексия Москвой независимого Казанского ханства.

1556 г. Аннексия Москвой независимого Астраханского ханства.

1557 г. Установление протектората Москвы над Ногайской ордой.

1559 г. Первый поход московского войска (под предводительством князя Д. Адашева), посланного царём Иваном Грозным на Крым.

1569 г. Крымско-турецкий поход на Хаджи-Тархан.

1571 г. Последний крупный поход крымских татар на север, завершившийся взятием Москвы.

1578–1572 гг. Поход Ермака за Урал, начало завоевания русскими Сибирского ханства.

1578 г. Посещение Крыма Мартином Броневским.

1637 г. Захват донскими казаками Азова.

1648–1649 гг. Восстание днепровских казаков, затем и населения остальной Украины под руководством Богдана Хмельницкого против Речи Посполитой.

1654 г. Переяславская рада — формальное присоединение части Украины к Московскому государству.

1655 г. Военный союз Москвы с калмыками.

1665–1667 гг. Пребывание в Крымском ханстве великого путешественника Эвлии Челеби.

1667 г. Андрусовский мир, запорожские казаки утрачивают независимость от Москвы, расчленение Украины.

1676–1681 г. Первая Русско-турецкая война.

1680 г. Бахчисарайское перемирие русских с крымскими татарами и турками.

1681 г., 13/23 января. Бахчисарайский мирный договор между Османской империей, Крымским ханством и Россией.

1687–1689 гг. Походы на Крым московского войска под руководством князя В. Голицына.

1687–1709 гг. Гетманство И.С. Мазепы.

1696 г. Захват Азова при Петре I.

1697 г. Захват русскими крепости Ор-Капы (Перекоп).

1699 г. Карловицкий мирный договор.

1700 г. Константинопольский мирный («тридцатилетний») договор Москвы с Портой.

1700–1721 гг. Великая Северная война.

1709 г., 27 июня. Полтавское сражение.

1711 г. Поражение и капитуляция русских на дунайском фронте. Прутский мирный договор Москвы с Турцией.

1722 –1723 гг. Персидский поход Петра I, завоевание Россией части Азербайджана.

1734–1740 гг. Кровавое подчинение Россией башкир.

1735 — 1739 гг. Русско-турецкая война.

1736 г. Поход на Крым российского войска под водительством Миниха. Разрушение или сожжение городов Гёзлёва, Бахчисарая и Акмесджита.

1737 г. Разорение Крыма российским войском под командованием Ласси. Разрушение Карасубазара. Взятие и разорение Минихом Очакова.

1739 г. Белградский договор. Признание за русскими права торговать на территории Османской империи, кроме Черноморского побережья.

1740–1755 гг. Обострение антимусульманской миссионерской политики в аннексированных Россией областях.

1764 г. Ликвидация статуса гетмана на Украине.

1768–1774 гг. Русско-турецкая война.

1770 г. Переселение Едичкульской, Едисанской и Джамбуйлукской ногайских орд из причерноморских степей и Бессарабии на Кубань.

1770 г. Выход российского флота с помощью англичан в Средиземное море с целью оказания давления на Оттоманскую империю накануне экспансии России в крымском направлении.

1771 г. Завоевание Крымского ханства русскими, установление над ним протектората Российской империи. Разрушение солдатами В. Долгорукова крымскотатарских городов Перекопа, Арабата, Гёзлёва, Судака, Качи, Еникале.

1774 г. Заключение Кючук-Кайнарджийского мирного договора. Восстановление независимости Крымского ханства. Признание за русскими права судоходства по Чёрному морю.

1775 г. Завоевание русскими Запорожской Сечи, массовые карательные акции против местного населения, окончательная ликвидация казацкой республики.

1775, май. Переселение российскими властями в Восточный Крым архипелажских греков («арнаутов»).

1779 г. Полная депортация русскими оккупационными войсками христиан полуострова. Отныне христианская диаспора в Крыму будет представлена лишь некоренным населением (новыми иммигрантами).

1779 г. Айналы-Кавакская российско-турецкая конвенция.

1783 г. Аннексия независимого Крымского ханства Россией. Первое в истории насильственное обращение крымских татар в подданных иноверных монархов. Ликвидация наследственных прав чингизидской династии Гиреев на крымский престол. Учреждение Земского правительства.

1784 г., 2 февраля. Крым включается в Таврическую область, состоящую из 7 уездов, с центром в в Карасубазаре. В том же году переносится в Симферополь.

1784 г., 22 февраля. Действие имперской Жалованной грамоты дворянству распространяется на крымскотатарских беев и мурз.

1784 г., 16 марта. Бывшая столица ханства «оставляется безуездным городом Бахчисараем».

1787 г., 2 апреля. Разрушенная Кефе «учреждается уездным г. Феодосией».

1787 г., весна-лето. Поездка Екатерины II в Крым («Тавриду»).

1787–1791 гг. Русско-турецкая война. Ясский договор, подтверждение Турцией присоединения Крыма к России и ликвидации ханства.

1789 г. Неурожай и голод в Таврической области.

1796 г. 12 декабря. Упразднение Таврической области; Крым входит в Новороссийскую губернию. Территория полуострова делится на два уезда — Акмечетский и Перекопский.

1800 г. Указ о запрещении ввоза книг из-за границы, в том числе из духовных центров ислама (был отменён при Александре I).

1802 г., 8 октября. Окончательное присвоение Ак-Месджиту и Ахтиару топонимов Симферополь и Севастополь (старые, крымскотатарские имена были ненадолго возвращены этим городам Павлом I). Учреждение Таврической губернии, состоящей из 7 уездов, 4 из которых были собственно крымскими: Симферопольский, Феодосийский, Евпаторийский и Перекопский.

1806 г. Вторжение России в дунайские княжества Османской империи.

1807 г. Переселение Едисанской ногайской орды на р. Молочную.

1812 г. Переход к России по Бухарестскому миру Бессарабии, часть населения которой составляют бывшие подданные крымских ханов.

1817 г. Посещение Крыма Александром I.

1821 г. Торжественное открытие Керченского порта.

1822 г. Аннексия Россией Средней казахской орды.

1823–1853 гг. Управление Новороссийским краем генерал-губернатором графом М.С. Воронцовым.

1824 г. Аннексия Россией Малой казахской орды.

1826, 7 октября. Аккерманская конвенция, усилившая положение России на завоёванных у Турции территориях.

1828 г. Первый российский пароход на Чёрном море «Одесса» открывает регулярные рейсы с заходом в крымские порты.

1828–1829 гг. Русско-турецкая война.

1829 г., 2/14 сентября. Адрианопольский турецко-российский мир.

1829–1864 гг. Завоевание Россией ряда государств на Кавказе (так называемая Кавказская война, начавшаяся с подавления русской армией горцев Чечни и Дагестана, отстаивавших свою независимость).

1830–1831 гг. Кровавое подавление российскими войсками под командованием Паскевича народно-освободительного движения на аннексированных территориях Польши.

1833, 8 июля. Ункяр-Искелесийский оборонительный договор о союзе между Россией и Турцией, заключённый после высадки русских войск в апреле 1833 г. на азиатском берегу Босфора.

1838 г. Учреждение Ялтинского уезда.

1839 г. Издание в Турции Гюльханейского хатт-и-шерифа (начало светских реформ).

1845 г. Аннексия Россией казахской Внутренней орды.

1848 г. Аннексия Россией Внешней орды казахов. Ввод русских войск в Дунайские княжества для подавления крестьянских волнений.

1853–1856 гг. Крымская война. Россия утрачивает ряд политических прав, в том числе на военные базы и флот на Чёрном море, на владение Южной Бессарабией (Парижский мирный договор).

1861 г. Отмена крепостного права в Российской империи.

1863 г. Запрет на использование украинского языка в печати, публицистике и преподавании в учебных заведениях любой специализации.

1864 г. Вооружённое подчинение Россией бывших подданных крымских Гиреев в Черкессии и их депортация с исторической родины.

1868 г. Завоевание Россией Самарканда, установление её протектората над Бухарским эмиратом.

1872 г. Выпуск М.О. Вольфом в Петербурге первого иллюстрированного издания *Очерков Крыма* Е.Л. Маркова, доныне остающегося лучшим краеведческим описанием природы, городов и жителей полуострова.

1873 г. Установление протектората России над Хивинским ханством.

1874 г. Введение «всеобщей» (на самом деле со множеством исключений, не коснувшихся крымских татар) воинской повинности в Российской империи.

1876 г. Аннексия Россией Кокандского ханства.

1877–1878 гг. Русско-турецкая война. В результате её к России отходят Южная Бессарабия, Батуми, Карс и Ардаган.

1881 г. Аннексия Россией Туркменистана.

1883 г. Выход первого номера основанной Исмаилом Гаспринским в Бахчисарае общетюркской газеты «Терджиман».

1884 г. Оккупация Россией древнего Мерва.

1888–1928 гг. Годы жизни Вели Ибраимова, первого крымца — председателя Крымского Центрального исполнительного комитета.

1889 г. Образование в Стамбуле тайного реформистского комитета «Единение и прогресс».

1895 г. Раздел зон влияния в мусульманских регионах Средней Азии между Россией и Великобританией (так называемые Памирские соглашения).

1898 г. Первый съезд РСДРП.

1904–1905 гг. Русско-японская война.

1905 г., 9 января. «Кровавое воскресенье» в столице Российской империи. За ним последовали (до 1907 г.) погромы евреев и татар в Крыму силами этнических русских и греков.

1905 г., 15 августа. Открытие Первого всероссийского мусульманского съезда (г. Нижний Новгород).

1905 г., 17 октября. Манифест Николая II «Об усовершенствовании государственного порядка», гарантировавшего населению гражданские свободы; введение Думы — выборного представительного органа, ограничивавшего власть монарха.

1906 г., 13–23 января. Второй Всероссийский мусульманский съезд (г. Петербург).

1906 г., 16 августа. Открытие Третьего всероссийского мусульманского съезда (г. Нижний Новгород).

1906 г., 8 ноября. Аграрный закон П.А. Столыпина.

1914 г., 15–25 июня. Четвёртый всероссийский съезд мусульман в Санкт-Петербурге.

1914 г., 15 июля. Начало Первой мировой войны; 19 июля — вступление в войну России.

1914 г., август. Захват Россией территории Восточной Галиции.

1915 г. Депортация этнических поляков, евреев и немцев из западных пограничных областей вглубь России.

1916 г., лето. Восстания мусульман в некоторых регионах Средней Азии.

1917 г., 23–27 февраля. Буржуазная («Февральская») революция в России.

1917 г., 2/15 марта. Провозглашение Временного правительства России.

1917 г., 2/15 марта. Отречение Николая II от императорской власти.

1917 г., 3/16 марта. Провозглашение украинской Центральной рады в Киеве.

1917 г., 20 марта. Отмена Временным правительством дискриминационного законодательства, в том числе против мусульманских меньшинств бывшей империи.

1917 г., 25 марта (7 апреля). Созыв в Симферополе Всекрымского мусульманского съезда, избравшего Временный Крымско-Мусульманский исполнительный комитет (Мусисполком).

1917 г., 1–11 мая. Первый свободный Всероссийский съезд мусульман в Москве.

1917 г. 10 июня. Провозглашение Первым универсалом украинской Центральной рады автономии Украины.

1917 г., 20–26 июля. Всероссийский съезд мусульманского духовенства в Казани.

1917 г., 21 июля — 2 августа. Второй Всероссийский мусульманский съезд в Казани.

1917 г., 24–25 июля. Созыв I Крымскотатарского делегатского съезда.

1917 г., 4 сентября. Подписание наркомом внутренних дел Г.И. Петровским Приказа о заложниках.

1917 г., 24–26 октября. Большевистский переворот и узурпация власти вооружённой группировкой Ленина и Троцкого, поддержанной деклассированным солдатским, матросским и люмпенским элементом Петрограда.

1917 г., 2 ноября. Провозглашение Декларации прав народов России в Петрограде.

1917 г., первые числа ноября. Созыв II Крымскотатарского делегатского съезда.

1917 г., 26 ноября. Открытие в Бахчисарае I Курултая крымскотатарского народа.

1917 г. 7/20 декабря. Образование всероссийского карательного органа Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ЧК).

1917 г., 13/26 декабря. Принятие Крымскотатарских основных законов, провозгласивших образование Крымской Народной (Демократической) Республики.

1918 г., 5–6 января. Террористический разгон вооружёнными большевиками Учредительного собрания в Петрограде.

1918 г., 12/13 — 24/25 января. Провозглашение в Киеве Центральной радой независимости Украины.

1918 г., 22 января. Роспуск I Курултая анархо-большевистским Военно-революционным комитетом Крыма.

1918 г., 22–24 февраля. Расстрел в Севастопольской тюрьме 600 заключённых, в том числе муфтия Крыма Нумана Челеби Джихана.

1918 г., 29 апреля. Разгон австро-германскими оккупантами украинской Центральной рады.

1918 г., 22 марта. Провозглашение территории Крыма и трёх заперекопских уездов Социалистической Советской Республикой Тавридой.

1918 г., 1 мая. Начало оккупации Крыма германскими войсками, ликвидация Советской Республики Тавриды.

1918 г., 25 июня. Образование Крымского правительства во главе с Сулейманом Сулькевичем.

1918 г., август. Начало массовой конфискации зерна у крестьян вооружёнными силами и карательными органами России.

1918 г., 2 сентября. Принятие Всероссийским центральным исполнительным комитетом решения о Красном терроре.

1918 г., 5 сентября. Принятие Советом Народных Комиссаров решения о начале Красного террора.

1918 г., 11 ноября. Окончание Первой мировой войны.

1918 г., 15 ноября. Съезд губернских гласных, представителей крымских городов. Создание Краевого правительства во главе с С.С. Крымом.

1918 г., 16 ноября. Падение правительства С. Сулькевича.

1919 г., 9 февраля. Захват власти ревкомом Симферополя. Самоликвидация Краевого правительства Соломона Крыма.

1919 г., 12 мая. Образование Крымской Советской Социалистической Республики в составе РСФСР.

1919 г., 26 июня. Освобождение Крыма от большевистской власти войсками А.И. Деникина. Возрождение Таврической губернии.

1920 г., 29 января. Издание декрета Совнаркома РСФСР «О порядке всеобщей трудовой повинности».

1920 г., 4 апреля. В Севастополе на заседании Военного совета Главнокомандующим ВСЮР избран генерал П.Н. Врангель.

1920 г., 16 мая. Съезд крымскотатарских представителей в Симферополе.

1920 г., 25 мая. Принятие врангелевским правительством Закона о земле.

1920 г., 20 августа. Начало работы Особой комиссии по разработке Положения о национальном самоуправлении в Крыму.

1920 г., 14–16 ноября. Эвакуация основной части войск П.Н. Врангеля из портов Крымского полуострова.

1921 г., 4 апреля. Оглашение избрания Сталина Генеральным секретарём ЦК ВКП(б).

1921 г., 18 октября. Образование Крымской Автономной Советской Социалистической Республики (КрымАССР) в составе РСФСР.

1921 г. Начало искусственно организованного голода в Крыму, закончившегося в 1923 г.

1922 г., 6 июня. Ликвидация в РСФСР свободы печати: декретом СНК создано Главное управление по делам литературы и искусства (Главлит), цель которого — «объединение всех видов цензуры печатных произведений».

1922 г., осень. Начало НЭПа в Крыму.

1922 г., 30 декабря. Провозглашение СССР.

1924 г., 3 марта. Упразднение халифата. Кемаль Ататюрк выдворяет Абдульмаджида, последнего халифа всех мусульман мира, из Турции. Это — последний удар по былому единству уммы. Бывший халиф окончил свои дни на о. Мальта.

1927 г., 26 июня, 11–15 сентября. Серия землетрясений на Крымском полуострове. Разрушен ряд исторических и культурных памятников.

1929–1933 гг. Первая пятилетка.

1929 г., 29 мая. Опубликование Постановления Совета Министров СССР, согласно которому все «служители культа», проживающие в сельской местности, приравниваются к кулакам.

1929 г., 3 декабря. Отмена традиционной крымскотатарской письменности (арабицы) и введение латинского алфавита.

1929/1932–1933 гг. «Второй» голод в советском Крыму.

1932 г., 27 декабря. Введение паспортной системы и прописки по месту жительства (только для жителей населённых пунктов городского типа).

1933 г., 12 сентября. Несмотря на голод, Крым первым в СССР досрочно выполнил план государственных заготовок зерна.

1935 г., 1 января. Отмена продуктовых и иных карточек (были введены в 1930 г.).

1936 г., 5 декабря. Принятие «сталинской» Конституции.

1937 г., 4 июня. Принятие на IX Чрезвычайном съезде Советов Крыма третьей Конституции КрымАССР.

1938 г., вторая половина. Начало перевода крымскотатарской письменности с латиницы на кириллицу.

1939 г., 23 августа. Заключение агрессивного пакта Сталина с Гитлером о разделе территорий независимых государств Восточной и Северной Европы.

1939 г., 17 сентября. Нападение Советского Союза на Польшу. Аннексия Восточной Польши и Восточной Галиции.

1939 г., 30 ноября. Вторжение Красной армии на территорию независимой Финляндии. Начало «Зимней войны» 1939–1940 гг.

1940 г., 12 марта. Советско-финский мирный договор.

1940 г., 8–11 апреля. Казнь советскими карательными органами свыше 15 000 пленных военнослужащих и мирных граждан Польши под Катынью.

1940 г., 28 июня. Аннексия Советским Союзом части Румынии (Северная Буковина, Бессарабия).

1940 г., 3–6 августа. Аннексия Советским Союзом независимых Литвы, Латвии и Эстонии, начало депортации в Сибирь десятков тысяч бывших граждан захваченных стран.

1941–1945 гг. Великая Отечественная война СССР против Германии и её союзников.

1941 г., 8 августа. Депортация 60 000 крымских немцев.

1941 г., осень. Оккупация большей части Крыма немецко-румынскими войсками.

1941 г., 23 ноября — 1942 г., март. Образование Мусульманских комитетов в крупных городах оккупированной части Крыма.

1942 г., 18 мая. Завершение оккупации германской армией территории Крымской АССР (кроме Севастополя).

1942 г., 4 июля. Взятие немецко-румынскими войсками Севастополя.

1943 г., лето. Визит в США лидеров Еврейского антифашистского комитета С.М. Михоэлса и И.С. Фефера, располагавших санкцией министра иностранных дел и заместителя председателя ГКО В.М. Молотова на ведение переговоров о материальной поддержке массового переселения еврейского населения в Крым с целью создания новой союзной республики (ЕССР).

1944 г., 8 апреля — 12 мая. Бои частей Красной армии и Черноморского флота за освобождение Крыма. Освобождение Крыма сопровождалось расстрелами крымских татар без суда (по показаниям очевидцев).

1944 г., 10 мая. Внесение Л.П. Берией И.В. Сталину проекта решения Государственного Комитета Обороны о выселении татарского народа с территории Крыма.

1944 г., 11 мая. Подписание Сталиным Постановления ГКО № 5859сс «О крымских татарах», согласно которому предлагалось тотальное выселение народа.

1944 г., 12 мая. Полное освобождение Крыма Красной армией.

1944 г., 17–18 мая. Депортация крымских татар с исторической родины в Среднюю Азию, на Урал, в Горьковскую, Ивановскую, Ярославскую области, за Полярный круг и т. д.

1944 г., 22 июня. Депортация из Крыма греческого, болгарского и армянского населения общим числом 37 000 человек. Выселены в Казахстан, Свердловскую, Молотовскую, Кемеровскую области и в Башкирскую АССР.

1944 г., 16 ноября; 1945 г., 12 августа 1945 г. Директивы НКВД СССР № 1/21826 и 1/1559 о запрещении направлять демобилизованных из Красной армии крымских татар, крымских болгар, армян и греков на территорию бывшей Крымской АССР.

1944 г., 25 ноября. В Берлине начинается выходить газета «Крым» (крымскотатарский язык), чьей программой является борьба за независимость Крыма.

1945 г., 8 января. Принятие Постановления Совета Народных комиссаров № 35 об обязанности спецпереселенцев трудиться (в противоречие Конституции СССР 1936 г., где говорилось лишь о праве советских граждан на труд), которым также закреплялись ограничения в передвижении и надзорно-контролирующие функции спецкомендатур в местах спецпоселений.

1945 г., 4–11 февраля. Ялтинская конференция глав правительств СССР, США и Великобритании, на которой, среди прочего, принято решение о выдаче союзниками крымских и иных граждан СССР, покинувших его пределы в годы войны и ранее.

1945 г., 24 марта. В Берлине создано Центральное бюро (председатель Эдиге Кырымал) в качестве официального представительства крымскотатарского народа на Западе.

1945 г., 30 июня. Принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР «О преобразовании Крымской АССР в Крымскую область в составе РСФСР».

1947 г., 21 ноября. Постановление Совета Министров, впоследствии получившее силу закона по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдалённые районы Советского Союза

в период Отечественной войны», согласно которому за самовольный выезд предусматривалось наказание в виде 20 лет каторжных работ.

1948 г. Завершение начатой в 1944 г. кампании замены крымскотатарских по происхождению названий населённых пунктов (частично — рек и гор полуострова) на русскоязычные.

1948 г., сентябрь. Симферопольская научная сессия по истории Крыма открыла кампанию по пересмотру истории Крыма, вылившуюся в массированную фальсификацию исторического прошлого коренного населения полуострова.

1954 г., 19 февраля. В ознаменование 300-летия Переяславской рады и вхождения Украины в состав Московского государства Крымская область передаётся Украинской ССР.

1956 г., 28 апреля. Указ Президиума Верховного Совета СССР об отмене режима спецпоселений в отношении крымских татар, что не влекло за собой обязательного возвращения имущества, конфискованного при выселении в 1944 г., а также права на возвращение спецпереселенцев на историческую родину.

1956 г., 15 декабря. Принятие Советом Министров Украинской ССР постановления о запрещении крымским татарам, немцам, грекам, болгарам и армянам, высланным с полуострова, проживать в Крымской, Запорожской, Одесской, Херсонской, Николаевской и Закарпатской областях.

1960-е гг. Из Крыма варварски выселяются десятки и сотни крымскотатарских семей, попытавшихся вернуться на родину.

1969 г., 1 июля — 5 августа. «Ташкентский процесс» — привлекший внимание мировой общественности суд над десятью крымскотатарскими активистами национально-освободительного движения, приговорёнными к лишению свободы. Волна возмущения среди отечественных и зарубежных правозащитников вынуждает власти смягчить карательные приговоры.

1972 г. Ужесточение Кремлём дискриминации национальных меньшинств, новая вспышка великорусского шовинизма и агрессии, направленной против мусульман и евреев.

1978 г., 31 июня. Неоднократно выселявшийся из Крыма житель Симферопольского района Муса Мамут подверг себя самосожжению в знак протеста против репрессий местных властей.

1970–1980-е гг. Небывалый подъём национально-освободительного движения крымскотатарского народа. Десятки фактически бессудных приговоров на длительные сроки заключения и ссылки, вынесенных активистам движения.

1974, 1976, 1984 и 1986-е гг. Судебные процессы над лидером крымскотатарского движения Мустафой Джемилевым, вызвавшие волну протестов в СССР, странах Европы, США и Азии.

1987 г., 11–12 апреля. Первое Всесоюзное совещание инициативных групп движения крымских татар, принявшее обращение народа к Генеральному секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачёву — с нулевым результатом. В дальнейшем лидер компартии от предложений встретиться с крымскими татарами уклонялся.

1987 г., 6 июля. Демонстрация 120 крымских татар на Красной площади в Москве под лозунгами «Восстановите права крымских татар!», «Верните наш народ на родину!».

1988 г., 18 мая. В день 44-й годовщины народной трагедии состоялись многолюдные митинги в 22 городах СССР. Траурные митинги состоялись в том числе в Симферополе, Бахчисарае, Белогорске, Саках, Джанкое, Старом Крыму и нескольких крымских посёлках.

1989 г., 29 апреля — 2 мая. В г. Янгиюле (Узбекская ССР) на Пятом Всесоюзном совещании представителей инициативных групп принято решение о создании единой Организации крымскотатарского национального движения (ОКНД). Вскоре решение было осуществлено; председателем ОКНД избран Мустафа Джемилев.

1989 г., 7 июня. Погромы в Ферганской долине. Узбекская масса заставила сотни уцелевших «чужаков» — турок-месхетинцев и крымских татар — стать беженцами.

1989 г., 14 ноября. Признание Верховным Советом СССР в своей Декларации «незаконными и преступными репрессивные акты против народов, подвергшихся насильственному переселению», и призвал к «обеспечению их прав».

1989 г., 28 ноября Верховный Совет одобрил «Выводы и предложения» Комиссии по проблемам крымскотатарского народа, согласно которым предусматривалась полная политическая реабилитация крымцев и признавалось их право на возвращение на историческую родину. Начало массового Возвращения.

1991 г., 12 февраля. В соответствии с результатами всекрымского референдума образуется Крымская Автономная Республика в составе Украины. Но, в отличие от былой Крымской АССР, не по национальному, а по территориальному принципу, отчего на крымской земле впервые после Гражданской войны фактически восстановлена система великорусской администрации.

1991 г., 26–30 июня. II Курултай крымскотатарского народа в г. Симферополе. Выборы Меджлиса крымскотатарского народа.

1991 г., лето-осень. После подавления реакционного путча в Москве — взрыв движения республик советской империи за государственное самоопределение и национальную независимость.

1991 г., декабрь. Ликвидация (самороспуск) Советского Союза.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивы и другие собрания источников

АВ ИВР РАН — Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук (Санкт-Петербург).

АМ ФВ — Архив Меджлиса крымскотатарского народа. Фонд Возгрина (Бахчисарай).

АСПбИИ — Архив Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук (Санкт-Петербург).

ГААРК — Государственный архив Автономной Республики Крым (Симферополь).

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

КО РНБ — Картографический отдел Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

ОР СПбФ ИВ РАН — Отдел рукописей Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской академии наук.

РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота России (Гатчина).

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).

РГАЭ — Российский государственный архив экономики (Москва).

РГВИА — Российский государственный Военно-исторический архив (Москва).

РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).

DRA — Det Danske Rigsarkiv (Копенгаген).

SRA — Det Svenska Riksarkivet (Стокгольм).

Опубликованные источники

Абдуллаева, 2007 — *Абдуллаева Э.* [Воспоминания] // http://gorod.tomsk.ru/index — 1225953322.phb

Абибулаева, 1998 — *Абибулаева З.* Я увидела ад на земле // Мелитопольский вестник. 16.05.1998.

Автор «Схолий», 1947 — [Безымянный автор] Схолии к Походу аргонавтов Аполлония Родосского // ВДИ. 1947. № 3.

Азарья, 1856 — *Рабби Азарья бен Илия.* События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин Гирея хана // Временник Императорского московского общества истории и древностей Российских. М., 1856. Т. 24.

Аммиан Марцеллин, 1908 — *Аммиан Марцеллин.* История. Киев, 1908.

Анекдоты, 1937 — Анекдоты о Ходже Насреддине и Ахмед-Ахае. Симферополь, 1937.

Аноним, 1824 — Аноним. Замечания о Крымских Татарах // Украинский журнал. Харьков, 1824. № 8.

Аноним, 1947 — Аноним (Скимн Хиосский ?). Землеописание / Пер. И.И. Бережкова // ВДИ. 1947. № 3.

Аппиан, 1947. — *Аппиан*. Митридатовы войны // ВДИ. 1947. № 4.

Аргинский аноним, 1844 — История крымских ханов / [Публ. А.Ф. Негри] // ЗООИД. 1844. № 1.

Арриан, 1893 — *Арриан*. Перипл Понта Эвксинского. СПб., 1893. Т. 1.

Архив Воронцова, 1871 — Архив князя [М.С.] Воронцова. Кн. 1–40. М., 1870–1895. М., 1871. Кн. 2.

Архив Воронцова, 1880 — Архив князя [М.С.] Воронцова. Кн. 1–40. М., 1870–1895. М., 1880. Кн. 24.

Архив Госсовета, 1869 — Архив Государственного совета. СПб., 1869. Т. 1. Ч. 1.

Архив Маркса, 1939 — Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1939. Т. 6.

Афанасий, 1948 — *Афанасий Александрийский*. Речь против эллинов // ВДИ. 1948. № 3.

Афинагор, 1948 — *Афинагор*. [Безымянное сочинение] // ВДИ. 1948. № 2.

АЮЗР, 1908 — Архив Южной и Западной России, издаваемый Комиссиею для разбора древних актов, состоящий при киевском, подольском и волынском генерал-губернаторе. Киев, 1908.

Барбаро, 1971 — *Барбаро И.* Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини. Вступ. статья, перевод и комм. Е.Ч. Скржинской. Л., 1971.

Бархатная книга, 1797 — Бархатная и родословная книга князей и дворян. М., 1797. Т. 2.

Бодянский, 1847 — Переписка и другия бумаги шведскаго короля Карла XII, польскаго Станислава Лещинскаго, татарскаго хана, турецкаго султана, Генеральнаго Писаря Ф. Орлика и Киевскаго Воеводы Иосифа Потоцкаго на латинском и польском языках / По определению Общества истории и древностей российских секретарь О. Бодянский. М., 1847.

Боплан, 1839 — *Боплан Г.Л.* Описание Украины. СПб., 1839.

Боплан, 1896 — *Боплан Г.* Описание Украины // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 2. Киев, 1896.

Боплан, 1990 — *Боплан Гийом Лавассер, де*. Опис України, кілкох провінцій Королівства Польского, що тягнуться від кордонів Московії до границь Трансильваніі, разом з іхніми звичаями, способом життя, та і ведення воєн. Київ, Cambridge (Mass.), 1990.

Борьба, 1957 — Борьба за власть Советов в Крыму. Документы и материалы. Симферополь, 1957. Т. 1.

Бредаль, 1737 — Донесение вице-адмирала Бредаля в кабинет Ея Императорскаго Величества 1737 года августа 13 // Елагин С. [Веселаго Ф.Ф.] Материалы для истории русскаго флота. СПб., 1877. Ч. VI.

Броневский, 1867 — Описание Крыма (Tartariae Descriptio) Мартина Броневского // ЗООИД. 1867. Т. VI.

Брун, 1867 — Крым в половине XVIII столетия [анонимное турецкое сочинение] / Пер. и прим. Ф.К. Бруна. Одесса, 1867.

Бугай, 1992 — Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии / Автор вступительной статьи, составитель, автор послесловия Н.Ф. Бугай. М., 1992.

Бугай, 2002 — Депортация народов Крыма. Документы, факты, комментарии / Предисл., сост., закл. и комм. Н.Ф. Бугая. М., 2002.

Бузенко, Негри, 1850 — *Бузенко А.А., Негри А.Ф.* Бахчисарайские арабские и турецкие надписи // ЗОИИД. 1850. II.

Бумаги Анны — Бумаги кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. / Собр. и изд. под ред. А.Н. Филиппова. Т. I–XII // Сб. РИО. Юрьев, 1898–1915. № 104–146.

Бумаги Екатерины — Бумаги имп. Екатерины II, хранящиеся в Главном архиве МИД. Т. IV // СРИО. 1880. Т. XXVII.

Бунин, 1991 — *Бунин И.А.* Окаянные дни: Неизвестный Бунин. М., 1991.

Буссов, 1959 — Из записок К. Буссова // Восстание И. Болотникова. Документы и материалы. М., 1959.

Валякин, Хаяли, 2009 — *Валякин А.В.* Из истории крымскотатарского национального движения в период становления Крымской республики 1921–1928 гг. // Последняя рукопись Сабри Айвазова. Дело партии «Милли Фирка». Документы свидетельствуют. Из серии «Рассекреченная память». Крымский выпуск. Т. 1 / Под общ. ред. В.В. Пшеничного, Р.Н. Лесюка, С.В. Лунина, И.И. Полякова. Составители А.В. Валякин, Р.И. Хаяли. Симферополь, 2009.

Васильевский, 1915 — Житие св. Стефана Сурожского // Труды В.Г. Васильевского. Пг., 1915. Т. III.

Вашари, 2002 — *Вашари И.* Жалованные грамоты Джучиева Улуса, данные итальянским городам Кафа и Тана // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды) от Калки до Астрахани (1223–1556). Казань, 2002.

Величко, 1851 — Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в. составил Самоил Величко, бывший канцелярист Канцелярии Войска Запорожского, 1720 г. Повествования летописная о малороссийских и инших отчасти поведениях собранная и зде описанная. Т. 2–3. Киев, 1851–1855.

Вельяминов-Зернов, 1864 — Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению Императорской Академии наук из Московского главного архива Министерства иностранных дел / Изд. В.В. Вельяминов-Зернов. СПб., 1864.

Весела, 1969 — *Весела З.* Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы / Под ред. А.С. Тверитиновой. Т. I–II. М., 1964–1969. Т. II.

Вигель, 1866 — Воспоминания Ф.Ф. Вигеля. М., 1866. Т. III. Ч. VII.

Вигель, 1892 — Замечания на нынешнее состояние Бессарабии. Писано в Одессе в октябре 1823 г. Сочинение Ф.Ф. Вигеля. М., 1892.

Витворт, 1886 — Донесения и бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта и секретаря его Вайсброда с 1708 по 1711 г. // СРИО. СПб., 1886. Т. L.

Воронцов, 1906 — О выселении татар из Крыма. 1874. Всеподданейшее донесение генерал-адъютанта кн. С.М. Воронцова // Русский архив. 1906. № 7.

Врангель, 1992 — Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. Южный фронт (ноябрь 1916 — ноябрь 1920). Ч. 1–2. М., 1992.

Гассман, 1971 — Странствования Христофора Гассмана / Сост. Беатом Верденмоллером, пастором в Албис-Риден. Париж, 1971.

Гераков, 1828, 1830 — Путевые записки по многим российским губерниям статского советника Гавриила Геракова. Пг., 1828, 1830 (в одном томе).

Герберштейн, 1988 — Записки о Московии Сигизмунда, вольного барона в Герберштейне, Нойперге и Гутенхаге. Весьма краткое описание Руссии и Московии, которая ныне состоит её столицею... С присовокуплением описания двух путешествий в Москву / Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. М., 1988.

Германские документы — Германские документы о борьбе с крымскими партизанами в 1941–1942 гг. // Москва — Крым. Историко-публицистический альманах. М., 2000. Вып. 1.

Геродот, 1947 — *Геродот*. Истории // ВДИ. 1947. № 2.

Геродот, 1972 — *Геродот*. История в девяти книгах. Л., 1972 .

Герцык, 1992 — *Герцык Е.* Воспоминания. М., 1992.

Гессен, 1978 — *Гессен И.В.* Годы изгнания. Жизненный отчёт. Paris, 1978.

Гиацинтов, 2010 — *Гиацинтов Э.* Записки белого офицера. М., 2010.

Гиппиус, 1991 — *Гиппиус З.Н.* Современные записи. 1914–1919 // Мережковский Д. Больная Россия. Л., 1991.

Гиппиус, 1917 — *Гиппиус З.* О днях петербургских. 1914–1918 // Родина. 1991. № 4.

Горчакова, 1883 — Воспоминания о Крыме кн. Е. Горчаковой. Т. I–II. М., 1883–1884.

Губогло, Червонная, 1992 — *Губогло М.Н., Червонная С.М.* Крымскотатарское национальное движение. М., 1992–1996. Т. 1–3.

Гутри, 1910 — Письма о Крыме, об Одессе и Азовском море [Гутри М.]. М., 1810.

Данилов, 1993 — *Данилов И.* Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. М., 1993. Т. 16 [репринт].

Двенадцатый съезд — Двенадцатый съезд РКПб. Стенографический отчёт. М., 1968.

Декреты, 1957 — Декреты Советской власти / Ред. Г.Б. Обичкин и др. Т. 1–14. М., 1957–1997.

Демидов, 1953 — *Демидов А.* Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году. М., 1853.

Деникин, 1926 — *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты // Вооружённые силы Юга России. Берлин, 1926. Т. V.

Депортация, 2004 — Депортация крымских татар (воспоминания депортированных) / Составитель Рефат Куртиев. Симферополь, 2004.

Депортация, 2005 — Депортация крымских татар (воспоминания депортированных). Часть вторая / Составитель Рефат Куртиев. Симферополь, 2005.

Джемилев, 2000 — *Джемилев Р.* «Я не надеялся выйти из лагеря живым...» // ГК. 01.09.2000.

Диодор Сицилийский — Диодора Сикилийскаго Историческая библиотека. Ч. 1–6 / Переведена с греческаго на российский язык Иваном Алексеевым. СПб., 1774–1775.

Дионисий, 1947 — *Дионисий Митиленский*. Аргонавты // ВДИ. 1947. № 3.

Договоры, 1869 — Договоры России с Востоком / Сост. Т. Юзефович. СПб., 1869.

Доклад, 1916 — Доклад императрице Екатерине II по вступлении ея на престол, изображающий систему крымских татар, их опасность для России и претензию на них // ИТУАК. 1916. № 53.

Документы, 1909 — Документы Северной войны. Полтавский период (ноябрь 1708 — июль 1709) Под общим руководством А.К. Баиова, ред. Н.Л. Юнаков // Труды Императорского Русского военно-исторического общества. СПб., 1909. Т. III.

Документы, 1960 — Документы внешней политики СССР. М., 1960.

Документы, 1967 — Документы на половецком языке XVI в. М., 1967.

Донские дела, 1917 — Донские дела // Русская историческая библиотека. СПб., 1917. Т. XXXIV, кн. 5.

Дорожник — Дорожник Александра //ВДИ. 1949, № 3.

Дортелли, 1902 — Описание Чёрного моря и Татарии. Составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Кафы, Татарии и проч. в 1634 году / Пер. и примеч. Н.Н. Пименова. Предисл. и примеч. А.Л. Бертье-Делагарда // ЗОИИД. 1902. Т. XXIV.

Дубровин, 1880 — *Дубровин Н.Ф.* Присоединение Крыма к России в 1775–1780 гг. Т. I–IV. СПб., 1885–1889.

Ерофеев, 1907 — *Ерофеев И.* Крым в малороссийской народной поэзии XVI–XVII вв., преимущественно в деревнях // ИТУАК. 1907. № 42.

Ефетов, Филоненко, 1927 — *Ефетов С.Б., Филоненко В.И.* Песни крымских татар // ИТОИАЭ. Симферополь, 1927.Т. 1 (58).

Ефимов, Белоглазов, 2003 — *Ефимов А.В., Белоглазов Р.Н.* «Изыскать пути к парализованию...» Документы карательных органов Вооружённых сил Юга России и Крымской АССР о крымскотатарском движении (1920–1923) // Москва — Крым: историко-публицистический альманах. М., 2002. Вып. 4.

Жадовский, 1859 — *Жадовский П.* Отрывки воспоминаний о Крыме 1855 и 1856 гг. // Сборник литературных статей, посвящённых русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя Александра Филипповоча Смирдина. СПб., 1859. Т. IV.

Жихарев, 1935 — *Жихарев С.П.* Записки современника. Ч. 2. Дневник чиновника. М.; Л., 1935.

Законоведение, 1850 — Изложение начал мусульманского законоведения / Сост. Н. Торгау. СПб., 1850.

Закревский, 1863 — *Закревский Н.* Севастополь, 1832 год (Записки врача морской службы) // Морской сборник. 1863. Т. LXIV. № 2.

Заметки, 1863 — Заметки XII–XV века, относящиеся к Крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанныя на греческом Синаксаре // ЗООИД. 1863. Т. V.

Записка, 1836 — Записка о том, сколько я памятую о крымских и турецких походах. Одесса, 1836.

Записка, 1879 — Записка гр. А.А. Безбородки о причинах разрыва мира с Турциею // СРИО. 1879. Т. XXVI.

Зуев, 1783 — Выписка из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма 1782 года // Месяцеслов исторический и географический на 1783 г. СПб., 1783.

Иаков, 1850 — Сказание священника Иакова // ЗООИД. 1850. Т. II.

Иванов, 1898 — Из дел Канцелярии Николаевского военного губернатора (публ. П.А. Иванова) // ИТУАК. 1892. № 16.

Игнатьев, 1914 — Записки графа Н.П. Игнатьева. 1875–1877 гг. СПб., 1914.

Идрисов, 1925 — *Идрисов С.* Воспоминания о революционном движении среди татар в Крыму в 1905 г. // РВК. 1925. № 2 (6).

Из истории ВЧК, 1958 — Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917–1921. М., 1958.

Измайлов, 1805 — *Измайлов В.В.* Путешествие в Полуденную Россию. М., 1805. Ч. I–III.

Ильминский, 1895 — Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву. Казань, 1895.

Иоанн Готский, 1912 — Житие Иоанна Готского // Василевский В.Г. Труды. СПб., 1912. Т. II. Вып. 2.

Иоанн Златоуст, 1897 — Творения Святого отца нашего Иоанна Златоуста. СПб., 1897.

Итоги, 1927 — ЦСУ. Итоги деятельности Советской власти в цифрах. 1917–1927 гг. М., 1927.

Кабардинско-русские отношения — Кабардинско-русские отношения XVI–XVII вв. / Сост. Н.Ф. Демидов, Е.Н. Кушева, А.М. Персов. М., 1957. Т. 1.

Каганкатваци, 1861 — История агван Моисея Каганкатваци, писателя X века. СПб, 1861.

Как ломали НЭП, 2000 — Как ломали НЭП. Стенограмма пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. / Редколл.: В.П. Данилов (отв. ред.) и др. М., 2000.

Каллимах, 1947 — *Каллимах*. Гимны // ВДИ. 1947. № 3.

Караман, 1854 — *Караман*, герцог. Поездка в Крым в 1784 году // Московские ведомости. 1854. № 115.

Квашнина-Самарина, 1990 — *Квашнина-Самарина М.Н.* В красном Крыму / Публ. Л. Крафта // Минувшее. Исторический альманах. Сб. 1. [Репринт с парижского издания 1986 г.] М., 1990.

Клеман, 1783 — Клееманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, також в земли буджатских и нагайских татар и во весь Крым, с возвратом через Константинополь, Смирну и Триест в Австрию. В 1768, 1769 и 1770 гг. с приобщением описания достопамятностей крымских / Пер. с нем. на фр., а с онаго на российский язык Государственной Военной коллегии секретарём Иваном Одинцовым. СПб., 1783.

Климент, 1948 — *Климент Александрийский*. Увещательная речь к эллинам // ВДИ. 1948. № 2.

Книга скорби, 2001 — Книга скорби Украины. Автономная Республика Крым. Симферополь, 2001.

Княжевич, 1858 — Записка действительного члена Имп. Русского географического обшества В. Княжевича. Административные вопросы относительно Крыма // В. Штакельберг. СПб., 1858. Ч. 3.

Коллективизация — Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927–1935. М., 1957.

Конный полк, 2001 — Крымский конный полк в боях в Крыму // Сопротивление большевизму. 1917–1918 гг. / Сост., научн. ред., предисл. и коммент. С.В. Волкова. М., 2001. [Анонимное собрание материалов, впервые опубликовано в: Крымский конный Её Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полк. 1784–1722. Сан-Франциско, 1978.

Константин, 1989 — *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989.

Контарини, 1836 — Путешествие Амвросия Контарини, посла светлейшей Венецианской Республики к знаменитому персидскому государю Узун-Гассану, совершенное в 1473 г. // Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836. Т. I.

Корпус — Корпус боспорских надписей. Л., 1965.

Кошелев, 1884 — Записки А.И. Кошелева (1812–1883). Берлин, 1884.

Кравен, 1795 — Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 г. милади Кравен... М., 1795.

Красное колесо, 2008 — «Красное колесо» Вишеры. Пермь, 2008.

Красный террор, Евпатория, 2004 — Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков, состоящая при главнокомандующем вооружёнными силами на юге России. Дело № 56. Сведения о злодеяниях большевиков в г. Евпатории // Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Ред.-составитель Ю.Г. Фельштинский. Лондон, 2004.

Красный террор. Южное побережье Крыма, 2004 — Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков, состоящая при главнокомандующем вооружёнными силами на юге России. Сведения о злодеяниях большевиков на Южном побережье Крыма (Ялта и окрестности) // Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Ред.-составитель Ю.Г. Фельштинский. Лондон, 2004.

Краткое описание — Краткое описание военных случаев, касающихся до Азова, от создания сего города до возвращения онаго под Российскую державу. СПб., 1782.

Крижанич, 1859 — *Крижанич Ю.* Русское государство в половине XII в. Рукопись времён царя Алексея Михайловича; открыл и издал П. Безсонов. М., 1859.

Крижанич, 1965 — *Крижанич Ю.* Политика. М., 1965.

Кримські татари: шлях до повернення. Кримськотатарський національний рух (друга половина 1940-х — початок 1990-х років) очима радянських спецслужб. Збірник документів та матеріалів. Київ, 2004. Ч. I.

Кришевский, 1992 — *Кришевский Н.[Э.]* В Крыму (1916–1918 г.) //Архив русской революции. М., 1992. Т. XIII.

Крым в ВОВ — Крым в период Великой Отечественной войны 1941–1945. Сб. документов и материалов. Симферополь, 1973.

Кюстин, 2008 — *Астольф де Кюстин*. Россия в 1839 году / Пер. с фр. В. Мильчиной, И. Стаф, О. Гринберг, С. Зенкина. Коммент. В. Мильчиной и А. Осповата. СПб., 2008.

Лашков, 1892 — Реестры Крымского двора старых лет делам в столпах содержащимся с 1579 по 1700 (сообщение Ф. Лашкова) // ИТУАК. 1892. № 15.

Лашков, 1894 — *Лашков Ф.Ф.* Крымско-турецкие дела в 80-х гг. XIX столетия // ЗООИД. 1894. Т. XIV.

Ленин и ВЧК, 1975 — В.И. Ленин и ВЧК. Сб. документов. М., 1975.

Лехно, 1885 — *Лехно, Давид бен-Элиезер*. Дебар Сефетаим [Устное Слово]. СПб., 1882.

Летопись — Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в, изданная Временной комиссией для разбора древних актов. Киев, 1851. Т. II.

Лопатин, 1997 — Екатерина II и Г.А. Потёмкин. Личная переписка 1769–1791 / Тексты подготовил В.С. Лопатин. М., 1997.

Лоция, 1976 — Лоция Чёрного моря (для служебного пользования, экз. № 1244) / Сост. и ред. А.А. Белова, О.Н. Богатко, В.М. Вайсмана, Е.Ф. Весилова и др. М., 1976.

Лызлов, 1990 — *Лызлов А.И.* Скифская история. М., 1990.

Людольф, 1892 — Граф де Людольф. Письма о Крыме // Русское обозрение. 1892. Март. Т. 2.

Люк, 1879 — Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена / Пер. и предисл. П. Юрченко // ЗОИИД. 1879. Т. XI. Отд. 3.

Мазепа, 2007 — Гетман Иван Мазепа. Документы из архивных собраний Санкт–Петербурга / Сост. Т.Г. Таирова-Яковлева. СПб., 2007 Вып. I. 1687–1705.

Макаров, 2010 — *Макаров И.А.* Новые эпиграфические данные о римском военном присутствии в Таврике // ВДИ. 2010. № 3.

Малиновский, 1863 — Историческое и Дипломатическое собрание дел, происходивших между Российскими Великими Князьями и бывшими в Крыме Татарскими царями с 1462 по 1533 год / Сочинен из старинных книг и столпцов, хранящихся в Московской государственной коллегии иностранных дел архиве, переводчиком Алексеем Малиновским, 1793 года // ЗООИД. 1863. Т. V.

Маметов, 1994 — *Маметов И.* Как я нашёл своих родителей в местах насильственного выселения // Крымские татары — Qirim tatarlari. Минск, 1994.

Манштейн, 1875 — Записки [К.Г.] Манштейна о России. 1727–1747 гг. / Пер. с фр., с подлинной рукописи Манштейна. СПб., 1875.

Манштейн, 1999 — *Манштейн Э., фон*. Утерянные победы / Сост. С. Переслегин, Р. Исмаилов. М.; СПб., 1999.

Маркевич А. Материалы архива канцелярии Таврического губернатора, относящиеся к путешествию императрицы Екатерины II в Крым. Симферополь, 1891.

Маркович, 1859 — Дневныя записки малороссийскаго подскарбия генеральнаго Якова Марковича. Т. I–II. СПб., 1859. Т. II.

Мартенс, 1874 — *Мартенс Ф.Ф.* Собрание документов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами. СПб., 1874–1902. Т. 1–13.

Мартинес, 1992 — *Мартинес А.М.* Первый доклад о дискриминации в отношении коренных народов для Подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите меншинств (E/CN/ 4/Sub. 2/1992/32), Женева, 1992.

Масса, 1959 — *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в // Восстание И. Болотникова. Документы и материалы. М., 1959.

Масса, 1997 — *Масса И.* Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей // О начале войн и смут в Московии. М., 1997.

Матвей, 1936 — *Матвей* (*Меховский*). Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936.

Материалы, 1871 — Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. СПб., 1871–1874. Вып. 1–5.

Материалы, 1898 — Материалы по мусульманству. Ташкент, 1898. Вып. III. Ишаны и суфизм.

Материалы, 1987 — Материалы к этнической карте Крыма VII в. до н. э. — VII в н. э. Киев, 1987.

Мертваго, 1867 — Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. 1760–1824 // Русский архив, 1867, № 8/9.

Миних, 1897 — Всеподданнейшия донесения Гр. Миниха. Ч. I. Донесения 1736 и 1737 годов... по списку поручика М.Н. Прокоповича / Под ред. А.З. Мышлаевскаго // Сб. военно-исторических материалов. СПб., 1897. Вып. X.

Миних, 1899 — Всеподданнейшия донесения Гр. Миниха. Часть II. Донесения 1737 и 1738 годов... по списку поручика М.Н. Прокоповича / Под ред. А.З. Мышлаевскаго // Сб. военно-исторических материалов. СПб., 1897. Вып. XI.

Миранда, 2001 — *Миранда, Ф. де*. Путешествие по Российской империи / Пер. с исп. М.С. Альперовича, В.А. Капанадзе, Е.Ф. Толстой. М., 2001.

Мирсаид, 1992 — *Мирсаид Султан Галиев*. Статьи. Выступления. Документы. Казань, 1992.

Михаил Литвин, 1890 — *Михаил (Михалон) Литвин*. О нравах татар, литовцев и московитов: Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев, 1890. Вып. 1.

Мордвинов, 1872 — Мнение относительно Крыма. 1802 // Граф Николай Семёнович Мордвинов. Мнения, проекты и записки по вопросам финансовым, юридическим и политическим. 1801–1842 // Русская старина. 1872. Январь. Т. V.

Мормон, 1840 — Путешествие маршала Мормона, герцога Рагузского в Венецию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму и берегам Чёрного моря... М., 1840. Ч. I.

Мундт, 1909 — Крым-Гирей — союзник Фридриха Великого. Пролог столкновений между Россией и Турцией Теодора Мундта / Пер. с нем. В. Остермана // ИТУАК. 1909. № 43.

Муравьёв-Апостол, 1823 — *Муравьёв-Апостол И.Г.* Путешествие по Тавриде в 1820 годе. СПб., 1823.

Нарушевич, 1783 — Таврикия, или Известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма и его жителях до наших времен. Сочинение польского епископа господина Адама Нарушевича, переведённое с польского языка на российский. Киев, 1783.

Наше правительство — Наше правительство (крымские воспоминания о 1918–1919 гг). Париж, 1928.

Неджати, 1894 — Записки Мухаммеда Неджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771–1775 гг. // Русская старина. 1894. Т. 81. № 3–5.

Немирович-Данченко — Немирович-Данченко Г.В. В Крыму при Врангеле. Берлин, б.г.

Никандр, 1947 — *Никандр Колофонский*. Превращения // ВДИ. 1947. № 4.

Никифоров, 1844 — Донесение российского резидента при крымском хане Никифорова о низложении Крым-Гирея // ЗОИИД. 1844. № 1.

Новгородские летописи — Новгородские летописи. СПб., 1879.

Нюрнбергский процесс, 1954 — Нюрнбергский процесс. Сборник материалов / Ред. К.П. Горшенин, Р.А. Руденко и И.Т. Никитченко (2-е изд.). М., 1954.

О воспитании — О коммунистическом воспитании. М., 1964.

Оболенский, 1988 — *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. Paris, 1988.

Овидий, 1949 — *Овидий Назон*. Сколии к Ибису / Пер. А.И. Малеина // ВДИ. 1949. № 1.

Оглашению подлежит, 1991 — Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы / Сост. Ю. Фельштинский. М., 1991.

Олесницкий, 1910 — *Олесницкий А.А.* Песни крымских турков (с переводом и музыкою) / Под ред. В.А. Гордлевского // Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. М., 1910. Вып. 32.

Оппозиция — Коммунистическая оппозиция в СССР (Из архива Л.Троцкого). Vermont, 1988. Т. I–IV.

Ориген, 1948 — *Ориген*. Против Цельса // ВДИ. 1948. № 2.

Очевидец, 1996 — В Крыму после Врангеля (рассказ очевидца) // Крымский архив. 1996. № 2.

Памятники, 1864 — Памятники дипломатических отношений России с державами иностранными. СПб., 1864–1868. Т. VII–IX.

Памятники, 1884 — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турциею. Т. I. С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольскаго ига в России / Изд. под ред. Г.Ф. Карпова // СРИО. 1844. Т. XLI.

Памятники, 1895 — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, ногаями и Турциею. Т. II. 1508–1521 гг. / Изд. под ред. Г.Ф. Карпова и Г.Ф. Штендмана // СРИО. 1895. Т. XCV.

Панин, 1878 — Из бумаг графа Н.И. Панина // Русский архив. 1878. Т. 12.

Пассек, 1840 — *Пассек В.* Отрывки путешествия по Крыму // Очерки России. М., 1840. Кн. IV.

Переписи, 1972 — Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646–1858). Вып. IX. Документы 1–2. М., 1972.

Переписка, 1847 — Переписка и другие бумаги шведского короля Карла XII, польского Станислава Лешинского, татарского хана, турецкого султана, генерального писаря Ф. Орлика и киевского воеводы Иосифа Потоцкого на латинском и польском языках / Предисл. О. Боданинского. М., 1847.

Перри, 1871 — Состояние России при нынешнем царе: Сочинение капитана Джона Перри. В отношении многих великих и замечательных дел его по части приготовлений к устройству флота, установления нового порядка в армии, преобразования народа и разных улучшений края / Пер. О.М. Дондуковой-Корсаковой. М., 1871.

Петрей, 1997 — История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведённых там тремя Лжедмитриями, и о московских законных правах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Пётр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года // О начале войн и смут в Московии. М., 1997.

Письма, 1881 — Письма Екатеринославскаго губернатора Василия Васильевича Коховскаго состоящего при делах Ея Величества Екатерины II, тайному советнику В.С. Попову для доклада князю Платону Александровичу Зубову (с 20 января 1782 по 24 июня 1789 года) // ЗООИД. 1881. Т. XII.

Письма иезуитов, 1904 — Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. / Сост. [Ф. Дворский]. Пер. М.О. Кояловича. СПб., 1904.

Письма Иосифа — Письма императора Иосифа II к фельдмаршалу Масси во время пути в Херсон и Крым // Русский архив, 1880. Т. 1. № 1–4.

Пишчевич, 1885 — Жизнь Пишчевича, им самим описанная // ЧОИДР. 1885. Кн. 1, отд. 1; кн. 2, отд. 1.

Платон, 1968 — *Платон*. Сочинения в трёх томах. М., 1968–1972.

Плутарх, 1947 — *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания // ВДИ. 1947. № 4.

Подённая записка — Подённая записка путешествия Его сиятельства кн. Василия Михайловича Долгорукова в Крымский полуостров во время кампании 1773 // ЗООИД. 1872. Т. VIII.

Подолинский, 1837 — *Подолинский А.* Переезд через Яйлу // Современник. 1837. № 7.

Полиен, 1918 — *Полиен*. Военные хитрости // Древний мир на юге России. М., 1918.

Полиен, 1948 — *Полиен*. Военные хитрости / Пер. В.М. Клембовского // ВДИ. 1948. № 2.

Политическая история, 1999 — Политическая история русской эмиграции 1920–1940 гг. Документы и материалы. М., 1999.

Положение, 1925 — Положение Народного Управления религиозными делами мусульман Крымской Социалистической Советской Республики. Симферополь, 1925.

Поляк, 1964 — *Поляк А.Н.* Новые материалы позднего Средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы / Ред. А.С. Тверитинова. М., 1964.

Порхомов, 1895 — Об исторических записках сержанта, после подпоручика, Черниговского пехотного полка Саввы Порхомова с 1735 по 1744 г. Кострома, 1895.

Пословицы, 1914 — Пословицы, поговорки и приметы крымских татар, собранные А.А. Боданинским, Э.Л. Мартино и О. Мурасовым / Ред. А.Н. Самойлович, П.А. Фадеев. Симферополь, 1914.

Послужные списки — Послужные списки балаклавских греков. Избранные материалы из коллекции А.Ю. Донского // И. Николопулос. Греки и Россия, XVII–XX вв. Сб. статей / Отв. ред. Г.Л. Арш. СПб., 2007.

Потёмкин, 1881 — Распоряжения Светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического касательно устроения Таврической области с 1781 по 1786 годы // ЗООИД. Одесса, 1881. Т. 12.

Потто, 1885 — Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях В. Потто. СПб., 1885. Т. I. От древнейших времен до Ермолова. Вып. 1.

Программа — Программа мусульманской группы во Второй Государственной думе. СПб., 1907.

Программные документы, 1996 — Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. — 1917 г.). Сб. документов / Сост. В.М. Фомин. М., 1996. Вып. 2.

Проект, 2005 — Проект решения Курултая крымскотатарского народа «О признании геноцида крымскотатарского народа» // ГК. 18.11.2005.

Прокопий, 1950 — *Прокопий Кесарийский*. Война с готами. М., 1950.

Псевдо-Арриан, 1948 — *Псевдо-Арриан*. Объезд Эвксинского Понта / Пер. Э.Н. Штерна // ВДИ. 1948. №. 2.

Псевдо-Орфей, 1948 — Псевдо-Орфей. Поход аргонавтов // ВДИ. 1948. № 3. С. 270.

Пселл, 1978 — *Михаил Пселл*. Хронография / Пер., статья и примеч. Я.Н. Любарского. М., 1978.

ПСРЛ, 1904. Т. XIII — ПСРЛ, 1904. Т. XIII. Пол. 1. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью.

Пятнадцатый съезд — XV съезд ВКПб. Стенографический отчёт. М., 1961.

Раков, 1904 — *Раков В.С.* Мои воспоминания о Евпатории в эпоху Крымской войны 1853–1856 гг. Евпатория, 1904.

Революция, 1930 — Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX в. / Под ред. С.М. Диманштейна. Сост. И. Левин, Е. Драбкина. М., 1930. Т. III. Февраль–октябрь 1917 г.

Риза, 1832 — Ассеб о-ссейяр, фи ахбари мулюки татар, или Семь планет в известиях о царях татарских, содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана I-го до Менгли-Гирей хана II-го, то есть с 871/1466 по 1150/1737 г. Сочинение Сейида Мухаммеда Ризы / Пер. и подг. А.К. Казем-бек. Казань, 1832.

Ромм, 1941 — *Ромм Ж.* Путешествие в Крым в 1786 г. / Пер., вступ. ст. и примеч. К.И. Раткевич. Л., 1941.

Россия глазами иностранцев, 1991 — Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев / Подготовка текстов и вступ. ст. Ю.А. Лимонова. Примеч. В.Г. Данченко. Л., 1991.

Рубрук, 1910 — *Рубрук В., де*. Путешествие в восточные страны / Введение, пер. и примеч. А.И. Малеина. СПб., 1910.

Сапрыкин, Ермолин, 2010 — *Сапрыкин С.Ю., Ермолин С.А.* Новая латинская надпись из Пантикапея // ВДИ. 2010. № 3.

Сборник, 1888 — Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный Комиссией для разбора древних актов. Киев, 1888.

Сегюр, 1865 — Записки графа [Л.Ф. де] Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789 гг). СПб., 1865.

Сейдамет, 2009 — *Сейдамет Крымэр Д.* Некоторые воспоминания / Пер. с тур. Ш. Абдурамановой // ПО. 2009. № 1–51.

Сейдамет, 2010 — Сейдамет Крымэр Д. Некоторые воспоминания / Пер. с тур. Ш. Абдурамановой // ПО. 2010. № 1–26.

Серов, 1896 — Письма А.Н. Серова к его сестре С.Н. Дю-Тюр (1848–1861 гг.). СПб., 1896.

Симиренко, 1898 — *Симиренко Л.[П].* Из зимней поездки в Крым. СПб., 1898.

Слащов, 1990 — *Слащов-Крымский Я.А.* Белый Крым. 1920 г. Мемуары и документы. М., 1990.

Собр. законов — Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза ССР. М., 1932.

Сов. секретно — «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922-1934). Т. 1 / Сост. Н.М. Перемышленникова и др. М., 2001; Т. 2 / Сост. Н.М. Перемышленникова и др.; Т. 3 / Сост. Л.П. Колодникова и др. М., 2002; Т. 4 / Сост. Н.М. Перемышленникова и др. М., 2001; Т. 5 / Сост. Ю.Л. Дьяков и др. М., 2003; Т. 6 / Сост. Н.Е. Быстрова и др. М., 2002; Т. 7 / Сост. Ю.Л. Дьяков и др. М., 2004; Т. 8 / Сост. Н.Е. Быстрова и др. М., 2008.

Советская деревня — Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. Том I. 1918–1922 гг. Документы и материалы. / Сост. Л. Борисова, В. Данилов, Н. Ивицкий, В. Кондрашин, Г. Голышкина, В. Гусаченко, А. Николаев, Н. Тархова. М., 1998. Т. II. 1923–1929. М., 2000. Т. III. 1930–1931. Кн.1. М., 2003.

Соколов, 1869 — *Соколов Д.* Прогулка по Крыму. Одесса, 1869.

Справка, 2006 — Справка о материальном и моральном ущербе, нанесённом преступной депортацией 1944 года крымскотатарскому народу, подлежащем возмещению // ГК. 25.11.2005.

Стат. атлас — Статистически-экономический атлас Крыма. Симферополь, 1922.

Столыпин, 1991 — *Столыпин П.А.* Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М., 1991.

Страбон, 1947 — *Страбон*. География / Пер. В.В. Латышева // ВДИ. 1947. № 4.

Стрюйс, 1880 — Путешествие в Россию голландца Я. Стрюйса // Русский архив. 1880. Т. I.

Судаков, 1891 — Статейный список московскаго посланника в Крым Ивана Судакова в 1587–1588 году / [Изд. Ф. Ф. Лашков] // ИТУАК. 1891. № 14.

Судейкина, 2006 — *Судейкина В.* Дневник. 1917–1919. Петроград. Крым. Тифлис. М., 2006.

Султан-Галиев, 1921 — Доклад б. члена коллегии Наркомнаца Султан-Галиева о положении в Крыму. 14 апреля 1921 г. // Крымский архив. 1996. № 2.

Султан-Галиев, 2002 — Неизвестный Султан-Галиев. Рассекреченные документы и материалы / Сост. Б.Ф. Султанбеков, Д.Р. Шарафуддинов. Казань, 2002.

Сумароков, 1800 — *Сумароков П.* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1779 г. с историческими и топографическими описаниями тех мест. М., 1800.

Сумароков, 1803, 1805 — *Сумароков П.* Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. СПб., 1803, 1805. Кн 1–2.

Татищев, 1990 — *Татищев В.Н.* Записки, письма. М., 1990.

Тацит, 1969 — *Корнелий Тацит*. Сочинения в двух томах. Л., 1969.

Таш. процесс — Ташкентский процесс. Суд над десятью представителями крымскотатарского народа (1 июля — 5 августа 1969 г.). Сб. документов с иллюстрациями // Серия «Библиотека Самиздата». Амстердам, 1976. № 7.

Тейльс, 1789 — Известия, служащие к истории Карла XII, короля шведского, содержащие в себе, что происходило в бытность сего Государя при Оттоманской Порте, достоверное уведомление о несогласиях, приключившихся от времени до времени между Его Царским Величеством и Портою и прочая, и прочая, и прочая. С приложением реляции о последней войне между Султаном, Цесарем и республикою Венецианскою, все достоверными опытами доказано и издано через В. Тейльса, Первого переводчика Порты и Секретаря при Его Сиятельстве господине Г. Колиере, обретающимся Посланником при Порте от Их Высокомоществ. С французского перевел внук его Антон Тейльс. М., 1789.

Теофил, 1948 — *Теофил*. [Безымянное сочинение] // ВДИ. 1948. № 2.

Тизенгаузен, 1884 — *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884; Т. 2. Извлечения из персидских сочинений, собранных В.Г. Тизенгаузеном и обработанных А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

Тотлебен, 1893 — О выселении татар из Крыма в 1860 году. Записка генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена // Русская старина. 1893. Т. 78.

Трагедия деревни — Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939 гг. В пяти томах / Гл. ред. совет: В. Данилов, Ю. Мошков и др. М., 1999–2006.

Тукаев, 1912 — Отчёт члена Комиссии по вероисповедным вопросам Государственной думы II и III созыва Мухамет-Шакира Харисова Тукаева, депутата от Уфимской губернии. Уфа, 1912.

Тунманн, 1936 — *Тунманн [И.Э.]* Крымское ханство / Пер. с нем. издания 1784 г. и коммент. Н. Эрнста. Симферополь, 1936.

Тяпкин, Зотов, 1850 — Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова посольства в Крым в 1680 году для заключения Бахчисарайского договора. Одесса, 1850.

Уложение Тимура, 1992 — Уложение Тимура. Исторические записки / Ред. Р. Азимова. Ташкент, 1992.

Уставы, 1976 — Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.

Фадеев, 1897 — Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. 1790–1867. В двух частях. Одесса, 1897.

Ферран, 1842 — Путешествие из Крыма в Черкессию, через земли Ногайских Татар в 1702 г. доктора Феррана // Русский вестник. 1842. Т. 6. № 4

Фёдоров, 1855 — *Фёдоров Ф.А.* Крым с Севастополем, Балаклавою и другими его городами. СПб., 1855.

Филосторгий, 1948 — *Филосторгий*. Церковная история // ВДИ. 1948. № 3.

Хавен, 2007 — *Хавен, П. фон*. Путешествие в Россию / Пер. с дат., коммент. и примеч. В.Е. Возгрина. СПб., 2007.

Халим-Гирай, 2004 — *Халим-Гирай султан*. Розовый куст ханов, или История Крыма / Пер. переложения А. Ильми 1909 и пояснения Кемаля Усеинова. Симферополь, 2004.

Халим-Гирай, 2008 — *Халим-Гирай-султан*. Розовый куст ханов, или История Крыма / Пер. переложения А. Ильми 1909. Транскрипция оригинального текста, составление приложений и пояснение К. Усеинова. 2-е из., испр. Симферополь, 2008.

Храповицкий, 1990 — Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М., 1990.

Хрестоматия, 1994 — Хрестоматия по исламу. Переводы с арабского, введение и примечания / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М., 1994.

Хрест. Востока — Хрестоматия по истории Древнего Востока / Ред. М.А. Коростовцев, И.С. Кацнельсон, В.И. Кузищин. Т. I–II. М., 1980. Т. II.

Чагар, 1934 — *Чагар*. Доклад на XVII партийной конференции // КК. 26.01.1934.

Челеби, 1961 — *Челеби Э.* Книга путешествия. М., 1961. Вып. 1.

Челеби, 1983 — *Челеби Э.* Книга путешествия. М., 1983. Вып. 3.

Челеби, 1999 — Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1662–1667) / Пер. и коммент. Е.В. Бахревского. Симферополь, 1999.

Четвёртое совещание — Четвёртое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчёт // Тайны национальной политики ЦК РКП. М., 1992. М., 1923.

Шатилов, 1858 — Записка помещика Шатилова об отношениях татар и помещиков в Крыму // В. Путеводитель от Крыма до Москвы в 3-х частях. Сост. А. Штакельбергом. СПб,. 1858. Ч. III.

Шишкина, 1848 — Записки и воспоминания русской путешественницы [О. Шишкиной] по России в 1845 году. СПб., 1848 Часть II.

Шмальц, 1840 — Очерки путешествия в Крым профессора Шмальца в 1837 г. // ЖМНП. 1840. Апрель.

Штакеншнейдер, 1934 — *Штакеншнейдер Е.А.* Дневник и записи. М.; Л., 1934.

Эпифаний, 1948 — *Эпифаний*. Против ересей // ВДИ. 1948. № 3. Кн. II.

Эрбе, 1894 — *Эрбе, ген.* Французы и русские в Крыму. Письма французского офицера к своей семье во время Восточной войны 1853–1855 гг. Минск, 1894.

Юль, 1910 — Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. М., 1910.

Ящик, 2007 — Жизнеописание Тимофея Ксенофонтовича Ящика, лейб-казака Её Величества императрицы Марии Фёдоровны // Ящик Т.К. Рядом с императрицей. Воспоминания лейб-казака / Пер. с дат. И.Н. Демидовой. СПб., 2007.

Anonym, 1571 — [*Anonym*]. Beschreybunge einer Reise oder eines zuges eines fürnemlichen Polnisches Herrn, von Kgl. Polnischer Botschafftweiss qen Constantinopel vnd von dannen inn der Tartarey gezogen... Nürnberg, 1571.

Baert-Ducholant, 1798 — [*Baert-Ducholant Ch., de*] Reise durch den südlichen Theil von Rusland, vorin von den neuern Anlagen der Rußen in der Krim und am Kaukasus, und von ihrer dortigen Kriegsmacht Nachricht gegeben wird. Duisburg, 1798.

Behr, 1834 — Meine Reise durch Schlesien, Galizien, Podolien nach Odessa, als Krim, Konstantinopel und zurück über Moskau, Petersburg, durch Finnland und die Insel Rügen im Sommer 1832 von August von Behr. Erster Theil. Leipzig, 1834.

Berg, 1885 — Tagebuchsblätter aus der Krim von Graf Fr. Berg. Reval, 1885.

Besse, 1838 — Voyage en Crimée, au Cavcase, en Géorgie, en Arménie, en Asie-Mineure et a Constantonople en 1829 et 1830: ouvrage orné de cinq planches litographiées par Jean-Charles de Besse. Paris, 1838.

Boor, 1891 — *Boor C., de*. Nachträge zu den Notitiae episcopatuum // Zeitschrift für Kirchengeschichte. Bd. 1890/1891. Vol. 12. Gotha, 1891.

Bref, 1913 — *Bref från Olof Hermelin till Samuel Bark*, 1702–1709 / Utg. av C. von Rosen. Stockholm, 1913.

Brunner, 1833 — Ausflug über Constantinopel nach Taurien im Sommer 1831 von Samuel Brunner, Med. Dr. St. Gallen und Bern, 1833.

Campenhausen, 1808 — Travels through several Provinces of the Russian Empire with an historical Account of the Zaporog Cossakcs, and of Bessarabia, Moldavia, Walachia and the Crimea by Baron Campenhausen. L., 1808.

Carlson, 1893 — Konung Karl XII's egenhändiga bref, utg. av E. Carlson. Stockholm, 1893.

Chevallier, 1803 — Resa till Propontiden och Svarta Hafvet författad av I.B. le Chevallier, öfversatt med anmärkningar och tillägningar av E. Bergstedt, Kansli-Råd. Andra delen. Stockholm, 1803.

Craven,1855 — [*Craven*]. A Lady resident near the Alma. London, 1855.

Curtis, 1911 — Around The Black Sea, Asia Minor, Armenia, Caucasus, Circassia, The Crimea, Roumania by William Eleroy Curtis. New York, 1911.

Diarium, 1710 — Diarium ifrån Konstantinopel af den 28 Decemb 1710. Stockholm: H. Werner. 1710.

Fabrice, 1760 — Anecdotes de séjour du Roi de Suède a Bender ou lettres de Mr le Baron de Fabrice pour servir d'éclairecissement a l'histoire de Charles XII. Hambourg, 1760 / Рукописный пер. с фр. сделан в 1973 г. Л.Г. Катушкиной.

Fenton, 2001 — *Fenton R.* Crimean War Photographs. Exhibition. L., 2001.

Frieseman, 1786 — Beshryving van de Krim, vertaald door H. Frieseman. Amsterdam, 1786.

Goebel, 1837 — Reise in die Steppen des südlichen Russlands, unternommen von Dr. Fr. Goebel. Th. I. Dorpat, 1837.

Gordon, 1755 — *Alexander Gordon of Achintoul, Esq*. The History of Peter the Great Emperor of Russia. To which is prefixed A short General History of the Country, from the Rise of that Monarchy, and an Account of the Authors Life. I–II. Aberdeen, 1755.

Gordon, 1851 — Tagebuch des Generalen Patrik Gordons. Bd. I–III. SPb., 1851.

Grimm, 1855 — Wanderungen nach Südosten, herausgegeben von August Theodor von Grimm. Erster Theil. Die Taurische Halbinsel. Berlin, 1855.

Hagelstam, 1903 — Genom Ryssland. Kaukasien — Krim — Konstantinopol. Reseminnen af Wentzel Hagelstam. Stockholm, 1903.

Hammer-Purgstall, 1856 — Geschichte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft aus türkischen Quellen zusammengetragen mit der Zugabe eines Gasels Schagingerai's von [Josef] Hammer-Purgstall als Anhang zur Geschichte des Osmanischen Reichs. Wien, 1856.

Haven, 1743 — *Peder von Havens*, M. Ph., Rejse udi Rusland. Kjøbenhavn, 1743.

Hell, 1845 — Les steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et et La Russie méridionale. Voyage fait 1838 par Hommaire de Hell. Vol. II. Paris, 1845.

Hoffschläger, 1859 — Die Halbinsel Krim im Sommer 1858. Gedrückt von F. Hoffschläger. Berlin, 1895.

Holderness, 1821 — Holderness M. Notes relating to the manners and customs of the Crim Tatars; wtitten during a four years residence among that People. London, 1821.

Holderness, 1823 — New Russia Journey from Riga to Crimea, by way of Kiew; with some account of the Colonisation and the Manners and Customs of the Colonists of New Russia to which are added notes relating to the Crim Tatars. London, 1823.

Hommaire, 1847 — Hommaire de Hell, X. Travels in the Steppe of the Caspian Sea, the Crimea, the Caucasus etc. London, 1847.

Jäger, 1830 — Reise von St. Petersburg in die Krim und die Länder des Kaukasus im Jahre 1825 nebst einer Darstellung des natürlichen Reichsthumst, der Größe und Bevölkerung der Russischen Provinzen jenseit des Kaukasus von B. Jäger, Mitgliede mehrer gelehrten Gesellschaften. Leipzig, 1830.

Jones, 1927 — *Jones G.M.* Travels in Norway, Sweden, Finland, Rusland and Turkey also on the Coast of the Sea of Azof and of the Black Sea. Vol. II. L., 1827.

Kakuk, 2001 — *Kakuk Z.* Krimtatarische Soldatenlieder aus dem Ersten Weltkrieg // Acta Orientalia Academiae Scientarum Hungariae. Vol. 54. № 4. Budapest, 2001.

Karl XII, 1894 — Die eigenhändigen Briefe König Karls XII, gesammelt und herausgegeben von E. Carlson. Berlin, 1894.

Kefevi, 1934 — *Kefevi I.* [Tractat] // Wschod-Orient, Warszawa, 1934. № 2–4.

Koch, 1854 — Die Krim und Odessa. Reise-Erinnerungen aus dem Tagebuche des Prof. Dr. Karl Koch. Leipzig, 1854.

Kohl, 1841 — Reisen in Südrußland von J.G. Kohl. B. I–II. Dresden und Leipzig, 1841.

Kosmeli, 1813 — *Kosmeli*. Rapsodische Briefe aus einer Reise in die Krim und Türkei. Halle, 1813.

Lagerberg, 1896 — Sven Lagerbergs Dagbok under vistelsen hos Tartarhanen Dowlet-Ghierey 1710–1711. Utg. av Magnus Lagerberg. Göteborg, 1896.

La Motraye, 1727 — Voyage du Sr. A. de la Motraye en Europe, Asie & Afrique. La Haye, 1727.

Lascy, 1739 — [*Lascy P.*] Glückliche Anfang der Kriegs-Operationen Ihro Rußischen Majestät Gerechten Waffen Wider die Türcken und Tartarn in der Crimm Unter dem Herrn General-Feld-Marschall Grafen von Lascy vom 1. Julii 1738. Regenspurg, 1739.

Lerche, 1791 — *Lerche J.J.* Rußisch-kaiserliche Collegiumraths und Doctors der Artzenwissenschaft, Lebens- und Reise-Geschichte von ihm selbst beschrieben und mit Anmärkungen und Zusätzen herausgegeben von D. Anton Friedrich Büsching, königl. Preussisch. Oberkonsistorialrath. Halle, 1791.

Luce, Beauplet, Lamberty, 1634 — De Landschappen der Perkopitze en Nogaize Tarters, Cirkassen, Mingrelianen en Georgianen beneffens die van de Crim bereist... in't Jear 1633 mit de eyge latinze Aantekeningen der Heeren Bezendelingen Jan de Luce, Beauplet en Archangel Lamberty... Leyden, 1634.

Lyall, 1825 — *Lyall R.* Travels in Russia, the Krimea, the Caukasus and Georgia. Vol. I. London, 1825.

Massow, 1902 — Aus Krim und Kaukasus. Reiseskizzen von Wilhelm von Massow. Leipzig, 1902.

Matuz, 1964 — *Matuz J.* Eine Beschreibung des Khanats der Krim aus dem Jahre 1669 // Acta Orientalis. Bd. 28. København, 1964.

Montandon, 1834 — Guide du Voyageur en Crimea, or ne de cartes, de plans, de vues et de vignettes et precede d'une introduction sur les differentes maniers de se render d'Odessa en Crimee par C.H. Montandon. Odessa, 1834.

Nachrichten, 1804 — Ueber die Auswanderungen der Schwaben vorzüglich der Wirtenberger nach Preußen, Pohlen, Podolien und die Krim nebst Nachrichten von diesen Ländern. S. l., 1804.

Nilsson, 1954 — *Nilsson S.A.* Rasjids krönika // Karolinska Förbundets årsbok, Stockholm, 1954.

Nyaste Berättelser, 1711 — Nyaste Berättelser Ifrån Bender Angående Store Sultanens och Tartar Hams begge deras Armees lyckel. Framgång emot Ryßen och deß anhang. Dat. Den 6/16 så ock 9/19 May 1711. Stockholm: H. Werner, 1911.

Ortelius, 1665 — Ortelius redivivus et continuatus oder der ungarischen Kriegs-Empörungen historische Beschreibung... von dem 1607 bis an das 1665 Jahr vermehret durch Martin Meyern. Frankfurt am Main, 1665.

Palais, 1713 — Das bestürmete Königl. Schwedische Palais zu Varniza Oder Die vollständige Relation, Welche die Ottoman Pforte Seine Allerchristl. Majest. Ludewig de XIV. Durch ein abgeordneten Aga und Groß. Gesandten von den Rebellion, welche wider Se. Majest. den König in Schweden Bey Bender tentiret worden abstatten lassen. Paris, 1713.

Peyssonel, 1787 — *Peyssonel C.Ch., de.* Traité sur le commerce de la Mer Noire. Vol. I–II. Paris, 1787.

Procop, 1963 — De bello Gothico // Procopii Caesariensis Opera Omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. Vol. I. Lipsae, 1963.

Polak — Dagbok af en polak i Bender angående kalabaliken 11 febr. — 6 mars n. st. [s. l. e. d.].

Raguza, 1837 — Reise des Marschalls Herzogs zu Raguza durch Ungarn, Siebenbürgen, Südrußland, die Krim, an den Küsten des asiatischen Meeres, nach Constantinopel, Kleinasien, Syrien, Palästina und Egypten in den Jahren 1834 und 1835. Stuttgart, 1837.

Relation, 1710 — Relation öfver det som sedan Hans Konigl. May:ts i Swerige Carl XII:tes Ankomst til Bender In til 25 December st. vet. 1710 så väl där som vid det Turkiska Hofvet Angående Kriges Förklarande emot Muscow är Passerat. Stockholm: H. Werner, 1710.

Reuilly, 1806 — Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant année 1803; suivi d'un Mémoire sur le Commerce de cette Mer, et de Notes sur les principaux Ports commerçans par J. Reuilly, Auditeur au Conceil d'Etat, Membre de la Légion d'Honneur, Sous-Préfet de Soussons. Paris, 1806.

Rugard, 1891 — Krim- und Kaukasus-Fahrt. Nach eigener Anschauung und authentischen Berichten von M. Rugard. Breslau, 1891.

Schlatter, 1836 — Bruchstücke aus einigen Reisen nach dem südlichen Russland in den Jahren 1822 bis 1828 mit besonderer Rücksicht auf die Nogai Tartaren am Asowschen Meer [von Daniel Schlatter]. St. Gallen und Bern, 1836.

Schleder, 1663 — Theatri Europæi Contunuatum septinicum, Das ist: Sieben-Jährige Historisch-ausgeführte Friedens- und Kriegs-Beschreibung von den denkwürdigsten Geschichten, so sich hie und da in Europa als in Hoch- und Neder-Teutschland, Frankreich, Hispanien, Portugalien, Ithalien, Dalmatien, Xandia, England Schott- und Irrland, Dänemark, Norwegien, Schweden, Poland, Moscaw, Schlesien, Böhmen, Ober- und Nieder Oesterreich, Hungarn, Siebenbürgen, Wallachey, Moldaw, Türck- und Barberey, e. c. wol im Weltlichen Regiment ale Kruegs- Wesen vom Jahr Schrifti 1651 biß an bevorstehende Wahl und respective Regierung des Allerdurchleutigst- und Großmächtigsten Fürsten und Herrn LEOPOLDEN dieses Namens des Ersten erwehlten Römischen Keysers a. c. Beydes zu Wasser und Land begeben und zugetragen. So Aus vielen glaubhaftigen Scripturen, Documenten und trewlich mitgetheilten Brieffli-chen Urkunden zusammen getragen und unparteilich beschrieben, JOHANNES GEORGIUS SCHLEDER, gebürtig in Regenspurg... Franckfurt am Meyn, 1663.

Scott, 1854 — The Baltic, the Black Sea and the Crimea: comprising Travels in Russia, a Voyage down the Volga to Astrachan, and a Tour throudh Crim Tartary by Charles Henry Scott. L., 1854.

Seymour, 1855 — Russia on the Black Sea and Sea of Azof: being a Narrative of Travels in the Crimea and bordering Provinces... by H.D. Seymour, M.P. London, 1855.

Spenger, 1837 — Travels in Circassia, Krim Tartary etc. A Steam Voyage down the Danube, from Vienna to Constantinople and round the Black Sea, in 1836. By Edmund Spenger, Esq. In two volumes. London, 1837.

Steinhard, 1855 — Steinhard S. Skizzen und Bilder aus der Krim. Leipzig, 1855.

Struve, 1802 — Travels in the Crimea. A History of the Embassy from Petersburg to Constantinopol in 1793 [by Josef Christ. von Struve]. London, 1802.

Stuxberg, 1897 — Från Krim och Kaukasus. Naturmålningar och bref utskrifna under en resa sommaren 1897 af Anton Stuxberg. Göteborg, 1897.

Tott, 1785 — Memoirs of Baron de Tott, containing the State of the Turkish Empire and the Crimea during the late War with Russia with numeruous Anecdotes, Facts and Observations, on the Manners and Customs of the Turks and Tartars. Vol. I–II. London, 1785.

Warhaffte Relation, 1713 — Warhaffte Und Umständliche Relation vom demjenigen Was im nächstverwichenen Januarii und Februarii Monathe Mit Jhro Königl. Majestet zu Schweden Bey Bender vorgefallen. Aus mündtlichen Bericht gewisser vornehmer Officirer, welche mit zur Stelle gewesen und allem, was daselbst vorgegangen mit beygewohnet, zu Papier gabracht. Hamburg, 1713.

Webster, 1830 — Travels through the Crimea, Turkey, and Egipt; performed during 1825–1828... by the late James Webster, Esq. of the Inner Temple. Vol. I. London, 1830.

Witsen, 1692 — Noord en Oost Tartarie, ofte bondigh ontwerp van eenige dir landen en volken, zo als voormaels bekent zyn geweest zedert naavkeurig onderzoeg von veele Jaaren, en elgen ondervinding ontvorpen, beschreven, getekent en in't licht gegeven door Nicolaas Witsen. Amsterdam, 1692.

Woensel, 1790 — [*Woensel J.*] Aanteekeningen, gehouden op eene Reize door Turkijen, Natolien, de Krim en Rusland in de jaaren 1784–1789. Tweede del. Amsterdam, 1790.

Литература

А.Р-ъ, 1887 — *А.Р-ъ*. Безземельные татары // Новороссийский Телеграф. 22. 10. (I); 24. 10. (II) 1887.

А.У., 1866 — *А.У.* О заселении Крыма новыми поселенцами // РВ. 1866. Т. 63. Май.

Абаев, 1965 — *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.

Абаев, 1988 — *Абаев Н.В.* Культурные традиции народов Востока и современное экологическое сознание // Методологические аспекты изучения древней культуры Востока. Улан-Удэ, 1988.

Абанин, 1929 — *Абанин.* Пятилетний план вовлечения татар в производство. Симферополь, 1929.

Абдель-Рефи, 1926 — *Абдель-Рефи У.* Карасубазарская старина // КК. 03.09.1926.

Абдулаева, 2005 — *Абдулаева Г.* Будет ли восстановлена святыня Салгир–Баба? // Авдет. 21.03.2005.

Абдулаева, 2007 — *Абдулаева Г.* Правительницы ханского дома Гираев // Авдет. 09.07.2007

Абдуллаев, 1999 — *Абдуллаев И.* Память священна // ГК. 25.02.1999.

Абдуллаев, 2000 — *Абдуллаев И.* Мечети-башни в Крыму // ГК. 08.02.2000.

Абдуллаев, 2000 «а» — *Аблуллаев И.* Поступь крестоносцев в Крыму // ГК. 08.02.2000.

Абдуллаев, 2007 — *Абдуллаев И.* Заселение и возвращение // ГК. 2007. 26.01.2007.

Абдуллаев, 1992 — *Абдуллаев Э.М.* О некоторых особенностях традиционных поселений и жилищ крымских татар // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Казань, 1992. Ч. III.

Абдуллаева, 2006 — *Абдуллаева Г.* Первый национальный музей // А. 20.11.2006.

Абдуллин, Батыев, 1977 — *Абдуллин М., Батыев С.* Татарская ССР: реальность и буржуазные мифы. Казань, 1977.

Абдульваап, 2003 — *Абдульваап Н.* Крымскотатарская литература XIII–XIX веков // Къасевет. 2003. № 30.

Абдульваап, 2005 — *Абдульваап Н.* Суфизм в Крыму // Къасевет. 2005. № 31.

Абдульваапов, 2001 — *Абдульваапов Н.* Крымские татары в составе политической и культурной элиты Османской империи на рубеже XVIII и XIX вв. // Репрессированное поколение крымскотатарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры. Материалы научной конференции 28–29 мая 1999 г. Симферополь, 2001.

Абдульваапов, 2004 — *Абдульваапов Н.Р.* Художественные произведения религиозно-суфийского содержания в собрании старопечатных и рукописных книг Ханского дворца-музея в Бахчисарае // НБ. 2004. № 3 (8).

Абуль-Гази, 1906 — *Абуль-Гази, Б.* Родословное древо тюрков. Пер. и предисл. Г.С. Саблукова. Казань, 1906.

Абибуллаева, 2000 — *Абибуллаева Д.* Исмаил Муфтий-заде и Симферопольское благотворительное общество пособия бедным мусульманам Крыма // Голос Крыма. 11.02.2000.

Аблаева, 1989 — *Аблаева Э.* Корьген-кечиргенлерим // Ленин байрагъы. 05.12.1989.

Авалиани, 1913, 1915 — *Авалиани С.Л.* Граф М.С. Воронцов и крестьянский вопрос // ЗООИД. 1913. Т. XXXI; 1915. Т. XXXII.

Аверинцев, 1985 — *Аверинцев С.С.* На границе цивилизаций и эпох: вклад восточных окраин римско-византийского мира в подготовку духовной культуры европейского Средневековья // Восток-Запад. М., 1985. Вып. 2.

Авторханов, 1976 — *Авторханов А.* Технология власти. Франкфурт-на-Майне, 1976.

Авторханов, 1991 — *Авторханов А.* Империя Кремля. Минск-М., 1991

Аграновский, 1991 — *Аграновский Г.Я.* К вопросу об освещении... присоединения Крыма к России // Проблемы истории Крыма. Тезисы научной конференции. Симферополь, 1991. Вып. 2.

Агурский, 1991 — *Агурский М.* У истоков национал-большевизма // Минувшее. Исторический альманах. Сб. 4. (Репринт с парижского издания 1987 г.) М., 1991.

Административные преобразования, 1999 — Административно-территориальные преобразования в Крыму 1783–1998 гг. Симферополь, 1999.

Азадовский, 2001 — *Азадовский К.М.* Бальмонт и «Англы» // Всемирное слово. СПб., 2001. № 14.

Аирчинская, 1999 — *Арчинская Р.* Незавершенный альбом // ГК. 03.09.1999.

Айбабин, 1990 — *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Симферополь, 1990. Вып. 1.

Айбабин, 1993 — *Айбабин А.И.* Могильники VIII — начала X в. в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. 3.

Айбабин и др., 1993 — *Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н.* Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. 3.

Айбабин, 1999 — *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Айвазов, 2005 — *Айвазов А.С.* История национального движения в Крыму // Восточный свет. 2005. № 3 (http://www.vatanym.ru/?an=vs504c).

Айдер-оглу, 2001 — *Айдер-оглу.* Ислам и крымские татары // ГК. 30.11.2001; 07.12.2001.

Аксаков, 1991 — *Аксаков И.С.* Письма из провинции. М., 1991.

Акчура, 1997 — *Акчура И.* Геноцид за железным занавесом. Нью-Йорк, 1963. Пер. с англ. и коммент. Ю. Горбунова // ГК. 04.01.1997.

Алаев, 1996 — *Алаев Л.Б.* Выступление на обсуждении книги «Цивилизации и культуры» // В/О 1996, № 2.

Алаев, 1992 — *Алаев Ф.* Музыка и политика // А. 26.11.1992.

Алекберли, 1961 — *Алекберли М.* Борьба украинского народа против турецко-татарской агрессии во второй половине XIV–XVIII вв. Саратов, 1961.

Александров, 1986 — *Александров В.А.* Российское крестьянство в середине XVII — середине XIX в. // История крестьянства в Европе. М., 1986. Т. III.

Александров, 1912 — *Александров И.* О наибах в Крыму // Мир ислама. СПб., 1912. Т. I. № 4.

Александров, 1914 — *Александров И.* О мусульманском духовенстве и управлении духовными делами мусульман в Крыму после присоединения его к России // ИТУАК. 1914. № 51.

Алексеев, 1985 — *Алексеев В.М.* Наука о Востоке. М., 1982.

Алексеев, 1989 — *Алексеев В.П.* Историческая антропология и этногенез. М., 1989.

Алексеев, 1992 — *Алексеев Н.* Советский федерализм //ОН. 1992. № 1.

Алексеев, 1989 — *Алексеев Ю.Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989.

Алексеев, 2007 — *Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007.

Алексеевы, 1973 — *Алексеева Т.И., Алексеев В.П.* Этногенез славянских народов по данным антропологии // История, культура, этнография и формирование славянских народов. М., 1973.

Алиева, 1993 — *Алиева С.* Так это было. Национальные репрессии в СССР. М., 1993. Т. I–III.

Алисов, 1909 — *Алисов Г.* Мусульманский вопрос в России // Русская мысль. 1909. № 7.

Аллал, 1987 — *Аллал, Синасер Мохаммед.* Мусульманский город // Курьер ЮНЕСКО. 1987. № 8.

Альмединдер, 2001 — *Альмединдер В.*[*В.*] Падение Симферополя в январе 1918 г. // Крымский конный полк в боях в Крыму // Сопротивление большевизму. 1917–1918 гг. / Сост., науч. ред., предисл. и коммент. С.В. Волкова. М., 2001.

Алпатов, 1997 — *Алпатов В.М.* 150 языков и политика 1917–1997 гг. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 1997.

Аль-Джаниби, 1997 — *Аль-Джаниби М.М.* Разум и установления веры в теолого-философской и суфийской традициях ислама // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия «Философия». 1997. № 1.

Алядин, 1993 — *Алядин Ш.* Наше спасение только в наших руках // Къырым. 11.03.1993.

Алядинова, 2000 — *Алядинова Л.* Справедливость не правила миром вовек // ГК. 26.05.2000.

Амброз, 1968 — *Амброз А.К.* Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1968.

Амброз, 1971 — *Амброз А.К.* Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2.

Амброз, 1984 — *Амброз А.К.* Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы. М., 1984.

Амин, 1912 — *Амин К.* Новая женщина / Пер. и примеч. И.Ю. Крачковского // Мир ислама. СПб., 1912. Т. I.

Амфитеатрова, 2001 — *Амфитеатрова Ж.* Французы в Крыму // Пилигримы Крыма. Осень'2000. Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме. V Крымская международная конференция. Симферополь, 2001. Т. I–II.

Андерс, 1990 — *Андерс В.* Без последней главы // ИЛ. 1990. № 11.

Андриевский, 1892 — Крым и крымские татаре. Чтенье А. Андриевского. Киев, 1892.

Андросов, 2011 — *Андросов С.А.* Становление Крымцентрархива (1920–1926 гг.) // www.daark/org/ua/2011-06-07-09–41–55/98–1920–1926-.htlm

Антанта, 1923 — Антанта и Врангель. М.; Пг., 1923.

Антипова, 1999 — *Антипова А.В.* Вмещающий ландшафт // Ландшафт и этнос. Социоестественная история, вып. 13. М., 1999.

Антониковский, 1925 — *Антониковский.* Батрачество // КК. 04.07.1925.

Антонов-Овсеенко, 1989 — *Антонов-Овсеенко А.В.* Сталин и его время // ВИ. 1989. № 1.

Анчев, 2007 — *Анчев П.* Малкият народ. Теория, история, Състояние. София, 2007.

Апанович, 1961 — *Апанович О.М.* Запорізька Січ у боротьбі проти турецько-татарскої агресії: 50–70 роки XVII ст. Київ, 1961.

Арагон, 1895 — *Маркиз д'Арагон.* Рыцарь XVIII века, принц Шарль Нассау-Зиген. Корреспонденция 1784–1789 // Крымский вестник. 1895. № 133, 137.

Аргайл, 1990 — *Аргайл М.* Психология счастья. М., 1990.

Арендт, 1996 — *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М., 1996.

Артамонов, 1990 — *Артамонов В.* Национальный характер и история // Стили мышления и поведения в истории мировой культуры. М., 1990.

Артамонов, 1993 — *Артамонов В.* Катастрофы в истории русской государственности // ОНС. 1993. № 3.

Артамонов, 1995 — *Артамонов В.А.* Очаги агрессии в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в XVII–XVIII вв. // Славяне и их соседи. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1995.

Артамонов, 1998 — *Артамонов В.А.* Очаги агрессии в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в XVII–XVIII вв. // Славяне и кочевой мир. Средние века — раннее Новое время. М., 1998.

Артамонов, 2001 — *Артамонов В.А.* Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699 гг.) // ОСИЕ. 2001.

Артамонов, 1962 — *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.

Артамонов, 1971 — *Артамонов М.И.* Роль климатических изменений в VIII–VII вв. в переселении киммерийцев и скифов в Азию и возвращения их в степи Восточной Европы в начале IV в. до нашей эры // Этнография народов СССР. Л., 1971.

Арутюнян, 1994 — *Арутюнян Ю.В.* Русские в роли национального меньшинства в странах ближнего зарубежья // Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов. М., 1994.

Архипелаг, 1991 — *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛаг // Малое собр. соч. М., 1991. Т. VI–VII.

Арш, 2002 — *Арш Г.Л.* Греческие колонии Новороссии и их роль в национальном освобождении Греции (конец XVIII — первая четверть XIX в.) // Греция. Национальная идея, общество, государство. XVII–XIX вв. М., 2002.

Аршаруни, Габидуллин, 1931 — *Аршаруни А., Габидуллин Г.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931.

Асанов, 1933 — *Асанов А.* Двенадцать лет борьбы на фронте национально-культурного строительства. Крымиздат, 1933.

Аскольдов, 1991 — *Аскольдов С.А.* Религиозный смысл русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991.

Астафьев, 2009 — *Астафьев В.П.* «Только преступники могут так сорить своим народом» // НГ. 07.05.2009.

Атаманенко, 2010 — *Атаманенко В.Б.* Татарские нападения на Волынь и организация обороны в XVI–XVII вв. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде / Танненберге). Материалы международной научной конференции. СПб., 2010.

Атлас, 1933 — *Атлас М.Л.* Борьба за Советы. Очерки по истории Советов в Крыму 1917–1918 гг. Симферополь, 1933.

Афузов, 1995 — *Афузов С.А.* Долгие годы унижения // Кримскі татари. 1944–1994. Київ, 1995.

Ахиезер, 1991 — *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. I–II.

Ахиезер, 1994 — *Ахиезер А.С.* Этнос и нация: динамика конфликта // ВПНЭ.

Ахиезер, 1994 «а» — *Ахиезер А.С.* Архаичные ценности в современном этническом конфликте // АиПМК. 1994.

Ахиезер, 1995 — *Ахиезер А.С.* Где искать самобытность? Специфика исторического пути России // Дружба народов. 1995. № 1.

Ахиезер, 1999 — *Ахиезер А.С.* Противостояние природным и нравственным катастрофам как нравственная проблема // Ландшафт и этнос. Социоестественная история. М., 1999. Вып. 13.

Б-нъ, 1856 — *Б-нъ*. О Крыме // Библиотека для чтения. 1856. Январь.

Бабахан, 1924 — *Бабахан Н.* Крымская повстанческая (зелёная) армия // РВК. 1924. № 2 (4).

Бабашкин, 1996 — *Бабашкин В.В.* Крестьянский менталитет как системообразующий фактор современного общества // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв). Материалы международной конференции. М., 1996.

Багиев, 1929 — *Багиев И.* Земельная реформа и батрачество. Симферополь,1929.

Баданинский — см. *Боданинский*.

Бадер, 1957 — *Бадер О.Н.* Некоторые памятники палеолита и мезолита в восточной части горного Крыма // История и археология древнего Крыма / Ред. П.Н. Шульц. Киев, 1957.

Базарова, 2006 — *Базарова В.В.* К формированию подходов к латинизации // Актуальные проблемы монголоведения. Санжеевские чтения. Улан-Удэ, 2006. Вып. 6.

Баиов, 1909 — *Баиов А.* Курс истории Русскаго Военнаго Искусства. Эпоха Миниха (Царствие Императрицы Анны Иоанновны). СПб., 1909. Вып. 3.

Байдарский, 2000 — *Байдарский Н.* О партизанском движении в Крыму // ГК. 28.04.2000.

Баймухаметов, 2005 — *Баймухаметов С.* Почему же мы так отступали? // Журналист. 2005. № 10.

Балар, 2006 — *Балар М.* К истории генуэзских поселений в средневековом Средиземноморье // Скржинская, 2006.

Бантыш-Каменский, 1822 — *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России со времени присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче с кратким обозрением первобытнаго состояния сего края. М., 1822. Ч. I–III.

Бантыш-Каменский, 1893 — *Бантыш-Каменский Н.Н.* Реестр делам Крымского двора с 1474 по 1779 г. Симферополь, 1893.

Барабанов, 1993 — *Барабанов О.Н.* Товарооборот черноморской торговли в XVIII в (Крым, Запорожье, Турция, Россия) // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. 3.

Баранов, 1986 — *Баранов И.А.* Памятники раннесредневекового Крыма // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. III.

Баранченко, 1967 — *Баранченко В.Е.* Гавен. М., 1967.

Барг, 1991 — *Барг М.А.* Категория «Цивилизация» как метод сравнительного исторического исследования // История СССР. 1991. № 5.

Бартольд, 1965 — *Бартольд В.В.* Сочинения / Ред. колл. Б.Г. Гафаров (предс.) и др. Работы по исторической географии. М., 1965. Т. III.

Бартольд, 1973 — *Бартольд В.В.* Сочинения / Ред. колл. Б.Г. Гафаров (предс.) и др. Работы по источниковедению. М., 1973. Т. VII.

Басов, 1987 — *Басов А.В.* Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1987.

Баткин, 1989 — *Баткин Л.М.* Итальянское Возрождение в поисках индивидуализма. М., 1989.

Батунский, 1995 — *Батунский М.А.* Русская клерикальная исламистика и её оппоненты: круговая порука и целевое наступление // Цивилизации и культуры. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1995. Вып. 2.

Бахрушин, 1936 — *Бахрушин С.* Основные моменты истории Крымского ханства // История в школе. 1936. № 3.

Башкиров, Боданинский, 1925 — *Башкиров А., Боданинский У.* Памятники крымскотатарской старины. Эски-Юрт // Новый Восток. Журнал научной ассоциации Союза ССР. М., 1925. Кн. 8–9.

Беер, 1783 — *Беер*. История о жизни и делах молдавского господаря... Кантемира. М., 1783.

Безчинский, 1901 — Путеводитель по Крыму А. Безчинскаго, при участии д-ра В.Н. Дмитриева, С.Я. Елпатьевскаго, И.М. Педдекаса и Е.М. Швединова. М., 1901.

Бейдилли, 2006 — *Бейдилли К.* От Кучюк-Кайнарджийского договора до распада империи // ИОГ. Т. I.

Бекирова, 2005 — *Бекирова Г.* Крым и крымские татары в XIX–XX вв. М., 2005.

Бекирова, 2001– *Бекирова Л.* Кто он — мужчина крымский татарин // ГК. 12.10.2001.

Белецкий, 1970 — *Белецкий А.А.* Греческие диалекты юго-востока Украины и проблема их языка и письменности // Балканская филология. Л., 1970.

Белик, 1993 — *Белик А.А.* Расизм, общность, личность // Расы и народы. 1993. № 23.

Беликов, 1886–1887 — *Беликов Д.* Начало христианства у готов. Учение Ульфилы // Православный собеседник (Казань). 1886. III; 1887. XII.

Беликов, 1887 — *Беликов Д.* Христианство у готов. Казань, 1887.

Белокреницкий, 1996 — *Белокреницкий В.Я.* Выступление на обсуждении альманаха «Цивилизации и культуры» // В/О. 1996. № 2.

Бененсон, 1919 — *Бененсон М.Е.* Экономические очерки Крыма. Симферополь, 1919.

Беннигсен, 1993 — *Беннигсен А.А.* Исмаил-бей Гаспринский и происхождение джадидистского движения в России // Исмаил-бей Гаспринский, Россия и Восток. Казань, 1993.

Беннигсен, 1995 — *Беннигсен А.* Мусульманин в СССР // Панорама–Форум. Казань, 1995. № 2.

Беньямин, 2000 — *Беньямин В.* О понятии истории // Новое литературное обозрение. 2000. № 46.

Берберова, 1988 — *Берберова Н.* Курсив мой // Вопросы литературы. 1988. № 10.

Бердяев, 1917 — *Бердяев Н.А.* Торжество и крушение народничества // Русская свобода. № 14/15.

Бердяев, 1990 — *Бердяев Н.А.* Духи русской революции // Из глубины, М.,1990.

Бердяев, 1990 «а» — *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

Бердяев, 1991 — *Бердяев Н.А.* Миросозерцание Достоевского // Бердяев о русской философии. Свердловск, 1991. Ч. I.

Бердяев, 1991 «а» — *Бердяев Н.А.* Метафизика пола и любви // Русский эрос. М., 1991.

Бердяев, 1991 «б» — *Бердяев Н.А.* Новое средневековье. М., 1991.

Бережанская, 1997 — *Бережанская Б.Б.* Еврейские колхозы в Крыму // Евреи Крыма. Очерки истории. Симферополь — Иерусалим, 1997.

Бережков, 1891 — *Бережков М.* План завоевания Крыма, составленный Юрием Крижаничем // ЖМНП. 1891. Октябрь.

Бережков, 1897 — *Бережков М.* Нур-султан, царица Крымская // ИТУАК. 1897. № 27.

Бернштам, 1931 — *Бернштам А.Н.* Жилище крымского предгорья. Опыт социологического анализа // Известия Института материальной культуры, 1931. Т. IX. Вып. 6–7.

Бернштам, 1935 — *Бернштам А.Н.* О деревянных постройках Крыма (Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931–1933 гг.) // ИГАИМК. 1935. Вып. 117.

Бернштам, 1951 — *Бернштам А.* Очерки истории гуннов. Л., 1951.

Бертье-Делагард, 1899 — *Бертье-Далагард А.Л.* Керменчик (крымская глушь). Одесса, 1899.

Бертье-Делагард, 1920 — *Бертье-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов Средневековья в Тавриде. 1. Поселения южного побережья // ИТУАК. № 57. 1920.

Бессарабова, 2008 — *Бессарабова Н.В.* Путешествия Екатерины II по России. М., 2008.

Бессонова и др., 1988 — *Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А.* Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев, 1988.

Бестужев, 1956 — *Бестужев И.* Крымская война. М., 1956.

Бибихин, 1998 — *Бибихин В.В.* Новый Ренессанс. М., 1998.

Бикова, 2011 — *Бикова Т.Б.* Створення Кримської АСРР (1917–1921 рр.). Київ, 2011.

Білуха, Власенко, 2004 — *Білуха Ю., Власенко О.* Депортовані кримські татари, болгари, вірмені, греки, німці. Документи. Факти. Свідчення (1917–1991). Київ, 2004.

Билял-кызы — *Билял-кызы Г.* Мудрость большой семьи // ГК. 07.04.2000.

Биркенгоф, 1922 — *Биркенгоф А.*[*И.*] История большевистского переворота в Ялте // РВК. 1922. № 1.

Блаватский, 1954 — *Блаватский В.Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.

Блаватский, 1985 — *Блаватский В.Д.* Античная архитектура и история. М., 1985.

Блуменфельд, 1888 — *Блуменфельд Г.Ф.* Крымскотатарское землевладение. Одесса, 1888.

Блюм, 2009 — *Блюм...* От неолита до Главлита. Достопримечательные и занимательные эпизоды, события и анекдоты из истории российской цензуры от Петра Великого до наших дней. Собраны по литературным и архивным источникам. СПб., 2009.

Б-н, 1856 — *Б-н.* Крым // Библиотека для чтения. 1856. Т. CXXXV. Январь.

Бобин, 1957 — *Бобин В.В.* Черты сходства культур древнего населения Крыма и Северного Кавказа времён перехода от бронзы к железу // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.

Бобков, 2000 — *Бобков А.А.* Красный террор в Феодосии // Новый часовой (С.-Петербург). 2000. № 10.

Бобров, 1798 — *Бобров С.С.* Таврида. Николаев, 1798.

Бобылёв, 2000 — *Бобылёв П.Н.* Точку в дискуссии ставить рано. К вопросу о планировании в Генеральном штабе РККА возможностей войны с Германией в 1940–1941 гг. // ОИ, 2000. № 1.

Богаевский, 1937 — *Богаевский Б.Л.* Орудия производства и домашние животные Триполья. Л., 1937.

Богданов, 2005 — *Богданов А.П.* Как был оставлен Чигирин: мотивы принятия стратегического решения в Русско-турецкой войне 1673–1681 гг. // ВИА. 2005.

Богословский, 1940 — *Богословский М.М.* Пётр I: Материалы для биографии. М., 1940. Т. I.

Богучарский, 2010 — *Богучарский Е.М.* Мусульманский этикет. М., 2010.

Боданинский, 1924 — *Боданинский У.* О доме Гаспринского. // КК. 18.04.1924.

Боданинский, 1928 –*Боданинский У.* Производство из шерсти у крымских татар // Крым. М.-Л., 1928. № 1 (16). Вып. 2.

Боданинский, Засыпкин, 1929 — *Боданинский У., Засыпкин Б.* Чуфут-Кале (по материалам раскопок 1928–1929 гг.) // ИТОАЭ. 1929. № 3 (60).

Боданинский, 1930 — *Боданинский У.* Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму. Реконструкция народного хозяйства в Крыму. Симферополь, 1930.

Боллов, 2003 — *Боллов.* Проблемы континуитета в контексте развития античной цивилизации в Северном Причерноморье (конец III–VI вв.). Автореф. ... д. ист. наук. Нижний Новгород, 2003.

Болотин, 1933 — *Болотин З.* Вопросы снабжения. М.; Л., 1933.

Бонч-Осмоловский, 1925 — *Бонч-Осмоловский Г.А.* Крымские татары // Путеводитель по Крыму. Симферополь, 1925.

Бонч-Осмоловский, 1926 — *Бонч-Осмоловский Г.А.* Брачные обряды татар горного Крыма // Известия Государственного русского географического общества. 1926. Т. LIX. Вып. 1.

Бороздин, 1926 — *Бороздин И.Н.* Солхат. М., 1926.

Бороноев, Смирнов, 1992 — *Бороноев Л.О., Смирнов П.И.* Россия и русские. Характер народа и судьба страны. СПб., 1992.

Босворт, 1971 — *Босворт К.Э.* Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии / Пер. с англ. и примеч. П.А. Грязневича. М., 1971.

Боснякова, 1997 — *Боснякова Н.* ...И мне ответит эхо // ГК. 04.07.1997.

Боталов, 2009 — *Боталов С.Г.* Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск, 2009.

Боффа, 1994 — *Боффа Д.* История Советского Союза. М., 1994.

Бочагов, 1929 — *Бочагов А.К.* Расслоение крымской деревни. Симферополь, 1929.

Бочагов, 1932 — *Бочагов А.К.* Милли-Фирка. Национальная революция в Крыму. Симферополь, 1932.

Бочкарёв, 1996 — *Бочкарёв А.А.* Критика чистого разума. Национал-социалистическая перестройка большевистской России периода германской военной оккупации (1941–1944 гг.). Ставрополь, 1996.

Бочкарёв, 1912 — *Бочкарёв В.Н.* История России XIX ст. М., 1912.

Бояджиев, 1930 — *Бояджиев Т.* Крымскотатарская молодёжь в революции. Краткий очерк из истории националистическо-буржуазного и коммунистического движения среди татарской молодёжи Крыма. Симферополь, 1930.

Брагина, 2002 — *Брагина Н.Г.* Языковая политика СССР: фрагменты политической истории русского языка // Russian History. 2002. Vol. 29. № 2/4.

Бранденбергер, 2009 — *Бранденбергер Д.Л.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009.

Браун, 1890 — *Браун Ф.А.* Мариупольские греки // Живая старина. 1890. Вып. 2.

Браун, 1899 — *Браун Ф.А.* Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899.

Брикнер, 1872 — *Брикнер А.Г.* Путешествие императрицы Екатерины II в Полуденный край России в 1787 г. // ЖМНП. 1872. Июль.

Брикнер, 1882 — *Брикнер А.Г.* История Петра Великого. СПб., 1882 (репринт: М., 1991).

Брим, 1923 — *Брим В.А.* Происхождение термина «Русь» // Россия и Запад. Исторические сборники под ред. А.И. Заозерского. Пг. 1923. № 1.

Бродель, 1988; 1992 — *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. II. М., 1988.; Т. III. М., 1992.

Бройнингер, 2006 — *Бройнингер В.* Противники Гитлера в НСДАП, 1921–1945. М., 2006.

Бромлей, 1983 — *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983.

Броневский, 1819 — *Броневский В.Б.* Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д.Н. Сенявина с 1805 по 1810 г. СПб., 1819. Ч. III.

Броневский, 1822 — *Броневский В.* Обозрение Южного берега Тавриды в 1815 г. Тула, 1822.

Брошеван, 1995 — *Брошеван В.М.* Депортация жителей Крыма // Крымские татары: история и современность. Материалы международной конференции. Киев, 1995.

Брошеван, 1998 — *Брошеван В.М.* Операцию назвать «депортация». Историко-документальное исследование о насильственном переселении и выселении из Крымской АССР немцев, татар, армян, болгар, греков и других граждан в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 гг. Симферополь [1998].

Брошеван, 1999 — *Брошеван В.М.* Председатель ЦИК Крымской АССР И. Тархан — жертва НКВД СССР // ГК. 13.08.1999.

Брошеван, 1999 «а» — *Брошеван В.* Военная мобилизация в Крыму. 1941–1944 гг. Симферополь, 1999.

Брошеван, Форманчук, 1992 — *Брошеван В.М., Форманчук А.А.* Крымская республика: год 1921. Симферополь, 1992.

Бугай, Гонов, 1998 — *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М., 1998.

Бугай, 1992 — *Бугай Н.Ф.* 20-е — 40-е гг.: депортация населения с территории Европейской России // ОИ. 1992. № 4.

Бугай, 2002 — *Бугай Н.Ф.* Депортация народов Крыма. М., 2002.

Буданова, 1990 — *Буданова В.П.* Готы в эпоху великого переселения народов. М., 1990.

Буданова, Горский, Ермолова, 2011 — *Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е.* Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты. СПб., 2011.

Будилович, 1907 — *Будилович А.С.* Может ли Россия отдать инородцам свои окраины? СПб., 1907.

Булавинское восстание, 1935 — Булавинское восстание (1707–1708) // Труды Историко-археографического института Академии наук СССР. М., 1935. Т. XII. Вып. 2.

Булгаков, 1992 — *Булгаков В.А.* Тюркская этноойкономия Крыма. Херсон, 1992.

Булгаков, 1966 — *Булгаков С.* Православие. Париж, 1966.

Булгаков, 1909 — *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество // Вехи. Сб. статей о русской интеллигенции. М., 1909.

Булдаков, 1994 — *Булдаков В.И.* Русофобия — происхождение психоза // Феномен народофобии. XX век. Материалы научной конференции. Казанский университет. Казань, 1994. Июнь.

Булдаков, 1997 — *Булдаков В.И.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

Бунегин, 1927 — *Бунегин М.Ф.* Революция и Гражданская война в Крыму (1917–1920). Б. м. [Симферополь], 1927.

Бунегин, 1927 «а» — *Бунегин М.Ф.* Год борьбы за советскую власть // РВК. 1927. № 1 (7).

Буниятов, 1985 — *Буниятов З.М.* Попечительство мамлюкских султанов Египта над суфийскими обителями // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985.

Буров, 2006 — *Буров Г.М.* Энциклопедия крымских древностей. Археологический словарь Крыма. Киев, 2006.

Буровский, 2009 — *Буровский А.* Вся правда о русских: два народа. М., 2009.

Бурхардт, 2004 — *Бурхардт Я.* Размышления о всемирной истории. М., 2004.

Бутаев, 1990 — *Бутаев Б.* Амет-хан Султан. М., 1990.

Бухарин, 1989 — *Бухарин Н.И.* Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.

Бухарин, 1920 — *Бухарин Н.И.* Экономика переходного периода. М., 1920. Ч. I–II.

Буховец, 1994 — *Буховец О.Г.* Выступление // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1994.

Буховец, 1996 — *Буховец О.Г.* Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи нач. XX в.: новые материалы, методы, результаты. М., 1996.

Бущинский, 1882 — *Бущинский П.Н.* О Богдане Хмельницком. Харьков, 1882.

Бушуев, 1997 — *Бушуев В.* Октябрь // Свободная мысль, 1997. № 7.

В. К., 1925 — *В.К.* Преступность в Крыму // Бюллетень Крымского ЦСУ, 1925. № 5.

Вадзинская, 1914 — *Вадзинская А.* В гостях у крымских татар. М., 1914.

Вакатова, 2003 — *Вакатова Л.П.* Пик большого террора: огонь по «штабам» // Омельчук, Акулов, Вакатова, Шевцова, Юрченко, 2003.

Валеев, Набиев, 1999 — *Валеев Р.М., Набиев Р.А.* История ислама в России // Совет муфтиев России. Ислам и мусульмане России. М., 1999.

Валентинов, 1991 — *Валентинов Н.В.* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991.

Валуев, 2007 — *Валуев Д.В.* Социальная дискриминация в политике советской власти в 1917–1936 гг. // Власть — общество — личность в истории России. Материалы Всероссийской (с международным участием) заочной конференции / Под ред. М.В. Каиля. Смоленск, 2008.

Ванатова, 1999 — *Ванатова Л.* Лишение избирательных прав татар Крыма в 1936 — 1936 гг. // ГК. 16.07.1999.

Варваровский, 2008 — *Варваровский Ю.Е.* Улус Джучи в 60–70-х гг. XIV в. Казань, 2008.

Василевский, 1972 — *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1972.

Васильев, 1921 — *Васильев А.А.* Готы в Крыму // ИГАИМК. 1921. Т. I.

Васильев, 1989 — *Васильев Б.* Люби Россию в непогоду... // Известия. 17–19.01.1989.

Васильев, 2007 — *Васильев Л.С.* Феномен феодализма (новый взгляд на старую проблему) // Общественные науки и современность. 2007. № 6.

Васильев, Ходжайов, 2003 — *Васильев С.В., Ходжайов Т.К.* К антропологии народов Крыма // Тюркские народы Крыма. Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Отв. ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чижова. М., 2003.

Васильевский, 1915 — *Васильевский В.Г.* Труды. Т. III. Русско-византийские исследования. Пг., 1915.

Васюков, 1904 — *Васюков С.И.* Крым и горные татары. СПб., 1904.

Вдовиченко, 1986 — *Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г.* Древние укрепления Северного Крыма (по данным античных письменных источников) // ВДИ. 1986. № 2.

Вдовиченко, 1860 — *Вдовиченко И.С.* Записки о Крымской войне. СПб., 1860.

Вельяминов-Зернов, 1863 — *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. I.

Веймарн, 1952 — *Веймарн Е.В., Стржелецкий С.Ф.* К вопросу о славянах в Крыму // ВИ. 1952. № 4.

Веймарн, 1974 — *Веймарн Е.В.* Искусство арабских стран и Ирана VII–XVII вв. М., 1974.

Веймарн, 1960 — *Веймарн Е.В.* О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму // Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР. 1960. Вып. 10.

Веймарн, 1980 — *Веймарн Е.В.* От кого могли защитить в Крыму готов «длинные стены» Прокопия // Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980.

Вельдер, 1993 — *Вельдер К.* К вопросу о феномене подсознательной агрессивности // ОНС. 1993. № 4.

Вельяминов-Зернов, 1863 — *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. I.

Вельфлин, 2002 — *Вельфлин Г.* Основные понятия истории искусств. Проблема эволюции и стиля в новом искусстве. М., 2002.

Венер, 1993 — *Венер М.* Лицом к деревне: Советская власть и крестьянский вопрос (1924–1925 гг.) // ОИ. 1993. № 5.

Веникеев, 1994 — *Веникеев К.* Влияние присоединения Крыма к России на архитектуру и ландшафт полуострова // Крым и Россия: неразрывные исторические судьбы и культуры. Симферополь, 1994.

Венюков, 1887 — *Венюков М.И.* Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. СПб., 1887.

Вергасов, 1971 — *Вергасов И.* Крымские тетради. М., 1971.

Вересаев, 1989 — *Вересаев В.В.* В тупике. Л., 1989.

Верёвкин, 2006 — *Верёвкин С.* Слёзы на глазах... пятно в анкете // Парламентская газета. 04.05.2006.

Верт, 1992 — *Верт Н.* История советского государства. 1900–1991. М., 1992.

Верт, 2005 — *Верт П.В.* От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005.

Веселаго, 1875 — *Веселаго Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. СПб., 1875. Ч. I.

Веснин, 1990 — *Веснин А.Л.* Как происходило выселение татар, болгар, греков, армян из Крыма в 1944 году? // Крымская АССР (1921–1945 гг). Вопросы и ответы. Вып 3. С. 1990.

Весь Крым, 1926 — Весь Крым. Симферополь, 1926.

Виденгрен, 2001 — *Виденгрен Г.* Мани и манихейство. СПб., 2001.

Винавер, 1928 — *Винавер М.М.* Недавнее (воспоминания и характеристики). Париж, 1928.

Виноградов, 1999 — *Виноградов А.В.* Крымские ханы в XVI веке // ОИ. 1999. № 2.

Виноградов, 2006 — *Виноградов А.В.* Род Сулеша во внешней политике крымских ханов второй половины XVI в. // Тюркологический сборник. 2005. Тюркские народы России и Великой Степи. М., 2006.

Виноградов, 2007 — *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения: 50-е — вторая половина 70-х гг. XVI в. М., 2007. Т. I–II.

Виноградов, 1927 — *Виноградов В.А.* Краеведение в новых программах ГУСа // ПКП. 1927. № 11/12.

Виноградова, 2007 — *Виноградова Т.И.* Влияние кампании по латинизации письменности тюркоязычных народов СССР на реформы графики других языков // Россия и тюркский мир. Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. II Международная научная конференция 5–7 апреля 2006 г. Доклады и материалы. СПб., 2007.

Висковатов, 1830 — *Висковатов.* Военные действия российского гребного флота под начальством вице-адмирала Бредаля на Азовском море, в 1736, 1737 и 1738 годах: Составлено из современных актов А. Висковатовым. СПб., 1830.

Витол, 1987 — *Витол А.В.* Османская империя (нач. XVIII в.). М., 1987.

Вишневский, 1998 — *Вишневский А.Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

Вишневский, 1930 — *Вишневский В.А.* Феодализм в Крымском ханства. М., 1930.

Власова, 2001 — *Власова Т.В.* Сексуальные отношения в любви как источник личностного роста // Вестник гуманитарного института ДВГМА. Владивосток, 2001. № 2.

Власть — Власть и оппозиция. М., 1995.

Влияние — Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976.

Водарский, Елисеева, Кабузан, 2003 — *Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М.* Население Крыма в конце XVIII — конце XX веков. (Численность, размещение, этнический состав.) М., 2003.

Водарский, 2004 — *Водарский Я.Э.* Легенды Прутского похода Петра I (1711 г.) // ОИ. 2004. № 5.

Водовозов, 1925 — *Водовозов В.* Моё знакомство с Лениным // На чужой стороне. Прага, 1925.

Возвращение, 1997 — Возвращение и обустройство депортированных граждан в Крыму: история и практика (1989–1996). Препринт. Авт. колл.: В.М. Брошеван, О.А. Габриелян, С.А. Ефимов, В.Г. Зарубин, А.Е. Кислый, А.В. Мальгин, А.Р. Никифоров, В.М. Павлов, В.П. Петров, П.К. Тыглиянц. Симферополь, 1997.

Возгрин, 1978 — *Возгрин В.Е.* Материалы по шведско-крымским отношениям в XVI-XVIII вв. в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Т. IX.

Возгрин, 1985 — *Возгрин В.Е.* Дипломатические связи Швеции и Крыма накануне и после Полтавы // Скандинавский сборник. Таллин, 1985. Т. XXIX.

Возгрин, 1986 — *Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны (история дипломатических отношений в 1697–1710 гг.). Л., 1986.

Возгрин, 1986 «а» — *Возгрин В.Е.* Нидерландское крестьянство в XVI–XVIII вв. // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1986. Т. III.

Возгрин, 1986 «б» — *Возгрин В.Е.* Датское крестьянство в XVI — середине XIX вв. // Там же.

Возгрин, 1992 — *Возгрин В.Е.* Исторические судьбы крымских татар. М., 1992.

Возгрин, 1994 — *Возгрин В.Е.* Империя и Крым. Долгий путь к геноциду. Бахчисарай, 1994.

Возгрин, 1995 — *Возгрин В.Е.* «Бахчисарайская библиотека» находится в Публичке. Вернут ли её хозяевам? // ЧП. 17.05.1995.

Возгрин, 1996 — *Возгрин В.Е.* Этноконфликтная ситуация в довоенном Крыму (истоки, специфика, последствия) // ГК. 1996. Ноябрь. № 42–44.

Возгрин, 1997 // *Возгрин В.Е.* Беру свои слова обратно // ГК. 1997. Июнь. № 23–24.

Возгрин, 2007 — *Возгрин В.Е.* Год 1725. Документальная хроника. СПб., 2007.

Волков, 1872 — *Волков М.* Четыре года города Кафы // ЗООИД. 1872. Т. VIII.

Волков, 2008 — Чёрная книга имён, которым не место на карте России / Сост. С.В. Волков. М., 2008.

Волковой, 1929 — *Волковой Ф.К.* Колхозное строительство в Крыму. Симферополь, 1929.

Волкогонов, 1990 — *Волкогонов Д.А.* Сталинизм: сущность, генезис, эволюция // ВИ. 1990. № 3.

Волобуев, 1999 — *Волобуев О.В.* Рождение и судьбы новой крымской государственности в первой половине XX века // ОИ. 1999. № 2.

Волошин, 1920 — *Волошин М.* Россия распятая // Юность. 1990. № 10.

Волошин, 1969 — *Волошин М.* Пути России. Париж, 1969.

Волошинов, 1918 — *Волошинов И.М.* Текие Ени-джами дервишей-молчальников в Симферополе // ИТУАК. 1918. № 54.

Вольвач, 1999 — *Вольвач П.* Родник исторической памяти // ГК. 22.01.1999.

Вольфрам, 2003 — *Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI в. (опыт исторической этнографии). СПб., 2003.

Вольфсон, 1941 — *Вольфсон Б.* Присоединение Крыма к России в 1783 г. // Исторический журнал. 1941. № 3.

Восленский, 1991 — *Восленский М.С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / Предисл. М. Джиласа. М., 1991.

Воспоминание, 1869 — Воспоминание о Крыме. Альбом всех лучших видов Крыма. Одесса; Лейпциг, 1869.

Врангель, 1939 — *Врангель Л.* Крым. Париж, 1939.

Всеволожский, 1839 — *Всеволожский Н.С.* Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку... М., 1839.

Всемирная история — Всемирная история. М.,1958. Т. IV.

Всесоюзная перепись 1939 — Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992.

Вспомогательные материалы — Вспомогательные материалы по истории СССР. Л., 1939.

Высотская, 1975 — *Высотская Т.Н.* Скифские городища. Симферополь, 1975.

Высотская, 1979 — *Высотская Т.Н.* Неаполь — столица поздних скифов. Киев, 1979.

Вяткин, 2005 — *Вяткин А.Р.* Немецкая оккупация и крымские татары в 1941–1944 гг. // В/О. 2005. № 3.

Габаев, 1913 — *Габаев Г.* Крымские татары под русскими знамёнами // Журнал Военно-исторического общества. 1913. № 3.

Габлиц, 1785 — *Габлиц К.И.* Физическое описание Таврической области по ея местоположению и по всем трём царствам природы. СПб., 1785.

Гавен, 1922 — *Гавен Ю.* Октябрь в Крыму // РВК. 1922. № 1.

Гавен, 1922 «а» — *Гавен Ю.* Крымское сельское хозяйство в условиях голода // Помощь. 1922. № 1.

Гавен, 1923 — *Гавен Ю.* Возникновение Крымской организации РСДРП(б) // РВК. 1923. № 2.

Гавен, 1923 «а» — *Гавен Ю.* Первые шаги советской власти в Крыму // РВК. 1923. № 2.

Гавен, 1933 — *Гавен Ю.* Конструирование временного ЦИКа // Советов В., Атласов А. Расстрел Советского правительства Крымской Республики Таврида. Сб. к 15-летию расстрела 24.04.1918–24.04.1933. Симферополь, 1933.

Гавриил, 1844 — *Гавриил*, архиепископ Херсонский и Таврический. Переселение греков из Крыма в Азовскую губернию и основание Готфейской и Кафинской епархий // ЗОИИД. 1844. Т. I.

Гаджиева, 11979 — *Гаджиева С.Ш.* Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX — начало XX в. Бишкек, 1979.

Гадло, 1971 — *Гадло А.В.* Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорья VIII–X вв.) // Этнография народов СССР. Л., 1971.

Гадло, 1990 — *Гадло А.В.* Тмутороканские этюды // Вестник Ленинградского университета, 1990. Сер. 2. Вып. 1–4.

Гадло, 1996 — *Гадло А.В.* «Корсуньские попы» на Руси // Средневековье и новая Россия. СПб., 1996.

Газиз, 1994 — *Газиз Г.* История татар. М., 1994.

Гайворонский, 2003 — *Гайворонский А.* Созвездие Гераев. Краткие биографии крымских ханов. Симферополь, 2003.

Гайворонский, 2003 «а» — *Гайворонский О.* Крымское ханство и княжество Готия: очерк взаимоотношений // Къасевет. 2005. № 31.

Гайворонский, 2005 — *Гайворонский О.* Мысли об Эски-Юрте // Къасевет. 2005. № 31.

Гайворонский, 2005 «а» — *Гайворонский О.* Падение империи // Полуостров. 3–9 июня 2005. С. 13.

Гайворонский, 2007 — *Гайворонский О.* Повелители двух материков. Т. I. Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев; Бахчисарай, 2007.

Гайворонский, 2009 — *Гайворонский О.* Повелители двух материков. Т. II. Крымские ханы первой половины XVII столетия в борьбе за самостоятельность и единовластие. Киев; Бахчисарай, 2009.

Гайдукевич, 1959 — *Гайдукевич В.Ф.* Боспор и скифы // Проблемы истории Причерноморья в Античную эпоху. М., 1959.

Галактионов, 1979 — *Галактионов И.В.* Россия и Польша перед лицом турецко-татарской агрессии // Россия, Польша и Причерноморье в XV — начале XVIII в. / Под ред. акад. Б.А. Рыбакова. М., 1979.

Галем, 1806 — Жизнь графа Миниха, Императорского Российского Генерал-Фельдмаршала. Сочинение Г-на Галема. М., 1806. Ч. I.

Галкина, Кузьмин, 1999 — *Галкина Е.С., Кузьмин А.Г.* Росский каганат и остров русов // Славяне и Русь: проблемы и идеи. М., 1999.

Галкина, 2007 — *Галкина Е.С.* Семантика титула «хакан русов» у арабо-персидских географов IX–XII вв. // В/О. 2007. № 6.

Ганкевич, 1998 — *Ганкевич В.Ю.* Очерки истории крымскотатарского народного образования Симферополь, 1998.

Ганкевич, 2000 — *Ганкевич В.Ю.* На службе правде и просвещению. Краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851–1914). Симферополь, 2000.

Ганкевич, 2001 — *Ганкевич В.Ю.* Крымскотатарские медресе (курс лекций). Симферополь, 2001.

Гаркавец, 1974 — *Гаркавец А.Н.* В.В.Бартольд о вероисповедании у кыпчаков X–XIII вв. и проблема этногенеза армяно-греко-кыпчаков (доклад) // Бартольдовские чтения. Тезисы докладов. М., 1974.

Гарчев, 1994 — *Гарчев П.И.* Трагедия Крымского фронта в мае 1942 // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. 1994. № 6.

Гарчев, 2001 — *Гарчев П.* Вели Ибраимов — жертва сталинских репрессий // Репрессированное поколение крымскотатарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры. Материалы научной конференции 28–29 мая 1999 г. Симферополь, 2001.

Гарчева, 1981 — *Гарчева Л.П.* Создание Советской Социалистической Республики Таврида и деятельность её ЦИКа и Совнаркома. Днепропетровск, 1981.

Гаспринский, 1881 — *Гаспринский И.* Русское мусульманство. Симферополь, 1881.

Гаспринский, 1894 — *Гаспринский И.* Что такое мектеб и новый метод? // ГК. 10.09.1999.

Гаспринский, 1888 — *Гаспринский И.* Крымское мурзачество // Терджиман. 25.09.1888.

Гаспринский, 1889 — *Гаспринский И.* Вымирание татар а Бахчисарае // Терджиман. 1889. № 15.

Гаспринский, 1993 — *Гаспринский И.* Россия и Восток. Казань, 1993.

Гафури-Ага, 1888 — *Гафури-Ага.* Типы крымских татар // Крым. 1888. № 10.

Гегель, 1999 — *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по эстетике. СПб., 1999. Т. I–II.

Гейд, 1915 — *Гейд В.* История торговли Востока в Средние века // ИТУАК, 1915. № 52.

Гелис, 1925 — *Гелис И.* Симферополь в период первой революции (1905 г.) // РВК. 1925. № 1(5).

Геллей, 1984 — *Геллей Г.Г.* Краткий библейский толкователь. Торонто, 1984.

Геллер, Некрич, 1995 — *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. М., 1995. Т. I–II.

Геллер, 1997 — *Геллер М.* История Российской империи. М., 1997. Т. I–II.

Геллнер, 1991 — *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991.

Гендерсон, 2006 — Библейские разыскания и странствия по России, включая путешествие по Крыму и переход через Кавказ, с обзором положения евреев, раввинистов и караимов, магометан и греческих народов, обитающих в южных губерниях Российской империи, с картами и рисунками, сочиненные Э. Гендерсоном. СПб., 2006.

Генуэзцы, 2009 — *Джанов А., Майкр В., Фарбей А.* Генуэзцы в Крыму. Исторический путеводитель. Киев, 2009.

Георги, 1799 — Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, жилищ, забав, вероисповеданий и др.... Творение Иоганна Готтлиба Георги в четырех частях. СПб., 1799.

Герасимов, Рудь, Яблонский, 1987 — *Герасимов М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т.* Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы М., 1987.

Герман, 1808 — Описание Таврической губернии, сочинённое Карлом Германом // Статистический журнал. СПб, 1808. Т. II. Ч. I.

Гермоген, 1883 — Слово по случаю празднования столетней годовщины присоединения Крыма к России, произнесённое в Кафедральном соборе Преосвященнейшим Гермогеном, епископом Таврическим и Симферопольским // Таврические Епархиальные Ведомости, 1883. № 9–10.

Гермоген, 1887 — *Епископ Гермоген*. Таврическая епархия. Псков, 1887.

Герсиванов, 1849 — Военно-статистический обзор Российских губерний. Таврическая губерния. Составлял полковник Генерального штаба Герсиванов. СПб., 1849. Т. XI. Ч. II.

Герцен, 1990 — *Герцен А.Г.* Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. Симферополь, 1990. Вып. 1.

Герцен, Могаричев, 1991 — *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* О возникновении Готской епархии // МАИЭТ. Симферополь, 1991. Вып. 2.

Герцен, 1861 — *Герцен А.И.* Гонения на крымских татар // Колокол. 1861. Декабрь. № 117.

Герцен, 1956 — *Герцен А.И.* О развитии революционных идей в России // Собрание сочинений в тридцати томах. М., 1956. Т. VII.

Герцен, 1957 — *Герцен А.И.* Поляки прощают нас // Собрание сочинений в тридцати томах. Т. XII. М., 1957.

Гетьмани, 1991 — Гетьмани України. Історичні портрети. Збірник / Скл. В. Антонович, Г. Хоткевич, М. Василенко, Я. Дзира, Ю. Хорунжий, О. Левицький. Київ, 1991.

Гилязов, 2010 — *Гилязов И.* Тюрко-мусульманские народы СССР в предвоенных планах нацистской Германии // Война на уничтожение. Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. Материалы международной научной конференции (Москва, 26–28 апреля 2010 г.). М., 2010.

Гимпельсон, 1993 — *Гимпельсон Е.Г.* Политическая система и НЭП: неадекватность реформ // ОИ. 1993. № 2.

Гинзбург, 1992 — *Гинзбург М.* Татарское искусство в Крыму // Забвению не подлежит. Казань, 1992.

Гогун, 2004 — *Гогун А.С.* Партизаны против народа // Под оккупацией в 1941–1944 гг. Статьи и воспоминания. М., 2004.

Голиков, 1837 — *Голиков И.И.* Деяния Петра Великаго, мудраго преобразителя России. М., 1837–1838. Т. I–IX.

Голованов, 1988. — *Голованов В.* Батько Махно, или «Оборотень» гражданской войны // ЛГ. 08.02.1988.

Головацкий, 1884 — Географический словарь западнославянских и югославянских земель и прилежащих стран / Сост. Яковом [Ф.] Головацким. Вильна, 1884.

Голод 1933 — Голод 1933 року в Україні. Мюнхен, 1963.

Голубева, 1924 — *Голубева М.* Последний караул // Молодая гвардия. 1924. № 2–3.

Голубовский, 1884 — *Голубовский П.В.* Печенеги, торки и половцы. История южно-русских степей IX–XIV вв. Киев, 1884.

Гольденберг, 1884 — *Гольденберг М.* Крым и крымские татары // Вестник Европы. 1883. Ноябрь. Т. VI.

Гонения, 1861 — Гонения на крымских татар // Колокол. Прибавочные листы к «Полярной звезде». Л. 117. [Лондон]. 22 декабря 1861.

Гордин, 2002 — *Гордин Я.А.* Русский человек на Кавказе // Звезда. СПб., 2002. № 7.

Гордлевский, 1928 — *Гордлевский В.* Организация цехов у татар // Труды Этнографическо-археологического музея I МГУ. 1928. Вып. 4.

Гордлевский, 1960 — Государство Сельджукидов Малой Азии // *Гордлевский В.А.* Избранные сочинения. М., 1960. Т. I.

Гордлевский, 1968 — *Гордлевский В.А.* Рукописи Восточного музея Ялты // Избранные сочинения. М., 1968. Т. IV. Этнография, история востоковедения, рецензии.

Горев, 1955 — *Горев Л.* Война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя. М., 1955.

Горный, 1946 — *Горный Н.* Литература для колхозников-переселенцев // Советский Крым. 1946. № 4.

Горшков, Червонная, 1998 — *Горшков Н., Червонная С.* Пантюркизм и панисламизм в российской истории и историографии // Ислам и этническая мобилизация: национальное движение в тюркском мире / Сост. С.М. Червонная. М., 1998.

Горький, 2005 — *Горький М.* Несвоевременные мысли. СПб., 2005.

Горюнова, Дементьев, 1996 — *Горюнова Е.А., Дементьев Н.Е.* Межселенное и внутриселенное землеустройство в Крыму в 20-е годы // Проблемы материальной и духовной культуры Причерноморья от античных времён до наших дней. Материалы I научных чтений, 4–15 ноября 1996 г. Симферополь, 1996.

Горюнова, Дементьев, 1996 «а» — *Горюнова Е.А., Дементьев Н.Е.* Некоторые аспекты аграрной политики в Крыму // Там же.

Горяинов, 1990 — *Горяинов М.М.* Советская страна в конце 20-х — начале 30-х гг. // ВИ. 1990. № 8.

Гражуль, 1997 — *Гражуль В.С.* Тайны галантного века. М., 1997.

Граков, 1971 — *Граков Б.Н.* Скифы. М., 1971.

Гранин, 2009 — *Гранин Д.А.* Собрание сочинений в восьми томах. СПб., 2009.

Грациози, 2001 — *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2001.

Гребенниченко, 1996 — *Гребенниченко С.Ф.* Выступление // Менталитет и аграрное развитие России (XX–XIX вв). Материалы международной конференции. М., 1996.

Греков, Якубовский, 1950 — *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и её падение. М.; Л., 1950.

Греков,1979 — *Греков И.* К вопросу о характере политического сотрудничества Османской империи и Крымского ханства в Восточной Европе в XVI–XVII вв. (по данным Э. Челеби) // Россия, Польша и Причерноморье в XV — начале XVIII в. / Под ред. акад. Б.А. Рыбакова. М., 1979.

Греков, 1984 — *Греков И.Б.* Османская империя, Крым и страны Восточной Европы в конце XV в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. Главные тенденции политических взаимоотношений / Отв. ред. И.Б. Греков. М., 1984.

Греков, 1984 «а» — *Греков И.Б.* Османская империя, Крым и страны Восточной и Центральной Европы в первой четверти XVI в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. Главные тенденции политических взаимоотношений / Отв. ред. И.Б. Греков. М., 1984.

Греков, 1984 «б» — *Греков И.Б.* Турция, Крым, Казань и Российское государство в 20–50 годы XVI в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. Главные тенденции политических взаимоотношений / Отв. ред. И.Б. Греков. М., 1984.

Грибанова, 1952 — *Грибанова Л.С.* Политические взаимоотношения скифов и сарматов с полисами Северного Причерноморья в I–II вв. М., 1952.

Григорьев, 1923 — *Григорьев А.П.* Татарский вопрос в Крыму // Антанта и Врангель. Сб. статей. М.; П., 1923. Вып. 1.

Григорьев, 1974 — *Григорьев А.П.* «Книга путешествия» Эвлии Челеби — источник по истории Крыма XIII–XVII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1974. Вып. 3.

Григулевич, 2001 — *Григулевич Н.П.* Питание как важнейший механизм этноэкологической адаптации // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М., 2001.

Гринченко, 2005 — *Гринченко Г.Г.* Память о принудительном труде в нацистской Германии: опыт реконструкции // ВИА. 2005.

Грушевський, 1909, IX — *Грушевський М.С.* Історія України–Руси. В одиннадцати томах, двенадцати книгах. Київ; Львів, 1909. Т. IX. Ч. 2.

Грюнебаум, 1986 — *Грюнебаум Г.Э.* фон. Классический ислам. М., 1986.

Губенко, 1961 — *Губенко Г.И.* Крестьянское движение в Таврической губернии // Труды Крымского краеведческого музея. Симферополь, 1961.

Гудзий, 1919 — *Гудзий Н.К.* К истории русского сентиментализма (Путешествие в Крым П.И. Сумарокова). Симферополь, 1919.

Гудков, 1994 — *Гудков Л.Д.* Русский национализм как сопутствующий феномен политической демобилизации // Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов. М., 1994.

Гуляев, 2005 — *Гуляев В.И.* Скифы. Расцвет и падение великого царства. М., 2005.

Гумилёв, 1966 — *Гумилёв Л.Н.* Открытие Хазарии. М., 1966.

Гумилёв, 1988 — *Гумилёв Л.Н.* О людях, на нас не похожих // Советская культура. 15.10.1988.

Гумилёв, 1989 — *Гумилёв Л.Н.* Письмо в редакцию «Вопросов философии» // ВФ. 1989. № 5.

Гумилёв, 1989 «а» — *Гумилёв Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.

Гуревич, 1976 — *Гуревич А.Я.* Мировая культура и современность // ИЛ. 1976. № 1.

Гуревич, 1984 — *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.

Гущина, 1967 — *Гущина И.И.* О сарматах в Юго-Западном Крыму // СА. 1967. № 1.

Дагджи, 2000 — *Дагджи Дженгиз.* Крым — любовь и боль моя / Пер. А.М. Эмировой. Симферополь, 2000.

Далин, 1924 — *Далин Д.* Расслоение новой деревни // СВ. 1924. № 1.

Далин, 1923 — *Далин Д.* РКИ на шестом году революции // СВ. 1923. № 14.

Данилевский, 1850 — *Данилевский Г.* Письма из степной деревни // Библиотека для чтения. СПб., 1850. № 104.

Данилевский, 1871 — Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-романскому Н.Я. Данилевского. СПб., 1871.

Даниленко, 1993 — *Даниленко В.Н.* Херсонес и тавры Гераклейского полуострова // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. 3.

Данилов, 2008 — *Данилов А.* Если бы на месте Сталина был я... // НГ. 18–21.09.2008.

Данилов, 1979 — *Данилов В.* Советская колхозная деревня: социалистическая структура, социалистические отношения. М., 1979.

Данциг, 1949 — *Данциг Б.* Турция. М., 1949.

Дашевская, 1991 — *Дашевская О.Д.* Поздние скифы в Крыму // Археология СССР. Свод археологических источников. М., 1991. Вып. Д. 1–7.

Дашкевич, 1998 — *Дашкевич Я.Р.* Калмыки Северного Причерноморья в XVII–XVIII вв. // Славяне и кочевой мир. Средние века — раннее Новое время. М., 1998.

Дейников, 1999 — *Дейников Р.Т.* От вассального ханства Оттоманской империи до Таврической губернии Российской империи // ОИ. 1999. № 3.

Дейников, 2000 — *Дейников Р.Т.* [рецензия] // ОЗ. 2000. № 3.

Дело, 1928 — Дело Вели Ибраимова и других. Крымгосиздат, 1928.

Демирджи, 2011 — *Демирджи Э.А.* Крымская нация: вымыслы и реальность. Симферополь, 2011.

Демографический словарь, 1985 — Демографический энциклопедический словарь / Гл. ред. Д.И. Валентей. М., 1985.

Ден, 1930 — *Ден Н.В.* Крым. М.; Л., 1930.

Денишевич, 1985 — *Денишевич Я.Р.* Codex Cumanicus — вопросы возникновения // Вопросы языкознания. 1985. № 4.

Деревня, 1927 — Деревня Саблы. Симферополь, 1927.

Дерий, 1993 — *Дерий С.П.* К вопросу о деятельности комиссии по разрешению земельных споров (1802–1810 гг.) // МАИЭТ. 1993. Т. III.

Десять лет, 1930 — Десять лет советского Крыма. Сборник. 1920–1930 гг. Симферополь, 1930.

Деятели, 1999 — Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944). Биобиблиографический словарь / Гл. ред. и сост. Д.П. Урсу. Симферополь, 1999.

Дённингхаус, 1999 — *Дённингхаус В.* Полиэтничность сквозь призму классового подхода // ОИ. 1999. № 2.

Джан, 2008 — *Джан Ш.* Мевляна Джалаледдин Руми — жизнь, личность, мысли / Пер. с англ. Л.В. Зеленина. М., 2008.

Джанов, 2005 — *Джанов А.В.* «Храм с аркадой» в Судаке // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. 2.

Дзамихов, 2001 — *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе (1550-е — начало 1770-х гг.). Нальчик, 2001.

Дивин — Дивин В.А., Казаков Н.И. Об освещении некоторых вопросов Крымской войны в литературе последних лет // ВИ. 1957. № 2.

Дидух, 2007 — *Дидух О.В.* Донские казаки в Крымской войне 1853–1856 гг. М., 2007.

Дипл. словарь — Дипломатический словарь в трёх томах / Гл. ред. А.А. Громыко, С.А. Голунский, В.М. Хвостов. М., 1960–1964.

Дмитров, 1940 — *Дмитров Л.Д.* Перекоп. Ров и вал. Киев; Львов, 1940.

Добролюбский, 1986 — *Добролюбский А.О.* Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху Средневековья. Киев, 1986.

Доватур, Каллистов, Шишова, 1982 — *Доватур А.И., Каллистов Д.И., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Л., 1982.

Домбровский, 1850 — *Домбровский Ф.* Очерки хозяйственного быта татар степной полосы Крыма // Записки Императорского Общества сельского хозяйства Южной России. 1850. № 7.

Домбровский, 1850 «а» — *Домбровский Ф.Ф.* Виды на урожай в Крыму в 1850 г. // Там же.

Домбровский, 1862 — *Домбровский Ф.Ф.* Реван // Радуга (Феодосия). 1862. № 6.

Домбровский, 1862 «а» — *Домбровский Ф.Ф.* Мюгюри-шериф и правила Али Хазрети-Умера // Радуга (Феодосия). 1862. № 9.

Домбровский, 1962 — *Домбровский О.И., Щепинский А.А.* Археологические загадки Красных пещер. Симферополь. 1962.

Домбровский, 1972 — *Домбровский О.И.* Крепость в Горзувитах. Симферополь, 1972.

Домбровский, 1973 — *Домбровский О.И., Махнева О.А.* Столица феодоритов. Симферополь, 1973.

Домбровский, Сидоренко, 1978 — *Домбровский О.И., Сидоренко В.А.* Солхат и Сурб-хач. Симферополь, 1976.

Донской, 2007 — *Донской А.Ю.* Греческие формирования в России в середине XVIII — первой половине XIX в. // И. Николопулос. Греки и Россия. XVII–XX вв. Сб. статей / Отв. ред. Г.Л. Арш. СПб., 2007.

Дорогой тысячелетий — Дорогой тысячелетий. Экскурсии по средневековому Крыму. Симферополь, 1966.

Дорошенко, Павлова, Раак, 2007 — *Дорошенко В.Л., Павлова И.В., Раак Р.Ч.* Не миф: речь Сталина 19 августа 1939 г. // Правда Виктора Суворова. Переписывая историю Второй мировой. М., 2007.

Драгоманов, 1906 — *Драгоманов М.П.* Турки внутренние и внешние // Собрание политических сочиннений. Paris, 1906. Т. II.

Драгоманов, 1906 «а» — *Драгоманов М.П.* Русский кулак и болгарская свобода // Там же.

Драчук, 1977 — *Драчук В.С., Кара Я.Б., Челышев Ю.В.* Керкинитида — Гёзлёв — Евпатория. Симферополь, 1977.

Драчук, 1985 — *Драчук В.С., Кутайсов В.А.* Исследование Керкинитиды // СА. 1985. № 1.

Дружинина, 1959 — *Дружинина Е.И.* Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959.

Дубровин, 1900 — *Дубровин Н.Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя. СПб., 1900. Т. I.

Дубровский, 1914 — *Дубровский М.* Жилище крымских татар // По Крыму. Симферополь, 1914. № 1.

Дэвис Н. История Европы / Пер. с англ. Т.Б. Менской. М., 2005.

Дяченко, 1989 — *Дяченко С.* Страшный месяц пухкутень // О. 1989. № 27.

Евпатория, 1868 — Евпатория // Таврические губернские ведомости. 1868. 16 ноября.

Евреи Крыма, 1997 — Евреи Крыма. Очерки истории. Симферополь — Иерусалим, 1997.

Евреи, 1999 — Евреи в Крыму. Краткий очерк истории иудейских общин Крыма. Симферополь, 1999.

Евсеев, 2004 — *Евсеев А.А.* О водоснабжении города Феодосии // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2004. № 8.

Евсеенко, 1900 — *Евсеенко С.С.* Крым и целебныя его средства. СПб., 1900.

Егоров, 2008 — *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 2008.

Елагин, 1922 — *Елагин В.Л.* Евпаторийский Октябрь и начало Советской власти // РВК. 1922. № 1.

Елагин, 1924 — *Елагин В.Л.* Националистические иллюзии крымских татар // РВК. 1924. № 1(3).

Елпатьевский — *Елпатьевский С.* Крымские очерки. Изд. 2-е. М., б. г.

Еманов, 1986 — *Еманов А.Г.* Система торговых связей Кафы в XIII–XV вв. Л., 1986.

Еманов, 1993 — *Еманов А.Г.* Флорентийский гуманист о Крыме // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. 3.

Еманов, 1995 — *Еманов А.Г.* Север и Юг в истории коммерции на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень, 1995.

Еланова, 2004 — *Еланова Ю.В.* Сексуальная культура: идентификация понятия // Культурологическая мозаика. Самара, 2004.

Ерасов, 1990 — *Ерасов Б.С.* Культура, религия и цивилизация на Востоке (очерки общей теории). М., 1990.

Ерасов, 1998 — *Ерасов Б.С.* Социальная культурология. М., 1998.

Ерасов, 2000 — *Ерасов Б.С.* Теория «восточного деспотизма» как явление «нового мышления» // В/О. 2000. № 4.

Ермолин, 1996 — *Ермолин Е.* Материализация призрака. Ярославль, 1996.

Ермуратский, 1983 — *Ермуратский В.Н.* Дмитрий Кантемир. Кишинёв, 1983.

Жданов, 1991 — *Жданов Н.В.* Исламская концепция миропорядка: Международные, правовые, экономические и гуманитарные аспекты. М., 1991.

Железнов, 1871 — *Железнов Н.* Поездка в Крым. СПб., 1871.

Жигарев, 1898 — *Жигарев С.* Русская политика в восточном вопросе (её история в XVI–XIX вв., критическая оценка и будущие задачи). М., 1898.

Жирмунский, 1974 — *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. Л., 1974.

Жиров, 1949 — *Жиров Е.В.* Костяки из каменных ящиков Крыма // Сб. Музея антропологии и этнографии. 1949. Т. X.

Жития — Жития херсонесских мучеников // Васильевский В.Г. Труды. 1912. Т. II. Вып. 2.

Жукова, 2005 — *Жукова Л.В.* Формирование «образа врага» в Русско-японской войне 1904–1905 гг. // ВИА. 2005.

Жуковы, 1997 — *Жуков А.Ф., Жукова Л.Н.* К вопросу о коллаборационизме в Великой Отечественной войне (Клио [СПб.], 1997. № 2).

Жумагамбетов, 2006 — *Жумагамбетов Т.С.* Культ Тенгри как основа государственной идеологии древнетюркского каганата // В/О. 2006. № 2.

Журавлёв, 1996 — *Журавлёв В.В.* Революция как способ реализации личного интереса // Революция и человек. М., 1996.

Журавский, 1990 — *Журавский А.В.* Христианство и ислам: социокультурные проблемы диалога. М., 1990.

З., 1855 — *З.* С Южного берега Крыма // Северная пчела (СПб.). 17.11.1855.

Забвению не подлежит — Забвению не подлежит (из истории крымской государственности и Крыма) / Сост. Н. Ибадуллаев. Казань, 1992.

Забелин, 1852 — *Забелин И.* Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII столетия // Современник. 1852. XXXII, отд. II.

Заборовский, 1979 — *Заборовский Л.В.* Крымский вопрос во внешней политике России и Речи Посполитой в 40–50-х гг. XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV — начале XVIII в. / Под ред. акад. Б.А. Рыбакова. М., 1979.

Заборовский, 1981 — *Заборовский Л.В.* Россия, Речь Посполитая, Швеция в середине XVII в. Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.

Заборовский, Захарьина, 1992 — *Заборовский Л.В., Захарьина Н.С.* Россия, Крым, Польша и Украина в середине 50-х годов XVII в.: Из материалов чрезвычайного посольства в Крымское ханство во главе с дворянином Т.Г. Хотунским и подъячим Поместного приказа И. Фоминым 1654–1655 гг. // Славяне и их соседи. М., 1992. Вып. 4.

Заборовский, 1998 — *Заборовский Л.В.* Порта, Крымское ханство и государства Центральной и Восточной Европы в 1648–1654 гг. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Главные тенденции политических взаимоотношений / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1998. Ч. 1.

Завадовский, 1885 — Сто лет жизни Тавриды. В память празднования столетнего юбилея присоединения Крыма к России. Сб. А.Г. Завадовского. Симферополь, 1885. Вып. 1.

Завадский-Краснопольский, 1874 — *Завадский-Краснопольский А.К.* Крым. Природа, население и особенности края. СПб., 1874.

Загоровский, 1913 — *Загоровский Е.А.* Военная колонизация России при Потёмкине. Одесса, 1913.

Загоровский, 1922 — *Загоровский Е.А.* Очерк истории Северного Причерноморья. Одесса, 1922. Ч. 1.

Загородских, 1940 — *Загородских Ф.С.* Борьба с деникинщиной и интервенцией в Крыму. Симферополь, 1940.

Загорулько, Юденков, 1980 — *Загорулько М.М., Юденков А.Ф.* Крах плана «Ольденбург». М., 1980.

Зайончковский, 1969 — *Зайончковский А.* «Летопись Кипчакской степи» (Таварих–и Дешт–и Кипчак) как источник по истории Крыма // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы / Под ред. А.С. Тверитиновой. Т. I–II. М., 1964–1969. Т. II.

Зайцев, 2004 — *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI в.). Очерки. М., 2004.

Зайцев, 2006 — *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2006.

Зайцев, 2006 «а» — *Зайцев И.В.* Письменная культура Крымских ханов // Восточный архив. 2006. № 14–15.

Зайцев, 2009 — *Зайцев И.В.* Крымская историографическая традиция XV–XIX вв. Пути развития. Рукописи, тексты и источники. М., 2009.

Закиев, 2008. — *Закиев М.З.* История татарского народа (этнические корни, формирование и развитие). М., 2008.

Зализняк, 1995 — *Зализняк Л.* Осторожно: империя! // Тезисы к международной научно-практической конференции «Крымский полуостров в геополитических планах от античных времён до наших дней» Симферополь. 3–4 ноября 1995.

Залкинд, 1989 — *Залкинд А.В.* Революция и молодёжь // Родник. 1989. № 9.

Замалеев, 1987 — *Замалеев А.Ф.* Философская мысль в Средневековой Руси. М., 1987.

Замалеев, 1994 — *Замалеев А.Ф.* «Слышать голос Христа и голос истории» (О социальной философии Г.П. Федотова) // Федотов Г.П. О святости, интеллигенции и большевизме. Избранные статьи. СПб., 1994.

Заметки, 1870 — Заметки о Крымских татарских обычаях // Таврические губернские ведомости. 19–23.09.1870.

Запрудный, 1924 — *Запрудный М.* Симфония Одиннадцатой Красной армии // Песенный сплав. Великий Устюг, 1924.

Зараев, 1982 — *Зараев М., Шведов С.* Тяжёлая ноша // О. 1989. № 26.

Зарубин А., 1991 — *Зарубин А.Г.* К истории Милли-Фирка // Проблемы истории Крыма. Тезисы докладов научной конференции (23–28 сентября). Симферополь. 1991. Вып. 2.

Зарубин А., 1999 — *Зарубин А.Г.* «...Курултай имеет в виду не одних лишь татар...» К биографии Ч. Челебиева // Клио (СПб.). 1999. № 1.

Зарубин В., 1994 — *Зарубин В.Г.* К вопросу о восстании крымских татар в горном Крыму (1918 г.) // Проблемы истории и археологии Крыма. Сб. научных трудов. Симферополь, 1994.

Зарубин, 2003 — *Зарубин В.Г.* Межнациональные отношения, национальные партии и организации в Крыму (начало XX в. — 1921 г.) // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2003. № 1.

Зарубины, 1994 — *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Красный террор в Крыму: концепция // Крым и Россия: неразрывные исторические судьбы и культуры. Симферополь, 1994.

Зарубины, 1997 — *Зарубин А.Г, Зарубин В.Г.* Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997.

Зарубины, 1999 — *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* От «форпоста мировой революции» до последнего плацдарма «белой» России // ОИ. 1999. № 2.

Заселение Крыма // КВ. 1890. № 27, 29, 30, 32, 33, 35, 37, 38, 40.

Засельский, 1997 — *Засельский А.* Архитектурное насилие // О. 1997. № 45.

Засыпкин, 1929 — *Засыпкин Б.Н.* Памятники архитектуры крымских татар // Крым (М.). 1929. № 2 (4).

Захарова, 2001 — *Захарова О.Ю.* Генерал-фельдмаршал, светлейший князь М.С. Воронцов: Рыцарь Российской империи. М., 2001.

Зверев, 1954 — *Зверев Б.И.* Синопская победа. Симферополь, 1954.

Зеленева, 2005 — *Зеленева И.В.* Геополитика и геостратегия России (XVIII — первая половина XIX в.). СПб., 2005.

Зеленин, 2006 — *Зеленин И.Е.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006.

Земсков, 1994 — *Земсков В.Н.* Судьба кулацкой ссылки (1930–1954 гг.) // ОИ. 1994. № 1.

Земсков, 1991 — *Земсков В.Н.* Заключённые, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР. 1991. № 5.

Земсков, 1990 — *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы // Социс. 1990. № 11.

Зенкевич, 1890 — *Зенкевич Х.Х.* Настоящее и прошлое Крыма. Краткий географический и историко-этнографический очерк. Керчь, 1890. Вып. 1.

Зиновьев, 1980 — *Зиновьев А.* Жёлтый дом. Романтическая повесть в четырёх частях с предостережением и назиданием. Editions L'Age d'Homme. Лозанна, 1980.

Зиновьев, 1994 — *Зиновьев А.* Коммунизм как реальность. М., 1994.

Зиновьев, 1999 — *Зиновьев А.* Фактор предательства // Новая Россия (М.). 1999. № 4.

Зінченко, 1998 — *Зінченко Ю.І.* Кримські татари. Історичний нарис. Київ, 1998. Ч. І.

Зинько, 1993 — *Зинько В.Н.* Население хоры и Боспора // МАИЭТ. 1993. Т. III.

Золотницкий, 1911 — *Золотницкий Н.Ф.* Наши садовые цветы, овощи и плоды. М., 1911.

Золотницкий, 1992 — *Золотницкий Н.Ф.* Цветы в легендах и преданиях (2-е изд.). М., 1992.

Зорин, 1998 — *Зорин А.* Крым в истории русского самосознания // Новое литературное обозрение. 1998. № 31.

Зубарь, Павленко, 1988 — *Зубарь В.М., Павленко Ю.В.* Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. Киев, 1988.

Зубарь, Савеля, 1989 — *Зубарь В.М., Савеля О.Я.* Новий сарматський могильник другої половіни початку II ст. н. е. в Південно-Західному Криму // Археологія. 1989. № 2.

Зубов, 2005 — *Зубов А.Б.* Размышления над причинами революции а России // Новый мир (журн., М.). 2005. № 7; № 8.

Зюсс, 2007 — *Зюсс В.* Чему и как учили в немецких школах в России. СПб., 2007.

Ибадуллаев, 1997 — *Ибадуллаев И.И.* Мечети Крыма // ГК. 01.08.1997.

Ибадуллаев, 1992 — *Ибадуллаев Н.* Печальная участь жертвы // А. 02.05.1992.

Ибадуллаев, 2009 — *Ибадуллаев Н.* Правда и домыслы о Вели Ибраимове // Полуостров. 1–7.05.2009.

Ибнеева, 2003 — *Ибнеева Г.В.* Путешествия Екатерины II // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого / Под ред. Л.П. Репниной. М., 2003.

Ибнеева, 2006 — *Ибнеева Г.В.* Путешествия Екатерины II: опыт «освоения» имперского пространства. Казань, 2006.

Ибрагимова, 1999 — *Ибрагимова А.* Годы страха, бессилия, голода // ГК. 19.03.1999.

Ибрагимова, 1999 «а» — *Ибрагимова А.* Любимых песен прерванный мотив // ГК. 14.09.1999.

Ибрагимова, 2001 — *Ибрагимова А.* Тайны Ханского дворца // ГК. 14.09.1999.

Ибраимов, 1926 — *Ибраимов В.* Пять лет советской власти в Крыму // Весь Крым. С., 1926.

Ибраимов, 1926 «а» — *Ибраимов В.* Вопросы землепользования в Крыму // Весь Крым. Симферополь, 1926.

Иваницкий, 1996 — *Иваницкий Н.А.* Выступление // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. М., 1996.

Иванич, 1992 — *Иванич М.* Участие крымских татар в военных походах турок против Венгрии (1593–1606 гг.) // Языки, духовная культура и история тюрков: традиция и современность. Казань, 1992. Ч. 3.

Иванчик, 2007 — *Иванчик А.И.* К мифологической географии Боспора: были ли киммерийцы на Боспоре Киммерийском? // Линии судьбы. Сб. статей, очерков, эссе / Сост. В.Л. Телицын. М., 2007.

Иванов, 1912 — *Иванов Е.Э.* История Херсонеса. Историко-археологический обзор // ИТУАК. 1912. № 46.

Иванова, 2004 — Греки России и Украины / Сост. и отв. ред. Ю.В. Иванова. СПб., 2004.

Иванова, Маркова, 2004 — *Иванова Ю.В., Маркова Л.В.* Этнографические заметки о болгарах и албанцах Северного Приазовья // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН. М., 2004.

Ивановская, 2001 — *Ивановская И.Н.* Переписка В.И. Вернадского с английской миссией в Крыму в 1920 году // Научное наследие В.И. Вернадского в контексте глобальных систем цивилизации. Межгосударственная конференция. Крым, 23–25 мая 2001 г. Доклады. М., 2001.

Иванчик, 1995 — *Иванчик А.И.* К вопросу об этнической принадлежности и археологической культуре киммерийцев // ВДИ. 1995. № 1.

Иванчик, 2001 — *Иванчик А.И.* Киммерийцы и скифы. М., 2001.

Иванчик, 2007 — *Иванчик А.И.* К мифологической географии Боспора: были ли киммерийцы на Боспоре Киммерийском? // Линии судьбы. Сб. статей, очерков, эссе / Сост. В.Л. Телицын. М., 2007.

Ивницкий, 1994 — *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.). М., 1994.

Ивницкий, 2007 — *Ивницкий Н.А.* Голод 1932–1933 гг. // Линии судьбы. Сб. статей, очерков, эссе / Сост. В.Л. Телицын. М., 2007.

Игнатьев, 1906 — *Игнатьев З.* Россия и окраины. СПб., 1906.

Идрис-Шах, 2001 — *Идрис-Шах.* Наблюдения за покровом. М., 2001.

Изидинова, 1983 — *Изидинова С.Р.* Фонетические и морфологические особенности крымскотатарского языка в ареальном освещении // Вопросы восточного языкознания. Сб. статей. М., 1983.

Изидинова, 1993 — *Изидинова С.Р.* Современное состояние и проблемы изучения крымскотатарского языка // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. 3.

Изидинова, 1995 — *Изидинова С.Р.* Половцы: мифы и исторические реалии. Севастополь, 1995.

Измайлов, 2000 — *Измайлов Э.* Идеология угнетённых // ГК. 01.08.2000.

Израилович, 1927 — Израилович. Долой лжекооператоров // Рф. 07.10.1927.

Ильин, 2006 — *Ильин И.А.* О русском национализме. М., 2006.

Ильюхов, 2007 — *Ильюхов А.А.* Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны. М., 2007.

Ингерфлом, 1993 — *Ингерфлом К.С.* Несостоявшийся гражданин. Русские корни ленинизма. М., 1993.

Ингрэм, 2010 — *Ингрэм Дж.К.* История рабства от древнейших до новых времён / Пер с англ. З.Н. Журавлёвой. М., 2010.

Ионов, 1994 — *Ионов И.Н.* Российская цивилизация и истоки её кризиса (IX — начало XX в.). М., 1994.

Иорданский, 1929 — *Иорданский.* Чауш // Чауш. Симферополь, 1929.

Иофе, 1997 — *Иофе В.* Большой террор и имперская политика СССР // Посев. 1997. № 5.

Ипчи, 1935 — *Ипчи У.* Против извращения крымскотатарской литературы // КК. 24.10.1935.

Искусство Византии — Искусство Византии в собраниях СССР / Сост. А.В. Банк, М.А. Бессонова. М., 1977. Т. I, II.

Ислам, 1991 — Ислам. Энциклопедический словарь / Г.В. Милославский, Ю.А. Петросян, М.Б. Пиотровский, С.М. Прозоров (отв. секретарь). М., 1991.

Ислам т. Р. — Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М., 1998. Вып. 1; М., 1999. Вып. 2.

История Византии — История Византии. М., 1967. Т. I–III.

История Востока, 2006 — История Востока в шести томах / Гл. редкол.: М.С. Капица, Г.Ф. Ким (председатели) и др. [Рос. АН, Институт востоковедения]. Восток в новейшее время. М., 2006. Т. V.

История XIX в. — История XIX века / Под ред. проф. [Э.] Лависса и [А.Н.] Рамбо. М., 1937. Т. VI–VII.

История КПСС — История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1968.

История крестьянства — История крестьянства СССР. М., 1986. Т. I–II.

Історія міст — Історія міст і сіл УРСР. Кримська область. Київ, 1974.

История Османского государства — История Османского государства, общества и цивилизации / Ред. Э. Исханоглу, пер. В.Б. Фофановой под ред. М.С. Мейера. М., 2006. Т. I–II.

История родов, 1886 — История родов русскаго дворянства / Сост. П.Н. Петров. СПб., 1886. Т. I–II.

История России, 1994 — История России 1917–1940. Хрестоматия. Ред. М.Е. Главацкий. Челябинск, 1994.

История Северной войны, 1987 — История Северной войны. 1700–1721 гг. / Авт. кол.: И.И. Ростунов, В.А. Авдеев, М.Н. Осипова, Ю.Ф. Соколов. М., 1978.

История СССР, 1967 — История СССР с древнейших времён до наших дней. М., 1967. Первая серия. Т. IV.

История судостроения, 1994 — История отечественного судостроения IX–XIX вв. В пяти томах / В.Д. Доценко, И.В. Богатырёв, Г.А. Варахловский, П.А. Кротов, А.Г. Сацкий. Т. I. Парусное деревянное строительство. СПб., 1994.

История Швеции, 1974 — История Швеции // Отв ред. А.С. Кан. М., 1974.

Исхаков, 1996 — *Исхаков С.М.* Мусульманская психология и европейская политика (первая четверть XX в.) // Революция и человек. Социально-психологический аспект. М., 1996.

Исхаков, 1997 — *Исхаков С.М.* Общероссийская партия мусульман // История национальных партий России. М., 1997.

Исхаков, 1997 «а» — *Исхаков С.М.* Феномен татарского джадидизма... Казань, 1997.

Исхаков, 2004 — *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). М., 2004.

Исхаков, 2006 — *Исхаков С.М.* Мусульманская политика П.Н. Врангеля // Крым. Врангель. 1920 год. М., 2006.

Исхаков, 2007 — *Исхаков С.М.* Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М., 2007.

Ишин, 1996 — *Ишин А.В.* Контрреволюционное движение в Крыму и борьба с ним в 1921 г. // Проблемы материальной и духовной культуры Причерноморья от античных времён до наших дней. Материалы I научных чтений, 4–15 ноября 1996. Симферополь, 1996.

Йедийылдыз, 2006 — *Йедийылдыз Б.* Османское общество // ИОГ. Т. I.

К вопросу о возвращении — К вопросу о возвращении из Турции крымских татар // Народное богатство. 1864. № 48.

Кабанец, 2005 — *Кабанец Е.П.* К вопросу о Тмутараканской епархии в церковной истории Древней Руси конца XI в. // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. 2.

Кавелин, 1989 — *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989.

Кавтарадзе, 1990 — *Кавтарадзе А.Г.* Предисловие // Я.А. Слащов-Крымский. Белый Крым. 1920 г. Мемуары и документы. М., 1990.

Каграманов, 1995 — *Каграманов Ю.* Чужое и своё // Новый мир. 1995. № 6.

Каллистов, 1949 — *Каллистов Д.И.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949.

Кальв, 1929 — *Кальв М.* Дело о 32 классовых врагах // КК. 13.11.1929.

Кальвари, 1931 — *Кальвари М.* Узбекистан — Крым. Симферополь, 1931.

Камшицкий, 1925 — *Камшицкий В.* Революционное движение в Перекопском уезде // РВК. 1925. № 1 (5).

Кандымов, 1991 — *Кандымов Ю.* Курултай. Как это было // А. 1991. № 7–8.

Кандымов, 2004 — *Кандымов Ю.У.* Документы смутного времени // НБ. № 2 (7). 2004.

Каневский, 1845 — *Каневский К.* Очерк поселения ногайцев на Крымском полуострове и в других местах Новороссийского края в последней четверти XVIII в. // Северная пчела. 1845. № 53.

Кантор, 1997 — *Кантор В.К.* О национальном мифе непонимания // ВФ. 1997. № 2.

Каппелер, 1999 — *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1999.

Каппелер, 2003 — *Каппелер А.* Две традиции в отношении России к мусульманским народам Российской империи // ОИ. 2003. № 2.

Каппелер, 2005 — *Каппелер А.* Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005.

Каптерев, 1891 — Иерусалимский патриарх Досифей в его сношениях с русским правительством (1669–1707) / Сообщил Н.Ф. Каптерев // ЧОИДР. 1891. Кн. 2.

Карабаев, 1997 — *Карабаев Н.С.* Ислам в контексте мировой цивилизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». 1997, № 1.

Карамзин, 1842 — История Государства Российскаго, сочинение Н.М. Карамзина. Издание пятое в трех книгах, заключающих в себе двенадцать томов с полными примечаниями... / Издание И. Эйнермана. СПб., 1842–1843. [Репринт М., 1989.]

Кара-Мурза, 1995 — *Кара-Мурза А.А.* «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М., 1995.

Карасёв, 1951 — *Карасёв А.Н.* Раскопки Неаполя Скифского // КСИИМК. 1951. № 37.

Караулов, 1861 — Несколько статей о Крыме Г. Караулова. Феодосия, 1861.

Караулов, 1874 — *Караулов Г.* Заметки о южной садовой культуре в Крыму в древности и в наше время. Одесса, 1874.

Каргалов, 1973 — *Каргалов В.В.* Свержение монголо-татарского ига. М., 1973.

Кардини, 1987 — *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.

Карель, 2003 — *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идёт на восток. 1941–1943. Кн. 2. Выжженная земля. 1943—1944. М., 2003.

Каримов, 1991 — *Каримов М.* Операция «Арабатская стрелка» // А. 15.11.1991.

Карлссон, 2002 — *Карлссон О.* Карл XII. Стокгольм, 2002.

Карнаушенко, 1985 — *Карнаушенко В.Н.* Коммунистическая партия — организатор участия частей Красной армии и Черноморского флота в хозяйственном и культурном строительстве в Крыму (1920–1932 гг.). М., 1985.

Карпенко, 1994 — *Карпенко С.В.* Врангель в Таврии. М., 1994.

Карпенко, 2002 — *Карпенко С.В.* Очерки истории белого движения на юге России (1917–1920 гг.). М., 2002.

Карпов, 1986 — *Карпов С.П.* Работорговля в Северном Причерноморье первой половины XV в. (преимущественно по данным массарий Каффы) // Византийский временник. 1986. Т. 46.

Карпов, 2000 — *Карпов С.П.* От Таны — в Ургенч: эти трудные дороги Средневековья // Средние века. М., 2000. Вып. 61.

Карр, 1990 — *Карр Э.* История Советской России. М., 1990. Кн. 1. Большевистская революция 1917–1923.

Карсавин, 1923 — *Карсавин Л.П.* Философия истории. Берлин, 1923.

Карташев, 1959 — *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959. Т. II.

Катанджян, 1992 — *Катанджян Г.С.* Введение в этнопсихологию консенсуса-конфликта. М., 1992.

Катюшин, 1998 — *Катюшин Е.А.* Феодосия — Кафа — Кефе. Феодосия, 1998.

Качкачев, 1907 — Всемирная история рабства д-ра А.Б. Качкачева. М., 1907.

Качоровский, 1906 — *Качоровский К.* Народное право. М., 1906.

Келлнер-Хайнкеле, 2002 — *Келлнер-Хайнкеле, Барбара.* Кем был Абдулгаффар ал-Кирими (Заметки о крымском историке XVIII в.) // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды) от Калки до Астрахани (1223–1556). Казань, 2002.

Кемаль, 1930 — *Кемаль Я.* Арабський суфіский рукопис // Студії з Криму / Под. ред А.Е.Кримский, Київ, 1930.

Кеппен, 1837 — *Кеппен П.* Крымский сборник (О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических). СПб., 1837.

Керим, 1997 — *Керим И.А.* На стыке веков. [Набор открыток.] Симферополь, 1997.

Керим, 2005 — *Керим Севиль.* Переосмысление идейной концепции немецкой драмы «Тайфун» А.С. Айвазовым // Къасевет. 2005. № 31.

Керимов, 1988 — *Керимов И.А.* Творческий путь Умера Ипчи. Ташкент, 1988.

Керимов, 1999 — *Керимов И.А.* Эволюция крымскотатарского художественного слова в конце XIX и начале XX в. // ГК. 02.07.1999.

Керимова 1993 — *Керимова Г.* Наказание без преступления // А. 08.04.1993.

Керимова, 1997 — *Керимова Г.* К юбилею Амета Озенбашлы // А. 03.09.1992.

Керсновский, 1992 — *Керсновский А.А.* История русской армии в 4-х тт. Т. 1. От Нарвы до Парижа. М., 1992.

Кестлер, 2006 — *Кестлер А.* Тринадцатое колено. Крушение империи хазар и её наследие. СПб., 2006.

Ким, Ашрафян, 1987 — *Ким Г.Ф., Ашрафян К.З.* Государство в традиционных обществах Востока: некоторые дискуссионные проблемы // Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987.

Кинросс, 1999 — *Лорд Кинросс.* Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999.

Киримов, 2007 — *Киримов Т.Н.* Творческое наследие Джемиля Керменчикли (первая треть XX века). Симферополь, 2007.

Климович, 1936 — *Климович Л.* Ислам в царской России. М., 1936.

Климович, 1987 — *Климович Л.И.* На службе просвещения. О первой тюркоязычной газете «Терджиман» и её издателе И. Гаспринском // Звезда Востока. 1987. № 8.

Клочко, 1987 — *Клочко В.И., Мурзин В.Ю.* О взаимодействии местных и привнесённых элементов скифской культуры // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987.

Ключевский, 1919 — *Ключевский В.О.* Боярская дума Древней Руси. СПб., 1919.

Ключевский, 1956 — *Ключевский В.О.* Сочинения в 8 томах. М., 1956.

Ключевский, 1993 — *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций в трёх книгах. М. 1993.

Клячин, 1992 — *Клячин А.И.* Динамика этнических систем расселения в Крыму (В связи с проблемой возвращения крымских татар) // ЭО. 1992. № 2.

Кляшторный, 1993 — *Кляшторный С.Г.* Тюркоязычные народы России: этнические традиции и современность // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1993.

Кляшторный, Султанов, 2000 — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и страны Евразийских степей. Древность и Средневековье. СПб., 2000.

Кляшторный, Султанов, 2004 — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и страны Евразийских степей. Древность и Средневековье (2-е изд.). СПб., 2004.

Коваленко, 2000 — *Коваленко И.* Источники «отдохновения души и услады сердца» // ГК. 11.02.2000.

Ковалёв, 2011 — *Ковалёв Б.Н.* Повседневная жизнь населения России в период немецкой оккупации. М., 2011.

Ковалёв, 1986 — *Ковалёв С.И.* История Рима. Л., 1986.

Когонашвили, 1995 — *Когонашвили К.* Краткий словарь истории Крыма. Симферополь, 1995.

Кожевников, 1929 — *Кожевников М.В.* Закон о земельной реформе в Крыму. Симферополь, 1929.

Козлов, Полканов, Шутов, 2004 — *Козлов А.Ф., Полканов Ю.А., Шутов Ю.И.* Подземная система у стен Чуфут-Кале раскрывает свои тайны // Крымъ: историко-краеведческий альманах / Гл. ред. В.Ф. Козлов. М., 2004. Вып. 1.

Козлов, 1993 — *Козлов В.И.* Этнорасовые предубеждения и этнологическая наука // Расы и народы. Ежегодник. М., 1993.

Козлов, 2002 — *Козлов В.Ф.* Помощь Москвы голодающему Крыму // Москва–Крым: историко-публицистический альманах. М., 2002. Вып. 4.

Козлова, 1997 — *Козлова Н.* Судьба Сеит-Мемета Кады-Заде // ГК. 24.01.1997.

Козловский, 1928 — *Козловский И.П.* Тмутаракань — Таматарха — Матарха — Тамань // ИТОИАиЭ. 1928. Т. II.

Колли, 1903 — *Колли Л.П.* О судьбе некоторых исторических зданий в Старом Крыму и Феодосии // ИТУАК. 1903. № 35.

Колли, 1913 — *Колли Л.П.* Хаджи-Гирей-хан и его политика (по генуэзским источникам) // ИТУАК. 1913. № 50.

Колонтаев, 2007 — *Колонтаев К.* Немецкая оккупация Севастополя // Дуэль, 10.04.2007.

Колосов, 1977 — *Колосов Ю.Г.* Белая скала. Симферополь, 1977.

Колотухин, 1990 — *Колотухин В.А.* Кизил-кобинская культура: генетические корни и условия формирования // СА. 1990. № 3.

Колтухов, Юрочкин, 2004 — *Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю.* От Скифии к Готии. Очерки истории изучения варварского населения Степного и Предгорного Крыма (VII в. до н. э. — VII н. э). Симферополь, 2004.

Кон, 1994 — *Кон И.С.* Выступление // АиПМК. 1994.

Кондараки, 1871 — *Кондараки В.Х.* История христианства в Тавриде. Одесса, 1871.

Кондараки, 1875 — *Кондараки В.Х.* Универсальное описание Крыма. Т. I. Николаев, 1873. СПб.,1875. Т. XV.

Кондараки, 1883 — *Кондараки В.Х.* Этнография Крыма. М., 1883. Т. I–II.

Кондараки, 1883 «а» — *Кондараки В.Х.* Альманах исторических событий. 1883. Вести из Евпаторийского уезда // ГК. 26.03.1999.

Кондрашин, 2008 — *Кондрашин В.* Экспорт на костях // НГ. 02.04.06. 2008.

Кондукторова, 1964 — *Кондукторова Т.С.* Населення Неаполя Скіфского за антропологічними даними //Матеріали з антропології України. Київ, 1964. Вип. 3.

Конквест, 1990 — *Конквест Р.* Жатва скорби. М., 1990.

Коновалова, 1990 — *Коновалова И.* Михаил Шолохов как зеркало русской коллективизации // О. 1990. № 25

Коновалова, 1995 — *Коновалова И.С.* Тмутаракань в XII–XIV вв. (по данным арабских источников) // Контактные зоны в истории Восточной Европы. М., 1995.

Коновалова, 1999 — *Коновалова И.С.* Восточная Европа в сочинениях ал-Идриси. М., 1999.

Кононенко, 1997 — *Кононенко Б.И.* Культура и цивилизация. М., 1997.

Конрад, 1972 — *Конрад Л.И.* Об эпохе Возрождения // Запад и Восток. М., 1972.

Конурат, 1996 — *Конурат К.* К истокам крымскотатарской литературы // Къасевет. 1996. № 1.

Кончевский, 1925 — *Кончевский А.К.* Прошлое и настоящее в песнях Крыма // Крым (Симферополь), 1925. № 1.

Конюхов, 1960 — *Конюхов Г.* КПСС в борьбе с хлебными затруднениями в стране. М., 1960.

Корнев, 1995 — *Корнев В.* Евразийство и особенности российского менталитета // АиАС. 1995. № 2.

Коржинский, 1910 — *Коржинский С.* Ампелография Крыма. М., 1910.

Корнюхин, 2008 — *Корнюхин Г.В.* Воздушная война над СССР. 1941 г. М., 2008.

Королёв, 1993 «а» — *Королёв В.И.* Таврическая губерния в революциях 1917 года (Политические партии и власть). Симферополь, 1993.

Королёв, 1993 «б» — *Королёв В.И.* Возникновение политических партий в Таврической губернии. Симферополь, 1993.

Королёв, 1994 — *Королёв В.И.* Черноморская трагедия (Черноморский флот в политическом водовороте 1917–1918 гг. Симферополь, 1994.

Коротич, 2010 — *Коротич В.* Каста хлеборезов // Новая газета (М.). 16.04.2010.

Короткова, 2007 — *Короткова Г.В.* Непростая история отряда имени Сталина. Старокарантинские каменоломни (1943–1944 гг.): к вопросу об организации, боевой активности, внутренних проблемах // Историческое наследие Крыма (Симферополь). 2007. № 19.

Корпусова, 1983 — *Корпусова В.Н.* Некрополь Золотое. Киев, 1983.

Корреспондент, 1862 — Корреспондент. Известия из Крыма // Русский инвалид, 08.05.1862.

Корсаков, 1883 — *Корсаков В.В.* По поводу 100-летнего юбилея присоединения Крыма. Симферополь, 1883.

Корхмазян, 1978 — *Корхмазян Э.М.* Армянская миниатюра в Крыму. Ереван, 1978.

Коршунов, 1929 — *Коршунов П.С.* Еврейское переселение в Крым. Симферополь, 1929.

Костиков, 1989 — *Костиков К.В.* Не плакатный герой // О. 1989. № 17.

Костомаров, 1873 — *Костомаров Н.* Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. СПб., 1873. I отд. Вып. 1.

Костомаров, 1904 — *Костомаров Н.И.* Богдан Хмельницкий // Исторические монографии. СПб., 1904. Кн. 4.

Костомаров, 1913 — *Костомаров Н.И.* Фельдмаршал Миних // Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. СПб., 1913. Кн. 3.

Костырченко, 2001 — *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001.

Котляр, 2002 — *Котляр Н.* Тмутороканский остров // Родина. 2002. № 11–12.

Котляревский, 1990 — *Котляревский С.А.* Оздоровление // Из глубины. М., 1990.

Коцюбинский, 1994 — *Коцюбинский Д.* Русский национализм: что это было? // ЧП. 12.01.1994.

Кочекаев, 1988 — *Кочекаев Б.-Аб.* Ногайско-русские отношения в XIV–XVIII вв. Алма-Ата, 1988.

Кочепасова, 2005 — *Кочепасова Т.Ю.* Психоневрозы войны в начале 1920-х гг. // ВИА. 2005.

Кочубинский, 1872 — Сношения Петра Первого с южными славянами и румынами. Сочинение Александра Кочубинского. М., 1872.

Кочубинский, 1878 — *Кочубинский А.* Мы и они (1711–1878): Очерки истории и политики славян. Одесса, 1878.

Крамаровский, 1989 — *Крамаровский Г.М.* Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. Итоги работы археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Сб. научных трудов. Л., 1989.

Крамаровский, 1991 — *Крамаровский М.Г.* Чаша со сценой пира из Солхата // Древние памятники культуры на территории СССР. СПб., 1991.

Крамаровский, 1992 — *Крамаровский М.Г.* Северное Причерноморье, Лигурия и Латинская Романия в XIII–XV вв. К вопросу о латинском компоненте в культуре Золотой Орды // Степи Восточной Европы во взаимодействии Востока и Запада в Средневековье. Международный научный семинар. Тезисы докладов. Донецк, 1992.

Крамаровский, 1997 — *Крамаровский М.Г.* Золотоордынский город Солхат-Крым. К проблеме формирования городской культуры // Татарская археология. 1997. № 1.

Крамаровский, 1998 — *Крамаровский М.Г.* Крым в XIII–XIV вв.: Тюрко-монгольский Восток и латинский Запад // Славяне и кочевой мир. М., 1998.

Крамаровский, Гукин, 1999 — *Крамаровский М.Г., Гукин В.Д.* Работа золотоордынской археологической экспедиции в 1998 г. // Государственный Эрмитаж. Отчётная археологическая сессия за 1998 г. СПб., 1999.

Крамаровский, 2000 — *Крамаровский М.Г.* Золото Чингисидов — джучидская сокровищница // Сокровища Золотой Орды. СПб., 2000.

Красное колесо, 2008 — Красное колесо Вишеры / Сост. Дюкова Н.М., 2008.

Кривошеев, 2006 — *Кривошеев М.В.* Россия и Крым // Россия и степной мир Евразии. Очерки / Ред. Ю.В. Кривошеев. СПб., 2006.

Крип'якевич, 1990 — *Крип'якевич І.П.* Богдан Хмельницький. Львів, 1990.

Крис, 1981 — *Крис Х.И.* Кизил-кобинская культура и тавры. М., 1981.

Кричинский, 1919 — *Кричинский А.* Очерки русской политики на окраинах. К истории религиозных притеснений крымских татар. Баку, 1919. Ч. 1.

Кронер, 2011 — *Кронер Э.* Белая армия, Чёрный барон: жизнь генерала Петра Врангеля. М., 2011.

Кропоткин, 1953 — *Кропоткин В.В.* Население юго-западного Крыма в эпоху раннего Средневековья. М., 1953.

Кропоткин, 1978 — *Кропоткин В.В.* Церковная культура в Северном Причерноморье // Проблемы советской археологии. М., 1978.

Крубер, 1926 — *Крубер А.А.* Экономические очерки Судако-ускутского района // Крым. 1926. № 2.

Круглов, 1989 — *Круглов В.* Набраться мужества // Новороссийский рабочий. 18.05.1989.

Круглый стол — Круглый стол о коллективизации // История СССР. 1989. № 3.

Кручинин, 1999 — *Кручинин А.С.* Крымскотатарские формирования в Добровольческой армии. История неудачных попыток. М., 1999.

Крым АССР-89 — Крымская АССР: 20-е — 30-е гг. (исторический очерк). Киев, 1989.

Крым АССР-90 — Крымская АССР (1921–1945). Сост. Ю.И. Горбунов. Симферополь, 1990.

Крым и крымские татары, 1883 — Крым и крымские татары (по поводу столетия присоединения Крыма к России). Киев, 1883.

Крым многонациональный — Крым многонациональный. Сост. Степанова Н.Г. Симферополь, 1988. Вып. 1.

Крым, 1930 — *Маслов П.В., Миллер М.Е., Никольский П.В.* Крым. Хрестоматия по истории края / Под ред. В .Овсейчика, К. Комской, В. Кудрявцева, П. Никольского. Симферополь, 1930.

Крымские татары, 2005 — Крымские татары в Великой Отечественной войне / Сост. Абдураманов С., Абдураманов У., Аблаев Э., Джемилев Г., Мамин Ф., Османов Р., Решидов Р., Селимов М., Сулейманов У., Чалбаш У., Чалбаш Х., Эбасанов О. // Аркет. 10.05.2005.

Крымский, 1899 — *Крымский А.* Мусульманство и его будущность. М., 1899.

Крымский, 1930 — *Крымский А.* Література кримских татар // Студії з Криму / Под. ред. А.Е Кримского. Київ, 1930.

Крымский, 1930 «а» — *Крымский А.* Сторинки з історії Крима та кримских татар // Там же.

Крючков, 2009 — *Крючков А.В.* Присоединение Крыма к России. Саратов, 2009.

Кудрявцев, 1997 — *Кудрявцев В.Б., Шумский В.М., Грец О.П.* Структурный кризис Крыма // Тезисы к международной научно-практической конференции «Крымский полуостров в геополитических планах от античных времён до наших дней». Симферополь. 3–4 ноября 1995.

Кудусов, 2000 — *Кудусов Э.* Крымские татары во Второй мировой войне // ГК. 03–10.11.2000.

Кудюкина, 1994 — *Кудюкина М.М.* Труд в системе ценностей русского народа // Русская история: проблема менталитета. М., 1994.

Кузнецов, 1979 — *Кузнецов А.Б.* Россия и политика Крыма в Восточной Европе в первой трети XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV — начале XVIII в. / Под ред. акад. Б.А. Рыбакова. М., 1979.

Куклина, 1985 — *Куклина И.В.* Этнография Скифии по античным источникам. Л., 1985.

Кулаковский, 1891 — *Кулаковский Ю.* Керченская христианская катакомба 491 г. // Материалы по археологии России. 1891. Вып. 6.

Кулаковский, 1898 — *Кулаковский Ю.В.* К истории готской епархии (в Крыму) в VIII в. // ЖМНП. 1989. Февраль.

Кулаковский, 1914 — *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды. Киев, 1914.

Куликова, 2009 — *Куликова В.Ф.* Политическая ситуация на Украине в начале XVIII в. и украинский поход Карла XII (1708–1709 гг.). СПб., 2009.

Куликова, 2011 — *Куликова О.Ю.* Законодательное обеспечение чрезвычайных правовых режимов в годы Великой Отечественной войны // Чтения по военной истории / Под ред. Е.В. Ильина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011.

Кульпин, 1998 — *Кульпин Э.С.* Золотая Орда (Проблемы генезиса Российского государства). М., 1998.

Кульпин, 2007 — *Кульпин Э.С.* Золотая Орда: судьбы поколений // В/О. 2007. № 1.

Кунцевич, 1955 — *Кунцевич Ф.* Революция 1905–1907 гг. в Крыму. Симферополь, 1955.

Купченко, 1994 — *Купченко В.П.* Красный террор в Феодосии // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. 1994. № 6.

Купченко, 1998 — *Купченко В.П.* Киммерийские этюды: События. Люди. Памятники / Сост. и вступ. слово Дмитрия Лосева. Феодосия, 1998.

Курганов, 1961 — *Курганов И.А.* Нации СССР и русский вопрос. Нью-Йорк, 1961.

Куропаткин, 1910 — *Куропаткин А.Н.* Задачи русской армии. СПб., 1910. Ч. I.

Куртбединов, 1999 — *Куртбединов З.* Верить в Аллаха, надеяться на себя, требовать от государства // ГК. 22.10.1999.

Куртбелялова, 2006 — *Куртбелялова Х.* Богат наш край родной // ГК. 11.08.2006.

Куртиев, 1998 — *Куртиев Р.* Крымские татары: этническая история и традиционная культура. Симферополь, 1998.

Куртиев, 2004 — *Куртиев Р.* Крымские татары: Депортация и жизнь в спецпоселениях в 1944–1956 гг. Как это было // ДКТ. 2004.

Куршутов, 2007 — *Куршутов Т.Н.* Эдиге Кырымал. Малоизвестные факты из жизни // НБ. 2007. № 12.

Курьянов, 2001 — *Курьянов С.О.* Восприятие Крыма древнерусскими авторами// Пилигримы Крыма. Осень'2000. Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме. V Крымская международная конференция. Симферополь, 2001. Т. I–II.

Кутайсов, 2004 — *Кутайсов В.А.* Гезлев в XV–XVIII вв. Исторический очерк // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2004. № 8.

Куфтин, 1925 — *Куфтин Б.А.* Жилище крымских татар в связи с заселением полуострова / Мемуары этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1925. Вып. 1.

Кухаренко, 1959 — *Кухаренко Ю.В.* Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // СА. 1959. № 1.

Кушева, 1963 — *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963. Ч. II.

Кырымлы, 2002 — *Кырымлы Х.* О крымскотатарских войсках в составе османской армии в период Крымской войны // Культура народов Причерноморья, 2002. № 43.

Къандым, 2002 — *Къандым* (*Кандымов*) *Ю.* Куреш мейданыны от басмаз... Биринджи китап. Симферополь, 2002.

Къуртнезир, 2000 — *Къуртнезир З.* Кърымтатар эдиплери. Омюр ве яратыджылыкълары акъкында къыскъа малюматлар. Симферополь, 2000.

Л.С., 1895 — *Л.С.* Путешествие в Крым сто лет тому назад // Крымский вестник. 22.06.1895.

Лавров, 1995 — *Лавров В.В.* О конфессиональной принадлежности крымских готов // КВ. 22.06.1995.

Лавров, 1955 «а» — *Лавров В.В.* Епископ Ульфила и развитие готской литературы // Интеллектуальная элита античного мира. Тезисы докладов научной конференции 8–9 ноября 1995 г. СПб., 1995.

Лавров, 1997 — *Лавров В.В.* Из истории скандинаво-причерноморских связей (III–IV вв. н.э.) // Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997.

Лавров, 1998 — *Лавров В.В.* Готское общество в IV в. н. э. // Античный мир. Проблемы истории и культуры. Сб. научных статей. К 65-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / Под ред. П.Я. Фроянова. СПб., 1998.

Лавров, 1999 — *Лавров В.В.* Переселение готов в Причерноморье // ВДИ. 1999. № 3.

Лакер, 1991 — *Лакер У.* Россия и Германия, наставники Гитлера. Вашингтон, 1991.

Лакер, 1994 — *Лакер У.* Чёрная сотня. М., 1994.

Ламанский, 1913 — *Ламанский В.И.* Три мира Азийского-Европейского материка. СПб., 1913.

Ланда, 1995 — *Ланда Р.Г.* Ислам в истории России. М., 1995.

Ланда, 1999 — *Ланда Р.Г.* Средиземноморье: общность истории и культуры // Европа и Россия: проблемы южного направления Средиземноморье — Чёрное море — Каспий / Под ред. В.В. Журкина и др. М., 1999.

Ланда, 2000 — *Ланда Р.Г.* Исмаил-бей Гаспринский // АиАс. 2000. № 1.

Ланда, 2004 — *Ланда Р.Г.* Мусульманский мир и Первая мировая война // В/О. 2004. № 1.

Лапицкая, 1937 — *Лапицкая С.* Завоевание и колонизация Крыма царизмом // Исторический журнал. 1937. № 7.

Ларин, 1906 — *Ларин Ю.* Крестьянский вопрос и демократия. СПб., 1995.

Ласковский, 1865 — Материалы для Истории инженернаго искусства в России. Ч. III. Опыт исследования инженернаго исскуства после императора Петра I до императрицы Екатерины II Ф. Ласковскаго, военнаго инженера, генерал-лейтенанта. СПб., 1865.

Латышев, 1913 — *Латышев В.В.* К начальной истории г. Мариуполя // ЗООИИД. 1915. Т. XXXII.

Латышев, 1947 — *Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947–1950, 1952 (passim).

Лацис, 1990 — *Лацис О.Р.* Перелом. М., 1990.

Лашков, 1881 — *Лашков Ф.Ф.* Несколько слов об исторической судьбе Крыма. Симферополь, 1881.

Лашков, 1886 «а»– *Лашков Ф.Ф.* Статистические сведения о Крыме, сообщённые каймаканами в 1783 г. // ЗООИД. 1886. Т. XIV.

Лашков, 1886 — *Лашков Ф.Ф.* Шагин-Гирей, последний крымский хан. Киев, 1886.

Лашков, 1887 — *Лашков Ф.Ф.* Сельская община в Крымском ханстве. Симферополь, 1887.

Лашков, 1889 — *Лашков Ф.Ф.* Охрана Крыма во вторую турецкую войну 1787–1791 гг. // ИТУАК. 1889. № 8.

Лашков, 1890 — *Лашков Ф.Ф.* Материалы для истории второй турецкой войны 1787–1791 гг. //ИТУАК. 1890. № 10.

Лашков, 1890 «а» — Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Отчёт, составленный по поручению Педагогического совета Ф. Лашковым. Симферополь, 1890.

Лашков, 1895 — *Лашков Ф.Ф.* Исторический очерк крымскотатарского землевладения // ИТУАК. 1895. № 22.

Лашков, 1897 — *Лашков Ф.Ф.* Исторический очерк крымскотатарского землевладения. Симферополь, 1897.

Лашков, 1897 «а». № 2; № 4 — *Лашков Ф.Ф.* О камеральном описании Крыма в 1784 г. // ИТУАК. № 2; 1897. № 4.

Лебедев, 2007 — *Лебедев С.В.* Русские идеи и русское дело. Национально-патриотическое движение в России в прошлом и настоящем. СПб., 2007.

Лебедева, 1998 — *Лебедева Н.М.* Введение в этническую и кросскультурную психологию. М., 1998.

Лебедева, 1995 — *Лебедева Э.И.* Рецепты караимской кухни. Симферополь, 1992.

Лебон, 1995 — *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1995.

Левек, 1989 — *Левек П.К.* Эллинистический мир. М., 1989.

Левицкий, 1882 — *Левицкий Г.П.* Переселение татар из Крыма в Турцию // Вестник Европы. 1882. Кн. 10.

Левченко, 1940 — *Левченко М.В.* История Византии. М.; Л., 1940.

Левый, 1899 — *Левый А.* Крымские татары // Гродненские губернские ведомости. 1899, 3398–99.

Ле Гофф, 1992 — *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

Лейбин, 1997 — *Лейбин С.А.* Обзор памятников еврейской культуры в Крыму // Евреи Крыма. Симферополь — Иерусалим, 1997.

Лесков, 1961 — *Лесков А.И.* Таврическая культура в горном Крыму (вторая половина IX–III вв. до н. э.). М., 1961.

Лесков,1965 — *Лесков А.И.* Горный Крым в I тысячелетии до н. э. Киев, 1965.

Ливанов, 1875 — Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. Сост. и изд. Ф.В. Ливановым. М., 1875.

Линков, 1940 — *Линков Я.И.* Крестьянское движение в России во время Крымской войны 1853–1856 гг. М., 1940.

Липшиц, Медведев, Пиотровская, 1984 — *Липшиц Е.Э., Медведев И.П., Пиотровская Е.К.* Византийский земледельческий закон. Л., 1984.

Лисейцев, 2006 — *Лисейцев Д.В.* Русско-крымские дипломатические контакты в начале XVII столетия // Тюркологический сборник. 2005. Тюркские народы России и Великой Степи. М., 2006.

Лисичкин, 1996 — *Лисичкин Г.* Царь Борис и упадок современной «Золотой Орды» //ДН. 1996. № 10.

Лисовенко, 1988 — *Лисовенко Н.* Песни предков // Известия. 01.04.1988.

Литаврин, 1987 — *Литаврин Г.Г.* Славяне и протоболгары до встречи в Подунавье // Краткая история Болгарии с древнейших времён до наших дней / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1987.

Литаврин, 2000 — *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). Научное издание. СПб., 2000.

Литвак, 1991 — *Литвак К.Б.* Политическая активность крестьянства в свете судебной статистики 1920-х гг. // История СССР. 1991. № 2.

Литвин, 1993 — *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России // ОЗ. 1993. № 6.

Литвин, 1995 — *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России: 1918–1922. Казань, 1995.

Литвин, 1998 — *Литвин Г.А.* Чувство негодования // Дуэль (газета, М.). 1998. № 4 (5).

Литвин, Смирнов, 1994 — *Литвин Г.А., Смирнов Е.И.* Освобождение Крыма (ноябрь 1943 г. — май 1944 г.). М., 1994.

Литвин М. — см. *Михаил Литвин.*

Лобова, 1956 — *Лобова И.И.* Скифы в Крыму. М., 1956.

Ломагин, 1999 — *Ломагин Н.А.* Власть и народ: настроение населения Ленинграда в 1941–1942 гг. // Новый часовой (СПб.). 1999. № 8–9.

Ломидзе, 1992 — *Ломидзе Е.М.* К вопросу о раннеосманской религиозной политике в отношении христиан на завоёванных землях // Славяне и их соседи. М., 1992. Вып. 4. Османская империя и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и Кавказа в XV–XVIII вв.

Лурье, 1994 — *Лурье С.В.* Российская империя как этнокультурный феномен // ОН. 1994. № 1.

Лурье, 1995 — *Лурье С.В.* Россия: община и государственность // Цивилизации и культуры. М., 1995. Вып. 2. Россия и Восток: цивилизационные отношения.

Лучицкий, 1886 — *Лучицкий И.В.* Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV–XV вв. Киев, 1886.

Лычагина, Ключевич, Гельштейн, 1931 — *Лычагина О.З.* Крым в пятилетке. Краеведческая рабочая книга для III и IV гг. обучения / Соавт. Р. Ключевич, Р. Гельштейн. [Симферополь], 1931.

Львов, 1896 — *Львов Л.* Отношения между Запорожьем и Крымом. Одесса, 1896.

Ляпин, 2007 — *Ляпин Д.А.* Из истории обороны южных рубежей российского государства в середине XVII в. // Исторические записки. Научные труды исторического факультета ВГУ. Воронеж, 2007.

Лященко, 1956 — *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. М., 1956. Т. III.

Мазинов, 2004 — *Мазинов А.* Греческие и итальянские заимствования в крымскотатарском языке // НБ. 2004.

Майдан, 2009 — *Майдан А.* Алакатская трагедия — трагедия народа // Полуостров. 25–31.12.2009.

Макаров, 2010 — *Макаров И.А.* Новые эпиграфические данные о римском военном присутствии в Таврике // ВДИ. 2010. № 3.

Макаров, 1992 — *Макаров П.В.* Адъютант Его Превосходительства. Кто он? М., 1992.

Макарова, 2003 — *Макарова Т.И.* Крым в VIII–IX вв. Хазарское господство // Крым, Северное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XVII в. М., 2003.

Максименко, 1957 — *Максименко М.М.* Крестьянское движение в Таврической губернии накануне и после отмены крепостного права. Симферополь, 1957.

Максименко, 1991 — *Максименко М.М.* Переселение колхозников из Крыма в другие районы страны // Проблемы истории Крыма. Тезисы докладов научной конференции (23–28 сентября). Симферополь. 1991. Вып. 2.

Максименко, 1963 — *Максименко М.* Развитие социалистической культуры в Крыму. Симферополь, 1963.

Максимов, 1993 — *Максимов П.Н.* Планы русского наступления на Крым в годы польско-турецкой войны (1672–1676) // Славянский сборник. Саратов, 1993. Вып. 5.

Максуд, 1998 — *Максуд Р.* Ислам. М., 1998.

Максудов, 1984 — *Максудов С.* Голод 1933 г. в партийных и правительственных постановлениях // СССР: внутренние противоречия. Нью-Йорк, 1984. № 10.

Маланюк, 1991 — *Маланюк Є.* Книга спостережень // Київ. 1991. № 7.

Малахов, 2001 — *Малахов В.* Символическое производство этничности и конфликт // Язык и этнический конфликт / Под ред. М.Б. Олкотта, И. Семёновой. М., 2001.

Малашенко, 1994 — *Малашенко А.В.* Мусульманская цивилизация: движение и народ // В/О. 1994. № 4.

Малицкий, 1933 — *Малицкий Н.В.* Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. 1933, Вып. 31.

Малышкин, 1965 — *Малышкин А.Г.* Севастополь // Сочинения в двух томах. М., 1965.

Мальбахов, 2002 — *Мальбахов Б.К.* Кабарда на этапах политической истории (середина XVI — первая четверть XIX в.). М., 2002.

Мальгин, Кравцова, 2006 — *Мальгин А.В., Кравцова Л.П.* Культура Крыма при Врангеле // Крым. Врангель. 1920 год. М., 2006.

Мальцев, 1974 — *Мальцев А.Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974.

Мамутов, 1993 — *Мамутов Б.* Покушение на звёзды // Къырым. 08.09.1993.

Мамутов, 1993 «а» — *Мамутов Д.* Муфти-Джами ждёт помощи // А. 08.04.1993.

Мансуэлли, Блок, 2007 — *Гвидо Мансуэлли.* В соавторстве с Раймондом Блоком. Цивилизации древней Европы. Екатеринбург, 2007.

Маньковская, 1991 — *Маньковская Н.Б.* Экологическая эстетика в контексте зарубежной культуры // Философия, эстетика и искусство в контексте культуры. М., 1991.

Маркевич, 1897 — *Маркевич А.И.* Императрица Екатерина II и Крым // ИТУАК. 1897. № 27.

Маркевич, 1905 — *Маркевич А.И.* Таврическая губерния во время Крымской войны: По архивным материалам. Симферополь, 1905.

Маркевич, 1910 — *Маркевич А.И.* К вопросу о положении христиан в Крыму во время татарского владычества (Историческая справка) // Таврический церковнообщинный вестник. 1910. № 10.

Маркевич, 1923 — *Маркевич А.И.* Очерк истории Тавриды // Крым. Путеводитель / Под ред. Л.С. Вагина. Симферополь, 1923.

Маркевич, 1928 — *Маркевич А.И.* Переселение крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму // Известия АН СССР. Отдел гуманитарных наук. Л., 1928. № 4.

Марков, 1876 — *Марков Е.Л.* О сохранении крымских древностей // Одесский вестник. 13.02.1876.

Марков, 1902 — *Марков Е.Л.* Очерки Крыма. СПб., М., 1902.

Марков, 1904 — Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории Евгения Маркова. СПб., 1904.

Марков, 1995 — *Марков Е.Л.* Очерки Крыма. Симферополь, 1995.

Маркова, 1958 — *Маркова О.П.* О происхождении так называемого Греческого проекта: 80-е годы XVIII в. // История СССР. 1958. № 4.

Маркс, 1989 — *Маркс К.* Разоблачение тайной дипломатической истории // Вопросы истории, 1989. № 1–4.

Маркс, Энгельс — *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Сочинения. 2-е изд. М., 1954–1981. Т. I–L.

Марр, 1930 — *Марр Н.Я.* Готское слово guma «муж» // Известия АН. 1930.

Мартьянов, 1887 — *Мартьянов Г.П.* Последняя эмиграция татар из Крыма в 1874 г. // СЛ. 1887. № 45–46.

Марцинковский, 2003 — *Марцинковский П.* Эльдорадо за Перекопом. Крым в экономической истории России // Родина. 2003. № 9.

Масаев, 1997 — *Масаев М.В.* Присоединение Крыма к России. Симферополь, 1997.

Масленников, 1981 — *Масленников А.А.* Население Боспорского царства в VI–II вв. до н. э. М., 1981.

Масловский, 1891 — Записки по истории военнаго искусства в России. СПб., 1891. Вып. 1. 1683–1762 гг. Генеральнаго штаба полковник Д.Ф. Масловский. Ординарный профессор Николаевской академии Генеральнаго штаба.

Масси, 1996 — *Масси Р.К.* Петр Великий. М., 1996. Т. I–III.

Матасов, 1990 — *Матасов В.* Белое движение на юге России. Montreal, Canada, 1990.

Мачанов — см. *Мочанов.*

Медведева, 1956 — *Медведева И.* Таврида. Л., 1956.

Медиев, 2007 — *Медиев А.* Крымские письма // Полуостров. 9–16 февраля 2007.

Мексин, 1939 — *Мексин Д.* Сельское хозяйство Крыма. Симферополь, 1939.

Мельгунов, 1990 — *Мельгунов С.П.* Красный террор. М., 1990.

Мемиш, 2005 — *Мемиш Р.* Экскурс в историю инструментальной музыки крымских татар // Къасевет. 2005. № 31.

Менгли, 1930 — *Фирман Менгли*-Герай-хана Шах-мурзе-бею Яшлавскому // Крым. Хрестоматия по истории края. Симферополь, 1930.

Менлиазизов, 2005 — *Менлиазизов Р.З.* Судьба Мыслителя (главы из повести, препринт). Пушкин, 2005.

Менталитет, 1996 — Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. М., 1996.

Мештерхази, 1976 — *Мештерхази Л.* Загадка Прометея // ИЛ. 1976. № 4.

Милов, 1996 — *Милов Л.В.* Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Менталитет. 1996.

Милов, 1998 — *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса. М., 1998.

Милюков, 1925 — *Милюков П.Н.* Национальный вопрос (происхождение национальностей и национального вопроса в России). Берлин, 1925.

Милюков, 1927 «а» — *Милюков П.* Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Париж, 1927. Т. I.

Миних, 1891 — Россия и русский двор в первой половине XVIII в. Записки и замечания гр. Эрнста Миниха. СПб., 1891.

Мининков, 1998 — *Мининков Н.А.* Донское казачество XVI–XVII вв.: черты характера, взгляд на мир, особенности мышления // Новый часовой (СПб.), 1998. № 6–7.

Минц, 2007 — *Минц М.М.* Представления военно-политического руководства СССР о будущей войне с Германией // ВИ. 2007. № 7.

Мир-Али, 1902 — *Мир-Али.* Жизнь и учение Мухаммеда, или Дух ислама. Берлин, 1902.

Мирер, 1940 — *Мирер С.* Ахмед-Ахай озенбашский. М., 1940.

Миронов, 1991 — *Миронов Б.Н.* История в цифрах. Математика в исторических исследованиях. Л., 1991.

Мифы, 1980 — Мифы народов мира. Энциклопедия / Гл. ред. С.А. Токарев. М., 1980–1982. Т. I–II.

Михайлов, 2008 — *Михайлов В.В.* Идея «Великого Турана» в период младотурецкого правления в Османской империи // Клио (СПб.). 2008. № 2 (41).

Михайлова, 2006 — *Михайлова И.Б.* Древняя Русь и Степь // Россия и степной мир Евразии. Очерки / Под ред. Ю.В. Кривошеева. СПб., 2006.

Миятев, 1958 — *Миятев П.* Потомки крымских Гиреев и их государство в некоторых частях Болгарии в XVII–XIX вв. // Учёные записки Института славяноведения. М., 1958. Т. XVI.

Млечин, 2011 — *Млечин Л.М.* Чёрный октябрь // НГ. 13.10.2011.

Могаричев, 2005 — *Могаричев Ю.М.* К вопросу о хазарах в Крыму в начале VIII в. // Хазары / Ред. кол.: В. Петрухин, В. Москович, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапира. Иерусалим; М., 2005.

Модернизация, 1994 — Модернизация России и конфликт ценностей. М., 1994.

Мокроусов, 1924 — *Мокроусов А.* 90 дней в горах Крыма // РВК. 1924. № 2 (4).

Мокроусов, 1940 — *Мокроусов А.В.* В горах Крыма. Симферополь, 1940.

Монастырлы, 1890 — *Монастырлы Х.* К истории Петровского фонтана в Симферополе // ИТУАК. 1890. № 9.

Монастырлы, 1890 — *Монастырлы Х.А.* Азисы у татар // В: Лашков, 1890 «а».

Монатов, 1938 — *Монатов К.* Клеветников — к суровой ответственности // К. 20.03.1938.

Монгайт, 1969 — *Монгайт А.Л.* Надпись на камне. М., 1969.

Монтандон, 1997 — Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетками К. Монтандон / Пер. с фр. В.В. Орехова, Л.Ю. Алексеевой, Ю.А. Гурова. Симферополь, 1997.

Монтень, 1980 — *Монтень М.* Опыты. В трёх книгах. М., 1979–1980.

Морозов, 2007 — *Морозов М.* Воздушная битва за Севастополь. М., 2007.

Мочанов, 1929 — *Мочанов* (*Мачанов*) *А.Е.* Борьба царской России и Турции за обладание Крымским ханством. Симферополь, 1929.

Музафаров, 1991 — Крымскотатарская энциклопедия / Сост. Р.И. Музафаров при участии А.М. Короткой. Симферополь, 1991–1995. Т. I–II.

Музафарова, 2002 — *Музафарова Н.* [*А.*] Любовь во имя сохранения человечества. Симферополь, 2002.

Муратов, 1924 — *Муратов П.* Образы Италии. Берлин, 1924.

Мурзакевич, 1837 — *Мурзакевич Н.* Поездка в Крым в 1836 году // ЖМНП. 1837. Ч. XIII. № 3.

Мурзин, 1898 — *Мурзин В.Ю.* Узловые моменты этногенеза скифов // Тезисы I Кубанской археологической конференции. Краснодар, 1989.

Муртазин, 1999 — *Муртазин М.Ф.* Мусульманин в России // Ислам и мусульмане в России. М., 1999.

Мустафаев, 1925 — *Мустафаев В.* Как мы победили кулаков // Чауш. Симферополь, 1925.

Мустафаев, 2000 — *Мустафаев С.* Кара каплан — крымскотатарское боевое искусство // ГК. 21.02.2000.

Мустафаев, 1994 — *Мустафаев Х.* Сведения об ущербе, нанесённом крымскотатарскому народу вследствие насильственной депортации 18 мая 1944 г. // А. 04.11.1994.

Муфтизаде, 1899 — *Муфтизаде И.* Очерк службы крымских татар в 1783 по 1889 г. По архивным материалам // ИТУАК. 1899. № 30.

Мухамедьяров, 1990 — *Мухамедьяров Ш.Ф.* Сельское хозяйство и крестьянство Крыма (XIII — первая половина XVII в.) // История крестьянства СССР с древнейших времён до Великой Октябрьской революции / Редкол.: Н.А. Горская и др. М., 1990.

Мухамедьяров, 2003 — *Мухамедьяров Ш.Ф.* Введение в этническую историю Крыма // Тюркские народы Крыма. Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Отв. ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чижова. М., 2003.

Мухарямов, 1992 — *Мухарямов М.К.* О пересмотре оценки роли партии «Иттифак» и Мусульманской фракции Государственной думы // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Казань, 1992. Ч. III.

Мыц, 1988 — *Мыц В.Л.* Исследования Горно-Крымской экспедиции: археологические открытия 1986 г. М., 1988.

Мыц, 2009 — *Мыц В.Л.* Кафа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009.

Мышлаевский, 1898 — Война с Турцией 1711 г. (Прутская операция.) Материалы, извлеченные из архивов Государственного, Военно-Ученого... Генерального Штаба Полковником А.З. Мышлаевским. СПб., 1898.

Мюллер, 2010 — *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация / Пер. с нем. А. Артёмова, А. Долгорукова и др. М., 2010.

Мягков, 2005 — *Мягков М.Ю.* Психология немецкого солдата на начальном этапе войны с СССР // ВИА. 2005. С. 214.

Мякотин, 2006 — *Мякотин В.А.* Переяславский договор 1654 г. / История и историография России. Из научно-литературного наследия русского зарубежья // Антология русского зарубежья. М., 2006. Т. III.

Наберухин, 1995 — *Наберухин А.І.* 1994 рік: детатаризация Криму // Кримські татари 1944–1994 рр. Київ, 1995.

Надинский, 1938 — *Надинский П.Н.* Страницы из жизни крымского комсомола. Симферополь, 1938.

Надинский, 1946 — *Надинский П.Н.* Русские на Крымском полуострове // Советский Крым. 1946. № 3.

Надинский, 1952 — *Надинский П.Н.* Очерки по истории Крыма Ч. 1. Симферополь, 1952; Ч. 2. Крым в период Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной интервенции и гражданской войны (1917–1920 гг.). Симферополь, 1957.

Назаретян, 1991 — *Назаретян А.П.* Интеллект во вселенной М., 1991.

Найденова, 1994 — *Найденова Л.П.* Представление о работе в средневековой Руси // Русская история: проблема менталитета. М., 1994.

Налчаджян, 2000 — *Налчаджян А.* Этнопсихологическая самозащита и агрессия. Ереван, 2000.

Народы, 1880 — Народы России. Этнографические очерки. СПб., 1880.

Находкин, 1923 — *Находкин А.* Революционная работа в Крыму // РВК. 1923. № 2.

Невежин, 1999 — *Невежин В.А.* Стратегические замыслы Сталина накануне 22 июня 1941 г. // ОИ. 1999. № 5.

Негаметуллин, 1937 — *Негаметуллин С.* Беспощадно бороться с буржуазным национализмом // КК. 03.04.1937.

Нейкирхен, 1914 — *Нейкирхен В.Ф.* Население // Крым. Путеводитель / Под ред. К.Ю. Бумберга, Л.С. Вагина и др. Симферополь, 1914.

Некрасов, 1990 — *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV — первая половина XVI в.). М., 1990.

Некрасов, 1995 — *Некрасов А.М.* Крым — центр причерноморской контактной зоны // Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрёстки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995.

Некрасов, 1999 — *Некрасов А.М.* Возникновение и эволюция Крымского государства в XV–XVI вв. // ОИ. 1999. № 2.

Некрасов, 2000 — *Некрасов А.М.* Женщины ханского дома Гиреев // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2000.

Некрич, 1978 — *Некрич А.М.* Наказанные народы. Нью-Йорк: Хроника, 1978.

Немет, 1989 — *Немет Л.* «Сталин. Вопросы ленинизма» // ИЛ. 1989. № 4.

Немецкие варвары — Немецкие варвары в Крыму. Крымиздат, 1944.

Нестеров, 1984 — *Нестеров Ф.Ф.* Связи времён. М., 1984.

Николаенко, 1995 — *Николаенко Н.В.* Национальные промыслы и ремёсла // Клио (Симферополь). 1995. № 1–4.

Николсон, 2007 — *Николсон К.* Греция с 1453 г. до XX в. // Т. Ботсвейн, К. Николсон. Греция. История страны / Пер. с англ. Т. Мининой. М., СПб., 2007.

Никольский, 1923 — *Никольский П.В.* Симферополь и его окрестности. Историко-археологическая экскурсия. Симферополь, 1923.

Никольский, 1924 — *Никольский П.В.* Бахчисарай. Симферополь, 1924.

Никольский, 1925 — *Никольский П.В.* Саблы / Педагогический журнал Крыма. 1925. № 6.

Никольский, 1927 — *Никольский П.В.* Бахчисарай и его окрестности. Симферополь, 1927.

Никольский, 1929 — *Никольский П.А.* От Крымского ханства до наших дней. Симферополь, 1929.

Никольский, 1929 «а» — *Никольский П.А.* Население Крыма // Крым. Путеводитель. Симферополь, 1929.

Никольский, 1996 — *Никольский С.А.* Выступление // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX). Материалы международной конференции. М., 1996.

Ниметулла, 2002 — *Ниметулла З.* Кованый орнамент. Художественная обработка металла в Крыму // Къасевет. 2002. № 1 (29).

Ницше, 1990 — *Ницше Ф.* Сочинения в двух томах. М., 1990.

Ницше, 1996 — *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. СПб., 1996.

Новиков, 1927 — *Новиков В.С.* О некоторых задачах народного хозяйства // Крым. 1927. № 1.

Новичев, 1963 — *Новичев А.Д.* История Турции. Л., 1963–1968. Т. I–II.

Новосельский, 1948 — *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.

Новосельский, 1994 — *Новосельский А.А.* Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994.

Новосельцев, 1990 — *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Носов, 1924 — *Носов И.* Лицом к татарской деревне // КК. 31.10.1924.

Нуриев, 2011 — *Нуриев Б.Д.* Турецкий национализм в первой половине XX века. Уфа, 2011.

Обезземеление, 1888 — Обезземеление крымских татар // Крым. 1888. № 33–34 (29.05.–01.06.1888).

Обзор войн, 1898 — Обзор войн России от Петра Великого до наших дней (пособие для изучения военной истории в военных училищах), составленный генерал-лейтенантами [Н.Ф.] Дубровиным, [А.Н.] Куропаткиным, [П.К.] Гудима-Левковичем, [А.К.] Пузыревским и [Н.Н.] Сухотиным под общ. редакцией генерала от инфантерии [Г.А.] Леера. СПб., 1898. Ч. I и IV.

Обзор деятельности ЧК — Обзор деятельности ЧК за 4 года. М., 1922.

Оболенский, 1928 — *Оболенский В.* Крым при Врангеле. М.; Л., 1928.

Оболенский, 1935 — *Оболенский В.А.* На чужой стороне. Прага, 1935.

Оболенский, 1994 — *Оболенский В.А.* Крым в 1918–1920 гг. // Крымский архив. 1994. № 1.

Обычаи, 1870 — Крымскотатарские обычаи // Таврические губернские ведомости. 03.11.1870.

Овсейчик, 1930 — *Овсейчик В.* Аграрный строй крымскотатарского ханства // Крым. Хрестоматия по истории края. Симферополь, 1930.

Оглоблін, 1930 — *Оглоблін О.П.* Договір Петра Іваненка (Петрика) з Кримом 1692 р. // Студії з Криму / Ред А.Е. Кримский. Київ, 1930.

Огнев, 1990 — *Огнев В.* Бегство от революции // ИЛ. 1990. № 10.

Озенбашлы, 1926 — *Озенбашлы А.* Роль царского правительства в эмиграции крымских татар // Крым. 1926. № 2.

Озенбашлы, 1926 «а» — *Озенбашлы А.* Крымская трагедия при царской власти, или Эмиграция татар. Симферополь, 1926 (на крымскотат. яз).

Озенбашлы А., 1997 — *Озенбашлы А.* Чарлык акимиетинде Къырым фаджиасы яхут татар хиджретлери // Амет Озенбашлы. Къырым фаджиасы. Сайлама эсерлер. Симферополь, 1997.

Озенбашлы, 2005 — *Озенбашлы А.* Трагедия Крыма при царизме или татарские эмиграции // ГК. 15.07.2005 (I), 22.17.2005 (II), 26.07.2005 (III), 05.08.2005 (IV), 12.08.2005 (V), 19.08.2005 (VI), 25.08.2005 (VII), 02.09.2005 (VIII), 09.09.2005 (XI), 16.09.2005 (X), 23.09.2009 (XI).

Озенбашлы, 2005 «а» — *Озенбашлы А.* Попытка критического осмысления нашего прошлого // ГК. 18.03.2005.

Озенбашлы М., 1997 — *Озенбашлы М.* Великий Аллах — да успокоится дух моего родителя // Амет Озенбашлы. Къырым фаджиясы. Салайме эсерлер. Симферополь, 1997.

Озенбашлы, 2011 — *Озенбашлы Э.М.* Депортация христиан из Крыма в 1778 г. и отражение этого события в фольклоре. Симферополь, 2011.

Окунь, 1957 — *Окунь С.Б.* Очерки истории СССР: вторая четверть XIX в. Л., 1957.

Ольгин, 1921 — *Ольгин М.* Социальная роль сельскохозяйственной кооперации // Народное хозяйство. 1921. № 8/9.

Ольховский, 1990 — *Ольховский В.С.* До етнічної історії давнього Криму // Археологія. 1990. № 1.

Омельчук, Акулов, Вакатова, Шевцова, Юрченко, 2003 — *Омельчук Д.В., Акулов М.Р., Вакатова Л.П., Шевцова Н.Н., Юрченко С.В.* Политические репрессии в Крыму (1920–1949 гг.). Симферополь, 2003.

Омельчук, 2003 — *Омельчук Д.В.* Горе побеждённым. Красный террор в Крыму в 1920–1921 гг. // Омельчук, Акулов, Вакатова, Шевцова, Юрченко, 2003.

Омельчук, 1996 — *Омельчук К.* Лишение избирательных прав как первый этап массовых политических репрессий в Крыму // Проблемы политической истории Крыма: итоги и перспективы. Симферополь, 1996.

Опадов, 1931 — *Опадов В.* 1905 год в Крыму. Симферополь, 1931.

Орешкова, 1971 — *Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971.

Орешкова, 1987 — *Орешкова С.Ф.* Османская автократия: опыт типологической характеристики // Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987.

Орешкова, 2000 — *Орешкова С.Ф.* Султанский двор и гарем в Османской империи первой половины XVII в. // Политическая интрига на Востоке. М., 2000.

Орешкова, 2001 — *Орешкова С.Ф.* Государственный переворот 1703 г. в Османской империи (по материалам русских архивов) // Российское востоковедение в память о М.С. Капице. М., 2001.

Орешкова, 2003 — *Орешкова С.Ф.* Османская империя на рубеже XVII–XVIII вв.: последний всплеск средневекового величия // От Стамбула до Москвы. Сб. статей в честь 100-летия профессора А.Ф. Миллера. М., 2003.

Орешкова, 2005 — *Орешкова С.Ф.* «Турецкое озеро»: Чёрное море в XV–XVII вв. // В/О. 2005. № 3.

Орешкова, 2005 «а». — *Орешкова С.Ф.* Примечания // В.Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в двух томах. М., 2005. Т. I–II.

Орешкова, 2005 «б» — *Орешкова С.Ф.* Некоторые проблемы крымскотатарской государственности // В.Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в двух томах. М., 2005. Т. I.

Орлов, 1989 — *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений // О. 1989. № 46–52.

Орлов, 1988 — *Орлов К.К.* Архитектурные комплексы Харакса // Археологические исследования в Крыму. Киев, 1988.

Орлов, 1989 — *Орлов К.К., Скорий С.А.* Комплекс з бронзовим посудом римського часу з поховання в Центральному Криму //Археологія. 1989. № 2.

Ортега-и-Гассет, 1996 — *Ортега-и-Гассет Х.* Дорожные темы // ДН. 1996. № 8.

Османова, 1990 — *Османова А.* Основные черты музыкального строения крымскотатарской песни // Къасевет. 1990. № 2.

Османская империя, 1998 — Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998. Ч. I.

Османская империя, 2001 — Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. II.

Осокина, 1995 — *Осокина Е.А.* Жертвы голода 1933-го — сколько их? // История СССР. 1991. № 5.

Остапчук, 2002 — *Остапчук В.* Хроника Раммала Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымскотатарским походам // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани (1223–1556). Казань, 2002.

Остроумов, 1888 — Исторический очерк взаимных отношений христиан и мусульман Н.П. Остроумова. СПб., 1888.

Остроумов, 1901 — *Остроумов Н.П.* Коран и прогресс. По поводу умственного пробуждения современных российских мусульман. Ташкент, 1901–1903.

От Стамбула до Москвы — От Стамбула до Москвы. Сб. статей в честь 100-летия профессора А.Ф. Миллера. М., 2003.

Откупщиков, 1988 — *Откупщиков Ю.В.* К вопросу об индоариях в Крыму и Причерноморье // Проблемы античной культуры. Тезисы докладов крымской научной конференции. Симферополь, 1988. Ч. I.

Отчёт — Отчёт Совету труда и обороны. Голод в Крыму. Симферополь, 1922.

Отчёты — Отчёты Крым ЦИК и СНК, наркоматов и госучреждений Крым. АССР III Всекрымскому съезду Советов. Симферополь, 1923.

Оффе, 1994 — *Оффе К.* Этнополитика в восточном переходном прецессе // Полис. 1996. № 2.

Очерки истории Крыма — Очерки по истории Крыма. Ч. 3. Крым в период социалистического строительства (1921–1941 гг.). Симферополь, 1964. Ч. IV.

Крым в период Великой Отечественной войны, в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства (1941–1965 гг.). Симферополь, 1967.

Очерки Крым ОПО — Очерки истории Крымской областной партийной организации // И.С. Чирва, М.Р. Акулов, В.Д. Арбузов и др. / Редкол. Н.В. Багров (председатель) и др. Симферополь, 1981.

Павленко, 1990 — *Павленко Н.И.* Пётр Великий. М., 1990.

Павленко, 1949 — *Павленко П.А.* Избранное. М., 1949.

Павлова, 2007 — *Павлова И.* [*П.*] Поиски правды о кануне Второй мировой войны // Правда Виктора Суворова. Переписывая историю Второй мировой. М., 2007.

Пайпс, 1993 — *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.

Пайпс, 1994 — *Пайпс Р.* Русская революция. М., 1994. Ч. I–II.

Паламарчук, 1991 — *Паламарчук П.Г.* Москва или Третий Рим? Восемнадцать очерков о русской истории и словесности. М., 1991.

Паллас, 1793 — Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793–1794 гг. // ЗООИД. 1881. Т. XII; 1883. Т. XIII.

Пальмов, 1926 — *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. I–II. Астрахань, 1926–1927. XVII и XVIII в. Ч. I.

Памук, 2006 — *Памук О.* Стамбул. Город воспоминаний / Пер. с тур. М. Шарова и Т. Меликова. М., 2006.

Памяти павших — Памяти павших за советский Крым. Сб. статей и воспоминаний. Симферополь, 1940.

Памятная книжка — Памятная книжка Таврической губернии. Симферополь, 1867. Вып. 1.

Панарин, 1993 — *Панарин С.А.* Восток глазами русских // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1993. Ч. I.

Панарин-Кантакузин, 2001 — *Панарин-Кантакузин В.* Эмигрантские записки // ГК. 07.12.2001.

Панашенко, 1989 — *Панашенко В.В.* Кримське ханство у XV–XVIII ст. // Украинський історичнії журнал. 1989. № 1.

Паперный, 1922 — *Паперный Л.* Народное просвещение и голод // Помощь. 1922. № 1.

Партаненко, Ушаков, 2006 — *Партаненко Т.В., Ушаков В.А.* Взаимовосприятие России и Запада (XVIII — первая половина XIX в.). СПб., 2006.

Пассек, 1840 «а» — *Пассек В.* Бахчисарай // Очерки России. М., 1840. Кн. 3.

Пережогин, 2004 — *Пережогин В.В.* Вопросы коллаборационизма // Война и общество. 1941–1945. Кн. 1–2. М., 2004. Кн. 2.

Перепёлкин, Шкаратан, 1991 — *Перепёлкин Л.С., Шкаратан О.П.* Переход к демократии в полиэтническом обществе // Полис. 1991. № 6.

Пернацкий, 1997 — *Пернацкий В.* Дуализм революции и противоречивость большевизма // СМ. 1997. № 10.

Песин, 1929 — *Песин Е.* О старом и новом Крыме // Чауш. Симферополь, 1929.

Петров, 1991 — *Петров В.Д.* К вопросу о красном терроре в Крыму в 1920–21 гг. // Проблемы истории Крыма. Тезисы докладов научной конференции. Симферополь, 1991.

Петров, 1982 — *Петров М.Т.* Итальянская интеллигенция в эпоху Ренессанса. Л., 1982.

Петрухин, 2004 — *Петрухин В.Я.* Олав Трюгвасон и проблемы русско-византийских отношений в период крещения Руси // Славяне между Римом и Константинополем. Славяне и их соседи. М., 2004. Вып. 11.

Петрухинцев, 2001 — *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730–1735 гг. СПб., 2001.

Пионтковский, 2000 — *Пионтковский А.* 10 лет? Шаг вперёд! // Новая газета. 17–23.01.2000.

Пионтковский, 1930 — *Пионтковский С.* Великодержавные тенденции в историографии России // Историк-марксист. 1930. № 17.

Пиоро, 1990 — *Пиоро И.С.* Крымская Готия. Киев, 1990.

Пискунов, 1994 — *Пискунов В.* Россия вне России // РИ. Т. I.

Платонов, 1924 — *Платонов А.П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. Л., 1924.

Платонов, 1997 — *Платонов О.* Терновый венец России. История русского народа в XX в. М., 1997. Т. I–II.

Платонов, 1901 — *Платонов С.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. СПб., 1901.

Плетнёва, 1975 — *Плетнёва С.А.* Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XII вв. М., 1975.

Плетнёва, 1986 — *Плетнёва С.А.* Хазары. М., 1986.

Плетнёва, 1990 — *Плетнёва С.А.* Половцы / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1990.

Плеханов, 1918 — *Плеханов Г.В.* Год на родине. Пг., 1918.

Победоносцев, 1996 — *Победоносцев К.П.* Pro et contra. Антология. СПб., 1996.

Погудин, 1975 — *Погудин В.И.* Путь советского крестьянства к социализму. М., 1975.

Подпрятов, 2006 — *Подпрятов Н.В.* Национальные воинские формирования народов Советского Союза в СССР и в фашистской Германии в годы Второй мировой войны. Пермь, 2006.

Покас, 1988 — *Покас Н.М., Назарова Т.А., Дьяченко В.Д.* Материалы по антропологии Акташского могильника // Акташский могильник скифского времени в Крыму. Киев, 1988.

Покровский, 1918 — *Покровский М.Н.* Внешняя политика. М., 1918.

Покровский, 1965 — *Покровский М.Н.* Российская история с древнейших времён // Избранные произведения. М., 1965–1966. Т. I–II.

Полетаев — *Полетаев Д.* На боевом участке национально-культурного строительства (подготовка национальных кадров в Крыму). Б. м., б. г.

Поливанов, 1923 — *Поливанов Е.Д.* Проблема латинского алфавита в турецких письменностях. М., 1923.

Полканов, 1995 — *Полканов А.И.* Крымские караимы (караи — коренной малочисленный тюркский народ Крыма). Париж, 1995.

Полканов, 1997 — *Полканов Ю.А.* Караи — крымские караимы-тюрки. История, этнография, культура. Симферополь, 1997.

Полканов, Полканова, Богословская, 2001 — *Полканов Ю.А., Полканова А.Ю., Богословская Т.А.* Национальная кухня крымских караев (караимов) // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М., 2001.

Полонская, 1994 — *Полонская Л.Р.* Единство и многообразие ислама // В/О. 1994. № 6.

Полтаржицкий, 1994 — *Полтаржицкий А.* Крымское войско // Qrim tatarlari — Крымские татары. Минск, 1994.

Поляков, 1998 — *Поляков В.* Крым. Судьбы народов и людей. Симферополь, 1998.

Поляков, 1999 — *Поляков В.* Фома Мокроусов: правда и вымысел // ГК. 05.11.1999.

Поляков, 2005 — *Поляков В.* «Картофельный городок» в Симферополе. Как это было // ГК. 22.04.2005.

Поляков, 2007 — *Поляков В.* Судьба // ГК. 11.05.2007.

Поляковская, 1939 — *Поляковская С.В.* Культурное строительство в Крыму. Симферополь, 1939.

Полян, 1996 — *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур. М., 1996.

Полян, 1999 — *Полян П.М.* Депортация советских граждан в Третий рейх и их репатриация в Советский Союз // Материалы по истории Русского освободительного движения (Статьи, документы, воспоминания). М., 1999. Вып. 4.

Полян, 2002 — *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижения и смерть советских остарбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002.

Полян, Поболь, 2009 — *Полян П.М., Поболь Н.* Займём у голодных! // НГ. 30.04.2005.

Попович, 1998 — *Попович А.* Културни прояви на мюсюлманските общности на Балканите // Мюсюлманската култура по българските земи. София, 1998.

Поппер, 1992 — *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. I–II.

Поселения, 1864 — Городские поселения в Российской империи. СПб., 1864. Т. IV.

Празаускас, 1995 — *Празаускас А.А.* Национальное возрождение в СССР и постсоветских странах: исторически-культурные и политические дилеммы // Цивилизации и культуры. М., 1995. Вып. 2. Россия и Восток: цивилизационные отношения.

Примоде, 1850 — История черноморской торговли в средних веках, изданная Василием Шостаком / Вольный перевод сочинения г. де ля Примоде, изданного на французском языке в 1848 г. Одесса, 1850. Ч. I.

Пришвин, 2009 — *Пришвин М.М.* Из дневников 1930 года / Публикация Л.А. Рязановой, 2009 (www/el-history.ru/node/473).

Проливы, 1999 — Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). Авт. кол.: В.А. Емец, А.В. Игнатьев, Е.Г. Кострикова, Е.П. Кудрявцева, Л.Н. Нежинский, В.Н. Пономарёв, Б.М. Поцхверия, Г.А. Санин, В.М. Хевролина, И.А. Хормач, Е.А. Чиркова. М., 1999.

Пропп, 1986 — *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. М., 1986.

Пути Евразии, 1992 — Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992.

Путник, 1903 — Путник. Истинные причины татарской эмиграции // Новое Время (СПб.). 16.03.1903.

Пшибышевский, 1897 — *Пшибышевский С.* Синагога сатаны // Демонология эпохи Возрождения. М., 1996.

Равдоникас, 1932 — *Равдоникас В.И.* Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья // МГАИМК. 1932. Т. XII. Вып. 1–8.

Радде, 1856 — *Радде Г.И.* Крымские татары // Отд. оттиск из Вестника Русского географического общества. 1856. Ч. XVIII; 1857. Ч. XIX.

Радлов, 1884 — *Радлов В.* [*В.*] О языке куманов. По поводу издания кумановского словаря // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1884. Прил. № 4.

Размышления, 1996 — Размышления о России и русских. Штрихи к истории русского национального характера. М., 1996.

Райхель, 2010 — *Райхель Ю.* Турецкая война Сталина, которая не состоялась // Дело (Украина). 13.09.2010.

Раковский, 1921 — *Раковский Г.* Конец белых. Прага, 1921.

Рамазанова, 1991 — *Рамазанова А.* Голод в Крыму // А. 18.10.1991.

Раппопорт, 1986 — *Раппопорт П.А.* Зодчество Древней Руси. Л., 1986.

Раппопорт, 1996 — *Раппопорт Т.* Крымский татарский жилой дом // А. 13.05.1996.

Ратьковский, 2006 — *Ратьковский И.С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006.

Рахимзянов, 2009 — *Рахимзянов Б.Р.* Касимовское ханство (1445–1552). Очерки истории. Казань, 2009.

Рашев, 1993 — *Рашев Р.К.* К вопросу о происхождении праболгар // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. 3.

Рашковский, Журавский, 1990 — *Рашковский Е.Б., Журавский А.В.* Мусульманское правосознание в кронтексте современного города: проблема восприятия западогенных политико-правовых норм // Города на Востоке: хранители традиций и катализаторы перемен. М., 1990.

Револ. движение — Революционное движение в Крыму. Симферополь, 1940.

Рейпольский, 1930 — *Рейпольский А.* Туберкулёз среди крымских татар // ЭИК. 1930. № 2.

Рейтановский, 1933 — *Рейтановский Г.* На колхозной земле (евреи-переселенцы в Крыму). Симферополь, 1933.

Ремпель, 1927 — *Ремпель Л.И.* Комсомол в Крыму. Симферополь, 1927.

Ремпель, 1929 — *Ремпель Л.И.* Архив крымских повстанцев («зелёных») // Крым. 1929. № 1.

Ремпель, 1931 — *Ремпель Л.И.* Красная гвардия в Крыму. Симферополь, 1931.

Репников, 1909 — *Репников Н.И.* Каменные ящики Байдарской долины // Известия Российской Императорской археологической комиссии. 1909. № 30.

Репников, 1910 — *Репников Н.И.* О так называемых дольменах Крыма // ИТУАК. 1910. № 44.

Рефат, 1995 — *Рефат А.* Оборотень // А. 13.06.1995.

Ривкин, 1914 — *Ривкин Н.* Вымирание мусульман в Симферополе и городское санитарное попечительство // По Крыму. Сб. 2. Симферополь, 1914.

Розанов, 1917 — *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени // Цит. по: Знания-Сила, 1991. № 11. С. 51.

Розанов, 1991 — *Розанов В.В.* Русская церковь // Розанов В.В. Религия и культура. М., 1991. Т. I.

Розанов, 1994 — *Розанов В.В.* В тёмных религиозных лучах. Русская церковь и другие статьи. М., 1994.

Розанов, 2000 — *Розанов В.В.* Опавшие листья. СПб., 2000.

Розенталь, 1976 — *Розенталь Е.И.* К истории Крымского союза РСДРП // Материалы истории России в период капитализма. М., 1976.

Романовский, 1996 — *Романовский С.И.* От мессианской идеи до социальной утопии // Новый часовой. 1996. № 4.

Романько и др., 1995 — *Романько О.В., Нерубенко В.В., Гордиенко А.К., Величко С.В.* Проблема составления корпуса государей стран Черноморского бассейна // Тезисы международной научно-практической конференции «Крымский полуостров в геополитических планах от античных времён до наших дней». Симферополь, 1995.

Романько, 2004, № 6–7 — *Романько О.В.* Крымскотатарские добровольческие формирования в германских вооружённых силах (1941–1945) // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2004. № 6–7.

Романько, 2004, № 8 — *Романько О.В.* Формирования русской освободительной армии на территории Крыма (1943–1944) // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2004. № 8.

Романько, 2009 — *Романько О.В.* Крымскотатарские формирования // О.В. Романько, С.И. Дробязко, К.К. Семенов. Иностранные формирования Третьего рейха. М., 2009.

Романько, 2011 — *Романько О.В.* Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму (1941–1944 гг.). М., 2011.

Романюк, 1904 — *Романюк А.* Жертвы государственных крестьян Таврической губернии во время Крымской войны // ИТУАК. 1904. № 36.

Рославцева, 2000 — *Рославцева Л.И.* Одежда крымских татар конца XVIII — начала XX в. Историко-этнографическое исследование. М., 2000.

Рославцева, 2003 — *Рославцева Л.И.* [Главы:] Источники и литература; Крымскотатарский язык, Антропологический облик; Топонимия Крымского полуострова; Расселение и численность; Система государственного устройства и общественный быт; Хозяйственная деятельность; Материальная культура; Семья; Духовная культура // Тюркские народы Крыма. Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Отв. ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чижова. М., 2003.

Россия, 1910 — Россия. Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В.П. Семёнова-Тян-Шанского. Новороссия и Крым. СПб., 1910. Т. XIV.

Россия, 2000 — Россия: государственные приоритеты и национальные интересы // О.В. Волобуев, А.В. Игнатьев, Л.Н. Нежинский и др. М., 2000.

Ростовцев, 1918 — *Ростовцев М.И.* Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918.

Роузентал, 1978 — *Роузентал Ф.* Функциональное значение арабской графики // Арабская средневековая культура и литература. М., 1978.

Рубцов, 2004 — *Рубцов Ю.В.* Лев Мехлис: «Мы должны быть прокляты!» О роли «инквизитора Красной армии» в катастрофе Крымского фронта в мае 1942 г. // Крымъ: историко-краеведческий альманах / Гл. ред В.Ф. Козлов. М., 2004. Вып. 1.

Рузаев, 2007 — *Рузаев С.В.* Участники обороны Севастополя 1941–1942 гг. в плену (на примере командного состава) // Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта / Материалы Третьих международных научных чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» и научной конференции «Мир и война: море и суша». Санкт-Петербург — Кронштадт, 21–24 октября 2007 г. М.; СПб., 2007.

Рукописная книга — Рукописная и печатная книга в России. Проблемы создания и распространения. Л., 1988.

Руммель, 1899 — Джарылгачский залив, Евпатория, Севастополь: результаты изысканий, произведённых в 1896 году: атлас чертежей / Сост. В.Ю. Руммель. СПб., 1899.

Русская эмиграция — Русская военная эмиграция 20–40-х. М., 1998. Т. I.

Русские, 1999 — Русские // Серия «Народы и культуры» / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М., 1999.

Рыбаков, 1978 — *Рыбаков Б.А.* Исторические судьбы праславян: история, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1978.

Рыбаков, 1984 — *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1984.

Савин, 1915 — *Савин А.Н.* Война империй и мир ислама. М., 1915.

Сагадеев, 1990 — [*Сагадеев А.В.*] М.Султан-Галиев и идеология национально-освободительного движения. Научно-аналитический обзор. М., 1990.

Садединов, 2000 — *Садединов Р.* Правда пробивает дорогу // ГК. 28.04.2000.

Садур, 2000 — *Садур В.* Ислам и экология // Алкаун — Пространство. М., 2000. № 1.

Саламова, 2007 — *Саламова Н.А.* Кавказ и Крым в русско-турецких отношениях от Решетского договора до Гянджинского трактата (1732–1735 гг.) // Восточный архив. 2007. № 16.

Салихов, 1997 — *Салихов Р.К.* Большевизм как феномен предцивилизационного мышления. М., 1997.

Салтыков-Щедрин, 1988 — *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений в десяти томах. М., 1988.

Самойлов, 1861 — *Самойлов А.Н.* Жизнь и деяния кн. Потёмкина-Таврического // Русский архив. 1861. Т. V.

Самойлович, 1917 — *Самойлович А.* [*Н.*] К вопросу об этнографическом изучении Крыма // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. Симферополь, 1917. Т. VI.

Сандерленд, 2005 — *Сандерленд В.* Русские превращаются в якутов? // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005.

Санин, 1915 — *Санин А.Н.* Война империй и мир ислама. М., 1915.

Санин, 1987 — *Санин Г.А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в. М., 1987.

Санин, 1994 — *Санин Г.А.* Границы России и Крымского ханства во второй половине XVII — I-й половине XVIII в. // Проблемы истории и архитектуры Крыма. Симферополь, 1994.

Санин, 1999 — *Санин Г.А.* Эволюция южного направления внешней политики Руси и России в IX–XVII вв. Зарождение проблемы Черноморских проливов //

Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия) / Отв. ред. Л.Н. Нежинский, А.В. Игнатьев. М., 1999.

Санин, 2001 — Санин Г.А. Порта, Крым и страны Восточной Европы в 50–60-х гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Главные тенденции политических взаимоотношений / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 2001. Ч. II.

Санин, 1993 — Санин О.Г. Антисултанская борьба в Крыму в начале XVIII в. и её влияние на русско-крымские отношения // МАИЭТ. 1993. Вып. 3.

Сапрыкин, 1986 — Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986.

Сапрыкин, Ермолин, 2010 — Сапрыкин С.Ю., Ермолин С.А. Римский флот на Боспоре: новая латинская надпись из Пантикапея // ВДИ. 2010. № 3.

Саран, 1944 — Саран А.Ю. Восприятие китайцев и Китая в России 1920 гг. // Русская история: проблемы менталитета. М., 1944.

Сафаргалиев, 1996 — Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М., 1996.

Сафаров, 1923 — Сафаров Г.И. Революционный марксизм и национальный вопрос // Марксизм и национальный вопрос. Харьков, 1923.

Сафонов, 1844 — Сафонов С. Остатки греческих легионов в России или нынешнее население Балаклавы // ЗОИИД. 1844. № 1.

Светлов, 1983 — Светлов Э. На пороге Нового Завета. Брюссель, 1983.

Свиньин, 1839 — Картины России и быт разноплеменных ея народов из путешествий П.П. Свиньина. СПб, 1839. Ч. I.

Свищов, 1907 — Свищов Е. Полуденная Таврида. Симферополь, 1907.

Своевр. мысли — Своевременные мысли, или Пророки в своём отечестве / Сост. М.С. Глинка. Л., 1989.

Себаг-Монтефиоре, 2003 — Себаг-Монтефиоре С. Потёмкин. М., 2003.

Седов, 1979 — Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.

Седов, 1989 — Седов Л.А. К истокам авторитарного сознания // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989.

Сеитбекир, 1997 — Сеитбекир Э. «Мы достойны свободной и самостоятельной жизни» // Амет Озенбашлы. Къырым фаджиасы. Сайлама эсерлер. Симферополь, 1997.

Сеитбекиров, 2005 — Сеитбекиров А. Жена солдата повествует... // ГК. 03.06.2005.

Сеитбекиров, 1997 — Сеитбекиров Э. Суд над «Милли Фирка». Приоткроем занавесу тайны // ГК. 05.03.1999.

Сеитбекиров, 1997 «а» — Сеитбекиров Э. Священная война крымских татар // ГК. 27.11.1997.

Сеитбекиров, 2009 — Сеитбекиров Э. У писателей-соотечественников духовные ценности общие // ГК. 28.01.2009.

Сеитумеров, 2000 — Сеитумеров У. Из истории Ансамбля песни и пляски крымских татар // ГК. 17.03.2000.

Сеитягъяев, 2001 — Сеитягъяев Р. Влияние сталинских репрессий на изучение истории Крыма в период существования Крымской АССР (1921–1945) //

Репрессированное поколение крымскотатарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры. Материалы научной конференции 28–29 мая 1999 г. Симферополь, 2001.

Сейдаметов, 1931 — Сейдаметов Д. Бороться за национальное, пролетарское искусство // КК. 02.09.1931.

Сейдаметов, 2006 — Сейдаметов Э.Х. Эмиграция крымских татар в конце XIX — начале XX в. // НБ. 2006. № 10.

Сейит Ягъя, 2003 — Сейит Ягъя Н. «Тарих», «Теварих»... Краткий обзор изучения крымскотатарских исторических сочинений // Qasevet. Родниковое, 2003. № 30.

Сейтяг'яєв, 2005 — Сейтяг'яєв Н.С. Історична проза в кримськотатарській літературі XV–XVIII ст. Київ, 2005.

Сейфуллаев, 1999 — Сейфуллаев И. Выселение крымскотатарского народа на основе огульных обвинений // ГК. 06.08.1999.

Секиринские, 1991 — Секиринский С.А., Секиринский Д.С. Аграрный строй крымских татар в XVI–XVIII вв. // МАИЭТ. Симферополь, 1991. Вып. 2.

Секиринский, 1955 — Секиринский С.А. Очерки истории Сурожа IX–XV вв. Симферополь, 1955.

Секиринский, 1974 — Секиринский С.А. Сельское хозяйство и крестьянство Крыма и Северной Таврии в конце XVIII — начале XX в. (1783–1917 гг.). Львов, 1974.

Секиринский, Волобуев, Когонашвили, 1980 — Секиринский С.А., Волобуев О.В., Когонашвили К.К. Крепость в Судаке. Симферополь, 1980.

Секиринский, 1988 — Секиринский С.А. Из этнической истории Крыма и Северной Таврии (вторая половина XVIII в. — начало XX в. // Советская тюркология. 1988. № 4.

Секиринский, 1990 — Секиринский С.А. Население Крыма и Северной Таврии (вторая пол. XVIII — нач. XX в.) // Вестник. Симферополь, 1990. Вып. 3.

Селимович, 1969 — Селимович М. Дервиш и смерть. М., 1969.

Семенникова, 1994 — Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1994.

Сементовский, 1847 — Сементовский Н. Путешественник (Южный берег Крыма). СПб., 1847.

Семёнов, 2001 — Семёнов И. Введение // Язык и этнический конфликт / Под ред. Марты Брилл Олкотт, И. Семёнова. М., 2001.

Семёнов-Тянь-Шанский — см. Россия.

Семёнова-Тянь-Шанская, 1914 — Семёнова-Тянь-Шанская [*О.*]. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. СПб., 1914.

Сеницкий, 1893 — Сеницкий А. Поездка в Перекоп и его окрестности // ИТУАК. 1893. № 19.

Сень, 2010 — Сень Д.В. Международное положение Российского государства, Крымского ханства, Османской империи и донское казачество (1670–1680-е гг.) // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде / Танненберге). Материалы международной научной конференции. СПб., 2010.

Сенюткин, 1866 — Донцы. Сочинение М. Сенюткина. В двух частях. М., 1866.

Сенюткина, 2006 — *Сенюткина О.Н.* Первые политические шаги российского тюркизма // В/О. 2006. № 4.

Сергеев, 1913 — *Сергеев А.* Уход таврических ногайцев в Турцию в 1860 г. // ИТУАК. Симферополь, 1913. № 49.

Сергеев-Ценский, 1928 — *Сергеев-Ценский С.Н.* Полное собрание сочинений. Л., 1928.

Серебрянников, 2002 — *Серебрянников В.В.* Человек и война в зеркале социологии // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. М., 2002.

Сестренцевич-Богуш, 1806 — *Сестренцевич-Богуш С.* История о Херсонесе Таврийском. История о Таврии. СПб., 1806. Т. I–III.

Сибаи, 1990 — *ас-Сибаи Мустафа.* Исламский социализм // Социальное учение исламского возрожденчества. М., 1990.

Сидоренко, 1987 — *Сидоренко В.А.* К вопросу об этнической атрибуции Ай-Тодорского клада монет IV–V вв. с подражаниями «лучистого» типа // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987.

Сидоренко, 1991 — *Сидоренко В.А.* «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 1991. Вып. 2.

Сидоренко, 1993 — *Сидоренко В.А.* Памятники каменной пластики средневековой Таврики // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. 3.

Сидоренко, 2003 — *Сидоренко В.А.* Формирование крымскотатарского народа // Тюркские народы Крыма. Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Отв. ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чижова. М., 2003.

Симиренко, 1912 — *Симиренко Л.П.* Крымское промышленное садоводство М., 1912 [первое издание — 1891].

Симонов, 2011 — *Симонов А.К.* Амет-хан Султан. Сценарий // Программа TV «365 дней России», передача 23.11.2011.

Синицын, 2011 — *Синицын Ф.Л.* Сопротивление народов СССР депортации (1941–1949 гг.) // ВИ. 2011. № 2.

Синцов, 1992 — *Синцов В.И.* Коллективизация совести // Философские науки. 1992. № 3.

Сироткин, 1989 — *Сироткин В.Г.* Формирование национальных независимых государств на Балканах // Советское славяноведение. 1989. № 3.

Скальковский, 1836, 1838 — *Скальковский А.А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края в 1730–1823 гг. Ч. I. Одесса, 1836.; Ч. II. Одесса, 1838.

Скальковский, 1841 — *Скальковский А.А.* Занятие Крыма в 1783 г. Материалы для истории Новороссийского края // ЖМНП. 1841. Ч. XXX. Отд. 2.

Скальковский, 1843 — *Скальковский А.А.* О ногайских татарах, живущих в Таврической губернии // ЖМНП. 1843. Ч. XL. Отд. 2.

Скальковский, 1850 — Опыт Статистического обозрения Новороссийского края. Сочинение А. Скальковского, статского советника. Ч. I– II. Одесса, 1850–1853.

Скифская проблема — Скифская проблема в отечественной науке. Харьков, 1947.

Скржинская, 1988 — *Скржинская Е.Ч.* Происхождение киммерийской топонимики в Северном Причерноморье // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988.

Скржинская, 2006 — *Скржинская Е.Ч.* Судакская крепость. История — археология — эпиграфика. Сб. работ и материалов. / Сост.: Л.Г. Климанов (предисл., подбор текстов, набор текстов, примеч. к ним, библиография); А.В. Джанов (подбор иллюстраций, послесл., примеч., сост. указателей, библиография). Киев; Судак; СПб., 2006.

Славинский, 1910 — *Славинский М.* Национальная структура России и великороссы // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия. СПб., 1910.

Славянская мифология — Славянская мифология // Мифы. М., 1985. Т. II.

Слащов, 1924 — *Слащов Я.* Крым в 1920 г. М.; Л., 1924.

Словарь XVIII в. — Словарь русского языка XVIII в. Л.-СПб., 1984–200... Вып. 1–...

Слокум, 2005 — *Слокум Дж.У.* Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005.

Словарь XI в. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Л.-СПб., 1975–200... Вып. 1–...

Смирнов, 1966 — *Смирнов А.П.* Скифы. М., 1966.

Смирнов, 1881 — Сборник некоторых важных известий и документов касательно Турции, России и Крыма / Изд. В.Д. Смирнов. СПб., 1881.

Смирнов, 1887 — *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887.

Смирнов, 1887 «а» — *Смирнов В.Д.* Археологическая экспедиция в Крым летом 1886 г. // Западно-Восточное отделение исторического российского археологического общества. 1887. Т. I. Вып. 4.

Смирнов, 1889 — *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII ст. Одесса, 1889.

Смирнов, 1923 — *Смирнов В.Д.* Что такое Тмутаракань? // Византийский временник. Петроград, 1923. Т. XXIII.

Смирнов, 1948 — *Смирнов И.И.* Восточная политика Василия III // Исторические записки. 1948. № 27.

Смирнов, 1931 — *Смирнов Н.* Классовая роль ислама в Крыму. Доклад, зачитанный в Институте народов СССР 03.05.1931 г. // Воинствующий атеист. 1931. № 8–9.

Смирнов, 1946 — *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVIII вв. / МГУ. Учёные записки. 1946. Вып. 94. Т. I–II.

Смоленский, 1921 — *Смоленский С.* Крымская катастрофа. София, 1921.

Снычёв, 1993 — Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычёв). Битва за Россию. СПб., 1993.

Сов. Крым — Советский Крым. Материалы для докладчиков. Крымиздат, 1947.

Советов, Атлас, 1933 — *Советов В., Атлас М.* Расстрел Советского правительства Крымской Республики Таврида. Сб. к 15-летию со дня расстрела. 24.04.1918–24.04.1933. Симферополь, 1933.

Советов, 1979 — *Советов П.В.* Проекты вступления дунайских княжеств в подданство России и Речи Посполитой в XVII — начале XVIII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV — начале XVIII в. / Под ред. акад. Б.А. Рыбакова. М., 1979.

Советское общество, 1997 — Советское общество: возникновение, развитие и исторический финал. М., 1997. Т. I–II.

Соколов, 1998 — *Соколов Б.В.* Правда о Великой Отечественной войне (сб. статей). СПб., 1998.

Соколова, 1962 — *Соколова И.В.* Сицилийские монеты в раскопках Херсонеса // Тезисы докладов научной сессии, посвящённой работам Эрмитажа за 1961 г. Л., 1962.

Соколова, 1958 — *Соколова К.Ф.* Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма. М., 1958.

Соколова, 1958 «а» — *Соколова К.Ф.* Антропологический материал из Алуштинского могильника // СА. 1958. № 2.

Сокольский, 1990 — *Сокольский М.М.* Неверная память: Герои и антигерои России. Историко-полемические эссе. М., 1990.

Сокольский, 1971 — *Сокольский Н.И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971.

Солженицын, 1991 — *Солженицын А.И.* Малое собрание сочинений. М., 1991.

Солженицын, 1996 — *Солженицын А.И.* Выступление в дискуссии // ДН. 1996. № 7.

Соловьёв, 1886 — *Соловьёв В.С.* Грехи России // Новый мир. 1989. № 1.

Соловьёв, 1888 «а» — *Соловьёв В.С.* Великий спор и христианская политика // Собрание сочинений. СПб., 1888. Т. IV.

Соловьёв, 1888 «б» — *Соловьёв В.С.* Россия и Европа // Собрание сочинений. СПб., 1888. Т. V.

Соловьёв, 1879 — *Соловьёв С.* Начала русской земли. СПб., 1879.

Соловьёв, 1963 — *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён. М., 1960–1963.

Соловьёв, 1988 — *Соловьёв С.М.* Сочинения в 18 книгах. М., 1988–1994.

Соловьёв, 1989 — *Соловьёв С.М.* Птенцы Петра Великого // Чтения и рассказы по истории России. М., 1989.

Соломоник, 1952 — *Соломоник Э.И.* О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья. Симферополь, 1952.

Соломонік, 1967 — *Соломонік Е.І.* Про значення термина «тавроскіфи» // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1967. Т. XI.

Соломоник, 1988 — *Соломоник Э.И.* Древние надписи Крыма. Киев, 1988.

Солоневич, 1998 — *Солоневич И.Л.* Народная монархия. Минск, 1998.

Сольц, 1926 — *Сольц А.А.* Коммунистическая этика // Каким должен быть коммунист. М.; Л., 1926.

Сорин, 1922 — *Сорин К.* В Крыму // ЖН. 1922. № 1.

Сорокин, 1913 — *Сорокин П.А.* Брак в старину. Рига, 1913.

Сорокин, 1914 — *Сорокин П.А.* Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб., 1914.

Сорокин, 1922 — *Сорокин П.* Современное состояние России [Прага, 1922] // Новый мир. 1992. № 4.

Сорокин, 1922 «а» — *Сорокин П.* Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Пг., 1922.

Сорочан, 1981 — *Сорочан С.Б.* Торговля Херсонеса Таврического в I в. до н. э. — в V н. э. М., 1981.

Сосновский, 1924 — Деревня при НЭПе. Кого считать кулаком, кого — тружеником / Сост. Л.С. Сосновский. М., 1924.

Сосногорова, 1875 — *Сосногорова М.А.* Мегалитические памятники в Крыму // РВ. 1875. № 7.

Сосногорова, 1880 — *Сосногорова М.А.* [Славич С.] Путеводитель по Крыму. Одесса, 1880.

Состав питания, 1923 — Состав питания отдельных национальностей в Крыму // Бюллетень Крымского ЦСУ. 1923. № 5.

Софийский, 1924 — *Софийский П.* Изменения в крестьянских хозяйствах Крыма после переписи 1921 г. // Бюллетень Крымского ЦСУ. 1924. № 3.

Спасский, 1850 — *Спасский Г.* Евпатория // Отечественные записки. 1850. № 11.

Спецпереселенцы — Спецпереселенцы в Западной Сибири 1930 — весна 1931 / Отв. ред. В.П. Данилов, С.А. Красильников. Новосибирск, 1992.

Среднев, 1964 — Средневековый Крым. М.; Л., 1964.

Сталин, 1938 — *Сталин И.В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1938.

Сталин, 1952 — *Сталин И.В.* Собрание сочинений. М., 1952.

Станкевич, 1921 — *Станкевич В.* Судьбы народов России. Берлин, 1921.

Стариков, 1994 — *Стариков Е.* Община от русской «марки» к уравнительным переделам // ЗС. 1994. № 4.

Стародуб, 1989 — *Стародуб Т.Х.* Средневековая архитектура, связанная с суфизмом: ханака, завия, такия // Суфизм в контексте мусульманской культуры. М., 1989.

Старый, 1928 — *Старый.* Выкуем из татар кадры промышленного пролетариата. // КК. 14.12.1928.

Стевен, 1839 — *Стевен Х.Х.* Шелководство, виноделие и садоводство южных губерний России в 1839 году. СПб., 1839.

Степаненко, 1993 — *Степаненко В.П.* К статусу Тмутаракани в 80–90-х гг. XI в. // МАИЭТ. Вып. 3. Симферополь, 1993.

Степанов, 2003 — *Степанов В.В.* Крым и крымские татары: историческая демография и современная этнополитическая ситуация // Тюркские народы Крыма. Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Отв. ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чижова. М., 2003.

Степанов, 1998 — *Степанов В.С.* К биополитическому определению понятия «родина» // Клио (СПб.). 1998. № 2.

Степун, 1990 — *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. Лондон, 1990. Т. I–II.

Стефаненко, 1999 — *Стефаненко Т.* Этнопсихология. М., 1999.

Стецковский, 1997 — *Стецковский Ю.* История советских репрессий. М., 1997. Т. I–II.

Сто лет, 1885 — Сто лет жизни Тавриды. Симферополь, 1885.

Столыпин, 1983 — *Столыпин А.* Ещё о жертвах Ялты // Посев. 1983. № 2.

Стороженко, 1994 — *Стороженко І.С.* Тугай-бей — побратим Богдана Хмельницького // На чолі казацької держави. Деякі аспекти історії визвольної війни українського народу середини XVII сторіччя. Рівне, 1994.

Стржелецкий, 1954 — *Стржелецкий С.Ф.* Очерки истории Гераклейского полуострова и его округи в эпоху бронзы и раннего железа. М., 1954.

Стулли, 1894 — *Стулли Ф.С.* Собрание повестей и рассказов. СПб., 1894.

Суворов, 1949 — Суворов в Крыму. Симферополь, 1949.

Судьбы крестьянства — Судьбы российского крестьянства / Под ред. Ю. Афанасьева. М., 1996.

Сулимирский, 2008 — *Сулимирский Т.* Сарматы. Древний народ юга России. М., 2008.

Султанбеков, 1991 — *Султанбеков Б.Ф.* Мирсаид Султангалиев. Казань, 1991.

Суперанская, 1985 — Исторический словарь топонимии Крыма. М., 1985 (машинописный препринт). Т. I. Опыт регионального ономастического обследования / Отв. ред. А.В. Суперанская.

Суперанская, Исаева, Исхакова, 1995 — *Суперанская А.В., Исаева З.Г., Исхакова Х.Ф.* Топонимия Крыма. М., 1995. Ч. I. Введение в топонимию Крыма.

Сухарчук, 1999 — *Сухарчук Г.Д.* О понятии «этнос» // Социоестественная история. Ландшафт и этнос. М., 1999. Вып. 13.

Сухоруков, 1903 — *Сухоруков В.* Историческое описание Войска Донского. Н-Черкесск, 1903.

Сыроечковский, 1940 — *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы // Учёные записки МГУ. Серия «История». М., 1940. Вып. 61.

Сюкияйнен, 1986 — *Сюкияйнен Л.Р.* Мусульманское право. М., 1986.

Сюкияйнен, 1987 — *Сюкияйнен Л.Р.* Концепция мусульманской формы правления и современное государствоведение в странах Арабского Востока // Социально-политические представления в исламе. История и современность. М., 1987.

Сюкияйнен, 1997 — *Сюкияйнен Л.Р.* Шариат и мусульманская правовая культура, М., 1997.

Сюкияйнен, 1999 — *Сюкияйнен Л.Р.* Мусульманское право (шариат и фикх) // Совет муфтиев России. Ислам и мусульмане России. М., 1999.

Таврида, 1858 — Таврида с Крымским полуостровом в географическом, историческом и статистическом отношениях с самых древнейших времён. Императорская академия наук. СПб., 1858.

Тагиров, 1999 — *Тагиров И.* Крым и Татарстан. Проблемы национально-государственного строительства в 1920-х гг. // ГК. 19.11.1999.

Таирова-Яковлева, 2007 — *Таирова-Яковлева Т.Г.* Мазепа // Серия ЖЗЛ. М., 2007.

Так это было, 1993 — Так это было. Национальные репрессии в СССР / Сост. С. Алиева. М., 1993. Т. I–III.

Талиев, 1900 — *Талиев В.* Флора Крыма и роль человека в её развитии. Харьков, 1900.

Тарле, 1948 — *Тарле Е.В.* Крымская война. М., 1944–1948. Т. I–II.

Тереножкин, 1976 — *Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев, 1976.

Тереножкин, 1977 — *Тереножкин А.И.* Общественный строй скифов // Скифы и сарматы. Киев, 1977.

Тереножкин, 1987 — *Тереножкин А.И.* Скифский вопрос // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987.

Титов, 2007 — *Титов В.* Протест провинции в 1920–1930-х годах: крестсоюзы, сермяжная многоголовка, возмущение красных партизан. Иркутск, 2007.

Тихонов, 2007 — *Тихонов А.К.* Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII — начале XX в. СПб., 2007.

Тодоров, 1979 — *Тодоров Н.* Русско-турецкие войны и балканские народы // Сто лет освобождения балканских народов от османского ига. М., 1979.

Тойнби, 1991 — *Тойнби А.* Постижение истории / Сост. А.П. Огурцов. М., 1991.

Толстой, 1936 — *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. М., 1936.

Толстой, 1983 — *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений. М., 1983.

Толстой-Милославский, 1988 — *Толстой-Милославский Н.Д.* Жертвы Ялты. Париж, 1988.

Тополянский, 1996 — *Тополянский В.Д.* Вожди в законе. Очерки физиологии власти. М., 1996.

Топоров, 1995 — *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской культуре. М., 1995. Т. I–II.

Тохтасьев, 1984 — *Тохтасьев С.Р.* Киммерийская топонимия // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.

Трайнин, 1924 — *Трайнин И.П.* СССР и национальная проблема. М., 1924.

Трапезников, 1967 — *Трапезников С.П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1967. Т. II.

Трепавлов, 1993 — *Трепавлов В.В.* Нуралины Ногайской Орды // Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды. Махачкала, 1993.

Трепавлов, 2000 — *Трепавлов В.В.* Бий мангытов, коронованный chief: Вождества в истории позднесредневековых номадов Западной Евразии // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.

Трепавлов, 2001 — *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001.

Трепавлов, 2011 — *Трепавлов В.В.* Сакральная топография Улуса Джучи // Этнографическое обозрение. 2011. № 2.

Троицкая, 1954 — *Троицкая Т.Н.* Скифские погребения в курганах Крыма. Симферополь, 1954.

Троцкий, 1946 — *Троцкий Л.* Сталин. Нью-Йорк, 1946.

Троцкий, 1991 — *Троцкий Л.* Преданная революция. М., 1991.

Трубецкой, 1997 — *Трубецкой Н.С.* О туранском элементе в русской культуре // Панорама–Форум. Казань, 1997. № 1.

Тудоряну, 2000 — *Тудоряну Н.Л.* Эмиграционная политика и законодательство России в начале XX века. Кишинёв, 2000.

Тузов, 1995 — *Тузов А.* Крымские татары // Вечерний Бишкек. 28.07.1995.

Тульчинский, 1994 — *Тульчинский Г.Л.* Об одной ошибке русской философии // Звезда. 1994. № 9.

Тульчинский, 1997 — *Тульчинский Г.Л.* Российский потенциал свободы // ВФ. 1997. № 3.

Тункина, 2011 — *Тункина И.В.* Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871 гг. Киев, 2011.

Тучанский, 1915 — *Тучанский П.Л.* Иван III и зарубежные евреи // ЗООИД. 1915. Т. XXXII.

Тушин, 1978 — *Тушин Ю.П.* Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Чёрном морях (XVII в.). М., 1978.

Тютчев, 1984 — *Тютчев Ф.И.* Сочинения, М., 1984.

Улунян, 1998 — *Улунян А.А.* Политическая история современной Греции. М., 1998.

Улькюсал, 1980 — *Мюстеджип Улькюсал.* Крымские тюрко-татары вчера, сегодня, завтра / Машинописный пер. с тур. Стамбул, 1980.

Уляницкий, 1883 — *Уляницкий В.А.* Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в. М., 1883. Ч. 2.

Уманец, 1887 — *Уманец А.* Исторические рассказы о Крыме. Севастополь, 1887.

Урановский, 1925 — *Урановский Я.* Первая революция в Феодосии // РВК. 1925. № 1 (5).

Урланис, 1994 — *Урланис Б.Ц.* История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооружённых сил Европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистическое исследование). СПб., 1994.

Урсу, 1996 — *Урсу Д.* «Дело» Мустафы Бекирова // ГК. 12–19.07.1996.

Урсу, 1998 — *Урсу Д.* Трагедия 17 апреля 1937 года // ГК. 17.04.1998.

Урсу, 1999 — *Урсу Д.*П. Очерки истории культуры крымскотатарского народа (1921–1941). Симферополь, 1999.

Урсу, 2001 — *Урсу Д.П.* Великий террор в Крыму: трагедия народа, трагедия культуры // Репрессированное поколение крымскотатарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры. Материалы научной конференции 28–29 мая 1999 г. Симферополь, 2001.

Усеинов, 2000 — *Усеинов А.* Дворцы Южнобережья: величие и краса // ГК. 14.04.2000.

Усеинов, 1992 — *Усеинов Р.* Я — свидетель // А. 14.05.1992.

Усеинов, 2005 — Крымскотатарско-русский словарь / Сост. С.М. Усеинов. Симферополь, 2005.

Усеинов, 1992 — *Усеинов Ф.* Репрессированный фольклор // А. 16.04.1992.

Усманов, 1979 — *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса. Казань, 1979.

Усманов, 1985 — *Усманов М.А.* Этапы исламизации Джучиева улуса и мусульманское духовенство в татарских ханствах XIII–XVI вв. // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем Востоке в период феодализма. М., 1985.

Усов, 1925 — *Усов С.А.* Историко-экономические очерки Крыма. Симферополь, 1925.

Успенский, 1956 — *Успенский Г.* Собрание сочинений в 9 томах. М., 1956.

Устрялов, 1920 — *Устрялов Н.* В борьбе за Россию. Харбин, 1920.

Утёсов, 1929 — *Утёсов И.* Симферопольская Нахаловка // КК. 23.04.1929.

Фадеева, 1987 — *Фадеева Т.М.* По горному Крыму. М., 1987.

Фадеева, 2002 — *Фадеева Т.М.* Крым в сакральном пространстве. Симферополь, 2002.

Фазыл, Нагаев, 1989 — *Фазыл Р., Нагаев С.* Сердце народа // Звезда Востока. 1989. № 3.

Фазыл, 2006 — *Фазыл Р.* Алакатская трагедия — трагедия народа. Симферополь, 2006.

Фаиз, 2000 — *Фаиз С.* Образ Вселенной — сурат аль-каун и тугра в творчестве османских и крымских хаттатов (XVI–XVIII вв.) // Алькаун — Пространства. М., 2000. № 1.

Фаизов, 1994 — *Фаизов С.Ф.* Поминки — «тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом (к вопросу о типологии связей) // Отечественные архивы. 1994. № 3.

Фаизов, 2003 — *Фаизов С.Ф.* Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру 1654–1658 гг.// Крымскотатарская дипломатика в политическом контексте постпереяславского времени. М., 2003.

Фасмер, 1964 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополнения О.Н. Трубачёва. Под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. М., 1964–1973. Т. I–IV.

Фахретдинов, 1930 — «Все религиозные организации мусульман находятся накануне полнейшего разрушения...» (свидетельство муфтия Р. Фахретдинова). 1930 г. // Отечественные архивы. 1944. № 1.

Фахрутдинов, 2001 — *Фахрутдинов Р.Г.* Золотая Орда и татары // ГК. 23.02.2001.

Фахры, 1991 — *Фахры И.* Депортация началась в 41-м // А. 27.19.1991.

Федотов, Фаизов, 2006 — *Федотов В.А., Фаизов Э.З.* Традиции и этнос. Чебоксары, 2006.

Федотов, 1992 — *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1991–1992. Ч. I–II.

Федотов, 1994 — *Федотов Г.П.* О святости, интеллигенции и большевизме. Избранные статьи. СПб., 1994.

Федотовы, 1996 — *Федотова Г.И., Федотов О.П.* Художественный образ крымскотатарской архитектуры // Проблемы материальной и духовной культуры народов Крыма и Северного Причерноморья от античных времён до наших дней. Симферополь, 1996.

Фейгин, 1974 — *Фейгин Э.* Собрание сочинений. Тбилиси, 1974. Т. I.

Фёдорова, 1928 — *Фёдорова А.* Крымская работница и крестьянка. Симферополь, 1928.

Фёдорова, 1855 — [*Фёдорова Ф.А.*] Крым с Севастополем, Балаклавою и другими его городами. С описанием рек, озёр, гор и долин, с его историею, жителями, их нравами и образом жизни. СПб., 1855.

Фёдоров-Давыдов, 1966 — *Фёдоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

Фёдоров-Давыдов, 1973 — *Фёдоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Филимонов, 2000 — *Филимонов С.Б.* — Тайны судебно-следственных дел. Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920–1940-х гг. // Известия Крымского педагогического института. Симферополь, 2000. Т. II.

Филоненко, 1919 — *Филоненко В.И.* Детские игры крымских татар // ИТУАК. 1919. № 56.

Филоненко, 1928 — *Филоненко В.И.* Тамги татарских кладбищ г. Евпатории. Симферополь,1928.

Филюшкин, 2008 — *Филюшкин А.И.* Проекты русско-крымского военного союза в годы Ливонской войны // «В кратких словесах многой разум замыкающее...» / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. Изд. С.-Петербургского университета, 2008 (Труды кафедры истории России с древнейших времён до XX века). Т. II.

Финогенов, 1997 — *Финогенов Б.Л.* Крымские татары, немцы, греки, армяне, болгары. Национальное мастерство и его влияние на экономическое развитие Крыма. Симферополь, 1997.

Фирдевс, 1922 — *Фирдевс И.* Октябрьский переворот в Симферополе // РВК. 1922. № 1.

Фирдевс, 1923 — *Фирдевс И.* Первый период Советской власти в Крыму // РВК. 1923. № 2.

Фирдевс, 1925 — *Фирдевс И.* Влияние революции 1905 г. на национально-освободительное движение крымских татар // РВК. 1925. № 2(6).

Фирдоуси, 1993 — *Фирдоуси М.* Секс и ислам. Казань, 1993.

Фирсов, 1990 — *Фирсов Л.В.* Исары. Очерки истории средневековых крепостей Крыма. Новосибирск, 1990.

Фицпатрик, 1990 — *Фицпатрик Ш.* Классы и проблема классовой принадлежности в Советской России // ВИ. 1990. № 8.

Фицпатрик, 2008 — *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-х гг.: город. М., 2001.

Флоря, 1979 — *Флоря Б.Н.* Проект антитурецкой коалиции середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV — начале XVIII в. / Под ред. акад. Б.А. Рыбакова. М., 1979.

Флоря, 1998 — *Флоря Б.Н.* Османская империя, Крым и страны Восточной Европы в конце XVI — начале XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Главные тенденции политических взаимоотношений / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1998. Ч. I.

Флоря, 1998 «а» — *Флоря Б.Н.* Османская империя, Крым и страны Восточной Европы в 20-х — начале 30-х гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Главные тенденции политических взаимоотношений / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1998. Ч. I.

Франк, 1909 — *Франк С.Л.* Этика нигилизма // Вехи. Сб. статей о русской интеллигенции. М., 1909.

Франк,1991 — *Франк С.Л.* De profundis // Вехи. Из глубины. М., 1991.

Фрезинский, 2008 — *Фрезинский Б.Я.* Писатели и советские вожди. Избранные сюжеты 1919–1960 гг. СПб., 2008.

Фридман, 1991 — *Фридман Я.В.* Социально-культурное развитие Крымской АССР в 20–30-х гг. и проблемы языковой политики // Проблемы истории Крыма. Тезисы докладов научной конференции (23–28 сентября). Симферополь. 1991. Вып. 2.

Фрухт, 1932 — *Фрухт Л.М.* Еврейское переселение в Крыму на 1932 г. Симферополь, 1932.

Фрэзер, 1983 — *Фрэзер Д.Д.* Золотая ветвь. М., 1983.

Хаген, 2005 — *Хаген М., фон.* История России как история империя: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005.

Хазанов, 1975 — *Хазанов А.М.* Социальная история скифов. М., 1975.

Хайек, 1992 — *Хайек Ф.А.* Дорога к рабству. М., 1992.

Хайек, 1995 — *Хайек Ф.А.* Общество свободных. Сдерживание власти и развенчание политики // Открытая политика (М.). 1995. № 8 (10).

Хайруддинов, Усеинов, 2010 — *Хайруддинов М.А., Усеинов С.М.* Этикет крымских татар. Эдепнаме. Правила приличия и культура общения, принятые у крымскотатарского народа. Симферополь, 2010.

Хаким, 1999 — *Хаким Р.* История татар и Татарстана: методологические и теоретические проблемы // Панорама–Форум. Специальный выпуск. Казань, 1999. № 19.

Халилов, 1999 — *Халилов Н.* Молчать не буду // ГК. 12.03.1999.

Халимов, 1923 — *Халимов С.* Крымская Автономная Республика // ЖН. 1923. № 1.

Халип, 2008 — *Халип И.* Советско-фашистская дружба // НГ. 22–24.09.2008.

Ханацкий, 1867 — Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврической губернской статистической комиссией, сост. под ред. секретаря Комиссии К.В. Ханацкого. Симферополь, 1867. Вып. 1.

Ханин, 1989 — *Ханин Г.И.* Почему и как погиб НЭП // Эко. 1989. № 10.

Харитонова, 1999 — *Харитонова Л.Н.* Города Золотой Орды // Ландшафт и этнос. Социоестественная история. М., 1999. Вып. 13.

Харт, 1999 — *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999.

Хартахай, 1866 — *Хартахай Ф.* Историческая судьба крымских татар // Вестник Европы, 1866. Т. II; 1867. Т. II.

Хартахай, 1867 — *Хартахай Ф.* Христианство в Крыму // Памятная книга Таврической Губернии. Симферополь, 1867.

Харузин, 1890 — *Харузин А.Н.* Татары Гурзуфа (кефалометрические наблюдения над татарами Южного берега Крыма) // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. М., 1890. Т. LXVIII. Труды Антропологического отдела. Т. XII. Вып. 8.

Харузин 1890 «а» — *Харузин А.Н.* О росте татар Южного Берега Крыма // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. М., 1890. Т. LXVIII. Труды Антропологического отдела. Т. XII. Вып. 1.

Харузин «б» — *Харузин А.Н.* Заметки о татарах Южного Берега Крыма // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. М., 1890. Т. LXVIII. Труды Антропологического отдела. Т. XII. Вып. 1.

Хачатурян, 2007 — *Хачатурян Н.А.* Общественная система и принцип относительности. К вопросу о содержании концепт-явления «феодализм» // Средние века. 2007. Вып. 68 (1).

Хачим, 1999 — *Хачим Ф.И.* Исламские концепции государственной власти. М., 1999.

Хаяли, 1997 — *Хаяли Р.* «Спецконтингент» // Къырым. 1997. Февраль-март. Серия публикаций 1–11.

Хаяли, 1999 — *Хаяли Р.* Образование, религия и культура в условиях режима спецпоселений (1944–1956 гг.) // ГК. 09.07.1999.

Хаяли, 2007 — *Хаяли Р.И.* Жизнь и деятельность Сеитджелиля и Амета Хаттатовых // Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым. Киев; Книга IV. Симферополь, 2007.

Хаяли, 2009 — *Хаяли Р.И.* Крымские политические партии: генезис, эволюция, ликвидация (1917–1928 гг. // Последняя рукопись Сабри Айвазова. Дело партии «Милли Фирка». Документы свидетельствуют / Под общ. ред. В.В. Пшеничного, Р.Н. Лесюка, С.В. Лунина, И.И. Полякова. Сост. А.В. Валякин, Р.И. Хаяли. Симферополь, 2009. Из серии «Рассекреченная память». Крымский выпуск. Т. I.

Хаяли, 2009 «а» — *Хаяли Р.* Репрессивная политика советского государства в отношении крымских татар (1921–1941 гг.) / З архівів ВУЧК, ГПУ, НКВД, КГБ. Київ; Харків, 2009. № 1 (32).

Хаяли, 2011 — *Хаяли Р.И.* Жизнь и деятельность Сеитджелиля и Амета Хаттатовых // Tarih Erbaplari — Сеитджелиль Хаттатов. 2001 aprel 02 / medeniye.org/forum/index.php.?topic=842.0

Хензель, 1979 — *Хензель В.* Проблема ясыря в польско-турецких отношениях XVI–XVII вв. // Россия, Польша и Причерноморье в XV — начале XVIII в. / Под редакцией академика Б.А. Рыбакова. М., 1979.

Хитцель, 2006 — *Хитцель Ф.* Османская империя / Пер. с фр. М.А. Черепахина. М., 2006.

Хисматулин, 1999 — *Хисматулин А.А.* Суфизм. СПб., 1999.

Хлевов, 2002 — *Хлевов А.А.* Руны с горы Опук: возможные интерпретации // Скандинавские чтения 2000 г. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2002.

Хобсбаум, 1998 — *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998.

Хоз. строит. — Хозяйственное, советское и партийное строительство в Крыму. Б. м., 1929.

Хомяков, 1930 — *Хомяков А.* Подготовка национальных кадров. // ЭИК. 1930. № 2.

Хорошкевич, 1999 — *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым после падения ордынского ига: динамика трибутивных отношений // ОИ. 1999. № 2.

Хоскинг, 1994 — *Хоскинг Дж.* История Советского Союза 1917–1991. М., 1994.

Хрептович-Бутенева, 1984 — *Хрептович-Бутенева О.А.* Перелом (1939–1942). Париж, 1984.

Христианство, 1993 — Христианство. Энциклопедический словарь / Гл. ред. С.С. Аверинцев. М., 1993. Т. I–III.

Христофорова, 2001 — *Христофорова О.* Национальные стереотипы коммуникативного поведения и их влияние на межэтнические взаимодействия // Язык и этнический конфликт / Под ред. Марты Бритт Олкотт и Игоря Семёнова. М., 2001.

Худяков, 1991 — *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991.

Царевская, 1999 — *Царевская Т.В.* Крымская альтернатива Биробиджану и Палестине // ОИ. 1999. № 2.

Цветаева, 1979 — *Цветаева Г.А.* Боспор и Рим. М., 1979.

Цветков, 2006 — *Цветков В.* О белом деле, государственном праве, государственном бюджете и Государственной думе // Посев. 2006. № 8.

Цепин, 1991 — *Цепин С.* Кто убил Председателя? //А. 01.02.1991.

Ципко, 1990 — *Ципко А.С.* Насилие лжи, или Как заблудился призрак. М., 1990.

Ципко, 2011 — *Ципко А.* Кому и чему служит миф о «коммунистическом инстинкте» русского человека // НиЖ. 2011. № 3.

Ципко, 2011 «а» — *Ципко А.* Сначала был коммунизм, а потом — фашизм // НиЖ. 2011. № 7.

Ч-в, 1929 — *Ч-в М.* Месть вычищенных // Новая деревня. 30.05.1929.

Чапчакчи, 1926 — *Чапчакчи Х.* Рост татарского театра // КК. 04.12.1926.

Чауш, 1925 — Чауш. Татарский комсомол в Крыму (сборник). М., 1925.

Чебанова, 1998 — *Чебанова А.В.* Политическая обстановка в Крыму в 1920-е гг. // Культура народов Причерноморья. 1998. № 3.

Чеботарёва, 2003 — *Чеботарёва В.Г.* Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. М., 2003.

Чеботарёва, 2008 — *Чеботарёва В.Г.* Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М., 2008.

Чеглок, 1910 — *Чеглок А.* Красавица Таврида. М., 1910. Вып. 1–3.

Челеби, 2007 — *Челеби Дж.* Башташ язы. Историческая топонимика Крыма. Т. I. Красноперекопский район. Ч. I. Ак-Мечит, 2007.

Чепурина, 1927 — *Чепурина П.*[*Я.*] Евпаторийская Ханская Мечеть Джума-Джами (Хан-Джами). Евпатория, 1927.

Чепурина, 1938 — *Чепурина П.Я.* Орнаментное шитьё Крыма. М.; Л., 1938.

Червонная, 1994 — *Червонная С.М.* Искусство татар Крыма [препринт]. М., б. д.

Червонная, 2001 — *Червонная С.М.* Единство в языках, делах и вере: испытание временем // Ас-Алан. М., 2001. № 2.

Чередниченко, 1973 — *Чередниченко Н.Н.* История срубных племён Подонья. Киев., 1973.

Черкашин, 1994 — *Черкашин Г.А.* Крым сегодня: на пороге четвёртой великой миссии // Крымские известия. 16.06.1994.

Черкезова, 1999 — *Черкезова Э.* Усеин Боданинский (1877–1938) — художник, искусствовед, общественный деятель. Штрихи к портрету // ГК. 30.07.1999.

Чернобай, 2001 — *Чернобай И.Г.* Культура миндаля в Крыму // Пилигримы Крыма. Осень'2000. Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме. V Крымская международная конференция. Т. I–II. Симферополь, 2001.

Чернов, 2006 — *Чернов В.* В тени двуглавого дракона // Дело. 18.12.2006.

Чернышевский, 1935 — *Чернышевский Н.Г.* Рассказ о Крымской войне по Кинглеку. М., 1935.

Чернышевский, 1950 — *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений. М., 1949–1950.

Чернышёв, 1930 — *Чернышёв.* Причина эмиграции крымских татар в Турцию // Труды Общества изучения Татарстана. Казань, 1930.

Четыре года — Четыре года соввласти в Крыму. Симферополь, 1924.

Чёрное море, 1983 — Чёрное море. Сб. / Сост. А. Вылканов, Х. Данов, Х. Маринов, П. Владев. Пер. с болг. В.Д. Трифонова. Л., 1983.

Чирва, 1963 — *Чирва И.* Крым революционный. Киев, 1963.

Численность, 1923 — Численность сельского населения в Крыму // Бюллетень Крымского ЦСУ. 1923. № 2.

Чистякова, 1979 — *Чистякова Е.В.* Идея совместной обороны южных границ России и Польши в русской публицистике второй половины XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV — начале XVIII в. / Под ред. акад. Б.А. Рыбакова. М., 1979.

Чобан-заде, 2003 — *Чобан-заде Б.* Крымскотатарская литература новейшего периода / Под ред. Ш.Э. Юнусова, А.М. Куртсеитова. Симферополь, 2003.

Чонов, 2006 — *Чонов Е.* Калмыки в русской армии. XVII в., XVIII в. и 1812 г. Элиста, 2006.

Чореф, 1982 — *Чореф М.* Разгаданная через 20 лет // КП. 05.08.1982.

Чубаров, 2007 — *Чубаров Р.* Так выселяли Судак... // ГК. 2007. 18.05.2007.

Чугин, 1882 — *Чугин В.И.* Лечебные места Южного берега Крыма. Руководство для едущих в Крым. Ростов-на-Дону, 1882.

Чуднов, 1928 — *Чуднов М.* Крымский Октябрь. Симферополь, 1928.

Чуев, 2003 — *Чуев С.Г.* Спецслужбы III рейха. СПб., 2003. Кн. 1–2.

Чурлу, 2002 — *Чурлу М.* Крымскотатарский килим. Прошлое, настоящее и будущее // Этнография Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы и исследования / Отв. ред. М.А. Араджиони, Ю.Н. Лаптев. Симферополь, 2002.

Шабанов, 1988 — *Шабанов В.В.* Крестьянство в условиях военного коммунизма. М., 1988.

Шавшин, 1994 — *Шавшин В.Г.* Балаклава. Симферополь, 1994.

Шаліна, 1960 — *Шаліна К.І.* Боротьба за перемогу колгоспного ладу // Український історічний журнал. 1960. № 5.

Шамир, 2010 — *Шамир.* Страна сосны и оливы, или Неприметные прелести Святой земли. СПб., 2010.

Шаповалов, 1999 — *Шаповалов А.* Синан Великолепный // ГК. 29.01.1999.

Шарков, 1890 — *Шарков В.В.* Крым, его прошлое и настоящее. М., 1890.

Шатилов, 1857 — *Шатилов П.* Крымские татары. СПб., 1857.

Шаули, 2008 — *Шаули М.* «Война Гитлера изнурит Европу, которая потом станет нашей лёгкой добычей» // Клио (СПб.). 2008. № 3 (42).

Шафаревич, 1974 — *Шафаревич И.Р.* Есть ли у России будущее? // Из-под глыб. Париж, 1974.

Шафир, 1923 «а» — *Шафир Я.* Экономическая политика белых // Антанта и Врангель. Сб. статей. М.; Пг., 1923. Вып. 1.

Шафир, 1923 «б» — *Шафир Я.* Орловщина // Там же.

Шашко, 1931 — *Шашко И.* К вопросу о социалистической реконструкции и планировке городов // ЭИК. 1931. № 3.

Шебальский, 1868 — *Шебальский П.К.* Потёмкин и восстановление Новороссийского края // Сб. антропологических и этнографических статей о России. М., 1868.

Шевелев, 1844 — *Шевелев.* Предания о Старом-Перекопе и об основании Армянского–Базара // ЗООИД. 1844. Т. I.

Шевченко, 2001 — *Шевченко І.* Україна між Східом і Західом. Нариси з історії культури до початку XVIII століття / Пер. с англ. Марії Габлевич. Львів, 2001.

Шемьи-заде, 1999 — *Шемьи-заде А.* Год сорок первый и последующие // ГК. 17.12.1999.

Шемьи-заде, 2009 — *Шемьи-заде А.* Али Боданинский — организатор и управляющий делами национальной революции // ПО. 2009. № 15.

Шемьи-заде, 2010 — *Шемьи-заде А.* Женщины в крымскотатарской революции // ПО. 2010. № 14.

Шемякин, 1996 — *Шемякин Я.Г.* Выступление на обсуждении альманаха «Цивилизации и культуры» // В/О. 1996. № 1.

Шерфединов, 1979 — *Шерфединов Я.* Звучит кайтарма. Ташкент, 1979.

Шибицкая-Смольская, 1994 — *Шибицкая-Смольская А.М.* О пережитом // Крымские татары — Qirim-tatarlari. Минск, 1994.

Шильдер, 1905 — *Шильдер Н.К.* Император Александр I, его жизнь и царствование. В четырех томах. СПб., 1905. Т. IV.

Широкорад, 2000 — *Широкорад А.В.* Русско-турецкие войны 1676–1918 / Под общ. ред. А.Е. Тараса. Минск, 2000.

Широкорад, 2009 — *Широкорад А.* [*В.*] Время больших пушек. Битва за Ленинград и Севастополь. М., 2009.

Ши цзин, 1957 — Ши цзин /Издание А. Штукина, Н. Федоренко. М., 1957.

Шишкин, 1997 — *Шишкин В.А.* Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб., 1997.

Шмелёв, 1926 — *Шмелёв И.С.* Чёртов балаган // Возрождение (Paris). 1926. № 572.

Шмелёв, 1927 — *Шмелёв И.С.* Защитнику русского офицера Конради — г-ну Оберу как материал для дела // Последние новости (Paris). 09.09.1927.

Шмелёв, 1992 — *Шмелёв И.С.* Солнце мёртвых // С того берега. Писатели русского зарубежья о России. Произведения 20–30-х гг. / Сост., авт. вступ. статьи и справок об авторах И.А. Курамжина. М., 1992. Книга I.

Шмелёв, 2000 — «Иван Шмелёв: „Я сам был свидетелем“» // ЛГ. 9–15.02.2000.

Шнейдер, 1930 — *Шнейдер Д.С.* Балаклава. Симферополь, 1930.

Шпенглер, 2003 — *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. II. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. И.И. Маханькова. М., 2003.

Штакельберг, 1858 — Путеводитель от Крыма до Москвы в 3 частях. Сост. А. Штакельбергом. СПб., 1858. Ч. III.

Штамбок, 1968 — *Штамбок А.А.* Из царства Атея в Неаполь Скифский. М., 1968.

Штейнбах, 1927 — *Штейнбах Е.М.* Профсоюзное движение в Крыму. 1917–1927. Симферополь, 1927.

Штернберг, 1910 — *Штернберг Л.* Инородцы. Обший обзор // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия / Под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910.

Штраух, 1935 — *Штраух А.Н.* Чернышевский и восточный вопрос // Чернышевский Н.Г. Рассказ о Крымской войне по Кингелеку. М., 1935.

Штурман, 1992 — *Штурман Д.* Они — ведали // Новый мир. 1992. № 4.

Шульц, 1957 — *Шульц П.Н.* Исследования Неаполя Скифского // История и археология Крыма. Киев, 1957.

Шульц, 1959 — *Шульц П.Н.* О некоторых вопросах истории тавров // Проблемы истории Северного Причерноморья. М., 1959.

Шуранова, 1996 — *Шуранова Е.Н.* Роль местных органов власти Крым АССР в лишении граждан избирательных прав // Проблемы политической истории Крыма: итоги и перспективы. Симферополь, 1996.

Шутой, 1959 — *Шутой В.Е.* Позиция Турции в годы Северной войны 1700–1709 гг. // Полтавская победа. М., 1959.

Шапов, 1879 — История русской женщины С.С. Шапова. СПб., 1879.

Щеглов, 1976 — *Щеглов А.Н.* Полис и хора. Симферополь, 1976.

Щеглов, 1978 — *Щеглов А.Н.* Северо-западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.

Щеколдин, 1993 — *Щеколдин С.Г.* Как мы спасали Алупкинский дворец-музей // Къырым. 09.10.1993.

Щепетов, 1886 — *Щепетов В.А.* О питании татар Южного берега Крыма. СПб., 1886.

Щепинский, 1966 — *Щепинский А.А.* Во тьме веков. Симферополь, 1966.

Щепиньский, 1977 «а» — *Щепиньский А.О.* Населення Південного берега Криму в епоху ранього зализа // Археологія. 1977. № 21.

Щепіньский, 1977 «б» — *Щепіньский А.О.* Скарби сарматськоі знаті // Вісник АН УРСР. 1977. № 10.

Щербаков, Рагацкин, 1939 — *Щербаков М., Рагацкин С.* Крымская АССР. Симферополь, 1939.

Щербань, 1860 — *Щербань Н.* Переселение крымских татар // Русский Вестник. 1860. № 30.

Щербина, 1910 — *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т. I.

Эварницкий, 1895 — *Эварницкий Д.И.* История запорожских казаков. СПб., 1895. Т. I–III.

Эко, 2007 — *Эко У.* Остров накануне. М., 2007.

Эмирова, 1999 — *Эмирова А.* Ещё раз о крымскотатарском литературном языке // ГК. 12.03.1999.

Энц. слов. — Советский энциклопедический словарь. М., 1982.

Эр, 1885 — *Эр А.* Из Крыма о Крыме // Новороссийский телеграф. 30.01.1885.

Эренбург, 2004 — *Эренбург И.Г.* Война. М., 2004.

Эттингер, 1972 — Очерки по истории еврейского народа / Под ред. С. Эттингер. Тель-Авив, 1972.

Югов, 1923 — *Югов А.* Дорогой экспортёр // СВ. 1923. № 17/18.

Югош, 2007 — *Югош Р.Н.* К вопросу о прусско-крымских переговорах 1761–1762 гг. // http: turkolog. narod.ru/info/1175.htm

Юнг, 1991 — *Юнг К.Г.* Архетип и Символ. М., 1991.

Юнг, 1998 — *Юнг К.Г.* Психология бессознательного. М., 1998.

Юнусов, 1999 — *Юнусов Ш.* Крымскотатарская поэзия 1920-х гг. как предвестница социально-политических изменений // ГК. 08.10.1999.

Юрочкин, 1999 — *Юрочкин В.Ю.* Боспор и православное начало у готов // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999.

Юртэр, 1955 — *Юртэр Ф.Р.* Тарихий акъикъатлар къыйыштырыл майып халкъкъа еткизильмели // Йылдыз. 1955. № 2.

Яблонский, 2000 — *Яблонский Л.Т.* О происхождении скифской культуры Причерноморья // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э. Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.

Ядыкин, 1993 — *Ядыкин В.И.* Изображение Умай в святилище урочища Кизил-Коба // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. 3.

Якобсон, 1964 — *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М., 1964.

Якобсон, 1973 — *Якобсон А.Л.* Крым в Средние века. М., 1973.

Яковенко, 1963 — *Яковенко Я.И.* Критика исторического опыта // Знание — сила. 1993. № 6.

Яковенко, 1995 — *Яковенко И.* Варварство как норма жизни. Полемические заметки о российской цивилизации // Родина. 1995. № 8.

Яковенко, 1996 — *Яковенко И.* Противостояние как форма диалога // Знание — сила. 1996. № 2.

Яковлев, 1997 — *Яковлев А.* У большого террора свой юбилей // ОГ. 14–20.08.1997.

Яковлев, 1894 — Биографии Де-Рибаса, Ришелье и Воронцова / Сост. проф. В.А. Яковлевым. Одесса, 1894.

Яковлев, 1925 — *Яковлев Я.* Из уроков перевыборов // Сельсоветы и волисполкомы. М., 1925.

Ялта–45 — Ялта–45. Начертания нового мира / Отв. ред. Н.А. Нарочницкая. М., 2010.

Янов, 1999 — *Янов А.Л.* Россия против России. Очерки истории русского национализма. 1825–1921. Новосибирск, 1999.

Янсон, 1870 — Крым, его хлебопашество и хлебная торговля Ю. Янсона. СПб., 1870.

Янушевич, 1986 — *Янушевич Э.В.* Культурные растения Северного Причерноморья. Кишинёв, 1986.

Яхшиян, 1996 — *Яхшиян О.Ю.* Собственность в менталитете русских крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. М., 1996.

Яшлавская, 2000 — *Яшлавская А.* «Судьба была ко мне благосклонна...» // ГК. 05.05.2000.

Ящуржинский, 1912 — *Ящуржинский Х.* Южнорусские плотники в Крыму // ИТУАК. 1912. № 47.

Adam, 2002 — *Adam V.* Rußlandmuslime in Istanbul am Vorabend des Ersten Weltkrieges. Die Berichtschtattung osmanischen Periodika über Rußland und Zentralasien // Heidelberger Studien zur Geschichte und Kultur des modernen Vorderen Orients. B. 29. Frankfurt-am-Main, 2002.

Adelung, 1817 — *Adelung J.Ch.* Mitridates oder allgemeine Sprachkunde. Bd. IV. Berlin, 1817.

Adlerfeldt, 1919 — *Adlerfeldt C.* Karl XII's Krigsföretag. Stockholm, 1919.

Allworth, 1988 — Tatars of the Crimea. Their Struggle for Survival. Edit. Edward Allworth. Durham and London, 1988.

Ambros, 1981 — *Ambros A.A.* Historisches Islam — zeitloser Islam // Kultur des Islam. Referate einer Vortragsreihe an der Osterreichische Nationalbibliothek 16–17 Juni 1980. Wien, 1981.

Ammende, 1935 — *Ammende E.* Muss Russland hungern? Menschen- und Völkerschicksale in der Sowietunion. Wien, 1935.

Andrews, 1979 — *Andrews D.* Moscow and Crimea in the 13th and 15th cent. // Archeion Pontou. Vol. 35. Athens, 1979.

Ascherson, 1996 — *Ascherson N.* Black Sea. The Birthplace of Civilisation and Barbarism. London, 1996.

Backman, 1940 — *Backman S.* Från Rawicz till Fraustadt. Studier i det stora nordiska krigets diplomati 1704–1706. Lund, 1940.

Baert (Baert-Ducholant), 1797 — Mémoires historiques et géographiques sur les pays situés entre la Mer Noire et la Mer Caspienne; contenant des details nouveaux sur les peuples que les habitent... par le C. Baert. Paris, 1797.

Bagger, 1974 — *Bagger H.* Ruslands alliancepolitik efter freden i Nystad // Københavns universitets Slaviske institut. Studier 4. København, 1974.

Barker, 1855 — A short historical Account of the Crimea from the earliest Ages and during the Russian Occupation by W. Burckhardt Barker. London, 1855.

Becattini, 1783 — Storia della piccola Tartaria, peninsola di Crimea, et altre Provincie circonvicine soggetto delle regenti vertenze tra la Russia et la Porta Ottomana con un esatto ragguaglio dello usanze, costumi di quo' Popoli ultime loro vicende, e produzioni del Paese inservienti al commercio d'Europa di Francesco Becattini Ac. Ap. Napoli, 1783.

Bennigsen, Lemercier-Quelquejay, 1967 — *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch.* Islam in the Soviet Union. London, 1967.

Bennigsen, Lemercier-Quelquejay, 1986 — *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch.* Sultan Galiev, le père de réevolution tiers-mondiste. Paris, 1986.

Bennigsen, 1992 — *Bennigsen A.* Sultan Galiev, the USSR and the Colonial Revolution // The «Nationality» Question in the Soviet Union / Edit. Gail Lapidus. New York, 1992.

Benz, 1958 — *Benz E.* Der dreifache Aspekt des Übermenschen // Eranos Jahrbuch. 1958. Zürich, 1960.

Berindei, Veinstein, 1979 — *Berindei V., Veinstein G.* La présence ottomane au sud da la Crimée en mer d'Azow dans premieèe moitié du XVI-e siècle // Cahiers du Monde russe et soviétique. Vol. 20. 1979.

Bossoli, 1856 — *Bossoli C.* The Beautiful Scenery and Chief Places of Interest Throghout the Crimea. London, 1856.

Brandes, Sundhausen, 2010 — *Brandes D., Sundhausen H.* Lexikon der Vertreibungen. Deportation, Zwangsaussiedlung und etnische Säuberung im Europa des 20. Jahrhunderts. Wien, Köln, Weimar, 2010.

Braun, 1890 — *Braun F.* Die letzte Schicksale der Krimgoten SPb., 1890.

Broby-Johansen, 1953 — *Broby-Johansen R.* Hverdagskunst — Verdenskunst. København, 1953.

Brockhaus, 1966 — Brockhaus Encyklopaedie in zwanzig Bänden. Wiesbaden, 1966–1974.

Brower, 2003 — *Brower D.* Turkestan and the fate of the Russian Empire. London, New-York, 2003.

Büsching, 1785 — A.F. Büschings grosse Erdbeschreibung. Vierter Bind. Das asiatische Rußland und die krimische Tatarei. Troppau, 1785.

Butland, 1849 — Tales of tne Crimea. Pirates of The Black Sea by G.W.T. Butland. Odessa, 1849.

Cahen, 1913 — *Cahen C.* Djizya // Encyclopédie de l'Islam. Vol. 13. Leiden-London, 1913.

Canale, 1855 — Della Crimea del suo commercio e dei suoi dominatori dalle origini fino ai di nostri. Commentari storici dell'avvocato Michele Guiseppe Canale. Vv. I–III. Genova, 1855.

Carlson, 1910 — *Carlson E.* Sveriges historia under Karl den Tolftes regering // Sveriges historia under konungarne af Pfalziska huset. Bd. VIII. Stockholm, 1910.

Castelnau, 1820 — [le Marquis Gabriel de Castelnau] Essai sur l'Histoire ancienne et moderne de la nouvelle Russie. Vv. I–III. Paris, 1820.

Ciobanu, 1984 — *Ciobanu V.* Les pays Roumains au seuil du 18-e siècle. Charles XII et les Roumains. Bucarest, 1984.

Clarke, 1810 — Travels in various countries of Europa, Asia and Africa by Edward Daniel Clarke LL.D. Part I. Russian Tartary and Turkey. London, 1810.

Connermann, 1998 — *Connermann S.* Expansionpolitik im Zeichen des Aufgeklärten Absolutismus, Katarina II. und die Krimtataren // Russland zur Zeit Katharinas II. Köln, Weimar, Wien, 1998.

Dallin, 1957 — *Dallin A.* German Rule in Russia 1941–1945. London, 1957.

Dankoff, 2006 — *Dankoff R.* An Ottoman Mentality. Thr World of Evliya çelebi. Leiden — Boston, 2006.

Davidson, 1966 — *Davidson B.* Vom Sklavenhandel zur Kolonisierung. Hamburg, 1966.

Demand, 2002 — *Demand A.* Über allen Wipfeln. Der Baum in der Kulturgeschichte. Köln, Weimar, Wien, 2002.

Die Krim, 1855 — Die Krim. Ihre Geschichte und Geographischstaatliche Beschreibung... Leipzig, 1855.

Dlujnevskaya, Kırımlı, Vasilyev, 2006 — *Dlujnevskaya G.V., Kırımlı H., Vasilyev D.D.* Eski fotoğraflarda bir zamanlar Kırım. Ankara, 2006.

Doroszewska, 1995 — *Doroszewska U.* Sevastopol — City of Russian Glory // Uncaptive Minds. 1995. № 5.

Droysen, 1958 — *Droysen J.G.* Historik. München, 1958.

Dubois, 1843 — *Dubois de Montpéreus F.* Voyage au Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colhide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Atlas. II. Série pittoresque. Neuchatel; Paris, 1843.

Eck, 1940 — Mittelmeer. Dunkle Blätter europäischer Geschichte von Otto Eck. München — Berlin, 1940.

Engelhardt, Parrot, 1815 — Reise in die Krym und den Kaukasus von Moritz von Engelhardt und Friedrich Parrot, Dr. Med. Mit Kupfern und Karten. Bd. I. Berlin, 1815.

Englund, 1988 — *Englund P.* Poltava. Berättelsen on en arméns undergång. Stockholm, 1988.

Ernst, 1911 — Die Beziehungen Moskaus zu den Tataren der Krym unter Iwan III und Vasilij III. 1474–1519. Inauguration-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde... von Nikolaus Karl Ernst. Berlin, 1911.

Famin, 1835 — Die Krim von Cäsar Famin, vormaligen Consular Agenten, Mitglied mehrerer gelehrter Gesellschaften. Stuttgart, 1835.

Famin, 1846 — La Crimée par M. Cesar Famin // Russie par M. Chopin. T. II, Paris, 1846.

Fevret, 1907 — Les Tatars de Crimée // Revue du monde musulman, 1907, Vol. III.

Fisher, 1970 — *Fisher A.W.* The Russian Annexation of the Crimea 1772–1783. Cambridge, 1970.

Fisher, 1872 — *Fisher A.W.* Muscovy and the Black Sea Slave Trade // Canadian-American Slavic Studies. Vol. 6. 1972.

Fisher, 1978 — *Fisher A.W.* The Crimean Tatars. Stanford, 1978.

Fleischhauer, 1983 — *Fleischhauer I.* Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion // Schriftenreihe der Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. № 46. Stuttgart, 1983.

Fleischhauer, 1986 — *Fleischhauer I.* Die Chanse des Sonderfriedens. Deutsch-sowjetische Geheimgespräche 1941–1945. Berlin, 1986.

Frauenfeld, 1978 — *Frauenfeld A.E.* „Und trage keine Reu". Vom Viener Gauleiter zum Generalkomissar der Krim. Erinnerungen und Aufzeichnungen. Leoni am Starnberger See. 1978.

Fück, 1981 — *Fück J.* Arabische Kultur und Islam im Mittelalter. Ausgewählte Schriften. Weimar, 1981.

Gerner, 1980 — *Gerner K.* Arvet från det förflutna. Stockholm, 1980.

Golan, 1990 — *Golan G.* Soviet Policies in the Middle East from World War Two to Gorbachev. Cambridge, 1990.

Golubovich, 1913 — *Golubovich G.* Bibliotheca bio-bibliographica della Terra Santa e dell'Oriente francescano. Vol. 2. Qarecci, 1913.

Grønvik, 1983 — *Grønvik O.* Die dialektographische Stellung des Krimgotischen und die krimische Cantilena. Oslo–Bergen–Stavanger–Tromsø, 1983.

Gülsen hayallari, 1999 — Gülsen hayallari (Грёзы розового сада. Из средневековой крымскотатарской классической поэзии) / Сост., предисл. и коммент. Наримана Абдульваапа. Перевод Сергея Дружинина. Художник Зарема Трасинова. Симферополь, 1999.

Haberkern, Wallach, 1972 — *Haberkern E., Wallach J.F.* Hilfswörterbuch für Historiker. Bd. I–II. München, 1972.

Halem, 1803 — Lebensbeschreibung des Russisch-Kaiserlichen General-Feldmarschalls B.C. Grafen von Münnich. Von Gerh. Ant. von Halem. Oldenburg, 1803.

Hammer, 1810 — Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist, die Mongolen im Ruszland von Hammer. Pest, 1810.

Hammer-Purgstall, 1831 — *Hammer-Purgstall J.* Geschichte des Osmanisches Reiches. Bd. VII. Pesth, 1831.

Harnack, 1906 — *Harnack A.* Mission und Ausbreitung des Christentums in die ersten drei Jahrhunderten. Leipzig, 1906.

Harris — Harris G. The Soviet Union and Turkey // The Soviet Union and the Middle East. The Post-World War II Era. Stanford, 1974.

Haxthausen, 1847 — *Haxthausen A.* Freiherr von. Studien über die inneren Zustande, des Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Th. II. Hannover, 1847.

Henderson, 1826 — Biblical Researches and Travels in Russia including a Tour in the Crimea and the Passage of the Caucasus with Observations... By E. Henderson. London, 1826.

Herbert, 1986 — *Herbert U.* Fremdarbeiter. Politik und Praxis des „Ausländer-Einsatzes" in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches. Berlin-Bonn, 1986.

Herlitz, 1916 — *Herlitz N.* Från Thorn till Altranstädt. Stockholm, 1916.

Hildemeier, 2003 — *Hildermeier M.* Traditionen «aufgeklärter» Politik in Rußland // HZ. 2003. Bd. 276. Heft 1.

Hurmuzaki, 1878 — *Hurmuzaki E.* Documente privitore de la istoria Romanilor. Vol. VI. Bucuresci, 1878.

Hutchings, 1979 — *Hutchings R.* Soviet Economic Development. Oxford, 1979.

Høst, 1971 — *Høst G.* Spuren der Goten in Osten // Norwegian Journal of Linguistics. 1971. № 25.

Isik, 1970 — *Isik H.H.* The Religion Reforms in Islam. Istanbul, 1970.

Islam, 1991 — *Kromi A.T., Hagemann L., Heine P.* Islam-Lexikon. Bb. –III. Freiburg — Basel — Wien, 1991.

Islam, 1996 — Der Islam in den Gegenwart. Herausgegeben von W. Ende und U.Steinbach. München, 1996.

Ivanics, 2007 — *Ivanics M.* Ensclavement, slave labour and the treatment of captives in the Crimean khanate // Ransom Slavery along the Ottoman Borders (early fifteenth — early eighteenth Centuries) / Edit. by G. David, P. Fodor. Leiden — Boston, 2007.

Ivanics, 2008 — *Ivanics M.* Krimtatarische Spionage im osmanisch-habsburgischen Grenzgebiet während des Feldzuges im Jahre 1663 // Acta Orientalia Academiae Scientarum Hungaricae. Vol. 61 (1–2). 2008.

İnalcık, 1994 — *İnalcık H.* The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600. London, 1994.

Jasny, 1949 — *Jasny N.* The Socialist Agriculture of the USSR. Stanford, 1949.

Jensen, 1992 — *Jensen B.* Den ny Ruslandshistorie. København, 1992.

Jorga, 1911 — Geschichte des Osmanischen Reiches nach den Quellen dargestellt von N. Jorga, Professor an den Universität Bukarest. B. I–V. Gotha, 1911.

Jung, 1979 — *Jung C.G.* Collected Works. Vv. I–XVII. Princeton, 1953–1979.

Kantemir, 1745 — *Kantemir D.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Hamburg, 1745.

Kappeler A. Die griechische Diaspora im Zarenreich // Griechische Kultur in Südosteuropa in der Neuzeit. Beiträge zum Symposium in memoriam Gunnar Hering / Herausgegeben von Maria A. Stassinopoulou — Ioannis Zelepos. Wien, 2008.

Karayandi, 2006 — *Karayandi F.* Cqyhan ve yöresindeki. Kırım tatarları ve nogaylar. Adana, 2006.

Kardis, 1986 — *Kardis V.* The Mariupol Greeks: Tsarist Treatment of an Ethnic Minority ca. 1778–1859 // Journal of Modern Hellenism. Vol. 3. 1986.

Kern, 1938 — *Kern A.* Der „Libellus de notita orbis" Johannes III (de Galofontibus) OP, Erzbischof von Sultanien // Archivum Fratrum Praedicatorum. Vol. 8. Roma, 1938.

Khodarkovsky, 1992 — *Khodarkovsky M.* Where Two Worlds Met. The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. Ithaca, 1992.

King, 2004 — *King Ch.* The Black Sea. A History. Oxford (N.Y.), 2004.

King, 1788 — Bemerkungen über Russland und die Krimm, nebst Bemerkungen über das Klima von Rußland von J.G. King, Dr. der Gottesgelehrtheit. Leipzig, 1788.

Kırımal, 1952 — *Kırımal E.* Der nationale Kampf der Krimtürken mit besonderen Berücksichtigung der Jahre 1917–1918. Emsdetten, 1952.

Kırımal, 1970 — *Kırımal E.* The Crimean Tatars // Studies on the Soviet Union. Vol. 10. № 1. 1970.

Klein, 1967 — *Klein K.K.* Gotenprimas Wulfila als Bischof und Missionär // Festschrift für Bischof F. Müller. Stuttgart, 1967.

Koromila, 1991 — *Koromila M.* The Greeks in the Black Sea. Athens, 1991.

Korpela, 2010 — *Korpela J.* Prisoners of Finnic Backwoods in late medieval Swedish and Russian Sourses // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде / Танненберге). Материалы международной научной конференции. СПб., 2010.

Kraemer, 1984 — *Kraemer J.* Humanism in the Renaissance of Islam // Journal of American Orient Society. Baltimore, 1984. Vol. 104. № 1.

Kurat, 1939 — *Kurat A.N.* Prutfelttåget och Prutfreden 1711 // Karolinska Förbundets Årsbok. Stockholm, 1939.

Kurat, 1943 — *Kurat A.N.* İsveç kirali XII Karl'in Türkiyede kalisi ve bu siralarda Osmanlı imperatorluğu. İstanbul, 1943.

Kurat, 1951 — *Kurat A.N.* Prut seferi ve barisi. C. 1–2. Ankara, 1951–1953.

Kurat, 1961 — *Kurat A.N.* The Turkish Expedition to Astrakhan' in 1569 and the Problem of the Don–Volga Canal // The Slavonic and East European Review. Vol. 60. № 94. December 1961.

Lazzerini, 1997 — *Lazzerini E.J.* Local Accomodation and Resistance to Colonialism in Ninteenth-Century Crimea // Russia's Orient. Imperial Borderlands and peoples, 1700–1917. Bloomington and Indianapolis, 1997.

Lechevalier, 1801 — Reise durch Propontis und Pontus Euxinus; von J.B. Lechevalier. Liegnitz und Leipzig, 1801.

Lemercier-Quelquejay, 1972 — *Lemercier-Quelquejay Ch.* Les expeditions de Devlet-Giray contre Moscou en 1571 et 1572 // Cahiers du monde russe et soviétique. Paris, 1972. Vol. 13. № 4.

Lewin, 1968 — *Lewin M.* Russian Peasants and Soviet Power. A Study of Collectivisation. London, 1968.

Lewis, 1961 — *Lewis B.* The Emergence of Modern Turkey. Oxford, 1961.

Lewitzkyj, 1970 — *Lewitzkyj B.* Die Sowjetische Nationalitätenpolitik nach Stalins Tod (1953–1970). München, 1970.

Loewe, 1896 — Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere. Eine Ethnologische Untersuchung von Dr. Richard Loewe. Halle, 1896.

Lotman, 1995 — *Lotman Ju.* Zeiten der Wirren // Lettre Internationale. St. Peterburg, 1995. № 3.

Lynch, 1969 — *Lynch D.* The Conquest, Serttlement and initial Development of New Russia. New Haven: Yale University Press. 1969.

Lynne, 2007 — *Lynne Viola.* The Unknown Gulag. The Lost World of Stalin's Special Settlements. Oxford, New York, 2007.

Matuz, 1976 — *Matuz J.* Krimtatarische Urkunden im Reichsarchiv zu Kopenhagen. Mit historisch-diplomatischen und schprachlichen Untersuchungen. Freiburg, 1976.

Mazal, 1981 — *Mazal O.* Byzanz und der Islam // Kultur der Islam. Referate einer Vortragsreihe... Wien, 1981.

Mazour, 1961 — *Mazour A.G.* Soviet Economic Development. Princeton, 1961.

Milner, 1855 — The Crimea, its Ancient and Modern History: the Khans, the Sultans and the Czars with Notices of its Scenery and Population by The Rev. Thos Milner, M.A.F.R.A.S. London, 1855.

Müller, 1991 — *Müller R.-D.* Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Frankfurt am Main, 1991.

Nilsson, 1953 — *Nilsson S.A.* De svensk-turkiska förbindelserna före Poltava // Scandia. Bd. XXII, h. 2. Stockholm — København — Oslo, 1953–1954.

Nolde, 1952 — *Nolde B.* La formation de l'Empire Russe. Vol. 2. Paris, 1952.

Nordberg, 1745 — *Nordberg G.A.* Leben Karl des Zwölften, Königs in Schweden, mit Münzen und Küpfern. Bb. I–II. Hamburg, 1745–1746.

Nove, 1964 — *Nove A.B.* Ideology and Agriculture // Soviet Studies. 1964. № 4.

Nyström, 1937 — *Nyström P.* Mercatura Ruthenica // Scandia, 1937.

Obolensky, 1971 — *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. London, 1971.

Olifant, 1853 — The Russian Shores of the Black Sea in the Autumn of the 1853 with Voyage down the Volga, and a Tour through the Country of the Don Cossacks by Laurence Olifant. Edinburg and London, 1853.

Oredsson, Andersson, 1995 — *Oredsson S., Andersson L.* I historiens spegel. Göteborg, 1995.

Oxenstjerne, 1945 — *Oxenstjerne E.C.G.* Die Urheimat der Goten. Leipzig, 1945.

Öztum, 1967 — *Öztum T.* Yılmaz. Türkiye Tarihi. XI cilt. Ankara, 1967.

Pahimeris, 1835 — Georgii Pahimeris De Michaela et Andronico Paleologis libri XIII. Rec. Bekkerus J. Vol. 1. Bonnae, 1835.

Pallas, 1801 — *Pallas P.S.* Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1793. Bd. I–II. Zweiter Band. Leipzig, 1801.

Pegolotti, 1936 — La pratica della mercatura de F.B.Pegolotti. / Edit. by A. Evans. Cambridge, Mass., 1936.

Politikens — См. Ruslandshistorie.

Qrim, 1994 — Qrim tatarlari. Крымские татары. 1944–1994. Minsk, 1994.

Raeff, 1972 — *Raeff M.* In the Imperial Manner // Catherine the Great. A Profil. New York, 1972.

Rasmussen, 1973 — *Rasmussen K.* Die livländische Krise 1554–1561 // Københavns Universitets Slaviske institute. Studier 1. København, 1971.

Raupach, 1964 — *Raupach H.* Geschichte der Sowjetwirtschaft. Hamburg, 1964.

Refik, 1919 — *Refik A.* Baltadjy Mehemet Pascha och Peter den Store 1711–1911. Översättning av K.V. Zettersteen // Karolinska Förbundets Årsbok, 1919.

Remy, 1972 — Die Krim in ethnographischer, landschaftlicher und hygienischer Beziehung. Dem grossen reisenden Publikum ein Wandergefährde von F. Remy. Odessa u. Leipzig, 1872.

Rosenberg-Reval, 1922 — Pest in Rußland! Der Bolschewismus, seine Häupter, Handlanger und Opfer von Alfred Rosenberg-Reval. München, 1922.

Rosenfeldt, 1979 — Sovjetunionens historie 1917–1970. En forskningsoversigt. Under red. af N.E.Rosenfeldt // Problemer i Ruslands og Sovjetunionens historie. Bog 1. København, 1979.

Rueckert, 1875 — *Rueckert H.* Lehrbuch der Weltgeschichte in organischen Darstellung. Leipzig, 1875.

Runciman, 1970 — *Runciman C.* Das Patriarchat von Konstantinopel vom Vorabend der türkischen Eroberung bis zum Griechischen Unabhängigheitskrieg. München, 1970.

Ruslandshistorie, 1983 — Politikens Ruslandshistorie / S.Å. Christensen, K. Rasmussen, H. Bagger, B. Nørretranders, N.E. Rosenfeldt, C. Pape. Bb. I–III. København, 1983.

Salomon, 1935 — *Salomon R.* La politique orientale de Vergennes. Paris, 1935.

Sapsal, 1928 — *Sapsal S.* Kirim Karaim Türkleri, Türk yuli. Istanbul, 1929.

Sauppe, 1855 — Skizzen aus der Geschichte der Krim von Hermann Sauppe. Weimar, 1855.

Schapiro, 1970 — *Schapiro L.* The Communist Party of the Soviet Union. London, 1970.

Schlechta-Wssehrd, 1863 — Walachei, Moldau, Bessarabien, die Krim, Taman und Asow (in der Mitte des vorigen Jahrhunderts). Ein topographisch-etnographischer Beitrag zur Kenntnis der damaligen Türkei. Aus dem Türkischen übertragen von Ottokar Freiherr von Schlechta-Wssehrd. Wien, 1863.

Schmidt-Phiseldek, 1784 — *Schmidt, genannt Phiseldek, Ch.* Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peter des Großen. Bb. I–II. Riga, 1777–1784.

Schwindlin,1772 — *Schwindlin J.Ch.* Geschichte des gegenwärtiges Krieges zwischen Russland, Polen und der Ottomanischen Pforte. Th. XV. Frankfurt und Leipzig, 1772.

Sejdamet, 1994 — *Sejdamet Dz.* Wprowadzenie do pracy E. Kirimala „Narodowa wojna krymskich Turkow" // Rocznik Tatarow polskich. T. II. Gdansk, 1994.

Seres, 2010 — *Seres I.* A Crimean Tatar variant of the *Ćora Batir* Epic // Acta Orientalia Academiae scientarum Hungaricae. Vol. 63. № 2. June 2010.

Shiva, 1995 — *Shiva V.* Die Freiheit der Samens // Lettre International, Berlin, 1995. № 3.

Soukkan, 1985 — *Soukkan T.* Ett tatarisk lokalsamhälle i Sverige // Svenska forskningsinstitut i Istambul. Meddelanden. Istanbul, 1985, № 10.

Spuler, 1943 — Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland 1223–1505 von Bertold Spuler. Leipzig, 1943.

Steinberg, 1974 — *Steinberg I.* Gewalt und Terror in der Revolution. Berlin, 1974.

Stille, 1918 — *Stille A.* Karl XII och Porten 1707–1711 // Karl XII. Till 200-års dagen av hans död, utg. av S.E. Bring. Stockholm, 1918.

Sulzberger, 1983 — *Sulzberger E.* Such a Peace: The Roots and Aches of Yalta. New York, 1982.

Suny, 1998 — *Suny R.G.* The Soviet Experiment. Russia and the USSR and the Successor States. New York, Oxford, 1998.

Sutton, 1953 — The Despatches of Sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinopol (1710–1711). London, 1953.

Tengberg, 1953 — *Tengberg E.* Från Poltava till Bender. En studie I Karl XII:s turkiska politik 1709–1713. Lund, 1953.

Thieme, Beck, 1977 — *Thieme T., Beck I.* La cattedrale normanna di Cefalu // Analecta Romana Instituti Danici VIII. Supplementum. Odense, 1977.

Tomaschek, 1881 — *Tomaschek W.* Die Goten in Taurien. Wien, 1881.

Tomaschitz, 2007 — *Tomaschitz K.* Die literarische Evidenz zu den Kelteneinfällen in frühhellinistische Zeit // Kelten-Einfälle an der Donau. Akten der Vierten Symposiums deutschsprachiger Keltologinnen und Keltologen. Wien, 2007.

Truhart, 1986 — *Truhart P.* Regenten der Nationen. Systematische Chronologie der Staaten und ihrer politischen Repräsentanten in Vergangenheit und Gegenwart. München-London-New York-Oxford-Paris, 1986.

Tzvetkov, 1993 — *Tzvetkov P.* A History of the Balkans. Vol. 1. San Francisco, 1993.

Ulam, 1973 — *Ulam A.B.* Stalin. The Man and his Era. London, 1973.

Verlinden, 1947 — *Verlinden Ch.* Esclavage et ethnographie sur les bords de la Mer Noire (XIII et XIV siècles) // Miscellania historica in honorem L. Van Eisen. Vol 1. Brussel-Paris, 1947.

Villeneuve, 1853 — Album historoque et pittoresque de la Tauride, par E. de Villeneuve, Conservateure du Musée de Theéodosie. Paris, 1853.

Villius, 1951 — *Villius H.* Karl XII's ryska fälttåg. Lund, 1951.

Vischer, 1938 — *Vischer M.* Münnich. Ingeneur / Feldherr / Hochverräter. Frankfurt-am-Main, 1938.

Weber, 1739 — [*Weber F.Chr.*] Das Veränderten Russlandes Zweyter Theil, Worinnen die Folge derjenigen wichtigen Veränderungen, welche der Russische Kayser Petrus der Erste zur Aufname seines Reichs in allen Ständen vorgenommen, auch die seit Anno 1721 bis an seinen Tod vorgefallen Merckwürdigsten Begebenheiten, Nebst einer Gründlichen Nachricht seines in Persien vorgenommenen Feldzuges und aller dahin gehörigen Orientalischen geheimen Staats-Geschäffte, enthalten ist. Mit Kupfern. Mit hoher Obrigkeitlicher Erlaubniss aufgesetzet durch den Verfasser des Ersten Theils. Hannover, 1739.

Williams, 2001 — *Williams B.G.* The Crimean Tatars. The Diaspora Experience and the Forging of a Nation. Leiden — Boston — Köln, 2001.

Willis, 1787 — A short Account of the Ancient and the Modern State of Crim-Tartary; and of the Imports and Exports at the different MaritimeTowns on the Coast of the Black Sea... by Richard Willis. London, 1787.

Wolf, 1982 — *Wolf E.R.* Europe and the People without History. Berkeley, Los Angeles, London, 1982.

Wood, 1896 — *Wood E.* The Crimea in 1854 and 1894. London, 1896.

Wulff, 1978 — *Wulff W.E.* Ethnopsychiatrie — Seelische Krankheit: ein Spiegel der Kultur. Wiesbaden, 1978.

Zerr, 1912 — Tauriens Vergangenheit und Gegenwart in Wort und Bild von Anton von Padua. Johannes Zerr, weil. Bischof von Tiraspol. Odessa, 1912.

Zettersteen, 1945 — *Zettersteen K.V.* Türkische, tatarische und persische Urkunden in schwedischen Reichsarchiv. Uppsala, 1945.

Zinkeisen, 1856 — *Zinkeisen J.W.* Geschichte des Osmanisches Reiches in Europa. Bd. V. Gotha, 1856.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А — Авдет (газета, Симферополь)
АиАс — Азия и Африка сегодня (журнал, М.).
АиПМК — Анализ и прогноз межнациональных конфликтов в России и СНГ (Ежегодник. М.).
АП — Алкаун — Пространство (журнал, М.).
АЮЗР — Архив Южной и Западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов, состоящий при киевском, подольском и волынском генерал-губернаторе. Киев, 1908.
Б — Борьба (газета, М.).
БК — Биз — къырымларныз! Мы — крымцы! / Сост. Н. Абдулла, И. Иззедин. Симферополь, 2006.
БКМАИ — Бумаги кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. / Собр. и изд. под ред. А.Н. Филиппова. Т. I–XII // Сб. РИО. № 104–146. Юрьев, 1898–1915.
БМЭ — Большая медицинская энциклопедия.
Борьба — Борьба (газета, Старый Крым).
БСЭ–I — Большая советская энциклопедия, 1-е изд. Т. I–XXXVI. М., 1929–1947.
БСЭ–III — Большая советская энциклопедия, 3-е изд. Т. I–XXX. М., 1978.
ВДИ — Вестник древней истории (журнал АН СССР, РАН).
ВИА — Военно-историческая антропология (ежегодник, М.).
В/О — Восток / Oriens. Афро-азиатские общества: история и современность (журнал АН СССР, РАН).
ГААРК — Государственный архив Автономной Республики Крым (Симферополь).
ГК — Голос Крыма (газета, Симферополь).
ГКо — Голос Крыма (газета, орган Симферопольского городского управления, 1941–1944 гг.).
ГТ — Голос татар (газета, Симферополь).
ДТ — Дорогой тысячелетий. Экскурсии по средневековому Крыму. Симферополь, 1966.
Дело — Дело. Аналитический еженедельник. СПб.
ЕД — Ени Дунья (газета, Симферополь).
ЕСЮ — Еженедельник советской юстиции (журнал, М.).
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения (СПб.).
ЗВУ — За высокий урожай (газета, Джанкой).
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1844–1917. Т. I–XXXII.
ИАК — Известия Археографической комиссии АН СССР (М.).
ИГАМК — Известия Государственной академии материальной культуры.
ИТОАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (Симферополь).

ИТУАК — Известия Таврической учёной архивной комиссии (Симферополь).
К — Крым (газета, Симферополь).
КВ — Крымский вестник (газета, Севастополь).
КД — Крымская деревня (газета, Симферополь).
КК — Красный Крым (газета, Симферополь).
Кол. — Колхозный путь (газета, Ак-Мечеть).
КП — Комсомольская правда (газета, М.)
КПН — Крым: прошлое и настоящее / Отв. ред.: С.Г. Агаджанов, А.Н. Сахаров. М., 1988.
Крест. — Крестьянин (газета, Симферополь).
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры (М.; Л.).
ЛЭС, 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. редактор В.Н. Ярцева. М., 1990.
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Т. I–... Симферополь, 1993–20...
МН — Московские новости (газета, М.).
Н. Вос. — Новый Восток (журнал, М.).
НаФ — На академическом фронте (журнал, М.).
НБ — Научный бюллетень (Кафедра крымскотатарской и турецкой филологии Крымского государственного инженерно-педагогического университета, Симферополь).
НВ — Новое время (газета, СПб.).
НГ — Новая газета (СПб.).
НиЖ — Наука и жизнь (журнал, М.).
НТ — Новороссийский телеграф (газета, Одесса).
О — Огонёк (журнал, М.).
ОЗ — Отечественные записки (журнал XX–XXI вв., СПб.).
ОЗС — Отечественные записки, изд. П.П. Свиньиным (журнал XIX в., СПб.).
ОИ — Отечественная история (журнал, М.).
ОИК — Очерки по истории Крыма.
ОиК ОПО — Очерки истории Крымской областной партийной организации. Симферополь, 1981.
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (СПб.).
ПБП — Письма и бумаги императора Петра Великого Т. I–XII. СПб.; М.; Л.; М., 1887–1977.
ПКП — 1926, № 6/7 Никольский П.В.
ПО — Полуостров (газета, Симферополь).
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. 1–3-е изд.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
Р — Радуга (журнал, Рига).
РА — Русский архив (журнал, М., 1863–1917).
РВ — Русский вестник (журнал, СПб.; М., 1856–1906).
РВК — Революция в Крыму (нерегулярно выходивший сборник, Симферополь, 1922–1932).
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (М.).

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (М.).
РИБ — Русская историческая библиотека (журнал, СПб.).
СА — Советская археология (журнал АН СССР, М.).
СВ — Социалистический вестник (журнал, Берлин).
СВЭ — Советская военная энциклопедия. Т. 1–8. М., 1976–1980.
СИЭ — Советская историческая энциклопедия. Т. I–XVI. М., 1961–1967.
СЛ — Севастопольский листок (газета, Севастополь).
СРИО — Сборник Императорского Русского исторического общества (журнал, СПб.).
Т — Таврида (газета, Симферополь).
ТВЛИВЯ — Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков (М.).
ЧОИДР — Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1846–1918.
ЮВ — Южный вестник (газета, Симферополь).
ЮК — Южный курьер (газета, Керчь).
KFÅ — Karolinska förbundets årsbok (Stockholm, 1910–2010).
NEF — Die Neue Europäische Fama, Welche den gegenwärtigen Zustand der vornämste Höfe entdecket. Leipzig, 1735–1756.
SBL — Svenskt biografiskt Lexikon. Stockholm, 1918 — ... (продолжающееся издание).
Shura — Журнал, Оренбург, 1900–1914 гг.

РАСШИФРОВКА АРХИВНЫХ ФОНДОВ, АВТОРСТВА И НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЧНЫХ АРХИВНЫХ ДЕЛ

Российский государственный архив древних актов

РГАДА. Ф. 16. Внутреннее управление.
РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией.
РГАДА. Ф.96. Сношения России со Швецией.
РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом.
РГАДА. Ф. 181. Рукописный отдел МГА МИД.

Шведский государственный архив

SRA ORW — Det Svenska Riksarkivet. Captaine Wrangels Bref till Hofkantzleren H. von Müllern ifrån Backhissarais af åhr 1711 och 1712. Så många som igenfunnits efter Benderska Oroen.
SRA OWK — Det Svenska Riksarkivet. Otto Wilhelm Klinkowströms Bref 1709.

Датский государственный архив

DRA TKUA — Det Danske Rigsarkiv. Tyske Kanselliet Udenlandske Afdeling.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

ОР РНБ. Ф. 225. Д. 6. — Григорьев В.Н. Записки о поездке по Южному берегу Крыма в 1822–1823 гг.
ОР РНБ. Ф. 487. Д. 393 Q — Дмитриевский М.И. Картина Крыма, или Краткое описание Татар и других народов, в Тавриде живущих [без указания года].
ОР РНБ. F. IV. 736/1–5 — Соймонов Ф.И. История царствования государя императора Петра Великого (1760-е гг.).

Опись архивной коллекции «Фонд В.Е. Возгрина» (Архив Меджлиса крымскотатарского народа, Бахчисарай)

АМ ФВ. Д. 1. Письмо Аметова Фазыла, Ильясова Къадыра, Алибе Велилаевой и дочери Смаилова Самедина (её имя и дата отправки письма не указаны).
АМ ФВ. Д. 2. Письмо Мурахас Ройле (Ускут).
АМ ФВ. Д. 3. Воспоминания Союкова Энвера Идрис-огълу (Дерекой) и письмо от 27.04.1995 (с. 1–93).
АМ ФВ. Д. 4. Воспоминания Усеинова Асана, из Узунджи Балаклавского района.
АМ ФВ. Д. 4 «а». Воспоминания Аблаева Зекерьи (с. Азек Бахчисарайского района).
АМ ФВ. Д. 5. Рассказ Марьяновича (Ибраимова) Тимура Велиевича (Ленинград), записанный 02.04.1996, С-Петербург.

АМ ФВ. Д. 6. Воспоминания Гадол-Ресулевой Хатидже (автограф, л. 1–23 об.).
АМ ФВ. Д. 7. Подборка писем Азисова Нияса (пересланы в фонд 26.04.1995; с. 1–42).
АМ ФВ. Д. 8. Письмо Асановой Кевсер (Симферополь) без даты.
АМ ФВ. Д. 9. Тохтарова Хатидже (Биюк-Ламбат). «Горькая история моя, незабываемая судьба моя» (авторская рукопись, с. 1–65).
АМ ФВ. Д.10. Письмо Шемьи-заде Айдына (Москва) от 16.09.1996.
АМ ФВ. Д. 11. Письмо Михалёвой Гульсум (Ташкент) от 02.02.1991.
АМ ФВ. Д. 12. Письмо Союкова Энвера (Ташкент) от 20.03.1986.
АМ ФВ Д. 13. Письмо Зулейхи Бекировой (Москва) от 22.04.1999.
АМ ФВ. Д. 14. Письмо Ибрагимовой (Яшлавской) Алифе (Евпатория) с фотографиями, без даты.
АМ ФВ. Д. 15. Письмо Халилова Энвера (с. Украинка Симферопольского района от 06.06.1999, с архивными справками.
АМ ФВ. Д. 16. Рукопись исследования Эбасанова Османа Асановича «Крымские татары в Великой Отечественной войне» (машинопись, л. 1–70).
АМ ФВ. Д. 18. Письмо Тохтаровой Хатидже (с. Грушевка Красногвардейского района) от 30.04.1999.
АМ ФВ. Д. 19. Запись воспоминаний Каляка Ахтема Осман-огълу (С.-Петербург).
АМ ФВ. Д. 20. Письмо Юнусовой Ресмие (с. Богатое, Белогорского района; л. 1–33), без даты.
АМ ФВ. Д. 21. Письмо профессора Рефата Аппазова (г. Королёв Московской обл.) от 01.03.1997.
АМ ФВ. Д. 22.Письмо Ибрагимовой Алифе (Евпатория), отправлено в фонд 07.02.2000.
АМ ФВ. Д. 23. Письмо Ибрагимова Амет-Фатина (Янгстаун, США), сына муфтия Крыма Ибраима Тарпи (со схемами), от 19.07.1999.
АМ ФВ. Д. 24. Письма Меджитовой Катидже (Ташкент) 1994 г.
АМ ФВ. Д. 25. Письмо Мустафаевой Сание (Приветное, Кировского района) от 04.04.1995, отправлено в фонд 04.04.1999.
АМ ФВ. Д. 26. Информация о работе НДКТ в Ферганской области от 16.06.1989.
АМ ФВ. Д. 27. К 120-летию рождения В.И. Ленина. Об отношении НДКТ к проблемам теории (Фергана, 22. 04. 1990)
АМ ФВ. Д. 28. Два письма Эминова Руслана (Ташкент) от 19.12.1989 и 06.03.1990.
АМ ФВ. Д. 29. Письмо Кайбуллаева Шевкета (Симферополь) от 28.08.1990.
АМ ФВ. Д. 30. Письмо Вапиева Мухамеда-Субхи (Алма-Ата) от 16.01.1990.
АМ ФВ. Д. 31. Письма Ильясова Талята (Карасубазар) с приложением газетных вырезок от 26.01.1990.
АМ ФВ. Д. 32. Письмо Гадола Османа (Суворово Сакского района) от 04.02.1990.
АМ ФВ. Д. 33. Письмо Керимова Исмаила (Ташкент) от 22.02.1990.
АМ ФВ. Д. 34. Письмо Ибрагимова Амета (Той-Тепа, Узбекская ССР) от 06.07.1990.
АМ ФВ. Д. 35. Письмо Ибрагимова Амета (Той-Тепа, Узбекская ССР) без даты.
АМ ФВ. Д. 36. Письмо Сеитяяева Хайсера (Стрелковое Херсонской обл.) от 26.11.1989.
АМ ФВ. Д. 37. Письмо Любимова В.А., учёного секретаря Архангельского филиала Географического общества СССР, без даты.
АМ ФВ. Д. 38. Программа научных исследований по национальной проблеме крымских татар (приложение к письму Михалёвой Гульсум от 19.07.1990).

АМ ФВ. Д. 39. Письмо Абибуллаевой Эдие (Керчь) без даты.
АМ ФВ. Д. 40. Письмо Гадола Мемета (Владиславовка Кировского района) от 18.04.1992.
АМ ФВ. Д. 41. Письмо Абсеитова Сердара (п. Гульбахор, Янгиюльский район, Узбекская ССР) от 03.05.1992.
АМ ФВ. Д. 42. Письмо Рената (Кабардино-Балкарская АССР) от 13.03.1992.
АМ ФВ. Д. 43. Письмо Вотякова А. (Симферополь) от 18.04.1992.
АМ ФВ. Д. 44. Письмо Кадырова Али (Наманган), сентябрь 1990.
АМ ФВ. Д. 45. Письмо Гадола Османа (Суворово Сакского района) с приложением газетных вырезок, март 1990.
АМ ФВ. Д. 46. Письмо Абдушаева Наима (с. Калинино Первомайского района) от 24.08.1990.
АМ ФВ. Д. 47. Воспоминания Ифтаевой Феры (Ташкент), с. 1–46 и письмо от 09.08.1990 с копией ответа на него от 22.08.1990.
АМ ФВ. Д. 48. Письмо Бекировой Эмине (колхоз „Октябрь" Гулистанского района, Узбекская ССР), июль 1990, с копией ответа на него от 22.08.1990.
АМ ФВ. Д. 49. Письмо Чобанова Мамеди (Симферополь) от 12.07.1990.
АМ ФВ. Д. 50. Письмо Баева Гомера с приложением: Решение Краснодарского краевого комитета народных депутатов от 17.05.1990 г. № 205 «О содействии гражданам крымскотатарской национальности в выезде их за пределы края».
АМ ФВ. Д. 51. Письмо Ильясова Талята с приложением газетных вырезок и ответом на него от 22.08.1990.
АМ ФВ. Д. 52. Письмо Абибуллаева Садыка (Ташкент) от 11.09.1990.
АМ ФВ. Д. 53. Письмо Халилова Вели (Симферополь) от 25.08.1990.
АМФВ. Д. 54. Письмо Музафарова Рефика от 01.09.1990.
АМ ФВ. Д. 55. Письмо Эминова Руслана (Ташкент) с приложением газетных вырезок от 11.06.1990.
АМ ФВ. Д. 55 «а». Письмо Михалёвой Гульсум (Ташкент) от 22.12.1988.
АМ ФВ. Д. 56. Воспоминания Сеитяяева Хайсера (Стрелковое, Херсонской обл.) без даты.
АМ ФВ. Д. 57. Вырезки из районных газет, присланные в июле 1990 г. Бахчисарайским меджлисом.
АМ ФВ. Д. 58. Письмо Мустафаевой Шефие (Бекабадский район, Узбекская ССР) от 02.08.1990 с копией ответа на него от 22.08.1990.
АМ ФВ. Д. 59. Копия заявления-протеста по поводу шовинистической позиции администрации деревни Отузы (Щебетовка) от 01.09.1990.
АМ ФВ. Д. 60. Письмо Османова Решата (Самарканд) от 25.10.1990.
АМ ФВ. Д. 61. Письмо Музафарова Рефика от 02.10.1990.
АМ ФВ. Д. 62. Письмо гл. редактора журнала «Йылдыз» Османова А. (Ташкент) от 21.11.1989.
АМ ФВ. Д. 63. Письмо Абибуллаева Рената (Нальчик) от 01.12.1990 с копией ответа на него от 12.12.1990.
АМ ФВ. Д. 64. Письмо Арман Фериде (Чимкентский район, совхоз Капланбек) от 23.11.1990 с копией ответа на него от 23.11.1990.
АМ ФВ. Д. 65. Письмо Кадырова Али (Наманган) с приложением копий документов от 15.09.1990.

АМ ФВ. Д. 65 «а» Открытое письмо Корниясенко Ольги Николаевны в Госкомнац Крыма от 09.09.1987.
АМ ФВ. Д. 65 «б» Письмо Григорьевой Устиньи Парфеновны Председателю комиссии по рассмотрению вопроса крымских татар Громыко А.А., август 1987.
АМ ФВ. Д. 66. Письмо Михалёвой Гульсум (Ташкент) от 04.09.1990.
АМ ФВ. Д. 67. Письмо Михалёвой Гульсум (Ташкент) от 06.12.1990) с копией ответа на него от 19.12.1990.
АМ ФВ. Д. 68. Письмо Ифтаевой Феры (Ташкент) от 21.12.1990 с копией ответа на него от 15.11.1990.
АМ ФВ. Д. 69. Письмо Михалёвой Гульсум (Ташкент) от 29.12.1990.
АМ ФВ. Д. 70. Письмо Ибрагимова Амета (Той-Тепа, Ташкентской обл.) от 18.01.1991.
АМ ФВ. Д. 71. Письмо Михалёвой Гульсум (Ташкент) от 28.10.1990.
АМ ФВ. Д. 72. Письмо Абибуллаева Рената (Нальчик) от 07.04.1991 с копией ответа на него от 07.04.1991.
АМ ФВ. Д. 73. Письмо Абибуллаева Рената(Нальчик) от 07.04.1991 с копией ответа на него от 13.04.1991.
АМ ФВ. Д. 74. Письмо Михалёвой Гульсум (Ташкент) от 31.03.1991.
АМ ФВ. Д. 75. Письмо зам. гл. редактора журнала «Йылдыз» Черкез-Али Айдера (Ташкент) от 23.11.1989 с копией ответа на него от 04.12.1989.
АМ ФВ. Д.76. Письмо Ибрагимова Амета (Той-Тепа, Ташкентской обл.) от 06.12.1990.
АМ ФВ. Д. 77. Письмо Вапиева Мухамеда-Субхи (Алма-Ата) от 30.05.1991.
АМ ФВ Д. 78. Письмо Купченко Владимира Петровича, основателя и бывшего директора Дома М.А. Волошина в Коктебеле (г. Ломоносов Ленинградской области) с приложением библиографии опубликованных произведений М.А. Волошина от 30.05.1991.
АМ ФВ. Д. 79. Письмо Эминова Руслана (Ташкент) от 02.06.1991.
АМ ФВ. Д. 80. Письмо Михалёвой Гульсум (Ташкент) от 02.08.1991.
АМ ФВ. Д. 81. Письмо Ганкевича Виктора (Херсон) от 05.06.1991 с ответом на него от 14.07.1991.
АМ ФВ. Д. 82. Письмо Ибрагимова Сервера Люмановича (Кандалакша Мурманской области), без даты.
АМ ФВ. Д. 83. Письмо Камбура Серайи Ходжаевича (Симферополь) от 26.04.1992.
АМ ФВ. Д. 84. Письмо Борзикова Владимира (с. Совхозное Красноперекопского района) от 15.02.1992.
АМ ФВ. Д. 85. Письмо Вотякова А.М. (Симферополь) без даты.
АМ ФВ. Д. 86. Письмо Бекировой С.А. (Ташкент), ноябрь 1994.
АМ ФВ. Д. 87. Воспоминания Велишаевой Алие (Джанкой), с.1–14, от 15.05.1995.
АМ ФВ. Д. 88. Рахматуллина А.У. (Симферополь) «Ах. как тошно мне в родной стороне...» Воспоминания, л. 1–13 об. С письмом от 10.04.1994.
АМ ФВ. Д. 89. Воспоминания Сеитмамбетовой Гулер (ст. Сенная Саратовской обл.) от 10.05.1990.
АМ ФВ. Д. 89 «а». Воспоминания Абкадыровой Джеврие (Мелитополь) от 20.04.1995.
АМ ФВ, д. 90. Воспоминания Юнусова Мидата (Симферополь) с приложением газетных вырезок от 25.05.1995.

АМ ФВ. Д. 91. Письмо Юсупова К. (д. Кобек Кировского района) от 27.04.1995.
АМ ФВ. Д. 92. Письмо Газиевой Мерьем (Знаменка Черноморского района) с приложением газетных вырезок от 20.05.1995.
АМ ФВ. Д. 93. Воспоминания Абибуллаевой Нурие, с.1–13 (с сопроводительным письмом Абибуллаева Рената, Нальчик) без даты.
АМ ФВ. Д. 94. Воспоминания Решитова Ибраима (с. Пушкино Советского района) от 08.09.1995.
АМ ФВ. Д. 95. Письмо Османова Асана (д. Красная слобода Белогорского района) от 25.05.1995.
АМ ФВ. Д. 96. Письмо Исмаиловой Айше (с.Зерновое Сакского района) от 27.05.1995.
АМ ФВ. Д. 97. Воспоминания Нуфтулаевой Шефике (Симферополь) с письмом от 18.04.1995.
АМ ФВ. Д. 97 «а». Письмо Каковкина Г.А. (Херсон), август 1995.
АМ ФВ. Д. 98. Воспоминания Яшлавской Нияр, с. 1–17, с письмом от 22.04.1995.
АМ ФВ. Д. 99. Воспоминания Ильясовой Бейе (Симферополь) с приложением реферата одного из её студентов.
АМ ФВ. Д. 100. Письмо Бекировой Зулейки (Москва) от 23.01.1994.
АМ ФВ. Д. 101. Письмо Меметова Исмаила (Минск) от 11.04.1995.
АМ ФВ. Д. 102. Письма Девлетова Али-агъа и Чекалаевой З.А. (Алушта) с приложением рукописи статьи покойного Чалбаша С.-Х., от 03. 04. 1995.
АМ ФВ. Д. 103. Запись Юсуфова Абдурамана (Кул-Сеит Ак-Шейхского района) рассказа Гафаровой Наджие, сделанная 02.06.1995 и собственными воспоминаниями.
АМ ФВ. Д. 104. Письмо Рефатовой Пакизе (Бахчисарай) без даты.
АМ ФВ. Д. 105. Воспоминания Исмаилова Садыка (Кировское Кировского района) от 06.05.1995.
АМ ФВ. Д. 106. Воспоминания Асанова Сервера (Запорожье) от 08.03.1995.
АМ ФВ. Д. 107. Письмо Аблялимова Аджера (с.Журавка, Кировского района) от 08.04.1995.
АМ ФВ. Д. 108. Воспоминания Османова Асана (дер. Ак-Кая Карасубазарского района) от 06.04.1995.
АМ ФВ. Д. 109. Воспоминания Садрединова Азиса (дер. Унгут Кировского района) от 01.04.1995.
АМ ФВ. Д. 110. Письмо Аметовой Венеры (с. Орловка Севастопольского района) от 10.04.1995.
АМ ФВ. Д. 111. Письмо Селяметова Али-агъа (с. Ковыльное Раздольненского района) с приложением фото и записью рассказа Гафаровой Наджие от 16.04.1995.
АМ ФВ. Д. 112. Воспоминания Аметова Сервера (Симферополь) с письмом от 17.04.1995.
АМ ФВ. Д. 113. Письмо Усеиновой Сабе (Геническ) от 20.04.1995.
АМ ФВ. Д. 114. Письмо Джуневтова Асима (пос. Новосельский Черноморского района) от 17.04.1995.
АМ ФВ. Д. 115. Воспоминания Чайлака Рефата (Асрет Судакского района) с письмом от 05.04.1995.
АМ ФВ. Д. 116. Запись рассказа Чачи Мустафы (Симферополь).

АМ ФВ. д. 117. Письмо Исмаилова Садыка (пос. Кировское Кировского района) от 01.07.1995.
АМ ФВ. Д. 118. Воспоминания Аметова Энвера (Ново-Алексеевка Херсонской области) от 20.02.1992.
АМ ФВ. Д. 119. Письмо Усеиновой Сабе (Геническ) от 01.07.1995.
АМ ФВ. Д. 120. Воспоминания Усеиновой Сабе (Геническ), с. 1–12, от 01.06.1995.
АМ ФВ. Д. 121. Воспоминания Шевкиева Февзи (дер. Стиля Бахчисарайского района), с приложением копии справки от 14. 02. 1991 о реабилитации его отца Шевки Османа, репрессированного в 1937 г.
АМ ФВ. Д. 122. Воспоминания Усеиновой Сабе; с. 1–23, 35–45, 51- 73.
АМ ФВ. Д. 123. Запись рассказа Авамилева Идае; с.25–26.
АМ ФВ. Д. 124. Запись рассказа Мустафаевой Рукие; с. 26–27.
АМ ФВ. Д. 125. Запись рассказа Османова Османа (Геническ); с. 27–29.
АМ ФВ. Д. 126. Запись рассказа Усеинова Азиза; с. 29–35.
АМ ФВ. Д. 127. Запись россказа Абибуллаева Энвера; с. 45–46.
АМ ФВ. Д. 128. Запись рассказа Абдураимова Сериана и Усмановой Айше; с. 46–48.
АМ ФВ. Д. 129. Запись рассказа Туреневых Рефата и Лейли; с. 48–49.
АМ ФВ. Д. 130. Запись рассказа Эмировых Решата и Лутфие; с. 49–50.
АМ ФВ. Д. 131. Запись рассказа Меджитовой Медихи; с. 74–78.
АМ ФВ, д. 132. Воспомининия Сеитджанова Джеппара, с. 23–25;
АМ ФВ. Д. 132 «а». Письмо Османа Длявера с приложением собственных стихов (на крымскотат. языке)
АМ ФВ. Д. 133. Воспоминания Яшлавской Нияр (Журавлёвка Симферопольского района) с письмом от 22.08.1995.
АМ ФВ. Д. 134. Письмо Сеидалиева Узеира (дер. Холодовка Судакского района) от 15. 08. 1995).
АМ ФВ. Д. 135. Письмо Рахматуллиной Алие (Симферополь) от 03.09.1995.
АМ ФВ. Д. 136. Письмо Ибадуллаева Наримана (пос. Исмаил-бей, Евпаторийского района) с приложением копии источника XIX в. от 06.09.1995.
АМ ФВ. Д. 137. Письмо Меджитовой Катидже (Чирчик Ташкентской области) от 18.10.1995.
АМ ФВ. Д. 138. Письмо Гадол Хатидже (Владиславовка Кировского района) от 22.09.1995.
АМ ФВ. Д. 139. Воспоминания Мустафиной Нины Абидиновны (Херсон) с письмом от 05.09.1995.
АМ ФВ. Д. 140. Письмо Абдукадырова Куддуса (г. Навои) с приложением рукописи статьи от 02.08.1990.
АМ ФВ. Д. 141. Письмо Дерена Кемаля с подборкой копий документов 1920–1960 гг. по биографии Османа Дерен-Айерлы.
АМ ФВ. Д. 142. Письмо Абульфатовой Халиде с записью рассказа её матери Исмаиловой Кериме Исмаил-къызы, без даты.
АМ ФВ. Д. 143. Биязова Нурие «Депортация». Карасубазар, 1995. Рукопись в 4 частях (с. 1–143).
АМ ФВ. Д. 144. Письмо Исмаилова, сына Исмаила Арифмемет-огълу Аккия (Карасубазар) без даты.

АМ ФВ. Д. 145. Копия статьи Круглова В. «Набраться мужества (слово о судьбе крымскотатарского народа)» с письмом от 18.05.1989.
АМ ФВ. Д. 146. Запись рассказа Челебиева Баттала (Симферополь), сделана 28.06.1996.
АМ ФВ. Д. 147. Статья Асанова Ризы (Симферополь) о Таракташе XIX–XX вв. с письмом от 16.07.1996.
АМ ФВ. Д. 148. Рассказ Османовой Заре (Улу-Сала) о пребывании в Узбекистане.
АМ ФВ. Д. 149. Воспоминания Кудусова Энста Абдураимовича (Москва) о его предках в письме от 12.09.1995.
АМ ФВ. Д. 150. Письмо Джалилова Али с приложение копии документа о самозахватах от 03.10.1990.
АМ ФВ. Д. 151. Письмо Чобанова Мамеди (Симферополь) с приложением вырезок из газет от 04.10.1990.
АМ ФВ. Д. 152. Воспоминания Ифтаевой Феры (Евпатория); с. 1–30, в письме от 12.09.1990.
АМ ФВ. Д. 153. Письмо Чобанова Мамеди (Симферополь) с приложенными газетными вырезками от 20.01.1991.
АМ ФВ. Д. 154. Письмо Хуршутова А.Р. (Новороссийск) с копиями документов по истории национально-освободительному движению от 24.09.1990.
АМ ФВ. Д. 155. Письмо Окуджавы Булата Шалвовича по поводу крымскотатарской автономии, без даты.
АМ ФВ, д. 156. Письмо Хуршутова А.Р. (Новороссийск) с копиями документов по истории национально-освободительного движения от 24.09.1990.
АМ ФВ. Д. 157. Ксерокопия-рассылка ноября 1998 г. Бекирова Юрия со стихами автора.
АМ ФВ. Д. 158. Письмо Хуршутова А.Р. от 25.09.1990.
АМ ФВ. Д. 159. Письмо Хуршутова А.Р. от 01.10.1990 с приложением копии Резолюции встречи представителей НДКТ Ферганской долины от 23.09.1989 и другими документами.
АМ ФВ. Д. 160. Отчёт делегата Курултая Шабанова Эльдара о его работе в Курултае от 26.06.1996.
АМ ФВ. Д. 161. Воспоминания Ноны Львовны Папарупы (Ленинград), л. 1–58.
АМ ФВ. Д. 162. Письмо Ильясовой Бейе (Симферополь) с приложением газетных вырезок от 18.09.1997.
АМ ФВ, д. 163. Копии архивных дел по крымскотатарским мечетям, снятые с оригиналов в фондах ГААРК 29.03.1994.
АМ ФВ. Д. 164. Письмо Сулейманова Умера (Янгиюль Ташкентской области) от 24.07.1991.
АМ ФВ. Д. 165. Письмо Каковкина Г.А. (Херсон) от 10.06.1995.
АМ ФВ. Д. 166. Копии судебных документов по делу Ильясова Наримана и Ильясовой Бейе в 1991- 1992 гг., иные документальные материалы и фотоснимки
АМ ФВ. Д. 167. Письмо Аблялимовой Аджер (с. Журавки Кировского района) от 22.07.1995.
АМ ФВ. Д. 168. Письмо Бекировой Зулейхи от 01. 07. 1995 с приложением проспекта о выставке крымскотатарских художников.
АМ ФВ. Д. 169. Кущ Ирина «Депортация 1941–1944 гг.» Симферополь, 1994. Реферат, подготовленный под руководством Б.А. Ильясовой (1994).

АМ ФВ. Д. 170. Письмо Хуршутова А.Р. (Новороссийск) от 29.09.1990 с приложением копий обращений в Политбюро ЦК КПСС и других документов
АМ ФВ. Д. 171. Письмо Бекировой Зулейхи (Москва) от 28.05.1995.
АМ ФВ. Д. 172. Воспоминания Гафарова Я.Г. (г. Туракургана Наманганской обл.) в письме от 19.07.1989.
АМ ФВ. Д. 173. Письмо Новикова М.А. (Учкудука Бухарской обл.) от 29.10.1990 с приложением негативов и слайдов.
АМ ФВ. Д. 174. Письмо Керимова Исмаила (Ташкент) от 22.09.1990 с копией ответа от 04.09.1990.
АМ ФВ. Д. 175. Письмо Мемета Севдияра (Нью-Йорк, США) от 11.09.1990.
АМ ФВ. Д. 176. Письмо Кудусова Эрнста Абдураимовича (Москва), без даты.
АМ ФВ. Д. 177. Письмо Кенже Рефата от 19.02.1990 с материалами по национально-освободительному движению в Средней Азии (в том числе с фотоматериалами).
АМ ФВ. Д. 178. Письмо Меджитовой Катидже (Чирчик) от 05.11.1996.
АМ ФВ. Д. 179. Письмо профессора Аппазова Рефат-агъа (Москва) от 15.01.1997.
АМ ФВ. Д. 180. Открытое письмо Корниенко О.К. Генеральному секретарю ЦК КПСС Горбачёву М.С.
АМ ФВ. Д. 181. Письмо Аппазова Рефат-агъа (Москва), без даты.
АМ ФВ. Д. 182. Обращение Шабанова Эльдара к депутатам Верховного совета АР Крым от 15.11.1995.
АМ ФВ. Д. 183. Воспоминания Сулеймановой Джеваир Биляловны от 13.03.1996.
АМ ФВ. Д. 184. Воспоминания Кудусова Э. в письме от 04.11.1996, с фотографией имама Юнуса-эфенди.
АМ ФВ. Д. 185. Воспоминания Рахимовой Нурии Юсуфовны (с. Разливы Нижнегорского района) в письме от 01.08.1992 с приложением оригинала судебного постановления от 24.07.1979.
АМ ФВ. Д. 186. Воспоминания Маликова Номана (Нью-Йорк, США) в письме от 18.08.1998.
АМ ФВ. Д. 187. Письмо Меджитовой Катидже (Чирчик), без даты.
АМ ФВ. Д. 188. Письмо Вапиева Субхи (Керчь) от 26. 11. 1997 с приложением его статьи «Крымский этногенез».
АМ ФВ. Д. 189. Воспоминания о семье Темеш (Такыр), составленное её членами, отправлено в фонд 13.12.1997.
АМ ФВ. Д. 190. Запись воспоминаний Самединовой Урие; с. 1–2.
АМ ФВ. Д. 191. Запись воспоминаний Аблаева Февзи; с. 3.
АМ ФВ. Д. 192. Запись воспоминаний Джамбаевой Февзие; с. 5–7.
АМ ФВ. Д. 193. Запись воспоминаний Абдулла-Хаведже Ребии; с. 9–10.
АМ ФВ. Д. 194. Запись воспоминаний Бекировой Кефие Асановны; с. 11–13.
АМ ФВ, д. 195. Запись воспоминаний Байдака Османа Смаиловича (приложены документы в отдельном конверте под тем же шифром); с. 15.
АМ ФВ. Д. 196. Запись воспоминаний композитора, доцента Налбандова Эдема Усеиновича; с. 17.
АМ ФВ, д. 197. Запись воспоминаний Гафарова Наримана; с. 19–23 .
АМ ФВ. Д. 198. Запись воспоминаний Чарухова Ридвана; с. 24–29.

АМ ФВ. Д. 199. Запись воспоминаний Сеитмуратова Исмаила; с. 30.
АМ ФВ. Д. 200. Запись сообщения быв. партизана Османова Бекира; с. 31.
АМ ФВ. Д. 201. Запись сообщения Асанова Асана; с. 31
АМ ФВ. Д. 202. Запись сообщения Мамутова Муртазы; с. 33.
А ФВ. Д. 203. Запись воспоминаний Асанова Факира Муртазаевича; с. 35–36.
АМ ФВ. Д. 204. Запись сообщения Алабашева Виктора Борисовича с приложением копии архивной справки о раскулачивании семьи Одабаша Джафера; с. 37.
АМ ФВ. Д. 205. Запись воспоминаний Халитова Ибраима; с. 39–40.
АМ ФВ. Д. 206. Запись воспоминаний Умерова Рустема; с. 41–43.
АМ ФВ. Д. 207. Запись воспоминаний Идриса Асанина; с. 44–47.
АМ ФВ. Д. 208. Запись воспоминаний Пинки Айше (Корбека); с. 48–51.
АМ ФВ. Д. 209. Запись сообщения Арнаутова Шевкета (Корбек); с. 50.
АМ ФВ. Д. 210. Запись воспоминаний Абдувелиева Сеттара (Корбек); с. 52–53.
АМ ФВ. Д. 211. Запись воспоминаний Бекировой Гулизар; с. 54–56.
АМ ФВ. Д. 212. Запись сообщения Умеровой Васфие; с. 57.
АМ ФВ. Д. 213. Запись воспоминаний Османова Сейрана Шевкетовича; с. 58–59.
АМ ФВ. Д. 214. Запись воспоминаний Озенбашлы Мирьем Аметовны об отце; с. 60–61.
АМ ФВ. Д. 215. Запись воспоминаний Асанова Ризы Асановича; с. 62–66.
А ФВ. Д. 216. Запись воспоминаний Чачи Абдуллы Мустафаевича о рассказах деда Чачи Сейдуллы (Корбек); с. 67–69, 71–74.
АМ ФВ. Д. 217. Запись сообщения Казакова Рефата Энверовича; с. 69.
АМ ФВ. Д. 218. Запись сообщения Мухтерема Асана, род. 1926 г.; с. 70.
АМ ФВ. Д. 219. Запись сообщения Муеднена Энвера (Корбеке); с. 75.
АМ ФВ. Д. 220. Запись сообщения Эмирова Айдера Решатовича, гл. редактора Голоса Крыма; с. 76.
АМ ФВ. Д. 221. Запись воспоминаний Джелилова Асана; с. 77–78.
АМ ФВ. Д. 222. Письма Аминова Руслана от 14.02.2000.
АМ ФВ. Д. 224. Письмо Тарпи Шевки Алиевича, племянника муфтия Крыма Ибраима Тарпи, отправлено в фонд 08.03.1996.
АМ ФВ. Д. 225. Письмо Омерова Р.Б. (Железноводск Ставропольского края), без даты.
АМ ФВ. Д. 226. Воспоминания Османовой Анифе (Судак) от 11.01.1990.
АМ ФВ. Д. 227. Рукопись А.-М. Хансен «Изгнанный народ». 1990 (на датском языке).
АМ ФВ. Д. 228. Выписка из стенограммы доклада секретаря Крымского ОК ВКП(б) П.Ф. Тюляева на пленуме 23–29.11.1944.
АМ ФВ. Д. 229. Подборка материалов «Некоторые факты из истории крымских татар», сделанные Кенже Р., Гафаровым О., Сеитибрагимовым Р., Кудусовой З., Языджи Ф.; с. 1–8.
АМ ФВ. Д. 230. Интервью с Г.Л. Северским, заместителем командующего партизанским движением в Крыму от 12–15 сентября 1989 г.; с. 1–63.
АМ ФВ. Д. 240. Выписки из блокнотов радиограмм комиссара Южного соединения Мустафы Велиевича Селимова; с. 10–14).
АМ ФВ. Д. 241. Выписки из архива (частного) Альчикова Арсена (по периоду оккупации Крыма во II мировой войне); с. 1–12.

АМ ФВ. Д. 242. Озенбашлы Амет. [Безымянное] сочинение 1924 г. (Рукописная копия, транскрибированная с арабского на кириллический шрифты, с частичной цитацией документальных источников на русском языке); с. 1–169. Передана в дар фондообразователю 1 декабря 1997 г. владельцем рукописи Маликовым Номаном Номановичем.

АМ ФВ. Д. 243. Подборка копий документов Усеинова Кязима и машинописная копия статьи Омельчука Дмитрия «Показание обвиняемого есть основание... для расстрела (История одного следственного дела)». Л. 1–26.

АМ ФВ. Д. 244. Запись сообщения Гавриленко Евгения Григорьевича (с приложением карты-плана окрестностей Воронцовского дворца в Алупке).

АМ ФВ. Д. 245. Брошеван В.М. «Амет Озенбашлы: Избавьте меня от позорного прозвища». Отрывок из завершённой рукописи книги «Милли-Фирка. По материалам уголовного дела № 13762–551860/ОГПУ». (Рукопись перевода с крымскотатарского языка публикаций в газете Янъи Дюнья в апреле-июне 1995 г), сс.1–24.

АМ ФВ. Д. 246. Воспоминания историка музыки Алиева Февзи поминания историка музыки Алиева Февзи (жилмассив Каменка Симферопольского района) в письме от 31.12.1997 с приложением оригинала судебного постановления от 24.07.1979. В фонде документ отсутствует ввиду просьбы Ф. Алиева не передавать письмо в архив (Л. 5 об.). Хранится у автора книги.

АМ ФВ. Д. 247. Письмо Байдака Смаила от 04.12.1997.

АМ ФВ. Д. 248. Воспоминания Халилова Н.С. в письме от 18.12.1997.

АМ ФВ. Д. 249. Письмо Асанова Факира, без даты.

АМ ФВ. Д. 250. Жизнеописание певицы Кутдусовой Шефики Юсуфовны (1910–1956 гг.). Рукопись, с. 1–9 (передана осенью 1997 г. в дар фондообразователю Э. Кудусовым, Москва).

АМ ФВ. Д. 251. Копия архивной справки о партизанской деятельности и расстреле Эбасанова Асана от 16.04.1948.

АМ ФВ. Д. 252. Копия письма Селимова Мустафы Веисовича, комиссара Южного соединения партизанских отрядов Крыма от 29.04.1983.

АМ ФВ. Д. 253. Запись воспоминаний Сейдаметова Эскандера

АМ ФВ. Д. 254. Письмо Тарпи Ф. (Нью-Йорк, США), 1999 г.

АМ ФВ. Д. 255. Письмо Эминова Руслана (Ташкент) от 28.10.1999 с копией ответа на него от 07.01.2000.

АМ ФВ. Д. 256. Письмо Ильяса Талята (Карасубазар) от 30.04.2000.

АМ ФВ. Д. 257. Письмо Эминова Руслана (Ташкент) от 21.04.2000.

АМ ФВ. Д. 258. Письмо семьи Меджитовых (Чирчик) от 10.12.1993.

АМ ФВ. Д. 259. Письмо Ибрагимова Амет-Фатина (Янгстаун, США) от 20.05.2000 (приложены ксерокопии публикаций и фотоматериалы).

АМ ФВ. Д. 260. Письмо Яшлавской Алифе (Евпатория) от 20.03.2000 с приложением ксерокопий и оригиналов печатных материалов.

АМ ФВ. Д. 261. Письмо Яшлавской Алифе (Евпатория) от 21.06.2000 с приложением авторской рукописи рассказа «Случайная встреча».

АМ ФВ. Д. 262. Письмо Ибраимова Ибраима-эфенди (Симферополь) от 08.12.2000.

АМ ФВ. Д. 263. Копия письма Касимова Я. к Марьяновичу [Ибраимову] Тимуру Николаевичу из Новороссийска, от 15.03.1998.

АМ ФВ. Д. 264. Письмо Кенже Решата от 23.09.1989.

АМ ФВ. Д. 265. Письмо Тарпи Анатолия Шевкиевича (Набережные Челны) от 11.07.2002.

АМ ФВ. Д. 266. Письмо Кудусова Эрнста Абдураимовича (Москва) от 06.05.2002.

АМ ФВ. Д. 267. Приглашение В.Е. Возгрину от 29. 10. 2001 г. на первую сессию IV Курултая крымскотатарского народа в качестве гостя.

АМ ФВ. Д. 268. Письмо Мунировой (урожд. Кешфи) Лемхан Ибрагимовны (Геническ) от 25.09.2002.

АМ ФВ. Д. 269. Письмо Диньши-Музафаровой Надие (Симферополь) от 18.07.2004.

АМ ФВ. Д. 270. Письмо Таскина Александра (г .Балта Одесской обл.) от 08.08.2004.

АМ ФВ. Д. 271. Письмо Сулейманова Фикрета Наимовича (Чирчика) от 07.02.2003.

АМ ФВ. Д. 272. Письмо Музафаровой Назмие (Надие) (Симферополь) от 03.08.2004.

АМ ФВ. Д. 273. Письмо Музафаровой Назмие (Надие) с приложенными собственными опубликованными работами от 05.04.2005.

АМ ФВ. Д. 274. Письмо Бадраклы Майре Османовны (Бишкек), без даты.

АМ ФВ. Д. 275. Письмо Аблаева Сервера (Ташкента) от 03.07.2006.

АМ ФВ. Д. 276. Письмо Мамутова Б. (Симферополь) от 24.09.2002.

АМ ФВ. Д. 277. Письмо Менлиазизова Руслана Зиядиновича (Г. Пушкин Ленобласти) от 19.01.2007 с приложением отрывка из собственной повести.

АМ ФВ. Д. 278. Письмо Менлиазизова Руслана Зиядиновича от 18.02.2007.

АМ ФВ. Д. 279. Письмо Бадраклы Майре Османовны (Бишкек) от 06.11.2007.

АМ ФВ. Д. 280. Письмо Бариева Вилуля Абдулвааповича (Бишкек) от 29.03.2008.

АМ ФВ. Д. 281. Письмо Меджитовой Катидже (Симферополь, жилмассив Каменка) от 25.12.2008.

АМ ФВ. Д. 282. Воспоминания Диляры Абдураимовны Дагджи (Симферополь) о её отце Абдурайме Эфендиеве (псевдоним Сюкюти) от 29.01.2010.

АМ ФВ. Д. 283. Рукопись «Свидетельства о депортации», составленного Кафие Керимовой, приложенная к письму от 15.10.2009.

АМ ФВ. Д. 284. Письмо Н. Диньши-Музафаровой (Симферополь) от 29.03.2006.

АМ ФВ. Д. 285. Письмо А.Ш. Тарпи (Набережные Челны) от 14.05.2012 о брате муфтия Крыма Ибраима Тарпи, Али Мамедовиче Тарпи, с приложением его фотопортрета.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

А. Р-ъ — **IV**: 399
А.У. — **II**: 650
Абадзе — **III**: 202
Абаев В.И. — **I**: 106; **IV**: 399
Абаев Н.В. — **I**: 366, 368; **IV**: 400
Абаза-Сулейман — **I**: 768
Абанин — **III**: 417, 440 — **IV**: 400
Аббас I — **I**: 610
Аббас II Хильми — **II**: 789
бен-Аббас Али — **II**: 704
Аббасиды, династия — **I**: 36, 304
Абд-ал Вели-эфенди — **II**: 233
Абд ар-Рахман-бей Али-оглу — **I**: 526
Абдалла-паша — **II**: 359
Абдель-Рефи У. — **III**: 734, 793; **IV**: 400
Абденанов — **III**: 858
Абденанов Халил — **III**: 561
Абденнанова Алиме — **IV**: 131
Абдиш Бекир Мустафа — **III**: 599
Абдишев — **III**: 688
Абдишев Бекир — **IV**: 276
Абдо Мухаммед — **I**: 385
Абдраман-агъа — **III**: 638
Абдраман-оглы Эмир Усеин — **II**: 664, 668
Абдувели-паша — **II**: 378
Абдувелиев Асан — **IV**: 261
Абдувелиев Мухтар — **IV**: 33
Абдувелиев Сеттар — **IV**: 165, 489
Абдукадыров Куддус — **IV**: 486
Абдулаева Г. — **I**: 538, 540, 812; **II**: 241, 916; **IV**: 305
Абдул-азиз аль-Ирбили — **I**: 275
Абдул-Бари Абдул-Гани-оглы — **II**: 710
Абдул-Вели-ага — **II**: 355, 418
Абдул (Абд-ал) Вели-эфенди — **II**: 233
Абдул-Гафар ал-Кырыми (Кырыми Гафури, Абдулгафар) — **I**: 751, 802, 803, 807, 818, 823, 824; **II**: 233
Абдул Гафар-эфенди Ваап-оглу — **II**: 682
Абдул Исмаил — **III**: 163
Абдул-Кадыр Алжи Арслан-оглу — **II**: 676
Абдул-Латыф — **I**: 568
Абдул-Меджид, поэт — **II**: 222
Абдул Меджид, султан — **II**: 812
Абдул Смаил — **III**: 103
Абдултанр — **III**: 471
Абдул-Хамид I — **II**: 352, 391, 456
Абдул-Хамид II — **II**: 733, 815
Абдул Хамид-ага — **I**: 397
Абдулджеппар Абдул-Казим — **III**: 502
Абдулла Абдураман — **III**: 561

[1] Лица, упомянутые в тексте издания, обозначены в Указателе обычным шрифтом. Имена авторов печатных произведений, воспоминаний, мемуаров или иных письменных источников представлены курсивом. При расположении имён по алфавиту известную трудность представило определение имени и фамилии конкретного лица, поскольку до первой четверти XX в. крымские татары в большинстве своём не принимали русифицированных окончаний (-ов, -ин, -ский и т. д.) к фамильному имени. При этом личное имя могло ставиться составителем списка (статьи, любого источника) произвольно перед или после имени фамильного. Поэтому в случаях, когда такое определение было невозможным, оба имени вносились в Указатель в том порядке, как они представлены первоисточником. Этот недостаток Указателя может быть сведён к минимуму, если в поисках нужного лица обращаться к списку дважды, по обеим составным частям имени собственного (напр., смотреть и *Али Исмаил*, и *Исмаил Али*). При явно неверном написании имени (напр., *Джеппар* с одним *п*), в Указателе, тем не менее, сохраняется вариант источника. Словник не аннотирован, но в случае полного совпадения имён они снабжаются кратким уточнением, как: «Мустафа Абдураман из Айсабая» и «Мустафа Абдураман из Корбека». Коранические, библейские, литературные и мифологические личности и персонажи сопровождаются соответствующим примечанием в скобках: *коранич.*, *библ.*, *лит.*, *миф.* и т. д. Порядковый номер тома обозначен римской цифрой, а страницы — арабскими.

Абдулла Азизэддин-эфенди — **II**: 237
Абдулла-оглу Умер (см. Ашик-Умер)
Абдулла Рамиз-эфенди — **II**: 455
Абдулла Сейдамет Къырыми — **I**: 356
Абдуллаев — **III**: 688
Абдуллаев Абди (Абий) — **III**: 665
Абдуллаев Амет — **IV**: 90
Абдуллаев И. — **I**: 203; **II**: 620, 654, 665 — **III**: 864; **IV**: 301, 303, 400
Абдуллаев Усеин Ремзи — **III**: 679
Абдуллаев Э.М. — **IV**: 400
Абдуллаева — **III**: 665
Абдуллаева Г. — **II**: 347 — **IV**: 400
Абдуллаева Э. — **IV**: 182, 381
Абдулла-Хаведже Ребие — **IV**: 189
Абдуллах (Абдулла) ибн-Ризван-паша — **I**: 276
Абдуллин М. — **IV**: 400
Абдулмеджид-эфенди — **I**: 356
Абдултанр — **III**: 471
Абдульваап (Абдульваапов) Н.Р. — **I**: 356, 499, 501, 502, 503, 845; **II**: 221, 222, 455; **IV**: 400, 472
Абдульвели-эфенди — **II**: 230
Абдуль-Керим — **III**: 574
Абдульмаджид; **IV**: 377
Абдураимов Эвлия — **IV**: 190
Абдураман (Абдурахман)-бек Али — **III**: 796
Абдураман Асан — **II**: 590 — **III**: 801
Абдураман Бей — **III**: 500
Абдураман Джемиль — **III**: 599
Абдураман Ибраим — **III**: 850
Абдураман Фетти А. — **III**: 128, 141
Абдураман Шериф Бей– **III**: 500
Абдураман-оглу Асан — **II**: 590
Абдураман-эфенди Сеитджелил — **III**: 50
Абдураманов С. — **IV**: 433
Абдураманов У. — **IV**: 433
Абдураманова Сеиде Мемет — **III**: 849
Абдураманова Ш. — **III**: 16; **IV**: 393
Абдурахман-агъа — **I**: 527
Абдурефиев Анефи — **III**: 141
Абдурефиев Вели — **III**: 346
Абдурефиева Азизе — **IV**: 202
Абдурешидов Демиль — **IV**: 90
Абдурраманов Мустафа — **III**: 196
Абдуррахман бин-Гирей — **I**: 294
Абдушаев Наим — **IV**: 483
Абжелиль — **III**: 542
Абзаит Сеит-Амет — **III**: 260
Абибулаев — **III**: 764
Абибулаев Бекир — **III**: 638
Абибулаев Мемет — **III**: 405
Абибулаев Садык — **III**: 552
Абибуллаева Зимине — **IV**: 124, 183, 186, 195, 381
Абибуллаева Леньяра — **II**: 91, 165, 407
Абибулаева Сайде — **III**: 698
Абибулла, евпаторийский житель — **III**: 443
Абибулла, сельский огородник — **III**: 628
Абибулла Алиме — **III**: 603
Абибулла-эфенди Девлетшах-огълу — **II**: 231, 232
Абибулла Курт-Мулла — **III**: 603
Абибулла Султанат — **III** : 603
Абибуллаев Исмаил — **IV**: 230
Абибуллаев Ренат — **IV**: 483, 484, 485
Абибуллаев Садык — **III**: 552; **IV**: 483
Абибуллаев Сеит-Халиль — **III**: 851
Абибуллаев Энвер — **IV**: 486
Абибуллаев Юсуф — **IV**: 164
Абибуллаева Гульнара — **IV**:
Абибуллаева Д. — **II**: 796; **III**: 117; **IV**: 400
Абибуллаева Нурие — **III**: 478; **IV**: 485
Абибуллаева Эдие — **IV**: 483
Абиев Абдурефи — **III**: 745, 786, 787
Абиева Д. — **II**: 322
Абильтар Усеин — **III**: 372
Абильташ Амза — **III**: 698
Абкадырова Джеврие — **IV**: 484
Абкерим Абдурешит — **III**: 502
Абкеримов Джапар — **III**: 449, 450
Абла, сторож — **III**: 604
Абла-агъа — **IV**: 261
Абла Аби — **III**: 546
Абла Аниф — **III**: 546
Абла Иззет — **III**: 546
Абла Максуд — **III**: 447
Аблаев — **III**: 163
Аблаев А. — **III**: 472
Аблаев Аблям — **III**: 756
Аблаев Джафер — **III**: 471
Аблаев Джафер Усеин — **III**: 471; **IV**: 917
Аблаев Зекирья — **IV**: 210, 481
Аблаев Решат — **III**: 145
Аблаев Сервер — **IV**: 491
Аблаев Февзи — **IV**: 488
Аблаев Ягья — **III**: 343
Аблаев Э. — **IV**: 244, 433
Аблаева Фатьма — **III**: 811

Аблаева Шадие — IV: 286
Аблаева Э. — IV: 194
Аблам, род — I: 533
Абляев — III: 764
Абляев Февзи — IV: 50
Аблязизов Р. — IV: 74
Абляким Аппаз — III: 163
Аблякимов Абдулла — III: 849
Аблякимов Бекмамбет — III: 682
Аблякимов Якуб — IV: 60
Аблякимова Зоре — IV: 217
Аблякимова Фариде — IV: 217
Аблялим Абдураим — III: 689
Аблялимов — IV: 279
Аблялимов Аджер — IV: 256, 485
Аблялимов Сейяр — IV: 203
Аблялимов Халиль — IV: 178
Аблялимова Аджер — IV: 275, 487
Аблялимова Айше — IV: 203
Аблялимова Нияр — IV: 177
Аблямитов — III: 604
Аблямитов Джульверн — I: 16
Аблямитов Меджит — IV: 72
Аблямитов Якуб — III: 696
Аблямитова Э.К. — IV: 287
Аблятифов Абляким — III: 661
Абрахамович Зигмунт — II: 231
Абсеитов Сердар — IV: 483
Абселямов Мемет — III: 773
Абсеттар Мемет — III: 853
Абу Бакр Каландар — I: 502
Абу-Бакр ибн-Юсуф аль-Хасан аль-Васитий — II: 237, 562
Абубекир — I: 833
Абубекир Абляким — III: 756
Абудла Ахтем — III: 679
Абу-л-Феда — I: 251, 286, 293
Абу Ханиф — I: 556
Абу-Хашим — I: 493
Абуль-Гази — I: 309
Абульфатова Халиде — IV: 486
Авалиани С.Л. — II: 468, 548, 555, 556, 557; IV: 400
Авамилева Идае — IV: 486
Авах А.Е. — III: 429
Аввакум — I: 26
Август II Польский (Фридрих Август I Саксонский) — I: 767, 768, 769
Августин Блаженный — I: 26, 380; IV: 166
Августин — I: 342
Августинский — III: 202
Авдеев В.А. — IV: 426
Авдий — I: 182, 185
Аверинцев С.С. — I: 339; IV: 400, 464
Авиценна (Али ибн-Сина) — II: 704
Авксентий — I: 182
Авраам (*библ.*) — I: 35
Авторханов А. — III: 438, 456, 461, 517, 834; IV: 401
Агаджанов С.Г. — IV: 479
Агамали-оглы С. — III: 760
Агафирс (*миф.*) — I: 127
Агафонов А. — III: 485
Агранов Я.С. — IV: 311
Аграновский Г.Я. — II: 378; IV: 401
Агрелл — I: 716
Агурский М. — IV: 401
Адабашев В. Б. — IV: 489
ал-Адавийя Рабиа — II: 307,
Адам (*коранич.*) — I: 35; II:168
Аламан Курули Мемет — III: 851
Аламан Мемет Джелиль — III: 547
Адашев А.Ф. — I: 597
Адашев Д. — I: 595
Адель-султан (*лит.*) — II: 217
Адельшаев Идрис — III: 566, 576
Адельшаев Смаил — III: 566, 567, 576
Адельшаевы, семья — III: 576
Аджамет Эмир Усеин — III: 693
Аджешир — III: 47
Аджи-Абдулла Сулейман — III: 665
Аджи Абибулла-эфенди — II: 563
Аджи Абла-Аджи — III: 50
Аджи-Абла Осман-оглы — II: 710
Аджи Джемадин Садий — III: 861
Аджи Джемадин Сеит — III: 861
Аджи Джемадин Суин — III: 861
Аджи Джемит Мамбет — III: 861
Аджи Ибрагим, полит. деятель — II: 867
Аджи Ибрам, чиновник — II: 717
Аджи М. — I: 175
Аджи Мамбет Абла — III: 861
Аджи Мамбет Аблямит — III: 861
Аджи Мамбет Курт-Ягья — III: 861
Аджи Мемет Эмир-Али — III: 851
Аджи Меметов Аджи Акай — III: 140
Аджибилялова Зинеп — III: 627
Адживат (*лит.*) — II: 220
Аджига (*лит.*) — II: 269
Аджигази-мурза — II: 378
Аджиев Абдураман — III: 569
Аджиев Тейфук — IV: 72

Аджимет Ял, капсихорский род — III: 597
Аджи-Молла Ягья — III: 449
Аджимурат — III: 561
Аджи-Мурат Сеид-Али; IV: 206, 305
Аджи-Мустафа — III: 501, 597
Аджи-оглу Мемет — III: 128, 141
Аджи-Султан — IV: 261
Аджи Смаил-оглу — II: 624
Аджи-Суин, капсихорский род — III: 597
Аджи-Умеров — III: 364
Адиль-Гирей хан — I: 419, 456, 459, 541, 679, 680, 681
Адиль-Гирей, брат Мехмед-Гирея II — I: 528, 607
Адиль-Гирей, калга Девлета I — I: 489
Адиль-мурза — I: 669
Адильша Асан — II: 912
Адлерберг Н.В. — II: 599
Аединова Лютфие — IV: 71
Азадовский К.М. — IV: 401
Азаки-эфенди — I: 530, 616
Азамат-Гирей, нуреддин — I: 693
Азамат-Селим-Гирей III — II: 345, 346, 358, 443
Азаров И. — III: 170
Азарья Бен Илия рабби — II: 347, 359, 371; IV: 381
Ази-Баба (Гази-Баба) — I: 326
Азизов Абибулла — IV: 72
Азизов Кудус; IV: 263
Азизов Омер — III: 138, 141
Азизов У. — III: 758
Азизов Я., литературный критик — III: 784
Азизов Якуб, философ — III: 384, 696, 776, 777
Азимова Р. — IV: 394
Азис Бекир — IV: 73
Азис-эфенди — III: 259
Азисов Нияс — IV: 34, 82, 482
Аирчинская Р. — III: 521, 744; IV: 401
Айбабин А.И. — I: 106, 114, 125, 179, 180, 182, 185, 186, 197, 198, 218, 265, 376; IV: 401
Айваз Хатидже — III: 777
Айвазов Асан Сабри — II: 774, 779, 782, 836, 837, 842, 843, 844, 849, 863, 864, 867, 869, 870, 873, 875, 878, 904, 910, 916, 917, 919; III: 10, 18, 58, 61, 74, 75, 119, 384, 497, 688, 692, 696, 758, 769, 770, 780, 782, 784; IV: 401
Айвазовский И.К. — II: 488; III: 172
Айдер-Гирей — I: 311, 312, 319, 320, 321
Айдер-оглу — I: 271; IV: 401
Айни С. — II: 803
Айше (*коранич.*) — II: 307, 318
Айше-Фатьма-султан — I: 540
Акакий Акакиевич (*лит.*) — I: 53
Аким Умер — III: 408
Акимов — III: 402
Акки (Аккий) Исмаил Арифмемет-огълу — IV: 67, 486
Акки Смаил — III: 689
Аккы Д. — III: 770
Ак-Копек (Ак-Кибек) — I: 585
Ак-Косо — I: 350
Ак-Косю — II: 177
Акмолла Айше — III: 867
Акмолла Эбазир — IV: 72
Аксак-Али-мурза — I: 585
Аксаков И.С. — II: 597, 745, 754 — IV: 401
Аксаков К.С. — II: 754
Аксизова Шарие — III: 450
Актачи, род — I: 267
Акулов И. — III: 160
Акулов М.Р. — IV: 410
Акчокраклы Осман — I: 501, 864; III: 686, 688, 696, 728, 730, 733, 735, 743, 769, 784, 785, 786; — II: 604, 844
Акчура И. — III: 533; IV: 401
Акчура (Акчурин) Юсуф — II: 801, 817, 856
Акчурина-Муфтиева Н.М. — II: 57; III: 546
Акуш Улан — II: 595
Алаев Ибраим — III: 661
Алаев Л.Б. — I: 27; IV: 401
Алаев Ф. — III: 777; IV: 401
Аланка — II: 519
Алачи — I: 234
Албат, род — I: 267
Алекберли М. — IV: 401
Александер Г. — IV: 229–230
Александр, св. — II: 436
Александр I Романов — II: 428, 462, 463, 470, 472, 475, 495, 554, 567, 573, 577, 579, 899
Александр I Ягеллон — I: 422
Александр II Романов — I: 41, 59, 68, 85; II: 616, 633, 639, 640, 659, 664, 667, 668, 688, 695, 701, 702, 711, 719, 720, 721; III: 619

Александр III Романов — II: 653, 747, 751; IV: 37
Александр Македонский — I: 128, 136, 142, 145, 270
Александр (Скиндер) Мангупский — I: 196
Александр Невский — I: 31, 32; II: 569; IV: 237, 334
Александра Фёдоровна — II: 680
Александров А.М. — IV: 7
Александров В.А. — II: 136 — IV: 401
Александров И. — IV: 401
Александрович Рамазан М. — III: 384, 664, 688, 689, 692, 696, 758, 774, 783
Алексеев В.М. — IV: 401
Алексеев В.П. — I: 240; IV: 401, 402
Алексеев И. — IV: 384
Алексеев М.В. — III: 86
Алексеев Н. — III: 149; IV: 401
Алексеев Ю.Г. — I: 323, 324, 325, 326, 327; IV: 401, 402
Алексеева Е.В. — II: 452
Алексеева Л.Ю. — IV:
Алексеева Т.И. — I: 240; IV: 402
Алексей Михайлович — I: 244, 662, 664, 683, 744; III: 664
Алексей I Комнин — I: 224
Алексей, топарх Готский — I: 195, 196
Алексий, епископ — II: 654
Алиготинский — III: 202
Алиджанбей — I: 225
Али-оглы Сеид-Мемет-эмир — II: 664, 668, 669
Али, суфий — I: 501
Али Абд ар-Разин — I: 769
Али-Алитвер — I: 218
Али Асис — III: 777
Али-Бекар — III: 47
Али-Гирей — I: 837
Али Гуссейн-заде — II: 817
Али Рамазан — III: 636
Али-бей Хаким-оглу — I: 831
Али-бей Хункалов — II: 608
Али-заде Л. — I: 234
Али Мехмет-паша — I: 741
Али ибн-ал-Араби — II: 327
Али ибн-Сина (см. Авиценна)
Али Риза — III: 255
Али Суин — III: 545
Али Усейн — III: 47
Али-паша, крымский землевладелец — I: 402
Али-паша, силяхдар — I: 732, 734
Али-паша, фаворит Ахмеда III — I: 759
Али-эфенди, анатолийский турок — II: 657
Али-эфенди, учит — IV: 110
Алиев, парторг — III: 764
Алиев Айдер, архитектор — III: 534
Алиев Асан, миллифирковец — III: 138, 140
Алиев Бормамбет — IV: 106
Алиев Февзи — IV: 490
Алиев Х.К. — I: 16
Алиева Арза — III: 751
Алиева Мунире — III: 773
Алиева Светлана — IV: 152, 274, 402, 458
Алим, таракташский житель — III: 743
Алим, феодосийский житель — III: 255
Алим Амди — III: 777, 782
Алим-паша — II: 77
Алиме-Хатана — IV: 209
Алимоллаев Сулейман Усеин — III: 140
Алимсеитов Сеит-Халил — III: 605
Алипий (Воронов), игумен — IV: 89
Алисов Г. — II: 815, 827, 830, 835; IV: 402
Алиша-мирза — II: 246
Алицкий — IV: 36
Аллал С.М. — II: 46, 60; IV: 402
Аллах (Всевышний, Милосердый, Знающий и мн. др.) — I: 35, 217, 219, 281, 304, 336, 358, 379, 383, 385, 403, 414, 427, 435, 475, 476, 489, 495, 499, 505, 506, 515, 520, 544, 592, 617, 723, 802, 819, 860; II: 51, 60, 169, 171, 172, 235, 268, 272, 273, 274, 290, 295, 312, 317, 321, 336, 357, 408, 493, 537, 539, 540, 553, 570, 718, 839; III: 839, 852, 865, 869; IV: 272
Аллилуева Н.С. — III: 160
Аллаяр — III: 824
Алоизио дель Нуово (Алоизо, Алевиз Новый, Алоизо Ламберти ди Монтанья-на) — I: 316, 388; II: 165
Алпак-султан — I: 563
Алпатов В.М. — IV: 402
Алп-Гирей, калга Мехмеда II — I: 528, 607, 608, 611, 612
Алтайский, мурза (*лит.*) — III: 564
Алтанлы А. — III: 666, 669, 770, 782, 784
Алтугъ Февзи — III: 269
Алтунджи Э.П. — III: 21
Алтунин, староста — IV: 82, 84

Алтунин Михаил — IV: 82
Алферьев В. — II: 582
Альберт — III: 203
Аль-Джаниби М.М. — I: 383; IV: 402
Альмединге р В.В. — II: 921; IV: 402
Альперович М.С. — IV: 389
Альтин Гуливер — I: 19
Альчиков Арсен — IV: 489
Алядин Ш. — III: 666, 745; IV: 107, 402
Алядинов Аппаз — III: 260
Алядинов Бари — III: 447
Алядинов Кадыр — III: 260
Алядинова Л. — IV: 185, 402
Алями Рамазан — III: 593
Амага — I: 161
Амалы, готский клан — I: 180
Амати, династия мастеров — III: 184
Амброз А.К. — I: 178, 182, 187, 376; IV: 402
Амди Алим — III: 782
Амедов Ибраим — III: 163
Амет, адмирал — III: 65
Амет-Асан-оглу — II: 590
Амет Кадыр — III: 700
Амет Рашит — III: 692
Амет Юсуф — III: 861
Аметов, педагог — III: 692
Аметов, зав. Хан-Сараем — III: 604
Аметов, рабочий Коксохимзавода — III: 400
Аметов Асис — IV: 131
Аметов Бекир — IV: 116
Аметов Ильвер — I: 16; II: 50; III: 382
Аметов Искандер (Эскендер) Мустафович — II: 909
Аметов Исмаил — IV:116
Аметов Кадыр — IV: 104
Аметов Мамут — IV: 71
Аметов О. — III: 694
Аметов Сеид-Али — IV: 102, 104
Аметов Сеит-Халил — III: 688
Аметов Сервер — IV: 193, 485
Аметов Фазыл — IV: 481
Аметов Э. — II: 908
Аметов Энвер — IV: 486
Аметов Эскендер — III: 141
Аметова Венера — IV: 485
Аметчи-мурза Кокуватский — II: 590
Амзаев О. — III: 773
Амзаев Рустем — IV: 279
Амзан Мустафа — III: 85
Амин Касим — II: 308
Аминов — IV: 261
Аммиан Марцеллин — I: 110, 209; IV: 381
Амуджи-оглы Гуссейн-паша — I: 719
Амфитеатрова Ж. — I: 229; II: 129; IV: 402
бен-Анас Малик — I: 556,
Анастасиев — II: 724
Анатра А.А. — II: 840, 927; III: 17, 114
Ангальт-Кетенский, герцог — II: 513
Андерс В. — IV: 402
Андерсен Х.К. — I: 18
Андреади Ф. — III: 24, 25
Андреев А. — I: 735
Андреев П.М. — III: 861
Андрей Боголюбский — I: 420
Андрей Первозванный — I: 270, 758
Андрей Углицкий — I: 324
Андрианов А.В. — II: 898
Андриевский А. — I: 654; II: 26, 133, 182, 184, 211, 246, 263, 414, 457, 685; III: 238; IV: 402
Андрущенко А. — IV: 196
Анна, византийская принцесса — I: 224
Анна Иоанновна — I: 777, 781, 782, 790, 792, 797, 798, 799, 801, 804, 805, 811, 815, 821, 840, 842
Анненков И.В. — II: 592
Анненский Л. — I: 383
Аноним — II: 116, 119, 145, 185, 186, 191, 193, 194, 242; IV: 382
Анохин В.В. — II: 88
Антипова А.В. — I: 364; IV: 402
Антихрист (*библ.*) — I: 26, 27
Антонеску Й. — IV: 45
Антоний, архиепископ — I: 440
Антоний Римлянин — I: 194
Антониковский — III: 408; IV: 402
Антонов Л.Г. — III: 87
Антонович В. — IV: 416
Антонов-Овсеенко А.В. — III: 492, 504, 505; IV: 402
Антонов-Овсеенко В.А. — III: 191, 252
Анчев П. — II: 693 — IV: 402
Апанович О.М. — I: 635; IV: 403
Апетер И.А. — III: 505
Апетер Н.А. — III: 497
Апечери Мамут — III: 698
Аполлон (*миф.*) — II: 547
Аполлоний — I: 113
«Татарин Аппаз», командир зелёных — III: 202

Аппазов Абдураман — IV: 72
Аппазов А.С. — II: 881
Аппазов Азамат — III: 502
Аппазов Мемет — IV: 116, 126
Аппазов Осман — IV: 72
Аппазов Рефат Фазылович — I: 17; IV: 308, 482, 488
Аппазов Сеитхалил — IV: 73
Аппак-бей — I: 563
Аппиан — I: 114, 123, 162; IV: 382
Апраксин П.М. — I: 781
Арабаджи — II: 685
Арабаджи Рустем — III: 470
Арабаджи Усеин Мустафа — III: 163
Арабаджи У.У. — III: 688
Арабские, род — II: 388
Арабский И. — III: 76
д'Арагон — II: 57, 105, 467; IV: 403
Араджиони М.А. — IV: 466
Аракчеев А.А. — II: 567
Аранчи, род — I: 267
Аратук, род — I: 267
Арбузов В.Д. — IV: 446
Аргайл М. — II: 245, 339, 535; IV: 403
Аргин Измаил-бей — IV: 330, 331
Аргин Шагпаз-бей — IV: 330
Аргин (Аргинские), род — I: 267, 315, 467, 533, 534, 548, 587; III: 561, 563
Аргинский А. — II: 602
Аргинский Амет — III: 141, 562
Аргинский аноним — I: 583, 593, 616, 617, 621; II: 236; IV: 382
Аргинский Асан — III: 562
Аргинский Гази — III: 562
Аргинский Девлет — III: 562
Аргинский Мемет-мурза — II: 388
Аргинский Мегметшах-мурза — II: 478
Аргинский Мурат — I: 583
Аргинский Мустафа — III: 562
Арендт Х. — II: 704, 772, 818, 899; III: 336, 596, 655, 668; IV: 403
Арибджан Ислям — III: 698
Арий — I: 183
Арипов Зекирья — III: 502
Аристов А.А. — IV: 116
Аристотель — I: 26; II: 233
Ариф Куртсеит — II: 25
Ариф-заде Абдуль-Хаким Ильми — III: 123
Ариф-огълу Саледин — II: 682
Арифджановы, группа семей — III: 475, 476, 683, 684,
Арифов, предс. сельсовета Симеиза — III: 699
Арифов, работник СНК Крыма — III: 680
Арифов Вели — III: 696
Арифов Мустафа — IV: 72
Арифов С. — III: 336
Арман Фериде — IV: 483
Армутчи-оглу — II: 473
Арнаут Яя — III: 638
Арнаутов — IV: 213
Арнаутов Муаррем — IV: 213
Арнаутов Шевкет — IV: 489
Арпоксаис (*лит.*) — I: 126
Арриан — I: 113; IV: 482
Арсеньев В. — IV: 169
Арсил — I: 180
Арслан-гази Аслан — III: 163
Арслан-Гирей, хан — I: 556, 841, 845, 846, 847, 861; IV: 319
Арслан-Гирей, претендент на престол Шагина II — II: 234, 235, 361
Артакия — I: 112
Артамонов А. — I: 766
Артамонов В.А. — I: 46, 692, 693, 742, 746, 748, 779, 780, 786; IV: 137, 139, 403
Артамонов М.И. — I: 106, 107, 108, 130, 217, 222, 244, 245, 247; IV: 403
Артемида (*миф.*) — I: 112, 113, 114, 115, 120, 122, 169
Арутюнян Ю.В. — III: 376; IV: 403
Арцибасов И.Н. — III: 21
Арцыбашева Т.Н. — I: 245
Арш Г.Л. — II: 442, 448; IV: 403
Аршаруни А. — II: 801, 802, 807, 813, 815, 816, 818, 828, 843; III: 512, 528; IV: 403
Асан Аджи Ягья — III: 206
Асан Бекир — III: 344
Асан-къызы Суваде — IV: 271
Асан Мустафа — III: 50
Асан Нури — III: 785
Асан Сейдамет — III: 694
Асан Селим — II: 641
Асан Тохтар — III: 851
Асан Усние — III: 867
Асан Эбиде — III: 867
Асандр — I: 162
Асанов — III: 584
Асанов Али — III: 696, 722, 753, 754
Асанов Асан — IV: 403, 489
Асанов Ибраим — IV: 50

Асанов Муртаза — III: 433; IV: 184, 250
Асанов Осман — III: 773
Асанов Р. — III: 88
Асанов Риза — IV: 37, 281, 487, 489
Асанов Сале — IV: 74
Асанов Сервер — IV: 485
Асанов Умер-Аджи — III: 674
Асанов Усеин — IV: 74
Асанов Факир Муртазаевич — IV: 489, 490
Асанов Эмирсале — III: 633
Асанова Абибе — IV: 131
Асанова Джемиле — IV: 259
Асанова Зулейха — III: 777
Асанова Кевсер — IV: 482
Асанова Эдие — IV: 157
Асанова Эсма — IV: 186
Асие — I: 302
Асине Белял — III: 679
Аскольд — I: 238
Аскольдов С.А. — I: 51
Аслан-огълу Суин — III: 249
Аслан-огълу Чурай — III: 249
Асманова А. — III: 458
Аспарух — I: 213
Астафьев В.П. — IV: 3, 13, 23, 30, 152, 403
Атаманенко В.Б. — I: 400, 429, 448, 785; IV: 403
Ататюрк Мустафа Кемаль — III: 72, 497, 500, 513, 762, 869; IV: 377
Атлас М. — III: 44, 46, 48, 322; IV: 403
Аттар К.А. — III: 41
Аттила — I: 185, 210
Афанасий — I: 115; IV: 382
Афанасьев Ю. — III: 409
Афинагор — I: 114; IV: 382
Афендулов — III: 697
Афифи — II: 225, 233
Афуз Мемет Али — III: 693, 858
Афуз Мемет Хейредин — III: 259
Афузов С.А. — IV: 170, 403, 404
Ахиезер А.С. — I: 20, 60, 67; II: 395; III: 287, 536; IV: 404
Ахмад бин Ханбал — I: 556; II: 540
Ахмад Шейх-Ахмед — I: 327
Ахматовичи, сыновья Ахмада Шейх-Ахмеда — I: 327
Ахмед I Осман — I: 618, 623
Ахмед II Осман — I: 682, 700
Ахмед III Осман — I: 682, 721, 723, 727, 732, 757, 759, 760, 761, 763, 768, 772, 791, 793
Ахмед, ордынский хан — I: 323, 324, 325, 421
Ахмед-ага, кападжи-баши — II: 365
Ахмед-Ахай (*лит.*) — I: 230
Ахмед-Гирей, калга Девлет-Гирея I — I: 592, 617
Ахмед-Гирей, сын Мехмед-Гирея IV — I: 672
Ахмед-Гирей, сын Девлет-Гирея II — I: 592
Ахмед-Девджет-Бей — III: 500
Ахмед Нуруддин (*лит.*) — II: 612
Ахмед-бей (XV в.) — I: 290, 410, 501
Ахмед-паша, великий визирь — I: 643
Ахмед-паша, военачальник — I: 762, 770
Ахмед-челеби — I: 613
Ахмед-ходжа — I: 356
Ахмед-шах-мирза — I: 548
Ахмед-эфенди — II: 613
Ахмеджинов Газинзял — III: 343
Ахмет, ордынский хан — I: 310
Ахмет, азовский пристав — I: 690
Ахмет, помкомандира «зелёных» — III: 202
Ахмет(Ахмед)-Ахай (*лит.*) — III: 776
Ахмет-Гирей Султан — IV: 430
Ахмет-ага, чауш — I: 690
Ахмет Кямиль Кырыми — II: 454
Ахмет Мидхат-эфенди — II: 794; III: 58
Ахметович А. — III: 60
Ахунд-ага — III: 833
Ахундов Рустем-бей — II: 766
Ачказы-ага — II: 388
Ашик-Гариб (*лит.*) — I: 230
Ашик Умер — I: 503, 535; II: 223, 224
Ашир Абдулла — III: 50
Аширов Абдулкерим — IV: 116
Аширов Аппаз — III: 692
Аширов Эннан — III: 692
Ашрафян К.З. — IV: 429
Аштер Малик (Малик аль-Аштар бин Харита эн-Нахаи) — I: 270
Аюбиды, династия — I: 273
Аюка — I: 683, 685, 742, 781, 782
Б-нь — II: 343, 413; IV: 404
Баба Шейх бин Хавадж — III: 730
Баба-Гирей-султан — I: 572
Бабаев — IV: 106
Бабалиев Алим Султан — IV: 246
Бабалиев Эрзаде — IV: 246
Бабахан Н. — IV: 404

Бобашкин В.В. — I: 66; IV: 404
Бабейко Ф.С. — III: 211
Бабенко П. — IV: 107
Баби Мухаммед Гийаси — I: 355
Бабов Ибадулла — III: 771
Бабович С.С. (Хаджи-ага Бабович) — II: 15, 598
Бабочкин — III: 203
Багалий Д. — I: 9
Багдади Шейх Джунаид — I: 502
Багиев И. — III: 347; IV: 404
Багир Абдул-Резак-эфенди — IV: 346
Багреев (Фролов-Багреев) — III: 83, 173
Багрицкий Э.Г. — III: 719
Багров М.В. — IV: 446
Багров Н.В. — III: 529
Бадер О.И. — I: 98; IV: 440
Балольо П. — IV: 254
Бадраклы Майре Османовна — IV: 39, 273
Бадраклы Мустафа — III: 138, 141
Бадраклы С. — II: 782
Баев Б. — III: 209
Баев Г. — IV: 483
Баезид (Баязид, Баазит) II — I: 312, 314, 322, 327, 329, 331
Баженов К.П. — II: 924
Базарова В.В. — III: 760, 764; IV: 404
Баздаг-агъа — I: 548
Баиов А. — I: 800; IV: 404
Байбуртлы — III: 692
Байбуртлы Я. — II: 779, 782, 860; III: 743
Байдак О.С. — IV: 488
Байдак Смаил — IV: 490
Байдарские, род — II: 388
Байдарский Н. — IV: 118, 404
Байерле П. — III: 50,
Байков А. — III: 753
Баймухаметов С. — IV: 19, 404
Байрам-Али Асан — III: 545
Байрам Исмаил — III: 163
Байраш-бей — I: 563
Байрашевский Яхья — III: 696
Байторсунов А. — III: 760
Бакаи — II: 225
Баки, крымец — IV: 262
Баки, узбек — IV: 271
Баккал Р. — IV: 281
Баккал Усеин — III: 773; IV: 281, 224
Бако Г.А. — II: 920
Баксан, род — I: 267
Бакунина Е.М. — II: 593
Бакши — II: 14
Бакши Кадыр — III: 683
Бакшиш Исмаил — IV: 278
Бакы-бей, ногаец — I: 454, 584, 585
Бакы-бей, ханский сын — I: 582
Балар М.К. — I: 254, 258, 260; IV: 404
Балатуков — II: 314
Балатуков Али-мурза — II: 765
Балатуков Кая-бей — II: 470, 476, 548, 713, 714
Балатуков Мемет-бей — II: 592, 599
Балатукова Пембе-ханум — II: 314
Балатуковы, род — II: 314
Балджиев Билял — II: 740
Балдуин Фландрский — II: 422
Балич А.Х. — IV: 92
Балич (Баличев) У.В. — II: 782, 796; III: 117, 337, 500, 515, 518, 525, 526, 688
Баличев М. — III: 188
Балтаджи-паша Мехмед — I: 750, 753, 755–760, 763
Балты, готский клан — I: 180
Балтычак — I: 300
Бальмен А.Д. де — II: 379, 381, 389, 484
Бальмонт К. — IV: 401
Бамат Кургоний — I: 799
Банк А.В. — IV: 426
Бантыш-Каменский Д.Н. — I: 637, 694, 703, 704; IV: 404
Бантыш-Каменский Н.Н. — IV: 404
Баптист Ян — I: 342
Барабанов О.Н — II: 178 — IV: 404
Барабаш Нафе — III: 692
Барабаш Эип Осман — III: 195
Барак Баба — I: 499, 501
Баран-Кешишев Леон — III: 605
Баранов И.А. — I: 179; IV: 404
Барановский — II: 665, 666, 667, 668
Баранченко В.Е. — II: 902 — IV: 405
Баранчинский Ягья-мурза — III: 68
Баратынский Е.А. — II: 589
Барбаро И. — I: 196, 346, 347, 348, 351, 413, 460, 463; II: 176; IV: 370, 382
Барбаш Нафе — IV: 72
Барбашев — II: 503, 504
Барбюс А. — III: 652
Барг М.А. — IV: 405
Бардаз Хусейн-мирза — I: 548
Бардамова Е.А. — I: 90
Барие Алим — IV: 245

Барие Сеитвели — IV: 245
Бариев, учитель — III: 764
Бариев, чиновник — III: 716
Бариев Абдулваап — III: 690
Бариев Вилуль — IV: 17, 262
Бариев Джепар — III: 602
Бариев Эрем — IV: 60
Бари Азми Абдул — III: 141
Барк — III: 204
Барон Бенджамин — I: 651
Барт А.П. — III: 109
Бартольд В.В. — I: 173, 226, 263, 511, 560, 810, 813, 814; II: 308, 407, 457; IV: 405
Барушки — II: 656
Барщевский И.А. — I: 202, 308, 862,
Барын, род — I: 267, 303, 309, 315, 467, 516, 533, 534, 587
Басов А.В. — I: 176; II: 931; III: 218; IV: 16, 18, 32, 255, 302, 405
Басса — I: 319
Бастоми Султан Баязид — I: 502
Баталов С.А. — III: 88
Баталова Н. — IV: 182
Бат-бай — I: 213
Баткин Л.М. — I: 380, 383; IV: 405
Батман Абла — IV: 106
Батунский М.А. — II: 814, 819; IV: 405
Батыев С. — IV: 400
Батый — I: 90, 94, 228, 233, 234, 264, 266
Батыр-агъа — II: 51
Батыр-агъа Ойрат — II: 420, 440, 490
Батыров Аблямит — IV: 72
Батюшков К.Н. — II: 121
Батюшков П.Н. — I: 182
Бауман К.Я. — III: 615
Бауэр О. — III: 146
Бах И.С. — II: 248
Бахадыр-Гирей I — I: 628, 651, 682, 698, 851; IV: 319
Бахадыр-Гирей II — IV: 320
Бахадыр-Гирей, калга Мехмед-Гирея I — I: 571, 572
Бахадыр (Бегадир)-ага — IV: 330
Бахревский Е.В. — I: 499; II: 94
Бахриты, династия — IV: 369
Бахрушин С.В. — I: 369, 399, 408, 409, 444, 447, 466, 469, 470; II: 427, 483; III: 667; IV: 405
Бахт-Гирей — I: 782; IV: 320
Бахтияр-бей — I: 577
Бахты-Гирей — I: 778, 781, 789
Бахчеван Решид — III: 695
Бахшиш И. — III: 773
Бахшиш Исмаил — IV: 278
Бачман — I: 233
Баш Сайде — IV: 72
Башкиров А.С. — I: 278, 289; IV: 405
Баштиев Гане — III: 563
Бегадир (Бахадыр)-ага — IV: 330
Бегильдеев — II: 475
Беди Юсуф — IV: 106
Беднев (Бедиев?) Абдурефи — III: 471
Бедреддин Аджи — II: 912, 915
Беер Г. — I: 774; IV: 405
Бежанов — IV: 167
Безбородко А.А. — II: 383, 433, 490; IV: 452, 485
Безсонов П. — IV: 387
Безчинский А. — II: 420, 449; IV: 405
Бейбарс, Захир Рукн ад-дин (аль-Мелик аз-Захир) — I: 273, 275, 276
Бейдилли К. — II: 353, 392, 433, 437, 439, 472; IV: 405
Бейлер — III: 24
Бей-Тулаев Абденан — III: 561
Бейтулла Кубейдин — III: 259
Бей-Юде-султан — I: 290, 501
Бекаев М.М. — IV: 187
Бекаревич — II: 666
Бекаттини Ф. — II: 413
Бекбуди М. — II: 803
Бекетов П.Н. — II: 643
Бекир Абу — III: 546
Бекир Асан — III: 163, 344
Бекир (Дагджи) — III:
Бекир Сеит — III: 343
Бекир Сеит-Умер — III: 447
Бекиров, житель Демирджи — III: 696
Бекиров, житель Джанкоя — III: 551
Бекиров А. — II: 756, 770
Бекиров Абдул-Хаир — III:
Бекиров Абибулла — III: 849
Бекиров Али-ага — I: 16
Бекиров Кара — III: 201
Бекиров М. — III: 385
Бекиров Мустафа — III: 677, 691; IV: 460
Бекиров Мемет — II: 790, 872
Бекиров Мемет — III: 50
Бекиров Надир — I: 18
Бекиров Осман — III: 259, 516, 521, 664
Бекиров Сеит — III: 858
Бекиров Сеит Бекир — III: 163

Бекиров Сеитбрам — IV: 188
Бекиров Суфьян — III: 663
Бекиров Эмир Асан-ага — II: 790
Бекиров Юрий — IV: 487
Бекирова Гулизар — IV: 278, 489
Бекирова Гульнара — IV: 173, 405
Бекирова Зулейха — IV: 482, 485, 487, 488
Бекирова Кефие Асановна — IV: 172, 273, 488
Бекирова Л. — II: 311, 323, 329; IV: 405
Бекирова Ребие — III: 690, 691
Бекирова С.А. — III: 478, 551; IV: 484
Бекирова Эмине — IV: 483
Бекировы, семья — III: 551, 552
Бек-Мамбетов Изет-Эмин — III: 561
Бек-Мамбетов Нуман — III: 560, 561,
Бек-Мамбетовы, семья — III: 561
Бекмамбетова Абде — III: 450
Бекташев Мустафа — IV: 256
Бекташев Осман — IV: 256
Бекташев Эмирсин — IV: 256
Бектемиров Сабиржан — IV: 358
Бекторе Шевки — III: 750, 779, 780
Беленький М. — I: 270
Белецкий А.А. — I: 269; IV: 405
Белик А.А. — III: 396; IV: 405
Беликов Д. — I: 181, 182; IV: 405
Белинский В.Г. — I: 73, 78
Белкин-Шацкий — III: 355
Белов А.А. — IV: 388
Белов Е. — I: 839
Белоглазов Р.Н. — III: 6, 12, 63, 67, 83, 112, 330, 335, 337, 500
Белокреницкий В.Я. — I: 37; IV: 405
Белолипецкий И.В. — III: 500
Белоус — III: 857
Бельский Б.Я. — I: 613
Бельский И.Д. — I: 596
Бельский И.Ф. — I: 576
Бельский С.Ф. — I: 584, 585
Белый Андрей — I: 55
Белюкбаши Абла — II: 378
Белюкин Д. — III: 107
Белядко — III: 203
Беляев — IV: 89
Белял — III: 107
Белялов Ягья А. — III: 141
Бен Белла — III: 490
Бендер-бей Ибрагим (*лит.*) — I: 236
Бендер Остап (*лит.*) — I: 236
Бенензон М.Е. — III: 42, 218, 238; IV: 405
Бенкендорф А.Х. — II: 549
Беннигсен А.А. — II: 800, 821 — IV: 405
Беньямин В. — II: 611; IV: 406
Берберова Н. — III: 703; IV: 406
Берг Л.С. — I: 364
Берг Ф. — II: 683
Берггольц Ольга — IV: 39
Бердибек — I: 254
Бердяев Н.А. — I: 24, 27, 41, 54, 69, 71; II: 759; III: 817; IV: 406
Бережанская Б.Б. — III: 293, 300, 316, 317, 318; IV: 406
Бережков М. — I: 539; IV: 406
Беренклау — I: 836
Берке — I: 234, 237, 274, 275, 276, 290
Берндт — II: 425, 630
Бернштам А.Н. — I: 209, 371; IV: 406
Бернштейн Э. — II: 859
Бернченок — I: 655
Берос — I: 146
Бертельс — I: 407
Бертран — II: 525
Бертье-Делагард А.Л. — I: 297, 298; II: 369, 370, 373; IV: 406
Бессарабова Н.В. — II: 437, 438; IV: 406
Бессонова М.А — IV: 426
Бессонова С.С. — I: 140; IV: 406
Бестужев И. — II: 582, 584; IV: 406
Бече — I: 222
Беширов И.И. — III: 674
Бешкадем Амет — IV: 270
Бёлюк — I: 589
Бёме Я. — II: 522
Бианки П.И. — II: 920
Биарсланов Осман-бей — III: 17, 18, 21
Биарслановы, княжеский род — III: 563
Бибиков И. — I: 612, 613
Бибихин В.В. — I: 384; II: 310, 332; IV: 406
Білуха Ю. — IV: 243, 406
Бикова Т.Б. — III: 3, 157, 158, 167; IV: 406
Билял Усеин — III: 259
Билял-кызы Г. — III: 83; IV: 182, 286, 406
Билялов Нафе — IV: 116
Билялова Лейля — IV: 279
бин-Бирдибек Ямгурчи — I: 585, 591
Бирзгал Я. — III: 776
Бири эс-Сеид Абдуллах (Ессеид Абдуллаг) — IV:
Биркенгоф П.И. — III: 15; IV: 406
Бирнам Хазы Абдурахман — III: 163
Бирон М. — I: 812, 817

Бирон Э.И. — I: 817
Бисмарк О. фон — II: 502
Битак, род — I: 267
Биязова Нурие — IV: 200, 250, 486
Блаватская Е.П. — III: 848
Блаватский В.Д. — I: 165, 167, 180; IV: 407
Блеклый В. — I: 733
Блок А.А. — I: 20, 55
Блок Р. — I: 135, 136, 163; IV: 438
Блуменбах И. — II: 253
Блюм А.В. — IV: 407
Б-н И. — I: 344; II: 343, 413, 640, 683; IV: 407
Бобин В.В. — I: 111; IV: 407
Бобринские, династия промышленников — II: 776
Бобринский В.А. — II: 777
Бобков А.А. — I: 111; IV: 407
Бобо Билял — IV: 106
Бобров С.С. — II: 120; IV: 407
Бобровский П.С. — III: 71, 75
Бобылёв П.Н. — IV: 12, 407
Богаевский Б.Л. — I: 122; IV: 407
Богаевский К.Ф. — III: 787, 788
Богатко О.Н. — IV: 491
Богатырёв И.В. — IV: 427
Богданов А.П. — I: 687, 688; IV: 407
Богданов Н.Н. — II: 879, 880, 881, 884
Богословская Т.А. — II: 187; IV: 448
Богословский М.М. — I: 694, 695, 713; II: 582; IV: 407
Богучарский Е.М. — IV: 407
Богушевич И.А. — III: 60
Боданинская Анифе Исмаил-кызы — II: 876, 912
Боданинские, род — II: 738
Боданинский Абдурефи — II: 738, 796; III: 76
Боданинский Али — II: 763, 779, 782, 867, 876, 881, 910, 916; III: 76, 117, 119, 837
Боданинский (Баданинский) Усеин — I: 256, 278, 289; II: 22, 160, 168, 796, 910; III: 82, 117, 254, 696, 712, 728, 730, 733, 743, 745, 746, 768, 774, 787, 793, 844; IV: 300, 407
Бодрак, род — I: 267
Бодраклы Майре — III: 82; IV: 53
Бодьен — IV: 18
Бодэ де — III: 62
Бодянский О. — I: 703, 754, 767; IV: 382
Бозак, род — II: 230, 267
Бок Ф. фон — IV: 19
Боккаччини П. — II: 135
Болат-бей — II: 547
Болат Юсуф — III: 781
Болатуков У. — III: 743
Болбочан П.Ф. — III: 56
Болгов — I: 204; IV: 407
Болек — I: 402
Болотин З. — III: 446, 448, 644; IV: 407
Болотников И. — IV: 383
Бонч-Бруевич В.Д. — III: 4
Бонч-Осмоловский Г.А. — I: 95, 96; II: 3, 269, 304, 314; III: 730; IV: 407
Боплан Г.Л. — I: 338, 395, 397, 416, 417, 449–453, 456, 462, 464; II: 185, 192, 212, 242; IV: 382
Бораганские, род — II: 388
Борагинский И. — III: 785
Борзенко А. — I: 854
Борзиков Владимир — IV: 484
Борзов Н. — IV: 130
Борис Волоцкий — I: 324, 325
Борисов В. — III: 831
Борисова Л. — IV: 393
Бормамбет Сеид-Али — III: 777
Боровский А.А. — III: 64
Бороздин А.М. — II: 477, 480, 496, 497, 503, 504, 516
Бороздин И.Н. — II: 409; III: 730, 731, 753; IV: 407
Бороздна И.П. — II: 75
Бороноев Л.О. — I: 48; IV: 407
Борт-Сеит-мазин Джапар-оглу — II: 676
Босворт К.Э. — IV: 320, 408
Боскамп-Лясопольский Кароль — I: 848
Боснаев — III: 689
Боснаев Ибраим — IV: 130
Боснаев Осман — IV: 105
Босняков Амет — III: 577
Босняков Смаил — III: 577
Боснякова Н. — III: 577, 600, 601, 602; IV: 408
Боссоли К. — II: 513
Боталов С.Г. — I: 206; IV: 408
Ботеро Дж. — I: 464
Боткин С.П. — II: 65
Ботсвейн Т. — IV: 443
Ботум-Катагун — I: 78
Боффа Д. — I: 78; III: 504; IV: 408
Бохчи Аппаз — IV: 206

Бочагов А.К. — II: 745, 778, 853; III: 62, 111, 120, 121, 129, 132, 133, 134, 137, 292, 324, 524, 810; IV: 408
Бочаров С.Г. — I: 307
Бочкарёв А.А. — IV: 38, 65, 80, 81, 96, 408
Бочкарёв В.Н. — II: 578, 582; IV: 408
Бочкин-Чалчи — I: 519
Боянджиев Т.С. — III: 356, 357, 325, 692, 756, 757, 837; IV: 408
Боянджиева Ферувзе — III: 689
Боян-Слу (*лит.*) — II: 218
Бравлин — I: 192, 238, 239
Брагин А.Г. — III: 294, 295, 506
Брагина Н.Г. — III: 384, 388; IV: 408
Брайчевский М.Ю. — I: 176
Бран — I: 382
Бранденбергер Д.Л. — III: 375; IV: 408
Брандт М.Ю. — III: 165.
Браницкий Я.К. — I: 858
Бранкован (Брынковяну) Константин — I: 745, 749
Браун А. — II: 23, 67, 135
Браун Ф.А. — I: 201, 269; IV: 408
Брауне В. — IV: 89
Бредаль П.П. — I: 804, 820, 822, 823, 835, 838
Брендель — IV: 123
Бри-Бейн М.Ф. — III: 359
Брикнер А.Г. — I: 631, 709, 774; II: 385, 390, 417, 436; IV: 408
Брил Олкотт М. — IV: 438
Бриньи А. де (Дебриньи, Дебринь) — I: 833
Брим В.А. — I: 246, 247; IV: 408
Бробю-Йохансен Р. — I: 412, 470
Бродель Ф. — I: 437, 777; II: 281 — IV: 408
Бродский Б.Г. — III: 141
Бройдо Г.И. — III: 294
Бройнингер В. — IV: 47, 53, 126, 408
Бройтигам О. — IV: 117
Бромлей Ю.В. — I: 109; IV: 408
Броневский Мартин — I: 158, 195, 260, 336, 351, 400, 401, 413, 416, 437, 446, 458, 525, 544, 545, 546, 854; II: 19, 28, 31, 35, 49, 51, 92, 99, 106, 1120, 114, 116, 122, 128, 136, 138, 140, 146, 149, 150, 176, 181, 182, 189, 213, 266, 270, 277, 284, 285, 397, 399, 401, 402, 444, 445, 446, 452, 470, 484, 490, 508; IV: 408
Бронфман Роман — I: 270
Брошеван В.М. — III: 79, 208, 212, 217, 422, 681, 697; IV: 408,409
Брун — II: 346
Брун Ф.К. — I: 449, 468, 521, 544, 814; II: 80, 138, 236, 242, 264; IV: 382
Брусилов А.А. — I: 76; II: 855
Бубнов А.С. — III: 375
Бугай Н.Ф. — IV: 47, 161, 163, 166, 170, 212, 278, 279, 280, 289, 290, 291, 295, 409
Буданова В.П. — I: 178, 180, 182; IV: 409
Буденжир-Могат — I: 519
Будённый С.М. — III: 173; IV: 27, 128
Буджурова Л. — I: 17
Будилович А. С. — II: 827, 832, 834; IV: 409
Бузенко А.А. — I: 861; II: 51; IV: 383
Буй-мирза — I: 582
Булавин К. — I: 731, 781
Булат, князь — I: 569
Булат Велитаев — II: 682
Булатов В.С. — IV: 116, 123, 129
Булгак, род — I: 548
Булгаков А.И. — III: 739
Булгаков В.А. — IV: 409
Булгаков М.А. — I: 9
Булгаков Муртаза — III: 138, 141
Булгаков С.Н. — I: 26, 55; II: 536; IV: 409
Булгаков Я.И. — II: 378, 390, 438
Булгакова Зейнеб-ханым — III: 557
Булгаковы, дворянский род — III: 563
Булганаклы Г. — III: 666
Булганин Н.А. — IV: 171
Булдаков В.И. — I: 46, 63, 67; IV: 409
Буллеев А. — IV: 79
Булевский Я. — III: 14
Буллит У. — III: 176
Булушев З. — III: 497
Булыгин А.Г. — II: 742
Булычёв А. — I: 435
Бумедьен Х. — III: 490
Бунегин М.Ф. — II: 788, 790, 857, 884, 885, 892, 895, 896, 931; III: 32, 35, 38, 44, 62, 69, 73, 77, 86, 93, 95, 104, 105, 127, 334; IV: 409
Бунин И.А. — I: 53, 376; III: 50, 740, 816; IV: 140, 383
Буниятов З.М. — I: 496, 500; IV: 409
Бунятян Е.П. — IV: 406
Бураган, род — I: 267
Бурдей Г.Д. — I: 601
Буркхардт Я. — I: 228

Бурмамбетов Джумам — II: 601
Буров Г.М. — I: 97, 112, 121, 135, 156, 163, 182, 221, 226, 230, 288, 403; II: 98, 140, 141, 306; IV: 409
Буровский А. — II: 281, 480, 854 — IV: 409
Бусбек О. — I: 198, 199; IV: 409
Буссов К. — IV: 383
Бутаев Б.; IV: 216, 409
Бутаков Г.И. — II: 888
Бутурлин В. — I: 661
Бутурлин И. — I: 660
ал-Бухари — I: 356
Бухарин Н.И. — III: 153, 296, 328, 391, 517, 531, 659, 692, 718; IV: 409, 410
Бухвостов П.Я. — II: 352
Буховец О.Г. — I: 63; IV: 410
Бухштейн — III: 355
Бушинский П.Н. — IV: 410
Бушуев В. — III: 153; IV: 410
Быков Д. — II: 520
Быкович К.Б. — IV: 79
Быстрицкий А. — I: 48
Быстрова Н.Е. — IV: 393
Бэкон Р. — I: 357
Бэр К.М. — I: 130
В.К. — IV: 410
Ваап Арсланбек — III: 471
Ваап-оглу Мамбед-аджи — II: 682
Вавилов Н.И. — III: 398
Вадзинская А. — II:18, 131; IV: 410
Вайль Л. — IV: 233
Вайнштейн А. — III: 303
Вайратский — II: 491
Вайсброд — IV: 383
Вайсман В.М. — IV: 388
Вайтов Идрис — III: 801
Вакатова Л.П. — III: 576, 849; IV: 410
Вакх (*миф.*) — I: 113
Валеев Р.М. — I: 273, 277, 357; IV: 410
Валентинов Н.В. — III: 277; IV: 410
Валидов Заки — III: 488, 819
Валиев Нури — IV: 260
Валлер, коммерсант — II: 685
Валуев Д.В. — III: 568; IV: 410
Вальполь (Уолпол) Г. — I: 821
Валякин А.В. — III: 131, 137, 138; IV: 464
Вамбери А. — II: 817
Ванатова Л. — III: 567; IV: 410
Ваниев — III: 698
Ваниев Тевфик — III: 851, 859
Вапиев Мухамед-Субхи — IV: 482, 484, 488
Вапиев С. — II: 225
Варахловский Г.А. — IV: 427
Варваровский Ю.Е. — I: 439; IV: 410
Варечкин — IV: 295
Варнек А.Г. — II: 464
Василевский А.М. — IV: 9, 16, 129, 410
Василевский В.Г. — IV: 386
Василевский В.М. — I: 789
Василенко М. — IV: 416
Василий II, византийский император — I: 152, 238
Василий II «Тёмный» — I: 308
Василий III Иоаннович — I: 328, 330, 400, 563, 568, 569, 570, 571, 574, 575, 576, 584
Василий IV (Шуйский) — I: 620
Василий, епископ — IV: 89
Васильев А.А. — I: 178, 186, 187, 192, 193; IV: 410
Васильев Б. — II: 931 — IV: 410
Васильев Л.С. — I: 490; IV: 410
Васильев Н.В., архитектор — III: 786
Васильев Н.В., историк - IV: 410
Васильев С.В. — I: 151, 262; IV: 410
Васильевский В.Г. — I: 192; IV: 383, 410
Васильчиков И.В. — II: 626, 725
Вассал — II: 679
Вассаль — II: 513
Васыф — II: 181
Васюков С.И. — II: 104, 106, 111, 116, 132, 175, 246, 270, 276; IV: 410
Васюренцов — I: 244
Ватолина Н.Н. — IV: 15
Ватурий — I: 186
Вашари И. — I: 230; IV: 383
Вашингтон Дж. — I: 514
Вдовиченко И.И. — I: 114; IV: 410
Вдовиченко И.С. — II: 584; IV: 410
Вебер К.М. фон — II: 248
Вебер Ф.-Х. — II: 140
Вегер Е.И. — III: 399
Веджи Мехмет Коджаахмед — III: 861
Веджихи У. — II: 225, 231
Везиров Ю. — III: 123
Вейдемейер А. — I: 819
Веймарн Е.В. — I: 162, 241; II: 25, 140; IV: 410, 411
Вейрат, род — I: 267
Вейсбах И.Б. — I: 800, 801
Велиджанов Муртаза — IV: 224
Велиев А. — IV: 298

Велиев Аблязиз — III: 640
Велиев Мустафа — III: 28, 46
Велиев Осман — III: 28, 46
Велиев Э. — III: 664
Велиев-Тевфик — III: 312
Велиева — III: 689
Велил Эммин — III: 681
Велилаева Алибе — IV: 481
Величко К. — II: 907
Величко Самуил — I: 339, 725; IV: 383
Величко С.В. — IV: 320
Велиулаев Эмир Усеин — III: 679
Велиулаева Ление — IV: 295
Велиша Мембет-Сеит — III: 851
Велиша Сеит-Халил — III: 163
Велишаева Алие — IV: 484
Вельзек — I: 830
Вельфлин Г. — II: 33; IV: 411
Вельяминов-Зернов В.В. — I: 309, 310, 311, 321, 325; IV: 411
Венер М. — III: 288, 464; IV: 411
Веникеев К. — II: 120, 128 — IV: 411
Венюков М.И. — II: 696 — IV: 411
Вергасов И. — IV: 101, 110, 411
Вересаев В.В. — II: 898; III: 248; IV: 411
Вербицкая Г. — I: 527
Верёвкин С. — IV: 217, 411
Вержен Ш.Г. — II: 392, 393
Вернадский В.В. — III: 98
Верт Н. — I: 68; IV: 411
Верт П. — IV: 411
Вертинский А.Н. — III: 90, 107
Верхотуров Д.Н. — I: 431
Весела З. — I: 313, 804; IV: 383
Веселаго Ф.Ф. — I: 733; IV: 382, 411
Веселицкий П. — II: 344, 348, 361
Веселовский Н.И. — I: 265
Весилов Е.Ф. — IV: 388
Веснин А.Л. — IV: 181, 210, 411
Вехби Ш. — III: 743
Вечирченко (Вечорка) — I: 704
Вешняков А.А. — I: 792
Вешняков И.И. — II: 444
Взметнев П.А. — II: 653
Вигель Ф.Ф. — II: 422, 443, 452 — IV: 383
Видекинд Ю.Х. — I: 729
Виденгрен, Г. — I: 21, 26, 36; IV: 411
Вильгельм II Гогенцоллерн — III: 52
Вильнёв Л.С. де — I: 832, 839, 840
Винавер М.М. — III: 64, 65, 75; IV: 411
Виниус А. — I: 703
Виноградов А.В. — I: 567, 578, 590, 597, 606, 608; IV: 411
Виноградов В.А. — III: 792; IV: 412
Виноградов Ю.Г. — IV: 425
Виноградова Т.И. — III: 760; IV: 412
Вирен Р.Н. — II: 888
Висковатов А. — I: 834, 838; IV: 412
Висковатов И.М. — I: 597
Витворт (Уитворт) Ч. — IV: 383
Витовт — I: 298, 300, 302, 303, 419, 427
Витол А. — I: 830 — II: 238 — IV: 412
Витте С.Ю. — II: 721, 766, 790; III: 91, 535
Витхин Л. — III: 214
Вихман — III: 355
Вишневецкий И. — I: 645
Вишневецкий-Байда Д.И. — I: 595
Вишневский А.Г. — III: 350, 401, 410, 420, 427, 437, 632, 722, 813; IV: 31, 169, 412
Вишневский В.А. — I: 471, 483; II: 192, 226, 312, 319, 321, 325, 427, 568, 609, 705, 731, 827; IV: 412
Вишня О. — III: 776
Владев П. — IV: 465
Владимир Кириллович, великий князь — IV: 223
Владимир Мономах — I: 227
Владимир Святославич — I: 238, 244, 248, 249
Владислав IV — I: 639, 641
Власенко О. — IV: 243, 406
Власов А.А. — IV: 143
Власова И.В. — IV: 451
Власова Т.В. — II: 331 — IV: 412
Водарский Я.Э. — I: 757, 758; II: 386; IV: 412
Водовозов В. — IV: 412
Военный Р. — IV: 285
Возгрин В.Е. — I: 13, 58, 443, 567, 652, 675, 724, 726, 727, 741, 774, 814, 840; II: 61, 67, 79, 81, 184, 280, 643; III: 769; IV: 301, 380, 394, 412, 413
Возгрина К.А. — IV: 191
Возгрина Ксения — III: 447
Вознесенский А.А. — IV: 195, 196
Возницын П.Б. — I: 690, 712, 713
Войков П.Л. — III: 414
Волин С.Л. ; IV: 394
Волков — II: 668
Волков М. — I: 318; IV: 413
Волков С.В. — III: 155, 160; IV: 387, 402, 413

Волковой Ф.К. — III: 455, 540, 541, 552; IV: 413
Волкогонов Д.А. — IV: 413
Волконский А.И. — I: 731
Волконский В.Б. — I: 654, 659
Волконский Г.К. — I: 614, 618
Волконский М.Н. — I: 798
Волобуев О.В. — III: 477, 574, 831; IV: 413
Володарский В. — III: 333
Волошин М. — I: 55, 71, 86, 103, 104, 363, 364, 373, 386, 502, 504; II: 53, 54, 298, 338, 541, 696, 883; III: 32, 172, 204, 248, 653, 724, 787; IV: 413
Волошинов И.М. — I: 502, 504; IV: 413
Волынский А.П. — I: 781, 830
Вольвач П. — IV: 244, 413
Вольтер — II: 354, 393
Вольф М.О. — IV: 374
Вольфрам Х. — I: 181, 184, 185; IV: 41, 413
Вольфсон Б. — I: 816, 825; II: 427, 498, 568, 722 — IV: 413
Воробьёв — III: 854
Воронцов А.Р. — II: 343
Воронцов М.И. — I: 783
Воронцов М.С. — I: 801, 802, 826; II: 351, 368, 371, 390, 421, 468, 477, 495, 500, 509, 510, 516, 543, 548, 554–559, 641, 676, 698, 793
Воронцов С.М. — II: 719, 720, 721
Воронцов С.Р. — II: 515
Воронцовы, род — I: 817
Воронцовы-Дашковы, род — II: 788
Воропаев А.В. (*лит.*) — IV: 312–314
Воротынский — I: 588
Ворошилов К.Е. — III: 390; 693, 701; IV: 20, 129
Восленский М.С. — III: 668; IV: 413
Вотяков А. — IV: 483
Врангели, дворянский род — III: 90
Врангель Л. — I: 382; II: 35, 147, 148, 240, 247, 304; IV: 413
Врангель П.Н. — I: 82; II: 495, 846, 902; III: 4, 9, 44, 89–101; IV: 140, 376, 384, 402, 418, 427, 428, 438, 466
Всеволод III — I: 420
Всеволожский Н.С. — II: 120, 176; IV: 413
Выговский — III: 16, 18
Выговский И.Е. — I: 656, 659, 664, 665–669
Вылканов А. — IV: 465
Высотская Т.Н. — I: 133, 138, 139, 177; IV: 413
Высоцкий В.С. — IV: 153
Вышинский А.Я. — III: 503, 520, 588, 659
Вяземский П.А. — II: 694
Вяткин А.Р. — IV: 16, 22, 117, 123, 127, 234, 413
Гааль Ф. — III: 812
Габаев Г. — II: 476 — IV: 413
Габидуллин Г. — II: 801, 802, 807, 813, 816, 818, 828; III: 528; IV: 403
Габлиц К.И. — II: 122, 124, 128, 129, 133, 181; IV: 413
Габой Осман — III: 69
Габриелян О.А. — IV: 412
Габсбурги, династия — I: 323, 620, 671, 675
Гавен Ю. — III: 8, 35, 36, 37, 214, 218, 219, 222, 225, 233, 242, 243, 256; IV: 414
Гавриил, архиепископ — II: 368, 372, 375; IV: 414
Гавриленко Е.Г. — IV: 490
Гаврилюк Н.А. — IV: 406
Гага Усеин — IV: 185
Гагарин Ю.А. — IV: 216
Гаджи-кази-ага — II: 546
Гаджиева С.Ш. — I: 467; IV: 414
Гадиев Ислам — III: 661
Гадло А.В. — I: 220, 239, 248, 249, 250; IV: 414
Гадол Мемет — IV: 483
Гадол Осман — IV: 482, 483
Гадол Сеит-Халил — IV: 278
Гадол-Расулева Хатидже — IV: 56, 194, 482, 486
Газали Мухаммад — I: 496, 497
Гази-ага Сефер — I: 501, 672; II: 61, 230
Гази-Гирей I — I: 572, 573; IV: 318
Гази-Гирей II «Бора» — I: 293, 323, 530, 540, 609–618, 620–622, 628, 629, 650, 717, 722; IV: 318
Гази-Гирей III — I: 728, 767; IV: 319
Гази-Гирей-султан — I: 590
Гази Мансур — I: 270
Гази-Мансур-султан (Мансур Мединн) — I: 157, 271
Гази Мустафа — III: 694
Гази Мухаммед — II: 608
Гази Осман — III: 694
Газиев — III: 695
Газиев Бакый — IV: 101
Газиев Гафур — IV: 116
Газиев Джевдет — III: 690

Газиев Рустем — III: 773
Газиев Шевкет — IV: 211
Газиева Мерьем — IV: 485
Газиз Г. — I: 216, 533; IV: 414
Газы Ибраим Мурат — III: 851
Гайворонская З.И. — II: 140
Гайворонский О. (А.) — I: 18, 195, 289, 290, 291, 301, 302, 304, 310, 328, 329, 335, 512, 530, 568, 576, 577, 582, 584, 606, 608, 612, 622, 626, 699, 700, 820, 841; II: 237; IV: 414
Гайдукевич В.Ф. — IV: 414
Гак В.Г. — III: 591
Гакстгаузен А. — I: 31
Галаган Г.И. (И.И.) — I: 734
Галактионов И.В. — I: 670, 675; IV: 414
Галем Г.А. — I: 805, 810, 811, 812; IV: 414
Галич А.А. — I: 38, 508; IV: 77, 185, 216
Галкина Е.С. — I: 184, 246, 250, 316; IV: 414, 415
Гамалия А. — I: 732
Гангардт Е.Е. — II: 592, 593, 599
Ганиев Исмаил-Гани — III: 679
Ганиев Мустафа — IV: 105
Ганиева Зульбие — IV: 251
Ганкевич В.Ю. — II: 247, 793, 799, 811, 820, 826, 836; IV: 415
Ганшина К.А. — III: 591
Гарабурда М. — I: 595
Гарагуля В.К. — I: 17
Гарданов В.К. — II: 179
Гарибальди Августин — I: 342
Гаркавец А.Н. — I: 268; IV: 415
Гарриман А. — III: 295
Гаррингтон Э. — I: 788
Гарт — IV: 261
Гарун аль-Рашид — II: 704
Гарчева Л.П. — III: 43; IV: 415
Гарчев П.И. — II: 904; III: 495, 497; IV: 20, 415
Гаскель У. — III: 703
Гаспринская (Сейдаметова) Майре — III: 564
Гаспринская Фатьма-Султан — II: 793
Гаспринская Шефика — II: 875, 876, 912, 913, 15
Гаспринский (Гаспралы) Исмаил-бей. — I: 93; II: 298, 314, 316, 333, 689, 690, 691, 692, 734, 737, 742, 746, 778, 781, 793–850, 860, 864, 874, 875, 877, 912; III: 111, 117, 118, 120, 125, 353, 378, 384, 458, 486, 491, 494, 495, 496, 512, 557, 558, 748, 750, 758, 779, 834- 836, 840, 871, 872; IV: 415
Гаспринский Мустафа — II: 793
Гассан-паша — IV: 341
Гассман Х. — I: 730, 761; IV: 384
Гауди А. — II: 36
Гаук — IV: 125
Гафар Асан — III: 50
Гафар Сеит-Джалиль — III: 569
Гафар Сеит-Джамиль — III: 345, 692
Гафаров — IV: 90
Гафаров А.Б. — IV: 182
Гафаров Абляким — III: 497, 515
Гафаров Б.Г. — IV: 405
Гафаров Джафер — III: 687, 696, 770, 780
Гафаров Нариман — IV: 187, 295, 488
Гафаров Якуб — III: 138
Гафаров Я.Г. — IV: 488
Гафаров О. — III: 670; IV: 489
Гафарова Наджие — IV: 485
Гафарова Фатьма — III: 863
Гафизов Джафер — III: 663
Гафури-Ага — II: 603, 673; IV: 415
Гашек Я. — I: 23
Гдан — III: 696
Геббельс Й. — III: 725; IV: 18, 38, 46, 47
Гебеков Хизри-Кади — III: 833
Гваско Антонио ди — I: 326
Гегель Г.В.Ф. — I: 22, 54; II: 40, 57; IV: 415
Гедик-Ахмед — I: 307, 319, 320
Гейд В. — I: 444, 776; IV: 415
Гейслер Христиан — I: 847
Гекалп (Гек Алп) Зия — II: 801, 830
Геката (*лит.*) — I: 113
Геккерт В.А. — III: 795
Гелиос (*миф.*) — I: 103
Гелис И. — III: 301; IV: 415
Геллей Г.Г. — I: 270; IV: 415
Геллер М. — II: 436, 437; III: 487; IV: 415
Геллнер Э. — I: 37; II: 708; IV:415
Гелон (*миф.*) — I: 127
Гельдерлин Ф. — III: 276
Гельштейн Р. — III: 548; IV: 437
Гендерсон Э. — II: 133; III: 733; IV: 415
Геннадиос — II: 445
Географ — I: 104
Георг II Английский — I: 804
Георг II Ракоци (Дьердь II) — I: 662
Георги И.Г. — II: 193, 203, 265; IV: 416
Георгиева Е.О. — III: 650

Георгий Мемеди — III: 570
Георгий Победоносец (Ай-Георги) — I: 172, 338
Герай Бай Амди (Герай-бай Хамди) — III: 138, 142, 755, 756, 770, 782
Геракл (*миф.*) — I: 126, 127
Гераклит — I: 445
Гераков Г. — II: 215; IV: 384
Герасимов М.М. — I: 96, 97, 99, 594; IV: 416
Герасимова Н. — IV: 276, 416
Гербель Г.Р. — II: 604
Герберт Орийакский — I: 378
Герберштейн С. фон — I: 570, 571, 572, 576; IV: 384
Гердер И.Г. — IV: 51
Герман К. — II: 122, 123, 124, 298, 512; IV: 416
Германарих — I: 209
Гермоген — II: 373, 374, 375, 709; IV: 416
Гернгросс Н.А. — II: 639
Геродот — I: 3, 4, 105, 108, 114, 115, 118, 121, 126, 127, 128, 133, 134, 145, 161; IV: 384, 420
Геросин В. — IV: 135
Герсеванов (Герсиванов) Н.Б. — II: 138, 180, 289; IV: 416
Гертельт — IV: 125, 126
Герцен А.Г. — I: 50; IV: 401, 416
Герцен А.И. — I: 56; II: 341, 342, 436, 579, 582, 585, 621, 694; IV: 416
Герцык Е. — III: 159; IV: 384
Гершенкрон А. — III: 410
Гершуни — III: 355
Гесиод — I: 145
Геснер К. — I: 199,
Гессен И.В. — III: 157; IV: 384
Гёте И.В. — I: 19, 496
Гиацинтов Э. — III: 106; IV: 384
Гибсон Дж. — III: 395
Гидалевич А. — II: 275
Гилязов И. — IV: 43, 44, 416
Гиммлер Г. — IV: 42, 48, 109
Гимпельсон Е.Г. — III: 286; IV: 416
Гинзбург М. — I: 373, 375; IV: 416
Гинзбург М.Я. — III: 799
Гиппиус З.Н. — I: 73; IV: 140, 384
Гиреи, династия — I: 228
Гирей (Герай), аталык — I: 302
Гирс М.Н. — II: 776
Гитлер А. — I: 33, 36, 37, 45, 47, 71, 175, 677; III: 204, 352, 453, 503, 591, 624, 694, 700, 867; IV: 4–7, 9–11, 13, 21, 41, 43, 46, 47, 58, 71, 78, 87, 90, 92, 109, 147, 232, 236, 237, 238, 242, 377
Гияс-эд-дин — I: 302
Гияс-эд-дин Масуд — I: 234
Головацкий М.Е. — I: 750 — IV: 426
Глеб Святославич — I: 242
Глебов — IV: 89
Глинка Г.В. — III: 92
Глинка М.С. — IV: 452
Глинка Ф. — II: 583
Глущенко Е.А. — II: 532
Говорков В.И. — III: 370, 371
Гоголь Н.В. — I: 53; II: 103, 269
Гогун А.С. — IV: 41, 117, 121, 416
Годунов Борис — I: 612, 613, 614, 618, 619; III: 32, 643; IV: 139
Голдан Норма — I: 788, 789
Голиаф (*библ.*) — III: 503
Голиков И.И. — I: 755; IV: 416
Голицын В.В. — I: 428, 690, 691, 692, 693, 694, 696, 697, 786, 836
Голицын Л.С. — II: 143, 542
Голицын М.А. — I: 685
Голль Ш. де — IV: 224
Голова Тохтар Джамил — III: 474
Голованов В. — IV: 416
Головацкий Я.Ф. — I: 750; IV: 416
Головин Ф.А. — I: 437
Головины, род — I: 197
Головкин Г.И. — I: 734
Голубева М. — IV: 417
Голубовский П.В. — II: 828 — IV: 417
Голубчиков Ю.Н. — I: 430
Голышкина Г. — IV: 393
Гольденберг М. — II: 98, 121, 136, 142, 298, 399, 456, 488, 489, 494, 499, 503, 597, 620, 627, 631, 632, 637, 643, 650, 651; IV: 417
Гольдин Ю. — III: 303
Гольц А. — I: 848, 849, 850, 854, 855, 856
Гомер — I: 103, 104, 105, 111, 112, 145, 445
Гони Борий — III: 261
Гонов А.М. — IV: 278, 409
Гонсевский В. — I: 662
Гончаров — III: 229
Гончаров И.А. — I: 53
Горбачёв М.С. — IV: 379
Горбунов Н.П. — III: 286, 661
Горбунов Ю. — I: 17; IV: 401, 433
Гордиенко А.К. — IV: 320, 450

Гордиенко К.Г. — I: 724, 732, 772
Гордин Я.А. — I: 549; II: 550, 554; IV: 417
Гордлевский В.А. — I: 158, 225, 560; II: 169, 172; IV: 417
Горев Л. — II: 581, 588; IV: 417
Горемыкин И.Л. — IV: 356
Горный Н. — IV: 189, 302, 417
Горский А.А. — I: 180, 182; IV: 409
Горчаков А.М. — II: 701, 702, 703
Горчаков М.Д. — II: 586
Горчакова Е. — I: 158, 443; II: 103, 113, 240, 249, 276, 291, 295, 297, 301, 406, 497, 505, 586, 638, 645, 649, 651, 688, 701; IV: 384
Горшенин К.П. — IV: 390
Горшков Н. — II: 803, 816; IV: 417
Горшков С.Г. — IV: 153
Горький А.М. — II: 898; III: 26, 37, 651, 701, 777, 778, 779; IV: 417
Горюнова Е.А. — III: 289, 310, 315, 323, 325; IV: 417
Горяинов М.М. — III: 418, 635; IV: 417
Готенрот Ф. — I: 188
Гото, род — I: 201
Готье Ю.В. — II: 903 — III: 730
Гофф Ж. ле — I: 42; IV: 436
Граалов — III: 692
Грабарь И.Э. — III: 730
Грабов Эбадулла — IV: 50
Гражуль В.С. — I: 744, 745; IV: 417
Граков Б.Н. — I: 117, 119, 131, 133, 141, 166; IV: 417
Гранин Д.А. — III: 253; IV: 417
Грановский Т.Н. — II: 458
Грациози А. — III: 11, 360, 461, 634, 646; IV: 417
Гребенниченко С.Ф. — I: 60, 61; IV: 417
Греков И.Б. — I: 326, 327, 329, 330, 427, 567, 569, 572, 580, 589; IV: 417, 418
Грец О.П. — IV: 433
Греч Н.И. — II: 573
Гречев Эмир-Асчане — III: 260
Грибанова Л.С. — I: 162; IV: 418
Грибовский А. — II: 759
Григорьев — III: 96, 97, 102, 104
Григорьев А.П. — II: 501, 870; IV: 418
Григорьев А.П. — I: 236; II: 233; IV: 418
Григорьев В.Н. — II: 261; IV: 481
Григорьев Н.А. — III: 80
Григорьева У.П. — IV: 484
Григулевич Н.П. — II: 191; IV: 418
Гримальди, род — I: 260
Гримм А.Т. — I: 359; II: 248, 297
Гримм С.И. фон — II: 924
Гриммельсгаузен Х.Я.К. — I: 636
Гринберг — IV: 255
Гринберг О. — IV: 388
Гриневич К.Э. — III: 730
Гринченко Г.Г. — IV: 85, 418
Гриша-шофёр — IV: 213
Гришенко С. — I: 736
Гротгаузен — I: 768, 770
Груббе Виктор — III: 26, 66
Грушевський (Грушевский) М.С. — I: 456, 636, 659, 660; II: 784, 882; IV: 418
Грюнебаум Г.Э. — I: 365; IV: 418
Грязневич П.А. — IV: 408
Губарев В.П. — III: 22
Губенко Г.И. — II: 786; IV: 418
Гувер Г. — III: 242, 310
Гугу Муртаза — IV: 72
Гудзий Н.К. — I: 157; IV: 418
Гудима-Левкович П.К. — IV: 443
Гудков Л.Д. — III: 656; IV: 418
Гукин В.Д. — IV: 432
Гуляев В.И. — I: 104, 106, 109, 128; IV: 418
Гуляченко А. — IV: 131
Гумилёв Л.Н. — I: 33, 92, 209, 225, 265, 364, 365; II: 607; III: 747; IV: 418
Гумилёв Н.С. — III: 191
Гумницкий М.М. — III: 613
Гуревич А.Я. — I: 47, 361, 368, 378; II: 518; IV: 418
Гурзуфлы Н. — III: 138, 141
Гурко С.Ф. (Палий) — I: 703
Гурова Ю.А. — IV: 441
Гурт Мустафа; IV: 187
Гурт Мерьем — IV: 187
Гусак И. — I: 701
Гусаченко В. — IV: 393
Гусев В. — III: 372
Густав II Адольф — I: 726
Гутри М. — II: 137, 144, 155, 175, 181, 182, 183, 190, 195, 196, 200, 284, 286, 319; IV: 384
Гущина И.И. — I: 179; IV: 418
Гюндуз Алп-бей — I: 290
Дабог (*миф.*) — I: 24
Давид (*библ.*) — III: 503
Давид Комнин — I: 196
Давидов — II: 672

Давидович Мустафа-мурза — II: 793, 833, 840
Давлет-берды (Девлет-берды) — I: 302, 520
Давуд Сар-ата — II: 246
Давыдкин И. — IV: 136
Давыдов С. (*лит.*) — III: 542
Дагаев М.П. — III: 500
Дагджи Абдулла, кулак — III: 574
Дагджи Абдулла («дядя Володя») — IV: 101, 130, 131
Дагджи Дженгиз — III: 599; IV: 419
Дагджи Диляра Абдураимовна — III: 142; IV: 491
Дагджи Тимур — IV: 243
Даирские, род — I: 267, 533
Дайна Ибраим — IV: 71
Дали С. — II: 36,
Далин Д. — III: 328, 596; IV: 419
Далтабан Мустафа-паша — I: 721
Дамад-эфенди — II: 79
Даманский — III: 204
Даниил (*библ.*) — I: 22
Данилевский Г. — II: 34, 46, 185, 202; IV: 419
Данилевский Н.Я. — I: 344; II: 652, 703, 704, 705, 751 — IV: 419
Даниленко В.Н. — I: 120; IV: 419
Данилов А. — III: 536, 538
Данилов А.А. — III: 165 — IV: 419
Данилов В. — III: 632; IV: 419
Данилов В.П. — IV: 457
Данилов И. — I: 83; III: 169; 170, 188, 190, 193, 194, 204, 224, 227, 228, 230, 331; IV: 384
Данов А. — IV: 465
Данте Алигьери — I: 253; II: 4
Данциг Б. — II: 656; IV: 419
Данченко В.Г. — IV: 392
Дарий I Ахеменид — I: 121, 135
Дарма-Балу — I: 782
Дашевская О.Д. — I: 140, 145; IV: 419
Дашкевич Я.Р. — I: 782 — IV: 419
Дашков, воевода — I: 796
Дашков П.М. — II: 412
Дашков Н.М. — III: 521
Дашкович Е. — I: 572
Дашкович О. — I: 635
Дауд (*кораніч.*) — II: 168, 170
Дауд-бек — I: 779
Двойченко П.А. — III: 253
Дворниченко А.Ю. — IV: 462
Дворский Ф. — IV: — IV: 391
Дебец Г.Ф. — I: 176
Дева (*миф.*) — I: 112
Дева Мария (*библ.*) — I: 260
Девает Хатидже — IV: 182
Девлет-Берды — I: 302; IV: 317
Девлет-Гирей I — I: 393, 430, 481, 489, 539, 540, 579, 589–593, 595–609, 622, 682, 796; IV: 139, 318, 370
Девлет-Гирей II — I: 7, 315, 465, 524, 548, 554, 557, 693, 698, 703, 713, 715–718, 721, 722, 726, 727, 731–733, 735–742, 747, 748, 750, 751, 753, 754, 757, 759–771, 773–775, 778, 779, 784, 825, 844–847, 859; IV: 319
Девлет-Гирей III — I: 408, 791; IV: 319, 320
Девлет-Гирей IV — IV: 319
Девлет-Гирей-султан — I: 419
Девлет Хатидже — IV: 253
Девлетов — IV: 90
Девлетов Али-ага — IV: 485
Девлетшаев Керим — IV: 261
Девлетшаева Аджи-Султан — IV: 261
Девлет-шах-мирза — I: 548
Девлетъяр — I: 309
Дегинь — II: 240
Дейников Р.Т. — I: 432; II: 130,339, 547; IV: 419
Делянов И.Д. — II: 653
Дели (Дали)-султан см. Бахт-Гирей
Демашко П. — I: 233
Дембика Ахмед-Мустафа — III: 50
Дембровский — II: 666, 667
Дементьев Н.Е. — III: 289, 310, 315, 323; IV: 417
Демидов А. — II: 48, 52, 76, 82, 84, 106, 117, 146, 148, 163, 175, 198, 201, 216, 249, 254, 298, 320, 541; IV: 384
Демидов Н.Ф. — IV: 386
Демидова И.Н. — IV: 395
Деминов Н. — III: 692
Демир-кяхья — I: 306
Демирджи Айде — IV: 72
Демирджи Ислям — III: 775, 777
Демирджи Э.А. — I: 94; IV: 419
Демосфен — I: 26
Ден Н.В. — I: 349; II: 750; III: 298, 539; IV: 419
Денислямова Надия — III: 563

Денишевич Я.Р. — I: 232; IV: 419
Деплюсси-Берто Ж. — I: 414
Дерен-Айерлы (Дерен-Айырлы) Осман Абдул-Гани — III: 138, 297, 301, 335, 337, 339, 340, 356, 471, 473, 491, 497, 526–529, 731
Дерен Кемаль — IV: 486
Дервиш-Али — I: 591, 593
Дервиш Ибраим — III: 692
Дервиш-Мехмед-Гирей — I: 503
Дерибас И. см. Рибас И. де
Дерибас Т.Д. — III: 515
Дерий С.П. — II: 485, 494, 496, 497; IV: 419
Дерман П. — II: 662, 665, 667, 669
Дерменджи Абдулла — IV: 281
Дерменджи Темир Кай Сеит Бекир — III: 141
Дерменджи Э. — III: 666
Дёмышев Н. — III: 24, 26, 27, 36, 41, 42
Дённингхаус В. — II: 400, 512, 516; IV: 419
Дёрфер Г. — I: 205
Джавджуров — II: 771
Джавтобели (Зиядин Менглиазизов) — III: 669, 670, 696, 724, 770, 782, 784
Джаин-Гирей — IV: 330, 331
ал-Джайхани — I: 246
Джакетти, род — I: 261; III: 571
Джалаладдин Руми — I: 497, 498, 501, 502, 698; II: 224, 264, 326, 327
Джалтыр Сейдамет — III: 141, 693
Джалынлы-илан (*миф.*) — II: 269
Джамаль ад-Дин аль-Афгани — II: 774
Джаманаклы К. — II: 219 — III: 666, 724
Джамбаев Ибрагим — IV: 214
Джамбаева Себие — IV: 214
Джамбаева Февзие — IV: 488
Джамбайские, род — II: 388
Джамбийский Мурат — III: 470,
Джамбийский Осман — III: 470
Джами — I: 356
Джамиль-эд-дин — IV: 317
Джаминские, род — II: 388
Джаминский Ислям — II: 602
Джан Ш. — I: 493, 496, 497, 498; IV: 419
Джан (Джаин)-Гирей — IV: 330, 331
Джан Акмас — I: 402
Джанай Мустафа — III: 688
Джанибек-Гирей I — I: 284; IV: 318
Джанибек-Гирей II — I: 558, 622–627, 629, 726; IV: 318, 319
Джанибек-Гирей, сын Мехмед-Гирея — I: 673
Джанибек, ордынский эмир — I: 321
Джанибек-хан — IV: 318
Джанкылычи, род — II: 388
Джанмухаммед (Джан-Мухаммед, Джан Мухаммед) — I: 642; II: 224, 248
Джанов А.В. — I: 373; IV: 419
Джанушки (Джануццо), род — I: 261; III: 571
Джаппаров Муса — III: 605
Джафар (Алмуш) — I: 273
Джафер Апти — III: 693
Джафер Одаман — II: 761
ал-Джахиз — I: 207
бен-Джебель Муаз — I: 271
аль-Джевали Тан Буг — I: 356
Джеват (ур. Гурт) Афизе — IV: 187
Джеват-бей — II: 873
Джеват Осман-огълу — II: 710
Джевдет Бей (Джевдет А.) — II: 798, 836, 837
Джевхери — II: 225
Джезаирли Гази Хасан-паша — II: 439
Джелал Зарядин — III: 261
Джели Абляким — III: 613
Джелил — III: 737
Джелил Мустафа Абдул — III: 856
Джелилов Асан — IV: 489
Джелилов Али см. *Озенбаш Али*
Джелилов К.И. — IV: 188
Джелилов Кемал — IV: 272
Джелилова — III: 211
Джелялов Амет — III: 408
Джелялов Барий — III: 408
Джелялов Номан — III: 859
Джелялов Ю. Дж. — III: 141
Джелялова Урие — III: 698
Джемалединов Абдуль-Керим — III: 696
Джемалединова Лутфие — IV: 197
Джембулаты, род — I: 798
Джемилев, член обкома — III: 680
Джемилев Амет — III: 604
Джемилев Г. — IV: 433
Джемилев Люман — III: 539
Джемилев Менсеит (Мен-Сеит Джемиль) — II: 781, 782, 796; III: 117
Джемилев (Джемиль) Мустафа Кырымлы — I: 16; IV: 379, 380
Джемилев Решат — IV: 123, 156
Джемилев Тахсин — IV: 90

Джемиль — III: 47
Джемиль Алим-Сеит — II: 873
Джемиль Мен-Сеит — II: 873
Джемиль Сейтар — III: 449
Дженаев Д.Д. — III: 57
Джепаров — III: 696
Джеппар Суюн — III: 851
Джеппаров Абдурешит — III: 145; IV: 190
Джеппаров Усеин — IV: 71
Джетере Рамазан — IV: 72
Джер-Аслан — II: 360
Джефер Али — III: 163
Джибрил (Джебраил, Джибраил) (*коранич.*) — II: 169
Дживан Усеин — III: 692
Джихан Шерифе-ханум — III: 35
Джолман, род — I: 267
Джотере — III: 782
Джуванмердиев А. — I: 502
Джувейни — I: 338
Джумали Али — III: 851
Джуневтов Асим — IV: 217
Джурбич Сервер — III: 683
Джучи, хан — I: 234
Дзамихов К.Ф. — I: 419, 595, 795; IV: 419
Дзержинский Ф.Э. — I: 72
Дзира Я. — IV: 416
Диана (*миф.*) — I: 115, 169
Дибич В. — I: 41
Дивеев О. — III: 505
Дивин В.А. — IV: 420
Дидро Д. — II: 340
Дидух О.В. — II: 593, 595; IV: 420
Диляра-Бикеч — I: 374
Ди-Мартино, род — I: 261; III: 571
Димаури Осман — II: 177
Диманштейн С.М. — IV: 392
Дин П. — IV: 224
Динамия — I: 147
Диншаев Абдураим — IV: 226
Диньша-Музафарова Надие — IV: 491
Диодор Сицилийский — I: 114, 161; IV: 384
Дионисий Метиленский — I: 113; IV: 385
Дионисий, патриарх — I: 692, 743
Дионисьев М. — III: 204
Диофант — I: 147,161
Ди-Пьеро, род — I: 261; III: 571
Дир — I: 238
Диттанова Айше — III: 771
Дия Мехмед аль-Кырыми — I: 356
Длугач М.О. — III: 410
Дмитриев В.Н. — IV: 405
Дмитриевский М.И. — II: 268, 274, 296, 319; IV: 481
Дмитриевский С. — III: 637
Дмитров Л.Д. — I: 296, 353; IV: 420
Добра Иззет — III: 773
Добролюбский А.О. — I: 222, 224, 225; IV: 420
Добрынин — IV: 167
Добрынин Б.Ф. — III: 730, 753
Доватор Л.М. — IV: 146
Доватур А.И. — I: 15, 111; IV: 420
Долгорукий, князь XIX в. — II: 683
Долгорукий В.В. — I: 793
Долгоруков В.М. — I: 827, 853, 864 — II: 344, 345, 346, 348, 376, 403, 416, 564, 679; III: 89; IV: 372
Долинин — III: 206
Домбровский О.И. — I: 122, 176, 181, 186, 187, 189, 193, 275, 287; II: 89, 93, 266; IV: 420
Домбровский Ф.Ф. — I: 854, 861; II: 16, 19, 102, 130, 138, 171, 190, 192, 193, 194, 201, 207, 297, 594, 642, 672; IV: 420
Домбровский Ю. — III: 333
Дондук Омбо — I: 780–783, 787–790
Дондукова-Корсакова О.М. — IV: 391
Донской А.Ю. — II: 448; IV: 420
Доржу-Назар — I: 782
Дориа, род — I: 260
Дорошенко В.Л. — IV: 420
Дорошенко Г.И. — I: 688
Дорошенко М. — I: 626
Дорошенко П.И. — I: 443, 679–688, 691, 724
Дортелли д'Асколи — I: 260; IV: 385
Дорун Мустафа — III: 260
Досифей (Нотару) — I: 720, 721, 743–745; IV: 428
Досмамбет Азовский — I: 445
Достовалов Е.И. — II: 921
Достоевский Ф.М. — I: 54; IV: 406
Доу Д. — II: 495
Доценко В.Д. — IV: 427
Драбкина Т. — IV: 392
Драгоманов М.П. — IV: 420
Драгунский Д. — IV: 237
Драчук В.С. — I: 119, 143, 292; IV: 420
Дрейпер Дж. — IV: 223
Дрейфус — II: 685
Дробязко С.И. — IV: 450

Дружинина Е.И. — II: 436, 437; IV: 420
Дубровин А.И. — II: 754, 757
Дубровин Н.Ф. — II: 355, 357, 358, 363, 365, 367, 368, 371, 380, 382, 443, 598, 601, 603, 605, 606; IV: 421
Дубровский М. — II: 17, 19, 29, 34, 789 — IV: 421
Дубшан Л. — IV: 144
Дугин А. — II: 325
Дуглас Г.О. — I: 824, 825
Дудаев Джохар — IV: 242
Дуду Аджи-Мурат — III: 419
Думбадзе А.И. («Думбадзе-второй») — III: 15, 16, 87
Думбадзе И.А. — III: 11, 12
Думитреску П. — IV: 57
Дунаевский И.О. — III: 658, 659
Дурилин А.А. — II: 924
Дурри Эввель Мухаммад (Еввель Мугамед) — IV: 353
Дурсунов Сеит-Ариф — IV: 72
Дурсунов Эреджеп — IV: 72
Дурсунова Айше — IV: 72
Дуси — II: 444
Дутый Аджи — I: 402
Дьяков Ю.Л. — IV: 393
Дьякова — IV: 234
Дэви (Дэв, Див) (*миф.*) — II: 269
Дэвис Н. — I: 479; II: 851; IV: 421
Дэвлет М.А. — II: 898
Дюбан — I: 716
Дюкова Н.М. — IV: 432
Дюранти Уолтер — III: 651
Дю-Тюр С.Н. — IV: 393
Дякин В.С. — II: 815
Дяченко С. — III: 633; IV: 421
Евгений Савойский — I: 830
Евгений Онегин (*лит.*) — II: 329
Евдокимов Е.Г. — III: 160
Евдокимов Н.Г. — III: 21
Евсеев А.А. — IV: 421
Евсеенко С.С. — II: 240; IV: 241
Евстафий — I: 104
Егоров В.Л. — I: 254, 289; IV: 421
Едиге см. Эдиге
Ежов Н.И. — III: 693, 781
Ездра (*библ.*) — I: 23
Екатерина I — I: 752, 753, 755, 757, 758, 843
Екатерина II — I: 19, 160, 200, 243, 357, 438, 525, 695, 858; II: 344, 349, 351, 353, 354, 357, 364, 365, 366, 373, 375–378, 379–381, 387, 388, 390, 392, 393, 404, 412, 417, 418, 419, 426, 434, 435, 438, 443, 453, 466, 505, 515, 552, 578, 717, 800, 827; III: 9, 292, 301, 310, 738; IV: 329, 350, 373
Елагин В.Л. — II: 867, 874, 892, 903; IV: 421
Елена, св. — I: 195
Елена Глинская — I: 584, 591
Елизавета Петровна — I: 841, 848
Елкиджи Асан — III: 694
Елисеева О.И. — II: 386; IV: 412
Елпатьевский С. — I: 342; II: 746, 750; IV: 405, 421
Ельцин Б.Н. — I: 41
Еманов А.Г. — I: 254, 257, 286, 346, 347, 348, 349, 350, 376, 410, 432, 440; II: 177; IV: 421
Емельяненко В. — IV: 101
Емец В.А. — IV: 448
Енбаев А. — III: 492
Енеке Э. — IV: 153
Енилеев Мемет — II: 869
Енукидзе А.С. — I: 72
Енулевич Чабан — I: 596
Епанова Ю.В. — II: 322, 325; IV: 421
Ерасов Б.С. — I: 27, 279, 283, 362, 477, 488; II: 251, 263, 272, 534, 538, 717; IV: 421
Ербанов М. — III: 492
Ерёменко А.И. — IV: 153
Ерзина Ф.А. — III: 487
Ермак Б.А. — III: 846
Ермак Тимофеевич — II: 748
Ермолин Е. — III: 676; IV: 421
Ермолин С.А. — I: 167; IV: 452
Ермолов А.П. — II: 610, 757
Ермолова И.Е. — I: 180, 182; IV: 409
Ермуратский В.Н. — I: 749, 837; IV: 421
Еропкин Д.Ф. — I: 798, 835
Ерофеев И. — I: 562; IV: 385
Ефетов С.Б. — II: 648; IV: 385
Ефимов А.В. — III: 6, 12, 63, 67, 83, 112, 330, 335, 500; IV: 385
Ефимов Б.Е. — III: 607
Ефимов С.А. — IV: 412
Ефремов — I: 789, 823
Есугей — I: 522
Ёлкин В.Н. — III: 550
Жадовский П. — II: 10, 64, 215; IV: 385
Жарников А.Е. — I: 568

Жданов А.А. — IV: 143, 159
Жданов Н.В. — I: 361; IV: 421
Жданович — I: 663
Жевержеева — III: 159
Железнов Н. — II: 123, 125, 128, 646; IV: 421
Желтухина О. — III: 746
Жемчужников А.М. — IV: 358
Жёсткий Д. — IV: 130
Живов — III: 560
Жигарев С. — I: 796, 829, 830; II: 433, 436, 437; IV: 421
Жирар К. — II: 30, 63
Жирмунский В.М. — I: 300; IV: 421
Жиров Е.В. — I: 111, 124; IV: 421
Жихарев С.П. — IV: 385
Жобер П.А. — I: 245
Жорес Ж. — II: 851
Жорж Луи — IV: 757
Жуков А.Ф. — IV: 422
Жукова Л.В. — II: 740, 741; IV: 422
Жукова Л.Н. — IV: 422
Жуковский А. — III: 56
Жуковский В.А. — II: 347
Жуковский В.Т. — IV: 141
Жумагамбетов Т.С. — I: 206, 207, 217; IV: 422
Журавлёв В.В. — IV: 422
Журавский А.В. — I: 365, 492; IV: 422
Жушман Е. — IV: 236
З. — IV: 422
Заатов И.К. — III: 775
Заатов Осман — II: 781, 796, 844; III: 117
Забелин И. — IV: 422
Заборовский Л.В. — I: 639, 641–644, 648, 652, 659; IV: 422
Завадовский А.Г. — I: 270; II: 388, 482, 485, 559, 605, 622, 655, 679; III: 558; IV: 422
Завадский-Краснопольский А.К. — II: 109, 125, 129, 150, 182, 241, 279; IV: 422
Загоровский Е.А. — I: 101, 209; II:435, 516; IV: 422
Загоровский В.П. — I: 640
Загородских Ф.С. — III: 67, 72, 74, 79, 81, 83; IV: 422
Загорулько М.М. — IV: 33, 36, 38, 422
Заитов Смаил — III: 689
Зайберт В. — IV: 89
Зайкали Джеппар — III: 471
Зайончковский А.А. — I: 276, 292, 293, 558, 624; II: 80, 231; IV: 423
Зайцев Б.К. — II: 4
Зайцев И.В. — I: 327, 355, 356, 543, 571, 585, 814; II: 229, 231, 232, 233, 238; IV: 423
Закиев М.З. — I: 89, 92, 93; IV: 423
Закревский Н. — II: 542 — IV: 385
Зализняк Л. — III: 113; IV: 423
Залкинд А.В. — I: 45; III: 362, 363; IV: 423
Залкинд Л. — IV: 423
Залыгин С.П. — III: 218
Замалеев А.Ф. — I: 26; IV: 423
Замятин Д.Н. — IV: 356
Зантария Даур — IV: 296
Заозерский А.И. — IV: 408
Запрудный М. — III: 827; IV: 423
Зараев М. — IV: 423
Заратустра (Заратуштра) — I: 444; II: 63
Зартмамбетов Керим — III: 571–572
Заруба И. — IV: 25
Зарубин А.Г. — II: 818, 833, 840, 856, 878, 880, 901, 903, 921, 929, 930, 932; III: 28, 50, 51, 61, 65, 67, 71, 81, 82, 93, 101, 103, 113, 121, 125, 162, 175, 257; IV: 140, 423
Зарубин В.Г. — II: 738, 760, 903, 921, 930, 932; III: 28, 48, 49, 50, 51, 61, 65, 67, 71, 81, 82, 93, 101, 103, 125, 130, 175, 219, 257, 266, 270; IV: 140, 423
Засельский А. — III: 800; IV: 424
Засулич В. — II: 666
Засыпкин Б.Н. — I: 256; II: 14, 85; IV: 424
Заукель Ф. — IV: 80, 94
Зафершах-бей — I: 548
Захаров В.А. — I: 243; II: 443
Захарова О.Ю. — IV: 424
Захарченко — III: 203
Захарьина Н.С. — I: 639, 642, 652; IV: 422
Зверев Б.И. — II: 580, 582; IV: 424
Звонков А.П. — II: 324
Зевалин Хайредин — III: 582
Зевай Мустафа Ибраим — III: 474
Зевс (*миф.*) — I: 126, 128
Зедин Эфтаде — III: 360
Зейнеб — I: 856, 860
Зейтулла — IV: 187
Зеки Осман — III:122
Зекие — IV: 209
Зекирья из Таракташа — II: 664
Зекирья Эмин — III: 665
Зеленева И.В. — I: 777; IV: 424
Зеленин — III: 100

Зеленин И.Е. — III: 633; IV: 424
Зелинский В. — III: 688
Зельбие — III: 682
Зельдин — III: 402
Земанели Б. — III: 757
Землячка Р.С. — III: 160, 166, 167, 169, 175, 205
Земсков В.Н. — IV: 277, 424
Зеналиев Ягья — III: 859
Зенебек — I: 571
Зенкевич Х.Х. — II: 113, 184; IV: 424
Зенкина С. — IV: 388
Зенобия — I: 339
Зенон — I: 212
Зибит-кызы Айше — III: 262
Зильберман — III: 573, 574
Зинджирлы-аю (*миф.*) — II: 269
Зинковский — III: 747
Зинни Абдулла — I: 842
Зинов — III: 233
Зиновьев А.А. — I: 10, 333, 410, 451, 663; IV: 22, 141, 424
Зинченко — IV: 127
Зінченко Ю.І. — IV: 167, 424
Зинько В.Н. — I: 120; IV: 424
Зиньковский (Зинковский) Д. — III: 747
Зифельдт-Симумяги А.Р. — I: 216
Зиядин Якуб — III: 163
Золотарёв В.А. — I: 804
Золотницкий Н.Ф. — II: 59, 60, 125; IV: 424
Золотонос — III: 354
Зоре (*лит.*) — II: 218
Зоре Рустем — III: 604
Зорин А. — II: 343; IV: 424
Зорин И.И. — III: 97, 99
Зотов Е.А. — III: 20
Зотов Н. — II: 80, 95; IV: 394
Зубарь В.М. — IV: 424
Зубиетов В. — III: 314
Зубов А.Б. — II: 205, 519, 529, 554, 567, 573, 899; IV: 424
Зубов П.А. — II: 423, 467, 490
Зугульфи Винцент — I: 342
Зуев В. — II: 26, 83, 131, 143, 361, 403, 413
Зулейха (*лит.*) — I: 230
Зун-Али — II: 360
Зюганов («дядя Женя») — III: 639
Зюсс В. — II: 512, 515; IV: 424
Иаков (*библ.*) — II: 528
Иаков, архимандрит — II: 365
Иаков, священник — I: 289; IV: 386
Иафет (*библ.*) — I: 763
Ибадуллаев А. — III:
Ибадуллаев И.И. — II: 83, 558; III: 843; IV: 424
Ибадуллаев Н. — I: 17 — III: 497; 542; IV: 422, 486
Ибис — IV: 390
Ибн-Абдеззахыр — I: 276
Ибн-Араби (*Ибн-Арабшах*) — I: 339
Ибн-аль-Асир — I: 264
Ибн-Батута — I: 276, 341; IV: 370
Ибн-Биби — I: 286
Ибнеева Г.В. — II: 416, 417, 418, 419, 420, 441, 456; IV: 424, 425
Ибн-Фадлан — I: 273; IV: 368
Ибн-аль-Форат — I: 276
Ибн-Халдун — I: 506
Ибн-Юнус — II: 704
Ибрагим-агъа — III: 468
Ибрагим Мурат-оглу — II: 590
Ибрагим (*коранич.*) — II: 168, 192
Ибрагим I Осман — I: 638, 642, 643
Ибрагим, торговец — I: 350; II: 177
Ибрагим Шишман — I: 686
Ибрагим-бей — I: 294
Ибрагим-паша, аталык — I: 454
Ибрагим-паша, великий визирь — I: 616
Ибрагим-паша, военачальник — I: 687, 688
Ибрагимов — II: 417
Ибрагимов Абдураман — III: 36
Ибрагимов Абла — IV: 71
Ибрагимов Амет — IV: 425, 482, 484
Ибрагимов Фатин-Амет — III: 871, 872; IV: 482, 490
Ибрагимов А.Ф. — II: 823
Ибрагимов Зеки-ага — IV: 113, 121, 126, 156
Ибрагимов С. — IV: 113, 124
Ибрагимов Сеитмемет — IV: 261
Ибрагимов Сервер — IV: 484
Ибрагимов Шагимардан — III: 492, 493
Ибрагимова А. — III: 627, 628; IV: 279, 425, 482
Ибрагимова Сейране — IV: 255, 256
Ибрагимович — II: 439
Ибраим Абдул-Заат — III:
Ибраим Исмаил — III: 163
Ибраим Куртсеит — IV: 184
Ибраим-оглу Осман — II: 676,
Ибраим-эфенди Кефеви — I: 842
Ибраим Эмир-Асан — III: 850

Ибраимов, бывш. полицейский — III: 346
Ибраимов, «фашист» — III: 695
Ибраимов Аблялим — III: 346
Ибраимов Аблямит — III: 640
Ибраимов Али — IV: 116
Ибраимов Алим — IV: 116
Ибраимов Анафи — III: 683
Ибраимов Вели — II: 779, 782, 893, 894; III: 75, 131, 136, 137, 139, 140, 143, 215, 270, 296, 297, 304, 305–309, 311, 324, 325, 330, 337, 351, 365, 366, 401, 465, 473–475, 485, 491, 494–531, 566, 643, 645, 662, 664, 665, 679, 688, 699, 700, 731, 757, 758; IV: 168, 374
Ибраимов Гафар — III: 474
Ибраимов Зейтулла — III: 693
Ибраимов Ибраим-эфенди — IV: 120, 490
Ибраимов Исмаил — III: 343
Ибраимов Мемет — III: 494
Ибраимов М.И. — III: 766
Ибраимов Реуф — III: 602
Ибраимов Сеит-Ибрам — III: 495
Ибраимов Сулейман — III: 592, 609
Ибраимов Умер — II: 782; III: 296, 297, 299, 300, 301, 305, 324
Ибраимов Эмир Асан — III: 138, 141
Ибраимов Эмир-Усеин — III: 777
Ибраимова (Тарпи) Себиха-ханум — III: 871
Ибраимова Наяр — III: 495, 513, 514, 523, 524
Ибраимова Сабрия — III: 693
Ибрам, таракташский крестьянин — II: 663, 664
Ибрам, таракташский кузнец — II: 664
Ибрахим (*коранич.*) — см. Ибрагим
Ибрахим Хафиз — II: 224
Ибриш А. — III: 55
Ибришев Осман — III: 163
Иван III — I: 196, 309, 310, 318, 319, 325–329, 420, 421, 522, 523, 527, 539, 563, 568
Иван IV Грозный — I: 31, 33, 41, 42, 435, 579, 580, 591, 593–600, 603–606, 705, 777, 796; II: 390, 748, 847; IV: 237, 324, 371
Иван (*типаж*) — II: 324
Иваницкий Н.А. — III: 572, 624; IV: 425
Иванич М. — I: 618, 620; IV: 425
Иванов Е.Э. — I:130, 184, 210, 238; II: 402; IV: 425
Иванов П.А. — IV: 386
Иванов С. — II: 771
Иванов С.М. — I: 594
Иванова Ю.В. — II: 369, 372, 373, 449; IV: 425
Ивановская И.Н. — III: 98; IV: 425
Иванчик А.И. — I: 104, 105, 106, 108, 581; IV: 425
Ивницкий Н. — III: 629, 636; IV: 425
Игелстром О.А. — II: 386, 455
Игнатий, архиепископ — II: 363, 365, 367, 368, 370, 568
Игнатьев А.В. — IV: 448, 450, 452
Игнатьев А.П. — II: 833
Игнатьев З. — I: 32; IV: 425
Игнатьев Н.П. — II: 700, 747; IV: 386
Иголстром см. Игелстром О.А.
Игорь Святославич — I: 220, 226
Идрис (*коранич.*) — II: 168
Идрис Шах — I: 493, 496; II: 265; IV: 425
ал-Идриси — I: 245, 296, 375; IV: 431
Идрисов И.С. — III: 40
Идрисов Сулейман — II: 779, 781, 796, 893, 911; III: 3, 76, 117; IV: 386
Идрисов Эскендер — IV: 285
Иезекииль (*библ.*) — I: 22
Иеремия (*библ.*) — I: 22
Иеронимус Кардийский — I: 101
Изабелла Испанская — I: 813
Изединов Иззет — IV: 299
Иззет Адан Мамут — III: 282
Иззи — II: 225
Изидинов С. — III: 471
Изидинова С.Р. — I: 93 — III: 388; IV: 425, 426
Измаил-паша — I: 748
Измайлов Азиз Эминович — III: 751
Измайлов, парторг — III: 696
Измайлов, студент — III: 312
Измайлов В.В. — II: 55, 403, 408, 409; IV: 386
Измайлов И.П. — I: 782
Измайлов М. — I: 812
Измайлов О. — III: 490
Измайлов Осман — III: 336
Измайлов С. — III: 214
Измайлов Хайбулла — IV: 131
Измайлов Э. — IV: 426
Измайлова — III: 384
Измайлова Айше; IV: 131
Израилович — III: 539, 589; IV: 426

Из-эд-дин Кейкавус (Кейкавис) II — I: 234, 286
Иисус Христос — I: 35, 183, 203, 218, 384
Икрамов А. — III: 492
Илия (Ильяс), пророк — I: 493
Ильевич Ш. — II: 492
Ильенкова Н. — IV: 284
Ильин Е.В. — IV: 434
Ильин И. А. — II: 802; IV: 426
Ильми А. — IV: 394
Ильми Абдулхаким — II: 782
Ильми Куртсеит — IV: 270
Ильмий Абляким — II: 869, 876, 877, 915, 917
Ильминский Н.И. — II: 819, 825; IV: 386
Ильф И. — I: 236
Ильюхов А.А. — III: 256; IV: 426
Ильяс Колчак-паша — I: 839
Ильяс, мазин — III: 666, 856
Ильясов, работник обкома — III: 629
Ильясов, колхозник — III: 698
Ильясов Абдураман — III: 471
Ильясов Амет — III: 859
Ильясов Кадыр — IV: 481
Ильясов Нариман — IV: 487
Ильясов Талят — IV: 482, 483
Ильясов Эмин — III: 698
Ильясова Бейе — III: 662; IV: 33, 485, 487
Иманкулов И.Х. — III: 386
Имранов Маулле — IV: 120
Имранов Энвер — IV: 120
Инайет-Гирей — I: 629; IV: 319
Ингерфлом К.С. — IV: 426
Ингрэм Дж.К. — I: 435, 436; IV: 426
Иненю Исмет — III: 513
Инкаяб-кызы — III: 372
Инкерман-баба — IV: 305
Иоанн (*еванг.*) — II: 38
Иоанн XXII — IV: 370
Иоанн Галлифонтский — I: 229
Иоанн Готский — I: 123, 191, 192
Иоанн Златоуст — I: 184, 186
Иоанн Лука — I: 470
Иоанн (Мейендорф), протопресвитер — I: 51
Иоанн (Сергеев) Кронштадтский — II: 752, 757
Иоанн (Снычёв), митрополит — I: 51; IV: 455
Иоанн Хризостом — I: 184
Иоанн Цимисхий — I: 193
Иониди — III: 203
Ионов И.Н. — I: 31, 60; II: 532, 704; IV: 426
Иордан — I: 173
Иорданский — IV: 426
Иосиф (*библ.*) — II: 221
Иосиф II Габсбург — II: 375, 385, 391, 392, 418, 419, 434, 453; IV: 391
Иосиф, архиепископ — II: 375
Иосиф, хакан — I: 216
Иофе В. — III: 493; IV: 426
Ипчи Умер — II: 862; III: 211, 350, 366, 564, 669, 686, 687, 688, 702, 722, 724, 740, 743, 744, 779, 780, 782–784, 793, 863, 1– IV: 426
Ипчи Якуб — III: 687
Ипширли М. — II: 239
Ираклий II — II: 393
Ирсмамбетов И. — III: 689
Иса (*коранич.*) — I: 183, 203
Исаев Ибраим — IV: 116
Исаева З.Г. — I: 230, 286, 823; IV: 458
Исаковский М.В. — I: 81
Искандар — IV: 282
Ислам-Гирей I — I: 393, 572, 576, 577, 578, 582; IV: 318
Ислам-Гирей II — I: 503, 539, 557, 607, 608, 609, 611; IV: 318
Ислам-Гирей III — I: 444, 501, 525, 629, 638, 638, 642, 643, 645–450, 452, 453, 457, 458, 670, 682, 726; II: 93, 231; IV: 319
Ислам Халиль — III: 641
Ислям Якуб — III: 312
Ислямов — III: 692
Ислямов Амит — III: 692
Ислямов Асан — III: 753
Ислямов Мешет — III: 431
Ислямов Омер, член Президиума Крым-ЦИК — III: 500
Ислямов Омер, работник Крымжилсоюза — III: 429
Ислямов Сейдамет — IV: 126
Ислямов Якуб — III: 471
Исмаил, нуреддин — I: 591
Исмаил, ногайский бий — I: 784
Исмаил, дерекойский крестьянин — II: 124, 231
Исмаил-бей — II: 181
Исмаил-паша, сераскир — I: 735, 768
Исмаил-паша, председатель Верховного трибунала — III: 500

Исмаил Мамут-эфенди-огълу — II: 716
Исмаилов, директор рабфака — III: 383
Исмаилов Мемет — IV: 74
Исмаилов Садык — IV: 485, 486
Исмаилова Айше — IV: 485
Исмаилов Р. — IV: 388
Исмет — III: 775
Исметий — II: 225, 481
Исметлю Кадыр — III: 260
Исократ — I: 145
Истмен М. — III: 464
Истомин В.И. — II: 587
Исхаков А. — II: 893, 876
Исхаков С.М. — II: 776, 812, 813, 815, 816, 838, 856, 867, 874, 875, 890, 917; III: 97, 99, 110; IV: 366, 427
Исхакова Айше — II: 882
Исхакова Х.Ф. — I: 286, 823; IV: 458
Исхаки Мухаммед Гаяз — III: 832
Исханоглу Э. — IV: 426
Иуда Искариот (*еванг.*) — I: 704
Иуда Маккавей (*библ.*) — I: 81
Иудушка Головлёв (*лит.*) — I: 53
Ифигения (*лит.*) — I: 113
Ифтаева Фера — IV: 82, 483, 484, 487
Ишин А.В. — III: 176; IV: 427
Йедийылдыз Б. — I: 261; II: 644, 658; IV: 427
Кабанец Е.П. — I: 246 — IV: 427
Кабардинов Байтемир — II: 601
Каблуков — II: 266
Кабузан В.М. — IV: 412
Кабытов П.С. — IV: 428
аль-Кавакиби — I: 510
Кавелин А.А. — II: 553, 682
Кавелин К.Д. — I: 57; IV: 427
Кавеньяк Л.Э. — III: 454
Каври А. — III: 773
Каври Якуб — III: 465
Кавтарадзе А.Г. — III: 89; IV: 427
Каганкатваци М. — I: 217; IV: 386
Каганович Л.М. — III: 390, 553, 633, 673
Каграманов Ю. — I: 72; IV: 427
Каллафи М. — III: 490
Каджалитовы, семья — III: 561
Кади-заде Айше-ханум — III:859
Кади-заде Сеит-Мемет — III: 265, 836, 859
Кадм — I: 181
Кадыев Роллан — IV: 197
Кадыев Сейтхалил — IV: 116
Кадымуллаева Фатима — III: 750
Кады-огълу Рефат — IV: 106
Кадыр Амет-Усеин — IV: 184
Кадыр Иргат (Ыргат) — III: 211, 669, 784
Кадыр Меджит — III: 605
Кадыри Абдулла — III: 873
Кадыров — III: 751
Кадыров Али — IV: 483
Кадыров И. — III: 770
Кадырова Гульпери — IV: 131
Кадырова Ленура — IV: 198, 270
Кадырова Селиме — IV: 203
Кадыршах (Катир-Шах)-мурза — IV: 330, 331
Казаков Н.И. — IV: 420
Казаков Рефат Энверович — IV: 489
Казанцев В. — I: 48
Казас — III: 689
Казас Илья Ильич — II: 357, 712
Казас Мамут — III: 689
Казас М.М. — III: 35
Казем-бек А.К. — IV: 392
Кази-Гирей — I: 663
Казимир IV Ягеллон — I: 303, 321, 422, 427
Казначеев А.И. — II: 410
Казначеев Н.И. — II: 597
Каиль Н.Б. — IV: 410
Каин (*библ.*) — I: 55
Каирмет Каяли — III: 576
Кайбулла Муждаба — III: 344
Кайбуллаев Шевкет — I: 17
Кайишев Эмирали — II: 782
Каймакчи Билял — III: 192
Кайнаут, род — I: 267
Кайтазов Адыль — III: 473
Кайтазов Садык — III: 562
Кайтазовы, дворянский род — II: 388
Кайтукин Росланбек — I: 798
Кайшаяк (*миф.*) — II: 269
Каковкин Г.А. — IV: 485
Калаун, аль-Мелик аль-Мансур — I: 273, 275, 276, 288, 500
Калафатов Амет — III: 438, 439, 785, 788, 789
Кале Ахтем — IV: 72
Каледин А.М. — II: 908; III: 86
Калинин М.И. — III: 236, 237, 252, 296, 303, 304, 306, 464, 522, 553, 617, 644, 822, 864
Каллимах — I: 112; IV: 386

Каллистов Д.И. — **I**: 111, 118; **IV**: 420
Каллисфен — **I**: 105
Калмук-Кары, род — **I**: 267
Кальв (Кальвари) М. — **III**: 325, 571, 854; **IV**: 427
Калькун — **I**: 832
Камбани, род — **I**: 261; **III**: 571
Камбер-ага — **I**: 651
Камбур Серайя Ходжаевич — **IV**: 484
Каменев Л.Б. — **III**: 155, 296, 476
Камилев А. — **III**: 671
Каминский Н.Г. — **III**: 611
Каммармахер-Кефели М.С. — **IV**: 10
Кампанелла Т. — **II**: 42
Кампенхаузен — **II**: 153
Камшицкий В. — **IV**: 427
Кан А.С. — **IV**: 427
Канаров Рамазан — **III**:163
Кандиоти — **II**: 444
Кандымов (Къандым, Кандым) Юнус — **I**: 17; **III**: 50; **IV**: 427
Каневский К. — **II**: 345, 383; **IV**: 427
Кант И. — **I**: 54
Кантакузин Сеитша — **IV**: 227, 228
Кантакузин Фома — **I**: 625, 640
Кантакузов Темир-Гази — **II**: 793
Кантемир А.Д. — **I**: 837
Кантемир Д. (Кючук-Хан-Темир-оглу) — **I**: 706, 747, 749, 756, 761, 773–775,
Кантор В.К. — **I**: 65, 366; **IV**: 428
Капаев И.С. — **I**: 784
Капанадзе В.А. — **IV**: 389
Капари Абиль Карим — **III**: 29
Каперием Джапар — **III**: 420
Капица М.С. — **IV**: 426
Каплан-Гирей I — **I**: 537, 730, 731, 782, 787, 791, 793, 794, 797, 799, 800, 803, 806, 807, 809, 820; **II**: 233; **IV**: 319
Каплан-Гирей II — **II**: 343; **IV**: 319
Каплан-Гирей III — **I**: 542,
Каплан-Гирей, нуреддин Крым-Гирея — **I**: 857
Каплан, мурза — **II**: 360
Капнист-Паскевич Анастасия — **III**: 159
Капнист-Паскевич Р.Р. — **III**: 158, 159
Каппелер А. — **I**: 428, 515, 580, 777, 801; **II**: 337, 387, 443, 454, 529, 546, 552, 608, 619, 681, 703, 757, 761, 762, 803, 831, 833, 834, 856, 874; **III**: 680, 804, 836; **IV**: 428
Каптерев Н.Ф. — **I**: 744, 745; **IV**: 428
Кара Абдульхаким — **III**: 691
Кара Дауд — **I**: 499
Кара Я.Б. — **IV**: 420
Кара Языджи — **I**: 236
Карабаев Н.С. — **IV**: 266, 428
Карабаш — **III**: 345
Карабиберов Осман Сейдамет — **III**: 141
Карабиберов Сеит-Али — **III**: 599
Карабиберов Сейламет — **III**: 47, 49, 138
Карабиберовы, семейный клан — **III**: 47
Караев Аширт — **IV**: 72
Караев Давид — **II**: 903, 906; **III**: 24, 797
Караева Айше — **IV**: 131
Каракаш Ибраим — **III**: 345
Каракоз (*лит.*) — **II**: 220
Караман — **I**: 852; **II**: 78, 80, 95, 123, 287; **IV**: 386
Караман Чоры — **I**: 402
Караманов Адиль-мурза — **II**: 602
Караманов Агаджан-мурза — **II**: 602
Карамзин Н.М. — **I**: 196, 302, 601, 603, 604, 605, 612; **II**: 694; **IV**: 428
Кара-мирза — **I**: 311
Кара-Мурза А.А. — **III**: 429; **IV**: 428
Кара-Мурза Г.А. — **III**: 429
Кара-Мустафа-паша — **I**: 688
Каранадзе Г. — **IV**: 125
Карасёв А.Н. — **I**: 137; **IV**: 428
Каратаев — **II**: 778
Караулов Г. — **II**: 122, 125, 147, 526; **IV**: 428
Караханиды, династия — **II**: 222
Карацоглу Трифилий — **II**: 368
Карашайские, дворянский род — **III**: 563
Карашайский А.М. — **II**: 691
Карашайский Абдувели — **II**: 673
Карашайский Иса — **IV**: 227
Карашайский Селямет-мурза — **III**: 117
Карашах (Карашаг)-мурза — **IV**: 330, 331
Карга — **III**: 407
Каргалов В.В. — **I**: 581; **IV**: 428
Кардини Ф. — **I**: 482; **IV**: 428
Карель П. — **IV**: 13, 16–18, 20, 25, 428
Каримов М. — **IV**: 428
Каримуллин А. — **I**: 89
Карл II Испанский — **I**: 675
Карл VI Австрийский — **I**: 830
Карл X Густав Шведский — **I**: 661
Карл XII Шведский — **I**: 199, 716, 726, 728–743, 747, 748, 752–754, 757, 759–774, 820

Карл Великий — **I**: 378,
Карлсон — **I**: 840
Карлссон О. — **I**: 762 — **IV**: 428
Карллы Ислям Али — **III**: 141
Карнаушенко В.Н. — **III**: 231; **IV**: 428
Каролинги, династия — **I**: 219
Карпенко С.В. — **III**: 100 — **IV**: 428
Карпов В. — **IV**: 152
Карпов Г.Ф. — **IV**: 390
Карпов С.П. — **I**: 406, 439, 443; **IV**: 428
Карр Э. — **IV**: 428
Карриоль — **I**: 382
Карсавин Л.П. — **I**: 70; **IV**: 428
Карташев А.В. — **I**: 49; **IV**: 429
Картбинские, род — **II**: 388
Картвелишвили (см. Л. Лаврентьев)
Касап Халиль Ахмет-оглу — **II**: 602
Касим-бек — **I**: 603
Касим-паша — **I**: 589, 602, 603
Касим-хан — **I**: 309
Касимов, педагог — **III**: 692
Касимов, партийный функционер — **III**: 516
Касимов Я. — **III**: 514; **IV**: 490
Касогов Г.И. — **I**: 683, 686
Касоговский — **II**: 725
Кассиодор — **I**: 173
Кастельно де — **II**: 122
Катагуны, племя — **I**: 519
Катаклы Эмир Усеин — **III**: 547
Котанджян Г.С. — **I**: 37; **II**: 806; **IV**: 429
Катков М.Н. — **II**: 429, 795
Катон — **II**: 712
Катсу — **III**: 516
Катушкина Л.Г. — **I**: 16
Катфриды (Готфриды), род — **I**: 201
Катюша Маслова (*лит.*) — **II**: 302
Катюшин Е.А. — **I**: 480; **II**: 78, 132, 346; **IV**: 429
Каховские, род — **II**: 788
Каховский В.В. — **II**: 401, 440, 456, 458, 489, 511
Каховский, майор — **II**: 490
Кахон Л. — **II**: 910
Кац — **III**: 41
Кацнельсон И.С. — **IV**: 395
Качанов С.Д. — **IV**: 116
Качи-Кальон, род — **I**: 267
Качка Эмир-Вели-Яя — **III**: 326
Качкачев А.Б. — **I**: 267 — **IV**: 429
Качоровский К. — **I**: 429
Каши Хафиз бин-Фахр ад-Дин — **I**: 355
Кашка Усеин — **IV**: 184
Квашнина-Самарина М.Н. — **III**: 158, 173; **IV**: 389
Квинт Курций Руф — **I**: 136
Квиринг Э.И. — **III**: 296
Кебабчианц Х. — **III**: 26, 27
Кедров М.А. — **III**: 107
Кезлеви С. — **III**: 82
Келими — **II**: 225
Келлнер-Хайнкеле Б. — **I**: 751, 807; **II**: 233; **IV**: 429
Кельвели Осман — **III**: 569
Кемаль Ата-султан — **I**: 499
Кемаль Баба — **I**: 499
Кемаль-паша (см. Ататюрк)
Кемаль Я. — **I**: 500; **II**: 562, 837; **III**: 432, 730; **IV**: 429
Кемаль Якуб, директор музея — **III**: 767
Кемаль Якуб, имам — **III**: 873
Кемальби, князь Готский — **I**: 196
Кемпель — **I**: 735
Кемптер П.Э. — **I**: 802
Кемпфер Э. — **I**: 199
Кенджаева Фатма — **IV**: 300
Кенджи Аджи Билял — **III**: 568
Кенегес (Кенегез), род — **II**: 230
Кенефедин Усеин-Мемет — **III**: 191
Кенжели Саид — **III**: 242
Кеппен П. — **I**: 124, 275, 276; **IV**: 429
Кереметчи — **III**: 516
Керенский А.Ф. — **II**: 878, 879; **IV**: 24
Керим Абдуль — **III**: 475
Керим Абибулла — **III**: 755
Керим И.А.(см. Керимов)
Керим Севиль — **IV**: 429
Керим-Берды — **IV**: 317
Керимджанов (см. Фирдевс)
Керимов — **III**: 563
Керимов А. — **IV**: 105
Керимов Азис — **III**: 679
Керимов Гафар — **III**: 694
Керимов Джеббар — **III**: 478; **IV**: 209
Керимов (Керим) И.А. — **I**: 93; **II**: 221, 315, 724, 838, 877; **III**: 458, 725, 744, 755, 779, 780, 784, 786; **IV**: 244, 429
Керимов Исмаил — **IV**: 482, 488
Керимов Сервер — **III**: 145
Керимова Айрие — **III**: 572
Керимова Г. — **II**: 220; **IV**: 300, 429
Керимова Кафие — **III**: 571; **IV**: 163, 491

Керимова Мусфире — IV: 171, 182, 429
Керменчикли Джемиль — II: 837; IV: 429
Керменчикли Якуб — IV: 88
Керменчиклы И. — IV: 90
Кернер фон Марилаун А. — II: 59
Керсновский А.А. — I: 836; IV: 429
Керчи Якуб — II: 782
Кескюла А. — II: 859
Кестлер А. — I: 216, 218; IV: 429
Кефели Сеит Абдул-Керим Шерефи — II: 223
Кефеви Али-эфенди — I: 842
Кефеви Ибраим-эфенди — I: 842, 844, 845; II: 232
Кефеви Сеит Муса-эфенди — II: 230
Кефеви Усеин — I: 356
Кефеви Фейзи — III: 730
Кефеви Хюсеин-эфенди — II: 230
Кефевий — II: 227
Кёпрюлю Фазыл Ахмед-паша — I: 663, 680, 685, 687, 688
Кёр-оглы (*лит.*) — I: 231
Кёсем-султан — I: 638
Кибелла — I: 320
Киблели-оглы (Гиблели-оглы) — I: 719
Кибяк-хан — IV: 380
Кизилов Б.В. — IV: 285
Кизяр-ага — I: 759
Кинросс Б.П., лорд — IV: 429
Киплинг Р. — IV: 52
Кипчак (Кыпчак), род — I: 467
Кипчак (Кыпчак) Шагин-мирза — I: 548
Кипчакский М.М. — II: 870, 871, 873
Кипчакский Мегметчи-мурза — II: 478
Кипчакский Мехметша-мурза — II: 378
Кипчакский Мустафа-мурза — III: 60, 97, 99
Кипчакский Селямет-мурза — III: 82, 117
Киреевский И.В. — II: 693
Киреевский И.П. — II: 751
Киреевский П.В. — II: 751
Кирилл, св. — I: 181, 184
Кирилл, митрополит — I: 274
Кириллов Н. — III: 169
Киримов Т.Н. — IV: 429
Кирко Х. — II: 444
Киселёв П.Д. — II: 491, 500, 519, 633
Киселёв Ф. — I: 329
Кислый А.Е. — IV: 412
Китай, род — I: 467
Китченко Ф. — I: 780
Кичи-Мухаммед-хан — IV: 317
Киятов К. — II: 388
Кларк Э.Д. — I: 8, 187; II: 278
Клеблеев М. — IV: 90
Клеман Н.Э. — I: 516, 517, 525, 546, 851, 854, 855; II: 175, 216, 244, 263, 284, 286; IV: 386
Клембовский В.М. — IV: 391
Клепов — IV: 167
Климанов — IV: 282
Климанов Л.Г. — I: 15; IV: 455
Климент VI — I: 258
Климент, св. — I: 238
Климент Александрийский — I: 115, 386
Климович Е.К. — III: 63, 83, 513
Климович Л.И. — II: 793, 794, 894, 816; IV: 429
Клинковштрём О.В. — I: 737, 738, 739
Клочко В.И. — I: 128; IV: 429
Клуцис Г.Г. — III: 365, 623
Клычева Ава — III: 771
Клюдаковский — III: 400
Клюев Н.А. — I: 55
Ключевич Р. — III: 548; IV: 437
Ключевский В.О. — I: 27, 28, 40, 237, 249, 252, 438, 440; II: 608; IV: 429
Клячин А.И. — III: 710; IV: 429
Клячко С.Л. — I: 188
Кляшторный С.Г. — I: 206, 207, 213, 225, 273, 276, 281; II: 828; IV: 430
Княжевич В. — II: 567, 568, 672, 883
Коба (см. Сталин)
Кобулов Б.З. — IV: 167, 204, 235, 258
Коваленко И. — II: 68; IV: 430
Ковалёв Б.Н. — IV: 61, 64, 89, 108, 430
Ковалёв С.И. — I: 21; IV: 430
Ковалёв Ф.И. — IV:
Ковальджи К. — III: 409
Когонашвили К.К. — I: 95, 105, 245, 253, 294, 860; II: 604, 801; IV: 430
Коджа Рагыб-паша — I: 830
Кододат (Худайдот) — I: 426
Кожевников М.В. — III: 33; IV: 430
Кожин С.Н. — III: 396
Козлов А.Ф. — IV: 204, 430
Козлов В.И. — I: 35, 36; IV: 430
Козлов В.Ф. — III: 243, 244, 254, 261, 263; IV: 430
Козлов Д.Т. — IV: 20, 21
Козлов И.А. — I: 804; III: 213; IV: 136

Козлов С.Я. — IV: 441, 450
Козлов Ф.В. — IV: 450
Козлова Н. — — III: 265, 859; IV: 430
Козловский И.П. — I: 249; IV: 430
Койлу-бай Сеит-оглу — II: 601
Кокасон Р. — III: 500
Коковцев М.Г. — II: 446
Кокорекин А.А. — IV: 289
Кокубиров (Кочубаров) — III: 202
Кокура Джемиль — III: 474
Колаф Аким Кодар– III: 474
Колесников Джеппар — IV: 116, 130
Колесса Ф. — I: 638
Колли Л.П. — I: 269, 305, 320, 501; II: 78, 80, 409, 410
Колодникова Л.П. — IV: 393
Колоксаис (*лит.*) — I: 126
Колонтаев К. — IV: 28, 39, 70, 430
Колосов Ю.Г. — I: 97; IV: 430
Колотухин В.А. — I: 110; IV: 430
Колтухов С.Г. — IV: 430
Колчак А.В. — II: 864
Колчигин — II: 490
Колычев Л. — I: 572
Кольер (Колиер) Г. — IV: 394
Кольер Я. — I: 765
Кольт С. — I: 514
Кольцов-Масальский И.М. — I: 686
Коляк Ахтем — IV: 107, 113, 120
Коляк Осман — IV: 106, 107
Комков (*лит.*) — IV: 316
Комская К. — IV: 433
Комурджи Джафар — III: 361
Комшу Ахсеит — IV: 71
Кон И.С. — I: 33; IV: 430
Конгуратские, род — II: 388
Кондараки В.Х. — I: 157, 469, 476, 518, 524, 525, 536, 716; II: 19, 155, 156, 189, 209, 243, 246, 251, 275, 287, 306, 316, 335, 337, 370, 374, 525, 596, 597; IV: 430
Кондильские, род — II: 388
Кондо Г.Ф. — IV: 285
Кондохов, генерал — II: 722
Кондрашин В. — III: 623, 630, 634, 642; IV: 431
Кондукторова Т.С. — I: 140; IV: 431
Кондури А. — II: 903
Конецпольский А. — I: 641
Конквест Р. — III: 644, 651; IV: 431
Коновалова И.С. — I: 245, 246, 250, 296; IV: 431
Кононенко Б.И. — IV: 431
Конрад Л.И. — I: 367; IV: 431
Конрат (Конграт), род — I: 467
Константин II — I: 181, 185
Константин VII Багрянородный — I: 223, 248; IV: 368, 387
Константин VIII — I: 238
Константин Павлович («Константин XII») — II: 433, 573
Константин Святой — I: 195
Константинов А.Д. — II: 382
Контарини А. — I: 396; IV: 370, 382, 387
Контрольская В.В. — III: 746
Контрольская М. — III: 746
Конурат К. — I: 231, 356; IV: 431
Кончак — I: 226, 233
Кончевский А.К. — III: 265, 774; IV: 431
Конюхов Г. — III: 535, 592; IV: 431
Кораблёва В.С. — III: 537
Корба Мустафа — III: 205
Корецкий В.Б. — III: 359
Корж С. (Коржинский С.) — II: 128; IV: 431
Кориков Халиль — III: 343
Корне Р. — IV: 57
Корнев В. — I: 32; IV: 431
Корниенко О.К — IV: 488
Корнилов А.А. — II: 554
Корнилов В.А. — II: 587
Корнилов Л.Г. — II: 888
Корниясенко О.Н. — IV: 484
Корнюхин Г.В. — IV: 17, 431
Коробка Н.В — II: 446, .
Коробков В. — I: 155
Королёв В.И. — II: 852, 887, 891, 897, 900, 902, 905, 907, 909, 914, 927, 928; III: 4, 14, 17, 18, 21, 36–39, 53, 112; IV: 431
Королёв С.П. — IV: 308
Коротич В. — III: 253; IV: 431
Короткий А. — III: 551
Короткая А.М. — I: 14
Корпусова В.Н. — I: 163; IV: 431
Корсаков В.В. — II: 517; IV: 431
Корсун — III: 8
Корф В.С. — II: 590, 599, 600
Корхмазян Э.М. — II: 374; IV: 431
Коршунов П.С. — III: 312, 506; IV: 431
Коссаговский П.П. — II: 674
Косе Э. — III: 326
Коссак Юлиуш — II: 119
Коссе Али Мемет — III: 140

Костанжогло (*лит.*) — I: 53
Костерин А.Е. — III: 349
Костиков К.В. — III: 671; IV: 431
Костин Н. — I: 749
Костомаров Н.И. — I: 640, 668, 792, 793, 807, 811, 812, 816; II: 534; IV: 432
Кострикова Е.Г. — IV: 448
Костриченко А. — III: 50
Костырченко Г.В. — III: 294, 296, 303, 304, 310, 508; IV: 432
Косулина Л.Г. — III: 165
Косыгин А.Н. — IV: 301
Коте Г. — I: 130
Котис II — I: 162
Котляр Н. — I: 249, 250; IV: 432
Котляревский С.А. — I: 61; II: 873; IV: 432
Котов А. — III: 689
Котян — I: 233
Кох Э. — IV: 47, 48, 49, 53, 126
Коцебу П.Е. — II: 664, 665, 666, 667, 668, 718
Коцюбинский Д. — I: 58; IV: 432
Кочекаев Б.-Аб. — I: 784, 785, 797; IV: 432
Кочепасова Т.Ю. — III: 380; IV: 432
Кочубинский А.А. — I: 746, 750, 801, 804, 830, 838; IV: 342
Кочубей В.Л. — I: 634, 701, 702
Кочубей В.П. — II: 549
Кош Роберт фон — III: 56, 57, 58, 60, 63, 65
Кошелев А.И. — II: 584; IV: 387
Коялович М.О. — IV: 391
Кояш, род — I: 267
Кравен Элизабет — II: 134, 152, 155, 214, 286, 497; IV: 387
Кравцова Л.П. — III: 92, 184; IV: 438
Крамаровский М.Г. — I: 230, 235, 253, 275, 286, 287, 288, 354, 370, 380, 546, 552; II: 24, 92, 231; IV: 432
Крамник И.Л. — III: 261
Красиков П.А. — III: 832
Красильников Н.А. — III: 369
Красильников С.А. — IV: 457
Красин Л.Б. — I: 81; III: 718
Краснов И.Н. — II: 595, 596
Краснов Н.П. — II: 698
Краснов П.Н. — IV: 146
Краснова М. — II: 664, 666
Краснощёков И.М. — I: 789
Краснощёнов — III: 320
Крастошевский — III: 851
Крафт Л. — IV: 386
Крачковский И.Ю. — IV: 402
Кривошеев М.В. — I: 658, 693, 694; IV: 432
Кривошеев Ю.В — I: 593; IV: 432, 440
Кривошеин А.В. — III: 100, 101
Кривошеин С. — IV: 5
Кривуленко — III: 101
Кривцов А.В. — III: 22
Крижанич Ю. — I: 456, 461, 523, 674–678, 743, 745; II: 342; IV: 387, 406
Крип'якевич І.П. — I: 444, 635, 641, 646, 647, 648, 659; IV: 432
Крис Х.И. — I: 102, 105, 114; IV: 432
Кристиан V Датский — I: 526, 540
Кристина Шведская — I: 651, 726
Кричевский Ф.Г. — III: 108
Кричинский Арслан-мирза — II: 545, 552, 569, 688, 690; IV: 433
Кричинский С.С. — III: 786
Кришевский Н.Э. — II: 899, 900; IV: 387
Кронер Э. — III: 92, 95, 95; IV: 433
Кропоткин В.В. — IV: 433
Кротов П.А. — IV: 427
Крубер А.А. — III: 225, 249, 253, 256, 271, 320; IV: 433
Круглов А.Г. — IV: 241
Круглов В. — IV: 252, 433
Крупенские, род — II: 776
Крупенский П.Н. — II: 777
Крупницький Р. — I: 742
Крупская Н.К. — III: 721
Кручинин А.С. — II: 921; IV: 433
Крючков А.В. — II: 440; IV: 433
Крыленко Н.В. — III: 153, 573, 575, 633
Крылов — III:175
Крылов И.А. — III: 565; IV: 299
Крым-Гирей — I: 481, 513, 525, 537, 547, 601, 776, 845–851, 853–865; IV: 319, 389
Крым-Гирей Н.А. — I: 865
Крым-Селим-Гирей — IV: 320
Крым (Нейман) С. С. — III: 64, 65, 66, 70, 71, 72, 73, 75
Крымский (Кримский) А. — I: 9, 89, 629, 814; II: 220, 222, 231, 233, 235, 527, 566, 809; IV: 433
Крымтаев, мурза (Мамут-Султан, нач. XIX в.) — II: 194
Крымтаев, мурза (Мамут-Султан, 1880-е гг.) — II: 675
Крымтаев К.-Б. — II: 869

Крымтаев Мемет-мурза — II: 548; III:
Крымтаев С. — II: 796
Крымтаев Селамет-мурза — II: 602
Крымтаев Сулейман-мирза — II: 738, 863, 864, 870
Крымтаев Хуршут — II: 910
Крымтаевы, род — II: 388
Крым-Ховаджа Абд-Эль-Рахман Челеби — II: 558
Крэмер В. — IV: 126
Крючков А.В. — II: 440; IV: 433 — IV: 433
Кубаев Мемет — III: 215, 336, 337, 472, 516, 574, 643, 645, 662, 694, 696, 700
Кубе В. — IV: 126
Кубединов Алим — III: 211
Кубединов Изатулла — III: 420
Кубрат — I: 213
Кувушлу Рустем — IV: 72
Кудай Кубелик (*легенд.*) — III: 779
Кудрявцев — III: 664
Кудрявцев В.Б. — III: 414; IV: 433
Кудрявцева Е.П. — IV: 448
Кудус-эфенди — II: 833, 893, 894; III:
Кудусов Э. — IV: 230, 487, 488, 490, 491
Кудусова З. — IV: 489
Кудюкина М.М. — II: 533; IV: 433
Кузищин В.И. — IV: 395
Кузнецов А.Б. — I: 425, 433
Кузнецов В.С. — IV: 116
Кузнецов М. — IV: 278
Кузнецов Н.Г. — IV: 27
Кузнецов Ф.И. — IV: 16, 17
Кузьмин А.Г — I: 184, 250; IV: 414
Кузьмина Е.Е. — I: 138, 139
Куинджи Мила — IV: 196
Куйбышев Н.В. — III: 108, 263, 492, 637
Куклина И.В. — I: 15, 131; IV: 434
Куку Усеин — III: 773
Кулага — I: 611
Кулаковский Ю.В. — I: 174, 341, 436; II: 363, 369; IV: 434
Кулешов — III: 43
Кулик А. — IV: 440
Куликова В.Ф — I: 735; IV: 434
Куликова О.Ю. — IV: 30, 434
Куликовский — II: 490
Кульпединова — III: 691
Кульпин Э.С. — I: 284, 338, 404, 674; II: 16, 59, 66; IV: 434
Культюр Г. — II: 585
Куляне Эдем — III: 141
Кумурджи И.Д. — III: 429
Кун Бела — III: 155, 164, 169
Кунгарович Ахмед-бек — II: 475
Кунграты, род — I: 301, 303
Куник А.А. — I: 247
Кунос Игнац — II: 217, 218, 860, 861
Кунцевич Ф. — II: 758, 759, 762; IV: 434
Кунчек-оглан — I: 591
Купченко В.П. — I: 273; II: 883; IV: 434
Кураев Андрей — III: 393
Курба Мустафа — III: 202
Курбединов Велиула Мустафа — III: 692
Курбединов Сеит-Амет — III: 163
Курганов И.А. — III: 149; IV: 434
Курдагов Г. — II: 771
Куркчи — III: 691
Куркчи А. — III: 498
Куркчи Абдулла — IV: 50
Куркчи Исмаил — IV: 72
Куркчи Осман — III: 163
Куркчи Усеин — III: 524
Курман М. — III: 642
Курносенко — III: 160
Куропаткин А.Н. — I: 816; IV: 434
Курочкин В. — II: 250
эль Курсави Абуннаср — II: 804
Курский Д.И. — III: 4
Курт-Аджи Аджи Вели — III: 566
Куртбедин Айше — III: 406
Куртбедин Али — III: 850
Куртбединов З. — II: 318; IV: 434
Куртбединова Хатидже — IV: 120
Куртбелялова Х. — I: 349; II: 128, 143; IV: 434
Курт-Амет Зекирья — III: 69
Курт-Амет Карт-Асан — III: 532
Куртамет Хаяли — III: 604
Куртаметов, бригадир — III: 582
Куртаметов, колхозник — III: 698
Курт-Велиев председатель карасубазарского РИКа — III: 545
Курт-Велиев, бахчисарайский функционер — III: 689
Курт-Бедиев Эмир-Вели — III: 449
Курт-Бедиев Эмир-Осан — III: 449
Куртбединова Хатидже — IV: 120
Курт-Бекир Курт-Бегин-огълу — II: 726
Курт-Мамбет-акай — III: 774
Курт-Мембет Эльшан-оглу — II: 624
Курт-Меметов Мустафа — III: 471
Курти Бекир — III: 163

Куртиев Вели — III:
Куртиев Мустафа — IV: 50
Куртиев Рефат — I: 17, 201, 214; II: 210, 458, 903; III: 28, 30; IV: 243, 434
Куртиев Умер — II: 912
Куртиева Мензаде — III: 777
Курт- Молла Абдураман — III: 540
Куртмолла Абдулмеджит — III: 478
Курт Мулла Абибулла — III: 443
Куртмулла Эмир-Усеин — IV: 106
Куртмуллаев — III: 561
Курт-Недиров — III: 628
Курт-Незиров Али — III: 68, 69
Курт-Осман Девлетша-огълу — II: 231
Куртсеит Амет — I: 16; IV: 160, 161
Куртсеит Ибраим — IV: 184
Куртсеит Осман — III: 517
Куртсеитов А.М. — IV: 466
Куртсеитова Хатидже — IV: 200
Куртумеров Н.А. — IV: 179
Куртумеров Рамазан — IV: 116
Курт Эмин Алиль — III: 467
Куршудов Алим — IV: 71
Куршут — II: 771
Куршут Джелял — III: 682
Куршут Осман — III: 345
Куршутов Т.Н. — IV: 92, 228, 434
Курукин И. — I: 435
Курчи (Куркчи), род — I: 267
Курьянов С.О. — I: 238; IV: 434
Куря — I: 224
Кустова М. — IV: 300
Кутайсов В.А. — I: 119, 143; II: 86, 88, 91, 92; IV: 434
Кутдусова Шефика Юнусовна — IV: 490
Кутлук-Тимур — I: 300
Кутлуш-ага — II: 388
Кутузов М.И. — II: 455, 566
Куфтин Б.А. — I: 190, 203, 371; II: 8, 14, 16, 21, 23, 24, 25, 26, 28, 31, 32, 35, 37, 43; IV: 434
Кухаренко Ю.В. — I: 108; IV: 434
Кученей (Кучелей, в православии Мария) — I: 796
Кушева Е.Н. — IV: 434
Кушнер А.С. — III: 644
Кущ Ирина — IV: 487
Кучер В. — IV: 136
Кучук-Мухаммед — I: 303
Кушелев-Безбородко А.Г. — II: 449
Къозы-Корпечь (*лит.*) — II: 218
ал-Къурани Увайс — II: 169
Къуртнезир З. — II: 221; IV: 435
Кыйлап-батыр (*лит.*) — II: 217
Кыбти Челеби — II: 292
Кырымал Эдиге — IV: 90–93, 97, 99, 169, 170, 227, 228, 378
Кырымджан Абдулла — IV: 227
Кырыми Осман — II: 231
Кырымлы Махмуд — II: 221
Кырымлы Х. — II: 234; IV: 435
Кырымлы Хаджи Мухаммед — II: 231
Кычанов Е.И. — I: 89
Кьеркегор (Киркегор) С. — I: 54
Кюльман Р. — III: 52
Кёпрюлю Ахмед Фазыл — I: 663, 680, 685, 687, 688
Кюстин А. де — I: 478, 789; II: 5, 38, 342, 343, 520, 526; IV: 388
Кямиль (см. Мехмед-Гирей IV)
Л.С. — II: 419; IV: 435
Лабрюйер Ж. — II: 280
Лаван (*библ.*) — II: 528
Лаверецкий Н.А. — III: 738
Лависс Э. — II: 695; IV: 426
Лаврентьев (Картвелишвили) Л. — III: 701
Лавринова Т.И. — I: 859
Лавров В.В. — I: 174, 178, 181, 182, 183, 185, 188, 189; IV: 435
Лагерберг С. — I: 465, 466, 739, 748, 761, 762, 763
Лазаренко Б. — II: 898
Лазарис — III: 291
Лаззерини Э. — II: 799
Лакер У. — II: 752, 753, 757; III: 848; IV: 435
Ламанский В.И. — II: 851; IV: 435
Ламотрэ А. — I: 717
Лампси С.Х. — II: 490, 569, 626
Ланда Диего де — I: 815
Ланда Р.Г. — I: 432, 436, 443; II: 475, 771, 773, 775, 797, 798, 857, 858; IV: 435
Ландау Л.Д. — I: 865
Ланжерон А.Ф. — IV: 356
Ланской С.С. — II: 635
Лао цзы — IV: 157
Лаптев Ю.Н. — IV: 466
Лапицкая С. — II: 853; IV: 435
Ларин М.А. — I: 66; III: 226
Ларин Ю., член КОМЗЕТА — III: 307, 309, 310, 507, 508

Ларин Ю., соврем. экономист — IV: 435
Ларский Л. — IV: 158
Ласковский Ф. — I: 822, 825, 833, 834; IV: 435
Ласси (Лассий) П.П. — I: 338, 443, 800, 804, 805, 815, 818, 819, 820–823, 825–830, 832–835, 838, 842, 851; II: 81, 86, 95, 232, 346, 376, 407, 561, 563, 564, 696
Латышев В.В. — II: 363; IV: 435
Лаубе Я.Т. — III: 500
Лацис М. — III: 152
Лацис О.Р. — III: 262; IV: 435
Лашкарёв С. — II: 623, 675
Лашков Ф.Ф. — I:158, 160, 224, 275, 277, 294, 295, 297, 342, 343, 368, 391, 397, 398, 401, 409, 472, 474, 421, 427, 453, 534, 554, 564, 589, 812; II: 82, 111, 204, 332, 345, 349, 352, 354, 355, 357, 359, 377, 379, 405, 437, 440, 458, 459, 464, 465, 486, 494, 504, 512, 644; IV: 436
Лебедев В.В. — III: 369
Лебедев С.В. — II: 694, 752; IV: 436
Лебедева Н.М. — IV: 436
Лебедева Э.И. — II: 193; IV: 436
Лебон Ж.(Г.) — IV: 436
Левашов В.Я. — I: 799, 833
Левек П.К. — I: 371; IV: 436
Левенвольде Р.Г. — I: 817
Левенгаупт А.Л. — I: 737
Левин И. — IV: 392
Левин Ш.М. — II: 621
Левитан Ю.Б. — IV: 177
Левицкий Г.П. — II: 462, 498, 499, 520, 550, 571, 572, 589, 597, 607, 620, 621, 627, 628, 629, 630, 632, 633, 634, 635, 636, 642, 644; IV: 436
Левицький О. — IV: 416
Левченко М.В. — I: 224; IV: 436
Левый А. — I: 376; IV: 436
Ле Гофф — III: 393; IV: 436
Леер Г.А. — IV: 443
Лейбин С.А. — IV: 436
Лейкин — III: 680
Лейла (*лит.*) — I: 230
Леманов И.Н. — II: 873; IV:
Леманов Исмаил — III: 686, 753, 769
Ленгель М. — II: 836
Ленин (Ульянов) В.И. — I: 36, 44, 50, 55, 59–64, 66–69, 70–72, 75–77, 79–81; II: 678, 760, 759, 777, 779, 781, 783, 840, 847, 858, 859, 887, 895, 898, 901, 903, 922, 929, 932; III: 26, 33, 36, 42, 48, 52, 71, 78, 80, 87, 109, 121, 127, 132, 146–149, 151, 153–156, 160, 164, 165, 205, 206, 208–210, 214, 220–222, 231, 239, 241, 253, 269, 272, 274, 276, 277, 285, 286, 288, 328, 331–335, 339, 348, 351, 366, 375, 426, 437, 453–455, 461, 464, 488, 489, 496, 502, 503, 520, 531, 575, 590, 596, 619, 635, 646, 649, 654, 657, 668, 678, 725, 739, 751, 755, 811, 816–821, 823; IV: 20, 70, 89, 133, 142, 375, 388
Леонтьев К.Н. — II: 693, 751, 769
Леонтьев М.И. — I: 800, 801,842
Леопольд I — I: 710, 712
Лермонтов М.Ю. — I: 496, 803; II: 547
Лерх И.Я. — I: 834
Лесков А.И. — II: 580; IV: 436
Лесков Н.С. — III: 848
Лесли — II: 490
Лесли Ю.Ф. — I: 819
Лесюк Р.И. — IV: 464
Лефорт Ф. — I: 706
Лехно Давид бен-Элиезер — I: 707, 727, 739, 746, 750, 751, 773; IV: 388
Лжедмитрий I — I: 618, 619, 620
Лжедмитрий II — I: 622
Ливанов Ф.В. — I: 239, 812; II: 110, 150, 243, 256, 314, 419, 568; IV: 436
Ливен А.А. — IV: 356
Лиде А.М. — III: 160
Лимонов Ю.А. — IV: 392
Линков Я.И. — II: 583, 616; IV: 436
Линь, принц де — II: 385
Липка — I: 772
Липоксаис (*лит.*) — I: 126
Липшиц Е.Э. — I: 158; IV: 436
Лисаневич П.Н. — III: 22
Лисейцев Д.В. –I: 613, 615, 618, 619, 620; IV: 437
Лисичкин Г. — IV: 437
Лисовенко Н. — I: 160; IV: 437
Литаврин Г.Г. — I: — IV: 437
Литвак К.Б. — III: 454; IV: 437
Литвин А.Л. — III: 157, 160, 165, 164, 205 — IV: 437
Литвин Г.А. — I: 71, 73; IV: 36, 56, 88, 97, 114, 147, 217, 218, 437
Литвин Михаил (Михалон) см. *Михаил Литвин*

Лихачёв Д.С. — I: 263, 815
Лия (*библ.*) — II: 528
Лобанов П.С. — IV: 285
Лобанов-Ростовский А.Б. — II: 688
Лобова И.И. — I: 162, 163; IV: 437
Ломагин Н.А. — IV: 142, 437
Ломакина Л. — III: 50
Ломарь — I: 767
Ломеллини Карло– I: 259,
Ломидзе Е.М. — I: 498, 500; IV: 437
Ломиковский И. — I: 732
Лопатин В.С. — II: 380, 390; IV: 388
Лопаткин И. — III: 551
Лопухин П.В. — II: 464, 473
Лордкипанидзе Т. — III: 701
Луговой Н. — IV: 136
Луговской В. — III: 666
Лудмер Я. — II: 321
Лукомский — II: 929
Лукомский А.С. — III: 22, 189
Лукомский П.И. — III: 27
Лукьянов М. — I: 655
Лулудаки А. — II: 444
Лунин С.В. — IV: 383
Лурье С.В. — I: 29; IV: 437
Лучицкий И.В. — I: 439–444; II: 569; IV: 437
Лызлов А.И. — I: 199, 341, 395, 398, 422, 457, 459, 462–464, 539, 571, 578, 595, 612, 669, 670, 674; II: 97, 271; IV: 388
Лысенко Н.В. — I: 638
«Лысый», полковник — I: 671, 672
Лычагина О.З. — III: 548
Львов — III: 316
Львов Л. — I: 634, 723, 725, 727; IV: 437
Львов-Никольский Н.А. — I: 243, 244
Любавский М.К. — I: 705
Любарский С.Е. — III: 300
Любарский Я.Н. — IV: 392
Любимов В.А. — IV: 482
Люблинская А.Д. — I: 15; II: 279
Любомирский Х. — I: 728
Людвиг, принц Гессен-Гомбургский — I: 798, 816
Людовик IX Святой — I: 195
Людовик XIV — I: 675
Людовик XV — I: 854
Людовик XVIII — II: 550
Людольф де — II: 14, 98, 189, 284, 291, 397, 400, 410, 415, 416, 423, 441, 466, 568; IV: 388
Люк Ж. де — I: 395, 397, 402, 468; IV: 388
Люксембург Роза — III: 146
Люман, житель Коккоз — IV: 104, 111
Люман Аблязиз — III: 665
Люманова Зейнаб — III: 773
Лютер М. — II: 830
Люттеман Г. — I: 761
Лютфи — II: 225
Ляпин Д.А. — I: 665, 669; IV: 437
Лятиф — II: 664
Лятиф-заде Абдулла, художник — III: 727
Лятиф-заде Абдулла, завотделом — III: 397
Лятиф-заде Абдулла Абиль-оглу — I: 503
Лященко П.И. — III: 411, 535; IV: 437
М.С. — I: 102
Мавроени К.И. — II: 484
Маврокордато А. — I: 712, 745, 747
Мавро-Михайли, исправник — II: 503, 504, 672
Мавро-Михайли, подполковник — II: 490
Магмет-агъа — II: 440
Мадонов С. — III: 783
Мазаев А.И. — III: 748
Мазепа И.С. — I: 693, 695, 696, 702–704, 706, 723–725, 731, 732, 735–737, 740, 748, 772
Мазин Музафар — IV: 71
Мазинов А. — IV: 437
Мазинов Бекир — III: 692
Мазурец Ф. — IV: 112
Майдан А. — IV: 438, 532, 533
Майер И. — I: 651
Майер-Хетлинг К. — IV: 42
Майков А.Н. — II: 582
Майкр В. — IV: 415
Май-Маевский В.З. — III: 103
Макадзюб М.С. (Панин) — II: 759
Макаров И.А. — I: 166; IV: 438
Макаров П.В. — III: 43, 100, 102, 103; IV: 438
Макарова Т.И. — I: 213, 215; IV: 438
Макаренко Т. — IV: 31, 32
Макарий, митрополит — I: 580
Макартур Дж. — I: 18
Макартур К. — I: 18
Макарюк В. — III: 197
Македонский И.Л. — IV: 116
Македонский М.А. — IV: 162
Маккавеи (*библ.*) — I: 140

Маккензи (Мекензий) Т. — II: 397
Маков Л.С. — IV: 356
эль-Макризи — I: 276
Максим Грек — I: 153
Максименко М.М. — II: 429, 505, 510, 572; III: 366, 740–742; IV: 300, 438
Максимов, дачевладелец — III: 287
Максимов, член ревкома — III: 188
Максимов П.Н. — I: 684, 686; IV: 438
Максимович — II: 596
Максимович А. — III: 810
Максимович Д. — I: 732
Максуд Р. — II: 537, 540; IV: 438
Максуд-ага — I: 295
Максуд-Гирей I — I: 460 — IV: 319
Максуд-Гирей II — IV: 319
Максуд-Гирей, калга — I: 857
Максуд-агъа-ибн-Хусейн — I: 527
Максуди Сабри — II: 776
Максудов — III: 583, 620, 631; IV: 438
Максудов С. — II: 813
Максум-аджи Халил — II: 727
Максут Аблятиф — III: 568
Мактер Гафур — IV: 72
Макухин А.Г. — II: 920
Маламбутов — III: 133
Маланюк Е. — I: 67; IV: 438
Малахов В. — II: 571; IV: 438
Малахия (*библ.*) — I: 22
Малашенко А.В. — I: 369; IV: 438
Малеин А.И. — IV: 384
Маленков Г.М. — IV: 148
Маликов Н. И. — IV: 488, 490
Малиманов — III: 34
Малиновский А. — I: 327, 329, 571, 572, 573, 576, 577 — IV: 388
Малиновский Р.Я. — IV: 38, 211
Малицкий Н.В. — I: 195; IV: 438
Малышкин А.Г. — II: 901, 908,927; IV: 438
Мальбахов Б.К. — I: 795, 796; IV: 438
Мальгин А.В. — III: 92, 184; IV: 438
Мальков П.М. — IV: 291
Мальцев В.И. — IV: 141, 438
Мальцев Г. — III: 798
Мальцев М.М. — III: 148
Мамай, хан — I: 195, 254, 298, 299, 300, 445
Мамай, бей — I: 571, 572,
Мамайский Абдулла-ага — II: 470
Мамайский Абдурраман-мурза — II: 547
Мамак-бей — I: 311
Мамардашвили М. — I: 48
Маматкулов — IV: 270
Мамбет Ачки-Молла Аджи — III: 851
Мамбет Бекташ — III: 274
Мамбет Сеит — III: 779
Мамбетов — III: 689
Мамедия Анифе — III: 419
Мамедне Джепар — III: 853
Маметказинов А. — III: 368
Маметов Б. — II: 868
Маметов Исмаил — III: 468; IV: 273, 388
Маметов Селим — II: 867, 909
Мамин Ф. — IV: 433
Мамляков Даврон — IV: 270
Мамуладзе — III: 202
аль-Мамуна — I: 36
Мамут-ага — IV: 182
Мамут Иззет-Аджи — III: 50
Мамут Муртаза — III: 260
Мамут Муса — IV: 209, 282, 283, 379
Мамут Осман — III: 260
Мамут Сеит-Нэби — III: 680
Мамут Сейдал-Сеит — III: 260
Мамут Чули Рукие — IV: 200
Мамут-эфенди-огълу Исмаил — II: 716
Мамутов Аджи-эмир Усеин — III: 851
Мамутов Б. — III: 797; IV: 438, 491
Мамутов Д. — IV: 438
Мамутов Дилявер — IV: 72
Мамутов Ибраим — IV: 211
Мамутов Исмаил — III: 138, 141
Мамутов Куртмолла — IV: 130
Мамутов Муртаза; IV: 489
Мамутов Мустафа– IV: 116
Мамутов Сеитмемет — IV: 72
Мамутова Анифе — IV: 72
Мамутова З. — III:
Мангуш, род — I: 267
Мангыт (Мангит), род — I: 303, 467, 548, 568, 579, 587, 608
Мангыт Мехмед-Шамир — I: 548
Мангыт Темир-бей — I: 539
Мандельштам О.Э. — III: 84 — IV: 311
Мандро А. — II: 444
Мани — I: 21, 22, 24, 26
Мансур, род — I: 267, 467, 516, 533, 548, 579, 587, 606, 606, 612, 626, 627, 672
Мансур, имам — II: 456
Мансур, шейх — II: 608
Мансур Кан-Темир — I: 626
Мансур Мелини — I: 271

Мансур Султаншах-мурза — I: 548
Мансур Хасан-мирза — I: 548
Мансурский Усеин-бей — II: 546
Мансурский Халиль-мурза — II: 589
Мансуэлли Г. — I: 135, 136, 163; IV: 438
Мануэль — I: 196
Манцев В.Н. — III: 156
Манштейн К.Г. — I: 789, 801, 803, 805, 806, 808–810, 817, 817, 825, 826; IV: 388
Манштейн Э. фон — IV: 15–19, 23, 24, 29, 39, 45, 57, 60, 61, 97, 124, 125; IV: 388
Маньковская Н.Б. — I: 368; IV: 438
Маргос — II: 365
Марджани (Марджони) Шихабутдин — II: 803, 804, 807, 808
Маринов Х. — IV: 465
Мария Мангупская — IV: 370
Мария Фёдоровна — II: 866
Марк Аврелий — I: 164
Маркевич А.И. — I: 344, 855; II: 346, 347, 354, 358, 370, 458, 459, 476, 589, 590, 592, 598, 599, 601, 602, 603, 604, 625, 626, 631, 650, 695; III: 810; IV: 439
Марков Е.Л. — I: 190, 826; II: 107, 245, 303, 427, 488, 504, 505, 531, 533, 536, 541, 564, 574, 598, 606, 661,664, 669, 670, 689, 706, 729, 745, 754; III: 273, 398, 556; IV: 285, 316, 374, 439
Марков Н.Е. — II: 752
Марков С.Л. — III: 86
Маркова Л.В. — II: 369, 372, 373, 449; IV: 425
Маркова О.П. — II: 432, 433, 434; IV: 439
Маркович А.И. — I: 458; IV: 388
Маркович Я. — II: 299; IV: 388
Маркон И.Ю. — III: 730
Маркс К. — I: 43, 44, 50, 54, 60, 66, 71, 488, 490, 706; II: 435, 577, 580, 581, 586, 608, 745; III: 3, 221, 269, 281, 374, 383, 437, 591, 640, 739; IV: 142, 159, 310, 439
Маркс Н.А. — II: 883
Марр Н.Я. — I: 175, 240, 242; IV: 439
Мартен — II: 685
Мартенс Ф.Ф. — II: 434; IV: 388
Мартин V — I: 257
Мартинес А.М. — II: 350; IV: 389
Мартино Э.Л. — IV: 391
Марту Мустафа Абдулла — III: 163
Мартыненко — III: 695
Мартынов — III: 87
Мартынов С. — IV: 124, 127–129
Мартьянов Г.П. — II: 458, 573, 628, 638, 718, 720; IV: 439
Марцинковский П. — II: 362, 416, 617; IV: 439
Марьянович А.Т. — I: 17
Марьянович Т.В. — I: 17; III: 496, 523; IV: 481, 490
Масаев М.В. — I: 13; II: 378, 426; IV: 439
Масалаф-эфенди — II: 387
Маслаковец Н.А. — I: 782
Масленников А.А. — I: 108; IV: 439
Маслов П.В. — IV: 433
Маслов С.С. — III: 284
Масловский Д.Ф. — I: 800; IV: 439
Масса И. — I: 591, 603, 619, 620; IV: 140, 389
Масси Р.К — I: 758; II: 242; IV: 389, 439
ал-Масуд (Масуд-эфенди) — II: 233, 238
Матасов В. — III: 101, 103; IV: 439
Матвеев — III: 49
Матвеев В. — III: 24, 25, 26, 41, 42
Матвеева И. — III: 25
Матвей Меховский — I: 523; IV: 398
Матросов А.М. — IV: 141
Мауро, род — I: 261; III: 571
Маультеев Джилькайдар — II: 601
Мафиони, род — I: 261; III: 571
ал-Махбуби — I: 356
аль-Махди — I: 36
Махмуд I — I: 793, 800, 804; II: 233
Махмуд II — I: 806; II: 559
Махмуд, ордынский хан — I: 304
Махмуд ибн-Фатшах ас-Сараи — I: 356
Махмуд Кырымлы — II: 221
Махнёва О.А. — I: 181, 186, 187, 189, 193; IV: 420
Махно Н.И. — III: 20
Махсуд-ака — IV: 73
Мачало Осман — IV: 72
Мачанов (*Мочанов*) *А.Е.* — I: 830; II: 427, 435; III: 865; IV: 441
Маштакова — IV: 202
Маяковский В.В. — III: 661, 719
Мевлюд-акъай — IV: 263
Мевлян Исхак — I: 356
Мегмет-паша — II: 458
Мегметша — II: 417
Мегметша-бей — I: 767
Медведев И.П. — I: 158; IV: 436
Медведева И. — II: 425, 462, 505; IV: 439
Медем В.А. фон — III: 21

Меджиев Насыр — III: 661
Меджитов заврайоно — III: 689
Меджитов, директор Крымгиза — III: 680, 691
Меджитов, член райкома — III:670
Меджитов, предколхоза — III: 187
Меджитов А.И. — IV: 211, 276
Меджитов Мустафа — III: 517
Меджитов Сеид Амет — III: 517
Меджитов Халил — IV: 72
Меджитов Энведин — IV: 124
Меджитова Катидже — IV: 482, 486, 488, 491
Меджитова Медиха — IV: 489
Меджитовы, семья — IV: 490
Меджнун (*лит.*) — I: 230
Медиев Абдрешит (Рашид) — II: 633, 646, 686, 687, 689, 692, 724, 774, 778–783, 788, 796, 811, 820, 867; III: 76, 112, 113, 117, 125, 758; IV: 354, 439,
Медиев Байрам — III: 563
Меинов Бари — III: 117, 211
Меинов Джелял Абдул — II: 779, 782, 796; III: 117, 141, 743, 744
Меинов Ибраим — II: 782
Меинов Сеит-Мемет — III: 666
Меир Голда — III: 506
Мейдан Гази-ага — I: 661,
Мейер М.С. — I: 803; IV: 426
Мейназов — II: 665
Мекон — I: 792
Мексин Д. — II: 929; IV: 439
Мелетий — II: 424
Мелех-апте — III: 662
Мельникова Е.А. — I: 247
Мельгунов С.П. — III: 25, 36, 151, 154, 165–167, 171, 175, 191, 192, 194, 199, 204, 228; IV: 152, 439
Мелятова Зоре — IV: 72
Мемедла Аджи Бекир — III: 141
Мемет-ага, казначей — II: 65
Мемет Абдул-Керим — III: 570
Мемет Абдулла (Аджи Оглы) — III: 141
Мемет-Абла — III: 287
Мемет Али-паша — II: 308
Мемет Амет — III: 344
Мемет Асан — I: 44
Мемет-бей — II: 380
Мемет-оглу Смаил — II: 602
Мемет Сеидали — III: 517
Мемет Тейфук — III: 665
Мемет-бей — II: 380
Мемет Бекир — III: 50
Мемет-Улл-Бекир-эфенди — III: 796
Мемет Эмир-Усеин — III: 50
Меметов А.М. — I: 282
Меметов Абдураим — III: 141
Меметов Абдураман — III: 38
Меметов Абдурман — III: 343
Меметов Исмаил — IV: 485
Меметов О. — IV: 90
Меметов Сеит-Али — IV: 116
Меметов Селим — II: 869; III: 3, 76, 300, 301, 305, 312, 324, 337, 663
Меметов С.М. — II: 763
Меметов Сеяр — IV: 263
Меметов Т. — III: 340
Меметова Розиле — IV: 285
Меметова Шекуре — IV: 280
Мемиш Р. — I: 363; IV: 439
Меналжиев Сераджедин — IV: 116
Меналжиев Эбадулла — III: 138, 141
Меналиев Сейдулла — IV: 38
Менем Али Ариф — IV: 132
Менги (Менгу)-Тимур — I: 320 — IV: 369
Менгли-Гирей I — I: 278, 292, 294, 295, 302, 309–323, 325–335, 356, 357, 386, 393, 401, 413, 421, 422, 425, 481, 523, 525, 536, 539, 543, 553, 556, 557, 562, 567–570, 573, 582, 590, 620; II: 165, 179, 222, 223, 233, 327, 691, 850; IV: 318, 370, 439
Менгли-Гирей II — I: 503, 537, 791–794, 834, 835 — II: 237; IV: 319
Менгли-Гирей III — IV: 319
Менде, фон — IV: 91
Менжинский В.Р. — III: 137, 140, 515
Менламетов Куламет — III: 141
Менлиазизов Руслан Зиядинович — III: 696; IV: 23, 440
Менсеит — III: 682
Менсеитов Сеит-Мемет — III: 682
Менухин Иегуди — II: 763
Меншиков А.Д. — I: 731, 764
Меньшиков А.С. — II: 581, 582, 586, 589
Меньшиков М.О. — II: 777
Мерави — III: 136
Мережин А.М. — III: 292, 303
Мережковский Д. — IV: 384
Мерецков К.А. — IV: 8
Меркитские, род — II: 388
Меркулов — III: 46

Меркулов В.Н. — IV: 159, 166
Мертваго Д.Б. — II: 351, 396, 439, 462, 4464, 469, 473, 474, 511, 544; IV: 389
Мерфе Анифе — III: 545
Мерьем-анне — IV: 186
Мерьем, жительница Кадиш-сарая — IV: 262
Месакеуди В. — II: 762
Месакеуди К. — II: 453
Мессинг С.А. — III: 583
Месуд-эфенди — II: 232
Месхиев Д. — IV: 135
Мефа Абибулла — III: 604
Меф-Аджи Усеин — III: 569
Мефодий, св. — I: 184
Мехмед II Осман «Фатих» — I: 260, 310–313, 318, 319, 326, 332
Мехмед III Осман — I: 615, 616, 617, 618, 620
Мехмед IV Осман — I: 638, 634, 644, 653, 663, 671, 672, 680, 682, 684, 686
Мехмед, наместник Кефинский — I: 322, 328
Мехмед Али-мирза; I: 661
Мехмед-ага, посол — I: 680
Мехмед-бей — I: 510
Мехмед Завоеватель — I: — II: 444
Мехмед-ага Рашид — I: 728, 731, 760
Мехмед-Гирей I — I: 312, 315, 325, 400, 419, 539, 557, 567–572, 575–577, 592, 593, 595, 596, 600; IV: 318
Мехмед-Гирей II — I: 393, 447, 501, 508, 528,539, 546, 553, 562, 606–609, 612, 635, 736; IV: 318
Мехмед-Гирей III — I: 501, 558, 615–618, 620, 622, 623, 625–627, 646; IV: 318, 319
Мехмед-Гирей IV Софу — I: 219, 236, 423, 455, 501, 503, 638, 643, 653, 658–661, 663, 665, 667–673, 679, 678, 682, 684, 686, 851 — IV: 319
Мехмед-Гирей, историк — I: 561, 699, 718
Мехмед-Гирей, калга Девлет-Гирея II — I: 747, 751
Мехмед-чауш — I: 620
Мехмед-Шах-бей — I: 289
Мехмед-шах бей — II: 167, 289
Мехмед-Шах-бек — II: 359
Мехмед-Эмин– I: 568
Мехмед-эфенди — II: 237, 814
Мехмет-ага, визирь — II: 167
Мехмет-ага, каймакан — II: 236
Мехмет-бей — II: 501
Мехмет-Гирей, калга — I: 752
Мехмет Каул-эфенди — II: 139
Мешеди Ибраим Асан-оглу — III: 699
Мешех (*библ.*) — I: 673
Мештерхази Л. — I: 434, 863; IV: 440
Миехорлы Сеттар — III: 471
Миклушенко Ф.В. — I: 769
Микоян А.И. — I: 72
Миллер А.И. — IV: 411, 428, 451, 462
Миллер А.Ф. — IV: 445
Миллер Ж.А. — II: 892, 896; III: 18, 39
Миллер М.Е. — IV: 433
Милло Л. — I: 229
Милов Л.В. — I: 28, 56, 57; II: 136; IV: 440
Милославский Г.В. — IV: 426
Мильковский А.С. — III: 60
Мильчина В. — IV: 388
Милюков П.Н. — I: 63 — II: 865, 873; III: 657, 806, 808; IV: 440
Милютин Д.А. — II: 668, 720
Мина, св. — I: 183
Минаев (Миняев) Ф. — I: 678, 683, 709
Минина Т. — IV: 443
Мининков Н.А. — I: 364, 636; IV: 440
Миних Б.Х. — I: 338, 443, 787, 788, 801–808, 810–814, 816–20, 822, 825, 826, 828, 830, 834–838, 842, 845, 850, 851 — III: 32, 150, 613; IV: 322, 372, 389
Миних Э. — I: 787; IV: 440
Минц М.М. — IV: 8, 9, 440
Мирабо В.Р. — I: 54 — II: 874
Мир-Али — II: 318, 805; IV: 440
Миранда Ф. де — I: 827; II: 119, 186, 387, 417; IV: 389
Мирер С. — II: 219; IV: 440
Миронов Б.Н. — I: 57; IV: 440
Мирьем-ана, св. — II: 369
Митиров А.Г. — I: 783
Митридат IV — I: 120; IV: 367
Митридат VI Евпатор — I: 147, 162; IV: 367
Митхат-эфенди Ахмет — III: 58
Михаил VIII Палеолог — I: 253; IV: 369
Михаил архангел — I: 172; II: 709, 754
Михаил Литвин — I: 141, 159, 488; IV: 389
Михаил Феодорович — I: 640
Михайлиди — III: 674
Михайлов В.В. — I: — II: 817; IV: 440
Михайлова И.Б. — I: 210, 213, 216, 220, 222, 224, 225, 227; IV: 440

Михалёва Гульсум — IV: 482, 483, 484
Михельсон И.И. — II: 493, 494
Михоэлс С.М. — III: 318
Мицкевич А. — II: 694
Миятев П. — I: 682; II: 225; IV: 440
Млечин Л.М. — IV: 440
Мнацаканян Р.А. — I: 430
Многогрешный Д.И. — I: 702
Могаричев Ю.М. — I: 192; IV: 440
Могилевкин А. — III: 239, 240
Моисей (*библ.*) — I: 35, 181
Мокроусов А.В. — IV: 118, 119, 123, 123, 126–129, 136, 146, 440
Молаев — III: 683
Молали Рамазан Осман — III: 474
Молотов В.М. — III: 429, 505, 511, 522, 526, 553, 570, 579, 516, 693, 862, 318, 390; IV: 7, 8, 11, 162, 378
Молочников Мемет — IV: 116
Мольер — I: 854
Мольтке Г. (Старший) — II: 817
Момине-тата — III: 468
Монастырлы Х. — II: 133, 267; IV: 440
Монатов Ш. А. — III: 691, 450
Монатов К.Н. — III: 692; IV: 440
Монгайт А.Л. — I: 243, 244; IV: 441
Монзи А. — III: 703
Монпере Дюбуа де — I: 187, 367
Монтандон К. — II: 128, 449, 497; IV: 441
Монтень М. — I: 385; II: 279; IV: 441
Монтескьё Ш.Л. — I: 855, 863
Моняк — III: 41
Моор Д.С. — III: 264, 622
Мордвинов Н.С. — II: 396, 399, 464, 465, 477, 489, 490, 491, 494, 496, 497, 502, 506, 557, 675, 852; IV: 389
Мордвиновы, род — II: 682, 764, 787 — III: 15, 323
Морган П. — I: 490
Мормон, герцог Ратузский — II: 125, 252, 262, 293, 507; IV: 389
Морозов В. — I: 569
Морозов М. — IV: 17, 441
Морозов П.Т. — I: 47 — III: 274, 370
Морозова Т. — IV: 236
Мосина Т. — I: 416
Москович В. — IV: 440
Мотициров — III: 202
Мохамед, шейх — II: 560
Мочалов В. — IV:
Мочанов см. *Мачанов*
Мошков Ю. — IV: 394
Мстислав Владимирович — IV: 368
Мстислав Тмутороканский — I: 245
Мстиславский И.Ф. — I: 434
Мубарак, брат Менгли-Гирея — I: 312
Мубарек-Гирей — I: 589, 589, 590; II: 232
Муган-каган — I: 206,
Муггеридж М. — III: 631
Муединов Б. — III: 492
Муединов Осман — III: 128
Муеднен Энвер — IV: 481
Муждаба Амет — III: 570
Муждаба С. — III: 502
Муждаба Хайбулла — III: 679
Муждаба Халиль — III: 545
Муждабаев Якуб — IV: 278
Музафар — IV: 90
Музафар Ханафи — II: 816
Музафаров Рефик — I: 14, 17, 445; II: 101, 218, 222, 642; III: 77, 211, 571, 854; IV: 98, 101, 114, 123, 128, 129, 246, 441
Музафаров Р.И. — IV: 483
Музафаров Ю. — III: 123
Музафарова Н.А. — IV: 226, 441
Музафарова Назмие (Надие) — IV: 491
Музаффер Кафадар Хаджи — III: 861
аль-Муктадир — I: 36
Муллин Мемет — III: 501
Мулядин Халил Аджи — III: 873
Мумджи Асан — I: 16
Мундт Т. — I: 845, 849, 854, 860; IV: 389
Мунров К. — I: 502
Мунирова (ур. Кешфи) Лемхан — IV: 81
Мунк К. — III: 1 91
Мунке К. — III: 177
Мункэ — I: 91
Муравьёв М.Н. — II: 640
Муравьёв-Апостол И.Г. — II: 17, 28, 106, 131, 190, 215, 285, 399, 404, 444, 450, 566; IV: 389
Мурад III Осман — I: 606, 607, 609, 611, 615, 616, 620, 621
Мурад IV Осман — I: 625, 626, 629
Мурад-Ассин Анафи — III: 674
Мурад-Гирей — I: 555, 556, 558, 688, 689, 698; IV: 319
Мурад-Гирей (Мюрад-Герай), нуреддин — I: 606
Мурад-Гирей-султан — I: 606, 608
Мурадасилова Мерьем — IV: 186
Мурадосилова Зейнеб — III: 346

Мурадасил-оглу Абляким — II: 682
Мурад-хан — I: 541
Мурасов О. — IV: 391
Мурат Ибрам — IV: 72
Мурат-оглу Умер — II: 590
Мурат Р. — III: 666
Мурат-султан — II: 361
Мурат-эфенди Сеит — III: 81
Муратов — III: 516
Муратов Куртсеит — IV: 116
Муратов П.П. — I: 376; IV: 441
Муратов Рамазан — IV: 116
Муратов Чавлар — IV:
Муратова — III: 450
Мураты, братья — III: 46
Мурахас Ройле — IV: 481
Мурза Курт-Смаил — III: 569
Мурзакевич Н. — II: 70, 241; IV: 441
Мурзин В.Ю. — I: 128, 131; IV: 441
Муромцев М.Н. — II: 675
Муртаза-ага — I: 663
Муртаза Шериф — III: 261
Муртазаев Б. — II: 901
Муртаза Мустафа — II: 912
Муртаза-Челеби-эфенди — II: 478
Муртазаев, заврайоно — III: 764
Муртазаев, корреспондент — III: 866
Муртазаев, студент — III: 751
Муртазаев Б. — II: 901
Муртазаев Вели — IV: 277
Муртазаев Мемет — III: 777
Муртазаев Осман — IV: 116
Муртазин М.Ф. — IV: 441
Муса, мурза — II: 360
Муса Эмир Усеин — III: 680
Мусаев К.М. — III: 765
Мусалаф-эфенди — II: 419, 457
Мусаниф Февзи — III: 680, 681, 697
Мусаниф Я. А. — III: 369, 473, 474, 663, 687, 692, 697, 757, 780
Мусафей — I: 342
Мусафиров О. — IV: 141
Мусин-Пушкин А.И. — I: 243
Муседдин-эфенди — II: 456
Муслим-заде Юсуф — III: 182
Муслимова (ур. Бекирова) Инджифе — IV: 261
Муслюмова Медине — III: 471
Муслимова (ур. Керимова) Мусфире — IV: 171
Муслимова Эдие — I: 19
Муслюмов Аким — III: 471- 475
Муслюмов Амет — III: 475
Муслюмов Аппаз — III: 473
Муслюмов Ахтем — III: 475
Муслюмов Гульзаде — III: 475
Муслюмов Ибраим Сейф — III: 475
Муслюмов Пипак — III: 475
Муслюмов Сеит — III: 471, 473
Муслюмов Сейф — III: 475
Муслюмов Тохтар — III: 471, 472, 474, 475
Муслюмова Айше — III: 475
Муслюмова Медине-старшая — III: 471
Муслюмова Медине-младшая — III: 471
Муслюмова Эмине Сейф — III: 475
Муслюмовы, семейный клан — III: 470–476, 514, 518, 683, 684
Муслядин Халил Аджи — III: 855, 856
Муслядинов Бекир — IV: 210
Муссолини Б. — III: 700
Муссун-заде Мехмет (Мегмет)-паша — IV: 334, 344
Мустафа I Осман — I: 708, 710, 716, 717, 719, 721
Мустафа II Осман — I: 708, 710, 716, 717, 719, 721
Мустафа III Осман — I: — II: 352, 848, 857, 858
Мустафа, сын Фетх-Гирея I — I: 690
Мустафа, чабан (*лит.*) — III: 852
Мустафа-ага, посол Адиль-Гирея — I: 541, 542, 770
Мустафа-ага, посол Крым-Гирея — I: 848
Мустафа-оглу Аджи-Умер — II: 590
Мустафа-оглу Али — II: 195, 465
Мустафа-оглу Девлетша — II: 602
Мустафа-паша, реис-эфенди — I: 830
Мустафа А. — III: 518
Мустафа Абдураман — III: 540
Мустафа Абдурман — III: 163
Мустафа Аджи — III: 599
Мустафа Джанай — III: 688
Мустафа Ибраим — III: 665
Мустафа М. — III: 502
Мустафа Рахим-эфенди — II: 234
Мустафа Ремзи — III: 433
Мустафа Смаил-Аджи — III: 50
Мустафа Фейзи — II: 239
Мустафа Эреджеп — III: 688
Мустафа-эфенди, имам — II: 863

Мустафаев, зам. пред КрымЦИКа — III: 300
Мустафаев, бахчисарайский прокурор — III: 610
Мустафаев Абибулла — III: 543
Мустафаев Асан — III: 450
Мустафаев В. — III: 262; IV: 131, 441
Мустафаев Веби — III: 420
Мустафаев Ибрагим — III: 105
Мустафаев Кадыр — III: 420
Мустафаев Ренфат Ш. — IV: 116, 130
Мустафаев С. — I: 459; IV: 441
Мустафаев Сеит-Халил — III: 679
Мустафаев Х. — IV: 243, 441
Мустафаева Рукие — IV: 486
Мустафаева Сание — IV: 482
Мустафаева Шефие — IV: 483
Мустафина Нина Абидиновна — IV: 486
Мутлы Мустафа — III: 545
Муфти-заде; III: 86
Муфти-заде Амет — II: 910
Муфтизаде (Муфтий-заде) Исмаил-мурза (Исмаил-бей) — II: 796, 833
Муфтизаде И. — II: 796, 833, 849; IV: 441
Муфтий-заде, Батыр Челеби — II: 796
Муфтий-заде Селим Мирза — III: 18
Мухамедьяров Ш.Ф. — I: 213, 267, 396, 399, 400; IV: 441
Мухаммад, Пророк (также Магомет) — I: 34, 35, 182, 2318, 270, 271. 276, 287, 337, 353, 368, 383, 481, 489, 493, 507; II: 59, 62, 169, 171, 172, 209, 232, 233, 235, 246, 267, 290, 307, 308, 318, 459, 803, 804, 806, 807, 810, 815, 820, 848; III: 729, 821, 861, 868; IV: 369
Мухаммад I Осман — I: 337
Мухаммад ал-Куртуби — I: 356
Мухаммад ибн'Абд ал-Карим ал-Къырыми — I: 356
Мухаммад ибн'Абд ар-Рахим — I: 356
Мухаммад ибн'ал-Хаббарийа — I: 356
Мухаммед Али — II: 559, 578
бин-Мухаммед аль Ирани Хаджи Яхья — I: 501
Мухаммед-Гирей-хан — II: 79
Мухаммед Риза Сейид (Сейид-Мухаммед Риза) — I: 722, 808, 809, 825 — II: 230, 232
Мухарский Алескер — II: 908, 909
Мухарямов М.К. — IV: 441
Мухитдинова А.Ф. — III: 505
Мухтаремов Амди — IV: 74
Мухтаремов Неби — IV: 74
Мухтаров — III: 312
Мухтаров Мембет Исмаил — III: 662
Мухтаров Смаил — IV: 79
Мухтаров Ягья — III: 661
Мухтар-огълу Али — III: 850
Мухтерем Асан — IV: 489
Мухтерин Аксеит — III: 859
Мыц В.Л. — I: 155, 156, 171, 299, 320, 327, 405; IV: 441
Мышлаевский А.З. — I: 742, 772; IV: 441
Мюдами — II: 225
Мюллер К. — IV: 42
Мюллер Н. — IV: 69, 156, 442
Мюллерн Х. — I: 768
Мюниб Ибраим — IV: 334, 344
Мягков М.Ю. — IV: 442
Мякотин В.А. — I: 656, 657 — IV: 442
Мясников Г.И. — III: 514
Наберухин А.І. — IV: 203
Набиев Р.А. — I: 273, 277, 357; IV:410
Набоков В.Д. — III: 75
Навои — II: 844
Надинский П.Н. — I: 176, 198, 239, 240, 340, 558 — II: 425, 427, 429, 465, 505, 566, 604, 607, 618, 857, 865, 866, 894; III: 9, 36, 51, 77, 346, 680, 810, 811; IV: 442
Нагаев А.Б. — III: 138
Нагаев С. — I: 231, 356; IV: 460
Нагирняк — III: 674
Наглюков — III: 138
Нагой А.Ф. — I: 597
Нагульнов М. (*лит.*) — III:347
Надеин-Ростовский В.А. — II: 813
Надир-шах — I: 793
Назаренко А.В. — I: 247; IV: 384
Назаретян, А.П. — I: 20; IV: 247, 442
Назик-огълу Чора — II: 218
Назифе-апте — IV: 274
Найдёнова Л.П. — II: 533; IV: 442
Найман, род — I: 267, 467
Наймарк Н. — IV: 246
Найт Н. — II: 818
Налбандов Э. У. — III: 773; IV: 273
Налбант Сеит-Мамет — III: 599
Налчаджян А.. — I: 677, 678; IV: 442
Наме Арифмемет — III: 801
Нансен Ф. — III: 266, 277

Наполеон Бонапарт — II: 224, 466, 471, 476, 480, 497, 587 — III: 454
Напони — II: 444
Нарочницкая Н.А. — IV: 221, 469
Нарушевич А. — I: 801, 809; IV: 389
Нассау-Зиген К-Г. — II: 418, 419, 467
Насуха-къызы Фатима — III: 730
Насыри Абдул-Каюм — II: 803, 808
Нахимов П.С. — II: 587; IV: 23
Находкин А. — III: 24, 53, 66; IV: 442
Неби Куку — III: 141
Небольсин А.К. — II: 888
Невежин В.А. — IV: 13, 442
Невзоров А. — I: 41
Невшехирли Ибрагим-паша — I: 793
Негаметуллин С. — IV: 442
Негри А.Ф. — I: 854, 861; II: 51; IV: 382, 383
Неемия (*библ.*) — I: 23
Неджати-эфенди М. — II: 346; IV: 390
Недим Мамут — III: 345, 366, 385, 386, 664, 697, 724, 754, 852, 867
Нежинский Л.Н. — IV: 450
Незетли Ибраим — III: 553
Незиров Амза — IV: 278
Незиров Джелил — III: 163
Нейкирхен В.Ф. — I: 358; IV: 442
Нейхарт А.А.. — I: 15
Некрасов А.М. — I: 266, 300, 310, 340, 540, 541, 567; IV: 442
Некрасов И.Ф. — I: 634, 731
Некрасов Н.А. — II: 541, 613
Некрич А.М. — IV: 6, 7, 90, 94, 102, 105, 442
Нелидин А.Н. — II: 679
Нелипа — III: 665
Немет Л. — I: 63; IV: 442
Немирович-Данченко Г.В. — IV: 390
Немич Антонина — III: 25
Немич Варвара — III: 25
Немич Иулиания (см. Матвеева И.)
Немич Семён — III: 26
Немичи, братья — III: 36
Немичи, семья — III: 24, 25
Ненашин — III: 245
Ненекеджан-ханым (Джаныке) — I: 300, 308
Непенин А.И. — II: 888
Неплюев И.И. — I: 792, 795–798, 803, 804
Неронов Г. — I: 642
Нерубенко В.В. — IV: 320, 450
Нестеров М.В. — III: 862; IV: 442
Нестеров Ф.Ф. — II: 585
Нестор — I: 522
Нечаев С.Г. — I: 56
Нечкина М.В. — II: 427
Нефтула Идрис — III: 465
Низами Гянджеви — II: 224, 844
Низами Мустафа — IV: 50
Никандр — I: 113
Никита — II: 296
Никитин — III: 60
Никитченко И.Т. — IV: 390
Никифоров Д.И. — III: 60
Никифоров А., резидент — I: 857; IV: 390
Никифоров А., историк — IV: 412
Николаев А. — IV: 393
Николай I — II: 482, 500, 508, 552, 553, 556, 559, 578, 579, 580, 581, 585, 586, 588, 589, 645, 785
Николай II — I: 57, 68, 74; II: 721, 726, 742, 752, 757, 758, 763, 784, 785, 812, 858, 866; III: 685, 870, 104, 380
Николаенко Н.В. — I: 411; IV: 442
Николсон К. — II: 445, 446, 447; IV: 443
Никольский П.А. — II: 429, 495, 621, 633, 644, 646, 684; IV: 443
Никольский П.В. — II: 247, 501, 515, 516; IV: 433, 443
Никольский С.А. — IV: 303, 443
Никон (Минов), патриарх — I: 50, 634
Никон (Миронов), епископ — I: 51
Никонов С.А. — III: 75
Никулче И. — I: 749
Ниматулла-эфенди — IV: 106
Ниметулаева Фатима — IV: 290
Ниметулла Али — III: 260
Ниметулла З. — I: 217; II: 154, 155, 156; IV: 443
Ниметулла Умер — III: 801
Нина, жительница Шуры — IV: 306
Ницше Ф. — I: 19, 37, 44, 490; II: 63, 613; IV: 443
Ниязи Мемет — III: 779, 809
Новиков — III: 49
Новиков В.С. — III: 256, 320, 322, 325; IV: 443
Новиков М.А. — IV: 488
Новиков Н. — IV: 4
Новиков П.Г. — IV: 24, 25
Новицкий В.В. — II: 784

Новицкий П.И. — II: 906, 928
Новицкий П. — I: 82, 83
Новичев А.Д. — I: 758, 792; II: 471; IV: 443
Новосельский А.А. — I: — II: 115, 136, 317; IV: 443
Новосельцев А.П. — IV: 443
Новосильцев И.П. –I: 796
Ногаев Асан Батыр — III: 141
Ногаев Решид Абиевич — III: 518
Ногаев Решид Аблаевич — III: 141
Ногай, род — I: 467
Ногай, хан — I: 265, 299
Носов И.П. — III: 300, 301, 408, 464, 479
Нужнов Н.И. — II: 447
Нур-Девлет-хан — I: 309–311, 318–321 — IV: 317, 318
Нуреддин — I: 528
Нури Асан — II: 738
Нури Эсейн Аджи — III: 141
Нуриев — III: 694
Нуриев Б.Д. — II: 793, 794, 813; IV: 443
Нури-Султан Ханий — II: 229
Нурмагали-оглу Абдувели — III: 25
Нурла Эреджеп — IV: 72
Нуруддин Ахмед — II: 612
Нуфтулаева Шефике — IV:
Нух (*коранич.*) — II: 169
Обадия — I: 218, 219
Обичкин Г.Б. — IV: 384
Оболенский В.А. — II: 778; III: 19, 27, 58, 96, 101; IV: 390, 443
Оболенский В. В.. (Осинский Н.) — III: 19, 220
Оболенский-Серебряный П.С. — I: 602
Овидий Назон — I: 165; IV: 390
Овсейчик В. — I: 474, 484; IV: 433, 444
Овчинников В. — III: 304
Огарков А. — I: 639
Оглоблін О.П — IV: 444
Огнев В. — I: 42; IV: 444
Одабаш Абдул-Ретиф — III: 471
Одабаш Абибулла — III: 457, 458
Одабаш (Одобаш) Бекир Абдурешид — III: 128, 141, 143, 384, 758, 779, 782, 783
Одабаш Джафер — III: 479
Одабаш Фатьма Шерфе-къызы — III: 479
Одиссей (*лит.*) — I: 111, 112
Одоевский Ф.Н. — I: 654
Одинцов И. — IV: 386
Озенбаш Али *(также Özenbaş, A.).* — II: 50; IV: 487
Озенбашлы Али — II: 624, 633, 725; III: — IV: 487
Озенбашлы Амет Сеит-Абдулла — II: 149, 355, 356, 363, 378, 717, 723, 780, 781, 782, 799, 820, 843, 869, 871, 872, 873, 878, 882, 893, 894, 909, 910; III: 58, 81, 82, 124, 131, 133, 138, 141, 144, 209, 269, 337, 339, 350, 356, 384, 473, 498, 743, 756, 757, 783, 837; IV: 51, 94, 107, 108, 110, 224, 225, 429, 444
Озенбашлы Ибраим — II: 917; III: 119
Озенбашлы Мерьем Аметовна — III: 35; IV: 278, 444
Озенбашлы Сеит Абдулла — II: 724, 844; III: 743
Озенбашлы Э.М. — II: 372, 373; IV: 444
Ойрат Мемет-мурза — II: 501, 502
Окай О. — II: 808
Оксеншерна А. — I: 651
Октавиан Август — IV: 367
Окуджава Булат Шалвович — IV: 487
Окунь С.Б. — IV: 444
Олег (Рюрикович), «Вещий» — I: 245
Олег Святославич — I: 249
Олейников А.Н. — III: 644
Олейников Н.М. — III: 644
Олендорф О. — IV: 53, 55, 88, 97
Олесницкий А.А. — II: 637, 718; IV: 390
Олубей — I: 196
Ольгерд — IV: 370
Ольгин М. — III: 440; IV: 444
Ольговичи, род — I: 245
Ольховой Б. — III: 385
Ольховский В.С. — I: 125; IV: 444
Омар Хайам — II: 223
ал-Омари — I: 357, 398, 480
Омельчук Д.В. — III: 173 — IV: 444
Омельчук К. — III: 479; IV: 444
Омер — II: 76
Омер Фуат-бей — I: 842
Омер-эфенди — II: 803
Омеров Р.Б. — IV: 489
Опадов В. — IV: 444
Опанас Иванович (лит.) — IV: 314
Оппенхейм А. — III: 282
Орджоникидзе С. — III: 339, 390
Ордин-Нащокин А.Л. — I: 637
Орест (лит.) — I: 113, 169
Орешкова С.Ф — I: 262, 331, 470, 492, 604, 638, 710, 721, 748, 753, 759, 762, 778; IV: 444, 445

Ориген — I: 115; IV: 390
Орлик П. (Ф.) С. — I: 18, 703, 730, 732, 733, 739, 742, 746, 747, 754, 766
Орлов, военком — IV: 32
Орлов, зав. Крымконсерва — IV: 276, 277
Орлов А. — I: 70, 119, 163; III: 520, 651; IV: 445
Орлов А.Г. — II: 376, 433, 443, 447, 448
Орлов Г.Г. — II: 447
Орлов К.К. — IV: 445
Орлов Н. — III: 272
Орлов Н.И. — III: 27, 188, 189
Орловская Е.М. — II: 240
Ортега-и-Гассет Х. — III: 347; IV: 445
Оруэлл Дж. — III: 150; IV: 169
Орхилоха (*миф.*) — I: 122
Осинский Н. см. *Оболенский В.*
Осипова М.Н. — IV: 426
Осия (*библ.*) — I: 22
Осман II — I: 623
Осман [Османов] — IV: 263, 293
Осман, колхозный сторож — III: 505
Осман, севастопольский житель — III: 175
Осман-ага, бей — I: 750, 756
Осман-ага, каймакан — II: 357
Осман Бекир — III: 259
Осман-Гази — I: 315
Осман Дляер — IV: 486
Осман Ибраим — III: 574
Осман Иманиль — III: 599
Осман Куртсеит — III: 517
Осман Мемет — III: 599
бин-Осман Мухсин — II: 170
Осман Халил — IV: 71
Осман Халиль — III: 599
Осман Халисе-эфенди — I: 803
Осман Шевки — III: 666
Осман-огълу Амет — II: 771
Осман-паша — III: 500
Осман-эфенди, кадиаскер — II: 560
Осман-эфенди, предс. сельсовета — III: 471
Османов, партсекретарь — III: 584
Османов, член Мускома — IV: 90
Османов А. — IV: 483
Османов Аблязиз — IV: 116
Османов Асан — IV: 164, 485
Османов Бекир — IV: 120, 121, 131, 212, 489
Османов Билял — III: 103
Османов Осман — IV: 263, 486
Османов Р. — IV: 433
Османов Решат — IV: 483
Османов Сейдамет — IV: 102
Османов Сейран — IV: 121, 489
Османов Усеин Аджи — III: 853
Османов Халил — IV: 71
Османова А. — I: 363 — IV: 445
Османова Анифе — IV: 489
Османова Зюре — III: 694
Османова Майре — IV: 290
Османова Заре — IV: 487
Османова Сабие — IV: 72
Османова Сание — IV: 119
Османова Усние — IV: 178
Османы, династия — I: 427, 624
Осокина Е.А. — III: 642; IV: 445
Осповат А. — IV: 388
Оспурин — II: 490
Остапчук В. — II: 228, 230; IV: 445
Остерман А.И. — I: 783, 784, 787, 803, 804, 817, 843
Остерман И.А. — II: 515
Остерман В. — IV: 389
Островский М.Н. — II: 711
Остроумов Н.П. — II: 695, 708, 809, 825, 826, 840; IV: 445
Отемиш-Гирей — I: 591
Откупщиков Ю.В. — I: 111; IV: 445
Отмарштейн Б.В. — II: 924; III: 19
Отмарштейн Г.В. — III: 22
Оттоман — I: 350
Оффе К. — I: — III: 205; IV: 445
Охременко Н.С. — II: 140
Очевидец — III: 157, 158, 174, 203, 231; IV: 140, 390
Оштейн Л.В. — I: 830, 836
Павел, апостол — I: 23, 191
Павел I — II: 462, 463, 471, 472
Павел «Казак», «Литовец» — I: 455, 671, 672; II: 238
Павленко Н.И. — I: 713, 714, 753, 755; IV: 446
Павленко П.А. — IV: 311–316, 446
Павленко Ю.В. — IV: 424
Павлов — III: 244
Павлов В.М. — IV: 412
Павлов И.П. — III: 568, 702, 862
Павлова И.В. — IV: 4, 420, 446
Павловский В. — IV: 152
Павсаний — I: 101

Пагоский И. — II: 141
Пазухин А.Д. — II: 677
Паисий — I: 743
Пайпс Р. — I: — II: 739, 774, 854, 859, 862, 867, 887, 896, 899; III: 21, 33, 35, 77, 153, 176, 215, 272, 453; IV: 446
Паламарчук П.Г. — I: 673; IV: 446
Палас Мемет — III: 440
Палас, род — I: 159
Палецкий И.Ф. — I: 576
Паливода — III: 232
Палий — см. Гурко С.Ф.
Палицын А. — I: 619
Паллас П.С. (см. также *Pallas P.S.*) — II: 20, 27, 55, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 106, 107, 110, 114, 116, 121, 122, 125, 126, 127, 128, 133, 138, 142, 143, 145, 155, 162, 163, 164, 169, 181, 184, 372, 380, 397, 398, 399, 401, 402, 404, 411, 412, 416, 421, 442, 449, 450, 459, 474, 650, 689; IV: 446
Пальмов Н.Н. — I: 783; IV: 446
Памук О. — II: 62, 124; IV: 299, 446
Памукчи Аппаз Амир — III: 141, 304, 500, 515
Памукчи А.Э. — III: 500
Памукчи Лютфие — III: 683
Панайотис А. — II: 447
Панарин С.А. — IV: 446
Панарин-Кантакузин В. — IV: 446
Панашенко В.В. — IV: 446
Панеях В.М. — I: 438
Панин Н.И. — II: 343, 344, 350, 363, 375
Пантофель — III: 354
Панукяш — II: 624
Папазоли Г. — II: 447
Папалекса А. — II: 444
Папанин И.Д. — III: 330, 659, 781; IV: 136
Папарупа Николай — II: 444
Папарупа Нона Львовна — III: 256; IV: 487
Папахристо З. — II: 444
Папен Ф. фон — IV: 44
Паперный Л. — III: 244; IV: 446
Парадиз В., капитан — I: 825
Парадиз Вентуре де, консул — I: 840
Паралам — III: 696
Парамонов А.С. — I: 811
Парацельс — II: 238, 239
Париковы, братья — III: 771
Паркинсон Дж. — II: 382
Пармаксыз, семья — III: 599
Пармаксызова Айше — III: 771
Парпетов Ахтем Амет-оглу — III: 138, 141
Парпетов Мемет Амет-оглу — III: 138, 141
Партаненко Т.В. — II: 66; IV: 446
Парфений — II: 662, 663, 665
Парчелли, род — I: 261; III: 571
Паскевич И.Ф. — IV: 373
Пассек В. — II: 185, 186, 206, 208
Пастер Л. — II: 281
Патата Ибраим — III: 867
Патель Халил — III: 345
Патесплей Фряжин — I: 342
Патыр Мурат — III: 636
Патянин С.В. — IV: 16
Паук Абибулла — II: 740,
Паукер К.В. — I: 70
Пахимер Георгий — I: 228, 229
Пахмутов О. — III: 341
Паша Сулейман — II: 830
Паша Халид — IV: 292
Пашиев Амит Сали — III: 683
Педдекас И.М. — IV: 405
Пейссонель М. — I: 542, 847
Пенсон М. — IV: 251, 258, 256
Пепеляев В.Н. — II: 863
Первенцев А. — IV: 136
Пережогин В.В. — IV: 87, 446
Перемышленникова Н.М. — IV: 393
Перепечаева Л.Б. — I: 262
Перепёлкин Л.С. — IV: 446
Перес-Реверте А. — I: 816
Перингшельд И. (Ю.) — I: 199
Перия Джумазе — IV: 202
Перия Зера — IV: 202
Перл (Жемчужина) П.С. — III: 505
Перлик Д.П. — III: 96, 97
Пернацкий В.И. — I: 67, 72; IV: 446
Перри Дж. — I: 525, 751; IV: 390, 391
Персей (*миф.*) — I: 113
Персов А.М. — IV: 386
Песин Е. — III: 372; IV: 446
Пестель П.И. — II: 826
Петрович — II: 450
Петропавловский С.Д. — III: 308, 309, 315, 324, 398
Петар Дели см. Пётр I
Петерс — III: 87
Петерс Я.Х. — III: 511, 515, 526

Петерсон — III: 203
Петин К. — III: 700
Петлюра С. В. — III: 68, 80
Петрей П. — I: 462, 571; IV: 491
Петрик (Пётр Иваненко) — I: 700–704
Петриченко И.Н. — III: 66, 67
Петров И.П. — III: 492
Петров В.Д. — III: 108, 157, 166; IV: 446
Петров В.П. — IV: 412
Петров Г. — I: 202
Петров Е. — I: 236
Петров И.Е. — IV: 16, 23
Петров М.Т. — I: 355, 386; IV: 447
Петров Н.П. — IV: 426
Петров П.Н. — IV: 426
Петровский Г.И. — III: 4, 190, 252, 296; IV: 375
Петроний — IV: 368
Петропавловский С.Д. — III: 308, 309, 315, 324, 398
Петропольский М.М. — II: 920, 924
Петросян Ю.А. — IV: 426
Петруха — II: 296
Петрухин В.Я. — I: 238; IV: 440, 447
Петрухинцев Н.Н. — I: 801; IV: 447
Петрушевский И.П. — I: 360
Печеви И. — II: 223
Пётр, апостол — I: 191
Пётр I — I: 7, 41, 42, 54, 74, 141, 332, 339, 431, 677, 697, 704–6, 708, 710–712, 719–21, 723–725, 727–742, 744, 746, 748–755, 757–769, 772–777, 779–791, 793, 795–798, 819, 820, 827, 844, 859; II: 140, 342, 432, 433, 434, 529, 579, 666, 847; III: 91, 159, 221, 310, 393, 619, 648, 759; IV: 371, 372, 395, 407, 408
Пётр II (Пётр Фёдорович) — I: 848
Пётр (Горшков), игумен — IV: 89
Пётр Николаевич, вел. князь — II: 866
Пётр Суховей — I: 681
Пий XII — IV: 230
Пикуль В.С. — III: 660
Пилад (*лит.*) — I: 113
Пилат Понтий — I: 9
Пильняк Б.А. — IV:
Пименов Н.Н. — IV: 385
Пинка Айше — IV: 189
Пинка Сеит-Асан — IV: 206, 207
Пионтковский А. — I: 48; IV: 447
Пионтковский С. — IV: 447
Пиоро И.С. — I: 179, 187, 190, 192, 211; IV: 447
Пиотровская Е.К. — I: 158; IV: 436
Пиотровский Б.Б. — I: 795,
Пиотровский М.Б. — IV: 426
Пипер Т. — I: 735
Пиппиди Д. — I: 119
Пирожкова В.А. — IV: 143, 144
Пиросмани — III: 785
Пискарёва Ирина — IV: 190
Пискунов В. — I: 24, 64; IV: 447
Пифагор — I: 26
Пичахчи — III: 516
Пишчевич А.С. — II: 438; IV: 391
Пияшев — IV: 167
Плано Карпини Д. — IV: 369
Платон — II: 233, 446; IV: 391
Платонов А.П. писатель — I: 69; II: 571, 707; III: 666; IV: 233
Платонов А.П. историк — I: 247; II: 897, 900; IV: 447
Платонов О. — I: 13; IV: 447
Платонов С.Ф. — I: 247; IV: 140, 447
Плетнёва С.А. — I: 216, 220, 222, 223, 227; IV: 447
Плеханов Г.В. — I: 43, 67; IV: 447
Плещеев — II: 489
Плиний — I: 105, 131, 208
Плутарх — I: 112; IV: 391
Плюшкин (*лит.*) — I: 53
Победоносцев К.П. — II: 694, 824, 825, 877
Поболь М. — III: 237, 661; IV: 448
Погудин В.И. — III: 535, 592; IV: 447
Подолинский А. — II: 108
Подош — IV: 213
Подош Зейнеб — IV: 207
Подпрятов Н.В. — IV: 92, 97, 447
Пожаров Н. — II: 907
Позняк З. — IV: 199
Покас Н.М. — I: 140; IV: 447
Покровская Л.А. — II: 657
Покровский М.Н. — II: 433, 582, 652, 688; IV: 447
Пол Пот — III: 204, 624
Полетаев Д. — IV: 447
Полибий — I: 110, 169
Полибин Ф. — I: 810
Поливанов Е.Д. — III: 760; IV: 447
Полиевктов А.И. — I: 251
Полиен — I: 114, 146, 161; IV: 391

Полищук Н.С. — IV: 451
Полканов А.И. — IV: 447
Полканов Ю.А. — II: 69, 187, 193; IV: 430, 447, 448
Полканова А.Ю. — II: 187, 193; IV: 448
Поло Марко — I: 256
Поло Маттео — I: 256
Полонская Л.Р. — I: 368; IV: 448
Полонский С. — II: 771
Полтаржицкий А. — II: 476, 898; IV: 448
Полуботок Л. — I: 686
Поляк А.Н. — IV: 448
Поляков В.Е. — II: 275, 585, 745; III: 102, 189, 436, 525; IV: 5, 18, 25, 27, 111–114, 121, 123, 124, 127, 131, 132, 156, 160, 213, 448
Поляков И.И. — IV:
Поляков М.Х. — III: 209, 214
Поляков П.И. — III: 192
Поляков С.А. — III: 500
Поляковская С.В. — III: 447; VI: 448
Полян П. — III: 237, 661; IV: 47, 69, 79, 81, 98, 217, 223, 448
Полянский Н. — IV: 13
Померанц Г. — II: 859
Пономарёв В.Н. — IV: 448
Попов, коммерсант — II: 685
Попов, помещик — II: 762
Попов замнач. штаба партизан — IV: 101
Попов, полковник — II: 683
Попов В., трудармеец — IV: 83
Попов В.С., секретарь Г.А. Потёмкина — II: 344
Попов Н.А. — IV:
Попов П. — III: 533
Попов Х.И. — II: 595
Попович А. — II: 574; IV: 448
Поппер К. — II: 732; IV: 448
Порхомов С. — I: 802, 810, 818; IV: 391
Поска Февзи — IV: 183
Поскрёбышев А.Н. — IV: 184
Поспелов П.Н. — III: 208
Постникова О. — III: 185
Постригань Ф. — III: 604
Потёмкин Г.А. — II: 180, 361, 363, 366, 368, 371, 372, 373, 375, 378, 379, 380, 381, 392, 387, 389, 390, 396, 406, 411, 413, 417, 418, 419, 420, 426, 433, 435, 439, 440, 450, 453, 455, 456, 457, 466, 467, 484, 489, 490, 515, 697; III: 150, 739
Потоцкий А. — II: 668
Потоцкий Л.С. — II: 449
Потоцкий Н. — II: 224
Потоцкий Стефан, коронный стражник — I: 767
Потоцкий Стефан, коронный гетман — I: 649
Потоцкий Ю. — I: 829
Потратц И. — I: 130
Поттo В. — I: 790, 798, 799; IV: 392
Потье, помещик — II: 679
Поцхверия Б.М. — IV: 448
Пошехонцев — III: 34
Пошивайло И.А. — IV: 62
Празаускас А.А. — III: 423, 434; IV: 448
Приднев С.В. — II: 90
Приск Понтийский — I: 212
Примоде де ля — I: 151, 285, 441; IV: 448
Пришвин М.М. — III: 572; IV: 448
Прозоров С.М. — IV: 395
Прозоровский П. — II: 346, 355, 358, 363, 364, 365, 366, 389, 450, 455
Прокопий (Прокоп) Кесарийский — I: 179, 185, 186, 210; IV: 392, 411, 454
Прокопович М.Н. — IV: 389
Пропп В.Я. — IV: 448
Пруденций — I: 246
Псевдо-Арриан — I: 114, 115; IV: 392
Псевдо-Орфей — I: 115; IV: 392
Пселл — I: 223; IV: 392
Птолемей — I: 140, 146
Публий Элий Аристид — I: 164
Пугачёв Е.И. — II: 379, 387
Пузыревский А.К. — IV: 443
Пуладбек-Булат — IV: 317
Пулад-хан — IV: 317
Пуришкевич В.М. — II: 752, 754
Путин В.В. — III: 169; IV: 237
Путник — II: 728; IV: 448
Пушкарёва И.М. — II: 759
Пушкарь М. — I: 664
Пушкин А.С. — II: 280, 293, 329, 517, 576, 610, 684, 844, 881; III: 721, 769
Пшеничный В.В. — IV: 383
Пшибышевский С. — IV: 449
Пыпин А.Н. — II: 697, 704, 750
Пьецух В. — I: 48
Пятаков Г.Л. — III: 160, 612
Раак Р.Ч. — IV: 4, 420
Рабинович — III: 317
Рабинович Л. — II: 759

Рабус — IV: 125
Раздоникас В.И. — I: 175, 177; IV: 449
Равель М. — I: 497
Радацкин С. — III: 803; IV: 468
Радде Г.И. — IV: 449
Радищев А.Н. — II: 280, 281
Радлов В.В. — IV: 449
Радомский Я.Л. — I: 246
Разин С.Т. — I: 41, 724, 844; III: 660
Размётнов А. (*лит.*) — III: 347
Раимов А. — IV: 97, 101
Райхель Ю. — IV: 148, 449
Раков А.И. — III: 522
Раков В.С. — II: 584, 592, 599, 605; IV: 392
Раковский Г. — III: 86, 100, 103, 106; IV: 449
Раковский Георги — III: 86
Раковский Х.Г. — III: 374
Ралли — II: 768
Рамазан Ахмет — III:
Рамазанов, работник обкома ВЛКСМ — III: 402
Рамазанов, професор — III: 680
Рамазанов, предколхоза — III: 688
Рамазанов Сеит-Ваап — IV: 72
Рамазанова А. — III: 244, 236, 264, 270; IV: 449
Рамазанова Фатма — IV: 72
Рамбо А.Н. — II: 695
Рами Мехмед-паша — I: 721
Рами-Мехмед — I:
Ранио, род — I: 261 — III: 571
Ранке Л. фон — I: 4
Раппопорт Г.Я. — III: 514, 525
Раппопорт П.А. — I: 239; IV: 449
Раппопорт Т. — II: 5, 43; III: 710, 711; IV: 449
Расмуссен К. — I: 420
Распутин Г.Е. — II: 855
ар-Раси Сусан — I: 273
Расул Рефат — IV: 72
Расулев Габдрахман — III: 833
Раткевич К.И. — IV: 398
Ратьковский И.С. — III: 4, 5; IV: 449
Раупова У. — IV: 210
Раух — II: 667
Раушинг Г. — III: 503
Раффе О. — II: 74, 249, 267, 268, 301, 313, 515
Рахиль (*библ.*) — II: 528
Рахимджанов Абрамхан — IV: 358
Рахимзянов Б.Р. — I: 304, 309, 318, 319; IV: 449
Рахимов Юнус-эфенди — III: 869, 871
Рахимов Юсуп — III: 873
Рахимова Нурие Юсуфовна — IV: 488
Рахим-эфенди Мустафа — II: 234
Рахматуллина А.У. — IV: 484, 486
Рашев Р.К. — I: 213; IV: 449
Рашид А. — III: 745
Рашид Мехмед-ага — I: 728, 731, 760
Рашковский Е.Б. — I: 492; IV: 449
Ревелиоти Ф.Д. — II: 449
Ревишин А.П. — III: 71, 190
Реджеб Джевдет — III: 501
Реденс С.Ф. — III: 11, 111, 160, 161, 167, 334, 337, 499, 500, 501, 839
Резми — II: 225, 327
Рейнгардт — IV: 25
Рейпольский А. — III: 380; IV: 449
Рейтановский Г. — II: 762; IV: 449
Ректемур-бей — II: 233
Реми Ф. — II: 65
Реммал (Раммал)-Ходжи (Къайсуни-залэ Недаи-эфенди) — I: 456, 460, 578, 582, 583, 584, 585, 587, 589, 590; II: 229, 230; IV: 445
Ремпель Л.И. — II: 898, 905, 924, 925, 927, 928; IV: 449
Ренат — IV: 483
Реннер А. — II: 777
Реннер К. — III: 146
Репников Н.И. — II: 178; IV: 449
Реппин Н. — IV: 334, 343, 344
Реппина Л.П. — IV: 424
Ресми Ахмед-эфенди — IV: 334, 343, 344
Ресуль Нури Гусейн — III: 191
Рефат А. — III: 784; IV: 449
Рефат Мамут, педагог — II: 820
Рефат Мамут, музыкант — III: 773
Рефат Халиуль — III:
Рефатов Асан — III: 696, 728, 773, 776, 777, 784
Рефатов А.М. — III: 88
Рефатов Мидхат — III: 837
Рефатова Пакизе — IV: 258
Рефик А. — I: 737
Решедин Бекир — III: 465
Решидов А. — III: 690
Решидов Р. — IV: 433
Решид-огълу — II: 771
Решитов Ибраим — IV: 3, 485

Ржевский И.И. — I: 683, 796
Рибас И. де — IV: 469
Риббентроп И. фон — IV: 5, 7, 8, 12, 43, 44
Ривкин Н. — II: 745; IV: 449
Ридель Ф. — IV: 216
ибн-Ризван Абдулла — II: 230, 231
Ризван-паша — I: 558
Ринальди А. — II: 417
Рихтгофен К. — I: 151
Рихтер В. — II: 83, 118, 199
Ришельё А. Ж. дю Плесси («Дюк») — II: 35, 129, 455, 468, 473, 474, 475, 478, 479, 550, 554, 555, 559
Робеспьер — II: 923
Рогинский Я.Я. — I: 202
Рожер (Рожье) II — I: 352, 381
Розанов В.В. — II: 318, 324, 325, 326, 330; IV: 449
Розен И. — III: 293, 302
Розенберг Альфред — II: 752; IV: 41, 43, 44, 62, 67, 92, 93, 108, 109
Розенберг А.Г. — II: 725
Розенталь Е.И. — IV: 450
Розенфельд — III: 680
Рокфеллер Дж. — III: 310
Романов — IV:295
Романов А.В. — II: 616
Романов Б.А. — I: 10
Романов П.Н. — IV: 37
Романовский С.И. — IV: 450
Романовы, династия — II: 419, 433; III: 39, 129; IV: 232
Романус И.В. — II: 579
Романько О.В. — IV: 18, 44, 46, 51, 75, 86, 88, 90, 93, 97–101, 107, 113, 117, 125, 134–6, 138, 246, 450
Романюк А. — II: 604; IV: 450
Ромаскевич А.А. — IV: 394
Ромашевский И.П. — III: 71
Ромашов Ф. — IV: 83
Ромм Ж. — II: 31, 66, 122, 133, 149, 150, 195, 215, 236, 261, 345, 394, 396, 398, 404, 409, 414, 415, 420, 421, 484, 552, 560; III: 13; IV: 392
Ромм М.И. — III: 358
Роммель Э. — IV: 297
Ромодановский Г.Г. — I: 683, 685
Рондо К. — I: 788, 816, 821
Рославцева Л.И. — II: 158, 159, 204, 205, 206, 243; IV: 450
Российский Д. — III: 753
Ростислав Владимирович, кн. Тмутороканский — I: 249
Ростовцев М.И. — I: 120, 126, 130, 138, 139, 145, 148, 168, 169, 371
Ростопчин Ф.В. — II: 471, 472
Ростунов И.И. — IV: 426
Роузентал Ф. — III: 761, 854; IV: 450
Рубах М.А. — III: 300
Рубрук Гийом де — I: 193, 194, 228, 348, 397, 414, 416; IV: 369, 392
Рубцов Ю.В. — IV: 14, 19, 21, 22, 450
Рубье — II: 513
Руденко Р.А. — IV: 390
Рудзевич Я. см. Якуб-ага
Рудзутак Я.Э. — III: 602
Рудольф II Габсбург — I: 609
Рудь Н.М. — I: 222; IV: 416
Рузаев С.В. — IV: 13, 142, 451
Рузвельт Ф.Д. — IV: 220, 221, 223
Рукн эд-Дин аль-Кырими — II: 231
Руми — см. Джалаладдин Руми
Руммель В.Ю. — II: 685, 696; IV: 451
Румыев Садидин — III: 138
Румянцев П.А. — II: 355, 358, 359, 364, 365, 368, 369, 376
Русанов А. — IV: 40, 121
Русских Н.А. — II: 250
Руффин — I: 854
Рушковский — I: 767
Рыбаков Б.А. — I: 24, 176, 240, 242, 243, 245; IV: 451
Рыков А.И. — III: 517, 661
Рыскулов Т. — III: 492, 819
Рюйе — III: 65
Рюрик (Рорвик) — I: 522
Рюриковичи, династия — I: 208, 224, 522
Рябоконь А.Д. — III: 36
Рябоштанов — II: 771
Рязанова Л.А. — IV: 448
Саадет-Гирей I — I: 539, 557, 561, 573–579, 582, 587, 588, 590, 635; IV: 318
Саадет-Гирей II — I: 501, 608, 622; IV: 318
Саадет-Гирей III — I: 698–700, 778; IV: 319
Саадет-Гирей IV — I: 537, 779, 791; IV: 319
Саадет, брат Менгли-Гирея — I: 312
Саади — II: 224, 527
Саблин — II: 455
Саваоф (Господь, Бог) — II: 326, 611
Савва, полевой командир — III: 203

Савватий — I: 25
Савеля О.Я. — I: 138; IV: 424
Савенко А. — III: 57
Савин А.Н. — IV: 451
Савопуло А. — II: 241
Савромат I — I: 162
Сагадеев А.В. — III: 487, 488, 489, 505; IV: 451
Сагаев — III: 698
Сагайдачный Г. — I: 703
Сагатовский В.Н. — III: 211
Сагиб-Гирей, сын Ахмед-Гирея — IV: 330
Сагынбаев З.Ф. — IV:136
Сададдин — I: 350
Садаков Абдулла — IV: 116
Сади Абдулла — III: 502
Садиков З.Ш. — II: 760
Садиков П.А. — I: 607
Садо (*лит.*) — I: 826
Садредин Кадыр-Берды — III: 561
Садрединов Азис — IV: 451
Садрединов Р. — IV: 72, 73, 451
Садур В. — II: 394, 395; IV: 451
Сажин В.Н. — I: 9
Саид-Гирей-султан — I: 608
Саит Алим — II: 782
Сайко (Исаак), княжич — I: 196
Сайф-ад-дин Бахарзи — I: 273
Сакаев А. — III: 88
Сакаев К. — III: 88
Саккетти Ф. — I: 440
Саков Али-Хусейн — III: 182
Сакса К. — III: 48
Салазар А. — III: 700
Саламова Н.А. — I: 795, 798, 799; IV: 451
Салгир-Баба — II: 241, 266
Салгирлы Сервер — IV: 229
Салгирлы Энвер — IV: 229
Салет Исмаил — III: 776
Салихов Р.К. — IV: 309, 451
Салтыган — I: 319
Салтыков — III: 175
Салтыков-Щедрин М.Е. — I: 40, 274; II: 4, 68, 324, 584, 702, 711; III: 401, 770; IV: 451
Салтыкова Д.Н. — I: 438
Салынь Э.П. — III: 848
Сальвиан — I: 173
Самадинов Вали — III: 248
Самединов Абдураим — III: 143, 215, 405, 516, 605, 693, 696, 699, 700
Самединов Ила — III: 362
Самединова З. — II: 326
Самединова Эмине — IV: 270, 271
Самединова Урие — IV: 488
Самойлов А. — IV: 352
Самойлов А.Н. — II: 379, 404; IV: 451
Самойлович А.Н. — I: 443; II: 860; IV: 391, 451
Самойлович И. — I: 637, 683, 685, 689, 692, 693
Самоквасов Д.Я. — I: 130
Самокиш Н.С. — III: 669, 787, 788
Самусь И. — I: 772
Сандаксатр — I: 105
Сандерленд В. — II: 697, 698; IV: 451
Сандживан-паша — II: 85
Санин А.Н. — II: 812, 815; IV: 451
Санин Г.А. — I: 426, 650, 653, 654, 655, 660, 663, 726, 777, 780; II: 136; IV: 451, 452
Санин О.Г. — IV: 452
Сапега Я. — I: 769
Сапожников А.А. — III: 224
Сапрыкин С.Ю. — I: 167; IV: 452
Сара Абрамовна — IV: 269
Сараи Сейфа — I: 356
Саран А.Ю. — I: 70, 73; IV: 452
Сарано — III: 202
Саранаев М. — IV: 105
Сарач А.М. — III: 26
Сари Абдурахман-паша — I: 737
Сариев Осман — IV: 53
Саро М. — II: 447
Сары-баты Савджи-бей — I: 790
Сарыбаш Мерьем — III: 689
Сары-Салтык — II: 192
Сасаниды — I: 151
Сатана (*библ.*) — I: 23
Саттон Р. — I: 717, 765
Сатырджи-паша; I: 618
Саур — II: 569
Сафа-Гирей I — I: 441, 453, 569, 575, 589
Сафа-Гирей II — I: 628, 700
Сафа-Гирей, хан Казанский — I: 569, 575, 576, 586, 588
Сафаргалиев М.Г. — I: 303, 304, 307, 329; IV: 452
Сафаров Г.И. — II: 791; IV: 452
Сафонов С. — II: 443, 450; IV: 452
Сахаров А.Д. — III: 624
Сахаров А.Н. — IV: 479
Сахарова П.Ф. — III: 680

Сахиб-Гирей I — I: 293, 296, 393, 401, 481, 541, 569, 575, 576, 578, 579, 581, 582–590 — II: 75, 229, 385; IV: 318
Сахиб-Гирей II — II: 348, 354; IV: 319
Сацкий А.Г. — II: 438; IV: 427
Саши Умер — III: 770
Свердлов Я.М. — II: 888; III: 451
Светлов Р. — I: 446 — IV: 452
Светлов Э. — I: 146 — IV: 452
Светоний — I: 566
Свидерский А.И. — III: 464
Свиньин П.П. — II: 199, 213, 240; IV: 452
Свищов Е. — II: 116; IV: 452
Святополк-Мирский П.Д. — IV: 355
Святослав I Игоревич — I: 152, 193
Себаг-Монтефиори С. — II: 353, 361, 370, 379, 391; IV: 451
Севастьянова — III: 346
Севастьянова П. — II: 664
Севдияр Мемет — III: 856
Севей В. — II: 879
Северский Г.Л. — IV: 123, 489
Сегюр Л.-Ф. — II: 67, 419; IV: 392
Седлецкий — II: 666
Седов В.В. — I: 241, 247; IV: 452
Седов Л.А. — I: 38; IV: 452
Сеидалиев Узеир — IV: 486
Сеидали Мемет — III: 517
Сеидалла Халил — IV: 71
Сеидаметов, педагог — III: 692
Сеидаметов Джафер — III: 315
Сеидаметов Неджати — IV: 50
Сеидаметов Эскандер — IV: 62
Сейдаметов — III: 663
Сейдаметов Д. — III: 143, 770
Сеид-Амет-эмир Али-оглы (Сейдамет Таракташирский) — II: 661, 664–670
Сеид-Ахмет (Сейид-Ахмед) — I: 302, 303, 304 — IV: 317
Сеид-Галиев Сахибгерай — III: 214, 492, 493, 503–505, 516
Сеид-Джелил-эфенди — II: 601
Сеид-Мемет-эфенди — II: 423
Сеид Мехмет-паша — I: 803, 804
Сеидхалил Челебиоглу-эфенди — III: 861
Сеид-Халиль — II: 169
Сеид-Шаев (Сеид Шаев) Сеид Мамут — III: 141
Сеит — I: 569
Сеит-Али Аджи-Мурат — IV: 206, 207
Сеит-Али Мустафа — III: 260
Сеит-Али Рамазан — III: 268
Сеит-Амет — III: 867
Сеит-Амет Сеит-Баттал — III: 680
Сеит-Аметов Меджит — III: 682
Сеит-Аппаз-оглу С.И. — III: 88
Сеит-Ариф-оглу Рустем — IV: 72
Сеит-Асан Абдураман — III: 683
Сеитбекиров А. — III: 494; IV: 452
Сеитбекиров (Сеитбекир) Эльдар — I: 18; III: 136, 142, 473, 474, 478, 498, 499; IV: 209, 225, 278, 452
Сеит-Джали Сеит-Абла — III: 431
Сеит-Джалиль Гафар — III: 569
Сеитджанов Джеппар — IV: 486
Сеитджанов Осман — IV: 82
Сеит Джемиль — III: 849
Сеитибрагимов Р. — IV: 489
Сеит-Ибрам Сеит-Ваап — III: 502
Сеит-Ибраим-ага Таши-огълу — II: 547
Сеит-Ибраим Осман — III: 262
Сеит-Мамбет-акай — III: 774
Сеитмамбетова Гулер — IV: 268
Сеит-Мемет-агъа — III: 637
Сеит-Мемет Мустафа — III: 501
Сеит-Мемет-эфенди — II: 485
Сеит Мамут Бекир-оглу — II: 602
Сеит-Мамут Сеит-Али — III: 261
Сеитмуратов Исмаил — IV: 489
Сеит-Муратовы, род — III: 561
Сеит Муса-эфенди Кефеви — II: 230
Сеит Осман Абляй (Абла?) — III: 443
Сеит Смаил-эфенди — II: 590
Сеит-Умер-эфенди — IV: 107
Сеитумеров Ахмет — IV: 119
Сеитумеров У. — III: 773; IV: 452
Сеитумерова Исмет — IV: 120
Сеитумерова Султание — IV: 120
Сеитнафе Сеит-Умер — III: 163
Сеитхаиль — IV: 270
Сеит-Халил Челебиджан — III: 850
Сеитхалилов Асан — IV: 272
Сеитхалиль-ака — IV: 74
Сеитшаев Умер — III: 561
Сеит-Ягья Муса — III: 371
Сеит-Ягья Сеит-Ибрам — III: 563
Сеитяъяев Р. — IV: 452
Сеит Яя Джумазе — III: 547
Сеит Яя Сейдамет — III: 547
Сеитяяев Хайсер — IV: 482
Сейдамет, извозчик — III: 514

Сейдамет (Сейдаметов) Джафер Крымер — I: 219, 621, 757, 842; II: 232, 461, 721, 761, 763, 781, 782, 790, 810, 816, 818–820, 824, 844, 850, 852, 857, 863, 865, 867, 869, 870, 871–878, 880, 881–883, 893–895, 902, 904, 910–913, 915–920, 923–925, 929, 932; III: 10, 15, 16, 23, 51, 58–60, 119, 120, 123, 129, 137, 269, 298, 315; IV: 393
Сейдамет Таракташский см. Сеид-Амет-эмир Али-оглы
Сейдамет Сары-Мамбет — III: 279, 280
Сейдамет Сеит-Ибрам — III: 599
бини Сейдамет Атыф (Атыф-эфенди бин-и-Сейдамет) — I: 356
Сейдаметов Д. — III: 143; IV: 453
Сейдаметов Нариман — IV: 120
Сейдаметов Неджати — IV: 50
Сейдаметов Сервер — IV: 120
Сейдаметов Эскандер — IV: 119, 490
Сейдаметов Э.Х. — IV: 453
Сейдаметова Ремзие; IV:313
Сейдаметова Сайде — IV: 313
Сейдаметова Сание — IV: 120
Сейдаметова Шефика — IV: 120
Сейдаметова Эдае — IV: 119
Сейид-Ахмед II — I: 325
Сейит Алим — II: 869
Сейит Ягья Н. (*Сейтяг'яєв Н.С.*) — II: 230; IV: 453
Сеййид Сары Салтук Баба — I: 499
Сейтаметов Абселям — IV: 79
Сейттар Акким — III: 497
Сейфулаев Сейфула — III: 485
Сейфуллаев Исмаил, историк. — IV: 124, 205, 453
Сейфуллаев Исмаил, предсовнаркома КрымАССР — IV: 205
Секиринский Д.С. — I: 403, 435, 472, 479, 480; IV: 453
Секиринский С.А. — I: 253, 260, 403, 435, 472, 479, 634, 480; II: 483, 488, 502, 510, 619, 653, 789, 790; IV: 453
Селедин Мемет — III: 360
Селезнев Е.Г. — I: 298
Селезнев Ю.В. — I: 298
Селезнёв — III: 402
Селим I Осман (Явуз) — I: 331, 422, 462, 464, 601
Селим II Осман — I: 603
Селим III Осман — II: 454, 472, 473
Селим-Гирей I — I: 437, 540, 555, 682, 684–688, 691, 693, 694, 696–698, 700–704, 707–709, 713, 715–717, 721–723, 728, 814; II: 225; IV: 319
Селим-Гирей II — I: 600, 857; IV: 319
Селим-Гирей III — IV: 319
Селим-Гирей-султан (Салим-Гирей-Салтан) — I: 789
Селим-уста — II: 727
Селимов Мустафа Веис — IV: 105, 116, 119, 130
Селимович Меша — I: 384, 559; II: 612, 769; IV: 309, 453
Селицкий — III: 175
Сельвинский И. — I: 203; IV: 77
Сельджукиды, династия — I: 225, 233, 235
Селямет-Гирей I — I: 558, 622, 682; IV: 318
Селямет-Гирей II — I: 840; II: 75, 233; IV: 319
Селяметов Али — IV: 295
Селяметов Сеит-Бекир — III: 573, 574
Селяметова Анифе — III: 603
Семашко Н.А. — III: 251, 252, 572
Семенникова Л.И. — IV: 453
Сементовский Н. — IV: 453
Семёнов Б.А., секр обкома — III: 344, 663
Семёнов И. — III: 383; 421; IV: 453
Семёнов К.К. — IV: 450
Семёнов-Зусер С.А. — I: 131
Семёнов-Тяншанский В.П. — IV: 453
Семёнова-Тянь-Шанская О. — II: 16, 107, 296, 302, 324; IV: 453
Семковский С. — III: 300
Сенаи Мехмед — II: 99
Сеницкий А. — I: 296; IV: 453
Сент-Арно А.Ж.Л. де — II: 593, 598
Сень Д.В. — I: 634, 683; IV: 453
Сенюткин М. — II: 357, 361, 593; IV: 453
Сенюткина О.Н. — II: 832, 833, 834; IV: 454
Сенявин Н.А. — I: 804
Серапис (*миф.*) — I: 146
Сервантес Мигель де Сааведра — I: 29
Сергеев А. — II: 590, 621, 631, 632, 635, 638, 639, 644; IV: 454
Сергеев-Ценский С.Н. — III: 54, 510, 795; IV: 454
Серебрянников В.В — I: 457; IV: 454

Серко И. — I: 339, 637, 683
Серов А.Н. — II: 193
Серов В.А. — II: 887
Серов И.А. — IV: 167
Сестренцевич-Богуш С. — II: 64, 706; IV: 454
Сеттар Аким — III: 471
Сетулла Э. — IV: 90
Сефевиды, династия — I: 323
Сефер, нуреддин Фетх-Гирея — I: 620
Сефер Гази-ага (Кази-ага) — II: 64, 81, 82, 231
Сефет Али Мустафа — III: 431
Сёдерстрём Г. — I: 740
ас-Сибаи М. — II: 536, 537; IV: 454
Сигизмунд I — I: 330, 422, 569
Сигизмунд Август II — I: 595, 596, 600
Сигизмунд III — I: 622, 625, 726
Сиджеуты, род — I: 267
Сидхи Б. — III: 143
Сизиф (*миф.*) — III: 93
Сидоренко В.А. — II: 89, 93, 266; IV: 454
Сикорская У. — IV: 156
Силиват Шемшидин-огълу — II: 726
Сильвестр, протопоп — I: 580
Симаков И.В. — III: 233
Симиренко Л.П. — IV: 454
Симонов А.К. — IV: 21, 454
Симонов К.М. — IV: 215
Синан (см. Ходжи Синан ибн-Абдул Меннан)
Синан-паша, визирь — I: 616
Синан-паша, сердар — I: 615
Синегуб Е. — III: 701
Синицын Ф.Л. — IV: 134, 253, 454
Синцов В.И. — I: 47; IV: 454
Синявский А. — I: 728
Сиропуло — I: 860
Сироткин В.Г. — IV: 454
Сиящь-ага — I: 402
Скавениус Э. — III: 266
Скадер К. — I: 739
Скальковский А.А. — I: 280, 359, 787; II: 100, 109, 111, 113, 117, 344, 349, 423, 436, 478, 479, 501; IV: 454
Скачко А.Е. — III: 80
Скилак Кариандский — I: 112
Скилур Хиосский — I: 131, 132; IV: 367
Скиндер (Александр) Мангупский — I: 196
Скиф (*миф.*) — I: 127
Склянский Э. — III:153
Скляренко А. — III: 471
Скорий С.А. — IV: 445
Скоропадский П. — III: 60
Скраггеншерна С. — I: 199
Скржинская Е.С. — I: 15, 105, 374; IV: 454
Скрыпник Н.А. — III: 296, 492, 493
Скуратов Малюта — III: 32
Славинский М. — II: 772, 773, 826; IV: 454
Слащов Я.А. — I: 82; IV: 454
Слёзкин И.Л. — IV: 356
Слёзкин Ю. — IV: 141
Слокум Дж. У. — II: 754, 798; IV: 454
Слуцкий А.И. — III: 5, 40, 43, 46, 52–55, 390, 474
Смаил, работник ДУМ — III: 852
Смаил, пионер — III: 372
Смаил Абкадыр — III: 450
Смаил Амет — III: 471
Смаил Ахбиче — III: 604
Смаилов Гафар — III: 698
Смаилов Самедин — IV: 481
Смирдин А.Ф. — IV: 385
Смирнов А. — III: 753
Смирнов А.П. — III: 296, 303, 305
Смирнов А.П. — I: 129, 136; IV: 455
Смирнов В.Д. — I: 233, 240, 248, 268, 288, 289, 303, 306, 307, 332, 333, 341, 343, 412, 425, 426, 463, 476, 511, 520, 523, 524–527, 530, 555, 556, 561, 578, 579, 585, 588, 590, 615, 616, 627, 629, 649, 688–691, 696, 697, 699, 709, 714, 715, 718, 722, 739, 791, 794, 808, 814, 825, 841, 850, 857 — II: 181, 218, 223, 233, 234, 235, 337, 342, 347, 348, 255, 359, 360, 410, 492, 502; III: 810; IV: 445
Смирнов Е.И. — IV: 35, 56, 114, 217, 218, 437
Смирнов И.И. — I: 569, 570, 576; IV: 455
Смирнов Н. — I: 275, 502; III: 863, 865, 140, 213, 835, 857, 860; IV: 455
Смирнов Н.А. — I: 640, 641, 678, 683, 686; II: 169, 226, 298, 560, 813, 840
Смирнов П.И. — I: 48; IV: 407
Смит А. — I: 54
Смоленский С. — III: 106, 107; IV: 455
Смолич Н.В. — III: 326
Советов В — III: 46, 48; IV: 455
Советов П.В. — I: 773, 774; IV: 455
Соголев — III: 291
Созомен — I: 181

Соймонов Ф.И. — **I**: 709, 718 730, 745, 749, 752, 753, 755, 756, 765, 767–771, 775; **IV**: 481
Сойсал Абдулла — **III**: 144, 391
Сокальский П.П. — **I**: 638
Соколов Б.В. — **IV**: 9, 12, 20, 456
Соколов Г. — **IV**: 130
Соколов Д. — **II**: 138, 149, 164, 276, 303, 536; **IV**: 393
Соколов П.С. — **III**: 346
Соколов Ю.Ф. — **IV**: 426
Соколова И.В. — **I**: 377; **IV**: 456
Соколова К.Ф. — **I**: 111, 159, 211, 377; **IV**: 456
Соколовский — **III**: 346
Сокольский М.М. — **IV**: 456
Сокольский Н.И. — **I**: 149, 153, 171; **IV**: 456
Сокорнов В. — **II**: 746, 787
Солженицын А.И. — **I**: 47, **III**: 519, 520, 551, 675; **IV**: 99, 142, 209, 456
Соловьёв В.С. — **I**: 43, 345, 384, 511; **II**: 534, 694, 751; **IV**: 456
Соловьёв С.Л. — **I**: 103 — **IV**: 456
Соловьёв С.М. — **I**: 326, 420, 422, 426, 466, 516, 523, 572, 574, 584, 588, 591, 604, 608, 611–614, 636, 642, 645, 646, 647, 659, 664, 668, 669, 675, 678, 683, 685, 691–695, 701–703, 766, 782, 793, 797, 798, 800, 809, 817, 818, 821, 824, 826; **II**: 344, 346, 347, 352, 354, 376, 382, 424, 700; **IV**: 456
Соломоник Э.И. (Соломонік Е.І). — **I**: 123, 141, 167, 172; **IV**: 456
Солоневич И.Л. — **III**: 685; **IV**: 456
Солонина Я.Д. — **I**: 683
Солоухин В.А — **I**: 42
Сольц А.Я. — **III**: 307, 330, 475, 511, 515, 518–521, 523, 647, 737, 738; **IV**: 456
Сорин К. — **III**: 248, 256; **IV**: 456
Сорокин Г.П. — **III**: 243, 254
Сорокин П.А. — **II**: 3, 7, 522, 543, 542; **III**: 205, 250, 272, 276, 282, 530, 622, 652; **IV**: 456
Сорос Дж. — **I**: 18
Сорочан С.Б. — **I**: 169; **IV**: 457
Сорочинский П. — **I**: 724
Сосновский Л.С. — **III**: 463, 464, 469; **IV**: 457
Сосногорова М.А. — **I**: 102, 160, 166, 190, 293, 363; **II**: 65, 94, 95, 96, 112, 142, 146, 181, 240, 286, 398, 403, 406, 411; **IV**: 457
Софийский П. — **III**: 270; **IV**: 457
Софронов — **IV**: 282
Софу, отец и сын — **III**: 775
Софу Абибулла — **III**: 777
Софу (Софа) Асан — **III**: 516, 517, 553, 554, 661
Софу Ахтем — **III**: 517
Софу Мехмед-Гирей IV — **II**: 85, 231
Софу-Мурат Ибраим — **III**: 569
Софья, правительница — **I**: 694
Союков Мемет — **III**: 773
Союков Энвер Идрис-оглу — **IV**: 283, 481, 482
Спаи — **III**: 202
Спартак — **III**: 366, 672
Спартокиды, династия — **IV**: 367
Спасский Г. — **II**: 109, 134; **IV**: 457
Спер И. — **III**: 41
Спинола, род — **I**: 260
Ставро Самеди — **III**: 440
Ставро, род — **I**: 159
Сталин И.В. — **I**: 15, 16, 29, 39, 41, 42, 45, 47, 48, 60, 70, 71, 79–81, 160, 677, 695; **II**: 42, 435, 847, 851; **III**: 125, 130, 134, 148, 149, 160, 204, 253, 294, 302, 306, 319, 328, 336, 348, 349, 365, 372, 375, 376, 383, 391, 409, 412, 4134, 425, 432, 433, 455, 460, 461, 464, 476, 477, 488, 489, 491–493, 497, 498, 501–506, 510, 513, 515, 516, 518–524, 529–531, 536–538, 544, 553, 559, 578, 583, 590, 591, 594, 603, 604, 614, 616, 617, 621, 624, 625, 628, 631–635, 642, 644–647, 651, 654–658, 660, 662, 666–669, 673, 677, 679, 687, 688, 693, 694, 700–703, 719–721, 730, 755, 759, 762, 763, 776, 778, 781–783, 810, 824, 848, 851, 862; **IV**: 7–13, 16, 19, 20, 23, 25, 31, 40, 42, 43, 76, 78, 106, 110, 133, 136, 138, 141–143, 146–149, 152, 154, 157, 160, 161, 163, 167–170, 184, 185, 190, 198, 199, 204, 213–15, 217–223, 227, 229–233, 235–238, 241, 242, 246, 256, 266, 271, 284, 290, 303, 309–311, 314–316, 376–378, 383, 385, 393, 402, 408, 413, 415, 419, 420, 424, 432, 442, 445, 449, 452, 457, 459, 462, 491
Стамати М. — **II**: 444
Стамболи — **II**: 759, 840

Стамбул-бек — **IV**: 317
Станислав I (Лещинский) — **I**: 279, 731, 738, 765, 767, 769
Станислав II Август (Понятовский) — **I**: 514, 849, 858
Станкевич В. — **II**: 773, 784, 896; **IV**: 457
Стариков Е. — **I**: 39, 77; **IV**: 457
Старовойтов — **III**: 614
Стародуб Т.Х. — **IV**: 457
Старый (Кауфман М.С.) — **III**: 419; **IV**: 457
Стасюлевич М.М. — **I**: 9
Стаф И. — **IV**: 388
Стаханов А. — **III**: 449, 450
Стахиев А. — **IV**: 346
Сташевский («Безрукий») — **III**: 202
Стевен А.А. — **II**: 333; **III**: 75
Стевен Х.Х. — **I**: — **II**: 121, 665; **IV**: 457
Стейнведел Ч. — **II**: 696
Степаненко В.П. — **I**: 246; **IV**: 457
Степанов В.В. — **IV**: 301, 302, 457
Степанов В.С. — **IV**: 457
Степанова Н.Г. — **IV**: 433
Степун Ф.А. — **I**: 67 — **IV**: 457
Стефан Баторий — **I**: 546
Стефан Великий — **I**: 196
Стефан Византийский — **I**: 114
Стефан Мангупский — **I**: 197
Стефан (Исповедник) Сурожский, св. — **I**: 192; **IV**: 368, 383
Стефаненко Т. — **II**: 305; **IV**: 457
Стеффенс Л. — **III**: 176
Стецковский Ю. — **III**: 174, 634; **IV**: 457
Стоклицкий А.В. — **III**: 661
Столыпин А. — **IV**: 457
Столыпин П.А. — **II**: 339, 744, 753, 757, 772, 774, 775, 777, 783, 784, 785, 786, 788–791, 792, 818, 819; **III**: 91, 94, 95, 374, 482
Стороженко І. Г. — **IV**: 457
Страбон — **I**: 105, 113, 114, 148; **IV**: 393
Стратонов А.В. — **II**: 924, 925
Стржелецкий С.Ф. — **I**: 103, 110, 241; **IV**: 458
Строганов А.Г. — **II**: 615, 654, 659
Струве П.Б. — **II**: 791
Стругацкий А. — **III**: 392
Стругацкий Б. — **III**: 392
Стрюйс Я. — **I**: 45; **IV**: 393
Стулли Ф.С. — **II**: 584, 593, 594, 600, 605; **IV**: 458
Суави Али — **II**: 830
Субхи, историк — **I**: 808, 809
Субхи Мустафа — **III**: 740, 836, 837
Суворов А.В. — **II**: 355, 360, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 376, 383, 388, 416, 458; **III**: 150, 408, 439, 769
Суворов В. — **IV**: 446
Судаков И. — **IV**: 393
Судейкина В. — **III**: 54, 57, 63; **IV**: 393
Судников М. — **I**: 736
Судоплатов П. — **III**: 295
Суин Джелял — **III**: 404
Сулейман (*коранич.*) — **II**: 76, 168
Сулейман I (Кануни, Великолепный) — **I**: 260, 261, 304, 305, 322, 454, 506, 538, 570–574, 577, 579, 582, 586, 594, 599; **II**: 52
Сулейман II — **I**: 198, 696, 697, 700
Сулейман III — **I**: 682
Сулейман Паша — **II**: 830
Сулейман Билял — **III**: 665
Сулейман М. — **III**: 666
Сулейман Максут — **III**: 776
Сулейман Селим — **III**: 604
Сулейман Чолбаш — **III**: 517
Сулейманов, предс. колхоза — **IV**: 161
Сулейманов, врач — **III**: 691
Сулейманов Идрис — **III**: 561
Сулейманов Мустафа — **III**: 561
Сулейманов У. — **IV**: 433
Сулейманов Умер — **IV**: 487
Сулейманов Ф.Н. — **IV**: 491
Сулейманова — **III**: 432
Сулейманова Д.Б. — **IV**: 252, 488
Сулейманова Шадие — **IV**: 264
Сулейменов О. — **II**: 537
Сулеш, Сулешевы (см. также Яшлавские), род — **I**: 309, 533, 534, 657, **II**: 179
Сулеш-бек — **I**: 597
Сулеш Ахмед-бей (Ахмет-бей) — **I**: 612, 613
Сулимирский Т. — **I**: 101, 160; **IV**: 458
Султан — **I**: 234
Султан Амет-хан — **IV**: 214–216
Султанбеков Б.Ф. — **III**: 139, 140, 491, 528; **IV**: 458
Султан-Галиев М..Х. — **II**: 780; **III**: 139, 138, 161, 175, 186, 187, 226, 227, 228, 266, 486–494, 504, 526–530, 596, 597, 562, 763, 819, 821, 825, 835; **IV**: 393

Султан Махмуд Джалаладдин Джанибек-хан — I: 502
Султан Мубарак-Гирей — II: 290
Султан Мухаммад Узбек-хан — I: 502
Султанбеков Б.Ф. — III: 139, 140, 491, 528
Султанов, комендант — IV: 828
Султанов Т.И. — I: 206, 207, 213, 225, 266, 273, 281; IV: 430
Сулькевич Сулейман (Сулькевич Мацей, Сулькевич Матвей Александрович) — III: 57–64, 123, 124, 131
Сумароков П. — II: 14, 49, 51, 64, 69, 78, 81, 83, 92, 112, 117, 132, 136, 137, 139, 146147, 174, 181, 209, 212, 213, 240, 243, 246, 264, 273, 283, 285, 294, 297, 377, 399, 403, 404, 409, 410, 415, 456, 458, 544, 565, 567, 689; IV: 393
Сумцов — III: 157
Сумцова — III: 157
Суперанская А.В. — I: 153, 230, 261, 265, 286, 823; IV: 458
Сургей — III:288
Сурхай-хан — I: 798
Сусанин И. — II: 481
Сухарчук Г.Д — III: 814; IV: 458
Суховей П. — I: 681
Сухоруков В. — I: 159; IV: 458
Сухотин Н.Н. — IV: 443
Суфия-ханум — III: 255
Суюнов Энвер Идрис-огълу — IV: 276
Сымонович Э.А. — I: 176
Сыроечковский В.Е — I: 343, 369, 402, 405, 434, 449, 474, 563, 572; IV: 458
Сюйрен, род — I: 187, 267
Сюкияйнен Л.Р. — I: 36, 383, 385, 471, 506, 508, 509, 511; IV: 458
Сюкюти А. — II: 782, 769
Сююн-бике — I: 589
Табидзе Г. — II: 898, 899
Табиев — IV: 90
Табын, род — I: 467
Тавризи Шамс ад-дин Мухаммад — I: 497
Тавропола (*миф.*) — I: 113
Тав-султан — I: 361
Таганская Айше — III: 771
Тагиров И. — III: 139, 489, 493, 529; IV: 458
Тагор Рабиндранат — III: 704, 814
Тазрют — I: 795
Таир (*лит.*) — II: 218
Таир Асан — III: 599
Таиров Н.Х. — III: 785
Таирова-Яковлева Т.Г. — I: 730, 732, 734, 736; IV: 458
Тайган (Тайганские), род — I: 267, 548; II: 388
Тайган Адиль-мирза — I: 548
Тайганский Муса-мурза — II: 909,
Такийуддин Мехмед — I: 559
Таклы-ходжа — I: 356
Талиев В. — I: 348; IV: 458
Тальман И.М. — I: 830
Тама, род — I: 267
Тамакчи Исмаил — IV:117
Тамалы Садреддин — III: 861
Тамарин А. — III: 12
Тамбов Мемет — IV: 72
Тан Буг аль-Джевали — I: 356
Танабайлы Веис — III: 689, 690, 695
Таны (см. также Тенгри) — I: 219; II: 852
Таракчи Сеит Умер — III: 123, 141
Таран Г. — III: 776
Тарас Бульба (*лит.*) — I: 661; II: 52
Тарасов Н.Г. — III: 768
Тарвацкий Я.Ю. — II: 921
Таргитай (*лит.*) — I: 126
Тарле Е.В. — I: 745; IV: 458
Тарло С. — I: 767
Тарпи Али — III: 872
Тарпи Амет — III: 871
Тарпи А.Ш. — IV: 482, 491
Тарпи Ибраим-эфенди — II: 822, 823, 863, 868, 872, 874, 875, 889, 910; III: 36, 837, 871–873
Тарпи Себиха-ханум — II: 822
Тарпи Ф. — IV: 490
Тарпи Шевки Алиевич — IV: 482
Тарсениус Л. — II: 61, 79
Тархан Ильяс — III: 366, 391, 636, 643, 664, 694, 696, 697, 699, 685, 784,866
Тархан Умер — III: 336
Тархан Юсуф — IV: 71
Тархова Н. — IV: 393
Таска А. — III: 530, 531
Таскин Александр — IV: 491
Татищев В.Н. — I: 141; IV: 393
Татьяна Ларина (*лит.*) — II: 329
Тафур Педро — I: 443
Тахмасп Кулы-хан (см. Надир-шах)
Тацит Публий Корнелий — I: 634; IV: 394

Таш-Тимур (Темир, Эртогмаз-хан) — I: 302
Ташчи Асан — IV: 106
Таюк — I: 266
Твардовский А.Т. — III: 460, 469
Тверитинова А.С. — IV: 383, 391, 423
Тебертинские, дворянский род — III: 563
Тейльс А. — IV: 394
Тейльс В. — IV: 394
Тейфук Джетере — III: 683
Телешев Ибраим — III: 553
Телицын В.Л. — IV: 425
Темеш (Такыр), семья — IV: 488
Теминдар Али — III: 771
Темир-ага — II: 417
Темир Аксак-хан (*лит.*) — III: 740
Темир Булат — III: 69
Темир-Кутлу — IV: 317
Темир-шах-мурза — II: 547 — IV: 330, 331
Темир-Кая Исуп — III: 260
Темиркая Шевкет — IV: 271
Темиркая Ю. — III: 750
Темирлешаева Айше — III: 465
Темиров Абдул-Гани — III: 502
Темрюк Идар — I: 795, 796
Темучин — см. Чингис-хан
Тенгри (*миф.*) — II: 852
Тенишев Э.Р — I: 206
Теодорих — IV: 41
Теофил — I: 114; IV: 394
Теплов — III: 83
Теплов В. — I: 795
Тереножкин А.И. — I: 24, 106, 128, 136; IV: 458
Теушп — I: 105
Тешнер — IV: 25
Тибекин, капитан — II: 490
Тибекин, коллежский ассесор — II: 490
Тиберий Плавт Сильван — IV: 367
Тизенгаузен В.Г. — I: 227, 233, 260, 264, 276, 286, 291, 341, 398, 442, 480, 481, 499; IV: 394
Тикопуло Я.Ф. — II: 447
Тимайос — I: 101
Тимашев А.Е. — II: 688
Тимур (Тамерлан) — I: 228, 230, 300, 303, 391, 426, 531, 627
Тимур-Кутлук — I: 300, 518
Тинай-ага — II: 344
Титов В. — III: 470, 482, 483; IV: 459
Тихинович — IV: 77
Тихомиров П. — III: 857
Тихомирова Н. — III: 773
Тихон (Беланин), патриарх — I: 51
Тихон, тавр — I: 119
Тихонов А.К — II: 614, 615; IV: 459
Тихонов В.А.. — III: 463
Ткаченко Т.В. — I: 244
Ткачёв П.Н. — I: 56
Тоант — I: 113
Тоган Ахмед-Заки В. — II: 800
Тогар-хан бин-Сулейман — I: 290
Тодоров Н. — II: 579; IV: 459
Тойнби А.Дж. — II: 433; IV: 459
Токарев Н.А. — IV: 309
Токтемир — I: 234
Толбухин Ф.И. — IV: 153, 154
Толстая Е.Ф. — IV: 389
Толстая М.Н. — II: 841
Толстая Т.Н. — I: 23, 366
Толстой Л.Н — I: 54, . — II: 245, 325, 482, 584, 827; IV: 459
Толстой П.А. — I: 722, 728, 734, 737, 753, 761
Толстой-Милославский Н.Д. — IV: 220, 221, 223, 459
Томаков Ахмед — III: 262
Томаков Джелиль — III: 262
Томас Георг — IV: 79
Томский М.П. — III: 517
Топал Мустафа — III: 775, 777
Топалов — III: 381
Топлу — III: 692
Тополянский В.Д. — IV: 41, 459
Топоров В.Н. — IV: 459
Топчи Сеитнафе — IV:210, 211
Топчибаши (Топчибашев) Али Мардан-бей — II: 801, 832
Топчокракский Абдувели-ага — II: 546
Топчы Эдие — III: 773
Торгау Н. — IV: 385
Торопкин А.М. — III: 498, 499
Торопкин А.И. — III: 136
Торчинский Л.М. — IV: 265
Тотлебен Э.И. — II: 559, 587, 593, 596, 640, 701; IV: 394
Тотт, Ф. де — I: 447, 466, 547, 827, 850
Тохта — I: 299
Тохтамыш-Гирей — II: 354; IV: 318
Тохтамыш-Гирей, сераскир Девлет-Гирея III — II: 354

Тохтамыш, калга Гази-Гирея II — I: 620, 621, 622
Тохтамыш, калга Мурад-Гирея — I: 526, 528
Тохтамыш (Токтамыш), хан — I: 298, 300, 301, 303, 308, 427, 518, 564, 606
Тохтар-ака — IV: 74
Тохтар Амза — III: 347
Тохтар Васфие — IV: 184
Тохтар Ильхан — II: 912
Тохтаргъазы Усеин Шамиль — II: 165
Тохтаров Керим — III: 604
Тохтарова Хатидже — IV: 58, 260, 265
Тохтасьев С.Р. — I: 105; IV: 459
Траверсе де Ж.Б. — II: 478
Трайнин И.П. — III: 212, 214, 379; IV: 459
Трапезников С.П. — III: 452, 592; IV: 459
Трентовиус А.Ф. — III: 189
Трепавлов В.В. — I: 299, 300, 301, 325, 334; IV: 459
Трёпов В.Ф. — II: 713, 728
Триннингэм Дж. — I: 499
Трифонова В.Д. — IV: 465
Троицкая Т.Н. — I: 120; IV: 459
Троцкий Л.Д. — I: 72; IV: 459
Трош Ида — IV:77
Трощинский Д. — III: 554
Трубачёв О.Н. — I: 126, 247; IV: 462
Трубецкой Н.С. — I: 523; IV: 459
Трубецкой С. — II: 742
Трубецкой Ю.П. — I: 683
Трубников — II: 762
Трупчи Сайде — IV:72
Трупчу Сервер — III: 696, 697, 758, 871
Туварчиев Х.А. — IV: 183
Туган-Барановский (Туган-мирза Барановский) Д.И. — III: 20, 68, 75
Тугдамме — I: 105,
Туглук-Тимур — I: 300
ТудорянуН.Л. — II: 553, 726, 727; IV: 459
Тузов А. — III: 751; IV: 459
Тукаев Ш.Х. — II: 773; IV: 394
Тук-Бука — I: 266
Тук-Тимур — I: 298
Тулев Абди — III: 141
Тулеев Керим — III: 141
Тулеев Сеид Ислям — III: 141
Тулик-Тимур — I: 275
Тулут-Кутлук — I: 300,
Тульчинский Г.Л. — I: 30; IV: 359
Туманский П.М. — III: 708, 788
Тункина И.В. — IV: 459
Туман-бег — I: 464
Тумаркин Д.Д. — II: 898
Тунманн И.Э. — I: 199, 212, 260, 297, 532, 534, 536, 554, 561, 564; IV: 394
Туоминен Арво — III: 448
Тургенев И.С. — II: 554, 794
Туренев Рефат — IV: 486
Туренева Лейля — IV: 486
Турк — I: 519
Турк-Осман — III: 552
Турксанф — I: 180
Турупчи Омер Джелил — III: 141
Турхан-султан — I: 638
Тугунжиев В. — IV: 283
Тухмис-эмир Сеид — I: 548
Тучанский П.Л. — I: 343, 318; IV: 459
Тушин Ю.П. — I: 709; IV: 460
Тыглиянц П.К. — IV: 412
Тыновский — III: 315
Тынчеров Р. — III: 564, 770
Тынчеров Талят — IV: 117
Тынчеров Халил — II: 877
Тынчерова — III: 737
Тыртыр Джафер — IV: 106
Тышкевич С.Л. — I: 596
Тэйлор Ч. — III: 430
Тюленев И. — IV: 148
Тютчев Ф.И. — II: 582, 583, 588; IV: 460
Тю-тю — II: 226
Тяпкин В.М. — II: 80, 95, 296; IV: 394
У. Б. (Усеин Боданинский?) — III: 76
Уайлдер Т. — I: 566
Уваров П. — IV: 199
Узан-Тимур — I: 266
Узбек — I: 253, 273, 275, 276, 284, 287, 288, 357, 373,
Уильямс Б.Г. — IV: 145
Уйшунь, род — I: 267
Украинцев Е.И. — I: 636, 691, 692, 733
Улан (Улановы), бейский род — II: 388
Уланов Адиль — III: 562
Уланов Амет — III: 562
Уланов Асан-мурза — III: 117
Уланов Ильяс — III: 562
Улановы, род — II: 388; III: 562
Улисс (см. Одиссей)
Улугбек — I: 559, 627; II: 304
Улунян А.А. — II: 445, 447; IV: 460
Улу-Мехмед — I: 309
Улу-Мухаммед-хан — I: 309

Улькюсал Мюстеджип Фазыл — II: 223, 224, 225, 359, 389, 850; III: 119, 123, 126, 383, 391, 525, 533, 645; IV: 90–92, 212, 225, 227, 460
Ульрика Элеонора Шведская — I: 716
Ульфила (Вульфила) — I: 174, 181, 182–184, 198, 200, 291
Ульянов Д.И. — III: 76, 160
Уляницкий В.А — II: 350, 351, 376; IV: 460
Уманец А. — II: 449, 480; IV: 460
Умер С. — III: 138
Умер Юнус — III: 665
Умер Хатидже (см. Умерова Хатидже)
Умеров, партийный работник — III: 696
Умеров, чекист — III: 683
Умеров, житель Шуры — IV: 73, 124, 306
Умеров Абти — III: 598
Умеров Али — IV: 117
Умеров Б.У. — III: 497, 596
Умеров Бекир — III: 510
Умеров Джафер — IV: 79
Умеров И. — III: 88
Умеров Ильми — I: 16
Умеров Мамут — III: 691
Умеров Рустем — IV: 489
Умеров С.Я. — III: 500
Умеров Сеами — III: 141
Умеров Сеит-Ваап — III: 663
Умеров Сеит-Мамбет — III: 603
Умеров Халиль — III: 689
Умеров Ягья Бекир — III: 343
Умерова Азиме — IV: 80
Умерова Васфие — IV: 254
Умерова Хатидже — III: 775, 777
Унила — I: 184
Уорман Р. — II: 342
Уотт М.У. — I: 339
Уппан Халил — III: 694
Ураз-Алиев Батай — III: 682
Урак — II: 360
Урановский Я. — II: 739, 764, 770; IV: 460
Уран-Тимур — I: 302
Урият — III: 372
Урланис Б.Ц. — II: 577, 583; IV: 460
Урлюк Эвмер — I: 402
Урманов М. — III: 88
Урсалиев Мензаат — III: 682
Урсу Д.П. — II: 173, 384, 385, 387, 663, 664, 690, 691, 697, 715, 730, 754, 757, 767, 769, 785, 786, 804; IV: 460
Усеин, хан — I: 571
Усеин Аджи Вели — III: 163
Усеин Аджи Эмир — III: 517
Усеин-заде Асан — III: 859
Усеин Максут — III: 605
Усеин Эмир — III: 776
Усеинов — III: 543
Усеинов А. — IV: 37, 282, 460
Усеинов Али алушт — IV: 72
Усеинов Азиз — IV: 82, 263, 486
Усеинов Амет — IV: 275
Усеинов Асан — IV: 186 , 460, 481
Усеинов Бекир — IV: 276
Усеинов Кемаль — IV: 394
Усеинов Кязим — III: 684, 689, 784; IV: 263, 490
Усеинов Кязим Эмир — III: 776
Усеинов Нафе — IV: 263
Усеинов Р. — III: 600; IV: 211, 460
Усеинов Сеитмемет — IV: 271
Усеинов С.М — I: 292; II: 107, 290; IV: 460, 463
Усеинов Ф. — III: 776; IV: 182, 460
Усеинов Ферат — IV: 185, 197
Усеинова Сабе — III: 750; IV: 176, 485, 486
Усеинова Саиде — III: 775, 776
Усеинова Шефика — IV: 272
Усеинова Эдие — IV: 296
Усеинова (урожд. Аблякимова) Эмине — IV: 189
Усетинов Умер — III: 603
Усманов М.А. — I: 277; IV: 460,
Усманова Айше — IV: 486
Усов С.А. — II: 641, 680, 681; III: 219, 224, 290, 291, 539, 540; IV: 460
Успенский Б.А. — I: 30
Успенский Г.И. — II: 300, 534; IV: 460
Уссубеков М. — II: 782
Устафаев Шефердин — III: 357
Устрялов Н.В. — III: 758
Устрялов Н.С. — I: 72 — IV: 460
Утёсов И. — III: 416; IV: 460
Уткин А. — IV: 19
Ушаков В.А. — II: 66; IV: 446
Ушаков И.У. — III: 663, 692
Ушаков С.М. — I: 620
Ушаков Ф.Ф. — II: 490
Ушаков-Поскочин М.В. — III: 277
Фабрис Ф. Э. фон — I: 768
Фадеев А.М — II: 512 — IV: 394
Фадеев П.А. — IV: 391

Фадеев Р.А. — **II**: 702
Фадеева Т.М. — **I**: 102, 108, 338; **IV**: 460
Фазиль Искандер — **III**: 3
Фазыл Неджип Аджи — **IV**: 225
Фазыл (Фазылов) Риза — **II**: 218, 219, 459; **IV**: 460
Фазыл Сулейман — **III**: 561
Фаизов — **III**: 563
Фаизов Куртумер — **IV**: 35
Фаизов С.Ф. (*Фаиз С.*) — **I**: 219, 519, 660, 665, 667, 683 — **IV**: 461
Фаизов Э.З. — **II**: 551, 785
Фаизхани Хусаин — **II**: 803, 804
Файнберг — **III**: 164
Файзи — **III**: 680
Файк Абдулла Абдураман. — **III**: 138, 142
Файк Билял Эмир Усеин — **III**: 141
Факидов Абдулла Курт-Бекир-огълу — **III**: 478, 479
Факидов Афуз — **III**: 518
Факидов Джафер Курт-Бекир-огълу — **III**: 478, 479
Факидов Ибраим — **III**: 478
Факидов Ириш — **III**: 478
Факидов Мустафа Джафер-огълу — **III**: 479
Факидов Садык — **III**: 478
Факидова Айше Джафер-къызы — **III**: 478
Факидова Зера — **III**: 478
Факидова Назифе Джафер-къызы — **III**: 479
Факидова Нурие — **III**: 478
Факидова Хатидже — **III**: 478
Факидовы, группа семей — **III**: 478, 479
Факие — **IV**: 200
Фалькенхорст — **III**: 166
Фанталов А. — **III**: 216
Фаня — **IV**: 191
Фаос (*лит.*) — **I**: 115
Фарбей А. — **IV**: 415
Фарбер А. — **III**: 41
Фаридуллин Аттор — **I**: 502
Фарнак — **I**: 147, 162, 164; **IV**: 367
ал-Фариси Салман — **II**: 169
*Фарфоровский С.*В. — **I**: 786
Фасмер М. — **I**: 89, 157, 206, 247, 314; **II**: 191, 206; **IV**: 312, 158; **IV**: 461
Фатиев Юнус — **IV**: 71
Фахретдинов (Фахретдин) Р.Ф — **IV**: 461
Фахри А.М. — **IV**: 200
Фахри Мехмед — **I**: 503
Фахрутдинов Р. — **I**: 337, 372; **IV**: 461
Фахры И. — **IV**: 72, 170, 461
Фахтуллин — **IV**: 105
Фаццарди А. — **II**: 87
Федоренко Н. — **IV**: 467
Федоренко Ф. — **IV**: 136
Федорченко О. — **IV**: 236
Федорчук А. — **IV**: 440
Федотов В.А. — **II**: 551, 752, 753, 757, 904; **III**: 399; **IV**: 461
Федотов Г.П. — **I**: 68, 71, **II**: 428; **III**: 221, 355, 358, 394, 412, 469, 623, 654; **IV**: 191, 461
Федотов О.П. — **II**: 45; **IV**: 461
Федотова Г.И.; **II**: 45; **IV**: 461
Федько И.Ф. — **III**: 23, 172, 229
Фезля Оглу Мемет — **II**: 624
Фейгин Э. — **IV**: 461
Фейзи Мустафа — **II**: 239
Фейзулла (Фейзуллах)-эфенди — **II**: 455
Фейн (вероятно, Фальцфейн Ф.Э.) — **III**: 679
Фельгенгауэр П. — **IV**: 8
Фельдман — **III**: 230
Фельштинский Ю.Г. — **IV**: 387
Фемида (*миф.*) — **III**:
Фенш А.С. — **II**: 422, 468
Феодор Иоаннович — **I**: 564, 609
Феодосий, игумен — **I**: 25
Феодосий I — **I**: 180
Феофано Музалон — **I**: 245
Фердинанд I — **I**: 198,
Ферран — **I**: 382, 415417, 551; **IV**: 394
Фесслер — **II**: 525
Фетиев Якуб Ваап — **III**: 44
Фетислямов А. — **III**: 780
Фетх-Гирей I (Фети) — **I**: 419, 530, 622, 680; **IV**: 318
Фетх-Гирей II — **I**: 799, 820, 822, 825, 842, 857; **IV**: 319
Фетх-Гирей, калга — **I**: 611, 613, 615, 616, 617, 620
Фетх-Чобан-Гирей, калга — **I**: 680
Фефер Ицик (Исаак Соломонович) — **III**: 318
Фехли Али — **III**: 259
Фёдоров — **III**: 188
Фёдорова А. — **III**: 259; **IV**: 461
Фёдорова Ф.А. — **II**: 61, 69, 148, 246, 292; **IV**: 394, 461

Фёдоров-Давыдов Г.А. — **I**: 405, 518; **IV**: 461
Фив, св. — **I**: 238
Фиески Лодизио — **I**: 327
Физули Мустафа Сулейман-оглу — **II**: 223
Физули Челеби — **II**: 292
Филарете А. — **II**: 64
Филатов Н.А., партийный инструктор — **III**: 526
Филатов Н., корреспондент — **III**: 402, 403
Филимер — **I**: 173
Филимонов С.Б. — **IV**: 161, 461
Филин А.П. — **I**: 209
Филин П. — **II**: 593
Филипп II Испанский — **I**:
Филипп IV Испанский — **I**: 671
Филиппов А.Н. — **IV**: 478
Филоненко В.И. — **II**: 306, 648; **IV**: 385
Философов — **II**: 668
Филосторгий — **I**: 181, 185; **IV**: 493
Филюшкин А.И. — **I**: 426, 597, 598, 607; **IV**: 462
Финогенов Б.Л. — **III**: 436; **IV**: 462
Фирдевс Исмаил Керим-огълу (*Керимджанов*) — **II**: 742, 743, 780, 782, 791, 892, 929; **III**: 6, 38, 39, 40, 52, 53, 77, 130, 138, 266, 334, 335, 337, 491, 492, 493, 526–530; **IV**: 462
Фирдауси М. — **II**: 326; **IV**: 462
Фирсов Л.В. — **I**: 116, 180; **IV**: 462
Фитрат А. — **II**: 803
Фицпатрик Ш. — **III**: 416, 448, 649; **IV**: 462
Флавий — **I**: 123
Флеминг Я.Х. — **I**: 768
Флоренский П.А. — **III**: 848
Флоровский Г.В. — **I**: 64
Флоря Б.Н. — **I**: 622, 623, 624, 625; **II**: 622, 623, 624, 625, 626; **IV**: 462
Фляйшман Г. — **IV**: 88
Фоант (*миф.*) — **I**: 113
Фок ф. — **II**: 549
Фокин П.М. — **IV**: 167
Фольбаум М.А. — **II**: 852
Фома Аквинский — **I**: 496
Фомин В.М. — **IV**: 392
Форстенбахер В. — **IV**: 97
Фолкнер — **I**: 832
Фолкнер У. — **I**: 7
Фонвизин Д.И. — **II**: 66
Форманчук А.А. — **III**: 79, 529;– **IV**: 409
Формозов А.А. — **I**: 95
Фофанова В.Б. — **IV**: 426
Фравит — **I**: 185
Франк С.Л. — **I**: 46 — **IV**: 462
Франко И. — **I**: 865
Франц Иосиф II Лихтенштейнский — **IV**: 223
Франциск Ассизский — **I**: 496
Фрауэнфельд А.Э. — **IV**: 46–53, 79
Фребе Р. — **IV**: 123
Фрегоза Бартоломео — **I**: 327
Фредерик III Датский — **I**: 660, 667
Фредрик I Шведский — **I**: 840
Фрезинский Б.Я. — **III**: 781; **IV**: 462
Фрейд З. — **II**: 330; **IV**: 4, 312
Фрей — **III**: 354
Френкель Я.И. — **III**: 164
Фридберг В.И. — **III**: 518
Фридман Я.В. — **III**: 766; **IV**: 462
Фридрих II Гогенцоллерн (Великий) — **I**: 846, 848, 849; **II**: 391
Фридрих II Гогенштауфен — **I**: 381, 382, 385, 386
Фридрих III Габсбург — **I**: 661
Фридрих-Вильгельм Бранденбургский — **I**: 661, 662
Фрик — **IV**: 28
Фролов — **III**: 29
Фролов Э.Д. — **IV**: 435
Фролов-Багреев А.Ф. — **III**: 173
Фромм Э. — **II**: 432
Фроянов П.Я. — **IV**: 435
Фрумкин М. — **III**: 438
Фрухт Л.М. — **II**: 100; **IV**: 462
Фрэзер Д.Д. — **I**: 88, 96, 115, 169; **IV**: 462
ФундуклулуМехмед — **I**: 688, 696, 718, 722
Фукидид — **II**: 226
Функ Т. — **I**: 770
Футерфас Г.М. — **III**: 449
Фыстыкчи Сеитабдулла — **IV**: 72
Хабибуюк Усеин — **III**: 360, 604
Хавен П. фон — **I**: 819, 820; **IV**: 394
Хагани Ширвани — **II**: 224
Хаген М. фон — **II**: 522; **IV**: 462
ал-Хадж Джап Тимур-бей — **II**: 233
Хаджаметов Эбу-Талиб — **III**: 851
Хаджи-бей бин-Хасан Крыми — **I**: 289
Хаджи-Гирей I — **I**: 301–309, 318, 341, 381, 382, 385, 427, 519, 592; **II**: 165, 232, 234, 237, 847; **IV**: 317, 370

Хаджи-Гирей II — I: 558 — IV: 319
Хаджи Али-эфенди — II: 915
Хаджи-Ахмед — I: 680
Хаджи-Мурат — II: 482
Хаджи Мустафа — III: 651
эль-Хаджи-Мухаммед — I: 275
Хаджи-Мухаммед эль-Къырыми (см. Сенаи)
Хаджи Омер-оглы Исаак — III: 142
Хаджи Сеит-Умер — III: 867
Хаджи-Селим-Гирей — II: 628
Хадидже (Хатидже) (*коранич.*) — II: 318
Хадидже-хатун — I: 541
Хадича — IV: 200
Хазанов А.М. — IV: 463
Хазрети-Умер Али — IV: 420
Хайбулла Муждаба — III: 679
Хайбуллаев Иззет — IV: 117
Хайдан-ага — I: 616
Хайдер-Девлет-хан — IV: 317, 319
Хайек Ф.А. — I: 490, 508, 510, 513 — III: 73, 464, 537, 625 — IV: 463
Хайр Нуман Абдул — III: 848
Хайрединов Ибраим — III: 777
Хайреддинов Мухтар — III: 730,
Хайрединов Мухтар — III: 473
Хайрединова — III: 450
Хайретдинов М. — III: 44
Хайри (Хайри Османович Эмир-заде) — III: 743, 773
Хайри Абибулла — III: 35
Хайри Сервер — III: 35
Хайри-заде (Хейри-заде) — II: 230
Хайрлаева (ур. Халилова) Нурие — IV: 190, 285, 291
Хайруддинов М.А. — II: 107, 290; IV: 463
Хайруллаев Иззет — IV: 116, 130
Хайсер Джафер — III: 693
Хайсеров Амет — III: 137, 465, 473, 514, 517, 518, 527, 762, 763
Хайсеров Вели Эмир Сали — III: 142
Хайсеров Мустафа Эмир Сали — III: 142
Хайт — III: 354
Хайт М. — III: 17
Хайты Февзие — IV: 204
Хайшев — III: 343
Хаким Р. — I: 524; II: 477; IV: 463
Халач К.А. — III: 41
Халаяджи Амет — IV: 72
Халаяджи Эбазер — IV: 72
Халаяджи Эмир — IV: 72
Халикова Зульфие — IV: 177, 268
Халил, бей — I: 563
Халил Али — III: 473
Халил Кёкмен-ага — III: 588
Халил-оглы Али– II: 221
Халилов Вели — IV: 463, 483
Халилов Джемиль — IV: 130
Халилов Меджит — IV: 194
Халилов Мустафа — IV: 271
Халилов Н. — IV: 72, 73, 74, 463
Халилов Н.С. — IV: 490
Халилов Таир — IV: 264
Халилов Ш.У. — I: 527
Халилов Шейх-Якуб — II: 867
Халилов Энвер — IV: 482
Халилова Алие — IV: 198
Халилова Фатьма — IV: 263
Халилова Шеревдже Насибе — IV: 182
Халиль Сабрия (в замуж. Ибраимова) — III: 693
Халиль Эсма — III: 693
Халиль-эфенди — II:357
Халим Гирей-султан (Гирай-султан) — I: 356, 503, 574, 591, 604, 606, 609, 610, 611, 623, 629, 680, 682, 680, 693, 731, 748, 753, 802, 803, 818, 821, 823, 824, 847, 848, 851; II: 234; IV: 319
Халимов С. — III: 204, 452, 541; IV: 463
Халимова Капие — III: 450
Халип И. — IV: 6, 463
Халитов Ибраим — IV: 489
Халлер Ф. — III: 245
Хамахар Куртвели — IV: 200
Хамди Герай-бай — III: 138, 142
Хамзин А. — I: 502
Хамзин К. — III: 335
Хамитова Н.Г. — III: 500
Ханацкий К.В. — I: 112, 239, 517, 634; II: 55, 64, 77, 78, 79, 163, 174, 273, 288, 400, 452, 488, 497, 516, 517, 574, 600, 638, 641, 644, 681; IV: 463
Хандро К. — II: 444
Ханенко М.С. — I: 635, 681
Ханин Г.И. — IV: 463
Ханкишиев С. — II: 188
Хансен А.-М. — IV: 489
Хантингтон С. — II: 279
Харакчи Эмир-Асан — III: 443
Харитонова Л.Н. — I: 284, 285; IV: 463
Харт Г. — II: 59, 277; IV: 463
Хартакаев Фазыл — IV: 79

Хартахай Феоктист — II: 285, 292, 293, 298, 308, 395, 398, 409, 410, 414, 446, 518, 553, 561, 578, 628; II: 364, 365, 368, 369; IV: 463
Хартман — IV: 123
Харузин А.Н. — I: 124, 201; IV: 463
Харшута Мустафа — III: 197
Хасан-паша — I: 626
Хасан-эфенди, великий муфтий — I: 708
Хасан-эфенди, шейх — I: 503
Хасанов Осман — IV: 101
Хатаи Исмаил — II: 224
Хатидже-ханум из Албата — IV: 202
Хатип-заде Абляким — III: 473
Хаттат — III: 175
Хаттатов Ибраим — II: 909
Хаттатов Сеит Джелил (Сеитджелил) Усеин — II: 779, 863, 868, 869, 870, 872, 873, 878, 907, 910, 913, 917, 919; III: 81, 82, 117, 123, 124, 128, 129, 131, 133, 136, 138, 209, 471, 473, 497, 697
Хаупт В. — IV: 19
Хафизе-хатун — I: 570
Хачатуров — III: 773
Хачатурян Н.А. — I: 482, 487; IV: 463
Хачим Ф.И. — II: 769; IV: 463
Хаяли Асан — III: 692
Хаяли Р.И. — II: 808, 831, 871; III: 81, 111, 120, 122–124, 131, 135, 137, 138, 532, 607, 873; IV: 258, 260, 261, 272, 280, 281, 286, 463
Хаялиев — III: 689
ал-Хваризми — I: 316
Хворостинин Ф.Я. — I: 613
Хвостов А.Н. — II: 789
Хевролина В.М. — IV: 448
Хелл Омира де — II: 212, 213
Хензель В. — I: 448; IV: 464
Хентик — IV: 92
Хепкен — I: 840
Херварт Ханс фон — IV: 44
Хетум Синопский — IV: 369
Хильми (Ильми) Аким Ариф — II: 912, 917; III: 82, 138, 142
Хильми А.Х. — III: 58, 85, 758
Хисматулин А.А. — I: 281, 486; IV: 464
Хитрово И.С. — I: 683, 686
Хитрово Я.Т. — I: 686
Хитцель Ф — I: 498, . — II: 331; IV: 464
Хитшлер К. — IV: 98
Хлебников В. — III: 653
Хлевов А.А. — I: 190, 191; IV: 464
Хмельницкий Б. — I: 444, 456, 638, 639, 641–648, 649, 654–657, 659, 664, 667, 702, 732, 779; II: 224, 231
Хмельницкий Т. — I: 641
Хмельницкий Ю. — I: 669, 688, 689
Хобсбаум Э. — II: 694, 730; IV: 464
Хованский П.И. — I: 686, 689
Ходасевич В.Ф. — I: 48
Ходжа-Али-бек — I: 300
Ходжа Насреддин (*лит.*) — I: 219, 226
Ходжа Юсуф-паша — II: 438
Ходжаметов Эбулатыб — III: 859
Ходжаев Н. — III: 819
Ходжаев Файзулла — II: 803; III: 873
Ходжайов Т.К. — I: 158, 262; IV: 410
Ходжатай — I: 589
Ходжаш, караимский род — III: 502
Ходжаш Исаак — III: 502
Ходжи Исмаил — II: 875
Ходжи Синан ибн-Абдул Меннан — I: 388, 410,– II: 78, 80, 88; III: 713, 794, 845; IV: 466
Ходырева Г.В. — I: 690
Хозя Кокос — I: 318
Хойзинга Й. — I: 351
Хольмстон-Смысловский Б. — IV: 223
Хомяков А. — III: 428; IV: 464
Хомяков А.С. — II: 693, 751
Хорват И.И. — II: 504
Хормач И.А. — IV: 448
Хорошкевич А.Л. — I: 563; IV: 464
Хорунжий Ю. — IV: 416
Хоскинг Дж. — I: 57, 59, 77; III: 328, 424, 673; IV: 464
Хоткевич Г. — IV: 416
Хоттон-Рике М - IV: 92
Храпунов И.Н. — IV: 401
Хрептович-Бутенева О.А. — IV: 180, 464
Хрисанф, патриарх — I: 743
Христофоров — III: 158
Христофорова О. — II: 294; III: 382, 395; IV: 464
Хрулёв С.А. — II: 587, 592
Хубилай — I: 90
Худяков М.Г. — I: 590, 33; IV: 464
Хулагу — I: 90
Хункалов Ахмет-бей (Амет-бей) — II: 470, 476, 602
Хурасан Мурат — III: 593
Хурбедин Ахтотай — III: 777

Хурреми-челеби Акай-эфенди — II: 234
Хуршут — III: 764
Хуршут Айше — IV: 279
Хуршут Осман — IV: 279
Хуршут Э. — I: 502
Хуршутов А.Р. — IV: 487, 488
аль-Хусейн Амин — IV: 108, 109
Хусейн-агъа Эль-Каги — I: 548
Хусейн-паша — I: 623
Хусейн-эд-дин Чобан — I: 234
Хусейнов — II: 804
Хутмерова Альмешерфе — IV: 202
Хуюмджи Усеин — IV: 106
Хюбнер — II: 539
Хюсеин-эфенди Кефеви — II: 230
Хюсни (Хусни) Абдураман Сеид Асан — II: 782
Хюсню Хусаин — II: 798
Цаликов А. — I: 637
Царевская Т.В. — III: 295, 318, 319, 505, 510; IV: 464
Цветаева Г.А. — I: 163, 164, 166, 168, 171; IV: 464
Цветков В. — III: 6, 91; IV: 464
Цветкова Б.А. — I: 434
Цепин С. — III: 495; IV: 464
Церен Дондук — I: 782, 787
Ципко А.С. — II: 693, 923; III: 362, 591; IV: 465
Ципфер А. — III: 508, 509
Цицерон — II: 296
Цул Георгий — I: 152
Цюрюмов А.В. — I: 790
Ч - в — III: 344
Чаадаев П.Я. — II: 694
Чабан-Гирей — II: 748,
Чабур Осман-оглу — II: 676
Чаган Рустем — IV: 106
Чагар Б.А. — III: 384, 387, 432, 518, 584, 664, 696, 697, 757
Чагатай — I: 90
Чаев — III: 798
Чайлак — III: 598
Чайлак Рефат — IV: 179, 271
Чалаев — III: 361
Чалбаш С.-Х. — IV: 485
Чалбаш У. — IV: 433
Чалбаш Х. — IV: 433
Чалков Сейдамет — IV: 72
Чанта учит — III: 689
Чапек К. — I: 32
Чапчакчи Халиль Селамет-оглу — II: 867, 869, 871, 881; III: 82, 119, 128, 131, 130, 133, 138, 142, 209, 471, 473, 497, 744, 756; IV: 465
Чапчакчи Хатидже — IV: 131
Чарковский — III: 83
Чарльз, принц — III: 800
Чарнецкий С. — I: 662
Чарторыйский А. — II: 612
Чарухов Ридван — IV: 488
Чатал Веде — III: 867
Чауш — III: 360, 858; IV: 426, 441, 446, 465
Чауш Мустафа Абдураман — III: 138, 142
Чачарова Орие — IV: 270
Чачи Абдулла Мустафаевич — IV: 485, 489
Чачи Мустафа — IV: 73
Чачи Сейдулла-ага — IV: 214, 489
Чебанова А.В. — IV: 465
Чеботарёва В.Г. — III: 82, 294, 296, 297, 299, 300, 302, 304, 526; IV: 465
Че Гевара — III: 490
Чеглок А. — I: 812, 824; IV: 465
Чекаев — IV: 167
Чекалаева З.А. — IV: 485
Челеби (Челебиевы), род — III: 563
Челеби, кизилташское семейство — III: 599
Челеби Джихан Нуман (Номан) — II: 782, 850, 857, 863, 864, 869, 870, 878, 879, 880, 882, 886, 887, 889, 893, 894, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 919, 929; III: 9, 10, 17, 21, 30, 35, 50, 74, 116, 119, 122, 353, 767, 779; IV: 376
Челеби Каяли — II: 472
Челеби Маамет — I: 564
Челеби Сеит-Халил — III: 795
Челеби Селями — II: 472
Челеби Эвлия — I: 175, 236, 271, 275, 290, 291, 302, 317, 347, 353, 427, 457, 465, 500, 501, 527, 541, 551, 556, 655, 669, 670, 698, 851; II: 27, 55, 58, 59, 60, 61, 67, 70, 77, 7879, 90, 82, 84, 86, 90, 91, 92, 94, 95, 123, 124, 132, 135, 144, 149, 150, 151, 154, 157, 166, 176, 189, 192, 202, 206, 213, 216, 227, 230, 234, 246, 264, 271, 286, 292, 463, 469, 472, 473, 474, 475, 478, 558; III: 769; IV: 371, 395, 417, 418
Челебиджан Сеит-Халил — III: 851
Челебиев — II: 767

Челебиев Ариф — III: 604
Челебиев Ариф-Мемет –III: 50
Челебиев Батал — III: 444; IV: 82
Челебиева Эмине — III: 557
Челык Дервиш — III: 163
Челышев Ю.Б. — IV: 420
Чемерисский А. — III: 303
Чепурина П.Я. — II: 88, 161; IV: 465
Червонная С.М. — I: 318, 357, 373, 386; II: 164, 698, 803, 816, 915; III: 438, 715, 795, 796, 130; IV: 170, 180, 283, 465
Чергеев (Чергей) Асан — II: 782
Чередниченко Н.Н. — I: 106; IV: 465
Черепахин М.А. — IV: 464
Черкашин Г.А. — II: 384; IV: 465
Черкез, партиз — IV: 284
Черкез Мемет-ага — II: 546
Черкез-Али Айдер — IV: 484
Черкезова Э. — III: 439, 715, 746; IV: 465
Черкес, владелец именья — I: 145
Черкес, учитель — III: 764
Черкес Аким — III: 574
Черкес К. — III: 663
Черкес (Черкез) Юсуф-паша — I: 723
Черненко М. — IV: 85
Чернецов Н.Г. — IV:
Чернин — III: 52
Чернобай И.Г. — II: 128; IV: 465
Чернов — II: 521, 852
Чернов В. — IV: 236, 465
Чернов-Тертёбин — IV: 226
Черных Е.Н. — I: 100
Чернышевский Н.Г. — I: 54; II: 583, 584, 604; IV: 465
Чернышёв Е.И. — IV: 465
Чернышёв З.Г. — II: 636
Чернышёва Е.В. — I: 637
Черняев П.В. — IV: 17
Черняевский А.О. — II: 803
Чехов А.П. — II: 844
Черчилль У. — III: 537, 554; IV: 218, 220, 221, 223, 224
Чешмеджи — III: 346, 350
Чижова Л.В. — IV: 410
Чийгоз Айше — IV: 171
Чийгоз Алие — IV: 171
Чикоташ Сеит-Абла — III: 610
Чилингир, семейство — III: 599
Чингиз-Хан Г.Д. — II: 690
Чингизиды, династия — I: 89, 90–92, 228, 264, 266, 284, 285, 300–302, 304, 315, 316, 333, 345, 373, 512, 519, 520, 524, 532, 535, 554, 556, 572, 617, 621, 647, 858; II: 231, 264, 368
Чингис-хан (Чингиз-хан) — I: 89, 90, 227, 228, 234, 266, 272, 276, 283, 284, 298, 302, 304, 332, 334, 337, 338, 516, 519, 520, 522, 523, 547, 548, 610, 617, 843, 863; II: 356, 448
Чирва И.С. — II: 895; IV: 446
Чиркова Е.А. — IV: 448
Чистякова Е.В. — I: 674; IV: 466
Чичерин Б.Н. — II: 732
Чичерин Г.В. — III: 210, 296, 309, 718
Чкалов В.П. — III: 659
Чобан Абибулла –IV: 72
Чобан Ата — I: 499
Чобан-азис — II: 267
Чобан-Гирей, род — I: 680
Чобан-Заде Бекир — II: 226; III: 128, 133, 136, 143, 209, 215, 285, 448, 497, 690, 753, 755, 756, 757, 769, 770, 779, 782, 783, 785; IV: 466
Чобанов — III: 468
Чобанов Мамеди — I: 16
Чагар (Чогар) Билял — III: 384, 387, 432, 518, 584, 664, 696, 697, 757
Чокре-хан — IV: 317
Чолак Ибрагим Ариф — III: 514, 515, 517, 518, 525, 527
Чолакова Анифе — III: 773
Чолбаш Сулейман — III: 517
Чолпух Иззет — IV: 95, 99
Чомай Осман — IV: 72
Чонов Е. — I: 781, 824; IV: 466
Чора Батыр (*лит.*) — II: 217, 219, 799
Чоргун, род — I: 267,
Чореф М. — I: 224; IV: 466
Чорлулу Али-паша — I: 559, 560, 731, 734, 741
Чорман — IV: 100
Чорман Нафе — IV: 72
Чуб М. — IV: 136
Чубаров А. — I: 701
Чубаров Рефат — IV: 174, 183, 466
Чубукчи — II: 717
Чугин В.И. — II: 132, 244; IV: 466
Чуднов М. — II: 921, 927; IV: 466
Чуев С.Г. — IV: 466
Чуйкевич В. — I: 732
Чули (урожд. Базарлы) Рукие — IV: 170, 179, 200

Чумандрин А.Ф. — IV: 314
Чунгуров — III: 674
Чураков А. — IV: 41, 119
Чурлу М. — II: 54, 160, 161; IV: 466
Чурносов К. — IV: 634
Чукончи, род — I: 267
Шабаев Махсуд — IV: 72
Шабан-бей, азовский дефтердар — I: 662
Шабан-бей, кази-керменский дефтердар — I: 701
Шабанов В.В. — III: 608 — IV: 466
Шабанов Нусрет — III: 773
Шабанов Эльдар — IV: 487, 488
Шабанова П. — IV: 279
Шавшин В.Г. — II: 444, 449; IV: 466
Шагап Сеитмемет — IV: 72
Шагин-Гирей I (Шан-Гирей) — I: 353 — IV: 318
Шагин-Гирей II — I: 19; II: 225, 345, 347, 348, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 364, 365, 366, 368, 374, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 384, 385, 387, 411, 416, 443, 449, 457; IV: 320, 347, 351,
Шагин-Гирей, калга Мехмед-Гирея III — I: 622–627, 646, 650
Шагин-Гирей, калга Девлет-Гирея II — I: 716
Шагин-Гирей-султан — I: 503
Шагин-Тимур-мирза — I: 548
Шагпаз (Шахпаз)-ага — IV: 330, 331
Шади-бек — IV: 317
Шадрин — IV: 159
Ша-Ислам — I: 342
Шакир Миэддин — II: 912
Шаліна К.І. — III: 600; IV: 466
Шальбург Кристиан Фредерик фон — III: 191
Шальваров — III: 689
Шаманаев Ислям Газы — II: 601
Шамиль — II: 608
Шамиль, братья — III: 268
Шамиль Алядин — III: 745 — IV: 402
Шамир И. — II: 133; IV: 466
Шамко Е.Н. — II: 902
Шампи — II: 664
Шампи Мария — II: 664, 666
Шапилов А. — I: 607
Шапира Д. — IV: 440
Шаповалов — III: 617
Шаповалов А. — II: 78; IV: 466
Шапошник В.В. — I: 836
Шарафуддинов Д.Р. — IV: 393
Шарков В.В. — IV: 466
Шаскольский И.П. — I: 15
Шатилов П — II: 10, 12, 15, 100, 110, 130, 151, 157, 166, 175, 210, 208, 253, 279, 295, 304, 305, 502, 543, 672; IV: 466
Шаули М. — IV: 7, 466
Шафаревич И.Р. — IV: 466
аш-Шафи Мухаммад — I: 556
Шафир Я. — III: 93, 94, 188; IV: 466
Шафиров П.П. — I: 752, 753, 755, 758, 764–766, 768–770, 830
Шах-Али — I: 568, 591
Шахбаз (Шагпаз)-бей — IV: 330, 331
Шахбаз (Шегбаз)-Гирей — I: 503 — II: 232, 234, 460
Шацкий — III: 354
Шашко И. — IV: 466
Шварц — III: 355
Швединов Е.М. — IV: 405
Шведов С. — IIIV: 423
Швейк (*лит.*) — I: 23
Швейцер А. — II: 564
Шверник Н.М. — IV: 281
Шебальский П.К. — II: 432, 435, 496; IV: 446
Шевелев Е.П. — II: 95, 130; IV: 446
Шевкиев Февзи — IV: 55
Шевченко І. — II: 793; IV: 446
Шейдак — I: 311
Шейнберг — III: 355
Шейх-Авлияр — I: 568
Шейх-Ахмед — II: 803
Шейх Веби — III: 745
Шейх Ибрагим-эфенди — II: 237
Шейх-Мамбет Арт-Мамбет — III: 860
Шейх-Умер Багиш — III: 449
Шейх Хаджи Абдул-Керим — III: 570
Шейх Хасан Басри — I: 502
Шейх Шибли — I: 502
Шейх-заде Абдулмеджит — III: 861
Шекель Ф. — IV: 40
Шеленга В. — IV: 213
Шемшетдин Зекерья — III: 851
Шемьи-заде А. — II: 763, 876
Шемьи-заде Айдын — IV: 15
Шемьи-заде Эреджеп — IV: 281
Шемьи-заде Эшреф — III: 727, 770
Шемякин Я.Г. — IV: 467
Шередега — IV: 167

Шереметев Б.П. — I: 437, 749, 769, 781, 821
Шереметев В.Б. — I: 516, 669
Шериф Аблязиз — III: 346
Шериф Осман — III: 569
Шерфедин Алим — III: 471
Шерфедин Дженгазы — III: 781
Шерфединов — III: 786
Шерфединов Руслан — II: 476 — III: 170
Шерфединов Яя — II: 219, 669, 742; III: 695, 696, 743, 773; IV: 226, 467
Шерфетдин Абляким — III: 851
Шестаков — IV: 167
Шестаков Н. — IV: 24
Шеф В. — III: 210
Шефи — II: 225
Шефкиев Февзи — IV: 55, 486
Шибицкая-Смольская А.М. — IV: 308, 467
Шиваров Н.Х. — IV: 311
Шигим — I: 568
Шиллер Г. — II: 306
Шиллер И.Ф. — IV: 50
Шиллинг Н.Н. — III: 81, 82, 86, 87
Шильдер Н.К. — II: 428
Шинкевич Мустафа — IV: 90
Ширин, род — I: 573; II: 233, 346, 380, 767
Ширин Али-шах — I: 548
Ширин-беи — III: 557, 563; IV: 317
Ширин-бей — IV: 330, 331
Ширин-бей Исмаил — II: 346, 355, 388,
Ширин-бей Кель-Мамет — I: 663
Ширин Каплан-мирза — I: 548
Ширин Мемиш-бей — I: 572
Ширин Мубарек-Шахмурза — I: 548
Ширин Мурад-шах — I: 548
Ширин Тогай-бей — I: 641, 642, 648
Ширин Тухмис-эмир — I: 548
Ширин Хасан-Бетмур– I: 548
Ширин Эльшаги-калга — I: 548
Ширинская — II: 208
Ширинская Фатиме — III: 557
Ширинский А. — III: 117
Ширинский А.М. — II: 768
Ширинский Али-Мурат-огълу — III: 563
Ширинский Али-мурза — II: 470
Ширинский Аппаз — II: 782, 863, 881, 911
Ширинский Арслан-шах-мурза — II: 546
Ширинский Атай-мурза — II: 546
Ширинский Гуссейн-мирза — II: 417
Ширинский Калыршах-бей — II: 478
Ширинский Курт-мурза — II: 682
Ширинский Мамбет-мурза– II: 546
Ширинский Мегмет-паша — II: 484
Ширинский Мегметша — II: 546
Ширинский Мердим-шах-мурза — II: 546
Ширинский Мехмет-шах — II: 490
Ширинский Осман-мирза (Асман-мирза) — I: 611
Ширинский Селямет-мурза — III: 117
Ширинский Селямет Сулейманович — III: 563
Шир-Мердун (Шереметев) — I: 592
Широкорад А.В. — I: 802, 825; IV: 467
Ширяев Н.А. — III: 871
Шифаи Омер — II: 238
Шиханович Ф. — III: 38, 678
Шичи (*лит.*) — III: 728
Шишкин В.А. — III: 477; IV: 467
Шишкина О. — II: 48, 49, 191, 314; IV: 385
Шишман — II: 840
Шишман Ибрагим — I: 686
Шишова И.А. — I: 15; IV: 420
Шкаратан О.П. — III: 721; IV: 446
Шкурлятев — I: 588
Шкуро А.Г. — III: 80
Шмаков С.Г. — III: 33, 35, 37
Шмелёв И.С. — II: 547; III: 56, 107, 154, 163, 162, 165, 166, 167, 175, 177, 194, 198, 199, 389, 397; IV: 467
Шмелёв С.И. — III: 162
Шмелёв Н.П. — III: 285
Шмеман И. — I: 51
Шмидт — IV: 254
Шмидт О.Ю. — III: 659
Шмыгалёв Я. — IV: 199
Шнейдер — III: 86
Шнейдер Д.С. — II: 429, 430, 449; IV: 467
Шолкин — III: 355
Шоломзин — III: 355
Шолохов М.А. — III: 631, 647
Шостак В. — IV: 448
Шоу Б. — I: 497,
Шпан Садык — III: 517
Шпенглер О. — I: 263, 265, 268, 270, 430, 786, 787; II: 41, 923; IV: 467
Шпигель К.Л. фон — I: 820
Шполянская — III: 354
Шреве — IV: 70
Штакельберг А. — II: 108, 117, 467
Штакеншнейдер Е.А. — II: 497, 583, 584; IV: 467

Штамбок А.А. — I: 138; IV: 467
Штейнбах Е.М. — III: 678; IV: 467
Штейнберг Е. — III: 477
Штейнберг И. — III: 33
Штендман Г.Ф. — IV: 390
Штерн Э.Н. — IV: 392
Штернберг Л. — II: 732, 735, 736, 753, 801, 833, 834; IV: 467
Штефан — I: 326
Штольц (*лит.*) — I: 53
Штраух А.Н. — II: 585; IV: 467
Штурман Д. — III: 394; IV: 467
Шугу Э.Б. — III: 301, 561
Шукри Амет — II: 782
Шукуров Ш.М. — III: 761
Шуленбург Ф.В. фон — IV: 7, 43, 44, 92
Шулензон — III: 355
Шулик — IV: 90
Шульгин В.В. — II: 777; III: 94
Шульгин В.Н. — III: 753
Шульпин И.С. — III: 481 — IV:
Шульц П.Н. — I: 103, 116, 119, 123, 124, 240; IV: 467
Шульце-Гаттерман — IV: 66
Шумин Асан — III: 680
Шумов С. — I: 735
Шумпетер Й.А. — II: 537
Шумский В.М. — IV: 433
Шуранова Е.Н. — III: 569; IV: 468
Шурка- бандит — III: 103
Шутов Ю.И. — II: 69; IV: 430
Шутой В.Е. — I: 724, 733; IV: 468
Шухмуратов — III: 419
Шухмуратова — III: 419
Шушарин Д. — I: 48
Щапов С.С. — II: 592; IV: 468
Щеглов А.Н. — I: 113, 119, 178, 371; IV: 468
Щеглов И.П. — I: 786, 799
Щеколдин С.Г. — IV: 37
Щенятев — I: 588
Щепетов В.А. — IV: 468
Щепинский А.А. (*Щепіньский А.О.*) — I: 96, 100, 106, 110, 111, 122, 163; IV: 468
Щепкин С.П. — II: 143
Щербаков М. — II: 427, 490, 570, 677, 723, 725, 728; IV: 468
Щербань Н. — II: 635, 636, 640, 653, 659; IV: 468
Щербатов М.А. — I: 613
Щербина Ф.А. — I: 635; IV: 468
Щербинин Е.А. — II: 348, 349, 352
Штукин А. — IV: 467
Щукарь (*лит.*) — III: 463
Эбазер Теймаз — IV: 111
Эбасанов Асан — IV: 490
Эбасанов Осман Асанович — IV: 278, 433, 482
Эбелов М.И. — II: 865
Эбу-Бекир — I: 323
Эбубекир Мехмед — I: 356
Эбу-с-Саид — I: 814
Эбюль-Фетх-Газы-хан — IV: 318
Эварницкий Д.И. — I: 395, 444, 562, 734; IV: 468
Эвлия Челеби ибн-Мехмед Зилли Дервиш (см. Челеби Эвлия.)
Эгеде Х. — II: 564
Эген Осман-паша — I: 697
Эдиб — I: 860
Эдиге — I: 289; II: 219, 230, 712
Эдиге Аймелек — IV: 93
Эдилерские, род — III: 563
Эдип-эфенди — I: 642
Эйдас М. — II: 661
Эйзенбраун Т.Д. — III: 500
Эйнем — II: 840
Эйнштейн А. — I: 270
Эко У. — I: 700 — II: 352, 422; IV: 468
Эктон Лорд Дж. — III: 565
Элемиев Умер — III: 610
Элиман Ф. — II: 269
Эльвединов Виктор — IV: 72
Эльмурза (Эль-Мурзах-мурза) — IV: 330
Эльфенгрен Георгий (Юрье) — III: 48
Эль-Шериф Муса — III: 797
Элюль Ж. — I: 384
Эмекдар Бекир-эфенди — II: 820
Эмин-Гирей, сын Сафы-Гирея I — I: 441, 454
Эмин-Гирей, сын Сахиб-Гирея I — I: 585, 588, 589
Эминек — I: 311, 312, 318, 319
Эмин Мехмед — II: 830
Эминов, симферопольский функционер — III: 617
Эминов, житель Ялты — III: 692
Эминов Амит — III: 604
Эминов Руслан — I: 15; III: 349; — IV: 482, 483, 484, 490
Эмир — IV: 279
Эмир Аджи Абибулла — III: 517, 681

Эмир Асан — III: 867
Эмир Джемиль-Молла — III: 574
Эмир Усеин Аджи — III: 517
Эмир Усеин Асан — II: 741
Эмир Хаджи Исмаил — III: 404
Эмирали Сейдамет — II: 883
Эмирвалиев Н. — IV: 291
Эмиров, работник горсовета Бахчисарая — III: 689
Эмиров, предс. сельсовета — III: 569
Эмиров, карасубазарский функционер — III: 689
Эмиров Абдул Кадыр — III: 851
Эмиров Азис — III: 562
Эмиров Айдер Решатович — I: 18; IV: 489
Эмиров Решат — IV: 486
Эмирова Адиле Меметовна — I: 17; III: 384; IV: 419, 468
Эмирова Лутфие — IV: 486
Эмировы, род — II: 388, 469
Эмир-Сале Осман — III: 50
Эмирсеитов Сеит-Вели — III: 605
Эммин Мехмет — II: 794
Эмурзаков Аджередин — III: 561
Энвер Паша — III: 835
Энгель М. — III: 31
Энгельс Ф. — I: 107; II: 434, 435, 577, 580, 581, 586; IV: 382, 439
Энделл Р.Т. — II: 595
Эннан Аджи Мустафа — III: 284
Эннан Мемет — III: 163
Эннан Шамиль — III: 569
Эннодий — I: 213
Эпифаний — I: 185 — IV: 435
Эр А. — IV: 468
Эрбе Ж.Ф.Ж — II: 594; IV: 435
Эрден А.Ф. — IV: 90
Эреджеп, чиновник — IV: 72
Эреджеп Мустафа — III: 688
Эреджепова Сабрие — IV: 279, 281
Эренбург И.Г. — IV: 135, 468
Эркилет (Эркелет) Х.Э. — IV: 90
Эрмамбет Катибе — III: 603
Эр-мирза — II: 378
Эрист Н.Л. — III: 695, 735, 793
Эррио Э. — III: 651
Эртогмаз-хан см. Таш-Тимур
Эсатов А. — III: 370
Эсатов Идрис — III: 604
Эсени-бей Мансур — I: 607
Эсмедляев Акки Амет — III: 142
Эсхил — I: 104
Эттингер С. — IV: 468
Эфендиев Абдураим см. Сюкюти А.
Эфляки — I: 498
Эшмирза Карт — III: 779
Эшреф Асан — IV: 100
Эюп из Кадиш-Сарая — IV: 259
Эюп-оджа — II: 810
Эюпов Веис — IV: 259, 260
Эюпова Арфие — IV: 259, 260
Эюпова Зульфие — IV: 260
Эюпова Лютфие — IV: 260
Эюпова Эльфие — IV: 260
Югов А. — II: 265, 703; IV: 468
Югош Р.Н. — I: 848
Юденков А.Ф. — IV: 33, 36, 38, 422
Юдифь (*библ.*) — I: 102
Юзефович Т. — II: 454; IV: 385
Юзефович Я. — I: 632
Юлдуз-хан Могульский — I: 519
Юлий Цезарь — I: 147
Юль Юст. — I: 748, 749, 750, 752; IV: 395
Юнаков И.Л. — IV: 385
Юнг К.Г. — IV: 248, 468
Юнус Эмре — I: 501
Юнусов Мидат — IV: 82, 202, 484
Юнусов Т. — III: 340
Юнусов Ш.Э. — III: 723, 755; IV: 468
Юнусова Ресмие — IV: 482
Юпитер (*миф.*) — I: 172
Юргали-эфенди — I: 729
Юрий II — I: 420
Юрий Долгорукий — I: 420
Юрочкин В.Ю. — IV: 430, 468
Юртэр Ф.Р. — IV: 271, 468
Юрченко П. — IV: 388
Юрченко С.В. — IV: 410, 444
Юстин II — I: 152, 191
Юстиниан I — I: 152, 186, 191; IV: 368
Юсупов К. — IV: 485
Юсупов Ф.Ф. — II: 165, 698
Юсуповы, княжеский род — III: 183
Юсуф (*лит.*) — I: 230, 231, 356
Юсуф, очаковский паша — I: 670, 722
Юсуф-бей — III: 255
Юсуф-паша, бендерский сераскир — I: 728, 729, 731, 741, 760, 769
Юсуф Паша, великий визирь — IV: 352
Юсуф-паша, силистрийский сераскир — I: 772
Юсуф Якуб — III: 371

Юсуфов Абдураман — IV: 485
Юсуфов Эмирхан — IV: 117, 132
Юхан III Шведский — I: 612, 726
Яблонский Л.Т. — I: 131, 222; IV: 416, 469
Ябулганов А.А. — I: 788
Яворский Дж. — I: 343
Ягеллоны, династия — I: 326, 330, 599
Ягода Г.Г. — III: 134, 140, 425, 602
Ягья Асан — III: 50
Ягья-оглу Амет — II: 624
Ядыкин В.И. — I: 208; IV: 469
Языджи Усеин — III: 694
Языджи Ф. — IV: 489
Яйях Осман — IV: 184
Якименко Б.Г. — II: 68
Якир И.Э — III: 186, 239, .
Якобсон А.Л. — II: 425; IV: 469
Яковенко И. — I: 27, 43, 65; IV: 469
Яковлев — IV: 230
Яковлев А. — III: 551, 654, 657; IV: 469
Яковлев А.А. — I: 756
Яковлев В.А. — II: 550, 555, 557; IV: 469
Яковлев Н. — III: 759
Яковлев П. — I: 734
Яковлев Я. — III: 361, 457; IV: 469
Якуб — III: 604
Якуб-ага (в православии Яков Рудзевич) — II: 379
Якуб-ага, староста Коккоз — IV: 101
Якуб Сале — II: 663, 664, 665
Якуб Конийский — I: 501
Якуб Энан — III: 260
Якубов — III: 278
Якубова Диляра — I: 19
Якубова Шефика — IV: 260
Якубовский А.Ю. — IV: 417
Якуша Ротастенький (*лит.*) — III: 463
Якушкин И. — III: 753
Якушева А. — IV: 285
Яламас Д.А. — I: 721
Ямгурчи-Гирей — I: 325
Ямпольский П.Р. — IV: 116
Ян II Казимир — I: 423, 644, 645, 646, 656, 657, 662
Ян-Ахмет-Челеби — I: 619
Ян Собеский — I: 683, 686, 687, 786
Янници Ф. — II: 445
Янов А.Л. — II: 701, 705, 751, 752; IV: 469
Яновский В.К. — III: 745
Яновский Ю.И. — I: 69
Янсон Ю. — II: 655; IV: 469
Янус *(мифол.)* — III: 413
Янушевич Э.В. — I: 100, 117, 148; IV: 469
Янушко — I: 342
Яны Ибрам — IV: 106
Япиев — III: 500
Яремчук В.Д. — IV: 300
Яр-Мухамедов — III: 786
Яров-Равский — II: 747
Ярославский Е.М. — III: 139
Яртубашев Якуб — IV: 279
Яртубашева Эдае — IV: 279
Ярцева В.Н. — I: 206 — IV: 469
Ярышевский Я. — I: 608
Яфис — I: 519
Яхонтов А.Н. — II: 772
Яхшиян О.Ю. — II: 492; IV: 469
Яхья, медик — II: 704
Яшлав (Яшлавские), род; — III: 558, 563, 564. См. также род Сулеш (Сулешевы)
Яшлавская А. — IV: 79, 469
Яшлавская (Ибрагимова) Алифе — IV: 482, 490
Яшлавская Гульнар — IV: 82
Яшлавская Динара — III: 565
Яшлавская Нияр — III: 565; IV: 262, 485, 486
Яшлавские, братья — II: 867
Яшлавский Адыль — III: 565
Яшлавский Джафер — III: 564
Яшлавский Мансур — III: 564
Яшлавский Ильяс — III: 565
Яшлавский Сервер — III: 565
Яшлавский Шах-мурза-бей — IV: 439
Ящик Т.К. — IV: 395
Ящуржинский Х. — IV: 469

Adam V. — II: 796 — IV: 469
Adelung I.Ch. — I: 199, 200; IV: 469
Adlerfeldt C. — I: 736; IV: 469
Allworth E. — IV: 469
Ambros A.A. — I: 488; II: 287 — IV: 470
Ammende E. — IV: 470
Anderson T.H. — IV: 221
Andersson L. — IV: 465
Andrews D. — I: 242 — IV: 470
Anonym — I: 348, 489; IV: 395
Ascherson N. — IV: 45, 55, 118, 155; IV: 470
Backman S. — I: 728; IV: 470
Baert Ch. — IV: 470
Baert-Ducholant C. — I: 349, 852, 855; II: 79; IV: 395

Bagger H. — I: 779, 829; IV: 470
Balabanoff A. — III: 153
Bark S. — IV: 396
Barker W.B — II: 118, 199, 200, 212, 245, 272, 273, 278, 291, 292, 304; IV: 470
Barkley J. — II: 647
Baumgart W. — II: 898
Beattle D. — IV: 223
Beauplet — I: 413, 445, 476; II: 100, 104, 121, 255; IV: 497
Becattini F. — I: 261; II: 75, 99, 142, 295, 282, 286, 406, 413; IV: 470
Beck I. — I: 377; IV: 476
Behr A. von — II: 507; IV: 395
Benningsen A. — IV: 470
Benton F. Thompson — III: 622
Benz E. — I: 37; IV: 470
Berg F. — II: 683, 684; IV: 396
Bergstedt E. — IV: 396
Berindei V. — I: 776; IV: 470
Besse J.Ch. de — II: 122, 210, 255, 277, 298, 611; IV: 396
Boor C., de. — I: 184; IV: 396
Bossoli C. — IV: 396
Brandes D. — II: 574, 656, 729; IV: 396
Braun F. — I: 196, 200, 203; IV: 470
Broby-Johansen R. — I: 412; II: 23; IV: 470
Brockhaus F.A. — IV: 470
Brower D. — II: 555, 852; IV: 470
Brunner S. — I: 376; II: 22, 153, 155, 256, 284, 480, 750; IV: 396
Buchan Telfer J.A. — II: 277, 304, 862
Bury J. — I: 218
Büsching A.F. — I: 199, 525, 534, 550; II: 13, 91, 121, 136, 148, 180, 254, 256, 261, 283; IV: 397, 471
Butland G.W.T. — I: 443; II: 176; IV: 471
Cahen C. — I: 337; IV: 471
Campenhausen — II: 97, 153, 248; IV: 396
Canale M.G. — I: 406, 407, 810, 815; IV: 471
Cantemir D. — I: 742
Carlson E. — I: 716, 737; IV: 471
Castelnau G. de — I: 699; II: 206; IV: 471
Chevallier I.B. le — II: 410, 412, 451; IV: 396
Ciobanu V. — I: 737, 763; IV: 471
Clarke, E.D. — I: 8, 377; II: 61, 64, 69, 72, 80, 103, 107, 131, 133, 138, 144, 174186, 212, 215, 249, 256, 262, 278, 281, 283287, 332, 333, 338, 351, 370, 393, 401, 406, 409, 410, 413, 414, 416, 421, 431, 501, 524, 531; IV: 471
Connermann S. — II: 343, 358, 377, 382; IV:471
Craven — II: 31, 44, 57, 62, 125, 181, 195, 276, 316; IV: 396
Curtis W.E. — I: 365; II: 58, 698; IV: 396
Dallin A. — IV: 88, 108, 109, 110; IV: 471
Dankoff R. — I: 236; IV: 471
Davidson B. — I: 258; IV: 471
Demand A. — II: 56, 62; IV: 471
Dlujnevskaya G.V. — I: 294; IV:471
Doroszewska U. — IV: 241; IV: 471
Droysen J.G. — I: 363 — IV: 471
Duboi de Montpéreus F. — IV: 471
Eck O. — I: 440; IV: 471
Engelhardt Moritz von — II: 121, 131, 137, 145, 149, 154, 155, 254, 276, 285, 299, 508, 535; IV: 471
Engerman S.L. — I: 436
Englund P. — I: 737, 738; IV: 471
Ernst N.K. — I: 426, 428, 433; IV: 471
Fabrice, Le Baron de — I: 738, 746; IV: 396
Famin C. — I: 110, 115; II: 19, 278, 283, 315; IV: 472
Feldman J. — I: 768
Fenton R. — II: 117, 412, 592, 607; IV: 396
Fevret — IV: 472
Findeisen J-P. — I: 736
Fisher A.W. — I: 263, 431; IV: 472
Fleischhauer I. — IV: 42, 472
Frauenfeld A.E. — IV: 35, 46, 47, 49, 51, 53, 56, 472
Frieseman H. — II: 80, 91, 92; IV: 396
Fück J. — I: 435; IV: 472
Gerner K. — IV: 472
Gihaut — II: 301
Globe P.V. — I: 189
Goebel F. — II: 125, 150; IV: 396
Golan G. — IV: 148; IV: 472
Golubovich G. — I: 231; IV: 472
Gordon A. — I: 785 — IV: 396
Gordon P. — I: 693, 697, 707; IV: 396
Grimm A.T. — I: 359, 372; II: 100, 102, 104, 124, 125, 186, 226, 248, 254, 264, 277, 297; IV: 396
Grønvik O. — I: 363 — IV: 472
Haberkern E. — I: 322, 523; II: 351; IV: 472
Hagelstam W. — II: 559, 707; IV: 396
Halem G.A. — I: 811, 816; II: 139; IV: 472
Hammer J. — IV: 472
Hammer-Purgstall J. — I: 303, 321, 332, 519, 528, 572, 610, 610, 618, 698, 737; IV: 396

Harnack A. — **I**: 181; **IV**: 472
Harris G. — **IV**: 149; **IV**: 472
Haven P. v. — **II**: 100; **IV**: 396
Haxthausen A., Freiherr von — **I**: 31, 334, 415, 483, 522, 527, 532, 536, 545, 550, 565, 560; **II**: 31, 55, 72, 85, 107, 155, 174, 192, 199, 256, 262, 286, 463, 569; **IV**: 472
Hellie R. — **I**: 438
Henderson E. — **II**: 263; **IV**: 472
Herbert U. — **IV**: 78, 79, 81, 86; **IV**: 472
Herlitz N. — **I**: 728; **IV**: 472
Hermelin O. — **IV**: 396
Hildemeier M. — **IV**: 473
Hoffschläger F. — **II**: 38, 103, 108, 257, 295431, 536, 286
Holderness M. — **II**: 16, 98, 100, 107, 111, 112, 116, 144, 146–148, 150, 157, 158, 181, 191–195, 205, 209, 244, 246, 271, 288, 316, 317, 319, 415, 499, 502, 504, 523, 528, 536, 537, 551
Hommaire de Hell — **II**: 81, 407, 410, 411, 461, 500, 556, 557, 565; **IV**: 396
Høst G. — **I**: 184 — **IV**: 473
Hurmuzaki E. — **I**: 757; **IV**: 473
Hutchings R. — **IV**: 473
Isik H.H. — **II**: 312, 313, 318; **IV**: 473
Ivanics M. — **I**: 431, 432, 440, 455, 463, 623, 661, 662, 671; **II**: 195, 239; **IV**: 473
İnalcık H. — **II**: 182; **IV**: 473
Jasny N. — **IV**: 473
Jäger B. — **II**:108, 255, 320, 502; **IV**: 397
Jensen B. — **I**: 66; **IV**: 473
Jones G.M. — **I**: 442; **II**: 13, 36, 46, 100, 103, 108, 111, 135, 150, 192, 210, 278, 316, 319, 409, 536, 550, 551, 565; **IV**: 397
Jorga N. — **I**: 744, 746; **IV**: 473
Jung C.G. — **IV**: 473
Kakuk Z. — **II**: 719, 861; **IV**: 397
Kantemir D. — **IV**: 473
Kappeler A. — **II**: 443, 444, 453; **IV**: 473
Karayandi F. — **II**: 748; **IV**: 473
Kardis V. — **II**: 372; **IV**: 473
Kefevi I. — **I**: 842, 843, 844; **IV**: 397
Kern, A. — **I**: 229; **IV**: 473
Khodarkovsky M. — **I**: 787, 790; **IV**: 473
King Ch. — **I**: 213, 315, 480, 818; **II**: 11, 108, 109, 110, 123, 136, 138, 148, 179, 186, 189, 189, 210, 271, 388, 403, 457, 500, 512; **IV**: 473
Kırımal E.M. — **IV**: 66, 81, 88, 95, 99, 108, 110, 216; **IV**: 474
Kırımlı H — **I**: 294 — **IV**:471
Klein H.S. — **I**: 436
Klein K.K. — **I**: 183; **IV**: 474
Klinkowström O. — **I**: 738 — **IV**: 481
Koch K. — **II**: 59, 118, 201, 278, 304, 320, 400, 414, 539; **IV**: 397
Kohl J.G. — **II**: 28, 31, 32, 74, 82, 124, 179, 194, 196, 198, 206, 255, 283, 284, 314, 396, 465, 521, 552; **III**: — **IV**: 397
Kolodziejczyk D. — **I**: 682,
Koromila M. — **I**: 371; **IV**: 474
Korpela J. — **I**: 441; **IV**: 474
Kosmeli — **II**: 60, 64, 102, 105, 181, 421; **IV**: 397
Kraemer J. — **I**: *359;* **IV**: 474
Kurat A.N. — **I**: 601, 602, 603, 727, 738, 746, 750, 753, 754, 757–759; **IV**: 474
Lagerberg S. — **I**: 199, 465, 466, 735, 739, 742, 747, 748, 751, 752, 754, 760, 764, 825; **II**: 276; **IV**: 397
Lamberty A. — **I**: 413, 445, 476; **II**: 77, 100, 104, 121, 255 — **IV**: 397
La Motraye A. de — **I**: 717; **IV**: 397
Lascy P.P. — **I**: *833;* **IV**: 397
Lazzerini E.J. — **II**: 699, 826, 828, 830, 835, 838; **IV**: 474
Lechevalier J.B. — **IV**: 474
Lemercier-Quelquejay Ch. — **IV**: 474
Lerche J.J. — **I**: 824, 625, 834, 835, 835; **II**: 95; **IV**: 397
Lewin M. — **IV**: 474
Lewis B. — **II**: 353; **IV**: 474
Lewitzkyj B. — **IV**: 474
Loewe R. — **I**: 199, 201; **IV**: 474
Lotman Ju. — **I**: 24; **IV**: 474
Luce J. de — **I**: 413, 445; **II**: 77, 121; **IV**: 3, 97
Lyall R. — **I**: 814; **II**: 31, 35, 45, 57, 72, 85, 96, 138, 225, 243, 271, 298, 406, 414, 415, 421, 489, 504, 524, 528; **IV**: 397, 474
Lynch D. — **II**: 573; **IV**: 474
Lynne V. — **IV**: 474
M.N. — **II**: 611
Massow W. von — **II**: 530; **IV**: 397
Matuz J. — **I**: 419, 423, 456, 457, 460, 525, 526, 532, 533, 540, 542, 679, 680, 770; **II**: 309; **IV**: 397
Mazal O. — **IV**: 475
Mazour A.G. — **IV**: 475
Milner T. — **I**: 451, 460, 520, 609, 621, 622, 696, 723, 801, 803, 805, 856; **II**: 58, 77, 212, 256, 270, 271, 278, 302, 304, 321, 329, 345, 389, 390, 408, 600; **IV**: 475
Montandon C.H. — **II**: 23, 82, 87, 135, 259, 277, 279, 286, 294, 299, 320, 329; **IV**: 398
Müller F. — **IV**: 474
Müller R.-D. — **IV**: 42, 43, 475
Müllern H. — **I**: 738, 739, 761; **IV**: 481
Nilsson S.A. — **I**: 728–732, 734–736, 760; **IV**: 398, 475
Nolde B. — **I**: 819; **IV**: 475
Nordberg G.A. — **I**: 731, 733, 735, 768; **IV**: 475
Nove A.B. — **III**: — **IV**: 475
Nyström P. — **IV**: 475
Obolensky D. — **IV**: 475
Olifant L. — **II**: 75, 115, 175, 215, 526, 530, 534, 573; **IV**: 475
Opitz E. — **I**: 662
Oredsson S. — **IV**: 475
Ortelius — **I**: 672; **IV**: 398
Oxenstjerna E.C.G. — **I**: 177; **IV**: 475
Öztum T. — **I**: 758; **IV**: 475
Pachimeris G. — **I**: 229; **IV**: 475
Pallas P.S. — **I**: 263, 279, 295, 399, 400; **II**:63, 113, 116, 119, 123, 125, 126, 128, 129, 137, 184, 186, 193, 412; **IV**: 475
Parrot F. — **II**: 121, 131, 137, 145; **IV**: 471
Pauly A. — **I**: 110
Pegolotti F.B. — **I**: 350, 377; **IV**: 475
Peyssonel C.Ch. — **I**: 332, 403, 534, 542, 559, 847, 848; **II**: 139, 144; **IV**: 398
Polak — **I**: 768, 769, 770; **IV**: 398
Procop — **I**: 185, 189; **IV**: 398
Raeff M. — **II**: 342, 546; **IV**: 475
Raguza — **II**: 35, 36, 404, 526, 559; **IV**: 398
Rasjid — **IV**: 398
Rasmussen K. — **IV**: 457
Rau Th. — **I**: *367*
Raupach H. — **III**: — **IV**: 475
Redlich O.– **I**: 829
Refik A. — **I**: 737; **IV**: 475
Remi F.– **II**: 11, 44, 61, 65, 72, 104, 206, 208, 209, 212, 244, 255, 270, 278, 298, 304, 329, 338, 644; **IV**: 475 .
Reuilly J. — **I**: 415; **II**: 65, 186, 196, 199, 243, 252, 264, 265, 295, 319, 323, 397; **IV**: 398
Rosen C. von — **IV**: 396
Rosenberg-Reval A. — **IV**: 475

Rosenfeldt N.E. — **IV**: 475
Rueckert H. — **IV**: 476
Rugard M. — **II**: 591, 598; **IV**: 398
Runciman C. — **I**: 743; **IV**: 476
Salomon R. — **IV**: 476
Sapsal S. — **IV**: 476
Sauppe H. — **I**: 174, 187, 198, 199; **IV**: 476
Schapiro L. — **III**: 536; **IV**: 476
Schlatter D. — **I**: 358; **II**: 258, 259, 260, 262, 275, 280, 293, 312, 334; **IV**: 398
Schlechta-Wssehrd Ottokar Freiherr von — **I**: 841, 818; **II**: 242; **IV**: 476
Schleder J.G. — **I**: 651, 652, 657, 684; **IV**: 398, 399
Schmidt–Phiseldek Ch. — **I**: 817; **IV**: 476
Schwindlin J.Ch. — **II**: 346; **IV**: 476
Scott, C.H. — **I**: 5, 864; **II**: 67, 96, 115, 134, 148, 188, 204, 312, 320, 543; **IV**: 399
Sejdamet (Seydamet) Dz. — **IV**: 476
Seres I. — **II**: 218, 861; **IV**: 476
Seymour H.D. — **II**: 60, 62, 144, 213, 257, 260, 276, 278, 282, 329, 405, 428; **IV**: 399
Shiva V. — **IV**: 476
Slezkine Yu. — **IV**: 141
Smeets R. — **IV**: 145
Soukkan T. — **I**: 212, 228, 264; **IV**: 476
Spenger E. — **I**: 852, 853, 864; **II**: 14, 89, 102, 150, 203, 207, 212, 252, 257, 261, 262, 278, 279, 285, 287, 312, 422, 423, 427, 505, 514, 530; **IV**: 399
Spuler B. — **I**: 272, 356, 460; **II**: 17, 26; **IV**: 476
Steinberg I. — **IV**: 476
Steinhard S. — **II**: 273, 510, 523, 600; **IV**: 399
Stille A. — **I**: 735, 768; **IV**: 476
Struve J. Ch. — **II**: 58, 297; **IV**: 399
Stuxberg A. — **II**: 10, 699; **IV**: 399
Sulzberger E. — **IV**: 218, 220, 230, 476
Sundhausen H. — **II**: 574, 656, 729; **IV**: 470
Suny R.G. — **IV**: 476
Sutton R. — **I**: 760; **IV**: 476
Tengberg E. — **I**: 716, 717, 752; **IV**: 476
Thieme T. — **I**: 377; **IV**: 476
Tiberg E. — **IV**: 476– **IV**: 476
Tomaschek W. — **I**: 181; **IV**: 476
Tomaschitz K. — **I**:101; **IV**: 476
Tott F. de — **I**: 528, 531, 532, 541, 548; **II**: 95, 96; **IV**: 399
Truhart P. — **I**: 230; **IV**: 476

Tzvetkov P. — **II**: 574; **IV**: 476
Ullam A.B. — **IV**: 476
Vasilyev D.D. — **I**: 294
Veinstein G. — **I**: 776; **IV**: 470
Verlinden Ch. — **I**: 231; **IV**:476
Villeneuve E. de — **IV**: 477
Villius H. — **I**: 735; **IV**: 477
Vischer M. — **I**: 806, 807, 811, 812; **IV**: 477
Wallach F. — **I**: 322, 523; **II**: 351; **IV**: 472
Weber F.-Ch. — **II**: 140; **IV**: 477
Webster J. — **II**: 84, 258, 271, 277, 289, 295, 301, 434, 560; **IV**: 399
Williams B.G. — **II**: 155, 460, 574, 647, 656, 722, 729; **IV**: 477
Willis R. — **II**: 60, 121, 136, 139, 142, 147, 176, 178, 181, 184; **IV**: 477
Witsen N. — **I**: 444; **II**: 64, 178, 264, 279, 282, 299; **IV**: 399
Woensel J. — **II**: 109, 406, 414, 506, 507; **IV**: 399
Wolf E.R. — **I**: 439; **IV**: 477
Wood E. — **II**: 587; **IV**: 477
Wrangel O. — **I**: 739, 761; **IV**: 481
Wulff W.E. — **I**: 40; **IV**: 477
Zerr J. — **I**: 108, 201; **IV**: 477
Zettersteen K.V. — **I**: 651, 652; **IV**: 477
Zinkeisen J.W. — **I**: 422, 464, 745, 792, 793, 840; **IV**: 477

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Кромлех и менгир (последний справа)
в Ботаническом саду Симферопольского университета

Крымский дольмен
(около VII в. до н. э.)

Менгир в долине Чюрук-Су

Реконструкция внешнего вида скифов, обосновавшихся в Крыму

Старейшие из надгробий эпохи Крымского ханства, Эски-Къырым

Остатки Инкерманской крепости, возведённой генуэзцами.
Художник К. Боссоли, середина XIX в.

Древние таврические амфоры, обнаруженные на мысе Тарханкут

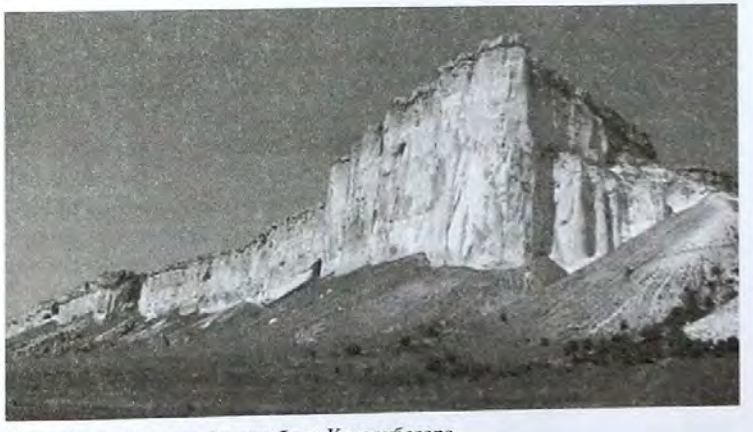
Готский вождь.
Мозаика неизвестого автора

Руины Мангуп-кале. *Художник Ж. Мивилль. 1818 г.*

Руины Арабатской крепости сегодня

Башня Сюйренской крепости, VII в.
Современный снимок

Кяризы Гёзлёва.
Современный снимок



Историческая скала Ак-кая близ Карасубазара

Крымское оружие XVI–XVII вв.

Ворота Одун-капусы (Гёзлёв) до их сноса и последующего восстановления.
Художник В. Скавронский

То же, вид со стороны центра города. *Открытка конца XIX в.*

Крепостные ворота Еникале

Один из бастионов крепости Еникале

Мавзолей Диляры-Бикеч

Эски-дюрбе.
Левобережный Бахчисарай

Наклонный вход в нижнюю часть колодца крепости Чуфут-Кале

Султан Абдул-Хамид I.
Неизвестный художник

Турчанка в ханском гареме.
Рисунок из альбома Станислава Августа, последнего польского короля

Чоргунская башня, последнее фортификационное сооружение, воздвигнутое в эпоху Крымского ханства

Гетман И. Мазепа.
Неизвестный художник

Улочка в Бахчисарае. *Художник Р. Нетовкин*

Главный вход в Хан-Сарай.
Художник Р. Нетовкин

Медаль, которой были награждены все участники Чесменской битвы 1770 г. (медальер Т. Иванов). Пожалуй, лучшее изображение Екатерины II, наиболее полно передающее её характер

Крымский кумган для омовения и медные кувшины

Князь Г.А. Потёмкин.
Неизвестный художник

Князь В.М. Долгоруков.
Художник А. Рослин

Греческие «амазонки» встречают Екатерину II в Крыму

Феодосийская мечеть Муфти-Джами (1623).
Открытка конца XIX в.

Мечеть Муфти-Джами, портик над входом

Мечеть Юхары-Джами, Алушта. Построена в 1830-х гг., в 1930-х гг. закрыта. Функционировала в 1941–1944 гг., вновь стала действующей в 1996 г.

Байдарские ворота (1848 г., архитектор К.И. Эшлиман).
На открытке конца XIX в. окно сторожки смотрителя ещё не заложено наглухо, как сейчас, поэтому ещё не нарушено зрелищное равновесие памятника

Вид Балаклавы со стороны генуэзской крепости.
Художник К. Боссоли, середина XIX в.

Кебир-Джами, Симферополь. *Открытка конца XIX в.*

Дом Бороздиных в имении Саблы
Современный снимок

Старая Феодосия. Турецкая крепость. *Открытка XIX в.*

Спальня в доме зажиточной крымскотатарской семьи.
Начало XX в. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Столовая в доме зажиточной крымскотатарской семьи.
Начало XX в. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Крымский базар. *Художник Л. Премацци (Эрмитаж)*

Крымскотатарская женщина
в праздничном наряде.
Начало XX в.
Из коллекции А.И. Терюкова

Улица в деревне Куркулет. Начало XX в.
Из коллекции А.И. Терюкова

Двор в деревне Куркулет. Начало XX в.
Из коллекции А.И. Терюкова

Маленькая печь, служащая преимущественно
для варки кофе. Начало XX в. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Крепостные стены и казематы Керчи (конец постройки – 1870-е гг.)

Мужской (слева) и женский памятники на бывшем кладбище Гурзуфа. Начало XX в. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Крымский пейзаж с саклей. *Художник Г. Кондратенко, 1910*

Вид на деревню Демирджи у подножья одноименной горы. Начало XX в. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Малолетние пастухи. Южный берег Крыма, начало XX в. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Улица в дер. Демирджи. Начало XX в. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Мечеть в дер. Демирджи.
Начало XX в.
Из коллекции
А.И. Терюкова

Южнобережный
деревенский дом.
Начало XX в.
Из коллекции
А.И. Терюкова

Кухня, она же столовая
на втором этаже
южнобережного дома.
Начало XX в.
Из коллекции
А.И. Терюкова

Спальня на втором этаже
южнобережного дома.
Начало XX в.
Из коллекции
А.И. Терюкова

Деревенские кофейни
Южного берега Крыма.
Начало XX в.
Из коллекции
А.И. Терюкова

В крымской кофейне. Начало XX в.
Из коллекции А.И. Терюкова

Рабочая комната
на первом этаже
южнобережного дома.
Начало XX в.
Из коллекции
А.И. Терюкова

Изготовление одноосной арбы. Начало XX в.
Из коллекции А.И. Терюкова

Крымскотатарский
столярный инструмент.
Начало XX в.
Из коллекции
А.И. Терюкова

Крестьяне на табачном поле.
Начало XX в.
Из коллекции А.И. Терюкова

Прополка табака. Начало XX в.
Из коллекции А.И. Терюкова

Старики-крымцы в рабочей одежде. Начало XX в. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Братья. Начало XX в.
Из коллекции А.И. Терюкова

Деревенские дети у чешмэ. Южный берег.
Начало XX в. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Мужчина и женщина с Южного берега в повседневной одежде. Начало XX в.
Из коллекции А.И. Терюкова

Вид на деревню Корбек. Начало XX в. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Улица старого Корбека. Начало XX в. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Южнобережный деревенский дом. Начало XX в. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Чабан. Начало XX в. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Отец с сыном. Начало XX в. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Деревенские дети. Начало XX в. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Проводники готовят шашлыки на Чатыр-даге. Начало XX в.
Из коллекции А.И. Терюкова

Жилой дом в старой Алуште. Начало XX в.
Из коллекции А.И. Терюкова

В ожидании рыбаков. Начало XX в.
Из коллекции А.И. Терюкова

Молодая татарка с ребёнком. Начало XX в.
Из коллекции А.И. Терюкова

Табачное поле у Корбека. Начало XX в.
Из коллекции А.И. Терюкова

Кладбище на Южном берегу. Начало XX в.
Из коллекции А.И. Терюкова

Каменный стол, на который кладут покойника перед погребальной молитвой. Южный берег. Начало XX в.
Из коллекции А.И. Терюкова

Дом зажиточного южнобережного крымца. Начало XX в.
Из коллекции А.И. Терюкова

Али Тарпи, брат муфтия Ибраима Тарпи, имам мечети бахчисарайской малле Сырлы-Чешме и член городской управы. Единомышленник Исмаила Гаспринского, по настоянию которого открыл первый в городе книжный магазин «Тефяюз». При советской власти репрессирован, умер в 1934 г.
Фото из семейного архива Анатолия Тарпи, внука имама (г. Набережные Челны)

Снимок пожилой женщины с трубкой. Степной Крым. Фото 1908 г.
Из коллекции А.И. Терюкова

Внешний вид степного дома. Фото 1908 г.
Из коллекции А.И. Терюкова

Внешний вид большого степного дома с пристройкой.
Под одной крышей находятся жилая часть и помещения для скота.
Фото 1908 г. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Улица левобережного Бахчисарая. *Художник Р. Нетовкин*

Евпатория «дотрамвайного» времени

Обнесённый сеткой навес для выращивания шелкопряда.
Деревня Шуры, начало 1920-х гг. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Ограды из дикого камня для загона скота на ночь.
Деревня Улаклы Бахчисарайского района, начало 1920-х гг.
Из коллекции А.И. Терюкова

Мечеть постройки XV в.
В 1920-х гг. – зернохранилище.
Деревня Улаклы
Бахчисарайского района.
Из коллекции А.И. Терюкова

Сарай из калыба на брусовой основе. Деревня Маркур Куйбышевского района.
Начало 1920-х гг.
Из коллекции А.И. Терюкова

Двухэтажный дом
с террасой. Бахчисарай.
Начало 1920-х гг.
Из коллекции
А.И. Терюкова

Полуразрушенная часть дома в деревне. Начало 1920-х гг.
Деревня Шуры Бахчисарайского района. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Печь в ограде близ дома.
Начало 1920-х гг.
Деревня Шуры
Бахчисарайского района.
Из коллекции
А.И. Терюкова

Колыбелька токарной работы. Деревня Шуры Бахчисарайского района. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Колхозница Саиде Ибрагимова в национальном костюме. Начало 1920-х гг. Деревня Шуры Бахчисарайского района. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Дом с нависающей частью второго этажа. Бахчисарай, 1924 г. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Задняя часть старинного брусового дома, хорошо видны наружные плахи-«пайвандлер». Бахчисарай, 1924 г. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Лощение сафьяна в кожевенной мастерской. Бахчисарай, 1924 г. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Несущие конструкции террасы кожевенной мастерской. Бахчисарай, 1924 г. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Камин с печью, частично выходящей за пределы дома. Видно окошко необычной круглой формы.
Село Озенбаш, 1924 г.
Из коллекции А.И. Терюкова

Плетёные ульи на террасе второго этажа. Село Озенбаш, 1924 г.
Из коллекции А.И. Терюкова

Летняя кузница под навесом. Горн снабжён старинными двойными мехами.
Село Озенбаш, 1924 г.
Из коллекции А.И. Терюкова

Пастух собирает деревенское стадо коз.
Село Телень, 1924 г.
Из коллекции А.И. Терюкова

Девочка в повседневной одежде.
Село Телень, 1924 г.
Из коллекции А.И. Терюкова

Наклонные жерди для сушки табака. Село Улаклы Бахчисарайского района, 1924 г. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Каменный дом на склоне горы. Село Шуры Бахчисарайского района. 1924 г. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Татарский дом в Бахчисарайском районе. В правой части снимка видны плетёные ульи — «апетки». 1924 г. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Верхний двор крестьянского дома. Дер. Пычки Бахчисарайского района. 1924 г. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Типичное селение крымского предгорья. Деревня Улаклы Бахчисарайского района. 1924 г. *Из коллекции А.И. Терюкова*

Торговые ряды гёзлёвского Катык-базара. Снесены в 1970-х гг. ради возведения уродливых многоэтажек. Успели попасть в кинофильм Г.Л. Рошаля «Вольница», где действие происходит на татарско-русской Волге, но там уже такой старины не осталось, поэтому пришлось перенести съёмки в Евпаторию. Этим неповторимым городским пейзажем можно полюбоваться и сейчас, найдя фильм в интернете

Можно сравнить эту кладку со скифской – на снимке видим вход в главную башню Неаполя-Скифского, где сходство просто бросается в глаза, хотя между первым и вторым сооружением пролегли многие столетия

Парад милиции в Евпатории 1930-х гг.

Немецкие солдаты в Судаке.
Военный снимок

Красноармейцы в освобождённой Ялте.
Снимок неизвестного советского фотографа

Горный крымско-татарский дом.
Художник Р. Нетовкин

Бахчисарайская мелодия.
Художник Р. Нетовкин

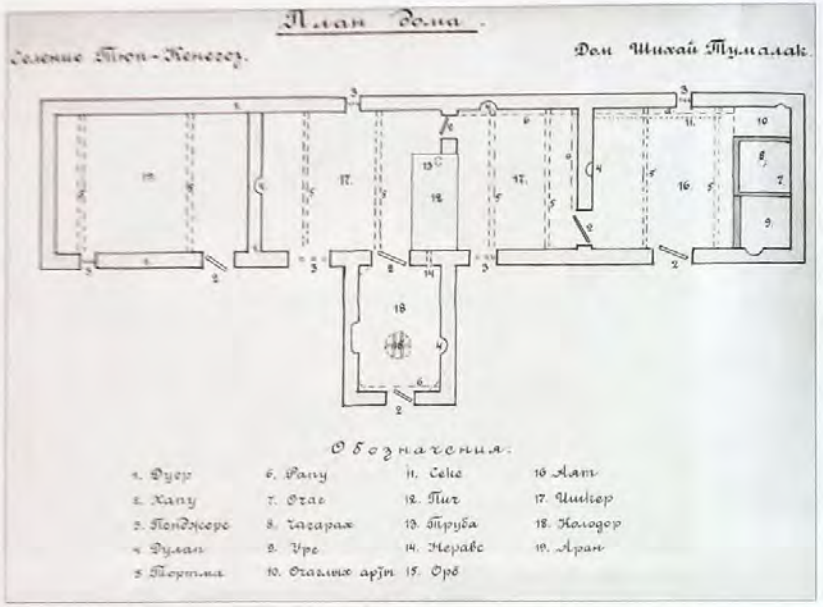
Прекрасный образец стиля южный модерн (начало XX в.): гостиница и кафе Бо Риваж, вид со стороны моря

Это же здание сегодня: вид с ул. Революции

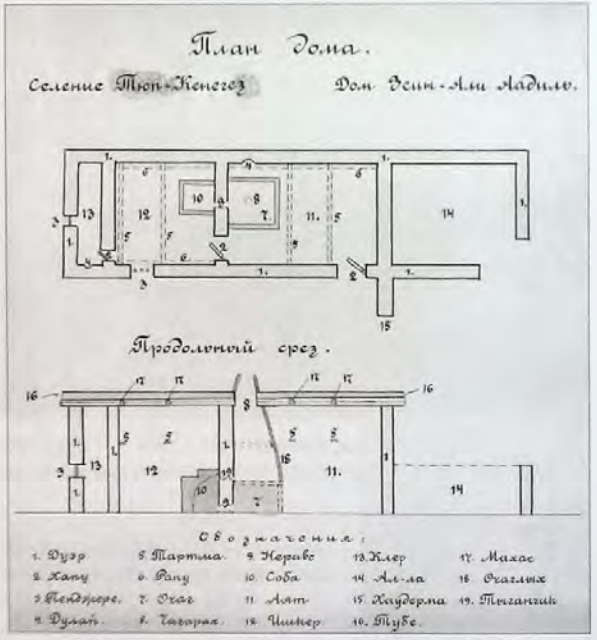
Малый минарет – единственное в Крыму сооружение такого рода (Бахчисарай). Сама мечеть не сохранилась

Кафа. *Художник К.Ф. Богаевский. 1927*

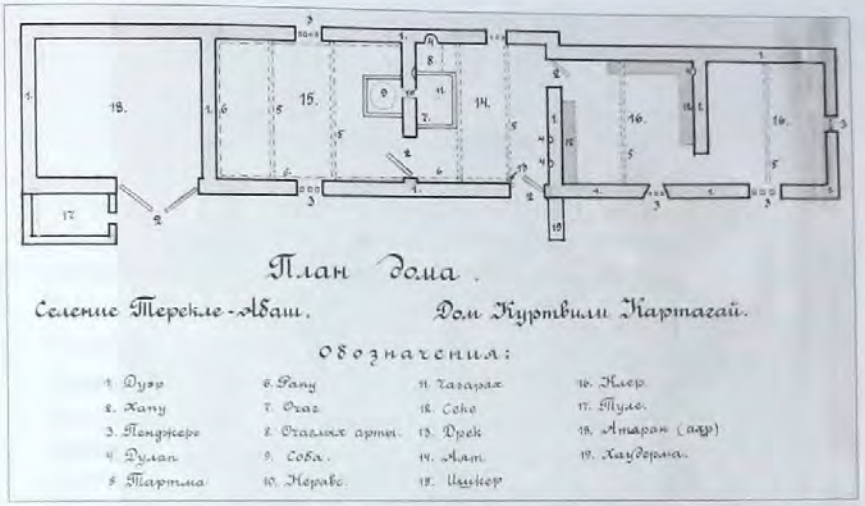
Евпаторийские тротуары, выложенные в 1950-х гг. надгробными плитами разорённых крымскотатарских, караимских и еврейских кладбищ города

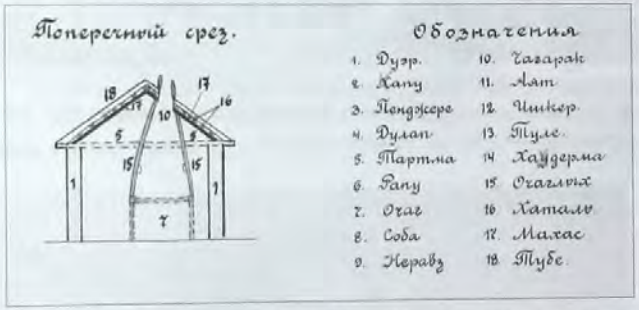


План дома Шихая Тумалака, село Тюп-Кенегез Джанкойского района. 1920-е гг. *Снимок из коллекции А.И. Терюкова*



План дома Зин-Али Аадиля, село Тюп-Кенегез Джанкойского района. 1920-е гг. *Снимок из коллекции А.И. Терюкова*





План дома Куртвили Картагая, село Терекле-Абаш Джанкойского района. 1920-е гг. *Снимок из коллекции А.И. Терюкова*

Плачевный вид тихо разрушающихся минарета и мечети гёзлёвской малле Катык-базар, а также одноименной текие, единственной сохранившейся в Крыму в первозданном виде. *Современный снимок*

Симферополь. Чудом сохранившийся уголок Акмесджита. Обращает на себя внимание старый забор – так теперь их давно уже не кладут!

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОККУПАЦИЯ

1. **Смена караула** ... 3
   а) Германское подавление боеспособности Красной армии в Крыму ... 11
   б) Советское подавление жизнеспособности крымского народа ... 29
2. **Будни оккупированного Крыма** ... 41
3. **Немецкие «колхозы»** ... 60
4. **Германские репрессии** ... 69
5. **Германские трудовые лагеря** ... 78
6. **Крымские татары — добровольцы, полицейские, партизаны, подпольщики** ... 86
   а) Зачем были нужны коллаборационисты? ... 86
   б) Крымские партизаны ... 111
   в) Как крымских татар убивали «свои» ... 117
   г) Мокроусовцы и крымскотатарская деревня ... 123
   д) Крымскотатарские подпольщики ... 130
7. **Проблема «предательства» как повода к геноциду** ... 132
8. **Оккупация и народ Крыма** ... 150

II. ДЕПОРТАЦИЯ

1. **Первые акции освободителей** ... 153
2. **Советская трудовая армия** ... 162
3. **Подготовка депортации** ... 166
4. **Накануне** ... 170
5. **Утро восемнадцатого** ... 175
6. **«А над гробом встали мародёры...» (А. Галич)** ... 185
7. **Посадка в эшелоны** ... 192
8. **Ад на колёсах** ... 197
9. **Арабатские крымцы и другие крымцы, убитые на месте потому, что они — крымцы** ... 204
10. **Судьба солдата** ... 209
11. **Депортация из-за рубежа** ... 216
    а) Как эмигрировали за рубеж ... 216
    б) Политическая подготовка репатриации (Ялтинская конференция) ... 218
    в) Практическое осуществление реэмиграции ... 224
12. **Выводы** ... 231
    а) Российская диаспора в Большом погроме ... 231

б) Сверхзадача депортации ... 236
в) Общие результаты депортации ... 242
г) Проблема геноцида ... 246

III. ССЫЛКА

1. **Подготовка «принимающей стороны»** ... 250
2. **Первые дни в ссылке** ... 252
3. **Голод** ... 255
4. **Болезни** ... 257
5. **Сироты** ... 263
6. **Узбеки** ... 265
7. **Комендантский режим** ... 277
8. **Русские Средней Азии — и не только Средней Азии** ... 283
9. **Работа, быт, горе** ... 286
10. **Северный вариант** ... 288
11. **Тем временем в Крыму...** ... 296
а) Новые люди, новый Крым ... 296
б) Счастье Петра Павленко ... 311

ПРИЛОЖЕНИЯ

Текст I. Ханы Крымского улуса (1222–1443 гг.) и ханства (1443–1783 гг.) ... 317
Текст II. Описание столицы Крымского хана Бахчисарая и ханского дворца, сделанное накануне его сожжения в 1736 г. ... 320
Текст III. Рассуждение одного Российского Патриота, о бывших с Татарами делах и войнах, и о способах, служащих к прекращению оных навсегда ... 323
Текст IV. Карасубазарский мирный договор 1773 г. ... 329
Текст V. Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. ... 333
Текст VI. Айналы-Кавакская конвенция 10 марта 1779 г. ... 345
Текст VII. Манифест Екатерины II об аннексии Крыма в 1783 г. ... 350
Текст VIII. Ясский мирный договор (эксцерпт) ... 352
Текст IX. Речь Р. Медиева в Государственной думе ... 354
Текст X. Проект Временного положения о самоуправлении крымских татар в области духовно-религиозной, культурно-просветительной и по заведованию вакуфами ... 358
Текст XI. Памятные даты истории Крыма, России и Османской империи ... 366

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивы и другие собрания источников ... 381
Опубликованные источники ... 381
Литература ... 399

Список сокращений ... 478
Расшифровка архивных фондов, авторства и наименований личных архивных дел ... 481
Российский государственный архив древних актов ... 481
Шведский государственный архив ... 481
Датский государственный архив ... 481
Отдел рукописей Российской национальной библиотеки ... 481
Опись архивной коллекции «Фонд В.Е. Возгрина» (Архив Меджлиса крымскотатарского народа, Бахчисарай) ... 481
Именной указатель ... 492
Иллюстрации ... 569

В. Е. ВОЗГРИН

ИСТОРИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР

Очерки этнической истории
коренного народа
Крыма
в четырех томах

Том IV

3-е издание, исправленное и дополненное

ООО «Къартбаба продакшн»
95049, АРК, г. Симферополь,
ул. Мамеди Эмир-Усеина, 14

Отпечатано ООО "Издательство Вперед", 297534, Россия, АР Крым,
Симферопольский район, с. Строгановка, ул. Лечебная, 1
Тел./факс: +38 (0652) 593-112, 593-148